Семён Кондратьевич Чухлебов

Автобиографический роман в двух книгах

Книга первая

Я сын батрака

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автобиографический роман писателя Семена Кондратьевича Чухлебова.

- Семен Кондратьевич Чухлебов
  - ○
  - ○ ОТ АВТОРА
  - ○ Глава первая
    - ■
    - ■ ВСТУПЛЕНИЕ
    - ■ МОЯ МАЛАЯ РОДИНА
    - ■ РОДОСЛОВНАЯ
    - ■ МОЙ РОД ПО МУЖСКОЙ ЛИНИИ ПО ФАМИЛИИ ЧУХЛИБ/ЧУХЛЕБ
    - ■ ЧУХЛЕБ ЕФИМ ВАСИЛЬЕВИЧ
    - ■ МОЯ БАБУШКА — ЧУХЛИБ ГАННА ФИЛИППОВНА (ЖЕНА ЕФИМА)
    - ■ РОДСТВЕННИКИ БАБЫ ГАННЫ
    - ■ ДЕТИ ЕФИМА И ГАННЫ ЧУХЛИБ
    - ■ ЧУХЛИБ ИВАН ЕФИМОВИЧ
    - ■ НЕСПОКОЙНОЕ ХУТОРСКОЕ ВРЕМЯ
    - ■ ЖИЗНЬ БЕЗ ИВАНА, ЖЕНИТЬБА КОНДРАТА
    - ■ ВТОРАЯ ПОПЫТКА
    - ■ НАШ ОТЕЦ ЧУХЛИБ (ЧУХЛЕБ) КОНДРАТ ЕФИМОВИЧ
    - ■ ВОЙНА
    - ■ ГРАБЁЖ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ
    - ■ ОКУПАЦИЯ
    - ■ РОКОВЫЕ ПТИЦЫ
    - ■ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВАКУУМ. ПРОРЫВ
    - ■ ЖЕРЕБЁНОК
    - ■ ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА С ВОЙНЫ
    - ■ ОХОТА НА КРЫС
    - ■ ВОЕННЫЕ ТРУДНОСТИ (РАССКАЗ ОТЦА)
    - ■ КОНТУЗИЯ
    - ■ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ, ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ
    - ■ РОД СЕМЬИ ЛАСУН
    - ■ ЛАСУН САВЕЛИЙ
    - ■ ПАСТЕЛИНА (ЖЕНА САВЕЛИЯ ЛАСУНА)
    - ■ СТАРШАЯ ДОЧЬ ЛАСУНОВ, ПРИСЬКА
    - ■ ДОЧЬ КЫЛЫНА
    - ■ СЫН, ИВАН САВЕЛЬЕВИЧ (1901–1984 годы)

- ЯКОВ, СЫН ИВАНА И ЕВДОКИИ
- ДОЧЬ ИВАНА И ЕВДОКИИ, РАИСА
- НАШИ РОДИТЕЛИ И ИХ ДЕТИ
- ЧУХЛЕБ КОНДРАТ ЕФИМОВИЧ И ЧУХЛЕБ ПЕЛАГЕЯ САВЕЛЬЕВНА, В ДЕВИЧЕСТВЕ ЛАСУН
- НАША МАМА, ПЕЛАГЕЯ САВЕЛЬЕВНА
- ДАЛЁКАЯ И ОПАСНАЯ МАМИНА ПОЕЗДКА
- НАША МАМА — БРИГАДИР
- НАША МАМА И ЗМЕИ
- ГРИШКА БАХВАЛ
- ТЯЖЕЛОБОЛЬНАЯ
- ДЕТИ КОНДРАТА И ПЕЛАГЕИ ЧУХЛЕБ СТАРШИЙ СЫН, ЧУХЛЕБ АНДРЕЙ КОНДРАТЬЕВИЧ
- ЖИЗНЬ РАНЕНОГО АНДРЕЯ ДОМА
- НАШ АНДРЕЙ И ДЕЗЕРТИР
- НАШ АНДРЕЙ — САДОВНИК
- СЫН АЛЁША
- СТАРШАЯ СЕСТРА НАТАША, НАША ВТОРАЯ МАМА
- ПРАВДА О ТОМ, КАК СЫН С НЕВЕСТКОЙ ДВАЖДЫ ОГРАБИЛИ СТАРУЮ ЖЕНЩИНУ — СВОЮ МАТЬ, А ЗАТЕМ ДОВЕЛИ ЕЁ ДО МОГИЛЫ
- СЫН, ИВАН КОНДРАТЬЕВИЧ
- ДЕЛО О РЫЖЕЙ КОБЫЛЕ
- ПОТЕРЯННЫЙ ТАБУН
- ИВАН — СВАДЕБНЫЙ КУЧЕР
- О ТОМ, КАК ИВАН ЖЕНИЛСЯ
- ДОЧЬ, ЛИДИЯ КОНДРАТЬЕВНА
- ФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ «БОГ ДАЛ, БОГ ВЗЯЛ»
- СЫН, ГРИГОРИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ
- СЫН, МИХАИЛ КОНДРАТЬЕВИЧ
- ДОЧЬ, РАИСА КОНДРАТЬЕВНА
- ДОЧЬ, ЛЮБОВЬ КОНДРАТЬЕВНА

○ Глава вторая

- От автора
- МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ — КАТЯ КИСЕЛЁВА
- В ПЕРВЫЙ КЛАСС
- МОЙ ПРАДЕД ЧУХЛИБ, ПО ПРОЗВИЩУ ГАК
- БАБКА ЯРЫЖИХА
- О ШКОЛЬНОМ ЗВОНКЕ-КОЛОКОЛЬЧИКЕ
- НАШ ДОЛГОЖДАННЫЙ ФРУКТОВЫЙ САД

- ШАРОВАЯ МОЛНИЯ
- ХУТОРСКОЙ «СКУЛЬПТОР»
- Я КАК БЫ ДЕРЖУ ЛОШАДЕЙ
- СПЛЮ В ОБНИМКУ С КОБЫЛОЙ
- ТЕЛЯТА
- ЛЕГКОВАЯ МАШИНА И ДРУГИЕ ДЕЛА
- ВЫРШОК
- «КАНФЭТА»
- «ОХОТА И ОХОТНИКИ»
- ЗАСУХА
- СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ
- НАШИ КОРОВЫ
- ГАДЮКИ
- УЧЁБА В ИПАТОВСКОЙ ШКОЛЕ НОМЕР ОДИН
- ГЕОГРАФИЯ
- ЮНОШЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА
- НЕКУЛЬТУРНЫЙ ВЕРБЛЮД
- ВЕРБЛЮЖЬИ СТРАСТИ
- СЕНОКОС
- ОХОТА НА ВОЛКОВ
- «ОХОТА НА ПРИМАНКУ»
- МОЙ ПЕРВЫЙ ТРУДОВОЙ ОПЫТ
- ДЕЛО ТАБАК
- СНОВА ИПАТОВО И ШКОЛА
- ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ
- КОНЕЦ УЧЕБНОГО ГОДА
- НОВАЯ МЕТОДИКА ЧТЕНИЯ ИВАНА МАЗЕПЫ
- МАСЛОБОЙЩИК ОДНОПОЛЧАНИН
- СТЕПНЫЕ КУРГАНЫ
- МЕЛЬНИЦА И МЕЛЬНИК
- И СНОВА ИПАТОВО И ШКОЛА
- РАБОТА В КИНОТЕАТРЕ
- НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО С ИПАТОВСКИМ БАНДИТОМ
- МОЙ ПЕРВЫЙ ПАСПОРТ
- ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ НАША ФАМИЛИЯ ЧУХЛИБ
- МОЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК
- СОРОК КИЛОМЕТРОВ С ГАКОМ ПЕШКОМ
- НОЧНАЯ ОХОТА НА РАКОВ
- МОЯ ПЕРВАЯ ОХОТА НА ЗАЙЦА
- И СНОВА РАБОТА В КИНОТЕАТРЕ
- ДИПЛОМНИКИ
- ВОСТОЧНАЯ КИНОПЕРЕДВИЖКА
- АУЛ МАЛЫЙ БАРХАНЧАК

- АУЛ БОЛЬШОЙ БАРХАНЧАК
- СЕЛО ЛИМАН. ВСТРЕЧА С НИКОЛАЕМ
- ПОСЁЛОК ДЕРБЕТОВКА И ХУТОР КОЧЕРГИНСКИЙ
- ДОМОЙ В ИПАТОВО
- ЗАПАДНАЯ КИНОПЕРЕДВИЖКА
- НЕОЖИДАННЫЕ РОДСТВЕННИКИ
- МОЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК В ДЕТСТВЕ
- СЕЛО КУГУЛЬТА
- НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА
- Я — СТРОИТЕЛЬ
- НАШИ ЖИЗНЕННЫЕ УСЛОВИЯ В СОВХОЗЕ
- ОХОТА НА САЙГАКОВ
- ВРЕДНЫЙ ГУСЬ
- ЛАКОМСТВО НАШЕГО ДЕТСТВА
- МОЯ НОВАЯ «СЕМЬЯ»
- СНОВА СОВХОЗ И РАБОТА
- СДАЧА СТРОИТЕЛЬНОГО ОБЪЕКТА
- ГОРОД СТЕПНОЙ. ШКОЛА МЕХАНИЗАЦИИ
- ТИХИЙ ХОД ЖИЗНИ В НАШЕЙ ШКОЛЕ
- Я И МАРГАРИН
- НОВЫЙ ЖИЛЕЦ
- СМЕРТЬ СТАЛИНА
- БЛАТНЫЕ
- АРЕСТ ВОЛОДИ БАВРИЛЕНКО
- НОВОЕ ОБЩЕЖИТИЕ
- УЧЁБА
- НЕОЖИДАННЫЙ «ПОВОРОТ»
- Я — ПОМОЩНИК КОМБАЙНЁРА
- СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
- ВОЛОДЯ-КУЗНЕЦ — ФОКУСНИК
- УБОРОЧНАЯ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР
- СПАСИБО МОЕМУ АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ
- У МЕНЯ НЕ ЗАБАЛУЕШЬ
- МОЙ БРАТ АНДРЕЙ — ПОЖАРНЫЙ
- НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
- СРАВНЕНИЕ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ «ПЕНАТЫ»
- ТАБУН
- НАЗЫВАЕТСЯ, ПООХОТИЛИСЬ
- НАШИ БОРЗЫЕ СОБАКИ
- ЗАЯЦ РУСАК
- ЛИСА-ОБМАНЩИЦА
- БОРЬБА ЗА СВОИ ПРАВА

- КОНЕЦ ГЕГЕМОНИИ КОРНОУХОГО ЛИСА
- ТЯЖЕЛЫ ОХОТНИЧЬИ ТРОФЕИ
- ПРИЗЫВНИКИ
- ХУТОРСКИЕ БАЙКИ
- ОПЯТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
- БРАТ МИША, ЕГО СУСЛИКИ И Я
- Я ХОЧУ РАБОТАТЬ
- РАБОТА В ЛЕСХОЗЕ
- СЕНОКОС В ЛЗС
- МОИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ХУТОРСКОЙ МОЛОДЁЖЬЮ И НЕ ТОЛЬКО
- ДЫНИ «КОЛХОЗНИЦА» И «ХАНКА»
- ПРИЗЫВ В АРМИЮ
- НЕОЖИДАННЫЙ ЛУЧИК СЧАСТЬЯ
- КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА
- ЗНАКОМСТВО С ПИТЕРСКИМИ РЕБЯТАМИ
- БАНЯ
- ВРЕДНЫЙ СТАРШИНА
- СТРЕЛЬБЫ НА ПОЛИГОНЕ
- БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ И НАША СТОЛОВАЯ
- ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ
- ПРИНЯТИЕ ПРИСЯГИ И ОТБЫТИЕ К ОСНОВНОМУ МЕСТУ СЛУЖБЫ
- «ВОЕННАЯ» ХИТРОСТЬ
- СЛАВНЫЙ ГОРОД ЧЕРНЯХОВСК
- ОСНОВНОЕ МЕСТО СЛУЖБЫ СТРАНА ПОЛЬША
- ПОХОД ЗА ЯБЛОКАМИ В ПОЛЬСКУЮ ДЕРЕВНЮ
- СТАРШИНА НАШЕЙ РОТЫ
- САХАР
- СТРЕЛЬБА ПО ВОЗДУШНЫМ ЦЕЛЯМ
- ПЕРВЫЙ РАЗ В КАРАУЛЕ
- ОСОБО ОПАСНЫЙ ПОСТ
- ДЕЖУРСТВО ПО КУХНЕ
- НОЧНАЯ ТАНКОВАЯ АТАКА
- Я КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ
- «ОХОТА» НА ДИКОГО КАБАНА
- КРУТОЙ ВИРАЖ В МОЕЙ СЛУЖБЕ
- СЛУЖБА В ДОЛЖНОСТИ СТАРШИНЫ
- НАВАЖДЕНИЕ
- БОЕВАЯ ТРЕВОГА
- ПРИВАЛ ТАНКОВОГО БАТАЛЬОНА
- ГОРОДСКОЙ РЫНОК
- ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ
- КРАЖА И ШТРАФНИКИ

- МОЙ ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР И ПЕРЕД ВЫБОРОМ
- Я КОМАНДИР ТАНКА
- Я «ДРОВОСЕК»
- ПОЛКОВАЯ САНЧАСТЬ
- НЕОЖИДАННЫЕ ДИВИЗИОННЫЕ УЧЕНИЯ
- ПРОВЕРКА БОЕГОТОВНОСТИ ТАНКОВЫХ ПОЛКОВ КОМДИВОМ
- БЛАГОДАРНОСТЬ КОМДИВА
- ПОЛКОВНИК ЛЫХИН
- ПЕРЕСТАРАЛИСЬ
- Я СНОВА НА РАСПУТЬЕ
- ЧП ПОЛКОВОГО МАСШТАБА
- НАРУШИТЕЛЬ ДВУХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ
- ЩЁГОЛЬ
- ВРЕМЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И БЕЗДЕЛЬЯ
- ЗАГОТОВКА ДРОВ
- ПРОСТО «КАРАУЛ!!!»
- НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА
- МОЯ СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ В АРМИИ
- ГОРОД ВРОЦЛАВ (АВТОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД)
- МОИ ТРУДНОСТИ В МОТОРНОМ ЦЕХЕ
- ЧЁРНАЯ ПОЛОСА ГЕРТЫ
- СТРОГИЕ ПОРЯДКИ
- ЗНАКОМСТВО С МОЕЙ БУДУЩЕЙ ЖЕНОЙ
- Я СВАТ В 23 ГОДА
- МОЙ ПЕРВЫЙ ОТПУСК
- МОЯ КРЁСТНАЯ МАМА
- СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА В ПОЕЗДЕ
- ЗАВОДСКИЕ И ЛИЧНЫЕ ДЕЛА
- МОЯ ЖЕНА «КОНТРАБАНДИСТКА»
- МОИ МОДНЮЩИЕ БОТИНКИ И АБСТРАКЦИОНИЗМ
- МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В СИБИРЬ
- ОБРАТНО В ПОЛЬШУ
- ЦАРСКИЕ ДЕНЬГИ
- И СНОВА ГОРОД БРЕСТ
- ВАЖНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ ДЕЛА
- РОЖДЕНИЕ НАШЕЙ ДОЧЕРИ
- ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА
- ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ
- БАЙКА О МАЙСКОМ ЖУКЕ
- И СНОВА ПОЛЬША
- ЖИЗНЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОДГОТОВКА К

- ОТЪЕЗДУ В СИБИРЬ
- ■ ОТЪЕЗД
- ○ СПРАВОЧНИК
- ○ ФОТОАЛЬБОМ

Семен Кондратьевич Чухлебов
Я СЫН БАТРАКА
Автобиографический роман в двух книгах
Книга первая

Семен Кондратьевич Чухлебов

Автобиографический роман в двух книгах

Книга первая

Я сын батрака

Кемерово 2015

Посвящается моим родителям Кондрату Ефимовичу и Пелагее Савельевне и моей старшей сестре Ливинской Наталье Кондратьевне

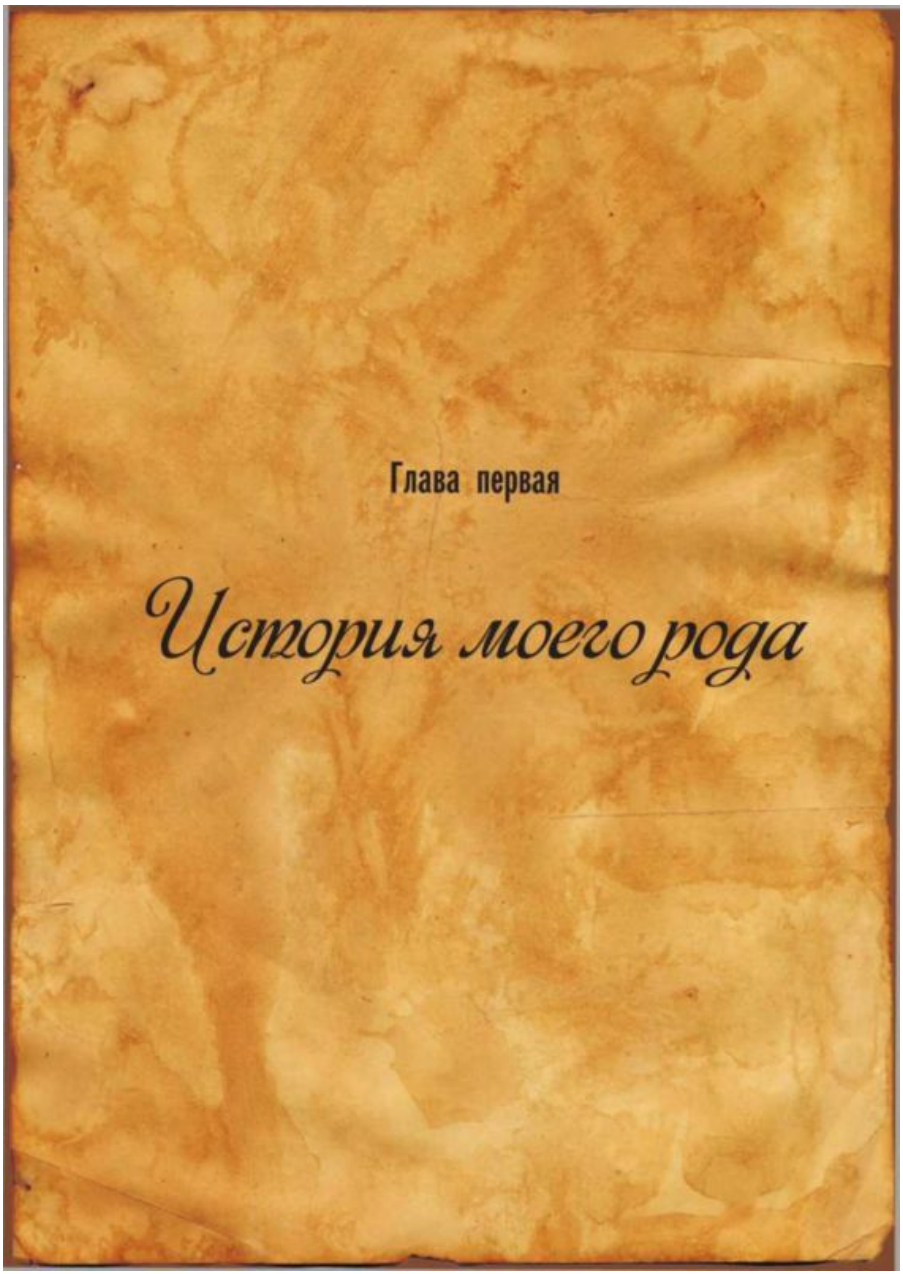
ОТ АВТОРА

Писательской деятельностью я начал заниматься в декабре 2011 года. Как писатель я ещё молодой, хотя по возрасту я уже не молод, но всё же, я уже написал несколько рассказов и эссе, которые пока не опубликованы. Мною задуман автобиографический роман в двух книгах. Первая книга называется «Я СЫН БАТРАКА» с разделами «История моего рода» и «Я сын батрака». А вторая книга будет под названием «СЫН БАТРАКА В СИБИРИ». Есть задумка написать ещё одну книгу под названием «ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ СЫНА БАТРАКА», но я ещё не решил вносить её в цикл автобиографического романа или нет. Возможно, я её напишу отдельной книгой, а может, и нет. Я пока не решил. А теперь, что касается первой книги. В ней описана родословная обеих моих ветвей, а также моё детство, юность и молодость. В книге рассказывается так же о тех людях, с кем я учился в первой школе села Ипатово. В частности, Иван Матвиенко, Соня Сомченко и Слава, в то время, сын председателя райисполкома. К сожалению, фамилию Славы я забыл за давностью времени, и поэтому он в моей книге выступает под фамилией Сабуров. Я думаю, что Слава, если он жив, то на меня не обидится, да и его потомки то же, не будут на меня в обиде. А ещё я пишу о тех людях, с кем я работал в юности в Ипатовском кинотеатре — это Алексей Лапика, братья Лёвины, Иван и Михаил, а так же Иван Фоменко или Хоменко, точно фамилию не помню, и его коллеги по кинопередвижке. И естественно, мои земляки — жители хутора Северного. Я и о самом хуторе много написал, как и о людях, которые в нём жили.

Думаю, что читатели после прочтения моих книг, не будут разочарованы. Первую книгу я уже написал, а вторую буду стараться писать, по завещанию писателя Василия Макаровича Шукшина, ПЕРОМ ПРАВДЫ.

С. К. Чухлебов

Глава первая
ИСТОРИЯ МОЕГО РОДА



ВСТУПЛЕНИЕ

Описание истории своего рода я начал, когда мне исполнилось 76 лет. Конечно это (поздно, но раньше не получалось, а иногда просто не хотелось. Писать я не люблю, поэтому все оттягивал и оттягивал, но дальше тянуть некуда, здоровье все хуже и хуже, поэтому надо писать. Хочу успеть рассказать все что знаю или слышал от своих родителей и старшей сестры Наташи. Надо писать, больше не кому. Этими словами я себя уговариваю писать книгу. И ещё потому это надо делать мне, что больше не кому, я остался один из нашей большой семьи кто может это сделать. У меня больше информации, чем у других моих родственников, да они писать и не думают. В этой книге я стараюсь говорить только ту правду, которую сам знаю и излагаю в точности, и то, что мне рассказывали другие. Конечно, есть и художественное оформление тех или иных кратких источников биографии нашего рода. И ещё. В связи с давностью событий имена и фамилии некоторых героев моей книги я забыл, и поэтому они будут вымышленные. Думаю, герои моей книги на это не обидятся, разумеется, если они живы. А вот мои однополчане в моей книге практически все обозначены под своими фамилиями, за исключением моего земляка — писаря штаба полка, да ещё нашего командира полка и командира дивизии. Они выступают под вымышленными фамилиями. Объясню почему. Фамилию и имя моего земляка я просто забыл. Долго вспоминал и вспомнил два имени: Юрий и Анатолий, но как его зовут точно, так и не определился. А фамилию его я вообще не смог вспомнить. Поэтому он у меня выступает под именем Юрий Поляков. Что касается Командира дивизии, то его фамилии я и не знал и поэтому он в моей книге под фамилией Воронов. Думаю ни он, если он жив, ни его потомки на меня в обиде не будут. А что касается нашего командира полка то, хотя его фамилию я помню, но не уверен, что она именно такая и поэтому, он у меня под фамилией Корнев. А что, для командира полка очень подходящая фамилия. Вот такую информацию об этой книге, я вам представил.

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Сачала хочу описать местность, где проживали мои родители, где родился я, мои братья и сестры. Россия. Ставропольский край, Ипатовский район, Бурукшунский сельский совет, хутор Северный.

Если вкратце описать нашу местность, то это бескрайняя равнина, покрытая степью, пашнями, лесными полосами, сёлами и хуторами. Я очень любил степь, особенно она была красивая весной. Вся покрыта зелёной травой и разноцветными цветами, а главной во всём этом великолепии была трава ковыль. Я не знаю, почему мне полюбилась эта трава, но я часами сидел в зарослях травы и любовался ею. Особенно было красиво тогда, когда дул не сильный ветерок, качая метёлки ковыля из стороны в сторону. А вот когда по степи шёл табун лошадей и метёлки ковыля касались лошадиных коленок, затем под напором лошадиных ног, они раздвигались в разные стороны, но когда ноги лошадей миновали ковыль, метёлки снова возвращались на место. Для меня, мальчишки, эта картина была завораживающей. А сколько в степи было разной живности, всякие зверьки, мелкие и не очень, а птицы буквально наводняли всю степь, их было так много, что казалось, они везде есть. Вот такой мне запомнилась степь.

Продолжу описание местности. С водой было трудно. Только колодцы, но и в них вода была в основном соленая. Колодцев с пресной водой (у нас называли пресную воду сладкой) было единицы. В давние времена у старого села под названием Гашун, протекала река Кивсала. Но в наше время от неё осталось только сухое русло заросшее полынью. Эту довольно широкую долину я видел не однократно, и мне хотелось узнать, что это такое? Я мальчишка был любознательный и меня всё интересовало. И вот, как-то летом, мы с тато (отцом) проезжали на телеге через эту балку, она была с пологими берегами, заросшими полынью. Должен отметить, что главная растительность в наших местах это метельковая полынь, она растет практически по всей степи. Проезжая по балке я поинтересовался у отца, откуда на такой большой равнине взялась эта балка. И он мне рассказал эту историю. Раньше, в старое время здесь проживали, как он выразился, дикие народы: татары, калмыки, чеченцы и другие. Занимались они, в основном, скотоводством. Здесь, паслись табуны лошадей, крупный рогатый скот, овцы, земледелием они не занимались. Правительство царской России решило, что это не порядок и начало заселять сюда со всей России крестьян земледельцев. В основном в эти места ехали из Украины и,

частично, из центральной России. Переселенцы селились туда же, где проживало местное население. Аборигенам это не понравилось, и они приезжим начали устраивать разные козни. Местное начальство из старожилов, не разрешало строить хаты там, где хотели переселенцы их ставить, урезали огороды, запрещали пасти скот на ближних лугах, покосы отводили на не удобицах и так далее. Но приезжих становилось всё больше и больше, и тогда большинство решаемых вопросов на сходе перешло на сторону новосёлов. Старожилам это не понравилось, и они решили уехать из этих мест, а напоследок придумали новосёлам месть — липтить их единственного источника пресной воды — реки Кивсала. В одну из ночей все родники, которыми питалась река, они забили поветями (войлочная кошма). Это было сделано тайно от переселенцев. Речка постепенно начала мелеть и совсем высохла. Люди стали искать выход из создавшегося положения и начали рыть колодцы вблизи села Г ашун, но вода в этих местах находилась на большой глубине и была горько-соленой. Тогда они начали искать пресную воду в округе, и нашли её в пяти километрах северо-восточнее села Гашун. Люди начали переселяться к источнику пресной воды. Начали строить хаты, нарезать огороды, в общем, обживаться. Позже это поселение назвали хутором Северным, по той причине, что поселение находилось севернее старого хутора Гашун. Случилось это в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году. Туда же переселились и мои родители, Чухлиб Кондрат Ефимович и Чухлиб Пелагея Савельевна, там же родился я и все мои братья и сёстры.

Хочу ещё раз вернуться к вопросу об исчезновения речки Кивсала. Из выше приведённого рассказа отца, не знаю что здесь вымысел, а что правда, но, судя по названию села Гашун, оно Тюркского происхождения.

Далее я хочу рассказать, как выглядел наш хутор Северный. Как я уже писал, местность у нас равнинная, поэтому хутор из-далека было видно, как на ладони. Особенно с западной стороны, то есть со стороны степи. На северной и восточной стороне и, частично, южной располагались пахотные земли, в ширину до трех километров, и подходили почти до самого хутора. Посевы были самые разные: пшеница, ячмень, просо, кукуруза, подсолнечник и другие культуры.

Сам хутор был, почему я пишу был, да потому что его давно нет. Такие посёлки, как наш хутор, были уничтожены по всей России из-за недальновидной политики Хрущева, в пятидесятых годах прошлого века, по постановлению правительства об объединении колхозов. Это было губительно для всех малых

хуторов, сел и деревень, да, наверно, и аулов, и аилов. Они просто уничтожались, я другого слова не могу подобрать, так уничтожили и мою малую Родину и малые Родины других людей. Повторяю, уничтожались. А делалось это так. Сначала убирали финансирование, так как это был уже не колхоз, а бригада, а бригаде деньги не положены, потом отзывали интеллигенцию — агронома, зоотехника, часть учителей, так как школа стала не семилетка, а четырехлетка. Это особенно ударяло по родителям, так как детей надо было учить, а негде. Люди начинали постепенно съезжать с насиженных мест. Когда количество жителей хутора ощутимо уменьшалось, закрывали школу и магазин, и тогда все разъезжались в разные стороны. Так было по всей стране. Это была трагедия для жителей таких селений, особенно для стариков. Я это знаю не понаслышке и об этом еще напишу.

Но вернемся к нашей теме. Хутор был довольно большой, около ста двадцати хат и пятиста человек жителей. Дома у нас называли на украинский манер «хатами-мазанками». Потому что хаты строили из самана, а затем обмазывали глиной перемешанной с соломой. Крыши были в основном черепичные. Как осколок прошлого, две хаты были покрыты соломой. Они были на другой улице. У нас в хуторе было две улицы протяженностью около километра. Улица, где мы жили, называлась «Главной». Другая улица была поменьше и поэтому она называлась просто «Другой улицей». Улицам давали названия просто, без всяких изысков и придумок. В общем, в хуторе фактически жили русские люди, но говорили они на непонятном языке для русского человека. Взять, например, такие слова: велосипед — лисапет, карамель монпасье — лампасей, доливка, то есть глиняный пол, призьба — заваленка, горище — чердак, паляныця — булка, стеля — потолок, шо — что, балакать — говорить, ну и тому подобное. Я к чему вам об этом пишу, да потому что в дальнейшем будут попадаться такие неизвестные для вас слова. Кое-какие я буду переводить и помечать в скобках, а на остальные в конце книги сделаю справочник, где вы можете узнать значение того или иного слова. Я бы очень хотел, чтобы написанное мною было вам понятно и не требовало дополнительных усилий для расшифровки. Ну что условности соблюдены? Теперь пойдём дальше.

На нашей улице росли три высокие вербы, они находились у ограды Беленковых, это немного наискось от нашего двора. Деревья были большие, и они украшали нашу улицу. Мальчишками мы постоянно соревновались, кто выше залезет. Были и неприятности, кто-то падал, и я не исключение. А вот

рядом с вербами рос широколистный тополь с белыми листьями, и поэтому его называли Белолистка, он находился у хаты Паки. Это дерево было очень высокое, что лазить на него мы не решались. Этот тополь был тем и знаменит, что деревьев, выше него у нас на хуторе не было. И когда наш хутор уничтожали, были уничтожены и все деревья. По рассказу Алексея Ивановича Лаврова, варвары никак не могли справиться с тополем. Тогда они экскаватором пень от дерева выдрали с корнем. Но тополь оказался настолько живуч, что через некоторое время ожил, и у него появились новые побеги и начали уверенно развиваться. Характерная черта нашего хутора — ямы, которые были накопаны по всей длине улицы, на которой мы жили. Одни довольно большие и глубокие, но были и небольшие. Только одна была, по нашим меркам, очень глубокая. Глубина её была, наверное, метра три или четыре, а может и больше, точно её никто не мерил. Она находилась напротив хаты Рукавицыных с одной стороны и Гаркушиных с другой. Когда она заполнялась водой, то мы в ней боялись купаться, а только ходили вокруг неё и смотрели. А взрослые парни прыгали в неё и купались. Я сидел на берегу и думал: «Вот я вырасту и буду таким же большим как Мыкола Стаценко, и тоже буду с разгона прыгать в эту глубину». Главное то, что хоть посреди улицы были накопаны довольно объёмные ямы, но они, ни в коем случае, не мешали движению по нашей улице. Правда и движение было не ахти какое, но всё же. Думаю, всё это благодаря устроителям. Они заложили в проект (если он был, конечно) широкие улицы, метров по 50 не менее. Улицы были настолько широкие, что было, где разгуляться. Молодёжь на них играла в лапту, догонялки, водили хороводы, а позже когда подросло наше, более продвинутое поколение, то мы уже играли в футбол на этой же улице. А на дороге было столько пыли, что наши босые ноги скрывались по щиколотку. В дождливую погоду на ней было столько грязи, что невозможно было проехать. Дядьки едут на бричках ругают эту грязь, а мы мальчишки используем её как лёд. Разгоняемся и с хода скользим на своих босых ногах. Дядьки нас ругают, а нам хотя бы хны, веселимся до упаду. А о фруктовых деревьях, которые росли во дворах нашего хутора, мне, наверное, и писать не надо, каждый знает, что на юге нашей страны везде растут сады. А еще, на нашей Главной улице находились такие социально важные здания как школа, клуб, правление колхоза, а позже бригады, магазин, кузница. Кузница сначала находилась между дворами Звады и Беловола, а затем её перенесли к правлению бригады. А ещё раньше, во время моего раннего детства, в этом здании находилась конюшня, где стояли и лошади моего отца, пара гнедых. Лошадей кормили овсом, а,

как известно, овёс все любят, не только лошади и дети, но даже и англичане. Помните, «Овсянка, сэр», в фильме про Шерлока Холмса, ещё овёс любят и грызуны. Для информации хочу сказать что, на юге России все села, хутора, станицы были похожи друг на друга, потому что строили люди выходцы из одних и тех же мест. Я побывал во многих селениях юга России и видел, что они очень похожи на наш хутор Северный. Если смотреть на него издалека — то посреди выезженной солнцем травы (это в августе- сентябре месяце) он виден как зеленый оазис. Все его хаты утопали в зелени садов, которых в хуторе было большое множество. И только кое-где виднелась красная черепица крыш. На восточной торцевой части хутора находился колхозный огород, лакомое место для нас голодных босоногих мальчишек. Там росли арбузы, дыни, огурцы, помидоры, виноград. Все посадки, созревали, в основном, в конце августа, и в это время он особенно привлекал нас. Конечно, огороды были в каждом дворе, но за ними нужен хороший уход, поливать, пропалывать, а делать это было некому. Родители от зари до зари были на колхозном поле, а за огородом смотрели мы, ребятня восьми-двенадцати лет, а дети, которые были постарше, те тоже работали в колхозе, но без оплаты, по той причине, что они были несовершеннолетние. Чтобы хорошо поливать растения в огороде надо было много воды, а нам было не под силу её таскать из колодца, который находился на улице, метрах в сорока от нашего двора. Вот потому и поливали, ни как надо, а как получится. На колхозном же огороде было всё совсем по-другому. Там работали взрослые дяди и тёти, знающие технологию выращивания растений, воды там было достаточно — прямо посреди огорода был вырыт колодец. Для накопления воды там стояли большие чаны, в них вода на солнце прогревалась, а затем ею поливали растения. Вот потому там растения росли и кустились, прямо как в настоящем райском уголке. Вот туда мальчишек и тянуло так, что сил не было сопротивляться. После удачного набега на огород, мы с добытыми трофеями бежали к своему огороду, и там, в канаве, наслаждались своим успехом. Но это было не часто, так что огород от наших набегов сильно не страдал. Ну ладно, я отвлёкся от темы, вернёмся к ней. Так вот, хутор состоял из двух улиц, их пересекали три переулка. Главный переулок находился посредине хутора, на нём были все достопримечательности нашего хутора Северного. Такие, как здание правления колхоза, колхозный двор, на котором стояли скирды сена и соломы, клуб, Ласуновский колодец, ну и всё, наверное. Дорога проходила по этому переулку и пролегала до МТФ, а далее до посёлка Чунус, который находился от нашего хутора в семи километрах. На третьем переулке были

зернохранилище и старая кузница. А вот на первом переулке находилось то, что было мило нашему детскому сердцу, это огород, о котором я уже писал, и Дерина яма. Её так называли, потому что рядом с ней раньше жил дед Дера, но когда мы туда ходили купаться, то деда Деры уже не было. Ранней весной или когда пройдут дожди, мы плескались в Дериной яме, именно в это время, но это было редко, так как очень редко шли дожди. Когда же это случалось, для нас наступал настоящий праздник. Правда, несмотря на то, что вода в ней была грязная настолько, что похожа была на нефть, нас это не останавливало, мы с радостью плюхались туда. Черноту воде придавал наш чернозём, он тогда был такой жирный, что старики о нём говорили так: «Бери на нож и намазывай на хлеб вместо масла». Вот потому вода и была похожей на нефть. В эти счастливые дни ребятня собиралась со всей округи — и мальчишки, и девчонки, но девчонки не купались по той причине, что они были без трусиков, в то время в нашей хуторской местности их просто не существовало, и поэтому их не носили. Но и они принимали непосредственное участие в процессе, кричали, визжали, подбадривали нас, мальчишек, и смеялись над нами, когда мы выныривали из этой жижи все неузнаваемо одинаково грязные и чёрные, словно негритята. Зато мальчишкам была лафа, голышом купались до одури, не обращая внимания на девчонок и даже бравируя перед ними. Загорали тут же у ямы правда загара как такового не получалось по той причине что кожа была покрыта грязью, и она лучи солнца не пропускала, но нас это не беспокоило — немного согрелись и снова в воду, то есть в грязную жижу. Как только солнце покатилось к закату, у нас начинаются проблемы, где обмыться. Домой в таком виде идти нельзя от мамы попадёт по первое число, значит надо найти где помыться. Самый лучший вариант был искупаться в чанах, в которых пастухи запасали воду, чтобы вечером напоить скот. Но в последнее время этот вариант стал нам не доступен. Пастухи на чаны сделали крышки и закрыли их на замок, чтобы не дать нам возможности в них обмываться. Видите ли, после нашего обмывания в чанах, животные из них эту воду не пьют. А как было хорошо, чаны большие, воды в них много, она чистая, плюхаешься в ней с наслаждением, но теперь всё, запрет, надо было искать выход и мы его нашли.

Как-то однажды, после очередного купания, мы грязные-грязные стоим у чанов и не знаем где обмыться. Вдруг Лёнька Беленко говорит: «Пошли, к нашему колодцу, там есть ведро и веревка, там и помоемся». Так и сделали, ватагой отправились к Беленковым, там немного отмылись, и я домой пришёл более или

менее чистый. В дальнейшем так и делали, накупаемся в Дериной яме и к Беленковому колодцу обмываться. Вот так мы и принимали водные процедуры в возрасте от шести до одиннадцати лет. А когда стал постарше, тогда мне уже было не до этого — началась другая более взрослая жизнь.

Теперь, когда вы имеете представление, о месте, где я родился, где проживали мои родители, я хочу перейти к повествованию другого рода, а именно, дать характеристику каждому члену нашего рода.

РОДОСЛОВНАЯ

Начну описывать от самого-самого, что помню. Начало нашего рода произошло от слияния двух семей путём женитьбы Чухлеб Кондрата Ефимовича на Ласун Пелагее Савельевной. Сначала опишу состав семьи рода по мужской линии, а затем состав семьи по женской линии нашего рода.

МОЙ РОД ПО МУЖСКОЙ ЛИНИИ ПО ФАМИЛИИ ЧУХЛИБ/ЧУХЛЕБ

Глава семьи Чухлиб Ефим Васильевич. Его жена Дубинина Ганна Филипповна. У них родилось восемь детей — семь сыновей и одна дочь, она была младшая. О четверых из них мне ничего не известно, знаю только то, что их забрали на войну 1914 года, и ни один из них не вернулся. Дмитрий болел и рано умер. Остались старший сын Иван, сын Кондрат и младшая в семье дочь Александра.

Мои родители: отец — Чухлиб Кондрат Ефимович, мать — Ласун Пелагея Савельевна. Женились в 1922 году. Для тех, у которых нет фото дам словесный портрет тем, кого знаю, своё видение, а кого не знаю — со слов моих родителей, а также напишу даты и род их деятельности. Сразу вас предупреждаю, что буду рассказывать о каждом члене рода всё, что о нем знаю, от начала до конца, мною будет нарушена хронология событий. Конечно, это не совсем правильно, но иначе нельзя, так как очень сложно уложить всё в хронологию времени.

ЧУХЛЕБ ЕФИМ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родом он из Украины. Прожил примерно семьдесят лет, точно родители мои не знали. По моим предположениям, родился он в 1863 году, а умер в 1933. Год смерти мною указан точно.

По какой-то причине, не известной родителям, он остался сиротой лет 13–14, работал в найме у богача Барабаша Якова Ефимовича. Когда началось переселение народов Российской империи на пустынные земли страны, тогда и хозяин моего дедушки решил перебраться на Ставропольщину.

В один из дней, когда всё было готово к отъезду, когда во дворе уже стояли телеги, гружённые домашним скарбом, и домочадцы хозяина рассаживались в повозки, чтобы из этих мест уехать навсегда, их работник Ефимка (так его звал хозяин) стоял среди хозяйского двора и не знал что ему делать. Ведь если хозяева уедут, то он останется без работы, естественно, без еды и без крыши над головой. Ефимку охватил страх, он знал, что здесь он ни кому не нужен и оставаться ему нельзя, так как остаться в этих местах это равно смерти. И он решился подойти к хозяину и попросить его, чтобы он взял Ефимку с собой. Никто не знает, что думал богач Барабаш в тот момент, когда он разрешил мальчишке следовать с ним, но от моей мамы я слышал рассказ на эту тему неоднократно.

Эта история рассказывалась ею в нежных тонах с чувством доброты хозяина к мальчишке. Вот он, мол, какой хороший, пожалел сиротку и взял с собой. Возможно, она и права, ей виднее. Она хорошо знала то время и нравы богатых людей того времени, сама в девичестве была не бедной, да и самого Барабаша хорошо знала, так как он частенько заходил к ним и с маминой мамой, а моей бабушкой, обсуждал какие-то вопросы, а их было много, особенно перед приходом красных.

Но я думаю, что причина заключается не только в доброте хозяина, а, может быть, в том, что Ефим уже давно у него работал и, по-видимому, не плохо. И в тот момент Барабаш подумал: «А зачем мне в работники искать кого-то, да и неизвестно еще, какой он будет, а этот мальчишка мне известный, так отчего же от добра, добра искать».

Вот так Ефимка, а позже Ефим Васильевич Чухлиб, оказался в селе Большая Джалга. Там он рос, трудился, а когда стал взрослым, то женился на местной девушке по имени Ганна. Всё, что я пишу в этой книге о родственниках, в основном знаю со слов моей мамы Пелагеи Савельевны, в обращении с подругами

просто Поля. Отец же мой, Кондрат Ефимович, о своей прошлой жизни рассказывать не любил и не хотел.

Когда я приставал к нему с расспросами, он отвечал: «Сеня, сынок, ну шо я тоби про тэ врэмя скажу, жилы пагано, исты ны було нычого, носыть тоже ны було, оце тоби и вись сказ. Ну, ны хочу я про тэ вримя спомынать, ны пытай мэнэ». Но были времена, когда он ударялся в воспоминания и рассказывал.

Обычно это было в длинные, зимние вечера, когда мы всей семьёй сидели в полумраке при свете еле мерцающего каганца «фитиль» и слушали долгий рассказ отца. Говорил он не спеша, обдумывая то, что будет сказано, иногда в процессе рассказа задумается, низко наклонив голову, как бы вспоминая былое, затем поднимет голову и продолжает прерванное. Иногда в монотонный говор отца вмешивалась мама со своими замечаниями или уточнениями. Обычно это происходило так. Например, отец рассказывает: «Заходэ вин до нас в хату вись мокрый, сапоги грязные». Тут мама перебивает его: «Батько, та яки сапоги, их у него з роду, ны було, вин всэ врэмя ходил в обмотках». «Та знаю, маты, ну хай хоть в моём рассказе в сапогах походе». «Ну, ныхай», — соглашается мама.

В отцовских рассказах частенько поминался Мыкола Шаула, друг его отца, а моего деда. Как только в рассказе он упоминается, то обязательно мы услышим и комедию вместе с трагедией. Вот один из отцовских рассказов. Я буду описывать его на русском языке, чтобы вам легче было читать. Как я уже говорил, мой дед Ефим водил дружбу с Мыколой Шаулой. Их дружба была замешана на взаимовыгодных условиях. Дело в том, что у деда была телега двуколка, но лошади не было, а у Шаулы, наоборот, была лошадь, но телеги у него не было, вот они и кооперировались, если надо было что-то привезти или куда-нибудь поехать.

По характеру Мыкола был человек непоседливый и даже шобутной, но это не мешало им с дедом водить дружбу. Как-то промозглым осенним вечером, мы уже собирались ложиться спать, рассказывает мой отец, как вдруг раздался стук в дверь. Отец открывает хату, влетает Шаула и с порога: «Юхым (Ефим), собирайся завтра рань перерань, поедем на базар за рыбой дверцы» (скорее всего, речь идёт о рыбе под названием «лещ», так как другой рыбы, похожей на дверку, в то время там не было). «Батько говорит, — продолжает рассказ отец, — так не собирались же?» — «Ну, так что, что не собирались? Надо, так соберёмся». Затем спрашивает: «Колёса у тачки смазал?» — «А что их мазать? Они давно смазаны». — «Я это к чему спросил, Юхэм, ты же знаешь моего Буланка, он несмазанную тачку ни за что не

повезёт, даже за торбу овса». — «Та знаю, — нехотя отозвался Ефим, — Послушай, Мыкола, а что мы будем там покупать?» — «Что, что, как будто не знаешь?» — «Ну а если завтра непогода?», — засомневался Ефим. — «Погода-непогода, поедем и всё тут. Хоть камни с неба, а по рыбу дверцы ехать надо». Подобных поездок у них было множество. Обычно они заканчивались благополучно, но были и размолвки. Шаула был злой спорщик, да и батько ему не уступал в этом деле. В таких случаях, если не был достигнут консенсус, то для батьки была просто беда. В таких случаях, на самой высокой ноте спора, Мыкола спрыгивал с тачки, выпрягал свою лошадь, садился на неё верхом и уезжал. А батько ему вслед кричал: «Мыкола, а рыба?» На что тот отвечал: «А рыбу я завтра у тебя дома заберу!» В хуторе Мыкола подъезжал к нашему двору и кричал: «Идите до своего батьки, он у лесной полосы телегу тянет».

Мы уже знали в чём дело, и гурьбой шли помогать батьке дотащить телегу до нашего двора. Хорошо, если это было недалеко от дома, ну а если далеко, то приходилось Ефиму Васильевичу ждать или попутки или Шаулу, который дома поостыв, возвращался за брошенным товарищем. Но самое интересное начиналось на другой день, когда утром Мыкола приходил к нам за своими покупками, которые он вчера оставил в отцовской бричке. Тут, как говорится, и начиналась трагедия с комедией, и длилась она долго, но, в конце концов, заканчивались миром, Мыкола клялся больше не оставлять Ефима в поле, а батько обещал больше с ним не спорить.

Как вы уже, наверное, поняли, мой дедушка был безлошадным крестьянином и работал по найму, проще говоря, батрачил. Заработки были небольшие. Такие, что еле удавалось сводить концы с концами, а бывали случаи, что и не удавалось, тогда семья просто голодала. Хоть Ефим Васильевич и сапожничал, но заработки были тоже небольшие. Чинить обувь к нему несли люди бедные, у них тоже ничего не было, так что на этом деле мало что заработаешь.

О том времени мой отец говорил мне так: «Ох и тяжёлое было время, даже вспоминать не хочется». В те времена в народе говорили так: «Если несчастье одело на тебя суму, то избавиться от неё было не просто, а иногда и совсем невозможно». На моего дедушку суму одело сиротство, с тех пор он её так и носил, а затем передал своим сыновьям, а они передали бы нам, своим детям, а мы — своим и так далее. Но на наше счастье произошла Революция, и всё в нашей жизни поменялось в лучшую сторону.

Я деда Ефима не видел, так как родился тогда, когда он уже умер. Фото его не было, по какой причине не знаю, или вообще

он не фотографировался или затерялась, но словесный портрет со слов моих родителей я опишу. Он был среднего роста, плотного телосложения, широк в плечах, глаза чёрные, волосы чёрные, слегка вьющееся, кожа смуглая, по внешности смахивал на цыгана. Вот так или примерно так выглядел внешне мой дед Ефим.

МОЯ БАБУШКА — ЧУХЛИБ ГАННА ФИЛИППОВНА (ЖЕНА ЕФИМА)

Проживала она в селе Большая Джалга, её фамилия (предположительно Дубинина), Ганна Филипповна. В том же селе мой дед Ефим на Ганне и женился. Как эта молодая пара оказалась в хуторе Гашун, мои родители не знали. По всей видимости, их туда перевёз богач Барабаш, так как он имел там свой интерес в виде домашнего скота. Скорее всего, Ефим Васильевич с молодой женой за ними смотрели. О своей бабушке, по отцовской линии, я мало что знаю, так как родители мне о ней мало что рассказывали. На мою просьбу родителям поведать о Ганне Филипповне, отец отказывался говорить, ссылаясь на то, что был мал и поэтому не помнит. Мама же уступала мне в просьбе и кое-что рассказывала. Привожу ее слова, если вы, из сказанного ею, что поймёте: «Сынок, ну шо я тоби про нэи скажу, я тоди була манэнька и мало шо помню. Помню тики шо по их двору ходыла худэнька жинка, на лицо чёрная, волосы аккуратно забраны в узел. Ну, вот так ходыла, ходыла, а тоди умэрла. Чо умэрла, ныхто ны знае, болила, болила и умэрла». Я не был удовлетворен таким кратким рассказом и пытался узнать как можно больше, задавал маме наводящие вопросы, типа: «Ну почему она умерла, ведь она была ещё и не старая». — «Ну, Сеня, — возмущалась мама моей непонятливостью, — роди столько детей, да их надо обшить, обстирать накормить, вот година гнула, ее гнула и сломала». Вот такое заключение. О том, что бабушка из Джалги я знал, но есть ли там родственники, в то время, по малолетству, не знал. Отец с ними тесных родственных отношений не поддерживал. Даже когда вернулся с фронта, в Джалгу не ездил, приезжал он туда намного позже, насколько я знаю, к своему однополчанину Звягинцеву. Так получилось, что об отцовских родственниках из Джалги я узнал совсем неожиданно. Перефразируя поговорку «друзья познаются в беде», можно сказать «родственники познаются в нужде». Так получилось и у нас, когда нашу семью холод и голод прижал окончательно, то родители начали искать выход из создавшегося положения. Сейчас забегу немного вперед и расскажу как это было.

РОДСТВЕННИКИ БАБЫ ГАННЫ

В неурожайный 1947 год, обстановка в семье была крайне напряженной, голод нас настолько прижал, что, как говорится, хоть плач. В доме шаром покати, а зима была в самом разгаре, до спасительной весны было ещё очень далеко, и вопрос встал ребром: или жизнь, или смерть.

И вот тогда между тато и мамой я заметил, какие-то размолвки, до этого времени такого не было, а теперь каждый вечер мама на отца: «Бу, бу, бу». Он морщился, как от зубной боли, но молчал, не огрызался. Была зима, мы дети и взрослые сидели в хате, и что между родителями происходило, все видели и слышали, переживали. В эти холодные зимние дни все были в хате, и каждый занимался каким-то делом, только старшие из братьев Андрей и Иван ходили работать на колхозный двор. Мама что-нибудь шила или вязала, а отец садился на лавочку у окна и сапожничал. Я обычно стоял рядом с отцом и помогал ему: то дратву натру смолой для прочности, то нужные гвоздики выберу из баночки, так и шло время с утра до вечера, а ночью все спать.

Но в одно утро всё пошло не так. Отец поднялся рано и куда-то ушёл. Через некоторое время к нашей хате подъехала бричка, запряженная парой лошадей. Я выглянул из окна и увидел, что это приехал тато. «Куда это он собрался?» — подумал я. Затем отец заходит в хату, берет пустые мешки и говорит маме: «Я поехал». И ушёл. Мама, провожая его, стояла у порога, а когда отец выходил из дверей, она вдогонку перекрестила его. Мне очень хотелось узнать куда же это тато отправляется, но я не мог этого сделать, так как в нашей семье расспросы, куда да зачем не практиковались, а вопросы на дорогу считались дурным знаком. Но, не смотря на это, мне очень хотелось узнать цель поездки отца. Я целый день вертелся как на углях, мне моё любопытство не давало покоя. Под конец дня я не выдержал своего внутреннего напряжения и решил спросить, но у кого? У мамы я боялся спрашивать, так как можно было нарваться на очень конкретный контраргумент. Решил спросить у старшего брата Ивана, на что получил резкий ответ: «А тоби оно надо? Малый еще всэ знать, иды лучше матери помогай». Меня такой ответ не устраивал и я, посомневавшись немного, решил спросить у мамы и получил ещё более резкий ответ: «Ны закудыкуй дорогу». Я понял, что поездка отца была очень важной и мама боялась её сглазить. После отъезда отца в семье наступило тревожное ожидание. Мы, дети, вели себя тихо, не бегали по хате и не баловались. Мама еще сосредоточеннее занялась работой. Вся

детвора сидела в хате. Конечно, можно было выйти во двор и там погулять, но нам нечего было одеть, и потому мы сидели в хате до самого тепла. Отец вернулся домой только на третьи сутки.

Как только увидели, с чем он вернулся, все облегчённо вздохнули, так как поняли, что теперь мы зиму продержимся. Как позже выяснилось, тато ездил в Джалгу к своим родственникам по материнской линии, то есть к родне своей матери, и просил их оказать посильную помощь. Родственников там было довольно много, семей пять или даже шесть и все они были не колхозниками, а единоличниками, то есть они работали в разных предприятиях по найму за деньги или за натуроплату и поэтому они жили лучше, чем колхозники. Помощь была хорошей и своевременной, вот и выходит, что наша бабушка Ганна, которой уже давно нет в живых, спасла нас от голодной смерти. Далее я хочу описать всё, что касается бабы Ганны, чтобы потом не возвращаться к этой теме.

О том, что в нас бродит цыганская кровь мама с детства нам не давала забывать. А происходило это так. В те счастливые дни, когда мама что-нибудь пекла в русской печи, пончики или булочки, мы, дети, толпой вертелись около неё, а в удобный момент умыкали у неё со стола печёное изделие. После проведённой «операции» мы быстро смывались. Но бывало, что не успевали убежать, и мама мокрой тряпкой, что была у неё под рукой, успевала кого-нибудь из нас шлёпнуть со словами: «А чёртова цыганва, приготовить ничего не дают, обязательно стащат». И то, что мы цыганского рода было известно давно, но лично я всё это относил на счёт деда Ефима, но на проверку оказалось, что баба Ганна ещё цыганее нашего деда. В подтверждение моих слов я приведу два примера. Как то к вечеру, мне тогда было лет четырнадцать, я прихожу домой и вижу, во дворе стоит бричка двуколка, а к ней привязана лошадь и верблюд. Странно думаю, кто же это к нам приехал? Захожу в хату, на лавке сидит мужчина и о чём-то с мамой разговаривает. По всему видно было, что мама обрадовалась моему приходу и тут же дала мне поручение: «Сеня, сходи с дядей Петром к тетке Гаркушихе, он из Джалги приехал к ней покупать корову».

Что это наш родственник я не сомневался, притом, что он, со стороны бабы Ганны. В хате я его не мог рассмотреть, так как там было темновато, а вот на улице это да. Передо мной стоял типичный цыган со всякими их прибамбасами вроде серьги в ухе. С курчавыми волосами, крючковатым носом, в соответствующей одежде и прочее. Да, думаю, вот это настоящий цыган, мы со своей славянской внешностью больше похожи на русских, чем на цыган. Затем была ещё одна встреча, с представительницей

бабушкиного рода, но это было уже гораздо позже, где-то в середине семидесятых годов прошлого века.

Я в очередной раз приехал в отпуск на свою малую Родину и направился прямиком в Джалгу, к старшей сестре Наташе. Когда погостил у неё денёк другой, она мне говорит: «Сеня, пойдём, сходим к нашим родственникам, их тут в селе много живёт, но мы ко всем не пойдём, а только к Марии». «А кто она такая?» — спросил я у Наташи. — «Да это наша сестра или двоюродная или троюродная, я толком и не знаю, пойдём там разберёмся». Подошли к дому, у калитки нас встретила женщина средних лет, приятной внешности, статная, смуглое симпатичное лицо, даже можно его назвать красивым. У неё привлекательные черты лица, черные волосы зачёсаны назад и собраны в большой тугой узел, чёрные брови слегка длиннее, чем обычно, прямой нос, губы нормальной полноты, в общем, приятная женщина, я был уже в таком возрасте, что в женщинах разбирался и даже очень. Но главное что меня поразило, так это глаза. Они были совершенно чёрные, их время от времени прикрывали длинные чёрные ресницы. Мы с Марией поздоровались, Наташа нас познакомила, и, после этого, Мария с приятной улыбкой пригласила нас в хату, предложив испить молока, так как «чаем угощать в тех местах не принято». За угощением молочком я спросил у Марии: «В каком родстве мы с Вами состоим?» — «Да как в каком родстве? — удивлённо раскрыв глаза, спросила она меня, в свою очередь, и продолжила, — Так ведь наши бабушки были родными сёстрами, вот от того мы с Вами и родня».

По внешности передо мной сидела типичная цыганка, глядя на неё я ещё подумал, возможно, моя бабушка Ганна была вот такой же красавицей, как и Мария. А что вполне возможно, ведь наши бабушки родные сестры и они могли быть похожи друг на друга, а Мария похожа на свою бабушку, значит моя баба Ганна и Мария похожи друг на друга. Может моя версия и не правдоподобна, но мне очень хочется верить в неё, да нам ничего другого и не остаётся, ведь других источников нет. И ещё, мне подумалось, вот от бабы Ганны и бродит в нашей родне цыганская кровь. Дед Ефим тоже кое-что передал нам от цыган, но хотя он цыганом был только наполовину, внешне был очень похож. Поженились Ефим и Ганна примерно в 1884 году, и жили вместе до 1915 года, когда не стало бабы Ганны.

Дальше расскажу о детях Ефима и Ганны, но было бы несправедливо, если бы я не упомянул о богаче Барабаше и о Мыколе Шауле. А их судьба для хуторян сложилась почти одинаково. Барабаш заранее распродал всё своё богатство и на тачанке уехал в сторону Новороссийска.

А Шаула, как только прослышал, что скоро в хуторе будут белые, сел на своего Буланого коня и тоже решил уехать. Перед отъездом, Мыкола зашёл к Ефиму Васильевичу попрощаться, мой дедушка отговаривал его от отъезда, убеждал в том, что нам, беднякам, боятся некого, придут красные или белые, они нас не тронут, это пусть богатые драпают, так что оставайся. Но Мыкола, был не преклонен, и уехал. После его отъезда, Ефим Васильевич рассуждал на тему, почему же Шаула уехал? Возможно, он боялся, что солдаты отберут у него лошадь, которою он очень дорожил — она у него была как член семьи. У Мыколы кроме его Буланка никого и не было, ни жены, ни детей, так что причиной его отъезда была, всё-таки лошадь, любимый Буланок. Как уехали, как будто пропали и больше они в родные места не возвращались. Вот такие дела.

ДЕТИ ЕФИМА И ГАННЫ ЧУХЛИБ

У Ефима и Ганны за время совместной жизни родилось восемь детей: семь сыновей и одна дочь, рожденная последней. О всех говорить не буду, так я о них мало что знаю. Отец на эту тему говорить не любил, единственное, что я точно знаю из слов родителей так это то, что четверых сыновей забрали на войну 1914 года и не один из них не вернулся. Об остальных четверых я кое-что знаю. Хотя я об этом уже писал. Старшего Ивана на войну не взяли, так как у него, одна нога слегка была короче другой, и потому при ходьбе он прихрамывал. Сын Дмитрий болел и вскоре после свадьбы моих родителей умер. Остались мой будущий отец Кондрат и его младшая сестра Александра. Начну рассказ со старшего Ивана, так как я о нем много наслышан, затем об Александре, а потом о Кондрате, потому что о нём я знаю больше всего. Должен отметить, что приезжая в очередной отпуск, а это было конец шестидесятых-начало семидесятых годов прошлого века, я постоянно расспрашивал родителей об их прошлой жизни, о родных и близких и всё, что я от них слышал, я аккуратно записывал в блокнот. Жалею, что интересовался прошлым только у своих родителей, а надо было на эту тему поговорить и с другими родственниками. Но дело в том, что родословную я тогда писать не собирался, поэтому и ограничивался своими родителями.

ЧУХЛИБ ИВАН ЕФИМОВИЧ

Как я уже ранее писал, отец не любил вспоминать то время, но как только разговор заходил о старшем брате Иване, то он о нём и вспоминал, и говорил много и охотно, по всему было видно, что он гордился своим братом. Действительно, Иван в семье личность была не заурядная, он ни на кого не походил ни внешностью, ни поведением. Он жил как бы сам по себе, но при этом далеко от семьи не отрывался. Из рассказа родителей я составил словесный портрет Ивана Ефимовича. В то время ему было лет 35–36, роста он был среднего, «по тем временам», 160–165 см, телосложения худощавого, лицо смуглое, глаза чёрные, волосы чёрные прямые, при ходьбе прихрамывал, но, не смотря на это, хорошо владел своим телом. Так на полном скаку лошади, мог сесть на неё, и, если надо, то на скаку и спрыгнуть. Характер у него был сложный, вспыльчивый. Обычно на замечания в его адрес отвечал так: «Мыни ни нада указывать, что делать, я свое дило знаю хорошо и делаю ёго исправно, а вы лучше смотрите за своими горшками». Как я понимаю, этими словами он хотел подчеркнуть значимость того, чем он занимается и чем остальные члены семьи. Очень любил лошадей, мог часами наблюдать за их повадками. С любовью ухаживал за ними, кормил, поил, мыл и чистил их, а также убирал их стойла. Когда заходил вопрос о его профессии, чем он занимался, отец, отвечая, обычно отворачивался и при этом смотрел вниз, как бы что-то, ища, говорил: «Та ны якой профиссии у ёго ны було, а занимался так, чим нада було тим и занимался». Затем поднимал голову и победоносно смотрел на меня, как бы говоря, ну как, хорошо я увернулся от твоего коварного вопроса. На такой вопрос мама говорила более откровенно: «Сеня, та чим он занимался, мы толком и не знаем, уезжал, приезжал, что-то привозил, а где он всё это брал, мы же не знаем. Сложный был человек, но семье помогал хорошо, а лошадей любил так, что, не дай Бог, сам не поест, а коня и накормит, и напоет. И они его любили также, и ходили за ним, как будто на поводе».

По рассказам родителей Иван водил дружбу с калмыками и свободно говорил на их языке. Конечно, дружил не со всеми, а с определённой группой калмыков из пяти-шести человек. Они приезжали к нам все на лошадях, вооружённые карабинами и ножами, шашек у них не было. По словам Ивана: «Шашка, мешает нашей работе, а работа у нас деликатная». И вот они этой компанией гуляли по степным просторам, а разгуляться там было где: вокруг на сотни километров Степь, а на ней пасутся табуны

лошадей, крупный рогатый скот, отары овец, так что гуляй, не хочу.

Иван довольно часто уезжал из дома, утром седлал лошадь и в степь. Обычно возвращался дня через два-три, но бывало и калмыки заезжали к нам во двор. Приезжало их человек пять, а то и шесть, все на лошадях, с привязанными к их сёдлам торбами (сумками), а также свёрнутой в рулоны кошмой (войлочная подстилка). Было видно, что люди подготовились для степной непредсказуемой жизни. Приезд калмыков мог быть в любое время дня и ночи. Обычно это происходило так. Во двор на взмыленных (потных) лошадях заскакивает группа всадников, они кружат по двору, что-то кричат друг другу на калмыцком языке, затем один из них подъезжает к окну, стучит кнутом по стеклу и кричит: «Ивана дома». Иван выходит к ним во двор, что-то почергикает с ними на калмыцком языке, быстро седлает свою лошадь, и вот они уже скачут в степь, оставив после себя только клубы пыли. С отлучки он возвращался усталым и пыльным, а если шёл дождь, то были все в грязи и он сам, и его лошадь. С пустыми торбами Иван никогда не возвращался, всегда привозил, какие-либо продукты. Так что в продовольственном плане семья держалась на нём. Как-то в один из моих очередных приездов к родителям мы вечерком сидели под шелковицей за стаканчиком отцовского винца и вели неторопливую беседу. Я в очередной раз просил родителей, чтобы они подробней мне рассказали о работе моего дяди Ивана. Отец как всегда с ответом уходил в сторону, замечая: «Та шо работа, как работа, как у всех». На что мама резко замечала: «Батько (в семье она его звала батько, а он её маты), та кака така як у в сих, ведь он приезжает домой весь в грязи, как говорится, не видно ни кожи, ни рожи, лошадь и та вся в грязи, что же это за работа, что он землекоп что-ли?» Тут отец не выдерживал и взрывался: «Ну, а шо ты хочишь, отбить от табуна десяток лошадей, надо же гнать их, да так, чтобы когда хозяева схватились, а их и след уже простыл. А после дождей земля раскисла и превратилась в сплошную грязь. А лошади, «отбитые» от табуна, несутся по этой грязи очень быстро. И грязь, летящая из под их копыт, попадает прямо на Ивана и его лошадь, вот потому он весь в грязи и приезжает». Ну, теперь ты, Сеня, понял, какая у Ивана была работа?» — обратилась уже ко мне мама. Как я понял, мама не одобряла такую работу своего шурина Ивана. Её понять можно, ведь она была из зажиточной семьи и поэтому конокрадство её не вдохновляло. Родители сидели рядом со мной и ждали от меня ещё вопросов, но я сидел молча, попивал вино из стакана и представлял такую картину. Дядя Иван отбивал от табуна лошадок, а затем гнал их во всю прыть, хлеща

арапником то по крупам лошадей, а то и просто по воздуху, создавая свист и шум своим хлыстом. Мне до боли знакома эта картина, так как я тоже в юности пас табун и отбивал от табуна нужных или, наоборот, не нужных лошадей, а затем гнал их куда надо, с такой скоростью, что ветер в ушах свистел. Так что подробности мне не надо было рассказывать. «Вообще-то брат Иван, по натуре, был человек общительный, — продолжал рассказ отец, — но бывали дни, когда ему было не до общения». Особенно это касалось тех дней, когда он возвращался из отлучки, уставший до такого состояния что с лошади самостоятельно не мог слезть.

Как то в один поздний вечер, отец с сестрёнкой Саней были в хате, а я ещё убирался во дворе. Вдруг вижу, во двор въезжает всадник, лошадь шагом идёт к сараю, возле него остановилась. Смотрю, вроде наш Иван, сидит в седле не двигается, голова низко опущена. Я испугался, не случилось ли что страшное, и крикнул отца. Он быстренько подошёл к всаднику и спрашивает: «Иван, сынок, что с тобою». Иван как бы очнулся, поднял голову, слегка улыбнулся и говорит: «А, это вы, тато, слава Богу, что я и моя Гнедая (кличка кобылы) дома. Ох, тато и скачка же была, за мной гнались пять всадников, загнали меня сволочи аж в Сальские степи, но и там они меня не взяли». С нашей помощью он слез с лошади и тихонько пошёл в сарай, сел на сеновал и сказал: «Сегодня буду спать здесь, а ты братка (это он мне), сними с Гнедой провиант, он сегодня богатый, расседлай кобылу, трохи погодя напои её, затем накорми, поставь в стойло и сарай закрой на замок снаружи, всё иди, я буду спать». Провиант действительно был богат, ужин у нас был на славу. Утром, на заре я вышел во двор и увидел, что Иван моет свою Гнедую, я подошёл к нему и поздоровался, он повернулся ко мне лицом и говорит: «А, братишка, что уже встал? Ну теперь помогай мне. Сначала наноси воды в бочки, затем поможешь Гнедой подрубить копыта, потом я помоюсь и пойдем завтракать». С заданием Ивана мы возились долго, отец два раза выходил из хаты звать нас на завтрак, но мы пока всё не закончили, в хату не пошли. Работали почти два часа, но всё сделали, как и было задумано. «А что так долго?» — спросил с удивлением отец, когда мы зашли в хату. — «Ну а как же вы думаете, тато, выскрести грязь из шкуры лошади гребенкой, а затем ещё и щёткой очистить шерсть от пыли, это дело не простое, да это же лошадь, а не коза. А обрубать копыта тоже дело не простое, ты её ногу поставишь на доску, приладишь топор, только занесёшь молоток для удара, а она раз и убрала её с доски и так несколько раз, так что всё это не так просто». Потом Иван помылся, и это дело то же не простое, сначала надо занести

корыто в сарай наносить в него воды и холодной, и горячей, а затем уж мыться, да ещё хорошо, если есть мыло, хотя бы хозяйственное, о туалетном мыле и думать было нечего. Да, это правда, туалетное мыло тогда было в большом дефиците, разумеется, в тех местах, где мы жили. Даже я его не видел, хотя моё детство было лет на 30 позже дяди Ивана. Правда, видел обёртку от него, но об этом потом. А шампунем тогда не мылись, его, наверное, и в проекте ещё не было.

Завтракали всей семьёй, отец, два сына и сестрёнка подросток. Это было редкое единение семьи и счастливое время провождения. На столе было много еды вкусной и сытной. А ведь не секрет, как отец рассказывает, что бывали дни, когда в доме не было ни крошки хлеба, ни зёрнышка злака. Хорошо когда это случалось летом, то можно было использовать подножный корм, а если зима, то всё считай конец всему. Вот вы, люди, живущие в третьем тысячелетии, читаете моё повествование и, возможно, думаете, что это он заладил: жирная еда, да ещё и больше. Мы, мол, сейчас думаем о том, как бы не набрать лишние килограммы своего веса, а автор всё говорит и говорит о жирной еде. И вы правы, будете, и я вас в этом понимаю совершенно и поддерживаю. Напрашивается вопрос: почему? «Да потому что я тоже живу в третьем тысячелетии, а на дворе сейчас июль 2013 год, в магазинах полно разных продуктов и я обеспеченный человек и могу себе позволить купить что захочу, но калорийную пищу я не покупаю по той же причине что и вы. Но я прожил длинную жизнь, и в ней было всякое, в том числе и голодание. Я это хорошо помню. В то полуголодное время было такое поверье, введенное в ранг закона. Если ты попал за стол, обильно уставленный едой, то наедайся, как говорится, до отвала. Притом старайся быстро и больше съедать жирной пищи такой, как сало, сливочное масло, жирное мясо, хлеб старайся есть белый, он более калорийный, потому что следующие дни ты, возможно, будешь голодать и не известно сколько их будет, таких дней. Давайте теперь вернёмся к нашей основной теме, рассказу о моём дяде Иване. Я уже писал, что Иван как неожиданно исчезал из дома, также неожиданно и появлялся. Но на этот раз всё было не так. «Как-то, в один из поздних вечеров, мы уже легли спать, — рассказывает отец, — к нам во двор заехали несколько всадников. Во дворе было слышно топот копыт лошадей и голоса людей. Послышался стук в окно. Иван выскочил из постели, схватил карабин и в сенцы». Отец подошёл к окну и спросил: «Кого надо?». Со двора послышался голос: «Ивана дома?» — «Дома», — ответил отец и пошёл открывать дверь. Она открывалась внутрь, и поэтому Иван оказывался за дверью. Я уже к этому времени

зажёг каганец, и в хате стало светлее. В хату вошёл тато за ним два калмыка с карабинами за плечами, а сзади них шёл брат в нижнем белье и с карабином в руках, но они его не видели.

Гости осмотрелись в хате, кого надо не увидели и спрашивают: «А где Ивана?» — «Здесь я», — отозвался брат за их спинами. Калмыки оглянулись и увидели Ивана, который стоял позади них с карабином наперевес. «Правильно, Ивана», — отозвался один из них, по-видимому, старший, — в нашем деле осторожность дороже всего». Затем они начали говорить на калмыцком языке, о чём они говорили, нам с отцом было не понятно. После разговора Иван быстро оделся, карабин в руки, а отцу сказал: «Я поехал». И ушёл из хаты. Вскоре во дворе послышался топот копыт и затем всё затихло. На этот раз он вернулся довольно быстро, на второй день. Что удивительно, он приехал не один, а с калмыком, который управлял телегой, запряженной парой лошадей. Но нас удивили не калмык на телеге, а то, что было к ней привязано, а именно корова и бычок-одногодок. Иван ехал на своей Гнедой и сопровождал эту кавалькаду. Заехали во двор, Иван не слова не говоря соскочил с кобылы, отвязал корову от телеги и увёл её в сарай. То же самое он проделал и с бычком. После этого он калмыка с телегой куда-то отправил, сам подошёл к нам и коротко сказал: «Корова дойная, так что имейте в виду». Сел на лошадь и ускакал. Отец глядя в след быстро удаляющемуся всаднику сказал: «Чувствует моё сердце, что всё это плохо кончится». Затем мы с отцом занесли в хату вещи, привезённые на телеге, и начали разбираться в них. Наше внимание привлёк большой холщовый мешок, и мы сразу принялись за него. Развязав его, мы вытряхнули из него содержимое. Увидев, то, что там было, мы сильно удивились. На полати упали свертки ткани, разных цветов и размеров, а по краям ткань была обшита золотистыми верёвочками и даже с кисточками. «Что же это за материал такой?» — рассуждали мы с отцом, но, так ничего не придумав, решили дождаться приезда Ивана. Снова затолкали всё в мешок и поставили его в угол хаты, мол, Иван приедет и разберётся. Весь остаток дня тато был молчалив, и задумчив, его не покидало чувство опасности, которое, по его мнению, грозило семье. Иван вернулся быстро, уже на второй день. Дело было уже поздно вечером, мы отцом закончили убираться во дворе и собрались заходить в хату, как вдруг, словно ветер, влетел во двор на вороном жеребце Иван. От удивления мы раскрыли рты и не знали, что подумать, а тем более говорить. После того как Иван спешился, отвёл коня в сарай. Когда он подошёл к нам, отец только и мог вымолвить: «А где же Гнедая?» — «Нет Гнедой,

поменял я её вот на этого красавца», — весело ответил Иван. Пока отец доил корову, а мы с братом убирались по двору, никто, ничего не говорил, все молча занимались своим делом. Я, как младший, тоже молчал, хотя это меня тяготило. Всё так и катилось, пока не стало совсем темно. И за ужином все молча ели. Наконец, Иван не выдержал и спросил у отца: «Тато, а что это вы сегодня всё молчите и молчите, случилось что такое, чего я не знаю?» Отец немного повременил, как-будто обдумывая что сказать, затем ответил: «Знаешь, сыну, что я тебе на это скажу, страшного пока ничего не случилось, но уже что-то происходит такое, которого раньше не было». — «А что именно?» — «Ну как что, вот смотри ты раньше уезжал на два-три дня, что-то где-то зарабатывал, привозил домой, но это было по мелочи, а теперь что?» — «А что теперь?» — спросил Иван. — «Как что? — начал горячиться отец, — А корова? А телок? А вот это?» И он показал на мешок, который стоял в углу. «Посмотрел на всё то, что ты привёз, и мне сделалось страшно и за тебя, и за них», — показал рукой на нас с Саней. Ефим Васильевич остановился, уставился взглядом на сына и ждал от него ответа. Иван немного помолчал, затем сказал: «То, что я привёз, пусть вас не волнует, я никого не ограбил, тем более не убил. Всё это мне люди отдали даром, в знак благодарности. При этих словах Ивана, отца словно подбросило на скамейке и, горячась, он сказал: «Как так дали, вот так просто взяли и дали добро, которое наживали годами, да я ни за что не поверю», — гневно закончил он. На что Иван спокойно ответил: «Это вы сейчас не верите, потому что вас это пока не касается, вы здесь сидите в глуши и ничего не знаете, а вокруг война, так называемая Революция, вокруг убивают, грабят. Ведь теперь всё это делается по закону. Атаман большевиков так и объявил, «Грабь награбленное, убивайте офицеров, попов и богатеев». Но богатые люди не хотят, чтобы убили их и их семьи, и это естественно. Вот они, не дожидаясь этого страшного дня, уезжают к морю в город Новороссийск, чтобы на корабле уплыть за границу. А уезжают они налегке, берут с собой только ценные вещи, такие как деньги, золото и прочие. Ну, не погонят же они за собой скотину. Даже если бы они хотели это сделать, то им всё равно не догнать её до Новороссийска, ведь туда, как ни как, полтыщи километров. Они со всеми пожитками и скотом туда будут добираться не менее месяца, а за это время их догонят не только белые, но красные, которые сидят у белых на пятках. И те, кого это касается, всё это знают и делают вывод такой. Лучше я все нажитое раздам, брошу, но сам останусь живым. Понимаете, люди выбирают жизнь и это правильно. Вот и я от них привёз кое-что. Понимаете, тато, вот всё что я привёз, это для вас добро, а

для них барахло, вот и делайте вывод. И поймите, то, что я привёз, я не просто взял, я это заработал. Мы, со своим отрядом, уезжающих людей сопровождаем по калмыцким степям до Александровки, а там начинаются казачьи станицы, и такого бандитизма нет, как в наших краях. В наших степях сейчас бродят группы разных людей, которые отбились от белой или красной армии, а кушать, как вы знаете, всем хочется, вот они, и промышляют, кто как может».

Иван от такой длинной речи устал, откинулся спиной на стену хаты и замолчал. В этот вечер больше не о чём не говорили, перекрестившись, легли спать. Но самое интересное было утром. Я проснулся, когда солнце уже поднялось, выхожу во двор и что же я вижу. Мой брат Иван моет своего вороного коня, на котором он вчера приехал, только теперь этот вороной на половину серый. От удивления я не мог вымолвить ни слова, только стоял возле коня и молча рассматривал его. «Что, братишка, не узнаёшь?» — «Нет, — говорю, — не узнаю» — «Вот и отец не признал вчерашнего вороного. Но это и хорошо, так и задумано было, иначе ни как бы я с ним, прорвался через Сальские степи?» — «Иван, — обратился я брату, а чем ты его намазал?» — «Я его не намазал, я его покрасил сажей, которую развёл в кобыльем молоке». Когда лошадь была отмыта, то это был настоящий красавец, высокий, статный, серого цвета в яблоках. Мне очень хотелось узнать, как он добыл такого красавца, но тато опередил меня. За ужином отец спросил у Ивана: «А этого жеребца тебе тоже подарили? Если подарили, то зачем ты его красил?» — «Конь, тато, это особый случай, он сам ко мне в руки прибежал. Гнедую свою, я и не думал менять, она меня вполне устраивала, но так получилось, что я его увидел и всё, он меня околдовал. Ну, люблю я вот таких красавцев и ничего с собой поделать не могу, а тут он сам прибежал, как бы говоря, бери меня я твой, ну как тут устоишь? А если рассказывать всё, то разговор получится длинным, а вот, если вкратце, то скажу».

И тут Иван нам поведал, как они сопровождали барина — господина, который с семьёй уезжал навсегда из России. Ехали через калмыцкие степи, там выбрали глубокую балку, чтобы заночевать. Я ещё подумал, говорит Иван, место хорошее, балка нас скрывает от посторонних глаз, да и трава зелёная прекрасный корм для лошадей. Лошадей выпрягли, стреножили и отпустили пастись, развели небольшой костёр из кизяков, благо их тут было в избытке и стали готовить ужин. Господа со своими слугами готовились к ужину отдельно, мы своим отрядом из восьми человек отдельно.

Всё было тихо, мирно, я уже уплетал кашу, приготовленную

со шкварками, и вдруг моя Гнедая заржала. Это тревожный сигнал, значит кто-то чужой появился, ни с того ни с сего лошадь ржать не будет. Мы всполошились, карабины в руки и, по заранее отработанной схеме, бросились по своим местам. Господа тоже оживились, стали прятаться кто куда: кто за телегу, кто под телегу. Пока мы занимали свои позиции, я снова услышал ржание Гнедой. Я оглянулся на неё, она смотрела в мою сторону, высоко подняв голову. Так, думаю, значит, угроза идёт с моей стороны. Я ещё поднимался на бруствер балки, как услышал снова ржание, но уже не моей кобылы, а другой, такой сильный сочный баритон. Я сразу понял, что это жеребец, моя кобыла как раз нуждалась в ухажёре. Я приподнял голову из травы и увидел коня, серого, высокого, в нем так и чувствовалась его мощь. Он скакал галопом на зов моей Гнедой, высоко задрав голову и хвост, предчувствуя незабываемую встречу со своей невестой.

Спускаясь вниз по склону к лошадям, я принял решение, что этот жеребец будет моим. В тот момент, когда влюблённые гарцевали, друг около друга я выбрал момент и схватил «жениха» за недоуздок, который был надет на нём. Всё остальное, как говорится, было делом техники.

Я хотел уехать домой в ночь, но друзья-товарищи меня не отпускали, сказали: «Уедешь рано утром, а ночью надо охранять господ». Ночью я всё думал, откуда же взялся этот жеребец, не мог же он один гулять по степи. «Да ладно, что думать? — решил я, — Утром разберёмся». Рано утром, прежде чем сесть в седло, с конём ещё пришлось повозиться. Жеребец-то был гораздо крупнее моей кобылы, и её сбруя на него не подходила, спасибо — выручили товарищи по ремеслу, подобрали всё необходимое из своих запасов. Кобылу я оставил в обозе, а сам, воспользовавшись ранним утром, поскакал на жеребце в сторону нашего хутора. Проехав с километр, в стороне я увидел небольшой табун, десятка два лошадей, которые паслись по холодку. «А, так вот ты откуда, красавец», — подумал я, но теперь они пусть живут без тебя. Ещё ночью я составил план, как буду добираться до дома, расстояние-то не близкое. По моим расчётам, ранним утром я должен добраться до моих знакомых кочевых калмыков, которые пасли скот и жили в юртах в степи, а там, я думал, сделаю коню другую масть, и тогда мы с ним спокойно доедем до дома. Ведь жеребца будут искать белой масти, а я еду на чёрном коне, и на нас никто не обратит внимание. Всё так и сделал. Конь объезженный, легко шёл под седлом. В определённый момент я уже был недалеко от юрт. В наше неспокойное время, одинокий всадник в степи, было редкое зрелище, в основном всадники ездили группами. И поэтому люди, увидев меня, всполошились — их пугает

неизвестность, ведь там может быть друг, а может и враг. Так что такие моменты всегда тревожны. К стойбищу я подъезжал шагом, расстояние преодолели не малое и конь устал. Ещё издали я увидел, что у одной из юрт собрались, люди, с десяток, а может и больше, в основном женщины, дети и старики, мужчины-пастухи, в это время находились в степи со скотом. Подъезжая к ним, я услышал их возбуждённые разговоры. Они говорили одно и тоже, сначала на калмыцком языке, а затем и на русском: «Ивана приехал, Ивана приехал». Узнали, подумал я, это хорошо. Спешившись, я со всеми поздоровался, а кого хорошо знаю того и приобнял. Покурили, поговорили, как бы сейчас сказали о политике, о белых, о красных, затем я их попросил дать мне молоко, а я им за это дам хлеба и вяленого мяса. Обмен произвели, дети, и женщины собрали сажу с казанов и чугунов, развели её в молоке, и я принялся за дело. Ну, а что было потом, вы уже знаете».

Так закончил свой рассказ Иван. За столом молчали, переваривая услышанное. Рассказом Ивана отец как бы остался доволен, по крайней мере, явного недовольства не проявлял. После этого случая брат из дома никуда не уезжал, днем занимался по хозяйству, а вечером садился на коня и в степь, как он говорил. «Размять жеребца, чтобы не застаивался».

НЕСПОКОЙНОЕ ХУТОРСКОЕ ВРЕМЯ

Вот что отец рассказывал про то неспокойное время:

— Наконец революция докатилась до нашего, Богом забытого в степной глуши, хутора. В нашей жизни особо ничего не поменялось, только добавилось тревоги. Власть в хуторе менялась каждый день. То придут красные, то белые, то какие-то анархисты с черными знамёнами, то банда батьки Куринного, то похожая банда батьки Сирко, и все, кто к нам приходили, собирали сход. Сначала люди ходили, думали, что там скажут что-нибудь хорошее, а потом, как поняли, что всё это ерунда на постном масле, и ходить перестали. Тогда новая власть начала людей сгонять, но люди шли с неохотой, соберутся два десятка человек и это считалось митингом. Смех один, да и только. А вот перед тем, как прийти красным, примерно недели за две, к нашему двору на тачанке подъехал богатей Барабаш и поинтересовался, не продаёт ли Иван своего жеребца, но, получив отрицательный ответ, уехал. А примерно неделей раньше, я проходил около двора зажиточного хуторянина, Устима Коротенка, он как раз загонял во двор с десяток овечек, купленных по дешёвке. То было такое время, одни, уезжая навсегда, всё продавали, а другие, которые считали, что их революция не тронет, покупали и радовались, что досталось просто даром. Загнав их, он принялся складывать вилами только что привезённое сено. В этот самый момент ко двору Устима подъехал на тачанке богатей Барабаш, увидев, чем занимается хозяин, спросил у него: «Что Устим, всё богатеешь?» Коротенко, прекратив работу, подошёл к воротам, где стояла тачанка Барабаша, и держа вилы в руках, ответил ему: «А что не богатеть, Яков Ефимович, когда оно, богатство, само в руки идёт, только успевай, бери его». — «А ты что не слышишь, о чём люди говорят? Не сегодня, так завтра придут красные и всё твоё добро отберут». Хозяин двора, услышав эти слова, схватил вилы наперевес, угрожающе демонстрируя, как он расправится с грабителями, сказал: «Пусть только сунется, любому брюхо пропорю!» Барабаш, посмотрел на него с сожалением и сказал: «Дурак ты, Устим, ты на него с вилами, а он в тебя из нагана, вот и весь разговор». Тачанка уехала дальше, а Коротенко постоял в задумчивости с минуту и снова принялся складывать сено в стог. Прошло ни так много времени, и в хуторе стали появляться войска, то белые, то красные, а ещё всякие банды, хотя они себя называли революционными войсками. Войска белые или красные вели себя более или менее сдержано. Есть, разумеется, всем хотелось, но старались или купить у хуторян продукты или

обменять, на что-нибудь. Так сказать, действовали не очень нагло, а анархисты и всякие банды хватали всё, что под руку попадётся: курей, гусей, свиней и прочую живность. Доходило до того что прямо со двора уводили коров или быков. Ну ладно животных брали, это как-то пережить можно, а вот когда молодых парней стали хватать и забирать к себе на службу, тут уж без горя не обошлось.

У тётки Мазепы хотели забрать двух взрослых сыновей, но она их не отдавала, да они и сами не хотели к ним идти, так они взяли и шашками зарубили обоих, а тела их сбросили в колодец. Да зарубали их эти изверги так, чтобы парней ещё живыми бросить в колодец, мол, пусть мучаются и издают из колодца стоны, а другие призывники пусть знают, что с ними будет тоже самое, если откажутся у них служить. Мать, убитая горем, двое суток стояла над колодцем, слышала стоны сыновей, но ничего сделать не могла, так как эти бандиты, поставили у копани часового, с наказом чтобы он никого не пускал, кроме их матери. И мать ничем не могла помочь своим сыновьям только стояла, сгорбившись над колодцем и плакала. Длилось это двое суток, пока этих бандюг не выбили из хутора красные бойцы, и тогда люди с красноармейцами вытащили из копани тела её сыновей и помогли похоронить их. А Мазепыха так сгорбленной и осталась на всю жизнь. Так что, сынок, у нас было не просто. Иван? А что Иван? Он, чтобы занять себя, чем-нибудь, с отцом начал перекрывать крышу сарая, а я им в этом помогал. Работали молча, чувствовалось напряжённая обстановка везде, не только в хуторе, но и в семье. Затем, через несколько дней, боевые действия в нашем хуторе стали затихать, похоже красные белых, а также остальных претендентов на власть, выгнали окончательно и власть взяли в свои руки. Теперь всем стало ясно, что власть будет советская, но какой она будет, никто не знал. О ней говорили всякое, а чему верить, чему нет, неизвестно. В семье на эту тему тоже были волнения. С одной стороны, рассуждал Ефим Васильевич, нам бояться нечего, мы бедняки, а бедняков красные не трогают. С другой же стороны, они могут отобрать корову и коня, а это для семьи будет плохо. Для нас корова — это жизнь. Иван слушал рассуждения отца молча, но как только зашёл разговор о коне он тут же вставил: «Коня я не отдам». Сказал, как отрезал. А дальше добавил: «Сяду на своего красавца, ускачу с ним в степь, и только нас и видели».

Далее развивать эту тему не стали, поужинали и легли спать. Среди ночи нас разбудил сильный топот копыт, чувствовалось, что во двор заскочили не один и не два всадника. Иван соскочил с полатей, схватил карабин и в сенцы. Отец с опаской подошёл к

окну, я другому окну. Ночь была лунная, и всё было хорошо видно, как днём. Во дворе было несколько всадников, а сколько их было, разобрать невозможно, они постоянно двигались. Один из них поехал к окну и прокричал: «Ивана дома?» Отец взглянул на старшего сына, который стоял с карабином в сенцах, едва освещённый каганцом. Тот кивнул головой, и тогда тато ответил: «Дома, дома» — «Пусть выйдет», — прокричали со двора. Открыв дверь, брат вышел на крыльцо, было слышно, как во дворе о чём-то заговорили.

Немного погодя Иван вернулся в хату, поставил карабин в угол и молча начал быстро одеваться. Надел куртку и брюки серого цвета, на ногах у него были сапоги, на голове фуражка военного образца. Затем он стал прощаться с нами. Каждого из членов семьи обнял, а, обнимая, говорил какие-то ободряющие слова, такого с ним никогда не было, это было впервые. Когда он прощался со мной, я как бы почувствовал, что вижу его в последний раз, и мне стало обидно и горько за такую не справедливость. У меня подступил комок к горлу, и накатились слёзы. Брат это увидел и говорит: «Не бойся, братишка, мы с тобой ещё повоюем». Он был гораздо старше меня и поэтому ко мне относился как к мальчишке. Затем он закинул карабин на плечо, в левую руку взял торбы и пошёл из хаты, а мы с отцом за ним. А сестрёнка Саня, которой в то время было лет четырнадцать, сидела на полатях, прижав руки к груди, смотрела на всё невидящими глазами и тихонько всхлипывала. Во дворе толпились всадники, сколько их было, не знаю, не считал, может с десяток, а может и больше. Все они наперебой о чём-то говорили, а когда на пороге появился Иван, разговор стих. Брат, ни с кем не разговаривая, быстрым шагом, прошёл в сарай и через некоторое время вывел оттуда своего жеребца, уже осёдланного. Сел на него верхом, немного покружив по двору, как будто с ним прощаясь, подъехав к нам, остановился, сняв с головы фуражку, поклонился или нам, или хате, в которой родился и вырос, каблуками сапог тронув бока лошади, шагом выехал со двора. За ним тронулась вся кавалькада всадников. Когда они выехали со двора мы с отцом пошли их провожать за ворота. На улице конники остановились, постояли немного, затем, пришпорив лошадей, поскакали в сторону степи. Постояв на улице, мы с отцом вернулись в хату, на душе было пусто, грустно и тоскливо. Из дома Иван уезжал не первый раз и всегда возвращался, но на этот раз он не вернулся. Куда он девался, где он, что с ним случилось, нам не известно, наверное, где-то сгинул.

После слова «сгинул», отец, низко наклонив голову, молча сидел несколько минут, видно было, что этот рассказ ему дался

нелегко, он до сих пор тяжело переживал потерю старшего брата, друга, наставника и кормильца. Видя его состояние, я пытался хоть как-то помочь ему, и, чтобы ободрить, сказал: «Тато, а может он и не сгинул, как вы говорите, а живёт где-нибудь, или, учитывая то, что слишком много прошло времени, жил. Может у него есть или была семья, остались дети, ведь могло быть такое, страна у нас огромная и затеряться в ней легко». Я с надеждой посмотрел на отца, как он среагирует на мои слова. Отец быстро поднял голову, в его глазах я увидел искорки радости и надежды, и уже более весело сказал: «А что, сынок, может и так, — и добавил, — ведь мертвым его из наших хуторян никто не видел, и никто нам об этом не говорил, так что вполне возможно».

От такого предположения нам обоим на душе стало легче. Вы не удивляйтесь, что моему дяде Ивану Ефимовичу я уделил столько внимания, ведь он в семье был яркой личностью и ещё потому, что он не дал моему отцу умереть от голода. Спасибо тебе, дядя Ваня Чухлиб, и царство тебе небесное, я надеюсь, что ты именно там. Кстати о бабе Мазепиной, у которой бандиты зарубили сыновей. К сожалению, я не знаю её ни имени, ни отчества, но знаю, что жила она рядом Гаркушиными, так вот, в детстве я её видел, и меня удивило то, что все ходят прямые, а она сгорблена. Я спросил у мамы: «Мамо, а почему Мазепина бабушка сгорблена?» — «Сыновей её зарубили бандиты и в копань сбросили, она простояла там двое суток сгорбленной, и после этого больше не разогнулась». В каком положении она стояла над колодцем, вот так на всю жизнь и осталась.

ЖИЗНЬ БЕЗ ИВАНА, ЖЕНИТЬБА КОНДРАТА

Продолжение рассказа отца.

— Прошёл год, после того как не вернулся Иван, у нас в хуторе установилась советская власть, на нас это практически никак не отразилось, как командовали богатеи всем в хуторе так и продолжали командовать, но видимость советской власти была.

На одной хате, из которой сделали контору советов, висел красный флаг, такой небольшой отрез красной ткани. Одним словом, видимость власти была. А народ как жил до неё, так и продолжал жить. В семье же Ефима Васильевича всё поменялось и притом в худшую сторону. Все Ивановы припасы были съедены, чтобы с голода не помереть пришлось и корову пустить на мясо, бычка съели раньше, но и мясо коровы закончилось. Из животных в хозяйстве осталась только тёлочка. Что можно было поменять на продукты — поменяли, больше запасов на обмен не осталось, как быть и где заработать на пропитание никто не знал. Зажиточные люди, которые занимались земледелием, всякие работы прекратили, выжидали, что будет далее. В семье искали выход из создавшегося положения. Перебрали все варианты, но ни один не подходил, оставалось только одно женить сына Кондрата на богатой невесте. Такая невеста уже была на примете, это Катя Хоменко. У неё семья богатая, если свадьба состоится, то поделятся добром, да и в работники возьмут, ведь лучше взять своего родственника, чем чужого человека. Примерно так рассуждали на семейном совете отец и сын Чухлиб. Кондрат очень хотел жениться на Кате, они встречались давно и любили друг друга.

В общем, так и решили, Кондрат встречается с Катей, делает ей предложение руки и сердца, а больше-то и предложить нечего, и если она согласна, то будем засылать сватов. Молодые встретились, Кондрат сделал Кате предложение, она с радостью согласилась. А как она могла не согласиться? Ведь выйти замуж за любимого человека — это была её сокровенная мечта.

Жених сказал невесте: «Раз ты согласна выйти за меня замуж, то скажи об этом родителям, и если они будут согласны, то зашлём сватов». Катя понеслась домой, вся светилась от счастья, предвкушая как это будет хорошо, каждый день с любимым быть рядом. В этот же вечер она сообщила радостную весть своим родителям, но родители её радость не разделили, а наоборот, оказались категорически против такой свадьбы, особенно отец, Нестор Хоменко, возражал. Он сказал дочке: «Кондрат Чухлиб жених хороший, видный, но у него есть недостаток, он сын

батрака, а значит и сам батрак. Его батько бедный голодранец, и он такой же, и чтобы мои внуки были батрачата, голодранцы, не допущу такого позора на весь хутор. Нарожаешь кучу детей, как мать Кондрата, они будут бегать по хутору оборванные, босые, грязные, голодные, а хуторяне будут показывать пальцем и говорить: «Вон смотрите, эти голодранцы внуки Нестора Хоменко». И как я буду всё это переносить, ты представляешь?» — спрашивал он у своей дочери. Никакие просьбы и слезы не помогли, отец Кати так и заявил: «Не бывать тому, чтобы дочь богатого вышла замуж за бедняка, это закон и не я его придумал». Одним словом, свадьба Кондрата и Кати не состоялась.

Но отец Кондрата Ефим Васильевич не терял духа и сказал сыну: «Ничего сынок, ты в нашей семье не первый женишься на богатой невесте, мой дед, а твой прадед тоже был бедным человеком, а женился на богатой невесте, тогда на это смотрели ещё строже, чем сейчас, но ведь женился, и жили хорошо. Слава богу, времена меняются к лучшему, и может нам, беднякам, станет лучше жить, да и считать нас за второй сорт не будут. Так что не робей и давай ищи другую богатую невесту». Отцу Кондрата рассуждать было просто, он не был влюблён в Катю Хоменко, а как пережить расставание этой молодой паре никто не знал, знали только Кондрат и Катя, как тяжело им далась разлука, другие хуторяне, которые были на их стороне, только им сочувствовали. Но, как известно сочувствием горю не поможешь. Как к этому относиться, давайте немного отвлечёмся от темы и рассудим.

Отступление от темы. Если брать сторону Нестора Хоменко то он прав. Спокон веков женились богатые на богатых, за редким исключением. А главное, женились не только на богатых чужих невестах, но и на своих родственниках, чем наносили непоправимый вред своему роду. Знали про это, а все равно женились, чтобы сохранить богатство, нажитое предками и приумноженное современным поколением. И так из поколения в поколение из века в век. Согласитесь, ведь трудно создать достаток из ничего. Ведь чтобы обжиться, нужны средства, а взять их негде, если конечно, говоря современным языком, нет спонсора. Вот и мыкается такая семья из бедноты в нищету и обратно и выхода не находит. Если семья создаётся из двух богатых родов, то родители с обеих сторон молодым дают всё необходимое, от ложек до дома, в котором молодые будут жить. Приумножить такое приданное гораздо проще. Думаю что с практической точки зрения это правильно, но, в данном случае не учитываются чувства молодых, которые хотят связать свою жизнь не с нажитым богатством своих предков, а с любимым человеком.

К сожалению, родители чувства молодых не брали во внимание, в данном случае пользовались другими критериями.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Известие о том, что с Катей свадьба не получилась, в семье Чухлибов встретили с грустью. Ведь женитьба Кондрата — это не просто женитьба, а это акт на выживание. Женится Кондрат на богатой невесте, значит, семья Чухлиб будет жить дальше, а нет, то всякое может случиться, в том числе и смерть. Как говориться, война войной, а обед по расписанию, если он есть, то хорошо, а если нет, то надо жениться на богатой невесте, чтобы он был. Неудача не остановила семью Чухлиб, они начали искать другой вариант и остановились на Поле Ласун, хотя уверенности не было, зная крутой нрав её матери, да и старшей сестры Кылыны тоже. Не смотря на это, Кондрат выбрал Полю, зная, что он ей очень нравится, и она хочет выйти за него замуж. Кондрат встретился с Полей и сделал ей предложение. Та со всех ног побежала домой — понесла радостную весть. Но у Ласунов радость Поли не разделили. У них произошло всё точно также, как и в семье Хоменко. Мать Поли и старшие сёстры были категорически против её свадьбы с Кондратом Чухлиб.

Особенно злобствовала старшая сестра Кылына, которая к этому времени давно была замужем и в доме матери не жила, но по такому важному случаю, она явилась. Она рисовала жуткие картины совместной жизни с батраками, страсти в доме были не шуточные. Это продолжалось не один день и даже ни одну неделю, но Поля стояла на своём: «Хочу замуж за Кондрата и никого больше мне не надо, только за него». Но Кылына пыталась её убедить, ставя в пример себя, что она вышла за богатого и теперь живёт припеваючи. Полю такие доводы не убеждали, она стояла на своём.

За время борьбы Поля, сильно исхудала, ела плохо, плохо спала, мать постоянно слышала её вздохи среди ночи. Работа у неё валилась из рук, а для такого большого хозяйства это плохо. Мать, видя всё это, в конце концов, сдалась и дала добро засылать сватов. Эти события я описал в мягкой форме, но мне известны и другие методы борьбы Поли с противоборствующей стороной. Знаю, что в один из дней, она пригрозила членам семьи, что если её не отдадут замуж за Кондрата, то она покончит с собой. Позже, когда мы, дети Кондрата и Поли, были уже взрослые, то спорили на эту тему, так было или нет. Мнения разделились, были как сторонники, так и противники этой версии. Чтобы установить истину, я расспрашивал маму, но она смеялась и не хотела говорить на эту тему, и, чтобы отвязаться от меня, сказала: «А ты спроси у дяди Ивана Ласуна, если он помнит, то тебе расскажет».

В то время мама была уже в возрасте, далеко за шестьдесят, а дядя Иван, старший брат моей мамы был старше её на три года, так что мог и не помнить. В связи с моим приездом к родителям, дядя Иван был у нас в гостях. Я, естественно, тут же обратился к нему за разъяснением. — «Да, — говорит, — было такое, я тогда у неё отобрал верёвку, выгнал её из сарая и сообщил обо всём матери».

Гораздо позже я узнал о другой версии от другого источника. Она заключалась в том, что мать Поли, видя страдания дочери и пребывая в нерешительности, направилась в село Джалгу к гадалке. Гадалка как бы ей нагадала что надо дочь отдавать за того, кого она выбрала, иначе она долго не проживёт. По этому поводу я думаю так, что эти обе версии имеют право на существование. Может оно и так, а возможно тут был и другой резон. Что ни говорите, а к власти окончательно пришли большевики, а они, как известно, опираются на людей из бедного сословия, к которым относятся те же батраки. Так не лучше ли породниться с ними заранее, а не дожидаться того времени, когда из твоего дома всё вынесут и вывезут. Правда пока большевики себя никак не проявляют, как говорится, за власть не хватаются, но это пока, а что будет дальше не известно. А если есть такой случай, то за него надо хвататься. Да и дочку жалко, она же у матери младшенькая, бедняжка, измучилась.

Так, или примерно так, рассуждала мать моей мамы и моя будущая бабушка Пастелина. С Божьей помощью засватали невесту, и молодые обвенчались в церкви. Мать Поли подарила ей ту самую икону, которой она благословляла молодых. Приданым не обидела, дала всё от мебели, до ложек и кружек. Я, автор этих строк, всё это видел, да что там видел, я жил в этой среде и прекрасно помню. И Модную деревянную кровать, и большой сундук с добром, и другую домашнюю утварь. Кроме всего прочего, выделено было три овечки, тёлка, гуси и куры, не говоря уж о муке, крупе и прочей снеди. Всё выделялось с наказом, размножайтесь и богатейте. Правда новая Полина семья наказ выполнила только наполовину. Кур и гусей съели довольно быстро, есть-то хотелось. И получилось как в анекдоте у тех китайцев. Ненадолго прервёмся и я вам его расскажу.

АНЕКДОТ

Китайцы садят картошку, только посадили, тут же выкапывают, варят и едят. Им говорят: «Что же вы делаете?» А они в ответ: «А кусять хочется».

Вот так получилось и у моих родителей. А если серьёзно, то в хате Чухлебов появился, какой-никакой, а достаток. Учитывая то, что у них до этого, вообще, было шаром покати. Отец рассказывал, что когда шёл жениться, так по пути два раза отдыхал — сил не было, настолько был истощён, поэтому то, что привезла собой невеста, было настоящее богатство. Из ценных вещей была, пожалуй, деревянная кровать. Родители ею очень гордились. Вещь по тем временам была очень редкая. На таких кроватях, как у моих родителей, спали, пожалуй, только господа. А тут батрак на ней спит со своей женой. «Диво да и только», — говорил местный народ. На этой модной кровати я тоже спал в детстве, но после того как мы с отцом ею занялись, на ней не спал уже никто. А получилось так.

Послевоенные годы 1946–1947 были для страны тяжёлые, неурожайные, страна у нас аграрная, значит, если в стране неурожай, то недостаток во всём. Вот и получилось так, что мыло в магазинах днём с огнём не сыщешь, а это самый рай для всякого рода паразитов. Развелись они в таком количестве, что просто беда. И нашу кровать они не обошли. Развелись и в нашей кровати эти красно-коричневые твари, да так их было много, что хоть караул кричи. Что делать, извечный вопрос россиян. Мыла нет, ни каких химикатов для борьбы с паразитами и в помине нет, и что остаётся, только народная смекалка. Вот мы с отцом и смекнули. Решили этих паразитов травить керосином. Вытащили кровать во двор, разобрали ее на части, обнаружили место скопления вредных существ и принялись их обильно поливать. Налили керосина столько, что они в нём плавают. Ну, всё думаем, теперь им крышка. Сели с отцом на скамейку и ждём, когда они утонут в керосине. Не знаю, какие клопы у других людей, но наши оказались хитрые и изощрённые. Им как-то удавалось выплыть из лужи керосина и перебраться на сухое место. Тогда мы начали поливать их керосином из двух бутылок. Паразиты выползают на сухое место, а мы с отцом поливаем. Залили всю кровать, а под нею и землю, они по ней ползают и по кровати и по залитой керосином земле, и хоть бы хны, ничего их не берёт. Чувствуем, что эта мера не достаточна. Решили их поджечь, чтобы они выгорели. Отец говорит: «Сынок, неси спички, будем тварей уничтожать огнём». Учитывая, что такую работу мы делали впервые, то некоторые детали мы не учли, а именно, кровать-то была вся в керосине. Но наша задача была уничтожить паразитов, и мы её рьяно выполняли. Когда подожгли, радовались, как эти паразиты корчатся в огне, и не заметили, как заполыхала вся кровать, а под ней и земля залитая керосином. Что делать, понятное дело надо тушить нашу дорогую кровать, а под руками

ни ведра, ни воды нет. Затем я с ведром бегал от бочки к бочке, а тато усиленно тушил кровать, залил водой что надо, но было уже поздно. Кровать была желтого цвета, а остатки её стали чёрными. Но это ещё не всё, когда мы тушили пожар, то так шумели, что на наш шум из хаты вышла мама, увидев, что от кровати осталось, она выдала такую тираду, что у меня уши в трубочку свернулись. Нет, нет, мама не материлась, в нашей семье это не принято, но она нам с тато столько наговорила разных слов, но я их писать не буду. Скажу только, что вся её тирада сводилась к одной знаменитой поговорке: «Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб разобьёт». А что делать, всё это похоже на правду, по этому поводу тато молчал, а я тем более. Пришлось вместо кровати делать полати. Позже, у родителей появилась металлическая кровать, в то время на них была мода. Ну ладно, с кроватью мы покончили, в прямом смысле этого слова, теперь давайте вернёмся к повествованию нашего исторического прошлого.

В сумрачной хате Чухлиб появился светлый лучик в лице Поли и керосиновой лампы со стеклом, которую она с собой принесла. Надо сказать, что в то время такая лампа была роскошью для бедняков, хотя в богатых семьях они были в порядке вещей. По натуре Поля была трудолюбивая, как раньше говорили, работящая, да и закалка, полученная в хозяйстве матери, дала о себе знать. Расчёт Ефима Васильевича оказался верным. Сватья Пастелина Ласун время от времени приглашала поработать в хозяйстве. Деньги, правда, не платила, но продуктами рассчитывалась. Так постепенно налаживалась жизнь и отношения двух семей Чухлиб и Ласун. Мать Поли и старшая сестра Поли Приська говорили примерно так. Ну что ж, вышла замуж по своей воле, так пусть теперь живёт, а мы ей помогать будем. А вот Иван и, особенно, Кылына никак не хотели родниться с вновь созданной семьёй. Она так сестре Поле и сказала: «Раз ты меня не послушалась и замуж вышла за батрака, значит, ты тоже батрачка, а с голодранцами я не знаюсь, среди нищих у меня нет родственников. С Кылыной Савельевной это было не так заметно, она жила в другом селе, а вот Иван Савельевич жил с моими родителями в одном хуторе, на одной улице и были почти соседи, и хуторянам было неприятно смотреть, когда он на улице встречался с Кондратом и не здоровался. Справедливости ради надо сказать, что Кондрат Ефимович, платил Ивану Ласуну той же монетой. И такие отношения продолжались очень долго, до тех пор, пока жизнь не пообломала обоих упрямцев. Я имею в виду Кылыну и Ивана Ласуна. Но, не смотря на неурядицы, жизнь шла своим чередом, как известно, время не остановишь. К концу 22 года прошлого

века семья Чухлеб была из четырёх человек: отец Ефим Васильевич, сын Кондрат, дочь Александра и жена Кондрата, Пелагея. Александра, в семье её звали просто Саня, от природы была слепая. Не смотря на свой физический недостаток очень быстро вышла замуж и с мужем уехала в город Краснодар. Мои родители связь с ней практически потеряли и, только спустя годы, мама ездила к ней, а чуть позже она приезжала к нам в хутор Северный. Об этом расскажу, как буду писать о каждом в отдельности. Сейчас рассказ о моём отце Кондрате Ефимовиче.

НАШ ОТЕЦ ЧУХЛИБ (ЧУХЛЕБ) КОНДРАТ ЕФИМОВИЧ

Родился он в 1903 году, умер в 1980, прожив 77 лет. Словесный портрет писать не буду, так как есть фотографии. Напишу только его ростовые данные. Роста он был высокого, особенно для того времени, 184 см. Всегда был худощав, подтянут, за исключением одного времени, когда бросил курить, но это длилось недолго. В школе не учился, поэтому был безграмотен. Незнание грамоты, очень затрудняло жизнь отца, особенно на фронте. Всю жизнь, с малых лет, работал в поле со взрослыми людьми, а позже, когда повзрослел, был поставлен к лошадям. До войны работал в колхозе кучером у председателя. У него была пара гнедых лошадей, которых он запрягал в тачанку, и возил председателя колхоза по необходимым местам. Чаще всего в соседнее село Бурукшун, на совещание в сельский совет. Но были и дальние командировки, в районное село Ипатово, что в пятидесяти километрах от нашего хутора. Вот эти довоенные поездки в Ипатово мне очень запомнились, так как он оттуда привозил гостинцы, в основном кусковой сахар. Я помню это счастливое детство. Когда отец возвращался, то он садился на ступеньке порога, а мы, в это время, толпились вокруг него. Затем брал ножик в правую руку, в левую ладошку клал кусок сахара и ударом обратной стороны ножа с размаху разбивал кусок сахара, затем откладывал нож в сторону, и нам со своей ладошки раздавал кусочки сахара. В этот момент нашим восторгам не было предела. Из довоенного времени об отце, я мало что помню, так как мне тогда было шесть лет, но этот случай с сахаром помню хорошо, а ещё помню случай, когда нас с братом Григорием, он старше меня на два года, отец взял косить сено.

Сенокос находился в том месте, где позже посадили колхозный огород. Косили отец и брат, у Григория была небольшая коса по его росту, отец смастерил. А что там я делал? Даже не знаю, наверное, мешал им работать. В общем, косили, косили, затем Гришка остановился, чтобы поточить косу оселком. Как он её точил я не видел, а услышал его крик. Тато сразу побежал к нему, я тоже подбежал, смотрю на брата и думаю, чего это он так испугался, что так сильно закричал, ничего так и не понял, но затем я увидел, что у Григория вся правая ладонь в крови. Помню, что я очень испугался, наверное, столько много крови я видел впервые. Но отец не растерялся, быстро нашелся что делать. Оторвал кусок тряпки, в которую был завёрнут наш

обед, и этим замотал рану. Я, тогда думал: «Какой тато у нас умный, знает, что надо делать и как это делать». Он и действительно сделал всё правильно, и рана зажила.

ВОЙНА

Событие, которое я запомнил навсегда, это когда в августе 1941 года, отца провожали на войну. Деталей, разумеется, не помню, а помню, что в нашем дворе было очень много народа, и мужчин, и женщин, а дети, так те вообще «висели» на всех предметах, подходящих для этого. Затем двор опустел, и остались только мы, дети, и наша мама, которая плакала. А ещё запомнилось, как ещё до войны тато приезжал домой на тачанке и брал нас кататься по хутору. Лошади бегут по улице трусцой, а мы, детвора, сидим в тачанке и смотрим по сторонам, как другие дети с завистью смотрят на нас. Но, увы, это было не так часто, как нам бы хотелось. Как до войны выглядела тачанка, я не помню, а вот лошадей помню. Это была пара гнедых коней, рослые красавцы, ими любовались все хуторяне. Как тачанка Кондрата появится на улице, откладываются все дела, и начинается просмотр очередной «серии фильма под названием НАШЕ БОГАТСТВО».

Вот и всё что я помню об отце до войны. Остальные воспоминания связаны с рассказами отца о войне и с послевоенным временем. Военное бремя было тяжёлым, как для нашей страны, так и для основной части её населения. Нам было трудно в тылу, но и отцу на фронте было не легче, а возможно труднее, чем нам. Дома все трудности легли на плечи нашей мамы. Надо было всех детей накормить, обстирать, обшить, а ещё постоянные ожидания писем, сначала только от тато, а затем и от старшего сына Андрея, которого забрали на войну весной 1942 года, а затем и от братика Алёши, которого забрали на фронт весной 1943 года. Письма приходили с фронта очень редко. Мы дома понимали, что отец не грамотный, и поэтому у него есть проблемы с оформлением писем. Но они приходили и это нас радовало.

О том, что идёт война мы знали, но на нашей жизни это никак не отражалось, хутор жил своей жизнью, колхозы были, и хуторяне в них работали. О том, что идёт война, нам ничто не напоминало. И только осенью 1942 года, когда наши войска через хутор ещё не отступали, мы жили в неведении. Знали, что идёт война, а где она идёт не знали, думали, что где-то на западной границе нашей страны. В один ясный солнечный день к нам в хутор поступила информация через беженцев, пришедших к нам с запада, со стороны степи. Добирались они к нам из Ростова, где подъедут, а больше пешком. Это были три еврейские семьи, всего их было девять человек. Из всех я запомнил только двух мужчин.

Это были два высоких седовласых учёных мужа. И оба были профессоры Львовского университета. В хуторе у здания правления, они объяснили хуторянкам о положении дел на фронте и что знали, рассказали о тыле. Их разместили по хатам, где были небольшие семьи. Выдали из колхозной кладовой продукты для проживания. Продукты получили, а теперь их надо отрабатывать в колхозе. Пришли они на колхозный двор два этих мужчины, в добротных костюмах бежевого цвета, они хоть и не новые, но выглядели прилично.

Наши женщины, увидев их, в один голос закричали: «Вы что это вырядились, в клуб на танцы что-ли собрались?» Мужчины смущённо развели руками и говорят: «А у нас другой одёжки и нет». Ну, нет, так нет, бригадир им даёт команду, одному запрячь лошадь в оглобли и увезти колхозниц на поле. А другому беженцу, запрячь быков в бричку, чтобы солому возить. Как они запрягали, так это была настоящая умора. Тот, который запрягал лошадь, осторожно взял её под уздцы, завёл промеж оглоблей, головой к бричке, а хвостом к хомуту. Затем начал соображать, что же делать дальше, возьмёт в руки хомут, подержит его в руках, а куда его пристраивать не знает, не на хвост же. Хуторские женщины стояли в сторонке и смеялись над неумехами. Такого они ещё не видели. Наконец одна молодая солдатская жена пожалела учёного, взялась и быстренько запрягла лошадь.

Когда она запрягала, профессор к ней подошёл и говорит: «Какая Вы молодец, Вы так это хорошо умеете делать, а я вот всю жизнь изучал разные науки, а лошадь запрягать не умею». Я был там и видел всю эту картину, и, поверьте, мне стало жалко этого красивого немолодого человека, ведь он не виноват, что война заставила его делать то, чему он не учился. Вы спросите про второго учёного, который запрягал быков. Нет он их не запряг, мало того он даже подойти к ним побоялся. Животные понимают, кто к ним подходит, если человек их боится, то они и пнуть могут. Быки думают, лучше мы лишний часик полежим, чем подчиняться этому недотепе. Вскоре через наш хутор поехали другие подводы с беженцами, и наши учёные с ними уехали дальше.

ГРАБЁЖ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

Вкратце я уже писал, как наши войска при отступлении грабили наш хутор, а теперь на этом хочу остановиться подробнее. Табун загнали в баз и солдаты стали арканом вылавливать тех лошадей, которые понравились их рыжему начальнику. Когда они жестоко, отлавливали из табуна наших лошадей, у база собрался почти весь хутор, в основном женщины и дети. Хуторянки стояли у ворот база, а мы, ребятишки, залезли на стены ограды и всё видели. Мне было тогда семь лет, но я до сих пор помню ту картину жестокого обращения с нашими лошадками. Особенно досталось от военных жеребчику, трёхлетке, тёмно-гнедой масти, который никак не хотел, чтобы его поймали. Он носился по базу с такой скоростью, как будто он убегал от диких зверей. Солдаты на него никак не могли набросить петлю аркана — он убегал, изворачивался, а если петля летела ему на голову, то он уклонялся, и петля пролетала мимо его головы. Я с другими мальчишками стоял на стенке база и всё прекрасно видел, мне было очень жалко этого коника и потому при каждом успешном его действии, мы с ребятишками сопровождали криками восторга, а солдат, которые его ловили, мы просто ненавидели. Хуторянки, видя, как жеребчик успешно сопротивляется, говорят рыжему командиру: «Ну, зачем он тебе, он же ещё не конь, а жеребёнок, в упряжку ему ещё рано и под седло тоже, пусть сначала вырастит в настоящего коня, потом и ловите». — «Нет, — говорит рыжий командир, — он мне нравится, и я его заберу». Тут, наши женщины как начали ругать и командира, и его солдат: «Вы, — говорят, — ни какие, ни воины, если драпаете от немца. Вы нас должны защищать, а вы нас не защищаете, да ещё у нас всё забираете, а что нам останется, чем мы своих детей кормить будем, вы подумали об этом?» Но рыжий командир женщин не слушал и продолжал делать своё чёрное дело. А нашего коника, этот рыжий, всё-таки забрал, поймали его, коротко привязали к бричке и увели. Надо сказать, что солдаты умели заставить лошадей их слушаться. Забирали лучших животных: лошадей, коров, быков, овец. Только на дальней кошаре овец не тронули, по какой причине, я не знаю. Возможно хватило и того что взяли, а может просто побоялись ехать по открытой местности, подумали, что немецкие солдаты уже где-то близко, и поэтому наши осторожничали. Брали по крупному, а также и по мелочи — зерно, муку, растительное масло. Зерно насыпали в мешки, а затем грузили в наши же брички и увозили. В общем, наше хуторское хозяйство почистили

окончательно. Колхозный двор опустел, сена было два стога, остался один, и с зерном такая же картина. Я не думаю, что красноармейцы делали это по своей инициативе, наверное, была такая установка от высшего командования. Всё это так, но было неприятно, что нас грабят свои же солдаты. Как потом выяснилось, это отступала основная часть войск, за ними потянулись разрозненные отряды бойцов, некоторые в нашем хуторе останавливались, чтобы попить воды, да сделать её запасы и двигались дальше. Но были не большие отряды, которые задерживались в хуторе, на день или на два.

Как-то я со своего двора вышел на улицу и увидел, что возле двора Беленковых стоит небольшая пушка, пара лошадей и человек шесть красноармейцев. Я сел на призьбу и стал смотреть за красноармейцами, что же они будут делать. Сначала они стояли возле пушки и что-то обсуждали, затем двое ушли во двор Беленковых и оттуда вернулись с топорами. Подошли к вишнёвым деревьям и начали их рубить. Как я это увидел, то мне стало грустно и больно до слёз. Ведь в июле месяце эти деревья усыпаны ягодами вишен, и мы с Лёнькой Беленко не однажды прятались от тёти Ульяны в зарослях этих кустарниковых деревьев и с удовольствием поедали сочные вишневые плоды.

Я сижу и смотрю, как бойцы очищают просеку между деревьями. Как только просека была готова, они затащили туда свою пушку. Я обрадовался тому, что вырубили не все вишнёвые деревья, значит, что-то и нам достанется. Только они спрятали пушку в просеке и стали её закидывать срубленными ветками, как в это время их кто-то позвал. Я сначала не видел, кто бойцов зовёт, но голос его слышал отчётливо, но когда солдаты посмотрели вверх, в сторону сарая, то я туда тоже посмотрел и увидел солдата, сидящего на конке крыши сарая с биноклем в руках.

Он им кричит: «От южной кошары идёт легковая машина, чья не известно, то ли наша, а может немецкая, что будем делать?» Как все солдаты забегали, одни побежали к пушке, другие прибежали к воротам и смотрят то направо, то налево вдоль улицы. А я, семилетний мальчишка, сижу спокойно на призьбе и думаю, а что это они так всполошились, ведь их шесть человек и все с винтовками, а там едет одна легковая машина и столько страха. Ладно, думаю, посижу, посмотрю, может стрелять будут, хорошо бы из пушки, а то я ещё не видел, как пушка стреляет. Но тут наблюдатель испортил все мои надежды, он сказал, что машина повернула в сторону Бурукшуна, и поэтому командир дал отбой. Так боя и не было. Я ещё повертелся возле своих ворот, а затем меня мама загнала во двор. На другой день, я проснулся

утром — и сразу на улицу, проверить, на месте ли пушка. Но, к моему разочарованию, её там не было, осталась только просека и вялые ветки деревьев.

ОКУПАЦИЯ

Красноармейцы как пришли, так и ушли, а хуторяне остались, ждут, что будет дальше. А что дальше, скоро придёт немец и заведёт свой немецкий порядок. Но какой он будет этот порядок, очень волновало хуторян. Ждём когда придет этот супостат. А он не идёт, день, другой, пятый. Тогда хуторяне собрали сход, и решили, раз власти никакой нет, давайте сами командовать. На сходе, всё, что осталось от налёта наших солдат, разделили по справедливости.

У нас в семье появился достаток, мы каждый день ели борщ с мясом и белым хлебом. В стайке я видел четыре овечки, в сарае стояли две бутыли с растительным маслом. В общем, живи и радуйся. Все семьи живут в достатке, казалось бы, надо радоваться, но в хуторе не радуются, а тревожно ожидают, что будет завтра или послезавтра. Немцы должны же прийти в хутор, а их всё нет и нет. Вдруг пришла весть из Бурушуна, оказывается, там немцы давно уже находятся. Их было немного — шесть человек, так сказать, небольшой гарнизон, но к нам они почему-то не приезжали.

На дворе стоял август месяц, у нас, на бывшем колхозном, а теперь общем огороде, созрел виноград. Немцы как-то узнали про это, и приехали два солдата на линейке, на которой стояли плетёные корзинки. Собрали женщин и заставили их собирать виноград. Нагрузились и уехали.

После этого они стали к нам приезжать раза три в неделю. Обычно приезжали два солдата: высокого роста, морды толстые, шеи тоже как брёвна, одним словом, откормленные. А почему им быть не откормленным, они не служили, а жили лучше, чем на курорте. Продукты собирали не только в Бурукшуне, но и к нам приезжали и ездили по дворам — собирали яйца, масло, хлеб и прочие продукты. Первый раз они приехали, остановились около хаты деда Паки и о чём-то с ним разговаривали. Потом они поехали по дворам, стучали кнутом по воротам, пока кто-нибудь не выйдет. Обычно выходила женщина, немец сразу ей говорил: «Бабка, яйко, масла давай». Вот эти слова они знали, а больше я от них русских слов не слышал. Хозяйка двора, к которому подъезжали немцы, выносила продукты, и если немец полученным был доволен, то он говорил: «Гут», садился на линейку и ехал к следующему двору. Позже, как только линейка с немцами появляется в переулке, хуторянки уже готовили, что отдать этим супостатам. Хуторяне немцев кроме как супостаты, больше никак не называли. Упряжка с немцами двигалась вдоль

дворов, а бабки, с уже приготовленным, стояли у своих ворот и ждали. Немцы спокойно собирали подать и, загрузившись, уезжали.

За всё время, пока немцы ездили к нам за продуктами, между ними и хуторянами не было ни одного конфликта. То ли немцы нам попались тихие, то ли хуторяне повода не давали, как бы то ни было, а обошлось без конфликтов. Позже в хуторе появилась немецкая власть, старостой был назначен наш хуторянин одноногий Яков Кошевой, а полицейским, его сын Ефим. Власть хоть и была немецкой, но особо она никого не притесняла, так что жили мирно почти до конца оккупации. И только уже в начале весны 1943 года староста начал готовить списки для отправки молодёжи в Германию. В этот список попали и наши члены семьи, брат Алёша и сестра Наташа. Был и другой список, так называемый, «Советские активисты», в него попала наша мама. Но на наше счастье, немцам под Сталинградом, наши так наподдали, что они забыли про списки, им надо было самим спасаться, а не заниматься карательными операциями.

Немцы через наш хутор не отступали, а вот калмыки-предатели, которые воевали на стороне немцев, драпали через наш хутор. Они приехали к нашему правлению колхоза, что-то почирикали, почирикали, а затем разбрелись по домам за добычей. К нам во двор тоже один приехал верхом на лошади, к которой был привязан верблюд, нагруженный поклажей. Оставил своих животных во дворе, а сам зашёл к нам в хату. Увидев Наташу, а ей в то время было шестнадцать лет, начал приставать к ней с любезностями, так мама ему такое устроила, что он решил быстрее убраться из нашей хаты. Вскоре в хутор зашли наши кавалеристы, их было немного, человек пятнадцать. Им рассказали про калмыков, и они не теряя ни минуты, поскакали их догонять. К утру кавалеристы вернулись в хутор, чтобы дождаться своей основной части. Так вот они рассказывали, что догнали калмыков около посёлка Чунус, но куда они их дели, не рассказывали. Возможно, взяли в плен и кому-то передали, а возможно, просто предателей порубали, с этим в военное время было просто, предателей не щадили. Вскоре через наш хутор прошли большие колоны войск, но теперь они у нас не останавливались, видно очень торопились. Потом постепенно началась налаживаться советская власть. Наша семья жила на запасы продуктов из оккупации, их хватило до осени 1943 года, а дальше началось выживание, хотя я об этом уже писал и не буду ещё повторяться о тяжёлой осени 1942 года.

РОКОВЫЕ ПТИЦЫ

В нашем хуторе было поверье, что если в чей-то двор прилетит сыч или голубь, то быть беде, а если сядет на крышу вашей хаты, то быть большой беде. По поверьям того времени птицу надо было обязательно убить, тогда беды не случится. Такие птицы были роковые и с ними церемониться нечего. Откуда это повелось, я не знаю, возможно, ещё с языческих времён, а в нашем хуторе, оно сохранилось до военного времени. Особенно это поверье обострилось во время войны. Люди всем были напуганы, то немцы где-то бомбы бросают, и в нашем хуторе слышно, то немецкие шпионы бродят по лесным полосам, то какие-то бабки-чернавки ходят по дворам и пугают концом света, а тут ещё эти птицы. Одним словом, страхов хватало. Как-то весной, 1943 года, когда брат Андрей ещё не вернулся с фронта, на крышу нашей хаты сел сыч. Раз сел на нашу хату, значит, он нам принёс дурную весть. А у нас, трое воюет, как тут не испугаться. Поднялась тревога, убить этого паразита, во что бы то ни стало. Началась охота. Сначала за сычом гонялись мы, мальчишки, бросали в него что под руку попадётся, затем подключились женщины. Все поняли, что убить-то его не убьёшь, то хоть с хутора прогнать. А этот сыч словно издевается, летает себе с крыши хаты на крышу сарайчика, или на крышу Лавровского сарая, и близко к себе не подпускает. Народу у нашей хаты собралось человек двадцать, стоят на улице и рассуждают, что же с этим супостатом делать. А он взлетел с нашей крыши, покружился над толпой и улетел восвояси. Люди проводили его взглядом и успокоились — хорошо хоть улетел. А вот ещё один случай из той же серии.

Это было ранней осенью 1944 года. Наш брат Андрей вернулся с фронта, уже слегка поправился, и теперь работал на МТФ, вы об этом уже знаете, я писал выше. Андрей приехал на обед, сидел в хате и ел борщ. Я слонялся по двору, ища себе занятие, и вдруг вижу, на крыше сарая Лавровых сидит голубь, затем он с соседней крыши перелетел на крышу нашей хаты. Голубей в нашей округе вообще не было, откуда взялся этот дикий голубь неизвестно, но зато всем известно, что он принёс дурную весть. Мама была во дворе, увидела голубя и с обречённым видом произнесла: «Это, наверное, что-то случилось с батькой или с Алёшей». Я стремглав бросился в хату к Андрею. Тот вышел, посмотрел на голубя и дал команду: «Голубя не трогать», а сам, прихрамывая, пошёл к Кошевому Якову Ефимовичу за ружьём. Андрей, вернулся с ружьём, увидел голубя

на нашей крыше и прямо с улицы выстрелил в него. Эта наглая птица, от неожиданности подпрыгнула, взмахнула крыльями и перелетела на крышу нашего сарая. Андрей, пригнувшись, похромал за ним, а как же, охота, надо соблюдать все правила. Подошёл к погребу и оттуда, метров с десяти, дал выстрел. Наглая птица спокойно взлетела, как будто стреляли не по ней, и перелетела на крышу сарайчика Мазепы, это недалеко от нашего сарайчика. Брат пошёл туда, я за братом. Смотрю, Андрей, лег грудью на крышу этого небольшого строения, навел ствол на голубя, получилось, что ствол ружья едва не касается самой дичи. Я всё это вижу и думаю, ну все, конец тебе вражья птица, промахнуться там просто было невозможно. Грянул выстрел, и я своим глазам не поверил, голубь как ни в чём не бывало, подпрыгнул и полетел на крышу Мазепы. Ходит по крыше и что-то сам себе говорит. Андрей, шкандыляет по мазеповскому двору, на ходу перезаряжая ружьё, а на его пути стоит Иван Мазепа, семнадцатилетний парень, ну тот, который конюх. Иван, видя, что у Андрея с голубем ничего не получается, взял палку и сказал моему брату: «Подожди, я с ним сейчас сам разберусь». Размахивается палкой, бросает, и попадает в птицу. Голубь вместе с палкой, или наоборот, летят через крышу в наш огород. Мы все толпой туда, убедиться в свершившейся каре над злодеем. В бурьяне лежит палка, а рядом с ней окровавленный голубь. Мазепа взял труп птицы, приподнял его над головой и торжественно сказал: «Я его убил, значит, мой отец, вернётся с войны живым и невредимым». Не верите? Так и случилось, Григорий Мазепа, отец Ивана Мазепы, вернулся с войны, живым и невредимым. А наши семьи, на крышах которых сидела роковая птица, получили похоронки, Лаврова Груня на мужа, а наша семья на Алёшу. Вот теперь думайте, верить или не верить хуторским приметам, а против факта не попрёшь, как говорится против лома нет приёма. Конечно, это могло быть простым совпадением, но как говорится, факт остаётся фактом. Но из всей этой истории, на мой взгляд, остался один не ясный вопрос. А именно, почему Андрей не поразил выстрелом голубя? Стрелять брат умел, я это точно знаю, но ведь с метрового расстояния не попал. Что это? Какое-то наваждение или действительно это была роковая птица, и её может убить только тот, кому это предназначено. После этого случая в нашей семье была гнетущая атмосфера, взрослые старались найти причину неудачной «охоты» Андрея, перебрали все варианты, но так объяснения и ни нашли. А вот ещё случай из той же оперы. Хотя я уже об этом писал, но ещё напомню. Помните, я писал, что осенью 1944 года, в окно нашей хаты билась птичка, не стучала клювом, а именно билась.

Делала она это, в основном, грудкой, а ещё и клювом, и коготками, да так сильно, я думал, что она может разбиться. И как результат, через неделю или две, похоронка на Алёшу. Нет, нет, эту птичку мы убивать и не собирались, какая-то она была маленькая и невзрачная, а как показывает результат, её надо было грохнуть.

Кстати говоря, роковые птицы отличаются от остальных птиц тем, что у них нет ярко выраженной породы и окрас перьев примерно одинаков. Они, какие-то невзрачные, тёмно-серые. Вот и думай после этого, птицы невзрачные, а горе людям приносят.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВАКУУМ. ПРОРЫВ

Это было летом 1943 года, когда красная армия, прогнали немцев с наших мест. Стояла тёплая летняя погода, немцев прогнали, и надо было налаживать сельское хозяйство. Но как налаживать? Лошадей нет, быков нет, а озимые сеять надо. Обходились, как могли, копались в хозяйстве и ждали новостей с фронта. А откуда им взяться: радио нет, телефона нет, газет тоже нет, письма с фронта приходят очень редко, да и что в письме можно написать, жив, здоров, вот и всё. Людям нужна была хоть какая-то информация, а её не было. По хутору начали ползти всякие слухи, о том, что наши войска снова начали отступать, а ещё о конце света, что он вот-вот наступит. Людей брал страх, у многих дети, что с ними будет, а опровергнуть эти слухи просто некому. С районным селом Ипатово связь практически прервана, так как добраться туда не на чем. Правда, рядом село Бурукшун. Ну а что Бурукшун? Такой же «темный» посёлок, как и наш хутор. В хуторе создалась гнетущая обстановка, что делать никто не знал.

И вот, в это самое тоскливое время, к нашему двору подъехала бедарка, в ней сидели два молодых солдата, один из них в руках держал гармонь. Я в это время сидел у хаты на призьбе. Они у меня спросили: «Здесь живут Чухлеб?» Я подтвердил кивком головы. Мама была во дворе, услышала шум голосов и вышла на улицу. Она их тут же допросила: кто такие, по какому делу приехали и почему именно к нам. Маму можно понять, время военное, осторожность, прежде всего, хоть они и в военной форме, но кто их знает, может какие шпионы. Один из парней, сказал: «Я Николай Савинов, вместе с вашим сыном Андреем воевал, мы с ним были в одном отделении. Только вот меня ранило, и я был направлен в госпиталь, а Андрей пошёл с ротой дальше на запад. После лечения меня отпустили домой на поправку, а это мой товарищ, он тоже после госпиталя дома поправляется. Знаете, в военное время в госпитале кормят очень плохо, так вот таких солдат, как мы, отправляют по домам. А как поправимся — снова на фронт». Мама, как услышала про сына, сразу гостей пригласила в хату. Парни медленно вылезли из кузова бедки, Савинов держался за бок, а его товарищ шел хромая, опираясь на палочку. Зашли в хату, мама, что было из еды, быстренько поставила на стол, сама села напротив парней и начала у Николая спрашивать о нашем Андрее. Такая редчайшая весть для нашего хутора быстро облетела весь посёлок. К нашей хате потянулись люди с обеих улиц, через несколько минут хата

была полна народа, кто не поместился в хату, у тех головы торчали в окнах. Начали приезжих расспрашивать, как дела на фронте, что делается в стране, живой ли Сталин и многое другое. Женщины просили рассказать правду, а то тут ходят всякие нехорошие слухи, только нас пугают, говорят, что Сталина шпионы убили, что наши войска снова отступают, что в наших местах попрятались шпионы, и что скоро настанет конец света.

В основном, рассказывал Николай Савинов: «Вот то, что я вам сейчас скажу, истинная правда, из госпиталя я всего три дня и поэтому новости можно считать свежими. О Фронте. Там наши войска громят фашистов на всех направлениях и о том, что наши отступают, никому не верьте, теперь наши войска будут идти только вперёд на запад, до самой фашисткой Германии. О шпионах, ну сами подумайте, что шпионам делать в наших краях, разве что взорвать вашу конюшню, в которой нет ни одной лошади. Такие слухи доводят меня просто до смешного. Шпионы лезут туда, где есть промышленные предприятия, особенно оборонного значения, а у вас, насколько я знаю, таких нет, значит и говорить о них нечего. А Сталин, Сталин жив и руководит страной. В госпитале я даже слушал его речь по радио, так что там всё в порядке. Так, — сказал Николай, — на какой вопрос я ещё не ответил? Ах, конец света! Знаете, мне скоро двадцать лет, и я каждый год слышу о конце света, но он так и не наступил и не наступит, так что это всё брехня, на этот счёт никого не слушайте, потому что те люди, которые так говорят, вас обманывают с целью своей выгоды».

Пока Николай говорил, женщины ставили на стол всё новые и новые кушанья, каждый, кто приходил, что-нибудь с собой из еды приносил. Принесли и самогонку, без неё никак. Казённой водки у нас давно в магазине не было, поэтому забыли как она и выглядит. Парни пьют, закусывают, изредка отвечают на вопросы. Сидят оба за столом: молодые, красивые, одетые в военную форму, благодаря которой, женщины, сидящие напротив парней, ещё большим доверием прониклись к ним. Молодые женщины, возраста 22–30 лет, по-старушечьи подвязали белые платочки под подбородок, они ещё молодые, но война состарила их. В такое время наряжаться и прихорашиваться было грех. Одна моя мама в хате была старше всех, а ведь ей было только сорок лет, поэтому все собравшиеся в хате, в том числе и гости, её уважительно называли тётя Поля. Когда кончилась официальная часть, начались личные расспросы, вроде таких, как: «Видел ли ты на фронте моего мужа, или сына, или брата, отца?» Женщинам очень хотелось, что бы фронтовики сказали, что они видели их родных, но Николай сказал: «Понимаете, фронт очень велик, он

протяженностью на тысячи километров, и потеряться там очень легко, и если я вашего мужа или брата не видел, то я не могу сказать, что видел. Если скажу, что видел, то я просто вас обману, а мне этого делать не хочется. Вот если Андрея тёти Поли на фронте видел, то я так и говорю — знаю земляка, ни один котелок каши вместе съели, ну а если не видел, то извините». Наконец то, хуторяне узнали свежие новости не только о фронте, но и общие по стране. Лица женщин как-то повеселели, они стали более разговорчивые, на лицах появились улыбки, одним словом, информационный вакуум был прорван.

Когда гости выпили, закусили, повеселели, тогда Николай взял гармошку, и полилась в хате музыка и фронтовые песни. Песни были новые, совершенно незнакомые для хуторянок, а Парни дуэтом все пели и пели. Там были и «Катюша», и «Вьётся в тесной печурке огонь», и «Смуглянка», и ещё песни, которые знали хуторянки, и они их подпевали парням. Песни так тронули женщин, что они плакали, не скрывая слез. Они вспоминали своих родных и близких, которые, может быть, сейчас сидят у печурки, смотрят на огонь и вспоминают их. Парни пели долго, перепели все песни, некоторые по нескольку раз, а женщины всё слушали и слушали, они готовы были сидеть и слушать до утра. Но парни поднялись со скамейки и сказали: «Нам пора, а то дома нас потеряют». Провожали всей толпой, на прощанье обнимались, целовались, плакали и желали парням выздороветь, а если уйдут на фронт, то вернуться живыми. Когда солдаты уехали, женщины ещё долго не расходились от нашего дома, стояли у ворот и весело обсуждали событие. По всему видно было что, приезд фронтовиков положительно повлиял на психологическое состояние наших хуторянок.

P.S. Должен отметить, что Николай Савинов, после выздоровления, был на фронте, воевал, а когда война кончилась, то вернулся домой в село Бурукшун. Позже, он приезжал к нам и встречался с нашим Андреем. В средине восьмидесятых годов Николай Савинов жил в селе Московском, Ставропольского края, наш Андрей ездил в село Московское и вместе с сестрой Раей ходили к нему в гости. Так что, Николай наказ хуторянок выполнил, поправился после ранения, ушёл воевать и вернулся домой живым. А вот как сложилась судьба у Ивана, у меня информации нет.

ЖЕРЕБЁНОК

В конце лета 1944 года, мы, мальчишки девяти-десяти лет, гурьбой отправились в дальнею лесную полосу за фруктами. Эта лесная полоса находилась на границе с селом Большая Джалга, Может быть, абрикосы там ещё остались на деревьях, после их сбора колхозниками. Идем босиком по пыльной дороге и бойко разговариваем между собой, что, как только увидим немецкого дезертира или шпиона, то мы его поймаем, свяжем ему руки, и отведём его председателю колхоза, а он-то знает, что с ними делать.

На нашем пути около дороги стояло небольшое здание полевого стана. В нём было сделано два помещения: одно закрывалось дверью, а другое было просто под навесом. Мы решили туда заглянуть. Подходим с тыльной стороны, тут я слышу за стенкой лошадиное фырканье и сразу насторожился, что за лошадь? А в то время у нас в колхозе было всего четыре лошади и они всегда были или на работе или в конюшне, вольно они нигде не болтались.

Думаю, надо проверить, кто это там. Подходим, смотрим, стоит наша хромоногая, рыжая кобыла, а рядом с ней, рыженький жеребёнок, небольшой, возраста месяц или чуть больше. Увидев нас, кобыла тревожно захрапела, своей головой прижимает жеребёнка к себе, всем видом хочет показать, что это её детёныш, и она его никому ни отдаст. Глядя на них, я подумал, как это они, находясь в поле, далеко от людей целы остались, ведь их могли волки задрать. А волков в то время у нас было большое множество, в войну на них никто ни охотился, вот они и расплодились.

Нет, думаю, оставлять их здесь нельзя, надо обязательно их переправить в хутор, там они будут в безопасности. Переправить, легко сказать, а как, мы, мальчишки, не можем даже до головы кобылы дотянуться, да она и не даётся, думает, что мы хотим у неё отобрать жеребёнка. Нет, говорю, пацанам, нам одним с ней не справиться, надо вызывать помощь из хутора. Были отправлены гонцы, прямо к главному конюху колхоза, к Ивану Мазепе, он тогда смотрел за лошадями колхоза. А я с тремя мальчишками остался охранять находку, и что бы она никуда ни ушла, и от волков, конечно, тогда я так думал. Через некоторое время, из хутора показалась упряжка, а вскоре, она подъехала к нам, это Иван Мазепа, парень шестнадцати лет.

Приехал на линейке, но моих гонцов с ним не было. Я спросил у Ивана: «А мальчишек, почему не взял с собой?» — «А

зачем? Они только мешать будут», — сказал Мазепа. Иван с уздечкой в руках смело идёт к кобыле, я его предупреждаю: «Смотри Иван, она кусаться будет». На что он ответил: «Это она вас кусает, а меня не будет». Конюх подходит к кобыле, она сначала, прижав уши, хотела его укусить, но Иван ударил её уздечкой по морде, и кобыла присмирела. Иван одел ей на голову уздечку и повёл к линейке, там он повод уздечки привязал к заднему борту линейки и мы поехали в хутор.

Жеребёнок всю дорогу шёл около матери, не отставая до самого бригадного двора. Из этого невзрачного рыжего малыша, вырос прекрасный конь, жеребец. Он был высокого роста, темногнедого окраса, с шикарной волнистой гривой и таким же шикарным хвостом, по всей передней части головы пролегала белая полоса, а на всех четырёх ногах были «носки». Объясняю что такое у лошади носки или чулки. Носки, это когда лошадь тёмного окраса, а между копытом и коленкой лошадиной ноги, волосы белого окраса короткие то это носок, а если такой окрас длиннее, то это называется чулки. А лошадники в таких случаях, обычно, говорят: «Лошадь в белых носках, или, в белых чулках». Наш герой был в белых носках, на всех четырёх ногах. Приятно было смотреть, когда конюх, восседая на таком красавце, скакал по хуторской улице, все им любовались, я тоже смотрел и думал, что в том, что из того рыжего жеребёнка вырос такой красавец, есть и моя заслуга, пусть она и небольшая, но всё же есть. Да, чуть не забыл, от нашего героя потом пошло потомство, но, к сожалению, таких красавцев как он сам не было, были хорошие кони, но, как говорится, не то. Помните, я вначале этой главы писал о шпионах, которые прячутся в лесной полосе, так вот, чтобы окончательно распрощаться со шпиономанией, расскажу вам один случай из этой серии.

Тогда в военное время о шпионах говорили и писали везде и на всём, об их присутствии в нашей стране знал весь народ нашей страны. Начальство всех уровней и рангов призывало людей к бдительности и, естественно, все этой самой бдительностью были заряжены, в том числе и дети. Гораздо позже, о том самом времени, о котором я пишу в этой главе, мне рассказывала моя первая жена. А было это так.

Собрались дети, девяти-десяти лет, за грибами в лесок, который находился в полутора километрах от деревни. Идем мы гурьбой, мальчишки и девчонки, человек восемь и разговариваем на разные шпионские темы.

Впереди всех шел девятилетний мальчишка, по имени Вовка. Он нас слушает, а затем говорит: «Если нам попадётся шпион, то я его схвачу, свяжу ему руки и ноги и передам его нашему

председателю сельского совета дяде Ивану Ильину. А он-то, знает, что с ним делать, от него ни один шпион не уйдёт». Только мы дошли до опушки леса, вдруг из леса выходит бородатый мужчина в сапогах и фуфайке, ну точь-в-точь по нашему понятию шпион. Все в страхе остановились, я подумал: «Как же Вовка такого огромного дядьку будет вязать и чем?» А Вовка подскакивает к этому мужчине и заискивающим голосом говорит: «Здравствуйте дяденька, если Вы идёте в нашу деревню, то там в сельсовете сидит наш председатель дядя Иван, он всё про нашу деревню знает». Мужчина, не останавливаясь, пошёл дальше по дороге, а Вовка всё ему вдогонку кричал и рассказывал, как найти председателя сельского совета. Мы на Вовку зашикали, говорим ему: «Ты что же это выдаёшь военную тайну?».

Вот такое тогда было время, а Вовка, что с него взять? Мальчишка, хотя мальчишки примерно его возраста на войне ходили в разведку и приносили большую пользу Красной Армии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА С ВОЙНЫ

Я, десятилетним мальчиком, запомнил возвращение тато с войны. Кто-то из хуторян был в Бурукшуне, видел там нашего отца и сообщил, что скоро его привезут в хутор. Эта весть сразу облетела весь хутор, так как наш отец возвращался с войны одним из первых. К нам прибежала соседка и сказала, что Кондрат Ефимович вернулся с войны, сейчас он в Бурукшуне и скоро будет в хуторе. Мама, узнав о такой радостной вести, забегала по хате, не зная, что делать и чем угощать батька, своего мужа и нашего отца. Затем, не сговариваясь, мы все вышли на улицу и у ворот стали ожидать приезда фронтовика. К нашему двору собиралось всё больше и больше хуторян. Все с нетерпением ждали и смотрели на переулок у здания бригады, когда из него появится упряжка с фронтовиком. У нашего двора собралась уже целая толпа, мы, ребятишки, как всегда впереди, стоим и ждём. Как только в переулке показалась линейка, запряжённая лошадью, все вдруг шумно загудели.

Кто-то из молодёжи хотел побежать встречать, но его остановили старшие, мол, приедет ко двору и все будем встречать. Я стоял впереди всех и топтался на месте, как на раскалённых углях, бежать к тато, или не бежать, оглядываюсь на старших хуторян, одёрнут они меня или нет. Но взрослые люди стояли и смотрели на приближающуюся линейку, до меня им не было ни какого дела. Я решил ждать тато со всеми хуторянами, но затем, не зная почему, я рванул с места так, что только голые пятки засверкали. Подбежав к линейке, я увидел сидящего мужчину и сразу не признал, тато это или нет, война его изменила, да и я позабыл, какой он был до войны.

Он сидел, поставив ноги на подножку линейки, голова его была опущена, возможно, он дремал. Лошадь шла шагом и поэтому линейка, на которой сидел отец, двигалась медленно, я шёл рядом, затем чтобы убедится отец наш это или нет, робко позвал: «Тато». Мужчина, в военной форме поднял голову, посмотрел на меня, и, наверное, не узнал во мне своего сына. Для уточнения, спросил у женщины, которая была тут же: «Хто цэ мэнэ клыкав?» — «Та сынок твой Сеня», — сказала женщина. Теперь я уже убедился, что это наш тато, а он на меня посмотрел и сказал: «Ох, сынок, и вырос же ты, ни за что бы не узнал».

Я обрадовался, что пообщался с отцом, стремглав понёсся к маме, чтобы поделиться с ней радостною вестью. Когда линейка подъехала к нашему двору, мама плача подошла к ней, отец встал, они с мамой обнялись, немного постояли, затем так же

обнявшись, пошли в хату. Шли они медленно, мама плакала, а тато её успокаивал, люди перед ними расступались, чтобы дать им дорогу. А народу собралось очень много некоторые даже во двор не вместились, многие стояли в огороде, некоторые в Лавровском дворе и оттуда смотрели, а мальчишки и девчонки забрались на оградную стенку и с неё за всем наблюдали.

А потом начался пир на весь мир, что ели взрослые, я не помню, может в тот день, ничего и не было, так как отец устал с дороги, да ещё был, выпивши, и вскоре лёг спать. А нам, младшим детям, тато выделил целую банку чего-то? Мама открыла банку, а крышка была красивая, блестящая, я такие и не видел, у нас банки закрывали куском газеты и обматывали шпагатом, а тут такая красота. Мама дала нам деревянные ложки, других просто не было, и мы принялись за что-то, такое вкусное. Как оно называлось, мы не знали, так как такое не видели никогда, а тем более не ели. Сначала мы хлебали, какую-то сладкую жижу, затем начали попадаться кусочки чего-то, Миша у меня, как старшего, спрашивает: «Сеня, а что это за кусочки»? Я ведь тоже ел такое в первый раз, но раз у меня спросили, я ответил: «Да это, наверное, кусочки мяса сваренное в сахаре». Но затем сам решил спросить у мамы, она нам объяснила, что это вишнёвое варенье, а кусочки, которые там попадаются — это вишенки без косточек. Это событие я описываю подробно, потому что помню хорошо, как будто это было вчера, хотя прошло уже очень много лет.

После войны отец снова работал кучером в колхозе имени Чкалова, в нашем хуторе, только теперь у него была пара вороных коней, красавцы на загляденье. Тачанка была та же, она всю войну простояла под замком в сарае. Во время войны ею никто не интересовался. Колхоза не было, а немцы, которые приезжали в хутор за «яйко-масла» о тачанке, наверное, и не знали. За время вынужденного простоя краска на тачанке облупилась и её перекрасили. Теперь тачанка была не зелёной, а чёрной, дышло, барки и колёса были красные. На задней части тачанки было, вы, наверное, подумали, что там было написано, как у батьки Ангела «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных пока не побелеют». Нет, там были нарисованы два цветка, что-то вроде ромашек. Оба цветка были нарисованы красной краской, хотя ромашки как мы знаем желтого цвета и белыми лепестками, наверное, другой краски не было. Сбруя была сделана из хорошо выделанной кожи, чёрного цвета. Вся сбруя была украшена разными кисточками и медными бляшками разных размеров, которые полировались и поэтому блестели на солнце. Отцовская упряжка была очень красивая, и он снова катал на ней нас, детишек, как и до войны

по хутору, а мы, детвора, очень были рады, что отец вернулся.

Позже отец решил уйти из профессии кучера на другую работу. Своё решение он дома объяснил так, что возраст уже не тот, чтобы быть ему на побегушках, вот и принял такое решение. Затем он некоторое время был занят на разных работах, а ближе к пенсии, его поставили объездчиком, охранять посевные поля. Для этого ему выделили небольшую бричку и к ней лошадь, вот на этой упряжке он и объезжал поля.

Эта работа для него была очень удобна, рабочим временем он распоряжался по своему усмотрению. Лошадь с тележкой на ночь оставалась в нашем дворе. Это было удобно не только для отца, но и для всей семьи. Что-то увезти или привезти, теперь никого не надо было просить — свой транспорт во дворе. А мы, детишки, ждали приезда отца с полей, он нам всегда привозил что-то вкусное: арбуз, дыню или кусок хлеба, который у него остался от обеда. Эту обязанность он исполнял до выхода на пенсию.

У отца была и другая профессия. Сколько я его помню, он всегда дома сапожничал. Чинил обувь всей своей семьи и другим никому не отказывал, если приносили, за исключением, когда невозможно было починить.

Бывало, придёт домой с работы, поужинает и садится за починку обуви, а зимой, когда в колхозе работы мало, отец, целыми днями, склонившись, сидел над очередным рваным сапогом или ботинком. Хуторяне, которым он чинил обувь, расплачивались с отцом продуктами, в голодное время это была неоценимая помощь семье.

ОХОТА НА КРЫС

В то время, когда он работал кучером, его пара лошадей стояла в конюшне, на ночь отец насыпал им овёс, но когда утром приходил овёс был не съеден. Отец знал причину, почему лошади не съели овёс, всему этому вина была крысы. Они ночью залезали в ясли и лошадям не давали есть, да ещё там и гадили. Вот потому лошади и отказывались употреблять такой продукт. Надо было принимать какие-то меры. Но какие? В то время для борьбы с грызунами никаких химикатов не было и поэтому, на кратком совещании бригадира и коневодов, решили грызунов отстреливать из ружья. А так как ружьё было только у Кондрата Ефимовича, ему и поручили провести эту операцию.

Как-то вечером, уже перед сном, отец мне говорит: «Сеня, сёдня спать не будем, пидэм на охоту» — «Куды, тато?» — спросил я. — «Потом побачешь», — коротко ответил отец. Тато взял ружьё и мы пошли. Приходим в конюшню, залезаем на копну свежей скошенной травы, она лежала здесь же в конюшне с другой стороны от лошадей, усаживаемся на неё и ждём появления непрошеных гостей. Овёс лошадям засыпан, на стене висят две керосиновые лампы со стеклом, свет от них падает, хоть и не очень яркий, но все хорошо видно, особенно если привыкнешь к темноте. Ждём, время идёт, а их всё нет и нет. Я от нетерпения начал ёрзать, тато молча взял меня за руку и слегка сжал её. Я понял, что надо вести себя тише.

Не отрываясь, смотрю на тёмное пятнышко — это вход в нору. Уже устал смотреть, а их всё нет и нет. И вот, наконец, появилась, мордочка первой крысы, высунулась, понюхала воздух, вроде ничего не угрожает, а может и угрожает, но есть-то хочется, значит надо идти.

В нерешительности она поковыляла в сторону лошадей, где есть овёс. За ней другая, затем третья и вот их целая вереница. Я возбуждённо смотрю то на грызунов, то на отца в недоумении, отчего же он не стреляет. И в этот момент он поднимает ружьё, упирает приклад в своё плечо— грянул выстрел. Крыса, которая сидела у норки, опрокинулась и собою закрыла вход в неё, остальные бросились со всех ног в нору, а она закрыта наполовину. Их штук шесть или восемь толпятся у норки, а попасть туда не могут, а отец стреляет по ним, уничтожая одну за другой. В конюшне грохот от выстрелов, визг грызунов, храп и ржание лошадей, дыма — дышать нечем, в общем, картина ещё та.

После боя отец начал собирать трофеи. Брал грызунов за

хвостики и бросал их в ведро. Я отцу говорю: «Тато, а я бочив, что одна крыса убежала вон туда» и показываю в сторону кладовки, где хранилась сбруя. «Ныхай, — сказал отец, — я её специально отпустил, пусть она всем своим расскажет, как их здесь встречают».

Вот такие события происходили на нашей Главной улице, вот такая она была. На ней ещё много чего было, всего и не опишешь. А вот другая улица была скромнее. Грязи и пыли, разумеется, на ней тоже хватало, но она была построена как бы наполовину, то есть одна сторона хат полная, а другая только до половины. Да и ширина улицы была меньше, примерно метров тридцать.

Но зато там практически отсутствовали ямы, это как-то её украшало. На ней, наверное, тоже происходили какие-то события местного значения, но мне о них не известно.

Вот такой у нас был хутор Северный. Но пока в моём описании он живёт, и все его жители никуда не уехали, а живут, работают, женятся, так что пока всё нормально.

ВОЕННЫЕ ТРУДНОСТИ (РАССКАЗ ОТЦА)

То, что рассказывал нам тато, я описываю вам на русском языке, так как из его «иностранного» говора вы бы ничего не поняли. У отца были четыре года опасностей, связанных с жизнью и смертью, и что там ближе не поймёшь. Беспрерывные бои: то наступление, то отступление и одно, и другое не легче. Особенно войскам, в том числе и моему отцу, досталось под Сталинградом. Была суровая зима, стояли сильные морозы, а одежда, хоть и зимняя, но не настолько теплая. Ватная фуфайка, валенки, портянки, шапка-ушанка, да байковые рукавицы. Вот и всё, в чём был одет советский солдат. Вот такая была одежда и у моего отца, и мерз он со всеми наравне. Понятно, что такая одежда не могла спасти от холодов, зато выручали костры в то время, когда их можно было разводить. У костра можно и отогреться, и одежду посушить, а ещё костёр даёт заряд бодрости.

Трудности были во всём, тоже нижнее бельё менялось очень редко и поэтому в нём заводились эти ужасные паразиты вши. Они не давали нам покоя ни днём, ни ночью, особенно доставалось офицерам, у них были овчинные телогрейки и полушубки, а это самый рай для вшей. Был случай, когда бойцы, стояли у костра и грелись, к нам подошёл наш командир роты тоже погреться. Снял полушубок, бросил его на снег и говорит: «Пусть паразиты помёрзнут, может, разбегутся». Сам стоит у костра в овчинной безрукавке и чешется то там, то здесь и так без конца. Наконец паразиты вывели его так из терпения, что он снял из себя безрукавку и бросил в костёр со словами: «Смерть врагам человечества». Она медленно загоралась, а через минуту-другую вспыхнула ярким пламенем. Солдаты ликовали, смеялись, хлопали в ладоши, приговаривая: «Одного врага победили, скоро и фрицев победим». В общем, всяких лишений хватало на всех.

Далее я буду описывать то, что отец рассказывал о своей фронтовой жизни, хотя он этого и не любил делать, мы, всё-таки, кое-что от него узнавали.

Служил он в артиллерии в той, где пушки таскали лошадьми. Кем отец там был, я думаю, вы сразу догадались. Правильно, коневодом, так как он закоренелый лошадник и не мог служить в другом качестве, когда есть возможность прикасаться к лошадям. Но в первые дни он служил в пехоте. В частности, вспомнил то время, когда наши войска отступали, от Украины до Сталинграда. Сутками шли без ночёвки, только короткие привалы по 5–7 минут и снова в путь. Были случаи, когда солдаты засыпали на ходу. Вот так идёшь, идёшь строем, потом смотришь один пошёл из строя в

сторону, командир кричит солдатам: «догоните его и верните в строй». Кто-нибудь из бойцов, обычно из его друзей, бежал за спящим, а затем они догоняли нас, так как колона не останавливалась, как шла маршем, так и идёт, а кто отстал — пусть догоняет. Таких случаев на войне было немало.

Как я уже писал, письма от тато приходили очень редко. Боюсь ошибиться, но за четыре года их пришло, может, чуть больше десятка треугольников. Что касается написания писем, то у них в артиллерийском расчёте было шесть человек и только двое были грамотные, командир орудия и наводчик. По этому поводу отец говорил: «Оно, если разобраться, то зачем заряжающему, подносчику снарядов, да и мне, коневоду, грамота? Мы со своими обязанностями и без неё справляемся.

Это так, но вот когда надо письмо домой написать, так просто беда, надо кого-то просить, того, кто ближе всего по чину и по армейским тяготам — это был наводчик. Но он один, а нас четверо неграмотных. Да ему и самому хочется написать своим письмо. Можно, конечно, попросить командира расчёта или командира батареи капитана Журова. Кстати, фамилия у него была самая подходящая, журил он нас частенько, за неопрятный вид одежды или другие нарушения воинской дисциплины.

Однажды во время редкого затишья я насмелился подойти к капитану и попросить его написать письмо моим родным домой. Я бы, может, и не пошёл бы нему, но как назло все грамотные были заняты, а он сидел на ящике от снарядов и рассматривал какую-то бумагу. Стою недалёко, смотрю на него и думаю: «А что, человек все-равно ничего не делает, пусть хоть моим родным письмо напишет».

Как на самом деле это было, отец не рассказывал, но я предполагаю, что было это так. Подходит коневод Чухлеб к своему командиру и говорит: «Товарищу капитану, можно обратиться?» — «Обращайтесь, ефрейтор Чухлеб», — сказал капитан, не отрывая взгляда от бумаги которую он рассматривал. — «Товарищу капитану, я хочу попросыть Вас, шоб Вы напысалы письмо до моих родных домой, а то вси заняты, а Вы один ничого ны робытэ, сыдытэ тико дывытесь на цю бумажку».

Капитан Журов отложил в сторону карту, которую он до прихода ефрейтора изучал и говорит: «Значит, изучать карту, по-Вашему, ефрейтор Чухлеб, это не работа?» — «Ну, ны знаю, — засмущался Чухлеб, — може оно так, а може и ни» — «Ну, хорошо, раз Вы считаете, что письмо важнее, давайте будем писать письмо, — затем спрашивает у ефрейтора, — С чего начнём?» — «Ну, цэ так, — сказал коневод, — Здравствуй, моя жинка Полька и диты тоже» — «Ну, нет, так не пойдёт, — сказал

Журов, — так грубо обращаться к своим родным нельзя» — «Ну, а як же?» — недоумевал Чухлеб. «Давайте писать вместе», — предложил капитан, — Начнём так. Здравствуйте, мои родные, жена Поля и дорогие дети». Далее начали перечислять всех детей, уже писал капитан Журов сам.

Письма, которые мы получали от отца, были написаны ровным хорошим почерком, и они легко читались. Но были трудности с переводом. Письма приходили на русском языке, а для нас, выходцев из Украины, в переводе они были сложными. В таком случае на помощь звали тётю Груню Лаврову, нашу соседку, она одна была русская на весь хутор, и прозвище у неё было «Москалька». Москалька, москалькой, но без неё никто не мог обойтись, как только кто письмо получит, так к ней: «Груня?» Видите, читатель, сразу Груня, не москалька, а Груня. И тут же просьба: «Груня, мой родной муж, или сын, прислал письмо с фронта, столько ждали, а прочитать не можем, помоги, пожалуйста».

И Груня никому не отказывала, знала, что это такое, от родного человека получить письмо с фронта, у самой муж Иван был на войне, и она также, как и все, ждала весточки с фронта. Воевали почти все мужчины нашего хутора, но вернулись далеко не все. Наш отец вернулся, и мы этому были очень рады. Он был ещё молодой мужчина (41 год), высокий и стройный. И когда, в солдатской форме с наградами на груди, выходил на улицу, его, стоящего у ворот, окружали хуторянки: каждая хотела прикоснуться и к нему, и к его наградам.

У отца было три ордена и шесть медалей. Награды он заслужил в боях, прошедших от Сталинграда до города Праги, столицы Чехословакии. Тут я заскочил немного вперёд, но не мог удержаться, чтобы не похвастаться своим отцом.

КОНТУЗИЯ

Мой отец, Кондрат Ефимович, прошёл всю войну и ни разу не был ранен, но у него была контузия, по этому поводу он даже в санбате лежал. Как это произошло, отец мне рассказал.

— Шли бои ещё на Украине. По приказу командира, я оставил в лесу лошадей и короткими перебежками пробирался к нашим пушкам, чтобы помочь нашим пушкарям готовить снаряды для стрельбы. Шёл сильный бой, били мы по немцу, и он нас не жалел, лупил, дай Боже. Снаряды рвались и тут и там. Я перебегал от одной воронки к другой, затем, улучив момент, бежал к воронке и прыгал в неё, прячась от взрывов снарядов. Вот, в один из таких прыжков, меня в воронке накрыло земляной волной от разорвавшегося снаряда вблизи. Меня оглушило, и я потерял сознание. Позже мне рассказывали бойцы, которые меня искали. После боя командир батареи собрал весь состав, чтобы уточнить потери. Перекличка показала, что бойца Чухлеб в строю нет. «Где он?», — спросил капитан Журов. — «Может у лошадей?», — отозвался кто-то. — «Не может быть его там, так как я направил его к вам, он, где-то здесь, всем искать его», — сказал командир. Один боец рассказывал: «Искали тебя везде, ходили от воронки к воронке, нигде нет. Вдруг вижу, из воронки торчат сапоги, а тела не видно, я ещё подумал, может, кого засыпало. Смотрю на сапоги, а на каблуках набиты германские набойки. Так это же сапоги Чухлеб! Позвал солдат. Быстро начали раскапывать. Кто руками, кто лопатой, откопали, вытащили тебя из воронки, положили на бруствер, а ты, никаких признаков жизни не показываешь. Подбежал командир, приложил ухо к груди, послушал, послушал и говорит: «Сердце бьётся, значит, живой боец, давайте его быстро в санчасть». Пока меня тащили на носилках, я очнулся и не пойму, где я и что со мной. Смотрю и вижу только небо в тучах. Вдруг слышу, один из бойцов кричит: «Смотрите, живой». Вижу, бойцы из нашей батареи, спрашиваю у них: «Куда вы меня несёте»? — «В санчасть, — отвечают, — командир приказал». Ну, раз приказал, тут ничего не поделаешь, надо выполнять. Из санчасти меня перевели в санбат, где я пролечился целую неделю. За это время моя батарея ушла далеко вперёд, так как наши войска наступали. Пришлось догонять их.

А догонять в военное время очень сложно. Там тебе нет ни поезда, ни автобуса, даже попутку дождаться нелегко, а догонять надо, так как там все свои, и если с тобой что случиться, то обязательно найдут и помогут. Ведь для того чтобы узнать друг друга, мы много разговаривали между собой, каждый рассказывал

о себе, о жене, о детях, о своей работе на гражданке и многое другое, в общем, притирались друг к другу. Если кто после боя потерялся, то его ищут, пока не найдут. Можно сказать, что в коллективе налажена взаимовыручка и забота о каждом. А попадёшь в другое подразделение, там ты чужой и о тебе сильно беспокоиться, никто не будет и твою пропажу могут просто не заметить. Конечно, со временем можно познакомиться и в новом подразделении, но для этого нужно время, а война может тебе его и не дать. Да ещё и не известно, поставят тебя к лошадям или нет, а для меня это супер важно. Вот ты можешь мне не поверить, но мои лошадки очень помогали мне выживать на войне. Ведь на войне смерть ходит всегда рядом с тобой, и ты не знаешь когда попадешь в её объятия, сегодня или завтра, а может через минуту. Сразу вспомнишь семью, детишек, жену, и на тебя накатится такая тоска, ну хоть плач. А подойдёшь к лошадкам, обнимешь их ласковые мордашки, и на тебя повеет домом, как будто ты обнимаешь тех лошадок, на которых работал до войны, и тебе сразу становится легче на душе. В эти минуты, кажется, что смерть, которая ходила с тобой рядом, затем куда-то исчезла, а раз её нет, значит всё хорошо и можно воевать дальше.

Вот потому я так стремился в свою батарею, несмотря на трудности, которые пришлось перенести в дороге. На войне, как ты знаешь, гостинец нет, деревни, которые по пути попадались, так от них ничего не осталось, одни трубы торчат, поэтому приходилось ночевать прямо в поле или в какой-нибудь воронке, хорошо, если был лесок и травка, но это было редко. А о питании я и не говорю, тот сухой паёк, который мне дали в медсанчасти быстро исчезал, но я, чтобы всё не съесть, а принести в батарею гостинец, два пряника и два сухаря отложил и их не трогал, а всё остальное как ни растягивал, а съел за три дня.

На четвёртый день, когда силы были на исходе, мне очень повезло. Иду возле леска, дороги же никакой нет, просто иду на запад — знаю, что где-то там моя батарея. Так вот, иду я возле леска и чувствую запах чего-то наваристого: или борща, или каши с тушёнкой. Смотрю вокруг, а никого нет, я уже подумал, что мне чудится, как вдруг слышу за деревьями людские голоса. Ага, думаю, значит, мне не послышалось и пошёл в том направлении. Подхожу ближе и вижу, стоит полевая кухня, а возле неё с десяток бойцов и офицер, старший лейтенант. Они как раз начали обедать. Я по форме доложил офицеру, кто я такой и откуда. Он проверил мои документы, только потом дал указание повару накормить меня и дать несколько кусочков хлеба на дорогу. Ты не представляешь, какое это было блаженство есть горячую кашу с тушёнкой. После еды меня потянуло в сон, это заметил старший

лейтенант и говорит мне: «Ефрейтор Чухлеб, Вы сегодня отдыхайте в нашем подразделении, а завтра на машине к нам привезут пополнение, и я попрошу водителя, чтобы он вас подвёз, хотя бы километров на десять ближе к вашей части. Моей радости не было предела, уж что-что, а такого подарка я не ожидал. Если думаю, будет так, то, может, я завтра и догоню нашу батарею.

Но ни завтра я батарею не догнал, ни послезавтра, а догонял я своих почти неделю, сколько пролежал в санбате столько и догонял. Наконец нашёл наш полк, спросил в штабе, где находится батарея капитана Журова. Сразу не сказали, сначала проверили мои документы, и, когда убедились что я свой, только потом показали куда идти. Батарею я увидел ещё издали, иду к ней, а сердце колотится, очень волнуюсь, как встретят, живы ли «старички», с которыми я в боях прошёл от Сталинграда до самой Украины. Первый, кого я встретил, был командир расчёта. Обнялись с ним, а как же, ведь столько с ним пропахали. Он доложил командиру батареи о моём прибытии, тот сказал: «Ставьте его, к его же лошадкам, а то нового коневода они не слушаются». А потом уже была встреча с бойцами батареи, к счастью, все они были живы и здоровы, и мой земляк, Виктор Звягинцев, тоже. На радостях заварили чай, я их угостил пряниками и сухарями, которые остались от сухого пайка, выданного мне в санбате, так сказать, на дорожку. Время было достаточно, батарея была на кратком отдыхе, и мы в удовольствие почаёвничали. А потом была встреча с моими лошадками. Не поверишь, они меня не забыли, как только увидели меня, услышали мой голос, приветственно замахали головами и заржали, знаешь таким нежным баритоном. Я ничуть не шучу.

Да я, автор этой книги, и не сомневался в сказанном. Ведь я лошадей тоже знаю не понаслышке, так что всё то, что отец рассказал, правда.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ, ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ

Вот под Прагой наш отец и принял последний бой. Вот как рассказал об этом тато. — Было это так. 10–11 мая, мы вели бой за взятие Праги. Наконец, город взяли, и была дана команда, отвести войска за город. Наша батарея расположилась на поляне. Рядом был небольшой лесок, далее от него паханое поле, а за полем виднелся лесной массив. Командир батареи дал приказ «Отбой» и каждый начал заниматься своим делом. Я выпряг лошадей и повёл их в лесок, который был рядом.

Привязал их к дереву на длинный повод, чтобы они паслись. Сюда же привёл своих лошадей и Виктор Звягинцев, он был из другой батареи. Также, как и я, привязал лошадей, мы ещё раз всё осмотрели и пошли в лагерь своих батарей. Ещё издали был слышен запах каши с тушёнкой, вся батарея собралась вместе, у всех было приподнятое настроение, смеялись, шутили, конец войны, все счастливы от того, что остались живы. Уже вечерело и стало немного прохладно. Командир распорядился развести костёр и нас со Звягинцевым отправили за дровами к сухой сосне, что стояла метрах в пятидесяти от нашего места стоянки. Мы взяли топоры и пошли. Идем и рассуждаем, вот надо же, в день победы такой прекрасный вечер. Подойдя к дереву, принялись за дело. Я начал рубить ствол, как вдруг услышал раскаты канонады, а затем свист снарядов, летящих в нашу сторону.

Они летели из того дальнего леса. Было видно, что противник хотел разбить нашу батарею. А мы находимся рядом с ней. Значит, он накроет и нас своими снарядами. В таких случаях ищешь место, где можно укрыться, но место ровное ни бугорка, ни ямки. Я увидел борозду пашни и бросился туда, Звягинцев за мной. Прижавшись к земле, по-пластунски пополз к леску, в котором были наши лошади. Мой земляк от меня не отставал. Мы ползём, а немец бьёт, снаряды летят один за другим, слышен вой их полета, взрывы и свист осколков. Я выглянул из борозды и увидел, как от нашей батареи только щепки летят в разные стороны. Вот сволочь, думаю, и откуда он взялся? Били, его били фашиста, а он до сих пор живой, проклятый. Пробравшись, к лесочку, пригнувшись, побежали к своим лошадям. Зарослей между деревьями не было и поэтому бежать было легко.

Здесь был слышен грохот канонады, но снаряды здесь не взрывались. Значит, цель противника была наша батарея. Издали я услышал тревожное ржание лошадей, я ещё подумал, раз ржут, значит, живые. От этого мне стало как-то легче. Подбежав к лошадям, я увидел, что они целы, но очень напуганы. Я подошёл

к ним, взяв под уздцы, легонько хлопал их ладошкой по шее, одним словом, успокаивал. Канонада орудий прекратилась также неожиданно, как и началась. Мы оставили лошадей и побежали, каждый к своей батарее, зная, что там наша помощь точно нужна.

Выбежав из леса, я увидел, что от нашей батареи практически ничего не осталось. Все пушки настолько были разбиты и искорёжены, что годились только на металлолом. Котёл от полевой кухни, в которой варилась каша, валялся в стороне пробитый в нескольких местах. Из всего состава батареи не осталось и половины. Несколько человек было ранено. Вернулся из штаба командир батареи, увидел, что натворил фашист, немного помолчал, опустив голову, затем нам сказал: «Соберите раненых и идите к штабу полка, скоро и я к вам подойду». Мы принялись поднимать раненых, кто мог идти сам, тот шёл, а многих пришлось тащить на себе. Дав нам задание, он направился смотреть, что осталось от его батареи, затем повернулся к нам и спросил: «А лошади-то целы?» Получив утвердительный ответ, он сказал: «Хорошо, хоть здесь повезло, а то пришлось бы пушки на себе тащить». Оставшиеся в живых оказали помощь раненным и потащили их санбат, кого на носилках, а кого на плечах. Пришли санитары и помогли нам оказывать помощь раненым. Когда раненых доставили в санбат, мы со Звягинцевым вернулись за лошадьми. Этой же ночью весь лесной массив, откуда по нам били, окружили наши войска. Там было много артиллерии, танков, катюш и другой военной техники. Затем они начали расстреливать лесной массив, где засел враг.

На следующий день, утром из того леса, наши солдаты вывели очень много солдат власовцев. Их, в сопровождении бойцов с автоматами, куда-то увели. Бойцы, которые участвовали в разгроме этой группировки, говорили, что в лесу убитыми осталось больше чем вывели из леса. Вот такой у меня был последний бой. То, что мы со Звягинцевым и капитаном Журовым остались живы, нам просто повезло, потому что нас, во время обстрела там не было.

Пока отец мне всё это рассказывал, у меня на языке так и вертелось спросить его, правда ли то, что я слышал от бывших фронтовиков во дворе склада нашего Андрея. А слышал я вот что. Рабочие склада, все фронтовики, когда садились перекурить, то, как всегда, у них разговор был о войне. Конечно, война три года назад как закончилась, и поэтому воспоминания были ещё свежи. Каждый из них рассказывал, что у кого и как было на фронте. Мне это было интересно, и я, тринадцатилетний мальчишка, сидел рядом с ними и слушал. Они там рассказывали много о

чём, но мне врезалось в память то, как наши бойцы водили пленных немцев в штаб полка, чтобы их там передать, кому следует. Я не знал, как у тато об этом спросить, ведь этот разговор у нас шёл в то время, когда я собирался в армию, кажется, и сам должен понимать что к чему. Но понимать это одно, а знать от очевидца это совсем другое. Но как только отец закончил свой рассказ, я осмелился и у него спросил: «Тато, когда я ещё жил у Андрея и в свободное время работал у него на складе, то от складских рабочих слышал, что тех немцев, которые в конце войны пачками сдавались в плен, конвоиры иногда до штаба полка и не доводили. Так ли это было в вашей батарее или вам фашисты в плен не сдавались?» Отец немного подумал, а затем говорит:

— Да почему не сдавались? Сдавались и нам. По этому поводу я тебе, сынок, так скажу, сам я пленных в штаб полка не водил, так как должность коневода это должность особая, и кто попало, лошадьми управлять не может, вот поэтому нас, коноводов, на такое задание не посылали. А вот подносчики снарядов этим занимались, как чуть что командир батареи даёт им задание: сопроводить пленных в штаб полка. Особенно много немцы сдавались, когда наши войска соорудили им котёл на нашей западной границе, тогда они из леса выходили пачками. Не успели наши конвоиры отвести первую партию немцев, как из леса выходит другая группа — человек 5–6 фрицев, а иногда и больше. Смотришь, идут из леска группа немцев с поднятыми руками и кричат: «Русс, Гитлер капут». Пришли к батарее, сдались в плен, командир поручает двум бойцам отвести пленных в штаб полка. А штаб полка находится в тылу, в километрах шести-семи от передовой. Пока туда, да пока их там сдашь, а потом пока вернёшься, пройдет часов пять, а за это время где будет твоя батарея, не известно. Может, она будет стоять на месте, а может километров за двадцать выдвинется на запад. Вот и попробуй тогда её догнать. Хорошо если помотаешься по фронту и всё-таки, догонишь, как я догнал свою батарею. А если нет, да ещё можешь в руки к СМЕРШу попасть, тогда пиши, пропало. В военное время, толком не разобравшись, такого бойца могут признать шпионом и запросто поставить к стенке. Так что в такой обстановке выбираешь, что для тебя лучше: или спасать фашиста, который пришёл убивать нас, или спасать себя, чтобы сохранить свою жизнь для дальнейшей войны с фрицами и для своих деток.

Так вот, что бы все эти мытарства не испытывать из-за каких-то фашистов, их отводят подальше, чтобы выстрелов не было слышно, а затем конвоиры возвращаются в свою часть.

Докладывают командиру, что задание выполнено, вот и всё. А было такое, что и выстрелы были слышны, тогда конвоиры докладывают командиру, что порешили фашистов при попытке к бегству. А что, может, и в самом деле хотели убежать, такие случаи в нашей батарее были. Некоторые немцы не видели другого выхода из окружения и поэтому решают сдаться, а когда их два конвоира сопровождают, то они выбирают момент и нападают на них и убивают, а сами потом с оружием конвоиров прячутся лесах у нас в тылу. А ты представляешь, сколько они в нашем тылу, с оружием в руках, могут наделать бед. В нашей батарее был такой случай, кода два конвоира не вернулись из конвоя. А позже, мы недалеко в лесу нашли их трупы, а эти фашисты, которые ушли в наш тыл могут наделать такого, что мама не горюй. И всё, потому что мы вовремя их не ликвидировали.

Ты представляешь, какое было тягостное настроение, когда мы нашли тела двух наших верных бойцов. Злость на этих фашистов зашкаливала, на их могиле мы, как и положено, дали трехкратный салют из карабинов, а затем поклялись, немцев в плен не брать, кто из них выйдет, выстрелами из карабина отправим их в тот же лесок, а не послушаются, значит, отправим их куда подальше леса. Вот ты понимаешь, кто из леса выходит сдаваться? Да это идут те же фашисты, которые полчаса назад стреляли по нашим позициям и хотели нас убить. Это те фашисты, которые пришли, что бы разорить и разграбить нашу страну. Ты этого не видел, а вот я это видел, что они сделали с нашими деревнями. Ведь от них остались только трубы, да виселицы на которых висели наши же русские люди. Такое мы видели ни раз и ни два, от Сталинграда до Украины мы прошли тысячи километров и видели тысячи разграбленных деревень и сёл, и тысячи повешенных наших людей, при виде такого у нас в жилах кровь стыла. Так что же теперь этих зверей жалеть, они нас не жалели, и мы их не стали жалеть. Война, понимаешь, и в этой войне виноват, немец, который пришёл нас поработить. Он пришёл нас победить, а мы победили его, потому что наше дело правое, поэтому мы и победили.

Всё сказанное мне тато буквально выпалил со злостью, я его такого никогда не видел. Я уже был не рад, что поднял такую тему, но затем отец немного успокоился и говорит:

— Чтобы у тебя не было жалости к фашистам, расскажу тебе один жуткий случай, который произошёл с советским капитаном в Чехословакии. После того последнего боя, когда власовцы-фашисты нашу батарею практически расстреляли, тогда погибло много наших бойцов-артиллеристов, взамен их к нам пришло

пополнение, а затем нас отвели на отдых в небольшой городок, который в нескольких десятков километров находится севернее Праги. Наша батарея расположилась на территории сахарного завода. Вот там мы сахара поели вдоволь, его было везде полно, и в бункерах в цехе, и в мешках на складах, и в мешках, которые были свалены прямо во дворе. С этим сахаром происходили прям комические случаи. Расскажу тебе один из них.

Так вот, сижу я на поддоне, на которые складируют мешки с сахаром, и пью чай, рядом со мной стоит мешок с сахаром, сколько хочешь бери и насыпай в кружку. Но у меня чай уже сладкий и больше не надо. Через некоторое время ко мне подсаживается один из наших новеньких бойцов с кружкой чая. Сел на поддон, а кружку с чаем поставил рядом с собой и уже приготовил ложку, чтобы набрать сахар из мешка и положить в чай. В это время его позвал товарищ, и они разговаривают насчёт того, пойти сегодня в город или нет. Его товарищ находится от нас метров за двадцать, и вот они кричат друг другу, а в это время сзади него подходит другой наш боец, из старичков, берёт совок примерно на полведра, набирает им из мешка сахар и весь его высыпает в кружку с чаем. Сахара было настолько много, что он засыпал всю кружку. Получилось так, где была кружка, там образовалась горка сахара, а кружки с чаем не видно. Старичок, сделав «чёрное» дело, ушёл, а молодой боец закончил разговор, поворачивается к своей кружке с чаем, а её там нет, вместо неё горка сахара. Он растерянно смотрит по сторонам и не поймёт, где же его кружка, а когда догадался, то сильно ругался и при этом ложкой выковыривал из сахара свою кружку. А старички стояли в стороне и веселились над своей шуткой. Вот такие у нас в батарее были шутники.

Но я тебе хотел рассказать не об этом, а о том, какие фашисты звери. Так вот. На отдых мы остановились в этом городке. Он был небольшой, домов тридцать-сорок, но, правда, дома были не только одноэтажные, было и несколько домов двухэтажных, а управа у них была трехэтажная. Была у них и церковь, но не такая как у нас. Их церкви похожи на дома, только с башенкой наверху, а на ней закреплен крест. Городок хоть и небольшой, но в городе было два завода: сахарный и консервный, и мельница, и маслобойня. Одним словом, у них для жизни было всё: живи и радуйся. Нам политрук батареи рассказывал что, население в этом городе, в основном, немцы. А почему так получилось, что в Чехии жили немцы, я толком и не понял.

Вроде, как бы, до какой-то войны, эти земли принадлежали Германии, а потом немца побили, и эти земли отошли Чехии, а в 1939 году, когда германец начал завоёвывать Европу, то

завоевали и эти чешские земли, а заодно и всю Чехию вместе с её столицей Прагой. Вот потому здесь живут, в основном, немцы. Ну ладно, думаю, немцы немцами, но мне, да и всем нам хочется посмотреть, как они здесь живут, хочется узнать, что такое «Европейская жизнь».

Надо сказать, что командиры нам в походах в город не отказывали, ходили бойцы группами и обязательно старшим был, кто-нибудь из командиров. А однажды нас возили посмотреть, как у них устроены коровники. Лично мне это очень хотелось посмотреть. Тогда нашим командиром был наш политрук, который понимал по-немецки. Так вот он у немцев, которые ухаживают за коровами, спрашивал то да сё. Вот, что я тебе скажу на этот счёт. Коровник у них устроен, что надо, ясли из белого метала, он не ржавеет, в этих же яслях устроены поилка, корова, когда захочет тогда воду и пьёт, не то, что у нас, три раза в день и не больше. Сена и фуража в яслях, сколько хочешь, поэтому корова и молока даёт по двенадцать литров.

В общем, мне их хозяйство понравилось, и когда вышел из их коровника, настроение было хорошее, но потом вспомнил наши кровники и настроение сразу испортилось, потому что я понимал, что у нас таких коровников никогда не будет, в крайнем случае, я их не увижу. Ну ладно, хватит о грустном, да я тебе и ни об этом хотел рассказать.

В этот раз мы из батареи в увольнение пошли втроём: командир орудия, я и наводчик. Все из одного расчёта. Многие наши бойцы там уже были и поэтому не захотели идти с нами. Старшим у нас был командир орудия старший сержант, его фамилию я, к сожалению, не помню. И как я уже говорил, с нами был ещё наш наводчик, фамилию его не помню, а звали его Павлом. Кстати говоря, у орудия по фамилии его никто и не называл, а звали его по имени Паша. Грамотный парень, по-немецки говорил, с пленными немцами разговаривал. Он наполовину был немец: мать немка, а отец русский. Рассказывал, что жили они в Сталинграде, отца с первых дней войны взяли на фронт, а мы с матерью сидели дома и ждали когда за нами придут и заберут на выселение. Но к нам не пришли ни в сорок первом, ни в сорок втором, а в начале сорок третьего меня призвали в армию, а мама так всю войну и жила в Сталинграде. Как она там выживала, я просто не знаю, — говорил он, — Вот такая у нас была компания.

Идём по городу, он чистенький, дома стоят не разрушены, магазины и другие заведения работают. Везде висят рекламы с надписью, что там находится. Наш наводчик вывески читал, а мы определяли по картинке, что где находится. Прошли магазин, в

него заходить не стали, так как у нас ни их, ни наших денег нет. Вот по картинке видно, что швейная мастерская, но нам шить ничего не надо и мы пошли дальше. Смотрим, впереди нас какое-то заведение, а возле него стоят столики под зонтами, а за одним из столиков, сидят трое наших и пьют пиво из бутылок.

Подходим ближе, я вижу, что это пехотинцы: капитан, лейтенант и сержант. Подошли к ним, поздоровались по уставу, капитан нам говорит: «Садитесь за столик, сейчас официантки подойдут, и вы закажите им пиво». Наш командир орудия говорит: «Та мы бы заказали, да у нас нет денег» — «А зачем вам деньги? Мы победители, а побеждённая страна должна нас поить и кормить, так принято в международной практике» — «Ну, раз так принято во всём мире, то давайте сядем, а что из этого выйдет, посмотрим».

Сели за стол, командир орудия свой немецкий автомат положил на стол, у Паши тоже такой же автомат, но он его с шеи снимать не стал, а я свой карабин поставил между ног, на всякий случай, чтобы он был рядом.

Только мы сели, появились молодые девушки в белых передниках, подошли к нам, и одна из них что- то по-немецки спросила. Павел ей тоже по-немецки ответил и они ушли. Через некоторое время они появились с тремя бутылками пива. Сидим, пьём пиво, когда я начал разглядывать заведение, у которого мы сидим, и только тогда я заметил у дверей небольшую табличку, по которой я определил, что это цирюльня. Ну ладно, цирюльня так цирюльня, у них мужики тоже бреются и стригутся. Сидим, попиваем пивко, наш Паша наводчик говорит: «Выпьем это пиво и ещё по бутылочке закажем, вон, видите, пехота по две бутылки выпили и, наверное, ещё закажут». Но пехотинцы сидят и пиво больше не заказывают. Вдруг капитан говорит: «Что это я зря время теряю, пойду-ка я, пусть меня побреют, а то вон какая щетина выросла». Ему их сержант, мужчина лет сорокапяти, говорит: «Не делали бы Вы это, всё-таки там немцы, а они все как один фашисты, так что чего бы не случилось» — «А что может случиться, заявляет капитан, я вот заряженный автомат положу на коленки, и пусть только посмеют, всех уложу». Сказал и ушёл в цирюльню. С тех пор как он ушёл, прошло минут пять, вдруг слышим в цирюльне выстрел и тишина.

Пехотинцы бросились в помещение, мы втроём за ними. Заскакиваем в салон, и что мы видим? Капитан с перерезанным горлом лежит у кресла, его автомат рядом с ним, фрау забились в угол и стоят, дрожат и больше никого нет.

Лейтенант в ярости кричит на этих девок: «Где эта фашистская сволочь, что капитана зарезала?» А они зажались в

угол комнаты и только головами мотают и ничего не говорят.

«Ладно, — говорит лейтенант, — без вас найдём, а с вами я потом рассчитаюсь!» Он быстрым шагом пошёл в другую комнату, там тоже никого не было, только стоял большой шкаф. Лейтенант нам говорит: «Отойдите от шкафа», мы отошли, а он выпустил очередью из автомата в дверки шкафа. Шкаф немного постоял, потом медленно начал падать. Как только он наклонился, из него вывалился окровавленный труп в белом халате, а шкаф продолжил своё падение. Грохнувшись об пол, он собою накрыл белый труп, при этом показав нам тайную дверь, которая была за шкафом.

Увидев дверь, лейтенант сказал: «За этой дверью есть немцы, поэтому слушай мою команду. Ефрейтор (это он мне), Вы идите к окну, и если в нём появятся фашисты, то стреляйте наповал. Младший сержант (это он Паше), Вы охраняйте вход в помещение, никого не выпускайте, никого не впускайте, а если будет необходимость, то помогите ефрейтору».

Я вышел на улицу, у тумбы для объявлений занял позицию, где мне хорошо было видно окно, из которого должны убегать немцы. Паша стоял на ступеньках цирюльни с автоматом наготове. Через минуту или две, после моего ухода, в цирюльне послышался взрыв, я подумал, что наши взорвали тайную дверь, а ещё через пару минут открылось «моё» окно и там показалась, чья-то голова. Я из карабина щёлкнул по этой голове, и она исчезла, затем в цирюльне послышались автоматные очереди и снова взрыв. Затем наступила тишина, а из окон продолжал валить дым. Паша ушёл в цирюльню, и они там довольно долго были. Я уже хотел тоже пойти к ним, но у меня пост и его без разрешения командира покидать нельзя.

Прошло довольно много времени, я не знаю сколько, может полчаса, а может час, в здании снова послышались две короткие автоматные очереди. Я подумал, ну с кем они так долго воюют? Наконец, они вышли с ношей — на какой-то материи несли тело капитана. Паша позвал меня. Я подошёл к ним, мы вчетвером взялись за края материи и понесли капитана в расположение пехоты. Лейтенант шёл рядом и нас сопровождал. Шуму мы там наделали много, кое-где стояли люди и смотрели на нашу процессию.

Когда мы вернулись в расположение нашей части, и командир орудия доложил командиру батареи причину нашего опоздания из увольнения, то с этих пор и до самого отъезда выход в город всем бойцам батареи был запрещён. Позже, уже после ужина я думал об этом цирюльнике-фашисте. Ну что тебе надо? Работаешь в своей мастерской, зарабатываешь деньги, ну и

живи себе на здоровье, так нет, эта фашистская натура не даёт ему покоя, они войну проиграли, его берет злоба, и он решил убить своего врага. А тем самым он сам был убит, а с ним ещё семь человек на тот свет ушли. Вот такой результат его злобы. Так что, сынок, у нас и после войны было не просто.

Так закончил свой долгий рассказ мой отец.

РОД СЕМЬИ ЛАСУН

Другая ветвь нашего рода, по фамилии Ласун. Глава семьи Савелий (отчество мне не известно). Его жена, Пастелина (отчество тоже не известно). Их дети: Приська, Кылына, может быть, Акулина, но все родные звали её Кылына, сын Иван и младшая Пелагея, в обиходе просто Поля, будущая моя мама. Детей буду перечислять по старшинству, но о своей маме, Пелагее Савельевне, я буду описывать позже всех, так как она младшая в семье, притом я о ней знаю гораздо больше, чем об остальных родственниках. Теперь опишу каждого члена семьи. Начну с главы рода.

ЛАСУН САВЕЛИЙ

Его отчество и дата рождения мне не известны, умер вскоре после войны с немцами, начатой в 1914 году. Вернулся с первой мировой, сильно болел и вскоре умер. Похоронен он был на кладбище старого хутора, Гашун. В настоящее время и от кладбища и то самого хутора ничего не осталось. По воспоминаниям его дочери, а моей мамы Пелагеи Савельевной, он был человек образованный, выписывал газеты и журналы и читал их. В хуторе, среди хуторян пользовался уважением, к нему часто заходили посоветоваться по какому-то важному вопросу. Хуторяне, обращаясь к нему говорили: «Послушай, Савелий, ты же сильно грамотный, читаешь газеты и журналы, а в них всё прописано, подскажи, как поступить в моём случае». По словам моей мамы, Ласун Савелий был чуткий и отзывчивый человек, но здоровьем слабый, так что хозяйством он совершенно не занимался, как она выразилась: «Для хозяйства чоловик був никчемный». Притом, в этих словах дочери Савелия Ласуна, звучало недовольство и даже пренебрежительность. Почему так, я маму не стал спрашивать, так как видел её раздражительность, но сам сделал вывод. В то время в сельской местности ценилась простая физическая сила, а грамоту они считали забавой, которой и сена не накосишь, и кусок хлеба не заработаешь. Какой он был национальности мне не известно, поэтому писать не буду, хотя есть предположение, что в нашем роду по материнской линии были евреи. А всем его детям записана национальность русские, но это было уже после советской власти.

ПАСТЕЛИНА (ЖЕНА САВЕЛИЯ ЛАСУНА)

Женой у Савелия была женщина по имени Пастелина, к сожалению её отчества и точного года рождения, мне не известно, так как моя мама не знала, когда моя бабушка Пастелина родилась. Я предполагаю, что родилась она в 1866 году, прожила примерно 71 год и умерла в 1937 году. По воспоминаниям той же Пелагеи Савельевны, женщина она была крутого нрава, управляя немалым хозяйством, спуска никому не было: ни своим, ни чужим. Наверное, моя мама тоже пошла в неё, была строгая, но и отходчивая. Прощаться с моей бабушкой не будем, так как мы ещё с ней встретимся.

СТАРШАЯ ДОЧЬ ЛАСУНОВ, ПРИСЬКА

Старшая дочь Ласунов, Приська Савельевна, родилась примерно, в 1884году, умерла в 1968 году, прожив 84 года. Вышла замуж за Григория Кисляка, Сколько у них было детей я не знаю, кто-то из нашей семьи мне сказал, что у Кисляковых было шестнадцать детей, но я в такое утверждение не верю. Думаю, что это событие особой важности и если бы это было так, то, наверное, в нашей семье об этом бы говорили, но я такого не слышал. Тогда считалось, что самая большая семья была у нас, у Кондрата и Пелагеи Чухлеб, 10 детей, и это принималось за истину. Ведь у других членов семьи Ласунов детей было меньше: у Кылыны трое, а у Ивана двое. Мой вывод. Если бы у Кисляков было 16 детей, то сразу бы в сравнение поставили нашу семью, так как по сравнению с семьёй Кисляков она гораздо меньше. Но такого я никогда не слышал, так что за основу будем брать только тех детей, которых я знаю. Прежде чем перейти к детям, я хочу остановиться на характеристике тёти Приськи. В то время, когда я её видел, а это был 1943 или 1944 годы, она была невысокого роста, нормальной полноты, такая подвижная, хотя в то время ей было уже далеко за шестьдесят. По характеру тётя Приська была добрая, отзывчивая. Я любил с мамой к ней ходить в гости. Тётя была очень внимательна: встретит, накормит и напоит, а если надо, то и спать уложит. Вот такой мне запомнилась тётя Приська. Я и позже бывал в их доме, но тёти тогда уже не было, а была их младшая дочь Гаша. По характеру она была копия своей мамы, такая же добрая и отзывчивая.

Забегу далеко вперёд и опишу один случай, касающийся этой семьи.

В 1983 году я уже жил в Сибири, получил от своей мамы письмо, в котором она сообщала, что умер дядя Гриша Кисляк. Такое сообщение, поставило меня, мягко говоря, в затруднение. Какой дядя Гриша, какой Кисляк, что-то я не могу припомнить такого родственника. Сижу на диване, вспоминаю всю свою родню. При всем моём старании дядю Гришу вспомнить не могу. Перечитываю снова строки, которые касаются дяди Гриши. Вот что мама по этому поводу писала: «Умэр дятько Грыша Кысляк, прожыв 102 рику, пять мисяцив и шесть дён». Прочитав, я снова ударился в раздумье. Наконец вспомнил, ведь это же муж тёти Приськи, как же я забыл. Начал корить себя, а затем подумал, как не забыть, ведь я его видел всего один раз, да и то когда мне было лет 10 или 11, а с того времени прошло около 40 лет, но главное не это, а то что он дожил до этих лет. Я помню, что когда мы с

мамой, по какой-то надобности, были в Бурукшуне и зашли к Кислякам, у них мы переночевали, а утром я вышел на крыльцо их дома и увидел дядю Гришу, тогда он уже был дедом, с рыжей окладистой бородой. Сижу на диване, держу в руках письмо и думаю, такого не может быть. Когда я был ребёнком, дядя был уже старик, а сейчас мне скоро 50 лет, а он до сих пор жил. Нет, думаю, так не может быть, но затем посчитал годы, сколько то прибавил, затем сколько надо отнял и получилось так, как пишет мама. По несложным подсчётам я выяснил, что родился Григорий Кисляк в 1881 году, а умер в 1983, вот так больше ста лет, вот вам и пример для подражания, только надо ли? Позже мне его дочь Гаша рассказывала, как она с ним намучилась, ведь в таком возрасте человек как малое дитя, мало что понимает, так что не знаешь что лучше, а что хуже. Из детей тёти Приськи я знаю только Василия и Семёна, но я их видел только в детстве, и их дочь, Гашу, а вот её знаю хорошо, так как я и в детстве её видел чаще других детей Кисляков, и повзрослев, тоже с ней встречался. А ещё когда я работал киномехаником, то узнал их дочь Надежду. Вот и всё что знаю и помню о Кисляках.

ДОЧЬ КЫЛЫНА

Вторая дочь Ласунов была Кылына. За кем она была замужем, я точно не знаю, но по-видимому за Фесенко, так как у её сына Алексея фамилия Фесенко. Её детей я знаю: дочь Галину, сына Алексея и дочь Евдокию или просто Дусю. Об Алексее я мало что знаю, только то что, он был на войне, довоевался там до звания капитана, там же женился на медсестре латышке, после войны они остался жить в Латвии. Приезжал два раза в отпуск к матери, вот тогда я его и видел, но мне тогда было лет пятнадцать и, как сами понимаете, никакого разговора у меня с ним не было. У Дуси знаю, была дочь Неля, которая сейчас живёт в каком-то селе под Ставрополем. Г алину я знаю лучше, особенно ее сына Юру, мы с ним практически одногодки, у нас с ним были добрые приятельские отношения, хотя виделись мы редко. Последний раз я Юру видел в 1965 году, когда я со своей семьёй приезжал к родителям в отпуск в хутор Северный. Тогда у родителей собрались все, или почти все, наши родственники, обеих ветвей. Даже тётя Кылына приехала, на время забыв о вражде с семьёй Чухлеб. Была и её дочь Галина и сын Галины Юрий, с женой и ребенком. Жена его, на мой взгляд, обыкновенная сельская женщина, ничего особенного, но Юра думал иначе и за неё полез на ствол. Об этой трагедии мне рассказывала Юрина мать Галина, они тогда жили селе Михайловка, что под Ставрополем, с ними жила и тётя Кылына. А всё случилось так. Юрина жена по какой-то причине ушла жить к бывшему своему ухажёру, который не так давно вышел из тюрьмы.

Прошло время, жена не возвращается и Юра пошёл к ним, что бы окончательно решить вопрос о разводе, а то получается ни то, ни другое. Вроде женат, но жены нет, как будто холостой, но в паспорте стоит штамп, о том, что ты женат. Его родные в тот двор не отпускали, но он все равно пошёл. Чем это закончилось, вы уже знаете. Юра только подошёл к крыльцу дома, дверь открылась, из неё появился этот зэк с ружьём и выстрелил Юре прямо в грудь и попал в сердце. Юра скончался на месте. Вот так безумно оборвалась жизнь хорошего человека, и остались две женщины старушки без опоры в жизни. Вот такие бывают коварные женщины, но, слава Богу, не все такие.

Не знаю, жива ли его бывшая жена, или нет, а Юриному сыну в настоящее время, наверное, уже лет 45, если он, конечно, жив.

СЫН, ИВАН САВЕЛЬЕВИЧ (1901–1984 годы)

Иван был женат на Евдокии, у них родилось двое детей, в сын Яков Иванович 1926 года и дочь, Раиса Ивановна, 1930 года рождения. Иван Савельевич жил со своей семьёй в хуторе Северном, там же, где и мои родители. По колхозным меркам, хозяйство было у него хорошее, хата, двор, сад — всё содержалось в надлежащем порядке. Семья жила в достатке, нужды никогда не знала, сам он работал в колхозе всегда на выгодных должностях: то учётчиком, то кладовщиком, то заведующим зерновым складом. Хочу отдельно остановиться на саде Ивана Савельевича.

Его сад был, пожалуй, лучший в хуторе. Особенно хороши были деревья вишен, они простирались вдоль ограды, и их ветви свисали прямо на улицу. Для нас, мальчишек, это был величайший соблазн, хотелось в сад забраться и полакомиться ягодками. Но хозяин всегда был на страже, как-то у него получалось так, что когда мы хотели забраться в его сад, он как раз в это время его охранял, когда он успевал работать не понятно.

Семья их жила как-то замкнуто. Не знаю, может, к ним кто и ходил вот так запросто, ну как в нашу семью или семью Беленковых, но ни наша семья и, насколько я знаю, семья Беленковых с ними тесно не общались. Мать семьи Беленковых— тётя Ульяна, была родной сестрой жены Ивана Ласуна, Евдокии. Они с Беленковыми особо не роднились, так же как и с нашей семьёй, обе семьи это знали и в родственники к ним не набивались. Ласуна в хуторе считали жадным, может потому что жил затворником, люди говорили, что у него клок прошлогодней соломы не выпросишь. А я вот чем охарактеризовал бы его жадность.

Должен сказать, что не только Иван Савельевич был прижимистый, но и его жена Евдокия не уступала ему в этом, а, на мой взгляд, даже превосходила его. Из многих случаев, характеризующих эту пару, приведу всего два примера, относящиеся один к Евдокии, другой к Ивану.

Случай первый.

Это было во время войны, насколько я помню, 1944 год. Ранняя весна, все запасы еды, которые были в нашей семье, были съедены зимой, а на весну практически ничего не осталось, да и подножный «корм» ещё не вырос, вот так. Как хочешь, так и живи. Помощи ждать не от кого, выкручивайся сам, как можешь. Как-то вечером мама объявила нам, что ужина не будет, так что, говорит она, попейте воды и ложитесь спать. Мы гурьбой пять человек,

Иван, Григорий, я, Миша и Рая подошли к ведру и по очереди начали черпать кружкой воду из ведра и её пить. Андрей и Наташа были уже взрослые и в водопое не участвовали.

Попили воды и отправились в хатыну спать. Спать не хотелось, мучил голод, водой его не удалось задушить. Лежим, ворочаемся, уснуть никто не может. Вдруг за дверью послышался шорох, затем открылась дверь хатыны, и мама с лампой в руках проходит к нам, а за ней идёт тётя Дуня Ласун и несёт в руках большой литров на пять чугунок. Мама раздвинула нашу не хитрую постель, и тётя Дуня чугунок поставила прямо на полати. Мама вручила нам ложки и сказала: «Ешьте, вот вам тётя Дуня принесла ужин».

Мы, естественно, обрадовались, подскочили, схватили ложки и давай хлебать ужин. Я, ложку за ложкой отправляю в рот и чувствую, что ни какой это, ни ужин, а какая-то жижа, видать в ней что-то варили, а затем, то что варили, оставили себе, а нам принесли одну воду. Мои подозрения на воду тут же подтвердила тётя Дуня. Она говорит маме: «Сёдня в колхозе бычка зарезали, так Иван взял домой печень, вот я её сварила, а шулюн девать некуда, мы то такое не едим, думаю, отнесу Полиным детям, пусть они поедят». Стоит в горестной позе и причитает: «Бедные дети, какие же они голодные, а кормить то не чем». Я хлебаю эту жижу и думаю, если ты нас так жалеешь, то почему же нам принесла одну покрашенную воду, могла бы хлебушка принести или несколько кусочков печени в эту воду положить, а то принесла одну воду.

После того как мы всё съели, и тётка с мамой ушли, мы, дети, стали делиться между собой. Спрашивали друг у друга, кому, что попало из этой жижи. Может быть кусочек печени, или хотя бы жилка из неё, оказалось что никому, ничего не попало — была чистая подкрашенная вода, как будто бульон от печени процедили через несколько слоёв марли. Возникает вопрос, что же это было, благородство от Ласунов или игра в благородство? Мне кажется, что это было издевательство над детьми непокорной Поли, пусть, мол, она знает, как не слушаться старших.

Как бы там ни было, а в этот вечер мы легли спать, напившись воды до отвала, а потом всю ночь бегали на двор по необходимости. Кстати, обратите внимание на слова жены Ласуна: «В колхозе резали бычка, и Иван взял печень домой». Что же это получается, Ласун распоряжается колхозным добром, как своим. И никто ему не указ. На это я отвечаю: «А кто ему укажет, ведь он в то время работал кладовщиком, и всё было в его руках. Тогда было такое время, что ему отчитываться за колхозные

продукты было не перед кем. Так что, я думаю, что он тогда не только печень домой принёс, а кое-что и посолидней. Хотя в оправдание семьи Ласунов надо сказать, возможно, с питанием у них было и хорошо, но упитанностью они от других хуторян не отличались. Все четверо всегда были худощавые и подтянутые, наверное, соблюдали режим питания.

Случай второй, который касается Ивана Ласуна.

Было это во время войны в году 1944. Была весна май месяц, птицы с юга на север уже пролетели, мы о них и забыли и вдруг, над хутором закружилась пара диких гусей, ищут место, куда бы сесть и отдохнуть. Выбрали Дэрыну яму, она как раз была заполнена водой. Я увидел, что гуси кружатся над ямой и быстрее туда. Прибежал, а они уже сели на воду, плавают, держась близко, друг к другу. Хуторяне узнали, что гуси сели на воду отдохнуть за короткое время у ямы собрались люди: и взрослые, и дети. Они смотрели на гусей, любовались ими, жалели их, говорили между собой: «Надо же из такого далека, летят, устали бедненькие». Некоторые хуторяне подкармливали их, корочками хлеба. Я посмотрел на гусей и побежал домой к маме, что бы сообщить ей важную весть. Для хутора это было невероятное событие, какже, дикие гуси сели на отдых прямо посреди хутора. Об этом сразу узнало половина хуторян, в том числе и Иван Ласун. Учитывая натуру Ивана Савельевича, он недолго думая хватает ружьё и бежит к Дериной яме, держа ружьё наперевес. Бежит по улице с ружьём люди смотрят на него с осуждением, они уже догадались, что он затеял. Первой его увидела моя мама и кричит ему: «Иван, ты цэ куды с ружьём, ны гусей стрелять? Та ты шо зума зошов, они сели, чтобы отдохнуть, набраться сил перед дальней дорогой, а ты их убивать, ны буть цёму». Ласун только отмахнулся от своей сестры и мелкой рысцой побежал дальше. Но моя мама не из тех, от которой можно отмахнуться, побежала за ним и по дороге кричит: «Бабы, держите Ивана, он хочет гусей пострелять»! Люди услышали призыв моей мамы, увидели Ласуна с ружьём, окружили его, зажали в крепких объятиях, да так, что он ружьё выронил. Одна из женщин его подобрала и сказала: «Отдам, когда гуси улетят». Пока шла вся эта чехарда, гуси успели попить водички, поклевать корочки хлеба, отдохнуть и, взлетев в небо, сделали круг над небольшим водоёмом и людьми, как бы благодаря их за спасение, повернули на север и улетели.

Женщины-колхозницы расходились по домам, громко обсуждая случившееся и гордясь своим поступком, а как же они спасли двух несчастных птичек от убийства. Вы, наверное, меня спросите, а что Иван Савельевич? А что он мог сделать? Ругался,

конечно, обзывал женщин дурами, которые не понимают, что им добро само в руки лезет, а они его не берут. Какой из этого случая можно сделать вывод? Я попробую в этом разобраться. Если брать во внимание то голодное время, то Иван Савельевич делал правильно, прилетело мясо, притом бесплатное, значит надо его брать, зачем пропадать добру, в другой раз может и не прилететь. В этом случае женщины-колхозницы не правы, они поступили как собака на сене: и сам ни гам, и вам не дам. Но если брать во внимание добро и зло, то женщины правы. Они посчитали, что двумя птичками весь хутор не накормишь, так зачем лишать их жизни, пусть они живут и своим грациозным видом радуют людей. В этих двух противоположных мнениях есть добро и зло, я рад, что победило добро. Да Иван Савельевич и его семья никогда не голодали, у них всегда было что поесть. Позже, на эту тему я думал что, возможно, Ивана Савельевича охватил охотничий азарт. Так нет, охотником он никогда не был, а ружьё держал с целью самообороны. Так что я теперь и не знаю, что по поводу действий Ласуна думать. Надо заметить, со временем жизнь Ивана Савельевича пообломал, да так, что он стал на вещи смотреть другими глазами. Стал снисходительней относиться к людям, чаще начал заходить в наш двор, как бы родниться. Но даже в этот период отношения, между Иваном Савельевичем и моим отцом, я бы не назвал дружескими. Рядом на одной скамейке они никогда не сидели, о чём-то поговорят на расстоянии, вот на этом встреча и заканчивается. Должен сказать, что и моя мама, сестра Ивана Савелича, не очень к братцу благоволила. Видно с тех времён осадок остался, и отец его никак не мог пересилить, да и мама то же. Вот в этой главе я о Ласунах отзываюсь негативно, но если быть до конца честным, а я именно так и стараюсь писать, то однажды Ласунов я поставил в пример своим родителям, как людей хозяйственных и хороших родителей, которые своих детей никогда без ужина не оставят. Конечно, мои родителям было неприятно слушать такое сравнение, но я его сделал, и они это заслужили. Надо отметить, что это было уже перед моей армией, и я тогда уже не стеснялся говорить всем правду. Моё мнение такое. Не надо быть слишком прижимистым, а так же слишком расточительным, надо знать золотую середину. С Иваном Савельевичем мы прощаться не будем, так как я дальше о нём буду упоминать. Дальше напишу об их детях по старшинству.

ЯКОВ, СЫН ИВАНА И ЕВДОКИИ

Сын Ласунов, Яков Иванович, родился в 1926 году, учился в школе, а когда подошло время, пошёл в армию. Вернулся из армии, работал в колхозе, жениться как бы и не собирался. Но тут к нам в хутор приехала работать в школе учительница, Елена Михайловна, и закружилась, завертелась любовь у Яши с учительницей. Влюблённые решили пожениться, Яша об этом сказал дома, но родители его не поддержали, мало того они категорически запретили ему встречаться с ней. В семье Ласунов началась борьба между Яшей и родителями, главный аргумент родителей был, что она тебе не пара. Она ведёт себя безобразно, красит и пудрит лицо, не соблюдает христианских норм, то есть, ходит без платка и юбку носит выше колен, такая невестка в нашем доме не нужна. Яков стоял на своём и продолжал с Еленой Михайловной встречаться.

Борьба шла долго, но ни одна из сторон не хотела уступать. В то время, к нам в хутор приехала ещё одна учительница, все в хуторе звали её Нюся. Она приехала из села Джалги на телеге, к которой была привязана корова. Какой переполох вызвала эта корова у хуторян! Чтобы учительница и с коровой, такого в нашем хуторе ещё не было. Раньше все учителя к нам приезжали только с чемоданом и всё, никаких тебе животных, даже кошек у них не было, а тут сразу корова, поневоле, поднимется переполох. Так вот, когда она появилась, то сразу понравилась родителям Якова, как только они её увидели.

А как же: не красилась, носила длинные юбки, на голове всегда платочек, настоящая христианка, да и корова есть, а это немаловажно. После этого они ему сказали: «Хочешь жениться на учительнице, так женись — вон приехала новая учительница, на ней и женись». Но Яков хотел жениться только на Елене Михайловне и всё.

Страсти в семье Ласунов разгорались всё больше и больше. Родители видят, что с сыном справиться не могут, позвали на помощь «тяжёлую артиллерию», в виде тети Кылыны. Я сейчас хочу обратиться к читателю. Вам это не напоминает тот случай, когда Поля Ласун, собралась выйти замуж за Кондрата Чухлеб? Помните та же самая борьба в семье Ласунов. Но тогда, благодаря настойчивости Поли, победила любовь, а как получится сейчас, посмотрим. Борьба продолжалась, и по всему было видно, что под таким давлением Яша начал свои позиции сдавать.

А Елена Михайловна, продолжала красить лицо, надевать яркие платья, а когда было прохладно, надевала светлый плащ,

ходила по хутору и улыбалась, как будто всё, что происходило в семье Ласунов, её не касалось. В то время такие наряды, как у Елены Михайловны, для хуторян были невообразимой роскошью. Ведь в чём ходили хуторские женщины: ватная фуфайка, да, возможно, у кого-то свитка, вот и вся верхняя одежда. На таком фоне Елена Михайловна выглядела, как принцесса, естественно все хуторские парни в неё влюбились, каждый хотел с ней дружить, но из них она выбрала только Яшу Ласуна. А что, молодой, красивый, из обеспеченной семьи, в то время это было тоже немаловажно, так что жених самый раз. Но женитьба никак не склеивалась, а семейная сора стала не только таковой, но и переросла в хуторские разборки.

У калиток, у колодцев женщины стояли и обсуждали эту тему. Среди хуторян поползли слухи, что учительский дом, в котором пара встречалась, как бы превратился в вертеп, не хватало на нём только красного фонаря. Такое долго не могло продолжаться, и каким-то образом дошло до учительского начальства в Ипатово. Говорили, что Елену Михайловну туда вызывали и строго предупредили в том, что учительский дом для проживания, а не для любовных встреч. После этого, у неё с Яшей состоялся серьёзный разговор, какой точно не знаю, но явные встречи их прекратились, наверное, она сделала ему ультиматум. Якову и так было не сладко, а тут ещё такой удар.

Яша переживал очень сильно, из общительного весёлого парня он превратился в какую то мумию. Всё время, был какой — то хмурый, подавленный, неразговорчивый, на контакт с людьми не шёл, с его лица исчезла улыбка. В общем, парню было тяжело, и помочь ему в этом было некому, кроме родителей, но они делать это не хотели.

В одиночку воевать тяжело, да если учитывать, что тётя Кылына живёт у Ласунов и никуда уезжать не собирается. Она каждый день обрушивала на Яшу всё новые и новые доводы. Говорила: «Ну, зачем тебе эта вертихвостка, какая у неё зарплата? Только и хватит на помаду, да на пудру, а на что вы будите жить. Вон моя сестра Полька не послушалась старших, вышла за батрака замуж, нарожала кучу детей и теперь мучается со своими голодранцами. А вышла бы за богатого, который к ней сватался, так каталась бы, как сыр в масле, и горя бы не знала». Так на протяжении длительного времени Яшу ломали, ломали и, в конце концов, сломали.

Не выдержал он такого нажима и сдался. Противоборствующая сторона торжествовала, но торжество это было временное, так как дальнейшая жизнь Якова Ивановича показала, что родители сломали не только его упорство, но и

сломали его натуру, они сломали ему стержень, благодаря которому он был стоек, а в результате они сломали ему жизнь. Ведь давно известно, что если человеческую натуру, хоть раз сломают, то ему на ноги встать будет очень трудно, а по большей части просто невозможно. На мой взгляд, так получилось и с Яшей, дальше его жизнь покатилась по наклонной. Женился он на той женщине, которую ему выбрали родители, с ней уехал на ПМЖ в село Ипатово, там устроился в керосиновую лавку, не имея специального образования, и, как результат, проторговался. Был суд, его посадили в тюрьму на пять или шесть лет, точно не знаю, да это и не столь важно. Последние годы жизни он, говорят, пристрастился к спиртному, на этом его жизнь и закончилась. А начало конца было тогда, когда его ломали, в связи с женитьбой на Елене Михайловне. А какой Яша был хороший парень, привлекателен внешностью, по натуре бы весёлый, общительный. Кстати говоря, он один из Ласуновской семьи дружил с нашей семьёй. Приходил к нам в гости, приносил нам, детям, какой-нибудь гостинчик, залезал к нам на полати и играл с нами. Когда я узнал о кончине Яши, то очень грустил о нём. Отсюда резюме, родители, прислушивайтесь к своим детям, и не ломайте их судьбу через колено.

ДОЧЬ ИВАНА И ЕВДОКИИ, РАИСА

Дочь Ласунов, Раиса Ивановна, 1930 года рождения. Я начал писать о Рае Ласун, но что о ней писать я даже не знаю. Так что буду писать о ней в общих чертах.

Рая всю взрослую жизнь работала в колхозе, ничем особо не отличилась. Затем она вышла замуж за Яковку Владимира, который откуда-то приехал к родителям уже смертельно больным. Какая у него была болезнь, никто толком не знал, за исключением самого Владимира. У них родилась дочь, которую они назвали Лидой. Вскоре Владимир умер. Рая с дочерью жила с родителями. Кода её дочь выросла, то вышла замуж, и сейчас живёт в ауле Барханчак, правда, не знаю в малом или большом. Раиса Ивановна так до конца своих дней жила с родителями, или они с ней, хотя какая разница.

Я понимаю, что о Раисе Ивановне я написал мало, но я про неё больше ничего не знаю, в то время когда я жил в хуторе она к нам не заходила и нас не привечала, и мы к ним тоже не ходили, то есть родства как такового не было и поэтому, как Рая жила и что её беспокоило, я не знаю, мы хоть и жили рядом, но как будто на разных планетах. Вот так было и ничего не поделаешь. Но, всё-таки, я думаю, что Рае с родителями жилось тоже не сладко, ведь они придерживались старых порядков и церковных обрядов, но время было уже совсем другое, советская власть не признавала церковь и это, волей или не волей, влияло на людей, особенно на молодёжь.

Эта самая молодёжь раскрепостилась, скинула с себя церковные оковы, ей хотелось хорошо одеваться, а в выходные дни веселиться. Законодателем моды была Елена Михайловна, та самая которая чуть не стала невесткой Ласунов.

Как я уже раньше писал, она носила короткие юбки, туфли на высоком каблуке и короткую стрижку с кудрями. Елена Михайловна среди хуторских парней пользовалась невероятным успехом. Молодые девушки, да и женщины это видели, и им хотелось быть такими же красивыми и успешными. Поэтому некоторые девушки начали подражать законодательнице моды. Особенно Елене Михайловне яро подражала молодая девушка Паша Рожкова. Она практически скопировала Елену, такая же короткая кудрявая причёска, лицо напудрено, губы накрашены помадой. Ни дать, ни взять, Елена Михайловна № 2. Но и другие девушки от Паши не отставали. Преобразившись, они на порядок выглядели привлекательней тех девушек, которые носили косы и длинные юбки, а голову покрывали платочком. По этой причине

хуторские парни старались ухаживать за модными девушками или молодыми женщинами. А та женская молодёжь, которая придерживалась старых правил (из-за стиля одежды, парни называли их старухами), стояли в сторонке и смотрели, как модницы танцуют с парнями.

Ласуны же жили по старым правилам и обрядам, и Рая тоже так одевалась по-старушечьи, и она так же стояла в сторонке никому не нужная. А она была молодая, и ей хотелось модно одеваться, и чтобы за ней, так же как за другими девушками, ухаживал молодой парень. Но родители ей этого не позволяли и по-видимому, между ней и родителями шла нервная борьба и, наверное, для Раи это было не просто. Ведь не зря же у неё на нервной почве частично деформировалось лицо. Я считаю, влияние родителей на своих детей должно быть более демократичным, тем более со взрослыми детьми. Оно, это влияние, ни в коем случае не должно превращаться в диктат, а тем более в садизм, как это было у Ласунов с Яшей. Вот такое моё мнение по этому поводу.

НАШИ РОДИТЕЛИ И ИХ ДЕТИ

Дальше я хочу написать о моих родителях и их детях, детей буду перечислять по возрасту, начну со старшего сына Андрея. О себе буду писать в конце.

ЧУХЛЕБ КОНДРАТ ЕФИМОВИЧ И ЧУХЛЕБ ПЕЛАГЕЯ САВЕЛЬЕВНА, В ДЕВИЧЕСТВЕ ЛАСУН

Как вы знаете, они уже женаты, об этом я выше писал, так что теперь они одна семья, поэтому напишу сначала об их детях, затем немного о мамином детстве, а затем о ней уже взрослой.

От их брака родилось десять детей, а именно: старший сын Чухлеб АНДРЕИ Кондратьевич (1924–1995 гг), сын Чухлеб АЛЕКСЕЙ Кондратьевич (1925–1944 гг), погиб на войне, дочь Чухлеб НАТАЛЬЯ Кондратьевна (1927–2011 гг), сын Чухлеб ИВАН Кондратьевич (1929–1985 гг), дочь Чухлеб ЛИДИЯ Кондратьевна (1930 — 1936 гг), сын Чухлеб Григорий Кондратьевич (1933–1998 гг), ЧУХЛЕБОВ СЕМЁН КОНДРАТЬЕВИЧ (1935 год, в настоящее время живёт и здравствует, и пишет вот эту книгу). Затем сын Чухлеб Михаил Кондратьевич (1937–1998 гг), дочь Чухлеб Раиса Кондратьевна (1939 год, в настоящее время живёт на Ставрополье). Дочь Чухлеб Любовь Кондратьевна (1946 год, в настоящее время живёт на Ставрополье). Вот такая у нас большая семья.

НАША МАМА, ПЕЛАГЕЯ САВЕЛЬЕВНА

А теперь немного о мамином детстве. Младшая дочь Савелия и Пастелины Ласунов, была Пелагея, будущая моя мама. Родилась она в 1904 году в хуторе Гашуне, когда время пришло идти в школу, то она пошла, но закончила только один класс церковно-приходской школы. Родители считали, что женщине грамота ни к чему, она должна рожать детей и заниматься хозяйством. Сколько Поля себя помнит, всё время она работала в домашнем хозяйстве, а хозяйство у Ласунов было не малое.

Мама мне рассказывала, что она помнит то, что когда ей было четыре года, то в её обязанности входил уход за птицей. Вот как она об этом рассказывала:

— Захожу в сарайчик чтобы покормить гусей, а они на меня как налетят, миску с зерном из моих рук выбьют, все зерно по земле рассыплется, я хочу поднять миску, а они меня крыльями бьют, я поворачиваюсь и со слезами убегаю жаловаться маме. И так каждый день. Всей семьёй ухаживали за скотиной. В четыре часа вставали и начинали выполнять всю необходимую работу по уходу за скотом. Такая жизнь у меня продолжалась до тех пор, пока замуж не вышла. Грамоте ни я не училась, ни мои сестры, а вот брат Иван закончил четыре класса, он мужчина ему грамота нужна, чтобы вести хозяйство.

Но мама не захотела быть безграмотной, как только появилась возможность, она пошла учиться, но это было уже при советской власти. Вам, наверное, известно, что на заре Советской власти, были организованы курсы по борьбе с безграмотностью. Советскому правительству достался в наследство безграмотный народ. Я слышал, что в то время в царской России было 80 процентов неграмотных людей, а планы большевиков были серьёзные, превратить Россию из аграрной страны в аграрно-промышленную. Для этого нужны грамотные люди, чтобы научить их работать на машинах и механизмах. Вот для этой цели и были организованы такие курсы, они назывались, ликвидация безграмотности или сокращённо ЛИКБЕЗ. Мои родители тоже пошли на такие курсы, чтобы научиться грамоте. Отец ходил недолго, по той причине, что на одном из занятий произошёл с ним конфуз. Об этом случае мама рассказывала с юмором. А было это так.

На предыдущем занятии изучали некоторые буквы, и учительница (будем называть её так) начала проверять, как её подопечные закрепили урок. Делала она это так, брала листок бумаги, на котором была написана та или иная буква, показывала

её классу, затем называла фамилию слушателя и спрашивала у него: «Какая это буква?», ученик вставал и отвечал. Наконец очередь дошла до моего отца. Учительница подняла над головой листок бумаги, на котором была нарисована, буква «О». Спрашивает: «Чухлеб, скажите мне, какую букву я держу в руке». Отец не знает, что это за буква, потому сидит и молчит. Но учительница настаивает, чтобы он ответил. Тогда отец встаёт и отвечает: «Круглялочка». Вся группа покатилась со смеху и учительница тоже, отцу это не понравилось, он не долго думая, послал всех к чёрту и ушёл, и больше туда не приходил. Жалел он о том, что не научился грамоте? Конечно, жалел, просто он тогда был молодой, глупый, потому и не стал учиться. Мама же продолжала ходить на курсы и научилась читать и писать, правда, научилась не очень, но всё же.

Затем началась коллективизация, начались организовываться колхозы. Кто-то в них шёл добровольно, как например, мои родители, кого-то насильно записывали, а богатые крестьяне не хотели идти в колхоз, их объявляли кулаками и раскулачивали, то есть все хозяйство отбиралось и передавалось в колхоз, а самих хозяев высылали в дальние края, в основном в Сибирь.

Моя бабушка, по материнской линии, поступила разумно, она ещё до коллективизации часть своего хозяйства продала, а другую часть детям раздала, и у неё остались два гуся и с десяток кур, вот и всё её хозяйство. Тогда мои родители и Иван Ласун уже жили на хуторе Северном, а бабушка ещё жила в Гашуне одна, позже она переехала жить к сыну Ивану. А в то время, пока она ещё жила в Гашуне, её пришли раскулачивать. Моя мама в это время у неё гостила. Вот как она мне об этом эпизоде рассказала:

— Мы, — говорит, — с мамой сидим на крылечке, вдруг открывается калитка, во двор заходят трое уполномоченных, впереди Григорий Ковтенко, наш местный активист. Подходят к крылечку, я на них смотрю, а они одеты в тоже самое рваньё, в чём и раньше ходили.

Мама ему говорит: «Грышка, а вам шо хорму ны дают чи шо?» — «Ны дают бабо не дают, пока формы ныма» — «Ну, я и дывлюсь, в чем у меня батрачил, в том и раскулачивать пришёл. Быры, Гриша, что хочешь, мне теперь оно не к чему, мне уж седьмой десяток пошёл, зачем оно мне».

Помощники Григория обшарили весь двор, но ничего не нашли. Так не с чем они и ушли. Когда шла перепись населения страны, моих родителей тоже записывали. Агент спрашивает у родителей: «Как фамилия?» — Чухлиб», — отвечают. — «А национальность?» — «Русские» — «Нет, — говорит агент, — Так дело не пойдёт. Если вы русские, то и фамилия у вас должна быть

русской, то есть Чухлеб. «Ну ладно пусть будет Чухлеб», — соглашаются мои родители. Вот так наша фамилия из Чухлиб, превратилась в Чухлеб. До войны родители работали колхозе, а как началась война, то начались испытания на выживание. Сначала на фронт призвали отца, затем старшего сына Андрея, а весной 1943 года и Алёшу. Маме осталось выполнить наказ мужа сохранить детей и ждать с фронта весточки, лучше хорошей. Началась трудная долгая борьба за выживание. Основная нагрузка легла на плечи мамы, как ей было нелегко, я напишу ниже. Но сначала я сделаю небольшое отступление на счёт ЛИКБЕЗА.

Всё-таки хорошо, что она научилась читать, вечерами она нам читала книжку. В то время книжка у нас была всего одна, это учебник Родная речь, в ней был рассказ Льва Толстого под названием Жилин и Костылин. Мама его читала, а мы слушали, отец очень любил это произведение, наверное, он ему напоминал войну, а может, потому что рассказ был интересен. Хочу сказать, что нашей семье повезло в том, что у нас была такая мать, добрая, трудолюбивая, справедливая, смелая и решительная. Чтобы не быть голословным, я опишу один случай из её жизни, который в полной мере подтверждает написанные мною правдивые слова в её адрес. А именно.

ДАЛЁКАЯ И ОПАСНАЯ МАМИНА ПОЕЗДКА

К осени 1944 года в семье с продуктами стало настолько плохо, что мы жили впроголодь. Надо было что-то делать, а впереди ещё зима. На колхоз не было никакой надежды, он хоть возродился, но практически ничего не сеяли, так как и нечем было сеять и нечего сеять, поэтому и ничего не выросло. Так что, колхозники, выживайте, как можете. Мама от кого-то слышала что, можно съездить в село Белоглинка, накопать там белой глины, а затем проехать по хуторам и сёлам и поменять её на продукты, а может что, будет можно и продать. Мама решила ехать, что делать, другого выхода нет, мол, поеду, как люди говорят, а там недалеко и до Сани, батьковой сестры, поеду, разузнаю у неё, что к чему. Поездка была дальняя не на один день и не на два, поэтому готовилась тщательно. Сначала переговорила дома со старшими детьми, с Андреем и Наташей, ведь на них оставляла младших детей и всё домашнее хозяйство, затем пошла, договариваться с председателем колхоза.

Разговор был длинный и не простой. В колхозе лошадей не было, их забрали наши войска, ещё когда отступали, а их было тогда около сотни коней, забрали быков, коров, овец — всё забирали. До села Ипатово гнали наши пастухи. Через две недели пастухи вернулись с одними кнутами и в порванной одежде. А забирали просто так, как они говорили, реквизировали для нужд армии, и чтобы немцам не достались. Не брали только хромую и больную скотину, как говорится на тебе, Боже, что нам не гоже. Тех быков, которые остались, подлечили, хорошо кормили и они пришли в рабочее состояние. Вот мама на них и рассчитывала поехать. Но упряжку надо было ещё у председателя колхоза выпросить. Председатель был местный и нужды колхозников понимал, особенно семьи Пелагеи Савельевны. Он понимал, что просьбу её надо выполнить, если нет, то он семью Кондрата Ефимовича подвергает голодной смерти. А если дать ей упряжку, да ещё кто-нибудь донесёт начальству в Ипатово, то ему несдобровать. Но как не дать? У Пелагеи Савельевны большая семья, муж на фронте, её сын Алёша там же, другой сын Андрей вернулся с фронта костылях. Одним словом, куда ни крути, а упряжку быков давать надо. Как-то раним утром, я услышал стук колёс брички, посмотрел в окно и увидел, что она стоит возле наших ворот, через некоторое время в хату зашла мама и начала с нами прощаться. Каждого обнимала, целовала, мы все в один голос ревели, мама тоже плакала, было такое впечатление, что она уезжает на войну. Мы по своему малолетству не понимали,

куда она едет, просто знали, что мама уезжает и нам не хотелось с ней расставаться.

А поездка была рисковая, и она об этом знала. Путь был далёк, только до села Белоглинка, наверное, километров 60–80, а до тёти Сани, наверняка, будет больше ста. А время-то было военное и опасностей в дороге могло быть не мало. Даже если в дороге никто не нападет, а такие случаи были, дезертиры по лесным полосам прятались, то в пути может случиться поломка колеса брички или какой-то, бык заболеет, да мало ли что ещё может случиться, всего не учтёшь.

Пелагея Савельевна знала, что уезжает надолго, потому что её тяговая сила не скоростная, 4–5 километра в час и не более, Да ещё их кормить надо, а ночью обязательно отдых, так как они привыкли отдыхать в это время. А вот теперь давайте посчитаем, сколько ей потребуется времени, чтобы доехать до Белоглинки не говоря о Кубани, где живёт тётя Саня. Получается много, даже очень, и это при том, что в дороге, не дай Бог, случится ЧП, а, в общем, вам понятно. Притом, что мама всё это знала, не могла не знать, и всё равно поехала. Я считаю, что её поступок был, если не героический, то смелый точно. Я горжусь моей мамой, и рад, что некоторые черты её характера по наследству передались мне. Когда мама уезжала, была мерзкая погода, моросил мелкий противный дождь и дул ветер. Обычно в начале октября в наших местах погода хорошая, тёплая, солнечная, а в этот день, как на зло, пошёл дождь. Но её это не остановило, она из холщового мешка сделала капюшон, надела его на голову и цоб, цобе поехала. Мы в хатыне (детская комната) дружно прильнули к окну, чтобы проводить нашу маму в далёкий путь, видно было как она, помахивая кнутом, подгоняла быков.

Маму мы стали ждать домой, как только она уехала, поэтому казалось, что она ездит очень долго. Старший брат Андрей, ему тогда было 20 лет, в семье был главным хозяином, сестре Наташе было 17 лет, на ней лежала забота, как накормить семью. Скажу сразу, старшие в нашей семье со своими обязанностями справлялись. Кормили нас не очень хорошо, но с голоду не умерли. К этому времени Андрей немного поправился. Уже ходил без костылей, но с палочкой, прихрамывая. Видя нелегкую обстановку в семье с продуктами, он решил идти к председателю колхоза и просить устроить его на работу. Он от кого-то услышал, что на МТФ нужен учетчик продукции, вот он пошёл просить эту должность. А что. Парень он грамотный, семь классов по тому времени, да ещё в нашей местности он считался человеком очень грамотным. Председатель учёл, что Андрей фронтовик, а тогда была такая правительственная установка что, при устройстве на

работу фронтовики имеют преимущество над остальными. Руководитель колхоза это знал и упорствовать не стал, и назначил Андрея учётчиком продукции МТФ, то есть, молочно-товарной фермы.

Ферма находилась в полкилометра от хутора, там были дойные коровы, они давали молоко и из него делали разные молочные продукты, а также брынзу из овечьего молока. Всю произведённую продукцию увозили в село Бурукшун, на сборный пункт. Кем-то была установлена норма произведённой продукции, а если привозили меньше, то спрашивали не только с председателя, но и с моего брата. Андрей там был практически руководителем, в его подчинении были и доярки, и пастухи, и сыроварщики. После села Бурукшун практически вся продукция из колхоза увозилась, затем в районное село Ипатово, там продукцию собирали со всех колхозов и отправляли её дальше в город Ставрополь. Население города всю молочную продукцию покупало в магазинах за бесценок, потому что цену устанавливал не производитель, а в Москве, в министерстве сельского хозяйства. Эта долбанная советская система совсем, лишала производителей их же продукции.

Что оставалось делать колхознику? Только воровать, чтобы ни помереть с голоду. Зато городское население пользовалось трудом колхозника практически бесплатно. Не так давно, уже в наше время, я смотрел передачу Владимира Познера, он пригласил к себе на беседу учёного Алфёрова, нобелевского лауреата. Так вот, на этой встрече, Алфёров хвалил советскую систему обеспечения продовольствием городов и, в частности, места общественного питания. Он говорил: «Мне очень нравилось ходить обедать в советские столовые, придёшь туда за копейки наешься до отвала, красота, да и только».

Я не знаю, какой он учёный, тем более Нобелевский лауреат, их там, этих лауреатов, раздают всем, без разбора, но как человек, знающий систему обеспечения продуктами население страны, он плохой. Ведь давно известно, если вам предложили продукты за дёшево, то значит, их у кого-то отобрали или украли, то есть она им досталось даром, и когда вы эти продукты поглощали, должны были подумать: «Почему так дёшево, наверное, их отобрали у колхозников». Вам, как учёному должно быть стыдно, а Вы, без зазрения совести, до сих пор вспоминаете, хотя прошло уже более двадцати лет, с тех пор как Алфёров ел отобранную у колхозников продукцию.

За это время, я думаю, можно было бы и поумнеть. Если у нас такие ученые, то улучшения в жизни трудящихся ждать не приходится, единственная надежда на президента страны, может

он этих стариканов из РАН разгонит и соберёт новую команду, из молодого поколения, а больше надеяться не на кого. А что касается колхозов то, из них всё увозилось бесплатно, что оставалось делать колхозникам, только воровать свою же продукцию. Другого выхода просто не было, или ты украдёшь, и будешь жить или не воруй, помрёшь с голоду. Кстати говоря, правительство само подталкивало, чтобы народ воровал. По этому поводу в то время в народе ходил такой анекдот.

АНЕКДОТ

Заходит Алексей Николаевич Косыгин, в то время председатель правительства, и говорит Брежневу: «Леонид Ильич, рабочие сахарного завода просят увеличить зарплату, маловато платят». Брежнев хмыкнул, как он умеел это делать и говорит: «А что они не могут по мешку сахара украсть с завода? Украли бы, на базаре продали, вот тебе и деньги».

Вот потому все и воровали, кто что производил: колхозники, что выращивали на полях, заводчане, что делали на заводе, так и жили при советской власти, пока она не развалилась. Вот так, все и везде воровали, воровали и в нашем колхозе, в том числе и наша семья. Правда слово воровать ни кто не говорил, заменяли его словом «брали», и получалось как-то прилично. Когда брат Андрей начал работать на МТФ, то наше семейное меню на порядок улучшилось. На столе появилась брынза, иногда творог, да каши готовилась не просто на воде, а к воде добавлялось молоко. Иногда сестра Наташа клала в кашу чуть-чуть сливочного масла, в общем, жить было можно, жаль, только мамы не было, где она, и как там всё у неё, неизвестно.

С того времени как мама уехала, прошло уже дней двадцать, а её всё нет и нет. В голову лезли всякие мысли, и хорошие, и плохие. Плохие мысли мы гнали от себя, говорили, что всё будет хорошо, но всё равно, у меня в душе стояла какая-то тревога. Наконец, я не выдержал и стал выходить на грейдер, к первой лесной полосе, которая ближе к Бурукшуну, и стал там ждать маму. Садился на сухую траву и сидел до тех пор, пока в дали не появлялся какой-то транспорт. Тогда я выходил на дорогу и дожидался, когда он подъедет ко мне. Если это была не мама, то я снова возвращался на своё место, и так каждый день. Движение по дороге было не частое, поэтому мне приходилось подниматься редко, иногда приходилось транспорт ждать очень долго и поэтому я засыпал. Проснувшись, меня мучила мысль, может мама проехала, а я проспал. Тогда срывался и стремглав нёсся

домой, но дома мамы не было, и снова наступала тоска. Маму, мы так долго ждали, что устали ждать. Я перестал ходить на грейдер, всё равно никакого результата. В один из дней, позавтракав, мы сидели на крылечке хаты, вдруг слышу, к нашему двору подъезжает бричка, я быстро туда, вижу, а на ней сидит мама, от радости я закричал: «Мама» и полез к ней на бричку. Затем сюда сбежалась вся семья: обнимание, целование, смех и слёзы. Радость была неописуемая. Наконец, когда суета улеглась, началась разгрузка привезённого продовольствия. Что там точно было, я не знаю, но видел, какие-то мешки, мешочки, корзину с бутылками закрытыми кукурузной пробкой (початок) и, кажется, всё. Но знаю точно, что питаться мы с этого дня стали вкуснее и сытнее. Вечером, когда все собрались дома за ужином, мама рассказала о некоторых подробностях своей поездки. Она говорила.

— Когда ехала ещё в ту сторону, на моей бричке соскочил обод с колеса, да хорошо, что он попал внутрь, между бричкой и колесом, а то бы потеряла, тогда бы была совсем беда, а так нормально. Это случилось недалеко от села Александровки. Потихоньку доехала, боялась, что колесо развалится, но ничего, выдержало, у людей узнала, где кузница, поехала к ней. В кузнице меня удивило то, что кузнецом работала женщина, а не мужчина. Ну ладно, женщина так женщина, выбирать не приходится. Поздоровалась и попросила помочь, она не отказала.

Пока чинили колесо, разговорились (моя мама кого угодно разговорить и уговорить может). Она рассказала, что до войны кузнецом работал её муж, а как он ушёл на фронт, так вдвоём с сыном работают. За время ремонта солнце закатилось, и начало быстро темнеть, где же ночевать, думаю, можно бы было и ночью ехать, но быки не захотят, так что ночевать всё равно надо где-то, ладно, потом решу. Когда колесо починили и поставили на место, женщина-кузнец, вытирая руки фартуком, спросила: «Куда же теперь»? Да вот, говорю, переночевать, где-то надо, а затем до Белоглинки, за глиной. — «Так ты переночуй у меня, у нас дом большой, места на всех хватит». — «А почему нет, — подумала я, — сено у меня в бричке есть, быки голодные не будут, да и в кровати или на полатях лучше, чем в бричке», — и согласилась. За ужином, с хозяйкой поговорили о своих мужьях, вспоминая их, поплакали, так и просидели целый вечер в слезах, общее горе нас как-то сблизило, это на другой день сказалось. Утром, в четыре часа, поднялись обе: хозяйка пошла доить корову, а я начала собираться. Пока то да сё, вернулась хозяйка, помогла мне быков запрячь, открыла ворота и подала мне на бричку узелок с едой. Там, говорит, хлеб, сало и ещё кое-что, сама увидишь.

Это, кое-что, оказалась такая небольшая штуковина обвёрнутая бумажкой, а на ней написано: «Шоколад». Я, раньше про это слышала, но никогда не видела, а тут он у меня в руках. Думаю, нет, кушать я его не буду, повезу своим детям, пусть хоть немного попробуют.

От той самой шоколадки, что маме дала тётя-кузнец, досталось всем нам — каждому немножко. Это была первая шоколадка в моей жизни, пожевал её, и ничего не понял, думал, что она будет сладкая, а она не то ни другое. В общем, мне не понравилась. Шоколадка-шоколадкой, но я, как автор, хочу обратить ваше внимание на другой аспект. Смотрите, случайно встретились две совершенно незнакомые женщины, они даже живут далеко друг друга, но, не смотря на это, женщина-кузнец не только отремонтировала колесо бесплатно, но и пригласила к себе на ночлег, накормила, напоила, да ещё и в дорогу продукты дала. По рассказу мамы, это была первая встреча на пути, но не последняя и другие, с кем она встречалась, относились с добром, чувствовалось тёплое отношение к ней. Считаю, что причиной тому была всеобщая трудная жизнь, как говориться, ни одеть, ни обуть, да ещё всеобщее недоедание. А тут ещё война, она очень сильно сблизила людей, правда не всех. Были и такие, которые жили замкнуто, а некоторые прятались в лесной полосе, чтобы потом ночью выйти и поживиться, чьим-то добром. Я об этом напишу позже. Мама ещё рассказывала, что ей не понравилась природа у тёти Сани. Говорит: «Кругом деревья, куда ни посмотри — ничего не видно, только деревья, говорит, это не хорошо. Вот у нас, хорошо, вышел за хутор посмотрел в любую сторону и видно до горизонта, вот это да».

А ещё я заметил, что мама как-то изменилась: во-первых, похудела, видно сказалась дорога, да и питание было не сытное. Во-вторых, она как-то выпрямилась, как-то расслабилась, стала увереннее и смелее. Мне кажется, что она отдохнула от семейных забот и это ей пошло на пользу, а, главное, она преодолела такую тяжёлую дорогу, с приключениями и это ей прибавило смелости, хотя она и до этого была не из робкого десятка. Про поездку, больше мама нам ничего не рассказывала, наверное, потому что мы были ещё малы, чтобы понять всё, что она скажет, так что из её раннего рассказа я мало что запомнил. А вот гораздо позже, когда я уже взрослый приезжал к родителям на побывку, то тот рассказ я запомнил хорошо. Было это так.

В один из моих очередных приездов, я вечерком с родителями сидел во дворе за столом под шелковицей, и мы вели тихую беседу. Это был не первый день моего приезда и потому о себе я им всё рассказал, а в этот вечер снова слушал их жалобы на

сыновей, Григория и Михаила. Один вот уже два года не приезжает, а другой излишне употребляет спиртное. Я это уже слышал и поэтому теперь слушал в пол уха, так как я им ничем не мог помочь. От моих слов Гришка не станет хорошим сыном, а Михаил не бросит пить, да и отношения у меня с ними были натянутыми. С Михаилом ещё так сяк, а с Григорием мы вообще не разговаривали, поэтому я сидел и делал вид, что слушаю родителей, а сам рассматривал двор. По нему бегали курицы, они ещё не ушли в курятник, рядом с погребом у тачки стояла привязанная лошадь, ела сено, невольно мой взгляд упал на колесо, и тут я вспомнил ту, теперь уже далекую мамину поездку. Мне захотелось, чтобы она рассказала о том далёком своём путешествии. Я, не навязчиво перевёл разговор в другую плоскость, чтобы отвлечь маму от плохих сегодняшних дел, а как она отвлеклась, попросил, чтобы она рассказала о той невероятно трудной поездке, тато тоже меня поддержал, и нам вдвоём удалось её уговорить. Я попросил маму пока не начинать, а сам побежал в хату, взял из своей дорожной сумки блокнот и шариковую ручку, пришёл, уселся за стол перед мамой и приготовился её слушать и записывать.

Повествование было долгим, отец сначала слушал, потом понял, что это надолго, взял пустой бидончик и пошёл в погреб. Принёс вино личного изготовления, груши и сливы из своего сада, вино разлил по стаканам и сказал: «Давайте выпьем по троху, шоб лучше говорилось и писалось». Выпили по полстаканчика, закусили фруктами, я закусывал грушей, в нашем саду были вкусные груши, и вновь потекла мамина речь. Я попросил маму рассказать о трудностях, которые встречались на её пути.

— Та Сеня, — начала она, — трудности были практически везде, вот, к примеру, напоить быков, казалось бы, чего проще, подъехал колодцу, вытащил из него воды и пейте, рогатые, сколько хотите. Но это, когда есть колодец, а если его нет, то надо искать любой источник воды. Еду по степной местности ещё в ту сторону, быки хотят пить, уже слюна пеной валится изо рта.

Срочно нужна вода, в таком состоянии они не работники и долго не протянут. Смотрю вокруг, видно до самого горизонта и ни одной живой души, спросить не у кого. Еляжу в дали, замаячила какая-то точка, движется мне навстречу, подъехал мальчишка верхом на лошади без седла. Спрашиваю у него о воде, он мне показал, где речка, там, говорит, можно набрать воды. Подъехала к, так называемой, речке, она шириной метров пять, но в наших местах и такую речушку трудно найти.

У этой речки берег оказался крутой, что быкам и не пройти,

раз с быками нельзя придётся воду таскать на руках. Что делать, выпрягла рогатых, привязала их к бричке, а сама взяла ведро и пошла за водой по крутому спуску к воде. Туда идти хорошо, но вот назад возвращаться, просто мука. Принесла одно ведро, но одним ведром быка не напоишь, ему надо не менее трёх, и я их таскала на гору. После пятого ведра устала, но это не главное, а главное то, что когда носила ведра с водой, она плескалась и тропинку я так намочила, что она стала скользкой, того и смотри упаду и получу увечье, и что тогда будет с моей семьёй. Одним словом натерпелась. Запрягла быков, с трудом забралась на бричку, ноги дрожат, уж больно подъём от речки был крутой. Ну, ладно, думаю, напоила теперь поеду, всё-таки надо было напоить скотину, даже в том случае, если быки не очень хотят пить, но вода есть значит надо их напоить. Пусть пьют, сколько выпьют, а то неизвестно когда ещё источник воды попадётся.

В дальнейшем так и делала, стало легче с животными справляться. Но был ещё один случай, где мне пришлось поволноваться. Заезжаю в один из хуторов, еду по улице и думаю, быков надо напоить, а то они своими ртами показывают, что хотят пить. Еду по улице, смотрю, мальчишки играют, наверное, в войну, тогда все дети играли только в войну. Спрашиваю у них: «Еде тут у вас колодец?» — «А вон там, у вербы», — отвечают. Ну, ладно, думаю, у вербы так у вербы, поехали к ней. Подъехала, быков остановила у колодца, взяла из брички ведро с верёвкой и пошла из колодца доставать воду. Но не тут-то было, верёвка оказалась короткой, для нашего колодца самый раз, а вот здесь коротка. Мальчишки мне подсказали, что есть другой колодец, поехала к нему, но и там не получилось по той же причине. Спасибо, выручила женщина, которая пришла за водой, а без неё, не знала, что и делать. Хотя выход был — ходить по дворам и просить длинную верёвку. Вот такие трудности, сынок, а так было всё нормально, никто на меня не нападал, чтобы ограбить или быков увести, слава Богу, всё обошлось нормально.

Затем мама замолчала, сидит, ест сливу. Я был не удовлетворён рассказанным и задал ей наводящий вопрос.

— Мама, а что с глиной, ведь это было самое главное в вашей поездке?»

— А, глина, — протяжно сказала мама, — та с ней нечего, набрала и поехала.

— Так просто? — не унимался я.

— Да нет, сынок, глину так просто не наберёшь. Зараз расскажу, вот доем сливу и расскажу.

А пока мама собирается с мыслями, я вам расскажу, что это за глина и зачем она нужна. Как на юге России, также и на

Украине, для проживания люди строят хаты. Строили в основном из самодельного кирпича, так называемого, саман, или по-научному «адоба». Чтобы хаты, построенные из грязно-серого материала выглядели прилично, их обмазывали сначала жёлтой глиной, это было подобие штукатурки, а затем жидкой белой, и это была побелка. Хаты белили как внутри, так и снаружи. Поэтому глины и той, и другой требовалось очень много, ведь только в нашем хуторе было больше ста хат, а были и другие населённые пункты, где было по двести и более жилищ, да плюс к этому заборы, которые строили из этого же самана и точно так же обмазывали.

Так что, та глина, которую мама накопала, была капля в море. В то время организованных поставок не было, и каждый покупал глину, где мог, вот такие люди, как наша мама, и помогали содержать хаты в приличном виде, разумеется, не безвозмездно.

И так, насчёт глины. Мамин рассказ я перенесу на бумагу своими словами, а то, если я буду описывать её словами, то вы ничего не поймете. Вот что она рассказала.

— Приехала я в село Белоглинка, спросила у людей, где берут глину, мне люди рассказали и показали куда ехать. Поехала туда, куда сказали. Там оказалась большая, но неглубокая яма с пологим спуском, так что туда заехать и выехать, проблем не было. Погода было тёплая, день солнечный, в яме было сухо, поэтому я на бричке заехала прямо в яму, к тому месту, где надо копать эту самую глину. Копала я не одна, там ещё были женщины, правда у них бричек не было, так они накопанную глину грузили на тачки, а затем на себе везли в хутор.

Пока копала и грузила глину в бричку, разговорилась с местными женщинами, расспросила их, что и как. Они мне подсказали, что в ближние посёлки глину везти не надо, они и сами приходят сюда и берут глину, сколько им надо. Везти надо в дальние селения, что в десяти-двадцати километрах отсюда, там ты точно всё продашь. Загрузившись, поехала к дальнему селу, думаю, если там всё не продам, то остаток, на обратном пути продам в ближнем селе. К дальнему селу доехала, когда уже стемнело, заезжать туда не стала, решила переночевать у дороги, около скирда из соломы, думаю, в соломе будет спать и мягко, и тепло. Рядом находилось бывшее кукурузное поле, на котором уже успела подняться зеленая трава, это хорошо, будет корм для моих быков.

Быков распрягла, спутала им передние ноги и отпустила пастись, а сама забралась в стог соломы, устроилась там, и сразу

уснула.

Проснулась, как всегда ещё до восхода солнца. Чувствую, всё тело болит от этой проклятой глины, даже повернуться больно, думаю, ну болит, не болит, а вставать надо, дома меня ждут полуголодные дети, и поэтому я должна вернуться живая и с продуктами. С трудом поднялась, посмотрела, мои быки лежат недалеко от скирда, я подошла к ним, распутала им ноги, запрягла и поехала торговать. Заехала в село, оно довольно большое, сколько домов не знаю, но много. Чтобы привлечь покупателей, я стала кричать, предлагая им свой товар.

Постепенно на призыв стали сходиться люди, в большинстве своём женщины. Мало, помалу начали брать глину, кто ведро, кто два, но были и те, которые брали по четыре. Мне было приятно видеть, как мой мешок наполняется зерном, а отдельный мешочек немного наполнился и мукой. По немного, я всю глину расторговала, пора ехать за другой порцией, а порция у меня, как вы уже знаете, бричка. Выехала из села, всё было нормально, вдруг, откуда не возьмись, набежали тучи, и полил дождь, да такой сильный, что не дай Бог. Я, набросила на голову один из пустых мешков, чтобы сильно не намочило, погоняю быков, а сама думаю, ну всё, теперь в глиняную яму не заедешь, а если туда заедешь, то там и останешься, пока не высохнет. От дождя дорога раскисла, копыта быков скользят по грязи, но потихоньку двигаемся. Дождь, как неожиданно пошёл, так неожиданно и прекратился. Выглянуло солнце, подул западный ветерок, и дорога мало-помалу начала подсыхать.

Пока я добиралась до глиняной ямы, дорога окончательно высохла, но это был уже конец дня. На бричке в яму заезжать не стала, думаю, сначала надо посмотреть, как там чувствует себя глина, а то глина не земля, сохнет долго. Упряжку остановила у ямы, а сама пошла в низ, к тому месту, где берут глину. Походила, своими сапогами потопталась, чувствую, каблуки проваливаются глубоко, нет, думаю, если под моим весом так глубоко проваливаются каблуки, то копыта быков под их весом провалятся в глину ещё больше. Придётся, бричку оставить на верху, и глину туда таскать ведром.

Так и сделала, быков выпрягла и отправила пастись, а сама взяла ведро, лопату и к глине. Работала одна, в яме никого не было, видно дождь напугал. Хожу, от брички к глине, глину в ведро положила, понесла к бричке, в кузов вывалила и снова к глине, и так хожу, песню себе под нос мурлычу. Вываливаю очередное ведро, гляжу, к яме приближается упряжка лошадей, я ещё подумала, наверное, за глиной едут. Стою с ведром у брички, смотрю, куда они поедут, а они как ехали рысью так, не сбавляя

скорости, с маху влетели в глиняную яму. Подъехали к месту, где берут глину, с шумом остановились, из кузова брички спрыгнули трое мужчин, один средних лет, наверное, старший из них, а двое других, парни лет по-семнадцать. Двумя ведрами они начали быстро нагружать свой транспорт.

Я, набирала немного в стороне, ношу себе потихоньку, а куда мне торопиться все равно ночью никуда не поедешь, быки то упрямые. Слышу меня кто-то зовёт, повернулась на голос, мужчина говорит: «Слушай, кума, таким темпом ты долго будешь грузить свою бричку» — «А мне торопиться не куда, до утра потихоньку нагружу» — «Так ты что, до утра собралась тут куковать?» — «Как получится, — ответила ему, — а сама думаю, что ему от меня надо, без него тошно». Хожу с ведром туда-сюда, а сама за ними смотрю и думаю, ну куда они столько грузят, ведь лошади такую тяжесть из ямы не вытащат. А они весело грузят, да грузят. Как только закончили погрузку, старший мужчина говорит: «А ну-ка, парни, поможем лошадкам». Сам берётся за вожжи, а ребята упираются в задок брички, он даёт команду: «Поехали!» А поехать-то и не получилось, лошади дёргают бричку, туда-сюда, а бричка как стояла на одном месте, так и стоит. Мужчина ругается, на лошадей, на бричку, дёргает вожжи, ничего не помогает. Я смотрю на них и думаю: не одна я буду всю ночь куковать, вы тоже тут будете. Смотрю, мужчина идёт ко мне, подошёл и говорит: «Слушай, кума, помоги своими рогатыми вытащить бричку из ямы, а то видишь, что получается» — «Видеть-то я вижу, но скажи мне, с какого ляда я буду «рвать» свою скотину, она мне нужна здоровая, а таская твою бричку, я их угроблю». Он, и так, и эдак, всячески меня уговаривает, чтобы я помогла быками вытащить его бричку, а ничего взамен не предлагает. Я ему говорю: «За просто так, ничего не будет, вот давай, со своими помощниками нагрузи глиной мою бричку, а потом и я вам помогу». Он дал парням команду, те подхватили вёдра, лопату и к нам, буквально, через полчаса, погрузка моей брички была закончена. Я привела своих быков, одела на них ярмо, и пошли вызволять из трясины лихих наездников.

Пока вытаскивали застрявшую бричку, уже стало темно, о поездке и думать было нечего, решила ночевать под бричкой у ямы. Скотину снова отпустила пастись, а сама расстелила солому и улеглась на ночлег. Утречком пораньше, снова поехала торговать, теперь мне это делать было не страшно, уже опыт, хоть и небольшой, но был. Примерно вот такой вся моя поездка и была.

Мама закончила свой рассказ, а я сидел, задумавшись над тем, что если бы ни эта смелая мамина поездка к чёрту на

кулички, то не известно выжила бы наша семья в ту зиму или нет. А если бы не выжила наша семья, то не выжил бы и я, и не писал вот эти строки, и не было бы ни какой книги о нашем роде. Вот как всё было серьёзно. Ну, хватит о грустном времени, хорошо то, что хорошо кончается. Если вам интересно, то я вам сообщу, что во время этой поездки, маме было сорок лет. Здоровая сильная женщина, в самом соку, работы она не боялась, а наоборот искала её, сама работала, как вол, и от других того же требовала. Ослушаться её вы и не думайте, когда надо, она была и властная. Как вы уже знаете, моя книга называется «Автобиографический роман», с разделами, «История моего рода» и «Я сын батрака». Из этого вытекает, что пишу я её для узкого круга людей, то есть для членов своего рода, но это не значит, что её другие не смогут читать, пожалуйста, читайте на здоровье, если она вам нравится. Вы, наверное, спросите, зачем я решил писать о своём роде? Да потому что новое поколение, те, кто знал мою маму, помнят её, как старую бабушку, которая ходила с батожком в руках, опираясь на него, и думают, что она всегда была такой. А я и хочу им сказать то, что не всегда она была такой и в дополнение к этому опишу один момент. Было это в году 1944, летом, мама в то время работала бригадиром полеводческой бригады.

НАША МАМА — БРИГАДИР

Обычно мама одевалась в одежду с широким покроем, на украинский манер. Я уже привык её такой видеть и на её одежду сильно внимания не обращал. Однажды мама приехала на бедке домой на обед, она всегда так делала, потом она зашла в хату. Ну, приехала, так приехала, она не первый раз приезжает и заходит в хату. Я во дворе чем-то занимался, слышу, входная дверь скрипнула, я туда посмотрел и от удивления вытаращил глаза. Вдоль хаты идет женщина, одетая в костюм черного цвета, юбка прямая приталенная, такая же кофта в обтяжку, чёрные туфли, на среднем каблучке, красиво, просто прелесть. Я сразу не узнал что это наша мама, а потом подумал, а кто ещё может быть в нашем дворе, конечно, это она! Не теряя ни минуты, побежал за ней, она уже сидела в бедке. Тронула лошадь, а мне сообщила,

что она едет в Бурукшун. Вот такая красивая она была в тот день. Прошло уже шестьдесят лет с того времени, а я до сих пор вижу её в этом наряде. Вот такое неизгладимое впечатление произвёл её наряд на мой, тогда детский, разум.

Бригадиром мама проработала недолго, потому что она с раннего утра до темноты находилась в поле, а дети были представлены самим себе. Через некоторое время она поняла, что так нельзя и оставила бригадирство.

НАША МАМА И ЗМЕИ

В дополнение к сказанному, хочу написать ещё об одной благородной способности нашей мамы, а именно, умении лечить людей и животных от змеиных укусов. Такое умение мама унаследовала от своей мамы, а моей бабушки, Пастелины Ласун. Бабушка, так же как и мама лечила от змеиных укусов. Мама рассказывала, что на старом хуторе Гашуне, в их огороде, то и дело паслись животные, которых её мама лечила. Точно также, в нашем огороде паслись животные: то корова, то лошадь, а то и вместе. Я, хорошо запомнил одну лошадь, которая пострадала от укуса гадюки. Она дневала и ночевала в нашем огороде, и мама её лечила, для этого она сама готовила специальный состав, который она называла мазью. Готовила она эту мазь из жёлтой глины, молочного кисляка и ещё чего-то того, что я не знаю. Процесс приготовления мази, был долгим, кропотливым, она поочерёдно горстью накладывала в ведро, то глину, то через пальцы лила туда из кувшина кисляк, и при этом что-то шептала. Затем, всё это перемешивала и продолжала наговаривать, делала она это до тех пор, пока смесь не становилась похожей на мазь. Затем, она с ведром, в котором лежала мазь, шла в огород к лошади, садилась на небольшую скамейку, которую приносила с собой, и приступала к лечению. Я, парнишкой был любопытным, и за всеми её действиями наблюдал. Мама не запрещала мне это делать, а наоборот поощряла, говорила: «Смотри сынок, и учись, научишься, будешь людям добро приносить, да и кусок хлеба заработаешь, что, как ты понимаешь, в жизни не лишнее». Но я не научился, не знаю почему, возможно, не было такого дара, как у мамы, а возможно, наступило другое время, да ещё, я рано от дома оторвался, и поэтому учение прекратилось. Хоть я и не научился лечить, но я вкратце опишу, в частности, как она лечила лошадь, о которой я уже упомянул. Как-то я с мамой пошёл в огород лечить лошадь. К лошади я подошёл первым, стал гладить её по холке, они это любят, а сам смотрю, куда же гадюка её ужалила и увидел, на брюхе лошади большую шишку, размером с две человеческих ладони. Ни чего себе, думаю, какой шишак, наверное, лошади больно. В это время подошла мама, вытащила из кармана передника чистую белую тряпочку, под названием хустка, подала мне и сказала: «Как только у меня на лице появится пот, то вытирай его, но делай это осторожно, чтобы не отвлекать меня от дела и не испугать лошадь». И она приступила к действу. Сначала мама делала руками какие-то круговые движения вокруг опухоли, вроде как гипнотизёр делает пассы,

при этом что-то нашёптывала, затем осторожно начала прикасаться руками к больному месту лошади, не переставая шептать. Лошадь стояла спокойно, как будто знала, что ей делают добро, а мама продолжала действовать. Я стоял рядом и следил за выражением маминого лица. Оно стало напряжённым, слегка покраснело, на шее вздулись кровеносные сосуды, лицо начало покрываться потом. Я, осторожно промокал её лицо и шею. Этот процесс длился довольно долго, наверное, минут сорок, затем мама с трудом поднималась и тяжёлой походкой шла домой. В хате ложилась на кровать и отдыхала в пределах часа, а иногда и двух часов. Вот такой нелёгкий труд, это врачевание. И потом мама каждый раз меня брала собой, когда шла лечить животное, с прицелом что я научусь её делу. Но этого не случилось, по-видимому, за малости лет, а затем, как я уже писал, я уехал из дома к брату Андрею в село Ипатово. Не знаю, жалеть об этом или нет. Но, точно, после того, как я маме помог лечить лошадь, я у неё стал постоянным помощником, как бы ассистентом, что-ли, ни одно лечение без меня не обходилось. Вот так, а вы думали. В продолжении темы лечения от змеиных укусов, расскажу ещё пару случаев.

ГРИШКА БАХВАЛ

Это было летом 1949 года. Я приехал домой в хутор Северный из села Ипатово, где я тогда учился в школе. Мне было уже четырнадцать лет, я считал себя взрослым и сразу у родителей попросился работать в колхозе. Они не возражали, и мы со старшим братом Григорием стали работать на одном комбайне, на соломокопнителе. В один из дней, в обед, к поварихе, что привезла обед, собрались все колхозники, которые работали на трех комбайнах. Народу набралось довольно много, человек двадцать. Обедали весело с шутками да прибаутками. Молодёжь 14–16 лет, быстренько поели и отошли от старших товарищей в сторонку, создали свой кружок и продолжали веселиться. Вдруг кто-то из девчонок крикнул: «Гадюка». Все бросились врассыпную, кто куда, один мой брат Григорий побежал не от гадюки, а, наоборот, к ней. Схватив её за хвост, приподнял, и вся молодёжь, в том числе и я, увидели, что это не гадюка, а небольшой змеёныш.

У всех сразу пропал страх, и все собрались вокруг Григория. А он, что бы похвастаться перед девчонками, какой он смелый и ловкий, брал змеёныша за хвостик, то пальцами одной руки, то другой, при этом приговаривая: «А попался, будешь знать, как пугать наших девчонок». Сказав такие слова, он выступил как защитник слабого пола, а он, этот самый слабый пол, приосанился, потянулся ближе к защитнику, все наперебой хвалили его, какой Гриша смелый и ловкий. А Григория от похвалы понесло, он теперь не перекладывал божью тварь из руки в руку, а подбрасывал вверх одной рукой, а ловил другой. Я смотрел, смотрел на это его бахвальство сказал брату: «Гришка, ты бы отпустил его, змеёныш уже большой, укусит тебя за палец, так мало не будет». Но Григория понесло, он никого и слушать не хотел, продолжал бахвалиться. Затем кто-то из девчонок тоже сказал Григорию, что гадёныш его может укусить. «Да что вы заладили, может укусить, может укусить. Наша мать лечит от змеиных укусов, и все гадюки это знают, так что кусать меня они не посмеют».

Только он это проговорил, как змеёныш, цап его за большой палец правой руки. Григорий взвыл от боли, машинально махнул рукой, и детёныш гадюки полетел в бурьян. На какое-то время наступила тишина, брат, бледный как стена, стоит и смотрит на свой пораненный палец и не знает, что делать. Я тоже посмотрел и увидел, что на месте укуса появились два красненьких пятнышка, затем они прямо на моих глазах начали

увеличиваться, всё больше и больше, и затем кровь потекла на землю. Все стояли в нерешительности и тоже не знали, что делать.

Вдруг Григорий взвыл и рванул с места с такой силой, что девчонки от неожиданности взвизгнули, а затем рты закрыли руками, а раненый понесся по стерне, со скоростью курьерского поезда, с целью скорее добраться до мамы, чтобы она полечила. Когда Григорий исчез из вида, все дружно заговорили, девчонки жалели его, парни не уверенно осуждали, а старшее поколение сказало: «Не будет бахвалиться, впредь будет ему наука».

Уже поздно вечером, когда я вернулся с поля, то узнал, что Григорию от мамы сначала попало по первое число и только потом она начала его лечить. С обмотанной тряпкой рукой, он долго болтался по хутору, а что, больной! Что тут сделаешь. Таких случаев, как с Гришкой, было у нас в хуторе несколько, и мама всех вылечила, но был один случай в её практике, архисложный, она не хотела браться за лечение, уж больно всё было запущенно. Я сейчас постараюсь об этом написать как можно подробнее.

ТЯЖЕЛОБОЛЬНАЯ

Это было летом, в 1947 или в 1948 году, точно не помню, так как времени прошло много. Дело было в середине лета, солнце повернуло к закату, отец с матерью сидели во дворе и занимались каждый своим делом, мы, младшие дети, тоже были здесь же, а взрослые были ещё на работе. Мама с тато делали свои дела и вяло переговаривались, мои сестра Рая и брат Миша играли где-то на улице, а я тоже был занят, сидел на порожке хаты и на всё, что делали родители, с интересом глазел. Вдруг, я услышал, как к нашей хате подъехала бричка, родители тоже это услышали и смотрят в сторону ворот, ожидают, кто же появится. Мама говорит: «Кто же это к нам приехал? Ивану с поля ещё рано, Григорий домой ходит пешком, прям ума не приложу» — «Ну что ты гадаешь? — сказал ей отец, — вот придут во двор, тогда и узнаем.

Я, как самый шустрый в семье, да ещё и не терпеливый, ждать не стал, когда они придут, и мигом оказался у ворот. Смотрю, стоит бричка, запряженная парой лошадей, по ним было видно, что бричка прибыла из далека. Два рыжих коня стояли в упряжи, шерсть на них мокрая от пота, а бричка покрыта слоем пыли. На бричке сидели мужчина и женщина средних лет, а в кузове брички лежала молодая женщина, в крайнем случае, мне она такой показалась. Я ещё подумал, а что она лежит, не заболела ли, но развить мою мысль мне не дал мужчина, который к этому времени уж слез с брички и обратился ко мне:

— Слухай, хлопчик, ты из цэй хаты?

— Так, — ответил я.

— А мама дома?

— Дома, а что ей сказать? — в свою очередь, спросил я.

— Да ничего не надо говорить, мы сейчас сами пойдём во двор, — сказал мужчина.

Подождал, кода его жена спустится с брички, и они вдвоём пошли во двор. Я быстрее их прибежал к родителям и сообщил им новость. Мама сидела на скамеечке и что-то делала, между прочем, сколько я её помню, она всегда что-нибудь делала, без работы не сидела. Во двор вошли приезжие и спросили, здесь ли живёт Пелагея Савельевна? Мама сказала: «Да, это я».

Затем, мужчина сбивчиво начал рассказывать о цели своего приезда. Он говорил долго, во многом невпопад, часто повторяя сказанное, от волнения потел, неоднократно повторял слова: дивчина, гадюка и врачи плохие. Наконец, мама поняла что их дочь укусила змея, и они её привезли к ней на излечение.

— Где ваша дочь? — спросила мама.

— Да, там, в бричке, — ответили приезжие хором.

— Ну, пойдёмте, посмотрим, как там и что.

Мама идёт к бричке, я рядом с ней, а как же, как ни как ассистент, я должен быть рядом. Мы подошли к бричке, в ней на куче соломы лежала молодая девушка с симпатичным лицом, она смотрела на нас и мило улыбалась. Да, подумал я, как она, в таком положении ещё и улыбается? Но видно было, что она ещё до нас наплакалась и плакать было уже нечем, осталось только улыбаться.

Прошло очень много лет, но я до сих пор помню это прекрасное личико. Оно было кругленькое, типа кошечки, кожа белая, волосы русые, брови тёмные, но не чёрные, глаза серые с синевой, я ещё подумал, как такую милую девушку не взять к нам домой и не вылечить её? Одним словом, она мне очень понравилась, и я бы с удовольствием оставил её у нас на излечение, а лучше насовсем. Но, у мамы на этот счёт было другое мнение. Возле брички мама посмотрела на девушку, та с ней поздоровалась, мама в ответ только кивнула ей головой, я тоже кивнул головой, а как же, как ни как, я ассистент доктора. Но моего кивка, кажется, никто и не заметил, но я обижаться не стал, ни в этом суть. Главное, надо девушку спасать, но как? Мама посмотрела сначала на девушку, затем сказала: «А ну, девонька, покажи, что у тебя болит?» Девушка попыталась подняться и дотянуться, чтобы поднять покрывало, а затем и подол юбки. Но, ей это было сделать тяжело и поэтому, мама сама подняла сначала покрывало, которое лежало на ногах девушки, затем приподняла подол её юбки и увидела то, что стало с её ногой. Это была уже не нога девушки, а нога слона, так её разнесло, цвет её был пунцово-красный, коленки видно не было, нога стала ровной как бревно. Мама снова закрыла ногу девушки, а родителям сказала всего одно слово: «НЕ ВОЗЬМУ». Одно это короткое слово, повергло приехавших людей в шок, у них была только одна надежда, а сейчас и её не стало. Мама пошла во двор, родители девушки за ней. Мать девушки плачет, девушка тоже, а я стою у брички и не знаю, что сделать, чтобы мама оставила её на лечение. Девушка, перестала плакать, оторвала платок от глаз, и спросила у меня: «Это твоя мама?» Я кивнул головой. Затем она говорит: «Хорошо бы было, если бы я осталась у вас, и она стала бы меня лечить, попроси её, я тебя очень прошу», — сказала, откинулась головой на подушку, закрыла глаза и замолчала. Я понял, что она со мной разговаривать больше не будет и пошёл во двор. Иду, а сам думаю, я бы с удовольствием выполнил просьбу девушки, но как?

У нас в семье не принято детям вмешиваться в дела взрослых, прямо не знаю, как и быть.

Придя во двор, я там услышал настоящую драму. Родители девушки просят маму взять их дочь на лечение, а мама отказывается, потому что время упущено и вылечить её просто невозможно. Приезжие начали снова умолять взять их дочь на лечение, мотивируя тем, что обращаться им больше некому. Говорили: «Вы, Пелагея Савельевна, последняя надежда для нашей дочери и нас, её родителей. Мама сидела на лавочке, молча штопала, чьи-то штаны, я подошёл и сел с ней рядом. Она спросила у меня:

— А ты зачем пришёл?

Я, ласково заглядывая ей в глаза сказал:

— Мамо, так я же ваш помощник.

— А, — равнодушно протянула она, — а я и забыла, ну помощник, скажи, что нам делать?

— Ны знаю, мамо, цэ вы знаетэ.

Мама немного помолчала, затем говорит:

— Вот вы просите, чтобы я взяла вашу дочь на лечение, ну а если я её не вылечу, и она в моей хате умрёт, ведь такое может быть, девушка в очень тяжёлом состоянии, что тогда? Вы мне скажете: «Привезли свою дочь живой, а забираем мёртвой», а у меня дети, как им видеть такое? А какая молва пойдёт по округе обо мне, скажут, взялась, а не вылечила, лучше бы не бралась и начнут меня поносить всякими нехорошими словами, а это мне надо? Нет, уж лучше всё останется как есть. Ведь до этого, я всех вылечивала, потому что, приходили или приезжали вовремя, если бы вы ко мне в тот же день привезли свою дочь, как только её гадюка укусила, так она у меня через неделю плясала бы, а так гарантии ни какой.

Тут я не выдержал каноны нашей семь и сказал маме:

— Мамо, а может, возьмём, девушка очень красивая.

— А ты седи молча, жених, резко ответила она. Затем, мама немного помолчала, обдумывая извечный Российский вопрос, что делать и как быть. Потом, её забрало обыкновенное женское любопытство, и она спросила у приезжих:

— А ну расскажите мне с самого начала, как всё произошло.

У меня появилась надежда, что девушку мама возьмёт, родители тоже повеселели, подняли головы, и с их лиц сошла безнадёга. Рассказывать начал отец. Что они из села Кугульта, Ипатовского района. Вот как это случилось. Нина, работала на сенокосе, там же её змея и укусила, за левую ногу чуть ниже коленки. Привезли её на бричке к нам домой и рассказали о беде. Мы с женой на этой же бричке повезли дочь в ближайшую

больницу, в село Большая Джалга, там нас приняли, сказали, что будем лечить. Мы поехали домой, а Нина осталась в больнице. Была надежда, что Нину вылечат, как ни как больница, там врачи. В общем, приехали домой, но постоянно думали и говорили о Нине, беспокоились о её здоровье. Дальше начала рассказывать мать Нины:

— Через неделю мы с трудом выпросили у колхоза упряжку и поехали к Нине. Идём по коридору больницы и не видим никакого медицинского персонала, время рабочее, а их никого нет. Это нас как-то насторожило. Зашли в палату, где лежит Нина, там грязно, не чистые бинты разбросаны по полу, среди палаты стоит тазик с водой, а в нём тряпка, одним словом ужас. Подошли к Нине, она плачет, говорит, что врачи её не лечат, только ногу мажут какой-то, вонючей мазью, а от неё никакого толку. И действительно, нога у дочери стала ещё хуже, вся распухла, покраснела, видно, что там происходит сильное воспаление. Позвали врача, он посмотрел раненную ногу и говорит: «Всё в порядке лечение идет в своём режиме, первое время так и должно быть, а затем начнётся улучшение, так что не беспокойтесь».

Я с тяжелым сердцем возвращалась домой, предчувствие, что с Ниной случится плохое, меня не покидало ни на минуту. Ни дома, ни на работе я не находила себе места, наконец, я не выдержала и мужу на третий день после приезда от Нины говорю: «Иди на конный двор, бери упряжку поедем к Нине, чувствует моё сердце, что с ней плохо».

Взяли лошадей и погнали в Джалгу. Вроде и ехали быстро, но к месту приехали только к обеду. Пошли сразу к дочери, она увидела нас и сразу заплакала. Состояние у неё стало ещё хуже, нога распухла ещё больше, лицо Нины всё красное, по всему видно, что у неё температура. Я пошла по больнице, пыталась найти врача, но бесполезно: ни врача, ни медсестры нигде нет. Затем мне подсказали, что сестра на улице. Я пошла туда и увидела, что медсестра, с кем-то разговаривает, увидев меня, она радостно сказала: «Вот, хорошо, что вы приехали, забирайте свою дочь, мы её уже выписали» — «Как, — говорю, — забирайте? Она же в тяжёлом состоянии!» — «Забирайте, — говорит, — мы ей больше помочь ни чем не можем». Горю моему не было предела, главное и пожаловаться некому. Врача нет, сестра сказала, что его сегодня и не будет, и что делать? Пришла в палату к дочери и к мужу, сказала им, что мне сестра поведала, дочь даже обрадовалась, говорит: «Забирайте меня, не хочу я помирать в этой грязной, вонючей больнице».

Ну что же, забирать, так забирать, а сердце у меня ноет, ведь

повезём молодую, шестнадцатилетнюю девушку, на верную смерть. Но делать нечего, придётся забирать. С трудом её вдвоём вытащили из больницы, с не меньшим трудом положили в бричку, и стоим, не знаем что делать. Дочка стонет, надо, что-то делать, а что не знаем. В это время к нам подошла женщина и говорит: «Я знаю вашу беду, вашу дочь укусила гадюка, не отчаивайтесь, поезжайте в хутор Северный, там есть женщина Чухлеб Пелагея Савельевна, она лечит от укусов змеи». И вот мы здесь у вас, Богом прошу, помогите нашему горю, мы люди простые, колхозники, так же как и вы, нам никто не поможет так, как мы друг другу. Этим учёным врачам мы не нужны, да, как я поняла, они и лечить-то не умеют, так что только на Вас надежда.

Как только женщина закончила свою длинную тираду, мама помолчала, а затем говорит: «Ну, я прямо не знаю, что с вами делать». Как только она эти слова сказала, я понял, что Нина будет у мамы лечиться. Она всегда так говорит, перед тем как согласиться. Но, мама ещё окончательно не решила и искала поддержки у членов семьи, в первую очередь у главы семьи, у отца, говорит ему:

— Батько, ну шо ты мовчишь, ну скажи, хоть шо-нибудь.

На что отец ответил.

— Ны знаю маты, ты лечишь, тебе и принимать решение, а чтобы у нас дивчина жила, то я не против, ныхай жэвэ, что мы едим, то и она будет есть. Для мамы этого было достаточно, его слова означали согласие на лечение девушки Нины. Мама сказала:

— Ну, как батько сказал, так и будет.

Моя мама женщина умная, и она знала, как повернуть дело так, чтобы отцу понравилось, поэтому сделала так, что решающее слово осталось за отцом. Решение принято, Нина остаётся у нас. Мама сказала: «Что Нину положим в сенях, так как с детьми ей спать нельзя, они будут мешать ей, а она им, не дай Бог, ещё по больной ноге заденут. Сени у нас свободные, так что места ей хватит». Повернулась к отцу и спросила у него:

— Батько, правильно я кажу чи шо, як ты думаешь?

— А что мне думать, ты у нас главный лекарь, ты и решай, как скажешь, так и сделаем.

По маме было видно что, такой ответ ей понравился, что она в семье, хоть и не главная, но весьма уважаемый человек, если даже глава семьи её решение уважает.

И тут начался переполох, отец взял косу и пошёл в старый огород, чтобы накосить полыни для постели больной, родители Нины, то стояли, повесив головы, то вдруг задвигались по двору, забегали то туда, то сюда, а мер никаких не принимают. Мама,

посмотрела на всю эту суету, затем говорит им: «Ну что вы мечитесь туда-сюда, давайте, заводите бричку во двор, а ты Сеня открой ворота». Я, рванул за ворота к Нине, чтобы первым сообщить ей радостную весть. Она, лежала тихо, прикрыв лицо носовым платком, я ей не громко сказал: «Нина, ты остаёшься у нас». Она, убрала с лица платок, повернула ко мне голову и спросила: «Правда?»

Я только кивнул головой, на её лице появилась улыбка, я тоже ей улыбнулся, мне было приятно, что я первым сообщил ей такую радостную весть. Я пошёл открывать ворота, а её отец взял лошадь под уздцы и повёл во двор. В сенях, настелили слой полыни, чтобы всякие насекомые не докучали больной, затем набили матрацовку сеном, такую же сделали и подушку, и на них уложили Нину. Она, лежит, мы все вокруг неё стоим, а она смотрит на нас, улыбается и говорит: «Мне здесь очень хорошо: чистенько, уютно и люди вокруг хорошие, не то что в той грязной больнице.

Родители Нины собравшись уезжать, сокрушались, что не оставили Нине никаких продуктов, на что мама ответила: «Ничего страшного, что мы едим, то и она будет есть, у неё такая болезнь, что особой еды не надо. Нину приезжайте навестить на следующей неделе, раньше не надо — вам будет спокойнее и Нине тоже.

Мама сразу приступила к лечению, сначала приготовила мазь, о которой я уже писал, затем ею стала обмазывать больную ногу Нины. Дальше лечение продолжалось также, как мы с мамой лечили лошадь. Закончив лечение, она обмотала больную ногу куском простыни, накрыла её покрывалом, затем рукой потрогала лоб Нины и сказала: «Девонька, да у тебя жар». Поднялась, убрала ведро и другие принадлежности для лечения, переоделась и пошла к фельдшеру. Вернувшись от него, она развела в воде порошок и дала Нине выпить. По-видимому, больной на какое-то время стало легче, и она уснула. Первые дни больная лежала пластом, даже на бок не поворачивалась, накрыв лицо платком, она тихо стонала. Затем, с каждым днем ей становилось лучше, но лечение мама продолжала проводить также, как и в первые дни. Справиться с такой запущенной раной, маме было очень трудно, она отдавала много своих сил и нервов, после лечения она была совершенно, разбита, и ей требовался длительный отдых. Настал тот день, когда утром, Нина встречала членов семьи с улыбкой, боль её отпустила, но нога всё оставалась распухшей и поэтому мама продолжала лечение. Дней через десять она уже могла сидеть, ей стало гораздо легче, ночью она уже не стонала, а спала, в общем Нине было легче и нам тоже.

Иногда она меня останавливала, когда я проходил мимо неё, и просила меня принести воды или просто посидеть и поговорить с ней, что я делал с удовольствием, потому что она мне очень нравилась. Нина это видела, и, когда я по её просьбе садился возле неё, то она меня брала за руку и говорила: «Сеня, посиди со мной рядышком, ты добрый и хороший мальчик, та девушка будет очень счастлива, кто будет твоей женой». К сожалению, Нина не была прорицательницей.

Однажды мама варила борщ во дворе на летней кухне. Когда приготовила, то позвала меня и говорит: «Сеня, вот возьми миску с борщом, вот хлеб, и иди покорми Нину». Я удивился такому предложению и переспросил: «Что мам, прям с ложечки?» — «А что, — смеясь, ответила она, — ты же её жених». Прихожу с едой к Нине и говорю ей: «Нина, мама сказала, чтобы я тебя покормил»

— «Ну что ты Сеня, у меня же руки здоровые, так что я и сама сумею поесть».

Мне очень хотелось, сделать ей что-нибудь хорошее и поэтому я ей сказал: «Нет, Нина, мама сказала и поэтому я тебя буду кормить». Нина, захохотала и говорит: «Ну ладно, корми». Я подсел к ней ближе, так близко я с ней рядом ещё не сидел, и начал кормить, набираю деревянную ложку борща и осторожно подношу к её губам. Она, делает губы трубочкой и схлёбывает жижу, а затем открывает рот, и я в него складываю гущу. Я старался делать это как лучше, но у меня не очень получалось, часть борща вываливалось Нине на платье. Нина, видя это, сказала мне: «Сеня, давай я сама буду кушать борщ, а то, с твоей помощью, он весь будет у меня на платье». Затем Нина отобрала у меня ложку и стала кушать сама, так у неё стало получаться лучше.

С тех пор, как Нина к нам приехала на лечение, прошёл месяц, а может и больше, только тогда она стала на ноги. Если точнее, то она не сама встала, а её поставили тато и мама. Просто, взяли подмышки и поставили, затем потихоньку вывели во двор, там усадили её на лавку, а она сидела, счастливо улыбалась и жмурилась от солнца, так давно его не видела. После этого знаменательного события, Нина потихоньку начала передвигаться, сначала на костылях, которые ей соорудил мой отец, затем без них, держась за стенку хаты. Так постепенно, шаг за шагом, день за днем, Нина начала ходить, правда, первое время с палочкой, а затем и без неё, не уверенно, но всё же ходила. В один из дней к ней приехали родители, чтобы навестить её, они и раньше приезжали навещать Нину и привозили всякие продукты, но затем, снова уезжали. А в этот раз, мама им сказала, что Нину можно забирать домой, она уже

себя хорошо чувствует и особого лечения ей не надо, а дома пусть она перед сном намазывает больную ногу кисляком, пока опухоль совсем не исчезнет.

Нина лечилась у мамы почти два месяца, лично я к ней привык, и для меня она была как член нашей семьи, а когда она уехала, то, стало как-то грустно. Но, это длилось не долго, так как мне самому надо было уезжать в Ипатово на учёбу. Я не знаю, как родители Нины рассчитывались с мамой, видел только, привозили какие-то мешки, заполненные наполовину, да бутылки с чем-то.

С тех пор прошёл год, а может два, я в очередной раз приехал на летние каникулы и помогал родителям по хозяйству. В один из дней, мама и я что-то делали во дворе, вдруг к нашему двору подкатила бричка и остановилась. Я ещё подумал, кто же это мог быть? Старшим братьям рано, солнце стоит ещё в зените, больше вроде некому, стою в раздумье, как в этот момент, во двор буквально влетает девушка, в которой я сразу узнал Нину.

Она была весёлая, смеялась, сквозь смех с нами здоровалась, я стоял в нерешительности, по правде говоря, я о ней уже и забыл и поэтому не знал, что делать. Может бросаться ей на шею и обнимать или нет, посмотрел на маму, на её лице я тоже не увидел особой радости. А, Нина не обращая внимания на наше настроение, веселилась, подбегала то к маме, то ко мне, то к младшим, Рае и Мише.

Наконец она успокоилась и говорит: «Тетя Поля, я приглашаю Вас и дядю Кондрата на мою свадьбу, я выхожу замуж вот за этого парня, который стоит рядом со мной».

Рядом с ней стоял молодой человек и смущённо улыбался, по всему было видно, что он чувствовал себя стеснённо. Мама, не меняя своего серьёзного выражения лица, сказала: «Спасибо за приглашение, вот батько приедет, мы с ним это и обсудим, — затем спросила у Нины, — а как у тебя нога?» — «Всё хорошо, о том, что она когда-то болела, я и забыла! За что Вам большое спасибо!» Затем Нина сказала: «Пойдёмте к бричке, я вам гостинцы привезла». Повернулась и первая пошла на улицу. Мама посмотрела на меня и говорит: «Ну, пошли, сынок, подывымся, шо там за гостыньцы».

Подошли к бричке, жених Нины начал вытаскивать из кузова, каких-то два мешка, заполненные наполовину, затем бутыль с чем-то. Но самое главное, горшок, литра на два или на три, заполненный сливочным маслом, а в нём, на половину утонувшие в мосле, лежала карамель, подушечки. Прямо здесь на бричке, я начал их пальцем выуживать из горшка, и одну за другой отправлял себе в рот. Мама, увидев гостинцы, слегка подобрела,

затем пожелала Нине счастья в семейной жизни, и они уехали.

С тех пор я о Нине больше ничего не слышал, да это и не мудрено, я ведь в тех местах не жил. На этом повествование о маме я заканчиваю, но это не значит, что мы с ней прощаемся, в дальнейшем мы ещё ни раз будем поминать о ней. Хотел бы ещё добавить к сказанному, как маме далось лечение Нины. Мне показалось, а может так оно и было, что после того, как лечение закончилось, мама облегчённо вздохнула, как человек, который сделал тяжёлую работу. При этом, глядя на маму можно увидеть, что она внешне как-то сдала, может даже постарела. Вот чего стоило маме лечение Нины. И вот ещё об одном. Помните, что, мама встретила Нину не дружелюбно. Так вот, как мне кажется, причиной тому было то, что Нина как уехала с родителями, так больше не появлялась, ни она, ни её родители. Почему, я не знаю, причин может быть много, но факт остаётся фактом, и тут ничего не сделаешь, что имеем, о том пишем. Конечно, маме было обидно, столько сил и времени потратить на лечение Нины и потом получить не благодарность от тех, кто слёзно просил маму об этом. В заключение повествования о нашей маме хочу сказать, что она заслуженный человек, имела два ордена МАТЕРИНСКОЙ СЛАВЫ. С мамой не прощаемся, так как мы с ней ещё встретимся в этой книге.

ДЕТИ КОНДРАТА И ПЕЛАГЕИ ЧУХЛЕБ СТАРШИЙ СЫН, ЧУХЛЕБ АНДРЕЙ КОНДРАТЬЕВИЧ

Рост выше среднего, глаза карие, больше даже чёрные, нос прямой книзу слегка расширен, губы полные, волосы чёрные, причёску носил короткую, так называемый «Ёжик». Кожа лица смуглая, такое впечатление, что он хорошо загорел. Характер вспыльчивый, но быстро отходил. Для того времени очень грамотный, семь классов образования, тогда с таким образованием людей было мало, а в нашем хуторе он был один, не считая учительницу. В его характере присутствовала этакая деловая жилка, она ему помогала жить и продвигаться по службе. Был музыкален. Он обладал отличным музыкальным слухом. Играл на таких музыкальных инструментах как: скрипка, балалайка, мандолина, умел на слух подобрать любую мелодию.

Хорошо рисовал, его рисунки в рамочках висели у нас на стене. Обладал красивым почерком, что помогало ему в работе. Не в обиду будет сказано другим членам нашей семьи, брата Андрея считаю самым талантливым из всех нас. В народе говорят так, если человек талантлив, то он талантлив во всём. Я не скажу, что он был очень талантлив, но, несомненно, им обладал. Когда брату исполнилось восемнадцать лет, он был призван на фронт. Это был 1942 год, обстановка была на фронте тяжелейшей, наша армия отступала, по этой причине бойцы недоедали и недосыпали, а идти надо было, притом быстро, да ещё это противотанковое ружьё, будь оно не ладно, тащить его одно мучение.

Помню один его рассказ: «Вся наша армия отступает, мы тоже, сначала шли по полям и степи, а потом пошло предгорье Кавказа, начались холмы и косогоры, что добавило нам трудности преодолевать их. Идём быстро, вот уже миновали город Моздок, привалов никаких, только короткие передышки: поправить обмундирование, перемотать портянки или обмотки, и снова в путь. Я служил в расчёте противотанкового ружья, аппарат громадный шестнадцать кило весом, нести его надо на плече, которое он постоянно натирает до крови, погон и пилотка, которую я подкладывал, не помогали. А тут ко всем бедам ещё налёты немецких самолётов: то обстреливают, то бомбят. Тогда много полегло нашего брата, но мне, слава Богу, везло.

Тогда мне повезло, а вот когда через год мы начали наступать, мне не повезло. В одном из боёв меня тяжело ранило в

область позвоночника, и я потерял сознание, очнулся в госпитале, в том же городе Моздоке. Провалялся я там больше восьми месяцев, а затем, меня выписали, купили билет на поезд, и поехал я домой, ну а как приехал, вы знаете».

Это Андреев рассказ вкратце, а если вникнуть в него, то всё было не так просто. Брат в госпитале чуть не умер, он то и дело терял сознание, и врачи думали, что он не выживет, ведь рана была тяжёлая, ему оторвало часть позвоночника, чуть выше таза. Так что лечение было долгим и мучительным, и только благодаря старанию врачей и молодому организму Андрея, недуг удалось победить. Как только брат пошёл на поправку, то сразу написал письмо домой, в письме он описывал своё состояние, что пошёл на поправку, но пока очень слаб, как только почувствует себя лучше, будет проситься домой. Прочитав письмо, мы все очень переживали, особенно мама, она даже собиралась к нему поехать, но вечная нищета связывала по рукам и ногам. Наконец мама дождалась приезда своего старшего сына, а мы, старшего брата.

Я прекрасно помню его приезд. Андрея кто-то привез из Бурукшуна на бричке, он там, в кузове лежал на соломе, затем с помощью возчика, брат с трудом выбрался, держась за борт брички, взял из кузова костыли. Затем, опёршись сначала на один костыль, затем на другой, он выпрямился, и я увидел худющего человека. Кожа на лице превратилась из смугло розовой в жёлто-серую, щёки провалились, нос заострился и стал ещё больше. На худой шее, сильно выделялся кадык, и только провалившиеся глаза, эти карие точки, блестели и как бы говорили, что в этом истерзанном войной, и, особенно, ранением теле, ещё теплится жизнь. Мы, стояли и испуганно смотрели на него, Андрей на нас посмотрел, увидел наши испуганные лица и сказал: «Ну чего вы испугались, не бойтесь, мои братишки и сестрёнки, всё будет хорошо» и улыбнулся своей щербатой улыбкой. Когда мы увидели эту до боли знакомую улыбку со щербинкой, то все сразу оживились и бросились его обнимать. Его щербатая улыбка показала нам, что это наш брат, вот он приехал и стоит перед нами. Кстати, почему у Андрея была щербатая улыбка.

Ещё в юности брат играл с хуторскими парнями в игру так называемую «цурка». Игра заключалась в том, что игроки делились на две команды, одна команда подавала цурку, а другая в отдалении ловила её. Если вторая команда цурку поймает, то команды менялись местами. Цурка представляла собой палочку, толщиной в средний палец взрослого человека и длиной сантиметров 10–15, заострённая на торцах с обеих сторон. Нападающая сторона по цурке била палкой, и она летела в сторону защищающееся команды. Однажды Андрей играл в

команде, которая защищалась, он ловил цурку, не удержал её, и она попала ему прямо в передний зуб. Половину зуба на косую отбила, и так брат проходил всю жизнь со щербатым зубом. Когда работал в Ипатово, у него была возможность сделать коронку на зуб, но он не стал этого делать, так что щербинка в зубе — это его визитная карточка. Но это было гораздо позже, а пока наш старший брат выглядел как тень от человека.

ЖИЗНЬ РАНЕНОГО АНДРЕЯ ДОМА

Двигался Андрей на костылях очень тяжело, у него левая нога кое-как работала, а правая совсем не слушалась. Первое время брат постоянно лежал на кровати, рана его мучила, мы то и дело слышали его стоны. Мама перевязывала рану подручными средствами, бинтов-то в то время и днём с огнём не сыщешь, вот и приходилось выходить из положения. Мало-помалу Андрей шёл на поправку, цвет кожи лица начал принимать нормальный вид, да и ходить он стал веселее, хотя костыли ещё бросить не мог. Наконец, пришло время, когда брат бросил костыли и стал ходить с палочкой, но если честно, то это давалось ему с трудом. Затем Андрей устроился учётчиком на МТФ.

Я, уже об этом писал, но хочу ещё раз на этом остановиться. Как говорят в народе, местечко это было тёпленькое, учесть, сколько молока дают коровы в сутки, при трёх дойках, контролирующим органам было сложно, и поэтому работники фермы этим пользовались, кормились сами и кормили свои семьи. Устроившись на МТФ, Андрей быстро освоился в коллективе доярок и пастухов, а если учесть, что доярки молодые девушки, а пастухи мальчишки, а он двадцатилетний, симпатичный парень, то это ему сделать было не трудно. Андрей быстро нашёл с ними взаимопонимание, и стал там руководителем. Председатель колхоза, работой брата был доволен, а что, жалоб от доярок на него нет, молоко государству сдаётся, значит всё в порядке. Первое время для него самое трудное было — это добираться на работу. Ходил он туда пешком, а это полкилометра, а он по двору ещё ходил с трудом, а тут целых полкилометра пешком с палочкой. Хотя прошло почти семьдесят лет, но я и сейчас вижу, как брат Андрей через огороды идёт на работу на МТФ, тяжело опираясь на палочку, по дороге несколько раз останавливался, чтобы отдохнуть, а передохнув, опёршись на палочку, он снова с трудом продолжал путь. После такого ранения, ему бы еще с пол-годика в постели полежать, а он, превозмогая боль, шёл дальше, потому что знал, если он не пойдет на работу, то семье нечего будет есть. Вот и ходил, несмотря ни на что.

Позже, его уже возил молоковоз на небольшой бричке, у нас называли её тачка под лошадь. Со временем, Андрей уже чувствовал себя лучше, хоть и ходил ещё с палочкой, но уже гораздо легче. Одно время, когда Андрей уже немного поправился, он стал приходит домой очень поздно, и мама заволновалась, не нашёл он там на МТФ, какую-нибудь зазнобу,

ведь так он может и жениться. Потерять такого кормильца в мамины планы не входило, и она решила у него поинтересоваться, где он так долго пропадает, и не собрался ли он жениться. Андрей ответил: «Нет, жениться не собираюсь, а прихожу поздно, потому что захожу к Паране и играю там на скрипке».

А история со скрипкой у брата началась ещё до войны. Уж не знаю, как он познакомился с мужем Парани, Дмитрием Звадой, и он начал учить Андрея играть на своей скрипке. Но началась война, сначала на фронт забрали учителя, а затем и ученика, и всё сломалось. Учитель погиб на фронте, а ученик хоть и тяжело раненный, но всё же живой, вернулся домой, и вот теперь он возобновил занятия на скрипке, но уже один, так сказать самостоятельно.

Ходил Андрей к двадцатисемилетней Паране и доходился до того, что женился на её младшей сестре, девятнадцатилетней Дусе. Параня, уже как родственнику, подарила Андрею скрипку, рассудив так, дети у меня ещё малые, да и к музыке они не стремятся, а Андрей играет на ней и она ему нужнее. Но всё это решалось не так просто, как я сейчас описал. Этому предшествовала долгая дружба молодых, а затем в этот процесс вмешалась Параня. А было это так.

В один из дней, Андрей как обычно пришёл к ней, чтобы оттачивать игру на скрипке, там как всегда, уже была Дуся. Брата игра на скрипке очень занимала, но и девушка, которая была рядом, тоже привлекала к себе. Поэтому Андрей, поиграв на скрипке, сел на диван рядом с Дусей, и начались обнималки, да поцелуйки.

Параня, как опытная женщина, видя всё это, решила ускорить процесс соединения двух молодых людей, когда молодые были сильно увлечены, тётя подошла к дивану и спросила:

— Скажи, Андрей, тебе Дуся нравится?

Брат, сразу насторожился. К чему бы это? Почесал свою «репу» с затылочной стороны, подумал, а что думать, думай не думай, а отвечать надо. А что отвечать? На этот счёт он подумал: «Дуся действительно девушка хорошая, но на МТФ есть и лучше, но если я скажу, что Дуся мне не нравится, то тогда скрипки мне не видать, как своих ушей». Вот и получается что надо говорить «да». И Андрей сказал:

— Да нравится.

Параня решила выяснить отношения молодых до конца и поэтому спросила у Дуси:

— А тебе, Дуся, нравится Андрей?

— Да, очень нравится, я даже люблю его! — весело сказала

Дуся.

— Хорошо, — сказала Параня, подошла к столу, на котором лежала скрипка в футляре, взяла её и направилась снова к дивану. Андрей смотрит на всё то, что делает Параня и думает, чтобы всё это значило. Но Параня не дала ему времени на размышление и, держа в руках скрипку, она сказала: «Раз вы нравитесь, друг другу, то не пора ли вам пожениться? А тебе, Андрей, мой свадебный подарок будет вот эта скрипка, а тебе, Дуся, отрез на платье».

Я, вам скажу, для того времени подарки были королевские. Андрей, снова почесал голову и думает, то жениться-то ещё рановато, ну уж больно хочется заполучить скрипку. А Дуся тут же, к Андрею с просьбой:

— Андрюша, правда, давай поженимся, я очень хочу быть твоей женой!

Андрей понимал, что эти две женщины, родственницы, просто боятся его потерять. Ведь, Дуся была не красавица, и это они понимали, и то что вокруг была сотня девушек красивее Дуси, а женихов, как говорят в народе, раз-два и обчёлся. Параня и Дуся это тоже видели и знали, вот потому и торопились сыграть свадьбу. Андрею это было ясно как день, но делать нечего, надо отвечать, и он ответил.: «В принципе, жениться, я не возражаю, но надо с мамой посоветоваться». «Правильно, — сказала старшая сестра, — материнское согласие необходимо, иначе счастья в семье не будет».

Тем же вечером Андрей пришёл домой и сказал маме, что он хочет жениться на Дусе Давыденко. Но наша мама по натуре домострой и она никак не хотела опускать Андрея из семьи. Она, думала так, что если Андрей женится, то он уйдёт жить в дом к невесте, у неё условия для проживания лучше. И тогда наша семья потеряет кормильца, а это в мамины планы не входило, и она всячески старалась помешать этой свадьбе. Но брат стоял на своём, женюсь и всё тут.

Андрея можно было понять, ему нравилась его любимая будущая жена Дуся, да и скрипку очень хотелось получить в подарок. В общем, спор был долгий и жаркий, никто не хотел уступать друг другу, но, в конце концов, всё кончилось миром. Стороны заключили сделку на следующих условиях. Андрей женится, но жену приведёт в нашу хату, и молодые будут жить у нас. Затем по этому поводу Андрей маме сказал: «Мама, в нашей хате нам с молодой женой и спать-то негде. Не в хатыне же нам спать с детьми?»

На что мама Андрею ответила: «Спать будете на моей кровати, а я буду спать в хатыне с детьми, там места много, на

всех хватит». Андрей немного подумал, а затем говорит маме: «Мамо, но там же доски, а Вы привыкли спать на матрасе, да на кровати с пружинами». На что мама ответила: «Ничего, раз надо, то потерплю».

Но терпела мама недолго, и Андрею со своей женой пришлось уйти жить в дом Дуси, благо там хата большая и места на всех хватало. Не смотря на то, что брат Андрей жил отдельно от нашей семьи, но нас он не забывал, он также как и прежде, каждый вечер после работы привозил нам что-либо из молочных продуктов, подкармливал нас, знал что без его помощи нам не обойтись. Дуся тоже к нам приходила и обязательно, что-нибудь приносила из еды. Обычно она это делала между дойками, в обед, а затем ещё приходила и вечером, то с Андреем, но бывало и одна. Брат ещё болел, и ему было трудно двигаться вот теперь ему и помогала Дуся. Скрипку, как и обещала, Параня подарила Андрею, этот музыкальный инструмент очень выручал нас в голодные годы. Брат хоть и играл на скрипке, но он считал, что для проведения праздников одного музыкального инструмента недостаточно, к скрипке надо иметь хотя бы балалайку. Конечно, можно было спароваться с Василием Жмакой, он хороший балалаечник, но тогда заработок за музыку надо делить на двоих, значит нашей семье достанется меньше. Тогда у Андрея созрел такой план, любым путём достать балалайку и кого-то из членов своей семьи научить на ней играть.

В тот день, когда брат принёс балалайку, мы все, дети и с нами мама, сидели в хатыне и чем-то занимались. Андрей заходит с балалайкой в хатыну и говорит: «Вот он тот музыкальный инструмент, который я хотел достать и научить на ней играть Сеню. Мама взяла балалайку повертела в руках и говорит: «А почему ты хочешь учить играть Сеню, ведь ему и десяти лет ещё нет, а Грише скоро будет двенадцать лет. Учи Гришу играть» — «Нет, мама, — сказал Андрей, — я буду учить играть на балалайке Сеню и знаю, что у него хватит умения и терпения научиться играть. А Гришка не будет учиться, он у нас ленивый, если его заставляют что-то делать, то у него всегда есть дежурный вопрос: «А оно мыни надо?» А Сеня никогда и ни кому таких вопросов не задаёт, если надо, то он идёт и делает. Вот Вы, мама, посмотрите, Сеня наработается в огороде, затем идёт в хату и начинает лепить коников и лепит их до тех пор, пока там же и не уснёт. Вот такой он труженик. А Гришка в огороде кое-как отработает и: или убежит, куда-нибудь, или в хатыну на полати, вот и весь его трудовой день. Так что, учить играть на балалайке я буду Сеню. Это ничего, что он сейчас в музыке не разбирается, я его научу. Не скоро, но все равно научу». И с этого дня началась

моя ежедневная кропотливая работа по освоению музыкального инструмента под названием «Балалайка».

Сначала мы изучали саму балалайку, из чего она сделана, как называются детали инструмента, как натягивать струны на балалайке, ну и так далее. Когда непосредственно Андрей начал учить меня музыке, то у меня выявились два очень важных недостатка. Первое, это то, что я ещё был ребёнок и мне трудно было прижимать струны пальцами, а второй недостаток — это слух.

Не просто слух, а музыкальный слух. В моих ушах он отсутствовал напрочь.

Но брата такой поворот дела не смущал, он мне сказал: «Это, братка, ничего, что у тебя нет музыкального слуха, мы с тобой его выработаем. Надо только терпение и старание, а у тебя есть и то и другое, значит, примерно через месяц, а может через два, ты будешь играть на балалайке».

И правда, примерно через месяц я стал понимать кое-что в музыке. Теперь мне брат уже не говорил, убери со струны тот или иной палец, я по мелодии это слышал сам и соответственно, переставлял пальцы на тот или иной лад. Вы не представляете, как радовался мой брат Андрей, когда первый раз увидел что я сам играю на балалайке в такт мелодии. Я сам этому феномену так не радовался, как радовался мой учитель. Сначала мы разучили простенькие мелодии, такие как, «Светит месяц», «Полюшко-поле», «Страдание», а затем уже принялись за «Барыню».

За время учебы игре на балалайке, у меня на кончиках пальцев левой руки образовывались волдыри, а затем они лопались, и с пальцев сочлась кровь. Но я со слезами на глазах, продолжал тренировать свои пальчики. Андрей говорил, что кровяные волдыри это дело временное, скоро у тебя там вырастет толстая кожа и тогда всё будет нормально. И правда месяца через три мои пальчики привыкли к струнам, и мне стало легче обращаться с музыкальным инструментом.

В то время мы с братом Андреем были единственные музыканты в хуторе и поэтому нас приглашали играть на все торжества, будь-то свадьба, именины или рождение ребёнка. Как-то мы играли на чьей-то свадьбе. Мы приехали к дому невесты на бричке, на которой по хутору должны были катать жениха и невесту. Андрей сразу, куда-то ушёл, а мне велел сидеть в бричке и ждать его. Через некоторое время он пришёл и принёс полмешка зерна. Положил мешок мне под ноги и говорит: «Это, братка, наш с тобой заработок, но за это зерно будем играть два дня, сегодня и завтра. Андрей снова ушёл, а я через мешковину

прощупал, что же за зерно принёс брат. Держу зёрнышко в руках и понял, что это пшеница. Вот это да, подумал я, сколько же это будет булок хлеба, с ума сойти, да за такое не грех было мне перенести все тяготы и лишения в учёбе игры на балалайке. В то время мы играли на торжествах и зарабатывали на жизнь для семьи. Чтобы закончить балалаечную тему, я хочу отметить, что когда Андрей уехал жить и работать в Ипатово, то балалайку он оставил в хуторе. Она висела на стене, и я, время от времени, её брал и, как мама говорила, бренчал на ней. Но особой тяги к игре у меня не было, тем более, что мой учитель уехал, и подсказывать, как правильно играть ту или иную мелодию, мне было уже некому.

Гораздо позже, когда я поехал учиться к брату в Ипатово, то взял с собой балалайку, и в свободное время на ней разучивал новые мелодии. Но признаюсь честно, что в этом жанре я не преуспел, очень долго мучился над мелодией под названием «Во саду-ли, в огороде», но сколько я над ней ни бился, так её и не освоил. Нужен был учитель музыки, а у меня его не было, да и вообще, тогда в селе Ипатово негде было учиться музыке. Брат Андрей в то время уже к музыке остыл, он даже скрипку не брал в руки, даже как-то он мне сказал, что, то что я разучиваю, для него сложно. Вот так и закончилось моё музыкальное образование. Но о том, что учился музыке, я не жалею, а, наоборот, очень рад тому, что, в некотором роде, научился музыкальной грамоте. Гораздо позже я помогал Василию Беловолу разучивать музыку вальса и танго, но уже на гармони.

Вот так у меня было всё не просто. Это то, что касается меня. А брат Андрей в хуторе вёл активный образ жизни, участвовал в разных мероприятиях, выступал на собраниях колхоза, предлагал тот или иной метод решения назревшего вопроса. Несмотря на свой довольно молодой возраст, он быстро начал пользоваться авторитетом у хуторян. Председатель колхоза был малограмотен, плохо разбирался в районной политике, поэтому часто за разъяснением обращался к Андрею, или, как у нас на хуторе говорили, советовался с грамотным человеком. Одним словом председатель ему доверял. Так что, если какое ответственное дело, то оно поручалось брату. Вот и на этот раз, случилась в хуторе беда, и распутывать её председатель поручил Андрею.

НАШ АНДРЕЙ И ДЕЗЕРТИР

Пропал бычок-двухлеток из колхозного стада, куда он девался, никто не знает. Два года телку, это довольно крупное животное и потеряться в наших местах ему трудно, всё просматривается, кроме лесной полосы. Хотя лето в разгаре и деревья в листве, но лесная полоса узкая и, если к ней подъехать верхом на лошади, то всё можно увидеть. Ждали два дня, думали сам придёт, но он не пришёл. Затем его пошёл искать мальчишка-пастух, ходил, искал, но не нашёл.

Жители хутора сначала молчали, но когда прошло три дня и бычка не нашли, хутор загудел как пчелиный рой. Председатель понимает, что надо что-то делать, и поручает Андрею, как человеку прошедшему войну, создать поисковый отряд из пяти человек и найти потерю, во что бы то ни стало. Брат создаёт поисковый отряд из четырёх парней, пятого не могли найти — все были заняты на работе в колхозе. Мальчишки 15–16 лет, верхом на лошадях, а сам Андрей на линейке, так как из-за ранения брат верхом ездить не мог, отправились разыскать бычка. Оружие на всех было одно, берданка, с винтовочным затвором, она была у Андрея.

Рано утром отряд выдвинулся на поиски. Брат решил проехать всю лесную полосу, которая идёт от грейдера до Джалгинской межи, а это примерно три километра, бычок пропал именно в том районе. Пока Андрей со своими подручными искал преступника, в хуторе поднялся переполох, на всех углах обсуждали случившееся.

Сбор в основном был у колодцев, куда хуторянки приходили за водой. Здесь обсуждение шло на все лады. Обсуждали, кто может быть преступником, который поживился нашим бычком. Одни говорили, что это немецкие солдаты, отстали от своих частей при отступлении, спрятались в наших местах (ага, в нашей степи спрячешься), а теперь воруют, что не попади, есть-то хочется. Другая тётка подошла к остальным и вступила в разговор: «Слышала, что в Джалге, прямо со двора увели козу и унесли гуся, истинный Бог, то их рук дело, что творится, что творится, прямо жить страшно». Ещё одна хуторянка говорит: «Эти изверги расставили мины вокруг хуторов и сел, чтобы людей убивать, Господи, что делают изверги проклятые, хотя бы их поймали быстрее» — «А кто поймает? — вмешалась другая женщина, — Андрей с мальчишками? Андрей инвалид, а те ещё дети, так что вояки из них никакие и надежды никакой». В это время к колодцу подошла ещё одна колхозница и с ходу начала:

«Слухайтэ шо я вам скажу. Моя сватья вчера ходила в Бурукшун к нашей тетке, так там говорят, что их односельчанин сбежал из фронта. Фамилия его Боротенко, селяне это определи по его жене и его детям, они-то были такие худые, как и все сельчане, а последнее время ходят упитанные, как будто их война и не коснулась. А не так давно заметили, что жена этого Боротенко беременная и это притом, что её муж как бы на войне, вот кого надо ловить. Хотя бы Андрей со своими помощниками поймал его».

А в это время, поисковый отряд начал прочёсывать лесные насаждения, не прошли и двухсот метров как наткнулись на остатки от бычка: кожа, голова, ноги. Это он не взял, ему мяса было достаточно. «Всё, — сказал Андрей, — этот ворюга, где то здесь, спрятаться тут ему некуда». Начался поиск, проехали около двух километров по лесной полосе и один из мальчишек увидел, что кто-то от них убегает, прячется за деревьями, а как конники приближаются, он снова убегает. Один из мальчишек закричал: «Дядь Андрей, вон он бежит впереди нас» — «Давайте ребята, гоните его, только быстрее, он не выдержит гонки, задохнется и свалится, тут его, голубчика, мы и возьмём».

Мальчишки ударили голыми пятками по бокам лошадей и понеслись вдогонку убегающему человеку. Вскоре они его настигли, окружили и не выпускали из кольца, пока к ним не подъехал брат. Андрей направил на задержанного бандита ружьё и сказал: «Вы, арестованы и должны следовать в нашем сопровождении в хутор Северный для опознания».

Так его в сопровождении Андрея и конников привели в хутор к правлению колхоза. К крыльцу здания правления быстро сбежался народ. Всем было интересно, кто это такой, который съел нашего бычка? Что бычка съел пойманный гражданин, сомнений у хуторян не было. На крыльцо вышел председатель колхоза и деликатно спросил задержанного: «Это ты, нашего бычка сожрал, подлец»? Задержанный молчал. Тогда председатель спросил: «Кто ты, и как твоя фамилия?» Но и на этот раз руководитель колхоза не получил ответа. Тогда из толпы крикнула какая-то женщина: «Я его знаю, — говорит, — это Боротенко из Бурукшуна, там его уже давно ищут» — «Ну, раз его там ищут, тогда мы его туда и отвезем. Давай, Андрей, сажайте его на эту линейку и в Бурукшун, он их, и пусть они с ним и разбираются». Арестованный сел с одной стороны линейки, а Андрей с другой, дослал в ствол ружья патрон и при этом направил его на задержанного бандита.

Вот я сейчас, когда пишу, то думаю, почему, арестованному ни руки, ни ноги, не связали? Что это было? Недосмотр или

незнание правил перевозки арестантов? Скорее всего, второе, ведь ни председатель, ни Андрей такими вещами никогда не занимались. Но как бы там ни было бандита, повезли в Бурукшун не связанного. За возчика был Иван Рожок, парнишка шестнадцати лет, низенький ростом, худенький, в общем, как и большинство ребят нашего хутора. Поехали, все шло нормально, пока не доехали до старого хутора Гашун. Местность здесь холмистая, заросшая мелким кустарником и бурьяном, вот здесь самое подходящее место сбежать от своих конвоиров, подумал задержанный дезертир-бандит. Лошади уже устали и бежали трусцой, самый подходящий момент. Он одной рукой хватает ствол ружья и поднимает его вверх, а другой хватает за шиворот мальчишку и скидывает его с линейки. Но Иван не растерялся и при падении вожжи не выпустил, лошадей остановил. А в это время между Андреем и арестованным шла борьба не на жизнь, а на смерть. Оба вцепились за ружьё, чужак схватился одной рукой за ствол, а другой за затвор, что бы брат не взвёл курок, а Андрей держал в руках ружьё за приклад и тащил на себя, а дезертир ружьё за ствол тащил на себя. Дергали его каждый на себя, и каждый старался выдернуть ружьё у противника. Брат подумал, что долго дергать ружьё он не выдержит, всё-таки противник здоровее, отъевшийся боров на нашем мясе, надо, что-то предпринимать. И тут он вспомнил, что для того, чтобы выстрелить не надо взводить затвор, а надо только оттянуть, так называемую, «пуговку», которая находится на затылочной части затвора и курок будет взведён. Патрон в стволе уже был, надо только изловчиться, оттянуть пуговку в тот момент, когда ствол ружья будет направлен на преступника. Но противник контролировал ствол ружья и всё время старался его держать в сторону от себя, но в какой-то момент контроль потерял, Андрей резко направил ружьё на противника, оттянул пуговку, и грянул выстрел. Арестованный от боли вскрикнул, отпустил ружьё и упал на землю, валяясь на ней, окровавленный. Когда Андрей перезарядил ружьё и пошёл к раненому противнику, он увидел, что противник уже не сопротивляется и думает только о том, как бы остаться живым. Мой брат начал осматривать его рану и увидел, что бандиту выстрелом выбит левый глаз. Кое-как перевязав ему рану, тронулись дальше в путь. На этот раз всё прошло без происшествий, арестованного доставили в Бурукшун, прямо к правлению колхоза Родина. Сбежавшиеся селяне в арестованном узнали своего земляка, который действительно сбежал с фронта и стал дезертиром. Андрей передал властям пленника, а сам с Иваном вернулся домой в хутор.

Заканчивая эту тему, я хочу ещё раз сказать несколько

добрых слов в адрес моего старшего брата Андрея Кондратьевича. По моему мнению, он поистине совершил героический поступок. Ведь что такое героизм? Это когда при выполнении того или иного задания есть угроза смерти, но человек не смотря на это идёт выполнять задание. Так произошло и с Андреем. Соглашаясь искать преступника, а затем его отвозить в село Бурукшун, Андрей очень рисковал своим не только здоровьем, но и жизнью. Ведь, если смотреть правде в глаза, то искал, а затем конвоировал преступника, не здоровый человек, а ИНВАЛИД, который без помощи палочки и шага не мог сделать. И ведь Андрей согласился, всё это делать. Вот теперь, когда я пишу эту книгу, у меня возник вопрос, ПОЧЕМУ он согласился это сделать? И в данный момент я ответа не нахожу. Почему, в те далёкие сороковые годы брат Андрей вёл с дезертиром войну. По рассказу брата, когда они с бандитом перетягивали ружьё, Андрей держался из последних сил, стоять он уже не мог, правая нога у него вообще не работала, а левая быстро устала, и тогда он локтями уперся на линейку и таким образом вёл борьбу. Это хорошо, что так всё кончилось, а если бы всё было на оборот, то через некоторое время нашли бы в бурьяне два молодых трупа, а преступник на этих же лошадях уехал бы, куда ему вздумается. Вот такая могла быть история, но всё хорошо то, что хорошо кончается. В 1947 году Андрей вместе с женой Дусей переехал в Ипатово на постоянное место жительства. Причиной переезда было то, что колхозу была нужна база в селе Ипатово. Купили там дом, и управляющим базы был назначен мой брат Андрей Кондратьевич. Позже я у него жил и учился в школе.

НАШ АНДРЕЙ — САДОВНИК

Сейчас я вам расскажу ещё об одном благородном поступке, который совершил мой брат Андрей, а именно, о посадке сада в нашем дворе. Удивительная вещь, живем на юге в этом благодатном крае, и сада у нас нет. У всех соседей и дальних и ближних есть сады, а у нашей семьи нет. Как говорят на юге, наш двор выглядел голым. По правде сказать, у нас в огороде росли три небольших абрикосовых дерева, но они стояли близко друг возле друга и были какие-то небольшие и никогда не плодоносили. Первое время эти абрикосы вообще не цвели, я каждую весну ждал, когда же они зацветут, но подходила очередная весна, а они не цвели. Я уже потерял всякие надежды дождаться цвета этих деревьев абрикоса. Но где-то в году 46-ом, прошлого века, одно из деревьев зацвело, правда, цветков было мало, с десяток, но всё же они были. Как говорится, начало положено, я подумал, что на другой год их будет гораздо больше и тогда плодов хватит на всю семью. Я обрадовался такому событию, но радость моя оказалась преждевременной, примерно через неделю все цветочки с абрикоса облетели, и моей грусти не было предела. Поэтому такие деревья, фруктовыми можно и не считать. Так что настоящего сада у нас не было. Лично мне это не понятно и не объяснимо. И только сейчас, когда я пишу эту книгу, я решил проанализировать то время и ту обстановку в нашей семье. Пусть отец не обижается на меня, что я пишу такую, не лестную для него правду, но так было и это никуда не денешь. Я, стараюсь писать историческую правду, никого не приукрашиваю, и о маме, хоть и пишу много лестных слов, но то, что она была домострой, я не скрываю. Возможно, в такой большой семье, как наша, и надо было быть домостроем, иначе с ней не справится. Но, я хочу написать именно о саде, и том, как я пытался побудить отца посадить сад в нашем дворе. А всё началось с того, что, мы, детвора, выходим гулять на улицу, соседские дети держат в руках яблоки, груши или другие фрукты и с аппетитом их поедают, а мы дети Кондрата Чухлеб, стоим около них, с завистью смотрим и только глотаем слюнки. Когда я был меньше, я молчал, хотя мне было до боли обидно за себя, за своих сестер и братьев, но об этом родителям не мог сказать, а теперь, когда я подрос и стал учиться в селе Ипатово, я молчать не стал. Летом, я в хутор приехал на каникулы. Был август месяц, как раз месяц созревания овощей и фруктов. Вечером я вышел на улицу чтобы пойти, куда-нибудь погулять. Смотрю, у наших ворот стоят сестры Стаценко и с аппетитом едят яблоки, а мои младшие брат Миша и сестра Рая

просят у них откусить. Нет, не целое яблоко, а просто откусить, но сёстры Стаценко непреклонные и не дают полакомиться. Для меня это стало последней каплей, и я решительно пошёл назад во двор, чтобы поговорить с отцом на эту тему.

Захожу во двор, смотрю, отец сидит на скамейке возле сарайчика. Он часто вот так сядет и сидит, может сидеть час, а может и два, пока его кто-нибудь не позовёт. О чем он думает, не известно, может вспоминает войну, а может более приятное явление — свою любовь юности.

В такие моменты обычно на пороге хаты появляется мама и голосом, похожим на крик, говорит ему: «Батько, ну шо ты сидишь, вон дывысь крыша на погребе провалилась, а ты сидишь. Что дождя ждёшь, что бы и погреб обвалился?» На это отец недовольно крякал, нехотя поднимался, и шёл выполнять указание. И так бывало довольно часто. Вот я только сейчас, с высоты своих лет, в этом феномене отца разобрался. Я думаю, что в нём в ту пору сидела батрацкая «закваска». На сколько я знаю, батраки работали только тогда, когда они видели сиюминутною выгоду, а на перспективу их заставить работать, было очень трудно. Обычно в таких случаях они говорят: «О, когда это будет, можно и не дождаться, так лучше и не делать». Таким людям надо всё и непременно сейчас. В хуторе я это слышал неоднократно, и не только от отца, но и от других хуторян отцовского возраста.

В оправдание отца, хочу сказать, что у него были не только минуты раздумья, но он и работал, особенно зимой, чинил обувь и своей семье и принимал заказы. А когда ему пошёл шестой десяток, то он работал, практически не отдыхая, как будто старался наверстать упущенное. На призыв мамы: «Батько, ну ты бы хоть отдохнув». Он отвечал: «Некогда отдыхать, вот помрём, тогда и отдыхать будем, а пока живы, надо работать».

Но это было гораздо позже, а пока я иду во двор, чтобы с отцом окончательно решить вопрос о посадке сада. Захожу во двор, отец, как обычно, сидит у сарайчика на скамеечке. Я решительно подхожу к нему и говорю:

— Тато, ну почему у всех сады есть, а у нас нет, просто стыдно, как Миша и Рая просят откусить яблока у других детей, а они им не дают, давайте посадим свой сад.

— Ну, где мы его посадим? — спросил у меня отец.

— Как где, а возле Мазепиной хаты, там места достаточно на хороший сад.

— А ты бачив шо там горчак растэ, у него корни длинные, аж до воды достают, так что он весь твой сад загубит, ни сынок с садом надо повременить.

Мне этот ответ очень не нравился, но что делать с отцом не поспоришь. Не знаю, что его смущало, то ли унизительное положение ходить по соседям и просить саженцы, или просто батрацкая натура не давала покоя. Но как бы там не было, деревья для сада мы в этом году не посадили. Прошло лето, за мной приехал брат Андрей, и мы уехали в Ипатово, где я должен был продолжать учёбу.

Как-то по осени Дуся принесла из базара домой яблоки, вскоре пришёл с работы брат, сидим, кушаем яблоки и я говорю брату: «Андрей, а вот такие яблоки, могли бы быть и в нашем саду, если бы он у нас был, конечно, а раз его нет, то и яблок нет». Брат меня выслушал, затем говорит: «Ладно, братка, потерпи и у нас в хуторе сад будет».

На следующий год, по весне, в пятницу, Андрей домой приехал на машине и говорит мне и Дусе: «Собирайтесь, поедем в хутор» — «А у меня завтра школа», — говорю я брату. — «Один день не сходишь — ничего не случится, — ответил Андрей. Затем добавил, — Мы с тобой в хуторе будем сад сажать, так сказать исполнять твою мечту». Я сразу даже не поверил, а когда в кузове машины увидел, саженцы, вот тогда поверил. Андрей уже был в таком возрасте, и на таком положении в семье, что ему не надо было спрашивать у родителей разрешения на посадку сада, поэтому уже в хуторе он сказал маме: «Мама, в этом году Ваши грядки пусть будут там, где будем сажать деревья, а на следующий год ищите им другое место. Мама согласилась, она тоже была рада, что у нашей семьи, наконец, то, будет сад. Утром закипела работа, в ней принимали участие все члены семьи, только отец сначала держался в сторонке, как бы наблюдая, что там у них получится, но потом и он подключился. Андрей каждому работнику дал чёткое задание: одни копали ямы под саженцы, другие носили чернозём с улицы, где уже была яма, и там находился чернозём, третьи таскали воду и заливали её в выкопанные ямы. Брат решил посадить в саду пять рядов по четыре дерева в каждом ряду. Посчитал, а саженцев не хватает.

Он собрался и пошёл просить саженцы к дяде Ивану Ласуну и к Василию Жмаке, у них были хорошие сады. Андрей был настолько коммуникабельный человек, что ему не составляло труда что-то попросить или чем-то обменяться. Отец же к таким вещам относился щепетильно, и для него подобное было проблематично. Андрей принёс недостающие саженцы, и мы за два дня посадили их все. В результате у нас появилось, что-то вроде сада из двадцати саженцев. Это конечно ещё не сад, но самое главное начало положено. Из года в год за саженцами ухаживали, вовремя поливали, пропалывали, и от того самого

горчака, который так пугал отца, не осталось и следа. А через четыре года, там, где были саженцы, выросли настоящие фруктовые деревья, и это был уже сад. Вот такой, памятник поставил себе при жизни наш брат Андрей.

Управляющим базой брат проработал года три, за это время он познакомился с начальством райпотребсоюза и вскоре перешёл туда работать заведующим продовольственным складом. Сначала они с Дусей снимали квартиру, а позже Андрей купил себе хату. Надо сказать, что брат хоть и жил в Ипатово, но свою семью, которая жила в хуторе не забывал, два-три раза в месяц он обязательно приезжал, и что-нибудь привозил: то посуду, то мыло, которого постоянно не хватало, то отцу патроны к ружью, ну и разное другое. Первое время, когда он был ещё молодым то, приезжая на выходные, устраивал в клубе «концерты», играя на скрипке. Скрипачом он был хорошим и, сравнительно для хуторян, он был, как Никола Паганини для мировой общественности.

Играл он в клубе не один, а вместе Василием Жмакой, тот играл на балалайке, вместе они были ансамбль струнных инструментов, правда, небольшой. Но этого было достаточно, чтобы ласкать слух колхозниц, ведь в хуторе тогда ничего не было, даже радио, а кино привозили один раз в месяц. Вот и просвещайся, как хочешь, так что ансамбль Андрея и Василия для хуторян был как глоток свежего воздуха. Когда брат перешёл работать в райпотребсоюз, то он стал служащим и на основании этого получил паспорт. Кстати говоря, это мечта многих молодых колхозников, получить паспорт и уехать подальше от колхоза.

Работая кладовщиком на базе, он частенько, по производственной необходимости бывал в Ставрополе, где познакомился с нужными людьми и в середине восьмидесятых переехал туда жить. Там он купил однокомнатную квартиру, и они с Дусей жили в ней до конца своих дней. В Ставрополе он работал на заводе кладовщиком, а его жена Дуся на хлебозаводе специалистом по замешиванию теста. А что, очень даже интеллигентная работа, а главное крайне необходимая для горожан.

Но это будет потом, а пока он живёт и работает в Ипатово и ещё долго будет там жить.

СЫН АЛЁША

Алёша — это незаживающая рана для нашей семьи, возможно не для всех, но для моих родителей и меня это точно. Алёша погиб на фронте в юном возрасте, и поэтому эта рана болит ещё сильнее. Когда получили похоронку, то в ней командир воинской части нам, членам семьи, писал как погиб наш Алеша. Вот что он рассказал: «Ваш сын, Чухлеб Алексей Кондратьевич, погиб 28 октября 1944 года, — далее он писал, — Мы маршем шли по Пруссии, вдруг начался артиллерийский обстрел, все бросились врассыпную, четверо бойцов, в том числе, и ваш сын, бросились в воронку, возле которой росло дерево. Снаряд попал в дерево, и осколки отлетели в воронку, все четверо погибли сразу. Мы их похоронили в братской могиле. Вечная им память».

Вот и всё. После такого сообщения вся семья плакала. Я тоже плакал и ругал то дерево, которое росло у воронки, если бы не оно, то наш братик Алёша был бы жив. А до этого сообщения, нам были два предсказания, одно из них точно мистическое.

Первое из них довольно распространённое в народе. Это когда птица приносит весточку. Так и у нас. Дней за пять до похоронки на Алёшу, на оконную раму нашей хаты, села какая-то серая птичка не известной нам породы. Эта птичка, сидя на раме, начала стучать клювом в стекло. Мы, ребятня подбежали к окну, стоим, смотрим на неё, а она, не обращая на нас внимания, делает своё дело. Мама стоит у нас за спиной и говорит: «Принесла, какой-то известие, интересно хорошее или плохое? Может батько вернётся с фронта, или Алёша письмо пришлёт, что-то давно от него нет писем». Какое пришло известие, вы уже знаете. А перед этим известием, в нашей хате было какое-то мистическое действо. Было это так.

Примерно за полмесяца до похоронки, а может чуть больше, поздним вечером в нашей хатыне, то есть детской, вдруг затикали часы. Мы начали прислушиваться, не показалось ли это нам. Я первым подскочил к стенке, откуда это слышалось, и приложил ухо. Слышу, действительно тикают часы, вот так: тик, тик, тик. Сначала их было еле слышно, но затем они стали стучать всё сильнее и сильнее. Из тех, кто был в хатыне, а были дети, часов ни у кого не было, да что там у детишек, часов не было во всём доме, а может даже на всей улице. Да в хуторе они и не нужны были, время определяли по солнцу. В хатыне поднялся переполох о происшествии сообщили маме. Она пришла, послушала и говорит: «Это, какое-то известие». Села к нам на полати, сидит, задумалась.

В это время вернулся Андрей с Дусей и с ними младшая сестра Дуси, Тася. Они тоже прониклись известием и начали обсуждать происшествие. Через несколько минут пришёл Борис Глотов, друг Андрея, он тоже заинтересовался этим загадочным событием. Послушал, затем посмотрел на наши испуганные лица и говорит: «Знаете что, я думаю это червяк, вот у вас здесь прибита доска, он, наверное, туда забрался и грызёт дерево». Взрослые на него посмотрели с сомнением и недоверием. Он увидел это и говорит: «А что вы на меня смотрите с таким недоверием, у нас в хате был такой случай. Сижу я у окна и читаю книгу, вдруг слышу вот такой же стук, как будто часы идут. Я начал прислушиваться, где же эти «часы» запрятаны, и нашёл — в оконной раме.

Я взял кухонный нож, расковырял раму, смотрю, а там червяк сидит, думаю, так вот кто тут стучит как часы. Вот давайте расковыряем эту стенку и найдём там червяка». Ага, сказал Андрей, расковыряем и сделаем дырку в сарай, а в нём не тепло, и весь холод из сарая пойдёт вот сюда, в хатыну. Нет, пусть уж будет, так как есть, я думаю, оно постучит и перестанет.

Все, внешне как будто успокоились и начали расходиться, Борис с Тасей ушли по своим домам, Андрей с Дусей в большую комнату, на ночлег (они тогда ещё жили у нас), а мама легла тут же в хатыне рядом с нами. Я же улёгся рядом с «часами». Когда в хате стало тихо, стук «часов» стал слышен ещё громче, к нему даже прислушиваться не надо было. В хатыне постепенно дети и взрослые начали засыпать, только я не спал и мама, наверное, тоже не спала, потому что я слышал её вздохи. Я лежал с открытыми глазами и всё думал о червяке Бориса. Мне показалось, что его версия не правдоподобна, ну не может червяк так стучать. Ну что я червяков не видел, да я их брал в руки и разрывал пополам, чтобы посмотреть, что там внутри. Правда, червяк был земляной, и внутри у него была одна земля, ничего интересного. А какая разница, земляной он или нет, червяк он и есть червяк, что, если червяк сидит в дереве, значит у него есть молоточек, которым он стучит? Нет, такого не может быть, о червяках мне всё известно, нет, не червяк, это точно, решил я для себя.

Я начал уже засыпать, и вдруг, в стуке «часов» произошло изменение, они стали стучать чаще, затем еще быстрее и ещё быстрее, а затем… остановились. Слышу, мама шёпотом говорит: «Сень, что они остановились?» Я по ногам спящих детей, перебрался к маме, лёг с ней рядом и стал рассказывать, как часы стучали, а затем остановились. «Та я слышала, — сказала мама, затем помолчала, и продолжила, — Ох, не к добру это, сынок,

чует мое сердце быть беде». Обняла меня за голову и заплакала. Я почувствовал, как её горячие слёзы покатились сначала по моему лбу, затем и по моим щекам. Мама до утра так и не уснула, я тоже не спал и слышал, как мама вздыхала, ворочалась, а затем с трудом встала и пошла доить корову.

Как вы уже знаете, маму сердце не обмануло, помните, птичку на окне, а затем похоронка, вот так бывает. Я, почему об этом событии так подробно пишу, да потому что оно взбудоражило всю нашу семью, мы потом ещё неделю от него отойти не могли. Ведь давно все знают, что ни что так не пугает, как неизвестность. Так и с нами случилось. Уже сейчас с высоты своих лет я подумал, может в то время когда мы в хатыне слушал мнимый бой часов, в этот момент там, на фронте наш Алёша был ещё жив, и сердце его ещё билось. И, возможно, какие-то высшие силы нам, его родным, передали стук Алёшиного сердца в последние минуты его жизни. Ведь это ещё не факт, что наш брат умер мгновенно, как пишут в письме его командиры. Возможно он в той воронке, в которой его нашли мёртвым, лежал час и два, а может и больше. Ведь мы с вами не знаем, сколько длился тот злосчастный бой. Может десять минут, а может и час, а то и более. А во время боя никто не поползёт искать раненых, рискуя своей жизнью. Даже санитары выжидают прекращения артналёта, иначе они и раненому не помогут и сами погибнут. Так что, я думаю, что Алёша какое-то время после ранения был ещё жив и нам, его родным, высшие силы об этом сообщили. Ну а то, что пишут Алёшины командиры с фронта, что он погиб мгновенно, так они всегда так пишут, чтобы поберечь здоровье родных и близких людей погибшего бойца.

Вот такие у меня выводы поэтому тяжелейшему для нашей семьи событию. А теперь давайте я вам расскажу то, что я знаю об Алёше, моём братике. Из-за моих малых лет, в то время, я его помню плохо, только некоторые моменты из его жизни. Помню, как после того, как нас захватили немцы, как бы заочно, они нас вроде захватили, но мы их не видели. Колхозы самоликвидировались, и тех животных, которых не угнали в тыл, стали разбирать по домам. Алексей привел домой трёх лошадей и поставил их в сарай, чтобы никто не увидел. Корову же он вывел во двор и поставил в баз. А была уже осень и ночи были холодные. Я видел этих лошадей в нашем сарае, Алёша их буквально втиснул в сарай. Сарай был небольшой, он годился для одной коровы, ну и телка туда можно поставить, но чтобы трёх лошадей, каждая из которых, гораздо больше коровы, это надо уметь, так их туда затолкать. В тот момент мамы дома не было, и она все эти его художества не видела, а когда она пришла, в хате

начался там-тарарам. Слышу, она кричит на Алешу: «Алёшка, ну шош ты на робыв, корову, значит, во двор на холод, а коней в сарай». Затем она немного успокоилась и говорит ему: «Сынок, а чем ты их кормить собираешься, на трёх лошадей и на корову сена надо много, а у нас и на одну корову на зиму не хватит, так что бери своих хвостатых и отведи их на конюшню, там им и место, а корову я заведу в сарай.

Алёша так и поступил, что делать, с мамой не поспоришь, тем более что она права. Как я уже писал, Алёшу помню плохо, а вот старшие дети помнили его хорошо и отзывались о нём в самих положительных тонах. Мама его очень любила, породой он был в нее, также как и я.

От Алёши осталась только одна фотография, где он сфотографирован с братом Андреем, вот и всё, больше никаких вещей, ничего. Об Алёше я написал, как бы, всё что знаю, но понимаю, что этого не достаточно, а что писать дальше не знаю и помочь мне некому, и тут помог мне случай. Не закончив писать об Алёше, решил отдохнуть, за это время, может, что-то вспомню новое. Включил телевизор и как раз попал на передачу «Жди меня». А что, думаю, надо попросить, отца моей жены Ларисы, чтобы он в интернете поискал сведения о моём брате Алёше. Звоню ему, говорю так и так, пишу о моём брате Алёше, а данных мало, я даже не знаю, где и в каком месте он похоронен. Договорились, что он поищет в компьютере данные о нашем Алёше и мне перезвонит.

Примерно через час, звонит и говорит мне: «Записывайте». И вот что я записал:

ЧУХЛЕБ АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЬЕВИЧ, гвардии красноармеец, 1925 года рождения, призван Ипатовским РВК, Ставропольского края. 152 гв. сд. Погиб в бою 28 октября 1944 года. Похоронен в посёлке Бабушкино, Нестеровский район.

Я знаю, что эти населённые пункты находятся в Калининградской области. Ранее я писал, что Алёша погиб в Восточной Пруссии, получается, как бы, не стыковка, но это не так. Дело в том, что до 1946 года Калининградская область была территорией Германии, и называлась она Восточной Пруссией, и центром этой области был город Кенигсберг, а после 1946 года он был переименован в город Калининград. В посёлке Бабушкино есть братская могила, в которую перезахоронено 1279 погибших бойцов, имена всех их известны. Первоначально Алёша был захоронен в небольшой братской могиле в посёлке Таукенищенкен, а от туда уже был перевезён в посёлок Бабушкино.

Ну, вот, наверное, и всё что я могу написать о брате Алёше.

Нет не всё, хочу написать ещё об одном немаловажном факте. А именно. После того как мы получили похоронку к маме каждую ночь стал приходить во сне Алёша и звать её. Мама рассказывала, что она отчётливо слышала его голос, когда он её звал. Она подскакивала с постели и после этого уже спать не могла, так и лежала с открытыми глазами, глядя в темноту, пока не запоют петухи. И такое Алёшино явление повторялось каждую ночь. Сначала он просто приходил и звал её, но потом он стал маму просить, чтобы она его похоронила. Мама снова лежала с открытыми глазами смотрела в темноту и думала, нежели Алёшу там не похоронили, ведь нам писал командир, что погибших бойцов похоронили в братской могиле. Но как бы там ни было, Алёша всё приходил к маме и приходил. Мама от недосыпа вся извелась, прям на глазах похудела и уже не знала, что делать. Разговаривала с соседями по этому поводу, но и они не знали, что ей посоветовать. Тогда она собралась и пошла в Бурукшун к батюшке, может он знает, что в таких случаях надо делать. Батюшка ей сказал: «Набери в узелок земли, поставь за упокой свечку, а я над этой земелькой прочитаю молитву. Затем придёшь домой и по всем правилам похорони эту земельку, вот это и будет Алёшина могилка. Мама так и сделала. Так на нашем хуторском кладбище появилась небольшая могилка и на ней деревянный крестик, где написано «Чухлеб Алёша». После этого больше Алёша к маме ночью не приходил. Конечно, он ей снился, но не так как раньше.

Мы с вами с Алёшей прощаемся, вечная ему память.

И вот ещё что. В то время, когда я ездил по весям Советского Союза, я не знал, где захоронен Алёша и поэтому не мог навестить его могилку, а сейчас в виду возраста мне уже тяжело так далеко ехать. Поэтому прошу своих родственников и не только родственников, кто будет у братской могилы, где захоронен Алёша, поклонится его праху от меня.

СТАРШАЯ СЕСТРА НАТАША, НАША ВТОРАЯ МАМА

Далее, по старшинству идёт Наталья Кондратьевна, 1927 года рождения. Наташа в семье была старшая дочь, к тому моменту, когда мне было девять-десять лет, она была уже взрослой девушкой, и поэтому она для нас, младших в семье, была как вторая мать. В основном, все заботы по дому лежали на ней: приготовить еду, помыть посуду, постирать, убрать в хате и многое другое, а ещё надо было успеть и на работу в поле со всеми пойти. Забот было столько, что она с утра до вечера трудилась, не разгибаясь, и так каждый день: ни тебе выходных, ни проходных.

Вот, я сейчас пишу о сестрёнке, а сам роюсь в своей памяти, хочу найти в жизни сестры что-нибудь такое героическое, ну такое, как брат Андрей дезертира ловил, но ничего подобного в её жизни не было. Затем я ловлю себя на мысли, а разве ежедневный труд через «не могу» не есть подвиг? Ведь она и дома все делала и на работу в поле надо не опоздать, в спешке хватала тяпку и бегом догоняла своих подружек, которые прошли уже наш двор. Вот так каждый летний день. Зимой было легче. Благодаря её трудолюбию, в колхозе Наташу ценили, премий, правда, не давали, по той причине, что их вообще не было, а так уважали. У Наташи вся жизнь была связана с землёй, то есть с природой, и это символично, так как с латинского языка, Наталья, переводится как «природная», вот она и была связана с природой до самых последних дней.

У Наташи с трудовой деятельностью было всё в порядке, а вот в личной жизни ей не повезло. Причиной тому было то, что для девушек, возраста Наташи, не было женихов — практически все они полегли на полях сражений в Великую отечественную войну. Но сестра моя девушка видная, и для неё в хуторе нашёлся парень, с которым она встречалась. Всё как будто шло к свадьбе, и вдруг она разладилась, и они расстались, а у сестрёнки от их встреч родился ребёнок. Наташа осталась жить с родителями, никуда не собиралась уходить. Ей нелегко было жить, когда тебе уже за тридцать, а ты в подчинении матери. Даже если ты, по какому-то поводу имеешь свое мнение, всё-равно надо делать, как тебе скажут. Трудно женщине жить, когда без мужа родит ребёнка, особенно остро это ощущается в сельской местности, а в хуторе тем более.

В нём все друг друга знают, и если с кем-то бывает

конфликтная ситуация, то на тебя сыплются упрёки, а то и оскорбления. Оскорбления были не только от чужих людей, но и от своих. Сына воспитывала, кормила, нянчила, лелеяла, а когда он вырос, то тоже стал упрекать мать за, то, что она его родила. Задавал ей один и тот же вопрос: «Зачем ты меня родила?» Как будто на этот вопрос кто-то знает ответ. Наташе не оставалось ничего иного, как терпеть.

Но время шло, и оно делало своё дело, старые обиды забывались, взаимоотношения с людьми улучшались, и жить становилось легче. В один прекрасный, для Наташи, день, её подруга пригласила к себе на день рождения. Там оказался родственник подруги, Михаил Ливинский, ранее он жил в нашем хуторе, а затем переехал в село Джалгу. На этом дне рождения Наташа и Михаил присмотрелись друг к другу и решили, что им надо жить вместе. Оба уже не молодые, что долго рассуждать на эту тему, надо соединять судьбы и жить вместе. Наташу это решение устраивало, Михаил ей внешне нравился, и хозяйственник был хороший, да и самостоятельной хозяйкой ей давно хотелось быть. Так что всё сошлось, как нельзя лучше.

Всё это хорошо с одной стороны, а с другой, родители были категорически против свадьбы Наташи. Особенно мама не хотела отпускать дочь из дома. Для себя она решила, что Наташа до конца их дней будет жить с родителями. Ну, кто же думал, что она в сорок лет надумает выходить замуж? Мама приводила всякие доводы, которые отпугнули бы Наташу от необдуманного шага. Говорили, что он и с женой ещё до конца не развёлся, хотя не живут уже двенадцать лет, или, а если с ним что-нибудь случится и он умрёт? Тогда его жена и сын заберут у тебя всё, и ты останешься ни с чем. Конечно, родителей тоже можно понять. Они рассуждали примерно так: «До конца своих дней жить будем с Наташей, а то на сынов какая надежда, да никакой. Андрей живёт в Ставрополе, в однокомнатной квартире, для четверых она будет тесновата, мягко говоря. Иван в Ипатово примаком живёт, какой с него толк? Григорий, глаз не кажет, да и что от него ждать, когда он нам открыто заявил, что мы, родители, ему не нужны. От Сени, — то есть обо мне, — и говорить нечего, он укатил в эту ужасную Сибирь, и там кукует. Правда он нас зовёт к себе, но что об этом говорить, Сибирь она и есть Сибирь, туда едут только по принуждению. Так что если Наташа от нас уйдёт, то нам одна дорога, идти к сыну Михаилу. Он хоть и дружит с «зелёным змием», но не настолько чтобы у него не жить».

На том и решили. Но всё пошло не потому руслу как родители намечали. Наташа вышла замуж за Михаила Ливинского и переехала жить к нему, а мой брат Михаил

отказался принимать родителей в свой двор и они оставались жить в своей хате до последнего часа существования хутора.

Постепенно, обстановка в хуторе становилась невозможной для проживания: магазин закрыли, купить необходимые продукты негде, школы давно нет. Вся молодёжь уехала, остались несколько стариков, которые живут далеко друг от друга. Обстановка на хуторе ужасающая, всё заросло бурьяном, не только огороды, но и улицы. Бурьян высотой до двух метров, среди этого бурьяна стаями бродят полудикие собаки, того и гляди, нападут и разорвут. Отец рассказывал, что ночью воют волки, то ли недалеко от хутора, то ли в самом хуторе. В общем, обстановка такая, что родителям надо срочно уезжать, но куда? Купить хату в Бурукшуне, нет денег, они хоть и не дорогие, но если денег нет, то всё кажется дорого. Надо что-то делать. Кстати, я в очередной раз, приехал к родителям на побывку. Вечером, сидели под трутовицей втроём и вели невесёлые беседы. На другой день ожидался приезд сыновей. Вот, думаю, завтра и решим, с кем будут дальше жить наши родители.

Родители тоже не возражали против того, чтобы жить у Григория. Дочерей во внимание мы не брали. На другой день, когда родители и их дети сели за стол, ещё не выпивали и не ели, я инициативу взял в свои руки, и сказал: «Сегодня нам с вами надо решить наиважнейший вопрос, а именно. У кого из сыновей будут дальше жить наши родители». Григорию сразу не понравилось то, что именно я начал разговор о дальнейшем проживании родителей, а ни он, как старший, хотя и наш старший брат Андрей тут же присутствовал. И вообще он вёл себя, мягко говоря, странно, а если по существу, то нагло. Но дело не в этом, надо решить вопрос у кого будут жить родители.

Начали разбираться по каждому, Андрея и Ивана сразу исключили, по уже известным вам причинам. Меня, тато и мама тоже не рассматривали, по моему поводу они сказали так: «В Сибирь добровольно не поедем, и вообще, мы хотим умереть здесь, на родной земле». Остались Григорий и Михаил. Я, сказал Григорию, что хотел бы, чтобы родители жили у тебя, затем начал объяснять, почему я так хочу. «Ты, — говорю, — хозяин хороший, дом у тебя большой, на всех хватит, да и зарабатываешь неплохо, одним словом всё говорит за тебя». Григорий голову опустил, молча выслушал, затем говорит: «Ни, не возьму я их, они мне не нужны». Отец не выдержал такого отношения сына к нему и говорит: «Ну и не бери, помрём с матерью, вот тут, пусть тебе будет стыдно».

Если сказать, что от слов Григория родители были в шоке, значит, вообще ничего не сказать. Они просто были в нокауте,

отец хоть и вспылил, но затем сидел, глядел по сторонам и, по-видимому, не понимал, где он находится и его ли это двор, и кто с ним за столом сидит, его ли это дети. Затем, он встал, из-за стола и ушёл. Лёг на кровать, что стояла под деревом, и больше к столу не подходил. Григорий тоже ушёл на улицу к своей машине, наверное, собрался уезжать. Михаил сидел рядом со мной, за столом ещё остались Андрей, Иван, Наташа и мама. «Ну что, — говорю, — Миша, надежда теперь только на тебя».

Миша помолчал, а затем спокойно говорит: «Ну, а что на меня надеяться, вы же знаете, что у меня полная неопределённость, хату в Бурукшуне ещё не купил и когда куплю не знаю, так что мне их брать некуда». Вот так, вот и весь совет в Филях, там, правда, был результат, а у нас его не было. Все вышли из за стола, и начали расходиться, даже не поев. Григорий позвал Андрея и Ивана ехать назад в Ипатово, они вышли на улицу, сели в кузов машины и уехали. Михаил тоже ушёл домой.

Во дворе остались родители и мы с Наташей, за ней завтра приедет муж Михаил. Я подошёл к родителям, они оба сидели на кровати, сел с ними рядом, к нам подошла Наташа, стоит и говорит: «Ну что вы все расстроились, что вы Гришку не знаете, он всегда был хапугой и хамом, считал, что он умнее всех. Ничего и без него проживём, вот Михаил завтра приедет, поговорим с ним, может, к нам поедете. Так что нечего расстраиваться, а сейчас давайте поедим, а то уж больно кушать хочется». «И правда, батько, — сказала мама, — пишлы за стол, винца выпьем, поедим и жить станет веселей».

Так и сделали. Утром приехал Наташин муж, Михаил Ливинский, посидели за столом, поговорили, затем, он спросил у меня какие планы. «Да какие планы, Михаил, не знаю, что делать, хоть разводись дома с женой и приезжай к родителям в хутор. Жена-то сюда не поедет и родителей одних не оставишь, а детей у родителей хоть и много, а жить к себе никто не берёт, вот такие дела, Михаил». После моих слов, он опустил голову, задумался, я тоже сидел, молчал, к нам подошла Наташа, села рядом с нами. Видит, что у нас плохое настроение, тоже молчала.

Я, чтобы немного разрядить обстановку и ввести Михаила и Наташу в курс своих дел, говорю: «Понимаешь, Михаил, — он поднял голову, я продолжил, — у меня только наметилась перспектива роста по службе, а тут выходит надо всё бросать и ехать сюда, а что я здесь буду делать. В который раз всё придётся начинать снова, а я хоть еще и не старый, но уже и не мальчик». Михаил, снова помолчал, затем говорит: «Сеня, знаешь, что я тебе по этому поводу скажу и работу не надо оставлять, а тем более с семьёй разводиться. Мы сейчас поговорим с вашими родителями.

— Михаил говорит, а сам смотрит то на меня, то на Наташу, — и если они будут согласны, то мы с Наташей заберём их к себе в Джалгу. Это практически одно и тоже, что хутор Северный, что село Джалга, я думаю, это будет лучший вариант». Мы, с Наташей дружно с ним согласились. Вскоре, тато с мамой переехали жить в Джалгу к Михаилу и Наташе. Позже, я был у них в гостях и видел хозяйство Михаила, а теперь и Наташи. Если описать коротко, то это был двор богатого хозяина, дом большой из кирпича, все остальные постройки тоже из кирпича, а ещё, вся площадь двора выложена тоже кирпичом. Такое в тех местах редко увидишь, чтобы двор мостили кирпичом, а у него так было. Всем этим богатым хозяйством заведовала моя сестра Наташа. К сожалению, Михаил уже в то время болел сахарным диабетом, а с возрастом болезнь начала прогрессировать, и где-то в середине восьмидесятых Михаила Ливийского не стало. Морально, сестра была готова к этому, и все-равно потеря дорогого человека далась ей нелегко. Но, что делать, как говорят в таких случаях французы, «се-ля-ви», такова жизнь.

ПРАВДА О ТОМ, КАК СЫН С НЕВЕСТКОЙ ДВАЖДЫ ОГРАБИЛИ СТАРУЮ ЖЕНЩИНУ — СВОЮ МАТЬ, А ЗАТЕМ ДОВЕЛИ ЕЁ ДО МОГИЛЫ

«Ну что же, — думала Наташа, — умер дорогой мне человек, конечно, очень жаль, но отчаиваться не надо, у меня есть сын, он уже взрослый и обо мне позаботится. Он женат и живёт в селе Ипатово». Она все заботы обратила на помощь сыну и его семье. А как же, когда она станет старой и работать уже не сможет, её дети и внуки будут заботиться о ней. Так думала и надеялась моя сестра, но на деле, получилось всё не так, а пока она этого не знала и продолжала выполнять заказы, поступающие от невестки из села Ипатово.

А заказы были такие: «Вы нам, мама, к субботе приготовьте гуся, общипите и выпотрошите, затем зажарьте в печи. Да ещё двух курочек также, а ещё напеките нам пирожков и всяких булочек. И так продолжалось не один день и не два, а годы. Их матери, уже под семьдесят, у неё уже и здоровья нет, и пальцы, от постоянной работы, перо гуся не могут выдернуть из гусиной кожи, а заказы всё идут и идут. А если, по причине болезни заказ не выполнен, сын с невесткой проявляют недовольство, и оправдания матери, что она уже стара, и здоровье её не то, во внимание не бралось.

Так продолжалось довольно долго. В один из дней, сын с невесткой заговорили о переезде матери к ним, на постоянное место жительство. «А что, — думала Наталья Кондратьевна, — я старею, с хозяйством мне уже не справиться, поеду к ним, там и дети помогут, да и внуки рядом будут, как что, так помогут». Надо принимать решение, но решение никак не принималось, что-то её сдерживало, как говорится, червь сомнения точил. «Нет, — думает Наташа, — такое судьбоносное решение в спешке принимать нельзя, надо посоветоваться с родными, братьями и сёстрами». Посоветовалась. Братья, Михаил и Григорий советуют не переезжать, мотивируя тем, что ты здесь, в своём доме, хозяйка, как захочешь, так и сделаешь, а там кто ты будешь? Сестра Рая тоже была на их стороне, говорила Наташе: «Не надо тебе к ним ехать, живи в своём доме, пока живётся, а там видно будет, так что пока повремени».

А сын с невесткой, настаивают: «Давай, мама, переезжай. Продавай дом и переезжай к нам. У нас в Ипатово тебе будет

лучше, в случае чего, там рядом больница, врачи хорошие, не то, что у вас в Джалге». В общем, думала, думала, на дворе уже пошли двухтысячные годы, а она никак решиться не может. Наконец принимает решение: ПЕРЕЕЗЖАЮ.

Дом продала, хотела деньги положить себе на сберкнижку, но дети сказали, что деньги нужны им, достраивать дом, который строится, да ещё надо строить дом для сына Саши, а то женится, где он будет жить, со своей семьёй. Так что денег им надо много, сказали сын и невестка. Пришлось матери отдать денежки, жалко было, а что сделаешь: «Теперь я у них живу, значить надо их и слушаться». Поселили её в летнюю кухню, кто не знает, объясню. Это такое строение, в виде сарая, с низким потолком, строение средних размеров, но внутри, чистенько, побелено. В ней находится печь, кухонная мебель, хотя кухонная мебель это громко сказано, обычно там ставят колченогий стол и лавку, и ещё можно поставить кровать, места хватит. Вот в эти кухни, молодые заселяют стариков, и находятся они там до скончания своего века, там, на Северном Кавказе так делается повсеместно. Когда старики ещё ходячие, то это ещё ничего, но когда они уже ходить не могут, то эта кухня для них превращается в склеп, то есть в могилу. Вот так получилось и с Натальей Кондратьевной. Сначала сын с невесткой у неё отобрали деньги, которые она выручила за дом, а затем они у неё отобрали и пенсию, и она осталась в этом склепе, больная, ходить не может, без еды и без гроша. Наташу долго в этом склепе мучили, а потом её заживо там и похоронили. Вот после такого обращения подумаешь, рожать детей или, может, не надо? Конечно, если бы её сын Алексей был бы хозяин в доме, то такого, может, и не случилось бы, но он по характеру тряпка и поэтому подручный у своей жены, вот поэтому такой и плачевный результат для его матери, а для моей сестры Наташи.

Всё что я написал в этом разделе, я узнал от сестры Наташи. Последнее её время я с ней каждый день, а то и по два-три раза на день разговаривал по телефону, и она мне всё рассказывала о своих страданиях. Я хотел позвонить её сыну Алексею и наставить его на путь истинный, но Наташа мне запретила звонить, сказала, что от этого разговора ей будет ещё хуже. Не смотря на то, что Наташи нет в живых, мы с ней пока прощаться не будем, в своих записях я ещё буду о ней вспоминать.

В заключение хочу сказать, что те, кто её загнали в гроб, не стоят и её пальца. Как-то Алексей звонил мне и хвастался, что они с женой в Ставрополе купили квартиру для своей дочери, а это в то время, когда его мать голодная лежала в этом склепе. Наташа мне жаловалась, что очень болит нога, я ей посоветовал

вызвать скорую помощь, на что она мне ответила: «Я просила Лёшку вызвать скорую помощь, а он мне ответил, что к таким старым, как ты, скорая не ездит. Сказал и ушёл, захлопнул дверь». Мне очень было жалко Наташу, но я не знал, как ей помочь, хотел поехать к ней в Ипатово, но в 2011 году, я был в таком плохом состоянии, что, как говорится, по стеночке ходил. Наталье Кондратьевне в то время было 84 года, а мне 76 лет, оба в том возрасте, когда уже требуется помощь. Вот такие дела, дорогие мои читатели. Как я уже писал, с моей сестрой Наташей мы не прощаемся, в дальнейшем я о ней буду упоминать.

СЫН, ИВАН КОНДРАТЬЕВИЧ

Следующий сын моих родителей — Иван, 1929 года рождения.

Ростом Иван был выше среднего, кожа на лице смуглая, даже очень, волосы чёрные прямые, зачёсанные назад, глаза чёрные, плечи широкие, кисти рук большие и кулаки, естественно, большие. Физически был сильный, но драку сам никогда не затевал, а если на него кто нарвётся, то мало не будет. По своему поведению был какой-то странный. Все Чухлебы любили поговорить и даже поспорить, Иван же был в стороне от этого, он почти всегда молчал, говорил только тогда, когда его спросят. В армию его не взяли, говорят из-за плоскостопия. Работал он в колхозе, пас табун лошадей. Несмотря на свой молчаливый характер, он сумел четыре раза жениться. Но, о женитьбе потом, а сейчас я хочу написать о том, как к нам на машинах привезли лошадей, родом из Монголии, которых Иван затем пас в табуне.

Сразу после войны в нашем колхозе не было лошадей, затем их привезли, как у нас говорили, из Монголии. Ростом лошадки были небольшие, гривы постриженные, хвосты длинные, волос густой. Их было голов тридцать. Как только по хутору прошёл слух, что привезли новых лошадей, к бригаде пошли колхозники, посмотреть, что там за лошадей привезли. Конечно, все думали увидеть таких, как у нас были, донской породы, высокие, статные, но как посмотрели, смеху было на весь колхозный двор, женщины говорили, что на них только детишек катать. Колхозники как узнали что, лошадок привезли из Монголии, так и дали им кличку «Монголки». Я тоже был в этой толпе и слышал, как на все лады обсуждали бедных лошадок. А дело было весной 1946 года, надо было пахать, а кого запрягать в плуг, вот этих жеребят? «Да они что там, правители в районе, над нами смеются? — возмущались колхозники, — Они там никогда в жизни не пахали и думают, что делать это просто». Но сколько ни возмущайся, а других лошадок не будет, так что будьте добры.

Пришёл день испытания лошадей. Испытания, как такового, не было, просто надо было пахать землю под посевы, вот и поехали в поле. Наш отец, Кондрат Ефимович, тоже поехал. Закончился рабочий день, отец вернулся, молча вымыл руки и сел ужинать. Молча кушает, мама не выдержала и говорит: «Батько, ну что ты молчишь?» — «А шо казать?» — спросил у неё отец. — «Ну, як шо, шо там те Монголки, как они в работе?» — «Знаешь, что я тебе скажу, маты, вот эти Монголки, как мы их называем, в работе будут лучше, наших довоенных. На тех мы в этом же

загоне делали два круга, и они стали, а на этих малышах, делаем четыре круга, а могли и пять, вот так, маты, те, кто над ними смеялся, сами себя посрамили».

Вот этих лошадок и пас зимой наш Иван. Кстати сказать, со временем у нас монголки перевелись, жеребца такой породы не было, вот и результат. Те, которых привезли, вымерли, а жеребята от них были уже другие, потому что над их созданием поработал рыжий жеребец из донской породы и мы его называли «Дончак», но это было позже, а пока Иван гоняет монголок пастись в степь. Хочу рассказать вам об одном случае, который случился с нашим Иваном и его табуном. Это было зимой, в 1947 году, покров снега был небольшой и поэтому всю зиму лошади паслись в степи.

Утром Иван отогнал табун в степь, а сам вернулся домой пообедать и дождаться вечера, чтобы потом ехать за табуном. День клонился к вечеру, на улице то было солнечно, то вдруг потемнело.

Мама говорит Ивану: «Ты, давай, Иван, езжай за табуном, а то, как бы метель не началась». Иван, выглянул в окно, определил, что ещё рано и продолжил мастерить арапник. На улице ещё сильнее потемнело, пошёл снег. Иван видит, что погода разыгрывается не на шутку, оделся и ушёл во двор, затем сел на лошадь и поехал. А погода разбушевалась: ветер усилился, снег повалил хлопьями, в хате сразу стало темно. Отец, чтобы продолжить сапожничать, зажёг лампу, мама подсела ближе к свету и что-то шила. Я смотрю на всю эту канитель и думаю: «Зря Иван поехал в такую погоду, лучше бы переждал непогоду, тогда бы и поехал». Я высказал эту мысль маме, на что получил категоричный ответ: «Ага, придумал, будет то, что было с батьковой рыжей кобылой, хорошо, что всё так кончилось, а то могли бы заставить платить, хай она сдохнэ та кобыла». Наша мама в выражениях не стеснялась. Она могла и отцу сказать за столом: «Ты шо батько, пыку ны пырыхрыстыв, а за ложку бырэшся». Или вот ещё её выражение на предмет выяснения обстоятельств: «Ны трож гивна, пока оно ны воня». Что я написал, вы, я думаю, разберётесь без меня.

ДЕЛО О РЫЖЕЙ КОБЫЛЕ

Но дело с кобылой было серьёзное. Тато с дядей Михаилом Чухлеб, нашим однофамильцем, были на сенокосе, косили сено как раз на меже с калмыками. Были они там с ночёвкой, так как до хутора было далеко. Лошадей, на которых работали, они на ночь отпускали пастись, а утром брали их и снова работали и так каждый день. Но в одно утро всё пошло не так, как обычно. А именно: из двух лошадей осталась одна, куда девалась рыжая кобыла не известно. Посмотрели вокруг не видно, у нас степь спрятаться негде, видно вокруг на километры. Ну что делать, косить-то надо, а то сено перестоит, тогда оно не нужно будет. Отец, сел верхом на лошадь и поехал в хутор докладывать председателю о происшествии. В правлении колхоза поднялся там-тарарам. Председатель кричал, говорил, что та рыжая кобыла у него на подотчёте под номером тринадцать, ей никак нельзя пропадать, ищите её, где хотите. Кобылу искали, искали, но так и не нашли. Отец и мама очень попереживали по этому поводу, если за кобылу заставят платить то чем рассчитываться, только отдавать корову, а что это значит, да то, что наша семья будет голодать, и ещё не известно, выживет ли она. Но, слава богу, всё обошлось как нельзя лучше, председатель это дело как-то замял и всё кончилось застольем. Но на этом, история с рыжей кобылой не закончилась.

Прошло месяца два, по переулку хутора едет бедарка, а в неё запряжена кобыла рыжей масти, а на бедке сидит мужчина и управляет лошадью. А в это время, на крыльце правления, сидели наш Андрей, Иван Рожок, соратник Андрея по поимке дезертира и ещё несколько ребят разного возраста. Как только бедка поравнялась с крыльцом, Иван увидел, что в бедку запряжена рыжая кобыла, ну точь-в-точь, как наша пропавшая, Иван говорит Андрею: «Смотри, Андрей, никак наша кобыла». Андрей, присмотрелся, прищурив глаза и говорит: «Точно, кобыла Рыжая, наша, а ну хлопцы, отбираем нашу кобылу». Хлопцы, как горох посыпались с крыльца, подскакивают к кобыле, хватают её под уздцы и кричат мужчине: «А ну, дядька, слезай цэ кобыла наша, вы её у нас украли, а теперь мы её возвращаем к себе». Подошёл к упряжке и Андрей, внимательно осмотрел лошадь, и сделал заключение: «Эта рыжая кобыла наша, и мы её у вас изымаем». Пока, Андрей делал это заявление, парни быстро распрягли кобылу и повели в конюшню. Мужчина сидит на бедке с вожжами в руках и шумно возмущается. А что теперь возмущаться, тягла-то уже нет. Как потом выяснилось, мужчина ехал из Калмыцкого

посёлка Чунус, как он назад добирался до своего дома, одному Богу известно. А тем временем, в конюшне осматривали кобылу и определяли, точно она наша или может быть нет и, возможно, произошла ошибка. Председатель колхоза, держит в руках амбарный журнал и говорит: «Ну, вот у меня тут написано, номер тринадцать рыжая кобыла, ну вот, всё сходится: и номер, и рыжая кобыла, выходит, ошибки нет, кобыла наша». Бригадир дал задание, чтобы завтра её в наряд на работу, хватит ей в конюшне валандаться, отдохнула и буде. Казалось бы, что на взгляд нашего председателя всё с рыжей кобылой ясно, но не будем торопиться с выводом, посмотрим, что будет дальше. На другой день, когда колхозники только собирались в бригаду, чтобы брать лошадей и ехать работать, к правлению колхоза подъехала бричка, в которой сидело трое мужчин, один из них был милиционер. Они поднялись на крыльцо к председателю нашего колхоза, какое-то время были там, затем вышли с нашим председателем и направились к конюшне, где стояла рыжая кобыла. Там начался спор, наш доказывает, тыча пальцем в журнал, что вот тринадцатый номер и вот она, рыжая кобыла, а их начальник, так же тычет пальцем в свой журнал и доказывает, что это их кобыла.

Спор длился долго, страсти горели, ни одна сторона не хотела уступать, казалось, этому не будет конца. Но, конец нашёлся. Милиционер, движением руки прекратил спор, а затем сказал: «Я — представитель власти, значит сторона нейтральная, и поэтому буду справедлив к обеим сторонам. По моим наблюдениям ни та, ни другая сторона не могли доказать, что лошадь принадлежит именно ей. Поэтому поступим по закону, согласно нормативным актам, предмет, и при этом он показал на лошадь, необходимо вернуть на место, где он был вначале, то есть в посёлок Чунус. Затем, каждая из сторон будет доказывать, кому принадлежит данный предмет, в данном случае лошадь. Если та или иная сторона докажет, что лошадь её, то, согласно нормативным документам, лошадь будет принадлежать ей».

Когда наш председатель, услышал такие слова как по закону и нормативные акты, то сразу притих, и больше не спорил, а в знак согласия что лошадь надо вернуть, только и произнёс: «Ну, раз по закону, да ещё и по нормативным актам, то оно конечно». Хотя сам, представления не имел, что это такое и с чем его едят. Просто в нашем хуторе до этого не было милиции, а такие слова как нормативные акты, слышали впервые, вот у человека и наступил ступор. Приехавшие, снова сели в кузов брички, и укатили в обратном направлении, не забыв прихватить с собой рыжую кобылу. На этом история с кобылой и закончилась, и больше о ней никто не вспоминал.

ПОТЕРЯННЫЙ ТАБУН

Я думал, пока буду вам рассказывать о рыжей кобыле, пурга на дворе прекратится, но нет, она дует ещё сильнее. Как там Иван? Нашёл ли он табун, и не заблудится ли в такой пурге, нам неизвестно, придётся ждать. Наступил вечер, а Ивана как не было, так и нет. Первая не выдержала Наташа, оделась и пошла в бригаду, через некоторое время приходит и говорит: «Ивана нет, табуна тоже, народ узнал об этом и уже собирается в бригаде». Тато встал со стульчика и начал одеваться. Одевшись, сказал: «Пойдём дочка, надо что-то делать».

Известие о том, что Иван потерялся с табуном, облетело весь хутор. Несмотря на непогоду, народ начал стягиваться к бригаде, чтобы узнать последние новости. Особенно была активна молодёжь, для неё это было, как вид развлечения. Зимой же делать нечего, а тут такое событие, как в нём не поучаствовать, все ринулись в место сбора. Собравшиеся колхозники, начали группироваться кучками: молодёжь отдельно, старшее поколение отдельно. Председатель вышел из конторы на крыльцо, его увидели собравшиеся, и начали предлагать всякие способы поисков. Такие как: развести костры, выслать дозор за хутор, а молодёжь настаивала, что надо идти пешком и искать Ивана, и табун. Председатель молча выслушал предложения, а затем сказал: «Куда вы пойдёте, вы посмотрите, что вокруг творится, — а вокруг творилась пурга, — да вы только за хутор выйдете и сразу потеряетесь, потом вас придётся искать. Нет, будем ждать до утра, а вот костры разжечь надо, может Иван их и увидит». Костры жгли за бригадным двором, со скирда таскали солому и жгли. Жгли, жгли, а Ивана нет, пол скирда сожгли, а результата никакого. Прошла беспокойная ночь, утром снег не шёл, но ветер дул приличный. Отец снова пошёл в бригаду, поговорил с председателем насчёт того, чтобы организовать поиски пропавшего Ивана и табуна.

Отправили двух всадников в степь, поехали ребята лет шестнадцати. К обеду снова начал собираться народ, всем не терпелось узнать, что-то новое. Но нового ничего не было, кроме того что двух всадников отправили на поиски. Народ, стоит, ёжится от холода, но не уходит, снова пошёл снег, подул сильный ветер. Теперь стали беспокоиться, как бы гонцы не потерялись. Но они не потерялись, а, вернулись без результата. Прошёл и этот день, а затем и ночь, от Ивана ни слуху, ни духу, где он и что с ним, одни догадки. А погода не унимается, снег то перестанет идти, то снова повалит, мороз не большой, минус 3–4 градуса, но

ветер продувает насквозь, и от этого было холодно. Дома предположения были всякие, одно страшнее другого. Думали, что за это время его и волки могли загрызть, и от такого мороза он давно уже замерз, а может, гнал табун, упал с лошади и его кони затоптали. Разговор на эту тему шёл между мамой и сестрой Наташей, Наташа выдвигала страшные идеи, а мама их как бы одобряла, словами, «может быть и такое». Наташа, молодая девушка, идей у неё полная голова. Страху на нас детей взрослые нагнали много, лично я уже представлял, как наш Иван борется с этими кровожадными волками. Отец, слушал их, молчал, молчал, затем говорит: «Ну что вы раскудахтались, если Иван будет с головой, то ничего с ним не случится. Потому что, верхового волк не тронет, он его боится, а не замёрзнет тогда, если пересядет на лошадь без седла, вот и всё вашим страшилкам». На третий день, народ снова стал собираться у конторы, снова начался стихийный митинг. От председателя требовали, немедленно принимать меры к поиску пропавшего табуна.

В сердцах вспомнили ему рыжую кобылу, и что такая потеря, как табун, будет посерьёзней, чем та кобыла. А что председатель мог сделать, как и все колхозники только ждать.

И только к концу третьего дня Иван с табуном прибыл в хутор. Я тоже там был и видел, как появился табун у Ласуновского колодца. За неимением своей зимней одежды, я оделся в Гришкину одежду, и был там, где собрался весь хуторской люд. Все стояли, судачили у здания правления, а я побежал на мостик, что у колодца, стою на нём и смотрю в сторону степи, откуда должен появиться табун и наш Иван. Стоял я там довольно долго, чувствую меня уже начал пробирать холод, но я стою, хочу первым увидеть наш табун. Уже было темно, и видимость была плохая, но я вглядываюсь вдаль до рези в глазах, а табуна всё нет и нет. И вот я увидел что какая — то чёрная стена движется посредине улицы в мою сторону. Я подумал, может это табун, но темно и различить отдельных лошадей не удаётся, и я решил ждать, если это табун, то они должны прибежать к колодцу лошади всегда так делают когда возвращаются из степи. Не прошло и двух минут как первые лошади уже пили воду, из корыта которую, для них приготовили заранее. Я вглядывался в темноту, чтобы увидеть нашего Ивана, но его пока не видно, да и табун ещё не весь пришёл, я подумал, что Иван будет ехать за табуном. Хотя я уже и прилично замёрз, но всё же решился дождаться Ивана, а потом побежать с радостной вестью домой. Первые лошади напились и шагом пошли в баз, и только тогда я услышал крик митингующего люда, что табун вернулся.

Сказать, что все обрадовались, значит, ничего ни сказать, по этому случаю в хуторе была и радость, и ликование. Все были рады, что такое долгое ожидание так хорошо закончилось. И Иван вернулся живой, и лошади все целые, что ещё надо для простого хуторского народа. Они, хуторяне, понимали, что могло закончиться гораздо хуже, поэтому и радовались. Брат, напоив лошадей, загнал табун в баз, а затем с активной группой хуторян, пришёл к нам домой. Народу набилась полная хата. Иван уселся на лавку за столом, вокруг него расселись остальные, кто пришёл к нам. По просьбе хуторян, брат начал рассказывать о своём приключении.

Я там тоже был и слышал рассказ Ивана. Всё описывать не буду, только вкратце. Рассказывать он начал с того что, когда он с хутора поехал за табуном, то ветер дул ему в спину.

— Значит домой надо возвращаться на ветер, — подумал я, — Так и сделал, собрал табун, развернул его на ветер и погнал. Думаю, до хутора километров пять, доскачем быстро. Гоню лошадей, для острастки, пугаю их арапником, резко взмахиваю им, и слышен звук, словно выстрел пистолета. Так проскакал я с табуном с полчаса, по идее, должен быть уже хутор, а его что-то не видно, а снег начал валить с удвоенной силой. Ну, ровным счётом, ничего не видно. Я уж и табун еле различаю, от такой скачки лошадь подо мной начала тяжело дышать, нет, думаю, надо притормозить. Перевёл свою лошадь на шаг, и табун перешёл шагом. Поехали шагом, потом, я заметил что ветер, почему то дует в левый бок. Подумал, что лошади сами незаметно повернули, начал их снова заворачивать на ветер. Но они никак не хотели поворачивать туда, куда я их направлял, но я всё-таки старался их завернуть и в конце-концов завернул на ветер и погнал рысью. Сколько так скакали, я не знаю, но пока я с табуном скакал, снег прекратился, и даже выглянула луна. Теперь мне хоть табун стало видно. Вижу, лошади покрылись паром, головы опустили вниз, это первый признак, что они устали и им требуется передышка. Сколько было часов, я не знаю, но, если судить по луне, то за полночь точно. Нет, думаю, так не пойдёт, таким способом как я делал, я и лошадей загоню и хутора не найду.

Решил закруглить табун, и ждать утра. Снова пошёл снег, а ветра, какое-то время не было, я воспользовался этим и поменял лошадь, чувствую что та, которая была под седлом, долго не выдержит. Погода снова начала лютовать, то шёл хоть один снег, а теперь к нему добавился ветер, да такой сильный, что чуть ли с лошади меня не сдувает. Чтобы не потерять табун, я поехал вокруг него. Объезжаю круг за кругом, чувствую, что стало

холодать, думаю надо среди лошадей искать тепло. Я это знаю, пастухи и табунщики, всегда так делают, как только начинают мёрзнуть, так сразу лезут в серёдку стада, а я полез в серёдку табуна. Постепенно пробираюсь, лошади боками прижались, друг к другу уже согрелись, а тут я лезу, да ещё за собой лошадь тащу. Они меня не пускают, я оттолкну одну из лошадей, она как бы посторониться, не успею я в эту щель залезть, как лошадь снова к соседней лошади прижмётся. Мучился я с ними, мучился, наконец, пробрался в серёдку, там от тел лошадей почувствовал тепло и я, даже задремал. Очнулся от того что ноги начали замерзать, думаю нет так дело не пойдёт, надо выбираться наружу, и там походить вокруг табуна. С каким трудом пробирался в серёдку табуна, с таким же трудом и наружу выбирался, выбрался и начал ходить вокруг лошадей. Обошёл раз, другой, хоть табун и небольшой, всего чуть больше тридцати лошадей, а круг получился приличный. Походил, походил, почувствовал, что ноги согрелись, да и усталость появилась, решил сесть на лошадь в седло, как только в него опустился, то через минуту пожалел о том, что сел в седло.

Седло от мороза так замёрзло, что я сразу почувствовал холод во всём теле. Нет, думаю, надо седло надеть на другую лошадь, а на этой буду ездить без седла, так будет теплей. Так и сделал, правда, с трудом, но всё же сделал. Сел на лошадь без седла, совсем другое дело, тепло лошади грело и меня. Потихоньку езжу на лошади вокруг табуна, жду утра, а оно все не настаёт, и погода никак ни унимается, но делать нечего надо ждать. Наконец, начало светлеть, затем всё сильнее и сильнее, и вот уже совсем свело. Снег перестал идти, ветер поутих, ну совсем хорошо вокруг видно, только вот где хутор неизвестно, вокруг на даль дальнею от снега бело, а вдалеке виднеется дымка. Вот и всё, куда гнать табун неизвестно. А табун не стал меня ждать, пока я разберусь куда ехать, он разбрёлся по степи, и начал пастись. А что, они действительно проголодались, я тоже голодный, но у них есть, что кушать, а у меня нет, я же не думал, что так долго задержусь в степи. Ладно, думаю, пускай поедят, а то за ночь проголодались, мою верховую тоже надо покормить. Слез с лошади, сделал длинный повод, и она начала пастись. Часа через три, думаю, надо двигаться, куда попадём, не знаю, но надо двигаться, а то если будем стоять на месте, то вообще никуда не попадём.

Размышлять над тем, куда двигаться долго не стал, вот думаю, куда лошади головами стоят туда и тронемся. Так и сделал, но на нашу беду опять пошёл снег, и подул ветер. Сразу вокруг стало темно, но я направление выбрал и никуда табун

поворачивать не стал. Кажется, и двигались не долго, вдруг потемнело, и, как я понял, день кончился, но нам останавливаться нельзя, надо двигаться дальше, и мы двигались. Двигались до тех пор, пока лошади сами не стали, отказались дальше идти, сбились в круг и приготовились на ночёвку. Ну, что же, ночевать так будем ночевать, наступит день, снова будем искать дорогу домой. Снова кружу верхом на лошади вокруг табуна, размышляю уже о завтрашнем дне, всё было как бы ни так плохо, вот только сильно кушать хочется. Поел немного снега, но сытости не почувствовал, ну ничего не сделаешь, придётся терпеть, как в таких случаях говорит моя мама: «Господь терпел и нам велел». Езжу по кругу, посматриваю по сторонам, как бы волки к табуну не подобрались, их вроде не видно, но вой я слышал, то ли волки, а может чабанские собаки. Так и езжу, посматриваю вокруг. Вдруг я заметил, что там вдалеке как бы сверкнул огонёк, думаю, что это, в самом деле огонёк или мне показалось. Начал туда всматриваться, но ничего не видно, наверное, показалось. Как бы убедил себя, что показалось, а сам все-равно туда смотрю.

К счастью, снег перестал идти, видимость стала лучше, и я увидел огонь, похожий на костер. В моей душе заиграла музыка, вот она наша надежда на спасение. Хотел поскакать туда один, но побоялся, что табун потом найти не смогу и поэтому разбудил лошадей и погнал на костёр. Костёр оказался недалеко, и я с табуном быстро до него доскакал. У костра оказался парень лет тридцати, познакомились, он оказался из Передового хутора, который находился в полутора километрах отсюда. Ничего себе думаю, куда меня занесло, это я километров двадцать с табуном отмахал, как же меня сюда занесло. А парень, которого звали Павел, говорит: «Да ты не расстраивайся, у нас переночуешь, а завтра в обратном направлении и будешь дома». Сидим у костра, Павел время от времени в костёр подбрасывает курай, чтобы огонь не погас. К костру подъехали два парня, верхом на лошадях, и пригнали бычка, который затерялся, спешились, Павел сказал: «Ну вот, теперь все в сборе, ставьте лошадей под навес, ты, Иван, свою лошадь, тоже туда, там она поест сено и хорошо в тепле отдохнёт, да пойдемте, поедим и отдыхать будем. Ты Иван, наверное, сильно проголодался, — и не дождавшись от меня ответа, продолжил, — ну ничего, у нас каша наваристая».

Утром, проснулся, не пойму где я, потом дошло, вышел на улицу, погода нормальная, ветер хоть и дул, но снега не было. Светло хорошо, я сытый, отдохнувший, ну прям, живи и радуйся. Мой табун разбрёлся по степи, пасётся недалеко, видно его хорошо, хлопцы погнали на выпас бычков, опять один Павел

сидел у костра. Я его поблагодарил за ужин и отдых, сел на свою отдохнувшую лошадь, собрал табун и домой. В гостях хоть и хорошо, а дома лучше. Вот и все мои приключения.

После того как Иван закончил свою длинную речь, ему начали задавать разные вопросы, такие как: «А волков ты видел». «Нет, — сказал брат, — волков не видел, вой слышал, а видеть не видел. Брехать не буду, чего не видел, того не видел». Спрашивали ещё что-то, но то были всякие мелкие вопросы. Постепенно народ начал расходиться, хата опустела, и только тогда принялись за ужин. Главное то, что после этого события Иван как-то изменился. До этого он молчун, из него слова не вытащишь, а теперь стал разговорчивый, со всеми здоровается за руку, по хутору ходит, гордо подняв голову, как бы стал героем одного сюжета. Но такое его состояние длилось недолго, недельку или две, не больше, затем снова всё вошло в своё русло.

Летом в этом же году Иван, почему то в будний день решил нарядиться и показаться хуторянам. Я его увидел, когда он вышел из наших ворот. Думаю, куда это Иван нарядный собрался, у нас в семье не принято было в рабочее время наряжаться, а Иван, почему-то нарушил этот запрет.

По этому поводу я ещё подумал: «Вот мама придёт, увидит нарядного Ивана и ему влетит по первое число». Иван ушёл демонстрировать хуторянам свой наряд, а я сижу на призьбе и за ним слежу. Он сначала пошёл в кузницу, но там никого не было чтобы на Ивана посмотреть, там был только кузнец и он работал, так что ему на Ивана смотреть было некогда. Тогда Иван отправился в клуб, но и там никого не было. Он вышел из клуба, стоит, смотрит по сторонам и не знает, куда бы ему пойти, чтобы его нарядного увидели. Потом он ушёл куда-то за клуб и я его потерял из виду.

К вечеру мама вернулась домой, спросила меня, поливал ли я перцы. Я ей сказал, что поливал, на что мама мне сказала: «Сынок, давай ещё его польём, а то он начал набирать цвет и поэтому ему требуется много воды». Мы с мамой поливаем, а в это время к нам во двор заходит нарядный Иван. Мама, как его увидела, сразу стала серьёзной, бросила поливать и пошла к Ивану, а по дороге прихватила свою верную спутницу. Подходит с палкой к Ивану и спрашивает у него: «А ты в честь чего это в будний день вырядился?» Иван маме гордо отвечает: «А что оно будет лежать в сундуке, вон опять идёт война, и скоро к нам придут и всё заберут, так что лучше самому износить одежду». Мама напряглась и думает, что же это за война о которой она не знает, но затем, чтобы уточнить, спрашивает у Ивана: «Яка война?» — «Та Вы чо ны чулы шо наши воюют з корейцами?»

Такой ответ маму разозлил, она, конечно, знала, что наши там воюют, но где Корея, а где мы. Её это ещё больше разозлило, и поэтому она поднимает палку в боевое положение, замахивается ею на Ивана со словами: «Да ты хоть знаешь, где находится Корея, а где мы? А ну сейчас же иди и переоденься, а то ты у меня вот этой палки получишь». Иван нехотя пошёл в хату переодеваться. На этом военные действия закончились в нашем дворе, да и в Корее они были не долго.

ИВАН — СВАДЕБНЫЙ КУЧЕР

Прошла прекрасная весна, а за ней и беспокойное лето. Наступила самая прекрасная пора, ранняя осень. Это время созревания овощных культур и фруктовых плодов. В наших краях их большое множество. Созрели бахчевые: дыни и арбузы, виноград, яблоки, груши, сливы и прочая вкуснятина. А ещё осень богатая свадьбами, весной и летом не женятся, так как жениться некогда, весной надо сеять, а летом убирать урожай. Ведь, как говорит русская пословица, летний день год кормит. Вот по этому принципу и живут селяне.

В один из таких осенних дней надумал жениться наш хуторянин, Михаил Зверев. В невесты он выбрал Любу Беленко, которая жила от нас через улицу. Для этой цели снарядили тачанку, а кучером он взял нашего Ивана, лучшего «погонялы» в нашем хуторе не было. Пришло время забирать невесту, Жених со своими дружками сидят на тачанке, а Иван управляет лошадями. Всей этой компанией заехали к нам во двор. Увидев меня, Иван сказал: «Сеня, подержи коней». Мне было тогда, лет двенадцать, но с лошадями я был, хорошо знаком, и поэтому с ними легко справлялся. А как же иначе, я же среди лошадей вырос. Я взял одну из лошадей под уздцы и стою, смотрю, что будет дальше. А дальше было то, что Иван с женихом и дружками ушли в хату, затем брат возвращается и несёт две «Чекушки» водки. Подошёл ко мне и, естественно, к лошадям и говорит: «На, подержи одну», и даёт мне бутылочку водки. Я, держу водку, а сам смотрю, что же будет Иван дальше делать. Он взял, одну из бутылочек, открыл её, поднял голову одной из лошадей верх, открыл ей рот и содержимое бутылочки вылил ей в горло. Лошадь сопротивляется, крутит головой, не хочет пить эту гадость, но деваться ей некуда, содержимое бутылочки вылито, и ей пришлось его проглотить. Содержимое другой, бутылочки, он таким же способом вылил в рот второй лошади. Пустые бутылочки бросил в мусорное ведро, которое стояло около летней печки, дал мне команду держать коней, а сам снова пошёл в хату. Я, стою, держу одного из коней под уздцы и начинаю замечать, что они оба начали нервничать, мотают головами, храпят, белки их глаз покраснели и сделались как бы больше. Мне это не понравилось, я кричу Ивану: «Иван, иди, бери своих коней, а то они стали какие-то бешенные». Иван, вышел из хаты со всей честной компанией, сели в тачанку, и выехали за наши ворота, остановились у ворот и смотрят, что там делает команда невесты. А там, у ворот невесты, это напротив нашего двора, команда

готовится, чтобы тачанку жениха бесплатно не пустить во двор к невесте.

Ворота закрыли, и на всю длину ворот разложили костер из соломы и курая. Увидели, что тачанка жениха выехала за ворота, начали бесноваться, прыгают, руками машут и кричат: «Ну, что ты Иван не едешь, боишься, давай, езжай, мы тебя вместе с женихом поджарим». Одним словом всячески старались Ивана раздразнить. Мол, он расстроится, сорвётся и во двор невесты не проедет, а мы получим выкуп за невесту. Жених говорит Ивану: «Всё Иван, туда мы не прорвёмся, придётся раскошеливаться, иначе никак, лошади на огонь не пойдут» — «Мои кони, пойдут и на огонь», — сказал Иван. — «А ворота?» — возразил жених Михаил. «Разнесу в щепки», — заявил Иван.

Пока кучер с женихом рассуждали, как им преодолевать огненную преграду, стражи невесты не теряли время даром, подбрасывали в огонь, всё новые и новые порции топлива. Костёр горел, стража радовалась, предвкушая с жениха получить выпивку и закуску. В это время к воротам подошла тетя Ульяна, мать невесты, увидела, что ворота закрыты, закричала на дружек невесты: «Вы шо, бисовы диты делаете, хотите, чтобы Иван разломал мне вороты, вин такый сумасшедший, что от моих ворот останутся одни щепки, как мне тогда быть без ворот, вы подумали, нет, так делать не надо». Открыла ворота, привязала их столбику и наказала ворота ни зачинять. Иван, увидел, что тётя Ульяна ворота открыла, а охрана невесты стоит в растерянности от того, что надежда на выкуп сильно поубавилась. Иван понял, что лучшего момента для взятия крепости невесты и желать не надо. Он, с такой силой гикнул на коней, что те встали на дыбы, а затем так рванули, что жених с дружками чуть с тачанки не вылетели. Лошади, не обращая внимания на огонь, пролетели через огненную преграду с такой скоростью, что от костра только искры, полетели в разные стороны.

Упряжка на скорости залетела во двор невесты, затем Иван остановил тачанку, жених с дружками бесплатно пошли к невесте в хату, а мой брат остался у тачанки. Жених, Михаил Зверев, зовёт Ивана в хату на невесту посмотреть, а Иван ему отвечает: «Та, что на нэи дывыться, шо я Любку Беленкову ны бачив чи шо, насмотрелся я на неё достаточно, напротив нас жэвэ». А тем временем, стражи невесты не получив выкупа, пришли во двор высказать Ивану свои претензии. Их возмущению не было придела. Как же, такая была надежда на выкуп и Иван всё им испортил. Во дворе подошли к Ивану и говорят ему: «Иван, ты, что же это, проехал через заставу не по правилам, ты должен был остановиться, подать нам выпивку и закуску, а потом уж

проезжать, а так, как ты, на свадьбе никто не делает, веди нас к жениху, пускай угощает».

Угощал их жених или нет, мне это не известно и поэтому писать не буду. Дальше свадьба шла своим чередом, а мы с вами с ней прощаемся и переходим к другому повествованию.

О ТОМ, КАК ИВАН ЖЕНИЛСЯ

Несмотря на то, что Иван был молчун, он каким-то образом сумел четыре раза жениться.

Первой женой у него была Валентина из соседнего села Бурукшун. Иван, по совету родителей, решил поменять профессию и поехал учиться в Бурукшун на тракториста. Там же он и познакомился со своей первой женой Валентиной. Я в то время учился в школе в Ипатово и поэтому не знаю, какая была свадьба и как Иван и Валентина жили. Когда я приехал летом на каникулы, Валентины у нас уже не было, они с моим братом разошлись, по какой причине я точно не знаю, но по разговорам в семье, я понял, что причиной их развода была наша мама. Как я уже писал, наша мама по натуре домострой, требовала от всех, особенно от невесты Ивана, чтобы всё в семье делалось по её правилам и только. Кто отступал от её правил, тому влетало по первое число, и не в дипломатической форме. Как я понял по разговорам, Валентине попадало чаще всех, вот она не выдержала и ушла. Затем Иван женился на Паше из того же села. Это было летом, я в это время был дома на каникулах и хорошо помню ту свадьбу. И сейчас вкратце опишу, как это было.

С утра в нашем дворе шли приготовления к свадьбе, мама с Наташей, ещё какие-то женщины бегали по двору, что-то готовили. Наконец жених, то бишь, Иван, со своими дружками собрались ехать за невестой. Жених со старшим дружкой, Иваном Звадой, по кличке «Барыга», шли во главе толпы, которая сопровождала жениха. Все были нарядно одетые, нарядно это конечно громко сказано, но одеты были в чистую одежду. У всей команды жениха, были повязаны через плечо, большие платки, а у дружки на руках, выше локтя, были повязаны косынки, такие как у женщин на голове, когда они ходят в церковь. В фуражки за ремешок, а также в нагрудный карман пиджака, воткнуты цветки, неважно какие, лишь бы они были, это считалось красиво. Сбруя лошадей украшена всякими ленточками, сделанными из цветных тканей, в основном из ситца, так как другой ткани просто не было. Ко двору подъехала тачанка, на которой поедут, жених с дружками, а за остальными невеста прислала бричку. Тато и мама не поехали, сказали, что будут ждать молодых дома. Из близких родственников поехал только я. Мне не хотелось из дома уезжать, но мама сказала, что надо, и я согласился, о чём потом очень жалел.

Мне было тогда четырнадцать лет и я хотел поехать в тачанке рядом женихом, подавал ему знаки, мол, возьми меня к себе. Но

надо знать нашего Ивана, он, когда в центре внимания, то никого не видит и не слышит, стоит или сидит, гордо подняв голову вверх, вот так он и меня не заметил.

Так что, меня затолкали в задок брички, я там трясся до самого дома невесты в Бурукшуне. Погода была дождливая, всю дорогу нас мочил дождь, я ругал себя, что согласился ехать туда, вся эта свадьба, весь этот гомон вокруг жениха мне был не интересен. Трясусь в задке и думаю, ну что Иван из себя изображает, прям такая особа, а на самом деле обыкновенный колхозник из которого и слова не вытянешь. А главный дружка у него, такой же молчун, как и наш Иван, они, между прочим, по жизни дружили. Бывало, придёт к нам во двор, этот самый дружка, Иван Звада, в гости, сядут с моим братом на скамейке и сидят молча. Посидят, посидят, затем Звада говорит: «Ну, я пошёл», встаёт, вслед за ним встаёт и наш Иван, в знак согласия молча кивает ему головой, и тот уходит. Я смотрел на них и не понимал, ну что это за дружба, если они друг другу не говорят ни слова. А приходил Звада почти каждый день, и всегда они молча сидели, и наш Иван ходил к Ивану Зваде в гости, и там они молча сидели на завалинке. Вот такая молчаливая дружба. Сначала хуторяне удивлялись их молчаливой дружбе, а потом привыкли и не стали на них обращать внимания. А теперь эти два молчуна — главные персоны на этом празднике.

Кавалькада из двух упряжек движется по грейдеру, как нарочно накануне прошли сильные дожди, да и сейчас ещё моросил грибной дождь. Земля на дороге раскисла, стала грязной, грязь из под копыт лошадей и колес телеги летела вовсе стороны. Лошадям тащить бричку тяжело, ноги по грязи у них разъезжаются в разные стороны, то гляди упадут. Сижу в своём заднем уголке и думаю: «И ради чего такие мучения? Для людей и, особенно, для лошадей, ведь Иван уже был женат и, наверное, тогда было что-то подобное организовано, и что толку, разошлись, возможно, и сейчас так будет».

За моими рассуждениями, незаметно приехали ко двору невесты. Толпа разношерстных людей со стороны невесты, окружила тачанку и жениха из неё не выпускают — требуют выкуп. На тех, что приехали в бричке, даже не обратили внимания, ну приехали и хорошо, будет видимость грандиозного праздника. Возчик брички, как только нас высадил, сразу, куда-то уехал, и остались мы без транспорта. Наконец, жених двинулся в хату к невесте, вся его «свита» тоже туда подалась, хата малая, тесная, кто мог, туда залез, а остальные остались во дворе.

Я толкаться не хотел и стоял в сторонке. Вдруг, ко мне подходит одна из женщин, которая ехала в бричке, и говорит:

«Сеня, а ты что тут стоишь, пойдём в хату, там же твой брат женится». Взяла меня за руку и потащила сквозь толпу к столу, где восседал жених. Смотрю, Иван сидит за столом, уставленным всякой едой, рядом с ним сидят: справа, дружка Иван Звада, а слева невеста, такая довольно симпатичная, с фатой на голове. Наш Иван сидит, гордо подняв голову, всем своим видом как бы показывая, вот я какой красавиц, какую себе жену отхватил, завидуйте мне, и вообще я здесь главный. В хате все, почему-то шумели, говорили, смеялись, один наш Иван, как обычно, молчал. Я тоже стоял молча и смотрел не на молодых, а на стол, и думал, когда же нас пригласят за стол, уж больно есть хотелось. Но, вместо того чтобы пригласить, за стол, нас дружно начали выталкивать на улицу. Я упирался, пытался объяснить, что я брат жениха, но меня никто не слушал, и я со всеми лишними оказался во дворе. Затем из хаты вышла какая-то женщина и выпроводила нас за ворота.

За воротами оказались те хуторяне, которые приехали на бричке, и они поняли, что на этом празднике они лишние. Тогда возмущённые таким невежеством люди, стали требовать бричку, чтобы уехать домой в хутор. Но брички мы не получили, и поэтому все пешком отправились восвояси, по дороге проклиная и жениха, и невесту, и такую свадьбу. Пошли по короткой дороге, что идёт возле нашей южной кошары. Идти было и далеко, да ещё и по грязи — мне с трудом давался каждый шаг. Как только прошли кошару, я отстал от остальных хуторян и семь километров по грязи шёл один, так как все были взрослые и у них было больше сил, а я в этой толпе был один подросток. Я даже сейчас помню, как я тогда шёл. Сначала я шёл по дороге, но грязь так налипала на ботинки, что идти было не возможно, я то и дело останавливался, чтобы отдохнуть. Затем я решил идти по целине, там растет полынь и идти стало легче, но все равно я останавливался и отдыхал. Я тогда не знал, почему меня покинули силы. Думал, возможно, в этом виновата грязь, которая навязчиво прилипает к моим ботинкам, может, виноват этот противный дождь, который постоянно моросит. А может, виноват Иван, что со мной, своим братом, так не тактично поступил. В то время я так и не разобрался, и только сейчас, когда пишу эту книгу, я понял, что виноват был голод. Ведь солнце уже повернуло к закату, а я, как утром похлебал будан без хлеба, так больше во рту и крошки не было. Запас энергии, который был в организме, иссяк, а больше взять неоткуда, будан пища не калорийная, да и давно это было. В общем, бензин кончился. Я пришёл домой уставший и весь в грязи, а скоро молодые приедут, а я в таком виде, позор, да и только. Я решил себя привести в

порядок, подошёл к кадушке с водой, снял штаны, и давай их стирать. Меня, с голой этой, увидела сестра Наташа и говорит мне: «Сеня, а ты что же без штанов?» «Так мои штаны грязные, вот я их и стираю, а других у меня нет», — говорю Наташе.

Наташа пошла, принесла мне Гришкины штаны, в них я и сел поесть у летней печки. Сижу, кушаю борщ с хлебом, смотрю, во двор входит жених с невестой и все остальные, я от них демонстративно отвернулся, думаю, пусть им будет стыдно, что они со мной так поступили. Но, к сожалению, моей демонстрации, никто так и не заметил, а жаль.

Позже, когда Паша жила у нас, я часто с ней общался, и она меня как-то спросила: «Сеня, а ты на нашей свадьбе был?» — «Да, — ответил я и добавил, — я очень хотел посмотреть, как празднуется свадьба, да и есть мне очень хотелось, но меня из хаты выгнали» — «Как мне жалко, что так получилось, ты меня прости, я ведь тебя тогда не знала». Мне Паша очень нравилась, не скажу, что она была красавица, но по характеру она была добрейшим человеком. В крайнем случае, ко мне она относилась именно так. К сожалению, Иван с Пашей прожили недолго, разошлись, всё по той же причине, что и с Валентиной. После того как Паша ушла, Иван долго переживал, наверное, она ему очень нравилась, но причиной всему была наша мама, а маме Иван возразить не мог.

Как-то Иван сидел на завалинке, грустный, наверное, тосковал о Паше. Я подошёл к нему, сел рядом и говорю: «Иван, а почему Паша ушла от нас?» Он, молчал, наверное, соображал, что ответить. Затем сказал: «Не знаю, наверное, что-то не понравилось» — «Иван, но тебе же без неё плохо, ты переживаешь, она же тебя звала с собой в Бурукшун, что же ты с ней не пошёл?» — пытался я достучаться до него. Он ещё немного помолчал, затем ответил вопросом, на мой вопрос. «А шо, по-твоему, я должен бросить мать и идти с ней, запомни, маты одна, а жён много». Иван встал и ушёл. А я на этот счёт подумал: «Нет, Ваня, это не твои слова, эти слова чужие их в твою голову вбили, и что из этого выйдет, я не знаю». Позже Паше её старшие братья построили хату в Бурукшуне, она приезжала в хутор и звала Ивана к себе жить, но он, почему-то не пошёл, а зря.

По моему мнению, его Паша любила, и он её любил, и у них мог получиться хороший союз. Он по характеру молчун, а она наоборот, говорливая деловая женщина, как раз то, что надо, но не сложилось, а жаль. Потом я уехал из хутора на целых четыре года и о судьбе брата Ивана мало что знал. Но когда в 1958 году, я приехал в отпуск к родителям на хутор, Иван жил дома один, не женат. Ну не женат, так не женат, я этому не придал особого

значения, подумал, что после Паши он ни на ком и не женился. Но нет.

Как-то в выходной, я пошёл в хуторской клуб посмотреть школьную самодеятельность. Стою я в конце зала, смотрю то, что показывают. Стою и чувствую, что кто-то меня трогает за локоть, я повернулся, смотрю, Рая Кошевая, та, что Афанасьевна. Она конечно за эти четыре года сильно изменилась, как-то повзрослела и пополнела. Приглашает меня выйти на улицу. Вышли, стали у стены клуба и она мне говорит: «Сеня, ты, конечно, долго не был в хуторе и не знаешь какие тут прошли изменения. Так я тебе скажу, что я была замужем за твоим братом Иваном». Меня эта новость сильно удивила тем, что Раю я знал по школе, и вдруг за нашего Ивана замуж. Но я не показал вида и продолжил её слушать. А она продолжала рассказывать: «Ты же знаешь Сеня, у вас семья большая, и мне было там очень тяжело, и мы с Иваном расстались». На это я ей ответил: «Рая, а когда ты собралась выходить замуж за Ивана, разве ты не знала что у нас такая большая семья» — «Да знала, но я не думала, что так будет тяжело, но и мне надо было выходить замуж, я же не хочу, как другие остаться в девках. А тут Иван со своим предложением. Ну что, думаю, отказываться, надо соглашаться, хороших-то парней девки всех разобрали, остались только такие, как ваш Иван, — сказала и тут же спохватилась, — нет, ты не подумай, что я о нём говорю плохо, ну просто он уже был женат, вот за этого». Пока она говорила, я думал о том, как у неё спросить о том, как они сошлись с моим братом, другого слова я подобрать не мог. Если спросить познакомились, то в хуторе все знакомы друг с другом в большей или меньшей мере с самого детства. А слово сошлись, довольно часто применялось в таких случаях. И я спросил: «Рая, а скажи ты мне, как вы с Иваном сошлись, ведь он такой молчун?» — «О, Сеня, — ответила мне она, для этого много слов не надо, надо только чтобы двое понимали друг друга. Мы уже долго с ней стояли в уединении, и люди на нас стали обращать внимание, и я сказал Рае: «Пойдём в клуб, а то уже неудобно от людей». В клубе я ещё немного постоял, а затем незаметно ушёл домой.

Подхожу к дому, смотрю, Иван сидит у хаты, на призьбе, в белой рубашке, как будто собрался, куда-то идти, и передумал. Я сажусь с ним рядом, и спрашиваю: «А почему ты не пошёл в клуб?» — «А шо там делать, дывиться на детишек, як оны прыгают, так я и во дворе на них насмотрелся, ныхай дывятся ти хто их ны бачив», — «Ваня (так ласково в семье, да и в хуторе, только я его называл), а почему ты мне не сказал, то, что ты был женат на Рае Кошевой?» — спросил я у него. — «А ты меня и не спрашивал», — коротко ответил он. — «Ваня, ну я же этого не

знал, как я мог об этом спросить», — оправдывался я перед ним. — «Ну, вот теперь знаешь», — сказал, встал и ушёл.

Вот так я поговорил с братом. По всему было видно, что для него эта тема болезненная, а тут ещё я со своими дурацкими расспросами. Больше я этой темы не касался. Зачем? И так всё понятно.

Гораздо позже, Иван, вдруг, а может и не вдруг, мне это неизвестно, решил переехать жить и работать в Ипатово. Работал он там, в автоколонне трактористом, там же работал и наш Григорий, наверное, он его туда и устроил. Там же Иван познакомился с женщиной, которая работала там кладовщиком. И началась их совместная жизнь. Как он там жил я, разумеется, не знаю, но могу представить по одной случайной встрече.

Как-то, в очередной ра, з я приехал к родителям на побывку, они тогда жили у Наташи в Джалге. Автобус из Джалги уходил один раз в сутки, в 14 часов, а поезд у меня отходил из станции Винодельная в 22 часа. Времени у меня в Ипатово было больше чем надо, и я решил его «убить», болтаясь по базару. Хожу по торговым рядам, смотрю, что люди продают, хотя мне ничего не надо было и вдруг вижу одинокую мужскую фигуру, которая стоит среди пыльной базарной площади, обдуваемая пыльным ветром. У меня было такое видение, что эта мужская особь, как бы потерялась, стоит одиноко в этой пыли и не знает, что делать. Мне показалось, что это наш Иван. Стоит, один, сиротливо, как будто этот человек с другой планеты и здесь у него нет ни одного знакомого человека. Я, подумал, неужели это наш Иван и решил подойти, присмотреться к нему. Подхожу к нему, действительно мой брат Иван, поздоровался с ним за руку и спрашиваю у него:

— Ваня, а почему ты здесь стоишь один, обдуваемый ветром?

— Да вот, — говорит, — жду Лену с её сыном.

Главное то, что и поздоровался и ответил он мне, так буднично, как будто мы с ним вчера расстались, а ведь не виделись мы с ним шесть лет. Я, уже знал что Лена, это та женщина, с которой он живёт. Я спросил у него: «Как твои дела?» — «Та пойдёт», — ответил он. Вот эту фразу «та пойдёт», я слышал от него и раньше, в хуторе от родных, затем от Наташи в Джалге, и в Бурукшуне, да и в селе Московском от сестры Раи. Что это выражение обозначает, я никак понять не мог. «Та пойдёт» — куда пойдёт, зачем пойдёт, к кому пойдёт, не понятно. Я, пытался это выяснить у брата, а он мне ответил так: «Та все так говорят, и я так говорю». Вот и всё объяснение. Через некоторое время к нам подошла женщина средних лет, средней полноты и такой же внешности. Она у Ивана спросила, с кем он стоит. Брат объяснил ей, что стоит он с братом Сеней, который приехал в

гости к родителям из Сибири. Она, меня так откровенно, осмотрела с ног до головы, видно во мне ничего интересного не нашла, затем наклонила голову и начала свой монолог. Начала мне жаловаться на свою судьбу, на неустроенность, на то, что Иван ей по дому не помогает и многое, многое другое.

Как только она начала говорить, Иван с мальчишкой, сразу отошли в сторону, метров на пять, отвернулись к нам спиной и стоят, тихонько о чём-то разговаривают. Глядя на них я подумал о том, что этот монолог, который сейчас говорит мне эта женщина, наверное, они его слышат не впервые, и им он порядочно надоел. Я же стоял и слушал её причитания, возможно, она всем своим знакомым с такими разговорами надоела и её уже никто не слушает, а тут новый человек, дай я ему все выложу. Слушал её, слушал, потом мне всё это надоело и я ей говорю: «Зачем Вы все это мне говорите, ведь Вы осуждаете моего родного брата и рассказываете о нем такое, что мне стыдно за Вас. Я своего брата Ивана знаю с детства, и он никогда таким, как Вы говорите, не был. Он всегда был честным, трудолюбивым, порядочным человеком и я Вам не верю, что он изменился и больше никому так о нем не говорите, Вы на него просто клевещите». После моего высказывания, она на меня пристально посмотрела, видно, что такое замечание, на её причитания, ей пришлось слышать впервые.

Затем, не говоря мне ни слова, переложила свою тяжёлую, кирзовую сумку в другую руку, и пошла, позвав за собой Ивана и мальчишку. Иван с мальчиком нехотя потянулись за ней, но я остановил брата, чтобы попрощаться. Он остановился, я подошёл к нему, протянул правую руку, а левой рукой, приобнял Ивана за плечо. Он тоже подал мне свою руку, но обнимать меня не стал, так как не любил такие сантименты. Я держу брата за руку, а сам вглядываюсь в его лицо, оно загорелое, почти чёрное и очень худое, щёки ввалились, глаза видны в глубине чёрными точками, кадык на шее торчит и, время от времени, двигается то вверх, то вниз. «Да, Ваня, — говорю ему, — видно нелёгкая у тебя жизнь, но я все-равно очень рад, что тебя встретил. Из всех братьев, да и сестер тоже, ты мне дороже всех, я там, в далёкой Сибири, часто о тебе вспоминаю, желаю, чтобы в дальнейшем тебе жилось лучше, чем сейчас». Мои слова брата тронули за живое, у него на глазах появились слёзы, он ещё ниже опустил голову, чтобы скрыть их от меня, и я чтобы его не смущать сказал ему: «Иди, Ваня, тебя ждут Лена и её сын». Иван ещё, какое то время стоял со мной, по всему было видно, что он ещё хотел общаться со мной, но его уже ждали и я ему сказал: «Ваня, иди, а то тебя ждут, прощай говорить не буду, возможно, ещё увидимся, так что, до свидания».

Иван, молча повернулся и пошёл к своей семье, я смотрел ему в след, он шёл, опустив голову, слегка сгорбившись. Мне было жалко его до слёз, ведь тогда он был ещё не старый мужчина. Но, что я мог для него сделать, если бы я жил в Ипатово, то, возможно, что-то придумал бы, а то, я сегодня уеду и вернусь года через три. С братом Иваном я встречался ещё в 1980 году, когда хоронили нашего отца. Там тоже он держался как-то в стороне, я подходил к нему, что-бы поговорить, но он в разговор со мной не вступал, больше молчал. После похорон он неожиданно, исчез, наверное, уехал на автобусе, не попрощавшись со мной. Больше живым я брата Ивана не видел. Я ещё приезжал весной 1985 года, но в то время Вани в живых уже не было. Я расспрашивал у племянника Лёньки, как это произошло. Он это знал, так как они работали на одной автобазе. Рассказывал, что в последнее время, месяца два или три, Иван жаловался, что у него болит голова и сердце. Болело, но он не лечился, а всё ходил на работу. В один, день пришёл, завел трактор, сел в него и там умер. Вот так не стало моего родного брата Вани. Лёнька пытался мне объяснить, что он советовал Ивану, как в этом случае поступить, то есть, бросить трактор и не работать. На что я ему ответил: «Лечить его надо было, а не советы давать, ты же знаешь, что Иван сам в больницу не пойдёт, его надо туда за руку привести и врачам сказать, что у него болит, а ты этого не сделал, да и Григорий там же рядом был, почему вы этого не сделали. Если бы вы вовремя его начали лечить, он бы сегодня был с нами. Лечить Лёня надо было, а не советы давать».

Я думаю, что Ивану не надо было уезжать из родных мест. Человек он необщительный, трудно сходится с людьми, а село Ипатово, в то время было уже полугород и люди там говорили, в основном, на русском языке, и ему с его хохлацким языком, трудно было вжиться в новую среду, а это давило на психику. Не знаю, что его туда потянуло, возможно, погнался за братьями, Андреем и Григорием, а может очередная жена захотела городской жизни, но факт остаётся один — Иван попал не в свою среду, и он там не жил, а доживал, и поэтому и конец был такой. На этом я заканчиваю писать о брате Иване, но мы с ним не прощаемся, в дальнейшем мы с ним ещё встретимся.

ДОЧЬ, ЛИДИЯ КОНДРАТЬЕВНА

Следующий мой рассказ будет короткий, я напишу о своей сестрёнке Лиде, которая умерла, когда ей было шесть лет.

Лида родилась в 1930 году, а вот когда она умерла, толком никто и не помнит. Мама и старшая сестра Наташа долго выясняли, когда же Лида умерла и, наконец, сошлись в том, что умерла она в то время, когда мне уже было как бы год, значит, Лида умерла в 1936 году. Ну, хорошо, так и запишем, 1936 год, а чтобы мои родные запомнили месяц, и число, так это уже из области фантастики. Как я понял, они тогда действовали по принципу «с глаз долой, из сердца вон». А разборки о Лиде начались тогда, когда я в очередной раз приехал к родителям в гости. Было это в 1971 году, мне тогда было 36 лет. Сидели во дворе ещё в хуторе, отец, мама, Наташа и я, остальные дети уже разлетелись в разные стороны. Я, как всегда, в очередной раз, пытался у мамы узнать подробности о нашей семье, и спрашиваю у неё: «Скажите, мама, а кроме тех живых детей нашей семьи, ещё был кто-то?» Мама буднично ответила: «Та булы, но они умерли в младенчестве, так что про них и говорить нечего, да и давно это было». Тут вмешалась Наташа: «Як же, мамо, умерли в младенчестве, а Лида? Ей же было шесть лет, я же помню, как я с ней играла, и когда она заболела, а потом и умерла, я очень сильно плакала, помню и ночью просыпалась и плакала». С таким доводом мама согласилась, действительно, Лида была уже большенькая и её было жалко, ну шо зробэш, Бог дав, Бог взяв, вот такое было её заключение. Главное то, что меня, мягко говоря, удивило, что с таким заключением молча соглашались и Наташа, которая сидела рядом со мной, и отец, который сидел чуть подальше и тоже, в знак согласия с мамой, кивал головой. Они сидели, наклонив головы, и молча ими кивали. Я же не унимался и пытался докопаться до истины, но то, что я узнал, так лучше бы я и не узнавал.

А было это так. Я с возмущением стал говорить родителям, и в частности маме, говорю ей: «Как же так, ребёнок болеет, и вы никаких мер не принимаете, ведь рядом село Джалга, в котором находится больница, они бы могли оказать помощь, возможно у неё просто было воспаление лёгких. Это заболевание тогда легко лечилось». Когда моя возмутительная речь достигла апогея, меня мама решила остановить и в сердцах сказала: «Ну, шо ты разошёлся, а як ты манэнький, наверное, тебе было лет пять, болел, целый месяц лежал на лежанке ничего не ел, только просил пить. Бувало копаемся на огороде, я кажу Натане, сходи,

посмотри, живой Сеня чи уже умэр. Шо тэпэр робыть, тут ничего не сделаешь, як господь распорядится так и будет».

Я, прожив уже 36 лет, об этом слышал впервые, что я в детстве болел и чуть не умер.

Я своим ушам не поверил, моя мама говорит, что они ждали моей смерти. Чтобы убедиться окончательно, я спрашиваю у сестры Наташи: «Наташа, это, правда то, что мама говорит?» Наташа подтвердила, что она ходила и смотрела, как там маленький Сеня, жив он или умер. После её слов моему возмущению не было предела. Я поднялся со скамейки, на которой до этого сидел, и спрашиваю у родителей: «Как же так можно, ваш маленький ребёнок помирает, а вы спокойно копаетесь в огороде. Скажите мне, как это правильно назвать, издевательство над своим ребёнком или это настоящее изуверство. Маленькое дитя лежит, корчится от боли, и вы не принимаете ни каких мер, вы ждёте, когда он умрёт от болей. Вы знаете, на что это похоже? Так издевались только фашисты над нашими пленными. Но вы же не фашисты, так почему вы не принимали ни каких мер чтобы облегчить моё страдание. Вот Вы, тато, молчите, а ведь это было в то время, когда вы работали кучером, и в вашем распоряжении была пара гнедых и тачанка. Так почему Вы не отвезли эту малютку в больницу в Джалгу или в Ипатово. Ведь для этого надо считанные часы, а ребёнок лежал и корчился от боли целый месяц. Жестокие вы люди. Ещё говорите, Бог дал, Бог взял. Нечего на Бога валить, если вы сами доводите до смерти ребёнка. Вам мало было того что вы угробили Лиду так надо было туда закопать и Сеню. Я не верю, что ничего нельзя было сделать, чтобы спасти Лиду и вовремя вылечить меня. Если человек захочет, то он сделает всё. Если бы такое произошло с моим сыном Андрюшей, то я бы взял его на руки и бежал бы бегом до самой Джалги, а там, всех бы поставил на ноги, что бы они спасли моего сына. А вы, наши родители, Лиды и мои, ничего не делали, видать смерть детей вам была выгодна. Жестокие вы люди я не могу находиться с такими людьми рядом.

Во время моего монолога родители не проронили ни слова, Наташа тоже сидела и молчала. Затем я пошёл в хату, взял свою спортивную сумку и пешком пошёл до Бурукшуна, там подождал автобус и уехал в Ипатово, а затем на поезде уехал в Кемерово. Учитывая то, что я человек по натуре вспыльчивый, но и отходчивый, поэтому позже я всё переосмыслил и, в какой-то степени, своих родителей простил, но осадок, как говорится, остался. А что касается Лиды, так её и могилка затерялась, то есть сравнялась с землёй.

ФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ «БОГ ДАЛ, БОГ ВЗЯЛ»

И ещё о могилке Лиды. Когда я написал слова «могилка затерялась», то вспомнил такой случай. Как-то в году 43 или 44 прошлого века, мы с мамой на пасху пошли на могилки. В этот праздник все хуторяне ходили на кладбище, правда в основном старухи и дети, мужчины и молодёжь в этом мероприятии практически не участвовала. В то время хуторское кладбище представлялось таким. Десятка два или три холмиков, заросшие зелёной травой, и при них деревянные кресты, почерневшие от времени. Пришли мы с мамой на могилки (у нас на хуторе говорили, идти не на кладбище, а на могилки), остановились у крайней могилки, мама перекрестилась и говорит: «Здесь похоронена моя мама, а твоя бабушка Пастелина, давай помянём её». Я уже знал, как поминают усопших и сразу перед могилкой стал на колени. Мама тоже стала на колени, достала из узелка крашеное куриное яйцо и мы с ней начали его катать через холмик могилки. Она через холмик покатит яйцо мне, а затем таким же способом я ей, и так раза три или четыре. Когда процедура заканчивается мама отдаёт мне яйцо. Так делали не только мы, так делали все, кто пришёл на могилки, и при том не важно, родственник, участник процесса, или нет, яйцо все-равно вручалось. Так вот. Как только мы закончили поминание бабушки Пастелины, мама мне говорит: «Пойдём теперь найдём могилку Лиды». Мы с мамой долго ходили по кладбищу, но так могилки Лиды и не нашли. Мама сказала: «Наверное, она заросла травой и теперь её не найти». А ведь прошло всего 8–9 лет. Вот бабы Пастелины могилка не заросла травой, а Лидина, почему-то заросла. Я теперь сам себя спрашиваю, почему так получилось? И сам же себе отвечаю. Да потому что за бабушкиной могилой смотрели семья Ласуновых, а за Лидиной могилкой никто не смотрел. Я не могу объяснить причину такого отношения нашей семьи к своим родным, тем более к детям.

Давайте с вами пофилософствуем на эту тему. Мне кажется, что причиной всему вот эта фраза, «Бог дал, Бог взял». Кстати сказать, эту фразу я в хуторе слышал не только от моих родителей, но и других хуторян. Откуда взялась эта фраза? Я, конечно, точно не знаю но, на мой взгляд, она пришла к нам с тех далёких времен.

Ведь как было раньше, люди жили и до моего детства, а в нашем хуторе, и в моё детство. Днём люди работали, вечером

собирались дома, ужинали, обсуждали прошедший день, солнце зашло, стало темно, света-радио-телевидения не было, больше занять себя нечем, значит надо ложиться спать. В постель легли молодые, здоровые люди, до утра далеко, что делать?

Вот именно, то, что вы подумали. В то время условия для размножения были идеальны, приспособлений от зачатия не было, вот и рожали, столько, сколько получится. А каждый ребёнок в семье — это дополнительный едок, а с едой было ой, как не просто. Поэтому те родители, у которых были уже дети, и если родился восьмой или девятый ребёнок, а не дай бог дцатый, и если он заболел, то они ничего не делали для его спасения. А в оправдание таких действий себе говорили: «Тут не знаешь, как эту ораву прокормить, а ещё этот вылупился». Продолжали спокойно жить, если была работа, то работать, а для спасения ребёнка никаких мер не принимали, мол, выживет, то пусть живёт, а не выживет, то тут ничего не сделаешь. Но ребёнок умер и от людей такое событие не утаишь, вот селяне, при встрече с горе-родителями интересуются у них, как же так получилось, что ваш ребёнок умер, ведь он, был уже большенький, бегал с нашими детьми играл и вдруг его не стало. Да вот так получилось, нычого ны зробэш, отвечают родители, заховалы мы ёго. На этом как бы разговор заканчивался. Но обратите внимание, какая формулировка, придуманная изощрённым умом, не похоронили на кладбище, а заховалы, то есть спрятали. Конечно, слово спрятали, звучит приличнее, чем закопали в землю, а слово заховалы означает, что спрятали, как бы на время, в чулан, а вроде как надо будет, то достанем. Но ведь это обман окружающих и самих себя, но себя виновники обманывают сознательно, но зачем обманывать других людей. Ну ладно, шло время, люди стали образованней появились лечебные учреждения, и уже фраза нычого ны зробэш, срабатывать не стала, и тогда более изощрённый ум, придумал более изощрённую фразу: «Бог дал, Бог взял». После этого каждый горе-родитель говорил: «Ашо, нычого ны зробэш, Вот именно, то, что вы подумали.».

Вы только посмотрите, мои уважаемые читатели, как здорово придумано: «Бог дал, Бог взял», а я, родитель, здесь не причём, спрашивайте у бога, почему умер мой ребёнок, он во всём в ответе. А, как известно у Бога не спросишь, где он и что он делает, никто не знает, да и есть ли он на самом деле, тоже об этом никому не известно, так что получается и спросить не с кого. Но я думаю, за какие бы уловки такие родители не прятались, а вина в смерти ребёнка, лежит на них, на этих нерадивых родителях. Конечно, если это неизлечимый недуг, то дело другое.

Ну а если такой случай, как я описываю, то его с юридической точки, можно характеризовать, как преднамеренное убийство. Вот так я по этому поводу думаю.

Ну ладно давайте заканчивать философствовать, а то мы с вами и книгу не напишем.

СЫН, ГРИГОРИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ

Далее по старшинству идёт Григорий. Григорий был выше среднего роста, глаза серые, нос средний с горбинкой, брови тёмные, но не чёрные, волосы тёмно-русые в молодости, а позже их совсем осталось мало. По характеру был напористый, граничащий с наглостью. В хуторе закончил четыре класса, больше нигде не учился, за исключением школы шоферов. Затем его забрали в армию. Отслужив три года, уехал жить в Ипатово, там работал шофёром, женился, у него двое детей, сын Анатолий и дочь Алла. Григорий к своим родителям относился очень плохо. Я ранее уже писал об этом, что он от них отказался, и позже к ним не приезжал, я, живя в Сибири, за четыре тысячи километров, чаще у них бывал, чем он, живя от них на расстоянии пятидесяти километров, и имея в своем распоряжении машину. Мне мама неоднократно писала, что Гришка уже три года, как у них не был. Раньше он приезжал к брату Михаилу за тем, чтобы у него взять бесплатно корм для своих животных, которых он держал. А когда Михаил ему в этом отказал, то он туда ездить не стал. По его мнению, зачем к родителям ездить, если у них нечего взять. Мои взаимоотношения с Григорием с самого детства были, мягко говоря, натянутые. У нас с ним постоянно были конфликты, то из-за игрушки, то из-за места на печи, или ещё что-нибудь придумаем.

Наши с Григорием конфликты нередко доходили до драки и, учитывая, что он на два года старше меня, то мне чаще и попадало. Но я все-равно ему старался не уступать. Расскажу один случай о наших непростых с Григорием отношениях. В то время мы были с ним уже взрослые. Было это летом в 1954 году, примерно за два месяца, до моего ухода в армию. В это лето как-то неожиданно для всех Григорий приехал в отпуск из армии. Ну, приехал и приехал, как следует, встретили, собрали родственников и не только, погуляли денёк, ну и хватит. Григорий хотел, чтобы на гулянку, отдельно собрали молодёжь хутора, но ему в этом в недипломатичной форме было отказано. Григорий, естественно, обиделся на родителей, в мягких формах выражал своё возмущение. Но его возмущение так и осталось без ответа. Время идёт, Григорий отдыхает, в основном болтается по хутору. Пока он в хуторе отдыхал, мы с ним два раза подрались. Он, разумеется, был сильнее меня, по той причине, что на два года старше, да и два года в армии дало результат. Он стал выше ростом и физически окреп.

Первой драки, можно сказать, и не было, мы у летней кухни

потолкали друг друга, но мама увидела нашу затею и разогнала нас. А вторая драка у нас с ним завязалась в сарае, где мы сбрасывали сено с чердака. Что мы не поделили, я сейчас не помню, но драка у нас завязалась. Правда, настоящей дракой это тоже назвать нельзя, но что-то было. Григорий схватил меня за левую руку и выкрутил её за спину, а правой рукой начал давать мне щелбаны по голове. Мне было больно и обидно, что я проиграл «битву», я закричал на Григория: «Отпусти меня, а то я маме скажу». Григорий ослабил хватку, я изловчился и локтем левой руки, с силой ударил ему в нос. Он упал на пол сарая и завыл. Попыток оказать ему помощь, я ни каких не принимаю. А что я ему должен помогать, он меня обидел вот пусть теперь и валяется по полу. Меня больше занимал другой вопрос, как на это среагирует наша мама. Она не посмотрит на то, что мы оба уже взрослые, на такой, как наш случай, при ней всегда был батожок, или по-простому, палка. Через открытую дверь сарая вижу, как мама двигается к нам в сарай, что-то кричит и размахивает своим орудием примирения. Я, понял, что надо из сарая смываться и как можно быстрее. Не теряя ни секунды, я стрелой вылетел из сарая во двор. Стою вдалеке от места событий и наблюдаю за действиями мамы в сарае. Но там ничего интересного не было, мама пару раз приложила свой батожок к спине Григория, за тем вышла из сарая и мне погрозила своим орудием устрашения. На этом конфликт, как бы был исчерпан. После ужина мы с Григорием помирились, я ему говорю: «Гриша, ну что ты на меня обижаешься, ты ведь мне тоже больно сделал, и я тебе сделал больно, так что мы с тобой квиты, так что давай мириться. Григорий уже без злости на меня посмотрел и говорит: «Тебе хорошо, у тебя следов от драки не видно, а у меня посмотри, какой нос». Я посмотрел на его нос, а он и вправду стал, как красная картошка, и ему говорю: «Гриша, да он чуть-чуть раздался, если не присматриваться, то и не видно, да и вообще через пару дней всё пройдёт». После моих слов Григорий успокоился, и мы с ним помирились, взяли семечки и пошли на улицу.

На улице сели на призьбу и сидим, щелкаем семечки. Вскоре к нам присоединился Алексей Беленко, он посмотрел на Гришкин нос и спрашивает у него: «Гришка, а что это у тебя с носом, он как будто не твой?» Алексей спросил у Григория, а тот молчит и ничего не отвечает, то ли он думал, что Алексею сказать, то ли вообще отвечать не хотел. Тогда я ответил за брата: «Леня, так Гриша бежал, споткнулся и упал, вот и нос ушиб». Алексей улыбнулся, но промолчал, наверное, понял, в чём дело. Но, если быть до конца справедливым, то я расскажу один случай

благородного отношения Григория ко мне.

Было это в 1962 году, тогда я первый раз из Сибири приехал к родителям в гости. Об этом узнал Григорий и тоже приехал на машине из Ипатово в хутор. Мы с ним поздоровались, поговорили о разных вещах и тут вдруг, неожиданно для меня, Григорий вытаскивает из своего кармана деньги и подаёт мне. Я был удивлён его поступком и говорю ему: «Гриша, зачем, у меня есть деньги на обратную дорогу, так что не надо». Но Григорий не стал меня слушать, вручил мне деньги и сказал: «Сеня, у тебя дорога длинная, так что в пути они тебе пригодятся». Григорий сразу уехал, пообещал завтра ещё приехать. Когда он уехал, я развернул свёрнутые вдвое красненькие десятирублёвки, пересчитал, оказалось, что их было шесть штук, то есть шестьдесят рублей. По тем временам деньги были хорошие. Вот за это я и тогда, и сейчас говорю Грише спасибо. А остальное было не так хорошо. Ещё у него в детстве, а может и по жизни, правда, этого я не знаю, был характер расчётливый, он ничего не делал просто так. А если была угроза, что ему за содеянное попадёт, то он никогда этого делать не будет. Как всегда, такие люди свою трусость прячут за браваду или за хамство, а некоторые люди их действия принимают за смелость.

Я бы по этому поводу мог привести массу примеров, но я этого делать не буду, так как понимаю, что его семье будет не приятно об этом читать, если конечно моя книга до них дойдёт. Как семьянина я его не знаю, возможно, он был хорошим мужем и хорошим отцом, но то, что я знал о нём в детстве, да и в зрелом возрасте, я это к положительным его чертам отнести не могу. Так, то что было, то и пишу, ничего не добавляю. Прожил Григорий 65 лет, умер от какой то, не излечимой болезни.

СЫН, МИХАИЛ КОНДРАТЬЕВИЧ

Далее, по старшинству, идёт Михаил, не считая автора этих строк. Михаил был среднего роста, волосы тёмные, глаза серые, лицо покрыто веснушками. Кстати сказать, обладателями веснушек, в большой или меньшей степени, у нас были все дети, за исключением Андрея и Ивана. В детстве Михаил был спокойным, тихим мальчиком, за игрушки никогда не дрался, не то, что мы с Григорием. В детстве жил он тихо, незаметно, но однажды произошло событие, которое всполошило всю нашу семью и не только её. Это было во время войны, наверное, в 1943 году прошлого века.

Мы играли в хатыни, на своих полатях. Особых игрушек не было, поэтому играли подручными средствами, в том числе и шариками от подшипника, которые нам принесли. Шарики, были красивые, блестящие, в диаметре сантиметра два, их было два штуки, вот мы ими и играли по очереди. Как-то Миша, играя таким шариком, положил его в рот и сильно крякнул, а я вижу, что шарика у него в руке нет, говорю ему: «Миша, дай мне шарик, я хочу им поиграть». А он сидит в позе «лотоса», выпучив на меня глаза, ничего не говорит и шарик не даёт. Я его спрашиваю: «Миша, а где шарик?» Он, ничего не говорит, сидит в той же позе, развел руки в стороны, как бы показывая, что шарика у него нет. Я снова спрашиваю: «Миша, а куда ты дел шарик?» Он снова ничего не говорит, только ещё сильнее выпучил глаза. Затем я его спрашиваю: «Миша, ты шарик проглотил?» Он не говоря не слова, стал, беспрерывно кивать головой. Я подумал, что у него от страха голос пропал.

И тут в нашей хатыне начался там тарарам. Случившееся сообщили маме, мама подняла тревогу, в хатыну, где были дети, сбежались все, кто был недалеко, и свои, и чужие, и начали Мише делать осмотр. Сначала мама одна делала осмотр. Залезла пальцем Мише в рот и пыталась там найти шарик, но его там не было, тогда Наташа со своими подружками, начали Мише делать осмотр, сняли с него рубашку, щупали живот, заглядывали в рот, но ничего не нашли и не смогли определить, в каком месте у Миши находится шарик. Наконец решили позвать главного лекаря хутора — фельдшерицу, так её звали хуторяне. Она пришла, одетая в пальто, для того времени в нашем хуторе это была самая крутая одежда, все остальные ходили в фуфайках. В пальто у нас одевались только фельдшер и учительница. По этому случаю у хуторских девушек была заветная мечта, они говорили: «Вот вырасту, уеду в Ипатово и буду там ходить в пальто». Вы

меня спросите: «Почему именно в Ипатово?» Ни там, в Ставрополь или город Сальск, который находится недалеко от нас, в крайнем случае, можно поехать и в Москву, в столицу нашей Родины. Но нет, только в Ипатово. На этот очень сложный для моего читателя вопрос я отвечу так: «Да потому что тогда село Ипатово, для нас хуторян, было административным и культурным центром, а всё остальное, как город Ставрополь, тем более Москва, были где-то на другой планете. Ну, ладно, давайте вернёмся к Мише.

Фельдшер, сняла пальто, и мы увидели на ней белый халат, это была такая для нас диковина, что мы потом, долго рассказывали хуторским ребятам, об этом событии. Профессиональный медик приступил к осмотру больного. За всем этим действом наблюдала толпа людей, дети сидели на печке и оттуда смотрели во все глаза, что делал фельдшер. Я тоже там был, и смотрел на то, что делает фельдшер с нашим Мишей, а больше всего смотрели на белый халат, уж больно он выделялся среди нашей чёрно-серой одежды. Что это именно халат я тогда не знал, и называл его платьем, другие тоже, наверное, не знали, что это халат, потому что называли, так же как и я. Зрители разместились здесь же в хатыне, кто, где мог. Иван и Наташа, сидели в углу на полатях, рядом с ними стояли подружки Наташи, мама стояла в проходе, Василь Жмака стоял в дверях, он был такой высокий и здоровый телом, что в хатыну не входил. Он и был главным виновником того, что Миша шарик проглотил, потому что он нам принёс эти шарики. В центре же прохода стоял «доктор», а рядом с ним, выражаясь современным языком, стоял ассистент, тётя Груня, наша соседка. Почему ассистентом стала тётя Груня? Да потому что, она работает уборщицей в школе, а домик, в котором жила фельдшер, находится рядом со школой, и тётя Груня там тоже убирала, вот потому она имеет прямое отношение к медицине. Пока я писал, фельдшер, продолжал осматривать больного. Вертел его туда, сюда, смотрела со спины, заглядывала в рот. Наконец мама не выдержала и говорит: «Та шо вы ёго крутытэ туда, сюда, та ще в рот заглядываете, я там уже всё пальцем проверила, нычого там ныма». По этому поводу, маме было сделано замечание, что: «Руками в рот залазить не гигиенично, а надо вот этим медицинским инструментом». Вытащила из кармана халата, какую то металлическую палочку, и ею залезла Мише в рот, поковырялась там, затем снова положила эту палочку в карман. «Странно, сказала фельдшер, шарика нигде нет, наверное, он у него в животе. Ну, ничего страшного он у него выйдет естественным путём». Услышав такое заключение доктора, все весело зашумели, обрадовались, и дружной толпой

пошли из хатыны. Уж и не знаю, каким путём вышел у Миши тот злосчастный шарик, но брат остался жив, вырос, пошёл в армию, отслужил и снова вернулся в хутор.

После армии, он окончил курсы трактористов, и работал в колхозе на колесном тракторе. Затем то ли трактор ему не понравился, то ли Михаил трактору, но, в один момент они расстались, и брат подружился с отарой овец, и стал чабаном.

Как раз в это время в хутор приехала библиотекарь Дуся. Образованная симпатичная девушка. Миша вдруг полюбил книги, и зачастил в библиотеку. Ходил он туда, ходил, и доходился до того, что женился на библиотекаре Дусе, кстати, очень хорошей порядочной женщине. Но женился не просто, а этак, с каким-то вывертом. А произошло вот что.

Я этого самого выверта не знал, так находился далеко от хутора, но, об этом мне рассказывала сестра Рая. Пока Миша любил книги, он в библиотеке находился постоянно, разумеется, после работы. Отношения с Дусей у них были хорошие, Дуся ходила к нашим родителям, помогала, чем могла, как бы на правах невестки. И, вдруг она не стала к нам ходить. Мама Михаила спрашивает: «Мышка, а шо цэ Дуся ны ходэ до нас?» Михаил в своей манере, в сердцах отвечает: «Ничиго ей тут робыть». Маму, такой ответ насторожил, ведь к этому времени Дуся была уже в интересном положении. «Как это нечего робыть? — возмутилась мама, — То было что делать, а теперь вдруг нечего? Ладно, я сейчас пойду к Дусе и сама с ней побалакаю».

Мама, взяла свою незаменимую «помощницу» во всех спорных делах и, опираясь на неё, пошла через улицу в библиотеку. Михаил, от похода маму не отговаривал, да он этого при желании сделать бы не мог, у мамы на такой случай была палка, помощница, которой она решала всякие неразрешённые вопросы. Через некоторое время мама вернулась и рассказала отцу причину, почему Михаил вдруг охладел к «книгам». Начался затяжной разговор двух сторон.

С одной стороны, родители, с другой Михаил. Беседа была жаркой, мама то и дело трясла своей палкой, показывая, что будет, если сын ослушается родителей. Отец тоже не молчал, он сказал несколько веских слов: «Позора я на свою голову не допущу, запомни это». Наконец стороны достигли, как говорят в политике, консенсуса. Было решено, что завтра, Михаил с Дусей едут в Ипатово регистрировать свой брак. В общем, жениться. На другой день, когда надо было ехать, Михаил снова заупрямился. Дуся в очень интересном положении стоит у автобуса и его ждёт, а он вдруг передумал ехать. Лежит в хате на полу, спасается от

жары, а ехать в Ипатово, он за ночь передумал. Мамины уговоры не тронули его упорство, тогда она подключила тяжёлую «артиллерию», то есть отца. Наш отец, трепетно относился к чести своей и своей семьи и как мог, охранял её, хотя не всегда это получалось. И вдруг такое, это же хутор, и все хуторяне про всё знают, Нет, подумал отец, что бы мой сын бросил тень на нашу семью такого не бывать. Взял кнут и пошёл в хату. Тато, на такую щекотливую тему много говорить не любил, он чаще действует, зашел в хату, Михаил лежал на полыни вниз лицом. Не говоря ни слова, отец огрел его кнутом, Мишка как ужаленный подскочил и спрашивает у тато: «За шо?» — «А ты не знаешь? Сейчас же иди на автобус, там тебя дивчина ждёт, а ты разлеживаешься». Михаил нехотя поднялся и в развалку пошёл к автобусу, а за ним на почтительном расстоянии, шли отец с кнутом и мама с батожком, так, для подстраховки. По моему мнению, родители правильно сделали, что применили родительскую волю и женили Михаила с Дусей. Дуся была хорошей женой и очень хорошей хозяйкой в доме. Вся семья держалась на ней, и Мише очень повезло в супружестве с Дусей. Хоть Дуся и не была красавицей, но очень приятной внешности, а главное, добрейшей души человек. Говорю это потому, что сам видел и неоднократно общался с Дусей. В последние годы, когда Михаила «оседлал» зелёный змий, вся семья держалась на Дусе, её терпению можно только позавидовать. От их брака родились двое детей, сын Александр и Дочь Рая. Умер Михаил в возрасте неполные 62 года. Но прощаться мы с Михаилом не будем, так как мы с ним ещё встретимся.

ДОЧЬ, РАИСА КОНДРАТЬЕВНА

Как она выглядит, описывать не буду, так как есть фотографии, поэтому начну описание того, что помню. Раю, я знаю только в детском возрасте и немного взрослой, а о её юности и молодости я ничего не знаю так как жил далеко от родного дома, но кое-что мне известно из её же рассказов. Рая училась в школе и окончила семь классов, правда эти классы уже были не такие как у старшего брата Андрея. Время уже было другое и людей с образованием семь классов было уже много. Училась она хорошо и любила учиться, будь у родителей средства, Рая могла стать вечным студентом, так как по её словам она очень любила учиться. Но средств не было и ей пришлось прервать учёбу и идти работать на МТФ дояркой. На её счастье, к нам в гости приехала тетя Кылына, ну та, которая была агрессивно настроена к фамилии Чухлеб. Но с возрастом её взгляд на данную проблему стал меняться в сторону примирения, зато наш отец, Кондрат Ефимович не хотел идти ни на какие примирения и в упор Кылыну не видел. Как бы там ни было, она приехала к нам, поговорила с мамой и они решили, что хватит Рае торчать в колхозе, надо учиться дальше.

Рая уехала в село Московское, что в сорока километрах от Ставрополя, и начала там учиться на садовода. Всё бы было так, как задумали мама и тётя Кылына, но Рае вдруг захотелось замуж и прощай училище садоводов и профессия садовника. Замуж вышла моя сестра за местного парня, Андрея Мосолова, шофёра по специальности, и как говорится в сказке, начали они жить поживать добра наживать и детей рожать. Сколько они нажили добра, я толком не знаю, но что детей, они родили, то это точно. Родились у них две девочки, старшую они назвали Наташей, а младшую Людой. К сожалению, семейное счастье продолжалось не долго.

Раин муж, Мосолов Андрей, заболел неизлечимой болезнью и в середине восьмидесятых годов умер. Моя сестра осталась одна с двумя детьми, но, не смотря на трудности, она их вырастила. Какие трудности испытывала Рая в воспитании детей, я конечно не знаю, по известной вам причине, и как росли девочки, я тоже не знаю, а видел я их уже взрослыми.

Скажу так, по характеру, Наташа отличается от Раиного характера, у сестры он взрывной, в такой момент она может наговорить такого, что потом об этом сама жалеет. И норовом её Господь не обидел. А, вот Наташа, девушка степенная, говорит она, не спеша, взвешивая каждое слово, при этом смотрит на

собеседника с улыбкой, определяет, как он (собеседник) будет реагировать на её слова. Конечно, я не могу сказать, что она со всеми так разговаривает, но со мной говорила именно так. По сему, от встреч с моей племянницей Наташей, у меня остались самые приятные воспоминания. К сожалению, мы живём далеко друг от друга, практически не встречаемся, только иногда перезваниваемся.

Когда я приезжал к родителям на побывку, то почти всегда заезжал к сестре Рае. Встречала она меня приветливо, с дороги накормит, напоит. Должен сказать, не смотря на то, что Рая хозяйствовала одна, да ещё и двое детей, у неё двор был в полном порядке, чистенько, стены дома и летней кухни побелены, заборчик покрашен. В общем, все аккуратно, чувствуется, что здесь живёт, хорошая хозяйка. В настоящее время Рая уже бабушка, и теперь она не Рая, а Раиса Кондратьевна. У неё две внучки, одна замужем, это Наташина дочь Ира, и она живет в Ставрополе, и у Люды дочь Лиза, тоже живут там же в Ставрополе. Так что всё нормально. Время от времени я общаюсь только с Наташей, вчера разговаривал с ней, сообщила мне, что её дочь Ира вышла замуж, и теперь Наташа тёща, и, наверное, скоро будет бабушкой. Вот так быстро летит время, которое мы не замечаем, как говорится в одной песни: «Дороже золота те дни, которые мы не замечаем». Вот на такой ноте я и хочу закончить повествование о моей сестре Рае. Я понимаю, что о сестре Рае я написал мало, но ещё раз повторяю, что просто не знаю что писать, а писать что попало не хочу. Я стараюсь о членах нашей семьи писать правду, вот этой тематики я и придерживаюсь.

ДОЧЬ, ЛЮБОВЬ КОНДРАТЬЕВНА

Что писать о ней я просто не знаю. Дело в том, что когда Люба была маленькой, меня в хуторе не было, а когда она выросла, я уехал из хутора совсем. И позже, когда приезжал к родителям, я с ней встречался очень редко. В хуторе, где жили мои родители, она не жила, а ехать куда-то её искать, у меня просто не было времени. Вот так и получилось, что я о ней знаю только то, что она сама мне о себе рассказывала. Конечно, я знаю, что она вышла замуж за Николая Найко, и после этого она стала Найко Любовь Кондратьевна, правда, вскоре они развелись. У них родилась дочь, которую они назвали Светланой. В настоящее время Светлана Николаевна взрослый человек, ей уже за сорок, замуж она по какой-то, мне неизвестной, причине не вышла, сейчас она живёт в селе Бурукшун вместе с матерью. Вот я Любу совсем не понимаю, почему ей не жилось с Николаем. На сколько я его знаю, он тогда был парнем степенным, обстоятельным, да и профессия у него была хорошая, электрик, так что жене надо было держаться за мужа, и ни жила бы она всю жизнь одна, нужду мотая.

Причина их развода, я думаю, лежит в характере самой Любы. А характер у неё, опасно взрывной, если она начнет говорить, то её никто не остановит, пока она не выговорится, а она никогда ни выговаривается, и притом считает, что она всегда права, и переубедить её в обратном, просто не возможно. Вот, наверное, у Николая не выдержали нервы, и они разошлись, я так думаю, но возможно я и не прав. А Николаю я должен сказать спасибо за то что, когда я приезжал, в отпуск, то он меня иногда встречал на своей машине «Москвич», который он и Люба, выиграли в лотерею. Интересная история произошла с этим «Москвичом». Как то в очередной раз я был в отпуске, родители тогда жили ещё в хуторе, а Люба с Николаем в очередной раз развелись. На повестке дня стоял вопрос. Как быть машиной «Москвич»? По рассказу мамы, Николай не хотел ни отдавать машину жене, ни делить её с женой, но как из создавшейся обстановки выходить, никто не знал. По этому поводу, мама сделала такое заявление: «Кто покупал лотерейный билет, в Москве знают, и тому отдадут машину».

А лотерейный билет покупала Люба, а Николай только машину оформил на себя, вот и всё. Услышав такое заявление, я подумал: «Господи, как наивны наши старики, они всё ещё верят в суд барина, помните, «вот барин приедет барин нас рассудит». Мне пришлось маме разъяснить, что такое лотерея, и как она

распространяется среди населения страны. И что, для Москвы главное, что бы деньги за лотерейные билеты поступили в казну, а кто их продал и купил, для правительства значения не имеет, и добавил: «Мама, поверьте мне, я этим вопросом занимался ни один и ни два раза, а гораздо больше». После моих слов, у мамы настроение испортилось, но такая она мне не нравилась, да и на эту тему я ещё разговор не закончил. Далее, обращаясь к маме, я сказал: «Мама, но Вы не расстраивайтесь, потому что по советским законам, имущество, совместно нажитое супругами, при разводе делится пополам, а учитывая то, что Люба остаётся с ребёнком, то она получит больше». На что мама ответила мне: «Ну, сынок, я так же и кажу шо Москва разбэрэться». Дальше на эту тему говорить больше не было смысла. Как Николай со своей бывшей женой Любой разобрались с машиной, я не знаю, просто этим вопросом не интересовался. Хочу о Любе написать больше, но когда приезжаешь в гости на один два дня то, что-то узнать о жизни сестры трудно, в такое время бывает в основном застолье. И поэтому, то, что я сейчас напишу, это я узнал из уст самой сестры Любы, понравится это ей или нет, я не знаю, но она так мне рассказывала о своей жизни, с некоторыми моими комментариями, а пока вступление.

После очередного развода с мужем, Люба себе сказала: «Хватить жить в этом захолустном Бурукшуне, поеду в Ипатово, там наша районная столица, жизнь там лучше, и люди там хорошие ни то, что тут, в этом селе, и больше никогда сюда ни вернусь, вот попомните моё слово». Но, Любино слово оказалось мягче слова царя Гороха, который когда что-то наказывал своим подвластным, то говорил, что его слово тверже гороху. Помоталась Любовь Кондратьевна по Ипатово, помоталась и снова вернулась в село Бурукшун, здесь ей показалось и жить удобней, и люди живут не плохие. А что, и правильно, всё познаётся в сравнении. А еще в назидание сестре надо подсказать, что НИКОГДА не говори НИКОГДА, то, что будет потом, никто не знает. В подтверждение моих слов, Люба снова оказалась в Бурукшуне, и они с Николаем, в который раз решили начать жизнь с чистого листа. Вот что она мне рассказала по этому поводу:

— Когда мы с Николем зашли в их хату, там сидела его мать, я им обоим сказала, хорошо, раз вы хотите, что бы я у вас жила, я буду у вас жить, но, только чтобы в хате всё было по-моему. Как я скажу, так и будет. (Далее на её наречии). Тэпэр ныма той Любки дурочки, шо вас слухала, тэпэр другая Любка, я пожила в Ипатово, и многому научилась, так что хватит мной командовать, понятно?

Высказала она всё это с таким запалом и уверенностью в своей правоте, что я не нашёлся, что ей возразить, потом я подумал, и хорошо сделал, что не возражал. Люба, когда о чём-то говорит, то она совершенно уверена в своей правоте, и ни от кого, никаких возражений не принимает, так что спорить с ней бесполезно, себе же хуже сделаешь.

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА. Ну, скажите на милость, кому такое заявление прямо с порога понравится, пришла в чужой дом и сразу заявила, что она тут главная, а хозяева дома в счёт не берутся. Естественно, она и Николая, и его мать сразу же настроила против себя, и какая после такого заявления совместная жизнь? Дальнейшие события показали, что никакой жизни не получилось. Как строится семья, Люба понятия не имела, она, по-видимому, считала, главное выйти замуж, а остальное приложится. А как показало время, не приложилось. Извечный российский вопрос: «Кто виноват, и что делать». А что делать, на это есть реальный ответ, девушек в невесты готовят заранее, ещё в детском возрасте, как это делают в Японии, да и в некоторых других странах. Подготовленные невесты уже знают, как вести себя в семье мужа, в основном, покорно услужливо, слушаться родителей мужа, до определённого возраста, а затем придёт и твой черёд командовать, а пока терпи. В таких случаях семья бывает крепкой и здоровой на многие годы. К сожалению, многие матери в наших российских семьях это делать не умеют. У нас главное наставление делается перед уходом дочери-невесты, из отчего дома, мать настойчиво ей внушает: «Смотри там, не давай себе садиться на шею». А что смотреть, кому не давать садится на шею, толком никто не объяснит, вот они, придя в другую семью, и ведут себя, кто как может, а отсюда и результат плачевный. Возможно и с моей сестрой тоже самое произошло, а что из этого получилось, мы уже знаем.

РАССКАЗ ВТОРОЙ. Не знаю, было это в тот же период, что и первый её рассказ, возможно, нет, но оба эти события она сообщила мне в один и тот же мой приезд. А было это так. Люба, в очередной раз, жаловалась на мужа, (в то время они были вместе) и в подтверждение того что он нерадивый привела пример. Сестра смотрит на меня и говорит:

— Ну, вот послушай, что он натворил. Вечером, уже слегка стемнело, иду я домой от соседки, смотрю, мой Николай собрался залазить на электрический столб. Ну что же это такое, только вечером пили с соседом, не проспался и уже на столб, а если он оттуда свалится, да крепко ушибётся, что тогда мне с ним нянькаться, нет, думаю, тому ни бывать. Подхожу к столбу, а он уже лезет на него, я ещё издали кричу ему: «Мыкола, ты шо

робэш, ты же пьяный, куда же ты полиз, ану геть от туды, сычас соби другу ногу поломаешь, и что я тогда буду делать с тобой». А он меня не слушает, и продолжает лезть на столб. Я, подбегаю к столбу, а Николай уже поднялся по столбу, метра на полтора, кричу ему: «Слезай, иначе сдёрну тебя со столба». А он мне сверху говорит: «Да тут срочное дело, у соседа провод упал со столба, надо его закрепить на место». Тут же стоит сосед и поддакивает. Ах вы, гады, таки, сговорылысь против мэнэ, не бывать тому, что бы кто-то меня победил. Хватаю штанину Николаевых брюк, дёргаю её на себя, и мой муженёк кубарём скатился со столба. Наверное, ударился, когда я уходила, то он лежал под столбом и стонал.

КОММЕНТАРИЙ К НАПИСАННОМУ. На этом сестра свой рассказ закончила. Как вы думаете, что после такого Любиного действа последовало? Правильно, они снова разошлись и теперь навсегда. Вот такая у меня боевая сестрёнка. Как старший её брат, сделаю сестре замечание и напоминание. Нельзя считать так, что ты знаешь больше всех на свете, ты знаешь только то, что знаешь, а другие гораздо больше знают, но из скромности или такта молчат. Зачем кричать на каждом углу, что ты знаешь, то, что ты знаешь другое, его надо сказать тогда, когда это надо, и ни более того. А вообще, Люба, как мать и как хозяйка хорошая, практически одна воспитала дочь, помогла получить ей высшее образование. Дома, полный двор всякой хозяйственной живности, за которыми она ухаживает, так что в этом отношении всё в порядке. Вот так. Прощаться с нашими героями не будем, позже мы с ними ещё встретимся.

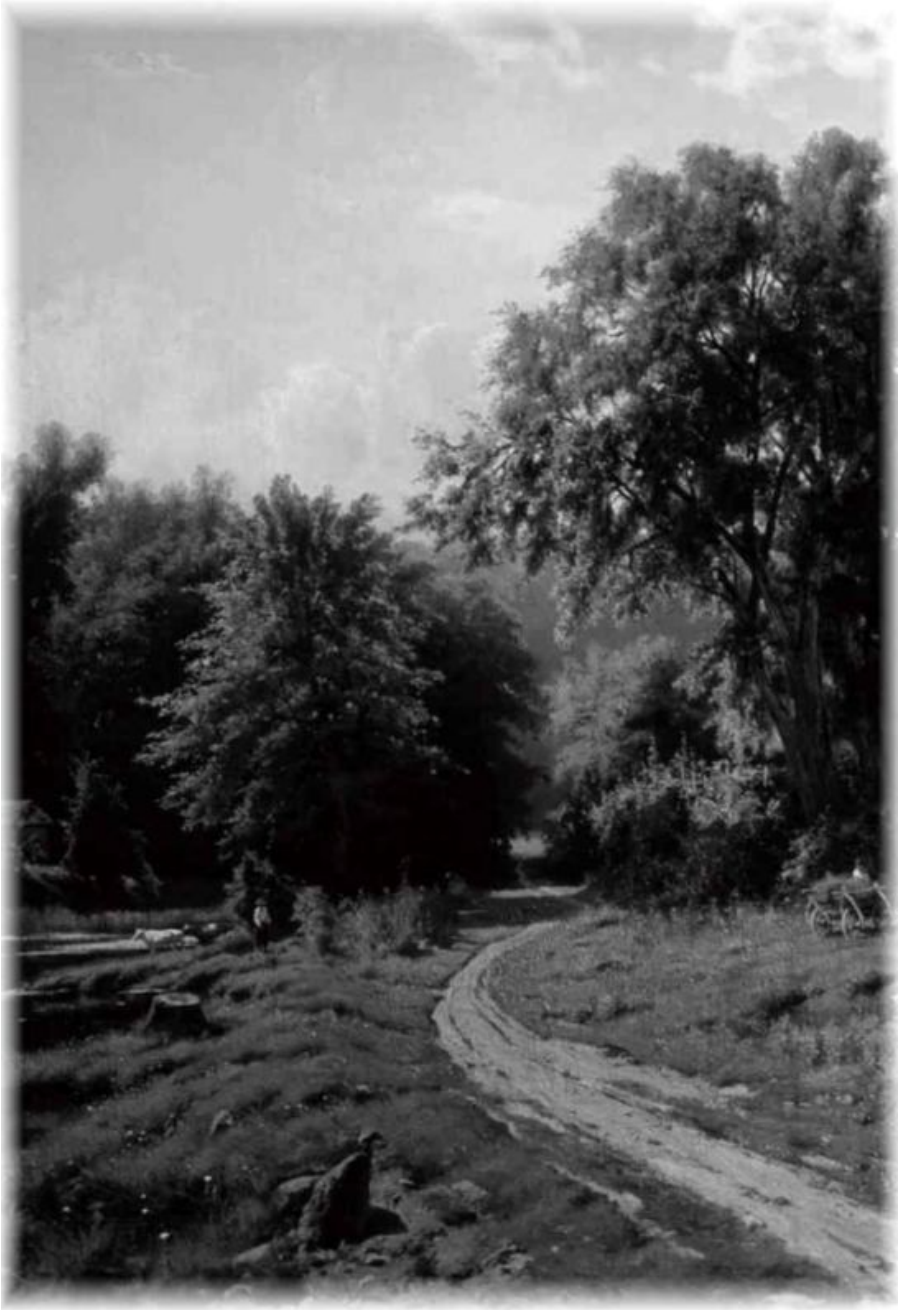
В заключение темы я хочу написать вот что. Выше я рассказывал как Николай, и Люба делили, выигранный в лотерею, автомобиль. Так вот, я хочу в тему рассказать вам анекдот.

АНЕКДОТ

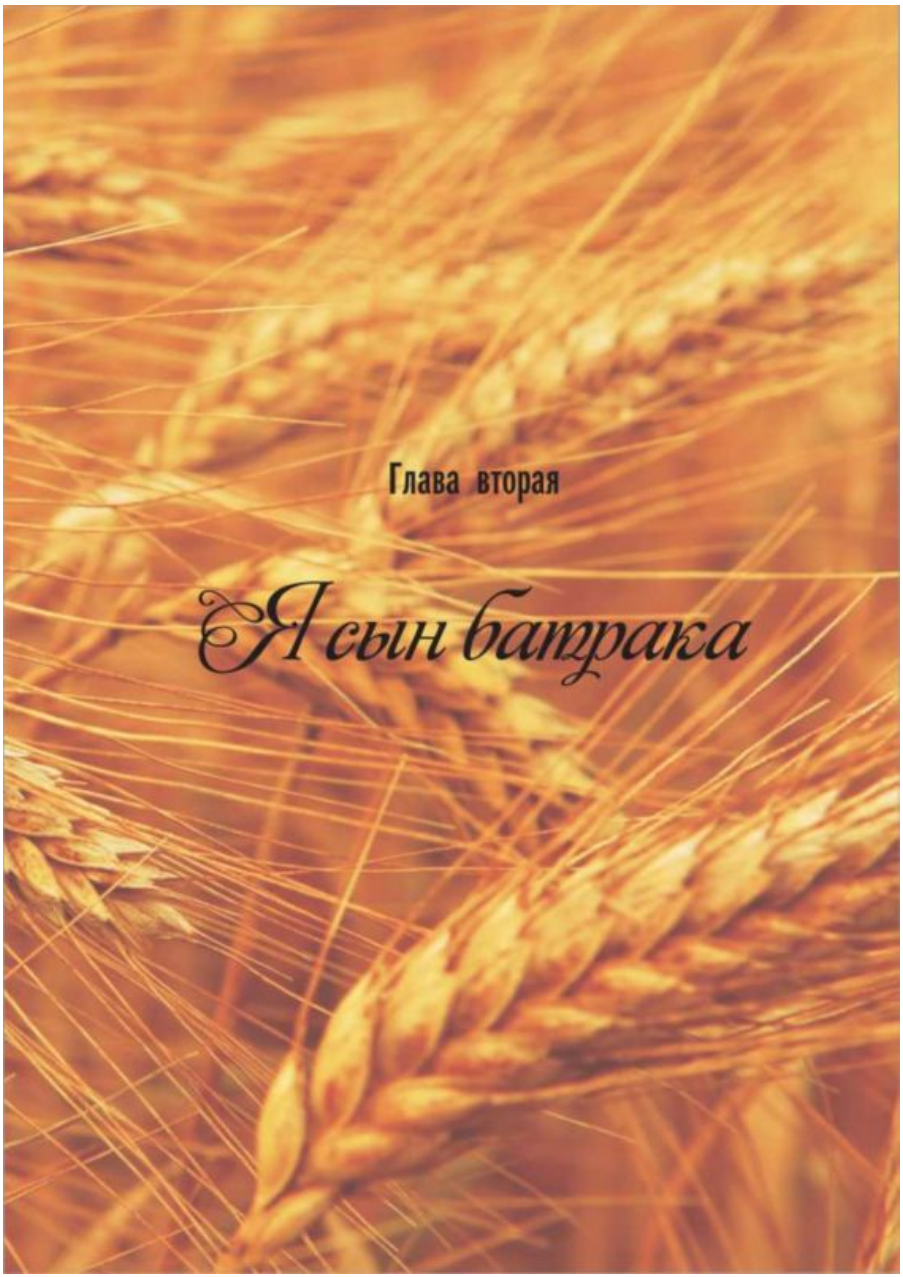
В молебной комнате перед иконой стоит на коленках Мойша и просит Господа Бога, чтобы он помог ему выиграть в лотерею автомобиль. С самого утра стоит на кленках, бьёт поклоны и говорит: «Господи, помоги мне выиграть автомобиль, а то все автомобили выиграли: Яша, этот многоженец Моня, и даже подкаблучник Зюзя и тот выиграл авто, а мне ты почему-то не хочешь помочь. Сжалься надо мной, помоги, Господи». За тем, как Мойша бьёт поклоны, с неба смотрят Ангелы, и тут же в кресле сидит Бог. Ангелы пожалели Мойшу и стали просить Бога, чтобы он помог Мойше. Подошли к нему и говорят: «Господи, ну помоги

ты Мойше, а то смотри, он уже лоб набил до синяков, всё-таки жалко человека». На что Господь им отвечает: «Да я готов ему помочь, но пусть он сначала лотерейный билет купит».

Вот такой анекдот. Не знаю, понравился он вам или нет, но другого анекдота на эту тему у меня нет.



Глава вторая
Я СЫН БАТРАКА



От автора
СЫН, ЧУХЛЕБ/ЧУХЛЕБОВ СЕМЁН КОНДРАТЬЕВИЧ

Я уже упоминал, то, что о себе, буду писать после всех членов семьи, так как о себе я знаю больше чем об остальных членах семьи, вместе взятых. Частично вы, обо мне что-то уже знаете, так как я уже упоминал о себе в начале этой книги, ну, а теперь всё по порядку.

В семье я был седьмым ребёнком, хорошо это или плохо я не знаю, но так случилось, так тому и быть. При рождении мне долго выбирали имя и, наконец, выбрали имя Семён. Как потом оказалось имя выбрали удачно, хотя меня в детстве и дразнили всякими хохлацкими дразнилками, но все ровно, моё имя мне нравилось. Позже я узнал, что обозначает имя Семён и откуда оно произошло. Так вот, имя Семён древнееврейское, а обозначает оно «Услышанный Богом». Я считаю, что это соответствует действительности так как Бог довольно часто слышал мои просьбы и иногда выполнял их, ну разумеется, когда он был свободен от мирских дел. По поводу забыл или не забыл, я вам расскажу анекдот, а потом дальше продолжу рассказ о себе.

АНЕКДОТ

На одной местности начался потоп. Всё затопило, вода стала подбираться к крышам домов. Все жители деревни, спасаясь от потопа, уехали, один мужик сидит на крыше и никуда не уезжает. К нему подплывает на лодке лодочник и зовёт его в лодку, но мужик отказался, говорит лодочнику, что его Бог спасёт. Лодочник уплыл на своей лодке. Вода поднимается всё выше и выше и вот наш «герой» сидит уже на коньке крыши. В это время к нему подплывет катер и из катера его приглашают в судно. Но терпящий бедствие и на этот раз отказался, ответил им, что его Бог спасёт. Вода всё прибывает и прибывает. Наш «герой» сидит уже на трубе, к нему подлетает вертолёт, спускают верёвочную лестницу, и приглашает его подняться на борт вертолёта. Но мужик и на этот раз отказался, мотивируя тем, что его спасёт Бог. В общем, всё кончилось тем, что он попал на приём к Богу в царстве небесном. Бог его спрашивает: «Как же так получилось, что ты утонул?» Наш «герой» отвечает Богу: «Я ждал тебя, что ты меня спасёшь, а ты ничего не сделал для моего спасения?» —

«Как же ничего не сделал? — возмутился Бог наглости мужика, — Когда ты сидел на крыше, я тебе послал лодку, но ты отказался спасаться, затем, когда ты сидел на коньке крыши, я тебе послал катер, но ты и на этот раз отказался. А когда ты уже сидел на трубе, я тебе послал вертолёт, но ты и на нём не захотел спастись. И это называется, я для твоего спасения ничего не сделал?»

Какого спасения ждал мужик от Бога, я не знаю, но результат поучился вот такой. Дальше буду писать о себе. Ведь я писывал о своих родных и близких, значит, я тоже был иногда с ними рядом, так что, как видите, хронология мною нарушена, хотя я очень стараюсь, чтобы её не нарушать. По-видимому, такова судьба данного жанра, при воспоминаниях, всё в какой-то мере смешивается. Насколько я помню, в возрасте до девяти лет, работой во дворе и по хозяйству, меня особо не загружали, за исключением некоторых срочных дел. А зимой я сидел в хате, так как одеть было нечего, сидел на полатях и грустно смотрел в окно, но и там ничего интересного не было, но зато летом, меня в хату загоняли с трудом, улица и степь, были мой родной дом.

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ — КАТЯ КИСЕЛЁВА

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я был страшно влюблён в Катю Киселёву. Она была старше меня на год и жила напротив нас, через улицу. Я не пропускал ни одного случая, чтобы с ней не встретиться. Я в хате сидел у окна и смотрел на её двор, ожидая, когда же она появится у своих ворот. Обычно она со своей старшей сестрой, тоже молодой девушкой, ходили за водой к нашему общему колодцу, но, бывало, что и не ходили. И вот в то время, когда я её жду, жду, а она так и не появляется, мне становилось очень грустно, и весь день был у меня испорчен.

Но, в то счастливое для меня время, когда Катя со своей сестренкой появлялась у своих ворот, а затем они с коромыслом и вёдрами шли к колодцу, для меня это были самые счастливые минуты. Я, буквально кубарем скатывался по полатям на пол, неся к зеркалу, заскакивал ногами на лавку, чтобы посмотреться в зеркало, так как, стоя на доливке, я в зеркало не видел своего лица, поэтому становился ногами на лавку, плевал на ладошки и с усилием начинал зачёсывать свой непокорный чуб назад. Но он, меня не слушался и продолжал торчать кверху, но времени у меня возиться с ним не было, я оставлял всё как есть и бежал на свиданье к Кате. Суть моей поспешности была в том, что я первым должен добежать до колодца и там ждать Катю. Стою у колодца, жду их, пока они ещё не подошли, рассматриваю свои босые, мягко говоря, не совсем чистые ноги. Переминаюсь с ноги на ногу, жду и не знаю, как сёстры среагируют на моё внимание к Кате. Пока они ещё шли, я подумал: «Конечно, у меня наряд не очень, но это не главное, главное то, что не забыл пригладить мокрой от слюней ладошкой свой непокорный чуб». Смотрю на девочек, они идут не спеша о чём-то, на пальцах разговаривают. Таня, сестра Кати была глухонемая, и поэтому они «разговаривали» на пальцах. Катя была очень красивой девочкой, кожа её лица была смуглая, глаза карие, волосы чёрные, как крыло ворона, а когда она смеялась, на щеках у неё появлялись такие, милые моему сердцу ямочки. Смотреть на неё и любоваться ею, мне очень было приятно, и после таких встреч я целый день носился по хутору, как сумасшедший, и весь мир мне казался прекрасным. Но, затем случилось в нашем доме несчастье, я случайно из ружья расстрелял наше зеркало, для меня такое событие стало просто горем. Ведь теперь мне не перед чем было причёсывать свой непокорный вихор, а нечёсанным на свидание к Кате я не мог пойти. Сидел я у окна и грустно смотрел, как Катя с Таней идут за водой, а пойти к ним на

встречу я не мог, зеркала-то нет. А потом мне стало ещё хуже. Катина мама, тётя Киселёва, совсем уехала из нашего хутора и увезла с собой своих дочерей. Для меня это были самые чёрные дни, я каждый день продолжал сидеть у окна и с грустью смотрел на ворота, из которых когда-то выходила прекрасная девочка Катя.

Вот так оборвалась моя первая любовь. Куда Катя уехала, как у неё сложилась судьба, я так и не знаю. Затем меня захватили другие события, и я постепенно стал забывать о своей Кате.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

А теперь я вам опишу, на мой взгляд, интересный случай, который произошёл со мной в школе, в нашем хуторе. Сколько я себя помню до школы, меня называли, Сенькой Гакивским.

Ну, Гакивский и Гакивский, и всю нашу семью так называли и нечего особенного. Бывало бегу я по улице мимо тёток, которые стоят друг около друга и очередной «жертве» кости перемывают, пробегаю мимо них, одна из них поворачивается и у другой спрашивает: «Кума, дывысь, чий то хлопчик по биг?» — «Та цэ Сенька Гакивский», — отвечает она. Или вот ещё. На бригадном дворе колхозницы собираются в поле работать, и вдруг кто-то из них спрашивает: «А кто нас сегодня в поле повезёт?» — «Та це Иван Гакивский», — отвечает кто-нибудь. Так было всегда, и я к своей фамилии Г аки привык и не знал, что может в нашей семье быть другая фамилия. Пришло время, идти в школу, а туда я пошёл, когда мне было девять лет. Война, друзья мои, ВОИНА, будь она не ладна. Кое-как меня собрали в первый класс. Вы спрашиваете, как я был одет? На этот вопрос я вам отвечу так. Вы, наверное, видели картину «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА», так на этой картине один из героев, мальчик, по имени Гаврош, вот он на картине одет был лучше меня. Так был одет не один я, другие дети были примерно в такой же одёжке. Вот такие были жизненные условия. Война, будь она не ладна.

Так вот, прихожу я в школу, огромное событие для каждого ребёнка, в груди трепет, как всё будет. Первый, в моей жизни звонок на урок. Все ученики сели за парты, в класс входит учительница Мария Васильевна. Дети дружно встали, приветствуя учительницу. Началась перекличка, Мария Васильевна называет фамилию и имя ученика, он встаёт и говорит «Я». Она называет фамилии и имена учеников одного за другим, называет очередное имя, Чухлеб Сеня.

Как только она назвала это имя, я подумал, значит, в нашем хуторе есть ещё мальчик по имени Сеня, а я думал, что я в хуторе один Сеня. Сижу, верчу головой туда-сюда, Мария Васильевна на меня смотрит, но ничего не говорит. А я, тоже смотрю на неё и думаю: «А что это она на меня смотрит, причём тут я? Что какой-то Сеня Чухлеб не встаёт, а она смотрит на меня». Так мы с ней смотрели друг на друга, дети в классе уже зашушукали, наконец, учительница говорит: «Сеня Чухлеб, а почему ты не откликаешься на своё имя?» Я в нерешительности поднялся из-за парты, смотрю на учительницу, затем на ребят и неуверенно говорю: «Я».

После школы прихожу домой и сразу к маме за объяснением

и уточнением. Она долго не хотела говорить на эту тему, объясняя тем, что в нашей фамилии много напутано, что и разобраться в ней сложно. Но, я в детстве был приставучий и дотошный и от мамы не отставал, пока своего не добился. Наконец, она согласилась и рассказала то, что знает, как я позже понял, и как она это понимает. «Вообще, — начала она рассказывать, — наша фамилия, всегда была Чухлиб, но когда всех записывали в колхоз, то её немножко изменили, и она стала Чухлеб. А Г аки, как нас называют, так это прозвище батькиного деда, а твоего прадеда. Его так называли, называли, из года в год, а затем оно перешло на татыного батьку, Ефима Васильевича, а потом и на нас. Тут по этому поводу у меня возник естественный вопрос: «А почему это нашего дедушку, таким плохим прозвищем называли?»

За разъяснением, я снова обратился к маме. При, моём очередном вопросе, мама, поморщилась, как от зубной боли, и говорит: «Ох, Сенька, и надоив же, ты мэни». Я, чтобы не раздражать маму отошёл от неё, походил немного по двору, а этот вопрос сидит у меня в голове и никак ни хочет вылезать. Пошёл к маме снова. На этот раз она согласилась рассказать то, что знала о прозвище «Гак». Вот что она мне поведала.

МОЙ ПРАДЕД ЧУХЛИБ, ПО ПРОЗВИЩУ ГАК

Рассказ мамы: «В старые времена, когда дед твоего отца, Василий, был ещё молодым, то внешне был очень большой, знаешь, такой здоровый. Высокого роста, ручищи у него были как вот этот чугунок, и показывает на сосуд из чугуна, литра на два. В силе с ним никто не мог сравниться. Одним ударом кулака мог свалить двухгодовалого быка. Бывало, как соберутся за хутором на кулачные бои, нашего деда каждая из команд хотела заполучить в свою команду. Все хуторяне знали, за какую команду выступает Василий, на той стороне и победа будет. Ефим Васильевич рассказывал, бывало Василий выйдет в круг для боя, на него налетают три, а то и четыре бойца, а он как ударит своим кулачищем одного из них, так падают два, а то и три бойца сразу. А хуторяне болельщики смотрят на всё это и говорят, вот это, Василь гакнул так гакнул, что сразу трёх повалил. Ну, вот с этого и пошло, нашего деда Василия, кроме как Гак, никто иначе не называл. Ну а потом он женился, и его жена стала Гакивская, потом пошли дети, тоже Гакивские, и до нас это всё дошло. Прозвище Гак, Гакивские, прилипло так к нашей семье, тогда, да и теперь, что настоящей нашей фамилии, тогда Чухлиб, а теперь Чухлеб, никто из хуторян и не знал. Батька нашей семьи, кроме как Гакивский Кондрат, иначе никто не называл. А когда мы с ним поженились, то и я стала Гакивской. Вот такая история с нашей фамилией. Теперь понял, сынок?»

Понять-то я понял, но мне хотелось ещё что-нибудь героическое о своём прадеде услышать, и я снова к маме с вопросом: «Мам, расскажите, ещё что-нибудь о нашем дедушке Василии». Мама, посмотрела на меня внимательно и сказала: «Знаешь что, сынок, это дед нашего батьки, вот иди к нему и у него спрашивай, а мэнэ оставь, а то я устала от твоих вопросов». Я, поплёлся к отцу, который сидел у сарайчика и что-то мастерил. Подошёл к тату, взял старое ведро, перевернул его верх дном сел и сижу молча, не знаю, как попросить, чтобы отец рассказал. Отец, ещё какое-то время молча занимался своим делом, затем повернулся ко мне и спрашивает: «Ну что, погнала тебя мать с твоими вопросами?» — «Да, погнала, — говорю, — но она мне много рассказала, а вот теперь я к Вам пришёл за рассказом о дедушке Василии». Отец, вытер руки о тряпку, затем убрал с лавки какие-то деревяшки, сел на неё и говорит: «Та я, сынок, и не знаю, что тебе рассказать, в то время, когда были живы родители моего отца, Ефима Васильевича, он был ещё мал, и понятное дело, мало что помнит». Но кое-что, всё же запомнил, и

рассказал один случай. Вот что он рассказал:

— Как-то, летним вечером, его отец, то есть Василий Тарасович, чинил сапоги какого-то богача, и их надо было сделать непременно сегодня, чтобы завтра тот барин мог уехать куда-то. Засветло, батя сделать не успел, и пришлось работу заканчивать в сумерки. Моему отцу тогда было лет восемь, он стоял рядом с отцом и светил ему лучиной. Каганцов, которые у нас теперь есть, тогда и в помине не было, а о лампах со стеклом и говорить нечего, это сейчас, света, сколько хочешь, и каганцы и лампы со стеклом, а тогда нет. Когда наступает темнота, то свет бывал только от луны или лучины, больше ничего не было, что такое керосин, тогда понятия не имели.

И вот, стоит он и жжёт лучину, отец работает, света конечно маловато, но всё же. Вышла луна, света прибавилось, и у бати работа пошла быстрее. Как, вдруг, ставни нашего окна с грохотом открываются, а в окне торчит голова бугая, который ходил за нашим хуторским стадом коров. А этого бугая в хуторе все боялись, он был такой огромный, что только один его вид внушал страх людям.

Так вот, это страшилище, залезло головой к нам в окно. Я, — говорит, — от страха выронил горящую лучину, и чуть в хате пожар не устроил, но отец затоптал огонь ногами. Затем, он, поднялся, подошёл к голове быка, и как пнёт его своей босой ногой по сопатке. Бугай, от боли и наглости человека, замычал так громко, что стены в хате задрожали, но с места не сдвинулся и голову из окна не убрал. Тогда, отец его снова ударил ногой в то же место. Бугай мычит, головой вертит, но вытащить её из окна никак не может. Потому что он рогами, зацепился за верхнею часть оконного проёма и поэтому его голова торчит в нашем окне, как репа в огороде. Он мычит, мотает головой, но вытащить из окна её не может. Я от страха залез на печь, мама пекла пышки, бросила их и тоже ко мне на печь, сидим там и в проём печи смотрим, что будет дальше. Тогда батя видит, что бугай сам из окна не вылезет, решил ему помочь.

Подошёл к столу, на котором лежали ещё не раскатанные пышки, взял деревянную каталку, взвесил её на руке и тихо пошёл из хаты. Что там отец с бугаем делал, нам видно не было, мы видели только голову этого чудовища, а он её, то вытаскивал из окна, на половину шеи, но вытащить совсем не мог, тогда он всей своей тушей, пытался залезть к нам в хату, но проём окна мал и он не мог пролезть. Отец его там, наверное, охаживал каталкой, бугай мычит, со рта у него пена летит, он её разбросал по всей хате. Страшная была картина. Всё кончилось тем, что в один момент, бугай, сначала навалился на окно, затем резко

подался назад, выдернул из окна свою голову, а вместе с ней и оконную раму. С тех пор, этот бугай, к ним ни ногой, а то бывало, хаживал.

Теперь-то я был удовлетворён рассказанным, узнал, откуда взялась моя фамилия Гак, и героическим поступком моего прадеда, а как же, весь хутор бугая боялся, а прадед Василий не убоялся. Для меня это было важно, как будто я сам победил это страшилище, и теперь с геройским видом прохаживался по двору. Кстати говоря, такие прозвища, как у нашей семьи, были и у наших соседей Лавровых, которая тётя Груня. Но о том, что они Лавровы, я узнал гораздо позже, а до этого я их знал как Ярыгины. И тётя Груня, и её дети, Лёня и Миша, и, особенно, бабка — все были Ярыгины или, по-простому, Ярыга. Я считал, что такая фамилия им досталась от этой самой бабки Ярыжихи.

БАБКА ЯРЫЖИХА

Вот эта самая бабка Ярыжиха для меня была совершенная загадка, вела она себя как-то подозрительно, одно время я даже думал, что она немецкая шпионка, и чтобы её обличить в этом, я стал за ней следить. Как-то летом, слежу из своего двора за бабкой, она, слегка распустив свои седые волосы, наклонив голову, шла в сарай, в тот сарай, где, по-моему мнению, водятся черти, да, да, однажды я их в этом сарае видел. Правда, возможно, это были и не черти, но в сарае что-то мелькало, вот так, туда-сюда, но я был уверен, что это они, рогатые и хвостатые. Кстати говоря, черти водились не только в сарае Лавровых, но и у нас на горище и на чердаке в сарае. Особенно их было много в сарае. Однажды то ли во сне, то ли на яву я видел, как черти смастерили себе лестницу, наподобие трапа, по которому садятся в самолёт, приставили её к чердаку и начали бегать верх, а затем вниз.

Их было много, хвостов десять, да все чёрные и рогатые. Правда, рожки небольшие, как у козлят. Так вот они сначала бегали по ступенькам, а потом им это занятие надоело, и они начали кататься на перилах. Гурьбой забираются верх, а затем садятся на перила и лихо скатываются вниз. Итак, без конца. Черти меня не видели, так как я за ними подсматривал в щелку двери, которая вела из сенцев в сарай. А потом мне их занятие надоело, и я ушёл в хату. Ну, это всё что касается чертей, а что касается бабки Ярыжихи, так в этот день она вела себя как то подозрительно.

Мало того что она пошла в этот страшный сарай, так она ещё долго оттуда не выходила, что она там делала, я не знаю, но я туда не пошёл — страшно, всё-таки там гуляет нечистая сила. В этот же день, она уселась на пороге своего погреба, наклонившись, что-то делает. Я, тихонько открыв калитку, что была между нашим двором и Ярыгиными, ползком по высокой густой полыни, пробрался поближе к шпионке, слышу, она чем-то щёлкает, похоже, как будто работает рация, ну как в кино показывают. Ну, всё, думаю, Ярыжиха немцам передаёт какую-то секретную информацию, поднялся повыше, чтобы посмотреть, что там щелкает, и у меня наступило разочарование. Оказывается, она «рушила» стручки сухой фасоли, Вот они и щёлкали.

Разочарованный, я уже не таясь, поднялся и пошёл домой. Своими мыслями о бабе Ярыжихе я поделился со своей мамой. Она посмеялась над моими подозрениями и говорит: «Сеня, ну какая она шпионка, да и какие в нашей глуши секреты, у нас в

хуторе даже немцы не стали останавливаться, так им тут не интересно было, а ты — шпионка! Просто бабушка очень несчастная женщина, у неё война забрала сына, да и не Ярыжиха она вовсе, а Лаврова, и тётя Груня Лаврова, и её дети тоже Лавровы, ну всё точно как у нас, то были Гакивские, а теперь Чухлеб».

Вот так мама развеяла все мои сомнения. С тех пор к бабушке Лавровой я стал относиться с большим уважением, и если она что-то делала, то я молча сидел недалеко от неё и смотрел, как она ловко справляется со своей работой. А в школу я продолжал ходить, и в моей жизни было ещё много школьных звонков на урок, и колокольчиком и электрическим звонком, но я о них уже успел забыть, а тот первый звонок, помню до сих пор.

Кстати, о нашем хуторском звонке-колокольчике, как о предмете. У него, у этого школьного хуторского колокольчика, была своя история. Этот школьный звонок-колокольчик, был вылит из бронзы, величиной с кулак, за время работы, руками звонаря, он был отполирован до блеска.

Внутри у него был язычок, или по научному, било, тоже из бронзы, звук самого звонка, мелодичный, вот такой, дзинь, дзинь. Когда тётя Груня давала звонок на урок, то его было слышно по всей нашей улице, и родители знали, что их дети пошли учиться. В школе, его в руки брала только тётя Груня, она была в школе и уборщицей и звонарём, другие, никто не имел права брать звонок в руки. После звонка, его обычно ставили на подоконник в коридоре школы, и там он стоял до очередного звонка. Бывало, кто-либо из учеников возьмёт звонок, как бы поиграть, то на него остальные ученики так зашикают, что он от греха подальше, снова поставит его на место. Всё так было в моё время, когда я учился в нашей хуторской школе, как было дальше, я не знаю.

О ШКОЛЬНОМ ЗВОНКЕ-КОЛОКОЛЬЧИКЕ

Читайте дальше, о звонке-колокольчике, у него богатая история, он даже получил «ранение», от которого так и не оправился, вернее, поправился, но не очень. Как-то, во время войны или сразу после неё, гуляли свадьбу, чью именно я не помню, да это и не важно, главное то, что организаторы такого события, решили как-то разнообразить праздник, и попросили у учительницы, Марии Васильевной, школьный колокольчик. Они хотели, его привязать к чему-нибудь, чтобы когда будут ехать жених и невеста, колокольчик бы звенел и оповещал всех хуторян, о таком грандиозном событии. Мария Васильевна не хотела давать колокольчик, использовали его не по назначению, это было против школьных правил, и она долго сопротивлялась.

Но, она человек добрый и отзывчивый, и её уговорили. Организаторы свадьбы, заполучили колокольчик, но куда его крепить не знали. Обычно такой звонок крепят в упряжке под дугой, у коренной лошади, а тут дуги нет и куда его теперь? Долго думали и решили привязать к дышлу, мол, лошади будут бежать, дышло будет болтаться, а колокольчик будет звенеть на радость всем, особенно жениху и невесте, ведь это их праздник. Пристроили его и повезли молодых венчаться в Бурукшунскую церковь. Ну, поехали и поехали, возвращаются, а колокольчика на дышле нет.

Это было событие близкое к всемирной трагедии, ну что-то вроде землетрясения, или всемирного потопа. Мария Васильевна себе места не находила, на дворе ранняя весна, ещё детям учиться да учиться, а колокольчика нет, чем детей на урок звать?. Да и вообще, этот колокольчик, был настоящая реликвия для нашего хутора, сколько ему лет никто и не знает, возможно, он звенел на дуге, упряжки какого ни будь ямщика, ещё при царе горохе, а эти, прости господи, взяли и потеряли.

Но, делать нечего, колокольчик надо искать. Начались расспросы, где что как, все приехавшие были, хорошо выпившие и никто не помнит, в какой именно момент не стал звонить колокольчик. И только невеста, она была трезвая, и все помнит. Вот она и объяснила, что когда из Бурукшуна ехали по грейдеру, то колокольчик звенел до нашей лесной полосы, а потом не стал. У всех как-то от души отлегло, теперь хоть знают, где искать. Искать, легко сказать искать, а где искать, как искать, когда на улице ещё март месяц, и снегу полно, да этот снег ещё и перемешан с грязью. Южное солнце греет, снег тает, вот потому и грязь.

В общем, нашли колокольчик только тогда, когда растаял снег. Он лежал в кювете под мусором, такой грязный, и вид у него был несчастный. Но его тётя Груня очистила, отмыла и он снова зазвенел веселым голоском. Прошло ни так много времени, и нашего героя ждало новое несчастье, на этот раз более серьёзное.

Было лето, колокольчик никому не нужен, стоял на своём обычном месте, и на него тетя Груня не обращала внимания, ну стоит и пусть себе стоит, кушать-то он не просит. Как-то, она невольно кинула взор на подоконник, а колокольчика там нет, куда девался? Все, кто имел право его брать, не брали, решили, что он украден. Но кто украл и зачем воровать этот предмет, если в нём нет никакой ценности. Начали расследование, подключили все население хутора, создали хуторскую комиссию, вопросов у неё много, а ответов нет.

Искали всё лето, но так и не нашли. И только когда начались уроки, а звонок на урок давать нечем, и такая потеря стала ещё более ощутимой. Вот тогда, один десятилетний мальчик по фамилии Самохвал, принес в школу тот самый колокольчик, но только без «язычка».

Оказалось, что колокольчик украл его старший брат Мишка Самохвал, который был уже взрослый и в школе он не учился. Зачем он ему понадобился, и зачем он отломал у колокольчика било, поисковая комиссия так и не выяснила.

А колокольчик отремонтировали только теперь он стал звонить хуже, просто, тик, тик, а не как раньше, дзинь, дзинь. Вот такая история у нашего хуторского колокольчика.

НАШ ДОЛГОЖДАННЫЙ ФРУКТОВЫЙ САД

Я уже писал, что посадку сада организовал наш старший брат Андрей. Теперь это всем понятно, но я хочу написать о своих переживаниях и ощущении. Как только деревья в нашем саду прижились и зазеленели пышным цветом, я сразу почувствовал себя равным среди других мальчишек. Хоть плодов ещё и не было, но они должны появиться через год или два, и поэтому у меня уже не было той ущербности, которую я ощущал до посадки сада. А то, как-то стыдно перед пацанами, у всех сады есть, а у нас нет, даже у тёти Груни Лавровой, у этой женщины, которая одна, растит двоих детей, есть два роскошных абрикосовых дерева, которые приносили крупные плоды. А у нас, такая большая семья, отец вернулся с фронта, а сада нет, и это на юге, просто позор, да и только. На эту тему, я несколько раз говорил с отцом, хотя говорил — это громко сказано. Вы сами представляете, как сын, одиннадцати-тринадцати лет, может говорить с отцом, учитывая то, что в нашей семье был жесткий патриархат, и глубочайшее уважение к старшим. Правда, это всё было в нашем детстве, а когда дети выросли, то всё зависело от порядочности, каждого члена семьи. На моё предложение, посадить сад, отец всегда находил причину, чтобы этого не делать. То ему некогда, то растение горчак его пугает, то ещё что-нибудь. Я не скажу, что наш отец сторонился работы, нет, он работал в колхозе, и по дому всё делал, а зимой так у него вообще спина не разгибалась, всё сапожничал, чинил обувь то своей семьи, то выполнял заказы, а вот сад его почему-то пугал. Я уж теперь подумал, когда пишу книгу, возможно, у отца так глубоко сидела батрацкая закваска, и она не давала полёта его мысли, так вроде времени с тех пор прошло много, в общем, не знаю, но факт такой был. Позже, когда тату стукнуло пятьдесят, он начал работать постоянно и без устали. Бывало, мама ему говорит: «Батько, ты хотя бы отдохнул». На что он отвечал: «Как помрём, тогда и отдыхать будем, а пока живы, надо работать». Вот такая метаморфоза.

Как бы то ни было, в нашем дворе вырос прекрасный сад, в нём созревали и яблоки и сливы, тёрн, а самое большое и красивое выросло грушевое дерево. В середине шестидесятых годов, высота груши достигала метров десяти-двенадцати, с прекрасной кроной, и вкусными плодами жёлтого цвета. Отец с этого дерева собирал по двадцать вёдер плодов, он просто не знал, куда их девать, и чтобы добро ни пропадало, гнал самогонку, хотя сам к этому времени уже не пил и не курил.

Позже, возле летней кухни, наш отец посадил шелковицу. Где он взял саженец, я не знаю, в то время шелковицы у нас не росли, а у отца была. Затем он высадил целую аллею деревьев акции, вдоль нашей хаты, со стороны улицы. Весь огород, а это тридцать соток, он засадил виноградом, это только то, что я помню. Что с моим отцом стало, я не знаю, то он боялся посадить деревья и вырастить сад, то вдруг засадил деревьями всё, что можно, во дворе, да ещё и на улице. А может, моё предположение было верным. И всё-таки, как она долго его держала.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

О своём невесёлом детстве я уже писал, о том, что в холодное время года, я сидел дома, без выхода на улицу, и вот в такие грустные дни ищешь в хате, чем бы заняться, а в хате заняться-то и нечем. Коников поделать, так где, в такою холодную погоду, глину возьмёшь. Две книжки, так они уже читанные-перечитанные, радио послушать, так я тогда и не знал, что оно может быть в хате. В кино на улице, да это я радио видел, такая чёрная штука висит на столбе, и что-то говорит или музыку играет, а чтобы в хате, нет, такого не может быть. Вы, наверное, подумали о телевизоре, но такого понятия как телевизор, в моём воображении даже в проекте не было. Правда, когда ещё тепло было, к нам приезжали настоящие артисты из Ипатово, так они два дня побыли и уехали, и снова наступила тоска. А знаете, как интересно было перед тем, как приехать артистам. Наш хуторской «глашатай», верхом на лошади, скакал от двора ко двору и кричал по матушке: «Завтра к нам приезжают настоящие артисты из Ипатово, концерт будет после вечерней дойки». Подъехал глашатай и к нашему двору, мы семьёй стояли у ворот и ждали его сообщение. Он нам то же самое прокричал, а затем, уже обращаясь к нашей маме сказал: «Тётя Поля, председатель сказал, чтобы все оделись нарядно, и в обуви приходили не в той, что в базу убираетесь, а то вони, будет много и артисты могут из нашего хутора убежать». Мама в ответ только хмыкнула, но ничего не сказала. Наступил вечер, время концерта, народу у клуба собралось много, я протиснулся через толпу и к входу. Но меня взрослые парни не пустили, сказали вход на концерт только для взрослых, так как, мест в клубе мало, так что на всех желающих не хватит. Ладно, думаю, кроме дверей есть ещё и окна. Подбегаю к окну, а оно уже занято, несколько пацанов и взрослых воткнулись в проём окна и никого не пускают.

Я дёргаю за штаны Ивана Котова и прошу его, чтобы он меня забросил в клуб через окно. Он внял моей просьбе, отодвинул от окна ребят и говорит: «Давайте, хлопцы, забросим Сеню в клуб через окно, ему очень хочется на артисток посмотреть». Парни берут меня за руки и ноги, кладут животом на подоконник, а затем за ноги переворачивают, и я оказался внутри помещения. Я полетел кубарем и в прямом смысле свалился кому-то на голову. Поднялся шум, крик, типа откуда это чертёнок взялся. Но я уже стою на ногах и исчезаю с места происшествия так же быстро как я там и появился. Я уселся на пол среди пацанов, которые сюда пробрались, наверное, таким же способом, как и я. Осмотрелся

вокруг, народу полный зал. Мы, ребятишки, сидели на полу, средние ряды сидели на скамейках, а зрители, которые находились на задних рядах, стояли. Сегодня внутри был освещено хорошо, на стенах весели четыре керосиновые лампы со стеклом, и в клубе было очень светло. Я думаю, что организаторы это сделали специально для того, чтобы мы, хуторяне, лучше рассмотрели настоящих артистов.

На моей жизни, Ипатовские артисты приезжают впервые. Я лично с трудом пробрался в клуб не для того, чтобы посмотреть, что будут показывать артисты, все рано я в этом ничего не пойму, а мне очень хотелось посмотреть на городских тётей, говорили, что они очень красивые. Наконец началось представление и почему-то на сцену вышли не женщины, а мужчина, я сразу расстроился, думаю, пришёл посмотреть красивых женщин, а вышел мужчина. Правда он был недолго, что то-сказал и ушёл за кулисы, а после него вышли две красивые молодые женщины или девушки. Лица у них были красивые, волосы, аккуратно зачёсанные, губы красные, и, главное, обе были кудрявые. Но больше всего мне понравилось, что у них были короткие юбки по колено, и туфли на каблуке. Они так грациозно двигались по сцене, что просто загляденье. Эти две артистки бегали, что-то говорили и немного пели, затем они ушли и снова вышел дядька. Мне это сразу не понравилось, и я решил уйти на улицу и там с ребятами побегать вокруг клуба. Вот я всё пишу «клуб», да «клуб», вы, наверное, подумали, что это такое большое здание из кирпича, с большими окнами и неоновой вывеской «КЛУБ». Нет, у нас ничего такого не было, наш клуб — это такая же хата, как и все остальные, только немного больше и на ней не было трубы, потому что там не было печки. Ну и, разумеется, внутри была начинка, которая соответствовала клубу, ну там сцена, площадка для танцев и деревянные скамейки для зрителей. Вот так, всё было просто, дёшево и сердито. Лично я тогда других клубов и не видел, поэтому наш клуб, для меня был серьёзным сооружением.

А в этот вечер я, как только выбрался из клубной толпы, решил пойти домой. Ну а что там больше делать, зачем я на концерт приходил я всё увидел, а теперь можно и отдыхать. На другой день я проснулся и ещё в постели вспомнил артисток и думаю, интересно, что они сейчас делают?

Что они делают, я даже предположить не мог, я же не артист и с артистами ни когда не жил, поэтому был в затруднении. Затем я подумал, а что это я гадаю, пойду сейчас к Кошевому двору, где они ночуют и подсмотрю. Я соскочил с полатей и побежал к Кошевым. Бегу, а сам думаю, лучше всего надо за артистками подсматривать из школьного двора, там ограда

невысокая и поэтому всё хорошо будет видно. Прибегаю туда, а там уже человек шесть, таких же любителей как я, выслеживают артисток. Я к ним пристроился и во все глаза смотрю на дверь, из которой они должны выйти. Рядом со мной пристроился Кошевой Павел, сразу вводя меня в курс дела, он говорит: «Сеня, артистки ещё не вставали, я за их дверью подслушивал, так там было тихо, но все равно они же встанут и выйдут на улицу, и мы их увидим». Как мне показалось, мы их ждали долго, и вот на порожке появились три девушки, но они, почему-то, были не такие красивые, как вчера в клубе. Волосы у них всколочены, губы не красные, как были вчера, а одеты они были в какие-то платья, которые спереди застёгивались. Но главное не это было, а то, какая была реакция артисток, когда они увидели нас.

Увидев нас, артистки быстро стали приводить себя в порядок, сразу принялись за свои волосы, но поняли, что справится, со своими волосами во дворе они не могут, и поэтому развернулись и быстренько вернулись в хату. На этом наше «кино» закончилось. Правда, артисты выступали ещё и в этот вечер, но я на концерт не пошёл, а зачем? Артисток я увидел и хватит. А народ пошёл снова был полный клуб, не знаю, как им охота смотреть дважды на одних и тех же артисток. Вот такое событие было у нас летом. Но это было давно, а сейчас на улице уже холодно и ни какого развлечения.

Так вот, в такой ужасно грустный день, сижу я на лавке и смотрю в окно на наш двор, и стараюсь увидеть, что-то новенькое, потому что, то, что во дворе находится, мне уже надоело, эти сарай, сарайчик, бочка с водой на тачке, одним словом — ужас.

Но делать нечего и я сижу, смотрю и думаю: «Господи, какая скука, хотя бы кто-нибудь пришёл к нам во двор или на наш огород, там, соседи, тётя Груня или Григорий Мазепа». Видите, сосед у нас был с предательской фамилией, Мазепа, помните предателя украинского и российского народа гетмана Мазепу, так, наверное, он был пращур нашего Мазепы. Ну да ладно, шут с ним, с Мазепой, давайте поговорим обо мне. Так вот, сижу я смотрю во двор, никто не приходит, но я все равно сижу и смотрю, а вдруг.

И этот «вдруг» случился — пошёл дождь, да такой сильный, что нашу главную достопримечательность, «гору» золы, что в конце огорода не стало видно, вернее видно, но не очень. Я обрадовался такому нежданному гостю и начал изучать струи дождя, а он льёт, как из ведра. В процессе изучения я остановил свой взгляд на эту зольную кучу. Смотрю и думаю, размоет её дождём или нет. Затем сообразил, ну как её может размыть, если её насыпали уже лет двадцать, поэтому надежды никакой, зола в

ней так спрессовалась, что уже никакой дождь её не размоет, но продолжаю наблюдение. Вдруг, струи дождя стали реже, но капли летели крупные, и при ударе о зольную кучу, они разлетались брызгами. Мне, такая картина очень нравилась, и я продолжал пристально наблюдать. Но тут началась гроза, да такая сильная, а молнии такие яркие, что просто ослепили меня. Поэтому, в момент вспышки молнии, я закрывал глаза рукой, но как она проходила, я их открывал и уставлялся на эту самую кучу. И о, друзья мои, что я вижу. После яркой молнии, прошёл небольшой промежуток времени, и я увидел, как о нашу кучу золы, ударился какой-то огненный шар, величиной с большой мамин клубок шерсти, затем отскочил от неё, и снова об неё ударился, но теперь чуть ниже, затем покатился по огороду и исчез. От такого видения меня словно пружиной подбросило, и я побежал в хатыну, где была мама с остальными членами семьи, чтобы рассказать им об увиденном мною чуде. Что это за природное явление мама не знала, но когда приехал старший брат Андрей, то он объяснил, что это была шаровая молния. Вот так я впервые увидел шаровую молнию, гораздо позже я ещё видел шаровую молнию, но она была меньшего размера, и это было в степи, и тоже, во время грозы. Об этом я, возможно, напишу, когда буду писать о себе следующие главы, если не забуду.

ХУТОРСКОЙ «СКУЛЬПТОР»

В детстве, я обладал некоторыми способностями, а именно, делал фигурки из глины. Лепил из глины всё что видел: людей, лошадей, волов, собак, баранов, курей, гусей, телеги и даже деревья пытался лепить, но они получались громоздкими, и я от этой идеи отказался. С какого возраста я начал этим заниматься, и почему у меня это получалось, я точно не знаю, может лет с шести, а может и с пяти. Но, факт остаётся фактом, я их делал и довольно много.

Иногда я целыми днями сидел и лепил. Сделаю фигурку лошади или другую какую-нибудь, и если она мне не понравится, я её ломаю, то есть превращаю в комок глины и начинаю снова лепить. И так целый день до темноты. Мама меня за это журила, говорила: «Нельзя так долго сидеть на одном месте, пошёл бы погулял». Но как я пойду гулять, если у меня работа не сделана.

Лепить фигурки из глины не простое дело. Ну, во-первых, работа грязная, а во-вторых, надо знать какую глину добыть. Первое время я брал глину в яме на улице, она была ближе к нашему двору, но когда я из этой глины сделал фигурки, то, высохнув, они рассыпались. Мама, посмотрела на это безобразие и сказала: «Наверное, глина была плохая, ты бы, сынок, брал глину в той яме, что за нашим огородом, там глина хорошая, такая тягучая, тебе она, наверное, подойдёт».

Пошёл за глиной туда, куда меня направила мама. Ходил я один, мне никто не помогал, если вы спросите, почему? То я отвечу так: не знаю, но что не помогали это точно, хотя моими игрушками играли все дети не только нашей семьи, но и других семей. Помогать мне лепить фигурки необходимости не было, я и сам с этим справлюсь, а вот глину накопать, а затем тащить её домой, вот тут помощь была нужна. Когда я подрос и мне было лет восемь-десять, то такая работа для меня не была проблемой, а вот когда был поменьше, этак лет семь, тогда, да.

Сначала я делал фигурки простые. Людей с лицами, лошадей, коров. Затем на лошадей надевал седло, а на седло усаживал фигурку человека — всадника. Затем, начинал делать брички, и в них запрягать лошадей с хомутами, волов в ярме, ну и так далее. У моих фигурок, особенно животных, был один, как бы технический, недостаток — у них быстро отбивались хвосты и ноги, но особенно хвосты. Я задумался над этой проблемой, как сделать так чтобы эти детали фигурки были крепче. И сообразил, что надо эти детали, чем то укреплять. Начал соображать, чем укреплять. Хорошо бы проволокой, но в нашем хуторе её и в

помине не было, да я тогда и не знал, что есть такой материал. Начал подбирать палочки из стеблей травы. На ноги подобрал быстро, там нужны прямые палочки, а вот на хвосты и, особенно, на рога пришлось помучиться. Ведь там нужна палочка не прямая, а дугообразная. Излазил весь огород, и свой, и чужой, исцарапал ноги и руки, но всё же нужный материал подобрал. Теперь мои фигурки стали прочнее, я ведь тогда не знал, что скульпторы армируют свои изделия, так же как и я. Таким ремеслом, на весь хутор, я занимался один, поэтому заказов было много. Хутор был большой, детей в каждом дворе много, а игрушек нет, а те которые были в Ипатово, то купить не на что было, вот почти все дети хутора и играли моими игрушками. О моих способностях узнала учительница и пришла посмотреть. Стоит, смотрит, мама рядом с ней стоит, учительница посмотрела на мои глиняные фигурки, в руках подержала, затем говорит маме: «Знаете что, Пелагея Савельевна, Сене надо учиться дальше, у него, несомненно, талант, его надо отдать учиться в какую-нибудь художественную мастерскую, из него может получиться хороший скульптор». Маму такое слово, как скульптор, испугало, но она не подала вида и сказала: «Яку там школу, вот дома липэ и ныхай липэ». На этом образование моё, как скульптора, закончилось, а фигурки лепить я продолжал и дальше. Мне хотелось мои глиняные фигурки раскрасить, чтобы они выглядели разнообразней и красивее, но красок в хуторе не было, пробовал красить белой глиной, разводил её в воде и красил свои фигурки, но она осыпалась и только больше грязи делала. Пробовал ещё красить сажей, но результат получился ещё хуже, чем с белой глиной. Поэтому от идеи покраски я отказался. А свои фигурки я делал до тех пор, пока не поехал учиться в школу, в село Ипатово, там я тоже пытался их делать, это когда ловили раков. Берега реки Калаус глинистые, так что глины там было достаточно, но это было несерьёзное занятие, а просто баловство, хотя ребятам, с которыми я там был, фигурки понравились. А вот не так давно, я смотрел по телевизору выставку глиняных фигурок. Скажу вам, как специалист в этом деле, они мне не понравились. Вы зададите вопрос, почему? Объясняю, они не были похожи на своих прототипов. Фигурка лошади ничем не отличалось от фигурки собаки: ни размером, ни внешностью, только на фигурке лошади было нарисовано седло. Те ремесленники, которые показывали свои изделия, настоящих лошадей или не видели или просто у них невысокое мастерство. Ну что это за лошадь, у которой нет груди, и ноги у неё начинаются от шеи, как у девушки-фотомодели, и идут прямые как столбики, а куда же девались коленки, и копыт не видно, а круп такой тощий, как будто эта

лошадь больная и у неё весь зад атрофировался. Нет, не понравились мне показанные фигурки. И, это я говорю не из-за ревности, а потому что сам этим занимался и знаю, какие они должны быть. Думаю, что если бы я раскрасил свои фигурки, то на такой выставке, они заняли бы почётное место. И всё-таки, грустно, возможно я был бы великим скульптором, не родись я в таком глухом месте.

Я КАК БЫ ДЕРЖУ ЛОШАДЕЙ

В нашей семье был заведён такой порядок, тот, кто работал с лошадьми, вставал рано, и шёл на конюшню. Там он брал лошадь, или лошадей, запрягал в телегу и ехал к нашему двору. Обычно это был мой брат Иван, затем он шёл завтракать, лошадей кто-то должен держать. А кто? Кроме меня некому. Григорий уже работал в поле, Миша и Рая были ещё маленькие, а я так, и ни малый, и ни большой, вот эта работа и доставалась мне. Работа сама по себе не трудная, стой и держи за уздцы лошадь, даже если их две, все равно, держишь одну, этого достаточно.

Сложность этой работы заключалась в том, что она проходила рано утром. Только день начинает пробуждаться, а тебя уже будят, вставай держать коней. А как встанешь, когда ты вчера, допоздна носился как угорелый по просторам хутора, уставший лёг спать, только разоспался, а тебя уже будят. Вставать не хочется, глаза не открываются, постель обняла и не отпускает, спать хочется, сил нет. Ну, а если тебя с трудом подняли, то идёшь к этим лошадям, таким же несчастным, как и я, с закрытыми глазами, держась за стенку хаты чтобы, не упасть. Казалось бы, чего проще, подъехал Иван к нашему двору, накинул вожжи на столб ворот, и иди, завтракай. А нет, надо обязательно поднять сонного Сеню, и пусть он стоит и тут мучается. Как вы думаете, что это, издевательство над ребёнком, или политика? Не знаете? Вот и я тоже не знаю. А тем временем, Иван уже подъехал к нашим воротам, и знаю, что сейчас придут меня будить, а спать хочется, сил нет. Утро, рань перерань, я сплю в детской комнате. Мама заходит и меня будит: «Сеня вставай, Иван приехал, надо конив держать». Я, не открывая глаз, отвечаю: «С час». Сказал, а сам продолжаю спать. Мама уходит, а через некоторое время, снова приходит и будит меня, я не могу открыть глаза, так спать хочется. И на этот раз у нас с ней прошёл такой же диалог. Когда мама ушла, я опять засыпаю крепким сном, и мне снится сон, что стою я у наших ворот и держу за уздцы тех самых лошадей. А сам, сквозь сон слышу голос мамы: «Сеня, та вставай же, иди держать лошадей». На что я ей отвечаю: «Мам, да я их уже держу». Мама рассмеялась и говорит: «Да где же ты их держишь, сынок, ты же ещё спишь». Думаю, ну теперь от лошадей не отвертеться. Поднимаюсь, иду с закрытыми глазами, держась за стенку хаты, подошёл к лошадям, взял за вожжи сел у ворот и решил доспать. И так каждый раз.

СПЛЮ В ОБНИМКУ С КОБЫЛОЙ

Вот ещё случай из той же серии, как я однажды спал в обнимку с кобылой. А всё получилось по одному и тому же сценарию. Снова приехал Иван, но теперь уже на рыжей кобыле, запряженной в тачку. Меня снова мама поднимает. На этот раз я сопротивляться не стал, думаю, всё равно поднимут. Иду я полусонный к воротам, смотрю, стоит кобыла, низко опустив голову, глаза у неё закрыты, тоже досыпает. Кобыла старая, по лошадиному возрасту, она уже лет пять должна быть на пенсии, а её заставляют работать. Подошёл, стал перед ней, а она даже ухом не повела, так она устала от вчерашней работы, что ещё не успела отдохнуть, а её снова запрягли. Стою, ранее солнце в спину припекает, хорошо — ещё не жарко, но уже тепло. На солнышке согрелся, и меня снова потянуло в сон. Я решил как можно лучше устроиться, чтобы ещё поспать. Обеими руками обхватил голову кобылы, свою голову положил на её голову, между ушей, где у неё кустятся волосы, а там моей голове стало так мягко, как на подушке, и мы с ней уснули. Всё бы было хорошо, мы с кобылой спим, мне уютно, моя голова лежит на волосах между ушей кобылы, всё прекрасно. Но эти зловредные мухи не давали нам покоя. У них, наверное, начался завтрак, и они нас с кобылой донимали так, что нет спасу. Мы всячески от них отбивались, я махал руками, кобыла топала ногами, махала хвостом, но они ни как, ни хотели нас оставлять в покое. В какой-то момент, мухи от нас отстали, может они нашли другое более лакомое место, а может их позвали на партийное собрание, тогда это было модно, но мухи нас оставили в покое, это точно. Я крепче обнял голову своей «подруги» по несчастью, и мы оба крепко уснули. По-моему мнению, мы оба даже храпели. Проснулся я от дикой боли в ступне правой ноги. Я заорал так, что услышало пол хутора. На мой крик прибежала мама, и стала ругать кобылу, за то, что она наступила мне на ногу. По пути досталось и Ивану, на что Иван ответил: «Ныхай рот ны разевае». На этом Иван уехал, а мама по инерции продолжала ругать кобылу. Мне мою подругу, голубку дряхлую мою, стало жалко, и я стал её защищать: Говорю: «мам, это не кобыла виновата, а эти зловредные мухи, которые нам покоя ни давали». Мама со мной согласилась, а ступня тем временем, стала прямо на глазах увеличиваться. Мама увидела мою раненную ступню и говорит: «Давай сынок я её полечу». Что-то пошептала, вроде у того боли, у другого боли, а у Сени заживи, затем обмотала тряпкой и на этом лечение закончилось. Нога, конечно, продолжала болеть, за

то я получил краткосрочный отдых, и какое-то время, ранним утром меня не поднимали. Поспал в удовольствие.

ТЕЛЯТА

Только моя нога зажила, как наступила наша очередь, пасти телят. Опять, их пасти, кроме меня, некому. Я уже знал, что пасти телят хуже, чем коров. Коровы степенные, ходят по лугу и едят траву, а как наедятся, ложатся отдыхать. Телята же всё время носятся по лугу как угорелые, им, как детям, хочется похвастаться друг перед дружкой своей прыткостью и ловкостью. Они хвастаются, а пастуху забота их в стадо собрать. Но, как бы то ни было, а пасти надо.

Перед тем как гнать стадо телят, мама меня наставляет, когда телят надо гнать на обед, а, главное, как определить время, часов-то не было. В нашем дворе мама начала тренировать меня, как определить время по солнцу. Я об этом слышал давно, но как именно определять время по солнцу, не знал, да и в хуторе никто, не знал, в том числе и мама. Но сама мама не знала, что она этого не знает, и поэтому меня учила. Ставила палочку и говорила: «Смотри, сынок, как только тень упадёт на хутор, то гони телят домой». Ладно, думаю, как-нибудь со временем определюсь. Выгнал телят за хутор, и недалеко от птичника, определил им пастбище. Сначала они паслись, но через некоторое время как начали бегать в догонялки, спасу нет. Сначала я за ними бегал, потом чувствую что устал, сел на траву и думаю, да бегайте вы, сколько хотите, знаю, что дальше хутора они не убегут. Солнце поднялось уже высоко, надо определять время, гнать своё резвое стадо или ещё подождать. Ставлю палочку, смотрю на тень, на хутор она падает, но на косую. Значит ещё рано гнать, потому что мама сказала, что тень должна быть прямой. Слово вертикаль мы не знали. Сложность моего положения в том, что время определить точно не возможно, и телят пригнать ни раньше, ни позже тоже нельзя. Потому что телят встречают бабки, а им никогда не угодишь. А бабки злющие-презлющие, прям спасу нет, они, всегда ходят с палками, на которые опираются, а в случай чего могут их и в ход пустить. А под их палки я попадать не хочу, вот и колдую над тенью от палочки. Ещё раз взглянул на солнце, поставил палочку, по моему мнению, тень была самый раз. Раз так, то надо гнать своё быстроногое стадо.

А стадо было не маленькое — тридцать голов. Гоню через переулок, на котором стоит зернохранилище. Все шло нормально, пока мои телята не вышли на нашу главную улицу.

Я, иду за стадом и ещё не знаю, что там произошло, но уже слышу громкое мычание сначала телят, а затем и коров. Тут я

понял, что произошла «стыковка» моего стада, со стадом коров, чего ну никак нельзя было допустить. Так как, обрадованные телята выпьют всё молоко, у своих матушек коров, а их хозяйкам ничего не достанется. Когда я понял в чем дело, то сразу подумал, что надо убегать домой пока, мне ни перепало от бабкиных палок. Пригнувшись, я побежал вдоль забора, по улице повернул вдоль хаты Давыденко, прячась за деревьями и кустарником, побежал в сторону нашего двора. А, в это время на улице хутора творилось что-то невероятное. Крик, гам, коровы ревут, ищут своих детей-телят, телята мычат, ищут своих матерей-коров, бабки с палками наперевес, носятся по улице, ищут виновника торжества телят, да, да именно торжества телят, ведь у них праздник они напьются молока своих матушек-коров вдоволь, а такого никогда не бывало. В общем, творилось что-то невообразимое, одни ругались, другие радовались. Слышу, как одна бабка кричит другой: «Кума, а хто сёдня пас телят?» — «Та Сенька Гакивский, шоб ёму пусто было», — отвечает другая. Ладно, думаю, вы разбирайтесь, а я домой. Так короткими перебежками я благополучно добрался до дома. А после обеда, надо было снова гнать телят на выпас, но хозяйки их в стадо не пустили, рассчитывали хоть вечерней дойке, молоко добыть. А на следующий день пасти телят уже была не наша очередь. Вот такой у меня был опыт пастуха.

ЛЕГКОВАЯ МАШИНА И ДРУГИЕ ДЕЛА

Как то сразу после войны, к нам в хутор приехала легковая машина, какой марки я не знаю, но что-то вроде ЭМКИ. Остановилась у здания правления колхоза. Сюда сразу сбежались два десятка мальчишек, а как же, диво-то какое, до этого в нашем хуторе легковых машин не было.

Из машины, вышел солидный мужчина, по всему видно, какой-то начальник. Внешностью похож на кавказца: то ли грузин, то ли армянин, их, «нацменов», тогда в районном управлении села Ипатово было много. Посмотрел на нас и спросил: «Где председатель?» Мы ответили: «Наверное, в поле». Он повертел головой по сторонам, затем спрашивает: «А что это у вас за здание?» — и показывает на наш клуб. Я ему ответил, что это клуб. Он наклонился в салон и говорит шофёру: «Поедем туда, пока председателя нет». Сел в машину, она фыркнула и тронулась, мальчишки смотрят, как машина отъезжает, и ни какой реакции… А меня как будто кто-то в спину толкнул, я одним прыжком, заскочил на бампер машины, руками схватился за запасное колесо, что на заду закреплено, и прокатился до клуба. Интересная была реакция, этого мужчины. Он вылезает из машины, а я уже стою около его дверки. Он удивлённо расширил глаза и спрашивает меня: «А ты как здесь оказался?» — «Прибежал», — не моргнув глазом, соврал я. Начальник удивлённо покрутил головой, но ничего не сказал. Вот так, я впервые, покатался на легковой машине. Сразу после того как я прокатился, захожу во двор, а там Наташа стоит и держит в одной руке ведро с пшеницей, а в другой горшок с просом. Я хотел похвастаться, как я на машине прокатился, но сестра меня остановила и говорит: «Бери горшок, пойдём к Мазепе, молоть муку и толочь просо».

Я уже знал эту противную работу, идти не хотелось, но деваться не куда, надо, значит надо. В нашей семье «не хочу» или «не буду» не воспринималось: раз надо, то надо делать. Как в армии: «Не умеешь — научим, ни хочешь — заставим». Так что отнекиваться нет смысла, все равно пойдёшь как миленький и будешь работать столько, сколько надо. Идем с Наташей молоть муку. Я не знаю, почему у нас так называли, не молоть зерно, а именно муку, молоть. Это, конечно, не правильно, но так называли взрослые, и мы, дети, тоже им подражали. Как только пришли к Мазепиным, сестра распределила, наши обязанности, говорит: «Ты, Сеня мели муку, а я буду толочь просо». Ну что же думаю, муку так муку, хотя мне хотелось толочь просо ступой, на

ней интересней. Ступа ножная, стоишь на доске и одной ногой нажимаешь, пест ступы поднимается, затем нажимаешь другой ногой, и он резко опускается в ступу, где уже насыпано просо. И так туда, сюда, туда, сюда, сотни раз. После такой зарядки ноги отказываются идти, требуется время, что бы мышцы ног пришли в норму, только тогда можно двигаться. Но о том, что я хочу на ступе работать, я даже не заикался, так как на ней могут работать только взрослые люди, там нужен широкий шаг, а какой шаг у девяти летнего мальчишки, вы, наверное, знаете. А зерно молоть на муку, надо на ручной мельнице.

Принцип её устройства такой же, как и у большой мельницы, два жернова, верхний и нижний. Нижний жернов, просто каменный круг, а на верхнем круге? В центре, круга имеется отверстие, в виде воронки, куда горстью засыпается зерно, и ручка, чтобы вращать жернов, вот и всё. Крути себе да подсыпай зерно. Оно перетирается жерновами и получается мука. Но процесс этот не лёгкий, особенно для детей. Сначала устают руки, а затем и всё тело. Лицо и руки покрываются потом, то и дело, с лица рукавом рубахи смахиваешь пот, а руку, которой насыпаешь зерно, вытираешь о штаны, зерно-то должно быть сухим. Это такая тягомотная работа, что чтобы делать её надо иметь терпение, а у меня его никогда и не было. И вот я, чтобы ускорить процесс, решил сыпать зерно в воронку не граммульками, как положено, а полной горстью. И, сразу жернов стал вращаться легче. Вот, теперь зерно быстро перемелю. Только от моей деятельности, из зерна, стала получаться не мука, а крупа. Увидев это, я подумал, ну и что, что крупа, крупа дома тоже нужна, будем кашу варить, главное, легко вращать жернов и зерно быстро уменьшается в ведре. Такое на этот счёт, было моё мнение. Но у моей старшей сестры Наташи было другое, и она заставила меня перемолоть, теперь уже крупу, на муку. Справились мы с работой, когда совсем стало темно.

По темноте приходим домой, а дома тоже темно. Лампа не горит, в печке огня тоже нет, темно, тоскливо, а главное поужинать невозможно, ничего же не видно. Я позвал маму, говорю ей: «Мам, а почему у нас темно?» Слышу скрип кровати, затем голос мамы: «Та, огонь в печке погас, просмотрели, а новый кресалом никак не могли добыть, вот без ужина и легли спать». Ничего себе без ужина, я набегался, наработался, есть хочу сильнее волка, а она без ужина: «Нет, мама, без ужина я не могу, мы с Наташей, столько дела сделали и без ужина». Я уже было начал применять оружие массового поражения, то есть, слёзы, но тут в сенцах, послышался мужской голос: «А что это у вас темно?» По голосу я узнал, что это Василий Стаценко, он жил недалеко от

нас. Мама сидит на кровати и с гостем разговаривает: «Да огонь у нас погас, а кресалом никак добыть не могли, вот и решили ложиться спать, да ещё и без ужина» — «Как же так, без ужина? Без ужина никак нельзя», — сказал Василий, подошёл к окну, где был свет от луны, достал из кармана кресало и принялся добывать огонь. Кресало, это то же самое, что и огниво, и у них есть свои особенности. Чтобы добыть огонь кресалом, надо иметь металлическую плашку и камень. Затем держишь камень в одной руке, а металлическую плашку в другой руке и бьёшь ею по камешку. В результате таких действий, из под металлической плашки вылетают искры, вот они то и зажигают трут. Казалось бы, просто, но таким способом добыть огонь не так просто, иногда все пальцы изобьёшь до крови, а огня как не было, так и нет. Вся соль в том, чтобы и камушек, и кресало соответствовали стандарту.

То есть, камушек — это должен быть настоящий гранит, в хуторе такой камень называли кремень, а кресало — стальная пластина, не железная, а именно стальная. А где в нашей степи найдёшь кремень, или ту же сталь, вот и добывали всё это, законным и не законным путем.

Дошло до анекдота, или, если можно так сказать, и смех и грех. Летом собрались на сенокос, стали смотреть режущий агрегат косилок, и обнаружили, что там нет стальных вкладышей. Как вы думаете, куда они делись? Правильно, их растащили на кресала. А вот, трут, должен быть из хорошего горючего материала, иначе искры будут, а трут не загорится. Хорошим материалом для трута была вата, но вата у нас была только в фуфайках, вот её оттуда и дёргали на трут. А огонь кресалом семье приходилось добывать часто, и ваты уходило много, и всё из фуфайки. Поэтому доходило до смешного, идет хуторянин в фуфайке, а она на нём болтается как тряпка, оказывается вся вата из фуфайки ушла на трут. Чтобы сэкономить вату, пробовали «вату» из подсолнуха, но она оказалась не горючая, и от этой идеи пришлось отказаться. А в тот вечер нам повезло, Василь добыл огонь, мы зажгли лампу и затем растопили печь. Разогрев ужин, поели, а теперь можно и спать.

ВЫРШОК

На другой день, мама говорит: «Сеня, сходи в погреб и принеси кувшин с молоком». Я беру у мамы ключ от погреба и бегу исполнять задание. Спускаюсь по ступенькам вниз, вот они стоят, кринка с чем-то и горшок с вчерашним молоком, накрыт глиняным блюдцем. Я открываю его, смотрю, а сверху молока такая белая, густая плёнка, в моей голове сразу промелькнуло: «Выршок», то есть, сливки. Ой, как же я любил этот выршок, если я его видел, то никак не мог удержаться, чтобы не попробовать. Быстренько вытираю грязный палец о грязные штаны, и запускаю его в этот сказочно вкусный продукт. Думаю, один раз попробую, и мама не заметит. Попробовал один раз, вкуснятина неописуемая, а если учесть, что я всегда ходил полуголодный, то сами представляете, как мне было вкусно. А, думаю, дай-ка ещё разок и всё. Запускаю снова палец, вытаскиваю его от туда, а он покрыт толстым слоем густых красивых сливок, но рассматривать их мне некогда, меня мама ждёт с молоком. Я быстренько отправляю его в рот, затем ещё раз и ещё, и ещё, и потом смотрю, а на палец уже ничего ни цепляется, ну всё теперь можно нести. Несу, а сам думаю, что бы придумать такое, что бы сразу от мамы убежать, до того момента, пока она не увидела что в кувшине нет выршка. Но в голову ничего такого, что бы мама поверила, не приходило, вот уже порог, вот мама, надо уже отдавать кувшин, а я ничего не придумал, чтобы быстро уйти из опасной зоны обстрела маминой мокрой тряпки. Мама, берёт кувшин, ставит его на стол, а я в этот момент сообразил, что ей сказать, и говорю: «Ой, мама, мне надо срочно бежать, а то курицы в огород залезли». Мама знала мои уловки и спокойно ответила: «Подожди, сейчас погляжу, что ты принёс, потом пойдёшь».

Зная, чем это всё может закончится, я, на всякий случай, стал подальше от мамы. Она открывает кувшин, смотрит, в него и с возмущением говорит: «Сенька, а выршок дэ?» Я, не моргнув глазом, говорю ей: «Ны знаю, мамо, ёго там ны було» — «Та как же ны було, куда же он делся?» — «Ны знаю, мамо, наверное, хто то ищё вчёра ёго зив» — «Та кто же вчёра его мог зисть, если погреб под замком?» — «Може хто-то зализ в погреб, и зив выршок, может шпионы?» Я маме вру, а сам честно смотрю ей в глаза. Маме мои оправдания, надоели и в заключение она сказала: «Знаешь, Сенька, что я тебе скажу, самый главный шпион у нас — это ты. Дывысь, Сенька, ещё раз и ты у меня получишь, по полной программе. Я доволен тем, что на этот раз обошлось без трёпки, побежал гонять мнимых кур.

«КАНФЭТА»

Как-то возвращаюсь я из кузницы, где мы играли с мальчишками, иду домой мимо клуба, затем решил пойти к правлению колхоза, вдруг там что-то происходит, а я и не знаю. Иду возле Ласуновского мостика, и вдруг вижу, лежит какая-то чистая, красная, красивая бумажка, слегка свёрнутая в рулончик. Рассматриваю её, а на ней нарисованы какие-то ягодки и что-то написано. Читать я тогда ещё не умел и поэтому, что написано, не мог прочитать, но раз такая красивая бумага, то в ней должна быть КАНФЭТА. Это сладкое слово КАНФЕТА так захватило моё сознание, что в тот момент я кроме этой красивой обёртки больше ничего не видел. А конфет, мы тогда вообще не видели никаких, даже карамели «подушечек» у нас не было. Беру её в руки, разворачиваю, смотрю, а канфэты в бумажке и нет, только в складках немного осталось что-то розовое, как будто от конфетки. Я подумал, наверное, сладкое, поднёс ко рту и лизнул языком. Вкус этого чего-то мне совершенно не понравился, думаю, что за конфета такая не сладкая, и чтобы уточнить, что это такое понёс обёртку домой. Приношу и говорю маме: «Мама, посмотрите, какую я нашел красивую бумажку от конфетки, там немножко от неё осталось, но оно не сладкое». Мама, взяла бумажку в руки и по слогам читает: «Мы-ло Зе-м-ля-нич-но-е. Сынок, та это бумажка от мыла, а не от конфеты». Я, ещё подумал, как они могли в такую малую бумажку завернуть такой большой кусок хозяйственного мыла, Я же тогда кроме хозяйственного мыла больше никакого и не видел. Мне стало обидно, что в такую красивую бумажку завернули мыло, а не конфетку.

«ОХОТА И ОХОТНИКИ»

Я эту главу специально взял в кавычки, потому что, какие были охотники, такая была и охота. Сидим с Павлом Кошевым на призьбе у их хаты, подходит к нам Лёнька Беленко, поздоровался и говорит: «Что будем делать?» А я им говорю: «А давайте пойдём на лиманы и поохотимся на уток, говорят, там уток видимо-невидимо». Я хоть и был на год младше Павла и Алексея, но инициатива в таких случаях почти всегда исходила от меня. Ребята, начали думать. Я снова беру инициативу в свои руки: «Ну что вы думаете, все равно делать нечего, а до вечера ещё далеко, и оружие у нас есть, у Павла, у меня луки со стрелами, так что пойдемте. Настреляем уток, разведём костер и их пожарим».

От того, чтобы поесть жареных уток, никто не откажется. И мы пошли. Пока шли по хутору, к нам присоединилось ещё человек семь, а может и больше. Идёт по хутору босая ватага ребят, возраста от семи до десяти лет. Бабки нас спрашивают: «Куда это вы собрались?» — «На охоту» — гордо отвечаем мы.

До первого лимана дошли без приключений, это недалеко, с километр от хутора. Малыши шли, от нас не отставали и не хныкали. Но на первом лимане уток не было, решили идти до второго, а это уже километра три от хутора. Для нас девяти-и десятилетних это не расстояние, а вот для семилетних мальчишек? Выдержат ли они? Хотели их домой отправить, но они не хотят возвращаться, пойдём с вами, и всё тут. «Да пусть идут», — говорит Лёнька Беленко.

Пошли, не пройдя и полпути, как у нас начались проблемы. Малыши устали и разревелись, хоть возвращайся назад. А нам возвращаться не хочется, уж очень хочется жареной утятины. Старшие провели собрание, и решили что, с малышами вернётся Иван Поповка, а мы, трое, пойдём дальше. Так и сделали. Пришли к лиману, он большой весь зарос камышом и всякой зелёной травой. Утки на воде сидят, но далеко, из моего самодельного лука их не достать.

День покатился к вечеру, и нам хотелось и пить, и есть. Решили насобирать грибов и пожарить. Павел остался разводить костер, а мы с Лёнькой пошли за грибами. Принесли немного грибов и начали печь на костре. Я съел один гриб, он мне показался невкусным, ребята ещё жарили и ели, а я от грибов отказался и, пошёл обследовать окрестности лимана. Отошёл от ребят метров на пятьдесят, вижу сквозь заросли камыша голову селезня, у него такая красивая голова с цветным оперением. Я сразу упал на живот, приготовил лук, стрелу. Хотя стрела, это

громко сказано, вместо стрелы у меня была палочка, с краю заострённая и лук был не лучше. Ну, вот такое оружие, другого оружия у нас не было. Ползу по-пластунски, в сторону уток, подобрался к ним так близко, наверное, метров на десять, отлично вижу жениха уток, селезня. Он поднял голову, что-то крякает своим невестам, то есть уткам, а они, не обращая на него внимания, спокойно щиплют траву. Я, не вставая, прицелился в голову селезня, натянул тетиву своего лука и пустил стрелу в цель.

Моя, так называемая стрела, долетела до селезня и шлёпнулась у его ног. Глава утиной стаи на шаг отступил от неё, наклонив голову, смотрит на стрелу и думает, что это за палочка такая обструганная и от того белая, и откуда она взялась? А утки даже внимания не обратили на мой «смертоносный» снаряд. Что делать? Стрел у меня больше не было, лежать здесь нет смысла, и я поднялся. Утки, увидев меня, вспорхнули и улетели. Утку я не добыл, но не будем терять надежды, что-нибудь для еды, все равно добуду. Тут я увидел, что недалеко пасётся лошадь. Чья же это лошадь, подумал я, надо проверить. Подхожу к ней, а она от меня не убегает, а напротив, легким ласковым ржанием подзывает меня к себе. В чём дело, думаю, что это она так дружелюбно ко мне настроена, ладно, посмотрим. Подхожу, смотрю, а это кобыла, и видать с жеребёнком, только где её жеребёнок, непонятно, вблизи его нет. Вымя у кобылы так молоком распёрло, что соски торчат в стороны. Да, милая, тебя давно надо подоить. А доить её обязательно надо, иначе животное погибнет, ей сейчас больно, вот она и зовёт меня, чтобы я ей помог. И для кобылы, и для меня это было кстати. Я уже давно хотел и пить, и есть, так будет молоко для меня, а кобыле станет легче, только вот во что подоить, надо поискать посуду у лимана, там охотники её иногда оставляют. Иду к лиману, а лошадь идёт за мной, никак не хочет меня отпускать, так я ей нужен.

Поиски мои увенчались успехом, в руках у меня пол-литровая стеклянная банка, правда, грязная, но это не беда, рядом воды полно. Пока я мыл банку, кобыла стояла рядом со мной и тихонько ржала, призывая меня поторопиться. Я, с помощью пучка травы и воды, вымыл банку, зачерпнул в неё воды, и пошёл к кобыле, что бы вымыть её вымя, мама так делала когда доила корову. Надоил молока в банку, половину банки выпил с удовольствием, уж очень хотелось. А молоко парное, теплое, да такое жирное, как сливки, ну те, что из горшка я пальцем собирал. Чувствую, что животик мой наполнился, сколько мне надо, я же был девятилетним мальчишкой.

Думаю надо надоить и ребятам отнести, а то они там сидят

голодные меня с уткой ждут. Начал снова доить кобылу, она покорно стоит и никуда не уходит. Молока в банку я надоил довольно быстро, хотел уже уходить, но кобыла меня не отпускает, она призывно ржёт, кивает головой и стоит на месте. Да думаю, значит, я не всё молоко выдоил, стал сдаивать молоко прямо на землю. Сначала у меня получалось хорошо, потом мои детские пальчики устали, и я не мог выдоить молоко из соска. Тогда я начал доить всей кистью, пошло лучше, но, недолго, кисти тоже устали, а доить надо, так как молока в вымени ещё много, и оставлять никак нельзя, вы уже знаете почему. От такой работы я вспотел, руки предательски начали дрожать, нет, думаю, надо отдохнуть, иначе у меня ничего не получится. Сижу, отдыхаю, а лошадь не уходит, смотрит на меня и почему-то головой качает, как бы осуждает меня. Мол, что же ты такой слабый, спортом заниматься надо. Я кобыле мысленно говорю: «В общем-то я не слабый, но справиться с такой кобылой, как ты, ты меня извини».

На этом наш диалог закончился, я отдохнул и вновь принялся за работу. С трудом справился с непосильной для меня работой, шлёпнул ладошкой, кобылу по крупу, и она побежала легкой рысцой, от удовольствия задрав высоко хвост. Я несу ребятам молоко, иду осторожно, чтобы не расплескать, постоянно смотрю под ноги. И вдруг, что я вижу, утку, которая лежит и не шевелится. Я подумал, что же это она меня не испугалась. И вообще думаю, откуда она здесь взялась, может её я подстрелил и не заметил, потом подумал, да нет, я никого не подстрелил, да этой палочкой разве кого убьёшь. Осторожно ставлю молоко на землю, беру находку, рассмотрел её и понял, что она тут лежит минимум недели две, но всё-таки взял её и потащил к ребятам.

Подхожу к ним и говорю: «Вот смотрите, я утку подстрелил». Они обрадовались, соскочили и ко мне. Павел Кошевой берёт утку, рассматривает её и говорит: «Та не Сеня, она дохлая». Сказал и небрежно бросил её в кусты. А вот молоку мальчишки обрадовались, они с удовольствием выпили молоко, через некоторое время почувствовали прилив сил, и мы отправились домой.

Домой я пришёл, когда уже стало темно, устал до невозможности, на такие расстояния я ещё не ходил. Мама увидела меня и спросила: «Сеня, ты вичерять будешь?» — «Ни, мама, я спать хочу», — сказал я и, не помыв пыльные ноги, упал на постель, и сразу уснул.

Мне так и хочется этот рассказ закончить словами: «СЛАВНАЯ БЫЛА ОХОТА». Откуда эти слова, я думаю, вы знаете. А вот ещё об более серьёзной охоте.

Весной, когда птицы свивали гнёзда и снесли яйца, вот тогда у нас, хуторских мальчишек начинается охота за птичьими яйцами. Во время войны, да и сразу после войны, птиц было много, даже очень много. В это время их никто не убивал, химикатами не травил, живи птичье поголовье в своё удовольствие, да размножайся. А на юге лето тёплое и длинное, поэтому птицы делали по два, а то и три выводка, так что птичья армия была супер многочисленной. И вот, когда эта бесчисленная армия начнёт нестись, вот тогда вся хуторская ребятня идет на яичную охоту. Собирается толпа человек пятнадцать-двадцать, и в поход. По хутору идёт разношерстная ватага мальчишек, в основном босиком, старая степная колючая трава нас не путает, есть цель, и мы идём. Где гнездятся птицы, мы знаем, воробьи, в основном, в старых скирдах соломы и в крышах кошары, они тоже из соломы сделаны. Так как старых соломенных скирд, вблизи не осталось, то мы сразу направляемся к кошаре. Первая кошара недалеко, километра полтора от хутора, вторая дальше, километра три. Расстояние нас не пугало, главное набрать больше яиц, самим наесться и домой принести. Подходим к кошаре, я смотрю на крышу, а она усеяна дырками, их так много что глаза разбегаются, вот это и есть воробьиные гнёзда. Крыши не высокие, мы мальчишки идём понизу и обшариваем всё углубления. Если наберём недостаточно яиц, то тогда забираемся выше. Первую партию яиц съедаем тут же. Разбиваем, содержимое выливаем в рот, а дальше как положено. Но бывают и накладки. Яйца маленькие, скорлупа тонкая, поэтому делаешь в яйце только дырочку. А как её сделать, если рядом нет твёрдых предметов, бьёшь яйцо об яйцо, иногда получается, а иногда нет. Если не получается то в руках остаются по разбитому яйцу, они текут, по этому их быстренько вместе со скорлупой отправляешь в рот. Что поделаешь, издержки производства. Наедаемся до отвала, ведь всю зиму были впроголодь, хоть теперь поесть. После того как все насытились, начинаем собирать яйца для дома. Снимаем рубашки, расстилаем их на траве, затем берём из гнёзд яйца и складываем в приготовленную «тару». Как можем аккуратно, приносим содержимое рубашки домой, и начинается пир на весь мир. На второй день идём ко второй кошаре, и проделываем ту же операцию, только после этого на недельку успокаиваемся, ждём, когда начнут нести яйца степные птицы. Но на степных птиц я не ходил, по той причине, что среди них у меня было много знакомых и даже друзей, с которыми я играл в догонялки. С ними я познакомился тогда, когда у отца был сенокос, ещё в прошлом году. Я отцу приносил обед, пока он обедал, я играл с птицами в догонялки. Забавная была игра. А было это так.

Я ходил по степи и искал птичьи гнёзда, вот когда я находил гнездо птицы, вот тогда и начинались догонялки. Птица выскакивает из гнезда и изображает из себя раненую, уводит меня подальше от своего гнезда. А я знаю, что она притворяется, но все равно бегу за ней, показываю ей, что она меня обманула. А гнездо её, зачем оно мне, там, наверное, сидят маленькие птенчики, пусть растут, на радость своей маме и нам. Многие степные птицы меня знают, и если я начну собирать их яйца, то, что они обо мне подумают. Скажут мне, ты же с нами играешь и нас же обижаешь, так кто ты нам друг или враг. Конечно, я их друг и поэтому никогда обижать их не буду. И ещё не буду так делать, как мой старший брат Андрей. Они с кем-то поехали на охоту на бричке водовозке. К вечеру возвращается домой, прямо на бричке заезжает во двор и радостно нам сообщает такую весть: «Смотрите, что я вам привёз». Сам залезает на бричку, руку заталкивает в горловину бочки и там шариться. Но то, что он там ищет, ни как найти не может. И вот сам рукой шариться в бочке, а нам говорит: «Я поймал три диких утёнка и опустил их в бочку с водой, думаю, пусть они будут в естественной среде. Но куда же они подевались?» Мы, детвора, стоим толпой окружили водовозку, а вместе с ней и Андрея, и ждём чуда. А Андрей всё ищет чудо и никак не может найти. Я стою и мечтаю, как из этих утят вырастут большие утки, ещё подумал, что им надо будет подрезать перья на крыльях, чтобы они ни улетели. Ведь они дикие, а дикие утки летают очень хорошо. Стою, мечтаю, а сам не спускаю глаз с Андрея, и думаю, когда же он поймает в бочке утят.

И вот оно свершилось, Андрей, вытаскивает руку из бочки, в руке держит жёлтенький комочек, а этот комочек повесил головку. Я сразу понял, что утёнок мёртвый. Затем брат выудил из бочки ещё два утёнка и те были не живые. Андрей держит их в руке и никак не поймёт, почему же они в воде и погибли. Оказалось, что воды было половина бочки. Когда бричка стояла, то они там плавали, и всё было нормально, но, когда водовозка поехала, её начало на колдобинах качать в разные стороны, вода в бочке стала болтаться вот утят о бока бочки и убило.

Просто брат со своими спутниками не сообразил, что так может получиться. Как вы понимаете, крылья подрезать было не кому. Ну а что касается степных птиц, то там им было настоящее раздолье. Всё-таки хорошо, когда в степи много птиц, их голоса слышны везде, и поиграть с ними можно, вот это мне нравится. Однажды я так увлёкся погоней за птицами, что не заметил, что солнце уже садится. Тато мне кричит: «Сеня, шёл бы ты домой, то скоро будет темно». А у меня как раз игра в самом разгаре, одна

птица от меня улетает, другая тут же выскакивает из своего гнезда и тоже изображает из себя подранка, я за ней гонюсь и так без устали.

Вижу солнце уже на закате, а я ни как остановиться не мог, пока ко мне не подошёл отец вручил мне узелок с пустой посудой и отправил домой. В напутствие сказал: «Сеня беги бегом домой, а то скоро будет темно, и ты в хутор не успеешь забежать». И я побежал, а бежать далеко, до хутора было километра три, а мне одиннадцать лет. Но это ничего, главное, что я темноты боялся, ведь когда наступает ночь, тогда всякая нечистая сила, вроде чертей, ведьм, ну и прочей твари, из своих дневных убежищ вылезает на охоту. Вот поэтому я бегу, перебирая своими босыми ногами, а сам, оглядываюсь на солнце, а оно стремительно закатывается в степь, и я чувствую, что засветло не успею забежать в хутор. Вот солнце упало в степь, и сразу наступила темнота, а я ещё и половину пути не пробежал, но бегу, не останавливаясь. А останавливаться никак нельзя, потому что черти и стерегут такой момент, как только ты остановишься, они тебя сразу схватят и уволокут в свой чертячий омут. Нет, нет, вы не сомневайтесь, это правда и так говорят все старые люди, а они век прожили и всякого повидали. Ну, всё, слава Богу, я уже в хуторе, теперь уже не так страшно, всё-таки тут люди ходят и собаки лают, а черти собак боятся. Дома, уже в постели я лежал и вспоминал, как я сегодня хорошо поиграл с птичками, они очень хорошие, и поэтому я их люблю. А вот Воробьёв я не любил, они все этакие воришки — так и норовят, чтобы что-нибудь стащить. Нет, степные птицы лучше, они честнее, корм себе ищут в степи или поле, а не воруют, как воробьи, со стола. А вот ещё один рассказ из серии охоты.

Осенью, птицы собирались в большие стаи, и их было настолько много, что иногда неба было не видно. В один из таких дней, мы с Павлом Кошевым решили пойти охотиться на птиц. Капитально подготовились, сделали луки, из деревяшек ножом выстрогали по три стрелы, луки одели через плечо, а стрелы взяли в руки и пошли за хутор на выгон охотиться на птиц. Уселись в полыни и сидим, ждём, когда прилетят птицы. Ждать пришлось недолго. Вскоре со стороны степи на нас стала надвигаться чёрная туча. Мы сразу поняли, что это птицы. Их было так много, что целиться в одну птицу не было необходимости, надо было стрелять просто в стаю, и стрела обязательно попадёт, в какую-нибудь птицу. Это мы так рассуждали с Павлом. Мы легли на спину и приготовились к охоте. И вот на нас надвинулась чёрная туча птиц, как называются эти птицы, я не знаю, похожи на чирков, но чирки это

или нет, не известно. Их было так много, что неба было не видно, и летели они низко, ну метра три над землёй. Началась охота, я сделал один выстрел, стрела пролетела сквозь стаю, никого не задев, упала рядом со мной. Делаю второй выстрел, то же самое, да что такое, думаю, столько птиц, и ни в одну попасть не могу. Тогда я решил посмотреть за полетом своей стрелы. Прицелился, выстрелил, смотрю, стрела летит точно в голову птице, ну думаю, всё, попал. Но нет, как только стрела подлетела к голове птицы, она её убрала в сторону и стрела пролетела мимо. Э, думаю, в голову целиться не походит, надо целиться в брюшко. Стреляю, стрела летит в птицу, а птица отворачивает в сторону от стрелы. Ну, до чего же эти птицы такие хитрющие, с виду неказистые, какие-то тёмно-серые, а хитрющие, очень. Так мы с Павлом и ушли ни с чем, но я об этом и не жалел, зато картина полета птиц была великолепна, и она мне запомнилась на всю жизнь.

Ну, если я уже пишу о птицах моего времени то, хочу ещё написать о некоторых птицах, которых я запомнил, но и не только о птицах. Все люди после холодной зимы ждут весну, она принесёт радость и веселье, весенние дожди, которые смоют зимнюю грязь, а, главное, наступит тепло. Я, с особым трепетом ждал весеннего тепла, так как я был ещё, можно сказать, ребёнком, и потому не имел зимней одежды, и, как результат, всю зиму сидел в хатыне и смотрел в окно.

Окно было моим мнимым выходом в люди. Правда, я редко людей видел, а они меня совсем не видели, за исключением одного случая. Как-то, вот так, мы трое, я Миша и Рая, выставились в окно и смотрели, может кто пройдёт мимо наших окон, всё-таки развлечение. Но никто не шёл. И вдруг в нашем окне, в которое мы глазели, выросла человеческая фигура, да так что почти всё окно закрыла. Мы от испуга даже от окна отпрянули, затем присмотрелись, а это к нам в окно заглянул Костя-кузнец, он на нас посмотрел, затем зачем-то погрозил нам пальцем и ушёл. Это событие нас взбудоражило на целый день, мы между собой обсуждали все детали этого происшествия.

А когда домой пришла Наташа, Миша первый сообщил ей, что Костя-кузнец сварился. Наташа сразу не поняла и спрашивает у меня: «Сеня, а откуда вы знаете что, Костя сварился?» — «Да нет, — объясняю я Наташе, — он не в прямом смысле сварился, а сварился в том смысле, что нам сварился пальцем через стекло» — «А, — протянула Наташа, — теперь понятно, значит Костя живой». Ну ладно, я немного отвлёкся от темы, давайте вернёмся к весне.

Так вот, сижу я у окна и жду весну, по календарю она уже как бы наступила, на дворе уже середина марта месяца и солнце

припекает, а первые вестники весны, скворцы, ещё не прилетели, значит, весны, как таковой, ещё и нет. Но вот и появились скворцы, они прыгают с ветки на ветку, радостно чирикают, ну всё, думаю, ещё неделька-другая и прилетят ласточки, а они главные вестники тепла, как только ласточки прилетают, то значит тепло наступило основательно, и будет держаться до самой глубокой осени. И тогда всё, закончится мой срок без выходного пребывания в хате, теперь свобода — гуляй на улице, сколько хочешь. На другой день, после прилёта скворцов, я просыпаюсь и быстро к окну, чтобы узнать, как там себя чувствуют скворцы и скоро ли будет тепло. Смотрю в окно и своим глазам не верю. На ветках деревьев образовался иней, скворцы уже не поют, а сидят на ветках, нахохлившись, пережидают холод. Да, подумал я, о ласточках теперь и думать нечего. Но через некоторое время снова ярко засветило солнце, земля начала прогреваться, запели скворцы, в саду появились удоды, а вскоре прилетели и ласточки. Вот на ласточках я хочу остановиться особо.

Дело в том, что в нашем сарае было гнездо ласточек. Оно располагалось, на самом верху внутри крыши, и до него никто дотянуться не мог, за исключением нашего рыжего кота. Ещё года два назад был такой случай, когда кот хотел добраться до птенцов ласточки. Самого процесса я не видел, я сначала услышал ужасный ор кота, а затем он, как ошпаренный, вылетел из сарая, затем уселся за печкой и давай зализывать свой бок. Я, чтобы понять в чём дело, зашёл в сарай, там сидел отец и колдовал над упряжью, а рядом с ним стоял кнут. Я спросил у тата, почему это кот так орал, что его испугало. Отец сразу не ответил, а когда закончил шорничать сказал: «Понимаешь, сынок, сижу вот здесь работаю, заходит в сарай наш кот, ну думаю, зашёл и зашёл, он не первый раз в сарай заходит, и продолжаю работать. И вдруг я слышу писк птенцов и писк ласточки. Поднимаю голову и вижу что этот злодей уже у самого гнезда ласточки. Ну, а ты знаешь, кнут всегда со мной, так вот я поднялся и на всю длину своего кнута так огрел кота, что он с верхотуры не спрыгнул, а свалился на пол сарая, ну а потом убежал. Надо сказать, что после такой встряски, у нашего кота желания лазить к ласточке в гнездо больше не было. Кстати, о кнуте нашего отца. Его кнут, почему-то, всегда был рядом с ним.

Был такой момент, что и я его чуть не отведал. От отцовского кнута, меня спасла моя великолепная реакция и быстрота моих ног. Сам этот случай я описывать не буду, думаю, он не достоин нашего с вами внимания, ведь главная наша цель, это птицы. Так вот, этой весной, о которой я пишу, ласточки, самец и самочка,

прилетели вместе. Это редкий случай, обычно они прилетали по одному, а затем тот, кто прилетел первый, томится в ожиданиях, волнуется, часто криком зовёт свою половину. В наш сарай, каждую весну прилетала одна и та же пара ласточек, обустраивали гнездо и за лето делали два выводка. Осенью они не просто улетали, а делали несколько кругов над нашим двором и только потом улетали на юг, в теплые края. Наши ласточки нашу семью уже приучили, что они весной обязательно прилетают, и так было несколько лет. Но однажды, гораздо позже, весной самец ласточки прилетел, а сама, хозяйка в гнездо не прилетела. Самец ласточки несколько дней летал над нашим двором и криком звал свою любимою, но она так и не прилетела. Тогда он в последний раз покружился над нашим двором и куда-то улетел навсегда. Вот такая грустная история. Мы с мамой смотрели за полётом самца ласточки, на то, как он искал свою подругу и как покинул наш двор. В то время нам с мамой было очень грустно. Когда самец улетел, я у мамы спросил: «Мамо, а куда же девалась наша ласточка?» — «Ой, сынок, — сказала она, — у них дорога длинная, это не просто долететь с южных стран до нас. Может, по дороге заболела и умерла, а может шулюкун её порвал, всякое может быть». Насколько я помню, больше ласточки в нашем сарае не селились. Возможно позже, когда я не жил в хуторе они у нас и селились, но я этого не знаю. Кстати, для информации, деревенская ласточка называется «касатка», а городская ласточка называется «воронок». А вот почему степных орлов у нас называли «шулюкун», этого я не знаю, и мама мне объяснить не могла. Сказала: «Так все называют, и я их так называю. Шулюкун — он и есть шулюкун». А ещё я вам хочу немного рассказать о белых журавлях. Сейчас их в природе почти не осталось, а в моё детство их было видимо-невидимо. Весною, как только мы, ребятня, услышим в небе, их призывной кличь, позывные курлыканья, мы сразу толпой бежим в поле, где трактор пашет землю. На чёрной вспаханной земле, журавли из своего оперенья раскинули белое покрывало, да такое большое, что на всем большом поле чёрной земли и не видно везде белым бело. Вот такая природа была в моём детстве. Надо сказать, что мы с отцом позже охотились на всякую дичь, а вот на пернатую не охотились. Почему? Отвечу так, что не знаю, хотя птиц для охоты в то время было много, но не охотились. А вот брат Андрей со своим другом, который родом из Бурукшуна, а работал в Ипатово, ждали миграции птиц весной и осенью, и в это время ехали на охоту. Опишу один случай из его охоты, который нам с Дусей рассказал брат.

Было это, ещё в то время, когда Андрей работал на колхозной

базе экспедитором. Как-то, в пятницу вечером, к нам во двор заехала линейка, запряжённая парой лошадей. Мужчина, который управлял упряжкой, оставил её у тюков сена, а сам пошёл к нам в хату. Через некоторое время он вышел из хаты и не один, а с нашим Андреем, который в руках держал ружьё. Они сели на линейку и уехали. Я подумал, куда же это брат уехал с ружьём, и пошёл в хату, чтобы спросить у Дуси. Она мне сказала что, Андрей с Анатолием Рашкевичем поехали в хутор, а по дороге хотят поохотиться на диких гусей. Я тогда тонкостей охоты на диких гусей не знал и поэтому остался в недоумении. Дуся сказала, что Брат вернётся в воскресенье. Ну, думаю, вот когда Андрей приедет тогда он и расскажет что это такое «охота на диких гусей».

Андрей вернулся в воскресенье уже к вечеру, зашёл в хату, а охотничьих трофеев нет. Дуся начала его пытать, что, да почему, и вот что он нам рассказал:

— Охота, как таковая, у нас не получилась, потому что гуси уже, наверное, пролетели на юг и мы опоздали. Но мы всё-таки парочку гусей убили, да как потом оказалось не тех. А получилось это так. Проезжаем мы мимо села Кивсала, хаты от нас на расстоянии тридцати метров. Я управляю упряжкой и за небом не слежу, летят там гуси или нет, а Рашкевич держит наготове ружьё, на всякий случай. Едем мирно, разговариваем и вдруг Рашкевич как крикнет: «Гуси!» Соскочил с линейки и давай палить. Я остановил упряжку, поднял голову, и действительно летят гуси, с десяток. Рашкевич первым выстрелом сбил одного гуся, а вторым другого. Гусь, который был сбит первым, упал прямо возле нашей упряжи, а второй ударился в штакетник забора и там же упал. Рашкевич перезарядил ружье, положил его на линейку, а сам поднял гуся за шею и его рассматривает, а мне говорит: «Посмотри, какого красавца я завалил, сегодня у нас с тобой будет шикарный ужин».

Рашкевич гуся вертит туда сюда, а я смотрю а у него на спине перья вымазаны зелёной краской. У меня сразу закралось сомнение насчёт дикости этого гуся. Тут я подумал, а не домашний ли это гусь? Своё сомнение я высказал Анатолию и при том указал на краску. — «Да нет, гусь дикий, а что краска на нём так это он, наверное, где-нибудь, случайно залез в краску». Я ещё подумал, и где же это дикий гусь может залезть в краску. Но спорить не стал, думаю, раз Анатолий уверен, что это дикий гусь, значит, оно так и есть. А тем временем мне Анатолий говорит: «Андрей, ты сходи к забору и забери того гуся, не оставлять же нам охотничьи трофеи». Я в это время сидел возле гуся на корточках и рассматривал его. После слов Рашкевича я поднялся

на ноги и что я вижу. К нам с палкой наперевес бежит бабка и что-то кричит. Я говорю Анатолию: «Посмотри, что это эта бабка так разбушевалась?» Рашкевич не успел мне ответить, как бабка смаху огрела палкой сначала Анатолия, а потом и меня. Я возмутился такой её наглости и обложил её матом с головы до ног. Но бабку это не успокоило, и она снова замахнулась палкой, чтобы меня ударить, но я в воздухе, перехватил палку и выдернул её у неё из рук. Когда бабка потеряла своё оружие возмездия, то она как-то растерялась, сначала нас просто ругала, а потом присела около убитого гуся и заплакала причитая: «Миленькие вы мои, я вас кормила, поила, ночи не досыпала, чтобы вас вырастить, а эти городские черти приехали и вас убили».

Потом она ещё долго причитала над убитым гусем. От её слёз и причитаний мне как то стало не по себе и поэтому я говорю Анатолию: «Давай мы ей заплатим за этих гусей и дело с концом». Но Анатолию деньги не хотелось отдавать и он, решив ещё поспорить с бабкой на счет сбитых гусей, ей говорит: «Послушай, бабка, может это гуси и не твои, а ты за них уже нас побила». Бабка перестала плакать, поднимается на ноги, а я на неё смотрю, что она женщина ещё и не старая только одета по-старушечьи. Женщина выпрямилась и говорит Рашкевичу: «Как это гуси не мои? А ты что не видишь, что они зелёной краской намазаны? У нас в каждом дворе гуси и у каждого своя метка, так что ты не отпирайся. Убил моих гусей, так плати деньги, а не то людей кликну, так они тебе покажут, как на чужое добро зариться». Женщина ещё не кричала, а люди, услышав её плач, начали потихоньку подтягиваться к месту событий. Я говорю Рашкевичу: «Давай отдадим ей по три рубля за каждого гуся, и пусть она успокоится, а то видишь, уже народ собирается». Достаю свою трёшку и говорю женщине: «Давайте мы Вам заплатим за гусей и мирно расстанемся». Беру у Анатолия три рубля и подаю женщине шесть рублей за двух гусей. Она берёт деньги и говорит: «Вот так бы сразу по-хорошему и делали, а то ещё спорить начали».

Взяв деньги, женщина пошла, я беру гуся, который лежал у линейки, а Анатолий пошёл за тем гусем, который лежал у забора. Но он не успел ещё дойти до забора, как женщина взяла за шею гуся и потащила к себе во двор. Рашкевич побежал за ней и что-то ей кричал, но хозяйка гусей закрыла калитку и Анатолия не пустила во двор. Пришлось нам довольствоваться одним гусем.

У Анатолия в Бурукшуне мы этот трофей разделили на двоих и я его повёз в хутор, а там мама сварила наваристый борщ. Вот такая у нас получилась охота. Андрей закончил рассказ, а Дуся его резюмировала такими словами: «Дурные вы дураки, да я бы за

шесть рублей на базаре купила бы два гуся общипанных и выпотрошенных, и их бы хватило не на один борщ, а почти неделю жили бы с мясом». Но что теперь говорить, всё уже свершилось и теперь нечего руками махать. В этой же главе я вам хочу рассказать о невероятном видении, которое было в ту же осень, когда мы ходили с луком охотиться на птиц. Вот как это было. А ещё этой же осенью мы с пацанами наблюдали интереснейшую картину. По лугу, в этом же месте где мы охотились на птиц, летела паутина. Это было в период бабьего лета. Паутин было так много, что она словно прозрачным покрывалом, закрывала небо, сотни её прядей тащились по полыни, но не отрывались. Двигалась она медленно, как будто плыла по невиданным волнам.

День стоял теплый и катился к закату, и в лучах солнца паутина отражалась серебром. Картина была завораживающая. Ребята немного посмотрели и ушли домой, а я никак не мог оторваться от увиденного чуда, стоял, смотрел и смотрел, пока ни зашло солнце. Я и сейчас, в третьем тысячелетии не знаю, откуда взялось столько паутины, не пауки же её наплели. Так что эта загадка для меня до сих пор осталась не разгадана.

ЗАСУХА

В 1946 году на Ставрополье была сильная засуха, все зерновые «горели» прямо на корню. Но некоторые можно было ещё спасти, но для этого нужен дождь, а его не было. На метеосводку надежда плохая, тем более что у нас и метеосводок-то ни каких не было, просто смотрели на небо и определяли, будет дождь или нет. Старухи смотрят, что от начальства никакой надежды, попросили у председателя колхоза телегу и поехали в Бурукшун за батюшкой. Мол, пусть он Бога позовёт, и тот нам выделит необходимое количество дождя. Поехали с утра, чтобы до обеда управиться. Возвращаются без батюшки, он не отказал, но и не поехал, сославшись на занятость. Люди повозмущались поведением батюшки, и пошли работать в поле. Через день снова поехали за батюшкой. Зная об этом, на колхозном дворе собралась толпа народу, и мы, хлопцы хутора, тоже там были, а как же без нас. Люди ходят по колхозному двору волнуются, обсуждают действия батюшки.

Надо срочно батюшку, что же это, он не едет, что ему трудно пройтись по полям, ведь он же знает, что все посевы могут сгореть. Сегодня у колхозников была надежда, что батюшка приедет, и походит с иконами по полям и наконец, то пойдёт долгожданный дождь. Но, и на этот раз батюшка не приехал, снова сославшись на неотложные дела. Теперь уже священнику досталось от колхозников по полной программе. Это что же такое, возмущались колхозницы, урожай на корню горит, а у него, видите ли, неотложные дела. Что это у него за такие дела, которые важнее урожая, что его Бог на небо на совещание вызвал, что ли? Всё, говорят возмущённые бабы, больше не поедем, всё равно уже нечего спасать, всё уже сгорело. Последние три дня так пекло, что всё окончательно сгорело. Уже на поля пустили скотину пастись, может что-то хоть им достанется.

Постепенно люди и забыли, что ездили за батюшкой. И вдруг, примерно через неделю, после последней поездки, к зданию бригады, подъехали две брички, полные каких-то старух, а во главе их сидел Бурукшунский поп. В бричке также находились иконы, всякие знамена и прочая атрибуция. Приехавшие быстренько, на сколько это могут старые люди, спешились, разобрали привезённую атрибуцию, построились, и, не дожидаясь местных бабушек, пошли по хутору, мерным шагом, напевая молитвы. По пути к ним начали присоединяться все новые и новые члены процессии.

Ребятишки сбежались со всего хутора, как же, такое событие,

сам батюшка приехал к нам в хутор, такого у нас ещё не бывало. Но главное не это, а то, что как только, приехавшая делегация двинулась с молитвами, стали появляться тучи, и начал накрапывать дождь. В движущейся толпе заговорили: «Вот что значит батюшка, как только он начал читать молитву, сразу пошёл дождь, вот оно Божье слово, Всевышний всё видит и слышит». Дошли до полевого стана, ну того в котором мы кобылу с жеребёнком нашли, дождь усилился, и бабки со своей ношей, поспешили под навес. Все такие весёлые, мол, свершилось, не зря приехали. Одна приехавшая бабка, нашей бабке говорит: «Вот вам и дождь батюшка привёз, а вы сумливались». Я слушаю эту бабку, смотрю на небо, и вижу что туч-то практически уже нет, они как-то быстро рассеялись, ну что же это за дождь. В такую пору нам нужен настоящий дождь, чтобы он зарядил недели на две, а это смех, а не дождь. Вот такие мысли у меня были в то время. Батюшка решив, что его миссия выполнена, пошёл со своей свитой обратно, но направились они не к правлению колхоза, а по другой улице и начали собирать подаяние.

На своих бричках они проехали всю улицу до конца, затем завернули на нашу улицу со стороны степи и поехали вдоль домов, останавливаясь и собирая подношения. Притом, вокруг бричек, куда подносили подаяние, царило веселье, бабки-чернавки постоянно двигались, улыбались и хуторянам, кто им приносил всякую еду, говорили: «Не поборами занимаемся, а заработали, наш батюшка вам дождь у Господа выпросил». Затем брички подъехали к правлению колхоза, и там поп стоял у брички и собирал подать от местных богомолок. Собрал всё что принесли, перекрестив всех, сел на бричку и уехал. Главное, поборов набрал столько, что в бричках не было места для бабушек богомолок, и они пешком отправились за бричками.

Сознательные хуторяне на все лады осуждали действие батюшки. Люди возмущались, ну зачем он приехал, когда все выгорело, не мог раньше приехать, хотя, что толку, что он приехал, только собрал подать и уехал, а дождя как не было, так и нет. Видно он за этим и приезжал, наверное, продукты в Бурукшуне закончились. Да и почему он именно сегодня приезжал, а не раньше и не позже. Вопросов много, а ответа на них нет и спросить не у кого. Учительница, Мария Васильевна, в отпуске на летних каникулах, тётя Груня, хоть и близка к науке, но она тоже не знает, что делать, наверное, придётся ждать учительницу, может, она объяснит сей феномен. Секрет прозорливости батюшки священника выяснился тогда, когда вернулась из отпуска Мария Васильевна. Она объяснила, что у батюшки, скорее всего, есть барометр, это такой прибор, который

показывает, какая будет погода. Когда прибор показывал ясно батюшка в хутор не ехал, а как показал облачность, то он сразу оказался у нас. Этим самым он не уронил свой авторитет, как священника, и доказал вам, не образованным, божескую силу. Вот и вся разгадка о дожде. Если бы в этот день батюшка не приехал, все равно был бы дождь, так что священник со своими молитвами ни причём.

А дождей потом у нас не было до самой осени. Когда поп ушёл со своей свитой по дороге, мы с пацанами с ними не пошли, а возвращались в хутор напрямую, через поле. Лично я понял, что поп со своими бабками-чернавками нас, хуторян, просто обманул и поэтому мне с этой нечестной компанией, идти не хотелось и мы пошли по полю. Идём там, где пасётся отара овец, доедая остатки не сгоревших посевов. Отара овец была большая, примерно тысячи две голов, обходить её долго и поэтому мы пошли, сквозь стадо овец. Я иду впереди, расталкиваю овечек, они покорно уступают дорогу. Но тут на пути оказался баран и ни в какую не хочет уступить дорогу, я его за шерсть отталкиваю, а он, такой здоровый, упирается и не хочет меня пропускать. Поистине уперся как баран. Тут я подумал, ага, раз ты меня не хочешь пропускать, тогда ты меня повезешь на своем хребете. Лихо вскакиваю на его спину, хватаюсь за шерсть на холке, бью босыми пятками его по бокам и думаю, сейчас он рванёт. А он стоит и не думает двигаться, показывает свою баранью упёртость. Мне это как-то сразу не понравилось, как это так, я его погоняю, а он не хочет двигаться. Стоит, широко расставив ноги, низко опустил свою голову с огромными рогами, и от недовольства засопел так, что пыль полетела от его сопатки. Мне ничего не оставалось, как снова ударить его пятками в бока. На этот раз, он с места так рванул, что я чуть с него не слетел. Несётся, как угорелый, не разбирая дороги, расталкивая своих собратьев в стороны. Как только он вырвался на простор, заложил такой вираж, что я с него кубарем слетел и ударился боком обо что-то твёрдое. Баран убежал, а я с трудом поднялся, бок болит, тут подошли ребята начали надо мной подшучивать, вроде того, вот так прокатился. Но я не обижался, бок хоть и болел, но я был доволен, всё-таки я оседлал барана. Это называется, покатался.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

В нашей хате на стене висели фотографии, где были изображены мои дяди по отцовской линии. Фотографии были старые, чёрно-белые, и не очень хорошего качества. Но то, что на них было изображено, видно было хорошо. Там дяди изображены верхом на лошадях в черкесках, с саблями на боку, а на их головах кубанки. Ну, висят эти фотографии и висят, я к ним сильно и не присматривался, а когда я подрос, и мне было лет одиннадцать, я ими заинтересовался. Залезаю с ногами на скамейку, иначе не видно, и внимательно рассматриваю. Как мои дяди гордо сидят на лошадях, лихо заломив кубанку набекрень, положив руку на рукоять шашки, и гордо подняв голову. Я рассматриваю эти карточки и думаю, какие у меня были воинственные дяди, и своими родственниками решил похвастаться перед друзьями. Пригласил Лёньку Беленко, Павла Кошевого, показываю им фотки своих дядей, они смотрят и удивляются. Затем Лёня Беленко спрашивает: «А где твои дяди служили, у казаков или у черкесов, в конной дивизии?» Я этого не знал и решил спросить у мамы.

Когда вечером мама пришла с работы, первым делом я у неё спросил: «Мамо, а в какой армии мои дяди, которые на стене висят, служили?» Мама, посмотрела на меня с каким-то удивлением и говорит: «Да ни в какой армии они не служили, они, как и наш отец, работали батраками» — «Мам, — не унимался я, — а на карточках они сидят на красивых конях, в черкесках, с шашками, видно, что они военные». Мама засмеялась и говорит: «Та нет, Сеня, это нарисована такая картина, а твои дядьки только голову просунули вот в ту дырку», — и показывает пальцем, куда они просовывали свои головы. Сказать, что я по этому поводу расстроился, значит, ничего ни сказать, я просто был ошарашен. Я целый день ходил сам не свой, так хотелось, что бы мои дядьки гарцевали на таких красивых конях, а так, в дырку засунуть голову каждый сможет. Но делать нечего, раз уж так вышло, теперь надо чтобы мои друзья не узнали, а то позор какой будет. А вскоре я из ружья расстрелял эти фотографии, а заодно и зеркало, которое висело рядом, случайно конечно, но всё же.

Случилось это весной, когда земля во дворе хорошо высохнет, тогда начинается уборка всего подворья от зимней грязи. Работает вся семья, от мала до велика, у каждого есть задание и его надо выполнить. Убираем двор, день катился к закату, все заняты работой, родители тоже здесь же, вдруг кто-то крикнул: «Утки». Все посмотрели в небо и увидели, как стая уток летит в

небе над нашим двором. Тато, быстро в хату и через минуту выскакивает с заряженным ружьём, прицелился, а утки уже далеко, как в песне Михаила Шафутинского. Отец поставил ружьё к стенке хаты, и продолжили дальше работать. Затем, когда закончили работу, отец ружьё закрепил в хате, на потолочную балку, оно там всегда висело. На другой день, после работы, взрослые дети куда-то ушли, а тато и мама пошли в гости к нашим соседям Мазепиным. Там у них было, какое то торжество. Я оставался один с младшими детьми, которые играли здесь же в большой хате. От нечего делать, я решил заскочить на полати и клацнуть курками ружья, которое было закреплено на потолочной балке. Я так делал и раньше, но дети боялись, когда я играл с ружьём, и сразу убегали в хатыну. А затем, когда щелчок раздавался, они снова выходили в большую комнату.

Обычно всё было нормально, но только не в этот раз. Вот на этот раз, я взвёл оба курка, чтобы сильнее был щелчок и дети больше испугались, затем по привычке нажал на оба курка одновременно, и хотел услышать характерный щелчок курка, но в ответ грянул выстрел, да такой сильный, что у меня уши заложило. Сквозь грохот выстрела я услышал треск и звон стёкол, но сразу я на это не обратил внимания. Меня больше беспокоило то, что всю хату заволокло дымом, да таким вонючим, что дышать нечем было. Я, открыв дверь, выскочил во двор, кашляя и протирая глаза от дыма. Смотрю на входную дверь хаты а, оттуда дым валит как из большой трубы. От случившегося у меня в голове рой мыслей: почему выстрелило ружьё, что будет, когда об этом узнают родители, и сколько за это будет этого самого, ну и так далее. И тут я вспомнил о Мише и Рае, где они, что с ними, может, они там уже задохнулись. Я стремглав бросился в хату, зная, что они до того сидели в хатыне, рванулся туда. Открываю дверь, и вижу, что здесь дыма нет и младших детей нет, куда же они подевались? Заскочил на полати, чтобы посмотреть на печке, там тоже их нет, куда же они подевались? И тут я сообразил, скорее всего, они спрятались под полати. Залезаю туда и точно, они там, сидят на корточках, смотрят на меня, а ничего ни говорят. Потом Рая спрашивает: «Сеня, а шо цэ гром був?» — «Та нет, говорю, это ружьё само выстрелило». Взял их за руки и вывел во двор. Сижу на корточках, смотрю на входную дверь, из которой продолжает идти дым, и думаю, наверное, это будет долго, дым надо чем-то выгонять из хаты. Взял полотенце, которое висело на жерди, у летней кухни, и пошёл в хату гонять дым. Зашёл в хату, а там дыма столько, что дышать нечем, но ничего думаю, потерплю, надо же дым из хаты выгнать и начал полотенцем его выгонять. Хожу по комнате и машу полотенцем, чувствую мне уже

дышать нечем, тогда я сел на доливку и продолжал махать, чувствую, что скоро задохнусь, а дым как стоял коромыслом, так и стоит.

Дальнейшей пытки я не выдержал и рванул из хаты во двор, сижу во дворе на дышле от тачки и думаю, как сделать так, что бы быстрее дым вышел из хаты, да посмотреть, что там натворило это противное ружьё. И тут я вспомнил то, что когда у мамы что-нибудь на плите сгорит, то она открывала дверь, а затем вынимала оконную раму, потому что окна у нас не открывались, и дым быстро выходил из хаты. Я быстренько пошёл к окну, повернул, гвозди в другую сторону, и вытащил раму. Помогло, дым с окна пошёл как из трубы. Когда дым из хаты вышел я пошёл в неё посмотреть, что ружьё натворило. То, что висело на стене, всё разлетелось вдребезги, а от зеркала остались только осколки, а от фотографий рамки, с простреленными фотками. Дробь в заряде была крупная, фотографии изрешетило так, что там уже было не понять, кто на них сфотографирован. Досталось не только фотографиям и зеркалу, перепало и самой стене тоже, на которой всё это висело. Характерно то, что стенку изрешетила не только та дробь, которая попала прямо в неё, но и та дробь, которая прострелила фотографии. Ружейный заряд, фотки пробил насквозь, и дробины заряда застряли где-то далеко в стене, было видно только дырочки от них. Я навел кое-какой порядок, два крупных осколка зеркала оставил, а остальное в мусор, на кучу золы, что за огородом. Порядок навёл, теперь осталось дождаться родительского суда. Каков он будет, я примерно знал, но думать об этом не хотелось.

День катился к закату, разгорелась вечерняя заря. Я сижу на дышле тачки и жду с моря погоды. Но так как я по натуре нетерпеливый, то не смог долго ждать и пошёл сдаваться родителям, которые до сих пор были у Мазепиных. Там застолье шло полным ходом. В оправдание хуторян должен заметить, что гуляя, они никогда не напивались, так чуть-чуть, как говорится, для веселья. Я думаю, что они так это делали потому, что каждого родителя дома ждали дети и бесконечная работа, которую отложить ну никак нельзя. Как только я зашёл в хату к Мазепе, мама увидела меня и спрашивает: «Зачем ты пришёл?» — «Да так», — отвечаю я неопределённо. «Как дела дома?» — снова спрашивает она. «Та гарно», — отвечаю я. Ну, всё же, читатель, Вы меня понимаете, не могу же я сразу сказать, что в дребезги расстрелял пол стены, надо было оттянуть родительскую кару. Я уселся на скамейку, которая стояла у стены, и грустно смотрел на веселье, думая о своём неизбежном.

В комнате Мазепы я из детей был не один, там были и другие

дети, родители которых сидели за столом, они бегали, играли, шумели, родители на них прикрикивали, они на время затихали, а затем снова принимались за своё. Надо сказать, что детям взрослые разрешали находиться, где проходило веселье, так как та обстановка, которая там царила, позволяла это делать. Взрослые хуторяне даже в лёгком подпитии, не позволяли себе произносить бранных слов, в крайнем случае, могли послать к чёрту и то в шутливой форме. Я не могу говорить за весь хутор но, в нашей округе было, так как я написал. Но это не значит, что за столом не было споров, спорили да ещё как, но истину обычно так установить и не удавалось. Обычно спор прерывала, какая-нибудь светлая голова и предлагала, вместо спора, спеть песню. Всем спорщикам делается стыдно, и они переключаются на песню. Песен пели много, такие как: «Выпрягайтэ, хлопци конив», «Поехав драгун на чужбыну далёку», «Плэвэ човын воды повын», «Тай булоб, тай булоб ны ходыты, тай булоб, тай булоб ны любыты», «Скакал казак через долину, через далёкие леса», ну и ряд других песен которые я за давностью времени забыл. Песни пели не так, как обычно поют в пьяных компаниях, по принципу, один в лес, другой за дровами, а исполняли стройными голосами, как и положено, разделившись на первые и вторые голоса. У нашей мамы был сильный голос, и она пела первым голосом, вытягивала самые высокие ноты. Я ничуть не хвастаюсь, в самом деле, это так. Ну ладно, песни песнями, а мне надо думать, как выбраться из сложившегося положения с наименьшими потерями. Чтобы оттянуть подальше время расплаты я напросился у мамы сходить за коровой в череду, хотя до этого события я за коровой никогда не ходил, но сейчас надо сами понимаете почему. Говорю маме: «мамо, я схожу в череду за коровой, а то она пойдёт по чужим огородам, так греха не оберёшься». Мама согласилась, и я отправился по улице навстречу череде. Иду, а сам думаю, пока я хожу за коровой, родители придут, увидят, что осталось от зеркала и от фотографий, пошумят, пока меня нет, большой пар выпустят, а когда я приду, пара останется мало и мне попадёт меньше. Через некоторое время я пригнал корову во двор, затем загнал её в загон, и принялся там наводить порядок. Обычно я этого никогда не делал, а сейчас надо, посмотрят родители, что я занят делом и не будут меня отвлекать на всякие разборки.

Но получилось всё не так, как я думал. Вышел Миша из хаты и говорит: «Сеня, иды в хату тэбэ мама клыче». Ну всё, думаю, вот он пришёл момент расплаты. Захожу в хату, там горела лампа, и было светло. Улики, в виде разбитого зеркала и таких же разбитых фотографий лежали на том же месте, где я их и оставил. Мама показывает на стену, где висел каркас от зеркала и

расстрелянные фотографии, и спокойно спрашивает меня: «Сеня, это ты сделал?» Я молча кивнул головой. А что отпираться? Кроме меня такое в доме такое никто не сделает. Мама мне снова задаёт вопрос: «А ружьё заряжено было или ты его зарядил?» Я рассказал, как всё было, родители выслушали, затем мама поворачивается к отцу и говорит: «Батько, як же так, дома малые диты, а в хате заряженное ружьё. А если бы вин направыв его в Мишу чи Раю, ты представляешь, какая трагедия была бы в нашем доме, та и зеркала теперь ныма, куда дывыться будем». Мама на время замолчала, видно думала, что ещё сказать, но этим воспользовался отец и вставил своё, весьма для меня удачное слово: «Ну что, маты, теперь балакать, обошлось хорошо и ладно, больше такого не повториться, ружьё я вообще разберу и спрячу. А зеркало, так его давно надо было заменить, а то оно от старости, всё жёлтыми пятнами покрылось. Я сегодня был в магазине, так там привезли новые зеркала, такие красивые, так завтра и купим, гроши на это есть». После таких татыных слов, мама подобрела, затем сказала: «Ну, дети давайте будем вечерять». На этом эпопея с расстрелом зеркала и фоток закончилась. А ружьё отец разобрал и спрятал. Правда, когда я вырос, и тато давал его мне ходить на охоту, ружьё я сломал, но об этом позже. А зеркало на другой день купили, больше нашего старого, и чистое без пятен. Повесили на тот же гвоздь, на котором висело старое, а простреленные фотки убрали в сундук.

НАШИ КОРОВЫ

Раз я пишу о нашей семье и нашем дворе, то ещё хочу написать и о наших коровах, которые поили нас молоком. Первую корову, которую я помню с малых лет, была рябая рогатая, как у нас говорили, калмыцкой породы, и звали её Зойка. Вредная была, до ужаса, когда из череды идёт, обязательно залезет в чужой огород и наделает там таких дел, что из-за этого получался конфликт с хозяевами этих огородов.

Однажды наша Зойка не пошла по улице, как вся череда, а прям со степи зашла в чужой огород, там затоптала и съела огурцы и помидоры. Её хозяева выгнали из своего огорода, так она перешла в соседний огород, и там натворила таких же дел, когда хозяева этого огорода её тоже выгнали, она перешла в соседний огород. И так она шла по огородам, пока не дошла до огорода тёти Груни, то есть нашей соседки. Главное, мы во дворе корову ждём, а её всё нет и нет. Уже вся череда прошла наш двор, а нашей коровы нет. И тут мы услышали крики в соседнем огороде. Мама мне говорит: «Сеня, пойди, посмотри, не наша ли это Зойка там шарахается». Я побежал в соседний огород и точно, смотрю, а наша, рябой масти, Зойка хватает, что попадётся вкусного в её широко раскрытый рот, вырывая эти овощи с корнем. Я побежал помогать тёте Груне, выгонять нашу прости господи, и палкой погнал её в свой двор. Главное то, что когда я помогал тёте Груне выгонять нашу корову из её огорода, то действиями Зойки возмущалась не только наша соседка, но и тётя Кошевая, ругала и нашу корову и нас, как хозяев. Позже мы узнали что наша «артистка», по имени Зойка, сделала турне по десятку огородов. Кстати говоря, за ней такой грех водился постоянно. Если её не встретили ещё за хутором, то жди беды. Если о ней говорить как о корове, то на неё она была мало похожа, а похожа она была больше на коня рысака. Высокая ростом, тело поджарое, живот втянут, вымя маленькое, ноги длинные, как у современных фотомоделей, ходила, высоко подняв голову, а бегала как антилопа сайгак. Если её оседлать и выставить на скачки с лошадьми, то она точно будет в призёрах. Ну, скажите какое молоко можно ждать от такой коровы? Тем более что она доилась пять месяцев в году, а остальное время, готовилась к родам, а после родов, месяц кормила молоком своего телёнка, и только потом доилась. А молока давала, просто смех. Если нормальные дойные коровы за одну дойку дают молока по десять литров, и доились от отёла до отёла. Наша же Зойка, давала не больше пяти литров и доилась пять месяцев. Вот

и весь сказ. Семья большая, молока мало, так что в детстве, мы его практически и не пили. Долго эта Зойка над нами издевалась, а потом мы на неё окончательно разозлились и её съели. Не живую корову, конечно, но всё-таки, съели.

Вскоре у нас появилась другая корова, из дойной породы. Молока она давала за один удой по десять литров. Вот тогда мы молока попили вдоволь. Спасибо Якову Ефимовичу Кошевому, что продал нам корову из своего двора. Имя новой корове дали Зирка (Звезда, Укр.). Она была хорошей коровой во всех отношениях. А Зойка, она в том и не виновата, что такая была, ведь она была калмыцкой породы, а калмыки крупный рогатый скот разводили только на мясо, а молоко они пили кобылье, оно жирнее коровьего, а значит, и питательней. Но меня интересует другой вопрос, откуда взялась в нашей семье эта вредная корова Зойка. По всем моим расчётам, это, скорее всего внучка, а может быть правнучка той коровы, которую в 1922 или 1923 году домой привёл мой дядя Иван. Помните, я об этом писал. Ведь до этого в семье Ефима Васильевича коровы не было, а Зойки не стало, когда ей было лет двенадцать. Да и откуда у батрака могла взяться другая корова, выращивали тех, кого родили свои коровы. Так что, корова Зойка — Калмычка.

ГАДЮКИ

Ранней весной, когда трава ещё не поднялась так высоко, чтобы коровы могли пастись, хуторяне, в том числе и наша семья, ходили в степь, рвать траву руками, чтобы потом дома подкармливать коров и другую живность. В тот день, когда мы собрались идти в степь рвать траву, было солнечно, но всё-таки была ещё ранняя весна и поэтому утром было прохладно. Но надо было идти с утра, если пойти позже, то вблизи хутора и рвать уже будет нечего. Народу собиралось много, человек пятьдесят, а может и больше. От нашей семьи шли: Наташа, Иван, Гришка и я. Они были обуты, а у меня обуви не было, и я шёл босиком. Ещё в пути мои ноги стали мёрзнуть, но я думаю, потерплю, нарву травы и тогда бегом домой. Степь начиналась сразу от хутора, травы было много. Она расстилалась зелёным ковром до самого горизонта. Все включились в работу, я тоже не отставал, запускаю кисть с растопыренными пальцами в траву и рву её, затем складываю в мешок. Снова запускаю пальцы в зелёный ковёр, сжимаю их и чувствую влажную твёрдость травы.

И так раз за разом. Траву рву, а сам чувствую, что мои ступни замерзают всё больше и больше, но продолжаю работать. В один момент я также, как обычно, запустил руку в траву, сжал пальцы, и почувствовал что-то мягкое, не похожее на клок травы. Поднимаю кулак и, о Боже, в моем кулаке меж пальцев болтается змеёныш, изгибается и норовит меня укусить. Я подбегаю к Наташе и говорю: «Наташа, тут гадюк с детёнышами много, мне один в руку попался вместе с травой, я боюсь рвать траву». Стою около Наташи, переминаюсь с ноги на ногу, чувствую мои «лапки» окончательно застыли, день хоть и тёплый, но ещё утро, на траве холодная роса, да и земля ещё не прогрелась. Сестра увидела мои телодвижения и говорит: «Давай мне мешок, а сам беги домой, а то простынешь». Я, передал мешок Наташе а сам стал пробираться среди змеиных выводков, как по минному полю, домой. Осторожно иду, боюсь наступить на змеиный выводок, а их всё больше и больше, вылезли на солнышко погреться. Лежат у своих нор по десятку, а то и больше греются. Я остановился, чтобы осмотреться, как же мне вернуться домой, а их по всему зелёному ковру, видимо-невидимо. Меня охватил ужас, думаю, как же я пройду среди этой нечисти. Эх, надо быстрее отсюда убираться, думаю, я побегу быстро-быстро, и эти гады не успеют меня укусить, ведь они ещё полусонные. Так и сделал, несусь что есть мочи, чувствую, что ногами наступаю то на траву, то на что-то мягкое. Но я не обращал внимания, бежал пока не проскочил

опасный змеиный участок. Прибежал домой, заскочил на печь и свои замерзшие ноги поставил на каменок печи. Отогрелся и не заболел.

Далее у меня начинается почти взрослая жизнь, учёба в школе села Ипатово. Но с хутором мы не прощаемся, так как я сюда буду приезжать на каникулы.

УЧЁБА В ИПАТОВСКОЙ ШКОЛЕ НОМЕР ОДИН

Весной, в 1948 году, я закончил четыре класса хуторской начальной школы, и всё лето работал на нашем огороде. Что делать дальше я как-то и не думал, просто всё шло по накатанной дорожке. Так же, как и я, мои старшие братья и сестра Наташа заканчивали четыре класса и потом начинали работать в колхозе. И мне намечалась вот такая же участь. Но в конце августа этого же года из села Ипатово приехал брат Андрей, и в беседе с родителями он спросил: «А что Сеня собирается дальше делать?» — «Та вот не знаем, парню бы надо дальше учиться, а где и как не можем придумать. Ты же сынок знаешь, как у нас с деньгами, вот в этом и причина», — сказала мама Андрею. «А знаете что? — глядя на родителей, сказал Андрей, — Давайте я его заберу к себе в Ипатово, пусть у нас с Дусей живёт и будет учиться в школе. Парень он смышлёный, так что учиться ему обязательно надо». На этом и решили. Меня, разумеется, никто не спрашивал, хочу я ехать в Ипатово или нет, старшие решили, а ты выполняй. Переезд Ипатово на постоянное место жительства, мне дался очень трудно, ведь я был ещё ребёнок, и до этого негде ни бывал, тем более не жил далеко от дома, даже временно. А тут, сразу в районное село, да ещё на постоянное место жительства. До школы у меня была ещё неделька, чтобы ознакомиться с новой обстановкой. Но я никуда не ходил, сидел в хате и тосковал по моему родному хутору, о школе я, почему-то, не думал, даже не знал, где она находится.

Пришло время идти в школу, туда меня повёл брат Андрей, всё как надо оформил, меня определили в класс, и я начал учиться. Если вы меня спросите, какие у меня были ощущения после первого дня учёбы, то я вам отвечу так, ШОКОВОЕ. Ведь, если честно говорить, то я же был не русский и из самого, что ни на есть, глухого степного уголка, я сразу попал в столицу, где говорят, практически все, на русском языке. То, что говорила учительница на уроке, я половину не понимал, а то, что понимал, я понимал по-своему. Вот по этой самой причине мне было очень трудно учиться. Особенно мне доставалось от русачки. Она, старая ведьма, не понимала что я попал в школу в Ипатово, словно прилетел на другую планету, и для того чтобы мне там стать своим, нужно время. А вот этого самого времени мне и не давали. Ну ладно бы поставила за неуспеваемость двойку, а то начинает всячески оскорблять. Я в классе был самый высокий

ученик, так вот она, глядя на меня через свои круглые стекляшки, постоянно любила повторять: «Большая фигура, но дура, а мал золотник да дорог». Это она говорила о нашей отличнице, Соне Сомченко, которая была маленькая ростом. Мне было страшно стыдно, что меня так при всех оскорбляют. До этого, меня никто не оскорблял, да и вообще в нашей семье, от родителей оскорблений мы не слышали, ну за исключением маминого «чёртова цыганва», так разве это оскорбление, скорее, наоборот. Если бы я не старался, то ладно, как говорится, заработал, а то ведь после школы я никуда не ходил, сидел за уроками и всё выучивал, но в классе, как начну отвечать устное задание, ученики смеются над моим корявым языком, а учительница говорит: «Из Вашего ответа я ничего не поняла, садитесь два». Она меня буквально била по рукам, думаю, зачем учить, если мне все равно поставят двойку.

А вот ещё поведение нашей русачки. Класс пишет диктант, я, разумеется, тоже. Кажется, что учительница диктует медленно, но это для Сони Сомченко, нашей отличницы, медленно, а для меня быстро и даже очень. Ведь всё моё существо так и норовит написать так, как я умею, как у нас в хуторе говорят. Вот я и пишу, вместо что — шо, вместо что-бы — шо бы, делать — робыть, ну и так далее. Разумеется, после проверки моего диктанта, я, в лучшем случае, получаю два, а обычно за диктант я получал единицу. Я просто не знал, как дальше быть, решил бросить школу и уехать снова в хутор. Об этом сказал брату, но он не одобрил мою задумку, сказал: «Нет братка, бежать от трудностей это не дело, надо их преодолевать, так что терпи и учись, учись и терпи». И я терпел и учился. Но надо отметить, эта ведьма была не простая ведьма, а хитрая, а иногда была и доброй ведьмой по отношению ко мне. За учебную четверть я никогда в журнале не имел двойки, всегда была тройка. Я не знаю, какая была система подсчёта баллов, но на контрольном диктанте, учительница рядом со мной за парту, подсаживала, как вы думаете, кого? Правильно, Соню Сомченко, возможно со специальной инструкцией, помочь мне. Соня, эта маленькая девочка, на вид ей было лет девять, писала так быстро, что написав, сидела и смотрела, как я долго мучаюсь. Как только я дописал последнее слово диктанта, Соня, буквально смахивала в свою сторону мою тетрадь, и начинала исправлять ошибки. Я смотрел на неё, и удивлялся, как быстро она это делает. На перемене я, ужасно стесняясь, спросил её: «Соня, как ты научилась так грамотно писать?» Она мне ответила: «Специально я этому и не училась, я просто очень много прочитала книг, ведь я читаю с четырёх лет, а ты, сколько прочитал книг?» Я ей ничего

не ответил, потому что, мне было стыдно, к тому времени я не прочитал ни одной книги. На следующем уроке русского языка, учительница начала объявлять оценки за диктант. Я сидел спокойно, ничего хорошего от этого диктанта не ждал, думал, ну может, с помощью Сони, тройку получу, но не больше. И тут русачка называет мою фамилию, я встал, так положено, жду, что она скажет. И вдруг слышу её слова: «А вот сегодня ученик Чухлеб молодец, он написал на пять». Я был и удивлён и смущён, не знал как себя вести, зная, что это не моя заслуга, а Сони. А Соня, в это время смотрела на меня и улыбалась. Вот так у меня было с русским языком.

Так было в пятом классе, в шестом лучше, но не очень. Кроме трудностей с учёбой у меня были бытовые трудности и чисто психологические. А именно. Школа от моего места проживания была далеко, километра полтора, так что прогулка была хорошая. Одежда у меня была самая обыкновенная. Обут я был в ботинки, которые мне купил брат, верхняя одежда фуфайка, а на голове, летом кепка, а зимой шапка кубанка. Вы, наверное, знаете, что она собой представляет, если не знаете, то посмотрите фильм «Кубанские казаки», в нём практически все парни ходят в кубанках. Так-то он головной убор красивый и мне нравился, но он, сделан не для зимы, или для зимы, но тёплой. Кубанка сделана так, что уши не закрывает и зимой в ней холодно, приходилось применять всякие ухищрения, чтобы, не обморозить уши. Доходило до того, что Дуся, жена брата, покрывала мою голову своим платком, а сверху одевала кубанку. И в таком наряде я шёл по селу до школы, а у школы снимал платок и прятал его в карман фуфайки, стыдно же в платке показаться перед учениками.

Но всё это полбеды, главная же беда была в том, что никак не мог забыть свой родной хутор. Я так по нему тосковал, что по вечерам, на закате солнца, садился в торце дома на лавочку, смотрел в сторону, где находится хутор и плакал. Дело в том, что тогда не было никакого транспортного сообщения между районным селом Ипатово и нашим хутором. Люди, по необходимости, добирались в район, кто как мог, как говорится, на перекладных, вот поэтому и я не мог на выходные поехать домой. Увезли меня из дома, сразу на полгода. Для мальчишки, который первый раз выехал из хутора, это было очень тяжело.

Наконец-то, наступили зимние каникулы. Брат договорился с машиной и отвёз меня на каникулы в хутор. Дома мне очень обрадовались, все по мне соскучились, я по ним тоже. Был накрыт стол, мама напекла всяких кулебяк, мы их ели и запивали чаем с сахаром, сахар привёз брат Андрей. К сожалению, каникулы

быстро закончились, и пришлось возвращаться в Ипатово в школу. Вот как я добирался в Ипатово, об этом можно написать отдельный рассказ, но я вам передам его вкратце. Все сразу пошло не так, как намечал мой брат Андрей. Он договорился с шофёром, Борисом Глотовым, что тот возьмёт меня в кабину, но, кода машина подошла к нашему двору, в кабине кроме Бориса сидел ещё один человек, в полушубке. Значит, для меня в кабине места не было. Мой брат Андрей подумал тоже самое. Такой поступок Глотова брату очень не понравился. Это было похоже на подлость. Сначала пообещал повезти меня в Ипатово в кабине, а потом посадил этого мужика в полушубке. Я был не против того чтобы, поехать и в кузове, как говорится не барин, но, на дворе зима, да ещё и мороз, градусов пятнадцать, а я одет в фуфаечку, а на голове моя кубанка, которая уши не закрывает. Ехать будет холодно и не ехать нельзя, завтра начинаются занятия в школе и опаздывать никак нельзя.

Андрей, понимая обстановку, говорит мне: «Ладно, братка, полезай в кузов, а я тебе сейчас принесу тулуп, в нём ты не замёрзнешь». Андрей вынес тулуп и говорит: «Возьми, Сеня, тулуп, замотайся в него и до села Ипатово ты не замёрзнешь, туда дорога хорошая, доедете быстро». И, действительно, думаю, что для машины пятьдесят километров, пустяк. Но всё оказалось совсем не так, как мы с братом думали. Оказывается, Борис вёз того дядьку не в Ипатово, а в Джалгу, куда дорогу никто никогда не чистил. Снег лежал хоть и не глубокий, но все же для машины препятствие, она шла медленно постоянно буксовала, скользила то в одну сторону, то в другую. Для меня всё это кончилось плачевно. В один момент, машина остановилась, из кабины вышел шофёр, повозился у радиатора, затем подходит к кузову и говорит мне: «Сеня, давай тулуп радиатор закрыть, а то вода замёрзнет». Я замотался в тулуп плотнее, и говорю: «Если я отдам тулуп, то тогда я замёрзну, а это что, будет лучше?» — «Да не успеешь ты замёрзнуть, мы доедим быстро». Я, упёрся и говорю: «Все-равно не дам, я могу простыть» — «Ах, ты цуцик, разозлился Борис, я тебе дам как спорить со старшими, ему делаешь лучше, а он, не дам. Вот оно, какое молодое поколение растёт». С этими словами он, залез в кузов, вытряхнул меня из тулупа, затем, спрыгнул с кузова, укутал радиатор машины моим тулупом, и мы поехали. Ехали мы очень долго, в крайнем случае, мне так показалось. Я успел окончательно замёрзнуть, у меня стучали друг об друга не только зубы, но и кости. Лежу на дне кузова у кабины и думаю, хотя бы быстрее доехали, а то ещё десять минут и я замёрзну. Я, уже на ходу хотел, спрыгнуть с кузова и до Джалги идти пешком, но в этот момент машина повернула

вправо, и остановилась.

Я, поднялся и увидел, что мы остановились возле хаты. Таких хат по дороге в Ипатово построено несколько, летом они используются как полевые станы, а зимой как промежуточные станции. Борис вылез из кабины и говорит: «Слезай, пойдём греться». Я с трудом сполз с кузова, и мы втроём пошли в хату. Там было жарко, несколько мужиков сидели за столом, что-то ели и пили горячий чай. Я стою у порога и дрожу от холода, всем жарко, а мне холодно. Борис оглянулся на меня, увидел, что я дрожу, решительно направился к печке, в которой жарко горел огонь. Мне так хотелось на эту печку, но там лежала борзая собака. Борис решительным движением руки смахнул собаку на пол, а мне говори: «Залезай и грейся, никого сюда ни пускай, а я сейчас вернусь». Я уселся, прижался спиной к камню, чувствую, что спине уже припекает, а ноги в сапогах, как были застывшие, так такими остались. Думаю, надо снять сапоги и с ногами забраться на печь, так я скорее согреюсь. Бориса не было довольно долго, от нечего делать я стал рассматривать людей, которые находились в хате.

Из увиденного народа, я понял, что главной тут была женщина, которая варила еду и раздавала её, а остальные, поев, уходили. Тот мужик, который с нами ехал, сидел на лавке и никуда не уходил, всё время разговаривал с поварихой, как со своей хорошей знакомой. Наконец-то пришёл Борис и принёс с собой тулуп, подошёл ко мне, укрыл им меня и говорит: «Не вылезай из тулупа, пока не вспотеешь, как согреешься, будем обедать». Когда я согрелся, снял с себя тулуп, расстегнул фуфайку, сижу раскрасневшийся, Борис увидел и спрашивает: «Ну что согрелся? — я кивнул головой, — тогда иди за стол будем обедать». Нам подали горячий борщ, затем такую же горячую кашу, от съеденного я ещё больше разогрелся и меня потянуло в сон. Я прислонился к стенке и уже задремал. Вдруг слышу голос Бориса: «Давай, просыпайся надо ехать дальше, бери свой тулуп и поедем». Ну, хорошо, думаю, хоть тулуп со мной будет, в нём-то я не замёрзну. Когда подошли к машине, Борис берёт у меня тулуп и забрасывает в кузов, а мне говорит: «Садись в кабину». Теперь-то я ехал как большой начальник в кабине, вертел головой туда-сюда, всё хотелось посмотреть. Приехали довольно быстро. Борис остановил машину у нашего дома, я сказал: «Спасибо» и ушёл домой. Ночевал я один, Андрей с женой остались в хуторе, утром сварил кашу, поел и пошёл в школу. Так началась мое второе полугодие в пятом классе в Ипатовской школе № Е На другой день, когда Андрей с Дусей вернулись из хутора, а рассказал брату о том, как меня вёз Елотов. Андрей меня выслушал и

сказал: «Ладно, я с ним поговорю, он мне много что должен, раз так, то пусть всё сразу возвращает».

На этом тема как бы была закрыта, но я всё же об этом хочу сказать вот что. Казалось бы, что всё кончилось благополучно и говорить не о чем, но ведь всё могло кончится гораздо хуже, или моим сильным простудным заболеванием, а возможно и моей смертью. Но, несмотря на это, взрослый мужчина, тепло одетый, сел в кабину, а мальчишку, полураздетого отправили в кузов. Выходит, мужики, которые ехали в кабине не имели ни стыда, ни совести. Хуторские мужики так бы никогда не поступили, они бы с себя сняли теплую одежду и укрыли хлопчика. А с этих что возьмёшь? Глотов вообще не хуторской, да и по характеру он был хамоват, а этот, другой, хоть и родился в хуторе, но взрослым в нем не жил и поэтому хуторской порядочностью не обладает. Позже, когда мы с Андреем приехали в хутор на мои весенние каникулы, то в хате у родителей эта тема вновь сплыла на поверхность, по той причине, что мама меня спросила, как я тогда доехал до села Ипатово.

Я вкратце рассказал, в основном упирая на то, что сильно замёрз. Выслушав мой рассказ, родители смотрят на Андрея, как бы спрашивая у него, это что за варварство такое? Андрей понял, что надо отвечать и говорит: «Да я разговаривал с ним на эту тему и высказал ему своё негодование». Больше брат ничего говорить не стал, но надо знать нашу маму, она ему снова задаёт вопрос: «А хто тоди ехал в кабине?» — «Та мужик из Джалги», — ответил Андрей. — «А почему он его в кабину посадил, что не мог в кузове проехать?» — «Та он партейный, а им в кузове ездить негоже». — «Господи, до чего дошли эти партейцы, детей в кузове морозят». Затем она немного помолчала и чтобы на эту тему закончить разговор сказала: «Ну ладно, хорошо, что ладно кончилось, а ты, Андрей, больше не связывайся с этими партейцами и без них проживём». Брат, наверное, подумал, что в хуторе без них прожить-то можно, а как без них проживёшь в Ипатово, там почти все руководители члены партии. Как бы то ни было, эта тема была закрыта и больше к ней не возвращались. После каникул я снова в Ипатово пошёл в школу. Как я уже писал, по школьным предметам у меня были разные оценки. По учебным предметам чередовались с двойки на тройку, по другим с тройки на четвёрку, а вот по географии у меня были, в основном, пятёрки, за редким исключением, четвёрки. Вот я вам и хочу рассказать об этом предмете.

ГЕОГРАФИЯ

На уроке географии, учитель приносил огромную карту мира и вешал её на гвоздик на стене. На уроке, уже не по теме рассказывал о континентах, какой там климат, какие живут животные, о людях, населяющих эти страны и многое другое. Мне было интересно об этом слушать, думаю, надо же, сколько в мире всего интересного, сколько всяких людей живет в разных местах, разные дикие звери, и мне хотелось рассмотреть на карте те места, где находятся эти люди и звери. И я решил, когда на перемене все уйдут из класса, я на карте и рассмотрю где, какие города, столицы государств, горы, высота их, где живут те люди и звери. Мне это было интересно, и я так делал на перемене каждого урока по географии. Изучение карты, меня очень увлекало, я даже дома, открывал атлас, и часами «путешествовал» по миру. Как-то на перемене, в очередной раз, я стоял возле карты, ко мне подошёл Славка Сабуров, сын председателя райисполкома, и говорит: «ну что ты изучаешь, весь мир давно изучен». Я повернулся к Славе, и говорю ему: «А ты карту мира хорошо знаешь?» — «Да, в общем-то знаю» — «Ну, тогда покажи мне, где находится гора Килиманджаро?» Слава на меня с удивлением посмотрел, и говорит: «Ну, у тебя и вопросики, слышал, что есть такая гора, а вот где она находится, надо искать». И он начал «лазить» по карте. Ученики, которые заходили в класс, увидели, что у карты стоит Слава, ко мне-то они уже привыкли, тоже стали подходить к карте. И вот, у доски, где висела карта мира, собрался почти весь класс. Некоторые ученики меня просили проверить их знания. Я каждому задавал разные задания, и они с интересом искали на карте то или иное название города, горы, реки и другое. Начатая мною со Славой игра, превратилась в азартный поиск, мы так увлеклись, что не заметили, как вошёл учитель географии. Он, наверное, какое-то время смотрел, чем мы занимаемся, а когда понял, то сказал: «Ну, довольно, ребята, садитесь за парты, начнём урок». Когда начался урок, то первым делом он сказал: «На перемене вы занимались изучением карты, и это похвально, и мне, как учителю географии, приятно, что вы её так любите. Скажите, как это получилось, что вы так увлеклись географией, спонтанно или намеренно?» Тут слово взял Слава Сабуров, он всегда был инициативный, некого ни боялся, а кого будет бояться сын большого начальника? Так вот он говорит: «Виктор Иванович, обычно на перемене этим занимался Сеня Чухлеб, а тут и я к нему подключился, а за мной и все остальные, так что зачинщик всего Чухлеб Сеня». Учитель

меня похвалил, в присутствии всего класса. Вот так я в один день стал знаменит в своём классе. Чтобы закончить рассказ о географии я заскочу немного вперёд и расскажу о географической конференции. В конце учебного года в нашей школе проходила Географическая конференция. К этому времени я в школе освоился, ведь я в этой школе учился уже второй год, за это время подучил русский язык и чувствовал себя более комфортно. На конференцию были приглашены делегаты всех школ Ипатова и Ипатовского района. В связи с тем, что мероприятие проходило в нашей школе, в зале присутствовали все учителя, свободные от уроков, и ученики, по несколько человек от класса. От нашего класса были приглашены шесть человек. В том числе я, Соня Сомченко, Слава Сабуров, мы сидели рядом в третьем ряду. Организовывал это мероприятие наш преподаватель по географии Виктор Иванович. Прежде чем начать конференцию, Виктор Иванович огласил состав президиума, из восьми человек. Когда он назвал мою фамилию, я не поверил своим ушам, затем подумал, может ещё в школе есть ученик по фамилии Чухлеб? Но тут меня в бок толкнула Соня, и сказала: «Иди, что ты сидишь». Я неуверенно поднялся по ступенькам на сцену, смотрю, где бы мне сесть, на помощь мне подошёл учитель, и показал мне, где я должен сидеть. Когда Виктор Иванович делал доклад, то в нём несколько слов сказал и обо мне. Он так и сказал: «А в шестом классе ученик Чухлеб Сеня организовал диспут, по географической карте мира, это очень полезно для развития мышления подростков. Рекомендую по этому принципу организовать диспуты по географии и в других школах. Слово диспут я слышал впервые, и потому мне было интересно, что, не зная этого слова, я его организовал.

Хочу написать о Соне Сомченко, я в неё был тайно влюблён, в этом, даже себе боялся признаться. Мало того, что она была очень симпатичной девочкой, так она ещё была круглая отличница по всем предметам. Как то она получила четвёрку по алгебре, и по этому поводу она так разрыдалась, что на перемене мы не знали, как её успокоить. А потом, уже не зная, что говорить я просто так сказал: «Если бы мне по алгебре поставили четвёрку, я бы от радости прыгнул до потолка». Соня на меня посмотрела заплаканными глазами и говорит: «Чухлеб, с твоим ростом и потолок можно пробить» и заулыбалась. От её улыбки в классе стало веселее.

ЮНОШЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Во втором полугодии ничего интересного не было, примерно было тоже, что и в первом полугодии. Так что писать и не о чём. Кончились уроки, начались долгожданные летние каникулы. Надо бы ехать домой в хутор, но не на чем. У брата с машиной что-то не получается, придётся ждать кого-нибудь из хутора, кто приедет в Ипатово, а когда будут возвращаться, то и меня заберут. А пока я болтался по двору, то с Колькой соседом что ни будь, мастерили, то Генка Ложник придет, и подкинет, какую ни будь идею, он на это мастак. С Геной меня познакомил мой брат, Андрей. Отец Геннадия работал в той же конторе, что и мой брат, каким-то начальником. А с Колькой, я сам познакомился, когда мы с ним жили в одном дворе. Гена жил недалеко от нас и поэтому он часто приходил к нам играть. Прежде чем описать, где и как мы играли, я хочу описать тот двор, в котором мы жили.

Как я уже говорил, первое время Брат работал экспедитором при колхозе имени Чкалова. И этот двор, где мы жили, занимала колхозная база. Сам двор был большой, с глухим забором и такими же воротами. Постройки были добротные, по всему видно, что до революции здесь жил богатый хозяин, где он и что с ним теперь уже никто не знает. В большом хозяйском доме, жили мы, а в малом доме, так называемой, «людской» жил Колька с матерью и сестрой. А ещё во дворе был огромный сарай с большими воротами, там до настоящего времени стояли дрожки, на которых раньше ездил сам хозяин этого дома. Правда, в настоящее время они были без колёс и имели невзрачный вид. Учитывая то, что здесь была база, в сарае и во дворе постоянно находились какие-то товары сельского предназначения. В то время во дворе горой лежали тюки сена, вот там мы и играли в прядки. Тюков было так много, что можно было легко спрятаться, а вот найти было трудно. Мы трое играли в прядки, один «водил», а двое прятались. Однажды я себе из тюков сена соорудил такое убежище, что Колька, он в это время «водил», никак не мог найти меня. Потом они искали вместе с Генкой и тоже не нашли. И только когда пришла Дуся и стала звать меня, тогда я сам вылез из своего убежища. Гена, зная что я из далёкого хутора, как-то спросил меня: «Сеня, а ты паровоз видел?» Я ответил, что нет, не видел. Тогда, он предложил мне пойти на станцию и посмотреть на паровоз. Шли долго, я хоть и давно жил в Ипатово, но так далеко ни ходил, тем более на станцию. Ещё когда шли, Гена

говорит: «Возможно, сейчас там паровоза может и не будет, он приходит только вечером, но зато ты посмотришь железную дорогу, по которой двигается паровоз. Паровоза в это время действительно на станции не было, но я остался доволен, посмотрел и даже руками потрогал и рельсы, по которым катятся колёса, и шпалы, на которых лежат эти рельсы. Позже я изучил и станцию, и железную дорогу вдоль и поперёк, а шпалы я даже ломом выворачивал из их «гнёзд».

Вернулись поздно вечером, я от похода устал, поужинал и лёг спать. Сколько я спал, не знаю, но проснулся я от разговора на веранде. Прислушался, мне показалось, что это голос моей сестры Наташи. Я тут же подскочил и на веранду. И точно, приехала Наташа, мы с ней обнялись, и сестра говорит, что приехала за мной, говорит: «Ждали, тебя ждали, а ты не едешь, думаю, значит надо ехать за Сеней в Ипатово. Попросила у председателя упряжку и в путь, вот я и в Ипатово».

Пока Наташа разговаривала с Дусей, я пошёл посмотреть, на чем же сестричка приехала. Зайдя за гору сена, я увидел пару быков, которые стояли у брички и мирно жевали сено. От увиденного настроение моё немного испортилось, но затем я себя успокоил, потихоньку, но доедем. Это лучше, чем сидеть тут и ждать, когда Андрей договорится с машиной.

На второй день, с утра, Наташа куда-то сходила и вернулась только к обеду, мы с ней пообедали, собрались и поехали домой в хутор. Солнце было ещё высоко, быки отдохнули и поэтому шагали бодрым шагом. Мне подумалось, если будем ехать с такой скоростью, то к ночи будем в Бурукшуне. Выехали за село, поднялись на бугор и отсюда хорошо было видно хутор Первомайский. Казалось он близко, но ехали мы к нему долго. Наконец-то мы проехали хутор Первомайский, стало темнеть. Я не знаю почему, но я стал усиленно зевать, то ли мирное покачивание телеги меня убаюкало, то ли однообразие природы, а может то и другое, и меня потянуло в сон. Наташа увидела моё состояние и говорит: «Сеня, да ты ложись и поспи, а как приедем, я тебя разбужу».

Я не дал себя уговаривать, хорошо устроился в сене и довольно быстро уснул. Проснулся я от того, что бричка стоит и тишина. Я поднялся, прислушался, тихо, слышен только вдалеке лай собак. Я осторожно слез с брички, присел у колеса и думаю, что случилось, ни Наташи, ни быков, не проделки ли это шпионов. Затем я услышал фырканье, наверное, быки, подумал я, и тут же из темноты вынырнула Наташа. Мне сразу стало веселее, и шпионы куда-то исчезли. А Наташа меня ласково спрашивает: «Ты почему не спишь, ехать ещё далеко, так что ложись снова».

Мне было интересно, почему мы не едем, а стоим и я об этом спросил у сестры. «Так, Сеня, — сказала она, — быков же покормить надо, и чтобы они отдохнули часик-другой, а то они нас до хутора не довезут, а ты ложись, спи». Я снова залез в бричку и вдалеке увидел какой-то свет, спрашиваю у Наташи: «Наташа, а что это за огонь горит». — «Та это в окнах свет, тут же село Кивсала. Ну, давай спи, а я пойду к быкам».

Я успокоился, что всё нормально, а шпионами тут и не пахло, устроился лучше и снова уснул. Сколько я спал, не знаю, проснулся от того, что выспался, посмотрел на восток, а там уже были видны посланцы утреней зари. Бричка двигалась по мягкому грунту и мерно покачивалась. Смотрю на Наташу, а она, сидела, согнувшись в углу брички, наверное, спала. Я тронул её за плечо, она открыла глаза, посмотрела по сторонам и говорит: «Сем, да мы с тобой уже Бурукшун проехали, скоро будет хутор». Я смотрю на сестру, а она зевает, да как не зевать, всю ночь не спала, и сказал ей: «Наташа, ты ложись вот на моё место и поспи, а я буду управлять быками». Она так и сделала. Приехали в хутор, когда уже совсем рассвело, мой хутор жил своей жизнью: пели петухи, мычали коровы, лаяли собаки. Признаться, я немного отвык от таких звуков, мы жили в центре села и там ни петухов, ни, тем более, коров не было, и снова услышать эти знакомые мне с детства звуки было приятно. Поставили рогатых быков в баз, а сами пошли домой. Шли с Наташей от правления колхоза, мимо двора Паки, затем Беленковых и на косую через улицу домой.

Во дворе была одна мама, дети ещё спали, а взрослые уже пошли на работу. Вскоре к воротам подъехал Иван на упряжке лошадей, мама собралась идти будить Мишу, чтобы он подержал лошадей, теперь эта обязанность перешла к нему. Я остановил маму, сказал: «Не будите Мишу, пускай он поспит, я подержу коней, в дороге я выспался и поэтому готов работать». Стою около лошадей, смотрю к Беленковым подъехала бричка, запряжённая парой верблюдов. Возчик верблюдов выпряг, привязал их на длинный повод, и сам ушёл во двор, а верблюды принялись поедать листья акации, наверное, у них начался завтрак. Я смотрю на верблюдов, и та картина, которую я видел, навевала мне не очень приятные воспоминания, о которых мне не хотелось вспоминать. Но раз я уже об этом сказал, то будет не честно с моей стороны, если я вам об этом не расскажу.

НЕКУЛЬТУРНЫЙ ВЕРБЛЮД

Как-то летом 1943 года, я с мамой работал на огороде, и от «чрезмерного» труда я устал и сказал маме, что я заморывся и пошёл отдыхать в хату. В хате я лёг животом на лежанку и начал через окно обозревать улицу, ну точно, как Илюша Обломов. Смотрю, тётя Колпачка, пошла за водой, за ней увязалась какая-то собачка. Чья же это собачка, подумал я, на Колпакову не похожа, может Беленкова, так она у них всегда на привязи. Пока я думал, собачка побежала к Беленковому двору, а я повёл свой взгляд за ней и что я вижу. У их ворот стоит бричка и два верблюда, которые с удовольствие поглощают сочные листья акации, и, как водится, там уже были все мальчишки нашей округи. Как же так, думаю, все там, а меня нет, это не порядок. Меня как ветром сдуло с печки, выскочив на улицу, и стремглав понёсся к удивительным животным.

Прибежал к Беленковым, где стояли верблюды и ватага мальчишек. Подбежав к ним, я стал выяснять, откуда верблюды и почему они стоят у двора Беленковых, а, например, не у двора Паки или нашего. Ребята мою дотошность уже знали и поэтому мне спокойно объяснили, что к Беленковым приехали родственники, вот потому здесь и верблюды. Ну, ладно думаю, к Беленковым так к Беленковым, в конце концов, какая разница, к кому они приехали, главное, что они здесь и я возле них.

Вы спросите, что же там такое случилось, что мне об этом не хотелось вам рассказывать. Отвечаю. Да ничего особенного, просто я слышал, что верблюды плюются своей жвачкой, но чтобы они это сделали надо их раздразнить, и тогда они плюнут в обидчика. Ну, думаю раздразнить верблюда обязательно надо, уж очень хочется посмотреть, как он плеваться будет. Как дразнить верблюда я не знал, я же не каждый день их дразню, а раздразнить надо. А то, что же получается? К нам приехали верблюды, а мы их и не раздразнили, так они наш хутор и не запомнят. Я решил дразнить верблюда по-своему. Смело подошёл к верблюду, остановился на расстоянии 5–6 метров и начал его дразнить. Прыгал перед ним, скакал, делал ему всякие рожицы, обзывал его всякими словами, вроде таких слов, горбатый, кричал ему, что он похожий на корову. Я подумал, что сравнение его с коровой будет для него очень обидным. И действительно, до того момента, пока я не говорил про корову, верблюд срывал листья акации и монотонно их жевал но, как только он услышал сравнение его с коровой, опустил свою голову и так близко ко мне её придвинул, что у меня появилось желание убежать от него.

Но за моей спиной было много зрителей, которые смотрели, как я дёргался перед верблюдом и от души смеялись. А если бы я сейчас убежал от верблюда, то они такой мой поступок могли посчитать за трусость, а я такого в свой адрес допустить не мог, вот поэтому я переборол себя и остался стоять на месте. В то время, пока я всё это думал, верблюд меня внимательно рассматривал и тоже думал. Откуда взялся этот противный черноголовый мальчишка, одетый в белую рубашку с синим и красным горошком, я, что-то не помню, чтобы горошек был такого цвета. Вот так мы с ним стояли и рассматривали друг друга, верблюд рассматривал меня также, как я рассматривал его. Его голова была так близко от меня, что я отчётливо видел его красивые миндалевые глаза, а ресницы его такие густые и длинные, похожие на опахало, и он ими время от времени помахивал, прикрывая свои глаза. Потом я ему, наверное, надоел, или он во мне не увидел ничего интересного, отвернулся от меня и снова занялся своим любимым делом, то есть поедать листья акации. Если сказать честно, то верблюд меня расстроил. По этому поводу я немного даже обиделся на него, понимаете, я старался, дразнил, дразнил его, а он неблагодарный от меня отвернулся. Я уже хотел хозяину верблюда предъявить претензию на такого необязательного верблюда, как вдруг за своей спиной услышал тяжёлый вздох верблюда, у меня промелькнул мысль что он тоже расстроился из-за того что я от него отвернулся и поэтому, я повернулся к нему, чтобы убедиться в моей догадке. Только я повернулся и в ту же секунду мне в лицо прилетел смачный вонючий верблюжий плевок. Этот вредный верблюд так залепил мне глаза своим плевком, что я первое время ничего не видел, только слышал хохот собравшейся толпы, не только детей, но и взрослых тёть. Я кое-как протер свои глаза, смотрю на окружающих меня людей и не знаю, что мне делать. Идти в такой грязной рубашке домой нельзя, надо предварительно помыться, но как? Если я приду домой в такой грязной одежде, то мне от мамы влетит по первое число, так что надо принять меры, и где-то отмыться от этой зелёной жвачки. Меня выручил Ленька Беленко, он из колодца вытащил ведро воды, и начал омывать мою рубашку, вернее, Леня лил, на меня воду, а я сам отмывался. После того как я кое-как отмылся, осмотрел свою нарядную рубашку и нашёл её сносной. Так что в такой рубашке можно идти домой. Увидев меня, мама спросила: «Сеня, а с рубашкой шо ты зробыв?» Я посмотрел на свою рубашку, и в самом деле она стала не похожа на ту, в которой, я выходил из дома. Моя белая рубашка с красным и синим горошком, стала светло-зелёная, а красный и синий горошек на ней как-то померк на зелёном фоне.

Дальше мой с мамой диалог: «Та не знаю, мамо, стою с хлопцами, а верблюд подошёл ко мне, и плюнул на меня своей противной жвачкой» — «Ой, Сенка, та ныбрыши, я же всэ бачила, ты же его дразнил» — «Мамо, та ни дразнил я его, только кукиш показал ему, он обиделся и всю рубашку мне вымазал» — «Ладно, я всэ бачила, так шо сказки ты мне не рассказывай. Снимай штаны и рубашку, клади вон в корыто зараз буду стирать. А ты иди, в хате там я тебе новые штаны сшила, а рубашку надень, которую я постирала».

Вот и вся история моей встречи с верблюдами. Если честно, то в один момент мне действительно, было страшно. Когда я его дразнил, он так низко опустил голову, и так близко, протянул её ко мне, что в тот момент я подумал, что же я стою, он же может меня укусить, и от этой мысли мне стало страшно, но я поборол в себе страх и не отступил. Вот и всё, а в общем, встреча с этими удивительными животными для меня была приятной.

ВЕРБЛЮЖЬИ СТРАСТИ

Верблюдов у нас в хуторе не было, хотя, по рассказам отца, в старом хуторе Гашуне, их было много, целое стадо. Когда животные не нужны были, их собирали в стадо и отпускали пастись в степь. Иногда верблюды на ночь возвращались домой, а, в основном, они и жили в степи.

Некоторые из них, которые долго жили в степи, становились полудикими, и тогда их трудно было загнать домой в баз. Верблюды — животные большие и, как все великаны, миролюбивые, за исключением, когда их дразнишь, или когда у них гон, тогда на их пути лучше не попадаться. Об этом поведении верблюдов-самцов мне тато рассказывал два случая.

СЛУЧАИ ПЕРВЫЙ. Как-то хозяину его верблюдица, которая паслась в степи, потребовалась домой для сельских работ. Верблюдицы дома не было уже три недели, надо было её навестить, да и работы набралось. А верблюдица гуляла по степи и домой ей не хотелось. А что там дома, думала верблюдица, запрут тебя в баз, захочет хозяин даст поесть, а не захочет то и не даст, утром запрягут и заставят пахать, нет летом, в степи лучше. Тут бескрайняя степь, сочной травы полно, вода, да вот она в лимане, в двух километрах отсюда. А для верблюда два километра — это десять минут хода и пей, сколько хочешь. Одним словом рай, да и только. Вот когда наступит зима, тогда другое дело. Всё — таки дома и свеженькое сено, да и овса хозяин иногда подбрасывает, это лучше, чем копытами доставать сухую полынь, из снега, но зимы надо ещё дождаться, а пока гуляй, не хочу. Но хозяин мыслей верблюдицы не знал и спокойно ехал за ней в степь. Приехав в стадо верблюдов, нашёл своё животное, и с помощью арапника начал отбивать её от стада. А она не хочет, бегает по стаду прячется за другими верблюдами, и никак не хочет идти домой. С большим трудом хозяину всё же удалось её отбить и направить в сторону хутора. Гонит свое горбатое животное и в уме планирует работу на завтра с учётом мощной тяговой силы. Вдруг за спиной он услышал чей-то топот и храп, повернулся, смотрит, а за ним гонится верблюд, главный самец стада. Хозяину невдомёк, что этому горбатому от него надо, и продолжает ехать верхом неспешной рысью. Думает, как-то странно ведёт себя самец, если бы ему нужна была верблюдица, то он сразу бы, из стада её не выпускал, но сегодня он не возражал, стоял возле другой верблюдицы и не обращал внимания на мои действия в стаде. И вдруг устроил погоню, видно неспроста он гонится. Ну ладно посмотрим, что будет

дальше. Тем временем, самец их догнал, и укусами за шею начал заворачивать самку обратно в стадо. Только теперь дошло до хозяина, значит у моей подопечной, начался гон. Это усложняет возможность доставить её домой, но тяговая сила мне нужна завтра, и я её пригоню, во что бы мне это ни стало. А самец думает, я её ждал два года, пока она созреет, а когда это случилось, теперь у меня её забирают, не бывать этому. И началась не шуточная борьба двух сил за предмет, под названием Верблюдица. Хозяину она нужна как тяговая сила, а верблюду самцу, как объект наслаждения, и оба считали себя правыми. Бились они не на шутку. Хозяин при помощи своей лошади и арапника, старался отогнать самца от верблюдицы, и одновременно направить самку домой. Всадник понял, что с двумя сразу ему не справиться, и он решил, отогнать самца от невесты и принялся за ним гоняться, и хлестать его арапником. Такое обращение не понравилось, главному самцу, несомненному авторитету в стаде верблюдов, и он оставил самку ринулся на всадника. Не обращая на удары хлыстом, самец, пытался дотянуться до своего обидчика, и укусить его. А у верблюда есть чем кусать. У крупного самца, как у нашего героя, зубы крупнее, чем у лошади, мощная шея и крепкие челюсти, вот такой аппарат, при действии которого, у человека может легко откусить руку или половину бока вместе с рёбрами. И такие случаи в хуторе уже были, и они заканчивались смертельным исходом. Всадник это знал и ни в коем случае не хотел пополнить список неудачников. Человек понял, что его дело плохо, разъярённый великан самец, хуже стаи волков, надо от него убегать. Хозяин пришпорил коня и направил его в сторону хутора. Но верблюд и не думал отставать от своего обидчика, видно арапник всадника больно задел его верблюжью гордость. Он гнался за лошадью, но главная цель у него была не лошадь, а всадник, по его верблюжьим канонам он не мог отпустить обидчика не отомщённым. Верблюд, старался догнать всадника, а когда его догонял, то протягивал к нему свою морду и пытался его укусить. Тогда всадник, пригибался к гриве лошади, чтобы подальше быть от зубов самца и гнал своего коня ещё сильнее. Да его и гнать не надо было, конь сам боялся разъярённого верблюда, также как и всадник, и поэтому лошадь неслась, сколько у неё было сил. Но лошадь и верблюд находились в разном положении, лошадь везла на себе всадника, а верблюд гнался за ними налегке. Поэтому, самец легко догнал беглецов и всё старался укусить всадника. Хозяин отбивался ручкой арапника как мог. При ударе арапником по голове верблюда, он замедлял ход, недовольный крутил головой, при этом немного отставал, но затем снова набирал ход и догонял

беглецов. Всадник уже не сидел в седле, он буквально лежал на шее лошади, чтобы быть подальше от зубов самца. В один момент зубастая пасть была так близко от человека, что он подумал, всё конец, но лошадь сделала боковое движение и на сантиметры увела его от зубов самца. В этот момент, хозяин услышал за своей спиной жуткий треск. Он невольно оглянулся, и увидел, что вместо задней луки седла, торчат несколько палочек — разъярённый верблюд откусил деревянную луку. Это ещё больше напугало хозяина верблюдицы.

В голове у него промелькнуло: «Господи, скорее бы заскочить в хутор, там всё-таки люди, собаки, и там моё спасение». А хутор, вот он рядом, всадник видит даже женщин с вёдрами у колодца, дети бегают, наверное, играют в лапту, всё близко. Но зубастая пасть этого зверя ещё ближе, он в любую секунду может нанести смертельный укус. А лошадь устала, она бежит уже из последних сил, Господи, хотя бы не споткнулась, пронеслось в голове всадника, а верблюд за спиной орёт и клацает зубами. И тогда, всадник начал кричать, звать на помощь. Женщины, услышав этот крик, сразу не поняли, откуда он, но когда увидели скачущую на бешеной скорости лошадь, а за ней верблюда, сразу всё поняли. Что это такое, женщины знали, что когда верблюды дуреют, то они бегают за всеми и хоть кого могут загрызть. Женщины поняли — беда, надо лошадь спасать, они подняли такой крик, а как женщины кричат, вы, наверное, знаете, начали стучать ведрами. Мальчишки тоже подключились к женскому хору. Из дворов выскочила стая собак и бросилась на верблюда. Когда мимо женщин проскакала лошадь, то они увидели на ней всадника и ещё сильнее заорали. Самец услышал крики и звон, поднял голову и увидел, что в пылу погони он не заметил, как заскочил в хутор. Притормозил, затем совсем остановился, осмотрелся вокруг и понял, что на этом его погоня закончилась, а тут ещё эти зловредные собаки, так и норовят укусить за ноги. Надо отсюда убираться, развернулся и легкой трусцой побежал к своей возлюбленной. А в то время когда хозяин и самец бились за овладение верблюдицей, она спокойно щипала травку и гордилась собой, думая: «Вот какая я необыкновенная, за меня два самца бьются». Ну что с неё возьмёшь, одним словом ЖЕНЩИНА. О происшествии узнал глава хутора и созвал сбор, на котором и решили, до конца гона верблюдов не трогать. Так борец за права верблюдов в одиночку отстоял незыблемость оного. А ещё говорят, один в поле не воин, неправда это. А через месяц верблюдица сама вернулась домой, видно надоела ей одна трава, захотелось чего-то посущественней. Вот так благополучно закончилась эта история.

ДРУГОЙ СЛУЧАЙ. Сюжет истории точь-в-точь, совпадает с сюжетом первого случая, только местность была другая. Открытая степь и не было вблизи населённых пунктов. Но был колодец с «журавлём», длинным и широким корытом, для того что бы поить животных. Всё было так же, как в первом случае. Такая же борьба всадника с самцом верблюдом за верблюдицу, такая же бешеная гонка. И вот, когда гонка достигла апогея, и всадник понял, что ему от верблюда на лошади не уйти, он принял решение, спрятаться от преследователя за корытом. На полном скаку, он соскочил с лошади, подбегает корыту и за ним присел, а лошадь поскакала дальше. Самец в пылу погони не разобрался в чём дело и продолжал скакать за конём. Но тут он заметил, что лошадь начала быстро от него уходить. Верблюд сразу сообразил что, что-то тут не так, прищурил глаза, присмотрелся и видит, что на лошади нет всадника. Резко затормозил, лошадь как предмет без всадника ему была не нужна, он остановился и задумался. Куда же девался этот подлец, выходит он надул меня, подумал самец. Где же он, этот злодей, который хотел украсть у меня мою любимую. Стоит посреди степи, думает, осматривая степь, и соображает. Спрятаться ему в этой бескрайней степи, просматриваемой на десятки километров, негде: вокруг ни деревца, ни кустика, если он и спрятался, то только у колодца, вот там его и надо искать. Определив место, где надо искать беглеца, самец уверенным шагом направился к колодцу. А беглец, увидев, что верблюд направляется к нему, стал на корточках продвигаться ближе к колодцу. Думает: «Если этот горбатый злодей меня окончательно прижмёт, то моё спасение только в колодце». А верблюд, унюхав человека у корыта, прижав уши и низко наклонив голову, начал подкрадываться, как зверь к добыче.

Человек понял, что надо использовать последнею надежду на спасение. Подскочил и бегом бросился к колодцу, схватил бадью и, бросив её в колодец, сам прыгнул в неё, предварительно схватившись за верёвку, на которую она была подвешена. Очутившись к воде, понял, что так он долго не выдержит, вода холодная, и через некоторое время он здесь просто замёрзнет. На его счастье, колодец был не широкий и изнутри выложен камнем разной величины и конфигурации. Наш герой, держась за веревку и расставив широко ноги, вылез из воды, стал на каменные уступы и решил ждать, что будет дальше. А верблюд понял, что его в очередной раз надули, бросился к срубу колодца, засунул в него голову и давай орать, может даже матерился на своём верблюжьем языке. Тот, который сидел в подземелье, держался за верёвку и молил Бога, чтобы самец не перегрыз её.

Видно, у горбатого в уме не хватило, все-таки, какой-то извилины, чтобы это сделать. Но верблюд и не думал отступать, ходил вокруг сруба, топал от злости ногами, громко рычал, наверное, посылал всякие кары узнику. Затем он не придумал ничего умного как взять в осаду колодец, а чтобы тот злодей, который сидит в колодце не вылез, он улегся на сруб. Мокрому беглецу, стало ещё хуже, было одно светлое окно в мир, и то закрыл этот горбатый враг, да и темно стало так, что ничего не видно. Если нога соскользнёт со ступеньки, то снова её туда поставить будет затруднительно.

Да и стоять так на растяжку, трудно: затекают и руки, и ноги, а сколько ещё на срубе колодца будет лежать этот злодей неизвестно. Остаётся только терпеть. А самец как будто, услышал его мысли, думает, терпи, терпи, а я буду тут лежать, пока ты там, не околеешь. Только он так подумал, как вдруг его сознание пронзила неприятная мысль. Так что же это получается, я за верблюдицей ходил, лелеял её, а теперь моими трудами может воспользоваться другой самец. Нет, так дела ни делаются, там, в стаде, желающих много, смирные они, пока я при стаде, а как только чуть в сторону, тут они поднимают голову. Нет надо быстрее в стадо к своей любимой, а тот, что внизу? Спросил он у самого себя и тут же себе ответил. Да шут с ним, приедет ещё раз в моё стадо, так живым не уйдёт, а сейчас надо поторопиться в стадо. Самец подскочил на ноги и рысью побежал в стадо верблюдов. С большим трудом, при помощи рук, ног и верёвки, которая свисала в колодце, человеку удалось выбраться наружу, а тут и чабаны подоспели на водопой со своими отарами, вот они ему и помогли добраться домой. Так что и вторая история тоже закончилась благополучно. А если бы она так не закончилась, то кто бы нам о ней рассказал, верблюд что ли? Вот именно.

СЕНОКОС

Пока я вам рассказывал о верблюжьих страстях, отец сходил на колхозный двор, вскоре вернулся и сообщил нам: «Нашему семейному хозяйству выделен участок под сенокос, надо ехать сейчас же и косить, а то уже середина июня, как бы трава не перестояла. С лобогрейкой и лошадями я с председателем колхоза договорился, так что, Сеня, поедем с тобой. Конечно, ты, может, с дороги устал и хочешь отдохнуть, но время не ждёт, так что отдыхать потом будем. Сенокос выделили нам далеко, это у самого старого хутора Гашун». Мама возмутилась: «А почему так далеко?» Отец ответил: «Я сам там попросил, я на том сенокосе недавно был, там трава хорошая, так что пусть будет подальше, но зато трава там лучше». Позавтракали, отец одел свою неизменную фуражку, полувоенного покроя цвета хаки и сказал мне: «Сынок, ты бы тоже надел, что-нибудь на голову, а то солнце печет уже с утра, а к обеду будет ещё жарче». — «Та ни, я так», — ответил я отцу. — «Ну, дывысь, тоби виднее». Мы с отцом взяли все необходимое и пошли на скотный двор, там взяли лошадей, лобогрейку и поехали на сенокос. Ехали мы долго, лошади тащат лобогрейку, а она сделана из сплошного железа и поэтому очень тяжёлая, но как бы то ни было мы потихоньку двигаемся к назначенной цели. Я и тато сидим на специальных сиденьях, которые закреплены на лобогрейке и они тоже выштампованы из железа. Кстати, я часто задумывался, почему косилку назвали лобогрейка, что, об неё люди свои лбы грели, или она кого-то так огрела по лбу, что они, вынуждены были её назвать именно «лобогрейкой». Вы, дорогой мой читатель, это знаете? Нет, не знаете. Ну, я тоже не знаю. Да и вообще, какая разница, как назвали косилку, лишь бы она косила сено. Ехали долго, до места, где будем косить сено далеко, примерно километров пять или шесть, поэтому ехали долго, тем более что, эта самая лобогрейка тяжелая, тащить её тяжело и поэтому лошади идут шагом, быстрее никак нельзя. Хотя, о том, что лобогрейка тяжёлая я вам уже говорил. Ну, ничего, эта косилка — лобогрейка настолько тяжёлая, что об этом можно и два раза сказать. Едем дальше.

Я сидел на своём металлическом сиденье и от нечего делать зевал, затем меня потянуло в сон, но я не уснул, так как вспомнил, что мы едем к старому хутору Гашуну, а в прошлом году мы косили сено прямо по улицам старого хутора, там была хорошая трава. И тут я подумал, а может, и в этом году будем там косить сено, хотя, я чётко слышал, как тато сказал, что будем

косить сено у Гашуна. Но всё-таки, чтобы не сомневаться я решил уточнить у отца и спросил его: «Тато, а мы сено будем косить в Гашуне, как в прошлом году?» — «Да нет, сынок, там сено уже кто-то скосил, так что мы будем косить рядом с хутором. Там тоже хорошая трава, вот приедем, так ты убедишься». Ну ладно, думаю, раз так, то пусть оно так и будет, подумал я. Хотя мне очень хочется снова побегать по курганам старого хутора, заросших травой и бурьяном, как я это делал в прошлом году. Некоторые курганы были настолько маленькие, что практически сровнялись с землёй. Но были и большие курганы. Моё внимание привлекли три больших кургана, которые стояли вдоль «улицы», на которой мы косили сены. Помню, я тогда хотел спросить у отца, что это за курганы и чьи дома здесь раньше были. Но, когда косишь, спросить не получится, косилка-лобогрейка стрекочет так, что ничего не слышно. Думаю, дождусь обеда тогда у тата и спрошу. А обед будет обязательно, иначе как без обеда, мама косарей без обеда на сенокос не отпустит, потому что голодные работники — это не работники. Вот и наступил обед. Мы с тато распрягли лошадей, привязали их на длинный повод и отпустили пастись, а сами сели на небольшом кургане обедать. Вот когда обедали, я у отца и спросил: «Тато, а чьи это были дома, где большие курганы?» — и показываю в сторону курганов пальцем.

— «А эти, та це там жили богатеи Жмотенковы. Их было три брата, ох и сволочи были, нам, батракам, житья не давали. Бывало, работаем с батьком у них целый день, от зари до зари и за такой труд только еда. Да и едой её трудно назвать. А зверюги, какие были, не дай Боже, что хотели, то и творили в хуторе, и никто им не указ, люди их просто боялись. Расскажу тебе из множества их зверств, только один случай. Было это, раним утром, в году 16 или 17-м. Пастух трубил в свой рожок, собирал череду коров. Люди выгоняли своих бурёнок, то и дело слышался крик пастуха, который собирал коров в стадо. Мы всей семьёй, это я, отец, Иван, Дмитрий и Саня сидели дома, коровы у нас не было и поэтому выгонять было не кого. Всё шло, как и каждое утро, ничего особенного. Стадо коров вместе с пастухом ушли на выгон, и наступила тишина, только изредка лаяли собаки. И вдруг я услышал нечеловеческий болезненный рёв. Так человек может кричать только от дикой боли. Мы, Иван, тато и я выбежали на улицу и увидели ужасную картину. Степан Сотин наш хуторянин шёл по улице связанными руками обвешанный мясом, а с заде Сотина, и по бокам, шли эти богачи братья Жмотенко с сыновьями и били Сотина цепями. Он весь уже был в крови, а они били его, не разбирая, куда попадут. Били и по спине, и по плечам, и по голове. После каждого удара он издавал

нечеловеческий стон с криком пополам. За этой процессией шла жена Сотина с тремя детьми, старшему сыну, тогда было лет шестнадцать, они плакали и умоляли богатеев отпустить их отца, ведь он ни в чём не виноват он всю ночь до утра был дома. Вокруг этой процессии собрались люди и спрашивают у богатеев Жмотенко: «Что такое сделал Сотин, что вы его так истязаете?» На что богатеи ответили: «Он у нас украл мясо. Мы, мол, вера зарезали бычка, а утром посмотрели, а половину мяса нет. Оказалось, что это Сотин украл. Но людей такой ответ не удовлетворил и они у Жмотенко спрашивают: «А почему вы решили, что ваше мясо Сотин украл, может это сделал кто-то другой, а страдает невинный человек». — «Нет, нет, мы знаем точно, что Сотин украл, те кусочки мяса, которые были разбросаны по земле, привели нас точно к дому Сотина, и мясо мы у него нашли в сарае. Вот оно висит у него на шее, так что он получает по заслугам». Эти богатеи-живодёры, Жмотенко, повели несчастного человека дальше по улице, продолжая избивать его, а люди стояли на улице в недоумении. За что же Жмотенко истязают Сотина, на воровство мяса это не похоже, здесь должна быть другая причина. Но, не узнав причины, люди разошлись по своим домам. А братья Жмотенко со своими сыновьями довели Сотина до конца улица и только тогда его бросили. Люди помогли жене Сотина привезти его всего израненного домой, он два дня помучился и умер. Жена Сотина похоронила мужа и после этого поняла, что жизни ни ей, ни её детям, в этом хуторе не будет. Запрягла лошадь в бричку, сложила туда кое-какие вещи, посадила детей в бричку, корову тоже к ней привязала и уехала из хутора Гашун. Куда она уехала никто толком и не знает, она никому об этом не сообщала. А зачем сообщать, чтобы Жмотенко её и там достали? Вскоре после отъезда жены Сотина, мы узнали причину избиения её мужа братьями Жмотенко. Оказывается, семья Жмотенко раз за разом пасла свой скот на покосе Сотина, и в результате, от его покоса ничего не осталось. Он поехал к старшему Жмотенко, чтобы он компенсировал ему потравленный покос, но его выгнали со двора взашей. Сотин разозлился, стучал кнутом по воротам Жмотенко и угрожал им тем, что он на них управу найдёт. Конечно, управу Сотин на Жмотенко не нашёл, а вот они его решили проучить, да так чтобы и другим не повадно было открывать рот на род Жмотенко. Вот такие, сынок, тогда у нас были дела. Мы, бедняки жили в постоянном страхе, чтобы не накликать на себя беду, на всякие сходы не ходили, даже на улице с речами не выступали, мало ли что в горячке скажешь, а потом беды не оберёшься. У этих богатеев в руках вся сила была. Ведь полиция или жандармы

были от нас на сто километров, как пожаловаться на богатеев, да и будет ли толк от того. Так что лучше сопи в две дырочки и делай, то, что тебе скажут. Ну ладно, сынок, пойдём косить траву, а то солнце уже повернуло к заходу.

Я иду рядом с татой и хочу узнать, куда же делись те богачи Жмотенко, кода в их хутор пришла революция. Когда подошли к косилке я спрашиваю у отца: «Тато, а куда девались те изверги Жмотенко, когда в ваш хутор пришла революция?» — «А куда девались? Младшие братья, которым в то время было лет по 47–50, со своими семьями, куда-то уехали, а старший Жмотенко, ему тогда было за шестьдесят, с женой остался в хуторе. Мотивируя тем, что они с женой уже старые и их красные не тронут. Но оказалось, что тронули. Но это было уже гораздо позже, в году 28 или 29, мы с матерью и моим отцом уже жили в хуторе Северном. Как там всё было, я точно не знаю, но люди, которые видели, как раскулачивали Жмотенка, рассказывали, что его приехал раскулачивать старший сын Сотина с отрядом красноармейцев. Сотин младший у них был главный, на нём была кожаная куртка, и кожаная фуражка со звездой. Наверное, комиссар. А у Жмотенка всё зерно вывезли под чистую и его вместе с женой куда-то увезли. Ну ладно, сынок, давай косить. Сена мы в прошлом году накосили много, его хватило на всю зиму нашей корове и овечкам. Как будет в этом году, я пока не знаю, вот приедем на покос и тогда будет видно». Наконец добрались до места, отец ещё раз осмотрел поляну и сказал: «Трава хорошая, самый раз косить и надо поспешать, а то дни стоят жаркие, земля потеряет влагу, и трава сжухнет». И не теряя время, мы приступили к сенокосу.

Трава действительно очень хорошая, высокая сочная, запах от неё стоит одурманивающий, косить одно удовольствие. Все идёт нормально, лошади идут мерно, не торопясь, спешка здесь не нужна, главное срезать траву аккуратно. Мы сидим на косилке, и каждый выполняет свою работу, тато на переднем сиденье управляет лошадьми и режущим органом лобогрейки срезает траву, по необходимости, то поднимая его, то опуская. Я сижу на заднем сиденье и вилами сбрасываю свежее сено, которое накапливалось на площадке сенокосилки. Сено валками ложилось на скошенную часть поляны. Так мы косили круг за кругом, оставляя за собой кучки скошенной травы. Всё шло монотонно и планомерно, отец режущий орган не поднимал и не опускал, в этом не было необходимости. Поляна была ровная, ни бугорка, ни ямки, так что всё как надо. Мерное стрекотание косы режущего агрегата, монотонное помахивание лопастей мотовила, убаюкивало меня и клонило в сон. В полудрёме, я свою работу

выполнял на автомате. Всё шло как обычно, никаких экстренных ситуаций. И вдруг, коса резко взметнулась вверх, я от неожиданности даже вздрогнул, оглянулся назад и увидел нескошенный участок травы, получился огрех, это не порядок. В это время тато уже остановил лошадей, повернулся, ко мне говорит: «Сынок, посмотри, кажется, там зайчата в гнезде сидят». Я, осторожно подошёл к тому месту, где предположительно должны были находиться зайчата, раздвинул траву и увидел гнездо, а в нём, четыре маленьких зайчонка. Сидят, прижавшись, друг к другу и дрожат всем телом. Испугались. Конечно, как тут не испугаться когда над твоей головой прогрохотало что-то страшное. Подошёл отец и говорит: «Сеня, ты их руками не трогай, а то зайчиха унюхает от них чужой запах и их бросит. Ведь мать своих зайчат определяет не на взгляд, а по запаху, а если ты их тронешь то запах от них будет идти чужой, и она таких малышек бросит. А без неё они погибнут. Теперь место здесь стало открытым, и зайчиха их перенесёт в другое место. Ладно, пойдём, не будем их пугать, а то они и так дрожат». Мы отошли к косилке, стоим и смотрим, что зайчата будут делать. Сначала они тихо сидели, затем, один поднялся на задние лапки и осмотрел местность, не увидев ничего опасного, он мелкими прыжками стал продвигаться в сторону кустов, что остались от старого подворья. За ним последовал другой, затем третий и четвёртый. Вот так, гуськом, друг за другом они перебрались в кустарник, заросший густой травой. «Вот там им будет хорошо, а зайчиха находится, где-то здесь недалеко и всё видит, она их найдёт». Эти отцовские слова меня успокоили, и я с легким сердцем продолжил свою работу. Затем мы ещё выкосили несколько птичьих гнёзд, но они были небольшие, и косу поднимать не было необходимости. За два дня мы выкосили всё сено, а ещё через сутки, поедем его забирать, конечно, если оно готово, то есть высохло. Ну, а если нет, то перевернём валки, все-равно ехать надо. Когда поехали, разговаривали с отцом, я сомневался, что сено уже можно вывозить, но тато сказал: «Та не, сынок, в такую жару, да ещё с ветерком, оно уже должно быть готово». И действительно, валки сена высохли, и их можно было грузить на бричку и везти домой. В первый день, привезли одну бричку, но за второй не поехали, так как лошади устали и им нужен был отдых. А на второй день привезли и другую бричку полную душистого сена. Приехали поздно вечером, когда уже стемнело, все взрослые были дома. Мы с тато въехали во двор, нас уже ждали, Наташа и Иван начали разгружать сено с брички, а я и тато пошли ужинать. Мама приготовила борщ с мясом, это бывало редко, да ещё и белый хлеб к борщу — ужин просто

шикарный. Сидим, кушаем, а мама сидит рядом со мной, гладит меня рукой по голове и говорит: «Якый гарный помощник вырос, батько, як вин тоби помогал?» — «Хорошо, — коротко ответил отец. И дальше продолжил, — Парень учится грамоте, а родную землю ни забывает, это хорошо, сынок, так и дальше делай. Где бы ты ни учился, на кого бы ни выучился, а родную землю не забывай». Прошло не так много времени, и отец своё мнение по этому поводу, поменял, но на это были особые причины. На второй день, тато мне дал задание: часть сена перетаскать в сарай, а вечером он придёт с работы и забросает его наверх. Утором, после завтрака, все взрослые ушли на работу, а я остался с Мишей и Раей, помощники они никакие, и сено вилами носил я один. Через некоторое время ко мне пришёл Витя Беляев, сын нашей учительницы. Он хоть был меня на год старше, но мы с ним дружили. Он звал меня пойти с ребятами за сладким корнем, но у меня было задание по дому и я отказался. Тогда Витя подумал и сказал: «Ну, раз ты не пойдёшь, тогда и я не пойду, дай мне вилы, я тебе помогать буду». Вдвоём с Витей мы быстро справились, натаскали на пол сарая сена, до самого верха. Я убрал на место вилы, веником подмёл остатки сена по двору, затем с Витей зашли посмотреть на результат своей работы. Я стою у кучи сена, смотрю и восхищаюсь, как много мы его натаскали и, вдруг, Виктор берёт меня за плечи и толкает в кучу сена. «Ах, ты так, — говорю ему, — сейчас ты у меня получишь».

Вскакиваю, хватаю его за ноги, и сваливаю в сено. И начали мы с ним кувыркаться, дурачились до одури. В один момент, я почувствовал, что что-то попало мне в правое ухо. Я попытался это что-то вытащить пальцами сам, но только дальше его затолкал в ухо. Виктор увидел, что я ковыряюсь в ухе, говорит: «Дай я посмотрю, что там у тебя, да это ость, от травы порея, пойдём к фельдшерице, и она вытащит его пинцетом, а то пальцами мы только хуже сделаем». Я, категорически отказывался к ней идти, по очень важной причине. Откровенно говоря, в то время, это была страшная тайна, и эту тайну знал только один я и никому её не открывал, но с тех пор прошло много времени, так что теперь ту тайну можно открыть. Дело в том, что я страшно был влюблён в фельдшерицу. Она была молодая и красивая, одевалась в разные нарядные платья. Но это была не та фельдшерица, которая обследовала Мишу, когда он проглотил шарик. К нам приехала другая фельдшерица, наверное, как окончила учебное заведение, так её к нам и прислали. Так вот, я в неё был влюблён, и ни за что не хотел, чтобы она об этом узнала. Когда я далеко от неё, то мне легче хранить тайну, а если буду рядом с ней, то вдруг я себя выдам. А, это ну никак нельзя было

делать, вот потому я и упирался. И, главное, Виктор никак не поймёт, почему я упираюсь, а я ему сказать не могу, так как это страшная тайна. Но Виктор, взрослее меня, да и умнее, и он нашёл способ заставить меня идти к медицине. Он меня просто запугал, сказал: «Сеня, если ты не пойдёшь за помощью к фельдшерице, то эта ость, проткнёт тебе барабанную перепонку, рана загноится, и ты станешь глухим на два уха. Так что выбирай: или быть инвалидом, или идти лечиться». Виктор на меня навалил сразу столько неизвестных мне слов, таких как: пинцет, барабанная перепонка, инвалид. Я знал, что инвалиды приходят только с фронта, а чтобы в хуторе, да ещё мальчишка инвалид, такого я ни знал, и от этого мне стало ни по себе, и я согласился. Но сначала я решил помыть правое ухо, левое я мыть не стал. А зачем его мыть, ведь она будет смотреть только в правое ухо поэтому правое ухо и должно быть чистым. Идём с Витей, он выше меня ростом, что-то говорит, а я его не слышу, у меня от предстоящей встречи, сильное волнение в груди. Сердце колотится так, что вот-вот выскочит наружу. В голове только и крутится мысль, надо же, сколько я ходил около её домика, чтобы хоть одним глазком на неё посмотреть, и никак не мог её увидеть, а сейчас буду рядом с ней, и она даже меня обнимет. Правда, только до моего уха, дотронется, но какое это имеет значение, все равно я почувствую её прикосновение. Идём мимо двора Лавровых, затем Кошевых, затем здание школы, и вот он домик учителей, фельдшерица в нём тоже жила. Виктор, со своей мамой, тоже жил в этом доме, так что куда идти он знал, да и фельдшера, знал хорошо. Зашли в коридор, Виктор стучит в дверь, а у меня сердце уже не колотится, а куда-то провалилось, и я его не чувствую. Может, я умер, подумалось мне. Но нет, слышу, как Витя открывает дверь, и спрашивает разрешения войти. Он заходит первым, а я не решаюсь переступить порог. Виктор оглянулся, смотрит, что я стою в нерешительности, берёт меня за шиворот и втаскивает в комнату. Виктор поздоровался с ней: «Здравствуйте, Ирина Викторовна». Я же, стоял чуть сзади него, с опущенной головой, и в знак приветствия молча кивнул ей головой. Мой друг коротко изложил причину нашего прихода. Ирина Викторовна подошла ко мне, а я чувствую запах её духов, а вижу только её ноги в туфлях и больше ничего. Вы спросите почему? Да потому что я голову так и не поднял. Даже когда она вытаскивала из моего уха эту занозу, я и тогда стоял, опустив голову. Думаю, а то подниму голову, посмотрю ей в глаза, и она сразу поймёт, что я её люблю, нет лучше уж с опущенной головой. Когда она пинцетом из уха вытащила занозу, то показала её мне и сказала: «Вот и всё, Сеня, твоя проблема

решена». Как мы вышли от неё, я и не помню, всю свою ловкость и старание я потратил на то, чтобы ей не выдать страшную тайну. А когда уже шли к нам, Виктор говорит: «Ну, вот и всё, а ты не хотел идти, она хорошая всегда людям помогает». На это ему ничего не ответил, но про себя подумал, конечно, хорошая, я плохую любить не буду. Затем мы с ним пошли к нам и ели борщ с белым хлебом. Белый хлеб был очень редко, но иногда мама нас баловала им. Виктор Беляев, очень хороший человек, в тот период жизни я к нему проникся большой симпатией и не зря. Однажды он меня спас, возможно, от самой глупейшей ошибки в моей жизни. Спасибо ему за это. Где сейчас Виктор Беляев и что с ним я не знаю по той причине, что я оказался далеко от тех мест, где он жил в то время. Но, мы с ним не прощаемся, он на нашем пути ещё встретится.

ОХОТА НА ВОЛКОВ

На другой день мы с тато копнили сено во дворе. На улице было тихо, солнце поднялось уже высоко и на улице стало жарко. Все попрятались от жары и никто не нарушал тишину, только изредка лаяли собаки и кричали петухи. Мы уже заканчивали складывать первую копну, как вдруг я услышал гудок машины. Для нашего хутора, да ещё для такого времени, это было редчайшее явление.

Я, ни слова не говоря отцу, воткнул вилы в стог сена и вихрем вылетел на улицу. Смотрю, у здания правления стоит грузовая машина полуторка, а рядом с ней легковая машина, и много народа толпилось возле них. Я, отцу крикнул: «Я счас» и, как угорелый, понеся к управе. А там народу видимо-невидимо, да все с ружьями. Никак охота на волков будет, подумал я. Об этом давно говорили, а председатель колхоза нашего Андрея просил, чтобы он там, в Ипатово, поговорил с охотниками, и пусть они приедут, а то от этих серых нет житья, творят что хотят. За время войны, зверья развелось очень много: и зайцев, и лис, а также, волков. Для волков еды много вот они плодятся. А волки до того обнаглели, что прямо среди бела дня, заскакивают в отару, убивают с десяток овечек, прихватывают с собой штучки три, и уходят. И отпугнуть их по-настоящему нечем, у чабанов оружия нет, а собачки, которые ходят с отарой, обыкновенные дворняжки. Что они могут сделать с этим огромным зверем. Да ничего. Да что там говорить, волки дошли до того, что ночью приходили в хутор, осматривали дворы, и если какая-нибудь собачка оказывалась в конуре, то наутро от неё находили один ошейник. Хуторяне, чтобы сохранить жизнь своим собачкам, на ночь забирали их к себе в хату. Вот поэтому организованная охота нужна была как воздух. Я прибежал к управе и начал рассматривать приехавших людей. Их было человек двадцать, все с ружьями, с патронташами на поясе, они стояли, чего-то ждали и неспешно друг с другом разговаривали.

Возле легковой машины стоял наш Андрей и разговаривал с каким-то мужчиной в светло-коричневой кожаной куртке. Позже оказалось, что это был председатель райпотресоюза, которого брат Андрей и уговорил поехать к нам в хутор пострелять волков. Он же и руководил всей охотничьей братией. Охотники шумели, гудели, кто-то рассказывал что-то смешное и мужские голоса дружно хохотали, другие о чём-то спорили между собой, в общем, событие для хутора невероятно грандиозное. И не удивительно, что вскоре вокруг охотников начали собираться хуторяне, в

основном дети, подростки и некоторые женщины. Все, вновь пришедшие хуторяне, интересовались, что, зачем и почему. И когда они узнавали, что это охотники приехали пострелять волков, то с одобрением кивали головами и говорили: «Давно пора, давно, как они нас достали эти ненасытные звери, когда стемнеет так из хаты страшно выйти. Хотя бы они их поубивали». А старухи, которые тоже пришли узнать причину сбора, так те даже крестились, чтобы Господь помог охотникам в их добром деле. А пока суть да дело, брат отправил меня к отцу за ружьём и я уже через несколько минут возвращался с ружьём. Шагаю по улице, намерено надел патронташ на шею и ремень ружья туда же, чтобы хуторянам было видно, что я вооружён до зубов. Сначала я побежал, но затем сообразил и сам себе говорю: «Что же это я бегу, так сильно вооружился и бегу, так меня никто и не заметит. А, когда ещё такое будет? Нет, нет, надо идти шагом и не торопиться». Надо чтобы меня увидели хуторяне. Вижу, тётя Ульяна Беленко набирает воду из колодца, думаю надо нарочито ближе пройти мимо неё. Прохожу мимо, а она увидела меня и спрашивает: «Что, на волков собрался?» Я утвердительно кивнул головой. А она продолжила: «Ну, давай, Сеня, может, хоть ты нас спасёшь от волков». А вот и дед Пака с ведром направился к колодцу. Думаю, надо быстрее к нему подбежать, чтобы и он меня увидел. Правда, дед ничего не сказал, но на меня посмотрел. Но тут всё испортил наш Андрей. Он, видать, всю мою демонстрацию видел и зычным голосом позвал меня быстрее идти. А так бы я еще завернул к хате Лавровых, там тётя Груня в своём дворе, что-то делала, она бы точно мне что-нибудь, сказала по поводу моего снаряжения. Как только я передал ружьё брату, сразу последовала команда охотникам строиться. Толпа вдруг зашевелилась, сразу было и не понять, что они собираются делать, но через некоторое время образовалась шеренга, в которой стоял и наш Андрей. Вскоре последовала команда: «Смирно!». И вот удивление, казалось бы, гражданские мужики, а шеренга ровненькая, мужчины по-военному вытянулись в струнку. Хотя чему тут удивляться, недавно кончилась война, а там все повоевали, так что навык никуда не делся. Мужчина в кожаной куртке, обходил шеренгу и каждому охотнику, что-то объяснял, а когда очередь дошла до нашего брата, то он ему сказал: «А ты, Андрей, поедешь со мной, будешь дорогу показывать». Наконец, была дана команда: «По машинам». А мне было обидно на это смотреть, что командовал охотниками не мой брат Андрей, а этот мужчина в кожаной куртке. Я настолько уверился в том, что всё это мероприятие организовал мой брат, а если он организовал, значит он должен и командовать. Но получилось так, как

получилось, и меня это расстроило. Прошло много лет, но я до сих пор помню то своё состояние. В то время я был уверен, что мой старший брат Андрей, самый сильный и самый авторитетный во всём. Только гораздо позже я в этом разуверился, понял, что он не всё может, так как пост, который он занимал, был не столь высок, а поэтому и власти было мало. Хотя Аркадий Райкин, таких работников, как мой брат, в своих выступлениях поднимал на небывалые высоты. Помните его выступление о театре: «В первом ряду сидят завсклад, товаровед, а инженеры на галёрке». Вот такие были времена.

Ну, ладно давайте вернёмся к нашим охотникам. Охотники с охоты вернулись далеко за полдень, и самое главное с трофеями. В кузове полуторки лежали три убитых волка, матёрый самец невероятной величины, самка чуть меньше самца и волчонок, довольно большой, месяцев восемь. Размеры этого волчонка были таковы, что он свободно мог утащить овечку, ну может и не овечку, но ягнёнка точно. Но особо меня впечатлил волк, крупный, очень упитанный, спина серая, а весь низ туловища в подпалинах. Ну, чистой воды, степной волк. Красивый зверь, мне даже жалко было, что его застрелили, какой красавец бегал по нашей степи, а вот теперь всё, больше бегать не будет. Что поделаешь, как говорят французы, «сэ ля ви», то есть, такова жизнь. Через некоторое время, охотники вместе с трофеями уехали на машинах в районное село Ипатово. Хотя они и уехали, но их дух и дух поверженных зверей витал в хуторе. На всех углах обсуждали результаты охоты и надеялись, что, наконец-то волки наш хутор оставят в покое. Вечером за ужином Андрей (он остался на ночь дома) рассказывал подробности охоты на волков. Но как мне тогда показалось, что в его рассказе было больше фантазии, чем правды. Я это понял и подумал, сейчас Андрею попадёт от отца за враньё. А наш тато, вранья, терпеть не мог, в своё время, он за это отругал Ивана, а теперь и Андрею достанется на орехи. Отец сначала слушал брата внимательно, но затем, по мере увеличения красок на сценах охоты, отец начал кряхтеть, сначала тихо, затем всё сильнее и сильнее. Ну, думаю, всё, сейчас Андрею за враньё влетит по первое число. Но брат вовремя понял и быстро закончил свой монолог, говорит: «В общем, как бы то ни было, троих волков убили, ещё по двум стреляли, возможно, ранили, а остальных хорошо напугали. Двадцать охотников палили со всех ружьев, канонада была такая сильная, что сравнима с военными действиями. Так что, думаю, те волки, которые остались живы, ещё долго не вернутся на наши поля». И действительно, как сказал Андрей, волков они напугали сильно, они не стали нападать на отары овец, ночью не стало

слышно волчьего воя, в хуторе наступило затишье. И затишье продлилось довольно долго. Затем, чабанов вооружили ружьями, откуда-то привезли настоящих чабанских собак, которые волков не боятся, и после этого волчьи страхи сошли на нет. А вот ещё один рассказ про охоту на волков. Об этом рассказывал наш Андрей, он тогда работал экспедитором в райпотребсоюзе и по долгу службы ездил к чабанам на чёрные земли. Где-то в начале шестидесятых годов прошлого века, из наших мест на чёрные земли гоняли овец на выпас. Отары были большие, до средины лета на наших полях и в степи всё было съедено, а кормить овец надо, вот как вариант и были эти земли. Хоть до чёрных земель из нашего хутора далеко, километров пятьсот, но деваться некуда, надо гнать и гнали. Мне рассказывал сам участник этих походов, друг моего детства, Лавров Алексей Иванович, который сейчас живёт в селе Бурукшун Ипатовского района Ставропольского края. Дело это трудоёмкое, нервное, со множеством неудобств и прочими непредвиденными обстоятельствами. Всю дорогу шли пешком, а это не мало, полтыщи километров не шутка. Бытовые условия были, хуже не придумаешь. Но дело даже не в этом, а в том, что боялись растерять овец. По тем временам за каждую овцу могли очень строго спросить, вплоть до тюрьмы. А уследить за всеми было не просто, отара большая, до трех тысяч голов, овцы могли и сами в кустарниках отбиться от отары, и украсть их тоже могли, как люди, так и волки. Но, слава Богу, с горем пополам добирались до места. На новом месте сначала всё было хорошо, степь бескрайняя, травы, сколько хочешь, паси своё овечье хозяйство и радуйся жизни. Но затем к нам повадились волки, сначала ночью только выли, но на отару не нападали, но через некоторое время, от них житья не стало. Далее рассказчик говорил, как они с волками боролись, но я об этом писать не буду, так как у меня другая цель, помните, «ОХОТА НА ВОЛКОВ». Тем более, что их борьба с волками ничем хорошим для овец не закончилась, как волки таскали барашек, так и продолжали таскать. Но, дело в том, что на чёрных землях были отары не только из Ипатовского района, а со всего Ставрополья, и для волков там было просто раздолье. Бескрайние степи, да ещё и многотысячные отары овец, то есть еда для волков, одним словом волки жили и радовались. Но, радость их была недолгой, бесконечные жалобы чабанов начальству на безобразие хищников, наконец, дошли до высшего начальства, и те решили организовать массовый отстрел волков. Для этой цели была привлечена авиация, то есть, самолёты, в народе называемые «кукурузники». Вот с них-то охотники и отстреливали волков. Как охотились, брат не видел, видел только

летающий самолёт и выстрелы. Затем по пути следования, Андрей со своим шофёром увидели лагерь охотников. Там стояли два самолёта, большая армейская палатка и грузовая машина. Сгорая от любопытства, брат решил заглянуть в кузов машины, что же эти стрелки настреляли, и увидел впечатляющею картину. На дне кузова лежало не менее десятка, крупных волков степняков. Вот это охота, подумал Андрей, не то, что мы с трудом троих добыли, вот что значит самолёты. Надо сказать, вот такая организованная работа по уничтожению волков сразу дала результат. Разумеется, всех не выбили, они продолжали своим воем беспокоить чабанов, но теперь только воем, а это, разумеется, не так опасно для овец, да и для чабанов. И, чтобы окончательно покончить с охотой на волков, приведу вам, на мой взгляд, очень интересный и довольно поучительный рассказ моего отца, Кондрата Ефимовича.

«ОХОТА НА ПРИМАНКУ»

— Об этой охоте, — начал свой рассказ отец, — нам с батькой, Ефимом Васильевичем, рассказывал Мыкола Шаула. Было это ещё в старое время, то есть до революции 1917 года. А началось всё так. Как-то вечером к нам зашёл Мыкола, вечерком к нам он часто заходил, и что зашёл сегодня, нет ничего удивительного. Посидели, поговорили, говорить больше было не о чем, Шаула уже было собрался уходить, как вдруг Ефим Васильевич спрашивает у него: «Слушай, Мыкола, я чув, шо ты раньше охотился на волков с поросёнком, ты бы рассказал как это було». Шаула, услышал такой вопрос, гордо поднял подбородок и говорит: «Та була така охота, ох и жуткая она була, аж сейчас дрожь берёт». — Ну, так расскажи, все ровно делать нечего, а спать ложиться ещё рано». Мыкола снова снял шапку, сел на лавку и начал рассказ:

— Было это зимой, лет пять назад, зашли ко мне в хату Макар Чипурный и Пытро Коротенко, та ты их, Юхым, знаешь. Я их встретил у порога, смотрю на них, а у них, у обоих, шапки из заячьего меха все пооблазили, даже кожа видна. Смотрю я на них и говорю, шош вы, мои други, так обносились?» — «А что, Мыкола, сделаешь, — говорит, — Чипурный, на все нужны гроши, а где их взять, да если бы и были, где купить. До села Ипатово далеко, а до села Сальска ещё дальше, вот и приходится носить то, что есть. А что, в степи звери перевелись, или у нас с вами нет ружей, патронов, спросил я у них. «Всё есть», — ответили они. Ну, раз всё есть, так давайте сходим на охоту и добудем шкурки, и сошьём себе новые шапки», — уговаривал я их. В общем, они были согласны, и вот мы сидим у меня и думаем, как это сделать, так чтобы и меньше по степи бегать, и больше шкурок зверя добыть. Вариантов было много, но все они были трудоёмкие, и тут Пытро предлагает новый вариант, тот, который его батько опробовал давным-давно. А именно, охота на приманку. Пытро говорит, сделаем так. Запрягаем наших коней в санки, берём с собой приманку, такую, что бы она сильно кричала и в степь. Для этой цели как нельзя лучше подходит поросёнок, запихиваем его в мешок, и держим в руках, а к санкам на верёвке, привязываем пучок соломы, замотанный в какую-нибудь тряпку. Едем, в то место, где видели волков, и начинаем действовать, а как приманка сработает, то нам остается только положить пару тройку волков, и всё. Вот тебе и шапки, и воротники. Осторожный Макар похвалил идею, но предупредил, что волки это вам ни зайцы, так что надо быть осторожным. Все согласны, обо всём

договорились, дело осталось за малым. А именно, где взять поросёнка? У меня, как ты знаешь, Юхым, ёго ныма. Пытро своего, давно съел, остался только Макар. Но он сразу заявил, что жена может не дать, но постараюсь её уговорить. Решили выезжать завтра в полночь, в это время как раз волки выходят на ночную охоту. На второй день, как стемнело, Петро притащил ко мне во двор санки одной своей лошадью, а затем в санки, впряжём и моего Буланка. Две лошади будут легко тащить санки, что на такой охоте очень важно. Сидим у меня в хате ждём Макара, а он всё не идёт, и не идёт, что там у него, не знаю, наверное, жена поросёнка не даёт, и он её уговаривает. В хате приготовили приманку, из пучка соломы, обмотали его тряпкой, привязали к верёвке, и приманка готова. Подождали ещё, время уже к полуночи, а Макара всё нет. Неужели такое важное мероприятие как охота сорвётся, подумалось мне. Ладно, говорю, Пытро, пойдём, будем готовить санки, Макар должен скоро подойти. Вышли во двор, а погода прекрасная, небо ясное, усеянное звёздами, луна поднялась высоко и ярко светила, был лёгкий морозец, погода в самый раз для охоты. Снег уже лежал несколько дней, не глубокий, сантиметров 5–7, так что по степи, пара лошадей, будут легко тащить санки. В санки положили соломы, чтобы мягче было сидеть, к ним же привязали приманку, и положили её в санки, надо запрягать лошадей, но пока нет Макара, придётся ждать. Вскоре появился и он, с поклажей в руках. Эта поклажа ласково хрюкала и дёргалась в мешке. Пока запрягали лошадей, Макар говорил, с каким трудом ему удалось у жены выпросить приманку. Поросёнка, говорит Макар, она дала, но поставила такие условия. После охоты, ты Макар, вернёшь поросёнка, а за то, что я вам помогала, отдашь мне одну шкуру волка. Макар согласился, а что ему оставалось делать в такой обстановке. Ладно, говорю Макару, после охоты разберёмся, а сейчас поехали. Выехали за хутор, лошади идут рысью, санки скользят легко. Сидим трое в санках, распределяем обязанности, кто, что будет делать, конечно, мы их распределили ещё дома, но на месте произошла заминка. По идее, я должен управлять лошадьми и держать поросёнка, а Пытро и Макар, стрелять, но Макар никому не давал поросёнка, так как боялся, что мы его потеряем. А жена Макару сказала, что если ты поросёнка задушишь в мешке, то я тебя тоже задушу, но не в мешке, а за шею, а если его волки сожрут, то я тебя тоже сожру, притом без соли, она у него баба здоровая и злая, так что эта угроза не пустая. А она у него такая, как скажет, так и сделает. Вот он и боится за поросёнка, а больше за свою голову. Тогда я ему говорю, ну как ты будешь стрелять одной рукой. Он со мной

согласился и тогда мы с ним поменялись местами, мы с Устимом будем стрелять по волкам, а Макар, держит и когда надо, то и будет душить приманку-поросёнка, чтобы тот визжал. От хутора отъехали километров на пять, вокруг ровная, белая гладь, и только мы на этой белизне отмечены чёрным пятном. Проехали по степи один круг, другой, тишина, нигде никаких волков даже не привидится. Поросёнок визжал, визжал, затем, наверное, устал и уснул. Что делать, для очистки совести ещё поколесили, и решили ехать домой. По дороге домой остановились, мы с Пытром, решили пройтись пешком, а Макар не захотел вставать из санок, поехал дальше. Идём за санками разговариваем с Макаром, он постоянно поворачивается к нам в момент разговора. Прошли с километр, вдруг Макар посмотрел в нашу сторону и говорит: «Посмотрите назад, что это там за огоньки». Мы оба дружно повернулись, я смотрю, действительно вижу две пары огоньков, чуть дальше ещё два огонька, и главное недалеко, метров сорок, не больше. Я сразу понял, что это волки, запрыгиваю в санки и говорю: «Волки! Готовьтесь к охоте», а у самого морозец по коже пробежал. Сразу выбросили приманку на верёвке, Макар начал потихоньку душить поросёнка, он завизжал, и я увидел, как огоньки быстро стали приближаться. И вот они уже рядом, стало отчётливо видно, что это три крупных зверя. Через некоторое время к ним присоединился и четвёртый. Как только волки нас догнали, лошади почуяли запах зверя, и понеслись во всю прыть. Макар, поросёнка придавил коленкой, и двумя руками за вожжи, пытается удержать лошадей. Но если лошадь учуяла волка, то удержать ее очень трудно. Волки уверено стали приближаться к приманке. Это ещё сильнее подстегнуло наших коней. Нам с Пытром надо стрелять, а мы это никак не можем сделать, санки на перемётах и бугорках так стало подкидывать, что если не держаться за передок, то тебя выбросит прямо волкам в пасть. Дело в том, что санки были без кузова, и держаться там не за что, кроме передка, который был сколочен из досок. Но у передка сидел Макар, и он практически весь его закрывал от меня и Пытра, и мы только одной рукой, могли за него держаться. А волки тем временем догнали приманку, которая тащилась за санками на верёвке и с рычанием бросились на неё. В миг, разнесли её по соломинкам, увидели, что это подстава, поняли, что их кинули, они в знак мести этим горе охотникам, ещё с большим остервенением бросились за нами. В один момент они разделились, два волка бежали за санками, а два других, начали обходить санки с обеих сторон, с целью подобраться к лошадям и вцепиться им в глотку. Если такое произойдёт, то нам всем конец. Надо что-то делать, по бегу

лошадей видно было, что они устали, и быстро бежать уже не могут, надо и им, и себе помогать. Кричу Пытру, стреляй, сам поднял ружьё одной рукой, надо бы прицелиться, но как это сделать одной рукой да при такой тряске. Выстрелил, наугад, разумеется, ней попал, но волки на какое-то время отстали. Надо перезарядить ружьё, но, одной рукой этого не сделаешь. Опять кричу Пытру, стреляй, он тоже выстрелил одной рукой. После наших выстрелов волки немного отстали, но затем поняли, что мы их пугали, снова начали нас догонять. Я посмотрел в сторону хутора и увидел на белом фоне чёрную полоску хуторских строений, вот он спасательный наш рубеж, но как к нему добраться. Хутор вроде и не далеко, но волки ещё ближе, что же предпринять ещё, чтобы хоть отпугнуть этих кровожадных убийц, подумал я. А волки снова стали обходить наши санки справа, и слева, и подбираться к лошадям. Кони бегут уже из последних сил, но, слава богу, ещё бегут, я одной рукой пытаюсь зарядить ружьё, но у меня это плохо получается. Сам заряжаю, а сам слежу за волками, определяю время, сколько осталось до нашего конца. И вот когда волки поравнялись с головами лошадей и готовились сделать прыжок, чтобы вцепиться им в глотки, санки на очередной кочке сильно подбросило, и мешок с поросёнком вылетел из санок. Он шлёпнулся в снег и, наверное, с перепуга поросёнок, сильно завизжал. Вся волчья стая как по команде ринулась к мешку, что там было с мешком и поросёнком можно только догадаться. Пока волки разделывались с поросёнком, мы успели заехать в хутор. Вот так закончилась эта ночная охота на приманку. Ты, наверное, спросишь у меня, — сказал мой отец, а что же было Макару за поросёнка, которого волки съели? Отвечу. Та особо ничего и не было. После охоты, несколько дней Макар жил у Шаулы, боялся идти домой. Но хутор есть хутор, хуторяне узнали, что Макар ушёл от жены, и начали над ней смеяться. Мол, бросил тебя Макар из-за твоего злющего характера, наверное, теперь он к тебе не вернётся. Жена Макара сначала отшучивалась, а потом стало невмоготу и решила прекратить эти насмешки путём возврата мужа домой. Вот так закончилась эта не простая история.

А из рассказа Мыколы Шаулы так и не понятно, кто на кого охотился, то ли охотники на волков, то ли волки на охотников, а Вы поняли, мой читатель, что там было?

МОЙ ПЕРВЫЙ ТРУДОВОЙ ОПЫТ

В тринадцать лет, в летнее время у меня у началась трудовая деятельность, колхозе, но она продлилась не долго. Дело в том, что бригадир определил меня погонщиком быков, запряженных в бричку. Надо было возить зерно от комбайна на ток. Я не хотел управлять быками и просил бригадира дать мне лошадей. Но он отказал, мотивируя тем, что лошадей на всех не хватает, а быки тоже хорошее тягло. Я подумал, если не поеду на быках, что я тогда скажу маме, когда приду домой и согласился на быков. Целый день работал хорошо. Сделал четыре ходки от комбайна до тока. В конце дня, когда загорелась вечерняя заря, случилось меленькое происшествие. Я на своей бричке, ехал не спеша на ток, чтобы там выпрячь быков и отпустить их в поле пастись до утра. Бричка была пустая, торопиться было некуда, двигались медленно. Вдруг сзади слышу стук колес другой брички и топот копыт лошадей. Оглянулся, меня догоняет Ленька Беленко на своей паре гнедых, которые шли хорошей рысью. Проезжая мимо меня он издевательски крикнул мне: «Догоняй». Это меня сильно задело, я ударил кнутом по своим тихоходам. С криком, гиканьем, свистом я понёсся догонять упряжку Алексея. Он не ожидал от моих быков такой прыти, и мы его быстро догнали. Затем он свою пару перевел на галоп, и я со своими тихоходами приотстал от него, но не сдавался и гнался до самого тока.

На зерновом току, работали женщины, они мерно перекидывали деревянными лопатками зерно из вороха в ворох, таким образом, сушили его. Представьте картину, на полном скаку, на ток врывается упряжка лошадей, люди в ужасе шарахнулись от неё, Алексей резко натянул вожжи, и кони остановились. Дышло до половины вылезло впереди лошадей, а они разгоряченные гонкой храпят, топают на месте ногами, дико водят глазами из стороны в сторону, в общем, напугали людей. Колхозницы стоят в стороне, испуганно смотрят на лошадей и не поймут в чем дело. Такого никогда не было, чтобы на такой скорости влетала упряжка на территорию тока. Затем они увидели главного виновника этого события, а именно Алексея, который управлял лошадьми, и вся сила женского гнева обрушилась на него. Женщины кричали, ругались, обзывали его, обвиняли в жестокости к животным и к людям. На самой высокой ноте я оборвал этот крик, на своей упряжке я врываюсь на территорию тока. Увидев новое пришествие, колхозницы снова разбежались в разные стороны. При торможении, ярмо вместе с дышлом чуть не слетело с голов быков, да рога не дали. Быки

тяжело дышат, их бока раздуваются как меха в кузнице, ноздри расширены, пена падает со рта, а красные напряженные глаза несут угрозу, вроде того что, кто подойдет — убью. Люди на какое-то время опешили, наступила напряженная тишина. Слышно было только тяжелое дыхание быков да шум веялки. Но тишина длилась не долго. Толпа грянула, ещё с большей силой, одна из женщин кричит: «Хто цэ там быкив погоняет?» — «Та цэ Сенька Гакивский, бесёнок черноголовый». И тут началось новое представление. Теперь весь свой гнев, женщины обрушили на меня, всячески обзывали меня: и такой, и сякой, и ни мазаный, и сухой. Я сидел в бричке и терпеливо ждал, когда закончатся силы у женщин или когда им надоест меня ругать. Постепенно шум стал утихать, всё бы и закончилось этим шумом, если бы в это время на току ни появился бригадир. Он поставил нас с Алексеем рядом и спросил: «Что гонки устраиваем в такое-то время. Не сознательные вы люди, а тебе, Чухлеб, видно ещё рано доверять животных, так что иди домой и скажи, что я тебя выгнал с работы». Вот так у меня началась трудовая деятельность, но она тут же закончилась. А что тут сделаешь, время было послевоенное, стране требовался хлеб, а хуторские мужики почти все не вернулись с фронта, вот и приходилось нам, мальчишкам, их заменять. Спрос был одинаково строг, что с взрослых, что с мальчишек, так как иначе нельзя было, стране нужен был хлеб, и мы должны были его дать, любой ценой. Домой я пришел поздно. Мама с моим страшим братом Иваном сидели на крылечке и ждали меня, отца дома не было он в то время охранял зерно на другом току. Я им честно рассказал, что произошло у меня на работе, мама спокойно выслушала и сказала: «Ну, ничего страшного, будешь дома заниматься огородом, а то Миша и Рая ещё маленькие, и им делать это трудно, так что завтра приступай».

Надо сказать, что работу по огороду не сравнить с работой в колхозе, но всё-таки это тоже трудовой опыт. Работа по огороду не сложная, но очень трудоёмкая, возить воду в бочке, которая стояла на тачке, да ещё, хоть и в небольшую, но в горку, мне было очень тяжело. Конечно, мне Миша с Раей помогали, но какая от них помощь, одному двенадцать лет, а Рае десять. Но возраст не главное, главное то, что они были оба небольшого роста и внешне выглядели как восьмилетние дети. Поэтому, какая у них сила? А бочка была не маленькая, в неё входило четыре вёдра воды, а их надо было ещё вытащить из колодца. Воды требовалось много — четыре, а то и пять бочек. Под конец работы кисти рук уставали на столько, что верёвка выскальзывала из них, и ведро с водой с шумом летело на дно колодца. Хорошо, если на конце её был

узел, то за него удавалось верёвку удержать, а если нет, то создавалась целая проблема. Надо было вытаскивать ведро вместе с верёвкой из колодца, а для этого нужна зацепка, так называемая «кошка». А на нашей улице «кошки» были только у Ласуна и у Якова Кошевого. Ну, а к Ласуну идти нет смысла, он все рано не даст, а вот Яков Ефимович может и дать, но с большими оговорками. Вообще было нелегко. Так было в семье каждого колхозника. На колхозном огороде, все было совсем по-другому. Там работали взрослые колхозницы, знающие технологию выращивания овощей и других растений. Воды там было достаточно, колодец был вырыт прямо посредине огорода. Для накопления воды здесь же стояли большие деревянные чаны (бочки) которые заполнялись водой для подогрева на солнце, потому что, колодцы были глубокие, и вода там была холодная. Одним словом на колхозном огороде был настоящий райский уголок. Всё росло, цвело, кустилось, зеленело, созревало. Он нас пацанов, притягивал к себе, как магнит. Если нам удавалось обмануть сторожа и туда забраться, то часть урожая мы уносили с собой. Затем усаживались, обычно в канаве наших огородов и наслаждались добытыми «трофеями». Время было послевоенное, голодное и кушать хотелось всегда.

По этому случаю я хочу описать эпизод из одного фильма, к сожалению его название не помню. Эпизод: Главный герой фильма ходит по комнате, ищет свою чёрную рубашку и нигде, её не находит. Здесь же толпятся домочадцы: жена, дочь, брат жены. Все взрослые. Они смотрят на то, как главный герой ходит по квартире, заглядывает во все углы и спрашивает у остальных: «Где моя чёрная рубашка?» Сначала все молчали, затем дочь говорит: «Она, наверное, в стирке». Герой резко реагирует на эту подсказку и отвечает «Она не может быть в стирке, потому что она чёрная, а чёрное грязным не бывает». Сказал, а сам ходит по комнате и продолжает искать рубашку. На пути ему попадается шурин, который стоит и ест увесистый бутерброд. Герой зло глядя на него говорит: «А ты перестань жрать, всё жрёшь и жрёшь». На что тот отвечает: «А ты на меня не кричи, я наголодался в Ленинградскую блокаду, теперь никак наесться не могу». Так вот я тоже наголодался в детстве, да и в юности тоже, но позже наелся и с бутербродом в руках по комнате не расхаживал и вообще всю жизнь старался держать себя в форме. Но это будет потом, а пока я поливаю в нашем огороде грядки, вернее не грядки, а то, что на них растёт. Работа конечно тяжёлая и я устаю, а тут ещё тётя Саня, отцова сестра мне подсуропила. Приехала к нам в гости из Краснодара и добавила мне забот.

ДЕЛО ТАБАК

С табаком получилось вот что. Как я уже сообщал, к нам приехала тетя Саня, или Александра Ефимовна. Ну, приехала и приехала, получилось как бы с обратным визитом к маме. Правда, это произошло на четыре года позже, но это не столь важно. По-видимому, она ждала конца войны, чтобы заодно и увидеть своего брата Кондрата Ефимовича. Как водится, она приехала не одна, а с взрослой дочерью, которую завали Матрёна. Да она одна бы и не поехала по той причине, что с рождения слепая. Когда она к нам приехала, я не видел, а увидел я её с дочерью, когда пришёл домой со школы. Я зашёл во двор, смотрю, мама сидит с какой-то женщиной и о чём-то разговаривает. А рядом на скамейке сидит, какая-то молодая девушка и их разговор слушает. Тато же сидел у сарайчика на своей лавочке и в разговоре как бы участия не принимал. Мне стало интересно, кто же это с мамой разговаривает. Я к ним подхожу, а мама мне говорит: «Сеня, дывысь, тётя Саня, татова сестра к нам приехала погостить и подарки нам привезла — много всяких саженцев. Как только мама сообщила мне про саженцы, у меня сразу в голове пронеслось. И так в огороде полно, что надо поливать, а тут ещё она со своими саженцами припёрлась. После этого я присмотрелся к этой тёте, и она мне не понравилась. Сидит на порожке толстая тётка, волосы седые зачёсаны назад. Присматриваюсь к её глазам. Думаю если она слепая, то у неё глаз не должно быть. А у этой глаза есть и она ими по сторонам зырет. Думаю что-то тут не так, может это и не наша тётка, а какая-нибудь шпионка. Всё-таки это надо как-то проверить. Что-то она, какая-то подозрительная. Да вон и тато с ней не разговаривает. Если бы она была настоящей его сестрой, то он бы с ней разговаривал, а то сидит себе тихонько и в женском разговоре не участвует. Ну, думаю, ладно, торопиться не буду, надо подождать, что будет дальше.

А дальше было так. Домой пришли Иван и Наташа. Иван сразу ушёл в хату, а Наташа подключилась к женскому разговору. Я сижу в сторонке и за всеми наблюдаю. Женщины продолжают говорить, а эта самая Матрёна все к тату пристаёт с разными вопросами. Видно, отец с ней не хочет разговаривать и чтобы от неё отвязаться куда-то засобирался, никак хочет уехать осматривать поля. Наверное, ему этот женский базар надоел, и он решил от него избавиться путём исчезновения из дома. Смотрю, он из кухни вышел со своей дорожной холщевой сумкой и пошёл к тачке. Через некоторое время он запряг в неё лошадь и мне

крикнул: «Сеня, поехали со мною». Я одним прыжком заскочил в тачку, а в это время мама вдогонку отцу кричит: «Батько, а ты куда Сеню забираешь, мы тут собрались сажать саженцы, а кто их поливать будет?» На что тато ответил: «Вас тут полный двор, сами польёте». Тато сказал лошади: «Но» и мы поехали. Едем быстро, отец то и дело погоняет кобылу, то голосом, то кнутом. Я знаю, что лошадь здесь не причём, он разозлился на гостей, ну а досталось кобыле. Доехали молча до лесной полосы, здесь тато говорит: «Давай сынок, сначала накосим травы, положим её в тачку, чтобы нам с тобой было мягче ехать, а потом объедем поля. Лошадь отпустили пастись, тато косит траву, а я её собираю и в бричку складываю. Работаем, не разговариваем, но отец постоянно кого-нибудь, ругает: то косу, что она раз от разу застревает в землю, то мух надоедливых. Но я знаю, что ни коса, ни мухи не виноваты, просто у него плохое настроение, вот он их и ругает. Ему надо выговориться, но он молчит, а я разговор начать не смею, вы уже знаете, что в нашей семье так не принято. Но думаю, если тато заговорит о гостях, то я тоже своё слово вставлю, ведь они мне своими саженцами насолили, дай Боже. Я знаю, почему отец на гостей зол, он не любит таких гостей, которые свалились не известно откуда и «здравствуйте, я ваша тётя». Да и эта Матрёна, «тётя Мотя», своими приставаниями ему надоела. То она у его спросит одно, то другое, видит же, что у человека нет настроения, ну что к нему приставать. Одним словом в этот вечер всё у нас в доме пошло плохо. Да я вам вот что скажу по секрету, эти, прости Господи, гости, нам, детям, даже конфет не привезли, видишь ли, они привезли какие-то саженцы, как будто их можно есть. Одним словом у нас в этот вечер всё было плохо, и тату настроение испортили, да и мне тоже. Наконец тато закончил косить, я всю скошенную траву уже сложил в тачку. А что мне это не трудно, я уже парень взрослый, как-никак мне тринадцать лет, и ростом Бог не обидел, так что с этим всё в порядке. Я запрягаю лошадь, а отец вытирает пучком травы косу и продолжает молчать. Но я знаю, что он все равно на эту зловредную тему заговорит. Вы же знаете, когда человеку на душе мерзко ему обязательно надо выговориться. Едем дальше. Теперь ехать хорошо травы накосили полную тачку, даже с бортов свисает. Обычно тато с этим делом осторожничает, как бы что люди не сказали. А я ему говорю: «Тато, ну что смотреть на людей, нада делать, так чтобы наша корова зимой с сеном была». Но тато с моими убеждениями не согласен, на моё утверждение он мне сказал: «Сынок, во всём надо знать меру». Ну, я спорить не стал, раз отец так сказал, значит, оно так и есть. Потихоньку едем дальше. Тато полулёжа на локте, держит в руках вожжи, а я

сделав ноги «крендельком», сижу на траве. Ехали молча, но это длилось недолго.

Наконец отец заговорил как бы сам с собой. Говорит: «Появились, не запылились, а где всё это время были?» Тато как бы у кого-то спрашивает, ну он же не ко мне обращается, а к кому-то не видимому и поэтому я молчу. Наконец он поворачивается ко мне и говорит: «Ну, вот ты, сынок, скажи, кто так делает, столько лет ни письмеца, ни весточки, а потом взяли и свалились на голову. Я думаю, что это не правильно. Так делать нельзя. И эта, так называемая, племянница, со своими дурацкими вопросами. Да и какая она мне племянница, это они говорят, что они наша родня, а я этого не чувствую. Вот ты сынок чувствуешь, что они твоя родня?» — «Ни, тато, не чувствую, да и вообще они мне не нравятся, какая-то толстая тётка, а эта Тётя Мотя, так и хочется сказать, Тётя Мотя, подберите своё лохмотья» — «Вот, вот, — поддержал меня отец, — насчёт лохмотьев ты попал в точку. Ты вот посмотри, они приехали, даже гостинцев детям не привезли, вместо гостинцев, они привезли рассаду. Ещё не известно, что из этой рассады вырастет». Я хотел в этом деле отца поддержать и сказать, что я эту рассаду буду поливать так, что она через пару дней загнётся. Но об этом я только подумал, а говорить не стал. Отец не любит таких заявлений, он сам если возьмётся что-то делать, то делает основательно и от других того же требует.

За разговорами мы не заметно доехали до Чунусовской межи и повернули в сторону хутора. Уже окончательно наступил вечер. Правда, было ещё не темно, но до темноты было уже не далеко. Проезжая мимо МТФ, тато говорит: «Давай, сынок, заедем на МТФ, может молочка раздобудем и с хлебушком поедим, а то, что-то есть хочется». Такому предложению отца я очень обрадовался. Я уже давно хотел есть, но ждал, когда мы вернёмся домой. Но отцу домой возвращаться не хочется, поэтому он решил заехать на МТФ. Там нас встретили ласково, особое внимание к моему отцу проявляла Таня, та, которая живёт возле нашего свата Давыденко. Она нас пригласила за стол и учтиво спрашивает у тато: «Кондрат Ефимович, шо вам подать, молочка чи выршок, мы только что прогнали его на сепараторе?» Тато ещё ничего не сказал, но я как услышал слово «выршок», у меня в груди радостно забилось сердце. Но просить я не смел и ждал, что по этому поводу скажет отец. А тато, обращаясь к Тане говорит: «Таня, ты мне принеси молока, а Сене выршок, он у нас его очень любит». Таня, на какое-то время ушла и затем появилась с двумя стаканами в руках. Один поставила на стол возле отца и сказала, что это молоко, а другой стакан поставила

возле меня и сказала, что это выршок. Затем Таня снова, куда-то ушла, а я вытер свой указательный палец правой руки и сунул его в выршок. Вытащил его из выршка и сразу в рот. Тато увидел это и говорит мне: «Сеня, ну зачем ты так делаешь, вот бери хлеб и ешь прямо из стакана» — «Тато, та це я по привычке», — ответил я отцу. Домой мы приехали, когда было уже поздно и все домочадцы легли спать. Я тоже забрался на полати и улёгся в, так называемую, постель. Гости как приехали, так и уехали, а мне для поливки оставили саженцы: 30 кустов листового табака, 40 кустов Турецкого табака и 20 кустов клубники. Теперь чтобы полить все грядки мне надо привезти не три бочки, а семь и это два раза в день, утром и вечером. Нагрузка невероятно тяжёлая и я начал думать, как сделать так, чтобы как меньше возить на огород воды. Долго думать не пришлось, я решил для нелюбимых мною растений урезать количество воды в половину. Если норма поливки под один росток была 400 граммовая кружка, то под ростки табака и клубники я лил по пол-кружки. Думаю, засохнут и пусть засыхают, все- равно я их не люблю. В результате моей деятельности клубника загнулась через два дня, а вот табак, будь он не ладен, не засыхает и всё тут. Я уже ограничил воду для табака до четверти кружки, а он растёт и на меня внимания не обращает. Прошло, наверное, недели три, табак уже поднялся довольно прилично, тогда я его вообще поливать не стал, а он как рос, так и продолжает расти, не растение, а какая-то напасть. Месяца через два после посадки турецкий табак вымахал метра на полтора, а вот листовой табак, в высоту был сантиметров тридцать, но листки у него были широкие, как у лопуха. Настал момент проводить анализ табака. Мама насушила два листка листового табака и два листка турецкого табака и отдала тату на пробу. Результат анализа показал, что турецкий табак сильно слабый, а вот листовой хороший даже очень, аж горло дерёт. На семейном совете решили, в следующем году турецкий табак не сажать, а для листового табака надо расширить плантацию. Но решение семейного совета нарушил наш Андрей, он приехал из Ипатово и сказал, что не надо ни какой табак садить, он будет тату возить махорку из Ипатово, она более очищена и меньше даёт копоти на лёгкие. Аргумент Андрей привёл веский и поэтому возражений не последовало, ну а я, разумеется, обрадовался такому решению и вы знаете почему. Ну а что касается погибшей клубники, то мама вела расследование, и почему такое произошло, она видела в этом факте мои проделки. Но я её убедил, что виноват не я, а наше жгучее солнце, вот оно и сожгло ростки клубники. Мама сомневалась в моих доводах, но делать нечего, и расследование зашло в тупик, у солнца же не спросишь,

кто виноват, да оно и не скажет, что же оно меня выдавать будет? Вот так и закончилась эпопея с табачным делом, которому «Табак».

СНОВА ИПАТОВО И ШКОЛА

Вот и кончилось лето, за заботами оно пролетело незаметно, через три дня в школу в шестой класс. Надо на чём-то добираться в Ипатово, думал пешком идти до Бурукшуна, а там может, на чём-нибудь доеду, из соседнего села транспорт ходит чаще. Но, к счастью, выручила сестрёнка Наташа, она пришла домой и говорит: «Сеня, завтра повезём на машине зерно в Ипатово, так что ты поедешь с нами». Хорошо, думаю, повезло мне, не надо добираться на перекладных. Машина была из нашего колхоза, шофёром был Афанасий Кошевой, отец Раи, будущей временной жены моего брата Ивана. Ехали в кузове, засыпанным зерном до самого верха, Наташа и ещё одна девушка сидели у кабины, а я посредине кузова. Пока ехали небыстро, то было всё нормально, а как выехали на шоссе, и водитель увеличил скорость машины, то её на кочках так стало качать из стороны в сторону, а зерно в такт качки начало плавать, а вместе с ним и я, того и гляди, из кузова вывалюсь за борт. Наташа увидела мои попытки удержаться в кузове и говорит: «Сеня, ты ложись на живот, а руки и ноги затолкай в зерно, и тогда тебе будет лучше». Я так и сделал и без проблем доехал до села Ипатово.

Моя учёба в шестом классе ничем особо не отличалась от учёбы в пятом классе, геометрия хорошо, география четыре и пять, а вот русский и алгебра, плохо. Особенно меня удручала алгебра, учительница была новая, молодая, толком объяснить не может, только кричит и обзывает идиотами тех, кто просил повторить заданный урок. Я не хотел в её глазах выглядеть идиотом и поэтому молчал, хотя урок и не понял, но учиться надо и я ходил в школу. А между тем, в начале учебного года у нас произошло очень неприятное событие, можно сказать, трагическое. Вот как это было.

Это было в средине ноября, у нас стояла теплая осенняя погода. Я пришёл из школы, покушал и сразу сел за уроки, надо было решить три задачки по алгебре. Сижу у окна за уроками, вдруг в окно кто-то стучит, посмотрел, Гена Ложник. Я открыл форточку и спрашиваю: «Что случилось, Гена». Он мне объясняет, что Колька, наш общий дружок, смастерил новый самопал, так что пойдём, будем испытывать. «Нет, — говорю, — Гена, не пойду мне срочно надо решить три задачки по алгебре, так что пока уроки не сделаю, никуда не пойду» — «Ладно», — сказал Гена и ушел. Я сидел за уроками до тех пор, пока Дуся меня не позвала на ужин. Брата Андрея не было, хотя на дворе было уже темно. Наверное, что-то задержало на работе. Поужинав, я снова сел за

алгебру. Уже который час сижу над алгеброй и задачки никак не могу решить. Попросил Дусю помочь, но она сказала, что уже ничего не помнит и посоветовала обратиться к Наде, дочке хозяйки.

Надя, молодая незамужняя девушка, двадцати двух лет, очень весёлого нрава, она со мной при удобном случае заигрывала, своим особым способом. Как только я проходил мимо неё или она мимо меня, то обязательно щипнет меня за моё мягкое место. Ущипнёт и заразительно хохочет. Такие её действия меня как-то напрягали, я не понимал, что это за игры такие. А уже позже, через два года, мы с ней доигрались до того, что у нас получился бурный роман. Настолько роман был бурный, что хозяйка попросила брата освободить квартиру и поискать себе другую. Об этом романе я напишу в другой книге, которую я запланировал, он будет называться «Я И МОИ ЖЕНЩИНЫ». Но это будет потом, а пока я пошёл к Наде, её комната рядом. Она посмотрела на задачки и говорит: «Сеня, я всё позабыла и ничем тебе помочь не могу». Я снова засел за алгебру, сижу, корплю, в квартире тишина, Дуся вышивала и поэтому сидела тихо. Вдруг эту тишину нарушает громкий стук входной двери, и крик брата Андрея. Я сидел другой комнате и сразу не понял, что произошло. Слышу голос брата, который кричит во всё горло: «Где он?» — «Кто?»— спрашивает Дуся. — «Кто, кто, Сенька!». Когда брат на меня злится, то всегда меня называет Сенькой. «Дома, — говорит Дуся, — уроки делает».

Я выхожу из своей комнаты, смотрю на брата Андрея, а он на ходу снимает свой брючной ремень и ко мне. Дуся ему перегораживает дорогу. Он махает ремнём, чтобы ударить меня, а попадает по Дусе. Дуся схватилась за ремень и не отпускает его, а сама Андрею кричит: «Ты хотя бы объяснил током, а то прибежал и сразу за ремень хватаешься». На крик прибежала Надя и спрашивает у Андрея: «А что Сеня натворил?» — «Что, что, как будто не знаете, он Кольке глаз из самопала выбил» — «Когда?» — удивлённо спросила Дуся. «Да вот недавно, мне Ложник, отец Генки, позвонил и говорит: «Иди, мол, скорее домой там твой брат парня из самопала убил». Но, как оказалось, не убил, а только выбил глаз». Тут уже Дуся накатилась на брата, говорит ему: «Да ты что мелешь, хлопыц як в обед пришёл из школы, так никуда и не выходил, сидит за уроками, а ты на него такое несешь, Надя, скажи ему, а то он мне ещё и не поверит». — «Правда, Андрей, Сеня как пришёл из школы, так и был дома, он даже ко мне приходил, чтобы я ему помогла с алгеброй, так что ты не сомневайся». Тут слово снова взяла Дуся и в сердцах говорит своему мужу: «А ты дома у Кольки был?» — «Нет, не

был», — ответил Андрей. — «Так вот ты сначала сходи туда, там разберись, а потом приходи и махай ремнем, если на то есть причина, а так нечего, прибежал, как оглашенный и давай махать. Андрей ушёл, а пока шла «война», я убежал в свою комнату, сидел там и ждал исхода боевых действий. А на всякий случай придумал путь отступления. Комната, в которой я сидел, делал уроки, я же в ней и жил. Так вот, моя комната была смежная с комнатой Нади, и между комнатами имелась дверь. Эта дверь, закрывалась на крючок, из моей комнаты. Так что я легко мог пройти в комнату Нади, а туда Андрей не посмеет, там чужая территория. Да и вообще, у меня были такие защитницы, что брату ко мне было не прорваться. Вскоре пришёл Андрей, и уже спокойно рассказал, что Кольку увезли в больницу, а его мать сказала, что Сени там не было, а Генка Ложник был. Затем он сел на лавку, и задумчиво произнёс: «Интересно, почему мне Ложник сказал, что это мой брат убил парня, выходит, что Сеня там и не был?» Дуся ему тут же всё популярно объяснила, зачем это сделал Ложник. Она так и сказала: «Да потому, чтобы своего сынка выгородить, как будто ты не знаешь этих начальников. У них всегда кто-то виноват, но только не их сынки». Больше на эту тему не говорили. Позже я узнал от Гены, Что Колька сам сделал самопал, сам же его заряжал и сам стрелял. В момент выстрела, ствол самопала вырвало из ложи, и он попал ему в глаз. Да так сильно, что Колька сразу упал навзничь и потерял сознание. Гена говорил, что он тогда сильно испугался. «Представляешь картину, — говорил он мне, — Колька лежит на спине, а из его глаза торчит трубка и льётся кровь. Я, — говорит, — сообщил матери, она была дома, а сам побежал на улицу, ловить транспорт. К счастью, быстро поймал машину и на ней его повезли в больницу. В больнице Николай пробыл долго, что-то около года, был в очень тяжёлом состоянии, и только благодаря врачам и молодому организму, он выздоровел. Потом я его не видел больше двух лет, а когда был в Ипатово, решил зайти к нему. Передо мной стоял высокий парень, ему тогда было восемнадцать лет, упитанный, только лицо бледное, он говорил, что это от потери крови, а на правой стороне головы у него была повязка, прикрывала то место где когда-то был глаз. Затем наши пути дорожки разошлись окончательно, позже я из села Ипатово уехал и больше его не видел. А пока я в Ипатово и продолжаю учёбу.

Учёба в школе у меня шла с переменным успехом, стрелка успеваемости всё время качалась то верх, то вниз, но всреднем нормально. Как-то, в середине ноября, дни стояли тёплые, а в обед даже было жарко. Я пришёл из школы часа в два — я учился

в первую смену. Сидим с Дусей, обедаем, заходит Гена, Дуся приглашает его за стол, но он отказался, сел у двери на лавку и ждёт, пока я пообедаю. После того трагического случая Дуся к Генке настроена враждебно, сидит, кушает, а сама то и дело бросает недобрые взгляды на Генку. Затем она не выдержала и спрашивает его: «Зачем пришёл, опять звать Сеню стрелять?» — «Да нет, — отвечает Гена, — с этим делом мы покончили окончательно, я хочу позвать его в футбол поиграть». — «Вот пообедает, затем сделает уроки, вот тогда и идите гонять свой футбол». На завтра уроки были легкие, и я их сделал быстро.

Вышли на улицу, я спрашиваю Гену: «А куда пойдём играть?» — «Да за церковь, там хорошее поле и пацаны всегда туда собираются». Церковь была почти на краю села, пришли туда, там уже были ребята, человек двадцать. Футбольное поле, представляло собой просто луг, а на них стояли деревянные ворота, почерневшие от времени. Тут же паслись лошади и козы, мы их прогнали и занялись футбольными делами. Пока Гена с ребятами делились на команды, я пошел проверить прочность ворот. Вы, наверное, меня спросите, зачем я это сделал. А вот зачем. Ещё в прошлом году я был в гостях у Вити Правдина, его отец работает в одной конторе с моим братом. Так вот, сидим мы с ним на завалинке его дома и едим яблоки, мимо нас проходит парень, лет пятнадцати, поздоровался и пошёл дальше. Меня в нем удивило то, что уже конец августа, а он, почему-то, бледный, незагорелый. Я спросил у Вити, что с ним, почему он такой бледный. А Виктор ответил, что он в больнице почти месяц пролежал с сотрясением. «С сотрясением чего?» — переспросил я. Витя на меня посмотрел внимательно и говорит: «Ну что ещё у человека можно сотрясти, кроме мозгов. Играли в футбол у кирпичного завода, он случайно столкнулся со стойкой ворот, перекладина упала, ударив его по голове и, как результат, месяц в больнице. И ещё неизвестно, как это отразится на его здоровье, так что ты смотри, если будешь играть в футбол, то сначала проверь ворота на прочность, только после этого выходи играть». Вот я и проверяю. Подошёл к одним воротам ударил ногой по стойке, ворота задрожали, но не свалились. Пошёл к другим, с разбега стукнул ногой по стойке, она пополам, а перекладина полетела вниз, ударилась одним концом о землю и тоже пополам.

Что тут началось, к воротам, где я стоял, прибежала вся толпа, начали кричать, что, мол, мы собрались играть в футбол, а он пришёл и нам ворота сломал. Я им пытался объяснить, что они гнилые, но парни меня не слушали и продолжали шуметь, тут пришёл Гена и всех успокоил. Он их всех хорошо знал и поэтому быстро нашёл общий язык. Наша игра в футбол напоминала

соревнование по бегу, только ещё был мяч, бегали до гудка лесопилки.

Пока мы играли, мужики возвращавшиеся с работы, уселись на лужайку и давай нас подбадривать. Когда закончилась игра, все расселись около мужиков и начали обсуждать результат игры. Как только мы ушли из поля туда снова потянулись и лошади, и козы. Но теперь они нам уже не мешали, пусть пасутся. Потом вроде всё обсудили, затем помолчали, и тут один из мужиков говорит: «Послушайте ребята, из вас кто-нибудь, умеет верхом на лошади кататься?» Все ребята дружно замолчали. Я отлично ездил верхом на лошадях и с уздечкой, и без неё, но я из скромности тоже молчал. Тут ко мне наклоняется Гена, и чтобы никто не слышал, шепчет мне: «Сеня, ты же из хутора и с лошадьми, наверное, хорошо знаком». Я ему ничего не сказал, молча встал и пошёл знакомиться с лошадкой. Как обращаться с лошадьми я знал и умел это делать, подошёл к гнедому коню, заговорил с ним на понятном ему языке, он сразу понял, с кем имеет дело и пошёл мне навстречу. Всё это было на глазах у моих болельщиков. Когда конь ко мне подошёл, я с ним ещё немного поговорил, легонько, похлопал по шее ладошкой, затем взялся за гриву что на холке и одним махом взлетел на спину гнедого. Проскакал на нем метров триста, затем повернул коня в сторону зрителей, гикнул на него, одновременно ударил каблуками в лошадиные бока, и конь поскакал галопом. Не доезжая до зрителей метров двадцать, я на ходу, эффектно, спрыгнул с лошади и ещё по инерции пробежал метров десять, а лошадь, освободившись от всадника, побежала по своим делам. Моя джигитовка, на публику произвела великолепное впечатление, а Гена прямо светился от радости, как же, его друг показал такую, до сели в этих местах невиданную выездку. Домой мы с Геной шли, шумно обсуждая только что произошедшее, затем оба замолчали и дальше шли молча — каждый думал о своём.

Я шёл и думал о том, как я удачно сегодня прокатился на лошади, и под впечатлением той лихости, которую я сегодня продемонстрировал, мне вдруг вспомнилась первая моя поездка на взрослой лошади, взрослой и очень большой как мне тогда казалось. До того случая я катался только на жеребёнке, и то когда меня за руки держали взрослые, а вот на взрослой лошади было впервые. Сейчас я вам об этом случае, расскажу. Мне было тогда лет пять или шесть, но я это очень хорошо помню даже сейчас спустя семьдесят лет. Как всегда, вместе с детворой я играл у здания правления колхоза. В это время на водопой к Ласуновскому колодцу пошла большая рыжая кобыла. Я побежал за ней, чтобы посмотреть как она будет пить воду. Дядька

Коротенко, он тогда был конюхом, налил в корыто воду, кобыла пьёт, а я смотрю, стою недалеко от корыта, босоногий мальчишка, в коротеньких штанишках, заложив руки за спину. Когда кобыла напилась, то она медленно развернулась что бы идти в конюшню, но дядька её остановил и спрашивает у меня: «Хочешь покататься?» Я, конечно, хотел, но боялся, все-таки первый раз на такой большой лошади. Дядька не стал дожидаться моего ответа, подхватил меня подмышки и посадил на спину кобыле. Легонько шлёпнул ладонью её по крупу и кобыла пошла в конюшню. Кобыла была старая, как говорится, она своё отработала и была уже на пенсии. Шла она тихо, не торопясь, а куда ей торопиться, тем более с такой ношей, как я. А я восседал так высоко, что мне всё было видно, и Ласуновский сад с поспевающими вишнями, и дорогу, которая шла на грейдер, и многое другое, было очень интересно. Затем я свой взгляд перевёл на уши лошади, она ими шевелила туда-сюда, и всё было бы хорошо, но я зачем- то посмотрел вниз, и о, ужас, до земли было так далеко, что я, чтобы не упасть, с такой высоты, решил сам с лошади слезть. Лошадь идёт, а я на ходу начал слазить. Кобыла почувствовала возню на спине, остановилась, а я уцепился ручонкой за гриву на холке и начал сползать. Но и силёнок удержаться не хватило, и росточком ещё не вышел, одним словом, я шлепнулся на землю. Странное дело, вроде упал и мне должно быть больно, но у меня ничего ни болит, я сижу на попе и ничего ни понимаю. Лошадь тоже ничего не может понять, живой я или нет. Она наклонила ко мне голову и смотрит на меня, тогда я подумал, что раз я упал с лошади, то мне должно быть больно и я должен кричать. И я заорал, сколько было мочи, кобыла услышала мой крик, и подумала, раз орёт значит живой и пошла своей дорогой.

Дядька был уже у конюшни, но услышав, плачь, затем увидев, что я лежу на земле, поспешил ко мне. И всё бы обошлось, дядька меня бы пожалел, я бы встал и пошёл домой, но на дядькину беду, мимо шла бабка Жмачиха. Она услышала мой крик, быстренько подошла ко мне, начала помогать мне подняться, а сама начала громко причитать: «О, Боже ты моё, коняга хлопчика скинула и шо-то ему поломала». Затем повернулась к Коротенко, который к этому времени уже подошёл и кричит на него: «Ты шо ны бачив, на какую ты змеюку садишь хлопчика, она же брыкается, как сумасшедшая, её надо было покрепче в руках держать, а ты цю кобыляку так отпустил, вот она и скинула хлопчика». Дядька Коротенко начал ей, что-то возражать, меж ними затеялась перепалка, они так увлеклись разборками между собой, что про меня и забыли.

Я встал, и тихонько пошёл домой. Дома всё рассказал маме, а

она мне на это сказала: «Ничего сынок, все с этого начинают». Вот такой у меня был первый опыт всадника, позже, когда я вырос, то полностью освоил джигитовку, даже объезжал молодых лошадей.

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

Кончилось первое полугодие, на каникулы в хутор я не поехал, сначала было не на чем, а потом уже и ни к чему. Да, если честно, то меня туда уже и не тянуло. Не зря молвит народное поверье: «Если парня оторвать от дома до семнадцати лет, то он домой уже не вернётся, так как дома, не успел пустить корни». Так получилось и со мной, ну что теперь сделаешь, раз так случилось, пусть так оно и будет, сделанного дела, назад не вернёшь. Во время каникул брату Андрею помогал на работе, а большую часть сидел дома и читал книги, так сказать, осваивал русскую речь. В основном я читал книги о войне, отечественной и гражданской. Я ведь об этом мало что знал, и пока было время, решил пополнить свой багаж, этими знаниями.

Как-то днём я сидел у печки и читал книгу, Дуся тут же возилась с кастрюлями и как бы, между прочим, говорит: «Борщ бы на ужин надо приготовить, та мяса нет, петуха зарезать, что-ли?». А курей и гусей в нашем хозяйстве было много, Дуся их специально откармливала на убой. Её разговор о петухе, я пропустил мимо ушей, обычно она это делала сама и меня это не касалось. Сижу, читаю дальше, и вдруг Дуся говорит: «Сеня, ты уже взрослый, вот на тебе нож, пойди во двор, там, в клети куры, возьми любого петуха и в огороде на колоде зарежь». Затем она дала подробный инструктаж, как это делать. Мне такое предложение совершенно не понравилось, хоть Дуся и сказала, что я уже взрослый, но мне не тогда и пятнадцати лет не было, да и в жизни я никого ни резал, правда, видел, как это делают другие, но сам мокрым делом, никогда не занимался. А тут, на тебе, иди и режь сразу, никакой тебе моральной подготовки, уже и нож в руки суют, безобразие, какое-то.

В душе я возмущался Дусиным предложением, но делать нечего, я живу в этом доме, да и Дуся моя защитница во всём, так что надо идти. Зашёл в курятник, взял петуха и пошёл в огород. Посреди огорода стояла деревянная колода, специально для этих целей, что-то вроде лобного места, как на Красной площади в Москве. На дворе хоть и стоял январь месяц, но погода была тёплая, и снега не было. Подошли с петухом к лобному месту, не знаю, как у петуха было на душе, но у меня внутри всё было напряжено до предела, но раз пришли, значит надо делать дело.

Петух спокойно положил голову на плаху, я, преодолевая неприятные ощущения такого дела, всё же приступил к обезглавливанию оного. С трепетом в душе, проделал всё по инструкции, петух упал с колоды и начал трепыхаться. Ну ладно,

думаю, пусть трепыхается, скоро он успокоится. Но кочет думал иначе, он вдруг соскочил на ноги и давай нарезать круги по огороду, да такими широченными шагами, как будто он бегает, на каком-нибудь соревновании. Главное, бегает, шея у него торчком, а головы нет, смотрю на него и думаю, но когда же ты набегаешься, а ему, видите ли, нашего огорода показалось мало, так он ещё в соседский двор побежал. Я за ним бегу в соседний двор, и думаю, как бы этот «безбашенный» чего там не натворил. Забегаю во двор вслед за петухом, смотрю, в песочнице играют дети, а мой петух нарезает круги уже по чужому двору. Дети сначала на петуха смотрели, широко открыв глаза, а потом как поняли в чём дело, с визгом разбежались по домам. Кочет, почувствовал, что в чужом дворе на него смотреть некому, побежал в свой двор, не добежал до лобного места шагов пять, упал и затих. Дуся все мои действия видела из окна, указала на ошибки, которые я допустил на производстве, и дала дополнительные инструкции. Буквально на этой же неделе Дуся мне говорит: «Сеня завтра к нам приедут гости, так мяса надо больше, так что ты иди и зарежь гусака, того большого серого, а то он уже перерос». После её слов в моей душе начало твориться, что-то не ладное, я даже не знаю, как это назвать, я даже объяснить вам не могу, что со мной творилось. А Дуся меня не понимает (ну правильно она же не психолог), даёт мне нож в руки и в спину меня толкает на выход. Конечно, я пошёл, но в душе моей такая сумятица, с чем бы её сравнить, чтобы вам было понятно, ну вроде как бы омлет не правильно приготовлен. В нём все компоненты есть, лук поджаренный и колбаска соломкой нарезана, и конечно яйцо, но всё это вперемешку и не понять, где что и вообще омлет ли это, или другое блюдо. Вот так было и со мной, вроде на «дело» иду я, а вроде не я. Ну ладно, я не я, а дело надо делать. Захожу в гусятник смотрю на этого серого гусака и думаю, о, ужас как же я его буду резать, если у него шея как моя нога, страх Божий, да и только.

Но делать нечего, раз пришёл, то надо браться за дело. А гусак как увидел в моей руке нож, то сразу стал прятаться за гусынь, и их носом и грудью подталкивать ко мне. Он как бы говорил мне, возьми с собой одну из них, ты же видишь что их много, а я один. Я, возможно, так бы и сделал, но мне дано чёткое указание и я должен его выполнить. Ногами растолкал гусынь, добрался до гусака, а он шипит, на меня набрасывается, никак не хочет идти со мной, в общем, у нас завязалась борьба. Я сначала хотел взять его за крыло и тащить к лобному месту. Но как только я его взял за крыло, то он меня по руке так клювом долбанул, что у меня образовалась ранка, и из неё пошла кровь. Я

хотел уже это дело бросить, но затем вспомнил, какое у Дуси будет недовольное лицо, потому что я не выполнил её задание и решил довести это дело до конца. Нет, думаю, за крыло я гусака не утащу надо как-то изловчиться и схватить его за шею, тогда он будет в моих руках. Как я ни пытался схватить его за шею никак не мог, он своей шеей так владел, что в руки мне не давался. Тогда я решил к нему применить военную хитрость, а именно, загнал гусака в угол стайки сел на него верхом и только тогда взял его за шею. С огромным трудом дотащил его до колоды, а что вы хотите, этот гусак весом был килограмм 25, а может и больше. Дуся говорила, что он голландской породы, ну что теперь делать, голландской ни голландской, а мы с ним уже у лобного места. Как меня Дуся и учила, я пытаюсь расправить крылья гуся и ногами встать на них, одной ногой на одно крыло, другой на другое, но у меня это плохо получается. Встать-то я на крылья встал, но гусь такой большой и сильный, что легко выдернул крылья из под моих ног. Дусе хорошо меня учить, у неё вес килограмм 80, конечно, если она встанет на крыло гуся, то он никуда не денется, а у меня вес почти такой же, как и у гусака, так что у нас борьба на равных. Но кое-как я всё же изловчился и сел верхом на гуся, он пытался меня сбросить, но я ему не подался. Ну, думаю, теперь осталось немного мучиться мне с ним. Положил его голову на колоду и принялся за дело. Но у меня никак не получается добиться нужного результата, то ли нож тупой, то ли гусь сильно вредный, но не получается и всё тут. Тогда я сообразил, в чём дело, оказывается это перья гуся толстые и крепкие и нож их не берёт. Тогда я решил, на шее гусака в том месте, где я буду ему перерезать ему горло, выщипать перья, тогда дело пойдёт легче, так подумал я. Сижу на нём левой рукой держу голову гусака, а правой выдёргиваю перья из шеи в районе затылка. Выдергал перьев довольно много, и только тут я сообразил, что же я делаю, ведь горло у гусака находится на обратной стороне шеи. Я сначала хотел повернуть ему шею на 180 градусов, но затем подумал, что ему же будет больно. А как же если человеку повернуть голову в обратную сторону, то ему же будет больно, так и гусю и поэтому я решил положить его на спину и тогда его шея будет расположена в нужном направлении. Вы не представляете, как я с ним намучился, не хочет ложиться на спину и всё тут.

За время борьбы с гусаком, он мне поцарапал обе руки, да ещё и своими когтями на лапах разорвал мне штанину. Вижу, что из моей затеи ничего не получится, поэтому я снова его оседлал, поднял его голову вверх и принялся за работу. Я так увлёкся своей работой, что не заметил, как к нам подошла Надина мама,

хозяйка дома, где мы снимали квартиру. Она, держа топор в руке, говорит мне: «Дай мне голову гусака, а сам слезай с него, хватит тебе на нём кататься, да отойди в сторону подальше. Я послушно отошёл и думаю, интересно, как это тётя, справится с таким большим гусем. А гусак, почувствовал свободу, прыгает вокруг колоды, машет крыльями, как бы собирается улететь. А куда он улетит, если его голова зажата в руках хозяйки, как в тисках. Тётя ноль внимания на трепыхания гусака, наклоняет его голову к колоде, тяп, топором по шее гуся и готово. Гусак опрокинулся на спину, немного потрепыхался и затих. «Вот и всё, — говорит тетя-«палач», — а ты полчаса мучился с ним, надо делать так, как сделала я, тогда и сам не намучаешься и птицу мучить не будешь». Я пытался оправдаться тем, что меня так Дуся учила, на что тётя ответила: «Дуся сама это делать не умеет, я видела, как она с гусем мучилась. На этот счёт больше никого не слушай, делай, так как я тебя научила». Сказала и ушла, а я взял гусака за крыло и по земле потащил к крыльцу дома. Затем вышла Дуся и унесла его в дом. В следующий раз, когда мне предстояла такая же работа, я её делал по теории хозяйки нашего дома, так как она намного эффектней теории Дуси. Так я в семье стал штатным забойщиком пернатых. Дня через два после этих, душевно серьёзных для меня, событий, Дуся попросила меня сходить на базар за картошкой и морковкой. Дала деньги, хозяйственную сумку и я пошёл. На базаре я встретил Ивана Матвиенко, он мой школьный товарищ. Он видит, что я с сумкой и спрашивает у меня: «Что покупать пришёл?» Я ему сказал что, а он говорит: «Давай сходим в ДК, там обычно собираются пацаны, я тебя с ними познакомлю, побудем там немного, а потом вернёмся на базар». Я согласился. Приходим в, так называемый, Дом культуры, правда, от него ничего не осталось, только полуразрушенные стены. Ну что тут поделаешь, эхо войны, пока ещё не восстановили разрушенные войной здания и сооружения.

Мы с Иваном, пришли, на эти развалены, там, на одной из поваленных стен находилось с десяток мальчишек разного возраста, от десяти до пятнадцати лет. Они сидели на кирпичах и играли в карты. Иван познакомил меня с двумя парнями, они были старше остальных ребят по возрасту. Одного звали Николаем, а другого, такого мордатого, звали Вадим. Вот этот самый Вадим и предложил мне сыграть в карты на деньги. У меня было всего пять рублей и проигрывать их было никак нельзя, но я, почему-то согласился. Наверное, было неудобно отказаться. Играли в очко, если честно, я играл плохо, ну думаю ладно, рубль проиграю и пойду на базар. Банковал, мордатый Вадим, как я потом понял, он у них был главный. Этот парень вел себя

развязано, ни одного слова, не мог сказать без мата, а пацаны, шутками и смехом его поддерживали. Играли мы с Вадимом вдвоём, остальные, кто до этого играл, бросили карты и были зрителями. Я сразу же начал проигрывать, раз за разом, не пойму в чём дело, у него, почему-то всегда была карта лучше, чем у меня. Ладно, думаю, на твои карты я смотреть не буду, а буду следить за твоими руками. Наклоню голову над своими картами, как бы рассматриваю их, а сам из под козырька кепки внимательно смотрю за руками Вадима. И вот, когда кон подходил к концу, а на кону была большая сумма, рубля четыре, Вадим начал дёргаться, ещё больше говорить и материться. Как я понял, этим самым он хотел отвлечь моё внимание от игры. Но я на его уловки ноль внимания, продолжаю свою игру. У меня на руках девятнадцать очков, а надо набрать двадцать одно. Брать дополнительную карту рискованно, может быть перебор, а он трясёт колодой и торопит меня: «Ну что берёшь ещё или боишься?» Я сказал: «Себе». То есть он должен брать карту себе. Он взял одну карту, затем другую, потом, немного подумал, тасуя карты в руках, взял ещё. Затем он усиленно начал тасовать карты, и ещё веселее начал нести всякую околесицу, пытаясь отвлечь меня от игры. Все вокруг хохочут, а я в эту игру не играю, внимательно слежу за его руками. И вдруг вижу, как что-то белое упало между его ног вниз. А он, как ни в чём ни бывало, посмотрел на меня и говорит: «Твои карты?» Я показываю и говорю: «Девятнадцать». А он: «А у меня опять двадцать одно, я снова выиграл» и громко захохотал. А я ему спокойно, но довольно громко, чтобы все слышали, говорю: «Подними карту» — «Какую карту?» — спрашивает он. «А ту, которую ты выбросил между ног». Он ещё больше заржал, начал на меня показывать пальцем и орать: «Смотрите на него, к нам Иван сумасшедшего привёл, видите он чокнутый». Он вёл себя по-хамски, видно было, что он тут главный и ему всё прощается.

Мне стало жутко обидно за оскорбления, которые он мне не заслуженно наносит, за деньги которые он у меня отобрал нечестным путём, да вообще, кто он такой, чтобы меня оскорблять. Я уже давно не тот мальчишка, который приехал из далекого хутора. За полтора года жизни в Ипатово, я кое-что понял, и понял то, что в обиду себя не надо давать, иначе постоянно тебя будут пинать.

Вот теперь тот самый случай. Пока он паясничал, я был внешне спокоен, хотя у меня внутри всё клокотало, встал, подошёл к нему с правой стороны и нанес сильный удар ему в лицо кулаком правой руки. Да так сильно, что почувствовал боль в своём среднем пальце. Он опрокинулся навзничь, кровь

хлынула у него из его рта и носа, он закрыл лицо руками и молча лежал на земле. Я посмотрел на остальных, они стояли, как завороженные, с широко открытыми глазами и ртами. Иван подскочил ко мне и встал рядом со мной, этим самым он показал остальным, что он со мной. Я не знаю, почему пацаны, как бы его друзья, на меня не набросились. Возможно, побоялись меня и Ивана, а может этот мордатый, им настолько надоел, что они даже были рады, что хоть кто-то наказал его за хамство. Но так было, и я так и написал. С их молчаливого согласия, я наклонился и поднял ту карту, которую сбросил мой визави. Это была шестёрка, я поднял её, чтобы показать другим, и сказал: «У него перебор, значит, он проиграл». В то время на кону было четыре рубля, я их взял и положил себе в карман, а ребятам сказал: «Это мои деньги и я их выиграл честно». Больше говорить я ничего не стал, взял сумку и пошёл на базар. Когда я отошёл метров на десять, то только тогда услышал шум за моей спиной, наверное, остальные пацаны, начали помогать своему лидеру приходить в себя.

Вскоре меня догнал Иван, он почему-то задержался у места событий. Догнал и говорит: «Слушай, Сеня, ты зря с ним так поступил, он мстительный и будет искать момент, чтобы тебе отомстить». Я посмотрел на Ивана и говорю ему: «Ладно, Иван, что будем вперёд загадывать, что сделано, то сделано, и говорить теперь об этом нечего. Я пошёл на базар, а ты куда?» Иван сказал, что пойдёт домой и ушел, а я пошёл на базар выполнять Дусино задание. С тех пор в карты на деньги я больше никогда не играл, только в «дурака», и вообще избегал компании, которые играют в азартные игры. Потому что я знал точно, что это обязательно кончится мордобоем, или я кого-то побью, или меня побьют, или будет сразу то и другое.

КОНЕЦ УЧЕБНОГО ГОДА

Закончился учебный год, к сожалению, для меня неудачно, по алгебре у меня годовая оценка получилась неудовлетворительно, и меня оставили на осень. Чем запомнился этот учебный год? Да особо ни чем, было то же, что и в том учебном году, правда, был один момент, который меня, поразил до глубины души. Вот как это было. Была большая перемена, мы с Иваном Матвеенко пошли на спортивную площадку, это здесь же во дворе. К нам подошёл Слава, я о нём уже писал. Стоим, разговариваем, и вдруг я вижу, выходит из входной двери школы милиционер, за ним три ученика, десятиклассника, я их знал, они из нашей школы, а за ними, ещё один милиционер, я сразу понял, что они арестованы. Я, повернулся к Славке и спрашиваю его: «За что их?» Славка у нас знал все новости, он отвечает: «Читали Есенина, а это запрещённая литература». Меня его слова поразили, я впервые такое слышу, запрещённая литература, Есенин, кто он такой, что его запретили, что он натворил. Я спросил у Славы: «А почему его запретили?» — «Да откуда я знаю, про это я знаю не больше твоего, только я не понимаю, почему арестовали только этих ребят, книжечку со стихами Есенина читали почти все школьники, а арестовали только троих. Если арестовывать честно, то надо арестовывать половину учеников школы». Позже, уже взрослым я прочитал всего Есенина вдоль и поперёк, и не нашёл никакой крамолы порочащую Советскую власть, зачем надо было его запрещать и калечить жизнь молодых людей только-только начинающих взрослую жизнь. Вот такие были дубовые руководители нашей страны. Ну что же, учёба в школе закончилась, начались летние каникулы надо ехать домой в хутор Северный. Домой я вернулся уже взрослым парнем, мне было пятнадцать лет. Немного поболтался по хутору туда-сюда, затем мой старший брат Григорий взял меня прицепщиком, он тогда работал в ЛЗС, (лесозащитная станция) трактористом. Но я там работал не долго, потому что мне было не известно, будут ли мне платить за работу или нет, да и ходить далеко, утром пять километров туда, а вечером эти же пять километров обратно. Я Григорию сказал, что мне такая работа не подходит, и ходить я на такую работу больше не буду. Мама меня поддержала в моём решении, и на этом моя ЛЗСная деятельность закончилась. Лето было в самом разгаре, в колхозе началась уборка зерновых, я пока ничем не занимался, если не считать поливку огорода. Как-то, когда отец приехал на обед, в это время к нам зашёл бригадир и говорит отцу: «Слухай, Кондрат Юхымович, твий Сенька

болтается по хутору, баклуши бьёт, а у меня на комбайне работать некому. На соломокопнителях девчонки работают, ручонки у них маленькие, вилы из них вываливаются, понимаешь, удержать этими ручонками они их не могут, а Сеня там был бы в самый раз, як Кондрат Юхымович?» — «Та ныхай идэ, ты только сам с ним договаривайся, а то молодёжь, сейчас знаешь какая» — «Та знаю, знаю, у меня у самого такой растёт. Ну, так как, Сеня?» — обращается уже ко мне бригадир. — «Я пойду, только, как платить будете, бесплатно я работать не буду». После моих слов, бригадир удивлённо сдвинул фуражку на затылок и говорит отцу: «Ты подывысь, Кондрат Юхимович, шо город сделал с хлопцем, два года поучился в Ипатово и якый грамотный стал» — «И правильно он говорит, — поддержал меня отец, — бесплатно только дураки работают». Бригадир решил с этим утверждением согласиться, затем сказал: «Давай Сеня так, ты будешь работать на комбайне, а начислять трудодни будем, так же как и всем колхозникам, а по осени все твои трудодни приплюсуют к семейным трудодням, так пойдёт?» — спросил он меня. На таких условиях я согласился, а других условий в колхозе просто не было.

На другой день, я поднялся рано утром, позавтракал и пошёл к комбайну. В те времена зерновые убирали прицепным комбайном под названием «Коммунар», его таскал трактор. В настоящее время таких комбайнов и в помине нет, они исчезли ещё в средине шестидесятых, и им на смену пришли самоходные комбайны из города Ростова. Но тогда «Коммунары», были главными уборщиками урожаев, их ещё называли «Кораблями полей». Этот самый корабль полей находился не далеко от хутора, за птичником. Пришёл и доложил комбайнёру о том, что меня послали работать к вам на соломокопнитель. «Это хорошо, — обрадовался комбайнёр, — а то у девчонок к концу круга, вилы из рук вываливаются» Соломокопнитель, это такой прицеп к комбайну, он с высокими бортами и напоминает бункер для отходов. Солома, которая вылетает из комбайна, попадает в этот бункер, а рабочий, в данном случае я, стоит на площадке соломокопнителя, вилами разравнивает эту солому, а затем, как полный бункер наберётся, нажатием педали, площадка бункера опрокидывается, и копна соломы вываливается на скошенную часть поля, то есть на стерню. Затем площадка автоматически возвращается на своё место, и снова пошёл процесс. И так круг за кругом соломокопнитель оставляет за собой копну за копной, и получается ровный ряд копен.

На соломокопнителе работали мы трое, две девчонки, лет по пятнадцать, и я. Они каждый круг менялись, а я работал

бессменно. Но мне это и нравилось, я себя с ними чувствовал как «благодетель», большую часть работы я брал на себя. Работа была несложная и не так трудоёмкая, и всё было бы хорошо, если бы ни одно «но». Работа эта была сорной, да к тому же ещё и грязной, из комбайна вместе с соломой вылетало столько мелких частиц соломы, так называемой половы, а вместе с ней и пыль, что трудно было, и смотреть, и дышать. А на дворе лето, жара стоит невыносимая, тело всё потное, липкое, и вся эта грязь прилипала к телу. Средств защиты нам никаких не давали, хотя бы очки и марлевую повязку, нет ничего. Я, правда, тогда и не знал, что есть средства защиты здоровья рабочих, но ведь наши начальники об этом, наверное, знали, и никаких мер не принимали, работают и ладно. Особые неудобства нам доставляла ость от колосков, она забивалась под одежду и своими зубцами травмировала кожу тела до крови. Девчонки с этой половой боролись так, они надевали плотную одежду, завязывали голову платками так, что видны были только глаза. Я же делал всё как раз наоборот, работал без рубашки, только в штанах и ботинках. Я бы и штаны снял, но в первых, на юге не принято мужчинам ходить в трусах или плавках, а во вторых, трусов на мне и не было. Вот так и работали, трудодень каждый день мне ставили, обещание своё бригадир исполнял, значит, надо работать, а трудности? А где их не бывает этих трудностей, только там, где никто ничего не делает. Вот так мы и убирали урожай пшеницы круг за кругом, работали напряжённо, останавливались только по крайней необходимости, выгрузить зерно из бункера, заправить комбайн или трактор, или пообедать. Но были и другие случаи.

Как-то работаем, идём круг за кругом, и вдруг комбайн останавливается. Я соскакиваю с площадки и бегу к комбайнёру узнать, в чём дело? А он показывает мне на серую лошадь, которая с жеребёнком забралась на середину нивы и топчет и поедает колосья. Для нас, хлеборобов, поступок лошади настоящее варварство, его необходимо пресечь. Комбайнёр мне показывает на лошадь и что-то кричит. Я его за грохотом работающего комбайна не слышу, но понял, что надо с поля прогнать лошадь и побежал исполнять задание. Подбегаю к лошади, она, как водится, без уздечки, я начинаю её выгонять, машу руками, кричу на неё, а она от меня отворачивается и продолжает топтать колосья пшеницы и поедать их. Ах так, я тебе покажу, как меня не слушаться. Подхожу к ней, а она на меня даже и не смотрит, ну ладно, думаю, не смотри, дело твоё, берусь за гриву на холке и одним взмахом вскакиваю ей на спину. Гиканьем и каблуками заставляю её, тронуться с места. Она

сначала пошла шагом, затем рысью и перешла на галоп. Я знал, что эта лошадь с птичника, и решил отогнать её туда, шлепками ладони по шее лошади я её направляю в нужном мне направлении. Кобыла несётся во весь опор, я восседаю на ней, мне хорошо, ветер обдувает моё голый торс, прохладно, за нами бежит жеребёнок, всё идёт как надо. И вдруг, не доезжая до пахотного поля, метров пять, лошадь со всего маха, спотыкается на передние ноги и летит вперед, я, по инерции, перелетаю через её голову, и с силой своим телом врезаюсь в пахотную землю. Хоть земля и была вспахана, но там были земляные комки и я о них сильно ударился. Локти и колени ободрал до крови, особенно досталось моему лицу: нос, лоб и подбородок, всё в ссадинах. О дальнейшей работе не могло быть и речи, я поднялся и пошёл домой, благо было недалеко, и народа в хуторе было мало, ведь всё это произошло в разгар рабочего дня, и все находились в поле.

Мама была дома, увидела меня и всплеснула руками. Я ей вкратце рассказал в чём дело, она как могла меня полечила, но на комбайн больше работать не ходил. На улицу я тоже не ходил, ну куда я пойду с зелёным лицом, мама мне его обмазала зелёнкой, и в результате, я оказался как бы на больничном листке. Правда, по огороду я выполнял все работы, ну и по дому, что надо, помогал маме, мама была рада, что у неё в доме такой помощник, как я, здоровый парень, всё, что надо сделает, и воды натаскает, и кизяки принесёт к печке, и печь во дворе растопит, да и мало чего. Я хочу сделать некоторое уточнение. Вы, наверное, обратили внимание, что наша мама почти всегда была дома, хотя по колхозному уставу, все колхозники должны работать на благо колхоза. Дело в том, что наша мама, Пелагия Савельевна, была матерью-героиней, она имела два материнских ордена, и поэтому, она имела право выбора, идти в поле или остаться дома с детьми. Во время войны мама тоже имела такое право, но тогда на семью некому было зарабатывать трудодни, в колхозе работала только Наташа, да брат Андрей, когда вернулся из госпиталя, и то не сразу, а только через полгода, вот и приходилось маме ходить на поле, за трудоднями. А теперь, когда вернулся отец, выросли Иван и Григорий, такая необходимость отпала, вот мама и была теперь, в основном, дома.

НОВАЯ МЕТОДИКА ЧТЕНИЯ ИВАНА МАЗЕПЫ

Как-то к вечеру, сидим на порожке с мамой, она взбивает масло, а я затягивал постиранные, но мокрые шнурки в ботинки, мама мне говорит: «Зачем мокрые вставляешь, не дал высохнуть?» — «Пусть в ботинках сохнут, не велики господа», — отвечаю ей. В это время к нам во двор заходит Иван Мазепа, тот самый который палкой убил голубя, в общем, наш старый знакомый. Он служил в армии и давно должен был вернуться, но ему там так понравилось, что он остался на сверхсрочную службу. А что должность там у него хорошая, заведующий складом ПФС, честно говоря, я не знаю, что это такое, но раз Иван там остался, значит, должность хорошая. А сейчас он пришёл в отпуск и зашёл к нам. Поздоровались, поговорили то да сё, маме мы явно мешали, и она нас отправила в хату. Сели за стол, на столе лежали две книги, Иван спросил меня: «Ты читаешь?» — «Да, мне посоветовали много читать, чтобы научиться русскому языку и чтобы уметь быстро читать», — ответил я. Иван, полистал одну из книг, затем говорит: «Знаешь что, Сеня, давай я тебя научу быстро читать, у меня есть такой метод, я его сам изобрёл, и теперь им пользуюсь, получается хорошо».

Я согласился, а что, думаю, мучиться, это сколько же надо перечитать книг, чтобы научиться быстро читать, а тут человек в один момент научит. И Иван начал меня вводить в курс дела: «Вот, смотри, как это надо делать. Берём книгу и читаем слово «собака», первый слог из этого слова, со, а последний слог, ка, значит, слово будет собака, понял, и так все слова. Правда попадаются длинные слова и по моей методе их пока не прочитать, но я над этим работаю и думаю, скоро освою, и эти слова». Иван ушёл, а я срочно взялся за освоение новой для меня науки. Когда я по-настоящему вник в смысл Ивановой методики, то понял, что она вся построена на догадках, то есть на отгадывании слов. Затем, помучившись ещё с часик, понял, что всё это полная ерунда, но, всё-таки, и потом, читая что-нибудь, меня так и тянет прочитать по Ивановому методу. А про Ивана я подумал: «Интересно, зачем простому хуторскому мужику изобретать новую теорию скоростного чтения, может безделье заставило, его у кладовщика достаточно, а может прославиться захотел. Но как показало время, ничем Иван Мазепа, не прославился, и учёного из него не получилось, приехал в хутор и работал в колхозе разнорабочим. Но эта его лженаука, до сих пор

сидит у меня в голове, разгадываю кроссворд, то и дело, взглядом «схвачу» первый и последний слоги нужного мне слова, и начинаю гадать, что же это за слово, и как результат — мимо. Уже позже, когда мне было шестнадцать лет, тогда я работал учеником киномеханика, времени свободного у меня было много, я прочитал много небольших книг, но самым главным моим достижением в чтении, была шестьсотстраничная книга Семёна Бабаевского «Хлеборобы». Она была написана о ставропольских хлеборобах, и мне, как ставропольскому работнику полей, было интересно об этом читать. И ещё, когда я её закончил читать, то почувствовал гордость за себя. Это была победа маленькая, но победа, потому что до этого я такие толстые книги ещё не читал и даже их боялся. Вот так, друзья мои, гораздо позже, я перечитал много книг разных размеров, но это будет позже, а пока лето 1950 года и мы в хуторе Северном.

Когда лицо у меня лицо зажило, в колхозе без меня убрали все колосовые, но, я снова пошёл на комбайн, убирать теперь уже подсолнечник. Его убирать было легче для нас, работников соломокопнителя. Было меньше мусора, а ещё не было главного нашего врага, ости от колосков. Да и в конце рабочего дня, делали всеобщий ужин, жарили на большой сковороде зёрнышки семечек, а затем всем экипажем дружно их поедали. Вам, наверное, интересно, где мы брали столько ядрышек семечек? Вы, наверное, думаете, что мы сидели и всей бригадой пальцами рук лузгали зерна подсолнуха. Я сразу вас разочарую, всей бригадой мы это не делали, лузгал семечки один комбайнёр, но он делал это не пальцами рук, а специальным органом на комбайне, он его регулировал так, что этот орган вымолачивал не семена из шляпок подсолнуха, а сразу ядрышки из этих семян Намолачивали ядрышек мы не много на две три жарки, затем обмолачивающий орган снова перенастраивался на обмолот семян подсолнуха. Уборку подсолнечника закончили к средине августа, а двадцатого числа этого же месяца выдавали зерновые на трудодни. Я с тато ездил на бричке, на зерносклад получать причитающееся нам зерно, нагрузили полную бричку, отвезли домой, затем снова поехали туда же и получили, семена подсолнуха и кукурузы. Дома, по этому поводу было торжество, мама, приготовила, хороший ужен, а я был горд ещё и тем, что в этой большой куче мешков, которые лежали в сарае, есть частица и моего труда.

МАСЛОБОЙЩИК ОДНОПОЛЧАНИН

В этом году урожай был хороший, всё собрали вовремя, особенно хороший урожай был подсолнечника, наша семья получила на трудодни десять мешков семян подсолнечника, два мешка оставили дома на семечки, а остальное приготовили на маслобойню. Не откладывая в долгий ящик, отец сказал мне, что завтра поедем на маслобойню в хутор Передовой. На второй день, мы загрузили в бричку, запряжённую парой гнедых лошадей мешки с подсолнечником, и отправились на маслобойню. Дорога была длинная и однообразная, вокруг бескрайняя степь. Лошади шли мелкой рысцой, и я практически на бричке и не сидел, оббегал всю степь, которая лежала на нашем пути. Мне было интересно всё, то там вспорхнула птичка, и я побежал посмотреть, есть ли там у неё гнездо, то суслик сидит у норки и меня дразнит своим свистом, а как я к нему побегу он тут же в норку юрк и его только и видели. И так почти всю дорогу, сяду на бричку, проеду немного, вдруг опять, что-то интересное увижу, снова соскакиваю и туда. Наконец мы преодолели половину пути, и заехали в широкую балку, в которой росла довольно зелёная трава. Для этого времени года, удивительно, что она вообще там была. Но она была и очень хорошего качества, высокая, зелёная и сочная.

Отец остановил бричку и сказал, что надо дать лошадям отдохнуть, а то путь у нас длинный, так что не плохо бы было их покормить. Выпрягли лошадей, привязали на длинный повод, я стал их пасти, а отец взял косу и пошёл косить траву. Скошенная трава это уже сено, а сено нужно всегда. Положим в бричку, на сене будет мягче ехать, а домой привезем, будет корм для коровы. Вот такой расклад с сеном. Процесс пошёл, отец косит, а я держу лошадей. Даже не держу их, а сам держусь за повод, лошади выбирают лучшую траву, ходят по балке, а я за ними. Работа не трудная, но скучная до ужаса. Я посматриваю на тато и думаю, ну когда он закончит косить траву, скорей бы дальше ехать, а то надоело за этими хвостатыми ходить. Наконец-то, отец остановился, посмотрел на солнце, и говорит: «Ну, сынок, пора ехать, а то, как бы нам на маслобойню не опоздать». Тут я оживился и говорю: «Что, тато, коней запрягать?» — «Подожди, что же они будут стоять запряжёнными, пускай ещё попасутся, а я за это время соберу сено, сложу его в бричку. Знаешь, сынок, коням-то ещё надоест быть в упряжке, так что пока есть время, пусть погуляют». Вскоре, скошенная трава была уложена в бричку, лошади запряжены, и мы тронулись дальше в путь. После

того как лошади поели, отдохнули, они побежали резвее, и мне стало как-то веселее.

Едем практически по степи, дороги, как таковой, нет, у отца есть только направление, он знает, что ехать надо на закат солнца, и тогда мы приедем на место. Таковы были ориентиры. Ни дороги, ни компаса, ни часов, всё по естественным признакам природы. И жили, и получалось, так что всякие приборы тогда нам были как бы и не к чему. Была естественная натура, вот она земля, вот флора и фауна, вот она упряжка, и мы с отцом на бричке, а вокруг степь на десятки километров, и ни души. Конечно, если не считать птиц и зверей. Едем дальше, я улёгся на мягком душистом сене, бричка идёт мягко, слегка покачиваясь на небольших кочках. Я было уже начал дремать, как вдруг, что-то большое впереди замаячило, я приподнялся на локтях, присмотрелся и вижу большой бугор. Думаю, что же это такое, ровная как стол степь, и вдруг бугор, откуда он взялся, и кому взбрело в голову натаскать столько земли, а главное для чего. Ломал, ломал голову над этим очень сложным вопросом, но так ничего и не придумал, а в это время мы доехали до этой громадной кочки. Тут я решил спросить отца, как называется эта кочка. Тато, улыбнулся и говорит: «Это, сынок, не кочка, а курган, древнее захоронение, таких курганов по степи несколько и этот один из них». Отец остановил лошадей, пошёл поправлять сбрую, а я тем временем побежал обследовать этот самый загадочный курган. Вблизи, курган оказался ещё больше чем издалека, округлой формы и высокий, наверное, метров восемь высотой, весь покрыт растительностью, в основном полынью. Пока отец возился со сбруей, я оббежал курган, а потом залез на него. Откос был крутой и мне пришлось лезть на четвереньках. Но забрался, походил туда-сюда, наверху была яма, довольно обширная, но не глубокая, видно было, что хотели добраться до захоронения. Но, по всему видно было, что копали какие-то дилетанты и у них ничего не получилось. Когда снова тронулись в путь, я лежу на сене и вслух рассуждаю: «Это какую же надо выкопать яму, чтобы насыпать этот курган, а сколько надо было иметь лопат и вёдер, уму непостижимо. Кстати, тато, а где они брали землю, ведь рядом нет ям, везде ровная степь». И тут отец начал рассказывать мне о кургане то, что ему рассказывал его отец, а его отцу, его отец, то есть уже мой прадед, и так это повествование переходило из поколения в поколение, возможно от самого очевидца или самого участника тех далёких событий. Курганами были усеяны не только наши степи, они были везде, где проходили воины тюркского народа, особенно татаро-монгольская орда.

СТЕПНЫЕ КУРГАНЫ

Рассказ отца: «Давным-давно в этих степях жили кочевые народы, они занимались скотоводством, ну, как сейчас калмыки, на них нападали с целью грабежа другие народы, и они воевали. Позже сюда пришли татары и тоже воевали и грабили. Разумеется, в боях погибали, если погибнет рядовой боец, то хоронили просто, закопали в землю вот и всё. А вот если военачальник погибал, то хоронили с почестями и насыпали вот такие курганы. Чем выше должность, тем выше курган. Покойному туда, в могилу клали оружие, а иногда убивали коня и тоже с ним хоронили. Такой был обычай, считалось, что он и на том свете будет воевать. А могилы они копали ножами и саблями неглубокие, зато надгробие, то есть курган, делали очень высоким, да ты и сам видишь какой он. А насыпали они его так, каждый воин, брал горсть земли и сыпал на могилу, а воинов была тьма, вот они становились друг за другом и ехали мимо могилы и бросали землю. Последним, на лошадях приходилось забираться на курган, и таким образом получалось вот такое сооружение. Да, мечтательно протянул отец, повидали эти степи всякого, и охота тут была хорошая, и бои шли жестокие, не одна тысяча лошадиных копыт здесь проскакала».

Отец замолчал, а я представил, как по нашей степи скакали тысячи лошадиных копыт, как воины бились на саблях, а может и на мечах. За мечтами я не заметил, как уснул, проснулся, когда бричка остановилась, открыл глаза и увидел, с десяток подвод, которые стояли у маслобойни. В прошлом году мы с отцом здесь были, и тоже было много упряжек, так тогда нам пришлось даже ночевать, а как будет на этот раз? Отец остановил лошадей, передал мне вожжи, а сам пошёл в здание маслобойни. Через некоторое время он пришёл в приподнятом настроении, наклонился ко мне и говорит: «Сынок, нам повезло, сегодня работает мой однополчанин, он на фронте, как и я, был коневодом». Вскоре из ворот вышел маслобойщик, открыл ворота и нас пригласил взмахом руки, чтобы мы заезжали. Заехали во двор, мельник позвал своих помощников, и они начали разгружать мешки и затаскивать их в здание маслобойни. Отец стоял у брички и разговаривал со своим однополчанином-маслобойщиком. Как только мешки с подсолнечником унесли в маслобойку, оба бывших фронтовика тоже туда пошли. Я остался в бричке и ожидал когда выйдет тато. Если судить по прошлому году, то тогда отец пробыл в маслобойке очень долго, затем вынес из помещения маслобойни, одну бутыль с маслом и четыре

плиты макухи. Я и в этот раз настроился долго ждать. Но, к моему удивлению, вскоре пришли оба помощника мастера и вынесли одну бутыль с маслом, затем ушли и снова пришли, теперь с другой бутылью. Всё было хорошо упаковано в корзины, чтобы бутыли по дороге не болтались. Вскоре пришли отец и маслобойщик и принесли восемь с половиной плит макухи. Я смотрю на всё это и своим глазам не верю, столько много всего, ладно думаю, в дороге отца спрошу, почему так. Всё принесённое положили в бричку, отец товар хорошо упаковал, и повернулся к маслобойщику, чтобы проститься. А маслобойщик в промасленной одежде, подошёл ко мне и говорит отцу: «Это твой сынок?» — «Да, — ответил отец, — его Сеней зовут».

Я засмущался такому вниманию взрослых, наверное, покраснел, а маслобойщик это заметил и говорит: «Не дрейф, парень, твой отец верный боевой товарищ, в бою никогда не подводил, а прошагали мы с ним, дай Боже, да ты, наверное, знаешь, отец ведь рассказывал». Затем он повернулся к отцу и говорит: «Ну, бывай, Кондрат, приезжай, всегда встречу по-дружески, как полагается однополчанина».

Выехали из хутора Передового, лошади бежали мелкой рысцой, торопить их не надо дорога длинная надо беречь силы. В бричке вся продукция хорошо уложена и увязана, ничто не стучит, макуху сложили на дно брички, затем тато накрыл её сеном, и для меня получилось, что-то в виде сиденья. Я удобно устроился за спиной отца, а он сидел на сиденье, которое было закреплено к бортам брички. Опять началась длинная дорога со своей однообразной природой, степь и полынь, и только кое-когда, эта монотонность нарушают то полет стрепета или редко дрофы (в наших местах птицу дрофу называли дудак), то перебежки сусликов, которые то и дело перебегали нам дорогу. Ехали молча, я не знаю, о чём думал отец, а вот меня мучила одна мысль. В моей голове крутится этакая нестыковка, с мешками семечек, бутылями масла и плитами макухи. Получается, какая-то ерунда, судите сами, в прошлом году мы привезли шесть таких же мешков, как и сейчас подсолнечника, и за это получили, одну бутыль масла и четыре плиты макухи. Сейчас же привезли восемь мешков, и получили две полные бутыли масла и восемь с половиной плит макухи. Не кажется вам, что тут, какая-то нестыковка. Правда тогда отец был недоволен, и поэтому я ему никакие вопросы не задавал. В нашей семье это ни принято, если надо, то родители сами скажут, а так лучше молчать, если не хочешь неприятностей. Вот я и молчу. Правда на этот раз отец был в хорошем расположении духа, сидел на облучке, изредка помахивал кнутом и себе под нос мурлыкал

какую-то песенку. Мне кажется, что отцу тоже хочется поговорить на эту тему, но он, наверное, не знает с чего начать.

Наконец и отец не выдержал долгого молчания и заговорил: «Вот видишь, сынок, что такое фронтовая дружба, он мой однополчанин, отнёсся к нам по-человечески» — «А что, тато, он нам лишнего дал?» — спросил я. — «Да нет, маслобойщик нам отпустил то, что нам полагается» — «А прошлый раз?» — не отставал я. — «А прошлый раз нас с тобой нагло обворовали, и я ничего доказать не мог, потому что я безграмотный, а ты ещё мал, так что учись сынок грамоте, чтобы больше нас не могли обманывать наглые маслобойщики и мельники, да и наши весовщики не лучше. Сеня, в наше время грамота нужна, очень нужна, а в твоё ещё больше будет нужна, так что учись и не ленись».

Дальше мы ехали молча, каждый погрузился в свои мысли, я думал о том, что сижу на макухе, и мне её есть не хочется, так как я живу у брата в Ипатово и у нас каждый день на столе халва, ешь, не хочу. А раньше, макуха была деликатес, её было мало и, как всегда, на всех не хватало. Тот, кто из мальчишек приходил на улицу с кусочком макухи во рту, вызывал всеобщею зависть. Во время войны было время, когда у нас из еды дома ничего не было только иногда будан или тыквенная каша. Всё это сварено на воде и ни одной жиринки. Тыквенную кашу я есть не мог, её ела вся семья, а я её вообще терпеть не мог, я лучше останусь голодным, чем есть такую гадость. Мою порцию с удовольствием съедал Гришка. Так вот ещё несколько слов о макухе, в то самое голодное время, если мне не изменяет память, то это была осень 1944 года. Обстановка в семье была крайне сложной, есть практически было нечего, на трудодни ничего не получили, так как в 1943 году нас освободили только летом и сеять было поздно, да и сеять было нечего и не чем, вот и получился голодный год. А у нас ещё и брат Андрей пришёл из госпиталя, худющий — кожа да кости. Ему надо усиленное питание, а где оно это усиленное, в нашей семье его нет, хотя в правлении колхоза что-то есть.

Действительно, государство выделяло кое-какие продукты и они доставлялись в Ипатово, но до нашего далёкого от Ипатово хутора мало что доходило, вот и выживали, кто как мог. Помните, я писал, что мама ездила в Белоглинку, чтобы привезти хоть какие продукты. Но случай, который я хочу описать был ещё до её поездки. Как-то мама мне говорит: «Сеня, пойдём на склад, попросим хоть макухи, будем её добавлять в будан или тыквенную кашу, всё-таки с макухой они будут питательней, а то таким питанием мы Андрея на ноги не поднимем». Приходим на

склад, а кладовщик говорит: «Макуха есть, но без записки председателя дать не могу, идите к нему, если он разрешит тогда ко мне». Что делать, пошли к председателю колхоза. А мама у нас такая, если что начала делать, то обязательно доведёт до конечного результата. Вот и на этот раз, приходим к председателю, он сидит в своём кабинете с деловым видом роется в бумажках. Мама сообщила, зачем мы к нему пришли, он начал рассказывать байки как колхозу трудно и прочие причины, как будто мама об этом не знает. Мама сначала деликатно молчала, как бы слушала его, потом ей все это надоело, она вспылила, нагнулась к нему через стол и тихо, но внятно сказала: «Ты кому это говоришь, мне многодетной матери, жене фронтовика, у которой муж и сын на фронте, а другой сын лежит дома и помирает. И помирает он не от ран, а от голода, а ты тыловая крыса над нами ещё издеваться вздумал, да я тебя за своих детей вот этими руками задушу», — и мама протянула руки к шее председателя. Он отпрянул и говорит: «Ты что, Поля, с ума сошла, сейчас напишу записку». Написал что-то на бумажке и подаёт её маме.

Та прочитала и говорит: «Ты что же это написал? Ивану Ласуну выписал две плиты макухи, так у него семья четыре человека, а у меня восемь, а ты и мне выписал две. Где же, я тебя спрашиваю, справедливость? Или ты думаешь, что люди не знают, чем ты тут занимаешься, да ты чихнуть здесь не успеешь, (мама употребила другое выражение, более веское, но не печатное), а на другом конце хутора все знают. Так что осторожней, меньше ешь гороха, а то, как бы не опростоволоситься». В этот день мы с мамой получили четыре плиты макухи, так что пока живём. Дома мама, молотком отбила пол-плиты, разбила её на мелкие кусочки и раздала каждому члену семьи, а остальное положила в сундук под замок. Мне достался кусочек макухи такой, по краям шершавый, а снизу и сверху гладкий, Я сначала обкусал шершавинки, а затем затолкал кусочек в рот и сосал как леденец. С макухой во рту выбежал во двор, а в это время, в Лавровском дворе мальчишки играли в войну, у них двор большой места много. Я то же к ним подключился. Что у меня макуха во рту, первым увидел Лёнька Лавров, такой маленький черноголовый мальчишка, хотя я и сам, был тогда небольшой, подбегает ко мне и говорит: «Сеня, а шо, у тыбэ в роти?» — «Макуха», — отвечаю. Он начал ко мне приставать: «Дай я пососу трошки и тоби отдам» — «Ни, — говорю, — самому мало». Но он не отставал, и мне жалко стало его, говорю ему: «Открывай рот». Он открыл, я вытащил кусочек макухи из своего рта и сунул ему в рот. Затем за игрой я забыл о своём деликатесе, и вдруг вспомнив, подбежал к

Лёньке и говорю: «Где моя макуха?» Он открывает рот, я вытер указательный палец правой руки о свои штаны, как бы стерилизовал его, залез этим пальцем ему в рот, и оттуда извлёк совсем небольшой кусочек и положил себе в рот. Так что с гигиеной у нас было всё в порядке.

Под воспоминания я уснул, проснулся, когда остановилась бричка, я спросил у тата: «А почему мы остановились?» — «Поднимайся, сынок, лошадей напоим, а то они целый день без воды». Солнце уже садилось, когда мы снова тронулись в путь. Домой приехали поздно, на дворе было уже темно, во дворе нас встречала мама, когда узнала, сколько мы привезли масла и макухи, то от удивления, ойкнула. Позже за обедом она просила отца рассказать, как так получилось, что столько много привезли продукта. Но отец не любил всякие пересказы и на мамину просьбу ответил просто: «Встретил на маслобойне однополчанина, вот он честно нам и сделал». Мама, осталась, не довольна, ответом, ей хотелось подробностей, их конечно можно получить, но только ни от нашего отца. Я вот ещё что вам хотел сказать о макухе. Я уже немного написал о макухе, а теперь хочу на ней остановиться более подробно, уверяю вас, этот продукт того стоит. Казалось бы, что в ней ценного, жмых, отходы от производства. Но это не так, макуха обладает ценным продуктом — белком, а самое главное на тот период, это масло. Из подсолнуха хоть и выдавили масло, но все же там оно ещё остаётся и довольно много. Скажу без ложной скромности, что макуха спасла жизни многим хуторянам и не только им, я думаю, она тогда была основным продуктом по всему югу России. Ведь сейчас об этом все забыли, а будь моя воля, я бы ей поставил памятник, в каком либо областном центре юга России, и это было бы справедливо. Ведь поставили же памятник кошкам, в городе Санкт-Петербурге, за то, что во время блокады в Ленинграде, она спасали жизни людей, правда, сами при этом погибали. И это правильно, всем должно даваться по заслугам. В дополнение ко всему сказанному хочу ещё написать. В то время, в упрёк тогдашнему правительству, о макухе была сочинена песня, на мотив песни Утесова, помните? Сердце, тебе не хочется покоя, ну и так далее. А песня о макухе звучала так. Сердце, тебе не хочется макухи. Сердце макуха экспортный товар. Сердце, макуху возят за границу, А тут хоть с голоду сдыхай. Я не знаю, возили тогда макуху за границу или нет, но такая песня была.

МЕЛЬНИЦА И МЕЛЬНИК

В эти же дни, как-то вечером отец говорит: «Завтра, сынок, поедем на мельницу, надо на зиму мукой запастись, ты там будешь помогать мне, главное, когда будем взвешивать наши мешки с пшеницей, ты внимательно смотри на весы, чтобы нас весовщик-мельник не обманул. Ты теперь у нас грамотный, так что разберёшься».

Я лег спать и стал обдумывать, как это у меня получится на мельнице. Я, конечно, в весах разбирался, помогая брату Андрею на складе, взвешивал или перевешивал нужный товар, брат меня научил, как пользоваться весами. Но это на складе, там я сам себе хозяин, сколько взвесил, столько и записал в журнал, товар положил куда надо, а журнал брату в стол. Он просмотрит журнал и сразу знает, сколько какого товара у него осталось. Там в Ипатово всё было просто, а в Джалге на мельнице будет взвешивать мельник, возможно, нас обманывать будет, как я ему скажу, этому взрослому дяде, не знаю, как это у меня получится. Ведь в школе и семье нас, детей, учили, что старших надо слушаться и не возражать им, как мне переступить через этот невидимый порог? Как это у меня получится? За мыслями я не заметил, как уснул.

Проснулся я от того, что меня кто-то толкал в плечо, я ещё спросонья не открыл глаза, слышу голос отца: «Сынок, вставай, надо раньше выехать, чтобы успеть на мельницу». Вставать мне не хотелось, но раз надо значит встанем. Выехали из дома, ещё было темно, по дороге я на мешках досыпал. Ехали шагом, груз был приличный, все-таки шесть мешков пшеницы, это примерно, триста килограмм, да мы с отцом сто кг. Это уже четыреста, для пары лошадей это много что-бы бежать рысью, так что шагом. Мы хоть и выехали рано, но когда приехали на мельницу там, уже было с десяток подвод с мешками, заняли очередь и стали ждать. Я, чтобы ни терять зря время пошёл посмотреть, как идёт взвешивание. Присмотрелся и понял, что весовщик, он же и мельник, обманывает своих клиентов, на каждом взвешивании, это три-четыре мешка, килограмм на 20–30. Но делает он это так мастерски, что хозяева мешков с пшеницей этого ни замечают, тем более что большая часть из них в весах вообще не разбирается.

Я вернулся к нашей подводе и всё увиденное рассказал тату. Он меня категорически стал настраивать, что как только мельник будет взвешивать наши мешки и начнёт нас обвешивать, то я должен тут же вмешаться и его поправить. Тату легко сказать

вмешаться, а как ему возразить этому взрослому дядьке, да ещё и с усами. Подошла наша очередь, мы с отцом положили четыре мешка, на весы, мельник, наши мешки взвешивал, так же как и другим, быстро манипулировал противовесом, быстро заблокировал рейку и объявил 185 кг. Я стоял возле весов и видел, что взвешивание сделано с нарушением канонов взвешивания, но как ему возразить, он такой солидный дядька, да и народу вокруг полно, как они среагируют на моё замечание. Я так был поглощён своими мыслями что, команду мельника «снимайте» не расслышал, но услышал голос отца: «Ну, шо, сынок, правильно вин взвесил, чи ни?» Я не знаю, откуда у меня взялась решительность, но я смело подошёл к мельнику и сказал: «Вы поторопились заблокировать рейку, она ещё не остановилась посреди ограничителей» — «Это что ещё за контролер, откуда ты взялся?» — с возмущением заговорил мельник. В этот миг, люди, которые стояли тут же, вдруг загудели, затем стихли и ждали, чем всё это кончится.

У меня это был первый случай, когда я вступил в спор со взрослым человеком и не знал, как среагирует на это толпа. У мельника тоже, наверное, был такой случай первый, и он тоже не знал реакции толпы, и поэтому из случившегося хотел выйти хотя бы не проигравшим, ведь ему и дальше работать с этим народом. Отец подошёл ближе к нам и говорит мельнику: «Это мой сын, и он грамотный» — «Ну, раз твой сын грамотный, то пусть он и взвешивает ваши мешки», — с нескрываемой досадой сказал мельник, сел на чьи-то мешки и демонстративно закурил. Я при помощи противовеса выровнял рейку, она остановилась посредине ограничителей, затем её зафиксировал, весы показывали груз 217 кг. Я повернулся к мельнику и говорю ему: «Посмотрите, правильно ли я взвесил?» Он, не глядя на весы, сказал: «Правильно, — затем добавил, — и вес запиши в тетрадь, которая лежит на табурете, а я пока покурю», — бравировал он и при этом посмотрел на окружающих, чтобы узнать их реакцию на его слова.

Но люди стояли и молча смотрели, как я взвешиваю. Затем я взвесил и оставшихся два мешка, там вес был 110 кг. Всё сложил и получилось 327 кг. Всё это я записал в тетрадь. Затем мы с отцом начали перетаскивать мешки в здание мельницы, слышу, мельник говорит: «Ну, раз помощник ушёл, придётся самому приниматься за работу». И под общий гул присутствующих приступил к взвешиванию. По моему мнению, из создавшегося положения он вышел достойно, это и потом сказалось, когда он нам отпускал муку. Несмотря на наши трения, он был весел, шутил и разговаривал с моим отцом. Не знаю, правильно или нет,

но мы получили четыре с половиной мешка муки и мешок отрубей, отец был доволен, говорит: «Это больше, чем в прошлом году. Вот что значит, сынок, грамота, учись, сынок, и дальше, в жизни тебе это сильно поможет». Мы уже собрались уезжать, как вдруг подходит один мужчина и говорит отцу: «Слушай, Кондрат, пусть твой сын посмотрит за взвешиванием моих мешков, уж больно он у тебя толковый парень». Тато немного подумал, затем говорит: «Нет, хватит мы и так много шума наделали, как бы это нам это боком не вышло. Ты уж там сам как-нибудь разберись». Затем отец тронул лошадей, и мы поехали домой.

Домой приехали затемно, мама ждала нас на улице у ворот, увидев, сколько мы привезли муки, сказала: «Ну, слава Богу, теперь с мукой зиму проживем, пол- мешка Сене дадим в Ипатово, а остальное дома будет». Разгрузили мешки с мукой, Иван погнал лошадей в конюшню, а мы с тато, сели ужинать. Отец маме немного рассказал о том, как я помогал взвешивать мешки с зерном, хвалил меня, я сижу довольный. А почему мне не быть довольным? Горячий борщ, который я ем с хлебом, да ещё меня и хвалят, хорошо. Правда скоро в Ипатово в школу, это меня немного расстраивает.

И СНОВА ИПАТОВО И ШКОЛА

Лето пролетело быстро, надо собираться в Ипатово на учёбу, но у меня ещё «хвост висит» по алгебре, как с ним разделаться, я пока не знаю. Приехал в районное село, захожу домой, брата не было, он был на работе, встречает меня Дуся. Поговорили, поспрашивала меня, затем наклонилась ко мне ближе и спрашивает: «Сеня, а что у тебя с носом?» Я взялся за свой нос рукой, потрогал его, он на месте и в ответ спрашиваю: «А что с моим носом? Он на месте». Тут Дуся разошлась не на шутку, она у нас такая, если что не по её, то выскажет всё от начала и до конца, а остановиться на середине, это не про неё: «Что-что, — возмущалась Дуся, — ты посмотри, какой у тебя нос стал, раньше был такой ровненький, красивый, а теперь горбатый и кривой, что ты с ним сделал?» Ну, тут мне пришлось рассказать о том, как я упал с лошади. Дуся, ещё немного посетовала, затем успокоилась и больше мы к этой теме не возвращались. Кстати о «хвостах» по алгебре. У моего школьного друга Ивана Матвеенко, такой же «хвост», как и у меня. 27 августа пошёл в школу «отрубать» свой «хвост». В класс не торопился, уселся во дворе школы на скамейку и решил, как можно дольше оттянуть эту неприятную процедуру. Сижу, опустив голову, и думаю, ну почему у меня так мозги скроены, по всем предметам я успеваю, а вот с алгеброй справиться не могу. Та же геометрия, тоже математика, но её я понимаю, а вот алгебру совершенно не понимаю. Я не понимаю как это так, складываешь или умножаешь буквы, а получаются цифры или наоборот. Главное то, что мне никто не может объяснить, почему так получается, и откуда берутся эти цифры или буквы. Гораздо позже, когда уже был взрослый, я узнал, что в мире немало людей, для которых алгебра не создаёт трудностей, мало того, они, благодаря ей, прославились. Я не буду вам рассказывать о таких знаменитостях, как Кюри или наш современный гений, Гриша Пелерман, вы о них знаете, я вам вкратце хочу рассказать о гениальном математике, конца семнадцатого и начала восемнадцатых веков, в своё время не понятым и ни признанным. Конечно, расскажу, а почему мне вам ни рассказать, все равно мне сейчас делать нечего, вот сижу в школьном дворе на скамейке и буду вам рассказывать, так как в класс я не тороплюсь, а возможно кто-то из вас и не знает этого талантливого юношу француза, Эватиста Галуа. Правда я этого тогда не знал, зато я сейчас это знаю и потому расскажу, уж больно мне хочется, чтобы и вы об этом прекрасном юноше узнали.

Он учился в лицее, у доски решал задачи своим способом и сразу же делал анализ своих решений. Галуа строил на доске здание за зданием из математических формул и пытался объяснить лицеистам и преподавателю смысл его решений. Но его никто не понимал и поэтому старались от него избавиться. Но он не сдавался и хотел доказать, что он в математике знает такое, что такого никто больше в мире не знает. С большим трудом Галуа, удалось добиться аудиенции с президентом академии наук Франции. Президент, показал на доску и попросил продемонстрировать на ней что Галуа умеет. Эватист, математическими расчётами исписал всю доску, перешёл на стену, затем на дверь и хотел перейти на пол, при этом Галуа утверждал, что такие расчёты можно делать до бесконечности. На что президент заметил: «Вам, дорогой, латинского алфавита не хватит». На что Галуа ответил: «Так есть ещё кириллица, арабская вязь, а если и этого не хватит, то можно воспользоваться китайскими иероглифами». Но как бы Галуа не старался, он при жизни так и не был признан в мировой науке, тем более что прожил он недолго, он был убит на дуэли в возрасте девятнадцати лет. Но Эватист Галуа в ночь перед дуэлью, исписал математическими формулами расчётами всю толстую тетрадь и передал своему брату. Уж не знаю, как эта тетрадь сохранилась, но только более чем через сто лет его расчеты были признаны научным миром, и они дали новый толчок в математике. И тогда появились такие термины, как Группа Галуа, теорема Галуа, поле Галуа. Да, хороший был парень, но мир жесток и ни признаёт того, чего сам не понимает. Жалко Эватиста, у него с алгеброй было всё в порядке. Так это у него, потому что он гений, а я кто? Я парнишка из далёкого хутора, я русский язык-то освоить не могу, а тут ещё алгебра. Да что там говорить, не хочу я в школе учиться, и только потому, что опять начнутся оскорбления, от русачки и этот поросячий виз в мой адрес от учительницы по алгебре. Всё это мне надоело до чёртиков, я решил, что не пойду сдавать алгебру, да и вообще в школу больше не пойду, пока. Жизнь у меня только начинается, может ещё, и буду учиться, а пока нет. Я поднялся со скамейки и пошёл в сторону рынка, чтобы там убить время. Иду и думаю, будь что будет, но оскорбления в свой адрес я больше слушать не намерен.

Вернулся домой уже вечером, брата Андрея ещё дома не было, Дусе сказал, что алгебру не сдал. Он расстроилась, сказала, что Андрей будет ругаться. Я и сам это знал и думаю, пусть лучше брат один раз отругает, чем слушать целый год оскорбления в свой адрес. Кстати, в нашем классе всем ученикам попадало от учителей, кроме Сони Сомченко и Славы Сабурова.

Первая была круглой отличницей и её ругать было не за что, а второй — сын председателя райисполкома, кто его посмеет поругать? Хотя Слава и учился не очень, а после седьмого класса вообще бросил школу.

Вот как он мне рассказывал об этом: «Закончил седьмой класс, пришёл домой и говорю родителям, больше я в школу не пойду, мне надоели эти тупые учителя и слушать их бред у меня больше нет сил. Дома, конечно, меня слегка поругали, но в школу больше я не стал ходить». Не знаю, так ли было дело, но что в школу он больше не ходил, то это точно. Но это было потом, а сегодня мне предстоит, объясниться с братом, как это будет?

Как ни странно, все обошлось мирно, брат, конечно, расстроился, посетовал, что так получилось, но не ругался. Теперь передо мной и братом стоял вечный вопрос, как быть и что делать? Что делать? Возвращаться назад в хутор я уже не хотел, было видно, что я его перерос и мне теперь там не интересно, да и перспективы развития там не было. Надо искать какую-то работу здесь, в Ипатово.

РАБОТА В КИНОТЕАТРЕ

Как всегда в трудные мои дни выручил Андрей. Он устроил меня в кинотеатр учеником киномеханика. В этом ему помог наш сосед, Алексей Лапика, он там работал старшим киномехаником, а позже директором кинотеатра. Правда трудовую книжку мне, почему-то не дали, может, не положено было, а может, брат так договорился с начальством кинотеатра, мол, пусть мой брат у вас будет, как будто работает, а вы его не оформляйте и зарплату не платите. Первое время мне действительно за работу не платили, да мне тогда было как-то все-равно, работа есть и хорошо. Но затем, когда я начал работать на кинопередвижке, то деньги за это получал.

В начале своей рабочей деятельности, я был учеником мотористов, братьев Лёвиных, Ивана и Михаила, они занимались ремонтом движков к кинопередвижкам, а я им помогал. Ремонт производили в мастерской, которая находилась во дворе кинотеатра. Сам кинотеатр, находился в центре села Ипатово, на самой посещаемой улице, она в селе была, что-то вроде старого Арбата в Москве. Вечером там проходили всякие гулянья, или просто народ ходил туда-сюда, прогуливаясь.

Так вот, как-то мы втроём ремонтировали два движка, я в этом трио, естественно, занимал «главную» роль, насчёт того, принеси или подай. Сами понимаете, по-серьёзному технику я видел впервые и поэтому в ней ничего не понимал. Одним словом, ученик, а над учениками, как водится мастера не прочь подшутить. Это распространённая практика на всех предприятиях, в спорте и, особенно, на флоте. На флоте она практикуется больше всего, потому что там возможностей больше.

На корабле, многие его детали называются иностранными словами, их ещё Пётр Первый притащил в Россию из Голландии. Таких иностранных слов на корабле большое множество, такие как: верп, рында, линь, или вот ещё заковыристое слово, кнехт, что они обозначают, да шут их знает. Как молодому призывнику флота разобраться в этих иностранных дебрях. Ему разобраться в них очень сложно, а вот потеряться довольно легко. Вот «старички» этим пользуются и над салагами подшучивают. К примеру, молодой матрос моет палубу, а «старичок» ему говорит: «Слушай, салажонок, сходи к мичману и попроси у него с полведёрка рынды, а то без неё мы палубу ни отдраим». И представьте картину, молодой матрос подходит к мичману и по уставу просит полведёрка рынды. Но как мичман может дать

полведёрка рынды, если рында — это судовой колокол. Но, молодой моряк этого не знает и поэтому просит у мичмана полведра рынды. Какая в этом случае будет реакция мичмана? Это зависит от его интеллекта, один может посмеяться и отправить матроса назад, другой на полном серьёзе объяснить, что такое рында, затем пойти к старичку и отчитать его за учинённое безобразие над молодым матросом. Нечто подобное произошло и со мной.

За два дня мы отремонтировали один из движков, Иван начал его заводить, а он не заводится. Тогда он, обращаясь к брату Михаилу, на полном серьёзе говорит: «Послушай, Миша, мне кажется, в движке не хватает компрессии, надо бы долить. Как ты думаешь? Михаил тоже на полном серьёзе говорит: «Да компрессия — это дело серьёзное, без неё двигатель ни заведёшь». Затем, обращаясь ко мне, говорит: «Сеня, возьми ведро, сходи к Лапике, пусть он плеснёт полведра компрессии». В мастерской стояло новое цинковое ведро, я беру его и в кабинет к Алексею Лапике. Здесь я должен уточнить, Алексей Лапика, хоть и числился старшим киномехаником, но на самом деле он постоянно замещал директора, которого мы, работники кинотеатра, видели очень редко. Как по этому поводу заметил остроумный Иван Лёвин: «Мы своего директора видим только по большим праздникам». Поэтому Алексей обладал всеми правами директора и, естественно, пользовался ими. В общем, беру ведро и на выход. Сделал несколько шагов, смотрю, мне навстречу идёт Алексей. Я ускорил шаг, думаю надо идти быстрее, чтобы Лапике ближе было возвращаться за компрессией.

Встречаемся мы с ним посредине пути, Алексей меня спрашивает: «Ты куда с ведром?» — «Да вот к тебе, Миша послал, чтобы ты мне налил полведёрка компрессии» — «Пройдём назад», — коротко скомандовал он, и сам пошёл впереди меня в мастерскую, а я за ним. Я не понимаю в чём дело, следую за ним. Как только Лапика переступил порог мастерской, последовало вот что в адрес Лёвиных: «Вам что, делать нечего? Вы уже два дня вдвоём возитесь с этим движком и не можете ему ума дать, а работы здесь одному мастеру на полдня. Так вы, не делом занимаетесь, а дурью маетесь. Я для чего к вам поставил мальчишку, чтобы вы его научили делу, чтобы он движок знал, как свои пять пальцев, ведь я его готовлю работать на передвижке, а случись в каком-нибудь ауле что с движком, он что, к вам в Ипатово побежит? Головой думать надо, а не этим местом. Предупреждаю, если к приезду передвижек не будут готовы движки, я вас за этот месяц лишу премиальных. И вот ещё что, через два месяца, комиссия театра у вашего ученика, Чухлеба

Семёна, будет принимать экзамены на знание и работу движка, и учтите, если он экзамены не сдаст, то в первую очередь будете виноваты вы, и тогда я вынужден буду лишить вас премии по году». Это было серьёзное предупреждение, и это понял даже я.

После этого разговора Лёвины за меня взялись всерьёз, учили всему, что может сломаться на передвижке, по нескольку раз заставляли собирать и разбирать движок. Рассказывали про устройство магнето и какие в нём могут быть поломки, ну и так далее, все, чему меня Лёвины научили, я описывать не буду, так как это долго и вам, я думаю, будет не интересно. Скажу об этом кратко. В ноябре месяце, я сдал экзамен по эксплуатации и ремонту движка внутреннего сгорания на твёрдую четвёрку, чему все были рады, особенно мои учителя. Вам, наверное, интересно, что стало с компрессией? Да ничего с ней не стало, что может сделаться со сжатым воздухом в цилиндрах двигателя? А вообще, Михаил Лёвин был прав, без компрессии, любой двигатель внутреннего сгорания завести невозможно, это аксиома. Вскоре, Алексей меня перевёл в аппаратную кинотеатра, и уже сам меня начал учить искусству демонстрировать кино. Алексей тогда в аппаратной работал один и каждый день крутил кино, кроме понедельника, в понедельник был выходной всему театру. Но только не для нас с Алексеем, в этот день мы занимались подготовкой аппаратуры и плёнок к показу фильма. Всяких тонкостей там было много, и Алексей мне сначала всё подробно рассказывал, а затем уже разрешал делать. И так день за днём я начал осваивать кинотехнику, а затем и искусство демонстрации фильмов. Вскоре, Лапика разрешил мне самому показывать кино в театре, сам только наблюдал за моими действиями, иногда подсказывал, если что я делал не так.

Когда Алексей убедился, что я уже окончательно освоился, то тогда он мне полностью доверил аппаратную. Здесь стоят два киноаппарата, ящики с кассетами, ну и другое оборудование, и я один со всем этим управлялся. Мне это, разумеется, льстило, расстраивало только одно, что я не могу стать дипломированным киномехаником. Для этого надо ехать учиться в город Ставрополь, но самое главное, надо иметь семь классов образования, а у меня их нет. Ладно, думаю, буду работать, пока работается, а там видно будет.

С этого дня я окончательно освоился в аппаратной, у нас её ещё называли кинобудкой. Кинобудка находилась как раз на входе в кинотеатр. От входа по коридору идёшь в кинозал, а кинобудка находится от входа, в левую сторону, по коридорчику, там четыре ступеньки, и небольшая дверь, оббитая железом. Вот за этой дверью я и показывал кино многочисленным зрителям.

Алексея Лапику теперь называли не Алексеем, а Алексеем Николаевичем, так как он стал директором кинотеатра. Лично для меня, ничего не изменилось, как я тогда ему подчинялся, так и сейчас подчиняюсь. Да так же, наверное, и для остальных, как руководил всем театром Алексей Лапика, так и сейчас руководит и никаких изменений. Правда теперь Алексей Николаевич в кинобудку почти не заходит, иногда, в конце рабочего дня, заглянет ко мне, спросит, как дела, если всё нормально, а обычно так и бывало, то попрощается и уходит домой. И вообще, мы с Алексеем как-то сдружились, хотя он был, на девять лет старше меня, он был ещё довольно молодым человеком. Я у них бывал дома, знаю его жену Таню, как-то мы вместе, Алексей, Таня и я, ходили гулять по нашему «Арбату». Мне было очень интересно, мы шли по улице, Таня шла между нами и обоих держала под руки, а навстречу нам, в большей своей массе, девушки шли без парней, и они ей, наверное, завидовали и с весёлой иронией говорили: «Что же это ты, Таня, налог не платила, а двух парней захватила?» В то время у нас по Ипатово ходила такая шутка, не остроумно, конечно, но, другой не было, а девчонкам хотелось прогуливаться с парнями, но им помешала война, будь она проклята.

Алексей занимался фотографированием и неоднократно меня приглашал делать с ним фотографии. Особенно интересно было первый раз. Мы с ним закрылись в ванной, а дверь ещё завесили одеялом, чтобы было темно. Для меня всё было жутко интересно: тёмная комната, красный фонарь, какие-то ванночки, с какой-то жидкостью в них. Затем чистый лист бумаги Алексей кладет в одну из ванночек, и на этом чистом листе вдруг появляется изображение, мне это было очень интересно. Потом, Алексей мне дал самому поделать фотки, и у меня, под руководством мастера, всё получалось. После того как фотки закрепили, начали их развешивать сушить на верёвку, как сушат бельё. Алексей показывал Тане фотки и говорил: «А вот эту фотку, где сфотографирована Дуся, делал Сеня». Таня, начинала меня хвалить какой я молодец, мне было неудобно, она же знает, что это всё под руководством Алексея, но с другой стороны было приятно, что твою толику работы оценили. Скажу вам больше, когда я позже случайно начал заниматься фотографированием, то та практика, которую я получил по фотографированию у Лапикиной семьи, мне очень помогла. И вообще, Алексей Николаевич, на работе надо мной взял как бы шефство. Во всём мне помогал, в обиду не давал, хотя в театре и обижать-то некому было, только тетя Катя билетёрша иногда кричала, так она кричала на всех, как бы показать свою власть, а какая у неё

власть, да ни какой, а всё равно показать хочется. А с братьями Лёвиными, после того случая с компрессией, так вообще подружились, хотя теперь я к ним не имел никакого отношения, но всё равно в свободное время к ним заходил, иногда вместе ходили на обед. Так что когда директором стал Алексей Николаевич, то мне стало даже лучше, чем при старом директоре. Тот директор, внешне был похож на начальника, среднего роста, толстомордый, летом ходил в костюме, всегда с галстуком, даже когда было жарко он его не снимал, наверное, потому что он директор, иначе его за директора могут не признать. А вообще, он был не воспитан. Зачем он смеялся, надо мной, мальчишкой, за то, что у меня на голове старая кубанка. Она действительно была старая, и местами мех повылез, ну так ей было уже лет двадцать, но у меня другой шапки не было, вот и ходил в ней. Дома мы трое жили на одну зарплату Андрея, откуда взять деньги, чтобы всем троим одеться, правда, чуть позже, уже к зиме, брат достал мне новую шапку, верх тканевый, а мех из чёрного каракуля. Где он её взял, я не знаю, но мне эта шапка нравилась, мех хороший, а главное она была новая. Я старого директора видел редко, но как только произойдёт с ним встреча, так от неё, остаётся неприятный осадок. Был один такой случай.

В нашем дворе кинотеатра, была волейбольная площадка, и на ней, время от времени, играли. Как-то там оказался и наш тогдашний директор. Играл он, на мой взгляд, средне, но не это главное, а главное, вот что. Идёт игра, на площадке люди увлеченно играют. Вдруг приходит мужчина лет тридцати, невысокого роста, такой толстомордый, подхватывает отскочивший мяч и давай его ногами бить об каменную стену забора. Бьёт по мячу, что есть силы, ногой, было видно, что он хочет порвать мяч, об острые углы камня, что уложен в стену забора. Как я потом узнал, это была «звезда» местного футбольного клуба, под названием «Колос». Я не играл, стоял в стороне, смотрел на эту ужасную картину, все остановились и тоже смотрели, и никто даже попытки не делает, чтобы остановить этого зарвавшегося хулигана. И наш директор, этот упитанный мужчина, стоит и смотрит, как будто его это не касается. Ведь он директор, начальник, мог бы остановить этого хулигана, но нет. Мне на всё это надоело смотреть, я подошёл ближе к этому горе-футболисту, и как только мяч отскочил в мою сторону, я схватил его в руки и прижал к груди. Этот, прости Господи, повернул ко мне свою раскрасневшуюся толстую морду и говорит: «Отдай мяч!» — «Нет, — говорю ему, — мяч ты не получишь, это наш мяч из кинотеатра и я тебе его не отдам». Повернулся и ушёл в кинотеатр. Главное, что за мной никто не

погнался, чтобы отобрать мяч, и даже не кричали ничего в мой адрес, как будто, так и надо. Я мяч хотел спрятать к себе в кинобудку, но двери входа в кинозал были закрыты, и в кинобудку я не попал. Тогда я пошёл в приёмную и спрятал его в шкаф, а шкаф закрыл на ключ, а ключ положил в ящик стола секретаря под папки. Всё сделал, пошёл домой. Прошло много времени, ключ от шкафа понадобился секретарше, и она его никак не могла найти, так этот злосчастный ключ, искали всем театром. Я краем уха слышал новости о ключе, но не знал подробностей, а тот, который я в стол под папки положил, я о нём и забыл. Ведь прошло уже три месяца, на улице уже глубокая осень, как не забыть? Как-то захожу к Лапике, а вход в его кабинет был из приёмной, секретарь Тося спрашивает меня: «Сеня, может ты видел ключ от шкафа?» — «От какого шкафа?» — переспрашиваю у неё.

— «Да вот от этого», — и показывает на шкаф, и тут я вспомнил, что я туда спрятал мяч. Но я выдать себя не хочу и говорю Тосе: «Так может он у тебя в столе в ящике лежит?» — «Да нет, — отвечает она, — я там всё переискала и не нашла» — «А давай, я посмотрю» — «Да смотри, сколько хочешь». Я вытаскиваю нужный ящик, запускаю руку под папки и достаю из ящика ключ, подаю его Тосе и у неё спрашиваю: «Этот?» Тося, с радостью поблагодарила меня, взяла ключ, открыла шкаф и нашла там, что ей надо, а заодно, достала и мяч, держит его в руках и говорит: «А старый директор, Николай Иванович, спрашивал меня, где наш мяч, а он спокойно лежал в шкафу, ну что теперь говорить, теперь у нас новый директор». А я подумал, ну и хорошо, что старого директора больше нет. Одним словом, хорошо, что его от нас убрали, я слышал, что его перевели в какой-то вновь созданный район, где-то под Ставрополем. Не знаю, повышение это или понижение, но для меня хорошо, что его нет, у нас теперь новый хороший директор. Каждый вечер, кроме понедельника, я показывал кино, иногда Алексей Николаевич со мной был в аппаратной, но это было редко, и в мою работу он не вмешивался. Просто стоял у окошка в зал и смотрел кино. Иногда он это делал в зале и после просмотра приходил ко мне в кинобудку. Последний сеанс заканчивался поздно, в 23 часа, но мне надо было ещё перемотать плёнки, и, если надо, сканировать, то место, где произошёл порыв. Пленку склеивали обычным ацетоном, лишнее отрезалось, а затем приклеивалось, именно в начале кадра. Если пленка новая, то она практически не рвалась, ну а если старая, то было несколько порывов. В результате сканирования, пленка делалась короче. Так что когда вы смотрите, старый, хорошо знакомый вам фильм, и

там чего-то не хватает, то это значит что, старую плёнку сканировали.

Домой обычно шёл в час ночи и один, иногда с Алексеем Николаевичем, мы с ним были соседи, вы это уже знаете. От кинотеатра до моего места ночного отдыха, было километра полтора. Идти было не страшно, так как у нас в Ипатово было спокойно, хотя местные бандиты были, и мне с одним из них пришлось встретиться.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО С ИПАТОВСКИМ БАНДИТОМ

Как-то я, в очередной раз, «крутил» кино, дверь в будку была открытой, так как в ней было жарко, а вентиляции не было. До сеанса у меня вся аппаратура настроена, и я, сидя в будке на скамейке, ожидал, когда зрители заполнят зал, вот тогда я начну сеанс. От нечего делать я смотрел людей, которые приходили в кинотеатр, практически все знали, что я им буду показывать кино, и поэтому с интересом меня разглядывали. То и дело были слышны выражения, мальчишка и уже показывает нам кино. Или вот ещё: «Смотри, этот мальчишка будет нам показывать кино?» — «Да у него ничего не получится, он ещё молодой», — говорила другая девушка. Ну и разные другие замечания. Иногда приходили знакомые. Как-то смотрю, Иван Матвиенко прошёл билетёршу, взглянул на меня и воскликнул: «Сеня, это ты? Я и не знал, что ты работаешь киномехаником. Здорово». Поговорили о том, о сём, затем он меня спрашивает: «А ты почему не пришёл пересдавать экзамены?» Я ему ничего не ответил, только пожал плечами. «Зря ты не пришёл, там был не экзамен, а настоящая комедия. Училка для меня написала на доске задачу и тут же её решение. Так что я экзамен по алгебре сдал без труда». Иван ушёл, я показываю фильм, а сам думаю, зачем оставлять на осень ученика, чтобы потом за него самой решать задачку? Странная у нас была учительница. Гораздо позже, где-то в 1980 году, когда я в очередной раз был в Ипатово, я узнал от брата Григория, что Иван Матвиенко работает начальником железобетонного завода в Ипатово. Какое учебное заведение Иван заканчивал, брат не знал. Брат говорит, что спрашивал он у него про меня. Затем я задаю вопрос брату: «А как он узнал, что я твой брат?» — «Да очень просто, Иван заполняет накладную на раствор, и спрашивает меня, как фамилия, я отвечаю Чухлеб, он перестал писать, посмотрел на меня и спросил: «А ты не знаешь Чухлеб Сеню?» — «Как, — говорю, — не знаю, это же мой родной брат». Тут он начал расспрашивать про тебя. Ну, я, что о тебе знаю, ему рассказал и сказал то, что ты работаешь механиком на стройке». Тут Григорий прервал разговор, и предлагает поехать к Ивану на завод. «Нет, говорю, я не люблю оглядываться назад, что было, то уже давно прошло, я смотрю только вперёд. А сейчас, Гриша, я работаю не механиком на стройке, а заместителем директора крупного завода, на нашем заводе один цех, крупнее всего вашего завода, а таких цехов у нас на заводе девять. Так что разница есть

и притом огромная». А потом я ещё подумал, что же это за завод, что директор сам выписывает накладные, это, скорее всего, просто бетонный цех. Да и какой в селе Ипатово может быть завод, это был цех, но для солидности его называли заводом. Но это будет гораздо позже, а пока, закончив показ фильма, я как всегда принялся за перемотку кинолент.

Вдруг слышу женский голос: «Слушай парень, тебя зовут Сеня?» Я повернулся к двери, смотрю, стоит белокурая девушка, для меня довольно взрослая, лет двадцати, двадцати двух. Я у неё спрашиваю: «А что ты хотела от меня?» — «Да уже поздно, надо идти домой, а я боюсь, так может, ты меня проводишь?» Я на неё посмотрел внимательно, и говорю: «А с какой стати я тебя должен провожать, мы с тобой не знакомы, и провожать я тебя не буду, и вообще отойди от аппаратной, посторонним здесь находится запрещено, что не видишь что на двери написано?» А на двери написано: «Посторонним вход запрещён». Рукой отодвинул её от двери и закрыл её. Она сделала обиженную «мину» и ушла. Перематываю киноплёнки, а сам думаю об этой девушке, вот что ещё придумала, провожать её, что ей взрослых парней мало, да и не нравится она мне, я люблю смуглых, девушек, а эта вся белая и волосы и лицо. Нет, такая девушка, мне точно не подходит. Ушла и хорошо.

Но она оказывается не ушла, а ждала меня возле кинотеатра. Выхожу из кинотеатра, смотрю, у киоска стоит какая — то фигура в белом, подхожу ближе, а это она. Я прибавил шагу и быстро пошёл домой. Она за мной, бежит и кричит мне: «Сеня, ну подожди меня, нам же по пути, дойдём до твоего переулка, ты свернёшь к себе, а я пойду дальше. Мой переулок рядом с твоим переулком» — «И в самом деле, — думаю, — что это я убегаю, как будто боюсь её». Подождал её, дальше пошли вместе. Она всю дорогу, что то щебетала, я молчал, только иногда отвечал на её вопросы.

Дошли до моего переулка, я поворачиваю, а она схватилась за меня двумя руками и не отпускает, уговаривает, чтобы я её проводил домой. Я согласился. Возле её дома она просила меня, чтобы я с ней постоял подольше. Начала мне рассказывать, какая ночь хорошая, луна светит, и прочее. Я слушал, слушал её, затем говорю: «Слушай, зачем нам луна, что мы с тобой волки, чтобы выть на неё, и вообще я хочу спать, мне завтра рано на работу». Повернулся и через огороды пошёл домой. На второй день, та же история, и на третий она повторяется. Честно говоря, мне это уже порядком надоело. Ладно, проводить, для меня это не сложно, но ведь она взрослая женщина, и у неё, соответственно, другие запросы, а я ещё пацан, и это самое, меня мало интересовало. Я

рад, что у меня есть работа и больше мне ничего не надо. Лег спать, лежу на кровати и думаю, завтра, если она подойдёт, я ей так и скажу: «Всё, больше никаких проводок не будет, поищи себе другого провожатого, постарше меня». Но на другой день её не было, и на третий, и на четвёртый. Ну, думаю хорошо, что так закончилось, а то уж больно мне не хотелось с ней объясняться. Прошло ещё дня три. Вдруг после сеанса, к двери аппаратной подходит взрослый парень, лет двадцать семь, и спрашивает: «Тебя Сеней зовут?» Я без тени опаски говорю ему: «А что вы хотели?» — «Да мне надо потолковать с тобой» — «Ну, толкуй, ничего же не мешает» — «Да нет, давай зайдём в подвальчик, там попьём пивка и поговорим». Я не стал отказываться, идём с ним по нашему «Арбату», до погребка ещё далеко, и он не выдержал, видать любопытство его перебороло, и заговорил: «Слушай, Сеня, у тебя с моей Верой, что-нибудь было?» Я, сразу не понял, о ком идёт речь, и переспросил у своего попутчика: «С какой твоей Верой?» — «Ну, с той, которую ты после кино домой провожал» — «А с этой, — разочаровано протянул я. Затем продолжил, — А что у меня с ней может быть? Она взрослая женщина, а я ещё мальчишка, это я только ростом вымахал, а так мне только пятнадцать лет. И поэтому, то о чём Вы спрашиваете, у меня даже в мыслях не было. Да и вообще она мне не нравится, мне нравятся чёрненькие девчонки, со смуглой кожей и моего возраста, а она вся белая, как будто мукой обсыпана. После моих слов, парень сделался, каким-то серьёзным, я подумал, что возможно я своими словами его расстроил и, решив извиниться, сказал ему: «Вы меня извините, я не хотел, обидеть, ни Вас, ни Вашу подругу, просто я ещё не умею по-взрослому разговаривать, вот и сказал, не то, что надо». Он, как будто от чего-то очнулся, и говорит мне: «Нет, нет, всё нормально, я понял, что ты честный и хороший парень, и это главное». Затем, уже в подвальчике, он заказал пиво и себе и мне, но я тогда ничего спиртного не пил и сидел за столиком, откровенно скучая. К моему новому знакомому, хотя он и не представился, но все равно он мне как бы знакомый, подсел какой-то парень, наверное, его товарищ, примерно его возраста, они о чём-то заговорили и про меня забыли.

От духоты в подвале, от запаха спиртного, от усталости, меня потянуло в сон. Я сидел за столом, «клевал» носом в кружку с пивом. Тот парень, который сел к моему знакомому это заметил и тихонько говорит, как бы моему сопернику, но мне это слышно: «Слушай, отпусти парня домой, а то он уже засыпает» — «Сеня, — спрашивает меня друг Веры, — ты, наверное, устал, и спать хочешь?» Я, ничего не сказал, только кивнул головой. «Ну, ладно

иди домой отдыхай, и знай что всё нормально, и эту нашу встречу, не бери себе в голову». Я шёл домой и думал, хорошо, что всё так обошлось, а то мог и по шее накостылять. Хороший парень, правильный и справедливый, сразу разобрался, в чём дело, и меня успокоил, мол, не бери в голову. Я думал, что на этом всё и закончится, но нет. На другой день, я как всегда пришёл на работу к шестнадцати часам. Сеанс начинается в 18.00, у меня всё к сеансу готово, можно и с друзьями-товарищами поговорить. Сразу пошёл в мастерскую к братьям Лёвиным. Поздоровался, Иван мне говорит: «Тебя искал директор, сказал, как ты появишься, так чтобы сразу шёл к нему». Иду в контору, а сам думаю: «Что же случилось? Директор просто так не вызывает. Интересно, вчера сеанс прошёл нормально, без происшествий, а сегодня я ещё ничего не успел натворить. Да ладно, что голову попусту забивать, вот приду и скажет, зачем вызывал». Захожу в кабинет директора, поздоровался, назвал его по имени отчеству. Алексей Николаевич, тоже поздоровался и говорит: «Садись, поговорить надо». «Ну, — думаю, — что же это за напасть на меня такая навалилась? Вчера со мной хотели потолковать, а сегодня хотят поговорить». Я сел на стул, и выжидательно смотрю на директора, он что-то писал. Затем он отложил ручку, посмотрел на меня, и спрашивает: «Ты вчера был в погребке?» — «Да был», — отвечаю без тени робости. — «А с кем ты там пиво пил?» — «Алексей Николаевич, Вы же знаете, что я спиртного не употребляю, просто тот парень, который меня пригласил для разговора, поставил мне кружку пива, и она так и стояла, пока я не ушёл». Затем, я рассказал Алексею Николаевичу, всё как было. И причину встречи, и смысл разговора, и прочее. Выслушав меня, он спросил: «А он тебя ещё на встречу приглашал?» — «Нет, не приглашал, когда я уходил, он мне сказал: «Всё нормально, нашу встречу в голову не бери». Ну, я и не беру. А что её брать, встретились, выяснили отношения и всё». Затем Алексей Николаевич меня спросил: «А ты хоть знаешь, с кем ты встречался?»— «Нет, не знаю, он даже своего имени не назвал»— «Ему своё имя и называть не надо, его знает всё Ипатово, а как ты знаешь, наше село большое, населения, порядка пятнадцати тысяч человек. Так вот, он в нашем селе знаменитость, главный бандит нашего села, а зовут его Сергей Лапота, он в свои двадцать семь лет, одиннадцать просидел в тюрьме, выйдет какое-то время погуляет на свободе и снова туда. Вот и сейчас он недавно вышел из тюрьма, и по-видимому Сергей Лапота, от своих дружков узнал, что его краля гуляет с тобой и решил с тобой разобраться. Ещё хорошо, что так обошлось, в дальнейшем смотри осторожней с выбором подруг». Я сидел и

молча слушал, и ничем не мог возразить, да и кому я буду возражать, человеку который беспокоится о моей судьбе, нет, я буду его во всём слушаться, он, Алексей Николаевич Лапика, очень хороший человек. Директор немного подумал и сказал: «Я вот что думаю, как бы эта встреча в дальнейшем не имела пагубных последствий. Поэтому мы сделаем так. Ты как работал, так и будешь работать в аппаратной, но домой будешь идти, с кем-нибудь из взрослых, со мной или с кем-нибудь из братьев Лёвиных, благо, что мы все живём рядом».

Так и сделали, я работал постоянно под прикрытием, а позднее меня вообще директор отправил на кинопередвижку, подальше от греха. Но это будет позже, а пока я кручу кино.

МОЙ ПЕРВЫЙ ПАСПОРТ

К концу шёл апрель месяц 1951 года, мне уже давно исполнилось шестнадцать лет, и надо получать паспорт, но я всё оттягивал, думаю успеется, а пока и без паспорта можно жить с работы не выгоняют, на улице его никто не спрашивает, так что можно жить и без паспорта. Прошла примерно неделька, с того времени как надо было получать паспорт. Я пришёл после сеанса поздно, Андрей и Дуся уже легли спать, я тихонько открыл дверь, на кухне поискал что поесть, сижу, ем. Вдруг слышу голос брата: «Сеня, а ты почему паспорт не получаешь?» Я начал оправдываться, что-то лепетать, он прервал меня и говорит приказным тоном: «Завтра же пойди и получи, а то мне о твоём паспорте уже из милиции звонили на работу, не оттягивай, завтра же с утра». На другой день, в десять часов утра, я уже был в милиции. Там в кабинете мне вручили паспорт, поздравили с совершеннолетием, и пожелали всего хорошего в дальнейшем. Я взял паспорт, и, не читая положил его в карман и отправился домой, так как на работу идти было ещё рано. Иду по улице Ленина в направлении дома, рука в кармане держит паспорт. Чувствую, что паспорт руку жжёт, и она уже вспотела, но я руку не вынимаю из кармана, думаю, что так будет надёжней, не потеряю. Дошёл до переулка, где находились склады брата, и вдруг у меня мелькнула мысль: «А что это я не посмотрю, что в моём паспорте написано?». Остановился на углу одного из складов, достаю паспорт из кармана, открываю обложку и читаю. О, Боже, что я вижу, в паспорте мне фамилию написали не Чухлеб, а Чухлебов, в паспорте так и написано — Чухлебов Семён Кондратьевич. Если честно, то я этому обрадовался, теперь меня никто не будет обзывать хохлом, если кто и скажет, я ему покажу паспорт, и он сразу заткнётся. Моему брату Андрею, а затем и мне было в Ипатово нелегко со своим корявым хохлацким языком. Ведь в Ипатово в основном люди говорили на русском языке, правда с южным говором, но всё-таки на русском, и поэтому нам, хохлам, было трудно втиснуться в их среду. Да и вечная, неприязнь хохлов и москалей до сих пор даёт о себе знать. Так что если ты уже решил жить и работать среди русских, так лучше и самому становиться русским, и по паспорту тоже. И русский язык учить так хорошо, чтобы тебя, хохла, не могли отличить от русского. Вот такую я себе дал установку, стоя на углу переулка. Дома, о том, что у меня фамилия иная, чем у брата, я никому не сказал, и так продолжалось очень долго.

Уже работая в Польше, я в 1958 году, прибыл на побывку к

родителям в хутор. Туда собралась вся семья. Сидя за столом, мама вдруг заговорила о моей фамилии: «Как так получилось, Сеня, что ты стал Чухлебов? Пишу письма сыну, а фамилию пишу чужую, нет Сеня, это надо исправить». Я объяснил, что паспорт с фамилией Чухлебов, мне выдали согласно, моего свидетельства о рождении, так что в паспортный стол обращаться нет смысла. По этому поводу членами семьи было высказано то, что, значит в Загсе, неправильно записали мою фамилию, они, просто ошиблись. В регистрационной книге написано Чухлеб, а в свидетельстве о рождении записали Чухлебов. Я что-то в своё оправдание говорил, но это не помогло. На следующий день, мы с братом Андреем, поехали в Ипатово менять мне фамилию. В контору, где регистрируют новорождённых, мы сообщили, зачем пришли. Работница этой конторы, женщина лет пятидесяти, говорит нам: «Сейчас посмотрим, ошиблись наши работники или нет». Достаёт со шкафа увесистую папку, а сама продолжает говорить: «Вообще, таких случаев, как вы говорите, у нас никогда не было, возможно и сейчас свидетельство о рождении вам выдали правильно, но мы сейчас уточним». Открывает папку и показывает нам, где чёрным по уже пожелтевшему листу, написано: Чухлебов Семён Кондратьевич. А чтобы изменить фамилию, сообщает она нам, надо написать заявление, дней через двадцать Районная комиссия рассмотрит и примет нужное решение, менять Вам фамилию или нет. На её предложение я с наигранным возмущением сказал: «Какие двадцать, мне через неделю надо уезжать». Женщина посмотрела на меня и тактично сказала: «Тогда я вам помочь ничем не могу». Если честно, я даже рад, что у нас ничего не получилось. Я уже привык к своей фамилии и менять её не хотел. Так я и остался на всю жизнь Чухлебовым, возможно смена фамилии и позволила мне в жизни добиться некоторых результатов, ведь не зря говорят, как корабль назовёшь, так он и поплывёт.

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ НАША ФАМИЛИЯ ЧУХЛИБ

Вообще если касаться нашей фамилии, то я изменил её не первый. Ведь в своё время поменяли же нашу фамилию Чухлиб на Чухлеб. Согласитесь, что новая фамилия Чухлеб, звучит совершенно иначе, чем прежняя. А если касаться фамилии моих предков по отцовской линии, начиная от моего прапрадеда, то у него фамилии вообще не было, и только ввиду обстоятельств появилась фамилия Чухлиб. Откуда взялись фамилии, Чухлеб и Чухлебов, мы с вами уже знаем, а вот откуда взялась фамилия Чухлиб? Это нам предстоит ещё выяснить. Есть устное повествование, которое передавалось из поколения в поколение, и вот что дошло до меня. Правда письменного подтверждения этому нет, он это не значит, что то, что я сейчас напишу, будет не правдой. Главное, корень моего повествования есть, я об этом уже упоминал, как наш прапрадед Тарас женился на богатой дивчине, по имени Настя, а я, вокруг этого корня развил ствол и крону.

Вот как примерно всё это было. Было это очень давно, как говорится, с тех пор много воды утекло. В то время на Украине в небольшом селе, под названием Каменка, жил хлопчик по имени Тарас. У родителей Тараса, была лошадёнка и тачка под упряжь. В один из воскресных дней, родители утром поехали на базар в соседнее село, что в пяти километрах от их села и почему-то вечером не вернулись, и на второй день, тоже нет, совсем пропали. Что делать, кому заявлять о пропаже живых людей? Ни милиции, ни полиции, ни жандармов нет, может они и были, но где их искать, а в селах такой службы не было. Ходили слухи по селу, что их турки угнали в плен. Нашлись даже очевидцы. Одна селянка утверждала что, она своими глазами видела, как турки их, угоняли в плен. Другие говорили, что их ограбили и убили разбойники. И в любую, из этих версий можно верить, так как турки действительно руссачей угоняли в полон, а разбойных банд по лесам было большое множество. Но в то время, если люди пропадали и никто не знал, куда они девались, то чтобы закрыть эту тему люди говорили так: «Сгинули бедолаги, и всэ тут, и нычого ны зробэш, будэм жить дальше». Вот такое заключение по этому поводу делали селяне. Когда родственники и соседи поняли что, они уже никогда не вернуться, то надо был решать, с кем будет дальше жить тринадцатилетний Тарас. Долго на эту тему не говорили, так как дядя Тараса, Макар, сказа: «Я его возьму к себе, я живу один, а вдвоём будет веселее». Хатёнку

родителей Тараса продали, а он стал жить у своего дяди Макара.

Макар работал каменотёсом на карьере, что находится в трёх километрах от их села, и он туда ходил пешком, каждый день, а Тарас занимался дома по хозяйству. Шло время, Тарас рос, и вот он уже с дядей ходит на каменоломню и там, под руководством дяди обрабатывает камни. И так вместе они начали ходить на работу в карьер. Туда три километра и назад столько же. Далековато конечно, но что делать, если другой работы в селе нет. Через некоторое время, богатый гетман соседнего села, под названием Успенка, что в пяти километрах от села Каменка, решил в родовом селе, построить церковь и непременно белокаменную. Чтобы удобней было замаливать свои многочисленные грехи. Гетман дал команду, чтобы на его стройку пригласили обоих каменотёсов из соседнего села. Впоследствии, профессия каменотёс, переросла в фамилию Макара, а вот к Тарасу, такая фамилия, почему-то не прижилась, его так везде и записывали, просто, Тарас. Шло время, на стройке церкви уже работало много народа, каждый занимался своим делом, одни тесали камень, другие его укладывали в стены, а третьи готовили стропила для крыши. Работа кипела, а надсмотрщики подгоняли рабочих: «Давайте быстрее работайте, надо успеть к рождеству». Камня требовалось много, потому что из него строили, не только церковь, но и все дворовые постройки, его привозили на телегах из карьера, который находился в трёх километрах, за селом, Каменка, значит, от села Успенка в восьми километрах.

Время шло, но и стройка на месте не стояла, и гетман чтобы убедиться, как идут дела на стройке, время от времени приезжал сюда на дрожках. Чаще всего один, но иногда и вместе со своей семьёй, с женой и тремя взрослыми дочерями. Они ходили по стройке, останавливались и смотрели, как работают мастера, хозяин иногда, с кем-нибудь, из мастеров разговаривал. Дольше всего, они задержались у каменотёсов, им это показалось интересным, как из большого камня, при обработке, получается аккуратный, квадратный камень. Как-то, младшая из дочерей, засмотрелась на каменотёсов так, что не заметила, как её семья ушла дальше, а она всё стояла и смотрела, но уже не на то, как они работают, а на молодого, красивого парня, а именно на Тараса. А засмотреться, там было на кого. Двадцатилетний парень, был выше среднего роста, мускулист, кожа смуглая лицо красивое, а на голове копна кудрявых чёрных волос. Она стояла в пяти или шести шагах от него и не скрывала своего внимания к нему. Тарас это заметил, поднял голову, посмотрел на дивчину, и подмигнул ей. Она, слегка покраснела, но взгляда не отвела, а

продолжала смотреть и улыбаться. Когда она ушла, Тарас спросил у приказчика: «Как зовут эту девушку, которая вот здесь стояла?» Приказчик посмотрел на Тараса, и у него поинтересовался: «А зачем тебе это знать, ну Настя её зовут, а тебе-то что?». Тарас отвечать не стал, повернулся и ушёл, главное узнал, как её зовут— Настенька.

С этого момента Тарас потерял голову, эта улыбка такой прекрасной девушки его просто приворожила. Что бы он ни делал, чем бы, он ни занимался, постоянно видел лицо той девушки и её очаровательную улыбку. А Настя, стала приезжать на стройку всё чаще и чаще, то с отцом, то одна на таратайке и всегда подходила к Тарасу и с ним здоровалась кивком головы. После таких встреч Тарас терял контроль над собой. Нет, он ни нервничал, ни ругался, он становился задумчивым и молчаливым. Идут с дядей с работы, дядя с ним разговаривает, а он его и не слышит, он в это время, мысленно разговаривает с Настенькой. Макар, понял, что с племянником творится, что-то не ладное и надо с этим разобраться и наставить его на верный путь. Причину не адекватного поведения Тараса, Макар знал и решил с ним поговорить начистоту. Когда поужинали, Макар племяннику сказал: «Слушай Тарас, я знаю твою головную боль, но я, как твой дядя, тебе советую, выбрось ты её из головы, все равно вам не быть вместе. Её отец богатейший человек в нашей округе, а у нас с тобой что? Одна хатёнка на двоих, вот и всё. За всю свою жизнь, я не знаю случая, чтобы богатый человек выдал свою дочь за бедняка, так что мой тебе совет, возьми свою голову в руки и забудь о ней, женись на любой дивчине из нашего села. Я же вижу, как они на тебя смотрят, каждая из них хоть сейчас готова выйти за тебя замуж. Я тебе оставлю хату, а сам переберусь к Одарке в Успенку, что живёт возле будущей церкви, она давно меня кличет к себе. Да и мне хватит бобылём ходить, уже немолодой, пора к берегу прибиться». Тарас, молча все это выслушал, затем сказал: «То, что вы с Одаркой решили пожениться, это правильно, сколько тебе бобылём ходить, тебе уже скоро сорок, пора семьёй обзавестись. Да и Одарке одной не сладко, всё-таки у неё хозяйство, а мужских рук нет, так что, я думаю, вы всё делаете правильно. Ну а я, пока своих планов менять не буду, посмотрим, что будет дальше. И ещё одно тебе хочу сказать, за хату спасибо, но извини, сам знаешь с грошами у меня туго». Макар сидел и молча слушал, затем сказал: «Ну, что же, раз ты так решил пусть по твоему и будет, а о хате давай больше не говорить, я тебе её подарил вот и всё».

На следующий день, Макар перебрался в село Успенку, где строили церковь, к Одарке на постоянное место жительство.

Макар женился официально, как и положено в то время, они с Одаркой обвенчались в церкви. Тарас, как и раньше, продолжал работать, но теперь домой ходил с другими селянами, без дяди. А тем временем, в семье гетмана, произошла беда, заболел хозяин дома, он был уже немолодой, в пошлом году ему стукнуло пятьдесят, а в то время, такой возраст считался преклонным. Старый гетман лежал в постели и думал, кому поручить контроль на стройке, все помощники и так там, на хозяйстве остались один конюх, да садовник. Затем, решил он, этим займётся моя любимая младшая дочь Настенька. Она часто бывала на стройке и что к чему знает хорошо. Да и характер её весь в меня, не то что её старшие сестры, куры-наседки, в голове только наряды да женихи, а всё никак замуж не могут выйти, за бедных они не хотят, а богатые женихи их не берут, вот и сидят в девках. Ну, ладно, думает хозяин, сегодня поговорю с Настенькой, и поручу ей стройку. Дочь Настенька у меня такая, если за какое дело возьмется, то обязательно доведёт его до ума. Вечером у отца с дочерью состоялся разговор, Насте такое поручение понравилось, и она взялась за работу, да с таким жаром, что управляющий и приказчики начали стонать от её требований, но жаловаться гетману не смели, ведь это его любимая дочь. Настя каждый день приезжала домой недовольная, и рассказывала отцу, что работа идёт медленно, управляющий и его помощники не поворотливы, камни возят с карьера такие громадные, словно глыбы, и у каменотёсов на их обработку уходит много времени, и, как результат, стройка задерживается. Такими темпами мы церковь не только к этому Рождеству не построим, но и к следующему не успеем. Выслушал гетман дочь и сказал: «Вот что, дочка, ты на стройке самая главная, как ты считаешь, так пусть и делают, съезди на карьер и распорядись, а тех, кто тебя не будет слушаться, отправляй ко мне, я им найду другую работу, или совсем выгоню».

И завертелось колесо жизни у Насти. С утра и до самого вечера она то на стройке, то в карьере, домой возвращалась только поздно вечером. А в связи с тем, что Настя практически жила на стройке, она чаще встречалась с Тарасом, иногда подвозила его домой в Каменку. Последнее время это стало случаться всё чаще и чаще, иногда она у Тараса задерживалась до ночи, и об этом знали селяне обоих сёл, и, естественно, дошло до семьи гетмана. Чтобы не расстраивать больного гетмана, сначала о случившемся сообщили хозяйке дома. Она тоже не хотела расстраивать своего мужа и решила сама поговорить с дочерью. Этим же вечером Настя вернулась, как всегда поздно, но мать не ложилась спать и её дождалась. И состоялся разговор матери с

дочерью. Разговор был долгим и неприятным для обеих сторон. Мать всячески пыталась отговорить дочь от опрометчивого шага, грозила ей всякими карами, нищенством и прочим. Но, Настя стояла на своём: «Люблю Тараса и кроме него мне никто не нужен. Пусть мы с Тарасом будем бедные, пусть наши дети будут работать в найме, но без своего любимого, я жизни не представляю, — а в заключение сказала, — Пойми мама, мы очень любим друг друга, и если я потеряю своего любимого, то без него я и жить не хочу».

Сердцем мать дочь понимала, и её молодой девушкой выдали за нелюбимого, но богатого, но на кону стоит честь семьи, ведь если дочь выйдет замуж за бедняка, то в нашем гетманском кругу их засмеют. Мать поняла, что ей одной с дочерью не справится, придётся сказать мужу. Как-то в один из дней Настя, как всегда вернулась домой поздно, обычно в это время отец спит, но не в этот раз, он сидел за столом в зале и её ждал. Возле него сидела и мать, принимать такой удар вместе легче. Настя, как всегда, тихонько открыла входную дверь, зашла в прихожую и увидела, что в зале горят свечи, а что же это они свечи не потушили, и пошла в зал, чтобы потушить свечи. Но когда она туда зашла, то увидела, что её родители сидят в торжественно грустной позе. «Ну всё, сейчас начнётся», — подумала Настя. Так и случилось. Отец пригласил дочь сесть к столу, а затем задал вопрос: «А ну-ка, дочь, расскажи мне о своих личных делах, где ты вечерами бываешь, с кем проводишь время, мне, твоему родному отцу, это знать обязательно надо?» Настя поняла, что отступать некуда, и решила с родителями поговорить начистоту, но разговор начала осторожно, сказала: «Да Вам тато, мама уже, наверное, всё рассказала, мне к этому и добавить нечего» и при этом посмотрела на мать, а та скромно опустила глаза. «Ну, хорошо, начал отец, хотя в том, что мне рассказала мать, ничего хорошего нет. Как ты могла, дочь гетмана, связаться с бедняком, ты представляешь, что ты наделала? Ведь это позор, не только на нашу семью, но и на уезд и даже на всю волость, такого позора я, гетман, не допущу. В общем, дочка так, ты видишь мне говорить тяжело, поэтому давай решим так. Ты прекращаешь всякие встречи со своим, а мы с матерью об этом забудем, как будто ничего и не было». Пока отец говорил, Настя сидела, опустив голову, как послушная дочь, но как только отец произнёс слово: «ПРЕКРАЩАЕШЬ», она подняла голову и почти выкрикнула: «Нет, а затем уже тихо добавила, это невозможно» — «Это почему невозможно?» — уже почти шёпотом спросил у Насти отец. Ему становилось всё хуже и хуже, он так долго за столом сидеть ещё не мог, но держался из последних сил и сидел, хотел знать,

почему невозможно? Но, не дождавшись ответа от дочери, он начал валиться со стула, тогда мать и дочка помогли ему перейти на кровать, уложили его в постель. Настя, решила сказать отцу правду, стала у его изголовья на коленки и говорит: «Тато, я не могу расстаться с Тарасом, так как у нас будет ребёнок». Сказала и стояла, ждала, что ответит отец. Но он ей ничего не сказал, лежал с закрытыми глазами, и только махнул рукой, чтобы дочь ушла. Затем подозвал взмахом руки мать, и шёпотом сказал: «Пусть она уходит, нет у меня больше дочери по имени Настя». Гетман лежал с закрытыми глазами, а с его глаз текли слёзы. Было, видно, как тяжело далось ему такое решение, но что сделано, то сделано, а отменять свои указания гетман не привык.

Как только мать сообщила решение отца, Настя встала с кровати, на которой сидела, разложила на ней свою шаль, и начала туда складывать свои вещи, узел получился увесистый, а ещё надо валенки забрать, сапожки, шушун, да мама и продукты приготовила, что бы Настя взяла их с собой. Дочь поняла, что всё это не унести, да и ночь на дворе, села на узел и задумалась. «Вот они первые трудности», — подумала она. Мать увидела затруднение дочери, и сказала ей: «Ну что ты дочка так заторопилась убегать из родительского дома, на ночь глядя, наступит утро, вот тогда и поедешь». «И правда, — подумала Настя, — что ночью то идти?» и осталась до утра.

Рано, утром, мать велела запрячь дрожки, и увезти Настю, туда, куда она скажет. Когда Настя приехала к Тарасу, он был ещё дома, приезду любимой он несказанно обрадовался, правда, чем всё это ему выйдет, он пока не знал. Но уже на другой день, после переезда к нему Насти, его наказали, перевели работать, из каменотёсов в каменоломню, что в трёх километрах от Каменки. Правда, это наказание было не таким ощутимым, зарплата была поменьше, но зато ближе к дому, теперь не надо было шагать лишних два километра туда, сюда. Да и с Настенькой теперь чаще виделся, а для молодых, это было самое главное, а трудности? Да они есть, но вместе их легче преодолеть. Каждый день, чуть свет, Тарас поднимался и шёл на работу в каменоломню, а жена его, тем временем наводила порядок в доме и во дворе, всё было запущенно до невозможности, было понятно, что это жилище холостяка. Трудностей было много, но Настя не опускала руки и работала. То, что не знала, как сделать спрашивала у соседки, сорокалетней одинокой женщины, по имени Палаша. Но Настя её имя подправила и стала её звать, тётя Паша. Соседке такое имя понравилось, и она была ни против того, чтобы молодая соседка её так звала. Тётя Паша нигде не работала и жила только за счет своего огорода, десятка кур, козы, которую она доила, а молоко

пила сама и делала из него брынзу. Тёте Паше было одиноко и поэтому, когда появилась такая молодая, красивая, добрая соседка, она обрадовалась и с удовольствием помогала Насте разобраться в её небольшом, но очень запущенном хозяйстве. К воскресенью, за четыре дня они вдвоем, обмазали и побелили хату с наружной стороны и внутри. И сразу в хате и во дворе стало светлее и веселее. Тарас радовался этим переменам и всегда хвалил свою жену, но временами он приходил такой усталый, что и на похвалу не хватало сил. Работать заставляли всё больше и больше, а кормили так плохо, что у богатых лучше свиней кормят. На обед была баланда неизвестно из чего сваренная, да хлеб, такой, что трудно его назвать и хлебом. Рабочие хлеб покупали за свои деньги, но им было не понятно из чего он сделан, серо-зелёного цвета и такой влажный, что если его в руке сжать, то из него вода потечёт, разве от такой еды сыт будешь? А работа тяжелая, глыбу камня надо отколоть от скалы, а затем вручную её перекантовать к месту обработки. Спецодежды, ни какой не давали, камень хоть и известняк, но, ладони рук стерлись до крови, брюки на коленках протёрлись до дыр, как дальше быть, Тарас не представлял. После ужина всеми этими бедами он поделился со своей женой Настенькой. Но, Настя всё это и сама знала и видела, и у неё уже было принято решение, только надо было посоветоваться с мужем. И она ему говорит: «Послушай меня, любимый, давай сделаем так. Завтра воскресенье, мы с тобой пойдём на базар, в село Успенское, купим мешок муки, дойную козу, как у тёти Паши, и будем мы с хлебом и молоком, а ещё купим тебе рукавицы и новые штаны. Правда хлеб я пока печь не умею, но меня тётя Паша научит, и тогда я тебе буду носить обед на работу, а то ты от такой еды скоро и от меня откажешься, а я этого не хочу, ну как ты согласен с моим предложением?» Тарас подумал и говорит: «Ты, это хорошо придумала, но где мы столько грошей возьмём?» — «Ну что ты, Тарас, сокрушаешься, у меня же есть золотое монисто. И два перстенька, тато на день рождения дарил, да и деньги, что мама дала ещё не кончились. А с монистом сделаем так, отцепим от него монетки три, продадим скупщику, и нам хватит на всё, что мы задумали купить. Успенка село большое, столица уезда, там всё есть, и магазины разные, и скупщики золота, они покупают золото и продают его, а базар, какой он там большой в воскресенье! Да что я тебе рассказываю, ты же там работал и, наверное, знаешь». Тарас, усмехнулся и говорит: «Та ничего я не знаю, я ж после работы сразу домой, да что там ходить по магазинам, если грошив ныма». Всё подготовили к базару и легли спать. Рано утром отправились в село Успенка. Возвращались с

базара, нагруженные всякими покупками, Тарас нёс на плечах мешок с мукой, а Настя несла корзину с продуктами и кухонной утварью, а на верёвке вела козу. Конечно, Насте было нелегко, ходить по рынку с козой на верёвке, за спиной то и дело слушать смешки, такого вида как, гетманова дочка козу на веревке водит. Но, Настя знала, чего она хочет, и на все такие разговоры не обращала внимания. Домой вернулись поздно, Тарас поужинал и лёг спать, так как завтра рано надо вставать, а Настя с помощью тёти Паши, приготовила тесто и поставили на ночь подходить.

Утром, супруги встали вместе, Тарас позавтракал и пошёл на карьер, а Настя позвала тётю Пашу и они принялись вместе, готовить тесто для булок. Замесили на козьем молоке, добавили яиц, и получились, сдобные, круглые колобки. Все, колобки поставили в русскую печь, которая к этому времени уже дышала жаром, очаг закрыли заслонкой и пусть печётся. К обеду пришла тётя Паша, посмотрела на Настю и говорит: «Ну что, хозяюшка, пора хлеб вынимать». Как только открыли заслонку, из печки пошёл такой хлебный запах, что дышишь и надышаться им не можешь. Булки получились на загляденье, настоящие сдобы. Поели немного свежего хлеба с молоком и Настя засобиралась к мужу в карьер. «Пойду, — говорит, — а то от такой кормёжки как на карьере, он скоро ноги протянет». В корзину положила булку хлеба, крынку молока, луковицу, брынзу, и пошла.

До каменоломни дорога была хорошая, лесов здесь не было, сплошной луг, ни гор тебе, ни глубоких оврагов, иди себе и никого не бойся. Конечно, Насте было нелегко, из одной роли перейти в другую, более низкую, но она знала, на что шла, и с неимоверным трудом преодолевала, тяготы своей новой жизни. Настя стояла на пригорке и смотрела в чашу котлована, там было много народа, человек шестьдесят, а то и больше. Она стоит, смотрит на людей, которые копаются в этой чаше, и думает, как же я найду своего мужа. Но Насте его и не надо было искать. Почти все рабочие знали и её саму, и её мужа, поэтому Тарасу быстро сообщили, что жена твоя пришла. Как раз наступило время обеда. Настя на камне расстелила чистое полотенце, поставила на него крынку молока, кусок брынзы, луковицу, глиняную кружку и булку запашистого хлеба. По тем временам, да ещё в каменоломни, это был не обед, а сказка. Налила в кружку молока и говорит: «Кушай, мой гарный муженёк». От такого изобилия еды Тарас на время онемел, он думал, что жена принесёт кусок хлеба да крынку молока, и он будет откусывать хлеб и запивать молоком через край. А тут оказалось так много еды, как у богатых людей. В наше бы время сказали, что и говорить, сервиз был на славу. Он поблагодарил жену поцелуем в

щёчку и принялся за еду. Его товарищи по звену, уже поели похлёбку с ужасным хлебом, и подошли посмотреть, чем же угощает жена Тараса. Подошли хлопцы, увидели, что ест Тарас, и только от одного вида хлеба, их взяли завитки. Один из товарищей по работе не выдержал и говорит Тарасу: «Слухай, дружище, дай хоть кусочек хлебушки попробовать, а то я давно забыл не только вкус домашнего хлеба, но запах». Тарас отломал по кусочку хлеба каждому из пяти человек, с кем он работал в звене, а затем сказал: «Извиняйте хлопцы, больше не могу, хлиб гарный и грошив стое». Хлопцы понимали и не возражали, только им очень хотелось, обедать так же, как и Тарас. И тут один из его товарищей по работе, сделал попытку, договорится с Тарасом. «Слушай Тарас, а шо, если попросить твою жинку, чтобы она и нам приносила такой хлеб, а гроши мы платить будем, ты ни сомневайся». Настя сидела рядом с Тарасом и слышала весь разговор, как только она услышала просьбу Тарасовых товарищей по работе, поднялась и сказала: «Я, выполню вашу просьбу, но только моя булка будет стоить вот столько-то, и назвала цену». Хлопцы, подумали, посовещались и согласились, каждый заказал по полбулки, и довольные ушли работать. Тарас слышал всю эту торговлю, подсчитал, сколько Насте придется тащить, и сказал жене: «Настенька, ведь тебе будет тяжело нести такой вес три километра, может не стоит этим заниматься». Настя обняла мужа и сказала: «Стоит мой муженёк, стоит, в этом наше будущее. Буду носить пока смогу, а там посмотрим». На второй день, Настя начала собираться к мужу с обедом, Все продукты положила, как и вчера, только теперь не одну булку, а три. Корзина получилась полная, но ничего подумала Настя, донесу. К обеду все заинтересованные рабочие уже ждали жену Тараса, то и дело поглядывали на пригорок, откуда должна она появиться. Как только на пригорке появлялась женская фигура, сразу по каменоломне пошёл разговор: «Кум чуешь, Настя хлиб нэсэ, тот другому товарищу, чуешь хлиб идэ», и так пока не дойдёт до всех заинтересованных лиц. В этот день Настя, уже от других рабочих получила заказ, и теперь ей надо было нести не три, а пять булок, да ещё и пять порций брынзы. Заказывали и молоко, но Настя сразу отказала, так как такую тяжесть она не донесёт. Ведь только крынка с молоком будет весить не менее двух килограмм, так что от этой идеи пришлось отказаться. Тарас слышал, что завтра надо его жене нести такую тяжесть и сказал ей: «Ты Настенька вот что, сама ты всё не унесёшь, тебе нужен помощник, я вечером приду и договорюсь с соседским мальчишкой Иваном, чтобы он помогал тебе. Парень уже большой, ему четырнадцать лет, пусть делом занимается нечего по селу болтаться. Да и его мама, тётя Ульяна

будет согласна, всё-таки лишний кусок хлеба семье помехой не будет». Настя, ласково посмотрела на мужа и говорит: «Ну что ты, Тарас, волнуешься, с тётей Ульяной я и сама договорюсь, кстати, она нам с Пашей уже помогала, в дальнейшем возьму её в помощники, она меня уже об этом просила. А то ты с работы приходишь поздно и уставший, когда тебе по соседям ходить, так что давай уж я этим займусь. А ты придёшь домой и отдыхай, я тебя беречь буду». На следующий день, Настя пришла уже с помощником, мальчишкой Иваном, теперь ей было легче добираться. Все рабочие карьера видели, как клиенты Насти питаются и всем сразу захотелось, домашнего сдобного хлеба, да и брынза очень калорийный продукт, так что он как раз для их тяжелого труда сгодится. И посыпались заказы, как из рога изобилия. Теперь надо уже не пять булок, а десять, и брынзы просили десять порций, но Настя сказала, что брынзы будет только пять порций, на большее количество порций не хватает молока. Порции брынзы хоть и не большие, но сам продукт калорийный и рабочим карьера он нравился.

Но главное, был хлеб, его заказывали всё больше и больше. Теперь в производстве были задействованы, две печи, Настина и тёти Паши, в работу подключилась и тётя Ульяна, хлеб пошёл потоком. Настя с Иваном уже не могли унести весь заказ, к ним подключилась тётя Ульяна.

С базара Настя с тётей Ульяной муку привозили на бричке, которую там же и нанимали. Всё закрутилось колесом, только успевай, работай. А тем временем в каменоломне Настю теперь ждали не небольшая горстка рабочих, а считай половина работающих. И всё заинтересованные рабочие, к обеду с надеждой посматривали на пригорок, где должна появиться Настя, с хорошим домашним хлебом. Как только Настя появляется на пригорке, сразу по каменоломни, в этой огромной чаше, слышится гомон, чуешь, хлиб идэ, чуешь, хлиб идэ, затем всё громче и громче, и вот уже гудит вся огромная котловина карьера, чуешь хлиб, чуешь хлиб. Эти слова чуешь хлиб, эхо разносит по всей котловине и слышится уже, не чуешь хлиб, а чухлиб, чухлиб, чухлиб. И слово «ЧУХЛИБ» будет звучать до тех пор, пока рабочие не убедятся, что все это слово услышали. А тем временем в каменоломне нарастал хлебный конфликт. Те, кто до Насти продавал свой ужасный хлеб, возмутились, тем, что кто-то неизвестный залез на их территорию, и перебивает им торговлю. По какой-то причине, старого поставщика, поддерживал и управляющий, но сам он этот вопрос решить не мог, он ещё не забыл, чья Настя дочь, и с этим вопросом решил обратиться к гетману, мол, пусть он даст команду, и тогда я этим самозванцам

дорогу закрою в каменоломню.

К гетману отправился управляющий со своим помощником. Гетман к тому времени почувствовал себя лучше, стал выезжать на стройку, правда, в каменоломню не ездил, далековато, здоровье ещё не то. Гетман выслушал управляющего, задал несколько необходимых вопросов, затем сказал: «Ну, если жена Тараса, (слово «Настя» он избегал говорить) печёт такой хороший хлеб, и рабочим он нравится, то пусть она и поставляет. Управляющий начал возражать, что, мол, жена Тараса самовольно залезла на чужую территорию, мол….» Он не успел договорить слово, как гетман в гневе вскрикнул: «Как это залезла на чужую территорию, ты что забыл, чья каменоломня, а жена Тараса — это моя дочь Настя. Запомни это, а то ты, холоп, у меня будешь не управляющим, а рабочим, и орудовать будешь ломом и кайлом. Запомни, мне надо много, камня, очень много, заказы идут один за другим, а хорошо могут работать, только здоровые люди, те, которые хорошо питаются». Управляющий понял, что расстроил хозяина и отошёл в сторону, а его помощник, стоял рядом с гетманом. Хозяин посмотрел на него, пальцем подозвал, и уже спокойным тихим голосом, как будто это была тайна, спрашивает: «Скажи, а ты сам Настин хлеб видел?» Помощник выпрямился, как перед генералом, и говорит: «Не только видел, но и ел ох и гарный хлиб она готовит, прямо объедение, настоящая мастерица, да и только». Гетман выслушал и также тихо сказал: «А что ты хотел, ты же знаешь, чья она дочь, а затем добавил, сегодня же возьми Настину лошадь и таратайку, на которой она ездила на стройку отгони в Каменку и отдай Насте, так ей будет легче справляться с работой, всё идите», — скомандовал гетман.

С появлением транспорта дело пошло веселей, Тарас из каменоломни ушёл и полностью переключился на доставку хлеба в карьер и теперь, по каменоломне к полудню, только и слышна перекличка рабочих, чуешь, хлиб привезли, чуешь хлиб, чуешь хлиб. И так повторялось каждый день в течение нескольких лет. Прошли годы и «чуешь хлиб», переросло в чухлиб. Как только Тарас, по какой то причине, задерживался, то рабочие друг друга спрашивали, не видел Чухлиба, что-то его долго нет. За долгие годы слово Чухлиб так прикипело к Тарасу, что иначе его больше никто и не звал, и поэтому слово Чухлиб и стало его фамилией, если надо было Тараса, куда записать, то так и записывали: Чухлиб Тарас. Под этой фамилией крестили своего первенца Васю, а Вася, кода вырос, стал Чухлиб Василий Тарасович, Василий Тарасович передал фамилию Чухлиб, своему сыну Ефиму, то есть, Ефиму Васильевичу, а тот своим детям, в том

числе, и Кондрату Ефимовичу. Ну а что дальше произошло с нашей фамилией, я уже писал, и вы это уже знаете, так что повторяться не будем.

МОЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК

А теперь перенесёмся, примерно на полтора века вперёд, в село Ипатово, в то место, где я изучал свой новенький паспорт. Помните? Изучив паспорт, его содержимым я остался доволен, снова положив паспорт в карман, я довольный отправился домой, не зная какое меня ждёт испытание на этом пути. Не доходя до своей калитки, впереди, метрах в ста от меня, я увидел клубы пыли, гусей и курей, которые с криком вылетали из облаков пыли, и разбегались в разные стороны. Что-то случилось, подумал я. Когда пыль приблизилась, я увидел пару лошадей, которые неслись с невероятной скоростью, по грунтовому тротуару, в мою сторону, сметая всё на своём пути. Бричку, за клубами пыли, я сначала не видел, но уже догадался, по грохоту колёс, и потому, как дружно рядом скакали лошади, что она там есть. Так близко друг к другу лошади могут бежать только в упряжке. Первая моя мысль была отойти в сторону и пропустить, упряжку, пусть кони несутся куда хотят.

Но я, по пути, видел, что там недалеко у дома на этой же дороге играют дети, и за своей игрой они могут и не видеть, что к ним приближается беда, виде этой разгорячённой пары коней. Да и мало кто ещё попадётся им на пути. И я, решительным шагом, пошёл на встречу сумасшедшей упряжке. Подняв руки верх и размахивая ими, я шёл и кричал: «СТОЙ! СТОЯТЬ!!!» И эти слова я повторял, громко, ритмично, настойчиво. Скажу откровенно, сначала мне не было страшно, я хоть и медленно, но всё же уверенно шёл навстречу упряжке. Но, когда упряжка, была от меня недалеко, и мне отлично было видно головы лошадей, их расширенные глаза, раздутые ноздри, а за лошадьми, бричка на высокой скорости, мотается из стороны в сторону, тут понял, что лошади испуганы, несутся, как сумасшедшие, и попадаться на их пути, смерти подобно. Но у меня и даже мысли не было, отойти в сторону. Мчащиеся лошади от меня совсем близко, и я вижу, как они вытянули свои головы, прижали уши к гриве, а что это значит? Я знаю. А это значит, что лошади несутся галопом во весь аллюр, и перед собой они видят плохо, меня, могут и не заметить, их взгляд устремлён назад, на то, от чего они убегают, и ещё, в таком положении, они видят плохо и сбоку. И тут в моём сознании промелькнула предательская мысль: «А вдруг они, в самом деле, меня не увидят, что тогда?» Ведь в таком случае, от меня может, останется, только мокрое место, но я не стал развивать эту мысль и быстро, отогнал её. Ещё решительней замахал руками, и продолжал подавать команду голосом. Тут я

увидел угрожающий мне, торец дышла телеги, он был окрашен в красную краску. В моём сознании появилась такая трусливая мыслишка. А что если это дышло, на такой бешеной скорости, ударит меня в грудь, да оно же меня насквозь пробьёт. От этой мысли у меня по спине поползли мурашки страха, так медленно ползут, сначала охватывают лопатки, затем начали сползать по спине вниз. У меня было ещё время отскочить в сторону, но я, тут же вспомнил, одну патриотическую фразу: «А КТО ЖЕ, ЕСЛИ НЕ Я». И отогнав от себя предательски малодушную мысль, решительно стоял на месте. Во мне, почему-то была уверенность, что я эту пару разгорячённых коней остановлю, быть того не может, чтобы я, лошадник, который вырос среди лошадей, не справился с ними. А тут еще лошадки подали мне обнадёживающий знак, они оба дружно подняли уши, в таком случае лошади смотрят вперед, значит, они меня увидели. И в этот же момент, прямо передо мной кони резко затормозили, да так, что дышло на метр вылезло вперёд, и сдвинуло хомуты до лошадиных ушей. Как только лошади остановились, я сразу их узнал, они из колхозной базы села Кугульта, я их там раньше видел во дворе.

Лошади остановились, но они разгорячённые, топают ногами, храпят, белками своих глаз, водят туда-сюда, видно было, что они сильно напуганы, и если их сейчас не удержать, то они сорвутся с места и снова понесутся неизвестно куда. Я, уверенным шагом, подхожу к лошади, которая была ближе ко мне, и начал с ней разговаривать. Хочу взять её под уздцы, но она не даётся, высоко подняв голову, но благодаря моему росту, я дотянулся до повода, крепко взялся за него у самых уделов, сжал их, что бы лошадь почувствовала, что радом с ней опытный коневод. Но она вся дрожит, перебирает ногами, не может никак успокоится. Другая лошадь, что на той стороне, в таком же состоянии. Держу её, а сам с ней разговариваю. Я не знаю, что говорят другие конники, постулатов таких я не видел, а я всегда говорю по обстановке. В денном случае, лошади испуганы, и их надо успокоить, поэтому надо говорить доверительно, ласковым голосом, при этом погладить лошадь по шее, ближе к голове, это самое нежное место у лошадей. Когда с ними говоришь, они возможно слов и не понимают, но слышат голос, интонацию голоса, и соответственно реагируют.

Вам, наверное, интересно, что я в такие не простые минуты, говорил им. Первые слова которые я им сказал, это были слова уверенного человека, и я говорил уверенным тоном. Лошадь, ни в коем случае, не должна почувствовать, что возле неё находится неуверенный человек. Тогда она поймёт, что вы, для неё плохой

защитник, и себя она вам не доверит, в донной ситуации снова бросится в бега. Сначала я говорил командным голосом, как бы давал им установку: «Стоять», при этом повторял несколько раз. Такую команду они слышали не однократно, ещё до меня и поэтому её понимали и исполняли. Затем как появились признаки их успокоенности, я им начал говорить другие слова, в поучительно назидательном тоне, с легкой укоризной. Хочу отметить, что оба коня красавцы, тёмно-рыжей масти, упитанные и ухоженные, видно хозяин у них заботливый. Так вот, держу лошадь под уздцы, глажу её шею, а сам говорю, им обеим: «Ну, кого вы испугались, у нас в Ипатово и бояться-то некого, что вы кур да гусей не видели, так их, у вас в селе Кугульта больше чем в Ипатово. Да и я теперь рядом с вами, так что будьте уверенны, в обиду я вас не дам». По всему было видно, что лошади мне поверили, и уже почти успокоились, только мышцы на груди у обеих слегка подрагивали. Да оно и понятно, такой стресс перенести. Чья, эта упряжка, я знал, так как, когда я шёл за паспортом, то проходил мимо базы колхоза Кугульта, это через один двор тот нашего двора, увидел эту пару лошадей, остановился у ворот базы, постоял, полюбовался, красивыми конями, и пошёл дальше.

Но это было до того. А сейчас, держа лошадь под уздцы, я повёл их во двор, где я их видел раньше. Во дворе стояла бричка, заполненная сеном, они и раньше стояли возле неё. И двор, и бричку кони узнали и совсем успокоились. Я привязал их к бричке, огляделся вокруг, во дворе никого не увидев, решил зайти в дом. Но в этот момент на крыльце появилась женщина, лет пятидесяти, я ей говорю: «Я ваших лошадей поймал на улице, они неслись по дороге, как сумасшедшие, и вот привёл к вам во двор». Женщина, какое-то время растеряно молча, смотрела, то на меня, то на лошадей, наверное, соображала, что к чему, затем спросила: «А Коля с Верой где?» — «Вот этого я не знаю, в бричке никого не было»— «Ага», — сказала тетка и скрылась в той же двери, откуда вышла. Я пошёл домой с чувством гордости за себя, всё-таки я одержал победу над этой испуганной разгорячённой парой коней, да и над собой тоже. Дома решил об этом случае не рассказывать, потому что, брат любит над моими победами посмеяться, уже такое было, обзывал меня хвастуном. Хотя сам когда вернётся из охоты, наврёт целый короб, стрелял и того зверя и другого, но не попал. Но мы с Дусей уже знали его замашки, и молча слушали, не вникая в подробности, он поговорит, поговорит, видит, что слушатели не внимательны и замолкает. Так что лучше, чтобы дома, об этом не знали. Пришёл домой, а Дуся говорит: «Сеня, а чем зелёным, вымазано плечо

твоей рубашки?» Я посмотрел, да действительно вымазана, наверное, пеной слюной лошади подумал я. Рубашка была белая и на ней было отчётливо видно следы зелени. Пришлось Дусе, вкратце рассказать, где вымазал рубашку, и попросил, чтобы она Андрею не говорила. Что тут началось, так я подумал, лучше бы я об этом ей и не говорил. Но прежде чем писать что началось, я вам сначала опишу мои взаимоотношения с Дусей. Как она вышла замуж за моего брата Андрея вы уже знаете, я об этом писал раньше. Конечно, если вы читаете книгу с самого начала, если нет, то вернитесь и прочитайте, тогда будет интересней читать дальше. Так вот, обо мне и Дусе или, если хотите, то наоборот. Дуся, старше меня на десять лет, и поэтому я относился к ней, как к старшей сестре, и, как я уже писал, младшие по возрасту, слушаются старших. Не везде конечно, но в нашей семье был заведён такой порядок, и я его придерживался. А теперь о том, что началось. Когда я начал рассказывать о том, почему моя рубашка грязная, то Дуся, слушая меня, стояла рядом со мной, затем села на стул у стола, глядя на меня то открывала рот, то закрывала. Я еще подумал, что у неё что-то со ртом, то ли она заболела и не может закрыть его, то ли ещё какая напасть на неё напала. Оказалось, что она и не заболела, и ничего другого не было, просто она порывалась меня перебить, но каждый раз любопытство брало верх узнать, а что же было дальше, и вот она потому рот то открывала, то закрывала. Но как только я закончил свой коротенький рассказ, то тут началось. Дуся сначала посадила меня на стул, затем стоя передо мной, вперемешку, русскими и хохлацкими словами, доказывала мне, какой я глупый дурак, что полез под сумасшедших коней. А всю свою длинную тираду она закончила так: «Ты хоть понимаешь, что бы от тебя осталось, если бы кони не остановились? В таком случае, тебя потоптали бы, в восемь копыт, и через тебя переехало бы, четыре колеса, и от тебя остался бы мешок с костями и мясом. И добавила, а Андрею я всё расскажу и не проси, молчать не буду». Я пошёл в свою комнату, сел у стола, на котором я раньше делал уроки, а теперь там у меня стояла стопка книг, сежу и в голове прокручиваю только что прошедшие событие. И тут же мне вспомнились слова Дуси, «мешок с костями», и я воочию его представил, и от этого мне стало страшно, у меня задрожали кисти рук и коленки. Я дрожащие коленки, прижал такими же дрожащими руками сидел, пытался успокоиться. Кстати говоря, вот так как и этот раз, у меня всегда по жизни было. Когда экстренная ситуация, я действую быстро и ничего не боюсь, но когда всё заканчивается, и у меня есть время всё обдумать, что бы было, если бы, то только после этого мне иногда бывает страшно.

Мало-помалу я успокаивался, и дрожь проходила, но тут вспомнил, что скоро предстоит разговор с братом, и мне снова стало нехорошо. Думаю, ну как же так, с риском для жизни, я сделал благородное дело, казалось бы, должны меня хвалить, да и награду дать не грешно, а тебя же ещё и ругают. Нет, ни правильно всё это, мои близкие, живут не по тем правилам, по которым должны жить и это надо менять, но как? Этот вопрос я оставил без ответа, да и мал я ещё был, чтобы, что-то менять. Хотя умом я понимал, что ругала она меня только потому, что боялась за мою жизнь. Ведь я жил у брата и Дуси, и они перед моими родителями отвечали за меня. Как ни странно, Андрей на мои действия отреагировал более спокойно, конечно сначала немного пожурил, а затем ещё и похвалил, что для меня было приятно.

СОРОК КИЛОМЕТРОВ С ГАКОМ ПЕШКОМ

В этот же год в начале мая, к нам в кинотеатр на практику, пришёл Иван Радченко. Сначала он кинотеатром был направлен на учёбу киномехаником в город Ставрополь, а теперь вот вернулся в Ипатово. Я его знал ещё по хутору, он был родственником наших соседей Лавровых, и приезжал к ним в гости, ну и мы ребята, вместе играли в их дворе. Но пока он практиковался у братьев Лёвиных, только после них должен был прийти ко мне в аппаратную. Перед выходными, он пришёл ко мне в аппаратную и предложил вместе поехать домой. Он тоже меня знал, по хутору Северному, а сам он из Бурукшуна. До сеанса ещё было с полчаса, я согласился с ним поехать домой, но надо было ещё отпроситься у начальства. Я зашёл в кабинет к Алексею Николаевичу, объяснил ему ситуацию, что уже скоро год, как не был у родителей, а тут такой случай, Иван Радченко едет, и меня с собой берёт. Я специально так сказал, что Иван едет, хотя если бы директор спросил, на чём едет, то, скорее всего, ответил бы на попутке, так как другого транспорта у нас просто не было. Но он ничего не спросил и опустил меня до понедельника. Я вышел от директора, и мы сразу, в чём были, в том и пошли за село ловить попутку. А идти надо было километра три, так как село большое, а кинотеатр находится в одной стороне села, а идти нам надо было, в противоположную сторону. Но мы с Иваном, молодые, здоровые, решительные, но неопытные ходоки, вы дальше поймёте, почему неопытные. Без особого труда вышли за Ипатово, стоим на гравийной дороге и ждем. Ждём, десять минут, нет попутки, ждём полчаса, вообще ничего нет, ни машины, ни подвод. У меня уже кончилось терпение ждать, и я предложи Ивану пойти по дороге пешком, а попутка нас догонит, и мы на ней поедем, хотя бы до 22-го совхоза доедем, а там до Бурукшуна семь километров, это для нас с тобой почти что ничего. Иван согласился и мы пошли.

Идём, оглядываемся, никого и нечего, как будто все нас увидели и сговорились не ехать, пусть, мол, пешочком прогуляются до Бурукшуна. Дошли до поворота на хутор Первомайский, Иван говорит: «Сеня, видно попутки не будет, назад возвращаться уже поздно, прошли много, давай в Бурукшун пойдём пешком. Пойдем мимо хутора Первомайского, а там дальше село Кивсала и мы почти дома». Я посмотрел, где находится солнце, а оно хоть и повернуло к горизонту, но было ещё высоко, и согласился. «А что, — думаю, — до хутора ещё далеко, так что сорок три километра успеем пройти, ничего,

дойдём.» Хотя ни Иван, ни я на такое расстояние никогда не ходили, и как это будет выглядеть на самом деле, мы не знали. Но, мы молоды, смелы, и нам всё нипочём, пока. С гравийной дороги, свернули на грунтовую дорогу. Идём по ней, и тут я вспомнил, как, два года назад моя сестра Наташа везла меня домой, вот по этой же дороге. Но я тогда дорогу не запомнил, так как, часть её проспал, да и ночью ехали, но все равно, при встрече со старой знакомой настроение у меня улучшилось. По грунтовой дороге идти стало тяжелее. В начале мая прошли сильные дожди, земля от зимы ещё не высохла, а тут ещё дожди. Земля раскисла, грязь везде, на ботинки налипает, и они сразу становятся вдвое тяжелее. Пока мы ещё не устали, то с грязью справлялись, с ботинок её стряхивали или ботинки очищали о влажную старую траву, и всё пока шло нормально. Вышли на пригорок, и вот он хутор Первомайский, казалось буквально рядом, но это только казалось. Идём к нему, идём, а хутор не приближается, а как бы удаляется от нас, да ещё эта грязь липнет к нашим ботинкам, как будто они мёдом намазаны. Но вот он, наконец, и хутор Первомайский, прошли его быстро, так как он хуторок небольшой, позже, я в него буду возить кино, а так же и в село Кивсалу, куда мы сейчас направились. До него не так далеко, говорит мне Иван, всего километров восемнадцать. Да, думаю, вот это не далеко. Легко сказать, восемнадцать километров, а как пройти их да ещё в такую погоду, но делать нечего, раз пошли, значить надо идти. Когда мы были ещё не уставшие, то шли и разговаривали.

Говорили обо всём, о нашем детстве, как играли во дворе Лавровых, о том, как Иван учится в Ставрополе, я рассказывал как на каникулах, работал на комбайне, затем поговорили о наших родителях. Иван сказал, что его отец и на фронте шоферил, и как вернулся с фронта, в колхозе получил машину, так на ней и работает. Потом я его спросил, как он проходит практику у братьев Лёвиных, не посылали они его за компрессией? Иван посмеялся и говорит: «Я слышал как они тебя, посылали, они мне рассказывали» — «А чем это для них закончилось, они не говорили?» — спросил я. — «Нет, не говорили. А что, что-то ещё было?» — «Ну, вот когда ты вернёшься снова к ним, пусть они тебе и расскажут, что было после того, когда они меня послали за компрессией, а то мне как-то неудобно об этом говорить». Затем ещё о чём-то поговорили, а в основном шли молча. Начала давать знать о себе усталость, и тратить силы на разговоры не хотелось. С Первомайского пригорка, спустились, в старое сухое русло бывшей реки Кивсала, от названия реки и село назвали Кивсала. Здесь была низина, и грязи ещё больше, старались с Иваном идти,

по обочине, по траве, всё-таки так легче переставлять ноги. Но, на обочине трава была не везде, в некоторых местах её колёсами от телег, смешали с грязью, да тут луна ещё издевается над нами, то выйдет за облака и светит, то снова за него спрячется. И получается: то светло, то темно. Когда светло, то ещё можно видеть, где лучше, идти, но когда темно, то иногда в такую грязь залезешь, что и в ботинки наберёшь воды с грязью, и штаны вымажешь.

От такой ужасной ходьбы, я почувствовал усталость, а ещё есть и пить хотелось, особенно пить, ведь мы с собой ничего не взяли, ни еды, ни питья, а кто знал, что так получится. Сколько мы времени шли, я не знаю, часов ни у Ивана, ни у меня не было, они тогда были очень редкая вещь, свободно в магазине не лежали, покупали только с рук, в основном те, что фронтовики с войны привозили. Наш отец, тоже привёз часы, такие карманные с цепочкой, и отдал Андрею, когда он переехал жить и работать в Ипатово. Помню, я тогда отца спросил: «Тато, а зачем вы Андрею отдали свои часы?» А отец ответил: «А зачем они мне сынок, когда вставать, я знаю, как запоют петухи, когда идти на работу, тоже знаю, как только «проклюнется» солнце на востоке. Уже светло и можно работать, а обед у нас настанет, когда солнце над головой, и когда заканчивать работу, я тоже знаю, как станет темно. Раз темно, значит работать нельзя, потому что ничего не видно, так что сынок часы мне ни к чему, а вот Андрею они нужны, он живет и работает в районном центре, а там все живут по часам.

Вот так рассудил наш отец. Чувствую, опять мои ботинки стали проваливаться в грязь чуть ли не по щиколотку, думаю, в чём же дело, в это время вышла луна, и я увидел, что забрался в стерню, а там земля, паханная, и окончательно раскисла. С трудом оттуда выбрался, и снова пошёл по обочине. Идти становится всё труднее и труднее. Думаю, ну где же эта, будь она не ладная, Кивсала, и что они её так далеко построили, не могли ближе к хутору Первомайскому построить. Затем подумал, а какая разница, мы же идём не в Кивсалу, а в Бурукшун, а он находится ещё дальше за Кивсалой. Идём, темнота нечего не видно, только дорога слегка просматривается, и хоть какой-то есть ориентир. Чувствую усталость, да и Иван в таком же положении, но присесть и отдохнуть негде везде грязь и сырость. Мучает жажда, с трудом передвигаю ноги и думаю, интересно далеко ещё до этой самой Кивсалы, надо спросить у Ивана, он по этой дороге ездил чаще меня и её лучше знает. Останавливаюсь и спрашиваю своего попутчика: «Иван, а как ты думаешь, далеко ещё до Кивсалы?» Иван тоже остановился и говорит: «Вот сейчас

спустимся, затем поднимемся на косогорок и видно будет то самое село, до которого мы никак дойти не можем».

Начался спуск, я его не вижу, но по ногам чувствую, идти стало легче, и как-то стало немного веселей, скоро начался подъём, и веселье кончилось. С трудом одолели возвышенность, и на самом её верху увидели село Кивсалу, в хатах кое-где светились окна, а в некоторых дворах горели лампочки на столбах. На душе стало веселее, и мы прибавили шагу. Дошли до первых хат, но в них окна не светились, возможно, люди уже спали, так как, сколько времени мы представления не имели. Пошли дальше, шли по дороге вдоль села. В стороне от дороги стояла хата, во дворе которой стоял столб, и на нём горела лампочка. Иван мне говорит: «Сеня, пойдём вон к той хате, попросим попить и что-нибудь поесть» — «Нет, — говорю, — я просить не буду, лучше я так буду идти, на сколько сил хватит» — «А если силы кончатся посреди дороги, то что, будешь лежать и помирать что-ли?» На это я ему ничего не ответил. Затем он продолжил: «Ладно, пойдём, я буду просить, а ты только рядом стой». На таких условиях я согласился. Подошли к воротам, постучали ладошкой по ним, нам никто не ответил, тогда Иван говорит: «Сеня, пойди к окну и постучи в него». Ладно, думаю, в окно можно, ночью меня же никто не увидит. Стучу, в окне появилось женское лицо, и мне показалось какой-то старухи, я ей махнул рукой, что бы она вышла, лицо исчезло за занавеской. Подошёл к Ивану, стоим, ждём. Вышла довольно молодая женщина, лет тридцати, Иван ей рассказал, кто мы и в каком положении и попросил, попить воды и хоть кусочек хлеба. Женщина молча выслушала, и так же молча ушла. Через некоторое время, она вышла из хаты принесла ведро с водой, кружку и краюху хлеба. Мы сначала напились по очереди, то Иван, то я, и снова то Иван, то я, только затем взяли хлеб, поблагодарили хозяйку, попрощались и пошли дальше. По дороге, Иван разломал краюху хлеба на две части, одну часть отдал мне, другую сам начал есть. С водой, да ещё с едой дело пошло веселее.

Как мы шли из Кивсалы в Бурукшун, я совершенно не помню, наверное, я шёл на автомате, ноги двигались, а голова спала. Сколько я так шёл, я не знаю, очнулся от того, что кто то меня трогает за лицо, то за нос, то за щёки. Остановился и думаю, кто же это меня трогает, но темно, практически ничего не видно, но если бы кто был рядом, то я бы почувствовал, но никого нет. Я поводил вокруг себя руками и понял, что касался моего лица буркун, это такая трава, которая растёт в наших краях и высота его достигает двух метров. Трава была старая прошлогодняя,

цветы на метёлках осыпались, а сами метёлки сохранились, вот они меня и разбудили. Огляделся вокруг, Ивана не вижу, позвал его, он откликнулся, где-то в стороне, зовёт меня и говорит: «Сеня, иди на мой голос, я буду тебя звать, а ты иди». Вот так я снова вышел на дорогу, а как мы с Иваном дальше шли, совершенно выпало из памяти, наверное, снова уснул. В какой-то момент я, наверное, проснулся и где-то вдалеке слышу голос Ивана: «Сеня, пришли, вот я стою на гравийной дороге». Услышав голос Ивана, я очнулся, и думаю: «На какой на гравийной дороге? Это что мы снова вернулись в Ипатово?» Затем снова слышу голос Ивана:

«Сеня, мы пришли, ещё немного и будем дома». Только теперь до меня дошло, Иван стоит на гравийной дороге, которая соединяет, село Бурукшун и село Большая Джалга. «Да, — думаю, — теперь идти осталось немного до Иванова дома». Иван постучал в окно своей хаты, через некоторое время в окне, загорелся свет и появились лицо женщины. Иван стоял у окна и позвал женщину: «Мама, откройте это я, Иван». Лицо скрылось, и вскоре открылась входная дверь хаты. Мы вошли в хату, мне показалось, что в хате горит яркий свет, хотя горела всего одна керосиновая лампа. Посыпались вопросы, откуда, как и тому подобное. Пока Иван объяснялся с матерью, я осматривал себя: брюки грязные, выше колен, руки тоже грязные, о ботинках я и не говорю. У Ивана, всё точно в таком же положении. Оба стоим у порога и не двигаемся, мне простостыдно и неудобно, сделать хоть шаг в сторону и наследишь своими грязными ботинками. А, в хате деревянный крашеный чистый пол, а Иван стоит и разговаривает, сначала с мамой, затем из другой комнаты вышел отец, и он с ним ещё говорил. Его мать предложила нам поесть, но Иван остановил её и говорит: «Мама, мы жутко устали, и хотим только спать и больше ничего, скорее спать». Его мать посмотрела на нас добрыми жалеющими глазами и сказала: «Тогда вот что, раздевайтесь прямо у порога, снимайте всё», поставила нам табуретки, принесла тазик с водой, мыло полотенце и добавила: «Мойтесь и спать в кровать». Мне запомнилась кровать, постельное белоснежное бельё, на таком, если признаться честно, я ещё не спал. Конечно, дома мне Дуся тоже стелила чистое бельё, но у неё оно с какими-то цветочками, а здесь белое-белое. В общем, я упал в эту белоснежную «степь» и куда-то провалился.

Проснулся я от того что в глаза мне ярко светило солнце, отвернулся от солнца и увидел, что у порога стоит табуретка, а на ней мои чистые брюки, и ботинки, такие чистые, как будто они вчера и не месили грязь. Это меня приятно удивило, так за мной

ещё не ухаживали, и будут ли так ухаживать, неизвестно. Ивана в кровати уже не было, а я решил ещё полежать. Только откинулся на подушку, как в комнату вошёл Иван и говорит мне шутливым тоном: «Что, соня-засоня, спишь? Вставай, завтрак уже на столе». Затем посмотрел на меня внимательно и спрашивает: «А ты что такой задумчивый, что тебя волнует?» Я поднялся, сел на кровати и спросил у Ивана: «Ваня, а у тебя ноги болят?» — «Да не только ноги, всё тело болит, но это Сеня ничего, оно скоро переболит, так что не расстраивайся» — «Да я не потому расстраиваюсь, что, что болит, а потому что мне ещё семь километров топать». Иван сел на свою кровать, которая стояла напротив и говорит: «Ты вот что, давай сначала поедим, а потом будем соображать, как тебя в хутор отправить, идём, там мама такой стол приготовила, а мы тут тобой валандаемся, одевайся, пойдём».

Стол действительно был накрыт на славу, тут были и пирожки, и курица, жаренная в духовке, солёные огурчики, на тарелке нарезан белый домашний хлеб, и, конечно, борщ, без борща в наших краях не обходится не одно застолье. В наших местах мужики так и говорят: «Если за обедом не поел борща, значит ходишь голодным». Когда ещё не приступили к еде, Иван, беспокоясь обо мне, спросил у матери: «Мама, а отец ничего не говорил, в хутор он сегодня поедет или нет? А то, если бы поехал, то и Сеню бы довёз, а то после вчерашнего похода, ему трудно будет добираться домой». Мать стояла возле печки, наливая в тарелки борщ, повернулась к нам и говорит: «Ваня, отец сказал так, пусть хлопцы встают, поедят, а я приеду на обед, и после обеда Сеню увезу в хутор Северный». Услышав такое у меня на душе стало, повеселей. А Иван посмотрел на меня и говорит: «Ну, вот видишь, отец за нас всё решил, а ты переживал».

Глядя на такой обильный стол, я почувствовал, как проголодался. Особенно я с удовольствием ел белый домашний хлеб. Такой вкусный хлеб, я так давно не ел, что забыл не только его вкус, но и запах. В Ипатово мы покупаем хлеб из пекарни, он не отличается белизной, и не вкусный, да ещё говорят, что, чтобы тесто ни прилипало к формам, их смазывают солидолом. Да, да, тем самым солидолом, которым смазывают подшипники, чтобы они легче крутились. Я как услышал эту новость так даже на какое-то время потерял дар речи. Думаю ну как так можно, люди этот хлеб употребляют в пищу, а его мажут солидолом. Раньше, ещё в хуторе я любил горбушку хлеба, бывало, её чесноком намажешь, и получается необыкновенная вкуснятина. И в Ипатово всегда старался взять горбушку хлеба который пекут в пекарне, но после того как узнал, что горбушка намазана солидолом, есть её не стал, лучше уж есть мякоть булки, она находится дальше от

солидола. А здесь в семье Радченковых с едой всё в порядке и с хлебом то же. После сытного обеда сидим с Иваном на диване и вспоминаем наше вчерашнее путешествие. Вскоре приехал хозяин дома на обед, спросил у нас, как отдохнули, и принялся за еду.

В хутор приехали быстро, это же не пешком, а на машине. Зашли во двор, там были, родители и младшие дети, Рая, Миша и Люба. Родители, увидев меня, сначала удивились, а затем обрадовались, а когда отец Ивана рассказал, как мы добирались в Бурукшун, то мама, сокрушённо покачала головой, как бы жалея, а тато, обращаясь к гостю, сказал: «А что мужики растут, возможно, им в жизни будет испытание и сложнее того, что они вчера проделали, так они к нему, будут уже готовы». Вот такое было у меня пешее испытание.

НОЧНАЯ ОХОТА НА РАКОВ

После пешего похода я вернулся в Ипатово и работал почти неделю, сегодня пятница, я как обычно пришёл на работу к шестнадцати ноль, ноль, подготовил аппаратную к сеансу, убрал ненужное, до начала кино оставалось ещё много времени, и я пошёл к братьям Лёвиным в моторную мастерскую. Поздоровался с ними, Иван копался в моторе, а Михаил мыл, какие-то детали в солярке. Я сел на скамейку и сижу, слушаю, о чём они разговаривают. Вдруг Михаил прервал разговор и говорит мне: «Сеня, мы с Иваном, сегодня ночью собираемся пойти охотится на раков, пойдёшь с нами?» — «А когда?» — спросил я его. — «Да как стемнеет, так и пойдём». Тут в наш разговор вмешался Иван: «Нет, — сказал он, — надо идти сейчас, а то ещё кролика надо поймать. Так что, Сеня, иди и отпрашивайся, всё, что надо у нас здесь есть, так что сразу отсюда и пойдём» — «Да я бы с удовольствием с вами пошёл, так не отпустят кино крутить надо» — «Ты что, Сеня, который месяц без передыха крутишь кино, а на один день отпустить не смогут, совесть иметь надо, — кого-то усовестил Иван, — Иди сейчас к Лапике и отпросись». Ладно, думаю, схожу, получится или нет, но схожу. Через некоторое время я вернулся с криком: «Ура, отпустил!» А Иван, снова: «Я же говорю, совесть иметь надо». Тут я спросил у Ивана: «А на что ловить будем?» За Ивана ответил Михаил: «Пойдём на Кирпичный завод к Кольке Кротову, у него кроликов много, одного даст нам, вот на него и будем ловить раков». Я не отставал с вопросами и спросил у Михаила: «Михаил, а как мы на кролика будем ловить, раки, что они любят живых кроликов?» Михаилу, наверное, отвечать не хотелось, а может они с братом ещё и не решили, как будем ловить раков, но мне он сказал: «Вот придём на Калаус, там и увидишь». Ну ладно, думаю, там, так там, может оно и правильно, что это я тороплюсь со всякими вопросами. Мы, не теряя времени, быстро собрались и пошли. Иван по характеру спокойный, уравновешенный, да и старше он нас был. А Михаил наоборот, темпераментный балагур, непоседа. Иван, идёт чуть впереди молча, а мы с Михаилом идем, веселимся и рассуждаем, как мы поймаем кролика, зажарим его на костре и будем его поедать и наслаждаться. Иван, повернулся к нам и говорит: «Вы сначала его поймайте, а потом ешьте, по этому поводу хохлы говорят так, ни кажи гоп, пока ни перепрыгнув». Хоть Иван пыл наш немного и охладил, но хорошее настроение нас не покидало, мы с Михаилом были уверены, что кролик почти в наших руках. Мне очень хотелось сходить на

ночную охоту на раков, но все время, что-то мешало, то не с кем идти, то работа не опускала, то ещё что-нибудь, одним словом не получалось. Днём с ребятами я на раков ходил, там всё просто, залезь в воду на мелком месте и шарь руками, нашёл норку, засунул туда палец, если рак есть там, то его вытащишь, если нет, ищешь другую норку. Иногда рак не ждёт, когда ты его пальцем выковыряешь из ямки, а сам своей клешнёй схватит тебя за палец, да так, что кровь пойдёт. Поплюёшь на ранку, чтобы никакая зараза туда не попала, и снова ищешь норку, и так пока полное ведро раков не будет. А вот ночная ловля раков, это совсем другое дело, это даже не ловля, а настоящая охота, романтика, да и только. Как только мы вышли за село, сразу стали собирать горючий материал на костёр, собирали всё, что попадалось под руки, палки, толстые сухие стебли растений, обрывки бумаг и газет. Я начал собирать сухие, коровьи «лепёшки» и складывать их в мешок. Михаил удивился, зачем это я собираю коровье дерьмо. И я ему объяснил, что это не дерьмо, а кизяки, и они гореть будут дольше и жарче чем солома и бумага. Среди крутых берегов речки Калаус, нашли спуск к воде. Иван остался готовить место для охоты, а мы с Михаилом отправились за кроликом к Кольке Кротову, которого братья знали ещё с детства. Михаил друга детства не видел давно, и чем он сейчас занимается, не знает, но это не беда, придём и узнаем, главное Михаил знает, где Колька живёт. Идём по посёлку, домишки невысокие, все без исключения одноэтажные, правда, построены из кирпича. Дорога между домами засыпана мелкой крошкой от кирпича, и поэтому светло коричневого цвета. Зашли в хату, там только Колькина мать, а самого нет. Михаил спрашивает у хозяйки: «А где Николай?» — «А нет, — говорит Колькина мать, — уехал в Краснодар к дядьке, потолковать с ним насчёт кроликов» — «А что, у Николая так много кроликов, что он в Краснодар их собирается возить?» — спрашивает Михаил. «Много, очень много, плодятся, как сумасшедшие, весь старый карьер заполонили, еды-то им хватает, поля вокруг, огороды хуторян, в общем, не живут, а царствуют» — «А зачем Николай их выпустил и как он ловить их будет?» — спросил Михаил у хозяйки. «А он их и не выпускал, они сами выпустились, сделали подкоп из будки, в которой сын их держал, и теперь живут в своё удовольствие. А поймать их никак нельзя, Николай что только и не делал, и капканы ставил и петли ставил у нор и на их тропинке, не попадаются и всё тут. Хитрющие бестии, прямо жуть. Так теперь сын их отстреливает из ружья. Только вот жалко, шкурки портятся дробью и в цене теряют» — «А сколько же у Николая кроликов? Снова задал вопрос Михаил» — «А кто их знает, может пятьсот, или шестьсот,

а может и тысяча, пойди, посчитай их, если они разбрелись по всему карьеру» — «Ну ладно, — сказал Михаил, — с кроликами всё ясно, тогда дайте нам ружьё мы одного кролика подстрелим, и ружьё вам вернём» — «А нет, сынок, ружья, Колька его запрятал» — «Так, а зачем он это сделал?» — раздосадовано спросил Михаил, чувствуя что, наш кролик, куда-то уплывает. В таком случае мы не только жареного мяса мы не поедим, но и раков не на что будет ловить. «Ну как зачем? Николая дома нет, приходят мужики после работы, берут с гвоздя ружьё, с полки патроны и идут стрелять кроликов себе на ужин. А сын возвращается домой и меня ругает, зачем, мол, ты им даёшь ружьё. А как я им не дам, заходят в хату два, а то три мордоворота, не спрашивая меня, берут ружьё, патроны и у ходят, что они меня, старую женщину послушают, вот он и спрятал его. Вот давеча приходили, посмотрели, ружья нет, так сильно разозлились и ругали Кольку, обзывали его жадным и жмотом». В общем, ушли мы, как говорится, не солоно хлебавши. Можно было идти по дороге, там легче идти, да и ближе, но я уговорил Михаила, пойти и посмотреть старый карьер, как там поживают кролики. Говорю Михаилу: «Пойдём, может, поймаем, какого-нибудь зазевавшегося ушастого кролика» — «Ага, так он тебе и дался, они такие хитрые за версту чуют опасность и успевают спрятаться к себе в нору». Подошли к карьеру, стоим, и смотрим, котловина огромная, метров пятьдесят в длину, метров сорок в ширину и глубиной метров двадцать. Отвесные берега покрыты растительностью, нор вообще не видно, они находятся, где-то за растительностью, для кроликов это самое настоящее убежище, живи, плодись и радуйся. Идем вдоль карьера, я смотрю, по сторонам может, что дельное увижу. Смотрю, бревно лежит средних размеров, говорю Михаилу: «Давай заберём, Иван просил принести деревяшку крупнее, на костёр положить. Раков ловить всё равно же будем». Взвалили на плечи и пошли дальше. Прошли немного, я продолжаю смотреть по сторонам, я выше Михаила и мне дальше видно. Смотрю, что-то в бурьяне белеет, сказал об этом Лёвину, мы положили бревно на землю, Михаил сел на бревно, а я пошёл посмотреть, что там белеет. Подошёл, смотрю, лежит дохлая курица, видать давно она здесь лежит, так как успела протухнуть, я её перевернул носком ботинка, ничего интересного, и пошёл назад. Подхожу к Михаилу, он меня спрашивает: «Ну, что там?» — «Да ерунда, — отвечаю, — такая вещь нам точно не нужна» — «Ну, всё-таки?» — настаивает Лёвин. Меня спрашивает, а сам берёт бревно за один конец, я за другой положили на плечи и пошли. Идем, а Михаил всё меня допытывает, что же там лежит. «Да дохлая курица, — говорю

ему, — и она страшно воняет, кому она нужна, её даже бродячие собаки отказались есть». Когда я ему сказал про такую курицу, он остановился, бросил свой конец бревна на землю, обозвал меня дураком, и быстрым шагом пошёл к тому месту, где я оставил труп курицы. Смотрю на Лёвина, а он, там стоит и что-то над вонючим предметом колдует, затем что-то поднял и несёт как будто в авоське. Ещё не подошёл ко мне, а я уже чувствую ужасную вонь, прямо настоящее амбре. Говорю ему: «Миша, давай я один понесу бревно, а ты иди сзади и подальше от меня с этой дохлятиной». Михаил согласился, идёт и вслух рассуждает: «Вонючий предмет, да такая курица, для раков самая вкусная еда, за что они её любят, я не знаю, но вот посмотришь, как они на неё полезут. Мы вчера с братом все огороды в округе облазили, чтобы найти вот такой вонючий предмет, ох и вредный народ пошёл, не дадут курице собственной смертью умереть, обязательно до того сожрут». Я подхватил тему вредного народа и говорю: «А эти, так называемые Колькины друзья из Кирзавода, приходят к нему домой, без спроса берут его ружьё, стреляют его же кроликов, а потом дома обжираются Колькиной крольчатиной, а как он спрятал от них ружьё, чтобы они не убивали, его же кроликов, так они обозвали его жадным жмотом. Ох и людишки пошли вредные и жадные, в наше время люди были лучше и честнее, правда Миша?» — «Ага, — отозвался он, — особенно в твоё время, учитывая твой возраст». Мне нечего было на это ответить и я замолчал. Подошли к берегу реки, а он крутой и спускаться с бревном было не безопасно, я говорю Михаилу: «А давай бревно бросим так, чтобы оно в кустах застряло и не покатилось к воде». Так и сделали, раскачали его на руках, швырнули, и оно полетело прямо в кусты и там застряло. Затем спустились к воде, взяли в кустах бревно, и пошли с ним к Ивану. Иван увидел нас с бревном и дохлой курицей, и похвалил, говорит: «Такой подарок ракам, они о нём и не мечтали, сегодня у них будет пир на весь мир, и бревно, кстати, принесли, теперь у нас костёр будет на всю ночь». Иван выбрал берег подходящий, пологий, ракам будет легко вылезти к приманке. Братья разделывали приманку, а я как специалист, разжигал костёр. Разжигать костры я умел, ни раз и не два, разжигал их в степи, так и здесь сделал.

Сложил кизяки «домиком», затем внутрь «домика» положил сухую траву и поджёг. Как кизяки разгорелись, на них, мы с Иваном положили бревно, оно было сухое и треснутое, и потому быстро загорелось. Над рекой сгустилась темнота, только костёр освещает часть берега, и место где мы сидим. У нас всё готово, приманка лежит недалеко от воды, а костёр горит рядом с приманкой, что бы ракам было видно, где их лакомство. Иван

сидит у костра, что то делает, Михаил отмывает свой нож, которым только что резал дохлую курицу, говорит: «Мою нож, мою, а он все равно дурно пахнет». Я же решил отойти подальше, от амбре, примял свежий куст курая, сел на него, и в ожидании нашествия раков, предался мечтанию.

Я вспоминал, как мы с пацанами раньше днём, ходили на раков на речку Калаус. Это было ещё на старой квартире, в Колькином дворе, собралась дружная компания, Колька, Генка я и Николай, по фамилии Жук, он старше нас на три года, но тоже захотел раков и пошёл с нами. Ползали по глинистому дну Калауса, полдня, все грязные в глине, но раков наловили много, почти полные два ведра. Принесли всё в наш с Колькой двор, там разделили поровну, всем досталось по пятнадцать штук. Николай Жук ушёл домой, он жил рядом с нами, Гена Ложник с нами немного поговорил и тоже ушёл. Колька своих раков побросал в бочку с водой и решил вечером сварить, как мать с работы придёт. А мы с Дусей решили варить сейчас, а что тянуть, покушать свежезаваренных раков очень хочется. На летнею печь, что стоит во дворе, Дуся поставила ведерный чугун, налила туда воды, а я вывалил туда раков из Колькиного ведра. Воды в чугуне много, раки с удовольствием плавают, я стою и смотрю, как это у них получается. Дуся ушла, поручила мне следить за раками, при этом сказала: «Как раки станут красными, так они уже готовы и их надо вынимать». Я смотрю, на них они плавают, ещё зелёные и когда покраснеют ещё не известно. Ладно, думаю, пока они варятся, отнесу Кольке ведро. Колька сидел на крылечке своего дома, я поставил ведро тоже к нему сел, сидим, разговариваем, печку за кустом я не вижу, да что на неё смотреть, это когда вода закипит, так что можно ещё поговорить с другом соседом. Прошло некоторое время, вдруг слышу голос Дуси: «Сеня, ты куда ушёл, все твои раки из чугуна убежали, иди, собирай их». Прибегаю, смотрю, а они вылезают из чугуна, зацепившись клешнями за его край, затем подтягиваются и как акробаты, через спинку опрокидываются и летят, какие на печку, а какие в траву. Я быстро их собираю и снова в чугун, а они оттуда снова вываливаются. Пока я одних собираю, другие опять вылезли из чугуна. Мучился я с ними, пока Дуся не принесла крышку, тогда мы их снова туда затолкали и крышкой закрыли. Скажу честно, мясо рака мне не понравилось, по мне, лучше куриную ножку, а ещё лучше, ногу индюка, толку больше будет. Но позже я научился, их есть, и уже было вкусно.

Продолжение ночной охоты.

Вот и сейчас я на ночной раковой охоте, не потому что я их очень люблю, а просто интересно ночью на них поохотиться. Всё-

таки, ночью ловить раков интересней, темно, костёр горит, тишина, только слышатся редкие всплески рыбы, и потрескивание костра, одним словом романтика, да и только. Хотя как говорят специалисты Лёвины, никакой охоты и не будет, раки будут сами вылезать из воды к приманке, а мы их будем просто собирать. Не знаю так это или нет посмотрим. Слышу голос Ивана: «Сеня, хлеба хочешь?» Ещё спрашивает, у меня давно в животе, кишки марш играют. Получив свою порцию хлеба, я снова вернулся на своё нагретое место, сижу, жую хлеб, а на речке тихо-тихо, только слышно редкий всплеск пескарей. В такое время думается хорошо. Вот я и думаю о речке под названием Калаус. Неказистая речушка, насколько я знаю, она в настоящее время ни откуда не вытекает, и ни куда не впадает. Так стоит вода сама по себе и всё тут. А эта неказистая речушка, для села Ипатово, имеет большое значение, сюда люди выбираются на рыбалку за раками или просто отдохнуть. В нашем степном районе, хоть какая вода имеет большое значение. Выше я упомянул слова настоящее время, так вы смотрите что бы у вас не получилось так как у Карамзина, ну у того который написал, Историю государства Российского, в двенадцати томах. Кстати, я их все прочитал, очень интересное познавательное произведение, рекомендую почитать. Так вот, как он сам пишет, с его книгой произошёл такой казус. Карамзин пишет о Киеве, цитирует, великого летописца Киевской Руси, Нестора. А он повествует о том что, в Киеве, на одном из холмов (указывает название холма), где в настоящее время стоит деревянная церковь, происходило то-то и то-то. Что там происходило нам неважно, нам с вами важно то, что происходило после выхода книги из печати. Читатели, прочитав книгу Карамзина, обнаружили неточность в историческом факте и знакомые, и не очень, начали писать ему письма, упрекая его в том, что он искажает историческую действительность. Один из знакомых автора ему пишет: «Уважаемый Николай, прочитал ваш труд Историю Российского государства, написано замечательно, но в одном месте вы грешите не точностью, а именно. Вы пишите, что в настоящее время в Киеве, на таком то холме стоит деревянная церковь, а я не так давно и никакой церкви там нет». За этим письмом последовало ещё несколько и все примерно такого же содержания. На все письма автор ответить не мог, и решил дать ответ через газету Петербургские вести. В газете он пояснил читателям, что настоящее время, о котором я пишу в своей книге, это время не наше с вами, девятнадцатый век, а время Нестора, то есть шестнадцатый век. После выхода статьи, письма с претензиями к автору о неточности повествования, прекратились.

То, что я сейчас написал, это было краткое отступление от нашей главной темы, а теперь давайте продолжим начатую тему, а именно о речке Калаус. Так вот, то, что я тогда знал о Калаусе, я уже написал, а кода стал писать эту книгу, то решил заглянуть в энциклопедию и больше о ней узнать. И вот что там написано. Речка Калаус начало берёт на Прикалауских высотах, высотой 680 метров, над уровнем моря. Длина её 436 километров, впадает она в Чуграйское водохранилище. Вот и всё.

Сама по себе река Калаус и не широкая, и не глубокая, но для степных районов Ставрополья она имеет большое значение. Ну, вот видите, какое дело, я вам уже и о дневной охоте на раков рассказал, и о писателе Н. Карамзине, и о Реке Калаус, а раков как не было, так и нет.

Не хотят они вылезать из своих убежищ и всё тут. Ждём мы их уже часа четыре, но их нет. Я уже что только и ни делал, и ходил и лежал, и поспал, а раки, как сговорились, не идут на ужин, хоть плач. У меня уже терпение на пределе, хочется бросить всё и уйти домой, поужинать, или уже, наверное, позавтракать и в постель, какое наслаждение растянуться в кровати на чистой постели. Но я пока сижу на берегу Калауса и жду раков, а они не торопятся к нам в мешок. А братья говорили, что охота на раков будет приятным времяпрепровождением, они мол, сами будут идти нам в руки, только бери их и складывай в мешок. В теории оно может и так, а вот на практике совсем иначе.

Наконец я не выдержал, встал со своего логова и пошёл к костру, где сидел Иван, а Михаил, наверное, где-то спал. Сообщил им о своём намерении уйти домой, мол, что зря терять время, все равно раки не вылезут из своих укрытий, а может, их здесь и нет, а мы тут торчим. Иван не стал меня отговаривать, только спросил: «Молока хочешь?» Я, укоризненно посмотрел на Ивана, и говорю: «А что же ты до сих пор молчал, где молоко?» Иван открыл свою, хорошо мне известную, сумку, достал из неё трёхсотграммовую бутылку молока и отдал мне. Я с жадностью половину выпил, затем спросил у Ивана: «А ты хочешь?» — «Да нет, мы с Михаилом свои бутылки выпили, осталась только твоя бутылка». Затем Иван поднялся на ноги и говорит мне: «Сеня, ты посиди у костра, поддерживай огонь, а я пойду, посплю немного, а то сильно спать хочется». Иван, ушёл, а я остался у костра. Сижу себе задумчиво смотрю на костёр, маленькими глотками попиваю молоко, а сам думаю, вот был бы жареный кролик, так раки бы к нему бегом бежали, а то эта дохлая курица, кому она нужна, я так и думал, что не будут они её есть. Вот так оно и получилось. Хотя, кто его знает, время до утра ещё есть.

Кстати, вы знаете, что кролик близкая родня зайцев, я так и

подумал, что знаете, да и кто этого не знает, разве те, кто никогда не видел ни кролика, ни зайца. Так вот о зайцах, пока нам с вами делать нечего, сидим у костра, я вам расскажу один случай моей встречи с зайцем. У меня их было много, но я вам расскажу пока один.

МОЯ ПЕРВАЯ ОХОТА НА ЗАЙЦА

Это было ещё во время войны, но наш старший брат Андрей был уже дома. Время было военное голодное, зима была суровая, правда, насчёт холода не помню, но снега было очень много. Есть дома почти нечего, один жидкий будан, которого поел, а через час снова кушать хочется. Старший брат Андрей после ранения был ещё очень плохой, и помочь нам ничем не мог, он сам нуждался в помощи и заботе. Да, я вот пишу всё будан, да будан, а вы, наверное, и не знаете, что это за блюдо такое. Расскажу вам, по секрету, что это вовсе и не блюдо, а так, варево из воды и муки, вот и все, притом оно настолько жидкое, что не сведущему человеку покажется, что это грязная вода. Но это не так, это всё-таки блюдо. Ну ладно, так вот сидим мы дома, до ужина ещё далеко, а кушать уже хочется, ну что, думаю я, поем опять этот будан, а до сна ещё далеко, а перед сном есть снова захочется. И тут у меня созрела мысль, а что если пойти в колхозный огород и там поймать зайца. Не так давно, у нас в гостях был Иван Яковка, так вот, он рассказывал, что пошёл в колхозный огород и там руками поймал зайца. В ту зиму от голода страдали не только люди и животные, но и всякая дичь. Вот я и решил пойти, и поймать зайца, да хоть брата Андрея зайчатиной покормить, а то он от этого будана может помереть. Сидим на полатях в хатыне, я говорю старшему брату Гришке, пойдём, поймаем зайца, так мясо будет. Григорий отказался, сославшись, что холодно, да и зайцы бегают, быстро не догонишь. Он у нас с самого детства всё любит на дурнушку получить. «Ладно, — говорю Гришке, — не хочешь, я пойду один». В то время зимней одежды у меня не было, поэтому я пошёл в хату, где сидели мама и Наташа, а на кровати лежал больной Андрей и говорю им: «Наташа, дай мне твою одежду я пойду зайца ловить». Мама всплеснула руками и говорит: «Сеня, да как же ты его поймаешь, ты же его и не догонишь». Но я упорно стоял на своём: «Догоню, я не догоню, Жучка догонит, мы с ней поймаем его». В этот момент я чувствовал уверенность, в том, что обязательно вернусь домой с добычей. Мама смотрит на меня и не знает, как поступить, ребёнок в неполные девять лет собрался руками ловить зайца. Но тут с кровати, подал голос Андрей: «Мама пусть идёт, раз хлопец так уверен, то пусть идёт». Наташа помогла мне одеться, в Гришкину фуфайку, в Наташины валенки, Андрееву военную шапку ушану, со звездочкой, вся эта одежда на меня была большая, особенно валенки и шапка, но меня это не остановило, и я решительно вышел во двор. Во дворе взял на повод из шпагата Жучку, такая дворняжка, в виде таксы,

только короче, и пошёл на охоту. Проходя мимо хаты Стацековых, навстречу мне попалась тётя Параня, воду несла, спрашивает меня: «Сеня, ты куда собрался, никак на охоту?» — «Да, — отвечаю, — на охоту, зайцев ловить». Тётя в ответ ничего не сказала, только покачала головой, и понесла воду дальше. По дороге ко мне пристроились ещё несколько ребят, моего возраста, правда, они потом отстали и затем совсем вернулись, а дальше я пошёл один. Идти было трудно, так как валенки размера на три были больше чем мне надо, но иду, правда, передвигаю ноги, как на лыжах. С трудом вышел за хутор, смотрю вдоль огорода деда Стаценко, санки проложили дорогу, наверное, солому возили, и я по этой дороге пошёл к винограднику, зайцы любят виноградную лозу, поэтому думаю, они там будут. Идем вдоль виноградника, Жучка резво трусит впереди меня, а я высматриваю в винограднике зайца, но его не вижу, видно только в снегу верхушки виноградных кустов, а зайцев пока нет. Но мы с Жучкой только в начале пути, зайцы обязательно должны быть, ведь Иван же говорил, что поймал зайца именно в винограднике. Дошли до середины посадок виноградника, по бокам дороги сугробы снега, наверное, чистили дорогу лопатами, а недалеко впереди, стоит огромный стог соломы, видно, что из него уже брали солому. Ладно, думаю, дойду до стога, а потом поверну назад и будем с Жучкой ходить до тех пор, пока не поймаем зайца. Ведь без него нам с Жучкой ну никак возвращаться нельзя, дома лежит раненый брат и его кормить надо, а Жучка зайца догонит, она у нас быстрая, лишь бы он выбежал на дорогу. Вдруг откуда не возьмись, на дорогу выскочил заяц, сел метрах в десяти от нас, поднял уши, и с интересом нас рассматривает, и, наверное, думает: «Что это за чудо-юдо со щенком на поводке из шпагата ползёт по дороге, никогда такого не видел, надо их, лучше рассмотреть». И сидит себе и смотрит, ни тени испуга в нем нет. Но нам с Жучкой рассматривать этого ушастого некогда, нас охватил охотничий азарт, и я крикнул: «Жучка, вперёд, лови его». И мы понеслись за зайцем. Правда, понеслись это громко сказано. После первых трёх шагов я упал, поводок собаки выронил, шапка с моей головы слетела, она вообще доставляла мне кучу неприятностей, постоянно сдвигалась на глаза и я, плохо видел, а тут при падении совсем слетела. Я лежу на снегу и смотрю, как моя Жучка несётся за зайцем, ножки маленькие, но перебирает ими быстро, и, кажется, скорость у неё невероятно быстрая, так что зайцу деваться некуда, он точно будет в Жучкиных лапах. Поднимаюсь, а сам думаю, надо бежать помогать Жучке она сейчас его схватит, и ей нужна будет помощь, а я тут разлёгся. Поднялся, и вперёд за Жучкой, но теперь я ноги не поднимаю, что

бы снова не упасть, а скользью ими по снегу, так надёжней, и сам не упаду и валенки с ног не слетят, вернее я из них не выскочу. Двигаюсь, а сам думаю, скоро моя Жучка начнёт рвать зайца. Смотрю на свою помощницу, а она несётся за зайцем как ветер, мордочка вытянута вперёд, ушки прижаты, а ножки её так и мелькают, ну думаю всё, этому ушастому пришёл конец, ещё немного и он будет наш. И что вы думаете, этот серый наглец, и не думает нас бояться, он больше моей собаки в два раза, сделает три прыжка и сидит, смотрит, пока мы с Жучкой к нему доползём, затем снова три прыжка, и опять смотрит, и так несколько раз. В последний раз отпрыгнул от нас и сидит, а Жучка за ним уже не бежит, я на своих «лыжах» подползаю к ней и говорю: «Жучка, ну что же ты сидишь, ведь так он от нас уйдёт, давай родная, догоняй его, у меня вся надежда на тебя». А Жучка сидит, язык высунула, тяжело дышит, и догонять зайца, она не хочет, мало того, кода я её начал дёргать за поводок, чтобы побудить её к действиям, она вообще легла. Ну, думаю, всё, последняя моя надежда выдохлась. Стою, смотрю на зайца, а он смотрит на меня и как бы говорит: «Ну что поймали? Куда вам до меня». Вдруг слышу, чьи то шаги, поворачиваюсь, Иван Яковка, по прозвищу Бульдо, он заикался и перед тем как сказать слово, говорил, буль, буль, вот потому его прозвали бульдо. Вот он подходит ко мне и говорит: «Что, Сеня, зайца хотел поймать?» Я кивнул головой, и чуть не плача сказал: «Хотел, но он такой быстрый и от нас убегает».

Иван стоит возле меня такой высокий, ему тогда было лет шестнадцать или семнадцать, мне он казался просто великаном. «Быстрый, говоришь, сейчас посмотрим, какой он быстрый», — сказал, и побежал за зайцем. Бежит в сапогах, такими широченными шагами и сразу зайца догнал.

Заяц добежал до скирда, а дальше дороги нет, надо поворачивать или вправо, или влево, но там и там большие сугробы снега, если он туда прыгнет, то точно, в снегу утонет. Но ему деваться некуда и заяц прыгнул в сугроб. Прыгнул и в снег провалился, только уши торчат. Иван подходит, к тому месту, где заяц сидит в снегу, берёт его за уши и несёт мне: «Держи, Сеня, зайца, он твой». А заяц в руках Ивана такой большой, орёт и весь дёргается то и смотри, из рук вырвется. Но у Ивана он не вырвется, а вот я его точно не удержу. Всё это я прикинул и говорю Ивану: «Заяц такой большой и сильный, что он из моих рук вырвется и убежит». Иван посмотрел на меня понимающе и говорит: «Не бойся Сеня, сейчас я его успокою». Берёт левой рукой зайца за задние ноги, поднимает на уровень своего плеча, заяц весь вытянулся, затем, Иван ребром правой ладони, хрясть,

зайцу за ушами, и тот сразу обмяк. «Бери, Сеня», — сказал мне Иван и подаёт зайца. Я неумело взял, а он такой тяжёлый, стою с ним в руках и думаю, как я его донесу до дома. Иван заметил моё замешательство, и говорит мне: «Сеня, давай я положу тебе зайца на закорки, и ты неси его, так как чабаны носят овец». Яковка устроил зайца на мои плечи, затолкал его ноги в рукава моей фуфайки, задние в правый рукав, а передние ноги в левый рукав, так что бы я своими руками держал зайца за ноги и руки не мёрзли, и я пошёл домой. Сначала шёл легко, если так можно сказать, прошёл виноградник, огород деда Стаценко, вышел в переулок, по переулку дошёл до хаты Мишки Самохвалова, и тут я почувствовал что устал. Ноги слушаются плохо, ноша надавила плечи, да ещё эта шапка ушанка, она сбилась на глаза, а поднять её я не могу, так как у меня руки заняты, и я иду, а дороги практически не вижу, вижу только носки своих валенок, да Жучки поводок. Вот и иду за ним, знаю, что Жучка меня приведёт домой. От дома Самохваловых до нашего двора, мне идти ещё метров двести, ну ничего, думаю, хоть и устал сильно, все равно дойду. Иду по улице, и мне кажется, что все люди в окна на меня смотрят, и удивляются, как же это он смог поймать зайца, а меня гордость распирает и как-то сил сразу прибавилось. Где я иду, знаю только приблизительно, но поводок вижу и иду, вдруг слышу голос тёти Парани: «Всё-таки поймал зайца, ну, Сеня, и молодец же ты». Тётю я не вижу, но по голосу слышу, что она, где-то рядом. Кричу ей: «Тётя Параня, поднимите мне шапку, а то я, ничего не вижу». Она сдвинула шапку мне на затылок и я, наконец-то увидел белый свет. Дальше всё стало проще, приполз во двор, кто-то из наших домочадцев, увидел меня в окно, я уже во дворе, да ещё с зайцем, в хате поднялся переполох, встречали меня, как героя, а я настолько устал, что сразу снял валенки и на полати полежать и отдохнуть. А вот Жучка хитрее меня, она забежала в хату вместе со мной и сразу на солому к печке, легла и ноги протянула к открытой дверке печи, где жарко горел огонь, решила лапки погреть. В этот день ужин у нас был на славу, разумеется, по тому времени.

Продолжение ночной охоты.

Я углубился в воспоминания так сильно, что забыл, где я нахожусь, а в это время раки на приманку пошли атакой, из воды они вылезали на свет от костра, а некоторые даже двигались из темноты. Я быстро разбудил братьев Лёвиных, и мы принялись за дело. Брали только крупных раков, мелких или бросали обратно в воду или оставляли на берегу у приманки.

Охота удалась, мы набрали больше двух вёдер раков, сложили их в мешок, предварительно положив туда мокрые

листья лопуха, и довольные пошли домой. Было рано и дома ещё Андрей с Дусей спали. Я ведро с раками поставил у летней кухни, а сам пошёл спать. Проснулся я уже после обеда, Дуся сварила раков, я их поел, и отправился на работу в кинотеатр. Кстати, в юношеские годы это была моя последняя охота на раков, потом я их ловил ещё, но это было гораздо позже.

И СНОВА РАБОТА В КИНОТЕАТРЕ

Лето было очень напряжённым, два киномеханика в отпуске, один болеет, работы хватало, а работать некому, дошло до того, что в восточную часть района, кино вообще не возили больше месяца. Народ на периферии взбунтовался, развлечений в селах никаких нет, только кино два раза в месяц и то не привозят. Возмущение народа дошло до первого секретаря райкома партии, он по этому поводу вызвал нашего директора, и что-то ему сказал, наверное, нехорошее, потому что директор пришёл злой, закрылся в кабинете и никого к себе не пускал. На второй день, наш директор, Алексей Николаевич, отправил братьев Лёвиных, крутить кино в восточные сёла нашего района. Я в кинотеатре остался один, мне приходилось, и ремонтировать плёнки, отвозить на вокзал ящики со старыми лентами, и сразу же получать новые. И этот процесс довольно трудоёмкий, так как на вокзал я их возил на тележке, а от кинотеатра до железнодорожной станции расстояние с километр. Раньше это делали другие люди, а теперь всё переложили на меня. Но как бы трудно не было, август пережили, а в сентябре вернулись отпускники, выздоровел больной и дела стали налаживаться, из учёбы вернулись два курсанта, которые закончили киноучилище, получили дипломы, поэтому между собой мы их называли «дипломниками». Этих, так называемых, дипломников директор определил ко мне в аппаратную, сказал: «Учи их уму разуму, а то они два года проучились и ничего не знают, но дипломы имеют, так что я обязан им дать работу».

Дипломники, действительно в кинопрокате были совершенно безграмотные, и я начал их учить всем премудростям кинопоказа, а тонкостей там было довольно много, даже как убирать в аппаратной надо уметь, а о настройке аппаратуры или сканированию ленты и говорить нечего. Примерно через месяц, когда дипломники окончательно освоились, их оставили работать в кинобудке, а меня снова отправили в моторную мастерскую. Братья Лёвины теперь работали на кинопередвижке, и в моторной мастерской я командовал один. Конечно, мне было обидно, целое лето один вкалывал, а затем учил этих дипломированных неучей, а вот теперь оказался не нужен. Но ничего не поделаешь, тогда была такая политика, везде должны работать дипломированные, но как говорится всё хорошо, если это делается в меру. А то в стране всяких спецшкол создавали столько, что специалисты оттуда выходили пачками, приходили на предприятия по направлению, а руководители этих организаций не знали, куда их

девать, а на следующий учебный год, каждый руководитель по разнарядке должен отправить еще учащихся в эти школы, и так каждый год. И получается такая картина, своих специалистов некуда девать, а те, которые сейчас учатся, придут после учёбы их надо обязательно устроить по специальности.

Я это хорошо знаю, сам в то время прошёл через это. Такая история была и в сельской местности, про другие колхозы говорить не буду, а в нашем колхозе имени Чкалова, сам видел таких специалистов. Я сейчас вам о них расскажу.

ДИПЛОМНИКИ

Сразу после войны к нам в колхоз приехал дипломированный зоотехник, такой молодой интеллигентный человек. Вскоре после его приезда на МТФ случилось несчастье, заболела корова, работники фермы вызвали зоотехника из правления, всё-таки специалист, мол, пусть посмотрит и определит что и как. Он пришёл, но боялся подойти к корове, ходит вокруг неё на расстоянии пяти метров, а к корове подойти боится. Работники фермы, которые находились здесь же, подняли его на смех, как, мол, так, специалист, а коровы боится. В общем, вскоре он уехал из хутора совсем.

Ещё хлеще произошёл случай с ветеринаром. У нас в колхозе был штатный ветеринар-практик, Кошевой Яков Ефимович. Все хуторяне его знали, и случай что со скотиной сразу к нему. Он никому в помощи не отказывал, приходил и, чаще всего, ставил на ноги животное. Но бывали случаи, когда животному помочь он не мог и тогда, он советовал хозяйке животное прирезать, чтобы мясо, не пропало. В большинстве случаев Яков Ефимович сам эту операцию и проделывал. И все были довольны. В общем, все знали Якова Ефимовича, и никаких проблем. Но тут к нам приехал молодой, лет двадцати, парень, дипломированный ветеринар, и Кошевого отстранили от должности, а этого поставили. Сначала всё шло нормально, пока у одной колхозницы не заболела корова, она к Якову Ефимовичу, а тот ей говорит: «Не имею права, я отстранён от должности, идите в правление». Женщина туда, новый ветеринар пошёл оказывать помощь, на третий день корова околела.

Получается, и вылечить не вылечил и мясо пропало, а что такое для колхозника потерять корову, это постепенное вымирание всей семьи. На селе, особенно, в то тяжёлое время, корова, это кормилица, и замены ей нет. Затем появился другой случай со смертельным исходом, но уже с овечкой. Ещё один случай. Колхознице надо было кастрировать кабанчика, а молодой специалист это делать не умет, ну и так далее.

Обид у хуторян на нового ветеринара накопилось много, и они собрали сход, вызвали председателя колхоза и потребовали, вернуть Якова Ефимовича на должность ветеринара колхоза. Но председатель отказал, заявив что, у молодого специалиста есть диплом, и я, отстранить его от работы, не имею права». Разгорячённые женщины кричали на председателя, а когда он сказал о дипломе, одна из колхозниц крикнула: «На что нам его диплом, его диплом годится только это место вытирать». На что

председатель заявил: «Нет, для этого он не годится, в нём корка толстая». В общем, собрание кончилось как бы ничем, но вскоре молодой специалист уехал их хутора совсем, а Кошевой вернулся к своим старым обязанностям, и всё постепенно вошло в норму. В своём повествовании я хочу отдельно остановиться на личности Якова Ефимовича Кошевого, своей неординарностью и нужностью для хуторян, он заслужил это. Личность он был, как я уже сказал неординарная и даже харизматическая.

После войны, ему было лет сорок шесть, выше среднего роста, средней полноты, на деревянной ноге. У него не было правой ноги до полбедра. Где он потерял ногу, я не знаю, позже среди хуторян ходили слухи, что его на машине переехал наш колхозный шофер Афанасий, тоже по фамилии Кошевой. Но это не так, я точно знаю что, ещё в войну у него уже не было ноги, а машина в нашем колхозе появилась только в сорок седьмом году прошлого века, это два года после окончания войны. У него был протез, он на нем ходил искусно и довольно быстро. Я видел, как он танцевал на колхозном празднике, в честь окончания уборки колосовых растений. Он танцевал так хорошо, что просто не верилось, что у этого человека нет ноги. Яков Ефимович в социальной жизненной цепи хуторян занимал не одно звено, а три или даже четыре. Ведь он был на все руки мастер, как говорится и жнец, и кузнец. Он, как и положено ветеринару, лечил всех животных, начиная от крупного рогатого скота, до кошек, лечил от всех болезней, кроме укуса змеи, этим занималась, вы уже знаете кто. При том надо учесть то, что лекарственных препаратов в то время было очень мало, а некоторых и вовсе не было. И по этой причине были случаи с животными со смертельным исходом. Помню случай с коровой, она забралась в люцерну, объелась, у неё начались проблемы кишечником, нужен был слабительный препарат, а его не было, и для того что бы спасти жизнь животному Кошевой начал применять дедовские способы. Что только с коровой не делали: и водой её обливали, затем вставляли ей в рот, зачем-то, палку и гоняли её вокруг Ласуновского колодца, и клали её на бок, и хвост ей задирали, в общем, мучили корову долго. Я не знаю, может этот дедовский метод, какому-нибудь животному и помогал, но в подобном случае он не помог, корову пришлось пустить на мясо.

И всё из-за того что не было необходимого препарата. Хотя Яков Ефимович и старался спасти животное но, не получилось. Но это был частный случай, хотя и очень болезненный для хозяйки коровы, но так получилось, и с этим надо было мириться. Он очень много делал кастрационных операций животным. Лечил

он не только животных, но и людей. Во время войны в нашей семье заболели все дети, в том числе и я. У нас на ногах появились сначала красные пятна, и они очень чесались, а затем эти пятна превратились в язвы. Мама не знала чем нас лечить, прикладывала какие-то листья, мыла нам ноги каким-то отваром, но ничего не помогало, с каждым днём становилось всё хуже и хуже. И вот в один из дней в нашей детской комнате появился Яков Ефимович. Мама стояла рядом с ним и ему что-то говорила, но как мне показалось, он её не слушал, ему было достаточно одного взгляда, что бы определить болезнь. Повернулся к маме и сказал: «Лечить детей будешь лигроином, разводить с водой в процентном отношении, я скажу как. Всё тряпьё, которое здесь находится тоже постирать в воде с лигроином, полати вымыть им же, доливку тоже протри лигроином. И началось лечение, каждый день мама ставила цинковою ванну на полати, наливала в неё коричневую воду и мы в ней стояли определённое время, затем вылезали и стояли на полатях пока ноги не обсохнут. И о чудо, через некоторое время язвы начали уменьшаться, а затем и совсем исчезли, остались только шрамы на ногах, но затем и они исчезли. Так и хочется сказать: «СЛАВА НАРОДНЫМ ЛЕКАРЯМ, а ЯКОВУ ЕФИМОВИЧУ ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ ВСЕЙ НАШЕЙ СЕМЬИ ЧУХЛЕБ». Ещё Яков Ефимович превращал свиней в мясо и сало, и это он делал так хорошо, что каждый хозяин борова старался пригласить его к себе. В хуторе говорили, если Яков Ефимович поработает с тушей борова, то и мясо будет хорошее и особенно сало. Шкурка у него будет такая мягкая и нежная, что кушать её одно удовольствие. А ещё я помню как Яков Ефимович спас нашу семью от замерзания в холодную зиму. Было это во время войны в глубокую осень. На дворе уже было достаточно холодно, я на улицу уже не выходил. Кто-то, из членов нашей семьи, выбил стекла в окне, которое выходит во двор, и образовалась дыра, через которую шёл в хату холод. Сейчас люди и представить не могут, какая это была беда для нашей семьи. В хате сразу стало холодно, окно хоть и было закрыто подушкой, но все равно тепло выходило на улицу. Главное, как исправить положение? В магазине хутора стёкла не продаются, да и в Бурукшуне их нет, значит надо ехать в Ипатово. А на чем туда добираться, один путь, только на перекладных, а где они эти перекладные? Только у двадцать второго совхоза, но туда от нашего хутора четырнадцать километров, да и не факт, что ты выйдешь на трассу и тебя возьмет первая машина, были случаи, когда хуторяне ночевали у трассы, в лесной полосе, а утром снова на дорогу. Вот только с таким трудом можно доехать в Ипатово. А там стекла может и не быть, и что тогда делать

хуторянину. В то время там колхозных баз не было, они появились только после войны, так что ночевать и ждать, когда привезут стекло, было негде. В общем, проблема была ужасная. И как вы думаете, кто нашу семью выручил? Правильно, Яков Ефимович. Кстати говоря, в то время стеклорез у Кошевого был один на весь хутор, насколько я знаю. А ещё я Якову Ефимовичу благодарен за то, что он помог нашей семье обзавестись хорошей коровой, и тогда наша семья стала с молоком, хотя об этом я уже писал.

Я описал только частицу добрых дел, которые Яков Ефимович делал для хуторян, но и это не мало. Так что вот такой человек жил и творил в нашем хуторе. Я ему очень благодарен, за то, что он бескорыстно помогал нашей семье. Я знаю, что его уже нет в живых, так что светлая тебе память, Яков Ефимович, и царство небесное, как говорят в народе.

Кстати о стеклорезах. Я в журнале прочитал анекдот, вот такого содержания: «Сегодня ночью похитители вынесли весь алмазный фонд Эстонии, все пять стеклорезов». Я не знаю, смешно вам от этого анекдота или грустно, но вот такой анекдот был в журнале. Отступление у нас было длинным, теперь давайте снова вернёмся в кинотеатр.

ВОСТОЧНАЯ КИНОПЕРЕДВИЖКА

Как вы уже знаете, я снова оказался в моторной мастерской, сначала я в ней работал один, но вскоре туда вернулись и братья Лёвины. Рабочий день двигался к концу, работу мы уже закончили, инструменты убрали в ящик, помыли руки и сидели, ждали пяти часов. Вдруг дверь мастерской открывается и к нам заходит киномеханик с передвижки, Николай Ахметзянов, или как мы его между собой звали, татарин. Зашёл, поздоровался и говорит: «Сеня, пойдём, тебя директор зовёт». Ну, пойдем, так пойдём. Зашли в кабинет к Алексею Николаевичу и он говорит мне: «Слушай, Сеня, тут такие дела. Николай просит помощника на кинопередвижку, ты из киномехаников, как раз у нас свободен, поедешь с ним и будешь работать, какой график работы и что делать он тебе расскажет. Сложности там большой нет, проекторы такие же, как и у нас в кинобудке, так что давайте определяйтесь, завтра после обеда выезд».

Вот с этого началась моя деятельность на кинопередвижке. На второй день, около двенадцати, мы с Николаем сидели в кинотеатре, и он мне рассказывал маршрут движения кинопередвижки. Первое село, в котором мы будем показывать кино, это Мелиорация, в двенадцати километрах от села Ипатово. Затем будет аул Барханчак и далее по очерёдности. Аул малый Барханчак, село Лиман, затем большое село Дивное, в нём будем два дня, далее село Дербетовка и хутор Кочергинский, это уже в трёх километрах от села, Ипатово. Вот такой не хилый маршрут.

Через час пришла машина, и мы начали грузить кинооборудование. Всё то, что мы грузили, мне было хорошо знакомо. Киноаппарат, штатив, коробки с кассетами, динамики, электропроводящие кабели и движок, который я знал, как свои пять пальцев. Всё это оборудование мне хорошо знакомо, так что объяснять мне, что к чему не надо. Поехали в село Мелиорацию, я знал, где оно находится, но никогда в нём не был. Доехали быстро, проехали по улице села и к клубу. Клуб был открыт, и мы сразу преступили к разгрузке оборудования. Разгрузили, занесли в здание и Николай начал устанавливать киноаппарат, я динамики, растягивал провода по залу, и подключал их к оборудованию, ну и так далее. Работаю, а сам одним глазом смотрю за машиной, и думаю, что это она никуда не уезжает, как будто кого-то ждёт. Мне это показалось странным, кого же он ждёт, я с ним ехать не собирался, Николай тоже должен крутить кино, непонятно. Ладно, думаю, что голову себе забивать придёт время и всё прояснится. И действительно прояснилось, но не в

мою пользу. Когда закончили установку всего оборудования, Николай подошёл ко мне и говорит: «Слушай Сеня, мне с тобой договориться надо». Думаю, к чему это он клонит, если учесть машину, которая до сих пор стоит, то он, наверное, хочет меня оставить одного, первый раз на передвижке и один. Не кажется ли вам странным такое поведение старшего киномеханика. Вот мне тоже это показалось странным. Но это нам с вами такие действия Ахметзянова кажутся странными, а ему, наверное, нет. Но надо дослушать до конца его договор, который он мне предлагает. Я посмотрел Николаю в глаза и спрашиваю: «А о чём договориться?» Николай немного помялся, видать, то, что он хотел мне сказать, ему самому это делать было неприятно, но всё-таки он сказал: «Понимаешь, такое дело, мне срочно надо уехать в Ипатово, так я тебя прошу, ты сам сегодня покажи людям кино, а я завтра приеду, ну как, поможешь мне?» Я человек по натуре добрый, и поэтому подумал. Так почему человеку не помочь, правда я не знаю, как у меня всё получится, ведь я кино на передвижке буду показывать в первый раз, но раз ему срочно надо, то пусть едет. О том, что я сейчас подумал, решил сказать Николаю: «Ты знаешь, конечно, кино покажу, но не знаю, как это у меня получится» — «Да ты не волнуйся, всё у тебя получится, только, я тебя прошу, о том, что я уеду, никому не говори, хорошо?» Я, кивнул головой, в знак согласия, Николай сел в машину и уехал. Я остался один и первый раз буду показывать кино на селе, а мне всего шестнадцать лет, а показывать кино на передвижке, это ни то, что показывать кино в кинотеатре. В кинотеатре, у меня были два аппарата и окошко в зал, через которое я смотрел картинку на экране в зале. Электричество было стационарное и мне о нем беспокоиться не надо.

А на кинопередвижке, всё оборудование, которое я перечислял, оно под моим контролем, да ещё надо народу билеты продавать и движок, который стоит на улице, за ним тоже надо следить, чтобы он не «убежал». Так что дел много, а я буду крутить кино в первый раз. Посмотрим, что получится. До начала сеанса времени ещё много, но я решил ещё раз проверить киноаппаратуру и увидел, что экран-то я ещё не повесил на гвоздь, который вбит в стену на сцене. Повесив экран, ещё раз всё осмотрел и остался доволен. Хожу по залу на автомате всё делаю, а в голове крутятся всякие мысли, не сорвать бы сеанс, как меня, мальчишку, примут люди, хотя бы движок не подвел. Я, что-то не нашёл рукавицу, которой в момент смены ленты, буду вкручивать лампочку, чтобы она загорелась, а как начну показывать кино то её, надо выкручивать, чтобы свет погас. Да надо посмотреть движок, как бы он меня не подвёл. Когда я возился с движком, то

заметил что три мальчишки, примерно моего возраста, стоят у стены клуба и за мной наблюдают. Я, почему-то определил что они не местные. Все трое смуглые похожие на татарчат, наверное, из Барханчака, подумалось мне. Не отрываясь от работы с движком, я спросил у ребят: «Местные?» — «Нет, не местные, мы из Барханчака», — ответил один из ребят, наверное, старший из них. «А зачем здесь оказались?» — вновь спросил я. «Кино пришли посмотреть», — ответил тот же голос. Тогда я поднял голову, посмотрел на мальчишек и спрашиваю у них: «А зачем вы пришли, ведь завтра я у вас буду показывать кино?» — «Зато мы посмотрим два раза», — сказал тот же голос, и я увидел, кто это говорил. Это был парнишка, моего возраста, с чёрными волосами и короткой стрижкой. Я его спросил, как зовут, он сказал что Равиль. Затем я у него спросил: «А сколько тебе лет?» Он ответил: «Пятнадцать». И в свою очередь он спросил у меня: «А тебе сколько лет?» Я ему ответил, что мне шестнадцать. Он удивлённо на меня посмотрел и говорит: «А я думал, что тебе больше, ты такой весь взрослый, да эта твоя военная форма, тебя взрослит».

В то время я ходил в военной форме, которую отец ещё после войны привёз, и она до сих пор лежала у мамы в сундуке. Когда я последний раз был дома, мама посмотрела на мои стоптанные ботинки, заштопанные брюки, и говорит тату: «Батько, давай Сене отдадим ту военную форму, что ты в 45-м году привёз, сколько она будет в сундуке лежать, пора ей применение найти». Отец посмотрел на маму и говорит: «Та отдай, и правда, сколько ей лежать, так и моль поесть может». Тогда родители меня одели, не только в галифе и гимнастёрку, но и новые сапоги.

Но это было раньше, а сейчас я разговариваю с Равилем, и зову его к себе, чтобы он помог мне установить движок, в углубление, так он будет надёжнее стоять во время работы. Когда мы установили движок, хорошо было бы, если бы мне кто-нибудь, помогал, а то одному будет сложно показывать кино. И тут же я подумал, а почему мне не попросить Равиля, парень видать толковый и мне поможет. Обращаясь к Равилю, я говорю: «Послушай, Равиль, я кино буду показывать один, может, ты мне поможешь?» — «А что делать?» — тут же спросил он. Пока мы с Равилем разговаривали, и я ему рассказывал, что надо делать, чтобы мне помочь, начали подходить люди, чтобы посмотреть кино. Я стал у двери и начал их обилечивать, то есть продавать билеты на сеанс. Пока в зале было светло, я движок не заводил, но как только стало темно, я завёл движок, в зале загорелась электрическая лампочка, и стало светло. Мне было интересно смотреть, как электрическому свету радовались не только дети, но и взрослые. Тогда электричества в Мелиорации не было, и

видели они его, только тогда, когда приезжала кинопередвижка. Стою у двери клуба и обилечиваю людей. Кассы, разумеется, у меня никакой не было, всё было гораздо проще, в левой руке я держал рулон билетов, такие как в автобусе или трамвае, кондуктор продаёт, а правой рукой брал деньги и ей же, отрывал билеты и вручал будущим зрителям. Люди проходили мимо, и удивлялись, какой молодой киномеханик приехал показывать кино. Проходят две молодые девушки, и одна другой говорит: «Вера, посмотри, кто нам будет показывать кино». А та отвечает: «Да нет, он, наверное, будет Николаю помогать, не доверят такому молодому кино крутить» — «Жаль, а то от такого молодого я кино ещё не видела, да и симпатичный он какой». Я им ничего не ответил, только поторопил их с прохода. Когда я убедился, что основная часть посетителей прошла, я у двери оставил Равиля, чтобы он без билета никого не пускал, а сам пошёл к аппарату и начал демонстрировать фильм. В общем, первый показ фильма прошёл успешно, только один момент чуть всё не испортил. А произошло вот что, стою у аппарата и показываю кино, возле меня лежит бухта кабеля, который идёт от движка, к блоку электрического питания, который находится здесь же рядом. Когда я перезаряжал ленту, мой взгляд упал на эту бухту, и мне показалось, что колец на ней было больше, но я подумал, что ошибся, заменил ленту и стал дальше демонстрировать фильм. А вот когда очередной раз, вкрутил свет, то увидел, что от большой бухты кабеля осталось только два витка. Тут, я всё бросил и бегом на улицу, Равиль за мной, его друзья тоже. И что вы думаете, всё-таки убежал от меня движок, я его догнал только возле забора. От клуба, он «пробежал» через дорогу и оказался у забора.

Вот такой шустрый у меня движок, за ним глаз да глаз нужен. С помощью ребят поставили движок на место, на всякий случай, я его прикрепил к земле металлическим штырем, и снова пошёл показывать кино. С этими движками просто беда, если его за ранее не закрепишь металлическим штырем, то он, под воздействием вибрации может сдвинуться на очень большое расстояние. Вот так, как получилось у меня. Закончился сеанс, зрители разошлись, Равиль с друзьями тоже ушёл, им ещё семь или шесть, точно никто не знает, километров пешком идти до дома. Я остался один, движок не глушу, чтобы было светло собирать оборудование. Правда, заведующая клубом, зажгла керосиновую лампу, но от неё проку было мало. Когда всё было собрано, то тогда заглушил движок и тоже затащил его в клуб. Когда я был занят показом фильма, то о том, где я буду ночевать, как то не думал, и только теперь, я почувствовал голод, и

подумал, где же я буду ночевать? На этот счёт, Николай ничего не говорил. Ну что делать, переночую в клубе на сцене, кошма у меня есть, на неё лягу, а укроюсь, плащевой тканью, которой я закрываю своё оборудование от дождя и пыли. Правда есть хотелось, но теперь ничего не сделаешь, придётся ждать до утра. Приготовил постель, и пошёл, чтобы закрыть дверь на крючок, не дошёл ещё до двери, как на её пороге появилась девушка лет двадцати в белом платье, а поверх надета лёгкая, светлая курточка. Смотрит на меня, улыбается и спрашивает: «Сеня, а где ты сегодня ночевать будешь?» Я показываю рукой на сцену и говорю: «Вон там». Она прошла в зал, ближе ко мне и говорит: «Пойдём со мной к моей подруге, там мы с тобой поужинаем, и ты будешь спать на чистой постели». Где же ты раньше была, пронеслось у меня в голове, мне так понравилось её предложение, особенно сообщение об ужине. Но я не торопился отвечать согласием, по одной очень важной причине и вот какой. Когда Николай меня инструктировал, что и как делать на кинопередвижке, то в том числе он мне сказал: «Смотри, Семён, мы с тобой здесь, в сельской местности, представляем столицу района, так сказать, несём культуру в массы и потому, честь столицы, и свою, как носителей культуры, мы ни в коем случае не должны ронять». Вот теперь стою и думаю над предложением девушки, если я с ней соглашусь и пойду, поужинаю, высплюсь в чистой постели, то при этом уроню я честь столицы или нет. Потом решил. Да шут с ней со столицей и с её честью, есть-то хочется, почему-то столица обо мне не думает, где я тут сплю и что ем, отправила меня, крути кино и всё, и дальше её ничего не интересует. Говорю девушке, пойдём. Закрыл клуб на замок, ключ положил в карман, и мы отправились к месту ночёвки. Идём, разговариваем, девушку зовут Лена, живёт она в Барханчаке. Затем она начала расспрашивать меня, откуда я, есть ли у меня девушка. Я ей сказал, что девушки у меня никакой нет, тут она повеселела и говорит: «Я тоже свободная, так что мы с тобой можем дружить». Когда она сказала, что мы можем дружить, я подумал: «Как же мы можем дружить, если живём в разных сёлах?», но говорить об этом ничего не стал, а то передумает и кормить меня ужином не станет. Затем она сказала, что часто приезжает в село Мелиорацию по делам. Какие у неё тут дела я, интересоваться не стал. За разговорами мы быстро дошли до места ночёвки. Нас встретила хозяйка дома, она сказала, что её зовут Надя, женщина лет тридцати, довольно симпатичная. Она была нарядно одета, в юбку бордового цвета и белую кофту, вышитую разными узорами, на украинский манер. Она, приветливо улыбаясь, поздоровалась, затем пригласила меня

мыть руки. Я, наклонившись, мою руки, а она стоит рядом с полотенцем и откровенно меня разглядывает. От её пристального взгляда мне как-то стало не по себе, я не привык к такому вниманию и покраснел, я даже почувствовал, как краска залила моё лицо. Надя это заметила и говорит: «Сеня, ты не стесняйся, чувствуй себя как дома. Пойдём, поужинаешь, и ложись отдыхать, а то ты, наверное, очень устал». Я действительно чувствовал усталость. На столе стояли продукты самой первой необходимости, варёная картошка, солёные огурцы, молоко, разлитое в стаканы и белый домашний хлеб. В то время белый хлеб был редкостью, и если он был на столе, то стол накрыт хорошо. Я поел хлеб с молоком, от остального отказался. Лена провела меня в другую комнату, где у окна стояла кровать, заправленная, белой простынью, и на кровати лежала подушка с такой же белоснежной наволочкой. У кровати стоял стул, я на его спинку повесил свой пиджак, в общем, разделся и в «семейниках» лёг в постель. Как было приятно после такого напряжённого и физически, и умственно, дня, оказаться в чистой прохладной постели. И всё это, благодаря Лене. А она, уложила меня в постель, а сама пошла, поговорить с хозяйкой дома. Я в комнате остался один, блаженно закрыл глаза, и как провалился в какую-то чёрную яму. Проснулся я от того, что мне в глаза светил яркий солнечный свет. Я подскочил с мыслями что проспал, и увидел у кровати Лену, которая стояла на коленках, она поняла моё волнение, и сказала: «Не волнуйся, ещё рано, так что ты можешь помыться, позавтракать, а потом пойдём вместе в клуб». Когда я уходил и прощался с хозяйкой, то она мне сказала: «Сеня, приедешь показывать кино, то не стесняйся, приходи ночевать ко мне, хорошо?» В знак согласия я кивнул головой и мы с Леной, свободной девушкой, ушли.

По дороге, мы с ней разошлись, она пошла в магазин, а я в правление колхоза. На прощанье Лена мне сказала: «Вечером встретимся в Барханчаке, я приду в кино к тебе». Правление выделило мне подводу, запряжённую парой лошадей, возницей была женщина, лет сорок. Оборудование мы погрузили быстро, а вот с движком пришлось повозиться. Он весил килограмм тридцать, и мы с ней вдвоём, никак не могли его перетащить через борт брички. В этот момент, я мысленно ругал Николая, сам просил у директора помощника, а как его ему дали, он сбежал, оставил помощника одного. Если бы он был, то никаких проблем с движком не было бы.

На другой день он в Мелиорации так и не появился, хотя обещал. Но нам с возницей повезло, мимо проходил мужчина и нам помог. Я мысленно простился с селом Мелиорацией, с

симпатичной заботливой хозяйкой у которой я ночевал, и мы тронулись в путь, ехать было не так далеко, километров шесть или семь, я точно не помню. Возница, лошадей не торопила, дорога была пыльная и она не хотела колёсами пыль поднимать, да и торопиться было некуда, до вечера было ещё далеко. За селом местность была холмистая, мы поднялись на гребень холма, и по нему поехали к месту назначения. Я сидел на бричке и от нечего делать рассматривал местность, по которой мы проезжали. Здесь местность была не такая, как в окрестностях нашего хутора. У нас степь, да и поля ровные как стол, за исключением неглубоких балок. А местность, по которой мы едем, была вся холмистая, возле Мелиорации, большой холм, где добывают камень известняк.

АУЛ МАЛЫЙ БАРХАНЧАК

Доехали довольно быстро, у клуба нас ждала заведующая клубом женщина, татарка, лет тридцать. Я с ней познакомился, она представилась Раей, мне было неудобно её так называть, и я спросил её отчество, но она настояла, чтобы я её называл именно так. Ну, ладно думаю, Рая, так Рая, мне все равно. Я ей назвался Семёном. Всё кинооборудование мы трое: я, возница и Рая, разгрузили быстро и даже движок, без особого труда, сняли с брички, в этом хорошо помогала Рая. Когда разгрузили, возница уехала, а мы с Раей остались. Я сначала думал, что она тоже уйдёт, но нет, осталась и активно мне помогала. Рая бегает по залу туда-сюда, а я за ней тайно наблюдаю и оцениваю. Я хоть в то время был молодой, но, как говорится в народе, ранний, поэтому в женщинах, разбирался. Рая, по моим тогдашним понятиям, хоть и была уже в определённом возрасте, но фигурка у неё была хорошая, все женские прелести были на месте и необходимого размера. Сначала она спросила, какое привезли кино, я ей ответил, что привёз два фильма: «Чапаев» и «Трактористы». Сегодня буду показывать кино о «Чапаеве», а будет ли кино завтра, или его не будет, я ещё не знаю, всё зависит от вашего председателя. Она удовлетворилась моим ответом и начала помогать, мне расставлять кинооборудование, то и дело спрашивала у меня, куда это поставить, куда то отнести и так далее. Видно было, что разговор со мной ей приносил удовольствие. Когда, оборудование было установлено, Рая принялась расставлять скамейки, тут уже я ей стал помогать, вот так дружно мы и работали. И вот всё сделано, до сеанса остался какой-то час, на улице стало темнеть, и тут Рая мне говорит: «Ну ладно, Сеня, всё сделали, теперь я пойду домой, а то корову подоить надо». Я кивнул ей головой, и она пошла. Затем остановилась, и у меня спрашивает: «Сеня, а ты после кино, где ночевать будешь?» Я сразу подумал, к чему бы это, и почему она называет меня Сеней, хотя я представился ей как Семён. Но, думай не думай, а отвечать надо, и я говорю: «Да, ещё пока не знаю, потом определюсь», — уклончиво ответил я. А сам, подумал, как в сёлах любят киномехаников, а может и не киномехаников, а во мне видят только мужчину. Женщины молодые, в основном одинокие, их парни остались на полях войны, а женскую природу никуда не денешь, вот они и проявляют внимание. Рая сказала: «Ну, хорошо, я приду смотреть кино, после сеанса и решим, где ты будешь ночевать». До сеанса время ещё было, и я решил сходить в магазин и купить, что-

нибудь из еды. Закрыл клуб, и пошёл в сторону магазина. Магазин был открыт, я купил, две трёхсотграммовые бутылки молока, тогда такие были, несколько булочек и полкило пряников. Теперь я едой себя обеспечил, мне её хватит и на ужин, и на следующий день на завтрак, так что ночевать к заведующей клубом, можно и не ходить. Да и вообще, не люблю я ходить по гостям, так что буду ночевать в клубе. Подхожу к клубу, смотрю, на ступеньках сидит какой-то парень, смуглый, коротко стрижен, похожий на тех, ребят, которые вчера приходили в кино в село Мелиорацию. Подхожу к нему, он встаёт и первый здоровается: «Здорово, Сеня?» Я удивлённо посмотрел на него и спрашиваю: «Откуда моё имя знаешь? Я ведь в Барханчаке первый раз» — «Так наши пацаны, которые вчера ходили на Мелиорацию кино смотреть, ну и всё мне про тебя рассказали. Говорят, что кино возит парень шестнадцати лет, я настолько удивился, даже сначала не поверил им, но они все трое так горячо доказывали, что пришлось поверить. Так это правда, что тебе шестнадцать лет?» — «Да, — говорю, — правда, кстати, а тебя как зовут, а то ты моё имя знаешь, а я твоё нет, как-то получается не правильно» — «Ренат меня зовут, а что тебе шестнадцать, глядя на тебя и не скажешь» — «Знаю, Ренат, мне об этом постоянно говорят», — сказал я ему. «Но всё-таки ты меня удивил, в таком возрасте самостоятельно крутишь кино», — не унимался Ренат, — Сколько я здесь живу, такого ещё не было, чтобы такой молодой парень возил кино, обычно возят взрослые мужики». За разговорами, я открыл замок, мы с Ренатом вошли в клуб, я перед сеансом решил перекусить. Открыл бутылку молока, взял булочку, Ренату предложил тоже самое, но он от булочек и молока отказался, а взял только пряник. За едой опять пошли разговоры. Ренат у меня спросил: «Сеня, скажи, а где ты ночевать будешь?» — «Да не знаю», — отвечаю я. И дальше продолжаю, — Тут меня приглашала заведующая клубом, но не знаю, идти к ней или нет. Понимаешь, Ренат, мне как-то идти к ней неудобно, она женщина уже в возрасте, а мне показалось, что она, на меня имеет виды. Мне, кажется, что это не хорошо. Как ты думаешь?» — «Знаешь что, Сеня, пойдём ночевать ко мне, моя мама против не будет, она у меня хоть и молчалива, но добрая. А к этой Раисе не ходи, она женщина лёгкого поведения, и весь аул об этом знает, так что лучше не ходи». Я с Ренатом согласился, что ночевать у него, мне будет удобней.

За разговорами мы не заметили, как быстро пролетело время, народ уже начал собираться у входа в клуб, аппаратура у меня уже была настроена, поэтому я сразу начал людям продавать входные билеты. Сеанс я начал вовремя, в то время, когда я

показывал кино, на дверях с билетами стоял Ренат, потому что некоторые люди опаздывают, вот он и продавал им билеты. Кино уже шло полным ходом, я стою у аппарата, Ренат на входе. Смотрю на дверь, а Ренат с кем-то толкается, я подошёл, чтобы узнать в чём дело, а Ренат мне говорит, да вот она, и показывает на женщину татарку средних лет, хочет пройти бесплатно. Я посмотрел на женщину, она смотрела на меня своими чёрными, как уголь зрачками, улыбаясь, просит меня разрешить ей посмотреть кино, хоть одним глазом. «Понимаете, говорит она мне, я верующая, и мула нам, верующим, запрещает смотреть кино, говорит, что кино придумали шайтаны, а их слуги возят его и показывают, и правоверным грех его смотреть, а все смотрят и мне хочется, а денег нет. Разрешите посмотреть». Я сказал Ренату, чтобы он пропустил её, пусть смотрит. А сам пошёл к аппарату. Когда кончилась первая лента, я подозвал Рената и сказал ему: «Садись и смотри кино, на дверях больше стоять не надо». На передвижке, в моё время был такой порядок, после первой ленты, опоздавших людей пускали бесплатно, сидячих мест уже нет, и им приходилось стоять у стенок, а дети в покат располагались на полу. Жители аула это правило знали и специально стояли за углом клуба и ожидали сигнала, в виде ухода контролёра с прохода, и тогда они дружной толпой заскакивали в зал. Сеанс прошёл, как говорится, в штатном режиме, без каких-либо отклонений, тем более срывов. Движок ещё работал, свет в зале горел, люди, не спеша, как будто хотели посмотреть ещё одну серию, выходили из зала. Некоторые подходили ко мне и благодарили, за хорошо показанный фильм, подошёл и председатель колхоза, человек уже в возрасте, пожал мне руку и сказал: «Спасибо, сынок, кино показал хорошо, без срывов, завтра приходи, поговорим». Все зрители ушли, я смотал наружный кабель, с Ренатом затащили движок в клуб, а остальное оборудование оставил, как было, возможно завтра придётся кино ещё раз показывать. Уже собрались выходить, вдруг в зал заходит Лена и говорит: «Я пришла, как и обещала». Я её попросил подождать на улице, сказал, что мы скоро выйдем. Она вышла, а Ренат мне и говорит: «Сеня, ты с ней не связывайся, она невеста нашего табунщика, боюсь, что тебе по шее попадёт» — «Какой табунщик, — возмутился я, — она мне сказала, что она совершенно свободная девушка, а ты о каком-то табунщике говоришь» — «Да не верь, ты ей, она тут со всеми мужиками гуляла, пока её Олег, ну который табунщик, не «зануздал», так после этого немножко присмирела. А сейчас он с табуном на выпасе, так она за тебя вцепилась. Что говорить, девушка она красивая и многим нравится, вот, наверное, и тебе понравилась,

но я тебя всё-таки предупреждаю, не нарывайся» — «Ладно, Ренат, если она не ушла, то я её только до дома провожу, и сразу к тебе домой. Кстати, она далеко от тебя живёт?» — «Да нет, на одной улице, через два дома от нашего двора. Ну ладно пойдём».

Вышли на улицу, я закрыл дверь клуба на ключ и ключ положил себе в карман, осмотрелся, Лены не видно, ну, думаю, и хорошо, что она ушла, наверное, обиделась за то, что я её попросил выйти из клуба. На небе ярко светила луна, все хорошо было видно, думаю, если бы Лена ждала, то её было бы видно, а раз не видно значит она ушла. С легким сердцем, что так хорошо всё разрешилось, пошли с Ренатом к нему домой. Идём вдоль стены клуба, не успели мы сделать и пять шагов, как послышался голос, который звал меня. Я остановился, повернулся на голос, и увидел, что к нам идёт Лена, в свете луны её было хорошо видно. Подошла и сразу по-деловому распорядилась: «Ренат, ты по тропинке иди домой, а мы с Сеней пойдём по дороге, он проводит меня домой. Ренат, нехотя пошёл к тропинке, эта затея ему явно не нравилась. Когда мы остались с Леной наедине, то она взяла меня под руки, и мы с ней пошли по дороге через лог. Шли, разговаривали, она интересовалась думал ли я о ней, и как часто я это делал. Если честно, то я о ней вообще забыл, сейчас мне приятней общаться с ребятами моего возраста, такими как Ренат, Гена Ложник, а не с девушками сомнительного поведения, да ещё и старше меня лет на пять. Но как быть, если ей сказать правду, то она обидится, да это ей и слушать будет неприятно, и сказал, что я думал о ней и очень часто. Лене мои признания очень понравились, она запрыгала и говорит: «Как это хорошо, что тебя любят, я очень рада, что тебе понравилась, я думаю, что мы с тобой обязательно будем встречаться». Я ей ничего не ответил, только подумал, как она может так говорить, ведь она же встречается с другим человеком, а может она и ему так говорит, мне этого не понять. Пересекли лог, вышли на другой берег, и медленно пошли по улице. Справа от нас были дома и заборы, а слева, кустарник вдоль лога. Прошли немного по улице, вдруг Лена потянула меня за руку в кусты, и говорит: «Пойдём сюда, я тут приготовила для нас местечко». Мне, туда идти не хотелось, просто было как-то неудобно, ведь мы с ней друг друга ещё толком и не знаем, а она сразу в кусты. Но я, чтобы не уронить мужское достоинство, с её настойчивым предложением согласился. В «райских» кущах мы с ней были с полчаса, затем, зная, что меня ждёт Ренат, я говорю Лене: «Пойду я, а то неудобно, ведь меня ждёт Ренат». Она меня не отпускала, с трудом вырвался из её объятий, я быстрым шагом пошёл к дому Рената.

Он сидел на завалинке, опустив голову, и моему приходу не обрадовался, и я, чтобы разрядить обстановку, приобнял его за плечи и сказал: «Прости меня, Ренат, ну так получилось» — «Да мне-то что, я за тебя волнуюсь, ведь табунщик обязательно узнает, что ты её провожал, и разбираться не будет, было там у вас что, или не было, он горячий и очень ревнивый. Вот она тебя подцепила, а с табунщиком у них через неделю свадьба, вот так. А ты говоришь — свободная девушка». Я подвинулся ближе к Ренату, и заговорщицки ему говорю: «Ренат, но о том, что я её провожал, знаем только мы трое, если ты и она никому не скажете, то никто и знать не будет» — «Эх, Сеня, ты вот житель большого села и не знаешь порядков малых хуторов и аулов. А тут у нас так, что бы ночью ни делалось, утром весь аул знает. Вот ты мне не говорил, где ты с ней проваландался полчаса, а я знаю, ты с ней был в кустах, что вдоль оврага растут, правильно?» Я удивился его догадливости и спрашиваю: «А откуда ты знаешь, что мы там были?» Ренат вздохнул и говорит: «Сеня, да эти кусты у нас одни на весь аул, и влюблённые парочки всегда там встречаются. Если чей-то муж, без особой причины вовремя не вернулся домой, то жена берёт палку, и идёт его искать в кусты, и были случаи, что находили, ну ладно, что мы будем с тобой заранее страху нагонять, вот завтра и разберёмся, если конечно надо будет. А сейчас пойдём, поужинаем и спать». Мать Рената очень удивилась, что мы так поздно пришли, но все равно, напоила нас татарским чаем, и подала на стол нарезанный белый хлеб и сливочное масло, так что ужин был на славу. Спать легли с Ренатом в одну кровать, так как больше было некуда. И вот я лежу в кровати и смотрю на противоположную, белую стенку, где в свете луны, вижу на ней оконную раму и ветку дерева, на фоне рамы. Лежу на кровати, заложив руки за голову, смотрю на изображение, и тут мне вспомнился хутор, там была вот такая же картинка.

А было это так. Привезли к нам в хутор кино, вечером все засобирались идти смотреть фильм, мы, малышня, тоже собираемся, но тут нас мама остановила и сказала: «Младшие дети, остаются дома». Всё, это приговор, а младшие это, я, Миша и Рая. Улеглись на пол в хате спать, я лежу и смотрю на противоположную белую стенку, и на ней, в лунном свете, видна оконная рама, и ветка кустарника, которая время от времени колышется. В то время я лежал и думал о кино, и это видение напомнило мне кадр из фильма. Вот думаю было бы хорошо, вот так лежать и смотреть кино. Прошло много, очень много времени, и моя мечта сбылась, тогда когда появился телевизор. Так что мечты иногда сбываются. Кстати, о телевизоре в то время и не

просвещённости хуторян. Да что там хуторян, я в Ипатово жил, работал в кинотеатре, и о телевидении ничего не слышал. Казалось кто-кто, а уж мы, киношники, должны это знать в первую очередь. По этому поводу я вам хочу рассказать один случай.

Было это 1951 году в хуторе. Я в то время был дома. Сидим мы с тато на порожке, смотрим, к нам идёт тетя Груня, наша соседка, и, главное, идёт таким быстрым шагом, как будто у неё, что-то спешное. Отец смотрит на соседку и говорит мне: «У Груньки, что-то случилось, бачешь, як до нас бежит». К нам подходит тётя Груня и тату с ходу говорит: «Слухайтэ, диду Кондрату, моя кума была в гостях в Ставрополе и каже, что как будто есть такое кино, что в Ипатово показывают, а у нас в хуторе будет видно?» Сказала и вопросительно смотрит на моего отца. Тато помедлил, как будто обдумывал заданный вопрос, а затем «выдал» тёте Груне: «Да ты подумай садовая твоя голова, ну як цэ так можно шоб в Ипатово показывали, а у нас було выдно. Ни цэ брыхня, такого будь ни може».

Тётя Груня согласно кивнула головой и говорит: «И я тоже так думаю шо це брыхня». На этом встреча была закончена и стороны, довольные друг другом, разошлись. Прошло много времени, последний раз я был в хуторе, когда он был ещё жив, а это было 1971 год, но телевизора хуторяне так и не увидели. Но это было гораздо позже, а пока я в гостях у Рената, под свои сокровенные мысли незаметно уснул.

Проснулся я поздно, Рената уже в комнате не было, я оделся и вышел во двор. Ренат возился в стайке, что-то там делал, увидев меня, спросил: «Проснулся, умывайся, сейчас будем завтракать». За завтраком, поели лапшу с мясом, попили татарский чай, его можно ещё назвать калмыцким, по вкусу они похожи, я это знаю, потому что пил тот и другой чай. Затем, пошли в правление колхоза к председателю, чтобы договориться насчёт вечернего сеанса, и на завтра заказать подводу, для переезда в аул Большой Барханчак. Аул Барханчак расположен на холмистой местности, дома построены, на гребнях увалов и на их склонах, а между двумя увалами, находится неглубокий овраг, вот он и выполняет, роль улицы. Клуб находился на одном увале, а правление колхоза на другом. Мы с Ренатом пересекли овраг, и направились к правлению.

Ещё не дошли до правления, смотрю, нам на встречу идет парень, примерно моего возраста и широко улыбается. Протягивает мне руку и говорит: «Здорово, Сеня». Я на него смотрю и вижу, лицо знакомое, а кто именно узнать не могу, протягиваю руку, пожимаю, а сам думаю, кто же это такой, видать

знает меня хорошо, раз называет по имени. И вдруг меня как будто кто-то подтолкнул, да ведь это Славка Сабуров, мой однокашник. «Здорово, Слава, извини, сразу тебя не узнал, ты так изменился, вырос, похудел, что кушать меньше стал?» — «Да нет, — отвечает Слава, — как-то так получилось, что и вырос и похудел». Затем я у него спросил: «А что ты здесь делаешь, насколько я знаю, ты должен в школе учиться?» — «Да бросил я её, понимаешь, мне стало там не интересно, то, что преподавали учителя по литературе, я это до школы знал. Помнишь, Соня Сомченко тебе говорила, что она читает с пяти или шести лет, так вот я тоже читал с пяти лет. И всё, что в нашем доме я перечитал, а у нас библиотека томов триста, мой отец тоже любитель почитать, так что он со всех командировок обязательно, привозил, какую-нибудь книгу. Так что читать было что. А здесь в ауле я работаю, начальником радиоузла, или просто радистом. Кстати о школе, русачка о тебе вспоминала, говорила: «Вот Чухлеб школу бросил, а что из него выйдет неизвестно». А я тут же ей ответил, да, говорю, человек из него выйдет, а бросил он школу, потому что учителя такие, вот вы тоже к нему по-свински относились, а что он виноват, что русский язык начал изучать только в нашей школе, а вы над ним смеялись и оскорбляли. Ты, Сеня, знаешь, я хоть перед кем молчать не буду». Это, правда, Славка всегда перед учителями в выражениях не стеснялся, ему это позволялось, за его спиной «стоял» отец, а кто его отец вы уже знаете, если читаете мою книгу сначала. Затем Слава меня с Ренатом пригласил к себе на работу, но я ему сказал, мне сначала надо к председателю, а затем пойдём к нему на работу.

Глава колхоза был на месте и ждал меня. Он сразу спросил о Николае, я ответил, что он не приехал по семейным обстоятельствам. Затем я заговорил о подводе, отвезти кино в соседний аул. Председатель, насторожился и у меня спрашивает: «А ты что вечером кино не будешь у нас показывать?» — «Понимаете, — ответил я, — я подумал и решил, что крутить кино в одном посёлке, дважды подряд для кинотеатра, не выгодно, на другой день в кино людей будет мало, и выручки не будет. И ещё, мне через сутки надо быть, в Лимане, там меня будет ждать Николай. Председатель помолчал, затем говорит: «Семён, давай сделаем так, колхоз тебе за показ кино заплатит, за шестьдесят посадочных мест, 30 взрослые, и 30 мест дети, в сумме будет 45 рублей. Договорились?» Я подумал, что деньги неплохие, вчера по билетам я в этом ауле собрал тридцать семь рублей, а тут сразу отдадут сорок пять. «Хорошо, — говорю, — с деньгами я согласен, а как быть с Николаем Ахмидзяновым, мне от него влетит» — «С этим татарином я сам договорюсь, на этот

счёт не волнуйся», — заверил меня глава колхоза. Договорились с председателем и вместе с ним, а ещё Слава и Ренат, пошли к бухгалтеру за деньгами.

Председатель сказал бухгалтеру, чтобы выдала мне сорок пять рублей за кино, которое киномеханик покажет сегодня вечером. Бухгалтер в знак согласия кивнула головой и председатель, куда-то уехал, а мы все остались. Бухгалтер, молодая женщина лет тридцати, сначала написала какую-то записку, затем отсчитала деньги, и мне говорит: «Вот здесь, — и показывает пальцем, — распишись за деньги, а затем их получишь».

Я взял записку и её читаю, Славка стоит рядом и тоже читает записку, а в ней написано: «Я, Сеня киномеханик, взял в колхозе сорок пять рублей, в чём и расписываюсь». Я прочитал записку и ничего понять не могу, почему я в ней должен расписываться, я ведь не прошу у колхоза деньги, а показываю колхозникам кино, за счёт колхоза, и поэтому форма расчёта, должна, быть какая-то другая, правда, какая я не знал. Пытаюсь это втолковать бухгалтеру, но она меня не понимает.

Тогда слово взял Слава, а в выражениях он никогда не стеснялся, говорит ей: «Ты что хочешь дураков найти, их среди нас нет, деньги твоего колхоза, Сене не нужны, а если ты не хочешь чтобы жители аула увидели кино «Трактористы» то так и скажи». Затем Слава поворачивается ко мне и говорит: «Слушай Сеня, сейчас, мне привезут из села Ипатово аккумуляторы на грузовой машине, я с шофером договорюсь, и он тебя отвезет в соседний аул, пойдём ко мне на работу, и там будем ждать машину».

Мы трое уже пошли к двери, как вдруг я слышу голос женщины, которая сидела на стуле у окна и смотрела на улицу, на наши препинания с бухгалтером, казалось бы, внимания не обращала, но оказывается, всё слышала. Она сказала: «Парни подождите». Мы остановились, я вижу, что женщина встала со стула, высокая, средней упитанности, подошла к столу бухгалтера, и говорит: «Антонина, ты что делаешь, ты знаешь, что тебе за это будет, если кино уедет, но вечером люди обязательно соберутся у клуба, а киномеханика нет и кино нет. Да наши женщины выдерут тебе последние волосёнки, ты этого хочешь?» Было видно, что Антонина такого для себя не хотела, и она начала искать выход из создавшегося положения. В каких-то бумагах рылась, рылась, затем со злостью говорит: «Ну как я ему выплачу, деньги отдам, а у меня для отчёта ничего не останется, ты это понимаешь?» Обращается она к женщине. Женщина подвинула к себе стул села на него и спрашивает у Антонины: «А

как ты платишь поливальщикам, которые наши поля поливают водой?» — «Да вы же акт поливки составляете, ты его подписываешь, вот по нему я им и выплачиваю» — «Антонина, так ты на показ кино состав акт, напиши, что такого то числа показано кино, сдал, принял, с киномехаником подпишитесь вот тебе и документ для отчёта. Антонина дёрнулась, удобней, уселась на стуле и раздражённо заметила: «Так бы и сказала, а то сидишь у окна, кого-то там высматриваешь, а Антонина одна соображай». Женщина повернулась к нам лицом и говорит: «Вот так и помогай людям, сделаешь им добро, а они тебя же и обвинят». Я не знаю, как ребята среагировали на её замечание, но лично я улыбнулся женщине и понимающе кивнул ей головой. Антонина протянула мне акт о проделанной работе, я его прочитал и расписался, в строке, где было написано: киномеханик Сеня.

Получив деньги, мы отправились к Славе на работу. Шли по дороге, на столбе висел репродуктор, и играло радио. Я показал на репродуктор и спросил у Славы: «Твоя работа?» — «Моя», — как-то буднично ответил он. Зашли в его рубку, это была небольшая комната, стол, на котором стоит радиоустановка, два стула и лавка, которая стояла у стены. Ренат сел на лавку, а мы со Славой на стулья, пока Сабуров рассказывал о своей работе, затем о том, как он сюда добирается, я сравнивал аул Барханчак со своим хутором, и мой хутор ему во многом проигрывал. В ауле не было электричества, но зато у них было радио, и жители аула узнавали новости страны, копаясь у себя на огороде. А если надо собрать людей на собрание, то Слава, выключателем щёлкнет, возьмёт микрофон и всем объявит, где будет собрание и когда. А у нас в хуторе, как в старые дедовские времена верховой глашатай ездит по дворам и кричит: «Сегодня будет собрание колхоза, после вечерней дойки всем собраться у правления колхоза». Вот такая допотопная информация. Слава меня спрашивает, хочу ли я, что-нибудь сказать жителям аула. Я посмотрел на Славку удивлённо и говорю.: «А что я им скажу?» — «Ну как что, — говорит Слава, — ты сегодня договорился с правлением колхоза показывать кино бесплатно, вот и объяви жителям аула» — «Ну, раз такое дело, то давай скажу что-нибудь» — «Нет, Сеня, не что-нибудь, а дело и говори хорошо, ты ведь будешь в прямом эфире, и тебя будут слушать сотни людей, так что соберись и скажи». Сначала я волновался, затем собрался с духом и говорю Славе: «Объявляй». Сабуров, взял микрофон и сказал: «Уважаемые товарищи, жители аула, сейчас перед вами выступит, работник кинопроката, киномеханик, Сеня Чухлеб». Я не стал его поправлять, что моя фамилия теперь не Чухлеб, а

Чухлебов, думаю, как объявил пусть, так и будет. Слава даёт мне микрофон, я его беру, сам конечно волнуюсь, но раз взялся, так делай, отступать некуда, но затем собрался и сказал: «Уважаемые жители аула, я киномеханик, зовут меня Семён, вчера я вам показывал картину «Чапаев», а сегодня будет кино «Трактористы». Краткое содержание. После войны с армии демобилизовался солдат, танкист, приехал в незнакомый колхоз работать трактористом, в бригаде приняли его неласково, но он не отчаивался и работал, затем там была любовь и ревность. В общем, будет интересно, приходите не пожалеете. Начало, как всегда, в девятнадцать тридцать. Ой, чуть не забыл, кино будет бесплатно, колхоз уже заплатил». В это время Ренат, что-то сказал, я думал, он хочет тоже выступить по радио, и в микрофон говорю: «Сейчас Ренат что-то вам хочет сказать, Ренат, на микрофон», Но он выступать по радио отказался, и тогда я в микрофон сообщаю: «Ренат отказался выступать, говорит, что он жителям аула и без радио надоел, так что на этом я заканчиваю».

Когда я говорил, то все время посматривал на Славку, думаю если что не так — то он мне подскажет, а он зажал рот, корчился от смеха, а когда я закончил говорить, он сказал: «Ну, Сеня, ты и концерт в ауле закатил, у меня так ещё никто не выступал». А я ему говорю: «Слава, я же тебе говорил, что я никогда по радио не выступал, а ты мне — бери микрофон и говори, вот я тебе и наговорил. Так что не обижайся» — «Да нет, Сеня, всё нормально, я думаю, людям понравилось, просто ты с выступлением Рената наюморил, и это тоже хорошо». Затем мы со Славой попрощались и пошли домой к Ренату обедать. Дома никого не было, но яичница с луком и кусочками мяса, на плите стояла, видно мать Рената приходила и приготовила нам обед. Пообедали, попили татаро-калмыцкий чай, и пошли в кинотеатр готовиться к показу кино. Ренат предложил идти через лог, но времени до сеанса было ещё много, и я ему предложил идти по дороге. Когда с левой стороны кончились дома, то дальше, был луг, и на нём разбросаны какие-то камни, я спросил Рената: «А почему здесь камни валяются?» Ренат посмотрел на меня удивлённо и сказал: «А они не валяются, это кладбище, там и отец мой лежит». Затем я спросил у него: «А кладбище, какое татарское?» Ренат удивлённо посмотрел на меня, а затем ответил: «Конечно татарское, какое же возле аула может быть кладбище?» То ли спросил у меня, то ли уточнил Ренат. Я ему предложил пойти туда и посмотреть на памятники, татарские памятники я ещё никогда не видел. Ходим между врытых в землю камней, которые называют памятниками, я рассматриваю их, на камнях надписей нет и кто похоронен не известно, но на них выбиты полумесяцы, и

покрашены разной краской. Белой, красной, синей, желтой и даже зелёной, такое впечатление у кого какая краска была, тот такой и красил. Я Рената, спросил, как же родственники находят своих усопших, на что он мне ответил: «Я не знаю, как другие находят, а мы с мамой, могилку моего отца, находим по красной звезде, которую художник выбил на памятнике. Хочешь, пойдём, посмотрим». На могиле отца Рената, камень был похож на памятник, на нём было написано фамилия и имя похороненного, а так же дата рождения и смерти. А в верхней части памятника, была выбита звезда, а рядом со звездой был выбит полумесяц, и они были покрашены красной краской. Красная звезда меня удивила, ни на одном памятнике, её не было, а на памятнике, отца Рената она была. Об этом я спросил Рената, и он мне рассказал: «Чтобы звезда была на памятнике отца, настоял я, ведь он умер не как простой смертный, а умер от ран, которые получил на фронте, да и мой отец, был бойцом красной армии и это должно быть видно на его памятнике. Мула был против звезды, но я настоял, чтобы она осталась, и мама меня поддержала. Вот так теперь эта звезда всем «говорит» о том, кто был мой отец». Когда Ренат говорил, то видно было, как он волновался, я приобнял его за плечи и говорю: «Ренат, ты правильно поступил, ты защитил своего отца, ты сделал хорошо. А теперь пойдём в клуб, а то скоро надо кино показывать».

Подготовка к сеансу шла полным ходом, я перемотал ленты, Ренат мне помогал, затем вдвоём, вынесли силовой кабель и положили на крыльцо, чтобы потом подключить его к движку. Потом вытащили и движок. Я, наклонившись, копаюсь в карбюраторе, готовлю движок к запуску, вдруг слышу топот лошадиных копыт, ага, подумал я, табунщик к нам пожаловал. Ренат в это время был в клубе чем-то занят, но как только послышался топот копыт, краем глаза вижу Ренат вышел из клуба и направился ко мне. Топот копыт прекратился, я не поднимая головы, скосил глаза в ту сторону, где он был слышен. Вижу, какой-то взрослый парень, лет двадцати пяти, слез с лошади, её привязал к дереву, а сам направился в мою сторону. Я как копался в движке, так и продолжаю копаться, не поднимая головы. Вижу, в метре от движка остановилась пара запылённых сапог, не далеко от них появились ботинки Рената, я делаю своё дело, не поднимая головы. Ну а кто он такой, чтобы я бросал работу, подумаешь, Ромео нашелся. Он стоит, молчит, я работаю, и тоже молчу, а Ренат, тоже молчит, он в данном случае вообще не причём. Наконец, сапоги не выдержали и «заговорили»: «Ты, киномеханик Сеня?» — «Да я. А что случилось, что ко мне, надо было ехать на коне верхом?» — «Раз приехал, значить случилось.

Мне с тобой поговорить надо» — «Ну, всё, снова начинается Ипатовский вариант, только там со мной потолковать хотели, а здесь, более интеллигентно, поговорить хотят, суть одна и та же, что там могли лицо набить, что здесь это же, наверное, хотят сделать». Но хотеть это одно, а сделать совсем другое. Так же, не поднимая головы, отвечаю ему: «Говори, я слушаю» — «Давай отойдём, я хочу с тобой поговорить без посторонних» — «А здесь посторонних и нет, Ренат мой друг, и от него у меня тайн нет» — «Ну, ладно. Ты вчера провожал домой мою невесту Лену?» — спокойно спрашивает у меня «Ромео». «Нет, твою невесту я не провожал, а провожал я свою девушку, кстати, её тоже зовут Леной» — «Так ты понимаешь, что это и есть моя невеста Лена» — «Девушка, которую я провожал, не может быть твоей невестой, так как она мне сказала, что она совершенно свобода и не с кем не дружит. И кстати, она сегодня мне обещала прийти в кино» — «Ну, ладно, потом разберёмся, чья это девушка, ты мне скажи, у вас с ней было, что-нибудь или нет?» Тут я закончил возиться с движком, встал во весь рост, и было видно, что я выше парня на полголовы. Затем обращаясь к нему, говорю: «Ты хотя бы сказал, как тебя зовут, а то получается как-то неудобно, ты моё имя знаешь, а я твоё нет» — «Олегом меня зовут», — ответил он. «Так вот, Олег, если ты утверждаешь, что та девушка, которую я вчера провожал действительно твоя невеста, так не лучше тебе у неё спросить про то, что ты у меня спрашиваешь?» — «Уже спрашивал» — «Ну и что она тебе сказала?» — поинтересовался я. «Она сказала, что ничего не было, молодой он ещё, и мы с ним даже не целовались. А что ты скажешь?» — «Ну что я на это могу сказать, она права, я действительно ещё молод для серьёзных отношений с девушками. Это я только выгляжу взрослым, а на самом деле мне только шестнадцать лет и общаться мне интересно не с девушками, а с ребятами, со своими сверстниками, с ними я нахожу тему для разговора».

Олег меня выслушал, немного подумал, затем говорит: «Ну, ладно Сеня, будем считать, что с этим разобрались, а вообще ты парень нормальный, и кино, говорят, показываешь хорошо, лучше Николая. Только вот Лена сегодня в кино не придёт, хотя она тебе и обещала. Сегодня она сидит у меня под замком, так что ты уж как-нибудь без неё. Ну, бывай, я пошёл».

Олег, ушёл вроде ничего сверх естественного и не случилось, а осадок неприятный остался, ну точно как в том анекдоте, который я описал выше. Сеанс начал вовремя, народу было очень много, даже в проходе стояли, ну как же халява, она всегда сладкая, а Лена в кино не пришла. Так что Олег прав, она, наверное, действительно была его невестой, а не моей

подружкой, а может она была в двух ролях, кто их поймёт, этих женщин. Закончив сеанс, убирать оборудование не стали, я закрыл клуб, и мы пошли с Ренатом ночевать к нему домой. На следующее утро встали раньше обычного часа, позавтракали и пошли в клуб, чтобы собрать оборудование, а мне надо ещё и ленты перемотать. Как только я закончил перемотку, всё оборудование вытащили на крыльцо, чтобы быстрее погрузить, вскоре приехала подвода, мы быстро погрузились и поехали в соседний аул. Ренат поехал со мной помочь мне и к своей тётке, маминой сестре, в гости. Как только выехали за аул, я, с облегчением вздохнул, наконец-то вырвался из этого заколдованного аула, всё теперь позади.

АУЛ БОЛЬШОЙ БАРХАНЧАК

До соседнего аула было недалеко, и мы доехали быстро, у клуба нас ждала женщина средних лет, она представилась заведующей клубом. Спросила меня, почему не приехал вчера. Я ей объяснил причину моего отсутствия, она молча выслушала, ничего не сказав, отдала мне ключ от замка двери клуба и ушла. Мы втроём: я, возница и Ренат, быстро разгрузили подводу, оборудование ставили возле крыльца клуба, затем возница на бричке уехала, а мы затащили оборудование в клуб. Кое-что из оборудования установили, а проекторы я устанавливать не стал, время уже было после обеда и мне захотелось есть. Я Рената отправил к тёте, чтобы он там пообедал и предупредил её, что мы вечером к ней придём ночевать и ужинать, и чтобы Ренат пригласил тётю в кино. Ренат ушёл, а я пошёл в магазин, купил еды и вернулся в клуб. Покушал и принялся устанавливать аппараты.

Вскоре вернулся Ренат, и рассказал, что тётя обрадовалась его приезду, и будет ждать нас на ужин, но в кино не придёт, так как не хочет раздражать мулу, а две её дочери придут. Затем Ренат сказал: «Сеня, а девчонки симпатичные, особенно старшая Дина, так что имей виду». Когда Ренат всё это мне рассказывал, я возился с аппаратом, но как услышал слова, имей виду, то повернулся к нему и говорю: «А может нам достаточно, соседнего аула?» На этот вопрос Ренат мне не ответил, только пожал плечами. Пока устанавливали и подключали оборудование, время прошло быстро, смотрю, а люди уже начали собираться у клуба. Сеанс начали во время, кино открутил как надо, после сеанса, некоторые мужчины, парни и девушки, подходили, благодарили и говорили, что я кино показываю лучше, чем Николай, у меня между лентами промежутки небольшие, не больше минуты, а Николай возился по три, а то и по четыре минуты. Мне было приятно, что люди, которых я впервые вижу, говорят мне спасибо, думаю, значит, не зря нас сюда посылают, ведь кроме кино два раза в месяц, у людей больше никаких развлечений нет. Кстати, для того чтобы аппарат перезаряжать быстрее минуты, я ещё в Мелиорации тренировался, постоянно искал причины долгой перезарядки, находил и устранял их. Добился того на всю операцию с аппаратом меня уходило не больше двадцати секунд, и вот результат, люди благодарят. Зал постепенно пустел, люди уходили и вот, наконец, остались мы с Ренатом вдвоём. Движок пока не глушили, нужен был свет, хотя керосиновая лампа горела, но свет от неё был очень тусклый. Ладно, думаю, потом

пригодится. Всё оборудование убрали, остался только движок, пошли с Ренатом глушить и затаскивать его в клуб. Вышли из здания, Ренат шёл впереди я за ним, вдруг Ренат остановился и говорит: «Явилась, не запылилась». Я сразу не понял о ком он, и спроси его: «А ты о ком это?» — «А вон, посмотри, кто стоит на углу здания». Я посмотрел, куда указал Ренат, и вижу, кто-то стоит в светлой одежде, а кто? Понять, было невозможно, было темновато и поэтому плохо видно. Луна хоть и светила, но ещё плохо. Ренат снова заговорил: «Ты что не узнаёшь, да это же Лена, из соседнего аула» — «Опа, — думаю я, — это уже интересно». Я пошел к Лене, спрашиваю её: «Как ты здесь оказалась?» Она смотрит на меня и говорит: «К тебе пришла, ты что не рад?» — «Да нет, рад, конечно, но я беспокоюсь за тебя, я знаю, что ты была под замком, как тебе удалось оттуда выбраться?» Лена не стала отвечать, как она выбралась, а предложила пойти вовнутрь здания. Мы с ней пошли в клуб, Ренат в это время корячился над движком, я взялся за другой конец рамы и мы вместе его затащили в клуб. Как только мы затащили движок, я говорю Ренату: «Ты иди к тёте, а я здесь буду ночевать». Вижу, что Ренату вся моя затея не нравится, ну а что я могу сделать, раз девчонка столько отмахала ради встречи со мной, не выгонять же мне её обратно. Мой помощник стоит не уходит, я посмотрел на Лену, она сидела на лавке, поджав ноги, и в руках держала какой-то свёрток из газеты. Смотрю на неё и думаю, ну как её здесь не оставить, такую милую девушку, а Ренату говорю: «Пойдём, я тебя провожу». Вышли во двор, он мне говорит: «Смотри, Сеня, доиграешься, табунщику ничего не составляет сюда на лошади прискакать» — «Ладно, Ренат, в таких случаях моя мама говорила, волков бояться в степь не ходить. Так что давай, иди к тёте, а завтра, как проснёшься, ко мне». Ренат ушёл, я вернулся в клуб, входную дверь закрыл на задвижку, повернулся и пошёл к Лене. Когда я к ней подошёл, она встала и спросила: «Сеня, ты есть хочешь?» — «Да хочу, у меня остались пряники и молоко, но, наверное, оно уже прокисло, жара-то какая стоит. Вот смотри, сейчас уже осень, а теплынь стоит как летом». Лена тактично дождалась конца моей тирады, а затем говорит: «Сеня, зачем кушать пряники, я же вот, — и показывает пакет, — принесла еду, так давай её и поедим. А то я тоже проголодалась» — «Да? Так это у тебя еда? А что же ты раньше молчала?».

Лена на лавке начала разворачивать пакет, но я её остановил, и говорю: «Сейчас мы с тобой соорудим стол, а то, что же получается, у нас с тобой семейный ужин и на лавке. Нет, так не годится». При словах семейный ужин, Лена мило заулыбалась, снова села на лавку и стала смотреть, как я сооружаю стол. Я взял

один ящик с кинокассетами, поставил у ног Лены, затем на него плашмя положил футляр от киноаппарата, потом к, так называемому, столу, принёс и поставил другую лавку, чтобы мы сидеть напротив друг друга. Получилось так, как будто мы сидим за настоящим столом. Лена, улыбаясь, положила свёрток на наш «стол», развернула его, и я увидел в нем настоящую царскую еду. В свертке, были, два соленых огурчика, два яйца, ломоть хлеба и две большие, с ладонь мясные котлеты. Я от удовольствия увиденного почмокал губами, Лена радовалась произведённому эффекту. Я не привык много есть и поэтому наелся, одной котлетой с огурцом, а Лена села только яйцо и ломтик хлеба. Когда я ел, то наклонялся, чтобы откусить кусочек котлеты, и вот когда я наклонялся, мои волосы падали мне на лицо, они у меня на голове были мягкие, шелковистые и плохо держались в причёске, и поэтому Лена, своими пальцами их зачёсывала. Мне было, очень приятно.

Моё молоко действительно скисло, но у меня была ещё закрытая бутылка воды «Нарзан», так что попить было что. Оставшуюся еду Лена снова завернула и сказала: «Сеня, а это тебе на завтра, только котлету обязательно утром съешь, а то она до обеда может испортиться». Я открыл бутылку с водой, и мы вдвоем пили из неё по очереди. Затем я Лену попросил, что бы она рассказала, как она из заперти убежала. Вот что она рассказала: «Он в эту неделю работал в ночную, а днём был дома, я была у него, а вечером он уехал к табуну и оставил меня одну. Я сижу в этой ненавистной мне комнате, и думаю, как же мне отсюда вырваться, знаю, что ты в соседнем ауле, и если я успею, тебя застать в клубе после сеанса, то могу с тобой встретиться. Хожу по комнате туда-сюда, не знаю, как из неё вырваться, затем подумала, а что это я мучаюсь, сейчас вышибу оконную раму и убегу. Попробовала ногой, но, только пятку отбила, а рама как стояла на месте, так и стоит. Потом вдруг я вспомнила, как в каком-то кино я видела, как ворота выбивают бревном. Но у меня бревна не было, но была лавка, я взяла её, отошла в конец комнаты, подняла на уровень рамы, разогналась и долбанула ею так, что оконная рама полетела во двор, а за ней лавка, а за лавкой и я чуть не вылетела, но вовремя уперлась в оконный проём. Выскочила в окно и побежала домой, к маме. Прибежала, мама ничего не поймёт, почему я так запыхалась, как будто за мной гнались, а я смотрю на маму и говорю ей, мама дай что-нибудь поесть. Мама собралась греть котлеты, а я положила газету на стол и давай туда складывать, что попадалось съедобное, а у самой в голове стучит, только бы успеть, только бы он не ушёл после кино. А когда бежала к тебе, эта мысль, не

покидала меня ни на секунду, стучит и стучит в голове, ну, слава Богу, успела». Я смотрю на Лену, а она всё это рассказывает с улыбкой на лице, а лицо у неё такое симпатичное, я бы даже сказал красивое, а улыбка настолько обаятельная, что я не могу от неё, оторвать своего взгляда. Лена это заметила и вдруг прекратила рассказ и спрашивает меня: «Сеня, а я тебе очень нравлюсь?» До этого времени я девушкам ничего такого не говорил, а ей сказал: «Да, очень нравишься, я на тебя насмотреться не могу». Лена соскочила с места, обняла меня за шею и давай целовать, я не вырывался, её поцелуи мне были приятны. Затем мы с ней соорудили постель из подручного материала, разделись, чтобы не помять одежду и в постель. Ночь пролетела так быстро, как птица. Сколько я спал, я не знаю, мне кажется, а может, оно так и было, я только задремал, и меня разбудили петухи, они начали кукарекать один за другим, затем стихли. Я слышал ровное дыхание Лены и понял, что она ещё спит, да и как ей не спать, она столько вчера пешком прошла, а может, пробежала, конечно, сильно устала. Затем петухи затихли, и я снова уснул, разбудили меня, опять петухи, но теперь, как говорят в народе, кукарекали вторые петухи и пора было вставать, Лене надо было пораньше добраться до дома. Лена проснулась вместе со вторыми петухами, и говорит мне: «Сеня давай вставать, мне надо идти». Но сразу мы не встали, решили ещё немного полежать. Только после этого, мы поднялись, оделись, допили воду Нарзан и пошли на выход.

Пока я закрывал двери клуба на замок, Лена стояла рядом и ежилась от холода. Утро было действительно прохладным, а она была в одном платьице. Думаю надо Лену утеплить. Вернулся снова в клуб, взял свой пиджак, который возил с собой на случай прохладной погоды, всё-таки осень, а заодно надел на свою голову, кепку-шестиклинку коричневого цвета. В то время у молодых парней была мода на кепки, в моде были кепки, сшитые из клиньев материала. Крутые были те, которые сшиты из клиньев одного цвета, и обязательно с пуговицей, обшитой таким же материалом, как и кепка, и располагалась она сверху, посредине клиньев. Круче всех, считались кепки-восьмиклинки, и цвет тоже имел значение, в моде были восьмиклинки тёмного цвета. Светлые кепки, считались дурным тоном. У меня была кепка, как я уже сказал, шестиклинка коричневого цвета. Это не крик моды, но всё же. Я думаю, читатель меня простит за такое лирическое отступление. А что, может кому-то и интересно какая у молодых парней того времени была мода на головные уборы.

А в Барханчаке я закрываю дверь клуба на замок, а Лена кутается в мой пиджак. Прижавшись, друг к другу, мы с Леной

шли по аулу. Ещё было рано, на востоке только посветлело, поэтому прохожих мы практически не встречали. Вышли за аул, Лена, прижавшись ко мне спрашивает: «Сеня, а ты меня далеко проводишь?» — «До твоего дома, пошутил я. «Нет Сеня, я тебя серьёзно, спрашиваю». Теперь я уже на полном серьёзе ей говорю: «Лена, давай так, я буду тебя провожать до тех пор, пока мы твой аул не увидим, потом ты пойдёшь домой одна, а я вернусь назад» — «Хорошо», — согласилась Лена с моим предложением.

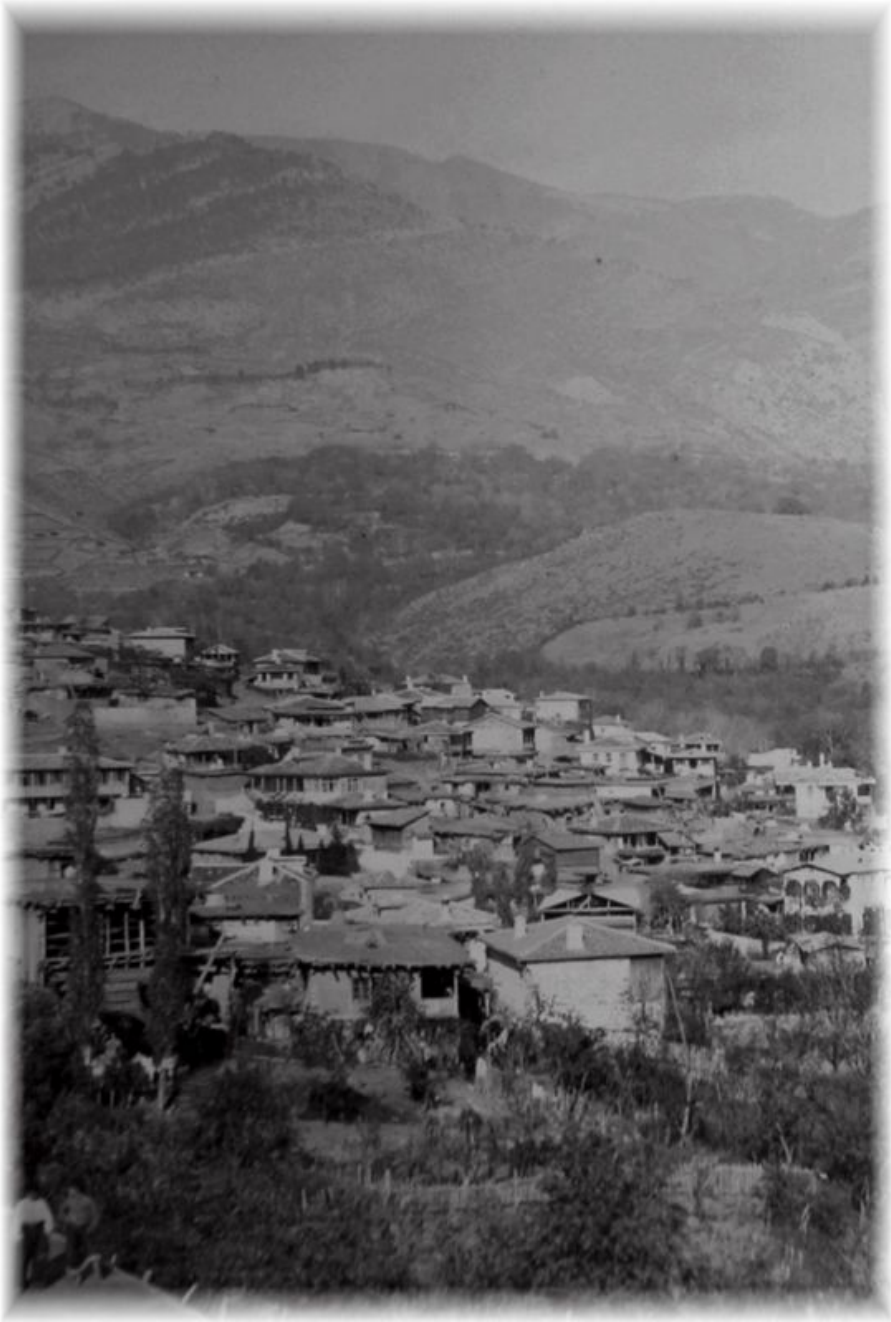
Шли долго, то и дело останавливаясь, чтобы проверить наши чувства друг к другу, затем снова шагали дальше. На востоке уже во всю гуляла заря, а мы всё никак не можем дойти до намеченной цели, мешали постоянные остановки, в которых Лена хотела убедиться в моей любви к ней. Наконец мы поднялись на косогор, и увидели недалеко её аул, последний раз попрощались и Лена пошла по дороге теперь одна. Она то и дело оглядывалась, а я стоял и махал ей рукой. По мере удаления её от меня, фигурка её всё уменьшалась и уменьшалась, пока она не спустилась в лог, где она исчезла в объятиях тумана. А теперь я вам хочу сказать грустную для меня правду. Больше мы с Леной никогда не виделись, по причине которую вы узнаете позже из моей книги. Когда я вернулся в аул, солнце уже поднялось, и я сразу направился в правление колхоза за подводой. Бригадир уже был в курсе и сказал, что через пару часов бричка к клубу подъедет. Ответом я остался доволен и пошёл в клуб готовить оборудование к погрузке. У клуба на ступеньках уже сидел Ренат. Вид у него был чем-о недоволен. Я спросил у него что случилось: «Да, в общем-то ничего, только я же вчера тёте заказал ужин, а ты не пошёл, она наготовила много, а есть некому. И сестрёнка Дина тебя ждала, хотела с тобой познакомиться, расстроилась, чуть ли не до слёз».

Ренат продолжает говорить, а я открыл клуб, зашли вовнутрь, начали готовить оборудование к отправке. Мне ответить на сетование Рената нечего, но всё-таки он мне очень помогал, и что сказать в своё оправдание я не знал и поэтому молчал. Наконец Ренат не выдержал и спросил меня: «Ну, что ты молчишь, сказал бы хоть что-нибудь. Оправдываться я не хотел, я не в чём не виноват, но что-то ответить надо, раз хотят услышать меня. «Ренат, ну а что я могу сказать, ты же видел, какая была вчера обстановка, девушка пробежала столько километров, кстати, а сколько километров между аулами?» — спросил я Рената. «Да я точно не знаю, одни говорят, что шесть километров, а другие, что четыре, а сколько точно никто не знает» — «Так вот, — продолжаю я, — Пробежала пусть даже четыре километра, в темноте, а она не шла, а именно бежала, боялась, что меня после

сеанса не застанет, увидела меня, обрадовалась что успела, а я ей, как говорится, от ворот поворот, так что-ли я должен был сделать по-твоему?»

Ренат немного помолчал, затем сказал: «Сеня, да я тебя не осуждаю, будь я на твоём месте я точно так же поступил бы, но тетка возмущалась нашей непорядочностью, я же ей всей создавшейся обстановки объяснить не мог, по вполне понятной причине, понимаешь? А ужин был прекрасный, лапша, жаренная на шкварках, ешь и есть хочется». Тут я решил упрекнуть Рената. Говорю ему: «Ренат, какие шкварки, ведь это же свинина, а ты мусульманин, а, насколько я знаю, мусульмане свинину не едят» — «Эх, Сеня, — сокрушённо сказал Ренат, — в такие голодные годы все обычаи забываются, да и живём мы в ауле вперемешку с русскими, так что все едят то, что есть, татары свинину, русские конину, такая жизнь, и в ней надо выжить, чтобы не помереть с голоду».

Пока мы с Ренатом разбирались в перипетиях, подъехала повода, и мы начали грузиться. Прощаясь, я Ренату сказал: «Спасибо тебе, в эти дни ты мне очень помог, и с этого момента я считаю тебя своим другом, ты очень хороший человек. Прощай, возможно, я тебя больше не увижу, но помнить тебя буду всегда. Я пойду, а то меня ждёт подвода». Ренат молча меня слушал, наклонив голову, а когда я сказал что я пойду, то он поднял на меня свои чёрные, как угли, глаза и сказал: «Сеня, ты всё-таки постарайся приехать, я буду очень рад тебя снова увидеть». Твёрдо пообещать Ренату я не мог, так как не всё от меня зависело, поэтому сказал ему только одно слово: «Постараюсь». Я сел на подводу и возница, женщина средних лет тронула лошадей. Ренат стоял, заложив руки за спину, и смотрел мне вслед, я махнул ему рукой, он ответил, вскоре бричка повернула за угол дома и Рената не стало видно. Больше я с ним никогда не встречался по той же причине что и с Леной.



СЕЛО ЛИМАН. ВСТРЕЧА С НИКОЛАЕМ

До очередного пункта назначения, под названием село Лиман, добирались долго, всё-таки восемнадцать километров для гужевого транспорта расстояние немалое. Я, сидел на бричке, на задке свесив ноги и вдруг почувствовал голод, когда работал, голода не было, а как остался без дела, то почувствовал, что есть хочу. Достал Ленин подарок, из ящика в котором он лежал, и принялся за еду. Думаю, съем, как Лена велела, котлету и огурец, а хлеб и яйцо оставлю, ещё не известно, как всё повернётся с этим татарином. Так и сделал, ел котлету и вспомнил Лену, какая она, всё-таки, хорошая девушка, под впечатлением мне, немного сгрустнулось. Поел, как то стало веселей, жаль пить нечего, кислое молоко, я оставил в клубе, а воду Нарзан, мы с Леной выпили, ну ничего, приедем на место и там напьюсь воды. Такая езда мне начала надоедать, я человек действия, и сидеть долго не могу, но что делать, раз лошади уставшие, и быстрее ехать не могут. Тогда я встал с брички и пошёл пешком. Затем увидел суслика и побежал за ним. По пути выскочил зайчик тушканчик, я бросил суслика и побежал за тушканчиком. И так я бегал то за одним, то за другим пока не устал, затем снова сел на бричку и поехал дальше. Наконец-то мы добрались до села Лиман.

Ещё не доезжая до клуба, я увидел, что там на ступеньках кто-то сидит, я подумал, что это Николай, когда подъехали, так оно и вышло. Подвода подъехала к крыльцу клуба и остановилась, Николай, нехотя встал и пошёл ко мне, и сразу начался допрос, с раздражением в голосе. Я ему рассказал, всё как было, а затем добавил: «Я председателю колхоза говорил, что за суточное опоздание, мне от Николая попадёт, но он меня заверил, что с тобой договорится и меня ты ругать не будешь» — «Ага, — сказал Николай, — с этим татарином договоришься, у него прошлогодней соломы не выпросишь». Затем немного помолчал и спросил: «Народ-то на второй день был?» — «А меня народ не интересовал, я председателю сразу сказал, если колхоз за сеанс оплатит, то я останусь показывать кино, а если нет, то и резона нет. Вот колхоз мне и оплатил сорок пять рублей». Услышав, сколько я получил за сеанс, Николай заметно повеселел, и говорит: «Ну, хорошо, давай будем разгружаться, а то женщине надо ехать обратно». Разгрузились, Николай забрал у меня деньги и ушёл куда-то, а мне велел устанавливать аппаратуру. Дело шло к вечеру мне очень хотелось, есть, но этот татарин, денег мне на еду не дал, сказал, что я и так много потратил, хотя потратил я всего три рубля сорок копеек, и это за

четыре дня, а положено командировочные на передвижке, четыре рубля сорок копеек на сутки. Но заведённый порядок ему не указ, он тут хозяин, как захочет, так и сделает. Ладно, думаю, приедем в Ипатово я директору расскажу, как он себя ведёт с подчинёнными. У меня в кармане ещё осталось яйцо и ломтик хлеба, я их съел, чувствую, что не наелся, но пряники, которые лежали в другом кармане пиджака я есть не стал, думаю, пусть полежат, ещё не известно, как всё повернётся. К сеансу Ахметзянов пришёл, с какой-то, женщиной, среднего возраста и такой же внешности. Мне она, почему-то, сразу не понравилась, не знаю чем, но не понравилась и всё тут. Николай начал продавать билеты, а я стоял у аппарата, когда основная часть людей зашла, он пришёл показывать кино, а я пошёл к двери. Сеанс прошёл нормально, правда, на сеанс было затрачено времени больше, чем я показываю. Действительно, Николай долго перезаряжает аппарат, то ли не умеет, то ли считает, что люди его подождут, но факт остаётся фактом. Когда все зрители вышли, осталась только та, которую он привёл, спросил у меня, насколько я продал билеты, я достал из кармана пять рублей по рублю и два рубля хотел оставить себе на обед, но он забрал и сказал: «Где будем ночевать, там нас и покормят».

Ночевали у этой тётки, которую он привёл в кино. Николай сразу ушёл в другую комнату, а хозяйка посадила меня за стол, поставила какого-то холодного супа и серый хлеб. Я был голодный и поэтому всю эту бурду съел. Затем она повела меня на веранду, показала, где я должен спать. На веранде стоял деревянный диван, на котором лежал матрац, набитый соломой, и накрыт тканым рядном и лежало такое же рядно которым надо укрываться. Что делать, выбора нет, я лёг на диван, не раздеваясь, конечно, одежда помнётся, это не хорошо, но и спать на такой постели раздетым, тоже приятного мало. Домотканые рядна, сделаны грубо, там много узлов, которые давят тело, да и условия их изготовления не очень аккуратные. В плетения могут попасть, всякий мусор, вроде частичек сена или соломы, и когда на него ложатся голым телом, то эти частички в тело впиваются, и делается больно. Я все это знал, и испытывать судьбу не стал и лёг спать одетым. Я уже спал, и проснулся от того, что за стенкой, за которой остался Николай с хозяйкой, слышалось не стройное пение. Да думаю, сам меня инструктировал, как я должен себя вести, чтобы не уронить честь столицы района, а сам что делает. Пение и шараханье за стенкой продолжалось ещё долго, наконец всё затихло, и тогда я уснул.

Утром, Николай был, я бы сказал не очень, рожа красная, наверное, с похмелья, и ещё от него несло перегаром. Я снова

поел той же бурды, пока хозяйки не было положил себе в карман пиджака два кусочка хлеба, так, на всякий пожарный, и пошёл в клуб собирать оборудование, Николай сказал, что за транспортом он сам пойдёт. Вскоре подошла машина, мы погрузились и уехали в село Дивное, это следующий населённый пункт в котором мы должны показывать кино. Село Дивное большое и там кино надо показывать два дня подряд. Первый день крутили кино вдвоём, ночевать пошли к какой-то тётке лет тридцати, там меня кормили лапшой и, наверное, с маслом, ночевал примерно в таких же условиях как в прошлую ночь. Утром, на второй день, Николай сказал, что он сегодня уедет в село Ипатово по делам, так что ты показывай кино один, а завтра придёт машина и перевезёт тебя в село Дербетовка.

Если честно, то я даже такому решению обрадовался, зная, что теперь я голодным не буду. Сеанс прошёл в нормальном режиме, после кино, когда почти все разошлись, зале осталась женщина, у которой мы вчера ночевали, и парень с девушкой сидели и шушукались. Зачем осталась женщина, я не знал, ведь Николая сегодня нет, а та парочка или никуда не торопится, или им некуда идти. Ну, думаю, если некуда идти, то пусть здесь ночуют и мне будет веселей. Я откручиваю винты, которые держат киноаппарат на штативе, а сам тайком посматриваю на эту женщину, и думаю, чего она ждёт. На ту молодую парочку я и внимания не стал обращать, зачем они остались, мне было ясно, я так думал. А женщина смотрела, смотрела на меня, а затем встала с лавки, и идёт ко мне, смотрю, молодая парочка на меня тоже обратила свои взоры. Женщина ко мне подошла и говорит: «Сеня, ты сегодня пойдёшь ко мне ночевать?» — «Нет, — говорю, — сегодня я к вам не пойду, мне достаточно, вчерашней ночёвки» — «Ты, Сеня, извини, но это Николай так распорядился, я хотела тебя положить спать на кровать, а он решил вот так» — «Мне не важно, кто что решил, мне важно как я ночь провел. И вы, пожалуйста, не стойте и не теряйте время, как я сказал, значит так и будет, я своих решений не меняю. Вы не смотрите на то, что я молодой, но у меня есть свои принципы и я им не изменяю». Она молча постояла ещё немного, затем повернулась, и медленным шагом пошла к выходу. Пока мы с этой женщиной разговаривали, молодёжь сидела, во все глаза смотрела на нас и во все уши слушала. Женщина старалась говорить тихо чтобы нас не слышала эта сладкая парочка, но сделать ей это было сложно, так как парочка сидели в трёх метрах от нас.

Когда женщина ушла, парень встал и направился ко мне. Подошёл и говорит: «Сеня, меня зовут Иван, можно у тебя спросить?» — «Спрашивай», — говорю. «А где ты будешь сегодня

ночевать?» — «Да здесь и буду, а что ты со своей девушкой тоже хочешь здесь заночевать?» Он улыбнулся и говорит, да это не моя девушка, это моя сестра, мы остались, чтобы тебя пригласить к нам ночевать. Пойдём, вместе поужинаем и поспишь в чистой постели. Ну как? Я подумал, конечно, хорошо бы в чистой постели поспать, да и кушать хочется, одним пряником не наешься, а магазин уже давно закрыт. Но идти к чужим людям как-то неудобно, у них же и мать дома, как она на это посмотрит. Но на всякий случай решил спросить Ивана: «Иван, а как твоя мать к этому отнесётся?» — «Положительно, она тоже была в кино и здесь же Галя ей сказала, что мы хотим тебя пригласить к себе ночевать и поужинать, если конечно тебе некуда идти. Я слышал твой разговор с женщиной, так ты не думай, что у нас будет так же, всё будет хорошо, правда же, Галя, — обратился он к сестре. Галя кивнула головой.

Небольшое отступление.

Вот я пишу, что меня приглашали к себе на ночёвку разные люди, и угощали хорошим ужином. Разумеется хорошим, по тем временам. Так вот я думаю, что у читателя может создаться такое мнение что, я пишу не правду. И кто-нибудь, может подумать, что это он такое пишет? Что его к себе и те, и другие приглашали ночевать, чуть-ли не нарасхват его зовут к себе домой, и притом кормят и поят да ещё и в чистую постель укладывают спать.

И это чужого человека, такого не может быть. Вы наверное задаёте себе вопрос, возможно ли такое? Так вот таким читателям я отвечаю: ВОЗМОЖНО. Кстати, ваше, возможно ли такое, только предположение, но не факт, а моё ВОЗМОЖНО, уже состоявшийся ФАКТ. И ещё скажу вам что, приглашали меня даже большее количество людей, я обо всех не стал писать, так как к ним я не ходил ночевать. Но почему люди это делали, точной версии у меня нет, но думаю, что они это делали из добрых побуждений. Ведь как ни как человек привозит к ним кино, и только два раза в месяц. И для сельского жителя это было единственное приятное развлечение. В фильме посмотреть, как живут люди в других местах, узнать районные новости и наконец, забыть о своих повседневных тяготах, да ещё и побыть всем селянам вместе. При том учтите то, что люди не знали, что в кино играют артисты, а затем их снимают на плёнку. Они даже не знали, что есть кинокамеры, люди просто смотрели другую жизнь, а как это делается, они не имели представления. Современные люди третьего тысячелетия не могут представить, какая у людей была радость, когда привезут в тот или иной хутор, аул, или другой населённый пункт, кино. Вот я пишу, что люди радовались свету электрической лампочки. Как только лапочка загорается то, на

серьёзных лицах людей, этих сельских тружеников, сразу появляется улыбка. А о кино и говорить нечего. Так вот, ещё насчёт того почему люди приглашали киномехаников к себе домой ночевать. Я помню, когда мне было лет двенадцать, мама пригласила к нам на ночёвку киномехаников, Ивана Фоменко и Цыгана, он по национальности был чистый цыган и поэтому его так все звали, а вообще его имя Николай. Позже я с ними работал, когда им обоим было уже за тридцать. Но когда их приглашала мама к нам в гости, они ещё были молодые парни. Пришли они к нам, поужинали что было, долго с родителями во дворе разговаривали, а затем пришли в хату и с нами, детворой, в покат легли спать на полу, который обильно был устлан полынью. Позже, я маму спрашивал, зачем она пригласила к нам ночевать киномехаников, ведь у нас условия проживания плохие, с едой плохо, да и с постелью, мягко говоря, не очень комфортно, на что она мне ответила примерно то же, что я уже описал, но ещё мама мне сказала: «Сынок, мы тут в хуторе живём в такой глубинке и не знаем, что в мире делается, а знать хочется, ведь мы тоже живем в этом мире. А киномеханики, хлопцы городские, радио слушают, газеты читают, да и общаются они там с образованными людьми и поэтому многое знают, так что поговорить с ними очень интересно».

Так что как видите, причин может быть много, о других причинах я и не говорю, в крайнем случае, не в этой книге. Ну что, я вас убедил? Ну, раз убедил тогда пойдёмте вместе ночевать к Ивану и Гале. Разумеется, идти к ним ночевать я согласился. Всё-таки ночи с каждым днём становятся холоднее, а тёплой одежды у меня нет, а плащ-палатка, которая у меня есть, от холода не спасёт. А у них дома, наверное, и печка натоплена, да и еда горячая, так что надо идти. Я попросил Ивана, чтобы он помог мне затащить движок в клуб, закрыл его на замок и мы втроём пошли к ним. Нас встретила хозяйка дома тётя Надя, она была приветлива и очень приятной внешности, я стоял у двери и смотрел то на хозяйку, то на Галю, они были похожи, только возраст делал небольшое различие. Тётя Надя, сразу, нас отправила мыть руки, затем, пригласила за стол, на нем стояла, большая сковорода с лапшой и со шкварками и в ней были видны кусочки мяса, а рядом с сковородкой стояла тарелка с солёными огурцами. Молоко было разлито по стаканам, а в центре стола красовался белый домашний хлеб который был положен в деревянную чашку. Ужин был что надо, у меня слюнки потекли, хотелось быстрее покушать такую аппетитную лапшу. Тетя Надя увидела моё нетерпение, взяла чашку, наложила туда лапши и подала мне, я сразу принялся орудовать в чашке деревянной

ложкой.

Галя сидела напротив меня, не ела, жеманилась, и то и дело задавала мне всякого рода вопросы, но мне отвечать было некогда, рот был полный и на её вопросы я только кивал головой. Тётя Надя, видя это, сказала Гале: «Отстань от парня, пусть он поест, видишь, как человек проголодался», — а сама у меня спросила, — Сеня, а ты сегодня обедал?» Я дожевал, что было во рту и ответил: «Пряник». Хозяйка всплеснула руками и говорит: «Это что же за обед, один пряник, то-то я и смотрю, какой ты худой, давай наедайся больше, ешь и поправляйся, а то тебя дома мама не узнает». При слове мама, у меня защемило сердце и я подумал, как давно я её не видел, прошло лето, наступила осень, а я так и не был в хуторе и когда туда попаду, не знаю. После того, как поел, я хозяйку поблагодарил за хороший ужин, и вместе с Иваном пошли другую комнату, где меня ждала белоснежная постель. Я разделся и блаженно растянулся на мягкой перине. В комнате было тепло, и я укрылся только простынёю. Иван ушёл, я уже начал дремать, вдруг заходит Галя и спрашивает меня: «Сеня, а теперь с тобой можно поговорить?». Я ей разрешил. Она подвинула к моей кровати стул, села на него и давай мне снова задавать вопросы, ну такие которые интересуют молодых девушек. На некоторые вопросы я ответил, а на некоторые нет. В таких случаях я Гале говорил, я этого не знаю. Наша беседа если её можно так назвать длилась минут двадцать, потом я чувствую, что очень хочу спать говорю и Гале: «Галя, давай ты мне о себе будешь рассказывать, а я тебя буду слушать»?

Вот таким нехитрым способом, я и Галю не обидел и выполнил своё желание, то есть уснул. Утром я как всегда проснулся рано, оделся и вышел в кухню, в ней была только тётя Надя, остальные ещё спали. Я быстренько позавтракал и пошёл в клуб собирать оборудование, надо успеть его подготовить, а то неизвестно когда подъедет машина, может через час, а может через минуту.

ПОСЁЛОК ДЕРБЕТОВКА И ХУТОР КОЧЕРГИНСКИЙ

Машину пришлось ждать не долго, вскоре она подошла, и мы с шофёром и его стажёром погрузили всё необходимое в машину, и направились в посёлок, Дербетовка. От села Дивное, до Дербетовки расстояние не большое, и на машине доехали быстро. Клуб уже был открыт, заведующая клубом знала, что сегодня привезут кино. Втроём быстро разгрузили оборудование, прямо у крыльца клуба, шофёр, когда уезжал, сказал, что завтра приедет до обеда и перевезёт меня в хутор, Корчагинский, затем сел на машину, и они со своим стажёром уехали. Я, оборудование занёс в здание клуба, и частично расставил, затем пошёл в магазин купить, что-нибудь поесть, а то может, придётся ночевать в клубе, и тогда я останусь без ужина. В этом поселке всё прошло нормально, фильм прошёл без срывов, главное, я движок сразу закрепил, и поэтому он от меня не «убежал». После окончания кино, подошёл мужчина лет пятьдесят, в кожаной фуражке, представился председателем колхоза, поблагодарил за кино и спросил, нужна ли завтра подвода. Я отказался и объяснил, что меня перевезут. Ночевать меня никто не пригласил, и ночь пришлось коротать в клубе, ночи стали уже холодные и я не спал, а мучился. Кстати насчёт ночёвки у селян. За время работы на кинопередвижке я заметил, что чем дальше от районного села, тем люди к нам киномеханикам относятся добрее, с чем это связано я догадываюсь, но хочу, чтобы вы сами сделали вывод.

Где-то к обеду, пришла машина, и опять со стажёром, вместе быстро погрузили оборудование, и поехали в хутор Корчагенский. Это недалеко от Дербетовки. Приехали к клубу, а он был закрыт, рядом играли пацаны, я спросил у них, где живёт заведующая клубом, а один мальчик лет восемь отвечает: «А у нас клубом заведует дядька, и переспросил, а зачем он вам». «Да кино говорю, привез, а клуб закрыт, как его найти, а то машина стоит, ждёт». Мальчик обрадовано говорит: «О, кино! Я сей час сбегаю и позову его, он тут недалеко живёт». Мальчик убежал, а я вернулся к машине, и начали разгружать оборудование. Разгруженная машина уехала, я сижу на ящике с кассетами и жду завклубом. Заведующий клубом не пришёл, зато мальчик принёс ключ от клуба. Мальчик отдал мне ключ, вытер рукавом сопливый нос и говорит: «Дядя, а можно я вам буду помогать».

После обращения мальчика ко мне «дядя», я подумал, странно, меня уже называют дядей, кстати, это было впервые. Я

ему разрешил мне помогать, вдвоем у нас дела пошли веселее. Устанавливаем вместе колонки, затем повесили экран, я у него спрашиваю: «А как тебя зовут?» «Юра», отвечает. Я начал монтировать киноаппарат, а Юра сидит рядом на лавке, и всё время шмыгает носом. Я у него спрашиваю: «А почему ты шмыгаешь носом, простыл что ли?» Юра в очередной раз шмыгнул, вытер рукавом курточки нос и отвечает: «Да нет, я не простыл, моя мамка говорит, что я таким сопливым и родился».

Установив аппарат, я принялся перематывать ленты, дело это длинно и тягомотное, но делать его надо, без этого некуда. Сначала надо закрепить на лавке специальные устройства для перемотки, затем одну бобину с лентой крепишь на одно устройство, а на другое устройство пустую бобину, и ленту перематываешь на эту пустую бобину. Кинолента очень длинная, если мне память не изменяет, то в каждой ленте было триста метров. Ее надо всю перемотать, для того чтобы фильм шел с начала, а не с конца. Но главное не это, главное то, если лента порвалась в киноаппарате, или вовремя перемотки, то её надо склеить, а перед этим ножницами удалить, негодную часть ленты. Дело это тонкое, и этими тонкостями я вам не буду забивать голову, но скажу, там есть свои сложности, вот именно они и отнимают очень много времени. С перемоткой я провозился долго, чувствую, что захотел кушать. Мальчишка всё крутился около меня, то сидит и задаёт всякие вопросы, то куда-то уйдёт, затем снова вернётся, вот опять пришёл и сел на ящик с лентами. Ну и пусть сидит ящик железный с ним ничего не станется. Я закончил перемотку лент, посмотрел на карманные часы, которые мне оставил Ахметзянов, время было около пяти, а Николая нет, хотя обещал после обеда быть, но по всему видно, что его и не будет, ну что и без него покажем кино, не впервой.

Думаю надо поесть, а то потом некогда будет. У Юрия спрашиваю: «А ты почему домой не идёшь, что кушать не хочешь?» Он отвечает: «Хочу, но мамки все равно дома нет, и есть там нечего, вот придёт она с работы, наварит тогда и поем». Я расстелил на ящике газету, затем положил на неё еду, нарезанную варёную колбасу, она тогда ещё была в СССР, кусок брынзы, хлеб, две булочки и разлил молоко по бумажным стаканчикам, себе и Юре. Позвал его к «столу» и говорю: «Юра, давай поедим то, что у нас есть, а то ты пока маму дождёшься, так с голоду помрёшь». Юра с удовольствием принял моё предложение, и мы уселись за стол. Юра спросил, как меня зовут, я ему ответил, что зовут меня Семёном. Он помолчал, затем спрашивает: «А можно я вас буду называть, дядя Семён». Юра хоть уже и называл меня дядей, но все ровно мне было как-то не

по себе, думаю, мне шестнадцать лет и я уже дядя. Но Юре я разрешил называть себя, дядей. Кушаем и молчим, а кто разговаривает во время еды? Вот и мы, молча едим, чтобы больше успеть и как следует насладиться. Уже прогудел заводской гудок, сообщающий о конце рабочего дня, в открытую дверь видно как рабочие пошли с работы домой, а мы с Юрой всё наслаждаемся едой. А что, мне торопиться некуда, до начала сеанса ещё далеко, а Юре тем более дел никаких нет, так что ешь и наслаждайся едой.

К концу нашего обеда, а может быть ужина, в дверях клуба появилась женщина с возгласом: «А вот ты где, а я тебя по всем дворам ищу, пойдём домой, сварим ужин и покушаем». Юра, смотрит на женщину, а сам мне тихо говорит: «Это моя мамка, сейчас мне попадёт». Затем, уже обращаясь к своей матери сказал: «А я уже с дядей Семёном поужинал». Женщина подошла ближе к нам, поздоровалась, а Юре говорит: «Хоть ты и поужинал, но все равно пойдём домой, надо помыться и переодеться, а то как таким идти в кино?» Затем, она повернулась ко мне и спрашивает: «А кино-то будет?» — «Будет, в семь тридцать вечера, как и всегда до этого было». Мой помощник со своей мамой пошёл на выход, но не дошли они ещё и до порога как остановились, и о чём-то шепчутся. Я ещё подумал, что это у них за заговор и против кого. Затем мама с сыном вернулись ко мне и женщина говорит: «Вот мой сын хочет Вас пригласить после кино к нам ночевать, конечно, если у вас нет другого места. Как Вы на это смотрите?» Я не стал долго раздумывать, для меня хватило и прошлой ночи, поэтому сказал: «Я с удовольствием пойду к вам ночевать, только если и Юрина мама не против». Женщина заулыбалась и сказала: «Она не против, давайте после кино вместе и пойдём к нам». Юра с мамой ушли, а я решил ещё раз просмотреть оборудование, для показа кино. На то, что народу будет много, я не надеялся, ведь хутор Кочергинский находился в четырёх километрах от села Ипатово, и многие ходили туда пешком в кино, так что народа будет мало, но этот хутор стоит в нашем кино маршруте и показывать кино здесь надо. Вскоре начал собираться народ, к моему удивлению людей на сеанс собралось довольно много, человек тридцать, для хутора, который расположен рядом с районным селом, это много. Пришёл и Юра с мамой, оба такие нарядные я их сразу и не узнал, только по шмыганью Юрой носом догадался, что это мои знакомые. Разумеется, я их бесплатно пропустил в кино. В этом хуторе я показывал кино «трактористы».

Сеанс прошёл нормально, зрители медленно расходились, а я начал собирать оборудование. Ко мне подключились и Юра, и его

мама. Кстати её звали Татьяна, Она мне так представилась. Я уже знал что, если молодая женщина так представляется, то отчество, у неё спрашивать не надо, а то ненароком можно её и обидеть. В основном оборудование собрали, надо было в клуб затаскивать движок. Я надел рукавицы-верхонки и принялся его тащить, мне начала помогать Татьяна, но я её отстранил от такой работы. Она была нарядно одета, и я не хотел, чтобы она испачкалась. Тогда мне помогать взялся Юра, взялся сверху за бензобак и за него держится. В общем, я втащил в клуб движок, а вместе с ним и Юру. Главное, пока мы с Юрой над движком трудились, Татьяна смотрела на нас и смеялась, наверное над тем, как мне Юра помогал. Дело сделали, я закрыл на замок клуб, и мы втроём пошли на ночлег.

У Татьяны была двухкомнатная квартира, из них одна спальня, а другая, комната которая была больше, объединяла спальню и кухню. Как только пришли, Татьяна распорядилась, чтобы мы с Юрой мыли руки и шли ужинать. Ужин был хороший, а главное, горячий суп, с картошкой и фасолью, и с белым хлебом. Юра тут же за столом похвастался, что белый хлеб печёт его баба Шура. В конце обеда пили чай с печеньем и вели неспешный разговор. Татьяна мне говорит: «Семён, как следующий раз приедешь, то, пожалуйста, не отказывайся у нас ночевать, хорошо?» Я в знак согласия только кивнул головой. Тут в разговор вмешался Юра и испортил настроение своей маме и немного мне. Он сказал: «Мама, а если баба Шура узнает, что дядя Семён у нас ночевал, то опять тебя заругает, скажет, водишь мужиков домой». На такое замечание сына, Татьяна разозлилась и говорит: «Юра, кто тебя за язык тянет, не твоё это дело, и вообще, иди и ложись спать». Юра, опустив голову, нехотя пошёл в другую комнату. Уже обращаясь ко мне, Татьяна сказала: «Ты, пожалуйста, не обращай внимания на то, что Юра сказал, да и было это уже три года назад, ему тогда было пять лет, а ведь запомнил, как здесь разорялась его баба Шура, а моя мать. Семён, ну ты пойми меня правильно, я ведь молодая женщина и мне хочется мужской ласки. Мы же, женщины моего поколения, не виноваты, что наших парней забрала война и не вернула, а жизнь-то продолжается и мы, женщины, не поменялись, нам также хочется мужской ласки, как и другим женщинам, которые с мужьями. Так что ты меня не осуждай». На это я ей сказал: «Татьяна, а кто я такой, что бы тебя судить. Я вообще в этом деле мало что разбираюсь, так что судить я не имею права, а вот посочувствовать могу. Я знаю многих женщин-одиночек, которые остались без мужчин, и поверь, я очень их жалею, потому что они ни в чём не виноваты, а страдают». Татьяна молча слушала,

наклонив голову, сидела о чём-то думала или собиралась с силами для чего-то. Я тоже молчал, не знал, как Татьяна среагирует на мои слова. Думаю, если она намекнёт, то я сопротивляться не буду, я же, в конце-концов, не монах какой-то, да и женщине помочь надо. От меня же не убудет, если я Татьяну пожалею. Татьяна всё сидела, наклонив голову, я уже всё обмыслил и ждал её сигнала. Наконец, Татьяна подняла голову, посмотрела на меня внимательно и говорит: «Семён, я хочу, чтобы ты меня понял и помог мне, и вообще давай ложиться спать, а то время уже много, а завтра рано вставать и тебе и мне»— «Таня, я тебя понимаю и принимаю твоё предложение». Затем, когда я уже сказал, то подумал, какое предложение? Она же мне ничего не предлагала, вот, думаю, ляпнул, а теперь придётся краснеть. Татьяна, как будто, моих слов и не слышала молча встала и стала заправлять кровать. На кровать постелила белоснежную простынь, положила на неё байковое одеяло, с таким же белым пододеяльником и подушку с белой наволочкой. Я смотрю на всё это и думаю, ну как же я лягу в такую чистенькую постель, я ведь столько дней практически не мылся, и об этом решил сказать хозяйке дома. Говорю ей: «Понимаешь, Татьяна, я девять дней в дороге, и поэтому весь грязный и мне стыдно ложиться в такую чистую постель». Татьяна мило посмотрела на меня и говорит: «То что ты грязный, это ничего, ты сейчас совсем раздевайся, а я тебе дам простынь ты в неё завернись и иди на улицу под душ мыться, а я поставлю чугун с водой на печку, вскипячу её и постираю всю твою одежду. Ты только не волнуйся, она до утра над печкой высохнет». И закрутилось колесо удачи. Через полчаса, я лежал в постели, вымытый и одеколоном надушенный, а ещё через некоторое время ко мне Татьяна пришла пожелать мне доброй ночи, и желала она мне доброй ночи до самого утра. Утром, я был как новый гривенник, а что вы хотели, женщин понимать надо и тогда всё будет хорошо.

ДОМОЙ В ИПАТОВО

Утром, как и обещали, приехала машина, погрузили всё оборудование, и домой. Вскоре были у кинотеатра, подъехали к складу, который находился рядом с мастерской, где работали братья Лёвины. Они вышли, и я их попросил помочь разгрузить кинооборудование из машины. Вместе мы быстро справились с грузом, машина уехала, а я пошёл к директору за ключом от склада. Алексей Николаевич, дал мне ключ, и сказал: «Закроешь оборудование и придёшь ко мне». Иду к складу, а сам думаю и зачем это я понадобился директору, обычно он с помощниками вопросы не решает, только с киномеханиками, а тут, «зайдёшь ко мне», чуть-ли не в приказном тоне. Иду, размышляю, смотрю, а возле склада уже стоит, Ахметзянов. Первым делом он спросил: «Где лежат деньги?» Я открыл ящик, где у нас хранилась всякая всячина, и отдал ему всё, что я заработал, за исключением тех, что потратил на продукты. Он пересчитал деньги и говорит: «Молодец, хорошо сработал. Давай оборудование занесём в склад и отдыхай до субботы, а в субботу снова в путь». О том, что меня вызывал к себе директор, я ему нечего не говорю. Затащили оборудование, я закрыл склад на замок, собрался идти к директору, а Николай говорит: «Давай мне ключ, я сам отнесу, все равно мне к нему заходить». Я ключ не отдаю и говорю ему: «Алексей Николаевич велел мне зайти к нему вместе с ключом, так что я пойду». Ахметзянов, открыл рот, хотел мне, что-то сказать, но меня уже там не было. Захожу к директору, подаю ему ключ, он берёт его и кладёт в стол, а сам мне говорит: «Садись, разговор будет длинным». Я сел на стул, у приставного стола, и сижу, жду вопросы.

Конечно, волновался, кажется, ничего такого не натворил, а директор вызвал, значит, есть причина. В мыслях промелькнула девушка из Барханчака, и подумал, неужели ему уже кто-то доложил, ну что гадать, раз уже вызвал, значит скажет. Директор, сначала решил сделать вводную часть нашей беседы. Он начал с того, что рассчитывает на мою откровенность, и просит меня, чтобы я рассказал всё, так как было. Разговор он начал с того, что знает то, что Ахметзянов, на передвижке, какое-то время не был, сколько он там не был, я хочу уточнить у тебя. Затем Алексей Николаевич у меня спросил: «В каком населённом пункте Ахметзянов тебя оставил одного?»

Вот этот вопрос поставил меня в тупик. Ведь меня Николай просил, что бы его отсутствие оставить в тайне, а у меня спрашивает, уважаемый мною человек, да ещё мой

непосредственный начальник, как быть? Если сказать правду, то я подведу Николая, но и не сказать я не могу. Меня спрашивает человек, который для меня многое сделал, да и сейчас продолжает делать, как тут быть? Алексей Николаевич заметил моё замешательство и говорит: «Семён, ты не волнуйся, о том, что он не работал на передвижке, я знаю, я же тебе с самого начала сказал, я только не знаю, где ты работал один, а где вы вместе». Ну, думаю, раз ты уже знаешь, что его на кинопередвижке не было, то это другое дело, и рассказал директору следующее: «Алексей Николаевич, чтобы всё не перечислять, я вам скажу так. Из девяти сеансов, мы с Николаем, показывали только два. В селе Лиман и один день в селе Дивное. А остальные я один показывал кино» — «А где сейчас Ахметзянов?» — «Был возле нашего склада, а где сейчас не знаю» — «Значит, он с тобой не был в Мелиорации и обоих Барханчаках, а затем тебя оставил одного в селе Дивном, и в Дербетовке, и Корчагинском он с тобой не был, так выходит?» — «Да так, я в хуторе Корчагинском показал кино, переночевал в клубе, а утром приехал в кинотеатр». О том, что я ночевал в хуторе Корчагинском на квартире, я директору, говорить не стал, а то не известно, как он это истолкует. «Ладно, — сказал Алексей Николаевич, — с этим вопросом всё ясно, теперь давай разберёмся с деньгами. Сколько рублей ты заработал, когда показывал кино один?» Да, думаю, вопросик, я ведь специально подсчётом денег не занимался, и точные цифры не помню, ну а что делать скажу, как помню, и сказал директору то, что знаю: «Алексей Николаевич, я точные цифры не помню, так сказать до копеек, а в рублях знаю. Начиная с села Мелиорации. Так, Мелиорация — 34 руб. Барханчак, первый день — 36 руб., а второй день — 45 руб. Малый Барханчак — 32 руб., село Лиман, там билеты продавал Ахметзянов, так что я точно не знаю, на сколько, он их продал, но народу было немного, я думаю, что там было рублей 20 или 22. Село Дивное, первый день Николай продавал билеты сам, и точную цифру я не знаю, но примерно он продал билетов рублей на 36, не меньше, потому что народа было много. А на другой день, я кино показывал один, и продал билеты на 46 руб. Далее идет село Дербетовка — 26 руб., затем хутор Корчагинский — 24 рубля, ну вот и всё. Из этих денег я на себя потратил два рубля сорок копеек. Алексей Николаевич, я вас прошу, больше меня с Ахметзяном не посылайте, я не хочу голодать, я в детстве наголодался, хватит с меня и того, что было» — «А что он тебе на питание не давал деньги?» — «Нет, не давал, в Лимане, когда я ему отдал всю выручку, то попросил у него два рубля на обед, так он мне не дал, заявил что я и так много денег потратил на себя, а я за четыре дня на себя потратил

только два рубля сорок копеек. Сам то он, куда-то ушёл, а меня заставил расставлять оборудование. Я не против работы, но ты сначала покорми работника, а потом заставляй работать. Сам-то к сеансу пришёл сытый и под хмельком, а я голодай. Только после сеанса его женщина накормила меня, какой-то бурдой с чёрным хлебом. И в селе Дивном, то же самое, в сутки ел один раз, у нас на передвижке что, такая система пыток? В общем, я лучше уволюсь, но с ним не поеду» — «Ладно, Семён, ты не горячись, увольняться тебе не надо, свои суточные ты получишь в кассе, и с Ахметзяновым больше не поедешь. В четверг, вернутся западная кинопередвижка, а в субботу ты с ней и поедешь. Там старший Иван Фоменко, он человек толковый, с ним голодать не будешь, да и я его предупрежу. А теперь давай до конца разберёмся с деньгами. Сколько ты потратил на еду?» — «Так, — задумчиво сказал я, — Барханчак: 1,40. Дербетовка: 1,20. Хутор Кочергинский: 2,00 рубля. Вот и считайте» — «Посчитаем, это не трудно, — сказал Алексей Николаевич и углубился в подсчёты, что-то в блокнот записывал, щёлкал костяшками счетов, и наконец, сказал, — В общем, Ахметзянов должен отчитаться перед бухгалтерией за 301 рубль, а что дальше делать главный бухгалтер знает, сказал, и тут же позвал секретаршу. Аня, позови ко мне главного бухгалтера и Ахметзянова. А мне сказал: «Если ты всё понял, и у тебя нет ко мне вопросов, то можешь быть свободным до субботы, а в субботу сбор здесь в 15.00».

Вопросов у меня к директору не было, поэтому я поднялся со стула вышел в приемную директора и хотел направиться к братьям Лёвиным в мастерскую, но меня в приёмной остановила секретарша, и говорит: «Сеня, ты куда?» Я остановился и отвечаю ей: «В мастерскую к Лёвиным». Аня говорит: «Пока не уходи, вот директор закончит разбор с вашей передвижкой, тогда и пойдёшь, а то ты ему потребуешься, и мне придётся бежать в мастерскую, а это не близко, так что ты лучше посиди в приёмной». Я сел на стул, который стоял у стенки, в это время в приёмную зашёл Николай, и никому не говоря ни слова, прошёл в кабинет директора, там уже была и Вера Ивановна, главный бухгалтер кинотеатра. Дверь кабинета была приоткрыта, и что происходило в кабинете, было слышно в приёмной, но что там говорили, понять было сложно, так как Аня стучала на пишущей машинке и заглушала звуки из кабинета. Аня на какое-то время прекратила стучать, и я отчётливо услышал голос директора: «Вера Ивановна, Ахметзянов Вам должен сдать в кассу 301 руб., разумеется, за вычетом его суточных, и 6 рублей 60 копеек, командировочные Семёна, остальные суточные, которые положены, Семёну, ему выплатите. В кабинете наступила тишина, даже Аня, которая до

этого шелестевшая бумагами, притихла. Слышен голос Ахметзянова: «У меня нет таких денег, я их потратил, осталось только двести рублей». Слышен раздражительный голос Алексея Николаевича: «Товарищ Ахметзянов, я с вами на эту тему разговаривать не собираюсь, эти деньги не мои и не ваши, поэтому отчитывайтесь перед бухгалтерией по закону, а если обнаружится недостача, то вы знаете, что за это бывает. Все свободны». По команде «Все, свободны», я соскочил со стула и стрелой полетел в мастерскую к братьям. Вскоре в мастерскую буквально залетел Ахметзянов, он был взбешён, на его физиономию неприятно было смотреть. Он и так не красавец: губы толстые, нос большой и широкий глаза маленькие, близко посажены к переносице и глубоко засевшие, а тут ещё раскраснелся, начал на меня орать, всячески обзывать. Я, разумеется, тоже не мочал и поэтому между нами произошла перепалка, могло дойти до драки, но вовремя вмешался Михаил Лёвин. Он вплотную подошёл к Ахметзянову и спокойно и внятно сказал: «Дядя, здесь территория наша, а Сеня наш друг, и поэтому уйдите отсюда по добру и по здорову, а то, как бы чего не вышло». Ахметзянов выругался и ушёл.

Позже он, какое то время работал на кинопередвижке, но уже в подчинении киномеханика Науменко, а затем я слышал что он уволился, как они с директором договорились на счёт недостающих денег, не знаю, но факт остаётся фактом, Ахметзянов больше в кинотеатре не работал, в крайнем случае, при мне.

После событий в мастерской я пошёл домой. Я не знал, что делать с выходными, бездельничать для меня было в тягость, думаю чем- то надо заняться и поэтому по дороге зашёл к брату Андрею, и там у него пробыл до конца дня. Увидев меня, Андрей обрадовался, как-никак больше недели не виделись. У него перекусили бутербродами с чаем, и я стал ему помогать в работе, следующие два дня тоже у него проработал. А что делать? В кинотеатр мне идти не хотелось, а так в селе и идти не куда потому я у брата и работал.

ЗАПАДНАЯ КИНОПЕРЕДВИЖКА

В субботу в кинотеатр пришел с утра, зашёл в мастерскую к братьям Лёвиным, и сидел там, ждал когда приедет машина. В этот день в рейс уезжали обе кинопередвижки, Науменко с Ахметзяновым на восток, а Фоменко с Цыганом, и я как бы с ними, на запад. Сижу, жду машину, а сам помогаю Лёвиным, то что-нибудь подержать, то закрутить какую гайку, одним словом занят. О том, что я еду на кинопередвижке с Иваном Фоменко, Лёвины уже знали, а с Фоменко ещё работал Николай, по прозвищу «Цыган». Иван Хоменко, был невысокого роста, жгучий брюнет, в то время ему было немного за тридцать может чуть больше, а Николай «Цыган» (точной его фамилии не знаю), был брюнет из брюнетов, с кудрявыми чёрными волосами, по возрасту был немного старше Ивана. Про Цыгана говорили, что он ушёл прямо из табора, женился на русской женщине, закончил, шоферские курсы и вот теперь работает в кинотеатре. Я хорошо их знал ещё до кинотеатра, да и они меня знали, так что знакомиться не было необходимости. На западной кинопередвижке, были два киноаппарата, и поэтому, по инструкции там должны работать два киномеханика, вот вместо Науменко меня туда и поставили. Я сидел в мастерской на лавке, ждал машину, а у самого роились мысли в голове. Как примет меня новый коллектив, ведь они трое работали долго, а теперь получается, что я их разбил, хотя моей вины в этом нет. Просто директор больше не доверяет Ахметзянову, вот и поставил туда старшим Петра Науменко. А я жду машину, должны прийти две машины, одна Цыгана, а другая заказаны из автоколонны для восточной передвижки. Только к обеду послышался гул мотора, я рванулся со скамейки, чтобы узнать, кто там приехал, но Иван меня остановил: «Сеня, сиди, надо будет, позовут, нечего набиваться, вот лучше мне помоги бачок закрепить. А ты Миша, сходи, посмотри и нам скажешь». Михаил ушёл и через некоторое время вернулся и говорит: «Науменко с Ахметзяном грузятся, а Цыган копается в моторе своей машины, Фоменко ещё не видно». Мы продолжали ставить бачок, а Михаил помыл руки и спрашивает у старшего брата: «Мы сегодня пойдём обедать или нет?» Иван на него посмотрел с укоризной и говорит: «Да подожди ты, вот парня проводим, тогда и пойдём, потерпишь». Михаил что-то пробубнил себе под нос, затем вслух говорит: «Вот ты говоришь, проводим, а если они его с собой не возьмут, тогда что?» Иван, поднялся на ноги, он до этого сидел вприсядку, и говорит Михаилу: «Если они его не возьмут, тогда он с нами

пойдёт обедать и останется с нами работать, как и раньше работал, вон, ещё два движка ждут своей очереди, так что работы всем хватит. Ну, как, тебя такой вариант устраивает?» Михаил ничего не ответил, продолжал тщательно вытирать руки о полотенце.

Мы все дружно замолчали. Но Михаила, наверное, молчанка не устраивала, и он снова заговорил: «Если так, то мне даже лучше, тумаков от тебя мне меньше будет доставаться, что-то и Сене перепадёт». После этих слов мы дружно захохотали. Я снова принялся за гайки, а сам прислушиваюсь к гулу моторов машин. Слышу, один из моторов загудел сильнее, и машина поехала, я её даже видел через открытую дверь мастерской. Через некоторое время, было слышно, как мотор другой машины сильно загудел, и, видать, подъехал к складу. Иван Михаилу: «Посмотри». Я, естественно, переживал, позовут меня или нет. Им директор, конечно, сказал про меня, но они могли и отказаться, мол, сами справимся. Мне очень хотелось поехать по маршруту западной кинопередвижки, конечно, можно и движки ремонтировать, но этот этап я уже прошёл, и возвращаться назад не хотелось, да и кино показывать интересней, чем крутить гайки.

Мои размышления прервал голос Ивана Хоменко, он вошёл в мастерскую, широко улыбаясь своей белоснежной улыбкой, с возгласом: «Сеня, а ты почему не на погрузке, затем обращаясь к братьям Лёвиным, продолжил. Вы, парни, извините, но по распоряжению директора кинотеатра, Сеня, теперь член нашей команды, так что я его забираю». Услышав такие долгожданные слова, у меня отлегло от души. В западный маршрут кинопередвижки входили населённые пункты: Хутор Первомайский, село Кивсала, Село большая Джалга, село Малая Джалга, Хутор Северный, Село Бурукшун, Ферма № 3 и село Кугульта. Обо всех населённых пунктах, где мы показывали кино, я писать не буду, напишу только более мне запомнившихся. В хутор Первомайский я ехал на машине в кузове, но там я себя чувствовал комфортно, так как, в машине был тулуп, в который я и закутался. В нем тепло, удобно и никаких проблем. Фильмы начали показывать с этого хутора, это была моя первая работа в новом экипаже киномехаников и поэтому она для меня была особой. Как только мы затащили оборудование в клуб, Иван сказал: «Сеня, сегодня ты киномеханик, а мы с Цыганом твои помощники, так что командуй, я знаю, что ты кино показывал самостоятельно на восточной передвижке, но хочу посмотреть, как ты это умеешь делать». Ладно, думаю, смотри, мне ставить кинооборудование, не впервой, так что смотри и радуйся. На этой кинопередвижке все то же самое, что и на той, разница только в

том, что здесь два кинопроектора, так мне кажется это даже лучше. Во-первых, нет перерыва между лентами, и не надо лампочку вкручивать и выкручивать, это облегчает киномеханику показывать фильм. Всё оборудование я установил один, Иван только поставил на сцену динамики и подключил их проводами к киноаппаратам, а Николай Цыган, протянул кабель к движку и подключил его. Всё готово для показа фильма. Мои новые члены команды остались довольны моей работой, Цыган даже сказал: «Слушай, Иван, а Сеня может и без нас кино показывать». На что Фоменко, старший экипажа ответил коротко и внятно: «Рано ему ещё одному показывать кино». А Цыган, своим заявлением как бы говорил, что мы можем и уйти, а Сеня пусть показывает кино один. Его заявление меня как-то слегка напрягло, так как, одному кино показывать сложно, а с такой командой очень даже просто, да и к тому же, я на этой кинопередвижке буду показывать кино первый раз. Весь фильм я стоял у аппаратов, Иван сидел рядом на ящике для кассет, и смотрел за моей работой. Цыган же, стоял в проеме двери и смотрел за движком и порядком в клубе. Надо сказать, сколько я не показывал фильмов, в посёлках, не помню ни одного случая срыва показа кино, по причине пьяного дебоша, или ещё чего либо. Единственной помехой для показа кино это был дым, который исходил от мужского населения села или хутора. И дым не от сигарет с ментолом, а от самокруток, или как их там называли, цигарки, заправленных табаком самосадом, крепким, вонючим, и сильно чадящим. И поэтому, луч свела от аппарата к экрану, как бы плавал в этом чадящем тумане, и картинка искажалась. Было такое впечатление что, то, что показывалось на экране, происходило в дыму, и это раздражало зрителей особенно женщин. Ещё на восточной кинопередвижке я хотел запретить курение во время сеанса кино, но на такой кардинальный шаг я не решился. Возможно виду своего юного возраста.

А в остальном всё было нормально. Когда закончилось кино, Фоменко мне сделал только одно замечание, а именно. Чтобы я раньше времени не вытаскивал коробку с лентой из ящика, это нарушение инструкции по прокату фильмов. Я это учёл и больше так не делал. Ночевали у какой-то женщины, кажется, знакомой Николая. На другой день, утром, я позавтракал и пошёл в клуб собирать оборудование, а мои старшие товарищи остались досыпать. Затем мы переехали в Село Кивсалу, там то же показали кино ну и в остальных населённых пунктах я, то же показывал кино, с демонстрацией фильма двумя аппаратами я окончательно освоился, и Иван со мной рядом больше не сидел, он полностью мне доверял. Хочу остановиться на одном случае,

который меня поразил в Кивсале. Вот что там было. До начала фильма было ещё далеко, Иван с Николаем были в клубе, а я возился с двигателем. Хотя электричество в клубе было, но не было мощного разъёма с заземлением, а без заземления на киноаппарате работать нельзя, опасно для жизни. Поэтому Иван послал меня готовить движок к сеансу и вот я с ним вожусь. В таких случаях обычно возле киномеханика собирается толпа ребятишек 8-12 лет. Они с интересом наблюдают за тем, что делает с мотором киномеханик. Вот и на этот раз вокруг меня собралась ватага мальчишек. Я сижу на корточках и копаюсь в карбюраторе двигателя и лица их не вижу, потому что козырёк моей кепки закрывает их. А вот ноги их я вижу хорошо, и я обратил на них внимание. У ребят на ногах разная обувь. Вот мальчишка обут в стоптанные ботинки, другой в сандалях, веду свой взгляд дальше, следующие ноги босые, а рядом с ними не ноги, а коленки, видать какой-то мальчишка сидит. Я ещё раз посмотрел на его коленки и к своему удивлению увидел что, у этого мальчишки нет ноги чуть ли не до колена.

Вид этого мальчишеского обрубленного колена очень поразил меня. Я не знаю почему, но когда я вижу повреждённые конечности человека, мне становится не по себе, хотя сразу после войны я в Ипатово, на базаре видел их много, и всегда было такое неприятное ощущение. Ну, ладно, то на базаре там инвалиды были венные, то есть люди, которые прошли войну, а этот мальчик, где он мог потерять ногу. Мне захотелось узнать, как это случилось. Я поднялся с корточек, стою и смотрю на парнишку-инвалида, а он, улыбаясь, смотрит на меня, и главное в нем не видно и тени грусти о том, что он инвалид. Я спросил у него: «А что у тебя с ногой?» — «С какой? С этой?» — показывает он на обрубыш. «Да с этой» — «Да вот пол ноги нет» — «Это я и без тебя вижу, а почему так получилось?» — «Эхо войны», — коротко ответил мальчишка. Но я был не удовлетворён был таким ответом и снова спросил у него: «А всё же?» Мальчишка ничего не стал говорить, наклонил голову и молчал. Тогда другой парнишка, постарше их всех, сказал. Да он наступил на мину, такую небольшую в виде игрушки, она взорвалась и вот такой результат. Мне мальчишку стало жалко, и я ему сказал: «Приходи вечером в кино я тебя бесплатно пропущу. Он на меня обрадованно посмотрел и спросил» — «А сестрёнку можно с собой взять?» — «А она у тебя большая? — в свою очередь спросил я у него, — Тринадцать лет» — «Ну, хорошо, бери с собой и сестрёнку». Мальчишка шустро подскочил на ноги, и, опираясь на палку-костыль поковылял по улице, наверное, домой обрадовать сестрёнку. Ладно, думаю, пусть придут, если Иван будет против,

что я их пропущу бесплатно, то я им билеты возьму за свои деньги, тридцать копеек я в своём кармане всегда найду, тем более что Фоменко вчера, после сеанса мне отдал мои положенные суточные 4 рубля 40 копеек. Так что здесь у меня с деньгами всё в порядке. Скажу откровенно, в новом коллективе мне всё нравилось. Старшие мои товарищи ко мне относились с дружеским вниманием, если надо подскажут, а если надо, то предостерегут, ведь они оба взрослые парни и жизнь знают лучше меня. И ещё, они оба добрые по натуре, и поэтому по хорошему относились ко мне. Как вы знаете, в команде Ахметзянова у меня были проблемы с питанием, в этом коллективе ничего подобного. Всегда обедали вместе, в основном в клубе всухомятку, горячим был только чай, который Николай готовил на примусе. Ужинали и завтракали у тех хозяек, у которых ночевали, только в Большой Джалге ночевали в клубе, там, почему-то, знакомых женщин у моих старших товарищей не было. Правда, в Джалге на ночёвку меня хотел взять к себе мой родственник, звали его, как и меня, Семён, но он назвался Сёмкой, он родственник по линии бабы Ганны и доводился братом Марии, о которой я уже писал. Николай не отпустил меня, сказал, что Сеня будет ночевать со своей командой. Сёмка попрощался и расстроенный ушёл домой, а Николай пошёл в клуб, буквально через минуту, ко мне подошла девушка и говорит мне: «Сеня, я вижу, ты собрался ночевать в клубе, пойдём к нам, у нас и поужинаешь и переночуешь. Вот, на углу клуба стоит хозяйка, у которой я снимаю квартиру, она тоже тебя приглашает к нам».

Эта девушка говорит, а я стою, смотрю на неё и не знаю, кто она такая, даже своего имени не назвала. Девушка продолжает говорить, а я теперь взгляд перевёл на хозяйку, которая стояла в пяти метрах от нас. Это была довольно молодая женщина, на вид ей было не больше тридцати. Если честно, то их приглашение меня как-то насторожило, потому что селяне киномехаников к себе ночевать, так не приглашают. Обычно они сами сразу представляются, ну так как было в Барханчаке или в селе Дивном. А эта сразу пойдём к нам и всё тут.

Девушка договорила, затем замолчала и выжидательно смотрит на меня. Я её уже давно рассмотрел, довольно симпатичное лицо, одетая в пальто, голова покрыта цветастым платком. Заочно мы с ней как бы познакомились теперь надо отвечать на поставленный вопрос. «Вот ты меня приглашаешь к вам ночевать, а я даже не знаю твоего имени, ты сначала бы назвалась, как тебя зовут», — при моих словах у девушки расширились глаза, ресницы на них захлопали, затем она с удивлением произнесла, — Сеня, а ты меня разве не узнал? Я же

Паша Сурмилова, из нашего хутора. Ты что забыл меня?» Думаю, точно это Паша, а я смотрю на неё, и вижу, что лицо мне знакомое, но кто это понять не могу, а это оказывается Паша, та Паша, которая в хуторе ходила, высоко подняв голову и с нами с хуторскими ребятами и знаться не хотела. Семья Сурмиловых вообще была затворниками, и Паша не нарушала эту традицию. В мае прошлого года мы с Лёнькой Беленко сидели на призьбе у нашего двора. Мне тогда было пятнадцать лет, а Лёнька был на год старше меня, Паша тоже была такого же возраста, как и Лёнька. Сидим спокойно разговариваем, вдруг Беленко говорит: «Смотри Пашка Сурмило» идёт. Я повернулся в ту сторону, куда указал Алексей и действительно, идёт Паша Сурмилова, мы её увидели ещё из далека. Мы с Лёнькой предполагаем, что она идёт в магазин и будет проходить мимо нас. Лёнька мне говорит: «Сеня, давай её пригласим с нами посидеть и пусть она, нам о себе расскажет, ну там, как она живёт в Джалге, что она там делает ну и прочее».

Я посмотрел удивлённо на Лёньку и говорю ему: «Лёня, да ты что не знаешь, как она относится к нам, хуторским парням, она же нас за мужичьё считает. Она ещё в Джалге не училась да с нами знаться не хотела, а теперь и тем более. Ты, Лёня, как хочешь, а я не хочу с ней разговаривать». Но надо знать натуру Алексея Беленко, а он, по натуре провокатор, и если спровоцированный объект начинает злиться, то он, ещё больше подливает масла в огонь. «Ладно, — говорит Беленко, — ты, Сеня, сиди и молчи, я сам с ней побалакаю». Паша поравнялась с нами, затем проходит нас и не здоровается. Алексей её окликает словами: «Паша, а что это ты с нами не здороваешься?» Паша остановилась, удивлённо на нас посмотрела, и говорит, при этом она старалась говорить на русском языке, но у неё это как следует, не получалось. В её разговоре были слышны такие слоги, как ти, ми. В хуторе о таких людях, как Паша, говорили, если не умеешь говорить по-русски то ни бэкай, и ни мэкай, а говори так, как ты умеешь. Но Паше в хуторе хотелось показать, что она освоила русскую речь вот поэтому и старалась, но у неё получалось плохо, особенно это было заметно мне, как человеку, который уже сносно знал русский язык. А на замечание Алексея, Паша сказала. — А культурные парни с девушкой должна здороваться первыми, образованность надо иметь, а потом девушку задевать. Что с вами разговаривать вы хуторская не образованность. Вот теперь в Джалге та самая Паша Сурмило, которая меня называла не образованным хуторянином, приглашает меня к себе ночевать. Правда, с тех пор, когда я её в последний раз видел, прошло больше чем полтора года, и тогда

она была худенькой, стройной девушкой, а сейчас предо мной стоит девушка, но она пополнела и поэтому больше похожа на женщину, пусть и молодую, но женщину, вот потому я её и не узнал. С интересом смотрю на неё, но, насчёт ночёвки ничего ей не говорю, но меня так и подмывает задать ей вопрос насчёт необразованного хуторянина, и я не выдержал внутреннего напряжения и спросил у неё: «Паша, как же так получается, примерно полтора года назад ты в хуторе со мной необразованным хуторянином говорить не хотела, а сейчас приглашаешь к себе ночевать, да ещё и ужином накормить хочешь. Как это понимать, в моей голове такое не укладывается. Что с тобой произошло?» Паша на меня как то странно посмотрела и говорит: «Сеня, когда это было, с тех пор и ты изменился, да и я тоже изменилась, так что давай хуторскую жизнь не вспоминать, сейчас мы оба другие и стоим мы с тобой как бы на одной ступеньке. Мы сейчас с тобой как бы равны, ты живёшь и работаешь в Ипатово, я в Джалге, так что всё правильно. Ну, так что, соглашаешься с моим предложением?»

На её сравнение двух сёл я мысленно сказал себе, да нет, дорогая, твоя Джалга в знании русского языка недалеко ушла от хутора Северного, а до села Ипатово ей так далеко, как до города Ставрополя пешком. А что касается Паши, то я знал, что к ним ночевать не пойду, только как ей отказать, я не знал, мне всегда неудобно человеку, тем более девушке отказывать. Но тут меня выручил Цыган, он вышел из дверей клуба и говорит мне: «Сеня, пойдём ужинать, а то еда скоро остынет». Я быстро попрощался с Пашей и пошёл ужинать. Когда мы уже ели колбасу с хлебом, а затем пили чай с халвой, в это интересное время Цыган меня спрашивает: «Сеня, а что от тебя хотела эта молодая особа» — «Да она со своей хозяйкой квартиры приглашала меня переночевать, и хотели меня накормить хорошим ужином». Николай немного помолчал, затем Ивану говорит: «Вот видишь, Иван, кого мы взяли в свой коллектив, ему сделали такое интереснейшее предложение, а он от нас скрыл. Знаешь, Сеня, что я тебе по этому поводу скажу, это просто не по-товарищески. Если бы мы к ним пошли, то ужинали бы не сухую колбасу с сухим хлебом, а макароны с поджарочкой, и спали бы на чистой постели в обнимку с девушками. Ой, как бы хорошо это было». Николай хотел ещё, что-то сказать, но тут его прервал Иван: «А что это ты размечтался, ведь тебя никто туда не приглашал, приглашали Сеню, а мы с тобой в стороне. Коля, мы уже с тобой старые для таких молодых девушек». Николай был не согласен с заявлением Ивана и сказал: «Вот здесь ты, Иван, не прав, мы с Сеней вместе работаем, значит, мы друзья, а раз мы друзья, то и вместе должны

идти к девушкам. Как же иначе». На это Иван Цыгану философски ответил: «В таком деле друзей не бывает, и вообще, Цыган, ты сегодня дежуришь по кухне, так что давай убирай посуду и хорошенько помой её, чтобы было не так, как вчера». Николай безнадёжно опустил на стол руки и как бы в шутку мне говорит:

«Вот так Сеня всегда, как что грязное и тяжёлое надо делать то Цыган, а как провожать девушек до дома то Иван. Несправедливо это и я буду с этим бороться». «Борись, борись, — сказал ему Иван, — сколько мы с тобой работаем, столько ты и борешься, а результат какой был, такой и остался» — «Это диктат», — сказал Николай и пошёл мыть посуду.

Весь, разговор моих коллег проходил в какой-то шутливой форме, они как бы подшучивали друг над другом, при этом они смеялись, а я не мог понять, серьёзно они говорят или шутят. Я человек новый в этом коллективе и поэтому мне многое было не понятно. Потом мне Иван объяснил, что к чему, на что надо обращать внимание, а что пропускать мимо ушей, особенно остроты Николая. Со временем я освоился в команде, и многие выпады Цыгана теперь мне тоже были смешные. Ночёвка в клубе на этой передвижке, была гораздо комфортнее, чем на той передвижке. Здесь были и матрасы и подушки и одеяла, поэтому спать было тепло и уютно.

О других населённых пунктах, где показывали кино, я писать не буду, так как там ничего особенного не было, всё как всегда. Напишу только о последних двух населённых пунктах, это ферма № 3 и село Кугульта, особенно в Кугульте всё было за рамки выходящее.

НЕОЖИДАННЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Сначала напишу о ферме № 3, там я вдруг встретил родственников, которых я не то что не знал, понятия не имел что такие, могут быть. Эта ферма находилась в четырёх километрах от 22-го совхоза. Мы приехали туда, разгрузились в клубе, и Иван быстренько начал устанавливать оборудование, я ещё подумал, и что это он так торопится, до сеанса ещё добрых три часа, да и вообще, обычно это делаю я. Ну раз торопится, значит надо, подумал я. Я ушёл на улицу чтобы закрепить движок. Вожусь возле него, подходят Иван с Цыганом, Фоменко говорит мне: «Сеня, нам срочно надо отлучиться до утра, ты сможешь один показать кино?» Я подумал: «Столько раз крутил кино один и всё получалось, а теперь что не получится?» Такого не бывает, и дал добро им на отъезд.

Кино показывал двумя аппаратами, всё прошло нормально, люди потихоньку разошлись, я собираю оборудование и думаю о ночлеге. Пошёл к сцене за динамиками и вижу, в дверях стоят две женщины, одна в возрасте, другая молодая, лет шестнадцать-семнадцать, стоят, на меня поглядывают и что-то между собой говорят. Ну, стоят и стоят, мне то что до них, буду закрывать дверь, попрошу уйти, а сам дальше работаю. Пошёл на улицу чтобы затащить движок в клуб, прохожу мимо них и вдруг старшая женщина заговорила: «Парень, тебя зовут Сеня Чухлеб?» — «Да, отвечаю, а что случилось?» Женщина, посмотрела на девушку, как бы спрашивая у неё согласия, говорить или нет, а затем не решительно сказала: «Та ничего не случилось, просто мы с тобой родственники. Я твоя двоюродная сестра и зовут меня Надя, а это моя дочь, твоя племянница Лена».

Думаю, вот ещё напасть на мою голову, стоят две женщины совершенно мне чужие и объявляют меня своим родственником. Я, стою, соображаю, они обе смотрят на меня и ждут ответа, я понимаю, что надо что-то сказать и говорю нейтральную фразу: «Ну, допустим мы родственники, и что из этого следует?» Теперь Надя уже более смело говорит: «Мы с Леной приглашаем тебя к себе ночевать, ужином накормим и в тепле отдохнёшь». Такое предложение для меня было совершенно неожиданным и я сразу не нашёлся, что ответить, но затем решил, а почему бы к родственникам не пойти, тем более что обещают горячий ужин. Посмотрел на Надю и говорю: «Вообще-то я не против вашего приглашения, если я вам не помешаю».

Дома за ужином, Надя рассказала какая мы с ней родня. По её рассказу, наши мамы родные сёстры, то есть она дочь тети

Приськи и дяди Гриши, того самого который больше ста лет прожил, я о нём писал выше, ну а мы, выходит, двоюродные брат и сестра. Но мне было интересно другое. Мне шестнадцать лет, а она уже тётя и выходит моя сестра. Хотя, чему удивляться, мой брат Андрей, старше нашей сестры Любы на двадцать два года.

Позже этих событий, примерно полгода, я гостил у родителей и вспомнил о ферме № 3 и наших родственниках, и рассказал об этом маме. Она не удивилась и протяжно сказала: «Так это же Надя, дочь моей старшей сестры Приськи. Я во время войны ходила к ней за помощью, она тогда на ферме была бригадиром животноводов, хорошо помогла мне, спасибо ей. Это было то ли в 43-м году, то ли в 44-м, точно не помню, но что помогла хорошо, то помню, тяжёлое тогда было время для нашей семьи. Слава богу, что оно прошло. Да ты, Сеня, наверное, помнишь, я тогда тебя оставила у тётки Кылыны, а сама пошла к Наде».

Я об этом, немаловажном событии в моей жизни, как-то забыл, но мама мне его напомнила и я ясно представил картину того дня. А было это так.

МОЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК В ДЕТСТВЕ

По-моему это было в 1943-м году осенью. Немцев наши войска прогнали, и трудовой народ пытался наладить трудовую мирную жизнь, хотя война с голодом подружились крепко, их никак нельзя было разнять. Чтобы как-то облегчить наше голодное существование, мама ходила по своим родственникам и просила оказать посильную помощь. Знаю точно, что к своему брату Ивану Ласуну и тётке Кылыне, родной сестре, она не обращалась, зная их враждебное отношение к семье Чу хлеб. Вот по той же причине она собралась пешком, на ферму 22-го совхоза, к своей родственнице, а это не близко, четырнадцать километров до совхоза и ещё плюс четыре до фермы. Мы с ней с трудом преодолели семь километров до села Бурукшун, шли долго, я маме движение замедлял. Я шёл босиком, а грейдер в засохших комках грязи, которые острыми концами давили мои босые ноги. Я выбирал путь, где земля мягче, но, так как была уже осень, а дождей ещё не было, и поэтому зелёная трава не наросла, так что идти пришлось или по комкам грязи или по стерне, что и то и это плохо.

Но с горем пополам добрались. Когда зашли к тётке Кылыне передохнуть, то солнце уже повернуло за полдень, думали у тётки, что-нибудь поесть. Но, не тут то было. Мама говорит: «Ну что, сынок, пойдём дальше?» Двигаться дальше сил у меня уже не было. А что вы хотите, восемь лет да ещё вечно полуголодный. По этой причине моих силёнок хватило только на семь километров и всё. Мама увидела моё состояние и говорит: «Ладно, сынок, оставайся у тети Кылыны, переночуешь у неё, а завтра я вернусь, заберу тебя и мы пойдём домой».

Я сел на лавку и сижу, жду манны небесной, но Богу, наверное, было не до меня, а тётке Кылыне тем более. Она лежала на кровати и на меня даже не смотрела, как будто меня в это время, в хате и не было. Я сидел, сидел, понял, что этим еды не добьёшься и потихоньку пошёл во двор. Я думал, что тётка меня остановит, но нет, она меня даже не заметила. Я полазил по грядкам, хотел найти, что-то съестное, но на дворе осень и с огородов всё убрали. Тогда я вышел на улицу, вспомнил как дома хорошо, пошёл к главной дорогие, по которой мы не так давно шли с мамой. Дорогу домой в хутор, я знал приблизительно, но всё-таки решил идти домой, так как тётка ко мне относится враждебно, она свою вражду на Кондрата Чухлеб, теперь, перенесла и на его детей. Иду по дороге и думаю, мне главное добраться до лесной полосы, а там вдоль неё, по грейдеру, я

дойду до дома. Когда я дошёл до лесной полосы, то как-то успокоился, знал, что не заблужусь, и веселее пошёл домой.

Помню, что несколько раз отдыхал, а сидя в лесной полосе, плакал. Прятался я в лесную полосу за тем, чтобы волки меня не увидели, я тогда думал, что за деревьями они меня не найдут. Сижу среди деревьев и плачу, подошвы своих ног я настолько надавил грудками, что они у меня постоянно болели. А ещё мне было страшно, ведь уже было темно, а я далеко от хутора один и поэтому мне было страшно. Когда пришёл домой, было уже поздно и все дети спали. Наташа очень удивилась, что я один шёл ночью, и тут же предложила мне ужин, но силы мои были на исходе, от ужина, я отказался и сразу лёг спать. Проснулся ночью, очень захотелось есть, начал лазить по полкам, искать хлеб, проснулась Наташа и накормила меня.

На другой день после моего похода у меня подошвы ног опухли, и я не мог на них встать, так было больно. Наташа это увидела и говорит: «Сеня давай я посмотрю, что с твоими ногами. Она посмотрела и говорит что мои подошвы опухли и в ссадинах, давай мы их обработаем зелёнкой. После того как сестра меня полечила, она мне запретила вставать с полатей, сказала, сиди здесь, а кушать я тебе принесу сюда. Вот так я и сидел в хатыне, пока не вернулась мама. Только на третьи сутки вернулась мама, увидела меня, обняла, прослезилась и говорит: «Слава Богу, ты добрался домой живой». После этого она осмотрела мои подошвы, намазала их, какой то мазью и обмотала белыми лоскутами, а затем обвязала их веревочкой. Получилось что-то вроде обуви. Вот в этой обувке я и ходил некоторое время. Это было тяжёлое время для нашей семьи, и я был в большой обиде на тётку Кылыну за такое враждебное отношение и к моей маме, и ко мне. Прошло много лет, я приезжал к родителям в отпуск, и бывало, по три часа сидел в Бурукшуне и ждал автобус. Знал, где живёт тетка Кылына, но зайти к ней у меня не было никакого желания. Та детская обида, врезалась мне в память надолго, хотя по натуре я человек не злопамятный, а скорее наоборот.

В заключение отношений семьи Ласунов и Чухлеб хочу сделать свой комментарий. Я уже раньше об враждебных отношениях наших семей писал, и вам это известно, хочу сказать о более поздних отношениях, особенно Ивана Ласуна, к нашей семье.

Шло время, наша семья пережила тяжёлые годы, и жизнь постепенно налаживалась. Старшие дети выросли и разъехались кто куда, я оказался в Сибири, время от времени приезжал к родителям в хутор погостить. И при моём приезде всегда к нам приходил дядька Иван. В разговоре он обычно не участвовал и

сидел грустный, молча вставившись в одну точку о чём-то думал. Возможно, он вспоминал свою жизнь, как боролся за свою сестру Полю и проиграл борьбу, возможно о том, как наломал дров в судьбе своего сына Яши, которого в нашей семье любили, а может у него были другие мысли, о которых я и не знаю, но факт остаётся фактом. В этот весёлый для нашей, семьи день, ему было не весело. Да и возраст напоминал о себе, ведь ему в то время было под семьдесят, так что можно уже было подводить итоги своей жизни. Мама приготовила ужин и пригласила дядю Ивана за стол, но он отказался, взял в руки свой посошок и пошёл домой, согнувшись по-стариковски в своём долгополом пиджаке, сшитым из чёрного вельвета. Я заметил, что мой отец никогда за столом рядом не садился со своими противниками, всегда выбирал место на противоположной стороне стола. И даже по прошествии многих лет, казалось бы, всё должно стереться, но нет, тато не мог им простить той обиды, которую они нанесли ему в молодости.

Извините за отступление от главной темы, наболело, знаю, что об этом никто не скажет, а те члены обеих семей, которые эти отношения знали, их давно нет на этом свете, а молодёжь, которой сейчас по шестьдесят лет, не говоря о более молодых, понятия об этом не имеют. В подтверждение своих слов скажу. Не так давно, я разговаривал по телефону со своей сестрой Раисой Кондратьевной, ей сейчас идет восьмой десяток, и она живёт в селе Московском Ставропольского края. Так вот она мне сказала: «Ты что это в своей книге на тётку Кылыну наговариваешь, она хорошо относилась к нам, к детям наших родителей, и даже мне сказала, куда ехать учится на садовода». На что я ей возразил: «Так это когда она стала лояльно относиться к нашей семье, когда поняла что идеология её и её братца Ивана, потерпела полный крах, что дети Кондрата и Поли не пошли с торбами по хуторам и сёлам собирать милостыню, а выросли взрослыми, самодостаточными людьми. Да и возраст её даёт знать о себе, ведь в то время, о котором ты говоришь, ей уже было под семьдесят, а в таком возрасте люди делаются другими, более рассудительными и покладистыми. Ну ладно хватит об этом, я и так этой теме посвятил много времени. А теперь вернемся снова на кинопередвижку.

СЕЛО КУГУЛЬТА

На другой день, уже после обеда за мной приехали коллеги, я Ивану отдал деньги за кино, 28 рублей, пять рублей он вернул мне со словами: «Возьми, сегодня ты заработал». Погрузились и поехали в родовое село Ивана, Кугульту. Село Кугульта довольно большое, но и там электричества не было, так что кино показывал я от движка. Но самое интересное было не это, а то, как Иван, бесплатно пропускал своих родственников в кино. Вот такого «кина» я ещё не видел.

Но сначала будем знакомиться с его мамой. Приехали в село Кугульту, я стоял в кузове, и осматривал село. Оно было довольно большое, были добротные дома и простые хаты. Мы подъехали к одному дому, построенному из кирпича, который находился в центре села. Машина остановилась, из кабины вышли Иван и Николай, Иван мне говорит: «В этом доме живет моя мама, зовут её тётя Таня, в этом доме родился я и мои брат и сестра, Сеня, это я рассказываю тебе, чтобы ты был в курсе дела, Цыган это всё уже знает. А теперь прыгай из кузова, и пойдём обедать. Мама знает, что мы приедем, наверное, что-нибудь приготовила вкусное». От такого предложения кто же откажется?

Обед действительно был на славу, тут тебе и борщ с белым домашним хлебом, и огурчики солёные, и каша со сливочным маслом и на закуску даже блины. Такой шикарно накрытый стол я ещё не видел, и обедал с удовольствием. По разговору за столом между Иваном и его мамой, я понял, что Иван с Цыганом были вчера здесь, ну и правильно, свою мать надо навещать и как можно чаще, только зачем они это от меня скрыли? А может они были не только у мамы, а ещё где-нибудь, о чём мне знать не надо. Да ладно думаю, что это я к ним привязался, мне даже хорошо, что оставили одного крутить кино. Когда ты один, то чувствуешь себя важной фигурой, все на тебя смотрят, спрашивают, то да сё, где и как, а ты немного важничаешь и с сознанием профессионала как бы нехотя отвечаешь на вопросы. А потом начинается самое главное, как ты покажешь кино, как бы сдаёшь экзамен на свою профессиональную пригодность, разумеется, как все экзаменуемые волнуешься. Когда всё пройдёт гладко, без сучка и задоринки, то ты получаешь, истинное наслаждение от проделанной работы. не буду говорить обо всех киномеханиках, но у меня вот такие ощущения были. А когда показываешь кино втроем, и тебя держат всё время на подхвате, то, какое тут наслаждение, такое чувство больше похоже на тоску. Что это я, увлекся философией, тут такой стол накрыт, а я думаю,

о чём попало.

Я с большим удовольствием съел миску борща с мясом и белым хлебом, а тётя Таня, подаёт мне блины со сливочным маслом, я, чтобы не обижать хозяйку, съел и пару блинов, и думаю ну всё, больше не могу. А хозяйка вытаскивает из печи пирожки с фасолью и луком, любимая моя еда, но уже некуда и я вынужден был отказаться. Но тётя Таня и тут нашлась. Взяла расшитый чистый рушник и завернула несколько пирожков, со словами: «Кино будете показывать, проголодаетесь, так будет чем подкрепиться». Подаёт сверток Ивану, он его передаёт мне и говорит: «Держи, Сеня, едой у нас будешь командовать ты». Затем, уже обращаясь к матери говорит: «Мама, у меня к тебе будет просьба. После сеанса мы с Николаем, где будем не известно, туда мы Сеню с собой не возьмём, он ещё молодой для таких компаний, так пусть он у тебя переночует. Ладно, мама?» Тётя Таня при словах, пусть у тебя переночует, всплеснула руками и говорит: «Та пусть ночует, мне только в радость, а то всё время одна и одна, а так хоть с Сеней поговорим, да и покормить будет кого, а то смотри сколько наготовила» и при этом показала руками на стол.

Подходило время сеанса, Иван стал у аппарата, а мне говорит: «Иди к входу и продавай билеты, мою родню пропускай бесплатно». Я посмотрел на него удивлённо и спрашиваю: «А как я узнаю, кто твоя родня?» Фоменко, не глядя на меня, сказал: «Они тебе сами скажут». Ну ладно, думаю, пройдут три-четыре человека бесплатно, небольшая беда. Люди пошли я продаю билеты, народу в зале собралось уже много, а Ивановой родни нет, я уже подумал, что они купили билеты и уже сидят в зале или сегодня не придут, отложили на завтра. Я стою довольный тем, что родня Ивана, не пришла. Вдруг из за угла здания, вываливает толпа человек десять, а может и больше, я их не считал. Первой шла молодая женщина средней упитанности, она быстрым шагом подходит ко мне, и говорит: «Я сестра Ивана Фоменко». Я ей отвечаю: «Проходите». Она машет всей толпе и кричит: «Пойдёмте». Я её пропустил, остальным перегородил дорогу ногой, поставил её поперёк двери. Она, стоя в зале у входа, подбоченилась и с вызовом, подняв голову вверх, говорит мне: «А ты почему остальных родственников не пускаешь?» Я спокойно, не меняя положения своей ноги, отвечаю ей: «А потому не пускаю, что они не родственники, пусть покупают билеты и проходят». А дальше я ей объясняю: «Я знаю, что у Ивана в этом селе живёт такая родня: мама, брат и сестра, наверное, сестра, это Вы и есть. Так что Вы проходите, а остальные пусть покупают билеты». Женщина на меня рассердилась и стала кричать на весь

зал: «Та как же это не Иванова родня, вот мой муж, эти трое мои дети, сват, сваха, свёкор, свекровь, а это их внуки, ты, что в родне не разбираешься?» И не дождавшись от меня ответа, кричит Ивану: «Ваня, а этот парнишка твоих родственников не пускает». Иван, оставил киноаппаратуру, подошёл к входу, посмотрел, кто стоял за дверями и говорит мне: «Пропусти их, это все мои родственники». Я отошёл в сторону, затем подошёл к Ивану, отдаю ему билеты и говорю: «Обилечивай сам, я так не могу по десять человек пускать в зал бесплатно, что люди подумают. Иван, давай я лучше буду кино показывать». И пошёл к аппаратам.

Мне, такое «кино», очень не понравилось. Нет, ну ладно пропустили бесплатно его маму, хотя по закону кинопроката, это тоже не положено делать, в нём написано, кто смотрит кино, все должны покупать билеты, за исключением работников проката, то есть нашего экипажа. Но для его мамы можно сделать исключение, а пол зала бесплатно, это из ряда вон выходящий случай, и мне это очень не понравилось. Нет, думаю, я Ивану об этом скажу. Люди, которые покупали билеты, они что, хуже тех которых он пустил бесплатно, да и какое у них останется мнение о работниках кинопроката? Главное то, что когда эта чехарда происходила, Цыган, стоял у движка, смотрел в сторону, и как будто происходящее его не касалось. Почему он так себя вёл? Не знаю. Возможно, не хотел портить отношения с Иваном, а может по другой причине, неизвестной мне. Я тоже не хотел портить отношение со своим непосредственным начальником, он у меня такая натура с самого детства, я болезненно воспринимаю несправедливость и молчать об этом не могу. Но как это сказать, чтобы и Ивана не обидеть и чтобы восторжествовала справедливость? После показа фильма, народ начал расходиться, к Ивану подходили родственники и звали его в гости отметить приезд Фоменко на малую родину. Но он, по какой- то причине отказался и сказал своей маме, что будет ночевать сегодня дома.

Тетя Таня, на радостях побежала домой готовить ужин. Закрыли клуб и пошли на ночёвку. Втроём шли молча, каждый думал о своём. Лично меня занимало то, как сказать Ивану о его не правомерном действии. Меня, нежданно, негадано, выручила тётя Таня. Когда ужин подходил к концу, она вдруг заговорила: «Послушай, сынок, что я тебе скажу, не хотела говорить об этом, но и молчать не могу, я ведь твоя мать, кто тебе правду скажет, если не я. Я вот о чём. Ты знаешь что о тебе наши селяне говорят насчёт того, что ты полсела пускаешь бесплатно и как бы родственников. А какие они родственники, прости господи, седьмая вода на киселе». И тётя Таня перекрестилась. Затем

продолжила: «Так вот, что они сказали, Иван Фоменко, одних сельчан считает за людей и пускает бесплатно кино смотреть, а других, за нелюдей и с них берет деньги. А Тихон Петрович так и сказал, что Иван забыл, чей клуб и чьё кино, как бы ему это не аукнулось в Ипатово. Ну и как ты думаешь мне это слышать, твоей матери?» А что вчера устроила твоя сестра, а моя дочь, ведь она Сеню прямо руками выталкивала из дверей, а ведь он был на своём рабочем месте, ты его туда поставил и не защитил. Разве так можно, ведь люди у нас не глупые и они понимают, что к чему, и не дай Бог такие как, Тихон Петрович, исполнят свою угрозу, ты сам знаешь, что за это бывает? А я не хочу, чтобы мой сын сидел в тюрьме, и вот потому тебе всё и говорю, и прошу тебя остановись, сынок».

Иван сидел, опустил голову, и ковырялся вилкой в пустой тарелке, затем поднял голову и говорит: «Давайте завтра сделаем так, ты Сеня будешь показывать кино один, а мы с Николаем, поедем в хутор Передовой, с того куркуля должок стребовать. Ну как, справишься?» — спрашивает у меня Иван. «Конечно, справлюсь, до этого же справлялся и теперь справлюсь. Ну, а если что, то тётя Таня поможет, правда же, тёть Таня?» Она выпрямилась, эта небольшая хрупкая женщина, лет пятидесяти, и сказала: «Ой, Сеня, обязательно помогу». На этом и решили, о бесплатных родственниках не говорили, всем и так было понятно. Проснулся я от гула машины, взглянул на часы «ходики», время было восемь часов, что-то я совсем заспался. Встал с постели, одел своё галифе и пошёл к рукомойнику мыться. В комнате никого не было, на столе стояла какая-то еда, накрытая чистым полотенцем. Интересно, подумал я, куда же подевалась тётя Таня? Парни уехали это понятно, а куда делась тётя Таня? Я заглянул в окно, вижу, она ковыряется лопатой под деревом, странно думаю, поздняя осень, что же она решила посадить. Вышел на крыльцо, тётя Таня услышала стук двери, воткнула лопату в землю и идёт ко мне. Ещё издали она спросила у меня: «Сеня, а ты позавтракал?» — «Да нет ещё, Вас потерял и пошёл искать». Тётя Таня заулыбалась, видать ей мой ответ понравился. Я позавтракал и решил сходить в клуб, приготовить всё необходимое для показа фильма. Когда я туда пришёл, там уже была заведующая и занималась уборкой. Закончив уборку, она ушла, а я приступил к перемотке лент. Перемотав ленты, осмотрел аппарат, залил в движок бензин из канистры, которую мы с собой возили, ещё раз осмотрел всё оборудование и убедился что оно к показу кино готово. Вышел на крыльцо, и вспомнил, что перед сеансом, продавать билеты уже темно, и не видно какие дают деньги, и я решил над входом клуба повесить

лампочку, и, так сказать, осветить рабочее место. И мне светло будет работать, и люди не будут спотыкаться о ступеньки, в темноте выходя из клуба после кино. Соорудил переноску, вбил гвоздь в короб крыши, повесил туда лампочку, смотрелось хорошо, а ночью будет ещё лучше. Затем переноску убрав в клуб, я снова вышел на крыльцо, сел на него, и от нечего делать, думаю, посижу на солнышке, а то всё бегаю туда-сюда и некогда погреться на солнце, а скоро зима и тогда на нём не погреешься. Хоть и была уже поздняя осень, но солнце ещё припекало хорошо. В голове роились всякие мысли, о моих коллегах по работе и их неправильном отношении к своим обязанностям, о моём неустойчивом положении в кинотеатре, переставляют меня туда-сюда как пешку. И поймал себя на мысли, что ни там, ни там я, ничего сделать не могу, рано мне ещё влиять на положение дел, так что придётся терпеть. Посмотрел на солнце, оно уже повернуло в сторону горизонта, чувствую, что захотел кушать. Думаю, пойду к тёте Тане, пообедаю, а затем мы с ней придём показывать кино. Зайдя во двор, я увидел что тётя опять возится возле того самого дерева где была и утром. Подойдя к ней, я спросил: «Что вы возле этого дерева, возитесь с утра»? Тётя, опёршись на лопату ответила: «Да вот, хочу лопатой корни обрубать, за зиму они сгниют, а весной я его и выкорчую. Вон ещё такая сухая яблонька стоит. Это они от старости засохли, а какие были роскошные деревья, с большой зелёной кроной, а какие яблоки были, крупные красные и сладкие как мёд. А вот пришло время, яблони постепенно хирели, хирели, а потом и совсем засохли. В мире Сеня так всё устроено, и к человеку это относится, пока молодой здоровый всё ему по плечу, а придет время и яблоньку убрать трудно». После этих слов она повернулась ко мне, и виновато улыбнулась, как будто она виновата, в том, что время делает своё дело, никого не спрашивая. Я посмотрел на тётю Таню, на её худенькое лицо, тонкие пальцы, которые держали черенок лопаты и говорю: «Тётя Таня, а давайте вместе корчевать дерево, только мне нужен топор и пила». Опыт корчевания у меня уже был. Как-то Иван Лёвин соблазнил меня к нему домой поесть вареников с вишнями, а затем заставил отрабатывать вареники на корчёвке деревьев, правда их было немного только два дерева, вот там я и приобрёл опыт корчевания. Пошли вместе сарай я там нашёл топор и ножовку, затем при их помощи, убрал верхнею часть дерева, только потом принялся за его корни. Лопатой очистил корни от земли, затем взялся за топор. С боковыми корнями я справился довольно легко, а вот с центральным корнем, пришлось повозиться. Чтобы подобраться к нему, надо копать глубокую яму,

а мне этого делать не хотелось, вот я и принялся раскачивать пень из стороны в сторону. Но дерево старое и корень толстый, ну никак не подаётся моим усилиям. Я и так и сяк, качается пенёк, но не более того. От такого труда я весь вспотел, да и солнце делает своё дело, хоть и осень. Наконец мне удалось добраться с одной стороны корня, и я, при помощи топора и ножовки, всё-таки выдрал этот пень из земли, отнёс его за сарай и там оставил, туда же отнёс и верхнюю часть дерева.

Вернувшись к яме, я забросал её землёй, затем землю выровнял, как будто там ничего и не было. Тётя Таня, видя в каком я состоянии, говорит: «Пойдем, Сеня, помоешься, покушаешь, отдохнёшь, затем пойдём показывать кино». Обедал я с удовольствием, уж очень я проголодался, а главное с сознанием того, что обед заработал, от этого понятия на душе было хорошо. Обедая я тёте Тане сказал: «Следующий раз приеду и оставшееся дерево выкорчую, только тогда ещё захвачу с собой Ивана, вдвоём мы быстро справимся». Услышав имя сына, тётя сказала: «Боюсь, Сеня, что тебе самому придется работать, я его, сколько ни просила, так и не допросилась, так что на него сильно не надейся» — «Ладно, тёть Таня, поживём, увидим». Пообедали, отдохнули, затем направились в клуб.

В клуб мы пришли минут за двадцать до начала сеанса. Народ уже начал собираться. Как только мы подошли, люди загудели, то ли от радости, что, наконец-то киномеханик появился, то ли от недовольства. Послышались голоса: «Кино давно начинать надо, а он ходит где-то». Я, не обращая внимания на возгласы, прохожу к двери клуба, открываю её, вытаскиваю движок, закрепляю его штырями, завожу, в клубе загорелась лампочка и стало светло. Люди столпились у двери, но в клуб никто не заходит, ждут, когда я буду продавать билеты. Я зашёл в помещение, взял переноску, вышел с ней и с помощью стула закрепил её на гвоздь, который я днем вбил. Затем пошел назад, и подключил переноску к блоку питания. На крыльце клуба загорелся свет, людей это так обрадовало, что их восторгу не было предела. Послышались голоса: «Вот хорошо, теперь не будем на ступеньках спотыкаться, а то смотри, чтобы ноги не поломать». Ну и другие голоса в этом роде. Я, всё это делаю, а сам думаю, надо что-то сказать народу по поводу того, что все должны платить за просмотр фильма, а то как бы опять эти родственники беспорядок не устроили.

Но как это сделать я не знал, я ведь никогда речи не держал, но сегодня надо это сделать, но как, сказать, от своего имени, но кто я для них такой. И тут у меня созрела мысль сказать от имени старшего киномеханика Ивана Фоменко. Как будто он поручил

мне сказать это людям вот. Так и сделаю, а как получится, так и получится, главное, чтобы люди поняли. В клубе приготовил рулоны билетов, взрослые и детские, рядом со мной стояла тётя Таня, я ей говорю: «Я, сейчас хочу обратиться к людям, чтобы они знали, что билеты надо покупать всем, а то, как бы не получилось как вечера, но я буду это делать первый раз, поэтому волнуюсь, так что тётя Таня стойте рядом со мной, так сказать, поддерживайте меня морально». Она посмотрела на меня сочувственно и говорит: «Да ты сильно не волнуйся, я в колхозе тоже на собрании выступала и нечего, живая осталась». Ну, вот и хорошо, думаю, раз тётя Таня осталась живой значит и со мной ничего не случится. Я, вышел на крыльцо, стою в своей военной форме, в кепке, над моей головой светит лампочка, рядом стоит тётя Таня. Я посмотрел на собравшихся людей, в их глазах я увидел ожидание какого-то, очень важного сообщения. Думаю, раз люди ждут, значит надо говорить. Я слегка покашлял и начал: «Товарищи, то, что я вам сейчас скажу, это мне поручил сделать наш старший киномеханик Иван Фоменко. Мне, нужно вам сказать очень важную вещь. Я, конечно, волнуюсь, но это неважно, важно то, чтобы вы меня поняли. Так вот, по закону все граждане, которые смотрят кино, должны платить за это, то есть покупать билеты, которые мы продаём, никакие бесплатные родственники законом не предусмотрены. Бесплатно кино могут смотреть только те, кто показывает его, то есть мы киномеханики, остальные все платят. Если кто-то из нас киномехаников хочет, кого-то пропустить бесплатно, то он должен за свои деньги купить ему билет. Вот посмотрите, как это должно быть. Я, у тёти Тани Фоменко, вы её знаете, и ночевал и ужинал, одним словом питался, и хочу, чтобы она посмотрела кино бесплатно, поэтому я за свои деньги покупаю ей билет. Кладу рубль в левый карман брюк, там у меня находится касса кино, отрываю взрослый билет и отдаю тёте Тане, возьмите», — говорю тёте Тане. Подаю ей билет. Она берёт билет и кладёт себе в карман. Затем я посмотрел снова на людей и спрашиваю: «Всем понятно?» В ответ послышался гул голосов, не понятно, почему гудят, то ли одобряют мною сказанное, то ли наоборот. Тут из толпы прорывается к крыльцу пожилой человек, невысокого роста и говорит мне: «Дозволь, сынок, сказать мне». Я пригласил его на крыльцо и разрешил говорить. Он повернулся к людям и сказал: «Вот что, дорогие мои, парень говорит дело, так дальше нельзя, на всё есть законы и их мы должны соблюдать. А то получается какая-то вакханалия, того пущу бесплатно, а вот этого не пущу, что это твоя личная лавочка. Нет, этому надо положить конец, и я тебя, сынок, полностью поддерживаю, и думаю, большая часть

селян поддерживает, за исключением, конечно, родственников. А смотрите, какой он нам свет сделал, теперь точно со ступенек никто не упадёт. Понимаете, парень о нас думает, чтобы мы не только нормально зашли в клуб, но и нормально вышли, спасибо тебе, сынок». Сеанс прошёл нормально, люди весело покидали зал, не боясь, что об ступеньки разобьют лоб, а одна женщина с радостью кричала: «Смотрите, а свет падает аж до моей калитки, ой, как хорошо, вот так бы всегда! Прям живи и радуйся».

Помню, тогда я подумал, как людям мало надо для счастья, освети улицу и всё будет хорошо. Ещё раз повторяю, сеанс прошёл нормально, Ивановы родственники, куда-то подевались, то ли они прошли по билетам, то ли услышав моё выступление, ушли домой, а может, и совсем не приходили. Но что сеанс прошёл нормально то это точно, шума, никакого не было. Мы, с тётей Таней домой пришли поздно, машина во дворе стояла, но ни Ивана, ни Цыгана дома не было, куда-то девались. Смотрю, на машине стоит корзинка, но что в ней, не видно. Я, залез на машину, обследовал содержимое корзинки и увидел там бутыль, видать, с растительным маслом. Спустившись с машины, я в раздумье говорю: «И куда они подевались?» Но, тётя Таня знала своего сына и не волновалась, сказала, что завтра придут. Ну ладно, думаю, раз завтра придут, то тогда и волноваться нечего. Мы с тётей Таней поужинали и легли спать. На другое утро пропажа, в виде Ивана и Николая, появилась в доме Фоменковых, но только к обеду. Мы уже с тётей Таней успели выкорчевать дерево, я уже начал эти бывшие деревья превращать в дрова, а они только нарисовались. Мы с хозяйкой сидели, обедали, когда зашли, Иван и Николай. Оба с большого похмелья. Они сели к столу, Иван говорит: «Сеня, надо грузиться, через пару часов поедем». Я оторвался от борща и говорю: «Как скажешь, Иван, ты у нас начальник, но если ты хочешь знать моё мнение, то я думаю, что в таком состоянии, как наш водитель никуда ехать не надо, а то наша поездка может плохо закончится. Я предлагаю, сегодня здесь отдохнуть, а завтра, на свежую голову и поедем. А сегодня у нас с тётей Таней много работы по хозяйству, надо все бывшие деревья превратить в дрова, так что давай поездку отложим на завтра». Тётя Таня меня поддержала, сказала: «Нельзя Николаю пьяному садиться за руль, не далеко и до беды». Иван с Николаем согласились с нашими доводами, похлебали борща без хлеба и улеглись спать. На другой день, отдохнувшие, мы погрузились и уехали в село Ипатово. Там, отдых два дня и снова в путь по маршруту. Так я с ними проездил до марта месяца 1952-го года, а в марте меня Алексей Николаевич снова вернул в кинотеатр, и я там показывал кино, до мая месяца этого года.

А в мае месяце, снова пертурбация, из учебки вернулись два дипломника, и их начал обучать Иван Радченко, а я снова оказался в моторной мастерской с братьями Лёвиными. Моё душевное состояние того времени, я описывать не буду, так как не смогу довести его до вас. Скажу просто, на душе было плохо, если не сказать мерзко. Но что я мог сделать? Вот именно ничего, ну ладно, хорошо, что хоть не выгоняют с работы.

В заключение о работе на кинопередвижках хочу вам рассказать, о том, как я ходил на хутор Корчагенский к Татьяне в гости, к той, у которой я ночевал, когда показывал у них кино. Когда я уже работал на западной кинопередвижке, я несколько раз к Татьяне ходил в гости. В первые выходные я к ней не ходил, думал пойти, но не знал, как она воспримет моё посещение её дома, а на другой выходной, это примерно через две недели я всё же набрался смелости и пошёл. Но перед тем как к ней идти я думаю, надо что-то купить им в подарок, а то живёт Татьяна со своим сыном Юрой небогато и даже, можно сказать, бедно. Прежде чем к ним идти, я зашёл к брату на работу и говорю ему: «Андрей, я взвешу два килограмма халвы, а то я собрался в гости так без подарка идти неудобно». Брат возмутился, моей наглостью он думал, что я два кило халвы возьму со склада бесплатно, но я его успокоил, сказал ему, что всё, что я возьму у тебя на складе я тебе за это заплачу. Я купил у Андрея два кило халвы две шоколадки по рублю двадцать копеек за штуку, халву завернул в плотную бумагу под названием «пергамент», и положил в сетку-авоську, а шоколадки положил в карман куртки, и отправился пешком, в Корчагенский хутор в гости. Только я вышел на Корчагинский трак, как слышу, за моей спиной гудит машина, оглянулся, едет автомашина ГАЗ-51, я махнул рукой, и она, к моему удивлению, остановилась, а водитель сам открыл мне дверь. Я такому феномену был удивлён, обычно здесь водители не останавливаются, потому что водители знают, люди идут в Корчагинский хутор, а идти туда недалеко, так что нечего и тормоза жечь. Залезаю в кабину, водитель, молодой парень, говорит мне: «Здравствуй, Сеня?» Я удивлённо смотрю на него и спрашиваю: «А откуда ты меня знаешь?» Парень смотрит на меня, улыбается и говорит: «Так тебя почитай всё Дивное знает, ты же к нам кино привозил, а потом почему-то не стал приезжать. Приехал Николай, с каким-то другим механиком. Снова Николай показывал кино, а он так долго вставляет ленту, что некоторые люди начали его ругать и сравнивать с тобой. Когда вышли из кино, то одна женщина говорит: «Опять к нам прислали этого татарина, он пока меняет ленту, так что до этого показывал, можно и забыть. Вот в тот раз мальчишка хорошо показывал кино,

мне очень понравилось, но его, почему-то к нам не прислали, наверное, перевели в другое место, где начальство смотрит кино, а нам селянам, на тебе Боже то, что мне негоже». Вот так, Сеня, хорошо о тебе думают наши селяне. Сеня, так где ты сейчас показываешь кино?» — «Да на Западной кинопередвижке» — «Жалко, что к нам не приедешь, а то моя сестрёнка дала мне задание, что как ты приедешь в Дивное показывать кино, чтобы я тебя пригласил к нам ночевать, а то говорит, у наших соседей он ночевал так пусть и у нас ночует» — «Это у Ивана и Гали, что-ли», — спросил я у него. «Ну да, Галя к нам приходила и хвасталась, а мою сестрёнку завидки взяли» — «А тебя как зовут-то?» — «Да Павлом меня зовут, ну вот и приехали. Ну ладно, Сеня, до свиданья, учти, как снова к нам в Дивное приедешь, то ночуешь у нас, хорошо?»

Я с ним согласился, вышел из машины и пошёл к Татьяниному дому. По пути зашёл на базар, у них там небольшой базарчик, купил двухлитровую банку солёных огурцов, затем присмотрел сало, думаю надо его купить, а то у них с едой плохо и даже очень. Купил шмат сала и пошагал к Татьяниному дому. Иду, рассматриваю домики, в которых живут заводские рабочие. Дома все типовые, построены на два хозяина, Татьяна тоже в таком доме живёт. Когда мы с Михаилом приходили к Кольке Кротову за кроликом, то он с матерью, тоже жил в таком доме. Все эти дома построил Кирпичный завод для своих работников. Прихожу, на двери висит замок, думаю, сколько же времени, что хозяйки ещё дома нет. Увидел, возле клуба играют мальчишки, подумал, что, возможно, и Юра там и пошёл туда. Я ещё не дошёл до играющих мальчишек вижу, ко мне бежит Юра и кричит: «Дядя Сеня ко мне приехал!» Ага, к нему приехал. Я спрашиваю у него: «А где мама? Почему дом на замок закрыт?» — «Так мамка ещё на работе, ведь заводского гудка ещё не было». Цивилизация, подумал я. Мы в хуторе Северном определяли время по петухам и по солнцу, а жители Корчагинского хутора, определяют время по заводскому гудку. Цивилизация, да и только. «Юра, а у тебя ключа нет от квартиры», спрашиваю я у него. «Нет, говорит, мне мамка его не даёт» — «Ну ладно, — говорю, — тогда пойдём к дому сядем на скамейку и будем ждать твою маму.

Ждать долго не пришлось, вскоре загудел заводской гудок, а затем и мама появилась. А за это время я Юру шоколадкой угостил и к приходу мамы он её прикончил. Татьяна к нам подошла, смотрит на меня, но ничего не говорит, но я вижу по её глазам, что она рада моему приходу, её глаза так и светятся. Зашли в квартиру я положил гостинцы на стол и стал их разворачивать. Татьяна с Юрой во все глаза смотрят, что же я им

принёс. Я сначала решил начинать с малого, и стал разворачивать свёрток, из вафельного полотенца. Чтобы завернуть сало я купил у базарной торговки вафельное полотенце за рубль, там же на базаре завернул его, а вот сейчас в квартире Татьяны разворачиваю. Хозяева квартиры с интересом смотрят на мои манипуляции, и, наверное, думают, что же нам принёс гость. Как только я развернул шмат сала, оба, и Татьяна, и Юра, в один голос ахнули. Юра сразу закричал: «Ура! Сегодня у нас будут шкварки!» А Татьяна всплеснула руками и говорит: «Ой, Сеня, как это ты, кстати, принёс сало, у нас дома с Юрой, ни одной жиринки нет. Ты помнишь, когда я к вам подошла, где вы с Юрой сидели, то в душе очень радовалась, что ты пришёл, а сама думаю, чем же я Сеню кормить буду. Вот потому я и стояла вся «зажатая»: «Да ладно, Таня, всё хорошо то, что хорошо кончается. Сейчас будем разворачивать второй свёрток. Юра, как ты думаешь, что в нем?» — спрашиваю я. Юра потыкал пальцем в свёрток и говорит: «Я не знаю, но что-то твёрдое, на сало не похоже» — «Ладно, — говорю, — сейчас посмотрим, что там и гадать не будем, я ведь Юра тоже не знаю что там завёрнуто». Юра заулыбался и говорит: «Дядь Сеня, как же Вы не знаете, если Вы это покупали». Пока мы с Юрой общались, я продолжал разворачивать свёрток. Когда убрал с халвы бумагу, восхищение Татьяны и Юры было равносильно крику болельщиков на стадионе когда их любимая команда забьёт гол в чужие ворота. Кода шум улёгся, я вытащил из кармана куртки шоколадку и говорю Татьяне: «Таня, вот на тебе шоколадку, а Юра свою уже съел, и давай сегодня, сделаем макароны со шкварками и луком. Будет вкусно и питательно, а то смотри какой Юра худой, да и ты не жирная, да и я под стать вам». Сказал и сам жду, что Татьяна ответит, а она молчит. Тогда я ей снова говорю: «Таня, а почему ты молчишь, у тебя что, есть другое предложение?» — «Да нет, Сеня, я молчу, потому что у нас нет макарон, у нас с Юрой вообще ничего нет только хлеб и каша, да вода под краном» — «Таня, это ничего, мы с Юрой сейчас это положение поправим. Юра ты знаешь, где находится у вас магазин?» Юра кивнул головой, и мы с ним отправились за покупками. За покупками мы сходили быстро, так как магазин был рядом, да и покупателей в нём не было. Принесли два больших пакета, один с макаронами другой с лапшой, и ещё купили две бутылки растительного масла. Насчёт масла я сообразил уже в магазине, думаю, что раз Татьяна сказала, что у них ни жиринки нет, то думаю, этот пробел в их доме надо устранить. По поводу покупок, радости в семье было, полный дом. В этот день ужин был на славу, сначала ели лапшу со шкварками, а затем пили чай с халвой. С моим

появлением дела у Татьяны и её сына поправились. У Татьяны в гостях пробыл я больше суток, и это было счастливое время для меня, и, особенно, для Татьяны и Юры. А при расставании Татьяна сказала, что ты, Сеня, обеспечил нас продуктами на целый месяц, а потом я получку получу, так что теперь будет всё нормально. Вот так мы попрощались с Татьяной, а затем я поехал в Ипатово. Позже я к Татьяне ещё несколько раз приходил, и она всегда была рада моему приходу.

Ну а потом меня завертело так, что было уже не до походов в хутор Кочергинский. А деньги у меня тогда водились, я, как начал работать на западной кинопередвижке так постоянно в кармане 10–15 рублей было. А как возвращались с командировки, так я получал командировочные, рублей 3 5-40. Так что с деньгами было всё в порядке.

НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Как-то в середине мая, Иван, обращаясь ко мне, сказал: «Сеня, тебе не надоело то, что тебя который раз кидают туда-сюда?» Сказал, а сам вопросительно смотрит на меня. Я немного подумал, затем отвечаю ему вопросом на вопрос: «А что я могу поделать, ведь ты же знаешь, что у меня диплома нет, вот и приходится терпеть всё это». Иван снова заговорил: «Знаешь, к чему я это говорю, мы с Михаилом едем на заработки в Апанасенковский район, если хочешь, то поедем с нами, будешь там подсобным рабочим, ну там раствор замешать, краску развести, а то, что заработаем, поделим поровну. Я подумал, а что собственно я теряю, киномехаником я всё равно не буду, а болтаться туда-сюда мне уже надоело, а там хоть какая-то перспектива, может, новую профессию строителя приобрету. Да и денежки заработаю, а то на те копейки, которые я зарабатываю в кинотеатре, ничего не купишь и согласился поехать с ними. Иван довольный кивнул головой и сказал: «Ты только с братом Андреем поговори, а то вдруг он возражать будет».

Дома за ужином, я сказал брату о предложении братьев Лёвиных, Андрей сразу дал согласие, и мне показалось, что они с женой обрадовались такому событию. Затем Андрей начал на эту тему много говорить, он любил поразглагольствовать, и из его разговора, я понял, что о том, что меня Лёвины позовут на заработки, он знал до моего сообщения, но от меня это скрыл. Мне это очень не понравилось. Видно было, что Лёвин Иван, сначала переговорил с Андреем, и получил его согласие, а затем предложил мне поездку. Мне эти подковёрные заговоры не нравились, но я решил об этом не говорить ни брату, ни Ивану, пусть думают, что я ничего не знаю об их заговоре против меня. Поужинав, мы легли спать. Я долго не мог уснуть, всё думал, как там будет на новом месте. Затем вспомнил, как я в детстве мечтал, что как вырасту, уеду далеко-далеко от дома, а тато с мамой будут ждать меня, а когда я вернусь, они мне будут очень рады. Ну вот, кажется, моя мечта начинает сбываться. С этими мыслями я незаметно уснул. На другой день, мы трое пришли в приёмную кинотеатра писать заявление об увольнении с работы. Взяли бумагу у секретарши, написали и по очереди пошли к директору за его визой. Первым пошёл Иван, сидел в кабинете минут десять, затем вышел и говорит: «Отпустил». Затем пошёл Михаил, он там был недолго, потом пошёл я. Алексей Николаевич взял моё заявление, прочитал и говорит: «А ты подумал, что там тебя ждёт, там ведь надо работать физически, а ты к этому не

готов, может всё-таки останешься в кинотеатре, будешь в моторной старшим, дам тебе помощника и работай. Как думаешь?» — «Нет, Алексей Николаевич, раз решил, значит поеду, а как там будет, я пока не знаю, там посмотрим» — «Ну, гляди, только если что, возвращайся, тебя всегда назад возьму». Подписал моё заявление, пожелав успехов в работе, на прощанье пожал руку, и я ушел. Больше я в кинотеатре не работал, да и с Алексеем Николаевичем не виделся, хотя позже в кино ходил, но как простой зритель. Через полчаса, мы рассчитались с кинотеатром, или, вернее, он с нами, и по мостовой нашего Ипатовского «Арбата» зашагали домой, с мыслями, что завтра берём на поезд билеты и в путь. Но на этот раз нам уехать не удалось, Ивановой жене стало плохо, и он её отвёз в больницу, а с детьми, их у него было двое, ещё и маленькие, сидеть было некому, вот на период выздоровления матери детей пришлось задержаться. Конечно, можно было уехать мне и Михаилу, но Михаил строитель средней руки, а я, вообще никакой. И чтобы не болтаться без дела, мы решили временно устроиться на железную дорогу, Иван сказал, что там требуется рабочие для разборки старой железнодорожной ветки. Мы не стали терять время сразу пошли на станцию. И вот теперь я железнодорожник. Конечно, то, что я железнодорожник это громко сказано, но всё — таки к железной дороге отношение имел. На станции, действительно требовались временные рабочие для разборки старой ветки железной дороги. Нас с Михаилом, приняли на работу, выдали спецодежду, инструмент, и мастер, мужчина средних лет, повёл нас на место работы.

Рассказал и показал, что делать и как делать, ещё сказал цену, что стоимость одной шпалы равняется семи рублям, пожелал нам удачи хорошо работать и зарабатывать, а затем ушёл. Как мы с Михаилом мучились с этими шпалами, вернее шпалы нас мучили так, что это не описать, скажу одно, что эта работа для здоровых мужиков весом под сто килограмм, а у нас с Михаилом на двоих будет килограмм сто десять, не больше. Так какая с нас рабочая сила, но делать нечего, раз взялись, значит надо работать, как говорится: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Вот так, друзья мои.

К концу дня, мы кое-как наловчились, но всё-таки костыль ломиком вытаскивать было трудно. Михаил предложил удлинить рычаг, какой-нибудь трубой, лишь бы она подходила по диаметру. Он ушел в мастерскую станции и вскоре вернулся с метровой трубой. Дело пошло веселее, но все равно, когда окончательно стемнело, мы закончили работать и подсчитали свои «трофеи» их оказалось только пять. Но, думаю, на первый

раз и то хорошо. Вскоре пришёл мастер, принял нашу работу, что-то в блокнот записал и сказал: «Деньги за работу получите завтра в кассе». Затем посмотрел на нас оценивающе и говорит: «Вам, парни, надо вес набирать, а то на такой работе с вашим весом делать нечего, разве что в кассе работать, но там место уже занято, так что только вес набирать. А работы у нас много, эта ветка протяжённостью четыре километра, её надо разобрать, а затем положить новые и шпалы, и рельсы, а людей не хватает. Так что, ребята, давайте набирайте вес, ходите обедать в наш буфет, там для работников дороги обеды не дорого, ешьте больше мяса, оно даёт силу, так что старайтесь. Теперь до свидания, до завтра». Попрощался и ушёл. Михаил, глядя на меня сказал: «Вот так, Сеня, а мы с тобой по пирожку с капустой съели, и потому к вечеру еле ноги таскаем. К своему здоровью надо относиться серьёзней». На другой день, я встать с постели не мог, всё болит: руки, ноги, спина, голова, нет, голова не болела, она была занята тем, что думала, как быть дальше. Я ведь до этого физически не работал, а тут сразу такая нагрузка, думаю, если так будет каждый день, то лучше вернуться в театр, хотя и возвращаться неудобно, скажут, трудностей испугался, а в советское время это было такое пятно, от которого не отмыться.

Подошла ко мне Дуся и спрашивает: «Ты почему не встаёшь, заболел что-ли?» Я ей рассказал про свои болячки, она внимательно выслушала и говорит: «Сеня, со мной тоже такое было, когда, я первый раз пошла, солому копнить, то я вилами там так намахалась, что утром подняться не могла, всё болит, а на работу идти надо, и я ходила, дня через четыре всё прошло. Так и у тебя будет. Вставай потихоньку и пойди лука на поджарку нарви, завтракать будем». Я еле поднялся, всё тело болит, а Дуся меня ещё за луком в огород посылает, никакой жалости к своему ближнему. Иду, еле передвигаю ноги, поплясал, около грядки вприсядку, нарвал луку, назад иду, чувствую, что ноги двигаются лучше, значит, дело идёт на поправку, надо только хорошо размяться. Позавтракал, пошёл к Лёвиным, Михаил сидел и держал на руках своего племянника двух лет, состояние его было примерно такое, как и у меня. Поговорили с ним немного, решили сегодня не ходить на работу, Ивана дома не было, пошёл на телеграф звонить в совхоз, узнать, когда можно приступить к отделке школы. От нечего делать я пошёл в сад, фрукты были ещё зелёные, так что полакомиться было нечем. Нашёл себе работу, начал таскать от колонки воду в бочки. Вскоре пришёл Иван и рассказал последние новости. Говорит, что звонил в совхоз, школа к отделке ещё не готова, каменщики сидят без камня, так что недели две или три придётся нам поработать на железке,

через пару дней я к вам подключусь, жена идёт на поправку. Звонил на станцию мастеру, он понял ваше состояние и отпустил на два дня, так что ещё завтра отдыхайте.

В этот день я у Ивана в саду провозился до вечера, у него и обедал, и ужинал. На другой день работал у брата на складе, так и прошли эти два дня. Наступил рабочий день, и мы с Михаилом отправились снова таскать шпалы, вернее мы их не таскали, а ломами скатывали с насыпи. День прошёл более-менее, ломота в теле понемногу проходила, да и приятно было получить заработанные деньги, хоть и небольшие, но всё же. Позже, Михаил и я, втянулись в работу и дело пошло быстрее. Да и здоровья прибавилось, начали хорошо питаться, закрепились мышцы, и стали чувствовать себя сильнее. Теперь за день мы убирали до двадцати шпал, но объём работы был очень большой, порядка двух тысяч шпал. Хоть на этой ветке кроме нас работала ещё одна бригада, но работы хватало всем. Вскоре Иван присоединился к нам, дело пошло ещё веселей, объём работы стали выполнять больше, но, правда и заработок теперь делили на троих, но все равно, получалось неплохо.

Весь заработок я отдавал брату, оставлял себе только три рубля на обед. Видно было, что мой заработок и брату, и Дусе приносили радость, как-никак достаток в семье. Так я с Лёвиными проработал до конца июня, пока мы не получили сообщение из совхоза, что школа к отделке готова.

Я — СТРОИТЕЛЬ

Сборы были недолгими, я собрал в свой фанерный чемодан чёрного цвета, нехитрые пожитки: продукты, такие как, крупа, макароны, растительное масло, две бутылки, то есть продукты на первые дни нашей работы. Закрыл чемодан на замочек, попрощался с Дусей, Андрей уже был на работе, чемодан в руки и на станцию Винодельное. В селе Ипатово ж/д станция называлась Винодельное. Откуда взялось такое название станции, я точно не знаю, но от ипатовских стариков я слышал, что такое название станции дал один большой царский чиновник, который ехал в наше село для переписи населения. В общим, въезжает этот чиновник в село, а навстречу ему едет телега, на которой стоит большая бочка, а ещё на телеге сидели два мужика, которые сопровождали эту бочку. Как только телега с бочкой и дрожки чиновника поравнялись, мужики увидели, что навстречу им едет такой высокий чин, в мундире и в фуражке с кокардой. Они испугались, дёрнули за вожжи свою лошадёнку, он резко повернула и бочка с телеги свалилась и прямо под ноги лошади чиновника. Лежит на боку перед лошадью чиновника и из её воронки льется красная жидкость. Чиновник, не поднимаясь с дрожек, спрашивает у мужиков: «Что это у вас?» И показывает тростью на бочку. «Вино, Ваше превосходительство, вино» — «Так чего же вы, раззявы, стоите, немедленно переверните бочку, чтобы вино не разливалось. Такую драгоценную жидкость и вы льёте на землю, эх вы, виноделы-раззявы». Затем он тронул свою лошадь и поехал в управу. Уже в управе чиновник начал заполнять документы на перепись на селения, спрашивает у главы управы: «Как называется ваше село?» — «Да, понимаете, мы название селу ещё не придумали. Хотели назвать село Степное, но степи, как таковой, вокруг села и нет, везде поля, сады, да виноградники. Затем кто-то предложил назвать село Калаусное, но такое название тоже не прижилось. Народ говорит, слово, какое-то непонятное, что оно обозначает не известно. Вот так пока без названия села и живём» — «Скажите, а сколько у вас дворов в селе?» — «Да почитай дворов сорок будет» — «А людей, сколько живёт в вашем селе?» — «Да, почитай, душ двести будет. Но точно мне не известно» — «Ну что же, — говорит чиновник, я для того и приехал чтобы установить сколько в вашем селе душ. А пока давайте определимся с названием вашего села. Я тут по дороге встретил ваших мужиков, которые везли бочку вина и опрокинули её на дорогу. Вино разлилось по дороге, и из-за этого я их назвал раззявами- виноделами. А скажите, у вас многие

занимаются виноделием?» — «Виноделием? — сначала переспросил глава управы, а затем ответил, — Да, почитай, каждый двор, так что у нас виноделов хватает» — «Ну, вот и хорошо, тогда давайте так и назовём ваше село, село Винодельное. Ведь такое название вашего села будет правильным. Все занимаются виноделием, значит, и село будет называться Винодельное. Это решение мы так и запишем в циркуляр. Вот с тех пор село получило свое название Винодельное. Затем к селу провели железную дорогу, и станция тоже стала называться Винодельная. А уже гораздо позже, после революции, пошла мода называть, города, сёла и станицы именами героев гражданской войны. Вот и наше село переименовали, и оно стало называться Ипатово, по имени героя революции, который воевал в наших краях и тут же погиб. Ему и памятник установили в центре села. Название села переименовали, а название ж/д станции оставили прежнее, вот потому она сейчас и называется, Винодельное. Всё то, что я вам описал о станции Винодельное, я в 1948 году слышал от рабочего по складу, который работал у моего брата Андрея. К сожалению имени и фамилии его ни тогда, а тем более, сейчас, я не знаю, а возраст у него был примерно лет 60. На этом исторический ракурс о названии станции закончился. А сейчас я иду на станцию, которую не переименовали там, я должен встретиться с братьями Лёвиными. На станции, они меня уже ждали. Михаил был с небольшим чемоданом, а Иван с рюкзаком, в котором находились инструменты для отделочных работ.

Вагоны на посадку подали вовремя, мы сели и в путь. От станции Винодельное, до станции Дивное шестьдесят километров, но мы туда добирались больше трёх часов. Поезд двигался медленно, часто останавливался по поводу и без повода, просто в степи, постоит минут двадцать, потом даст сигнал и снова поехал, и так несколько раз. Как бы то ни было, добрались до села Дивное, там узнали, что автобус до совхоза № 4, в который мы ехали работать, уже ушёл и поэтому туда придётся добираться на попутке. Надо отметить, что в то время самый распространённый транспорт была попутка. С чемоданами вышли на главную дорогу, которая ведёт в районное село Апанасевское.

Дорога районного значения была довольно широкая, отсыпана гравием, так что по ней можно было ездить и в дождь, и в грязь. Ждали не долго, вскоре подъехала бортовая машина, ГАЗ-51, она ехала как раз к нашему месту назначения. Иван, как старший из нас сел в кабину, а мы с Михаилом в кузов. Сначала дорога была гравийная, затем плавно началась просёлочная, и по ней ехали до самого совхоза. Вся окрестность, по которой мы

ехали, для моих глаз была привычной, куда взгляд не кинь, везде была степь, в основном покрытая полынью, и только кое-где виднелись шарообразные растения, под народным названием, перекати поле, или курай, ни тебе, ни деревца, ни кустика. В общем, если честно, то картина была мне знакомая но, унылая, постоянный степной ветер, который нёс клубы пыли и ею, окутывал нас, чему тут радоваться? Хотя расстояние, которое мы проехали от свёртка с главной дороги, меня впечатлило. Понимаете, восемьдесят километров степи, вот это просторы, не то что в нашем хуторе. И что меня ещё поразило, на всём этом пути я не видел ни одного посёлка, ни даже отдельной хаты, степь и степь, и даже нет ни одного животного. Казалось бы, для овец это раздолье, но и их я не видел, как будто это пространство не обжитое. Позже я узнал, что оно так и было, как я и предполагал. Шофер нас привёз прямо к правлению совхоза, там мы выгрузились, Иван пошёл к директору, а мы с Михаилом остались на крыльце. Я стоял на крыльце правления, или вернее сказать на крыльце дирекции совхоза, и рассматривал строения. Все домики на улице были типовые, с виду небольшие, но как потом оказалось вместительные. Недалеко от нас стояла высокая кирпичная башня, я спросил у Михаила, что там находится. Он мне подробно объяснил, что это водонапорная башня, которая посёлок обеспечивает водой. Да, думаю это тебе ни хутор какой-нибудь, а раньше мама мне объясняла, что колхоз и совхоз, это одно и тоже, оказалось, нет. Пока мы рассматривали архитектуру посёлка, вышел из дирекции Иван в сопровождении какой-то женщины. Она нас привела к зданию школы, показала, где мы будем жить, сказала, где нам брать воду, а так же объяснила насчёт строительных материалов и удалилась. Я спросил у Ивана, а кто была эта женщина, он объяснил мне, что это мастер, теперь все дела мы будем вести с ней. В общем, всё было понятно, жить мы будем в торцовой комнате, где раньше жили каменщики. Матрацы и одеяла там есть, а остальное и не нужно. Обустраивались остаток этого дня и ещё захватили следующий день, но обустроились, так что теперь надо только работать. Здание школы, которое нам предстояло оштукатурить и покрасить, было построено из известнякового камня, и было приличных размеров, оно хоть и было одноэтажное, но потолки были высокие, более трёх метров, так что когда штукатурили, ставили леса. По длине всё здание рассекал коридор. Вправо, и влево от него, были классы и кабинеты. Здание по тем временам было современное, внешне хорошо выглядело. Какой Иван заключил договор с директором школы на строительство, я не знаю до сих пор, сам по натуре я человек честный, и думал, что

все люди такие же честные, как и я, и поэтому Лёвиным я доверял.

О том, сколько я заработаю, Иван мне не говорил и я у него не спрашивал, думал, раз он сказал, что всё заработанное поделим на троих то так оно и будет, а Лёвины бесплатно работать не будут. В мои обязанности входило замешивать раствор и подавать в ведре к мастерам штукатурам. Обязанности не сложные, но в связи с тем, что для меня это было новое дело, то целую неделю со мной работал Михаил, учил меня, сколько в корыто надо класть цемента, а сколько песка и сколько воды. Ну и ещё некоторым премудростям обучал. Михаил мне сказал: «Носи раствор, не более чем по полведра, чтобы не надорвался». Учёба прошла успешно, через неделю я уже сам и замешивал, и носил раствор. Носить раствор двоим мастерам сразу дело не лёгкое. Бывало, я принесу, полведра, вывалю в специальное корыто, из которого мастера берут его для работы, приношу другое, а Михаил и Иван сидят и ждут меня, это уже простой по моей вине. Поэтому приходилось не только быстро ходить с ведром туда-сюда, а временами и бегать. Должен сказать, что таскать ведро с раствором, которое весит килограмм пятнадцать, дело нелёгкое, но благодаря закалке, которую я получил на разборке ж/д полотна, я особой нагрузки на мышцы не почувствовал. Как-то бегаю, бегаю с ведром туда-сюда, надоело, думаю, принесу я полное ведро раствора, так сказать сделаю задел. Пока они будут вырабатывать раствор, я принесу следующие полведра, а в корыте ещё тот раствор останется, затем принесу следующие полведра, и так постоянно, и раствор у мастеров всегда будет, и мне тогда не надо будет бегать. А бегать-то приходилось по лесам вверх-вниз, так что это не просто. Наложил полное ведро, поднял, тяжёлое спасу нет, но потащил, еле, еле донёс, поставил возле Ивана и стою тяжело дышу. Иван, как увидел, сколько в ведре раствора, отругал меня и сказал: «Больше по полному ведру не смей носить, а то заработаешь грыжу и будешь всю жизнь мучиться». Что такое грыжа я тогда не знал, да и сейчас, слава Богу, не знаю, но раз Иван сказал, что буду с ней мучиться, значит, она эта грыжа нехорошая. В работе у меня были не только тяжёлые дни, но и лёгкие, правда, нечасто, но были.

Это когда мастера, алебастром «забивали» потолок, или верхнею часть стен, тогда братья сами готовили себе раствор. Дело это тонкое, а главное быстротечное, чуть промедлил, и раствор застыл или, как говорят строители, «схватился». Поэтому, раствор алебастра надо быстро замешивать, а также быстро вырабатывать, при этом, замешивать его надо малыми порциями.

Раствор должен быть нужной консистенции, в противном случае, он будет или к потолку не прилипать, или прилипать, но затем стекать струйками на пол. Такое случается, в лучшем случае раствор падет на пол, а в худшем он падает мастеру за шиворот, такое тоже бывает, особенно у новичков. Первое время я стоял и смотрел, как это делают братья Лёвины, но затем мало-помалу я начал сам учиться ремеслу штукатура. Забивать и затирать стены я научился быстро, и позже мы с Михаилом менялись ролями в работе, а вот забивать потолок мне пришлось помучиться и довольно долго. Чтобы научиться потолок забивать алебастром я даже оставался после работы и набивал руку. В конце концов, мне удалось добиться своего, наконец-то у меня стало получаться, правда не сразу, но со временем я вышел на профессиональный уровень. Но это было потом, а пока, раствор алебастра на потолок у меня сразу и не ложился, но и последствия были мирные, раствор просто летел с потолка на пол, и было хуже, если раствор попадал ни на пол, а мне за шиворот. Все мои попытки прилепить раствор к потолку заканчивались неудачно. Дело это сложное, надо из специального ковшика, плеснуть раствор на потолок так, чтобы он большой алебастровой кляксой, прилепился к потолку. Без навыка как бы вы не старались этого не сделаете. Вот и у меня первый опыт закончился неудачно.

Я и до этого дня пробовал потолок забивать, но не получалось, и старшие товарищи у меня отбирали ковшик, а когда Иван ушёл по делам в контору и ковшик оказался свободен, ну думаю, уж сегодня я точно научусь, не брошу работать пока не научусь, разумного упорства у меня хватало. И началось моё ученье-мученье. Сначала я раствор брал из тазика Михаила, но затем он увидел, как его раствор перевожу в отходы и ни стал мне его давать, говорит, сам заводи раствор, и сам же его переводи. Ладно, думаю, начал раствор заводить в тазике сам. Завёл, посмотрел густоту раствора алебастра и остался доволен его консистенцией. Набираю раствор в ковшик, согнувшись, прицеливаюсь, что бы раствор лег на потолок, как можно лучше, затем замахиваюсь и бросаю. Из всех моих попыток лучшими были те, которые долетали до потолка, но и они, тут же отрывались и падали, в лучшем случае на помост настила, а в худшем на меня, а ещё в худшем мне за шиворот. Правда бывали случаи, когда я успевал отскакивать, и комок белой грязи шлепался у моих ног, но это случалось очень редко, потолок «стрелял» этой белой грязью очень метко и практически попадал точно в цель, то есть в меня. После моей упорной практики, я был с головы до ног облеплен жидким алебастром, который к этому времени на мне уже схватился. На моём чёрном комбинезоне его

натуральный цвет было не найти, в пору было меня ставить на постамент, и готов памятник молодому строителю. Но мне на пьедестале стоять было некогда, поэтому, закончив мучиться, подошёл к Михаилу и говорю: «Всё, пошёл мыться и стираться». Михаил посмотрел на меня, замахал руками, и говорит: «Мыться мойся, но комбинезон не стирай, иначе ты потом его на себя не оденешь, он весь пропитается алебастром и будет стоять колом. Лучше сними его положи на солнце, а как он окончательно высохнет, помни его и весь алебастр осыплется с комбинезона. Потом его стряхнёшь, и носи, пожалуйста. Я так и сделал, правда, позже я комбинезон всё-таки постирал, после этого он у меня стал пятнистый. Но как бы то ни было, со временем я научился не только мастерски штукатурить стены, но и забивать потолок. Позже уже стало нормой, утром идём на рабочие места, мы с Иваном идём готовить место для штукатурки, а Михаил шёл замешивать раствор. Мне это конечно льстило, меня в коллективе считали мастером, но я понимал, до настоящего мастерства отделочника, мне было ещё далеко. Кстати говоря, мастерство штукатура-отделочника, которому я здесь научился, мне очень помогало по жизни, и я сделал вывод, что, чему бы ты хорошему не научился, в жизни тебе это может пригодиться. О работе больше писать не буду, в ней много всяких нюансов, но вам это будет не интересно, так что лучше не надо. Дальше напишу о нашем житье-бытье.

НАШИ ЖИЗНЕННЫЕ УСЛОВИЯ В СОВХОЗЕ

Как я уже писал, жили мы в комнате, в которой до нас жили каменщики, от них в наследство нам достались матрасы, одеяла и фуфайки, которые нам заменяли подушки, позже мне подарила настоящею подушку Таня Классидии, мы с ней дружили. Вы, наверное, подумали, опять он знакомится с девушками, и снова у него будут неприятности. Нет, ничего такого не было. Питание у нас было самое простое, в основном, лапша, макароны, каши, всё, приготовленное на воде и заправленное луком, поджаренным на растительном масле. Мясо было очень редко. Такое скромное питание, довольно быстро сказалось на нашем здоровье. Если раньше я утром вставал бодрым и снова принимался за работу, то через две недели, я с постели поднимался с трудом, да ещё и добавились головные боли. С братьями творилось тоже самое. Надо было, что-то делать, так больше нельзя, ещё пару недель, и мы вообще превратимся в дистрофиков. Утром, поднявшись с трудом, говорю Ивану: «Иван, я сегодня работать не могу, просто больше нет сил. Если так будет дальше продолжаться то я, наверное, уеду». Михаил меня подержал, и пошёл ещё дальше, посоветовал сделать два выходных, купить мяса и питаться нормально. Иван не возражал, он и сам был не лучше нас. Сделали выходной, легли досыпать, не знаю, сколько спали братья, но я проспал до обеда, поднялся и как-то почувствовал себя свежее. Вышел на крыльцо, смотрю, Михаил чистит картошку, и рядом с ним стоит горка консервных банок. Я взял одну посмотрел на ней написано: рыба хек. Думаю, как же так, договаривались питаться мясом, а они опять купили какую-то ерунду. Осторожно спрашиваю у Ивана: «Иван, а что с мясом?» — «Нет, Сеня, мяса ни в магазине, ни в столовой, пришлось купить рыбные консервы. Сегодня будем питаться ухой, а завтра пойдём на охоту на сайгаков».

Знакомый мне дал ружьё и пять патронов. Патронов, правда, мало, но хотя бы одного сайгака взять» — «Как мало? — возражаю я Ивану, — пять патронов это, считай, пять сайгаков можно взять, это будет куда больше. Братья рассмеялись над моей горячностью и Михаил говорит: «Ну, раз ты такой лихой снайпер тогда мы тебе отдаём ружьё, и если ты не добудешь пять трофеев, то мы тебя слегка поколотим. Согласен?» Такое предложение мне, почему-то не понравилось, особенно слово «поколотим», но само предложение идти на охоту мне было по душе. Я начал помогать готовить обед, хотя мы ещё и не завтракали. В процессе готовки Иван говорит: «Сеня, мы тут с братом подумали и решили, что в

дальнейшем будем работать так же с восьми до девятнадцати часов, а в обед будем делать часовой перерыв, а не так как мы делаем сейчас, прибежали в комнату, холодную кашу похватали, и через десять минут мы снова работаем. В обед надо давать организму передышку, а каждое воскресенье — выходной. Как ты, с таким решением, согласен?» Разумеется, я согласился с их предложением, а то мы пашем, как батраки в поле, с раннего утра и до темна, и не знаем, ни выходных, ни проходных. Уха получилась наваристая, я её ел без хлеба, поели, помыли посуду братья и в постель отдыхать. Мне спать не хотелось, и я пошел к Тане. Она предложила сегодня вечером сходить в кино, сегодня как раз среда, а по средам и по субботам у нас показывают кино.

Вечером всей компанией пошли в кино. Сидим, смотрим кино, и я как-то почувствовал себя человеком, а то пахал как осёл, и ради чего? Вечером попили чай с бутербродами со сливочным маслом, правда оно немного растаяло, но ничего легче на хлеб намазывать. На следующий день проснулся, как новый пятак, такое чувство лёгкости в своем теле я давно не ощущал. Снова приготовили уху, позавтракали и пошли на охоту, прихватив с собой ружьё с патронами.

ОХОТА НА САЙГАКОВ

О том, что охота на сайгаков запрещена, мы не знали, и поэтому смело пошли охотиться. Пошли за посёлок в сторону востока, туда, где расположены чёрные земли, а за ними находится озеро — море Каспийское, но до него километров 500 и мы туда не пойдём, будем охотиться вблизи посёлка. За посёлком начинается бескрайняя степь, куда ни посмотришь везде равнина поросшая полынью. Ходили по степи долго, уже проголодались, а сайгаков как не было, так и нет. Подошли к речке под названием Нуга, остановились на привал, поели, я пошёл обследовать берега реки. Эту речку я бы и рекой не назвал, так, водоём вроде нашего лимана весной, откуда вода здесь берётся неизвестно, так как она вся протяжённостью метров сто и шириной метров тридцать, вот и всё. Я бы этот водоём назвал мёртвым лиманом, ни ряби волн, ни всплеска рыб, и даже птицы над ним не кружатся. Правда и погода этому способствовала, солнце было в зените, стояла невыносимая жара, хоть мы и привыкшие к жаре, но и нам было жарко, ну прямо настоящее пекло. Михаил не выдержал и прямо в одежде полез в воду, покупался, вылез на берег и начал стирать свои штаны. Говорит что, вода очень солёная. Постирал штаны, разложил на полынь сушиться. Штаны сушатся, а Михаил ходит в семейниках, весь бледный, не загорелый, Иван посмотрел на него и предложил поплыть на тот берег, звали меня, но я сказал, что плавать не умею и остался на этом берегу. Не раздеваясь, я лёг на зелёной траве отдохнуть. Как не странно, но, несмотря на засушливое лето, по берегам водоёма росла зелёная трава, виднелись травяные кустарники лопуха и буркуна, чертополоха, наверное, влаги для них хватало. Лежу, отдыхаю, слышу голос Ивана, он кричит: «Сеня, возьми мои вещи и ружьё, и иди к нам».

Я взял его вещи и ружьё и пошёл по дамбе к ним. Принёс вещи, положил на траву, а ружьё держу в руках. Михаил увидел, что я его вещи не принёс возмущённо, меня спрашивает: «А ты почему мои вещи не принёс?» А я ему отвечаю: «А ты и не просил, чтобы я их принёс». Михаилу мой ответ не понравился, и он с возмущением, что-то сказал в пространство. Я чувствую что назревает конфликт, но для того чтобы его погасить ничего не делаю, думаю, пусть знает, что я давно уже не мальчик на побегушках, улегся на травке лицом вниз и спокойно отдыхаю. Михаил разозлился не на шутку, ходит по берегу реки, в своих «семейниках» и причитает: «Не знает он, интересное дело, что не знает он. Вроде и не маленький, а не знает того, что раз идёт на

другой берег значит, всё должен принести. Иван, лежит на траве закрыл лицо рукой от солнца, как будто и не слышит причитаний брата, я то же на него не реагирую. Это его ещё больше разозлило, и он принимает меры наступления на меня, наверное, рассчитывая на поддержку брата. Подходит ко мне и, наклонившись, говорит: «А ты, Сеня, это знать должен, уж не маленький. Я, ни поднимаясь, и даже не поворачивая головы, в его сторону отвечаю ему: «Что надо я знаю, а что мне не надо я знать не хочу и ни буду». Такой неприятный разговор был между нами в первый раз, до этого я в конфликт со старшим товарищем не вступал. Но я к этому времени понял, что если я не буду давать отпор, то на мне будут просто ездить. Мой ответ ещё больше разозлил Михаила, и он начал искать поддержки у брата Ивана, обращаясь к нему, он говорит: «Иван, ты посмотри, как этот малолетка, со старшим товарищем разговаривает, ты в нашем коллективе старший, так разберись». Но, Иван лежал и молчал, Михаил тоже молчал, ждал, что ответит брат и не торопил его. Пока они молчали, я думал, что Иван сейчас поддержит брата, и вдвоём они навалятся на меня, и уже размышлял, что мне в этом случае делать, подчиниться им, или с вызовом уйти, забрать свои вещи и уехать. А может не уезжать, а просто сейчас уйти от них, а работать на стройке остаться. А если я уеду, то, что буду делать в Ипатово, хотя можно пойти на станцию, влиться в какую-нибудь бригаду и работать, а работы там года на два, а там и армия рядом, так что не пропаду, в крайнем случае, вернусь в кинотеатр.

Все эти размышления у меня в голове пролетели за несколько секунд, вдруг слышу голос Ивана, который обращается к Михаилу: «А ты чего это разошёлся, сходил бы сам и взял что тебе надо, ведь не инвалид же. Ты сам виноват, что тебе не принесли твою одежду, я вот Сеню попросил, и он мои вещи принёс, ты почему-то промолчал. Раз молчишь, значит, твоя одежда тебе не нужна. Михаил что-то пробубнил, затем обозвал нас интеллигентами и ушёл в сторону дамбы. Мы с Иваном смотрим ему вслед, а Иван говорит мне: «Сеня, слышишь, мы с тобой интеллигенты» — «Ага, интеллигенты, особенно когда я размешиваю лопатой раствор, а затем с ведром раствора поднимаюсь по маршу к вам. Да и ты не лучше, вся одежда в растворе, да и не только одежда, и постоянно в руках, мастерок или терка, в этот момент мы с тобой очень похожи на интеллигентов».

В то время слова, «Интеллигент и артист», были как бы оскорбительные, ели кто-то кем-то был не доволен, то он ему говорил: «Ну и артист же ты». При этом ударение делалось на

слове «АРТИСТ». Такое отношение к этим словам пошло ещё со времён революции и оно сохранилось до времени моей юности. Сейчас конечно, к таким словам отношение совершенно другое, но что бы оно таким стало, потребовалось много времени. Мы снова с Иваном улеглись на травку, и я отдался солнечным лучам. Он как старший в этом конфликте между мной и Михаилом, не хотел развала рабочей группы, и принял единственное правильное решение, одним словом, стратег. Потом я ещё о чём-то думал, над тем, что сайгака сегодня мы не добудем. Ну, и что ничего страшного, потом ещё над чем-то думал и ещё, и не заметил, как уснул. Сколько я спал, не знаю, но разбудил меня крик, я поднял голову, посмотрел, никого не видно, но снова послышался голос и он точно принадлежал Михаилу. Поднялся Иван. «Что за крики?» — спросил он у меня. «Да Михаил кричит, наверное, что-то случилось, и он зовет на помощь», — отвечаю я ему. Иван, раздражённо говорит: «Да что в степи может случиться, волки на него напали что ли?» То ли спрашивал он у меня, то ли утверждал. — «А может и волки, когда они голодные нападут на кого угодно». После моих слов, Иван забеспокоился о судьбе брата, быстро начал натягивать на себя штаны, а мне говорит: «Сеня, ты одетый, тогда бери ружьё и бегом к нему, а я оденусь, соберу вещи и тоже прибегу к вам. Я, схватил ружьё, сунул в карман брюк пару патронов и побежал к Михаилу на другой берег водоёма. Бегу, Михаила не вижу, а крик его слышу. Забежал на дамбу и только тогда увидел его. Он, стоял и отмахивался от собаки, какой-то вещью, похожей на лист фанеры, серого цвета, разрезан под форму штанов, а собака, большая, серая похожая на волка, то и дело, набрасывалась на Михаила. Я, ещё издали начал кричать, махать руками и ружьём, пытаясь отвлечь собаку на себя. А она на меня ноль внимания, уж очень ей понравился Михаил, и она всё внимание сосредоточила на нём, подходила к нему близко, наклонив голову и прижав уши, и, наверное, хотела укусить его, но Михаил, этим серым предметом её отпугивал, и визжал по матушке. Прибежал Иван и кричит мне: «Стреляй в зверя, не видишь он бешенный». Я, прицелился, дело привычное, неоднократно ходил на охоту с отцом, да и один, тоже, так что стрельба из ружья для меня дело не новое. Выстрелил, бешеный зверь взвизгнул и затих. По привычке, я перезарядил ружьё, и пошёл смотреть на охотничий трофей. Подхожу к нему ближе, рассматриваю его, вроде похож на волка, весь серый, на спине шерсть тёмная, а снизу туловища подпалины, очень похож на волка, но могла быть и собака, что то среднее между волком и собакой, скорее всего, произошло скрещивание между этими зверями. В это время ко мне подошли

братья, тоже стали рассматривать дикого зверя. Я посмотрел на предмет, которым Михаил отмахивался от зверя, и понял, что это были его брюки, которые он постирал в водоёме. А Иван его предупреждал, не стирай, вода очень солёная и твои брюки как высохнут, будут стоять колом. Так оно и вышло. Братья, подошли тоже, присели на корточки и начали рассматривать животное. Посмотрели, посмотрели, затем Иван, обращаясь ко мне спрашивает: «Сеня, ты с такими зверями имел дело, так скажи, это волк или собака». Я, присел на корточки, также, как сидели братья, ещё раз внимательно посмотрел на зверя и говорю: «Скорее всего, это помесь волка с собакой, или на оборот, что одно и то же. В природе такие случаи бывают, или люди это делают преднамеренно, или это происходит естественным путем.

У нас в хуторе были случаи, когда собака самка убегала к волкам, и не появлялась дома в течение двух, а то и трёх недель, а затем у неё были щенята-волчата. Наша борзая, по кличке Стрела, тоже убегала из дома, но не к волкам, а к чабанским женихам, и у неё появились щенки, которые затем выросли в громадных собак, типа чабанских, хотя сама Стрелка была средних размеров. Так что это помесь волка с собакой». Вдруг, Иван заговорил совершено другим голосом, этаким знаете, с укором: «Ну, если ты знал, что это почти собака, то зачем её убил?» Такой поворот событий меня возмутил, и я ему ответил: «Во-первых, то что это собака я тогда не знал, да это вовсе и не собака, я тебе сказал что помесь, и чего в ней больше собаки или волка мы не знаем. Во-вторых, ты сам мне кричал, стреляй в неё она бешенная, или ты от своих слов отказываешься? Что молчишь? Когда твоего брата мог покусать этот зверь, ты испугался и закричал, стреляй в него, а теперь ты осмелел, и начал вести расследование. Я считаю, что это не честный подход к данным событиям, и я от вас ухожу».

Положил ружьё на землю, повернулся и пошёл в сторону посёлка. Иду, размышляю и понять не могу, что это они вдруг так рьяно начали защищать зверя, которого сами же просили убить. А может они этим хотели прикрыть свою трусость, которая десять минут назад их поразила при виде серого хищника. Не знаю, но на это очень похоже. Да шут с ними, думаю, сейчас возьму вещи и уеду домой, надоели они мне, эти умники. Пашешь, на них пашешь, а за что не говорят, какой договор заключили, молчат, сколько я заработаю, тоже молчат. Интересное получается дельце, возмущался я. Дорога была длинная, километров пять, и я свои мысли передумал на несколько раз. Вдруг понял, что сегодня уехать мне не удастся, так как автобус ходит на Дивное только утром, а вечером обратно, и придётся ночевать здесь, а завтра

утром уезжать. Я шёл, засунув руки в карманы брюк, и рассуждал: «Нет, — думаю, — торопиться не надо, всё надо взвесить, а потом принимать решение. Ну, уеду я, а куда, ну, допустим, к брату Андрею, надо снова проситься или в кинотеатр, или на железку. Да и у Андрея жить не получится, в те редкие дни, когда я у них ночевал, видел, что я им как бы мешаю, и поэтому там, чувствовал себя неуютно. Так, что придётся другое жильё искать, а на какие деньги, ведь если я завтра уеду, то за ту работу, которую я проделал на школе, денег мне никто не даст, и выходит что жить мне не на что. А о хуторе и думать нечего, туда сейчас я точно не поеду. Так, что выходит я на распутье. Я подходил уже к посёлку и решил закончить размышления, что, да почему, думаю, утро вечера мудрее, так что, подождём до утра. Пришел в наш временный дом, налил в миску ухи, поел и почувствовал, как меня потянуло в сон. Засыпал с мыслями, что завтра всё определится. Сколько я проспал, не знаю, проснулся от того, что меня кто-то толкает в плечо, я открыл глаза, в комнате было темно, слышу голос Ивана: «Сеня, вставай, будем ужинать». Я поднялся, спросил у Ивана, сколько время, и его ответом я был удивлён, оказывается, я проспал больше трёх часов. Я вышел на крыльцо, там горела лампочка и было светло как днём. Михаил на примусе разогревал ужин, увидев меня, он весело спросил: «Ну, что, соня-засоня, выспался? Что ночью будешь делать? Да, у тебя занятие есть, рядом живёт Таня». Главное Михаил говорит так весело, как будто у нас сегодня и не было ссоры. Я не стал зацикливаться на нашей недавней размолвке и так же весело ему ответил: «А что, предложение дельное, надо им воспользоваться». Через некоторое время, я спросил у Михаила: «А что сегодня у нас на ужин?» Михаил ответил: «На первое и второе уха, а на третье арбуз» — «Как арбуз? А что арбузы уже поспели, ведь только начало августа?» — «Мы с братом парочку сорвали на колхозной бахче для пробы». Что есть арбузы это хорошо, я их очень любил, да и сейчас люблю. Поели уху и принялись за арбуз, он был ещё не до конца зрелый, но уже вкусный.

ВРЕДНЫЙ ГУСЬ

Я сидел на нижней ступеньке крылечка и с удовольствием поедал, кусок за куском сочного плода, Иван не успевал мне отрезать куски от целого арбуза. Возле крыльца появилась стая гусей, они поедали корки арбузов, которые мы выбрасывали с крыльца, а я сидел внизу, и один гусь, самый большой, и самый наглый из стаи, прям из моего рта пытался вырвать кусок арбуза. Я его ногой отгоню, а он снова за свое принимается. И так мы с ним воевали весь ужин. Ну до того вредный гусь попался что прямо сил нет с ним бороться. Вдруг я слышу не громкий голос Михаила: «Сеня, а ты его за шею, и брось ко мне в дверь комнаты, а я его здесь подхвачу». Я, недолго думая, хватаю левой рукой гуся за шею, а правой подхватываю снизу его туловища и бросаю в комнату. Как только гусь оказался в комнате, Михаил сразу захлопнул дверь. За дверью послышалась не долгая борьба, и всё затихло. Я заскочил в комнату, гусь тихо лежал на полу, и почему то его голова была повёрнута назад. Михаил мне говорит: «Сеня, принеси с веранды деревянную колоду, а большой нож возьми у Ивана и быстро ко мне». Я выскочил на веранду, Иван мыл посуду как будто ни о чём не знает, так спокойно складывал чистые миски, брал грязные и снова мыл. Я взял нож, колоду и снова в комнату. Надо было всё делать быстро, пока нас по горячему не застукали. Михаил, топором отрубает гусю голову, ноги по колени, крылья наполовину, и всё это мы складываем в мешок, в котором раньше был цемент. Заходит в комнату Иван, увидел, что мы делаем и в гневе говорит: «Дурачьё, что вы делаете, найдут мешок с останками гуся, и сразу поймут, что это мы сожрали его, ведь мешки с цементом в основном только у нас строителей, переложите немедленно». Мы, всё, переложили в какую-то тряпку, внутренности гуся туда же, я завязал всё это узлом, взял лопату и пошёл прятать улики. Решил отойти от поселка подальше. Было темно, только светила луна, весь посёлок спал, а я шёл в степь.

Мне показалось, что я шёл долго, оглянулся посёлка не видно, ничего себе думаю, как я далеко ушёл, как бы мне, в степи не заблудиться. Ладно, думаю, здесь я узелок и закопаю. Захоронение делал на совесть. Сначала снял дёрн, затем начал копать яму, выкопал её с полметра глубиной, затем положил туда узел, засыпал землёй, потоптался на ней, только после этого уложил дёрн на место и на нем, потоптался. Всё сделал основательно, подумал, что эти останки ни одна собака не найдёт, не то что человек, и, довольный проделанной работой, пошёл обратно. Когда я вернулся в комнату, братья гуся

разрубали, и мясо сложили в бак для воды, а воду перелили в ведро. Гусь был большой, чистого мяса было килограмм десять, ну, думаю, теперь живём. На следующий день всё шло своим чередом, как будто размолвки между мной и братьями и не было. Утром сварили часть гуся с лапшой, поели вкусно, косточки от крыльев и ног, отдали собаке по кличке Шукай. Он всё время крутился около нас, и мы его время от времени подкармливали. Работа спорилась, надо было торопиться, времени осталось ни так много, а дел ещё много. Обычно, во время работы у нас то и дело слышались шутки, в основном братья посмеивались над моей фигурой. Я, был по тем временам высокий, в крайнем случае, по сравнению с Лёвиными, они оба были невысокие, худые, с крючковатыми носами, ну чистые евреи. А я, наоборот, высокий, худой, с тонкой шеей, у которой торчал кадык. Вот моя шея и кадык были причиной насмешек. Хотя у Ивана и Михаила тоже кадыки торчали но, меньше. Расскажу одну такую насмешку надо мной, которая была раньше в нашей среде в моде. Идем из клуба, ходили смотреть кино, Иван, обращаясь ко мне, говорит: «Сеня, ну у тебя и шея, как паровозная труба». Сказал и замолчал. У меня в мыслях мелькнуло, вот она, какая у меня, толстая и сильная. Подумал, а затем решив уточнить у Ивана, спросил его: «Иван, так у меня шея, такая толстая и сильная как паровозная труба, да?» Иван заулыбался и говорит: «Нет, Сеня, она не толстая, а такая же грязная, как паровозная труба». И они оба закатились от смеха. Честно скажу, слышать такое в свой адрес мне было неприятно. Иван это заметил, приобнял меня за плечи и говорит: «Ладно, Сеня, ты не обижайся, вот такая дурацкая шутка». В этот день мы не шутили, надо было пахать, время поджимало. В обед снова поели лапши с гусем, часик отдохнули и снова за работу. Я принёс очередную порцию раствора Михаилу, и говорю ему: «Слушай Миша, прошло уже четыре дня, а гуся, почему-то никто не ищет, может, хозяева и не знают, что он потерялся, гусей в каждом дворе много, может не заметили?» — «Поживем, увидим, а пока его надо быстрее съедать, чтобы концы в воду». Да, думаю, предложение дельное и очень хорошее. Мясо гуся, мы специально растягивали на дольше, потому что пища, более калорийная, и после еды организм чувствует насыщенность, а потому и работается легче. На следующий день, мы дружненько встали, позавтракали лапшу с мясом гуся и принялись за работу. В этот день мы с Михаилом заделывали дырки под коробом крыши. Поставили леса, Михаил туда забрался, и готовил, себе фронт работ. Я, туда же принёс ему раствор. В этой работе раствора требовалось немного, и у меня было свободное время. Я стою на этой верхотуре и осматриваю

местность.

Смотрю в степь, которая раскинулась широко и далеко, до самого горизонта, всмотрелся в степь внимательней и увидел белое пятно посреди полынной растительности. Гляжу на это пятно и думаю, а это не перья ли, от нашего гуся, которые я так тщательно хоронил. Говорю Михаилу: «Миша, посмотри, это никак перья нашего гуся, как же они оказались наверху, если я их так хорошо закопал?» Михаил присмотрелся и говорит: «Это действительно перья нашего гуся, больше в степи белеть не чему. Останки гуся, могли выкопать и съесть или бродячие собаки, или лиса, она очень любит гусятину, так же как и мы». Затем он спрашивает у меня: «Сеня, а что же ты их так близко закопал, да ещё и напротив школы, надо было отнести куда подальше, а то сейчас найдут и сразу к нам придут. Да ладно, что теперь говорить, — продолжил он, — надо вечером доедать остатки мяса гуся, и забудем о нём» Вечером, сварили всё оставшееся мясо, плотно поели и сидим на крылечке в свете лампочки, пьём чай, рядом лежит Шукай и грызёт гусиные кости. Солнце уже было на гране заката, но было ещё светло. Смотрю, с той стороны, где я хоронил останки гуся идёт к нам женщина и направляется прямо к нашему крыльцу. Как позже оказалось, это была хозяйка пропавшего гуся. Мы сидим на крыльце и спокойно пьём чай, а что нам волноваться, мы её гуся и в глаза не видели, так что она пусть от нас отстанет. Но гусиная хозяйка и не думала от нас отставать, наоборот, подошла к крыльцу и начала нас допрашивать, а мы, естественно, отвечали ей, и шёл вот такой диалог. Хозяйка: «Ребята, не вы ли моего гуся съели?» Иван: «Нет, не мы, мы Вашего гуся и в глаза не видели». Хозяйка: «А чьи же это кости ваша собака грызёт?» Иван: «Собака грызёт кости, вот Вы у неё и спросите, чьи она грызёт кости, мы не знаем, мы этим не интересовались». Хозяйка: «Ну, это не ответ, люди видели, как вы варили мясо гуся, а потом его ели». Иван: «Единственное, что мы едим всю неделю, так это уху из консервов, да ещё лапшу». Хозяйка: «Нет, вы меня не убедите, люди видели, что вы варили и ели гуся, да вон и перья моего гуся валяются на выгоне напротив вашей школы, так что всё говорит против вас, и вы не отпирайтесь». Иван, помолчал, видно запас его аргументов иссяк, а хозяйка на него давила, всё новыми и новыми фактами, эти факты в основном крутились около перьев, что на выгоне, да люди видели. Я слушал её доводы, и мне было смешно их слышать, я человек в этом деле подготовленный, столько перечитал всякой детективной литературы, вроде, милицейских рассказов и прочего, что сам бы мог и вести следствие, и мог грамотно отвечать следователю в качестве подозреваемого. Так

что эти её «нашла перья, да люди видели», как говорится, ни куда не подошьёшь.

Вижу что Иван, долго молчит, и решил разговор с хозяйкой взять в свои руки. Обращаясь к хозяйке гуся, я сказал: «Послушайте, вот Вы к нам пришли, не назвали своего имени и нас обвиняете в воровстве, а Вы знаете, что Вам за ложные обвинения невинных лиц, суд может дать от двух до трёх лет тюрьмы. А в суде мы докажем что мы Вашего гуся не только не съели, но и не видели. Ведь если разобраться то у вас, нет никаких улик против нас, всё, что Вы утверждаете, это косвенные улики, а конкретных-то нет. Если Вы не торопитесь, то я сейчас дам Вам стул, Вы садитесь, и мы вместе разберёмся». Я говорил и делал так, как делают следователи во время допроса, как бы проявляют благородство к подследственному, а потом добиваются от него, чего хотят. Я беру стул, на котором сидел Михаил, он пересел на ступеньки, ставлю около женщины и говорю: «Садитесь и будем разговаривать, а то как-то неудобно, мы сидим, а Вы стоите».

Женщина села и говорит уже только мне: «Ну, говори, что ты хотел сказать, я посмотрю, как ты оправдаешься». На что я ей ответил: «Вот Вы с самого начала начинаете вести не правильно разговор, ведь всегда оправдываются виновные, а мы себя таковыми не считаем, и Вы пока не доказали, что мы виновные, так что давайте в вашей проблеме будем разбираться на равных. Начнем с того, как Вас зовут (так следователи всегда начинают разговор с подследственными)» — «Ну, Екатерина Николаевна и что из этого» — «А нас зовут так, старший среди нас и по возрасту, и по положению, Иван, его брат, Михаил, и я, их помощник, Семён. Так что знакомство состоялось, теперь давайте разберёмся по существу. Сначала я Вас хочу спросить, какого цвета были перья у вашего гуся?» — «Да серого цвета, какие же ещё, — с возмущением ответила Екатерина Николаевна. «А серых гусей в посёлке много?» — «Да почитай все, — затем с возмущением сказала, — И что это ты меня всё допрашиваешь, как милиционер, я тебе отвечать не обязана». На что я ей спокойно ответил: «Если Вы с нами не хотите разговаривать, то зачем Вы к нам пришли? Если Вы считаете, что мы украли Вашего гуся, то сообщайте в милицию и пусть они разбираются. А мы напишем в милицию встречное заявление, на Вашу клевету на нас и посмотрим, на чьей стороне будет правда, Вы одна, а нас трое, и все трое мы будем говорить одно и тоже, что Вашего гуся в глаза не видели. Ну, так что, будем разговаривать, или Вы нас покидаете?» — «А что разговаривать, все равно разговорами моего гуся, не вернёшь. Раз ты такой умный, то ты мне скажи вот

что, куда девался мой гусь, я всё обходила и его найти не смогла» — «Куда девался Ваш гусь? — повторил я её вопрос, — Скажу вам откровенно, вопрос сложный и ответить на него не просто, точно я не знаю, хотя могу предположить, что он может быть где угодно, возможно ушёл далеко в степь и попал в лапы бродячей собаки или лисы, хуже того волка. Возможно, он попал под колёса машины, и сейчас валяется в пыли, на обочине дороги, а возможно с ним произошёл какой-нибудь несчастный случай. Вариантов много и их всех перечислить невозможно. Скажу только Вам одно, мы Вашего гуся не ели. И вообще, что Вы привязались к нам с этим гусем, мы здесь трое, пашем от зари до зари, как проклятые, хотим сделать школу до первого сентября, чтобы Ваши детки учились в светлых классах, а не в деревянном бараке с прогнившими полами. Вот Вы к нам пришли, и нет чтобы нам сказать: спасибо ребята, за ваш труд, спасибо вам за то, что школу нам строите, так нет, Вы нас и обвиняете в пропаже гуся. Совесть надо иметь» — «Ага, — перебила меня тетка, — вы, моего гуся не ели, выходит с моим гусем произошёл несчастный случай и вы съели не моего гуся, а несчастный случай. Так выходит?» — «Да нет, Вы меня не правильно поняли, я хоте…» Но хозяйка пропавшего гуся перебила меня, не дав мне закончить фразу, и сказала: «Да ну тебя, заморочил ты мне голову, молодой, а уж сильно ты умный. Не знаю, что из тебя выйдет, когда ты вырастишь, ты уже сейчас сильно умный не для моей головы, а что дальше из тебя выйдет не известно. А о гусе давайте забудем у меня гусей тридцать голов, так что от пропажи одного гуся, я не обеднею. А за мою совесть ты не беспокойся, она у меня есть, в крайнем случае, чужих гусей не ворую. Вот так». Сказала, поднялась со стула и ушла. Мы решили, что вопрос исчерпан, но нет, по посёлку ещё долго ходила вот такая байка. У Екатерины Николаевны женщины посёлка спрашивают: «Ну что, строители съели твоего гуся?» А она, переиначив мои слова, отвечала так: «Да нет, они говорят, что моего гуся они не ели, а съели несчастный случай» и при этом звонко хохотала, радуясь своей остроте. Кстати, хочу сказать, что моё умение, витиевато говорить и делать это убедительно, не раз, и не два, выручало меня в жизни. Ну ладно, с гусем разобрались, давайте работать дальше.

Неделю работали очень активно, здоровая еда помогла нам, за ночь отдыхали и утром с новыми силами брались за работу. За это время мы сделали большой объём, и до 25-го августа, времени сдачи объекта, было ещё далеко, а работы осталось совсем немного. Хотели закончить досрочно, но, силы снова стали покидать нас, и надо было, что-то делать. Иван, как старший, принял решение, поехать домой, навестить родных,

подкормиться, взять из дома продукты и снова сюда. Доделывать незавершённую работу. Сборы были недолгими, я с собой свой чёрный чемодан не брал, думал, если брат Андрей деньги даст, то я, что-нибудь куплю, то привезу сюда в сетке. На автобусе, приехали в село Дивное. Там на станции купили билеты и стали ждать поезда. Рядом со станцией был базар, от нечего делать мы проболтались по нему, меня на базаре удивило то, что очень много продавалось, арбузов и дынь. Время было ещё не арбузное, но, наверное, природа внесла свои коррективы. Дожди, в конце мая и в средине июня, а затем жара до сегодняшнего дня сказалась на урожае бахчевых культур. О такой погоде в наших краях мужики колхозники говорили: «Главное, дожди, один в апреле, два в мае, тогда и агрономы, одним словом, не нужны». Правда, мужики в этом случае говорили более веское но, не печатное слово. А в селе Дивном, мы походили по базару, но покупать ничего не стали, из-за скудности нашего бюджета и вернулись на станцию, сели на скамейку и стали ждать поезд. Через некоторое время подошёл поезд, паровоз остановился как раз напротив нас. Машинист, спустился из кабины на землю и стал что-то смотреть под колесами паровоза. К нему направился Иван, присел около него на корточки и что-то с машинистом говорил. Затем Иван вернулся и нам говорит, что, машинист ему сказал о бахче, которая находится около железной дороги, по пути следования нашего поезда. Там, машинист, сделает тихий ход, и можно будет нарвать арбузов. Мы распределили обязанности кто и что будет делать при атаке на бахчу. Затем сели в поезд, и он двинулся в нужном для нас направлении. Поезд был небольшой, всего три вагона. Я и Михаил сели на первый вагон, а Иван на последний вагон, на его платформу, чтобы выиграть время в доставке плодов с бахчи в вагон. Иван, нас с Михаилом предупредил, чтобы сильно большие арбузы не брали, сказал, чтобы мы брали арбузы килограмм по шесть, они уже все зрелые и их нести удобней. Мы с Иваном согласились, но мы согласились, потому что пока арбузов не видели, а как их увидишь, какие они лежат на бахче, большие и красивые, глаза делаются завидущие, и поэтому хватаешь самый большой арбуз, а как ты его будешь тащить, в тот момент не думаешь. Но, это будет потом, а пока мы едем в поезде. Я стою у открытой двери первого вагона и всматриваюсь вдаль, стараюсь не пропустить момент, когда надо соскочить с поезда и пуститься на бахчу. Почти на всём нашем пути, стояла жёлтая стерня на скошенных полях, и вдруг, в дали я увидел зелёный оазис, очень похожий на поле бахчевых. Не доезжая до оазиса метров за сто, машинист паровоза замедлил движение поезда, а затем, дал сигнал гудком

к атаке на бахчу. Я увидел, как с платформы паровоза соскочили два парня, и побежали, вперёд обгоняя паровоз, в сторону бахчи. За ними с других вагонов то же побежало несколько человек. Поезд к этому времени окончательно замедлил ход. Я говорю Михаилу пора, мы соскочили с площадки вагона и наперегонки понеслись к зеленому, манящему своим цветом и загадочностью полю. Мы с Михаилом обогнали паровоз метров на пятьдесят, затем повернули на поле бахчи. Как только я заскочил на бахчу, то в глаза бросилось большое количество арбузов и дынь, которые, грелись на солнышке, и манили к себе своими блестящими боками. Я сорвал большой арбуз, килограмм на семь-восемь и побежал обратно к поезду, держа арбуз обеими руками. Смотрю, на поезд, а он ещё далеко от меня и двигается как черепаха. Я оставил арбуз на насыпи и побежал обратно на бахчу. На этот раз я хотел взять дыню колхозницу, она и сладкая и её нести удобней, её форма напоминает торпеду. Бегу назад с дыней, смотрю, а Иван забрал мой арбуз и несёт на платформу последнего вагона. Ну, думаю, если так, то я ещё успею сбегать на бахчу. Оставив дыню на насыпи, и побежал обратно, на этот раз, думаю, я сорву дыню Ханку и небольшой арбуз. Хожу по бахче выбираю плоды, а сам одним глазом смотрю за поездом. Вот он уже поравнялся со мной, надо бежать, а я ещё дыню не нашёл. Арбуз-то я уже ношу в руках, а вот, хорошей жёлтой, пахучей дыньки нет. Их на бахче много, но они или не совсем зрелые или запах ханки слабый. Мимо меня проходит Михаил с двумя большими арбузами. Весь скрючился и говорит мне: «Сеня, помоги мне, а то я их не донесу» Ну, ладно, думаю, шут с ней с дынькой, надо Михаила выручать. Михаил мне говорит: «Возьми вот этот, который поменьше, а я потащу большой арбуз». И он действительно большой, килограмм на десять. Я с двумя арбузами дошёл до насыпи, начал подниматься на неё, но чувствую, что мне с такой ношей не подняться. Арбузы большие, килограмм по десять, да и устал уже, как ни говори, а уже третья ходка. Положил один арбуз, а с другим поднялся и к Ивану, он принял от меня груз, и спрашивает: «Успеешь другой принести, а то поезд прибавляет ход». Я, ни слова не говоря, побежал за оставшимся арбузом, схватил его и за поездом, успел. Михаил уже сидел на платформе и помогал Ивану держать плоды, чтобы они от тряски вагона не попадали.

Иван, разрезал один из арбузов, он был спелый, красный и очень сочный, что особенно было, кстати, так как очень хотелось пить. Я ел один кусок арбуза за другим, сок лился по рукам и на пол платформы, и в этот момент я вспомнил, как мы в детстве воровали арбузы на бахче, затем прятались в кукурузе и с

удовольствием их поедали.

ЛАКОМСТВО НАШЕГО ДЕТСТВА

В нашем детстве лакомств ни каких не было и поэтому мы целый год ждали лета, а точнее бахчевой поры. Вот когда она наступала, вот тогда мы отводили душу. Но украсть арбузы с бахчи было не просто, её охранял сторож, у которого было ружьё и, возможно, оно было заряжено. Но нам помогало то, что возле бахчи обычно находились поля или кукурузы, или подсолнечника, мы в них прятались и по этим полям пробирались к бахче. Сначала смотрели, где находится сторож, хорошо было, когда он спит, тогда нам раздолье. Набираем, кто, сколько может унести арбузов и толпой человек 8-10 рассаживаемся в зарослях кукурузы или подсолнечника и наслаждаемся только что добытыми трофеями. У нас на бахче росли арбузы небольшого размера с тонкой кожицей, поэтому их легко можно было разбить о коленку. Ножей не было, и мы плоды бахчевых разбивали о коленку, образовывалось две половинки арбуза, а затем, держа половинки арбуза в руках, потому что положить их некуда, везде пахотная земля, поэтому руки служили нам столом. Естественно, есть из половинки арбуза неудобно, залезаешь в мякоть арбуза и носом и ртом подбородком и даже глазами. Разумеется, всё лицо мокрое от сочной мякоти арбуза, его сок течет по лицу, подбородку, по груди и животу. Наевшись до отвала, мы ватагой по пыльной дороге идём домой. Ветер на дороге из пыли закручивает вихри, и мы играючи забегаем на средину пыльного столба. А если учесть, что мы все, с головы до ног были в арбузном соке, а пыль прилипала к соку, то вы представляете, какие мы были. Прибегаем в хутор, идём по улице все грязные с головы до ног, и нас не разберёшь, кто есть кто, все одинаково грязные. Когда я в таком виде появлялся дома, то наша мама говорила мне так: «Сеня, у тебя не видно ни кожи, ни рожи». Ладно, хватит, воспоминаний вернёмся на вагонную платформу, где я, с братьями Лёвиными поедаем арбузы. Теперь я ем более культурно, всё-таки взрослый стал, надо соблюдать статус. Наевшись до отвала, мы улеглись на платформу, и отдались лучам солнца, я так и уснул. Так я и доехал до станции Дербетовка. На станции Иван взял арбуз и пошёл машинистам отдавать долг. Возвратившись, Иван сказал, что договорился с машинистом о том, чтобы он остановился напротив маминого дома, а там Михаил сходит за тачкой, и на ней перевезём арбузы и дыню. Я, подумал насчёт тачки и сказал Ивану: «Если мы до станции Ипатово съедим ещё один арбуз, то и тачка не нужна будет, так донесём. Поезд действительно остановился напротив

дома матери братьев Лёвиных, сняли свой груз с платформы вагона, поезд пошёл дальше, а мы пошли к Лёвиным. Я нёс арбуз и дыню, а братья по арбузу. Я кое-как дошёл до дома, Михаил взял у меня дыню, а арбуз я сам положил на пол веранды. Немного посидели, отдохнули, я сказал Ивану: «Отрежь мне полдыни, и я пойду к брату». Положил полдыни в авоську, отправился в гости или домой, я уж теперь и не знаю, как это назвать. Там меня встретили сдержано без следов радости, хотя дома я не был больше месяца. Я, разрезал дыню, поели, Андрей собрался куда-то идти и я говорю ему: «Андрей, дай мне немного денег купить продукты, а то у нас там, кроме лапши ничего нет». Он как-то странно посмотрел на меня и говорит: «А у мэнэ грошив ныма, ты теперь сам большой вот и зарабатывай для себя». На этот раз мы с братом сильно поссорились, раньше я так не делал, считал, что старший брат всегда говорит правду, но теперь я так не думаю, и высказал всё, что о нём думаю. Напомнил ему, что это он меня насильно сюда в Ипатово привёз, и если бы он этого не сделал, что я сейчас бы спокойно работал в хуторе, как работают мои братья и сёстры, и не мыкал бы нужду. Брат молчал, но затем подтвердил, что у него денег нет, и я зря к нему за этим приехал. Он куда-то ушёл, а его жена ушла в другую комнату и закрыла за собой дверь.

От такого обращения близких мне людей, мне стало до боли обидно, и я подумал что делать мне в этом доме нечего, раз они ко мне так по-свински относятся. Я это давно заметил, что брат ко мне как-то охладел, не стал интересоваться моей жизнью, не проявляет заботы, а моё отсутствие более месяца ещё усугубило такое отношение. Я, подумал, что-то в моей жизни надо менять, надежды на старшего брата Андрея у меня уже нет, я ему уже не нужен, но как менять и что делать я пока не знал. В этот грустный для меня момент я вспомнил о братьях Лёвиных, я с ними вместе уже более двух месяцев, и мне с ними интересно. Они в разной форме общения интересуются моей жизнью, оберегают меня от опрометчивых поступков. Тот же пример с полным ведром раствора, Иван мог и не заметить этого, но он заметил и по-отцовски отчитал меня. Даже то, что братья Лёвины подначивают надо мной, это тоже в какой-то степени, проявление ко мне интереса. Им со мной интересно, да и посмеяться не грех, у нас работа тяжёлая и такая разрядка, как смех, необходима. Кстати, Иван посмеивался не только надо мной, но и Михаилу достаётся от него, только Иван, как старший, был вне зоны насмешек, он у нас авторитет. Всё-таки мне с Лёвиными лучше, чем с этими родственничками, взял свои нехитрые пожитки и пошёл к Лёвиным.

Иду к Михаилу и вспоминаю, как братья Лёвины нашли новую насмешку надо мной, и вот какую. Я уже давно встречался с восемнадцатилетней Таней, нашей соседкой, и братья постоянно у меня спрашивали, что да как, но я отмалчивался и они отставали от меня. Но как-то я, таская раствор, так уработался, что притащил ведро с раствором и свалился от усталости. Иван, видя моё состояние, дал команду на краткий отдых. Сидим, отдыхаем, и вдруг, ни с того, ни сего Иван говорит: «Сеня, я слышал, что у вас с Таней скоро свадьба?» От такой новости я лишился речи и не знал что ответить, а тут Михаил, воспользовавшись моим замешательством, добавил: «Как у вас будет ребёнок, обязательно позовите меня крёстным отцом». Я ещё больше напрягся, сижу, то открываю рот, то закрываю, а сам думаю, мне семнадцать лет, какая свадьба, какие дети, вы, что с ума сошли? Всё это думаю, рот открываю, а выговорить не могу, а они, глядя на меня, давятся смехом. Я, наконец-то понял, что это очередная шутка братьев и поэтому им сказал: «Да вы что снова за своё взялись, видите ли, в кумовья собрался. Ты Миша старше меня, вот ты первый и должен жениться, кажется, так на Руси принято?» Меня поддержал Иван и сказал: «Правильно, Сеня, в семье женятся и выходят замуж по старшинству, сначала старшие потом младшие. А мы трое и есть семья, так что Михаил, ты первый женишься, а уж потом Сеня». Тут-то я над Михаилом начал потешаться, в смысле, скажи кто твоя невеста, как вы долго с ней встречаетесь, ну и так далее. Вдоволь насмеялись и с новыми силами принялись работать. Вот так с шутками-прибаутками спорилось дело.

Между прочим, смех в работе, очень важный элемент. Ну а то, что мы иногда ссоримся, так это не ново, ссоры бывают в каждом трудовом коллективе, ведь, как говорится, сколько людей столько и мнений, так что на этом не стоит заострять внимание.

МОЯ НОВАЯ «СЕМЬЯ»

Я увидел Михаила ещё издали, он сидел на крыльце, увидев меня, помахал мне рукой, я ему ответил. Когда я к нему подошёл, он увидел, в каком я настроении, расспрашивать меня не стал, только сказал: «Ладно, Сеня, не расстраивайся, как-нибудь обойдёмся и без его помощи». Затем Михаил, со скамейки поднялся на ноги и спрашивает меня: «А ты есть хочешь?» Я молча кивнул головой, я хоть и поел дыню, но что это за еда, пока до Михаила дошёл, вся дыня куда-то испарилась, а от дома брата Андрея, до дома матери Михаила, идти надо было километра полтора, если не больше.

После ужина, мы занялись хозяйством, носили воду в бочки от колонки, чистили сарай от всякого мусора, поправили забор. Как только закончили, Михаил говорит: «Пойдём на веранде чайку попьём, поди, мы его заработали». Сидим, наслаждаемся чайком с вареньем, смотрим, к нам идёт Иван, подошёл к нам и говорит: «Послушайте, что я предлагаю, надо сегодня «сгонять» на бахчу за арбузами. Бахча здесь недалеко, всего в двух километрах от села, считай отсюда. Ну как вам моя идея?» Мы с Михаилом дружно согласились, не подумав о том, что на бахче есть сторож, и он, может по нам пальнуть и притом не промазать, и какие после этого будут последствия. Мне в голову закрадывалась такая мысль, но я её тут же отгонял. Подумаешь, пальнёт, ещё о таких пустяках думать. Главное идея хорошая, она меня возвращала в детство, а оно проходило в постоянных набегах, то на огороды, то на бахчу, то на поля со злаковыми растениями, так что мне идея Ивана очень понравилась.

В полночь, когда было уже темно так, что ничего не видно, мы отправились в путь, не забыв прихватить с собой тачку. Тачка была с дышлом и с ручками. Михаил держит за одну ручку, я за другую и тащим её по дороге в сторону бахчи. Иван идёт впереди, как бы в дозоре. Едем молча, чтобы соблюсти конспирацию, а как же, надо соблюдать все правила конспирации, мало ли что. Молча топаем, каждый думает о своём. Я, лично думал, как сейчас приду на бахчу и буду рвать только дыни, арбузы я тоже люблю, но не очень. А дыни я люблю очень, особенно сорт под названием «Ханка». Они небольшие, но очень вкусные. Думаю, наберу их много, и сразу штук пять съем, а остальные пусть едят братья, а две штуки обязательно отвезу Тани в подарок из села Ипатово. Она, конечно, обрадуется и бросится меня обнимать и целовать, а я гордый тем, что доставил ей такую радость, буду скромно молчать и при этом как бы говоря: «Ну что ты, Таня, дыни, это

такая ерунда, так что не стоит так меня благодарить». А Таня, станет мне возражать и будет говорить: «Нет, нет, это очень хороший подарок», в общем, у нас с ней получится милый разговор.

Я хотел ещё подумать о дынях и Тане, но Иван дал команду стоп. Иван сказал: «Арбузы должны быть и слева дороги, и справа. Я сначала пошел налево, пошарил руками, в одном месте, ничего нет, ботва есть, а плодов нет, перешёл в другое место, тот же результат. Наверное, думаю и арбузы и дыни уже собрали, в общем, мы опоздали. Слышу, меня тихонько зовёт Михаил: «Сеня, иди сюда тут арбузов полно, бери, сколько хочешь».

Я перешёл на сторону братьев, и действительно, сразу нащупал арбуз, да такой большой, и какой-то продолговатый. Ну, я его сорвал и понёс к тачке, там уже стоял Иван. Я ему говорю: «Иван, послушай, почему-то арбузы какой-то неправильной формы». «Наверное, сорт такой, будем брать их, сколько влезет в тачку», — сказал Иван. Ну ладно, думаю, команда дана, надо её исполнять. Дынь я тогда так и не нашёл, обшарил всё в округе, но дынь нет, одни арбузы. Ладно, думаю, раз дынь нет, будем срывать и грузить в тачку арбузы.

Привезли полную тачку арбузов, поставили её у сарая и накрыли рядном от посторонних глаз, а сами улеглись спать довольные проделанным делом. Я утром проснулся от голоса тёти Тани, матери Михаила и Ивана, она говорит: «Вы что это привезли?» — «Как что, арбузы, ты мать, не видишь что-ли?» — отвечает ей Иван. «Та мать-то твоя видит, а вот ты когда их рвал, не видел, что они кормовые, такие арбузы годятся только на корм нашей корове Зирке, вот она обрадуется, столько еды вы ей привезли.

Мы, как по тревоге соскочили и к сараю. Проведённый анализ, с помощью ножа и наших зубов показал, что, арбузы действительно кормовые, да ещё и недозрелые. Чтобы как-то сгладить конфуз, Иван дал Михаилу команду собираться в дорогу, и мы с ним пошли в магазин за консервами. Вернувшись, втроём пошли на Кочергинский шлях, попытать счастья поймать попутку.

СНОВА СОВХОЗ И РАБОТА

До совхоза добрались нормально, приступили к работе, целую неделю работа спорилась, а потом всё. Тушёнка и рыбные консервы съедены, силы нас начали покидать, работать стало трудно, через каждые полчаса требовался отдых, нужно усиленное питание, на лапше мы работу в школе не закончим, хотя и осталось её мало. Коллегиально было принято решение, завтра идти за сайгаком на охоту, нужно мясо, иначе никак. Первая охота на сайгака была неудачной, решили сделать вторую попытку. Вторая охота была копия первой, за исключением того, что Михаил свои штаны не стирал, и на него больная собака-волк не нападала, и мы не ругались, да ещё, Иван ружьё мне не давал, и с нами была собака Шукай, а так всё точь-в-точь как первый раз.

Такая же была погода, нещадно палило солнце, тишина в степи стояла такая, что слышно было, как воздух звенит. И сайгаки были такие же противные, увидят нас за километр и убегают, только клубы пыли от их копыт остаются. Нет, думаю, так охотиться нельзя, ну что это за охота, ходим по степи с ружьём и собакой, и в степи нас видно как на ладони, какой же зверь нас подпустит к себе. Да никто не подпустит, дураков нет, скорее всего, мы останемся в дураках. Я-то знаю, как надо охотиться, не раз и не два с отцом ходил на охоту, так что для меня охота не ново, знаю, что к чему. Но я охочусь не один, а со старшими товарищами, и они задают порядок в охоте, и мне приходится подчиняться. Надо менять правила охоты, подумал я.

Осмотрелся вокруг, и вдалеке увидел зелёную полосу растений, думаю надо идти туда. Сказал друзьям товарищам что схожу, посмотрю, что там за оазис и пошл к намеченной цели. Оазис, к которому я пришёл, оказалась бывшая бахча, все плоды были уже убраны и остался только бурьян, лебеда, буркун, и другие высокие растения.

Братья с собакой шли вдоль бахчи, а я углубился в растения. Я, присел на корточки, раздвинул растения и стал наблюдать за большой площадкой земли, на которой кое-где виднелась ботва от арбузов и дынь. Вот по ней и ходил сайгак самец, а с ним три самки. Они ходили, озираясь вокруг, изредка наклоняли головы, чтобы пастись. Я, согнувшись в три погибели, прячась за бурьяном, пробирался к ним, земля паханная мягкая, шагов моих не слышно, и вот я буквально в пяти метрах от них, я прекрасно вижу сайгака самца, или его ещё за большие рога называют рогалём, но как его взять. Когда я к сайгакам крался я, почему то об этом не думал и только сейчас встал вопрос, как брать дикое

животное, сайгака. Ружье мне Иван не дал из-за того случая, что был на первой охоте, значит надо брать голыми руками.

Я решил подобраться к животным поближе, чтобы одним прыжком навалиться на рогаля и свалить его на землю. Если он даст мне возможность навалиться на его голову всем телом, то я его удержу до подхода основных сил, Ивана и Михаила. Но удастся ли мне это сделать, ведь он большой и сила его равняется моей силе, так что надо брать только за рога и валить его на землю. Но, взять самца за рога не так-то просто, а хватать за ноги опасно для меня, ведь за обе ноги сразу схватить сложно, а за одну опасно, он другой ногой может так долбануть в лоб, что мало не покажется. Но сайгаки рядом в двух метрах от меня и надо принимать решение, ведь они ждать не будут.

Я встал на четвереньки и потихоньку начал приближаться к животным, на расстояние одного прыжка. Но только я раздвинул стебли растения, как рогаль встрепенулся, «бекнул» и побежал от меня, уводя за собой самочек. Я, поднялся на высоту своего роста, посмотрел вслед удаляющимся сайгакам, и подумал, на этот раз не повезло.

Но в жизни так бывает, что рядом с невезением, находится везение. Это был как раз тот случай. Я увидел в трех метрах от меня, лежит молодая самка сайгака, и, наверное, спит. Почему она не услышала сигнал рогаля, я не знаю, но факт остаётся фактом, вот она передо мной, прыгай на неё и бери её тёпленькую. Мне за неё стало как-то обидно, думаю, что за беспечность такая, рядом ходят охотники, а она спит и видит десятые сны. Чтобы взять животное мне надо сделать минимум четыре шага и это по открытой местности. Стою вприсядку в кустах и быстро соображаю, как сделать эти четыре шага, возможно, тихо подкрасться или в три прыжка накрыть её. Время поджимает надо быстро решать, а то или я не осторожным движением спугну самочку, или кто ни будь другой, спугнёт её и она убежит от меня. Не приняв никакого решения, я встал во весь рост и тихо пошёл к животному. Странное дело, я подошёл к ней вплотную, а она положила свою мордочку на задние ноги, и спокойно лежит с закрытыми глазами, только время от времени шевелит ушами, отгоняя мух.

Дальше было делом техники и ловкости. Вскоре подошли Лёвины, мы, ремнями от брюк Ивана и Михаила, я свой ремень не стал снимать с брюк, иначе я их бы потерял, связали передние и задние ноги животного, взяли из шалаша сторожа шест, продели его между ног, самочки, взвалили с Михаилом себе на плечи и понесли в посёлок. Несём на жерди наш трофей, я впереди Михаил за мной. Идти далеко, поэтому два раза отдыхали. У

самого поселка решили по улице не идти, чтобы ни привлекать внимание, пошли за огородами.

Но все же встречи с жителем посёлка нам избежать не удалось. За огородами нам повстречался местный житель, который гнал, куда-то гусей. Когда он поравнялся с нами, то остановился и говорит: «А вы знаете, товарищи строители, что сайгаков убивать запрещено?» Вопрос был задан как бы нам всем, то есть строителям, и в этом случае, по этикету должен отвечать старший, но и Иван, и Михаил молчали. У них, как говорят шофера, позднее зажигание, зато у меня оно очень раннее, что часто по жизни выручало меня, а иногда было и наоборот, моя активность приводила к тому что, то что я предлагал, приходилось мне же и делать, а это не всегда приятная работа. А пока я вступил в диалог с любителем гусятины: «А мы сайгаков не убиваем, Вы же видите, что животное живое, так что закон мы не нарушаем» — «Но вы же несёте его на мясо?» — не унимался любитель природы и гусятины. «А кто это Вам так сказал? У нас совсем другая задумка, хотим при школе создать живой уголок, так сказать, небольшой зверинец, пусть дети на них смотрят и радуются. У нас уже есть кошка и собака, вот эта Шукай, да Вы ещё дадите парочку гусей, так как, дядя, когда у Вас гусей забирать?» Хозяин гусей удивился моей наглости и какое-то время молчал, затем с недовольством ответил: «Ага, держи карман шире» и ушёл за своими гусями.

Конец дня и до самой ночи мы занимались заготовкой мяса, часть его уже варилось в кастрюле, а для другой, большей части мы с Михаилом копали яму, что бы положить туда остатки мяса, все-таки под землёй прохладней и оно там будет дольше храниться. Часть мяса, килограмма три я отнёс Тане, ведь они питались не лучше нашего и поэтому были рады такому подарку.

На другой день мы сделали выходной, целый день отъедались мясом, больше ничего не ели, только мясо и бульон от него. Вечером сходили в кино, я с Таней, а братья просто. А потом была только работа. Работали с охоткой, в теле чувствовалась сила, и поэтому мы все работы закончили в срок, потом была высокая комиссия, и мы ей сдавали свой объект.

СДАЧА СТРОИТЕЛЬНОГО ОБЪЕКТА

В день сдачи объекта, встали утром, позавтракали, оделись в парадную одежду и стали ждать прихода комиссии. Она пришла, и приступили к работе. В сдаче объекта, я участия практически не принимал, с высокой комиссией ходили по школе Иван и Михаил, а я находился в сторонке, но недалеко, на случай, если понадоблюсь, хотя, я не думал, что такое произойдёт, думал братья и без меня справятся, но не справились. Комиссия большая, человек десять или двенадцать, ходят по коридору, заходят в каждый класс и кабинеты, всё идёт нормально, обошли все классы, кабинеты, посмотрели спортивный зал и вот они идут по коридору уже на выход, и в холле всей толпой останавливаются, дружно смотрят в пол, и что-то между собой говорят. Что они говорят, я не слышу, так как я нахожусь далеко от них, но причину я их задержки я знаю и поэтому насторожился.

Дело в том, что снабженцы совхоза не привезли нам мелкий песок и пол пришлось делать из крупного песка. Цемента было достаточно и прочность его не вызывала сомнения, но на вид он выглядел рыхло, и поэтому казался непрочным. Я так и думал, что комиссия за него зацепится, так оно и вышло. Ну, думаю, Лёвины как-нибудь из этого положения выкрутятся. Но они не выкрутились и позвали меня. Михаил, выбирается из комиссионной толпы, подходит ко мне и говорит: «Слушай Сеня, председателю комиссии не понравился пол в холле, он сомневается в его прочности, а мы с Иваном не знаем, как ему объяснить, что пол прочный, ты Иванову книжку читал, может, ты им объяснишь?» А что мне делать, раствор для пола готовил я, значит, мне и рассказывать о нём.

Мы с Михаилом проталкиваемся в центр круга комиссии, где был председатель комиссии, Иван меня подводит к нему и говорит: «Вот наш специалист по бетонным работам, он о бетоне знает всё, и про этот бетонный пол вам расскажет». Сказал и отошёл в сторону. Я, семнадцатилетний парень, стою перед взрослыми людьми и их начальником, и это я должен им объяснять, что и почему. Честно говоря, я, в такой ситуации оказался впервые, и естественно, чувствовал себя не очень комфортно, потому что, до этого момента я был на вторых ролях, а то и на третьих. А тут на тебе, главный специалист, что взбрело в голову этим Лёвиным, я не знаю, но факт остаётся фактом, и надо отстаивать реноме главного специалиста по бетону. Разумеется, о бетоне я знал много, так как у Ивана была книжка,

которая называлась «Отделка внутренних помещений здания и фасадов». Так вот я её прочитал от корочки до корочки, и при том несколько раз, за неимением другой литературы. Так что я по этому вопросу был подкован основательно, и теперь эти знания мне пригодились. Я остановился перед председателем комиссии, принял соответственную позу этакого франта, одетого в белую рубашку, чёрные брюки, такие же чёрные туфли. Молодой, и даже юный человек, высокий, худощавый, со смуглой кожей на лице и руках, чёрные непослушные волосы спадали мне на лоб, и частично на глаза. Стою перед комиссией в позе Чадского, а в комиссии люди, которым за сорок, а то и за пятьдесят лет, они смотрят на меня и их взгляд говорит: «И этот юноша ваш главный специалист? Ну и дела». Смотрят на меня и молчат, что они думали, я не знаю, но я чувствую, что надо, что-то говорить и заговорил грамотно со знанием дела: «Товарищи, я бы хотел знать, что вас в бетоне интересует, процесс приготовления, структура бетона, стадия закрепления или стадия распада». Председатель комиссии выдержал паузу, как бы изучая молодого специалиста, а затем сказал: «Знаете что, молодой человек, технология бетона нас не интересует, а вот распад бетона, а самый раз, а конкретно вот этот бетон и показал пальцем в пол. «Ах, этот, — с готовностью воскликнул я. — Этот бетон, на первый взгляд, показывает свою несостоятельность, в нем присутствует, казалось бы, рыхлость, что даёт возможность сомневаться в его качестве. Но поверьте мне, это не так. Бетон приготовлен качественно, процентное отношение песка и цемента, соответствует технологическим параметрам и прочность его не вызывает сомнений. А кажущая рыхлость это результат крупной фракции песка, и на прочность бетона она не влияет. Этот бетон простоит сто лет, разумеется, при правильном уходе за ним». Председатель комиссии немного помолчал, затем сказал: «Да нам сто лет и не надо, лишь бы он простоял четыре года, до следующего ремонта школы». И затем высокая комиссия двинулась на выход осматривать фасад здания школы.

В общем, школу мы комиссии сдали, акт сдачи был подписан, осталось только получить деньги за работу и кто куда. Лёвины-то знали куда ехать, а вот я был в раздумье, почему? Вы уже знаете, об этом я писал раньше. Мы решили, что поедем завтра, как только получим деньги, автобус уходит в 10 часов, так что успеем. Вечером я пошёл проститься к соседям, к Татьяне Ивановне и Рите, Таня к тому времени уже уехала учиться в Ставрополь. Захожу к ним, поздоровался и говорю: «Вот пришёл проститься, завтра уезжаем совсем». Рита говорит: «До завтра ещё далеко, садись за стол, попьём чаю, поговорим». Сидим за столом,

пьём чай, Рита меня спрашивает: «Сеня, куда ты теперь?»

«Та не знаю, Рита, я пока в раздумье. Сначала поеду в село Ипатово к брату, а там посмотрю, а вообще определённого ничего нет» — «Сеня, а у нашего совхоза есть к тебе такое предложение, поехать в город Степной, учиться на комбайнёра, на год, а затем вернёшься и будешь у нас в совхозе работать. Как ты думаешь?» — «Рита, подожди, дай подумать, вопрос-то серьёзный».

Я задумался, размышляю, ну куда я поеду, если честно, то мне и ехать некуда, брату я не нужен, а в хутор я не хочу. А Рита тем временем продолжает говорить: «А как вернёшься в совхоз, то у нас будешь жить, я с мамой уже об этом договорилась, так что я всё решила. А когда будешь учиться, то совхоз тебе каждый месяц будет посылать по сто рублей, так говорил директор совхоза».

Что и говорить, предложение заманчивое, да и лучше чем ехать в никуда, и я согласился. На другой день, мы с Лёвиными пошли в контору за деньгами, там меня к себе пригласил директор совхоза. На беседе со мной он подтвердил слова, сказанные Ритой, пожелал мне доброго пути, дал указание бухгалтеру выдать мне направление на учёбу и сто рублей подъёмных. Когда я вышел от бухгалтера, то Лёвины стояли на крыльце конторы и ждали меня. Иван сказал: «Пойдёмте быстрее на автобус, а то можем опоздать». Мы ехали в автобусе в село Дивное, я смотрел на совхозные домики и я мысленно прощался с ними, возможно до следующего года.

Меня всю дорогу беспокоил вопрос, получил ли Иван деньги за работу. Он сидел рядом со мной и почему-то молчал. До села Дивного я тоже терпеливо ждал, но как сели на Ипатовский автобус я не выдержал и тактично спросил: «Иван, а совхоз с нами рассчитался за проделанную работу?» Иван сказал, что совхоз рассчитался, и мой заработок он отдаст, как приедем в село Ипатово. Ладно, думаю, в Ипатово, так в Ипатово, а самого червь сомнения гложет, о честности расчёта, зачем он так долго тянет с моими деньгами, тут не кстати вспомнилась и их еврейская натура. Как говорится всё одно к одному и не доброму. Ну, ладно успокаиваю я себя, вот приедем и там видно будет. Когда вышли из автобуса на автостанции села Ипатово, Михаил сразу ушёл вперёд, а мы с Иваном остались сзади. Иван вытащил из своего кармана сложенные вдвое купюры по сто рублей и говорит: «Возьми, вот твой заработок». Я взял, развернул и увидел четыреста рублей, это было так мало, увиденное я своим глазам не поверил. Ведь даже в кинотеатре я, как ученик, получал сто двадцать рублей в месяц, а тут более чем за два месяца каторжного труда и на тебе четыреста рублей. Я посмотрел Ивану в глаза и сказал: «И это твоё разделим заработанное на троих,

неужели школа стоила тысячу двести рублей, ведь ты за школу получил не менее шести тысяч рублей. Иван, скажи, как это понимать?» — «Как хочешь, так и понимай, но тебе денег больше не будет». Повернулся и ушёл догонять Михаила.

Мне осталось только крикнуть ему вдогонку: «Еврей ты жадный, не зря вас евреев русские не любят, вы этого заслуживаете». О не любви к евреям я это словечко ввернул не зря, надо знать то время, это было сразу после войны. Во время войны, все простые люди воевали, а евреи всякими ухищрениями занимали «тепленькие» места, обзаводились всякими справками непригодности к военной службе, и на войну не ходили, жили себе в тылу припеваючи. А людей это злило, каждый думал, почему мой воюет, а этот жид жирует. А в наши с вами дни это стало не так остро ощущаться, а тогда?! В начале девяностых прошлого века, группа молодых мужчин, внешностью похожих на французов, распилила нашу страну на части и поделила между собой. Фамилии я их называть не буду, вы их и без меня отлично знаете. Так что с годами ничего не меняется, только объёмы награбленного стали внушительнее. Я не могу сказать, что все евреи такие, есть среди них и порядочные люди, но их очень мало, и их благородные действия не заметны. Но это будет потом, а я пока нахожусь в начале пятидесятых годов прошлого века, так что у меня разборки мельче, но для меня они не менее важные.

В расстроенных чувствах я пошёл к брату Андрею, чтобы оставить у него чемодан, не тащиться же с ним в хутор Северный. Зашёл к брату, его дома не было, только его жена Дуся, она спросила меня, хочу ли я есть, я сказал, что хочу и она стала готовить на стол. Когда я кушал, пришёл домой брат, спросил у меня что и как, и я ему, как близкому человеку рассказал, что с деньгами меня Лёвины обманули. Я думал, он возмутится поступком грабителей Лёвиных, но нет, но спокойно сидел и слушал. Я ему говорил, возбуждённо махал руками, а он спокойно на меня смотрел, как будто ничего и не случилось. И тут у меня промелькнула мысль, а не договорился ли Андрей с Лёвиными за моей спиной, и то, что я ему возбуждённо рассказываю, он уже знает от Лёвиных и потому так спокойно реагирует на мой возбуждённый рассказ. Возможно, Лёвины мой заработок отдали Андрею? А что, всякое бывает. Если так, то, что я надрываюсь, все равно ничего уже не изменишь, так что надо ехать в хутор повидаться с родными, а потом на учёбу в город Степной, ныне Элиста. Чтобы закончить о братьях Лёвиных, то скажу так. Я рад, что они встретились на моём пути, они меня многому научили, и от многих не обдуманных поступков уберегли. Ну а то, что у них патологическая жадность к деньгам,

и тяга ко всяким афёрным действиям, так они в этом не виноваты, в этом виноваты их предки что родились жадными евреями и по наследству передали своим потомкам. Позже, я неоднократно был в селе Ипатово, и мог бы с ними встретиться, но у меня не было желания встречаться с братьями Лёвиными, возможно из-за их предательства. На эту тему всё, поехали дальше, жизнь продолжается.

ГОРОД СТЕПНОЙ. ШКОЛА МЕХАНИЗАЦИИ

У родителей в хуторе я побыл недолго, надо было торопиться в город Степной на учёбу. Отдал маме двести рублей, чему она была очень рада, а 30 августа, с маминой хозяйственной сумкой я уже шагал по пыльному грейдеру в село Бурукшун, а затем на автобусе в село Ипатово. В селе Ипатово, зашёл к брату, его дома не было, взял свой чемодан, пошёл на автобусную станцию сел на автобус, который следовал в село Дивное, и добрался до села, без проблем, обычно на это расстояние уходят сутки, а я в этот же день, к обеду был в селе Дивном. А вот от села Дивное, до города Степного, пришлось помучиться, потому что тогда железной дороги в том направлении не было, а на автобус я опоздал, оставался один транспорт — попутка. Беру свой чемодан, наполненный всякой снедью, и пошёл на окраину села на Калмыцкий тракт. Иду по пыльному тракту, дошёл до развилки одна ветка поворачивает вправо, по которой мы ездили в совхоз, но теперь мне туда не надо, у меня теперь другой маршрут. Отошел от развилки метров тридцать и остановился на обочине дороги. Дорога, хоть и посыпана гравием, но на нём столько накопилось пыли, что она с удовольствием вылетает из под колёс машин, и затем садится на всё в округе, в том числе и на меня. Попутку ждать пришлось долго, а у меня время было ограничено, надо было попасть в школу в рабочее время и там оформиться и получить место жительства. Хотя время у меня ещё было — солнце стояло в зените и палило нещадно. Для меня это было не важно, а вот за жареную курицу, которая лежала у меня в чемодане, я беспокоился, боялся, что может испортиться, да и варёные яйца, то же могут не выдержать такого солнцепёка. Стою уже долго, а нужной попутки всё нет. Изредка машины проходили, но, или не в том направлении или совсем не останавливались, не смотря на мои усилия обратить их внимание на меня.

Моей попутки все не и нет, а солнце всё печёт и печёт, правда дует ветер, но он такой же горячий, как и лучи солнца, да ещё и пыль несёт на меня с дороги. Состояние моё не очень хорошее, да ещё и еду в неизвестность, как там обернётся ещё не известно. Но надо двигаться вперёд, мне только семнадцать лет, а я приобрёл уже две профессии, надо ещё чему-то научиться, так вперёд и ни шагу назад. Наконец мне повезло, остановилась грузовая машина, трёхтонка, я попросился доехать до города Степного, шофёр меня взял, и мы поехали.

Ехали молча, водитель мужчина средних лет, внимательно

смотрел на дорогу, а я вертел головой из стороны в сторону. Мне было всё интересно в кабине, рассматривал всякие приборы, трогал ручки, пока водитель не остановил моё любопытство. Едем дальше молча, возможно мы так бы и доехали, ни сказав друг другу ни слова, но меня мучил один очень важный для меня вопрос. Сколько же возьмёт с меня водитель денег за проезд. Я знал что «такса» до Степного 25 рублей, а может он захочет с меня взять больше. У меня от двухсот рублей осталось сто семьдесят три рубля, и двадцать пятку отдавать ему не хотелось, кто его знает как там, на новом месте, может каждый рубль, нужен будет. А может он с меня возьмёт меньше, зачем ему так много брать с меня, он и так много зарабатывает, к чему ему лишние деньги, мысленно рассуждал я. Конечно, если он потребует 25 рублей, то я ему отдам, но всё же не хотелось бы это делать. Затем с денег мои мысли перешли на то, не опоздаю ли я в школу, а то я парень сельский и городская жизнь для меня потёмки. Я так разволновался, что стал ёрзать на сиденье, смотрю то на дорогу, то на шофёра и снова и так несколько раз. Водитель это заметил и спрашивает меня: «Парень, ты что ёрзаешь, тебя, что-то волнует?» — «Да, — с готовностью ответил я, — Первое, сколько вы с меня возьмёте за проезд». Водитель на меня посмотрел и ответил: «Как и положено, 25 рублей, что ещё тебя волнует?» Я ему сказал про школу, и он меня заверил, что будем вовремя. Въехали в город Степной, я смотрю, а он на город в моём понятии и не похож, с обеих сторон улицы стоят одноэтажные дома, ну прям как в нашем селе Ипатово. Дороги такие же, без асфальта, засыпанные гравием, одним словом ничего удивительного, всё просто и мне знакомо. На одном из перекрёстков водитель остановился и сказал: «Всё, приехали, здесь я поворачиваю налево, а тебе надо идти направо, дойдёшь до следующей улицы, справа увидишь деревянную арку, туда заходи там твоя школа механизации». Я, поворачиваюсь к нему лицом и говорю: «Вы меня извините, у меня нет двадцати пяти рублей, вот только двадцать три рубля» и подаю ему две красненькие десятки и зелёную трёшку. «Да ладно, — говорит он, — это же не магазин, хватит и этих денег». Я спрыгнул с подножки машины, подхватил свой чемодан, помахал на прощанье водителю рукой, и зашагал в том направлении, куда указал шофёр.

Арку, о которой говорил водитель, нашёл быстро, на ней было написано, «Школа механизации». Я обрадовался, что так быстро нашёл место моего конечного пути, зашёл под арку и осмотрел двор, где мне придётся учиться полные девять месяцев. За аркой находился квадратный двор, его огораживали

одноэтажные здания и часть забора. На площадке стояли два трактора ДТ-54 и прицепной комбайн «Коммунар». Во дворе стояла группа молодых людей, они курили и о чём-то разговаривали. У входа одного из зданий стоял молодой парень, я подошёл к нему и спросил его: «Скажи, где здесь записывают в школу механизации?» — «А ты что новенький?» — в свою очередь спросил он меня. Пока я его спрашивал, затем он меня, я успел разглядеть его. Он был одет в комбинезон из плотной хлопчатобумажной ткани, на нем были ботинки из натуральной кожи. Лицо парня симпатичное, с правильными славянскими чертами, и только глаза говорили о том, что тут замешана азиатская кровь. Я ему сказал, что я новенький, и мы с ним пошли оформляться в школу. Он мне говорит: «Сейчас пойдём к коменданту нашего общежития, и она тебя оформит».

Зашли в какой-то кабинет, там за столом сидели несколько человек и что-то писали. Мой сопровождающий обратился к одной из женщин со словами: «Галина Антоновна, вот новенький пришёл к нам в школу». Она взяла у меня направление на учёбу положила его в папку, а сама начала, что-то писать. Пишет и говорит мне: «Я Вам сейчас дам требование, Вы пойдёте на склад, подберёте и получите одежду, а затем вернётесь ко мне, и я Вам скажу, где будете жить». Она, сказала эти слова, а сама смотрит в тетрадь и вслух рассуждает: «Так, куда же мы его поселим?» Тут парень, который меня сопровождал, говорит: «А давайте его поселим в нашей квартире, как раз над моей койкой есть свободная койка. Тут же у меня спрашивает: «Ты наверху спать не боишься?» — «Не боюсь», — ответил я. «Ну вот и хорошо, — подвела итог нашей беседы комендант, и дальше сказала, — Ты, Витя, пойди с ним на склад, а как получите одежду проводи его в свою комнату и рассели его там».

Так я познакомился с Виктором Бартеневым, и с этого самого дня у нас завязалась дружба и продолжалась долго, пока между нами не пробежала чёрная кошка и притом не одна. Получив на складе всё необходимое, мы с Витей отправились в общежитие. Нашим общежитием был обыкновенный жилой дом, в три этажа, и в котором раньше жили люди семьями, а затем во время войны калмыков выслали на восток, и из жилых домов сделали общежития. Внутреннее расположение этого здания было не похоже на современное расположение квартир в домах. В нашем доме был длинный коридор на всё здание, а от него в обе стороны отходили квартиры. Мы с Витей поднялись на второй этаж, пошли по коридору, затем повернули в квартиру, которая находилась справа. Квартира состояла из двух комнат, первая большая, двадцать четыре квадратных метра, а другая меньше,

квадрат шестнадцать, вот в ней мы четверо и жили. А другая комната, она хоть и была больше нашей, но там то же стояло четыре койки, но зато там ещё стояли стол, четыре стула и шкаф для одежды. Я, Бартенев, Алексей Близнюк, и мужчина лет сорока пяти, его все звали Петрович, жили в малой комнате. Койки Алексея и Петровича, располагались у окна, а наши койки стояли у дальней от окна стены, Виктора нижняя, а моя верхняя, вот я и скакал утром и вечером сверху вниз и наоборот. Петрович был низкого роста, полный, лысоват, хорошо питался, ему каждую неделю жена с дочерью или с сыном привозила полную сумку продуктов, и ему, по сравнению с нами, жить было легче. Алексей же был полная противоположность Петровичу, он был выше среднего роста, худощав, подтянут, смуглое симпатичное лицо, чёрные коротко стриженые волосы, характер деятельный.

В первой комнате жили три человека, все мы учились на комбайнёров. Условия проживания были такие: жили бесплатно, кормили три раза в день, но кормили так, что не успели выйти из столовой, а уже хочется есть, хлеб в столовой нам не давали, мы его покупали сами на стипендию. Платили стипендию 60 рублей в месяц, это так мало, что трудно вам даже объяснить. Скажу просто, для того времени это деньги были небольшие, стандартная булка хлеба стоила 8-10 рублей в зависимости от сорта муки, булочка стоила три рубля. Пачка «Примы» стоила два рубля, а курили практически все, в том числе и я, за день выкуривали по пол пачки сигарет, на месяц выходит тридцать рублей, да зубная паста, нитки, кино, карандаши, ручки, бумагу для письма домой или в совхоз, и на хлеб остаётся рублей двадцать. В общем, обедали с хлебом дней десять, после стипендии, а потом двадцать дней ели одну похлёбку или борщ который борщом очень трудно назвать. Кому с дома не помогали, худые были донельзя, на нас комбинезоны болтались, как на вешалке. В период с двадцатого числа до первого числа следующего месяца у нас были дни выживания. Я писал в совхоз письма, чтобы мне выслали денег на пропитание, ведь обещали же, но они меня там забыли, и Рита выслала только один раз пятьдесят рублей, и то она прислала, наверное, свои деньги. Вот так, и верь высокому начальству. Каждый из нас эти дни, преодолевал, кто как мог, те, которые жили недалеко от города Степного, сбегали домой покормиться, другие уходили в город и искали работу, чтобы как-то выжить, а третьи просто терпели и учились, я относился к третьей категории учащихся. Правда, я раньше, когда мы ещё не учились, тоже работал, на копке траншей под телефонный кабель, копал ямы под столбы, но как только начались занятия, работать я не стал. Заработанных денег

хватило ненадолго, да и деньги были небольшие. А вот те, кто сбегал домой, в день получки стипендии снова возвращались на учёбу, их поругают, сделают последнее — дцатое предупреждение и разрешали учиться дальше. А как быть мне, домой ехать, так мне туда-сюда не хватит стипендии, идти подрабатывать, значит надо пропускать занятия, но я сделать это не мог.

Я человек обязательный считал, раз тебя послали учиться, то учись, а то каким же ты специалистом приедешь в совхоз. Значит надо терпеть голод. Но терпеть голод очень сложно, если бы я просто лежал в постели, то ладно, а то ведь надо ходить на занятия, в мастерских строгать, пилить, да мало ли что, так что в таких условиях голодать практически невозможно.

Из этого следует, надо урезать расходы своего личного бюджета. Назревает вопрос, а что урезать, хлеб не урежешь, письменные принадлежности тоже, остаются только сигареты. Тем более что, от куренья сигарет меня давно отговаривали Алексей Близнюк и Виктор Чалый. Они говорили мне: «Сеня, брось курить, ты же травишь свой организм, посмотри на нас, мы вот не курим и никогда утром не кашляем, а вы как проснётесь, то кашляете, как старики, и чтобы погасить кашель снова хватаетесь за сигарету, ну скажи, что в этом хорошего?» Да, правильно они говорят, надо кончать с этим пагубным занятием. Сказал и с этого дня не стал курить. Правда, отказ от сигарет мне дался нелегко, хоть я и курил восемь месяцев, но уже втянулся и поэтому мучился долго, но всё же бросил курить окончательно и бесповоротно. После этого денег на хлеб мне хватало на дольше, но все равно, 4–5 дней приходилось жить на одной похлёбке. В эти дни, чтобы как-то заглушить голод, мы с Витей Бартеньевым ходили в булочную, которая находилась рядом. Если были деньги, то покупали по булочке, шли домой и наслаждались вкуснятиной, тогда спать ложиться было легче. Если же денег не было, то мы приходили в булочную, становились в уголке, чтобы никому не мешать, и стояли, смотрели, как работают продавщицы, но главное, мы наслаждались запахом хлеба.

В булочной работали три продавщицы, одна женщина в возрасте, а две молодые девчонки. Они с интересом на нас поглядывали и что-то между собой говорили и смеялись, возможно, над нами. Они прекрасно знали, зачем мы приходили к ним в булочную, ведь если честно, то это было слабо выраженное попрошайничество. Мы, разумеется, ничего не просили, но работники булочной знали, зачем мы приходим. Среди всех продавцов к нам более лояльно относилась девушка продавец, по имени Таня. Как только мы заходили в булочную, а приходили мы туда вечером, когда покупателей было мало, она нас

встречала улыбкой, затем подходила к нам и давала по булочке, желала нам здоровья и снова уходила за прилавок. Прошло очень много лет, но Таню я помню до сих пор, помню её внешность, волосы и особенно лицо с симпатичными ямочками на щеках. Спасибо ей большое за то, что она помогала нам выжить. Другие продавцы или нас не замечали, или относились враждебно.

В такие дни мы уходили из булочной «не солоно хлебавши», голодные и злые. Как-то вот так же возвращаемся в дурном настроении, ругаем продавцов булочной, поваров в нашей столовой, которые воруют наши продукты и на них, разъелись как свиньи, а о нас курсантах совершенно не думают. Вот то, что я сейчас написал это правда. Я даже сейчас помню двух поварих, которые после работы выходили из столовой с тяжёлыми хозяйственными кирзовыми сумками. Внешне они были похожи друг на друга, как две капли воды, только одной было лет сорок, а другой немного за двадцать. Наверное, они были дочь и мать. Обе невысокого роста, белобрысые, разъевшиеся до не вероятных размеров, морды толстые, глазки маленькие, у обеих висят вторые подбородки, носы пятачки, ну ни дать, ни взять, свиньи. Вот они шли с сумками, перегнувшись под их тяжестью. Вы представляете, сколько они за один раз уносили продуктов, которые были предназначены для нас, полуголодных ребят. Мы всё это видели, но сделать ничего не могли. И тут у меня созрела идея, и я ею решил поделиться с Бартеневым. Говорю ему: «Витя, слушай, а что если сказать, нашему комсомольскому вожаку, Алексею Близнюку пусть он сходит к директору школы и поговорит с ним на эту тему. Ведь все ребята голодают, и поэтому они нас поддержат». Виктор согласился со мной.

Мы пришли в общежитие, Близнюка в квартире не было, ещё из кино не вернулся, я решил донести свою идею до ребят. Сидим, обсуждаем, что и как, к нам зашли ребята из другой квартиры комбайнёров, они тоже подключились к обсуждению, затем зашли трактористы, они в таком же положении, как и мы и тоже поддержали идею. Все обговорено, со всем согласны, а Алексея всё нет, наконец, и вот он появился. Я как мог, донёс свою идею насчёт улучшения нашего питания. Алексей выслушал наши доводы, согласился пойти к директору, но при этом сказал мне: «Раз, Сеня, это твоя идея, значит, завтра пойдём к директору вместе». Я согласился, а что не согласиться, ведь мы идём отстаивать справедливость, и не только за себя, а ещё и за народ, который учится в школе. Пошли, поговорили с директором, но прежде чем разговаривать с нами, директор записал наши фамилии в какой-то коричневый блокнот, только потом стал с нами говорить, и пообещал, что разберётся, и виновных накажет.

И действительно, после нашего похода к директору, питание в столовой намного улучшилось, и борщ стал похож на борщ, и каша стала густая и со сливочным маслом, в общем, дело пошло на поправку, и за это ребята, почему-то благодарили не Близнюка, а меня. Какое-то время я ходил в ореоле славы. Но радость наша была не долгой, буквально через три-четыре дня, всё стало, как говорится, «На круги своя». Тот же ужасный борщ, на ужин две три ложки каши без масла, ну и прочее. Парни снова идут ко мне и просят снова сходить к директору и поговорить с ним, пусть, мол, он поварам накрутит «хвосты». Я не знал, как поступить и решил на эту тему поговорить с Алексеем, нашим комсоргом. Алексей выслушал меня и говорит: «Слушай, Сеня, меня хорошо, ты ещё молодой и многого не знаешь. Вот что я тебе скажу по этому поводу. Мы с тобой уже ходили с вопросом, который не нравится начальству, и нас с тобой записали в чёрный блокнот, но записали только один раз, и это не так страшно, но если нас туда же запишут второй раз, то нам не поздоровится. Поверь мне, я эту систему знаю хорошо, я в ней служил, так что будем сидеть на своём мягком месте и никуда не рыпаться. Надеюсь, что ты меня понял хорошо». Так закончил свой диалог Алексей.

Этот разговор проходил в классе после занятий, там были, я, Алексей, Бартенев и Володя Баврыленко. Володя был старше меня, ему было двадцать один год, и выглядел он как-то солидно, к нам в школу пришёл позже, где-то в ноябре месяце 1952 года, а этот разговор состоялся в начале марта 1953 года. Алексей с Виктором пошли в кино, а мы с Володей пошли в общежитие. Идём, и Володя мне говорит: «Слушай, Сеня, Близнюк правильно говорит, не лезь ты в это дело, а то они тебя возьмут, как организатора заговора против советской власти, и пришьют тебе статью политического, и загремишь ты на десять лет без права переписки». Володя меня удивил, нет, не напугал, а именно удивил, и я ему в сердцах сказал: «Послушай, Володя, какой заговор, против какой власти, власть, где-то там, в Москве, а мы с тобой здесь в городе Степном, посреди бескрайних степей, ерунда всё это». Володя спокойно меня выслушал, затем так же спокойно сказал: «Ты не кипятись, ты ещё молодой и многого не знаешь, ты ведь и уголовный кодекс не знаешь. Мой тебе совет, Сеня, пока ты советских законов не знаешь, то слушай старших товарищей, в данном случае меня. Я тебя, плохому делу не научу. А те, кто тебя подбивает к беспорядкам, пусть сами идут и добиваются справедливости, а тебя это не касается». После нашего разговора я долго над ним думал, и пришёл к выводу, что Володя прав. Наглядный пример был в селе Ипатово, когда из нашей школы

забрали ребят за то, что они читали стихи Есенина, и где теперь эти ребята, я лично не знаю, но знаю точно, что в школу они больше не вернулись. Я об этом писал раньше.

ТИХИЙ ХОД ЖИЗНИ В НАШЕЙ ШКОЛЕ

После этого разговора «Буря в стакане воды» улеглась, я никуда не пошёл, а те, кто меня на это подбивал, тоже никуда не пошли и всё затихло. Мы продолжали хорошо учиться, и нас продолжали плохо кормить, но мы были живы и даже двигались. У нас были не только грустные дни, но и праздники, они случались, когда мы получали стипендию. Тогда мы после занятий собирались толпой человек десять и заваливались в городскую столовую. Сдвигали два стола, ставили стулья, садились, затем подзывали официантку, делали «шикарный» заказ и гуляли.

Заказ делался так, кто-нибудь из нашей компании, обычно это был белобрысый долговязый Толик, он повелительным тоном велел официантке подать булку хлеба и двадцать стаканов чая. Официантка уходила выполнять заказ, а мы сидели за столом и радовались тому что, наконец-то пошикуем. После того как всё было выпито и съедено, тот же Толик властным голосом подзывал официантку и повелительно ей говорил: «Мадам, уберите порожняк». Это нам казалось так круто, что дальше просто некуда, мы смеялись над своими остротами, а официантка, женщина лет сорока, на нас смотрела и снисходительно улыбалась. Вот так мы и жили: и с грустью, и с радостью.

Я И МАРГАРИН

Расскажу ещё случай, который относится к питанию. Мы с Володей Баврыленко решили сходить в магазин и купить хлеба, чтобы немного поесть перед сном, а то после такого ужина, как в нашей столовой, кушать постоянно хочется. Зашли в магазин, купили хлеба, стоим в нерешительности и думаем, наверное, об одном и том же. А именно, чем бы намазать хлеб, чтобы он, не был таким сухим, я посмотрел пачку масла за 12 рублей, но для нас, это было дорого, затем смотрю, а рядом лежит, на мой взгляд, тоже масло, и пачка больше и стоит всего шесть рублей. Я говорю Володе: «Давай возьмём это масло, смотри, и пачка больше и стоит дешевле в два раза, чем то масло». Володя наклонился над прилавком и говорит: «Сеня, да это не масло, а маргарин». Слово «МАРГАРИН» я слышал впервые, и мой мозг его не хотел принимать, что значит маргарин, есть масло постное, то есть растительное и коровье и никаких маргаринов не должно быть. Я настолько в этом был уверен, что начал убеждать Володю купить это масло, говорю ему: «Володя, да это точно масло, ты посмотри, оно желтоватого цвета, ну точно, такое, как Дуся в Ипатово в магазине покупала. Володя смотрит на меня и говорит: «Сеня, это никакое не масло, это маргарин, видишь на нём написано «МАРГАРИН». Но мне очень хотелось поесть хлеба с маслом, и я был уверен, что в той пачке под названием МАРГАРИН и есть масло, и я продолжал Володю уговаривать, говорю ему: «Володя, да это масло, но его, почему-то назвали маргарином, может слово масло надоело им писать и они это масло назвали маргарином». Ну не хотела моя голова воспринимать такой продукт, как маргарин. Володя посмотрел на меня внимательно и, наверное, в моём лице увидел решительность, затем говорит: «Ну, хорошо, давай купим, только есть его будешь ты, я такое масло кушать не хочу».

Купили и идём на скамейку, что рядом в сквере, решили на ней покушать. Сели, Володя отрезал кусок хлеба мне и себе, мне отдал нож и говорит: «На ножик намазывай своё масло, под названием «маргарин». Я аккуратно открыл своё масло, беру кусок хлеба, ножиком отрезаю ломтик масла, и начинаю его намазывать на хлеб. Но странное дело, это масло, так по хлебу не размазывается как наше Ипатовское, а ложится на хлеб какими-то комочками. Я сильнее прижимаю его ножом и стараюсь распределить его ровным слоем по куску хлеба, но оно не размазывается, а трубочкой скручивается и катится за ножом по мере его движения. Вижу, что данный продукт не очень похож на

масло, но я не сдавался, думаю, масло холодное и потому оно меня не слушается, вот я положу его в рот, там тепло, оно растает, и я ощущу вкус масла. А вкус масла я не забыл, я его ел и в Ипатово, когда жил у брата, да и в детстве, когда мама сбивала масло на ручной маслобойке, и частички его поднимались по штоку, я не упускал момент смахнуть их пальцем себе в рот. И на этот раз я хотел ощутить такой же вкус. Осторожно откусываю кусочек хлеба намазанного как бы маслом, начинаю жевать, и чувствую что, что то не то, это масло во рту не тает, комками перекатывается, а некоторые куски прилипли к нёбу и я их никак не могу языком отодрать, пришлось, залазит пальцем в рот и помогать языку. Немного пожевал, я почувствовал неприятный вкус, и даже неприятный запах, я, наверное, скривился от вкуса такого масла, Володя это увидел и спрашивает меня: «Ну, надеюсь теперь-то, ты поверил мне, что это не масло?»

Я Володе не ответил, только спросил его: «А с чего его, ну этот самый маргарин делают?» — «А с чего попало, бросают в бак всё, что попадётся под руку, а затем всё это расплавляют. Туда попадает и жир животных, растительное масло, всякие присадки, чтобы масло загустело, даже солидол и только один процент сливочного масла. Странный жировой продукт подумал я, даже солидол туда кладут, а я думаю, почему его вкус такой неприятный.

Вот так прошло моё знакомство с маргарином. Гораздо позже я узнал то, что домохозяйки любят готовить на маргарине по той причине, что он не горит, как масло. Тогда я подумал, интересно какая же его температура возгорания, если он на раскалённой сковородке не горит. Ответ на этот вопрос я не знал, но зато с восхищением подумал о тех учёных, которые создали этот продукт. По своей термической характеристике он был «ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫМ».

НОВЫЙ ЖИЛЕЦ

Сейчас я вам хочу рассказать об одном человеке, который в моей жизни сыграл немаловажную роль, в какой-то степени он был моим ангелом хранителем, но всё по порядку.

В квартире, в которой мы жили, нас было семь человек, а одна койка, восьмая долго пустовала, и только к концу ноября 52-го года, к нам поселили молодого мужчину, лет тридцати. Он был выше среднего роста, плотного телосложения, с приятными чертами лица, волосы русые, длинные, зачёсанные назад. В нашу комнату с комендантом общежития зашёл он вечером, когда все жильцы готовилось ко сну. Поселенец вёл себя сдержано, как человек, знающий себе цену. Зашёл, поздоровался, сказал, что его зовут Олег, а как зовут нас, он не интересовался, наверное, ему было все равно. Учился он на комбайнёра в нашей группе. На занятия ходил регулярно, предметы знал хорошо, на уроках отвечал уверенно и спокойно. Вообще, в каждом его слове и движении чувствовалась уверенность и уравновешенность, одним словом человек был солидный во всех отношениях.

После занятий он куда-то исчезал и появлялся в нашей комнате только перед сном, иногда вообще в комнате не появлялся и приходил на другой день утром сразу на занятия. Позже, когда он с нами уже учился, я узнал его фамилию, она была краткая и звучная, я бы сказал, смачная, вот она, Бонз. Его позже так и звали, Олег Бонз. В общем, Олег Бонз жил нашей жизнью и как бы был от неё в стороне. Как-то вечером, уже перед самым сном, в нашу комнату заскочили трактористы с криком, «наших ребят у кинотеатра, бьют городские парнями». Мы собрались и ринулись туда, Олега с нами я не видел, когда мы убегали, он лежал на кровати и читал книгу, я думал, он к нам присоединится, но нет. Бегу к кинотеатру, а сам думаю, как так бьют, за что бьют, и кто они такие, чтобы наших парней бить. Для меня всё это было ново, и я тогда не понимал, что люди, могут подраться, за какой ни будь ерунды, кому-то не понравилось, как на него посмотрели, или причиной драки могла стать женщина, что им женщин мало что-ли? Бегу размышляю и не очень тороплюсь на место событий. Остальных курсантов видать такой вопрос не занимал, и они дружно бросились в гущу событий. Я хоть и опоздал, но тоже прибежал туда и пытался протиснуться сквозь толпу, но из этой затеи у меня ничего не получилось, тогда я пошёл в скверик перед кинотеатром, залез ногами на скамейку и с высоты пытался рассмотреть, что там, в толпе, происходит.

На улице хоть и было темно, но в сквере на столбах горели

фонари, и на здании кинотеатра стояли светильники и они хорошо освещали место событий. Но, не смотря на мои старания я, так ничего и не увидел. Тогда я сел на скамейку и стал ждать результата исхода событий. На дворе хоть и была зима, но снега практически не было, да и температура ночью держалась -2-3 градуса, а днем плюс +3+4 градуса, так что, тот снег, которой растаял днем, ночью вода от него замерзала и получался каток на дорогах. Я сидел на скамейке в фуфайке, и поэтому мне было тепло, да ещё и армейская шапка-ушанка согревала меня. Толпа всё время шумела, слышался отборный мат, а тут вдруг затихла, ну, думаю всё, сейчас разойдутся. Но нет, через пару минут вновь послышался шум, гомон и отдельные матерные слова. Да думаю, мне этот базар не переждать и собрался было уходить, как вдруг слышу, по ледяной дороге, которая идёт от кинотеатра, к основной дороге, что на улице, что-то со стуком полетело. Что же это могло быть, подумалось мне. Моё любопытство заставило меня пойти к тому месту, где стук неизвестного предмета затих. Прошёлся немного по дороге от театра, и вижу, лежит нож, в деревянных ножнах, я поднял его, вытащил из ножен, смотрю, рукоятка костяная и с одной стороны светлая, а с другой темная, ну точь-в-точь, как у Олега. Странно, думаю, как он сюда попал, ведь Олег остался дома, а может этот нож и не его, просто другой нож, но очень похожий на нож Олега, но надо у него самого спросить. Я положил нож во внутренний карман фуфайки и пошёл домой в общежитие. Вообще Олег своим ножом не козырял, и видел я его всего один раз, и хорошо запомнил, такой нож, я видел впервые. А случилось это так.

В кинотеатре был концерт местной самодеятельности, и вход бесплатный, вот наши парни и повалили туда. Я тогда не пошёл, как раз было время безденежья, да ещё и совхоз не выполнял свои обещания, не присылал мне, обещанные сто рублей в месяц, какое уж там веселье на голодный желудок. После занятий проводил девушку Милу домой, (она жила в двух кварталах от нашего общежития) а сам пошёл в своё общежитие. Прихожу, толкаю дверь в нашу квартиру, а она закрыта, думаю, в чём дело, обычно дверь не закрывается, а тут закрыта. Стучу, дверь открывается и на пороге стоит Олег, сказал: «Проходи, — и тут же задаёт мне вопрос, — А ты почему не на самодеятельности?» Я, посмотрел на него и отвечаю: «Какое веселье, когда желудок пустой. Олег показывает на стол и говорит» — «Ну, тогда садись немножко покушаем. Я смотрю, на столе лежит полбулки серого хлеба и шмат сала, у сразу меня слюнки побежали. Я быстро разделся и к столу. В эту ночь я крепко спал, за несколько последних дней я первый раз лёг спать сытым. Спал, как убитый, даже сны не

снились, а зачем ночью сны, они только мешают спать, нет без них лучше. Вот в тот вечер я и увидел его нож. Он был очень похож на тот, который у меня сейчас лежит в кармане.

До того дня, я ножа у Олега не видел, и, наверное, никто из наших жильцов его не видел. Он не любил демонстрировать свои вещи всё хранил в своём сундучке, который закрывался на замок. Нож был самодельный (тогда много чего было самодельного), и похожий на современные охотничьи ножи, только лезвие ножа было тоньше и заострено под финку. Иду домой размышляю, смотрю на тротуаре, перед кинотеатром, стоит девушка Мила, она училась в нашей группе на комбайнёра, и мы с ней как бы дружили, она тоже прибежала посмотреть на такое событие. Мила попросила меня проводить её домой, это было не далеко. Я её проводил, а сам пошёл в общежитие. Прихожу в нашу квартиру, а там там-тарарам, все жильцы стоят на ушах обсуждают случившееся событие. Только Олег сидел на своей койке, она стояла в углу комнаты, и читал книгу. Я подошёл к нему, встал так, чтобы спиной отгородиться от других, Олег посмотрел на меня, как будто спрашивая: «В чём дело?»

Я незаметно для остальных вытащил из кармана нож, протянул ему и спросил: «Это твой нож?» Он поднял на меня глаза и спросил: «Кто-нибудь видел его у тебя?» Я сказал ему, что никто не видел, и об этом ноже знаем только ты и я. Олег попросил меня о ноже никому не говорить. Так у нас с Олегом получилась общая тайна, и это как-то меня с ним сближало, с этим всеми уважаемым человеком. Шло время, событие у кинотеатра забылось, и мы тихо и мирно занимались своим делом.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

И вдруг среди весеннего мартовского дня грянул гром. Умер Сталин. По этому поводу во дворе школы наше начальство организовало митинг. В этот день погода была ужасная, небо затянуло тучами, и шёл мокрый снег. Мы стояли толпой человек сто, а наше начальство, из кузова машины по очереди выступали, хвалили Сталина, призывали нас сплотиться, ну и прочее. И все эти призывы и похвалы были такими долгими, что нас всех накрыло снегом, он таял и холодной водой затекал нам за воротник, а там продолжал путь дальше. Погода была вроде не холодная, но от долгого стояния на дворе, я стал замерзать. Ораторов я уже не слушал, а стоял и думал, когда всё это кончится. В голову лезли всякие мысли, думал, ну зачем он умер, в такую холодную погоду, не мог дождаться лета, я понимал, что всё, что я думаю, конечно, ерунда, но уж больно было холодно. А вообще если честно, то я Сталина не любил. Вы сейчас мне скажите: «А за что его любить, он столько уничтожил невинных людей». Я вас сейчас возможно разочарую, но не любил я его не за это, и даже ни за то, что при его власти мы в колхозах жили очень плохо, практически выживали. А вот за что, за несправедливость по отношению к Ленину. О Владимире Ильиче Ленине, с детских лет я слышал только хорошее, и в начальных классах школы я узнал, что это он нам, беднякам, дал свободу и выровнял с богатыми, а Сталин был у него в помощниках. И что я вижу в селе Ипатово, все плакаты с изображением Ленина убрали и на их место повесили портреты Сталина. В нашей школе, в которой я учился в пятом и шестом классе, в первый год моей учёбы, в коридоре школы, на стенах висели портреты Ленина: детский, юноша и взрослый. Я ходил по коридору и радовался, вот думаю, хорошего человека не забыли и это правильно. Прошёл год, и что я вижу на этих же стенах, вместо портретов Ленина, висят портреты Сталина, где справедливость я вас спрашиваю? Не знаете, я тоже не знаю, но это не правильно. Затем меня до глубины души тронул ещё один момент. В начальных классах, когда я учился, в учебнике Родная речь была страничка о наших вождях и там была нарисована скамейка, а на ней сидели Ленин и Сталин и Ленин давал советы Сталину, как управлять страной. На мой тогдашний взгляд всё это было правильно, старший даёт совет младшему. Прошло лет пять, мне в руки попадается какая-то книжка, где нарисована та же скамейка, на ней сидит Сталин, но уже без Ленина. Вот я и спрашиваю вас, а куда же девался Ленин, вождь нашей

революции, её вдохновитель и организатор. Нет, на мой взгляд это не справедливо, я так думал и тогда, так думаю и теперь.

БЛАТНЫЕ

Наконец митинг закончился, и мы дружно разбежались по своим классам, чтобы хоть как-то согреться. После смерти Сталина в нашей школе сразу ничего не поменялось, за то потом, когда по амнистии выпустили из тюрьмы, большое количество заключённых, и немалая их часть почему-то осела в нашем общежитии, вот тогда мы почувствовали смерть Сталина. Так вот, этот криминальный народ, мы их называли блатными, болтались по коридорам общежития и всем своим видом старались показать, что они здесь главные, а остальных они в упор не видят.

От такой блатной я чуть не пострадал, а было это так. Как-то поздно вечером, когда практически все жильцы нашей квартиры улеглись в постель, за исключением Олега, он сидел за столом и что-то читал, а может, учил уроки. Я уже лежал в кровати, как вдруг, по топоту ног слышу что, к нам в комнату ввалилось несколько человек. Я лежал в другой комнате и их ещё не видел, но по разговору и топоту ног понял, что пришёл не один человек. Пока я думал, что за гости и зачем они пришли, они ходили по квартире и громко разговаривали, и сильнее всех был слышен властный голос какой-то женщины. Думаю, что за ерунда такая, зачем они, на ночь глядя к нам пришли. Слышу мужской голос: «Та здесь его тоже нет». Ему отвечает женский голос: «Подожди, не гони пургу, ещё не всё посмотрели». По их разговору я понял, что это блатные, и они кого-то у нас ищут? Но кого, кто тут у нас может прятаться, мне было не понятно. Чтобы выяснить обстановку, я решил из своей койки, со второго «этажа» посмотреть, что там делается в другой комнате, перегнулся, вытянул шею в дверной проём и перед моими глазами появилась белокурая дива, мы с ней столкнулись буквально лоб в лоб.

Я её раньше видел в комнате у трактористов, заходил к ним по какому-то вопросу, она сидела за столом и что-то парням рассказывала. Увидев меня, на пороге квартиры, она перестала говорить, пристально посмотрела на меня, даже глаза прищурила, я спросил, что мне надо и ушёл. Странная дама подумал я, и что это она на меня так уставилась, как будто мы с ней знакомы. А дама на вид была видная молодая женщина лет двадцати пяти, средней полноты, блондинка, во рту блестела золотая коронка (по-блатному фикса), особо отличительная черта блатных, лицо у неё было симпатичное. Она подняла голову и радостно громко воскликнула: «Братва, да вот же он, мой красавчик!» И сразу начала меня стыдить: «Как тебе не стыдно, я с корешами всю общагу обшарила, нигде тебя нет, а ты вот куда спрятался, не

хорошо ты делаешь, не по-братски». Ни фига думаю, сестра нашлась, век тебя не видать. В это время в комнату вошли её братаны, все трое как на подбор, низкого роста, носы кнопки, на головах кепки восьмиклинки темного цвета. А дама говорила мне: «Давай слазь, пойдём с нами». Я залез в дальний угол койки и отбивался руками и ногами от наседавших на меня её корешков. Дама увидела, что у меня нет желания с ними идти и начала меня успокаивать: «Да ты не бойся мы из этого общежития не выйдем, просто перейдём в другую комнату, вот и всё, так что не упирайся, все равно с нами пойдёшь». Я отбивался, как мог, но они схватили меня за ноги и стащили с кровати, я ругался, призывал жильцов квартиры на помощь, но они все забрались под одеяла и лежали, а меня как будто не слышали. Один Олег по-прежнему сидел за столом с книгой в руках и тоже молчал. Двое меня взяли за руки и потащили к выходу, а третий, толкал меня в спину, дама же шла впереди нас. Меня тащат, а я вырываюсь и кричу: «Ребята, ну что же вы лежите на койках, вашего товарища уводят неизвестно куда, а вы лежите». Но мой голос никто не хотел слышать, все боялись блатных, они запугали всех жителей общежития, у них была коронная фраза, «Сунешься, получишь перо в бок». И они это доказывали делом, одного парня порезали ножом финкой, не сильно, но всё же факт, вот потому их все и боялись. Когда меня тащили мимо Олега, который продолжал сидеть за столом, он тихо, но твёрдо что-то сказал даме. Та остановилась, посмотрела на Олега, и я увидел, что с её лица слетела нахальная ухмылка, а глаза расширились, и в них появился страх. Она лицом к нам повернулась и сказала: «Ша, братва, хиляем отсюда». Носы-кнопки, меня бросила и дружно зашагала за своей атаманшей. Я стою посреди комнаты брошенный сразу стал никому не нужный, наверное, от испуга бледный, а Олег смотрит на меня и говорит: «Не бойся, Сеня, пока я здесь, тебя никто не тронет. Иди спать».

После этого события я Олега ещё больше зауважал, а с Витькой Бартеневым, после этого не стал дружить, да и к остальным относился с прохладцей. Позже я эту диву видел в нашем коридоре, но она меня решила не замечать, ну и, слава Богу, такие товарищи мне не нужны.

АРЕСТ ВОЛОДИ БАВРИЛЕНКО

От прошлого события не успели успокоиться, как на нашу квартиру свалилось новое событие, арестовали Володю Баврыленко. Милиция пришла прямо на занятия и увела его. В нашей группе шли суды да пересуды, вопросов было много, а ответа на них нет. Через пару дней кое-что прояснил Алексей Близнюк, его как комсорга тоже вызывали в милицию на допрос к следователю. То, что рассказал Алексей о Володе, меня как-то покоробило, всё-таки мы с Володей поддерживали приятельские отношения. И я вам скажу, что он хороший парень, ничем не отличался от других курсантов, а если и отличался, то в лучшую сторону. А тут такое? Оказывается, фамилия Володи была, не Баврыленко, а Гаврыленко, и оказывается, он сбежал из тюрьмы, а после свою фамилию в паспорте переделал на Бавриленко. Простым способом, к заглавной букве «Г» приписал скобу, и получилась буква «Б». И таким образом скрывался он от милиции. Я видел его паспорт, и мне не специалисту было видно, что фамилия изменена кустарным способом, но Володе об этом ничего не сказал, а зачем расстраивать человека, пусть идёт, как шло. А вообще Володя для меня был парнем хорошим, он не козырял своим криминальным прошлым, говорил простым обыденным языком не то, что другие. Правда у него на правом клыке была белая фикса, но он меня убедил что, это не фикса, а искусственный зуб из белого метала. А что может оно и так, я же у него в зубах не ковырялся.

А так мы с ним довольно часто общались, иногда ходили в булочную вместе, иногда в кино, да и на занятия ходили вместе. Позже, Алексей мне по секрету сказал, что у него следователь спрашивал, с кем дружил Баврыленко, но он следователю не сказал, что у нас с Володей были приятельские отношения. Сказал просто, что отношения у Баврыленко со всеми курсантами были ровные, а чтобы с кем-то особенно он дружил, такого Алексей не замечал. Здесь же, в городе Степном, Володю судили, дали ему четыре года и из зала суда его увели, больше я его не видел.

НОВОЕ ОБЩЕЖИТИЕ

Не успели забыться старые события, как появилось новое. Нам сказали, что мы переезжаем в новое общежитие, которое находится недалеко от старого общежития. Здание, в которое мы заселились, было кирпичное трёхэтажное, похоже, что там раньше был какой-то институт, и в нём по-видимому работали калмыки, но в 1942 году их куда-то выслали, и оно сейчас пустовало, пока мы его не заняли. Нас, почему-то расселили в спортивном зале, из восьми человек, которые были в той квартире, нас осталось шесть человек. Близнюка и Петровича, поселили, куда-то в другое место. В новом нашем жилище места было много, и мы поставили свои пять коек посредине зала, а койка Олега стояла у стенки в углу помещения. Мало-помалу постепенно обжились и жили потихоньку.

Утром все шли на занятия, а вечером или в кино, если деньги были, или шли домой, а там занимались каждый своим делом, иногда играли в домино. Как-то вечером, уже перед сном сидим за столом и играем в домино, вдруг открывается дверь и в неё входит мужчина высокого роста в кожаном пальто с поклажей в руках. Зашёл и спросил: «Здесь живет Сеня Чухлеб?» Я узнал голос брата и сразу бросился к нему. Мы обнялись, прошли на мою койку, Андрей поставил ношу на мою койку и сам на неё сел, а я сел на койку Толика, напротив брата и начались расспросы. Я расспрашивал у него, как там он живёт и работает, как его жена Дуся, был ли в хуторе, и как там у них дела, как родители, здоровы ли. И многое другое, он спрашивал у меня, как я живу, и как учусь? Я ему рассказал всё что надо было рассказать в подробности не вдавался. Проговорили мы с ним минут двадцать, затем брат встал, а и сказал: «Ну, братка, мне пора, меня машина ждёт во дворе». На прощанье мы с ним, по-мужски, обнялись, и он пошёл на выход, а я его проводил до двери квартиры. Затем я вернулся снова сел на кровать, положил голову на ладони своих рук и надолго задумался. Мне было очень грустно, Андрей разбередил душу рассказом о братьях и сестрах и особенно о тато и маме. Сколько я так сидел, не знаю, когда я поднял голову и посмотрел в сторону стола, то увидел, что на меня смотрит пять пар глаз и чего-то от меня ждёт. Олег увидел моё состояние и спросил: «Что из дома плохие вести?» «Да нет дома всё нормально, просто я очень давно не был дома и соскучился по отцу и матери». «Ничего Сеня, ещё немного и закончится наша учёба, и тогда мы разлетимся в разные стороны, кто к своим родным, а кто в другую сторону, а пока надо терпеть и учиться».

Я после его слов как-то повеселел, вспомнил о гостинце, который привёз брат, взял его с койки и пошёл к столу. Вытряхнул из сетки на стол огромный свёрток, замотанный в какую-то белую тряпку, я разворачиваю тряпку и вижу гору жареного мяса. В тряпке оказался индюк, зажаренный целиком.

Такого подарка я от брата не ожидал, он сказал, что привёз мне гостинчик, но что именно не сказал. Когда я развернул свёрток, и жильцы нашей комнаты увидели, что в свёртке, то все ахнули, а кто-то воскликнул: «Ну, этого индюка хватит на всех». Да думаю, эти голодные рты всё сожрут, мне хотя бы одна ножка досталась. Стою возле индюка в раздумье, не знаю, как поступить, то ли оторвать от туши одну ногу, а остальное отдать им на съедение, то ли как? Раздумье моё затянулось и руки некоторых личностей потянулись к моему гостинцу, но ещё не рвали куски мяса, а только примеривались. Олег, увидел моё затруднение и говорит: «Стоп, парни, уберите свои клешни, а ты Сеня садись рядом со мной». Он вытащил из кармана свой знаменитый нож, разрезал индюка вдоль туловища, одну часть, порезал на несколько кусков и положил в эту же тряпку, завернул, положил в авоську, отдаёт мне и говорит: «Возьми, Сеня, и положи в свою тумбочку, это твоё, — посмотрел на остальных членов пиршества и добавил, — Если хоть кто… Но ребята не дали ему договорить в один голос закричали: «Нет, нет, никто не тронет». Далее он сказал: «Сеня, нас угостил и хорошо».

Я положил сверток с частью индюка в тумбочку, снова сел рядом с Олегом, он от куска индюка отрезал мне большую ногу, остальное мясо разделил между ребятами. Нам ещё досталось по картошке и целой луковице, которые находились внутри туши индюка. Вся еда была очень жирная, видно Дуся когда зажаривала индюка не пожалела масла и положила во внутрь туши целый кусок, для нас это было кстати, чего-чего, а жира нам не хватало.

В этот вечер ужин у нас был шикарный, о нём потом долго ещё вспоминали, и как бы в шутку, наверное, и всерьёз говорили: «Что это так долго не едет Сенин брат с индюком, как бы было хорошо, если бы он к нам заглянул». Но брат больше не приехал до самого конца нашей учёбы. А в этот вечер, поужинав, мы снова принялись за домино, сидим, играем и вдруг по радио, зазвучала музыка: «Вальс на сопках Манчжурии». Ну, этот, «Тихо вокруг сопки покрыты льдом, порой из за туч выплывает луна» ну и так далее. Я бросил костяшки домино, быстро поднялся со скамейки и начал в так музыке отбивать чечётку. В то время я довольно хорошо плясал, и в частности знал несколько «Колен» чечётки. Скажу без ложной скромности, в тот вечер, у меня получился шикарная пляска, чечётку отбивал в такт музыке, были и хлопки

руками «дробь» каблуками, в общем, всё как надо, ребята смотрели на меня с широко открытыми глазами, в таком качестве они меня ещё не видели. Ребята стали хлопать в ладоши, притопывая мне в такт, а Олег поднялся со скамейки и кричит: «Сеня, бацай, бацай Сеня». От такого всеобщего внимания я застеснялся, прекратил танец и пошёл к себе на койку. Парни хотели меня снова вывести на круг, но Олег сказал: «Всё, хватит, не видите парню неудобно, да и вообще пора спать». На другой день, утром встали, умылись все наши пошли в столовую на завтрак, а я к своей индюшке, наслаждаться её вкусом. В обед то же самое и вечером не исключение. В этот же день Олег сказал: «Сеня, индюка съешь сегодня, а то может, испортится».

Вечером, после занятий я прибежал в общежитие, в комнате был один Олег, он не очень жаловал нашу столовую, и если у него было что поесть, то он шёл в общежитие, и в этот день он сделал так же. Я подошёл к окну, где лежала моя индюшка, взял свёрток и пошёл к столу, где в это время сидел Олег, и говорю ему: «Олег, давай помогай мне с индюшкой справиться, а то я её никак не могу одолеть». Когда мы разделывались с индюшкой, послышался удар в оконное стекло, и в комнату вместе со стеклом влетел кирпич. Я соскочил и на улицу, прибежал к окну, где разбитое стекло, но там уже никого не было, агрессоры вовремя смылись. Вернулся назад, сказал Олегу, что никого нет, и снова принялся за еду. Вдвоём мы с ней быстро справились, кости отнёс в мусорный бак, вместе с тряпкой, в которую была завёрнута индюшка, и всё, эта история позади. Потом мы с Олегом ещё немного посидели, обсуждали только что случившееся событие, затем я разложил на столе книги и принялся за уроки, Олег тоже решил последовать моему примеру. Сижу, учу уроки, а у самого из головы не выходит, кто же швырнул в наше окно кирпич? У меня было предположение, но о нём я Олегу говорить не стал, так как не был уверен, так ли это? Я предполагал, что это могла сделать моя бывшая подружка Мила. И вот почему. Как-то ещё в феврале месяце, после занятий ко мне подходит моя подружка Мила и говорит мне: «Сеня, мы с подружками, у меня дома организовываем вечеринку, так я тебя приглашаю прийти на неё. Я уже пригласила Витю Бартенева, Толю Сопрыкина и ты приходи». Сказала и ушла, не дождавшись моего согласия. Мне это показалось странным, а ещё более странным то, что Мила моя подружка, но она пригласила сначала Витю и Толю, а потом очередь дошла до меня. Не спорю, Виктор Бартеньев в нашей школе был самый симпатичный парень, правильные черты лица, смуглая кожа, чёрные кудрявые волосы, да и возрастом он был на два года старше меня, что давало ему

преимущество насчёт женитьбы. А Мила и другие девушки нашей школы были года на два старше, таких ребят, как я.

Всё это понятно и сомнению не подлежит, но где чувство такта, культуры дружеских отношений, на мой взгляд, у Милы этих качеств не было. Я о ней уже писал, что она девушка грубоватая, мужскими чертами лица и поведения, но это не даёт ей права нарушать установившееся правила взаимоотношений. Вечером, после занятий все собрались в общежитии, ко мне подходит Толя, белобрысый долговязый парень, и спрашивает у меня: «Мила тебя приглашала к ней на вечеринку?» — «Приглашала, но я не пойду» — «Сеня, почему, в коем веке такое событие и ты отказываешься, я тебя не понимаю», — искренне удивился Толик. «Сеня, пойдем, поедим, что дадут, и домой, если честно, то их шуры-муры, мне ни к чему, а лишний раз поесть в нашем положении не вредно, а как раз наоборот». Я подумал, а что время было голодное, постоянно не доедали, и действительно Толик прав, лишний кусок хлеба моему здоровью не повредит, а скорее наоборот. Я согласился с предложением Толика, и мы с ним пошли в гости. Бартеньева с нами не было. Как потом оказалось, он пошёл туда раньше и когда мы с Толиком туда пришли, он был уже там, в квартире у Милы. Стол был накрыт, я бы сказал не очень, даже по тому времени. На столе стояли, квашеная капуста, солёные огурцы, вареная картошка, несколько кусочков серого хлеба, и всё это было не в большом количестве, не рассчитанное на шестерых человек. А ещё на столе стояли бутылка вина и две бутылки пива. Два последние, наименования меня не интересовали, а вот всё остальное да. За столом, Мила посадила девушек и парней через одного, Бартенева посадила рядом с собой, хоть я это и ожидал, но мне все рано было неприятно.

Зачем демонстрировать такую брезгливость ко мне, ведь все знали, что до этого дня мы с Милой встречались, и у нас с ней была как бы любовь. Ну ладно, думаю, переживём и это. Ладно, сидим, гуляем, Виктор и Толик с девушками пьют вино и пиво, а я, сначала поел капусту с картошкой, затем хлеб с соленым огурцом, хлеб быстро кончился, и есть стало нечего. Завели патефон, начались танцы, Мила сразу вцепилась в Бартеньева и ни за что его не отпускала, видно это её давняя мечта побыть с парнем, который ей очень нравился. Толик, с какой-то девушкой, тоже пошёл танцевать, я посмотрел на них, посмотрел, танцуют, а веселья никакого, а может это только мне, не было весело, ну раз так, тогда мне здесь делать нечего, вышел в прихожую, оделся и ушёл не прощаясь.

Я думал, что на другой день, в школе, Мила подойдет ко мне

и с грустью в голосе спросит меня, почему это я так рано вчера ушёл, и она очень сожалеет по этому поводу. Нет, нет, ничего подобного не было, и поэтому я окончательно решил покончить со своей бывшей подружкой. После этого вечера, я с Милой больше не общался, да и она на этом не настаивала. Тогда ей было не до меня. Она прилагала все усилия, чтобы «заполучить» Бартеньева. Но, из её затеи, ничего не получилось, и тогда, она снова переключилась на меня. Но, было уже поздно. Потому что я ей не мог простить предательства, это одно, а другое, у меня уже была девушка Эля, ученица десятого класса, с которой мы познакомились в школе на уроке физкультуры. А произошло это вот как.

Как-то в нашу группу на урок приходит директор школы, что было очень редко, и говорит: «Я договорился с директором среднеобразовательной школы, которая находится от нас через дорогу, что, нашим учащимся можно туда ходить и заниматься спортом. Так что с сегодняшнего дня можете идти в их спортзал. В этот же день, мы трое, я, Виктор и Анатолий пошли в спортзал. Одежды спортивной у нас нет, поэтому пошли, в чём обычно ходим. А это февраль месяц и на дворе холодно, вот мы и пришли в фуфайках шапках-ушанках, и всё это чёрно-серого цвета. У нас с Толиком на ногах были рабочие ботинки, а Виктор надел свои хромовые сапоги с галошами, он всегда ими щеголял, если надо было. Но мы, жильцы нашей комнаты, знали, что сапоги-то у него хромовые, а подошвы-то на них нет, вот он и носил их с галошами. Вот в таком виде мы и пошли заниматься спортом.

Опишу своё впечатление, от увиденной обстановки в спортивном зале. Я не знаю, какое впечатление произвёл вид спортивного зала, на моих спутников, но на меня, зал и обстановка в зале, подействовали удручающе, я попал не в свою обстановку и чувствовал себя там плохо. Было такое впечатление что, мы из средневековья попали в двадцатый век, с его великолепными залами и нарядными жителями своего времени. Мы зашли в ярко освещённый зал, полы покрашены светло-коричневой краской, стены белые, рамы на окнах голубые, скамейки, стоящие у стенок синего цвета. Среди этого великолепия по залу бегают пять или шесть девушек, одетые в трико разных цветов и у всех на ногах спортивные тапочки разного цвета, белые, красные и чёрные. И представляете, зашли мы, три чёрных «исполина», а мы по тому времени действительно были высокие, особенно среди этих девушек-куколок, ведь, как известно, всё познаётся в сравнении. У меня сразу появилось желание уйти, я, уже пошёл к двери, но меня за рукав фуфайки удержал Толик. Мою попытку уйти увидела и инструктор по

спорту, миловидная молодая женщина, и говорит мне: «Молодой человек, а Вы, почему уходите, Вам, что не понравилось у нас?» Я не нашёлся, что ответить только показал на свою одежду и на девочек, как бы сравнивая себя с ними. Она поняла, что я хотел сказать и говорит: «Да это нечего, вы, пожалуйста, раздевайтесь, вот сюда на стол складывайте свою одежду и будем заниматься». Мы разделись, положили одежду на стол, который стоял в углу зала, и как бы были готовы к занятиям, но физрук увидела, что Бартеньев не снял галоши с сапог и говорит ему: «Молодой человек, Вы снимите галоши, и Вам будет легче заниматься». Но Виктор стоит, мнётся, а галоши не снимает по известной нам с вами причине, но физрук то этого не знает и настойчиво просит его снять галоши. Я стою, молчу, а думаю, пусть Виктор сам выкручивается из этого положения. Но его вместе с сапогами и галошами «утопил» Анатолий, со своим громким ржанием сказал: «Да у него на сапогах нет подошв, вот он и не снимает галоши». Пока они разбирались, я стоял в сторонке и рассматривал девчонок. Они все были как на подбор, молоденькие, красивые, особенно мне понравилась девушка в чёрном трико. Она была среднего роста, чёрные кудрявые волосы, и большие выразительные глаза, вот они меня и привлекли. Затем разбор «полётов» закончился, и мы начали заниматься спортом, бегали, прыгали ну, и так далее. После занятий, кода мы одевались, ко мне подошла эта девушка, которая мне понравилась и спрашивает: «Тебя зовут Семён?» — «Да Семен», — отвечаю. И стою, жду, что она скажет дальше. Она немного помедлила, затем нерешительно сказала: «А можно я тебя буду звать Сёма?» Я, сразу понял, что это, было предложение к дружбе и сказал ей: «Можно, но это для меня будет впервые, до этого дня, меня так никто не называл» — «Ну и хорошо, — весело сказала она, я так буду называть тебя первая, согласен?» Я, в знак согласия, кивнул головой.

С этого дня мы стали с ней дружить, ходили в кино или просто гуляли по городу. Мою новую знакомую звали Эля, и она мне очень нравилась, внешне симпатичная, голос грудной, мягкий, говорила всегда ласково, не было грубых выходок, как у Милы, так что с ней меня всё устраивало. Мила об этом не знала, и вот когда она от Бартеньева получила «облом», то снова потянулась ко мне, но мне она уже была не нужна и я ей откровенно об этом сказал. Но она всё равно раз за разом продолжала делать попытки к сближению со мной. Как я предполагаю, затем был кирпич в мой адрес. И вот после кирпича у нас встреча в кинотеатре. Я с Элей иду в кино, Эля идёт впереди, я за ней, и вот у входа вижу Милу, она стояла и

смотрела по сторонам, и увидела меня, возможно, она ждала и не меня, но я попался ей на глаза первый, вот она и решила остановиться на мне. Подбегает ко мне и спрашивает: «Сеня, ты в кино собрался?» — «Да собрался, а что ты хотела?» — «Ну, пойдём со мной вот у меня два билета, пойдём» — «Да у нас есть билеты, так что твоя помощь не нужна» — «А с кем ты идёшь, — в свою очередь спросила Мила. «Да вот, с Элей, — и показал кивком головы на Элю. «Ты с ней идёшь в кино? А кто она тебе такая? — со злостью спросила Мила, глядя в лицо Эле с прищуром глаз. Пока я думал, что ей ответить, в это время Эля встаёт между мной и Милой и так внятно говорит: «Сёма мой жених, а я его невеста, тебе этого достаточно?» — как бы с издевкой спросила она, и, взяв меня под руку, пошли в кинозал. Вдогонку я услышал голос моей бывшей подружки. «Так тебе было мало одного кирпича, так будет ещё», — истерично кричала нам вслед Мила. Ага, подумал я, значит догадка моя была правильной. Вот так закончилась моя любовная интрижка, пишу интрижка, потому что на любовную интригу она не тянула.

УЧЁБА

Ну, хватит о житье-бытье, о девушках и прочем, скоро выпускные экзамены, а я о своей учёбе не написал ни слова, так что берёмся за учёбу. О моей учёбе в школе механизации. Что касается технических дисциплин, то по ним, учился я хорошо, это может подтвердить мой аттестат о присвоении мне профессии комбайнёра, так в нём за все девять технических дисциплин стоят четвёрки, а агротехника даже пять, не знаю за что. Видно так решила наша преподаватель по этой дисциплине. Но у нас была ещё одна дисциплина под названием «Политзанятия», за неё у меня была тройка, хотя учительница могла поставить и двойку, но видно ей понравилось, как я отвечал, хоть и не правильно, но интересно и она поставила мне три. На этих занятиях мы изучали всё, и историю коммунистической партии, советскую экономику, и устройство советского государства. Так вот с этой дисциплиной у меня была просто беда. Политикой я не интересовался, газеты не читал, радио не слушал, может, смотрел бы телевизор, но их в нашей стране тогда не было, хотя в то время в Америке они уже были и даже цветные, но об этом я узнал гораздо позже, а тогда все политическое для меня было тёмный лес. Книги я читать любил, особенно про разведчиков, или про гражданскую войну. Но их к политике ни как не приклеишь, это совсем другая тема. А что было этой политикой интересоваться, нам внушали, что мы живём лучше всех в мире, так что ещё надо было знать? Правда, позже мы с вами узнали, как мы живём, по сравнению с той же Америкой, и прослезились. После этого стало обидно и горько за обманутые надежды и потерянные молодые годы, но так произошло, и прошлого не вернуть, так что теперь об этом и говорить нечего.

Политзанятия у нас вела учительница Анна Исаевна Сомова, жена нашего директора школы. Женщина она была ещё молодая, лет тридцать, довольно симпатичная, а ещё она была добрая и, наверное, очень любила юмор, иначе, зачем бы она так часто спрашивала меня на уроках. Если сказать честно, то она мне очень нравилась, особенно её глаза василькового цвета, они излучали добро и, глядя на них на душе становилось веселее. Мне показалось, что Анна Исаевна ко мне была тоже не равнодушна, хотя! Возможно, мне это только казалось. А теперь о самом уроке. Дело в том, что когда я отвечал на политзанятиях, вся группа не просто смеялась, а громко хохотала, в том числе и учительница, правда она свой смех прятала у окна. И всё, потому что я плохо знал русский язык и говорил в основном на

хохлацком языке, а на уроке политзанятий, чтобы как то спрятать незнание задания, я вообще говорил только на хохлацком языке. А в группе у нас говорили почти все на русском зыке, кроме меня, разумеется, правда, с южным говорком, но всё же на русском. Получалось, что я в своём классе был вроде Украинского артиста по фамилии Тимошенко, очень знаменитого в пятидесятые годы прошлого века, речь его и моя были совершенно одинакова, проще говоря, хохлацкая. Для того что бы вам было понятно я приведу пример одного урока.

Урок как всегда начинался с домашнего задания. Кстати говоря, домашнее задание Анна Исаевна начинала проверять почти всегда с меня. Не знаю, почему она так делала, но это было так. Начало урока. Анна Исаевна стоит у своего стола и говорит: «Посмотрим, кто у нас сегодня хорошо выучил домашнее задание, — и при этом обводит группу учащихся глазами. И, как всегда, взгляд ее останавливается на мне, — А ну, Чухлебов, расскажите нам о домашнем задании, мы вас слушаем», при этом слегка улыбалась, это был не первый мой ответ и результат его она уже знала.

Я поднимаюсь со скамейки (стульев у нас не было и мы сидели на скамейках) и стою, не знаю с чего начать. Анна Исаевна смотрит, на меня внимательно и говорит: «Чухлебов, ну что же вы молчите, что вы должны были выучить дома? Забыли что ли, так я вам подскажу. Задание было такое, «Руководящий орган советского государства», как устроено советское государство?»

Я начал отвечать на вопросы преподавателя, так как домашнее задание я хоть и учил, но ничего не понял: «Так, Ганна (Анна) Исаевна, вы бы так и спрсылы, цэ то я знаю. В правлении СЭСЭСЭРИ устроено будь здоров. Главный там, понятное дило, Сталин, вин всэ правление крипко дэржэ в руках. Дисциплина там така, шо мышь ны проскользнэ, вот такая дисциплина». Я сжал кулак и поднял на уровне плеча. А затем добавил, так что в правлении нашей страны всё в порядке. Ну, кто против Сталина и порядка в его аппарате будет возражать, понятное дело никто. Преподаватель не удовлетворилась моими ответами и начала задавать вопросы по теме: «Скажите, Чухлебов, а какую должность в стране занимает товарищ Сталин?» — «Ганна Исаевна, ну вы и спросэтэ, ну зачим ёму должность шо ёму зарплаты ны хвата чи шо». Сначала моих ответов класс просто хихикал, но когда я сказал про зарплату Сталина, все просто заржали. Но Анна Исаевна по-видимому поняла, что со Сталиным мы можем доиграться, и перешла на другую тему, и задаёт мне такой вопрос: «Скажите, а кто в нашей стране управляет экономикой?» Что такое экономика я читал в учебнике, но толком ничего и не

понял и решил переспросить у Анны Исаевной, что это такое и возможно потом я отвечу на этот вопрос: «Ганна Исаевна, а шо цэ такэ экономика? Я такэ слово чув но, ны поняв». Сомова заулыбалась, а потом говорит: «Экономика — это всё производство нашей страны, заводы фабрики, банки колхозы совхозы и прочие производства. Теперь поняли?» Как только Анна Исаевна дошла до колхозов и совхозов, тут я сразу сообразил, что мне надо отвечать, ведь колхоз я хорошо знаю и это мой конёк, всё, его надо оседлать. «А такый орган, е и будэ называться правление, ну там всякие бригадиры, звеньевые и прочие члены правления». После моих слов бригадиры и звеньевые, в классе начался такой смех, как будто в аудитории проходит не урок политзанятий, а какой-нибудь юмористический концерт. Надо учесть, что большая часть учащихся знает, как устроен государственный орган управления, то есть, это министерства и министры СССР, и поэтому учащимся было смешно, когда я их назвал бригадирами и звеньевыми. Мне показалось, что я на все вопросы ответил и хотел уже сеть, но Анна Исаевна не дала мне это сделать. В шутливой форме она мене сказала: «Чухлебов, а вы, почему садитесь, нет, мы вас ещё хотим послушать. И дальше продолжила, — Скажите, Чухлебов, а вы слышали такие слова, как министры, министерства, или для вас это ново?» Анна Исаевна стоит возле окна, а я сидел за столом в последнем раду как раз возле того окна где стояла учительница. Это буквально в шаге от меня, мы с ней были за спиной всей аудитории. В классе наступила тишина, все курсанты повернули головы в нашу сторону и с нетерпением ждут чего-то особенного. Я понял, что надо уже отвечать, дальше тянуть время просто неудобно, все равно она от меня не отстанет и сказал: «Чув, Ганна Исаевна, шо чув, то чув брыхать ни буду. Они мабуть е, но цэ ны у нас, цэ дэ то там за бугром чи в Америке, чи у немцев». Тут я спохватился, что наша армия, немцев же завоевала, и решил исправить свою оплошность и говорю: «Ганна Исаевна, нимцив туда ны нада, туда прышлы наши солдаты там такого наломалы шо дай Боже. Вот так, Ганна Исаевна. Сказать, что в это время аудитория хохотала, значит ничего не сказать, они просто ржали, ладошками стучали по столам, а девчонки даже визжали. Анна Исаевна, отвернулась к окну и тоже, прикрыв рот обеими руками смеялась. Я не знаю, что со мной случилось, но я переступил через скамейку вплотную подошёл к учительнице, к её лицу слегка наклонился, так как я был выше неё примерно на голову, и негромко на почти чистом русском языке спросил у неё: «Анна Исаевна, я своим ответом Вас не обидел?» Она повернула ко мне своё лицо, и снизу верх смотрит на меня своими васильковыми искрящимися глазами, а

они излучают такой благородный свет, что на них смотришь, и ещё смотреть хочется. Затем она сказала: «Да нет, Чухлебов, всё как раз наоборот, вы своим ответом меня обрадовали». Сказала и замолчала, затем опустила глаза и говорит мне: «Садитесь на своё место, а то неудобно». Потом она прошла на своё место к столу, села на стул, придвинула к себе журнал оценок и как бы информируя аудиторию, говорит: «Так, Чухлебов, я думаю, Вы своим ответом тройку заработали, значит, поставим Вам в журнал три». Тут весь класс взорвался, все дружно кричат: «Как три он точно заработал пять, ему должна быть оценка пять». Учительница на всех смотрит и затем говорит: «Ну, хорошо, пусть будет так, как вы сказали, хотя оценку Чухлебову поставим четыре, так как у него были некоторые неточности в ответе». Учащиеся хотели ещё пошуметь, но прозвучал звонок об окончании урока, все дружно похватали свои портфели, сумки и на выход.

Примерно так или почти так у нас проходили все политзанятия. Мало-помалу занятия шли к концу, а 27 апреля 1953 года, к нам в аудиторию пришёл директор школы и всем вручил аттестаты об окончании школы механизации и присвоении нам квалификации комбайнёров. Я получил аттестат за номером 39 от 27 апреля 1953 года. Я хотел стать комбайнёром вот я им и стал. После получения аттестатов устроили грандиозный праздник в столовой с хлебом и чаем, примерно такой же, как я уже описывал. В общежитие возвращались весёлые и счастливые от того что сделали большое дело, хоть и с трудностями но всё же окончили школу, получили профессию, и прощай школа механизации. Сейчас соберём вещи и кто куда, я сразу поеду в совхоз № 4 Апанасенковского района.

Иду и думаю, как я буду туда добираться, наверное, опять на попутках, а может уже ходят автобусы до села Дивное, тогда мне будет легче туда доехать.

НЕОЖИДАННЫЙ «ПОВОРОТ»

Что школу окончили, конечно, радостно, но то, что надо расставаться от этого немного грустно. Ведь за время учёбы сдружились, а теперь надо расставаться. Вечером, все потихоньку начали собираться, складывать свои вещи кто в сумки, кто в чемоданы, завтра многие уезжали, в том числе и я. В это время к нам зашёл Виктор Чалый, он со всеми поздоровался и пошёл к столу, где сидел Олег с книгой. Я сидел на своей койке и готовился к отъезду. Я посмотрел на них, они сидят и о чём-то вполголоса разговаривают. По этому поводу у меня мелькнула мысль, не с просьбой ли какой пришёл Виктор, раз он обратился именно к Олегу. А в нашей комнате установился такой порядок, если надо было принимать какое важное решение, «важное» разумеется, по нашим меркам, то обязательно советовались с Олегом. Он у нас был как бы за старшего брата в комнате, и об этом во всей школе знали, если надо было решить какой-то вопрос, связанный с коллективом нашей комнаты то сначала обращались к Олегу. Вот и сейчас Виктор сидит, и о чём-то толкует с Олегом. Ну, думаю, разговаривают и пусть себе разговаривают, меня это не касается, они люди взрослые сами разберутся. А нет, без меня не разобрались. Слышу голос Олега, он зовёт меня к ним. Я подхожу, и Олег мне говорит: «Слушай, Сеня, Виктору надо помочь отштукатурить дом, ты как-то говорил, что умеешь это делать, если у тебя есть время, то помоги ему». Я подумал, что, торопиться мне не куда, до уборки зерновых ещё далеко так почему не заработать, а на заработанные деньги и оденусь. Но надо сделать так, что бы не пролететь с деньгами, а то будет, как с братьями Лёвиными. Я сел рядом с Олегом на скамейку и говорю ему: «В общем, время у меня есть, и торопиться мне некуда, я согласен сделать работу, только все нюансы надо обсудить здесь, на месте. Если мы договоримся, то тогда за дело, ну а если нет, то сами понимаете. Олег как ты смотришь на моё мнение?» Олег сначала посмотрел на меня, затем на Виктора, а затем сказал: «Если так, то давайте обговорим общие условия нашего договора, а затем всё остальное, такое как объём работ, цена и общую стоимость. Виктор, ты человек взрослый и то, что я сейчас скажу, для тебя будет понятно. Значит так, в нашей комнате заведено такое правило, если, парней нашей комнаты куда-то зовут на работу, копать ямы под столбы или укладывать телефонный кабель, то они советуются со мной, после этого я зондирую почву этой работы, а затем даю или не даю добро на работу. Если я им

разрешаю делать эту работу, то я, за это несу ответственность, как за исполнение работы, так и за расчёт с парнями работодателя. Если что пойдёт не так, то я разберусь. Пойми меня Виктор правильно, я тебя не пугаю, ты не пацан чтобы тебя пугать, но я хочу, чтобы всё было, так, как мы здесь договоримся. Ну как, ты согласен с тем, что я тебе сказал?» — «С общими правилами я согласен, но давайте обговорим объём работы и стоимость выполненных работ». Обговаривали долго, наверное, больше часа, затронули все аспекты и нюансы. Какой объём работы, цену квадратного метра штукатурки, кто будет строить леса, сколько будет помощников, где я на период работы буду жить, как я буду питаться, и главное, сколько я получу денег, с учётом проживания и питания. Всё, что мы обговаривали, Олег аккуратно записал в ученическую тетрадь и обозвал это договором. Затем мы в этой тетради, под договором, все трое подписались. После этого, как и положено пожали друг другу руки, и Олег у Виктора спросил: «Сеню ты, когда к себе забираешь?» На что Виктор ответил: «Да если он готов со мной идти, то сейчас и забираю». Идти я был готов, только надо было подхватить свои вещички. А что мне не идти, условия хорошие, трёхразовое хорошее питание, хорошее, разумеется, по тому времени. Нормальные условия проживания, работать, как и положено по закону, восемь часов, а дальше по желанию мастера, а мастер как вы думаете кто? Да я же и мастер. А главное я вам не сказал, что за сделанную работу, кроме всего прочего, я заработаю 800 рублей. Если всё так получится, то я ещё и приоденусь. Я Олегу сказал, что готов идти. Он подошёл ко мне и на прощанье мне сказал: «Вот, Сеня, возьми эту тетрадь, в ней важный документ, храни его и ориентируйся по нему, через недельку я к вам заскочу, адрес Виктора у меня есть. Так что прощаться не буду, а скажу до свиданья, давай идите». Я попрощался с ребятами, и ещё раз пожал руку Олегу, и мы с Виктором отправились к нему домой. Идти было далеко, мы шли как раз мимо рынка, когда подошли к рынку, я Виктору говорю: «Послушай, Виктор, если у тебя сейчас есть деньги, то давай сразу зайдём на базар и купим всё необходимое, чтобы завтра не терять время на это». У Виктора были деньги, и он согласился зайти и купить, что надо для штукатурных работ.

Закупили весь необходимый инструмент, пошагали дальше, идти было далеко, городской транспорт тогда хоть и ходил, но не по расписанию и очень редко. Шли молча, каждый думал о своём, я думал о том как у меня будет на новом месте, а ещё я подумал что хорошо, что Олег будет в Степном, и навестит меня, всё-таки я не один буду в этом городе и от того мне на душе стало теплее.

Пришли домой к Виктору домой уже к вечеру, зашли во двор, в нём стояло два дома, один старый деревянный, где жил Виктор с мамой и сестрой. А, другой новый из белого камня известняка, в наших краях его много, говорят на этом месте, где мы живём, было раньше море, вот оно нам и приготовило такой камень. Новый дом довольно большой, и внешне был какой-то обшарпанный, видны сколы камня, какие-то пустоты в стенах, одним словом, сложен он был некачественно, вот его то я и должен привести в божеский вид. Инструмент занесли и положили в новый дом, всё положили в углу у стенки, а ковшик, для набивки потолка алебастром я взял с собой, это такая нежная вещь, что на нем можно легко сделать вмятину, и тогда он для работы уже не годится. Мне об этом рассказывал Иван Лёвин, кстати, он свой ковшик носил в сумке, бывало, работу заканчивает, ковшик вымывает и кладёт в свою хозяйственную сумку и меня учил так обращаться с этим инструментом. Кстати говоря, этот ковшик мы очень долго искали на базаре, Виктор предлагал уйти домой, а позже придём и тогда купим, но я ему сказал что, ковшик мне нужен будет сразу, так как я начну работу с потолка. Виктор со мной согласился и тогда мы пошли по базару по второму или третьему кругу я уже и не помню. Ходили, ходили по базару и всё-таки нашли ковшик, его продавала женщина, сказала нам, что муж с войны не вернулся, вот и приходится продавать весь инструмент, которым он зарабатывал на жизнь. Она говорит: «Вот этот ковшик не хотела брать на базар, думаю, кому он нужен, я даже не знаю, что им можно делать, для кухни он не годится, а так, что им можно ещё делать?» Я ей вкратце рассказал, для чего нужен этот ковшик, а ещё её поблагодарил за то, что она его принесла на базар, и ещё объяснил ей, что нам, мастерам-штукатурам, без этого ковшика ну никак нельзя. Тогда в Степном на базаре можно найти было всё, что тебе угодно, в магазинах такого множества товара не было, а на базаре, пожалуйста, только плати, а всё стоило не дёшево. Я хотел купить наручные часы, ходил, приценивался, в основном продавали часы немецкие и притом карманные, но они были дорогие, как говорится не по моему карману. Так я и не купил часы, и мы с Виктором ушли домой. Ходим, с Виктором вокруг дома осматриваем его, Виктор мне говорит: «Это сделать надо, вот это надо сделать» и так далее, а я с ним соглашаюсь, а сам думаю, но когда же ты меня будешь кормить, я давно чувствую, что очень хочу есть, ведь я утром как поел баланду в нашей столовой, так ничего и не ел. Обедом нас кормить и не собирались, выдали стипендию и езжайте по домам. Но мне уехать не получилось, может оно и к лучшему, одним словом

время покажет, а пока не плохо бы и покушать.

Виктор, наверное, телепат, услышал мои мысли и говорит: «Сеня, пойдём сначала пообедаем, или, скорее всего, поужинаем, а потом будем устраиваться». Против такого предложения я, разумеется, был не против, еда это святое. Пошли в дом, где проживал Виктор и его родные, мама Нина Степановна и сестра Ира. Они нас встретили на веранде, Виктор представил их мне, а затем меня им, познакомились и пошли в дом. В доме уже был накрыт стол, не очень богато, но по тем временам приличный, надо сказать, что Виктор выполнял договорные отношения и в дальнейшем кормили меня хорошо. За ужином мы с Виктором были голодные и поедали всё, что Нина Степановна к нам ни подвинет, Хозяйка дома тоже неспешно ела, только Ира сидела и жеманилась, то ли она есть не хотела, то ли ей при мне было неудобно. Но нам с Виктором в этом разбираться было некогда и поэтому мы на неё не обращали внимания. Только когда пили калмыцкий чай, Виктор на сестрёнку обратил внимание и спросил её: «Ира, а ты почему чай не пьёшь?» Мать за неё ответила: «Да она не только чай не пьёт, она сегодня ничего и не ест» — «А что случилось?» — спросил Виктор. «Да она со своим женихом поссорилась», — сказала мама. «Ну, мам, ничего я с ним не ссорилась, просто я за него переживаю, ему постоянно не везёт, нигде, его не понимают на работе. На какую работу не устроится, дня три поработает и увольняется, прям беда какая-то, что за начальство пошло», — с возмущением сказала Ира. Виктор как-то напрягся, по нему видно было, что этот вопрос давно не разрешим в их семье, затем он спросил у Иры: «А чем последнее время он занимался?» — «Да канаву копал, под какой-то кабель, три дня поработал, а сегодня уволился и мне сообщил, что он сильно ругал тамошнее начальство, говорит какие-то дубы сидят в кабинетах. А Паша человек такой, если его не понимают, то он с ними дела иметь не будет, вот он от них и уволился».

По поведению Виктора было видно, что этот Паша у него сидит в печёнках, и он в сердцах сказал: «Да долбан твой Паша, он настоящий тунеядец, мужику 26 лет, а он не имеет никакой профессии, и главное нигде, не может работать, видите ли, его там не понимают. А ты мне, сестрёнка, скажи, кто он такой, чтобы его понимали, что он великий мастер своего дела, или инженер какой, он никто просто ноль, разъел рожу и ходит, баклуши бьёт, а ты за него страдаешь. Семён, я знаю, ты копал канавы под кабель, расскажи Ире, есть ли там сложности, расскажи ей, она же о той работе ничего не знает, может ты, её просветишь» — «Я не знаю, как другие, а для меня эта работа в смысле мышления была самая простая, правда очень трудоёмкая. Там всё делается так,

приходишь на объект, мастер даёт задание, объясняет ширину и глубину траншеи, и цену за погонный метр и вперёд, хоть до телефонной станции, а до неё метров 500. Вечером мастер приходит и принимает работу, сколько метров выкопал, перемножил на цену одного метра вот твой заработок. Но повторяюсь, работа очень тяжёлая, не смотря на мою прошлую физическую закалку, я первое время за смену делал три метра, потом втянулся и свободно делал четыре метра. Вот ты, Ира, говоришь, что его в кабинетах не понимают, а зачем он туда ходил, лично я не знаю где они и находятся, мастер нам давал задание он с нами и рассчитывался, вот и всё. Так что сложностей там никаких нет». Как только я закончил говорить, снова заговорил Виктор: «Послушай, сестрёнка, для меня твоя судьба небезразлична, поэтому я прошу тебя, одумайся, найди себе такого парня, чтобы он имел профессию, неважно какую, но чтобы он в будущем сумел обеспечить вашу семью, а иначе, сама понимаешь, у вас ничего не выйдет. Ведь в городе есть же такие парни. Ты вот посмотри на Сеню, ему только восемнадцать лет, а он уже имеет три профессии, понимаешь три, вот такой человек как он нигде не пропадёт и свою семью всегда обеспечит. Так что думай». Я не знаю, что имел виду Виктор, но Ира, это поняла по-своему. После длинного монолога Виктора, наступила тишина, Виктор молчал, я тем более, Нина Степановна только вздыхала, а Ира встала и ушла, как я понял, в свою комнату. Виктор не стал её останавливать, а мне говорит: «Пойдём Сеня, будем определяться на ночлег. Выбирай, где будешь спать или со мной в комнате или на веранде. Там стоит кровать и есть постель, так что слово за тобой». Я выбрал веранду, здесь мне будет удобней, да и не буду толкаться среди них в комнате. А что, ночи уже тёплые, да и одеяло есть, так что пусть будет веранда. На этом мы с Виктором расстались до утра. Кровать на веранде оказалась довольно широкой, я попробовал матрас на упругость он оказался жёсткий, значит, внизу на кровати лежат доски, а на них матрас. Это даже хорошо, что постель жёсткая я с детства привык спать на жёсткой постели. Разделся и лёг в кровать, после напряжённого дня приятно растянуться на постели. Лежу, думаю, а что, на новом месте меня приняли хорошо, накормили, напоили, теперь только знай, работай. Вот с такими мыслями я не заметно уснул. Проснулся я, от какого-то непонятного звука, лежу не шевелюсь, думаю, что за звуки в их доме. Прислушался, вроде как всхлипывание, я приподнялся и в свете луны увидел Иру, которая сидела на ступеньке веранды и негромко плакала. Я точную причину её плача, не знал но, думаю, что она обиделась на Виктора, затем я подумал, а может у неё другая мысль, и она её

выражает плачем. Но для себя решил, что вмешиваться я в их дела не буду, пусть они сами разбираются, лежу, тихо не шевелясь, чтобы Ира подумала, что я сплю. Лежу, жду, когда Ира перестанет хныкать и пойдёт в дом спать. Но у Иры на уме видать было другое, она перестала хныкать, поднялась со ступеньки и идёт к моей кровати. Я её прекрасно вижу, так как она на свету, а она меня не видит, так как я лежу в тени от лунного света. Думаю, интересное дело, что же Ира от меня хочет. А Ира, подошла ко мне и тихонько спрашивает меня: «Сеня, ты спишь?» Я решил, что хватит играть в шпиона, и Ире отвечаю: «Не сплю, Ира, а что случилось, почему ты плачешь?» Ира ещё сильней захныкала села ко мне на кровать, и говорит мне: «Сеня, меня в семье никто не понимает, только кричат на меня, а я хочу, чтобы меня пожалели, Сеня, хоть ты меня пожалей, а то я ни от мамы, ни от брата жалости не дождусь». Я думаю, ну а почему девушку не пожалеть, что от меня за это убудет, конечно не убудет а ей будет приятно. И я начал её жалеть. Сначала я гладил её по руке и говорил ей ласковые слова, затем потянулся рукой к голове, глажу и говорю: «Какая ты хорошая, я, сколько живу в городе Степном, такой красивой девушки, как ты, Ира, не видел». Тут она перестала хныкать и деловым тоном говорит мне: «Сеня, давай я лягу к тебе в постель, чтобы тебе было удобней меня жалеть». И не дожидаясь моего согласия, сняла платье, повесила его на спинку стула и прямо нырнула, ко мне под одеяло. А что, думаю, и правильно, она сделала, что легла ко мне в постель, почему она должна у меня спрашивать согласия, кровать-то их. Ира была права, как только она легла в постель, прижалась ко мне, и мне стало удобнее её жалеть. Она уткнулась своим лицом мне в шею и что-то там шептала, а я её жалел и жалел. Сколько это продолжалось, я точно не знаю, зато знали петухи и они прокукарекали, как бы говоря нам, что вам, голубки, пора расставаться. Я говорю Ире: «Ира, уже запели первые петухи, иди к себе в комнату, а то неудобно будет, если нас застанут вместе». Ира согласилась, только попросила меня пожалеть её ещё разочек. Я не стал её заставлять меня просить дважды, а что думаю, от меня же не убудет, если я выполню её просьбу. После этого Ира встала, взяла своё платье, которое висело на спинке стула, и ушла в дом. После первых петухов я успел поспать до вторых, они пропели в районе семи часов утра, и я решил вставать. Встал, оделся в комбинезон, в тот, что носил в школе механизации, те же ботинки, а на голову надел свою коричневую кепку, она у меня уже старая и немного износилась, вот я её и решил носить на работе. Пошёл к кадушке с водой и помыл лицо из неё. Условия, конечно, спартанские, но я к таким условиям

привык. Затем пошёл на свой теперь рабочий объект и начал готовить фронт работ, затаскивать в строительный дом, доски и подставки что бы настелить помост. Через некоторое время приходит Ира и зовёт меня на завтрак. Она идёт со мной, взяла меня под ручку как своего милого человека. Шла рядом со мной и, не переставая говорила о том что, как хорошо, что я у них буду жить. А ещё она строила планы на сегодняшний вечер и ночь. Мне, конечно, было приятно, что такая симпатичная девушка уделяет мне внимание, но чем всё это кончится, я пока не знаю. За столом Ира была полная противоположность вчерашней. Вчера она сидела бука-букой, а сегодня смеялась, шутила и во всём помогала маме. Сначала этой перемены как будто бы не замечали, собравшиеся за столом молча ели, только Ира что-нибудь, да говорила. Когда закончили завтракать, Виктор говорит Ире: «Ира, что-то я тебя сегодня не узнаю, вчера ты была совсем другая, сидела за столом надутая и ни с кем не разговаривала, а сегодня ты весёлая и счастливая. Что с тобой случилось?» На что Ира ему сказала: «Витя, тебе не угодишь, то тебе не нравится, что я грустная, а теперь тебе не нравится, что я весёлая, так какой мне быть, чтобы тебе нравиться?» — «Да нет, наоборот, ты мне сегодня нравишься, я хотел бы, чтобы ты такой весёлой и счастливой была всегда. Но насколько твоего веселья хватит, я не знаю». Они между собой разговаривают, а я думаю, ну всё сейчас до меня доберутся. Думаю, что Ира может такое ляпнуть, что у меня уши в трубочку свернуться. Естественно, у меня по этому поводу началось волнение, я просто не знал, как себя в данном случае вести. Но Ира хоть и намекнула на наши отношения, но в подробности не вдавалась. Ну, слава Богу, думаю, пронесло. После завтрака все пошли на работы, Нина Степановна в больницу, там она работала медсестрой, Ира в магазин, где она работала продавцом, а мы с Виктором на свой фронт работы. Практически полдня ушло на подготовку к работе, готовили настил, притащили корыто ближе к куче песка ну и так далее. Затем я начал учить Виктора как замешивать раствор, наука эта несложная и он к концу дня уже сам делал раствор. Дом я штукатурить начал изнутри, сначала решил вспомнить навыки работы по штукатурке и поэтому начал отделывать стену. Первое время получалось плохо, за восемь месяцев руки отвыкли, и требовалось время, пока они снова освоят это мастерство. К концу дня всё стало входить в норму, мои руки вспомнили технику наброски раствора на стену, а уже в самом конце смены я попробовал набивать алебастром потолок. С потолком пока были сложности, но я думаю, со временем и это освою. Первую неделю работалось тяжело, тело моё отвыкло от больших нагрузок, и

поэтому всё болело. У Виктора было тоже самое, хотя мы в обед и отдыхали по часу, но всё ровно было нелегко. Но со временем организм привык к таким нагрузкам и всё пошло нормально. Работаю я уже больше двух недель, всё идёт нормально, в работу я втянулся, теперь мы с Виктором работаем не по восемь часов, а по девять, а иногда и одиннадцать, в зависимости от состояния организма. Вот и сегодня я работаю, а сам думаю об Олеге, обещал заглянуть через недельку, а прошло уже две недели, а он так и не показался. Может, что случилось, он собирался поехать к матери в Саратовскую область, может у неё задержался. Если честно, то я к нему как-то привязался, здесь в Степном мне не хватало такого человека: умного, смелого, благородного. Да что я, мы всей комнатой к нему привязались, но куда он теперь девался, прямо не знаю. 17 мая я закончил внутреннюю отделку дома, позвал Виктора и говорю ему: «Виктор, принимай работу, если всё, так как надо, то, согласно нашего договора, ты мне должен выплатить половину стоимости дома, то есть 400 рублей». Виктор не стал ничего смотреть, а что ему смотреть он и так каждый день видит, что и как, и поэтому позвал меня с собой в дом. Получив деньги, думаю, завтра схожу на базар и куплю себе кепку, а то Ира приглашает меня пойти в кино, а у меня нет кепки, а без кепки никак нельзя, иначе, посчитают тебя за чувака, тогда все поголовно ходили в кепках или в военных фуражках, разумеется, когда не холодно. Хожу по базару подбираю себе кепку, надо, что бы она подходила по размеру и, разумеется, по цене. На чёрные кепки я даже не смотрел они очень дорогие, коричневые тоже недешёвые, и я стал присматриваться к кепкам светлого цвета и купил совершенно новую кепку, восьмиклинку стального цвета. Когда я рассчитывался за покупку, мне на плечо кто-то положил руку, я повернулся и глазам своим не поверил, передо мной стоял Олег. Радости моей не было предела, я чуть не бросился с ним обниматься, но зная нрав Олега, удержался. Он рассказал мне, почему не выполнил своё обещание, как я и думал, он задержался у матери, к которой ездил на побывку. Затем он расспросил как у меня дела, я ему сказал, что всё идёт, как мы и договорились. В это время к нам подошла молодая, довольно симпатичная женщина и начала показывать Олегу, что она купила. Оказывается, это была его жена, он меня с ней познакомил, и она настойчиво меня приглашала прийти к ним в гости. Но я сказал, что не смогу, так как у меня очень много работы. Хотя если честно, не работа была этому причина, а то, что я к Олегу относился с глубоким уважением, как к старшему товарищу, чуть ли не моему начальнику. Поэтому я не мог себе позволить сидеть у него дома и распивать чаи, это было бы

похоже на панибратство, а этого, по отношению к Олегу я допустить не мог. Проработал я у Виктора больше, чем предполагал, хотел закончить к 25 мая, а сдал объект только 2-го июня, уж больно некачественно были сложены стены и поэтому объём работы увеличился в разы. Но когда всё было сделано, Виктор со мной рассчитался. В этот же день я сходил на базар, купил себе хорошую одёжку, вечером сделали прощальный ужин, а на другой день утром, я попрощался с хозяевами, и пошёл на автостанцию, чтобы на автобусе отправится в село Дивное, а оттуда в совхоз № 4, на место работы. Вы, наверное, спросите, а что с Ирой? Отвечу, а с Ирой ничего, девушка она оказалась экстравагантной и дружба со мной ей быстро надоела, ей хотелось чего-то нового. Про неё Нина Степановна говорила, что она вся в своего папашу, тот на ходу подмётки рвал, ему всё быстро надоедало, вот и она в него пошла. Если честно, то, что мы с Ирой расстались до моего отъезда мне даже лучше, ни Нина Степановна, ни Виктор претензий ко мне не имели, и я этому был рад. В заключение темы о школе механизации и городе Степном хочу сказать. То зачем я сюда приехал в город Степной, я выполнил до конца, даже больше чем предполагалось, чему я рад. На деньги, которые заработал, я приоделся, а часть денег у меня осталось на обустройство на новом месте.

Я — ПОМОЩНИК КОМБАЙНЁРА

До совхоза, в котором мы с братьями Лёвиными строили школу, я добирался, так же как и город Степной только в обратном направлении и более комфортабельно, то есть на автобусах. Правда, автобусы были старенькие и вся пыль, которая была на дороге, она же была и в салоне автобуса, но это не помешало мне добраться до совхоза. Прибыл я на место своего нового жительства уже вечером, контора была закрыта, и я прямиком направился к Рите, которая меня отправляла в школу механизации, и к её маме Татьяне Ивановне. Встретили меня нормально, не с восхищением, но и не с враждебностью, в их взглядах больше было удивления и любопытства, их взгляд говорил: «И откуда ты такой взялся?» Одним словом не выгнали, а приняли на квартиру с довольствием, деньги на питание за месяц я сразу отдал Рите, чтобы не было никаких разговоров. На второй день, я вымытый и приодетый в вещи, купленные на рынке в городе Степном, белую рубашку, чёрные брюки полуклёш, тогда в моде были брюки клёш, не знаю с чем это связано в наших степях и вдруг клёш. Но их носили поголовно, и каждый старался подчеркнуть, что у него клёш шире, чем у других. Доходило до того, что брюки шили, такой ширины, что они больше походили на юбку чем на брюки. Позже, вначале восьмидесятых, эта мода снова вернулась, но не в таком искаженном виде. На мне ещё были надеты чёрные туфли, пожалуй, мои первые туфли в жизни. А ещё на мне был полушерстяной пиджак тёмносинего цвета, со светло-коричневой полоской, и кепка, восьмиклинка серого цвета не совсем модна, но я под блатных и не косил. Вот в таком одеянии я с Татьяной Ивановной и Ритой отправился в контору совхоза. Вообще, если правильно, то это была дирекция совхоза, но все её называли, по старинке, контора. Шли по улице, встречные люди здоровались, хотя они здоровались, может и не со мной, но я тоже в ответ приветствиям кивал головой, а как же, возможно со мной тоже здоровались. Одна из соседок, стоящая у калитки своего двора спросила у Татьяны Ивановны, что за парень идёт с вами? Наш квартирант, Сеня, коротко ответила Татьяна Ивановна. Соседка не успокаивалась и ещё спросила: «А это не тот Сеня, который у нас школу строил, уж больно он на него похож?» — «Тот самый, ответила Татьяна Ивановна, только он теперь не строитель, а комбайнёр» — «Господи как быстро всё меняется», — удивлённо то ли сказала, то ли вслух подумала соседка. Директор совхоз был не менее удивлён моему появлению чем Татьяна Ивановна и её дочь Рита, но раз приехал, то надо

определять на работу. Определили меня в бригаду механизаторов, директор так и сказал: «До уборки, будешь работать в бригаде механизаторов, а как начнётся уборка, то будешь работать помощником комбайнёра у Валентины Ивановны. Потому, как я думаю, комбайн тебе пока доверять рано, годик поработаешь в помощниках, а там видно будет. Беда ещё в том, что у нас комбайнов всего два, а так бы я тебе его доверил. Раз ты к нам приехал, как специалист то зарплату будешь получать, как и все механизаторы, а когда начнётся уборочная, то там оплата за труд будет сдельная. Так что давай работай. Я сейчас напишу записку механику, он у нас там командует, и ты с запиской, иди на тракторный двор, у нас его ещё называют база механизации. Так вот иди к нему, а он там тебя определит. Хорошо?» Я в знак согласия кивнул головой, взял записку и пошёл. Идя к механику, я решил посмотреть, что же там, в записке написано, а как же, это же касается меня. Читаю записку.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Степан Николаевич, направляю к тебе парня, Чухлебова, он специалист, комбайнёр. Уборочною страду, будет работать помощником у Котко В. И., а пока пусть работает как все механизаторы бригады. Оклад ему установлен, как и всем механизаторам. Документы все при нём. Дата и роспись. Ну, правильно, подумал я, как говорил, так и написал, а то ведь бывает и наоборот, но в данном случае всё правильно. Идти до тракторной бригады было далеко, и у меня было время подумать. Вот я и думаю. Интересно, почему директор меня не спросил, где это я целый месяц проболтался, ведь он прекрасно видел в моём аттестате, что я окончил школу 27 апреля, а в совхозе появился только 3-го июня. Получается, что они меня тут и не ждали, а я волновался, что опоздаю, и за это, мне попадёт по первое число. По этому поводу я сказал сам себе: «Эх, Сеня, учиться тебе жизни надо и крепко учиться». Механика я встретил во дворе тракторной бригады, он прочитал мою записку и коротко сказал: «Пойдём». Зашли в конторку, там за столом сидела женщина с кипой папок на столе, механик отдал ей записку и мои документы: паспорт и аттестат, и сказал: «На, оформляй, специалисты нам нужны». Ну, думаю хорошо, что хоть здесь я нужен. После оформления, Степан Иванович познакомил меня с членами коллектива, их было немного человек восемь, возможно здесь были не все механизаторы, на полях уже полным ходом шла работа, и часть людей была там. Механик определил меня в бригаду Дмитриева Бориса, как его по отчеству я так и не знал, все его звали просто Борис, наверное, потому что он был ещё молодой мужчина. Борис меня сразу спросил: «А тебе робу выдали?» — «Нет, говорю, ничего мне не выдавали» — «Пойдём», — коротко сказал он.

Мы снова вернулись в ту же конторку, из которой я только что вышел. Борис с порога спросил у женщины: «Зина, а почему ты парню накладную на робу не выписала?» — «Так никто не сказал, вот и не выписала». Как бы извиняясь, ответила она. Борис подошёл к ней ближе и говорит: «Считай, я тебе сказал». Зина наклонилась над столом и начала писать требование на получение спецодежды. Борис взял у Зины готовое требование, и мы отправились на склад за робой. Там я подобрал по своему росту комбинезон и ботинки, и мы с Борисом пошли в раздевалку. В раздевалке он показал мне шкафчик и сказал: «С сегодняшнего дня этот шкафчик будет твоим. На сегодня всё, а завтра к восьми часам на работу, теперь ты наш полноценный

работник». На этом с Борисом мы расстались, а на другой день завертелось, с восьми и до семнадцати, иногда по необходимости приходилось работать дольше. Но для меня это была не проблема, все равно мне после работы торопиться было не куда. Работы я не боялся, мне даже нравилось работать, я с удовольствием помогал товарищам по ремеслу, за что меня Борис ценил и ставил в пример другим. Правда были и такие, которые отлынивали от работы то, за глаза говорили: «Пусть Сеня работает, дурака работа любит, а мы лучше полежим на солнышке». Но я на это не обращал внимания, как работал, так и продолжал делать. Трудно мне было в выходные, я не знал, куда себя девать, по дому работы практически никакой не было, стандартный совхозный домик, огорода как такового у моих хозяев не было, летом готовили на электрической плитке, так что и дрова не нужны были, поэтому я целыми днями маялся. Перечитал все Ритины книги, но этого мне было мало, записался в библиотеку, там я был самым активным читателем. Иногда приходил с утра и читал там до обеда, пойду в столовую пообедаю и снова в библиотеку. В выходные особенно трудно для меня было вечером. Пойти не куда посёлок я знал вдоль и поперёк, а за посёлком поля и степь, правда, иногда спасало радио, по нему были хорошие передачи. О телевизоре тогда никто толком и не знал, слышали, что такое есть, где-то заграницей, а у нас не было. А вот радио, да по нему иногда были очень интересные передачи. Сейчас расскажу об одной такой. Пришёл домой, хозяева закрылись в своей комнате, я лёг на раскладушку, и думаю, куда бы сходить, и в этот момент слышу по радио объявление, что сейчас будет передача постановки «Свадьба с приданным». Я прослушал эту постановку от начала до конца, она мне очень понравилась, думаю вот где настоящая колхозная жизнь, люди бьются за урожаи, борются с заморозками, а агроном, какой умный учёный, всё знает и подсказывает колхозникам, как бороться за урожай зерновых. А любовь двух главных героев чего значит, и как они прекрасно пели:

Я люблю тебя так.
Что не сможешь никак.
— Ты меня никогда,
никогда разлюбить.

Прослушал постановку, я лежу на раскладушке, заложив руки за голову и под её впечатлением думаю. Вот у них в колхозе настоящая жизнь, эх, как я им завидую, конечно, по — доброму завидую. Гораздо позже, я своё отношение к этой постановке

сильно изменил, но главная артистка Вера Васильева мне нравилась тогда, нравится и сейчас, не смотря на годы. Веру Васильеву я видел и в жизни. Когда я служил в армии, к нам приезжали артисты и показывали эту самую постановку, и там была Вера Васильева. Помню, после концерта, мы, солдаты в казарме, осуждали сам концерт, и почти все кто открыто, кто не очень, но признались в любви к этой замечательной женщине. Но вернёмся к раскладушке, на которой я лежал. Я на ней лежал и думал, вот у людей любовь, а что у меня. Встречался с хозяйской дочерью Таней, которая вернулась из учёбы в городе Ставрополе. Ну и что? Она мне заявила, что ей нужен настоящий мужик, чтобы после этого он на ней женился. Помню, я тогда её спросил: «Скажи, зачем тебе нужен не парень, а мужик, и после чего он на тебе должен жениться?» Тогда она на меня посмотрела и сказала: «Мне девятнадцать лет, и я хочу замуж, а ты для этого ещё молодой, вот тебе и весь сказ. Прощай». Повернулась и ушла.

С тех пор у меня девушки нет, даже в кино не с кем сходить. Полежал немного на раскладушке, не спится, да ещё и рано, хозяйка с дочерями закрылась в своей комнате, я поднялся и решил сходить к своему товарищу Вадиму. Я его знаю ещё с тех пор, когда он приехал с Иваном Лёвиным, чтобы на фасаде написать, слово «ШКОЛА». А теперь он во дворце культуры делает всякие подделки из гипса для украшения дворца. Там же у него была и мастерская, и он в ней же и жил. Зашёл к Вадиму, поздоровался, он увидел моё невесёлое настроение и спросил: «Что такой грустный? Вроде сегодня выходной и надо радоваться, а ты такой грустный». Я ему вкратце рассказал, в чём дело, он меня выслушал и сказал: «Об этом ты, Сеня, сильно не грусти, может это и хорошо, что вы расстались». Я удивлённо поднял на него глаза. И подумал, у меня, понимаешь, трагедия, а он говорит хорошо. Ну, Вадим и даёт. А Вадим, как будто слышал мои мысли и продолжает говорить: «Понимаешь, Сеня, на эти вещи надо смотреть из разных точек зрения. Что тебе она нравится, это одно, а сколько ты месяцев с ней встречаешься? Два месяца в год, а остальные десять, чем она занимается, ты знаешь? Вижу, по тебе не знаешь. Ты думаешь, она там учит уроки и ждёт с тобой встречи? Нет, дорогой, это совсем не так. Я когда в Ставрополе украшал здание кинотеатра, а рядом был ресторан, так я насмотрелся на этих провинциальных девушек студенток. В ресторан они заходят на своих ногах, а из ресторана их мужики тащат на руках, в такси и поехали. Я не говорю, что все студентки такие, но как Татьяна ведёт себя здесь, в посёлке, то думаю, что там ей ничего не мешает вести себя ещё круче. Тогда ты мне скажи, зачем тебе такая подруга? Да лучше ни какой подруги не

иметь, чем такую девушку, не путёвую». Я подумал, что, в общем, Вадим прав, он человек взрослый и все видит в другом ракурсе, чем я. Хоть у меня ещё и сосет под ложечкой, но это пока, скоро, я думаю, пройдёт. Вдруг слышу голос Вадима: «Слушай, Сеня, ко мне заходил Володя-кузнец, он собирает футбольную команду, хотел меня записать, да какой из меня футболист, а вот тебе обязательно надо записаться. Понимаешь, футбол отберёт у тебя твоё свободное время, и отвлечёт тебя от дурацких мыслей, да и играть будут там молодёжь, товарища себе найдёшь, а то я вижу тебе, кроме меня, и поговорить не с кем». Это, правда, кроме Вадима во всём посёлке у меня товарищей не было, так что надо идти в футбол. На следующий день было воскресенье, я пошёл на стадион, который был прямо на выгоне, где иногда паслись коровы и козы. Он находился недалеко от школы, которую я строил. На стадионе был Володя-кузнец, а теперь он для меня тренер, и несколько футболистов, в спортивных трусах и майках с номерами. Я Володю уже знал, несколько раз заходил в кузницу по делам. Сейчас подошёл к нему и сказал, что хочу научиться играть в футбол, он, этому событию даже обрадовался, в этот же день я получил футбольную форму, и с этого дня после работы я шёл на стадион. Тренировки команды были не каждый день, но там вечером мяч постоянно гоняли мальчишки вот и я к ним прибился. Теперь у меня так, день на работе, а вечером я был занят футболом. Набегавшись на стадионе, я приходил на квартиру, мылся, затем поем чего-нибудь, обычно это были макароны или лапша, без мяса, если было мясо, то считай праздник, ложился на раскладушку и читал, пока не засну. На другой день то же самое. И так изо дня в день, пока не началась уборка зерновых.

ВОЛОДЯ-КУЗНЕЦ — ФОКУСНИК

Как-то в субботу я прихожу на тренировку, а на стадионе никого нет, хотя тренировка по футболу по графику должна быть. Смотрю на кузницу, её было видно со стадиона, а там из трубы идёт дым, значит, кузница работает, и Володя там. Прихожу в кузницу, действительно Володя со своим помощником, тоже футболистом, что-то куют. На моё возмущение почему? Володя объяснил, что поступил срочный заказ, и его надо сделать именно сегодня, поэтому тренировка отменена, так что, сам понимаешь. Мне было идти некуда, и я остался в кузнеце. Смотрел, как работают кузнецы, и что они делают. Смотрел, смотрел, уже надоело, решил пойти на квартиру, там оставить футбольную форму, и пойти в клуб поиграть в бильярд, как-то же надо убить время до ночи. Только поднялся уходить, как Володя меня остановил и говорит: «Сеня, давай поспорим, ты раскалишь в горне металлический стержень, до степени нагрева, какой ты хочешь, а я его буду лизать языком. За каждый лизок ты мне ставишь сто граммов водки. Идёт?» У меня в голове быстро забегали шарики, сможет-не сможет, всё-таки металл раскалённый и язык можно обжечь. Но раз он предлагает, то знает, какую-то тайну этого фокуса, а может и не знает, просто берёт меня на испуг. Прикидывал я и так и этак, но все же мой молодой разум решил, что ничего Володя не сможет, просто решил надо мной подшутить, а я возьми и согласись: «А давай, — говорю ему, — по смотрим какой ты герой».

И представление началось. Я, раздул меха, выбрал увесистый металлический стержень, положил его в угли и начал нагревать. Думаю надо нагреть так, чтобы стержень был сильно красный и даже белый, тогда Володя побоится к нему даже прикоснуться не то, что лизать. Володя сидит с помощником ждут, а я нагреваю стержень. Вытащил, посмотрел, нет, думаю, маловато будет, металл ещё не белый. Снова затолкал его в угли и раздул меха. Смотрю, стержень становится все краснее и краснее и вот он раскалился добела, ну, думаю, теперь самый раз, посмотрю, как у кузнеца язык поджарится: «Всё, — говорю, — готово, Володя, давай посмотрим, как ты справишься с этой железкой». Володя взял из моих рук раскалённый стержень, зачем-то осмотрел его со всех сторон, потом пожевал во рту свой язык и начал лизать раскалённый метал. Лизнул один раз, опять пожевал свой язык, лизнул второй раз и снова тоже самое, в третий раз лизнул, и тут я ему говорю стоп» — «И это всё?» — удивлённо спросил Володя. «Нет, — говорю, — не всё, ты мне покажи, что ты там во рту

жуёшь, а то получается, что ты меня как бы обманываешь» — «Да не обманываю я тебя», — в свою очередь возмутился кузнец. Открыл рот и показал, что там кроме его языка ничего нет. «Ладно, — говорю, — давай дальше. Володя ещё два раза лизнул, раскалённый метал, и тут я сообразил, что он уже нализал на целую пол-литра и закричал: «Стоп, хватит, я и так уже тебе бутылку должен. Сейчас у меня денег нет, куплю с получки» — «Хорошо, — согласился Володя, — с получки так с получки».

Как он это делает, Володя мне не сказал, и я до сих пор не знаю, как у него такое получалось. Кстати, об этом фокусе кузнеца в посёлке все знали, и никто с ним не спорил, так он на удочку ловил только новичков вроде меня. К этому хочу добавить, что Володя, когда лизал раскалённый метал, не халтурил, а лизал языком «Лопатой» и при этом, язык его на раскалённом металле шкварчал. Так что всё было по-честному, и я с ним рассчитался по-честному. Под руководством Володи тренера, я мало-помалу научился играть в футбол, конечно, не так, как играют мастера, но всё же. До уборочной мы провели две игры, сначала поехали играть в село Раменское, что недалеко от нас и от города Степного. Игру там мы выиграли, но не в этом дело. А дело в том, что на обратном пути мы заехали покупаться на озеро Маныч-Гудило, это по нашим меркам огромный водоём, а для меня это вообще что- то непредсказуемое и непонятное. Сколько смотрят глаза, столько воды, такого я никогда не видел, в моей жизни это было впервые. Все футболисты и даже шофёр нашей машины полезли в озеро купаться, а я сижу зачарованный, смотрю на озеро и его далёкие берега. Ко мне подходит тренер Володя и спрашивает: «А ты почему Сеня не купаешься?» — «Да я плавать не умею», — отвечаю ему. На что тренер заметил: «А в этом озере и не надо плавать, глубина воды в нём по пояс, пойдём». И мы пошли, купался, я с упоением наслаждался купанием, в такой воде всё было интересно, ветер как раз дул в нашу сторону и волны с «барашками» накатывались на нас. Всё было интересно и необыкновенно. То своё состояние я помню до сих пор. Кстати, я нашего тренера постоянно называю Володей, дело в том, что в посёлке этого тридцатилетнего мужчину все называли Володей, ну и я так называл, так что пусть он меня извинит, что я не знаю его отчества.

Другая встреча, по футболу проходила в нашем совхозе, играли с сильной, по сельским меркам, разумеется, командой села Дивное. Там село большое, так что футболисты нашлись. Футбольный матч, для нашего посёлка мероприятие большое, собралось много народа, люди сидели на лавках, некоторые стояли вдоль футбольного поля, тем, кому места не хватило, а

мальчишки просто сидели на траве. Болельщики в ожиданиях не обманулись, игра проходила в обоюдно острых атаках, до конца игры оставались минута может полторы, мы вели со счётом 1:0, и если бы не моя находчивость, то мы бы победу упустили. Так в одночасье я стал героем матча и всего совхоза. После игры многие подходили и благодарили за находчивость и смелость.

А случилось вот что. Я играл в защите на правом краю, и перед игрой, да и вообще, тренер давал установку, что каждый защитник отвечает за свою «бровку». То есть, правый защитник за правый участок футбольного поля, левый защитник за левый участок поля и всё, что там на другом краю или в центре делается, вас не должно интересовать. Мне такая установка тоже была дана, вот и охранял свой рубеж, и охранял хорошо, с моего края не то, что удара по нашим воротам не было, даже прострела мяча не допускал, одним словом, молодец. И вот близится конец матча, судья показал один палец, сообщая всем присутствующим на стадионе, что до конца игры осталась одна минута.

И в этот момент все наши игроки ринулись к чужим воротам забить ещё один гол, так сказать победить без сомнения. У наших ворот остался только я и вратарь, Толик Кулагин, а все там толкутся, у чужих ворот. И вдруг мяч вылетает от ворот противника, его подхватывает их нападающий и несётся по центру к нашим воротам. Бежит один, никто ему уже помешать не может, кроме нашего вратаря, и меня, конечно, если получится. Обстановка у наших ворот нервная, вратарь не знает что делать, мечется в воротах туда-сюда, то выбежит вперёд, навстречу игроку противника, то снова вернётся назад. И так несколько раз. А нападающий противника, уверенный, что ему никто не помешает, легонько толкает мяч вперёд и сам за ним двигается. Я стою как на углях, не знаю что делать, здравый смысл мне подсказывает, что надо побежать и выбить мяч у этого злодея, но как побежать, ведь тогда я нарушу установку тренера, ведь он мне чётко сказал: «Держи свой «желобок», а остальное тебя не волнует». Как же не волнует, ведь нам сейчас забьют гол, и мы встречу не выиграем у такой сильной команды. И вратарь что-то молчит, мечется туда-сюда, а мне ничего не говорит. Что делать, что делать, бежать, не бежать, в моей голове творились черти что, и болельщики как назло все притихли, когда наши побежали на ворота противника, все болельщики орали, как сумасшедшие, а сейчас молчат, словно в рот воды набрали. Я мельком взглянул в сторону «трибун», и увидел, что одна из женщин закрыла лицо руками, чтобы не видеть гол в наши ворота, другая поднесла оба кулака к своему рту и, наверное, грызла их. А нападающий противника уже у нашей штрафной площадки ворот, ещё секунда

и он нанесёт удар по нашим воротам и прощай победа, и позор нам футболистам, и укор, от наших болельщиков. Я не знаю, что со мной случились, но, меня словно вихрь подхватил и понёс навстречу противнику, коршуном налетел на мяч и так его ударил, что он перелетел через болельщиков и упал на отару овец, которые паслись невдалеке. Овцы от страха разбежались, а мяч остался лежать в полыни. Пока мальчишки бегали за мячом, наши игроки вернулись в свою штрафную и мы одержали победу. Игра закончилась со счётом 1:0 в нашу пользу, радости болельщиков не было предела. Нас, футболистов, женщины обнимали и целовали, а одна девушка, весом килограмм 80, меня в своих объятиях чуть не задушила, спас меня тренер Володя. На разборе игры тренер всех поблагодарил за хорошую игру, а меня отметил особо, сказал: «Нашему правому защитнику особая благодарность за инициативу, смелость и зато что он подстраховал центрального защитника и добыл нам победу. Игра с подстраховкой — это новый способ защиты и придумал и осуществил её, наш защитник, Сеня Чухлебов. Так что, товарищи, мы на пороге нового способа защиты в футболе. Скоро за нами потянутся другие команды района, а затем этот способ защиты применят другие команды нашей страны, а затем и Европа и команды всего мира. Вот такие дела, товарищи футболисты». На этом наш тренер закончил свою речь, и мы дружно пошли по домам.

А что, может Володя и прав, возможно, я действительно был первооткрывателем игры в защите со страховкой. А что, всякое может быть. Ведь мы тогда о футболе союзном, а тем более мировом, практически нечего не знали. Телевидения не было, только иногда футбольный репортаж вёл Вадим Синявский. Но говорят, что он репортажи вел с дерева, так как комментаторских кабин на футбольных полях тогда не было. И что он мог видеть с дерева, я мальчишкой по деревьям лазал, и что с него можно увидеть, только под деревом землю, а смотреть куда-то в сторону, ветки со своими листьями мешают. Да и на ветке просидеть можно максимум минут двадцать, а потом ноги затекают и надо спускаться вниз на родную землю. Так что, я думаю, Синявский с дерева мало видел футбола, плюс ко всему он плохо разбирался в футболе, да ещё был слепой на один глаз. Но он комментатор значит, надо, что-то говорить в микрофон, вот он и говорил, то есть вёл репортаж по интуиции, а болельщики слушали и радовались, что наши выигрывают, а в конце игры оказывалось, что наши проиграли. Ну а что сделаешь, Синявский в результате не виноват, с дерева, что можно увидеть? Вот именно, вы правильно подумали. На этом о футболе пока всё.

УБОРОЧНАЯ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

До уборки зерновых я не только занимался футболом, но и с Валентиной Ивановной и смазчиком комбайна, шестнадцатилетним парнишкой Витей, готовили комбайн к уборочной страде. За полтора месяца мы его весь перебрали до винтика, что надо было, заменили, что не менялось, отремонтировали, в общем, комбайн «Коммунар» к уборочной готов. И вот нам механик сообщает, что послезавтра, 20 июля, приступаем к уборке зерновых на дальних полях, так как там зерновые уже готовы к уборке, а на ближних ещё нет, так что пусть дозревают. И вот наступил долгожданный день.

Я пришёл на работу рано, в ожидании такого важного для меня дня не спалось, ведь я впервые буду на мостике комбайна, и даже может, буду стоять у штурвала. Когда я пришёл на тракторный двор, наш механик Степан Николаевич был уже там, увидев меня спросил: «Что не спится, хочется быстрее в поле?» — «Не спится, Степан Николаевич, ведь учился девять месяцев и хочется себя испытать в настоящем деле» — «Не волнуйся, всё у тебя получится, ты парень работящий, смекалистый, так что всё будет в порядке». Сегодня со двора на поле, должны уйти два комбайна «Коммунар», два трактора ДТ-54 и две автомашины ГАЗ-51.

К восьми часам утра во дворе собралось много народа, вся обслуга механизмов и машин, ремонтники, работники дирекции и просто зеваки. У всех приподнятое настроение, а как же, праздник, почти целый год люди трудились, пахали, сеяли, культивировали, и теперь надо получить нужный результат, и вот с сегодняшнего дня он начинается. Николай Степанович дал мне красный флажок и сказал: «Закрепи его на самом высоком месте у комбайна». Я залез на бункер комбайна и закрепил флажок там. Смотрю, на другом комбайне тоже красный флажок появился, и на тракторах, а затем и на машинах, это придало ещё более праздничный вид. Вскоре приехал директор совхоза и выступил перед собравшимся народом с крыльца конторы. Он сказал короткую речь и пожелал нам успеха в нашем нелёгком труде, затем дал команду «ПОЕХАЛИ».

Из репродуктора понеслась бойкая песня о танкистах. Ну, вы знаете её: «Броня крепка и танки наши быстры». Ну и так далее. Под эту бравурную песню колонна тронулась в путь. Выехали за совхозный поселок, сначала двигались по лугу, а затем между полей, которые ещё не дозрели. Валентину Ивановну, Николай тракторист, звал её просто Валентиной, позже, я её тоже стал

называть Валентиной, и, как я понял, ей это даже нравилось. Она села в кабину трактора к трактористу Николаю, а я стоял на мостике комбайна, держась за штурвал. Рядом со мной стоял наш смазчик Витя, а девчонки ехали на своих рабочих местах на соломокопнителе. Мне казалось, что я управляю настоящим кораблём, который плывет по жёлто-зелёному морю, красота, да и только.

Приехав, мы остановились на ближнем поле, а другой комбайн поехал на дальнее поле. И вот начинается моя первая работа за штурвалом, конечно, я немного волновался, но скажу сразу, не хвалясь, у меня всё получилось. Правда, первое время было тяжело, хедер агрегат большой и тяжёлый, а его надо держать на весу штурвалом, при помощи рейки, тут нужна не только сноровка, но и просто физическая сила. Но мало-помалу я наловчился справляться со штурвалом, и теперь большую часть времени за штурвалом находился я, а не Валентина. Валентина Ивановна поднималась на мостик комбайна, но в большем случае для того чтобы посмотреть качество обмолоченного зерна или просто посмотреть по сторонам с высоты трёх с половиной метров.

Конечно целый рабочий день, а он длился от утренней зари и до захода солнца, я выдержать не мог, и поэтому, Валентина Ивановна подменяла меня, так мы с ней и работали по переменке. Сначала у нас работа шла не очень хорошо, постоянно были, какие-то мелкие поломки, то у трактора то у комбайна, а то и девчонки уронят вилы в соломокопнитель, и всегда приходилось останавливаться и устранять неполадки, а это потеря драгоценного времени. Из-за этих остановок я переживал, нервничал, но Валентина Ивановна человек в этом опытный, она мне говорит: «Да не нервничай ты, это всегда так бывает, когда делаем первые круги по полю, со временем всё наладится». И действительно, затем постепенно всё наладилось, мы стали ходить по полю круг за кругом и не останавливались. Остановки были только запланированные на обед, или на заправку машин. Обед нам поварихи привозили прямо в поле, по распорядку дня, у нас обед, затем короткий послеобеденный отдых и снова за работу. Всё шло хорошо, как говорят военные, в штатном режиме, но однажды я за ночь не выспался, за штурвалом буквально засыпал и поэтому попросил Валентину заменить меня у штурвала, а сам пошёл, лёг на копну уснул и чуть не погиб. А случилось вот что.

СПАСИБО МОЕМУ АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Накануне я с работы вернулся поздно, с Валентиной Ивановной и Витей задержались у комбайна, подготавливали его к работе на следующее утро. Обычно мы уезжали на последней машине, которая возит зерно от комбайна на ток, а сегодня не получилось, вот нам и пришлось топать до поселка, а идти более трёх километров. Да ещё наш командир, Валентина Ивановна всё отставала от нас и просила меня с Витей её подождать. Но, слава Богу, дошли. Прихожу я к дому, где в то время жил на квартире и вижу, свет горит в обеих комнатах, обычно в это время он горит только в их комнате, а тут и в моей. Что за дела, думаю. Поднялся по ступенькам на крыльцо, дверь входная приоткрыта, и за ней слышен разговор на повышенных тонах. Интересно думаю, может, кто к нам приехал и так громко разговаривают, решил прислушаться, думаю, может, хозяева мне косточки перемывают, и слышу такой диалог Татьяны Ивановной со своей дочерью Ритой. Вот он:

Т. И.: Ты её видела?

Рита: Да видела, она сидела за столом и пила с мужиками вино или водку, я точно не знаю, потому что там было не очень светло, а точнее полумрак. Я сказала Тане, что уже поздно и надо идти домой, но она не захотела идти со мной и продолжала сидеть за столом с мужиками и пить из стакана вино или водку, в общем, спиртное.

Т. И.: Да ты бы взяла её за руку и потащила домой.

Рита: Если бы она была маленькая я бы так и сделала, а она настоящая кобыла выросла, на голову выше меня ростом и в два раза толще, попробуй такую утащить. Да и вообще она жирная, как свинья, а ты ей все деньги шлёшь в Ставрополь. Мало того, что свои отправляешь, так последний раз и Сенины 40 рублей отправила, она там жирует, а мы здесь сидим на одной лапше. Ты посмотри на Сеню, у него штаны сваливаются, если бы не обеды в поле, то он, наверное, уже с постели не поднимался бы. Кончать мама с этим надо.

А насчёт обедов в поле, Рита была права, нас там действительно хорошо кормили. Первое было или борщ, или другой суп и всё с мясом наваристое, обязательно белый хлеб, правда, не домашнего изготовления, но всё же. На второе или мясо, или котлеты, а на третье компот или стакан молока и булочка с маслом. Наши помощницы девчонки, не хотели есть ни мясо, ни котлеты так они со мной и Витей меняли их на булочки, так что еды хватало. Я прервал диалог, но он ещё не окончен.

Т.П.: Рита, она пишет, что ей стипендии не хватает на питание, я же мать, а она моя кровиночка.

Рита: (*в сердцах*) А у тебя сердце по ней болит, она твоя кровиночка, а я для тебя, что не кровиночка, выходит я подкидыш. Ты посмотри, на мне платье болтается, как на вешалке, а ты все деньги отправляешь туда, всё мама больше так не будет, мне 27 лет и я самостоятельная женщина, могу и без вас прожить.

Т. И.: Рита, ну хватит, у меня уже сердце так разболелось, что просто не могу.

Всё, думаю, шут с ними, с деньгами, надо спасать Татьяну Ивановну, а то, как бы чего не случилось. Потопав по полу крыльца, как бы оббивая пыль с ботинок, и в этот момент на пороге появилась Рита и спросила меня: «Сеня, а что так поздно?» — «Да так получилось», — ответил я, не вдаваясь в подробности.

Поужинал лапшой, правда на этот раз на молоке и лёг спать. Уснул быстро, так как, за целый день работы очень устал. Проснулся я от шума в дальней комнате, дверь её хоть и была закрыта, но между дверью и полом была щель сантиметра три, и мне всё было слышно, что там говорили. По всему было видно что, Татьяна только что пришла с гулянки, её прорабатывала Рита, а Татьяна изредка огрызалась. В то время, когда я проснулся, наверное, их разговор, подходил к концу и голос Риты сделал приговор Татьяне: «Учти, с завтрашнего дня ты никуда не ходишь, только в кино в среду и в субботу, а остальные дни дома, хватит позора на нашу голову». Слышно было, что Татьяна шмыгала носом, наверное, плакала, а как не плакать, такое наказание, сидеть дома. А ослушаться старшую сестру никак нельзя, так что придётся сидеть дома, но дома сидела она недолго, два или три дня, а потом снова пошло всё по-старому. Так вот в эту ночь я уснуть уже не мог, в шесть часов заговорило радио, и я встал собираться на работу. Чувствую, что не выспался, эти женщины со своими разборками не дали мне выспаться, но делать нечего, надо идти на работу. Помылся, доел вчерашнюю лапшу и пошёл в поле к комбайну. За штурвалом комбайна я прошёл один покосный круг, а круги пошли длинные по полтора часа каждый. К концу круга уже не могу, чувствую, что очень хочу спать, и засыпаю прямо со штурвалом в руках. Не думаю, так нельзя, надо немного поспать, а то в таком виде я дел натворю. Остановил сцепку, и пошёл к Валентине Ивановне, которая сидела на куче соломы и с Витей разговаривала. Говорю ей: «Валентина Ивановна, не могу стоять за штурвалом, засыпаю, замените меня» — «Хорошо Сеня. А что случилось, почему ты не выспался?» Я ей вкратце рассказал, что произошло в нашем доме,

она выслушала и говорит: «Ну вот, ложись на эту свежую кучу соломы, и спи, а я сделаю два, а может три круга по полю, тогда тебя разбужу, и ты меня заменишь у штурвала». Так и сделали. Я залез наверх копны соломы, только что сбросившей соломокопнителем, улёгся и сразу уснул. Сколько я спал, я не знаю, но проснулся я от грохота работающего двигателя трактора, и в этот момент я почувствовал, как покатился куда-то вниз. Я открываю глаза и вижу перед собой гусеницу трактора, на которой я лежу, вперёд головой, а она двигается, в сопровождении шума двигателя трактора. Я пытаюсь опереться рукой, чтобы подняться и спрыгнуть с гусеницы, но она двигается и с ней моя рука, куда-то уезжает. Вот моя голова весит над землёй, и я эту землю вижу, ещё момент и трактор меня переедет своей гусеницей. Но в этот самую секунду трактор останавливается, а затем и двигатель трактора заглох, у меня в голове промелькнуло, всё приехали, а сам продолжаю лежать на гусенице. Вдруг слышу голос Николая: «Сеня, ты живой?» Николай помог мне подняться с гусеницы, я отошёл от места событий и уселся на землю, опустив голову, в уме прокручиваю случившееся. Я и сейчас помню то своё состояние, страха никакого не было, только какое-то странное ощущение, как будто всё происходило не со мной, а с кем-то другим. Подошёл Николай, тоже присел со мной рядом, сидим оба молчим. А что говорить всё ясно, ясно то, что всё хорошо кончилось, но это только для нас с Николаем, но не для Валентины Ивановны.

Вскоре сбежались все работающие на комбайне и шофёр машины, начались крики, толки, проверять, нет ли на мне царапин и ушибов, девчонки даже ощупывали мне голову, на предмет шишек от ушибов. Когда все поняли, что на мне нет ни царапин и ушибов, то, как всегда начали искать виновного случившегося. И тут на первый план вышла Валентина Ивановна, она, наверное, думала, раз она в экипаже старшая значит, она должна и судить. Я продолжал сидеть на земле, Николай ко мне наклонился и учтиво спросил: «Ну как ты, Сеня?» Я не успел ответить, как вмешалась наша командирша с обвинениями в мой адрес. «А что ему? — сказала она, — натворил дел, всех взбудоражил, а теперь и в ус не дует, сидит себе и всё тут». Она хотела ещё что-то сказать, как вдруг её оборвал Николай словами: «Хватит тебе причитать и без тебя тошно. Учи дома своих детей, а нас учить не надо, мы люди взрослые и в твоих нравоучениях не нуждаются». А что думаю, Николай мужик правильный, вовремя остановил наглую бабу, им только дай власть так они на голову мужикам сядут, с ними надо строже. Валентина Ивановна обиженно ушла в сторону и больше к нам не

подходила. Я повернулся к Николаю и тихо говорю ему: «Ну что, Николай, поехали работать, а то и так много времени потеряли» — «Поехали», — коротко сказал Николай и мы с ним пошли к комбайну, а за нами потянулись девчонки на соломокопнитель.

Уже поздно вечером, когда мы все, работники, возвращались домой, я спросил у Николая: «Как так получилось, что ты остановил трактор, и тем самым спас мне жизнь?» Вот что он мне рассказал: «Когда мы подъезжали к тому месту, где ты лег на копну соломы поспать, я подумал, где-то тут должен спать Семён, но на какой копне точно не знал, и всё посматривал в левую сторону, где ты должен, находиться. Еду и думаю, как бы на тебя не наехать. Ведь ты знаешь, на ближние копны я гусеницей трактора вынужден наезжать, и поэтому была опасность, что ты можешь оказаться под моим трактором. В один момент я увидел что-то слева мелькнуло, посмотрел и вижу, на гусенице трактора твои ноги. Тут же, нажал на тормоз, остановил трактор, а затем и мотор заглушил. А что было дальше ты знаешь. Скажу тебе так, хорошо то, что хорошо кончается, так говорят умные люди. А Валентина, на нас обиделась, в обед ушла домой, и больше не вернулась. Комбайнёр, командир экипажа называется». Вот так закончил свой монолог тракторист Николай.

Вот такие дела, мои дорогие читатели. Через два дня мы закончили эту ниву и переехали на новую ниву, которая располагалась ближе к посёлку. Расстояние от нашей нивы до посёлка, было не более, двухсот метров, это было удобно для нас, стало ближе ходить на работу и с работы, и гости начали к нам приходить. Правда и начальство тоже стало приезжать чаще, давать всякие высокие указания. Указания мы слушали, но не всегда выполняли. Пользуясь тем, что наш экипаж находится ближе к посёлку, повариха обед везла сначала к нам, а потом уж другим экипажам. Для нас тоже это было хорошо, так обед был ещё свежий, прямо из столовой и к нам. Как-то в обед сидим за столом всем экипажем, я сижу лицом к посёлку, девчонки наши помощницы рядом, со мной, а Николай и Валентина к посёлку сидят спиной. Я ем лапшу с мясом, смотрю на посёлок и вижу, что к нам идут гости, две девчонки. Сначала их было видно плохо, но как они к нам приблизились, я сказал: «к нам идут гости» и взглядом показал, где они. Валентина повернула голову и воскликнула: «Господи, да это же мои привидения: старшее и младшее». Девчонки подошли, сели на краешек скамейки рядом с матерью и с интересом начали рассматривать то меня, то Николая, то наших девушек помощниц. Я тоже их прикинул своим взглядом, девушке, которая старше, было лет шестнадцать, а младшей лет тринадцать-четырнадцать. Старшая была

симпатичная и на свою мать совершенно не похожа, а вот младшая была копия своей мамы, нос картошкой и вся в веснушках. Пока суть, да дело, обед закончился, и наступило полчаса свободного послеобеденного времени. В это время каждый занимался тем, кому что дороже, старшие члены экипажа обычно сидят за столом и о чём-то беседуют, девчонки наши помощницы садятся на кучу соломы и прихорашивают свои мордашки, я же снимаю рубашку, с разгона запрыгиваю на копну соломы, устраиваюсь там поудобнее, и предаюсь дрёме. Так было и на этот раз. Разбросал руки в стороны я лежу на копне, подставив лицо и торс солнечным лучам, и при этом думаю, у меня есть полчаса, не грех полежать, подремать и как говорила моя мама, дать возможность жирку завязаться. Только я начал засыпать, как почувствовал, что копна подо мной зашевелилась, затем я услышал шорох соломы. Думаю, кому это захотелось со мной на солнышке погреться? Поднял голову и вижу, старшая дочь Валентины пробирается ко мне. Я смотрю на неё, а сам думаю, мало мне в общении Валентины, так ещё и её дочь хочет за меня взяться. Но что делать, не оттолкнёшь же дочь своей начальницы, подаю ей руку и говорю: «Давай я тебе помогу». Затаскиваю её на копну, под весом двух человек копна сжалась, и стала совсем низкой буквально с метр высоты. Сидим с ней, она смотрит на меня, я смотрю на неё и оба молчим. Я подумал, а что это мы сидим молча, как будто играем в молчанку, и первый у неё спросил: «Ты бы сказала, как тебя зовут, а то получается как-то неудобно, ты моё имя знаешь, а я твоё нет» — «Аня», — коротко ответила она. «Ну и что, Аня, ты залезла ко мне на копну затем, что бы помолчать рядом со мной, так выходит?» — «Нет, не затем чтобы помолчать, а я хочу пригласить тебя к нам в гости» — «А как на это посмотрит твоя мама?» — спросил я у неё. «А это мне мама сказала, что бы я тебя позвала в гости. А ещё она сказала что, хорошо бы было, если бы мы с тобой дружили. Правда Сеня, давай будем дружить, я уже взрослая девушка мне 20 сентября будет 17 лет и мне хочется дружить с хорошим парнем, а ты хороший, мама тебя хвалит. Говорит, Сеня парень и работящий, и не пьёт, и не курит, в общем такой, как мне нужен. Как ты думаешь на этот счёт?» Как быть я толком и не знал. С одной стороны у меня сейчас девушки нет, можно и подружить, а с другой стороны, когда дружить-то, ведь я от зари до зари на работе, и вообще, что Аня понимает под словом дружить, да и я думаю, что не стоит связываться с дочерью своей начальницы. Скорее всего, так будет лучше, а то наша дружба не известно чем кончится. Но чтобы Аню не обидеть я сказал ей так: «Аня, ты мне нравишься и я хотел бы с тобой дружить, но мне сейчас это

некогда делать, я от зари до зари на комбайне, прихожу на квартиру поздно, поем что-нибудь и ложусь спать, чтобы за ночь успеть отдохнуть, а то ведь утром снова на работу. Понимаешь сейчас вот такая обстановка, уборочная, и ей подчинены все интересы». Аня задумалась, что-то усиленно соображала, даже кожу на лбу наморщила, а затем выдала: «Сеня, а ты после работы иди с мамой к нам, у нас и поужинаешь, а то, что тебе у этих бухгалтеров делать, тебе у нас будет интересней, мы с сестрёнкой девчонки весёлые. Как Аня обозвала мои хозяек, «Бухгалтера», они действительно обе работают в бухгалтерии. А что касается её предложения, то оно действительно заманчивое. Интересно, это она сама сейчас придумала или воспользовалась советом своей мамочки? Хотел спросить Аню, но затем подумал, что мы долго засиделись после обеда, сам поднялся с копны, посмотрел, кто, чем занят, а Ане сказал: «Давай Аня об этом потом поговорим, после уборочной, а сейчас надо работать, затем повернулся к Николаю и Валентине Ивановне и говорю: «Ну что начнём, а то мы и так засиделись».

Последнее время повелось, что как бы я владею инициативой в организации рабочего времени экипажа. Валентина почти всегда сидит до последнего, Николай глядя на неё тоже не торопится, а девчонкам с соломокопнителя так им вообще не хочется работать. Им главное свои мордашки подкрасить и после этого, в зеркало на себя насмотреться не могут. Хотел было дать команду по машинам, но во время одумался что, я тут не старший и на такую команду надо спросить разрешения, хоть я последнее время инициативу и беру на себя, но всё-таки меру знать надо. Подошёл к старшему поколению и говорю: «Ну что, Валентина Ивановна, начнём?» Валентина посмотрела на меня уставшими глазами и говорит: «Сеня, пройдите пару кругов с Николаем, а я отдохну, что-то сегодня себя плохо чувствую» — «Хорошо, — говорю, — сделаем, и позвал с собой Николая. За нами потянулись и девчонки с соломокопнителя. Валентина со своими дочерями и Витей смазчиком остались сидеть у пустого стола. Повариха давно уехала и всю еду, и поварскую утварь увезла с собой. Завели с Николаем двигатели, он трактора, я комбайна, я посмотрел готовность к работе девчонок, дал звуковой сигнал, и поехали. Круг прошли нормально, доехали до Валентины, где она сидела с Витей, дочери её, наверное, ушли, так как у стола их не было. Вижу, у Валентины нет желания заменить меня у штурвала, думаю ладно, сделаю ещё один круг, а потом посмотрим. Я бы мог отпустить её домой, но дело в том, что девчонки на соломокопнителе не выдерживают больше двух кругов, затем, их пальчики на руках устают и они роняют вилы в соломокопнитель.

Потом мне приходится останавливать комбайн и прыгать за вилами в бункер с соломой, подавать вилы девушкам, а потом самому выбираться. А дело это не простое, так как борта у соломокопнителя высокие и гладкие и упереться не на что, вот и изощряешься, пока не вылезешь. А если Валентина меня у штурвала подменяет, то я не отдыхаю, а меняю одну из девчонок, круг проеду за одну, затем круг проеду за другую, и им тогда легче работается. Прошли ещё круг, смотрю, Валентина с трудом поднимается, и идёт нам на встречу. Комбайн поравнялся с Валентиной, остановился, Валентина подходит к металлической лесенке, по которой поднимаемся на мостик, я знаю, что ей надо помочь забраться на первую ступеньку лесенки и поэтому быстро спускаюсь в низ. У вас, наверное, возник вопрос, почему я помогал Валентине подниматься на лесенку? Отвечаю.

Дело в том, что у Валентины не сложились отношения с первой ступенькой лесенки, ну никак она на неё не может взобраться. А ступенька действительно находится высоко над землёй, с той целью, чтобы она, не задевала всякие бугры и большие комки земли, так что забраться на неё не просто. Даже молодые девчонки, которые приходили, чтобы посмотреть с мостика комбайна как я убираю урожай, с трудом забирались на неё. А Валентине в этом случае вообще не повезло, во-первых, она уже не молодая, всё-таки 36 лет это не молодость, а во вторых у неё конструкция тела, я бы сказал, чисто женская. Плечи узкие, талия средняя, а ниже талии!!! Что-то невероятное, как будто эта часть тела не её. У неё попа настолько толстая, что я её с трудом обхватываю, когда её подсаживаю на ступеньку лесенки. Первые дни её подсаживал Николай, потом они что-то не поделили, или она ему что-то сказала нелицеприятное, или он ей сказал такое же, я точно не знаю, но они друг на друга обиделись, и Николай отказался её подсаживать на лесенку.

Как только Николай не стал Валентину подсаживать, сразу создалась проблема, кто ей будет помогать. Сначала она просила девчонок, ну какая сила у шестнадцатилетних девушек, они ведро воды вдвоём не могли мне принести от водовозки, а тут надо поднять килограмм 75 не меньше, разумеется, у них силёнок не хватает. Я сижу на верхней ступеньке лесенки и наблюдаю, за картиной как девчонки поднимают Валентину на ступеньку. Это умора, да и только. Я сначала свой смех скрывал, но затем откровенно начал хохотать, Валентина увидела это и говорит мне: «Сеня, ты, чтобы над ними смеяться лучше бы помог, видишь девчонкам не под силу такая ноша». Тут и девчонки подключились к просьбе Валентины. Я бы конечно помог, но мне неудобно брать взрослую женщину за это место, всё-таки

Валентина гораздо старше меня, но с другой стороны, подменять девчонок надо, иначе работы не будет, и я пересилил своё стеснение, пошёл помогать девчонкам в их не лёгком деле. Первое время было неудобно, потом привык и даже замечание ей делал по тому поводу, что она ногу низко поднимает, на что она мне возражала: «Сеня, так они у меня в коленке плохо гнуться, вот потому я и не могу их поднять». Вот так я Валентину и носил на руках всю уборочную и доносился. Но об этом в третьей моей книги, которую я задумал под названием «Я И МОИ ЖЕНЩИНЫ».

У МЕНЯ НЕ ЗАБАЛУЕШЬ

Через несколько дней закончив уборку на этом поле, мы переехали на другое поле, немного дальше от посёлка, но условия для тружеников полей здесь были лучше. Здесь был построен домик из камня и накрыт шиферной крышей. В совхозе он числился под названием «Полевой стан». Условия в нём были не очень хорошие, но всё же лучше чем жариться под солнцем. Из мебели в нём было: грубо сколоченный стол и две такие же скамейки. А по углам большой комнаты лежала солома, наверное, для отдыха работников. Это было последнее поле, на котором надо было убрать зерновые, и вот на этом поле у нас впервые случилась поломка на комбайне. «Полетел» шатун, приводящий в движение косу хедера. Его надо было унести в помещение кузницы, чтобы кузнец восстановил его, то есть, сварил. Я снял с косы обе части шатуна, и пошёл в посёлок в кузницу. Валентина Ивановна и Николай пошли в домик, за ними потянулись девчонки и Витя. Иду вдоль скошенного поля, вижу, впереди едет водовозка на лошадях, думаю, догоню её и доеду до посёлка. Догнал, спрашиваю возницу: «Можно я с вами доеду до посёлка» — «Садись, — говорит, — на бочку и езжай». Бочка большая, я забрался на неё сижу, смотрю вокруг, ландшафт мне давно знаком, поэтому не интересен. Повозка идёт медленно, лошади, наверное, устали и еле плетутся, нет, думаю, так я буду долго ехать, а мне надо быстрее. Спрыгиваю с бочки и говорю вознице: «Я побежал, так будет быстрее». К счастью кузнец был на месте, но это уже был не Володя, а Василий, Володя уехал к себе домой, в Москву. Кузнец Василий, был парень лет 27, невысокого роста, курносый, в посёлке его звали Васькой, он и в правду напоминал кота, такого как показывают в мультиках. Мало того, что у него нос курносый, так под ним ещё были рыжие усы. Но у меня с Василием были приятельские отношения, и я его никогда не называл Васькой, а всегда Василием. Заскочив в здание кузницы, весь запыхавшийся, показываю Василию железки и говорю: «Василий, дружище выручай, надо из двух железок сделать одну». Василий меня понял, отложил все дела и принялся за мою железку. Через полчаса я уже бежал назад. Бегу уже вдоль нашего поля, смотрю, навстречу мне идут две девушки, думаю, не наши ли это девушки с соломокопнителя, неужели их Валентина отпустила? Это что она уже решила закончить рабочий день, а солнце ещё так высоко, что можно ещё сделать пару кругов, а это же четыре бункера зерна. Да и торопиться надо с уборкой, скоро сентябрь, конец лета, могут пойти дожди, тогда всё зерно из

колосьев упадёт на землю, и тогда, прощай урожай. Подбегаю к девушкам и точно наши, спрашиваю их: «А вы куда собрались?» — «А нас Валентина Ивановна отпустила», — отвечают они.

Я разозлённый тем, что как угорелый бегаю то в посёлок, то из посёлка, а они тут на поле прохлаждаются и от нечего делать собрались домой, в сердцах кричу на них: «Куда отпустила, вы посмотрите, где солнце, ещё можно два, а то и три круга сделать, а вы домой собрались. Идите на комбайн, я сейчас позову Николая и тоже туда приду, поставлю шатун и начнем работать. Зимой отдыхать будете, а сейчас надо работать». Девчонки нехотя развернулись и без энтузиазма пошли напрямую через стерню к комбайну. Прибегаю к домику, открываю дверь, и что я вижу, лежат два голубка на соломе и о работе они уже забыли. Моему возмущению не было предела, я бегаю, километры наматываю, чтобы скорее принести деталь к комбайну, а они себе курорт устроили.

В гневе забыл том, что они каждый вдвое старше меня, кричу на них: «Вы что лежите, посмотрите, где солнце, ещё два-три круга можно сделать. Пшеница перезрела её надо быстрее убирать, а то день два и она посыплется, поднимайтесь, пойдёмте работать, курорт себе устроили». Сказал и стою у двери домика жду, когда они поднимутся. Валентина ещё лёжа сказала: «А я уже и девчонок отпустила, думала ты завтра придёшь» — «Какое завтра, сегодня можно ещё работать, а девчонок я вернул, они уже возле комбайна. Николай, пойдём быстрее» — «Иду, иду», — спокойно ответил Николай и начал медленно подниматься со своей соломенной постели. Я стою у открытой двери и жду, пока они поднимутся, а то думаю я уйду, а они снова улягутся. Валентина с трудом поднимается, стоит на четвереньках, попой ко мне, и бубнит: «Ну и помощничка Господь послал, отдохнуть не даст, мёртвого поднимет». Когда мои коллеги поднялись и двинулись к выходу, тогда я впереди их пошёл к комбайну. Иду и оглядываюсь на отстающих, за мной метрах в тридцати идёт Николай, а за ним ещё дальше двигается Валентина, она вообще ходила медленно. Когда я ставил шатун, Николай уже подошёл и спросил меня: «Ну что, Сеня, можно заводить трактор?» — «Заводи, начнём работать». Я поставил на место шатун, а затем забрался на площадку комбайна и завёл двигатель. Потом, поднялся на мостик, чтобы дать сигнал к работе, но затем увидел, что Николай машет мне рукой. Я, спустился с мостика, подошёл к трактору, шум стоит невероятный, работают оба двигателя. Николай наклонился ко мне и кричит мне в ухо: «Может, Валентину отпустишь домой, а то посмотри какая она, несчастная идёт, еле ноги переставляет». Я кивнул Николаю головой в знак

согласия, сам отошел от трактора, закричал Валентине, она подняла голову и смотрит на меня, а я ей махнул рукой, чтобы она шла домой. Сам побежал к комбайну, проверил готовность девчонок к работе, предупредил их, чтобы вилы не роняли в солому, а что, я сейчас командир и меня должны все слушаться. Затем я побежал на мостик комбайна взялся за штурвал и дал звуковой сигнал Николаю двигаться. До темноты мы сделали ещё три круга и намолотили шесть бункеров пшеницы. А что, не зря я их заставил работать, результат, как говорится на лицо.

К концу уборки, что-то наш комбайн стал ломаться, поломки мелкие, но и они задерживают работу. Вот и сегодня приводной ремень медленно, но уверенно, начал сползать с барабанов. Я остановил комбайн, и мы пошли с Валентиной смотреть, что с ним делать. Стоим, смотрим, ремень длинный, метра четыре, вращается быстро, и уже наполовину сдвинулся с центра, вот, вот слетит с барабанов. Подходит Николай, посмотрел на ремень и говорит: «Я знаю, как его поставить на место» — «Ну, ставь», — говорит ему Валентина. Николай каблуком ботинка размельчил землю, взял её горсть, и бросил на нижнюю часть ремня. Ремень так швырнуло с барабанов, что мы еле успели отскочить, а то бы он нам точно на головы оделся. За это Валентина выдала Николаю по полной программе, он обиделся и ушёл, на прощанье махнув на нас рукой. Что делать мы с Валентиной не знали, по идее, надо заменить изношенный ремень, на новый, но нового у нас не было, да и на базе его тоже нет, так что надо искать выход из создавшегося положения на месте. Я подумал и предложил развернуть ремень обратной стороной, если он и будет сползать, то его будет удерживать ограничитель, правда, тут была опасность возгорания и поэтому Валентина возражала против такого метода. Но я уговорил её, мол, будем за ремнём следить и до возгорания не допустим. Она согласилась, и мы с ней так и сделали. Как ни странно всё обошлось, на этом ремне мы скосили и кукурузу и подсолнечник, и успешно закончили уборочную.

Раз уборочная страда окончена, то можно вернуться в моей жизни назад, и рассказать вам один случай горения комбайна, это было ещё в моём детстве. Вот как это произошло.

МОЙ БРАТ АНДРЕЙ — ПОЖАРНЫЙ

В уборочную, в 1946 году, в поле, не далеко от хутора Северный загорелся комбайн, а в связи с тем, что наш Андрей тогда был не только учётчиком на МТФ, но по совместительству и пожарным колхоза, так что тушение пожаров входило в его обязанности. Я, правда, не знаю, почему ведь он был ещё больной и без палочки ходить не мог, а тушить пожары тем более ему было трудно. Но раз назначили, значить надо, выполнять поручение.

В тот злополучный день брат был дома, сидел во дворе за столом и обедал. Вдруг во двор вбегает подросток Иван Рожок и кричит: «Андрей, комбайн горит!!!» — «Где?» — озадачено и с тревогой переспросил брат. «В поле за виноградным огородом» — сказал Иван. Андрей бросает ложку, хватает палочку, свою помощницу, и покандылял на конный двор, где стояла пожарная повозка, с насосом бочкой для воды и пожарными рукавами. Я за ним, как же такое событие и без меня. Ведь комбайны горят не каждый день, правильно? Эта весть со скоростью ветра разнеслась по всему хутору. К бригаде сбежалась толпа зевак, в основном это были пацаны и старухи. Андрей идет, хромает и на ходу раздаёт указания. Ты Иван Рожок, быстро запрягай лошадей в пожарную бричку, а ты Иван Мазепа проверь рукава и воду в бочке. Помощники побежали исполнять приказание главного пожарного, а я иду рядом с братом и горжусь им, какой у нас важный командир. Пока Андрей, хромая добирался до колхозного двора, помощники уже запрягли лошадей и доложили главному пожарному, что пожарные рукава на месте, а вот воды в бочке нет. Андрей дал команду ехать к колодцу и заливать воду в бочку вёдрами. Мальчишки начали таскать воду из колодца и заливать в бочку, а бочка деревянная, от длительного простоя рассохлась, вода из неё десятками струй льётся на землю. Что делать? Обычно в таких случаях ждут пока деревянные планки бочки набухнуть, и щели перекроют, тогда вода из бочки вытекать не будет. Но сейчас ждать нельзя комбайн горит надо срочно принимать меры. Андрей заглянул в бочку, там было пол бочки воды, дал команду ехать тушить пожар. Поехали. Иван рожок управляет лошадьми, а Андрей сидит на бочке и торопит возчика. А что его торопить, лошади уставшие, после ночной работы ещё не успели отдохнуть, а их снова затолкали в хомут, вот они как могут, так и бегут. Хоть комбайн стоял и не далеко, но когда приехали, он уже весь сгорел. Хорошо, что сгорел только комбайн, а от него не загорелись колосья нескошенной пшеницы.

Тракторист сообразил, как только комбайн загорелся, он сразу оттащил его на безопасное место, вот поэтому всё кончилось более-менее благополучно. Что можно сказать по случившемуся пожару и команде по тушению пожаров. Руководство колхоза к пожару делу относилось фразой: «У нас никогда пожаров не было и не будет» и поэтому к этой проблеме относились, мягко говоря, несерьёзно. Как ни странно, но чтобы заняться серьёзно противопожарными делами, поводов не было. Несмотря на жаркую погоду, в моё детство, да и в юные годы пожаров в нашем хуторе не было. Да и откуда ему взяться, взрослые к огню относились очень осторожно, а мы детвора, может и подожгли бы, что-нибудь ради забавы, так спичек не было, а кресалом много огня не добудешь, да и где оно то кресало. Кресала были на семью одно, и то не в каждой семье, и хранились они под замком, так что с огнём в нашем хуторе было всё в порядке. Разумеется, я говорю о своем детстве и юношестве, позже спички продавались в магазине, но и тогда, насколько я знаю, пожаров в хуторе тоже не было. Люди были так воспитаны, вот и результат. А комбайн сгорел по недосмотру обслуги, и спички здесь были не причём. Ну, это было давно, а сейчас у меня в совхозе другие проблемы.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Закончилась уборочная страда, и снова для меня наступили грустные дни. В посёлке толком пойти было некуда, скульптор Вадим закончил работы уехал, у меня были приятельские отношения, с кузнецом Василием, но и они прервались из-за девушки, и не по моей вине. Я потом перед Василием извинился, и он как бы меня простил, но, как говорится, осадок то остался. Чтобы отвлечься от этих грустных мыслей расскажу вам анекдот про осадок.

АНЕКДОТ

Мойша звонит Саре и спрашивает у неё: «Сара, вы вчера у нас со своим Абрамчиком в гостях были?» — «Да были, прекрасный был ужин. А почему ты вдруг спрашиваешь?» — спохватилась Сара. «Да понимаешь, Сара, когда вы с Абрамчиком ушли, мы стали пересчитывать серебряные ложки и двух ложек не досчитались, так мы с Эммой подумали…» — «Да как вы могли подумать, Мойша, чтобы мы…» — «Та знаю, знаю, — перебивает её Мойша, — понимаешь, ложки-то мы нашли, а вот осадок-то остался».

Так и у нас с Василием, вроде бы разобрались и выяснили что к чему, но осадок, куда его денешь вот в чём загвоздка. Так я потерял последнего своего товарища, с которым общался. Были местные парни моего возраста, но они со мной на контакт почему-то не шли. А вот почему? Не знаю. Так общались, а чтобы дружить этого не было. Я уж подумал, может старая история с гусем наложила отпечаток на мое имя, но факт остаётся фактом. Знакомых среди местного населения много, а друзей нет. А с Василием получилось вот что. Я вышел из кино и думаю, куда бы ещё пойти, чтобы время убить. Вдруг ко мне подходит девушка, практикантка, приехавшая к нам на практику из города Шахт, и говорит: «Сеня, проводи меня домой, а то темно и я боюсь одна идти». А почему, думаю, не проводить, я эту девушку немного знал, звали её Нина. Доходим до её дома, а там, на крыльце сидит Василий, и как, оказалось, ждал её. Оказывается, они с Василием уже встречались, и он сделал ей предложение, насчёт руки и сердца, а она вот что сотворила, как говорится, на голом месте нашла себе нового ухажёра. Василий начал предъявлять претензии и ей и мне. Я сразу не понял в чём дело, ну а когда до меня дошло, то стал с Василием объясняться. В общем, разборки,

суды, пересуды, и в этот момент Нина заявляет: «Вася, всё, я с тобой больше встречаться не буду, а буду дружить с Сеней, он мне нравится больше» — «Стоп, стоп, — говорю ей, — мы с Василием хорошие товарищи, и я не хочу, чтобы между нами пробежала чёрная кошка, вроде тебя. Так что прощайте и разбирайтесь сами». Повернулся и ушёл. Вскоре у Нины закончилась практика, и она уехала туда, откуда приезжала, а у нас с Василием так отношения и не наладились.

Да и на квартире, где я живу, тоже натянутые отношения. Я хозяев понимаю, ведь что не говори, а в доме живёт чужой человек, и не день и не два, а уже четыре месяца. Вот я им и надоел, да и они мне тоже, так что надо кончать эту бодягу. Вообще, для меня наступило такое время, что я не знал, что делать. Оставаться в совхозе я не хотел, меня как-то давило ограниченное пространство посёлка. Думаю, отсюда надо уезжать, хоть куда лишь бы здесь не оставаться. Подумав немного, решил, что пока поеду домой в хутор к родителям, я там уже не был больше года, такого никогда не было. Думаю, что у них побуду, а там решу, что делать. Может, поеду в Ипатово, сниму квартиру и пойду работать на железную дорогу шпалы таскать, тем более, что эта работа мне уже знакома. Ладно, куда ехать решил, завтра пойду в контору за расчётом, а то, что же это я всё лето работал бесплатно, нет, так не бывает. В конторе директора не было, а главный инженер сказал, что расчёт со всеми механизаторами будет 2-го октября, и притом, часть деньгами, а часть зерном. Я спросил его: «А можно всё забрать деньгами?» Главный инженер подумал и сказал: «Я этого не знаю, надо решать с директором». Ну ладно, подумал я, с директором так с директором, придём ещё раз. Иду на тракторный двор, или на базу механизации как называют её в посёлке, на работу, а сам думаю, тут за три дня с ума можно сойти, я от безделья и так уже на грани срыва, а они мне предлагают ждать, ещё почти целую неделю. На базе практически никого не было, все разбрелись по домам, а некоторые вообще не приходили. Одна Марфа Ивановна, наш дворник, как всегда на посту. Эта женщина очень интересный человек, частенько нашему механику права качала, а он смущённо улыбался и отшучивался. Я решил найти Валентину, но её на работе не было, говорят, болеет. Я, от нечего делать, решил снять полотно подачи колосьев, на нём сломались некоторые деревянные планки, и я решил отнести к плотникам, чтобы они наклепали новые. Затем вернулся к хедеру, разобрал режущий орган, вытащил косу и решил поточить её ножи, но их надо сначала очистить от всякой грязи, а затем точить. Пока чистил, настал обед. Пошёл в столовую поел на три рубля и снова на

базу. Провозился я с этой косой до самого темна, закончив работать, пошёл, переоделся, вышел из ворот базы, стою и думаю, куда бы пойти. На квартиру ещё рано, думаю, пойду в старенький клуб, там, у клуба стоит бильярд, правда с металлическими шариками, но и такой пойдёт. Место над бильярдным столом было устроено, на столбе горел фонарь, там же был устроен динамик, из которого неслась музыка, так что играть было весело. С парнями бились в бильярд до девяти часов вечера, как только по радио объявили что, Московское время двадцать один час, парни положили кии на стол и ушли по домам, мне торопиться было не куда, и я решил постучать по шарам до 22-х, а потом идти спать. Стучу по шарам потихоньку, смотрю кто-то идёт, нагруженный сумками. Подходит, смотрю, Антонина Сергеевна, заведующая клубом, женщина лет тридцати. Все в посёлке звали её просто Тоня. Подходит ко мне и спрашивает: «Ты ещё долго будешь стучать? А то я хочу убрать шары и кии, и накрыть стол брезентом». Я, помог ей занести в клуб шары и кии, а затем вместе с ней накрыли стол брезентовой тканью. Уже собрался идти домой, как вдруг Тоня меня окликает и спрашивает: «Сеня, ты никуда не торопишься?» — «А куда мне торопиться? Меня никто не ждёт», — отвечаю ей. — «Ну, тогда помоги мне сумки донести до дому, а то такие тяжелые. Сегодня с подругой ездили в село Дивное, так накупили всего, думала, раз попала в Дивное, то надо купить всего и побольше, ведь не каждый же день езжу в Дивное. Накупить-то накупила, а теперь надо донести домой, а тяжело, хорошо будет, если ты согласишься».

Думаю, а почему не помочь хорошей женщине, тем более что мне торопиться не куда. По мостику через реку Нугу пошли к ней домой. У неё небольшой домик из камня, две комнаты и кухня. Всё убрано аккуратно, чистенько, видать Тоня хорошая хозяйка. Я поставил сумки у двери и хотел было уходить, как хозяйка дома остановила меня вопросом: «Сеня, а ты кушать хочешь?» Странный вопрос, подумал я, как же не хочу, если я ещё не ужинал, а время, пожалуй, уже часов десять вечера Я признался, что очень хочу есть и остался ужинать. Не знаю, как получилось но, я остался у неё ночевать, затем забрал свои вещи у бухгалтеров и последующие дни, ночевал только у Тони, о чём даже сейчас не жалею. В эти последние дни моего пребывания в совхозе, я жил у Тони, и, как говорится в народе, был сыт, пьян и нос в табаке. Правда, в моём случае ни водки, ни табака не было, а всё остальное было. Тоня для меня была, как добрая старшая подруга, она обо мне заботилась, когда я приходил к ней, она с радостью встречала меня и мне это очень нравилось. В коем-то

веке у меня появился человек, который ждёт меня и радуется тому, что я пришёл. В тот период я испытывал ощущение нужности, и не чувствовал себя былинкой на краю дороги, которая никому не нужна. Тоня меня просила остаться в совхозе, но я уже не мог там оставаться, всё моё нутро не переносило здешний климат, и я, получив у совхоза расчёт, уехал.

Зерно, которое мне не оплатили, я по расписке оставил 400 кг Рите, а 400 кг Тоне, так сказать, в знак благодарности за заботу обо мне. Домой в хутор Северный ехал быстро, получилось так, что с одного автобуса пересаживался на другой. И в этот же день, после обеда я уже был в Бурукшуне. А до хутора добирался пешком. И вот я снова дома. Так закончилось моё странствование по чужбине, так выразился мой отец, когда узнал что я приехал домой совсем.

СРАВНЕНИЕ

В свои восемнадцать лет я успел пожить и поработать, в колхозе, и совхозе, и хочу сравнить эти два сельских предприятия. О совхозе я услышал ещё в детстве, мне тогда было одиннадцать или двенадцать лет и мне захотелось узнать, что собой представляет совхоз. За разъяснением я обратился к своему семейному «эксперту», то есть к маме. Она мне объяснила, что это то же самое, что и колхоз, только у них директор главный, а у нас председатель. Мою маму можно простить, она не жила в совхозе и нормативные документы о нем не читала, поэтому и не знала разницы в этих организациях. Помню, тогда я ещё подумал, если совхоз, то же самое что и колхоз, то зачем их называют по-разному. Тогда я ответа не получил, и только поработав в колхозе и совхозе я могу сравнить эти два предприятия, правда тоже по своему, как я их понимаю.

КОЛХОЗ

Разберёмся сначала с колхозом. Колхоз это коллективное хозяйство, и они создавались на заре нашей молодой советской страны. Основой их были сёла, деревни, станицы, хутора. Жители этих населённых пунктов объединялись, и создавалось коллективное хозяйство, то есть колхоз.

Колхозы создавались по образу: «с миру по нитке — голому рубашка». Что у людей в хозяйстве было, то перешло в колхозы. Дома, хаты, которые строились ещё в царское время, и такой же сельскохозяйственный инвентарь, царского периода, ну и прочее. Дороги не строились, осень, зим, а весна, грязь непролазная.

А летом, у нас на юге России, на дорогах пыль, да ветры закручивают эту пыль в такие вихри, что после них, некоторые хозяйки своих кур недосчитываются. Света нет, воду носили из колодцев, как и в царское время. Хорошо ещё было то, что у некоторых хуторян пресная вода была рядом, а некоторые ходили за полкилометра за водой. Одним словом не жизнь, а мученье.

Управление в колхозе было, по уставу колхоза выборный председатель, а на самом деле зачастую председателя назначали из райкома, и настойчиво советовали колхозникам поддержать данную кандидатуру. Помощниками председателя колхоза были бригадиры и звеньевые. Собиралось ещё правление колхоза, но это была игра в демократию, созданное правление никем и ничем не управляло. Оплата труда в колхозе трудодень, то есть

трудовой день. В табеле выходов на работу за каждый день ставили чёрточку. Это как бы говорилось, что ты заработал один трудодень. А что на него ты осенью получишь ещё не известно, всё зависит от урожая зерновых. Если кратко, то всё выглядело вот так.

СОВХОЗ

Совхозы же, это советские хозяйства. В стране, было министерство совхозов, которому совхозы подчинялись. СОВХОЗЫ строились на новом месте, по заранее разработанному плану, в котором было предусмотрено всё необходимое для нормальной жизни и работы трудящихся. И строило их ГОСУДАРСТВО, поэтому всё делалось капитально и основательно. Улицы в поселках были заасфальтированы, возле типовых домов проложены тротуары, проведено освещение, а так же водопровод. Освещение не только в домах, но и на улице, да и вообще все предусмотрено до мелочей.

Управляет совхозом дирекция, которую возглавляет директор, и он назначается министерством совхозов. Труженики Совхоза каждый месяц получают зарплату, а не ждут по целому году оплаты труда как колхозники. Ну и народ в них живёт более образованный, чем в сёлах или хуторах. Так что, как видите, разница в устройстве колхозов и совхозов разительная. А вот анекдоты рассказывали примерно одни и те же что в совхозе, что в колхозе. Для наглядности приведу в пример один из них.

АНЕКДОТ

Весна. Идёт посевная на полях. Представитель района приехал в один из колхозов проверить, как у них справляются с посевной. Заходит в приёмную председателя колхоза, там сидит девушка секретарь и печатает на машинке. Проверяющий человек спрашивает у секретарши: «Где председатель?» — «Сеет», — не отрывая глаз от машинки, отвечает та. Что делать, подумал проверяющий агент района, ехать, искать его на поле, очень непростое дело. Не успел он сообразить, что делать, как в приёмную входит председатель. Они вместе заходят в его кабинет, и проверяющий говорит председателю: «Как хорошо, что ты пришёл, а то я спросил у секретарши, где ты, а она сказала, что ты сеешь, ну думаю, где его теперь в поле найдешь?» — «Да она у меня букву «р» не выговаривает».

А что, так бывает, не выговаривает человек букву «Р» и всё тут. Разъяснение, о колхозах и совхозах я написал для молодого поколения, может, кому интересно будет узнать об этом. Ладно, теперь перейдём к дальнейшему повествованию обо мне.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ «ПЕНАТЫ»

Многие молодые люди, уезжая учиться или работать из деревни или хутора в города или крупные районные сёла, в случае фиаско, боятся возвращаться в родные места. Они просто боятся насмешек над ними. Вроде того, уехал учиться, а приехал снова в колхоз, зачем, мол, уезжал. Лично я об этом даже не думал, я просто устал на чужбине, и очень хотел вернуться домой, к родителям. Что будут говорить другие, меня не волновало, хотя признаюсь честно, когда такое случилось, я не нашёлся что ответить. Но об этом позже, а пока о моём приезде. Когда я пришёл во двор своего родного дома, во дворе были тато, мама и младшая сестра Рая. Встретили меня сдержанно, обрадовалась только четырнадцатилетняя Рая, родители смотрели на меня с удивлением и настороженностью. После того, как я поздоровался, наступила пауза, я стою посреди двора и не знаю, принимают меня дома или нет. Наконец, отец спросил: «Что, сынок, совсем прибыл или как?» «Совсем, тато, до армии буду дома, я думаю, в хуторе работа найдётся, так что сидеть без дела не буду». Тут вмешалась мама: «Ну и правильно сынок, сколько по чужбине можно мотаться, хоть перед армией побудь дома, а в армию уйдёшь, там видно будет». На этом аудиенция закончилась, и мы пошли в хату. Я маме отдал часть полученных денег, отец увидел сумму, которую я передал маме и как-то стал веселее. А маме он сказал: «Мать, Сенины гроши спрячь подальше, тратить не будем, может потом ему костюм купим». По этому поводу я тато и маме сказал, никакого костюма не надо, у меня в чемодане есть хорошая одежда, так что до армии есть что носить, а в армии мне другую выдадут одежду. На этом и остановились. Первое время я работал в колхозе, подменяя сестру Наташу. Колхозником я не числился, но работал за кого-нибудь или сестру, или отца. Работал и на прицепе трактора и солому возил, и сено, тоже возили от лесной полосы, в общем, куда бригадир Наташу посылал, туда я и ехал работать. Как-то в декабре уже выпал снег, и был лёгкий морозец, к нам домой пришёл бригадир и говорит Наташе: «Наташа, завтра с хлопцами поедешь возить на МТФ силос, возьми с собой вилы». Сказал и ушёл. Я говорю Наташе: «Давай я за тебя поеду, а то дома надоело сидеть» — «Та езжай, мне ещё лучше», — сказала сестра. И я поехал. Команда собралась большая, человек восемь, старшим у нас был дядька Михаил Чухлеб. Наш однофамилиц, в хуторе его звали дядько Михайло, на украинский манер. Так вот. Вытаскиваем мы кукурузные стебли из силосной ямы, а их туда

свалили, как попало, да ещё трактором утрамбовали, так что выдрать их теперь из ямы дело не простое. Но мы вытаскивали и грузили на бричку. Работаем и разговариваем, кто о чём. И вот, в один момент, Николай Сало задаёт мне вопрос: «Сеня, вот ты куда-то ездил, чему-то учился, а теперь ковыряешь силос, также как и я. Зачем было ездить, жил бы в хуторе, как я и всё хуторяне». Я ему сразу не ответил, думал как бы лучше сказать, и тут меня выручил, дядька Михайло, он сказал: «А ты, Сеня, скажи ему, то, чему я выучился, всегда будет со мной, а вот ты Мыкола, кроме как быкам хвосты крутить больше ничего не умеешь. И поэтому твой жизненный путь уже определён и, к твоему сожалению, он не радостный. И вообще, хлопцы, я вот что вам хочу сказать, вы все молодые в самом начале жизненного пути и как сложится ваша жизнь я не знаю, знаю только одно, у Сени уже есть знания, а там ещё немного поучится и будет управлять такими дураками, как ты, Мыкола».

После такой речи мы все замолчали, каждый обдумывал сказанное, а я в этот момент был очень благодарен дядьке Михайло Чухлеб, который в трудный для меня момент стал на мою сторону. Для меня это было неожиданно, так как меня в хуторе многие не любили, считали городским и чужаком, и поэтому добрый жест в мою сторону дядьки Михаила, был очень мне приятен.

После работы я пришёл домой и сразу начал расспрашивать отца, является ли дядька Михайло Чухлеб нашим родственником? Мне очень хотелось, чтобы было именно так. Но отец родства дядьки Михайло не признал. В подтверждение своих слов рассказал случай: «Когда мы были в степи на сенокосе, то вечерами было делать нечего, вот мы и решили разобраться в нашем родстве. Он перебрал всех своих родственников, начиная от деда и бабки, а я своих в том же порядке, и ничего близкого к нашему родству не нашли, так что, как видишь правда вот такая». Конечно, мне хотелось другой правды, но что делать, раз она такая, и я думаю, что так оно и есть. Ведь если брать во внимание внешний вид, то те Чухлеб, на наших Чухлеб, совсем не похожи. В нашей семье все как на подбор брюнеты, а род дядьки Михайло блондины, да и черты лица разные, так что, пожалуй, отец прав. Ну и что, пусть так, за то я до сих пор вспоминаю дядьку Михайло Чухлеб добрым словом. И чтобы закончить эту тему расскажу о более поздней встрече с Мыколой Сало.

Было это в начале восьмидесятых годах прошлого века. Я приехал в село Бурукшун навестить маму, отца тогда в живых уже не было. Мой брат Михаил предложил мне сходить в магазин, мы там побыли немного, а выйдя из магазина, он показал на

памятник, воинам фронтовикам, погибшим в Великую отечественную войну и предложил, мне пойти и посмотреть, там, говорит, и имя нашего брата Алёши, который погиб на войне. Я о нем уже писал и читателю это известно.

Так вот, читаю, а на памятнике написано: «Чухлеб А. И». Я спрашиваю у Михаила: «И где здесь наш брат?» — «Та вот же», — и показывает на надпись, которую я прочитал. «Миша, — говорю ему, — так здесь же написано Чухлеб А.И., а наш брат с той же фамилией только инициалы должны стоять А. К.» — «Да какая разница», — сказал тогда мне Михаил. На что я ему ответил: «Разница в том, что погиб наш брат Алёша, а здесь увековечен неизвестно кто. Вот ты сейчас говоришь, какая разница, точно так же думал и тот, кто писал, а ведь это историческая ошибка». Я тогда просил брата, чтобы он зашёл в правление и исправил надпись на памятнике, но не знаю, ходил ли он, и исправлена ли надпись. Хотелось бы, чтобы восторжествовала историческая справедливость, а то сейчас много желающих исказить то, что было в годы войны. Так вот, стоим мы с Михаилом у памятника и сетуем на не справедливость, как вдруг к нам подходит мужчина, на вид лет шестьдесят. Михаил мне предложил узнать, кто к нам подошёл. Я долго всматривался в мужчину, лицо его было загорелое, худое, морщинистое, во рту не было несколько зубов, плохо одетый, и сам, почему-то худой, хотя в то время люди в селе жили уже неплохо. Но я так и не мог узнать этого человека, и откровенно сказал: «Миша, я этого мужчину не знаю». На что Михаил с присущим ему укором сказал: «Да это же Сало Мыкола, что же ты брат своего годка и не узнал?» И тут я вспомнил слова дядька Михайло Чухлеб, насколько же он оказался прав, я в то время уже работал начальником управления, в моём подчинении было почти три сотни трудящихся, а Николай, насколько я знаю так и проработал в колхозе на должности, как шутят сами колхозники: «Кто куда пошлёт». Вот такая историческая, правда.

ТАБУН

Наступила зима 1954 года, отца назначили работать старшим табунщиком, но его здоровье ему не позволяло это делать, все-таки четыре года войны, контузия, да еще некстати разболелся зуб. Так болел что никакого покоя ни днём, ни ночью, что он только и не делал, полоскал солью, самогоном полость рта, не помогает, а лечиться негде, до Джалги двенадцать километров, зимой не пойдёшь, о селе Ипатово и думать нечего, а наша фельдшер только разводит руками.

Что делать, пришлось тато принимать экстренные меры самому. Это было ночью, зуб сильно болел, особенно в это время Я проснулся от шума в большой комнате, вышел, смотрю, тато держится за щёку и ругает маму, за то, что она от укусов змеи лечит, а зуб заговорить не может. Мама оправдывалась, вот из-за этого и произошёл шум в комнате. Я сел на лавку и сопереживаю отцу, а он ходит, по комнате держась за щёку и говорит: «Всё, больше терпеть не могу, сейчас вырву его плоскогубцами. Сеня, налей мне полстакана самогона, и помой самогоном плоскогубцы».

Я налил в стакан самогон и подал тату, а сам взял плоскогубцы, намочил тряпочку таким же самогоном и начал протирать плоскогубцы, тем самым обеззараживать. Отец выпил спиртное, так сказать, сделал анестезию, и сидел, ждал, пока подействует, я подготовил инструмент и тоже ждал. Наконец тато поднялся и говорит: «Давай, сынок, инструмент, пора приступать».

Он затолкал в рот плоскогубцы, и я слышу, как у него во рту, что-то хрустнуло, отец вытащил изо рта инструмент и говорит, готово, смотрю, а в плоскогубцах торчит зуб, который тато только что вырвал. Утром, когда я проснулся, отец крепко спал, мама всех предупредила, чтобы не шумели, отцу полегчало, и пусть он спит. Я маме сказал: «Раз тато болеет, то я пойду за него на работу пасти табун, я думаю, бригадир будет не против». Вот так мы с Алексеем Беленко стали ухаживать за табуном. Табун был небольшой, голов сорок, и мы с Алексеем, и днем, и ночью, посменно, стали смотреть за лошадьми. Зима была не такая снежная и поэтому мы лошадей выгоняли на выпас каждое утро, в том числе и субботу и воскресенье, а вечером снова загоняли в баз. Расположение базы табуна находилось примерно в километре от хутора, там была построена конюшня и бытовка для табунщиков, а также большой баз, для табуна. В первый день Алексей показал мне лошадь, на которой я должен пасти

лошадей, лошадь была в приличном возрасте, и мне это не нравилось. Я пару дней на ней поездил, убедился в том, что она малоподвижна, и я решил заменить её на молодого коня, выбранного в табуне. Выбрал гнедого коня, с чёрной гривой, чёрным хвостом, одним словом красавец, кличку я ему дал «Гнедой». Алексей одобрил мой выбор и начался трудный путь его обучения езды под седлом. Конь оказался с крутым норовом, ни за что не хотел, чтобы мы одели на него седло. Брыкался, лягался, кусался, в общем, дикарь и всё тут. Тогда мы с Алексеем пошли на хитрость, взяли и на ночь привязали ему на спину старую фуфайку, пусть он постепенно привыкает к тому, что у него, что-то есть на спине. Походил он с фуфайкой двое суток, и мы решили, что пора одевать на него седло. С очень большим трудом, но всё же седло на него одели. Алексей мне говорит: «Ну, зачем он тебе нужен, с таким норовом, он под седлом ходить не будет». Я ему говорю: «Алексей, ну что мы, два мужика не справимся с одним конём?» — «Да справиться-то, справимся только какой толк, из этого будет?» В общем, постоял конь под седлом целый день, а вечером я говорю Алексею: «Давай я сяду в седло и посмотрим, как он себя поведёт». Алексей держит Гнедого под уздцы, чтобы он меня не укусил, а я быстро сел в седло. Странное дело мой Гнедой даже не брыкался, то ли он не понял, что произошло, то ли ещё что? Поездил на нем внутри база, конь ведёт себя нормально, слушается повода, думаю надо попробовать его за воротами, как он там будет себя вести.

Алексей сел на свою рыжую кобылу, и мы поехали за территорию базы. Сначала всё шло хорошо, ездили по кругу вокруг база, но затем с моим конём, что-то случилось, он вдруг на скаку, резко остановился и я едва не улетел через его голову. Стоит, низко опустил голову, передние ноги широко расставил, и ни в какую не хочет двигаться с места. Я повод дёргаю, каблуками бью его в бока, а он стоит как будто то, что я делаю, его не касается. Тогда Алексей говорит: «Сеня, подожди, я тебе сейчас помогу». Подъехал с тыльной стороны, и арапником огрел так, моего коня, что он с места прыгнул и как понёсся во всю прыть в степь где, пася табун, что я думал, как бы мне в седле удержаться. Прискакали к табуну, а это почти шесть километров, мой конь весь потный, забежал в середину стада, и давай обнюхивать других лошадей, видать рассказывал, что с ним приключилось. В этот день я на нём пригнал табун на базу, вёл он себя в пределах нормы, со скидкой, что он ещё недавно под седлом. И в дальнейшем конь вёл себя нормально, за исключением некоторых его шалостей, таких как укусить меня то за локоть, то за бок, благо, что это была зима, и я был одет в тёплую одежду, так что

его укусы не были так больны. Всё шло нормально несколько дней, я уже решил, что Гнедой обучен и теперь к его обучению, больше не надо прилагать усилий. Как-то в один из дней, уже к вечеру, я собрался ехать за табуном, вывел Гнедого за ворота база, открыл их настежь, чтобы, как я пригоню табун, он сразу забегал в баз. Сел на коня и тронул легонько его каблуками, давая знак, что надо трогаться. А он, вместо того чтобы идти вперёд, резко встал на дыбы, а затем так махнул своим задом, что я с него слетел кубырем. При падении я больно ударился головою о мёрзлую кочку грязи, да так, что шишка образовалась на затылке, но об этом, я узнал потом, а пока я лежал на земле без сознания. Очнулся я, лежу на земле, с раскинутыми руками и ногами в стороны, и с головной болью. Приподнял голову, посмотрел вокруг, никого нет, и моего коня под седлом тоже, я понял, что он сбежал в табун, ещё немного полежал, чтобы прийти в себя, и начал потихоньку подниматься. На помощь-то никого не позовёшь, я здесь на базу один. Затем я с трудом поднялся и поплелся в конюшню, думаю, оседлаю Алексееву рыжую кобылу и поеду за табуном, ведь ехать обязательно надо. Пока я седлал кобылу, затем её выводил из база, боль в затылке потихоньку стала затихать, думаю, может, пройдёт. До табуна километров шесть, пока я туда скакал на кобыле, все думал, как бы наказать этого Гнедого упрямца, а наказать обязательно надо. О том, что он в табуне я даже не сомневался. Подъезжаю к табуну, смотрю действительно, он ходит в уздечке и под седлом среди лошадей. Ну, думаю, какой же ты подлец, ты у меня сегодня арапника получишь. С помощью арапника и голосом, я развернул табун в сторону хутора, и он галопом побежал домой.

Затем на кобыле «врезался» в средину табуна, арапником выгнал оттуда Гнедого, и отдельно от табуна погнал его на баз, время от времени угощая его «порциями» арапника. В базу я поймал его, и на короткий повод привязал к столбу, что был врыт посреди база. Теперь он не мог ни лечь, ни уйти куда-либо, ну и пусть стоит у позорного столба. Так он простоял всю ночь. Утром погнал табун на водопой, а затем на пастбище, только после этого поехал домой позавтракать. Мне вообще можно остаться дома до утра, так как Алексей менял меня после обеда, и он мог взять кобылу с нашего двора. Но этот гнедой, чтоб его ветром сдуло, не давал мне покоя. Думаю, посижу, дома до обеда, а затем посмотрю, что с ним делать. Рассказал отцу, что со мной вчера произошло, он, как всегда сидел возле лавки на стульчике и подшивал, чьи то валенки. Тато выслушал меня и говорит: «А ты подержи его без еды и воды сутки, а то и двое. Ведь другие лошади ходят свободно, едят сено, на водопой их гоняют, а твой

Гнедой всё это видит и знает, и не только знает, но и понимает, что наказан, пусть ему это будет наукой». Все-таки сволочь этот Гнедой, как увидел меня на рыжей кобыле и давай лягаться, фыркать, всем своим видом показывая недовольство. Я подумал, с чего бы это, может он злится, что я его наказал, а может он ревнует меня к рыжей кобыле.

Я подъехал к Гнедому в плотную, и говорю: «Ну чего ты злишься, ведь сам виноват, что тебя наказали. Вел бы себя нормально и никто бы тебя не наказывал, а так видишь что получилось. Гнедой смотрит на меня и как бы обидчивым голосом говорит: «Ты Семён не прав, за что ты на меня обиделся, я ведь всего один разок легонько вытряхнул тебя из седла, и ты меня сразу наказал, да ещё и предал, теперь вон ездишь на этой рыжей кляче». Я, как бы ему отвечаю: «И это ты называешь, легонько вытряхнул из седла, да я с твоей помощью вылетел из седла как из катапульты. Смотри у меня до сих пор шишка на голове». Снимаю шапку и показываю ему шишку. Гнедой посмотрел на мою шишку, затем отвернулся и больше со мной не разговаривал. Я подумал, что ему стало стыдно и поэтому с ним, не прощаясь, поехал ставить кобылу в стойло. Поставил кобылу в стойло, насыпал ей овса, а как же, ведь она работает значить и кормить её надо хорошо, затем говорю кобыле ласковым голосом: «Ты у нас хорошая, кушай, отдыхай, за табуном поедем только к вечеру, так что у тебя есть время отдохнуть». А как же, с лошадьми надо разговаривать, они ведь всё понимают, только сказать не могут. Больше не хотел к Гнедому подходить, но затем передумал и пошёл сказать ему несколько «ласковых» слов. «Говорю ему: «Ты что думаешь, своим норовом меня человека, пересилить? Не бывать тому, чтобы человек поддался скотине, всегда будет так, как я скажу. Ты это запомни и завяжи узелок себе на хвосте и в нужный момент сначала посмотри на узелок, а потом выбрасывай свои «крендели». Воспитывал я его, воспитывал, затем мне всё это надоело, и я решил пойти отдохнуть, а на прощанье ему сказал: «Как ни крути, но ты наказан и будешь стоять у позорного столба до тех пор, пока не поумнеешь». Пришел в бытовку растянулся на лежаке и почувствовал, что устал. Я уже задремал, как пришёл Алексей меня менять. Я ему рассказал про Гнедого, он выслушал меня и говорит: «А я тебе что говорил, так ты упёрся, хочу Гнедого, вот теперь и мучайся с ним». Потом немного он помолчал и добавил: «Ладно, после такой встряски он, может, поумнеет и все пойдёт нормально». И действительно, после почти двух суток без воды и без еды, он как-то стал послушнее, не стал кусаться, слушался повода.

На другой день была моя смена, после того неприятного для меня случая я первый раз решил ехать за табуном верхом на Гнедом коне. Вывел его осёдланного за ворота база, с опаской сел в седло, ведёт конь себя нормально, я ткнул его в бока каблуками сапог и поскакал в степь за табуном. С этого дня и до самого конца моей работы с табуном, то есть до мая месяца, когда отца перевели работать объездчиком, к Гнедому у меня претензий не было. Гнедой даже не кусался, хотя он это очень любил делать. Он, наверное, подумал, зачем мне кусаться, лучше я уж потерплю, за то наказан не буду. Но расставание будет только в мае, а пока, я как всегда, еду пасти табун. На Гнедом верхом поскакал к старому хутору, чтобы посмотреть есть ли там пастбище для табуна. Пастбище там было, снег не потоптан, значит, прошлогодняя трава на месте, можно сюда пригнать табун.

НАЗЫВАЕТСЯ, ПООХОТИЛИСЬ

Сколько я помню, наш отец охотился не ради забавы, а только потому, что надо было прокормить семью. Так получалось, что на охоту наш отец брал с собой меня. Я не знаю ни одного случая, чтобы с тато кто-то другой ходил на охоту из нашей семьи. Возможно, и ходил когда я учился в Ипатово в школе или в другое время, но я такого случая не знаю.

А вот меня отец брал с детских лет с собой на охоту. Сразу после войны годы были голодные, и тато ходил на охоту, чтобы хоть как-то прокормить семью и каждый раз брал меня с собой.

Из детства помню один случай, отец собрался на охоту с засида и взял меня с собой. Пошли по первой пороше, под ногами хрустел снег, светила луна и видимость была хорошая. Пришли к намеченной цели, залезли на скирд из кормовой травы люцерны, сделали себе в ней углубления, чтобы удобно было сидеть и звери нас не видели и начали ждать удачи. Немного посидели и видим, прискакал заяц, присел на задние лапки и сидит. Тато прицелился, и заяц уже не сидит, а лежит. Я уже было собрался за ним, но отец остановил меня и говорит: «Не надо, пускай лежит, лисица его унюхает и прибежит покормиться, а мы её и добудем, вот тогда и заберём их обоих и пойдём домой». Затем тато немного помолчал и добавил: «Сеня, сидеть придётся долго, смотри не усни. Если я буду засыпать, то ты тихонько толкни меня, голос не подавай, а то ночь морозная слышно будет далеко, так ты всех зверей распугаешь». Договорились, стали ждать, как говорится, договор дороже денег и нарушать его нельзя. Мы и не нарушали до поры до времени, но чем дольше мы сидели, тем больше хотелось спать.

Да и как тут не уснёшь, ведь в это время суток мы обычно спим, и организм уже привык, так что помешать ему, сделать привычное, очень трудно. Одним словом проснулись мы, когда уже солнце светило, нам в глаза, вот оно нас и разбудило. Первым делом я посмотрел на то место где лежал заяц, но его там уже не было, вернее, были только остатки от него. «Да, — произнёс отец, — обхитрила нас плутовка, дождалась, когда мы уснём, а затем пришла и попировала». Так мы в этот день не солоно хлебавши, притопали домой. Мама узнала результат нашей охоты, укорзнительно покачала головой, но говорить ничего не стала, со стороны её это было редкое явление. Хочу описать ещё один случай отцовской охоты с засида в нашем дворе ночью.

Это было вскоре после войны. Зима была снежная, и зайцам в

полях кормиться было нечем, и они делали набеги на хуторские сады. К нам в огород они тоже наведывались, им приглянулись наши абрикосовые деревья, что росли в огороде. Вот у этих деревьев и охотился отец с засида. Делал он это так. Как стемнеет, он брал деревянную лестницу, приставлял её к стогу сена, который находился буквально в 15 метрах от деревьев, затем забирался на стог и ждал когда грызун придёт на ужин. Мы дома в это время сидели в хате и ждали выстрела. Я в окно пытался увидеть, где находится отец, и как он будет охотиться. Хотя ночь была и лунная, но все равно на дворе было видно плохо, как я ни старался, ничего не увидел. Да и как увидишь в сумраке. Поэтому я, так же как и все сидел и ждал выстрела. Ждать приходилось долго иногда больше часа, но вот оно долгожданное бу-бух. Всё, выстрел произошёл, теперь будем ждать, есть ли от этого выстрела результат. Минут через десять в хату заходит тато и за уши держит свой трофей. Ура, сегодня на ужин будет мясо.

Так было не раз, и не два, ночная охота отца почти всегда была результатной, но бывали и неудачи. Обычно это случалось тогда, когда зайцы не приходили на ужин. По какой причине они это делали, нам не известно, может они ужинали в другом месте, а может в этот день они вообще не ужинали, а соблюдали диету. Это был тот период, когда у нас ещё не было борзых собак, вот когда они появились, тогда охота пошла успешней.

НАШИ БОРЗЫЕ СОБАКИ

Как-то в году 1948, брат Андрей привёз в хутор одну борзую собаку небольших размеров, и он назвал её Стрелка. На вопрос отца, где он её взял, брат рассказал: «Ехал я на машине из чёрных земель, с шофером остановились возле чайной перекусить. Когда поели, вышли на улицу смотрю, собачка ходит и людей обнюхивает, видно заблудилась и ищет хозяина. Я подумал, а что хорошая борзая собака, будет в помощь тато на охоте. Сгрёб её на руки и в кабину, по дороге дал ей имя Стрелка, и вот теперь она у вас. Если тато она вам нравится, то оставьте её у себя, а если нет, то я её увезу в Ипатово, там сосед просил её у меня. Тато ещё раз осмотрел Стрелку, ну если честно-то на настоящую борзую она не тянула, росточек у неё небольшой, тело правда длинное, хвост снизу мохнатый, а Стрелка им ласково махала, как будто просилась, чтобы её оставили в хуторе. Тато принял решение, оставить собачку у себя, всё-таки какой-никакой, а помощник на охоте.

По характеру Стрелка, как говорят, была себе на уме, на охоте она то носится за зайцами как угорелая, то сделает два-три прыжка и остановится, виновато прижмет уши, завиляет хвостом, как бы извиняясь, а когда на неё прикрикнешь, то она вообще набок ложится и не встаёт. Но всё-таки она иногда на охоте помогала. Когда же у неё был гон, то она вообще на месяц из дома исчезала, где она была и что делала, мы не знали. После этого, она через огород возвращалась домой, виновато виляя хвостом, а через определённое время у Стрелки появлялись щенята. Одного щенка оставили себе, кстати, я хотел, что бы оставили черного щеночка, но Андрей настоял на рыжем щенке, и оставили рыжего для себя, и назвали его «Лётчиком», а чёрного дали Кошевому Якову.

Когда они выросли, то чёрный превосходил нашего рыжего щенка, и в габаритах и в агрессивности, для охоты на лис он бы был самое то. Хотя и наш щенок рыженький вырос в большую собаку, больше похожий на волкодава, которые были у чабанов. Охотился тоже неплохо. Когда у неё был приплод после второго гона, то тато уже без Андрея оставил себе беленького щенка и назвали его «Полёт». Но это уже было без меня, я охотничьих собак увидел уже взрослыми, когда вернулся в хутор перед армией. Позже, когда я стал с собаками ходить на охоту, то видел, как их мать Стрелка, обучала охоте на зверя. Тактика у неё была такая, сыновья бегут за зверем, и гонят его на мать, которая в это время притаилась где-то и лежит, ждёт своей минуты. В

нужный момент Стрелка прыгает на зайца или лису, те от неожиданности теряются и на миг останавливаются и этого мига достаточно, чтобы зверь оказался в зубах Стрелки. Когда я перед армией приехал в хутор, то все три собаки были уже взрослые, только Полёт ещё не был приучен к охоте в виду своей молодости. Но на охоту отец его всегда брал, чтобы он учился уму-разуму.

Как-то в выходной день, первый раз после моего приезда, мы с отцом пошли на охоту и взяли с собой собак. Стрелку, Лётчика, которому в то время было четыре года и он уже умел охотиться, и молодого Полёта, которому в то время было чуть больше двух лет. Пошли к старому хутору, идём, Стрелка и Лётчик, как уже обученные охотничьи собаки, идут рядом с нами, а молодой охотник Полёт, бегает вокруг, обнюхивает каждый кустик, такой деловой, что спасу нет. Глядя на молодого охотника я говорю тато: «Смотрите, какой у нас Полёт шустрый, всё хочет знать, от него ни один зверь не утаится». Отец усмехнулся и говорит: «Вот как зайца выгоним, посмотришь какой из молодого Полёта охотник». Идём дальше по степи, снега мало чуть землю припорошил, был лёгкий морозец и поэтому скрип снега разносился далеко. Идём дальше, отец говорит: «Заяц в этих местах есть, он услышит наши шаги и поднимется, чтобы убежать, а мы его тут и возьмём». И действительно, прошли немного, выскакивает заяц, взрослые собаки, как и положено, ждут команды, то есть выстрела из ружья, а этот молодой, но глупый, выскочил вперед и побежал за зайцем, и собою закрыл от охотника дичь. Естественно тато стрелять не стал, что же по своей собаке стрелять что-ли? И главное, если бы молодой Полёт преследовал зайца, а то он сделал несколько прыжков и остановился, озираясь вокруг, не знает, куда девался заяц. А заяц что, его ждать будет, дал такого стрекача, что его только и видели. Да, подумал я, охотник из него никакой. Но время шло Полёт взрослел, поднимался в росте, и это была уже настоящая борзая собака. В начале зимы он быстро догонял зайца, но брать его ещё не умел, ждал своего брата Лётчика и тот быстро расправлялся с дичью. С этим Полётом доходило до смешного, догонит зайца, и не берет его, заяц сидит, сжавшись в комочек, думает, что собака его сейчас растерзает, а собака сядет в сторонке и смотрит на зайца. Тогда заяц видит, что его не трогают и тоже садится, на задние лапки и так сидят и смотрят друг на друга. Затем зайцу всё это надоедает, да и в компании с собакой ему, наверное, не хочется сидеть и он убегает. Иногда заяц совсем, убегает и собака за ним не гонится, а иногда догонит зайца, этот несмышлёныш, крутится возле него и не отпускает,

ждёт помощи от старшего брата Лётчика. Но время шло и где-то в середине зимы, Полёт уже свободно брал зайца, но только зайца, а лису не брал, боялся, ведь лисы грызутся как собаки. Хотя если бы он решился, я думаю, он лису бы победил. Ведь за это время он подрос и заматерел, став настоящей взрослой собакой. Ему надо было решиться ввязаться в бой с лисой, и он бы её победил. Как-то мы с отцом пошли на охоту взяли с собой собак Лётчика и Полёта, Стрелки у нас тогда уже не было, она опять, куда-то убежала и больше не вернулась, дома из-за этой потери все очень переживали. Хорошо если у кого-то осталась жить, а если погибла, то очень жаль.

Так вот. В тот день мы взяли зайца и лису и уже возвращались домой по полю заросшим бурьяном. Вдруг, Полёт стал на дыбы, сорвался с места, стрелой помчался, куда-то вдаль. За ним, было, увязался Лётчик, но немного пробежал и вернулся к нам. За кем он побежал ни я, ни отец не знаем, никакого зверя мы не видели. Ну что теперь рассуждать, побежал, так побежал, его ведь не догонишь, будем ждать, побегает и скоро вернётся. Но Полёт скоро не вернулся, мы с тато вернулись домой, уже и поужинали, ободрали шкурки с зайца и лисы, приготовились спать, а его всё нет и нет.

В семье наступило тягостное настроение, ни так давно потеряли Стрелку, ещё та боль не успела забыться, а тут на тебе, выходит, потеряли и Полёта. С этим тягостным настроением легли спать. Я лёг спать в большой комнате на полу, толсто устеленной полынью и соломой и всё это накрыто рядном. Я хоть и устал за целый день, но уснуть никак не мог, всё думал о Полёте, ведь мы с ним часто ходили на охоту и уже успели сдружиться, а тут такое случилось, где он и что с ним представить не могу. Долго лежал с открытыми глазами, заложив руки за голову, не знаю, сколько прошло времени, но я начал засыпать. И вдруг сквозь сон слышу царапанье по входной двери, так собаки просятся в хату. Я тут же подскочил и в темноте пошёл открывать дверь.

Да это он, наш родной и долгожданный. Я на пороге сенцев обнял его и прижал к себе, из комнаты слышу голос отца: «Сеня, кто там?» — «Полёт вернулся» отвечаю тату. В хате загорелся свет, все поднялись, как будто и не спали, наше уныние сменилось радостью, а Полёт тоже радовался, что вернулся домой. Когда я при свете огня из печки и особенно керосиновой лампы, присмотрелся к нему, то увидел, что вся его морда расцарапана, нос, лоб, одна глубокая царапина была рядом с глазом, ещё немного и он бы лишился глаза. Правое ухо было разодрано, видно, что он с кем-то дрался, скорее всего, с крупным

лисом. Как бы там ни было, но теперь стало ясно, что наш Полёт стал совершенно взрослым, если провёл такой бой. Я и тато начали обрабатывать его раны зелёнкой. После этого он попил, поел и лег на солому около печки, с удовольствием вытянув ноги.

Тато и я ещё долго не ложились спать, все прикидывали, с кем он мог подраться. Возможно, Полёт встретил корноухого самца, который был в нашей округе, такой огромный и хитрющий лис, которого боялись все хозяйки. Он ночью ходил по дворам и обязательно кого-нибудь стащит: курицу, петуха, а то и гуся. Собаки дворняжки, которые охраняли дворы, его боялись и прятались в конуры, так что он в чужих дворах чувствовал себя как дома. Но как бы там ни было, с этого момента наш Полёт смело вступал в драку с лисицами.

ЗАЯЦ РУСАК

Я скакал верхом по степи на своём коне в ту сторону, где находился табун, вдруг из под копыт лошади выскочил большущий заяц русак, и побежал в сторону от нас. Я пришпорил коня и поскакал за ним. Когда я на Гнедом стал к нему приближаться, заяц вдруг исчез, исчез и всё тут, как в землю провалился. Я остановил лошадь и начал осматриваться вокруг, нигде его не видно. Нет, думаю, ты меня, косой, не проведёшь, ты хитрый, но и я вырос в степи и все твои замашки знаю, раз ты исчез на ровном месте, значит здесь, где-то есть нора и заяц в неё нырнул. Слез с лошади и пошёл искать нору. Начал обшаривать все близко лежащие полынные кустики и нашёл нору. Полез туда рукой в рукавице, нащупал ногу зайца и вытащил его наружу.

Ох и большой же этот заяц оказался, держу его в руках и чувствую тяжесть его веса. За время моей охоты, такой большой и тяжёлый заяц, мне ещё не попадался. Привязал его к седлу и поехал за табуном. Загнав лошадей в баз, я поехал домой на ужин и прихватил с собой зайца. Приехал вечером домой, уже было темно, все члены семьи были дома, заношу зайца, кладу его на солому возле печки, отец как увидел, даже ахнул, а затем сказал: «Такой громадный заяц! Я, сколько охочусь, но такого большого зайца не видел, этот заяц настоящий великан. Ну, сынок, ты своего отца, в охоте перещеголял». Затем он поднялся со своего стульчика подошёл к зайцу, присел на корточки, и начал его внимательно рассматривать. Затем отец выпрямился и оговорит «Ну что же, надо бросать сапожничать и приниматься за зайца. Дывысь, маты, якый гарный подарок Сеня принёс для семьи». Благодаря этому зайцу, наша семья почти целую неделю была с мясом.

В другой раз это было по весне, я отогнал табун на пастбище, а сам поехал домой покушать. Смотрю в отдалении отара, подъезжаю к ней, там Михаил Чипурный пасет овец, я остановил лошадь, а сам сижу в седле, ко мне подходит Михаил, я на него смотрю, а у него один ягнёнок в руке, а два привязаны к поясу. Михаил мне говорит: «Сеня, возьми одного ягнёнка, а то, у меня рук не хватает, а матки будут же еще котиться, так что и не знаю, что с ними делать». Я согласился взять ягненка, Михаил подал мне его на лошадь где я сидел, положил ягнёнка на левую руку, а правой поддерживал, тронул лошадь и поехал домой.

Пока ехал я рассматривал ягнёнка, он такой маленький, шерсть на нём была светло-коричневая, и вся в кудряшках, а мордочка и ушки чёрные. Сначала он блеял, видать звал свою

маму, но затем у меня на руках пригрелся и затих, наверное, уснул. Когда мы заехали во двор, там были тато, мама и сестра Наташа, я им говорю: «Принимайте гостя» и не слезая с коня показываю им ягнёнка. Мои домашние сначала как то растерялись, но затем посыпались вопросы, что да как, а я им говорю: «Сначала возьмите ягнёнка, а потом я вам расскажу». Маленького дрожащего занесли в хату и сразу начали отпаивать его молоком, он напился молока и здесь же в хате уснул на соломе. Немного пожив в хате он окреп, и его переселили в сарай. Когда я уходил в армию, ему было четыре месяца, это был уже барашек, с курчавой светло-коричневой шерстью. Я подошёл с ним попрощаться, тато стоял рядом, я барашку сказал: «Расти большой, как я вернусь из армии, будет много мяса». На что тато ответил: «Когда ты сынок вернёшься, он уже будет таким старым, что ты его мясо и не угрызёшь. На это я отцу ответил: «Ладно, тато, смотрите тут сами, на меня не ориентируйтесь, а то после армии неизвестно где я буду». На этом и решили. Следующий раз я увидел своего крестника только через четыре года.

Он был всё в той же загородке, но уже среди других овец выделялся своими крупными габаритами, а шерсть была такая же курчавая, только теперь коричневого цвета. Стоим с отцом у загородки, я и говорю тато: «Вот он, стал какой большой, в росте перегнал всех остальных овец». На что тато мне ответил: «Большой-то большой, но мясо его ты не разгрызёшь, он перерос лишние три года, всё тебя ждали, хотя на него зарились твои братья Михаил и особенно Григорий. Но я сказал им этот баран Сенин и только он будет им распоряжаться, ну и они отстали от меня». На другой день, и шулюн был наваристый и мясо вкусное, так что лишние три года, моему барану не помешали. Но это будет потом, а пока я пасу табун и по пути охочусь, так сказать, совмещаю работу со своим хобби.

ЛИСА-ОБМАНЩИЦА

На другой день, я менял Лёньку Беленко на дежурстве по охране табуна. После обеда собрался уходить, а тато предлагает мне взять с собой собаку Лётчика пусть, говорит он, с тобой прогуляется, может, какую дичь и поймаете. Полёта я брать не стал, после вчерашнего боя ему нужен отдых, да и раны надо залечить. Еду на своём Гнедом, собака бежит сбоку, доехали до старого хутора, вроде никого не видно, повернули в степь. Не проехали и ста метров, как откуда ни возьмись, выскочила лиса, собака за ней, я верхом на лошади за собакой, и так дружно скачем. Я еду недалеко за ними и всё отлично вижу, как Лётчик нагоняет лису. И вдруг лиса исчезла. Но я охотник уже опытный и знаю, если среди чистой степи исчезает лиса или заяц, значит, где-то рядом нора.

Моя собака стоит на месте и лает куда-то вниз. Подъезжаю, слезаю с лошади, начинаю обследовать нору. Так вот нора, вот её отдушина, я черенком арапника потолкал в отдушину, чувствую что-то мягкое, скорее всего это там плутовка. Ладно, думаю, руками её тащить из норы, опасно может все руки искусать, значит надо тебя дорогуша, выкуривать от туда, иначе никак тебя не возьмёшь. Отошёл от норы метра на три и глазами выискиваю, горючий материл, чтобы разжечь костёр и затолкать его в нору. Тогда плутовка дымом задохнётся и из норы вылезет, а мы с Лётчиком её и подхватим. Вглядываюсь вдаль, но ничего не видно, вокруг голая степь, кизяки возможно и есть, но они сейчас под снегом и их не видно. Я стою, смотрю, и собака со мной тоже, стоит и смотрит, хочет мне помочь. Но, нет ничего подходящего, придётся рисковать и вытаскивать лису из норы рукой, иначе её не взять. Одеваю на одну левую руку две вязаные, варежки, заталкиваю её в нору, но ничего не нащупываю, я двигаю руку дальше, и снова нечего нет, тогда я затолкал руку до плеча, и рукой нащупал противоположную стенку норы, и только теперь я понял, что лисы в норе нет. Оказывается, пока мы с Лётчиком высматривали, что-либо для костра, плутовка выскочила из норы, и убежала от нас. Стоим мы с коллегой по охоте, горюем, как же так, лиса была у нас в руках и мы её упустили. Ну что делать, горюй не горюй, этим делу не поможешь.

Вечером пригнали табун и ночевали с Лётчиком там же в бытовке, поужинали сваренной мною кашей и легли спать. Ночь прошла спокойно, утром отогнали табун, и вернулись на базу, не доезжая до базы метров сто, моя собака рванула с места и побежала. За кем она побежала, я не видел, но раз побежала

значит по делу, моя собака зря бегать не будет. Заскакиваю на лошади за баз, там стоит Лётчик, а у его ног лежит ярко-рыжая лиса. Я слез с лошади, взял лису, поднял её на уровень плеча, затем встряхнул её и оценил её мех. Мех у лисицы был прекрасен, я привязываю лису к седлу и при этом, хвалю свою собаку, ласково гладил её по голове со словами: «Лётчик, ты молодец, за такою работу тебе полагается хороший обед». При слове обед, Лётчик усиленно замахал хвостом. Думаю вот собака, а человеческий язык понимает. Кода я привёз лису домой, то отец очень был рад нашей удачной охоте, да не только тато, вся семья радовалась. У нашей мамы я был как бы любимец, отчётливо это не проявлялось, но при каждом удобном случае она отцу меня хвалила.

Вот и на этот раз мама тату сказала: «Дывысь батько якый помощник вырос, а до него из наших сыновей никто на охоту не ходил. Правда, Мишка раза два сходил, а затем отказался. А Гришка тот не ходил по той причине, что не знал, будет удача на охоте или нет. А вот Сеня не такой, ты ему сказал, возьми собаку, может, что поймаете, и он, не отнекиваясь, взял её и вот результат». Отец молча стоял уже готовил пяльцы, чтобы снять шкурку с лисы, и не знаю, слушал ли он маму или нет, он не любил раздавать долгие похвалы, в чей-то адрес, если он в твой адрес сказал «Молодец», то этого уже достаточно. Мне как-то стало неудобно, что мама меня так расхваливает, ведь в хате не только мы трое, здесь была и Наташа, а так же Миша и Рая.

И я, чтобы уравновесить мнение обо мне, решил рассказать о том, как мы вчера с Лётчиком «вытаскивали» лису из норы. Смотрю на маму и говорю ей: «Мама Вы зря меня так хвалите, ведь охота у меня не всегда получается удачно. Вот только вчера нас с Лётчиком нагло обманула плутовка».

И рассказал им, как это было. Мама нас с моим коллегой назвала горе охотниками, а тато философски сказал: «На охоте всякое случается, так что это не удивительно». Мама согласилась, с ним и мне стало немного легче. А что страдать, лису то я домой все равно принёс, а это, как ни как заработок, шкурка стоила 60 рублей, а они на дороге не валяются. А вот ещё один охотничий случай.

Как то в средине февраля мы с отцом пошли на охоту, и как всегда по старому маршруту. Наш охотничий маршрут был таким, сначала к старому хутору Гашун, затем от него поворачиваем вправо в степь, и заканчивался он у дубков. Это была наша конечная точка, но не всегда. А в степи мы её пока всю не осмотрим, дальше не двигаемся. Ходили долго, кружили возле Сладкого лимана, затем пошли к ближнему лиману, но ничего не

подняли, причиной, скорее всего, была погода. Накануне выпал снег, да такой сильный, что всю землю накрыл белым покрывалом толщиной сантиметров в десять, вот заяц зарылся в снег и носа не кажет. В такую погоду его поднять очень трудно, в эту пору, заяц поднимается тогда, когда на него наступит охотник, или его собака, иначе нагретое место он не покинет. Дошли до ближнего лимана, решили, что сегодня не наш день и пошли домой. Тато закинул ружье на плечо, и молча идём, каждый думает о своём, вдруг, метрах в десяти от нас выскочил заяц, отец даже не успел снять ружьё с плеча, как собаки ринулись за косым. В степи, покрытой снегом, всё видно как на ладони, собаки быстро догнали зайца, а взять его не могут, он то и дело увёртывается от них и бежит дальше. Тогда собаки избрали другую тактику, они начали заворачивать зайца в нашу сторону, то есть на охотника, они знали, что охотник поможет им взять дичь. Отец увидел, что собаки повернули зайца на нас и говорит: «Молодцы, собачки, сейчас они зайчика к нам пригонят, и мы его возьмём тепленьким». И вот он долгожданный бежит метрах в двадцати от нас, отец прицелился, бух, мимо, ещё бух и опять мимо. «А тудыт перетудыт», — начал ругаться тато, заяц убежал, а собаки набегались, подошли к нам сели и сидят, тяжело дышат, высунув свои языки.

Отец отдал мне ружьё, подошёл к собакам, стал возле них на колени, обнял одного пса одной рукой, другого другой рукой, стоит и причитает: «Собачки вы мои дорогие, вы умницы, вы сделали свою работу хорошо, и вы не виноваты, что заяц убежал, это я, старый дурак, плохо сделал своё дело, понимаете, не попал по нему, всю жизнь хожу на охоту, а стрелять так и не научился».

Когда отец это говорил, то одновременно, ласкал собачек руками, а те на него смотрели и своим взглядом как бы говорили ему: «Ну ладно, что уж так сильно расстраиваться, не взяли сегодня, возьмём завтра, а сегодня нам просто не повезло». Затем отец поднялся на ноги и говорит мне: «Ладно, сынок, пойдём домой, раз сегодня не наш день, то тут ничего не сделаешь». Так в этот день мы пришли домой с пустыми руками.

БОРЬБА ЗА СВОИ ПРАВА

Где-то в середине февраля наша бригада табунщиков пополнилась ещё одни членом, и теперь нам стало легче, теперь мы работали не через день, а через два и у меня стало больше времени для охоты. Я Лёнке говорил ещё, когда мы стали с ним работать с табуном. Что это не правильно то, как мы работаем, человек должен работать восемь часов в сутки, и иметь один выходной в неделю, (тогда была шестидневная рабочая неделя), а мы с тобой, как прокажённые, через день по двадцать четыре часа в сутки и без выходных, так нельзя. Алексей выслушал меня и говорит: «А что ты мне об этом говоришь, ты нашему бригадиру скажи, может, подействует». Ладно, думаю я сейчас к бригадиру не пойду, немного поработаю, пойму, что к чему, а уж потом поговорю с ним.

И вот где-то в первых числах февраля я пришёл в бригаду к бригадиру, Николаю Орленко и говорю ему: «У нас табунщиков не правильный график работы. Мы с Алексеем дежурим через день и по двадцать четыре часа в сутки, так нельзя» — «А что ты возмущаешься, — начал на меня шуметь Николай, — всегда так работали и никто не возмущался, ты один нашёлся такой умный, тут тебе не город, у нас свои законы» — «Да нет, Николай, говорю ему, здесь ты ошибаешься, законы в нашем государстве одни для всего народа. В главном законе страны, то есть в конституции, сказано, что каждый гражданин имеет право на своё волеизлияние и должен работать по восемь часов в сутки и иметь один выходной в неделю. А сколько мы с Алексеем работаем, через день по двадцать четыре часа и без выходных, и это ты считаешь правильно.

Разве заведённые тобой порядки не идут в разрез главным законом нашей страны? Николай растерялся, сидел, молчал и не знал, что мне ответить. Такие высокопарные слова как права человека, волеизлияние, он, наверное, слышал впервые. Я и сам толком не знал, что это всё значит, но я слышал такие слов от нашей уборщицы на базе в совхозе № 4, так она отчитывала механика, когда он заставлял её убирать после работы. Вот я их запомнил и применил для дела. Николай, конечно, знал что конституция страны это праздник 5-го декабря, вывешивали плакат на правлении и на этом праздник заканчивался. Но права гражданина и прочее, это уже слишком, в такие дебри он конечно не влазил. Николай помолчал, затем говорит: «Ну ладно, допустим, ты прав, но что я должен делать?» — «Ты, как наш начальник, должен дать нам в смену ещё двух человек, тогда

нарушения конституции не будет». Уже миролюбиво Николай сказал: «Дать, а где я тебе их возьму? Ну ладно, вы пока работайте, а я поищу вам сменщика». На этом мы и расстались. И вот через некоторое время к нам пришёл ещё один работник. Хотя надо добавить четвёртого человека в смену, ну ладно можно и троим работать, теперь у каждого у нас будет по два выходных.

КОНЕЦ ГЕГЕМОНИИ КОРНОУХОГО ЛИСА

Как-то в один из дней, я отогнал табун на выпас, вернулся на базу, сдал смену Алексею, и поехал верхом на Гнедом домой покушать. За столом отец говорит мне: «Сеня, если ты не сильно устал, то может, поедешь на скотомогильник и посмотришь, ходят ли туда лисы за мясом». Я об этом тоже слышал от чабанов у кошары, у которой находятся скотомогильник. Недолго думая, я шапку на голову, ружьё в руки, кликнул собак, на гнедого и поскакал. Как только я выскочил за хутор, подул западный ветер и пошёл снег. По мере отдаления меня от хутора снег летел всё сильнее и сильнее.

До кошары было километров четыре или пять. Крупной рысью, я быстро доскакал до кошары, привязал Гнедого к воротам, сам с собаками по соломенной стене база, пригнувшись быстрым шагом, пошёл к торцевой стенке, откуда было видно яму скотомогильника. Устроившись на стене я начал наблюдать за ямой, есть ли там лисы или лиса в настоящий момент. Но увидеть, что там есть, было трудно, так как снег залеплял мне глаза, да и вообще ямы было не видно, снег от неба до земли стоял стеной. Я практически нечего не вижу, белая пелена стоит перед глазами. Рядом со мной лежат на брюхе собаки, и по их поведению я вижу, что в яме, есть какой-то зверь, и кроме как лисе там больше быть некому. Собаки от напряжения дрожат всем телом, готовы в любой момент сорваться и нестись, сметая всё на своём пути, только дай им команду. Но я команду не даю, так как знаю, что преодолев такое расстояние по глубокому снегу, а до ямы примерно метров сто, собаки выдохнутся, а лиса со свежими силами легко от них уйдёт. Я знал, что яма находится рядом с дорогой, по которой чабаны возят туда погибший скот, хоть дорога сейчас частично занесена снегом, но по ней собакам будет бежать всё же легче чем по бездорожью. Я решил на лошади объехать кошару справа, выехать на дорогу и затем пустить собак. Я спускаюсь со стены, зову за собой собак, но они идти не хотят, повизгивают, вертятся на месте, на меня смотрят с упрёком, как бы говоря: «Куда ты пошёл, садовая твоя голова, там же лиса, мы же знаем. Мы же, собаки, лучше вас, людей, видим и слышим. Вы, люди, по сравнению с нами собаками, глухие и слепые». Тут они правы, я их упрёк понял, но не принял, и они хоть и нехотя, но всё же пошли за мной. А как же, обученные. Я сел на лошадь, объехал кошару, выехал наподобие дороги, ветер начал нам дуть сбоку, я подумал, это хорошо если в яме есть лиса, то она нас не учует. Поехали дальше, когда, по моему мнению, до ямы

оставалось метров семьдесят, я отпустил собак, они со скоростью молнии рванулись вперёд. Уже через секунду я их не видел. Снег, не переставая продолжал идти, и видимость была плохая. На лошади я поскакал вслед за собаками, и тут снег неожиданно перестал сыпаться с неба, и сразу стало светло.

Подскакав к яме, я увидел только чёрную дыру в снегу, ни моих собак, ни лисы там не было. Я уже успел расстроиться, как вдруг услышал лай, а затем и заметил своих собачек дальше по дороге и не одних. Когда я подъехал ближе, то увидел такую картину, прямо посреди дороги стоит ярко рыжая лиса, а по бокам от неё, стояли мои собаки и лаяли, но лису не брали. У меня ещё мелькнула мысль, почему они её до сих пор не задушили, но когда присмотрелся, то понял почему. Передо мной во всей красе стоял лис «Корноухий» своей собственной персоной.

У меня в груди радостно и между тем тревожно заколотилось сердце. Как же, вот он рядом, но его надо ещё взять, а это, как известно, не просто, если собаки его боятся. Но радость всё же переполняла моё сердце, как же, вот он корноухий, и я его возьму и весь «куриный» люд нашего хутора будет мне благодарен, да и не только нашего хутора, а, почитай, всей округи. Я уже мысленно видел себя героем, вживую ощущал, как меня благодарят люди, и вдруг всё моё радостное состояние испортил этот корноухий лис, он взял и побежал по дороге, да так быстро, что собакам пришлось прилагать максимум усилий, чтобы от него не отстать. Я подумал, что он может уйти, ведь собаки держали, ждали меня, охотника, что приеду и сразу решу этот неразрешимый вопрос. А я, ничего не предпринимал, только стоял и тешил себя иллюзиями. Ведь собакам, моя тягомотина может надоесть, они от этого устанут и могут убежать домой, такое в моей охотничьей практике уже было.

Но я об этом писать не буду, уж сильно я там опростоволосился. Я пришпорил Гнедого и за ними. Рыжий хитрец бежит по дороге и в сторону не сворачивает, потому что знает, что снега там больше, и он потеряет своё преимущество над собаками. Мой Гнедой вытянулся в «струнку», и я заметил, что мы быстро стали догонять беглецов. Лис это тоже заметил и остановился, ведь борьба с собаками для него это одно, а когда уже рядом, охотник на лошади, это совсем другое, тут надо принимать неординарное решение. Когда лис остановился, собаки стоят рядом с ним, я понял что надо срочно принимать меры. Я слез с лошади, вскинул ружьё наизготовку, но стрелять мне было неудобно, я мог задеть свою собаку. Тогда я позвал собак к себе, они нехотя, наверное, опять обо мне подумали нехорошо, но всё же пошли ко мне, при этом, не спуская глаз с

корноухого лиса.

Как только собаки пошли стороной от лиса, он повернул голову за ними, и этого мне было достаточно. Грянул выстрел, и гегемония корноухого лиса, закончилась. Какой же большой был этот зверь, по размеру туловища он был равен нашему рыжему псу Лётчику, только немного ниже ростом. Силища у него была невероятная, ну если две собаки боялись его брать, это о чём-то говорит. На его спине шерсть была огненнорыжий, морда и уши были чёрные, как и у всех лис, и не было половины уха, за что его и прозвали «Корноухим». Поблагодарил собачек за удачную охоту, затем я, привязав лиса к седлу пришпорив коня, поскакал в хутор.

Сначала хотел проехать возле МТФ, затем по переулку возле хаты Михаила Зверя, а дальше по огородам и домой. Но потом я подумал, как же так, уничтожив врага куриных хозяек, и я буду прятаться в огородах, мне надо проехать по центральной улице нашего хутора, пусть все видят кто я такой. Так и сделал, но как назло подвела погода, снова пошёл снег и мою демонстрацию мало кто видел. А посмотреть было на что, даже то, что лис был привязан к задней части седла, и практически лежал на спине лошади, хвост его болтался ниже её брюха. Те редкие прохожие, которые мне встречались по пути, спрашивали меня: «Сеня, ты что, корноухого взял?» Я расплывался в улыбке и победоносно отвечал: «Пришлось взять, а то если не я, то кто же».

Но главное было дома. Когда я занёс в хату лиса и небрежно бросил его на солому у печки, а сам разделся и принялся чистить ружьё, отец оторвался от своего сапожного дела, посмотрел на мою добычу и с восхищением произнёс: «Ну и зверя ты добыл, сынок». Я молча чищу ружьё, сдерживаю внутри себя порыв похвастаться добычей. А отец поднялся со стульчика, присмотрелся к лису и говорит: «Да ты, сынок, никак Корноухого лиса взял, а что же ты, мне об этом не говоришь?» — «А что мне говорить, по возможности спокойно ответил я, я же не один его брал» — «А с кем?» Не удержался от вопроса отец. «Да вот с ними», — кивнул я на собак, которые в это время дружно поедали кашу с мясом, приготовленную мамой. Мне очень хотелось похвастаться и в красках рассказать, как всё было, но я знал, что отец на дух не переносит хвастовства и себя сдержал, а когда отец спросил: «Как тебе это удалось?» Я скромно ответил: «Не просто было, тато».

После этого несколько дней я по хутору ходил в ранге героя, а что, хоть и хуторской, а герой, потом всё поутихло, позабылось и всё стало на свои места. Когда тато снял шкуру с корноухого лиса, высушил, а затем повесил её на стенку, где уже висели

шкурки зайцев и лис, то шкура корноухого разительно отличалась своими большими размерами от прочих шкурок. Директор нашей школы, узнав, что отец охотится, пришёл к нам со своей женой выбрать мех жене на воротник. Его жена увидела мех корноухого лиса, сразу сказала мужу, что хочет его. Немного поторговались, и тато уступил им шкуру корноухого лиса, за сто рублей. Вот таков был конец гегемонии корноухого лиса.

А время шло, зима катилась к своему неизбежному концу, снег на полях практически растаял, днём светило солнце и была плюсовая погода, а вечером и ночью были небольшие заморозки. В это время я с табуном уже не работал, отца перевели работать объездчиком полей, и мне пришлось уйти от табуна, так как я в колхоз записываться не хотел и поэтому работу мне не давали. Хотел в колхозе работать по найму, но в нашем колхозе такая услуга не практиковалась, и поэтому я как бы был безработный. А отец продолжал работать, бригадир дал ему тележку, мы её называли просто тачка, в которую запрягалась лошадь, и на ней отец объезжал поля. Он охранял в основном озимую пшеницу, чтобы её скот, не потравил, то есть не поел всходы и не потоптал. Я с отцом тоже ездил несколько раз, он мне объяснил, что и к чему, чтобы я в следующий раз мог работать один.

Потом я ездил и брал с собой собак, не на охоту, а просто так, чтобы они прогулялись. Кто не знает, то я вам скажу, собаки, которые занимаются охотой, не могут долго быть без работы, день, максимум два, и всё, им снова надо идти на охоту. Вот так и наши собаки, они в хате никому покоя не дадут, если вовремя никто не пойдёт с ними на охоту. Они ходят по хате взад-вперёд, скулят, визжат, кто-то из семьи одевается, чтобы выйти на улицу, собаки думают, что это на охоту и рвутся во двор. Одним словом, беда с ними, лучше пойти в степь и пусть они набегаются.

Как-то был случай, когда наши собаки три дня не были на охоте, я тогда ещё табунщиком работал, и у меня заболел сменщик, и поэтому пришлось за него дежурить, и дома я не был три дня. Прихожу домой, оба борзых прямо набросились на меня, думаю, что это с ними случилось? Оказывается, отец заболел, и не ходил на охоту вот они и бесятся. Ладно, думаю, надо идти, а то эти хвостатые сами с ума сойдут и всех в доме с ума сведут. Пошёл с ними по своему старому маршруту. До старого бывшего хутора Гашуна от него, повернул вправо и пошел в сторону кошары, где я взял корноухого лиса. Шёл быстро, не так, как ходит отец, петляя от кустика полыни, к другому кустику выискивая зайца. Но я же не на охоту пошёл, а прогулять собак, вот я их и прогуливаю быстрым шагом. Думаю, сейчас километров восемь-десять намотаем это, и станет для собак

настоящей прогулкой. Правда собаки, не в пример мне обнюхивают каждый кустик, стараются выгнать зверя, и один раз у них получилось, но заяц поднялся так далеко, что бежать за ним только время потерять. Не доходя до кошары метров пятьдесят, я увидел, как ко мне несутся две чабанские собаки-волкодавы.

Эти собаки большие по величине и очень злые, если на кого налетят, то разрывают на куски. Они смело вступают в драку с волками и практически всегда побеждают их. Мои собаки, увидев таких «гостей», ощетинились и были готовы принять бой, но я знал, что этот бой будет не в их пользу и дал команду к ноге, а сам взял ружьё наизготовку, и дал выстрел верх. Волкодавы остановились, затем прижались брюхом к снегу и крадущими шагами стали приближаться к нам. У меня было двуствольное ружьё, и в запасе был ещё один выстрел, но я для подстраховки перезарядил и другой ствол, и подумал, как только непрошеные гости, приблизятся на расстояние десяти метров, я буду стрелять на поражение, а с такого расстояния я не промажу. А волкодавы двигаются ко мне, как будто моё ружьё их и не касается, они уже так близко, что я вижу их большие туши, покрытые чёрной лохматой курчавой шерстью, огромные морды и злые глаза. Я приготовился к стрельбе, вскинул ружьё, приклад упер в правое плечо, и ещё секунда и один из злодеев был бы мёртв. Но тут я услышал крики, я приподнял глаза и увидел что кто-то бежит от кошары и кричит. Что этот человек кричал, я пока понять не мог, но было видно, что он обращался ко мне и, наверное, к своим собакам. Волкодавы тоже услышали крики, агрессия их, как-то потухла, они брюхом легли на снег и чего-то ждали. Но я ружьё не опускаю, а держу на изготовке для стрельбы. Наконец прибежал чабан и это был Миша Чипурный, ну тот, который мне подарил ягнёнка, я об этом раньше писал. Миша говорит: «Сеня я сейчас запру в сарайчик собак, а ты в гости ко мне, я как раз варю мясо, так что вместе и поедим». Мясо! Это хорошо и я согласился.

Только зашли в Мишино жилище я сразу унюхал запах варёной баранины, ну думаю, раз варится баранина, значит, будет и шулюн, а горячий шулюн поесть с морозца очень даже хорошо. Мы с Мишей поговорили, он меня порасспросил о моей жизни вне дома, я его спросил, как он живёт, затем, я поел немного шулюна с кусочком хлеба, а от мяса я отказался. Конечно, я не против мяса, но мне идти ещё далеко, а наевшимся идти трудно, вот я и решил воздержаться. Михаил меня не понял и, наверное, подумал, что я не нормальный, как так, в полуголодное время отказаться от мяса, затем сказал: «Не хочешь сейчас мясо, тогда возьми с собой, как проголодаешься вот тогда и поешь, и сунул в мою холщовую сумку два куска мяса, предварительно завернул их

в какую-то белую тряпку. Потом он меня провожал, и мы с ним шли и снова говорили о его чабанских делах. Затем он вернулся к себе, а я с собаками пошел своим маршрутом.

Круг я сделал приличный, уходил с хутора на южную сторону, а зашёл в хутор с северной стороны. Прошёл такое большое расстояние и ни зайца, ни лисы, ну что делать просто какое-то невезение. Пошёл домой и, не доходя до ближайших хат метров двести, выскочил заяц, я вскинул ружьё, выстрелил, мне показалось, что заяц упал, но оказалось, что он не упал, а только споткнулся и снова побежал. Но вот эта временная его заминка дала собакам возможность быстро его взять. Ну и ладно, думаю, хоть не с пустыми руками домой приду. Дома были рады моей добычи, ведь уже три дня как живём без мяса и жира. Отец осмотрел зайца и спросил меня: «Стрелял?» Я ответил что стрелял, но попал или нет, не знаю. Когда тато начал снимать шкуру с зайца, то в правой ноге обнаружил дробину, достал её и показал мне. Так вот почему он споткнулся, я всё-таки в него попал. Когда я вошёл в хату, то сумку свою положил у входа на лавку, а когда разделся, взял сумку и говорю маме: «Мам, а вот ещё гостинчик», мама перебила меня и спросила: «От зайчика?» — «Ага, — говорю, — от зайчика которого зовут Миша Чипурный», и подаю ей сверток.

Мама осторожно берёт, кладёт на стол, разворачивает, и как всплеснёт руками, и тагу говорит: «Батько, ты посмотри, что Сеня принёс». Тут к маме сбежалась вся семья и вскоре от принесённого мною мяса остались только кости, которые потом грызли собаки. Но всё это было зимой, а сегодня на дворе почти весна, вот это «ПОЧТИ» и сыграло с нами злую шутку.

ТЯЖЕЛЫ ОХОТНИЧЬИ ТРОФЕИ

На дворе уже в свои права вступает весна, особенно это заметно днём. Хотя утром ещё чувствуется лёгкий морозец, но днём солнце берёт своё. Как-то в конце марта тато говорит мне: «Сеня, завтра последний день охоты, так что надо сходить поохотиться. Начнём от дубков, затем пойдём на озимые, там заяц должен быть». Сказано сделано.

Вышли рано утром по морозцу, ночью выпал небольшой снег и едва прикрыл землю. Идти было легко, и мы быстро дошли до дубков, из них выгнали лису, и собаки её быстро взяли. Ладно, думаю, хоть не с пустыми руками возвращаться домой. Затем мы пошили к лесной полосе, что граничит с землями села большой Джалги, километра два вдоль неё и повернули в сторону хутора в поля озимой пшеницы. Солнце поднялось уже высоко, снег растаял, и образовалась грязь, и создалось такое положение, сверху грязь, а сама земля, замёрзшая и грязь, которая прилипает к сапогам на них же и замерзает. Нам то и дело приходится очищать сапоги от грязи, а то на них столько намерзает грязи, что они становятся пудовыми. Тоже самое происходит у собак, они тоже останавливаются и стряхивают примёрзшую грязь. А для зайца ещё хуже, у собак хоть подушечки ног голые и грязь не так прилипает, а у зайца они волосатые и к его лапам ещё больше прилипает грязи и замерзает, и у него на ногах получается, что-то вроде свинцовых башмаков, и с ними бежать он совершенно не может. И как только заяц поднимается, собаки его метров через двадцать-тридцать берут. И поэтому получилась такая катавасия, по озимым мы прошли метров пятьсот, а у нас на плечах уже четыре зайца, да ещё лиса у тата на плече висит, так что с охотой надо заканчивать. Слышу голос отца: «Ну что, сынок, хватит, четыре зайца да лиса, куда больше. Давай в лесной полосе отдохнём, перекусим, и пойдём домой». Я не возражал.

На перекус у нас было по кусочку хлеба и по маленькому кусочку сала, мамин резерв для охотников. Сидим на поваленных деревьях жуём, собаки от меня не отходят, преданно заглядывают в глаза и просят хоть маленький кусочек. Тато меня предупреждает, чтобы собакам еду не давал, у них сил домой дойти хватит, а вот мы без еды, можем и не дойти. Он мне ещё говорит, что наступит голодная усталость и тогда «пиши, пропало» (Поговорка). Я ещё подумал, ну какая усталость, я молодой, здоровый, да меня никакая усталость не возьмёт, и с собаками разделил свою еду, разумеется, тайком от отца. Покушав, мы пошли по лесной полосе, там была сухая

прошлогодняя трава, и по ней было идти легче, чем по земляной дороге. Но затем всё же пришлось идти по дороге. До хутора оставалось с полкилометра, чувствовалась сильная усталость, всё-таки тащить четыре зайца русака, это вам не фунт изюма, так что пришлось нелегко. Но, всё-таки, чувствую, что до дома дойду. Тато говорит, пойдём огородами не будем хуторян дразнить своими охотничьими трофеями. Ну, огородами так огородами мне ведь всё равно. И всё было бы хорошо, если бы не эти ненормальные зайцы. Вот он хутор, рукой подать, а заяц возьми и выскочи из старой прошлогодней травы, и, дурачок, побежал в озимые. Не пробежал и пятидесяти метров, как тут же был схвачен борзыми собаками. Я положил у дороги свою поклажу и пошёл за очередным трофеем.

Поднимаю косого с земли без особого желания, а в голове вертится мысль, тех еле тащим, а тут на тебе ещё один, как с ними справиться. Но бросать же не будешь вот, и несу, хотя бы больше зайцы не выскакивали, подумал я. Только подумал, прямо у дороги выскочил ещё один дурачок и тоже в озимые побежал. Его ждала такая же участь, как и первого ненормального. Притаскиваю ещё двух русаков, кладу рядом с теми зайцами, и думаю, как же всё это тащить. Тато предлагает, ему два зайца, лису и ружья (у нас было два ружья, одно своё, а другое мы брали у Якова Кошевого). С его предложением я не согласился, потому что вижу, отец устал больше моего, предлагаю ему, что я возьму всех зайцев, а Вы, тато, лису и ружья. Лиса была небольшого размера, так что не очень тяжёлая. Связал верёвкой всех шестерых зайцев, по три на каждой веревке, одну связку положил на одно плечо другую на другое, и потихоньку пошли дальше. Дошли до огорода хуторянина Коробки, чувствую, что силы покидают, тут я вспомнил слова отца, чтобы еду кушал сам, а не кормил ею собак, но его не послушал и вот тебе результат. Отец говорит: «Давай, сынок, тут отдохнём, трава высокая хоть и прошлогодняя, на ней будет хорошо отдыхать. Сняли ношу и легли на землю, немного полежали и я чувствую, как меня потянуло в сон, посмотрел на отца у него глаза тоже закрытые. Думаю, нет, так нельзя, земля-то ещё мёрзлая, можно и простыть. Поднялся и говорю отцу: «Тато, давайте вставать, а то земля холодная, можно простыть». Отец с трудом поднялся, вижу, его силы покинули больше, чем меня, я беру своих зайцев, лису и оба ружья и говорю тато: «Вы хоть без ноши дойдите домой, а я как-нибудь справлюсь, всё донесу до дома». С грузом поплелись дальше, пересекли Дыренский переулок, вышли в старые огороды, которые ближе к нашему огороду.

Кое-как доплелись до нашего огорода, но там канава,

неглубокая, в другое время я её просто перепрыгивал, но не сейчас. В данном случае всё вышло не так как раньше. Спустились с отцом в канаву, а вылезти из неё не можем. Отец предложил отдохнуть и набраться сил, а потом идти дальше. Так и сделали, легли на склон канавы и лежим, ждём, когда придут силы. А наши собаки, смотрят на нас и видят что мы ни какие, немного возле нас покрутились и рысцой побежали через огород домой. Лежим в канаве молча, сил даже разговаривать нет, ждем их подхода из внутренних резервов организма, я чувствую, что уже начал замерзать, а они, то есть силы, не подходят. Я понял, что ждать нечего и говорю тато: «Пойдёмте, уже немного осталось, как-нибудь дотащимся. Приподнимаюсь, смотрю, к нам идёт мама, я говорю: «Тато, а нас встречают» — «Кто?» — спросил отец, не поднимаясь. «Да мама, кто же ещё нас будет встречать». Мама подошла к нам и говорит: «Я смотрю, собаки бегут через огород, а вас нет, ну, думаю, значит, что-то случилось с моими охотниками, и пошла вас искать, а вы, оказывается, канаву перелезть не можете». Отец поднялся на ноги и говорит: «Не можем, маты, не можем, так с Сеней заморились, что и неглубокая канава для нас непреодолимая преграда». Мама взяла три зайца и лису на одно плечо, оба ружья на другое и пошла домой. Мы тоже выбрались из канавы и последовали за ней. Мы пришли домой рано, ещё было светло и улеглись спать, а когда проснулись, то было уже темно, встали, ещё немного перекусили, и принялись снимать шкурки с трофеев, добытых на охоте. Кода я снял шкурку с первого зайца, тато сказал маме: «Возьми и отнеси Груне, отдай всего зайца, ныхай сама мяса поест, и детишек своих покормит. Мяса было много, практически всё его засолили в двухведёрную кастрюлю, чтобы дольше хранилось. Потом с мясом были две или три недели, хоть на столе его было и не так много, но оно было постоянно, что поднимало настроение и давало силы. Вот таким мне запомнился последний день охоты, конца охотничьего сезона 1954 года, как вы уже знаете он был успешным и не простым. В заключение об охоте хочу написать следующее. Я вот всё время пишу о дубках, пришли к дубкам пошли от дубков и так далее. То есть, это слово постоянно фигурирует в моём повествовании, а что такое «дубки», я вам не объяснил. Так вот, чтобы исключить этот пробел я вам расскажу о «дубках».

В начале 50-х годов прошлого века, правительство решило Сальские степи засадить лесными полосами. А то, что же это получается, в степях практически снег не задерживается, его ветрами куда-то уносит или на север или в Сибирь, и как результат зимней влаги хватает на два месяца, а затем, вся трава

«выгорает» и пасти стада животных негде. Правительством страны было принято решение всю степь «перекрестить» лесными полосами, и не только лесными полосами, а создать там лесные массивы и тогда ветер снег не унесёт. Ну, раз правительство решило, то надо делать. Были созданы лесозащитные станции, которые этим и занимались. Приехали учёные брали пробу грунта, узнавали какая погода в здешних местах и решили сделать лесные полосы из дубов. Местные жители как узнали такое решение учёных, тут же запротестовали. Они говорили «науке», что в наших местах нельзя сажать такие теплолюбивые растения как дуб или бук, они у нас замёрзнут. Ведь у нас зимой снега практически нет, а морозы бывают до минус 25 градусов. Местные жители говорили учёным, что если вы хотите что бы у нас были лестные полосы, то посадите степную акацию, и это будет гарантией, что лесная полоса вырастет, и будет приносить пользу. Но учёные, ссылаясь на анализ почвы и на среднегодовую температуру региона, решили сажать дубы. Но что сделаешь, сетовало местное население, у них наука, а главное у них власть, что решили то и сделают. И работа закипела. Первые годы выращивали саженцы и затем посадили большой лесной дубовый массив. В размерах он был метров 100 в ширину, а в длину, я точно не знаю, но говорили что четыре километра. Пока деревья были небольшие, то местные жители назвали их «ДУБКАМИ». Первые несколько лет зимы были тёплые и растения прижились и росли. В частности, когда я жил в хуторе, то они были живые. Но шло время, и вот в начале 60 годов я приехал к родителям на побывку. В одно утро отец мне говорит: «Слухай, сынок, давай поедем в дубки и напилим там дров, а то матери зимой нечем будет топить. Когда тебя не было, звал Мишку, но разве он пойдёт». Я, разумеется, сразу согласился, для меня работа это удовольствие, тем более родителям помочь.

Что значит отцовское «напилим» я не знал и в подробности не вдавался. Я думал, что это также, как у нас в Сибири, тайга, а в ней полно всяких сухих деревьев. Когда мы упряжке подъехали к дубкам, то я их не узнал. В ряд стояли деревья высотой три-четыре метра и все сухие, а в междурядье рос высокий бурьян. На меня такая картина подействовала удручающе. Я чтобы узнать, что к чему спросил у отца: «Тато, а что случилось с дубками, ведь они уже большие, а учёные говорили, что если посадки 2–3 года выдержат, то тогда для них никакой мороз не страшен». Отец посмотрел на меня и говорит: «Ну что эти учёные понимают, им местные жители говорили, что надо сажать акацию, так нет, они всё делали по науке, вот и получили результат».

Вот такая грустная история о «дубках». В заключение о том,

как учёные ориентировались на среднегодовую температуру. Получилось точно так, как по анекдоту. В больницу заходит высокое начальство и спрашивает у медицинского персонала, как дела в больнице? Те дружно отвечают, что нормально, средняя температура больных в больнице 36,6 градусов. Высокое начальство, довольное ответом, удалилось. А то, что в это время один больной корчился от пониженной температуры тела, а другой, наоборот, от слишком высокой температуры, это в счёт не бралось, это, как говорится, частности. Вот так вышло и с нашими дубками.

ПРИЗЫВНИКИ

В марте месяце было ещё одно очень важное событие для хутора. Из Ипатовского военкомата пришла повестка сразу на восемь призывников, в которой было указаны фамилии, кому надо было явиться в военкомат. Эта же повестка обязывала местное руководство доставить призывников к девяти часам такого то дня. Такой-то день наступает послезавтра, значит, нам надо выехать завтра и пораньше, чтобы успеть, ведь до села Ипатово не близкий путь. Вот наш бригадир и забегал по хутору, собирал призывников, рассказывал, когда ехать и на чём. Собрались ехать завтра с утра, но на чём ехать, на бричке, так вроде ещё снег лежит, правда он такой мокрый, что вот-вот растает. Пока судили, рядили, пошёл снег, и теперь на чём ехать сомнения отпали. Бригадир дал нам пару коней таких крепких здоровых, а один из них очень норовистый, в хуторе говорили, что они германской породы, так вот этого норовистого коня, звали «Немцем». Ну, раз германской то, что с них возьмёшь, германцы они и есть германцы, а Немец тем более, лишь бы нас отвезли в Ипатово. Сначала уселись все в санки и поехали, но не доехали до села Бурукшун, наши лошади выдохлись, тогда мы все пошли пешком за санями, а погонщиком остался только Николай Звада, по кличке «Чудак». Он был невысокого роста и щуплый, так что весил немного и пусть он погоняет. К ночи мы добрались до постоялого двора, что рядом с селом Кивсала. Там мы остановились отдохнуть, вся братва сразу пошла в хату, а я и Николай Звада остались около лошадей. Мы выпрягли лошадей, поставили под навес, дали им сено, а затем пошли в хату. В ней на полу вповалку лежали наши коллеги по несчастью, мы с Николаем тоже легли, думаю, отдохнём немного и дальше поедем. Как-то так получилось, что я ни с того, ни сего стал в нашей группе старшим. И все это признали, хотя в ней были, и наш хуторской комсомольский вожак Николай Сало, и Григорий Мирошниченко, наш главный рассказчик на саманных посиделках, но именно я стал руководить всем. Байки Гриша Мирошниченко рассказывал страшные, и при том, что одна байка была страшнее другой. А здесь в хате на стане, мы с Николаем тоже пристроились в углу на соломе, и пока я отдыхаю, и делать мне как бы нечего, то я воспользуюсь этим временем и расскажу вам о наших байках и о действиях зловредных сил.

ХУТОРСКИЕ БАЙКИ

Сбор хуторской ребятни был организован на куче самана, который находился за хутором. Вот там и рассказывались всякие байки. Особой изощрённостью рассказа о страшилках в нашем коллективе отличался Григорий Мирошниченко, по прозвищу «Кабан» сын продавца лавки, а раз сын продавца лавки, значит хуторская интеллигенция. Он рассказывал такие жуткие истории, что когда их наслушаешься, потом в темноте страшно было идти домой. Когда по хутору мы шли толпой, то не так страшно было, а вот когда ребята расходились по домам, и от клуба мы с Иваном Поповкой, шли одни, вот тогда нас брала жуть. Темнота ничего не видно, того и смотри, чтобы тебя не схватила или ведьма, или черти и куда-нибудь не затащили. Вот Гришка же рассказывал, что человек ночью шёл по улице села Дивное, уже подходил к своему дому, и тут его как схватит нечистая сила и утащила в своё логово. Вот так и нас и Иваном могут схватить и унести куда-то. Да ещё эти собаки и кошки, и так страшно, а тут ещё они, в самый неподходящий момент то тявкнет, то мяукнет, ужас как страшно. Я мысленно возмущаюсь их поведением и говорю им: «Ну что вам не спится, не натявкались и не намяукались за день что-ли?» Но мне-то ещё ладно, а вот Ивану Поповке надо было идти мимо Дериной ямы, а в ней водятся черти, об этом нам бабки сказали. Днём-то их не видно, а вот ночью они выходят на промысел. А самое страшное для него было то, что надо было проходить возле двора бабы Сурмилихи, а она ведьма и это точно, об этом знали все хуторские мальчишки, потому что мы сами её проверяли на предмет причастности к ведьминскому делу, так что это точно. А получилось вот как. В теплые весенние дни, когда в поле работы ещё было мало, молодые парни собирались у Стаценковой ямы, усаживались на бережку на зелёную травку и травили всякие байки и страшные, и не очень.

Мы, мальчишки 7-12 лет, раскрыв рты, слушали, старались не пропустить ни одного слова. И вот когда дело дошло до чертей и ведьм, то Михаил Зверев в подтверждение своих слов о ведьмах сказал: «А что, вы не верите, так у нас в хуторе тоже живет ведьма». Тут сразу посыпались вопросы: «А кто, Миша, скажи?» Михаил не стал томить ожиданием и показал на двор Сурмиловых и сказал: «Да вот, бабка Сурмилиха, истинная ведьма». Мы все с недоверием смотрим то на Зверева, то на двор Сурмиловых. Михаил понял наш немой вопрос и говорит: «А вы сами проверьте и убедитесь что я прав». Встал вопрос, как проверить, и Михаил объяснил, что надо взять палки, подойти к

воротам Сурмилихи и бить по ним палками. Если бабка выйдет и начнёт ругаться, то значит она ведьма. Мы быстро начали по дворам искать палки, затем, вооружившись ими, пошли, и начали колотить палками по воротам. Из хаты выбежала бабка Сурмилиха, и начала накричать на нас, обозвала сукиными детьми, и мы довольные проверкой побежали к Стаценковой яме. Проверка показала, что Михаил прав, если она, на стук палок по воротам, вышла и нас отругала, то это стало доказательством её причастности к ведьмовскому шабашу.

Позже, когда мы выросли, то поняли, что бабушка Сурмилова ни какая, не ведьма, просто между Сурмилихой и Михаилом был какой-то конфликт, и Михаил, чтобы отомстить бабушке Сурмиловой натравил нас, несмышлёнышей, на неё. Да и в Дериной яме, никаких чертей не было, это нас бабки пугали ими, только зачем? Но, мы это узнали, когда уже выросли, а в то время, верили, и очень боялись ходить у её двора. А вот Ивану хочешь, не хочешь, приходилось идти, вот парень страху натерпелся. Но это было давно, а сейчас я на постоялом дворе лежу и отдыхаю.

Отдыхать пришлось недолго, ведь нам надо было к девяти утра быть в военкомате, а туда добираться ещё часов пять. Когда я ложился отдыхать, то предупредил хозяйку хаты, чтобы она разбудила меня в четыре часа утра. Проснулся я от того что меня кто-то толкал в плечо, при свете лампы я увидел лицо хозяйки, он сказала что уже четыре часа и она нам на завтрак, приготовила чай с сухариками. Я дал команду всем подниматься и пригласил к столу попить чай с сухариками. Народ поднимался нехотя, но как услышали о еде, зашевелились быстрее. Лошади никак запрягаться не хотели, они думали, что отдыхать будут до утра, а потом поедем домой, а оно вон что получилось, мало того что насильно их запрягли так ещё и ехать надо дальше от дома. Это им не нравилось и они то и дело останавливались, затем под нашим напором двигались шагов на десять вперёд и опять останавливались. А тут ко всему ещё испортилась погода, подул встречный ветер и пошёл обильный мокрый снег. Николай Звада, так же сидел на поперечной доске в санках, что-то в виде облучка, и погонял упрямых лошадей, в один момент, кони так достали его, что он стегнул рыжего жеребца кнутом, тому, видать, это не понравилось, и он в ответ лягнул Николая.

Удар пришёлся погонщику в подбородок, Николай кубарем слетел с санок и растянулся на снегу. Я шел с той стороны санок, куда свалился Николай, подскочил к нему, а он никакой, зову его, а он молчит. Все в растерянности смотрят друг на друга, никто не знает что делать. Ну, думаю, раз я признан как бы лидером этой

группы, значит мне и решать. Я говорю парням: «Давайте его положим на санки». Вчетвером, осторожно взяли за руки и за ноги и положили его на санки. Затем я расстегнул ему ворот фуфайки, думаю, может это поможет ему и он очнётся. И действительно, вскоре Николай очнулся и хотел подняться, но я ему сказал, чтобы он лежал в санках, а сам взял лошадей под уздцы и пошёл впереди их. Но рыжий жеребец не хотел идти и не давал это делать такой же рыжей кобыле. Тогда я решил поговорить с жеребцом, подошёл к его морде, сказал ему несколько «Ласковых» слов, а затем, дал ему кулаком по сопатке, взял в руки вожжи, огрел кнутом рыжего по ребрам, дал понять кто здесь хозяин, рыжий, пошёл как миленький. Он сначала шёл быстрым шагом, но затем самостоятельно перешёл на рысь. Я на ходу заскочил в санки и дал команду парням садиться, а что, снега много санки идут легко, хватит нам ноги бить. Парни весело заскочили в санки, а Григорий Мирошниченко, тот самый страшильщик, сказал: «Сеня, тебе сразу надо было взяться за вожжи, так мы бы давно были бы в Ипатово и не пешком». Как бы там ни было, в военкомат мы прибыли вовремя.

Когда мы всей толпой явились в приёмную военкомата, то там сидела только одна девушка секретарь, и больше никого не было в обеих комнатах. Девушка, увидев такую толпу «пришельцев», широко открыла глаза и спросила: «А вы это откуда? И так вас много». Такой вопрос меня, мягко говоря, озадачил, если не сказать возмутил. Я ей показываю повестку и говорю: «Насколько я понимаю, эта повестка из вашего военкомата?» Она взяла в руки повестку посмотрела и говорит мне: «Да из нашего. А, так вы прибыли по повестке, ну так бы и сказали. Тогда подождите немного, я вас долго не задержу, сейчас всех вас запишу в журнал, и можете быть свободны». Я своим ушам не поверил, столько мучений и все для того чтобы записать в журнал. Я в жёсткой форме высказал ей своё возмущение, она пыталась мне, что-то ответить, но я ей не давал вставить слово.

Моему возмущению не было предела, надо же, вызвать для того чтобы записать нас в журнал и, главное, явиться к 9.00. Как будто они не знают, где находится хутор Северный. Пока я с секретарём военкомата воевал, мои коллеги по призыву, стояли в углу приёмной и ждали, чем всё это закончится. А закончилось ничем, девушка секретарь сказала, что она здесь ни при чём, а во всём виноват военком, но его сейчас нет, и неизвестно когда будет. Я, как человек обязательный, не мог понять, как это так, военком нас вызвал издалека к девяти часам утра, а сам на работу не явился. В моей голове такой его поступок не

укладывается. И я, чтобы выяснить хоть что-то об этом, решил спросить у секретарши. Говорю ей: «Скажите, как же это получается, вы к нам в хутор прислали повестку, подписанную военкомом, в которой он обязывает призывников явиться к 9.00 в Ипатово в райвоенкомат, а сам при этом на работу не явился. Как это называется? Он что у вас не военный?» Девушка секретарь, наверное, от хуторского парня не ждала такого вопроса и как-то растерялась, затем неуверенно отвечает: «Да нет, он у нас военный, но он может где-то задержаться» — «Как задержаться, ведь это он вызвал нас к себе, и он должен знать, где находится хутор Северный и с каким трудом мы сюда всю ночь в непогоду добирались, а он, видите ли, задержался».

Девушка как-то съёжилась, видать от моего наскока на неё, и затем, как бы оправдываясь, говорит: «Ну что вы на меня кричите, это всё он, и при этом показывает на дверь, на которой написано «ВОЕНКОМ». Я всё никак не мог успокоится: злость, на военкома, на этого лентяя, который не хочет во время прийти на работу, меня распирала и поэтому в заключение я секретарше сказал: «Знаете что, девушка, ваша полувоенная организация под названием «военкомат» похожа не на военкомат, а на контору рога и копыта, и то там больше порядка, чем у вас». Я по натуре похожий на свою маму, она если разойдётся, то её не остановишь, пока она всё не выскажет, вот и я такой же. Хотя позже я понял, что иногда надо свои эмоции сдерживать.

Но шуми не шуми, а раз сам начальник не организован то и в его конторе будет бардак, и одним шумом тем более моим его не исправишь и нам ничего не оставалось, как с обидой на несправедливость возвращаться домой. Ехать сразу домой нельзя, надо дать лошадям отдохнуть хотя бы до вечера. От нечего делать парни разбрелись кто куда, я и Звада пошли к моему брату Андрею. Оказалось, что Андрея дома не было, была Дуся, жена брата, Николаева тётка. У Дуси было плохое настроение, мы там немного посидели и ушли на базу колхоза. Кстати, когда я звал Николая в гости к его тёте, то он не хотел идти, мотивируя тем, что отношения его семьи и семьи Давыденко никогда не были тёплыми, но я всё-таки его уговорил пойти и вот такой результат, как и ожидал Николай Звада. За день в нашей команде многое изменилось и к вечеру нас осталось только двое, многие уехали на попутном транспорте, а мы с Николаем остались, лошадей-то не бросишь. Всю ночь ждали, пока подморозит, и уехали на другой день рано утром. Домой добрались без приключений, в хутор лошади бежали легко и быстро, но всё же, домой добрались только к вечеру. Ждать мне призыва пришлось долго, взяли в армию только в августе месяце.

ОПЯТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

На дворе май месяц 1954 года, с табуном я давно не работаю, время от времени езжу на поля за отца, на это работа для человека в возрасте, а я молодой, здоровый парень и мне хочется настоящего трудного дела, а его нет. В колхоз работать, я идти не хочу, да и родители против такого шага, а больше в хуторе-то и делать нечего. Можно устроиться работать трактористом, но тракторная станция находится в селе большая Джалга, а это от хутора двенадцать километров, работать там как-то не с руки, да и возьмут ли туда, там говорят своих механизаторов девать некуда, так что не знаю, как и быть. Как-то утром уже в конце мая, я вышел из хаты во двор и сел на порожке и сижу. Во дворе никого не было, вдруг слышу разговор у ворот, слышен был голос отца и ещё какого-то мужчины. Ладно, думаю, говорят, пусть говорят, меня это не касается, но вышло на оборот. Не знаю, о чем там отец говорил с этими мужиками, но во двор он вошёл быстрым шагом, решительный и злой.

В таком состоянии я своего отца не видел. Думаю, что же там произошло у наших ворот, но отец не дал мне времени подумать подошёл ко мне, и ещё не остывший от разговора у ворот, и в резком тоне говорит мне: «Иди, там за тобой с Гашуна приехали (село Бурукшун, отец по старинке называет Гашуном), хотят тебя в колхоз затащить, не соглашайся, хватит того, что я всю жизнь быкам хвосты «кручу», у тебя должна быть другая жизнь, и лучше чем у нас с матерью». Получив от отца указание, я пошёл к воротам. Спокойно, со знанием своего достоинства я подхожу к воротам, и вижу, у наших ворот стоит бедарка, запряжённая лошадью, и возле неё два мужичка-боровичка лет по тридцать пять. Оба невысокого роста, преждевременно начавшие полнеть.

Увидев меня, они обрадовались, весело заулыбались как будто я им сват или брат. Я подошёл к ним с серьёзным выражением лица, и жду, когда они мне скажут, зачем я им нужен. Один из них, почему-то весело, как будто увидел близкого родственника, говорит мне: «Сеня, а мы за тобой приехали». «А в чём дело?» — спрашиваю у них. «Та на чёрные земли надо ехать, там работы багато, а робыть никому так давай собирайся и поедем». Я стою, рядом сними, на голову выше их обоих и думаю. Интересное дело, приехали какие-то люди и давай поедем с нами, а кто они и чем занимаются, даже не сказали. По этому поводу я им говорю: «Вообще-то среди людей принято представляться, кто вы такие и чем занимаетесь?» Говорю я им это на подчёркнуто русском языке, а я знаю, что когда хохлы обращаются с

человеком, который говорит по-русски, то их это напрягает. Я сам через это прошёл. После того как они меня услышали их боевой и весёлый задор куда-то испарился, и затем один из них сказал: «Да мы вот из Бурукшуна, из колхоза, я Мыкола бригадир, а Мытро звинивый. Так шо мы за тобой приехали». Далее разговор состоялся так. Я: «А я здесь причём?» Николай: «Да как причём, ты же наш колхозник. Так что собирайся и поехали». Я: «Нет, я не ваш колхозник, и вообще я ни чей, ни колхозник, я свободный человек. Николай, возмущенно: «Как так не колхозник, ты у нас работал табунщиком, мы тебе дали хромовую кожу на сапоги, а ты теперь отказываешься, нет, мы в правлении решили, что ты наш колхозник вот и всё». Я: «Ну тогда давайте разберемся. Во-первых, я табунщиком у вас не работал, а работал мой отец, а я его подменял, так что в табеле выходов можете проверить, там записан мой отец, а меня в ваших колхозных списках не должно быть. Во-вторых, кожу на сапоги вы дали табунщику, то есть моему отцу, он всю жизнь работает в колхозе и что, на сапоги не заработал?» Оба хором: «Да нет, почему же, заработал, конечно, тут и говорить не о чем». Я: «Хорошо, с кожей разобрались, а теперь о колхознике. В конституции СССР, от 6-го декабря 1936 года сказано, что колхоз дело добровольное, хочешь, вступай в него, а не хочешь, не вступай. А для того, чтобы вступить в колхоз, гражданин должен написать заявление, а правление колхоза рассмотреть его и на общем колхозном собрании решить, принять желающего гражданина в колхоз или отказать ему в этом. Насколько я знаю, а о себе я знаю всё и довольно хорошо, заявление на вступление в колхоз я не писал, так почему вы решили, что я ваш колхозник?»

После моей речи они сразу как-то «сдулись», весёлость их улетучилась, плечи опустились, в общем, я своей грамотностью их просто убил наповал, они молча сели в бедарку и уехали туда, откуда приехали. Захожу во двор, а тато спрашивает: «Ну, до чего договорились?» — «Та ни до чего, как приехали, так и уехали», — спокойно ответил я. Отец помолчал немного, а затем спрашивает у меня: «Ну что дальше делать думаешь, ведь ты здоровый парень и как-то негоже не работать?» Я ему отвечаю: «Тато, да я сам уже столько времени мучаюсь, думал, весной в армию заберут, а от военкомата не слуху, ни духу, не знаю, наверное, завтра пойду в Джалгу, может там есть какая работа, другого ничего не остаётся. — «Ну, сходи, сходи, хотя я думаю, ты там ничего не найдёшь, но всё же попытаться надо».

Интересный случай произошёл с призывом в армию в нашем хуторе. Весной в начале мая из нашего хутора призывали четырёх парней, но меня в этом списке не было, почему? Не знаю.

Возможно, секретарша меня запомнила и подсказала, что этот Чухлебов сильно ругался и его вызывать не надо. А может, эта же секретарша сама составляла список призывников и чтобы со мной не встречаться, мою фамилию просто не занесла. Возможно было и так а может по-другому, я этого не знаю, но что меня в весенних списках призывников не было, это точно. А вообще с этим призывом получился небольшой хуторской казус, и вот какой. Как принято в России в малых населённых пунктах, призывников в армию провожают все жители населённого пункта, от мала до велика. Так повелось с давних времён, и в нашем хуторе было так же. Одним словом их проводили, а через два дня они вернулись. Ну, вернулись и вернулись, не они первые возвращаются, и не они последние. Я на проводах не был, за отца объезжал поля, да и вообще, что я их должен провожать, что они мои братья, призвали, так пусть едут, я на эти вещи стал смотреть проще, на меня, видать, повлияло долгое отсутствие меня в хуторе. Но они вернулись и через два дня об этом все забыли. Но оказывается не все.

Гришка Мирошниченко встречает меня у клуба и, так весело, с этаким злорадством говорит мне: «Слушай, Сеня, ты вот на проводах не был, а там такое произошло!» Сказал он это загадочно, и я подумал, что же там произошло, что я до сих пор не знаю. А он продолжает рассказывать: «Народу собралось много, как же провожают хуторян в армию, дело и нужное и почётное, старшие люди делают наказ, девушки в надежде, что, когда они вернутся, то обязательно на них женятся. И вот когда начали прощаться, то стали обниматься. Так вот, подходит Гаврюша Мазепа к тёте Ульяне Беленко и говорит ей, вы тётя Ульяна не беспокойтесь, я, как вернусь, то обязательно женюсь на вашей дочке Нюре. Сеня, ты понимаешь, в какую он историю вляпался?

Ведь он сказал, не «как из армии вернусь», а просто «как вернусь», вот он вернулся, значит, обязан выполнить своё обещание, иначе какой ты мужик после этого». Закончив свой рассказ, он стоит, улыбается и ждёт от меня реакции на эти события, а я стою спокойно, смотрю на него и думаю, а что здесь такого, парень на эмоциях сказал не то, так что теперь над ним насмехаться.

Одним словом, я Гришкин порыв не поддержал и он разочарованный ушёл от меня. Я не знаю, чем закончилось Гаврюшино обещание, только знаю, что до августа месяца этого же года на Нюре он не женился, а потом я ушёл в армию, и в хутор приезжал только наездами, и судьбой Гаврюши и Нюры не интересовался. А вот то, что касается Григория Мирошниченко,

то он по натуре был провокатор. Возможно, не в прямом смысле этого слова, но замашки такие у него были. Я вам расскажу один случай таких действий Мирошниченко, а вы судите сами провокатор он или нет.

Было всё это примерно в это же время, о котором я пишу сейчас. Я тогда искал работу и от нечего делать пришёл в клуб. Это было в пятницу день не выходной и поэтому в клубе народа было мало. Я захожу в фойе клуба, меня тут же встречает Мирошниченко и говорит мне: «Сеня, послушай, тут такое дело. Понимаешь, эти женатики так надоели, что от них прохода нету. Вот мы, молодёжь, и хотим им дать бой, пусть они знают, что их время прошло теперь настало наше время, а они пусть сидят дома со своими жёнами и детьми. Я на эту тему разговаривал с Мыколой Сало, Лёнькой Беленко, Гаврилом Мазепой, они согласны да ещё ты будешь, и мы им покажем кто в хуторе главный». Гришка всё это говорит с таким запалом и так быстро, что я не могу вставить даже слово.

Наконец, он выговорился и ждёт от меня согласия в его «заговоре». Но я толком не понял, что он хочет сделать с этими женатиками, да и кто они, эти женатики, а если смотреть в корень, то вся его затея мне не нравится. Но я всё же решил выяснить, что и к чему и поэтому спрашиваю у него: «Григорий, а кто эти женатики, как их фамилии и что в твоём понятии дать бой?» Григорий возбуждённо: «Сеня, ну как ты не поймёшь, мы уже не дети, ты я, наши одногодки уже взрослые люди и пора нам быть главными на хуторе. В общем, им надо набить морды, чтобы они поняли, что и к чему». Я на поставленный вопрос не получил чёткого ответа и решил уточнить: «Григорий, так кого мы должны бить?» Мирошниченко опять возбуждённо: «Как кого? Мышку Зверя, Мыколу Стаценко, да того же Мыколу Орленко. Он, хоть и бригадир, а в наши молодёжные дела лезет». Григорий замолчал, а я стою думаю, никак не могу взять в толк, зачем нужна эта драка, ведь мы все живём в хуторе и друг с другом постоянно встречаемся, а если подерёмся, то, как друг другу в глаза смотреть. Да и за что драться? Не нравится мне всё это, вот и всё. А если мне что-то не нравится, то я делать это не буду. Мало ли кому взбредёт в голову, какая-то блажь, что же я за неё должен в драку лезть?

Стою, молчу, всё услышанное перевариваю, а Григорий меня торопит: «Ну как, Сеня, ты согласен с нами пойти в бой?» Я подумал и решил Мирошниченко ответить конкретно, чтобы он ко мне с подобными вопросами больше не приставал: «Знаешь что Григорий. У меня в хуторе врагов нет и поэтому я драться ни с кем не буду. Ну а если кто такой появится, то я сам с ним

разберусь и никого вокруг себя собирать не буду».

Повернулся и ушёл из клуба. Думаю, пойду к Алексею Беленко узнаю у него, с кем это он драться решил. Я точно знаю, что с Михаилом Зверевым он драться не будет, так как Лёнькина сестра Люба, замужем за Зверевым. Прихожу к нему он дома, я ему задаю такой вопрос: «Лёня, так ты что участвуешь в заговоре с Гришкой «Кабаном» против своего зятя?» При моих словах Беленко скривился и говорит: «Да пошёл он со своим заговором, Сеня, дурак он вот и всё». «Да нет, — говорю я Алексею, — Мирошниченко не дурак, дурак не понимает, что он делает, а это понимает и хочет нас, хуторских парней, натравить друг на друга и это больше похоже не на дурость, а на провокацию. Только зачем ему это надо я не знаю». Я как бы спросил у Алексея, но он, почему-то сидит рядом со мной на лавке и молчит. Ну, раз Алексей молчит, то разговор продолжил я.

Я был уверен, что причину такого агрессивного отношения к парням старше нас Алексей знает, он этого не может не знать. Алексею, почему то всегда было известно, что в хуторе делается. Ещё когда мы с ним работали с табуном, так он каждую смену мне рассказывал всякие хуторские тайны, о которых я даже и не слышал и поэтому про заговор Мирошниченко он тоже знает. Но я, как бы на этом вопросе внимание не заостряю, а отвлеченно говорю: «Слушай, Лёня, возможно Гришка по натуре такой человек, что ему обязательно нужен конфликт, иначе он жить не может?» Алексей помолчал, наклонил голову, затем скривился как будто он только что откусил зелёную сливу, а затем сказал: «Та я, Сеня, сам точно ничего не знаю, но как будто в клубе на танцах, Кабан с Мишкой Зверевым не поделили Таньку Хоменко. Ну, вот из-за этого Гришка и хочет с ним свести счёты. Ну, ты, Сеня, знаешь, что я никогда ни в каких драках не участвовал и не собираюсь это делать дальше. Так что пусть он со своими дружками делает разборки».

Алексей высказался и сидит, молчит, ну и я сижу, молчу, как бы я отношение к Гришкиной затее выяснил и этого достаточно. А кто там, что в клубе делил, мне это не важно. Но затем Беленко поворачивается ко мне и спрашивает: «А что ты сказал Кабану на его предложение?»

На что я ответил: «А что я ему мог сказать, мне вообще противно слышать такое. Я ему так и сказал, что это не про меня, у меня врагов в хуторе нет, а если такой появится, то я сам с ним разберусь и вокруг себя ни кого собирать не буду». «Ну и правильно, пусть со своей затеей сам мучается», — сказал Алексей. На этом мы разговор с Алексеем и закончили. Как там дальше было, я не интересовался мне, потом не до этого было.

БРАТ МИША, ЕГО СУСЛИКИ И Я

Пока я вам рассказывал эту интересную для хутора историю, мой младший брат Миша, ему семнадцать лет, со своей командой из мальчишек лет 12–13, собирался ехать в степь и там выливать сусликов. Он обращается ко мне и говорит: «Сеня, может ты с нами, пойдёшь?» А почему, думаю, не пойти, мне все равно делать нечего так хоть с ними похожу. И мы пошли и за собой потащили тачку, на которой стояли бочка и бак ведра на три. В тачке ещё что-то лежало, накрытое мешком. У колодца в бочки налили воды и двинулись на выгон, за хуторское кладбище ближе к птичнику. Только добрались, к месту действий я сразу услышал свист сусликов, он доносился со всех сторон. Засекли суслика, который заскочил в норку, и решили его из норки вылить, то есть, налить полную норку воды, предварительно закрыв отдушину каблуком ботинка, суслику дышать нечем, и он вылезет головой кверху. А дальше, как говорится, дело техники, один из членов команды наклоняется над норкой и как голова суслика появляется, он со стороны затылка, чтобы суслик, не укусил за палец ловца, двумя пальцами, указательным и большим, хватает его за шиворот и трофей в ящике. Я стоял в стороне и смотрел, как это у них так ловко получается. И так они, переезжая от одной сусликовой норки, к другой, вылили пять или шесть сусликов, затем кончилась вода. Михаил взял мешок из тачки, с какими-то вещами, и пошёл к птичнику, а я, с мальчишками, поехал за водой. Набрав у Ласуновского колодца воды, потащили тачку к Михаилу. Он показал сусликовые норы, и мы начали выливать от туда грызунов. Когда я с мальчишками был занят процессом, подошёл брат и говорит: «Сеня, а ты суслика из норки можешь вытащить, так как делаем это мы?» Я подумал, а что тут сложного и согласился, заявив, что следующий грызун будет моим.

Мальчишки налили в норку воды, и Михаил дал мне команду: «Сеня, приготовься, ловить суслика». Я, наклонился над норкой, как это делали мальчишки, и, одним словом, у меня не получилось, может мне грызун попался не правильный, а может я встал не стой стороны, и вместо того, чтобы пальцами схватить суслика за загривок, я свои пальцы сунул ему в рот. Он не растерялся и как следует, цапнул меня за палец. Я с криком отдёрнул руку и упустил суслика. Это вызвало общий смех, и чтобы не попасть ещё раз в такое неловкое положение, я больше экспериментировать не стал.

Дальше каждый занимался своим делом, я таскал тачку с

водой, а мальчишки добывали сусликов. Когда у нас вода снова закончилась, Михаил всех позвал на обед. Мы командой подъехали к месту стоянки, там горел костёр, над ним стояла тренога, что-то вроде, тагана, а на тагане, стояла большая сковородка, а на ней шкварчали жирные куски мяса, сверху посыпанные какой-то зеленью, то ли пером лука, то ли пером травы порея, который рос под ногами. Запах обеда был такой аппетитный, что у меня слюнки побежали. Я наклонился к сковородке, чтобы рассмотреть в ней за мясо, но не понял чьё оно, лежат небольшие кусочки и шкварчат, уж очень они похожи на курицу. Что бы уточнить спрашиваю у брата: «В сковороде курица что-ли?» Михаил кивком головы подтвердил, что курица. Думаю, ну молодец, у меня брат, пока мы с сусликами разбирались, он курятиной раздобылся. Миша раздал каждому по куску хлеба, а затем, на хлеб каждому ложкой клал мясо, кому один кусочек, а если кусочки небольшие то и по два. Выделил брат и мне кусочек мяса с рёбрышками. Я ребрышки обгрызаю и вижу, что они меньше чем у курицы и чтобы выяснить, чьи ребрышки спрашиваю у брата: «Миша, а ребрышки-то маленькие, похожие на цыплят?»— «Да, да, — подтвердил Михаил, — цыплята, брат, цыплята. Да ты что ребра грызёшь, вот возьми ножку в ней мяса больше», и положил мне на хлеб ножку.

Когда я с Михаилом разбирался, чьё я ем мясо, мальчишки, стояли у тачки, тоже кушали мясо, между собой шушукаясь и посмеиваясь. Я на них не обратил внимания, мол, мальчишки, что с них возьмёшь, и ел теперь уже ножку, которая оказалась вкуснее и сытнее. Когда всё мясо было съедено, я почувствовал что насытился, думаю, ладно пойду домой, хватит детскими вещами заниматься. Вытер руки о траву, поднялся и говорю брату: «Миша, я пошёл домой».

А Михаил, с какой-то непонятной улыбкой говорит: «Сеня, а мясо тебе понравилось?» — «Да, — отвечаю, — очень понравилось» — «Ну вот, а ещё говорят, что мясо суслика невкусное» — «Какого суслика? — возмущённо закричал я, — ты же говорил, что мы едим цыплят» — «Ну, Сеня, — начал оправдываться брат, ну где бы я столько взял цыплят, а сусликов у нас хватает, да и что ты возмущаешься, мы их каждый день едим, и как видишь, живы, и если ты хочешь знать, то мясо суслика чище, чем курицы и тем более свиньи. Так что ты зря расстраиваешься. Я, было, начал снова возмущаться коварством брата, но он меня перебил и говорит: «Сеня, я слышал, что ты завтра пойдёшь в село Джалгу, так вот возьми пять рублей, может, пригодятся». Я приятно был удивлён, что у Михаила имеются такие деньги и не преминул спросить: «Миша, а откуда у

тебя такие большие деньги, в колхозе ведь зарплату не платят?» Миша хмыкнул своей, знаменитой ухмылкой и говорит: «А ты что, Сеня, думаешь, мы шкурки сусликов выбрасываем, нет, мы их сдаём заготовителю, а он нам за это платит, вот оттуда у меня и деньги». Мне, конечно, было приятно, что мой младший брат мне помогает, но я всё-таки хотел ещё повозмущаться насчёт мяса сусликов, которое я съел, но потом передумал. А что, думаю, возмущаться, мясо-то было вкусное, да и прав Михаил, мясо суслика чище других животных, правда, у нас его не принято употреблять в пищу, но что делать времена-то не лучшие. Если сказать в общем, то в нашей семье сусликов не ели, и не потому, что мясо сусликов вредное, а потому что таких зверьков, как суслик, хорёк, лиса, волк есть по каким-то канонам не положено. Хотя, в некоторых семьях сусликов ели. А те люди, которые ловили сусликов, получали двойную выгоду, деньги имели, были с мясом и этого не скрывали. Я шёл в хутор по полыни и ящерицы то и дело сновали туда-сюда, одна из них остановилась и стала с любопытством меня рассматривать. Я присел на корточки и стал рассматривать её, и тут я вспомнил, как я первый раз ловил ящериц, получилось это для меня забавно, но и ящерица сильно не пострадала.

Сюда же к курятнику мы с Лёнькой Беленковым пошли ящериц ловить. Мне тогда было лет девять или восемь, и для меня это было впервые, и я шёл и думал, как это будет. Лёня мне объяснил, что ящерицы живут в норках, а кормиться они из них выбегают. Начали искать ящериц тех, которые пошли обедать. Лёнька быстро поймал и мне показывает, я так близко ящерицу ещё не видел, это было впервые. Спинка у неё зеленоватая, а брюшко жёлтое. Затем Лёнька одну ящерицу отпускает и тут же ловит другую, а у меня никак не получается, я не успеваю её схватить как она шмыг в норку. Но вот, наконец, мне удалось ящерицу схватить за хвост, но получилось, так что хвост остался в моих руках, а ящерица убежала. Я испугался, что оторвал несчастной хвост, и как закричу: «Лёня, я ящерице хвост оторвал, она, наверное, умрёт. Алексей стоит, улыбается и говорит: «Ничего ты ей не оторвал, она сама тебе хвост бросила». На меня такое откровение сильно подействовало, я не мог взять в толк, как так взять свой же хвост отцепить от тела и бросить. Но оказывается, такое в природе бывает. Позже я видел ящериц и с большими хвостами и маленькими, и вообще без хвостов. Позже, такое явление для меня, стало привычным.

Я ХОЧУ РАБОТАТЬ

На другой день я поднялся рано утром и пошёл в село Джалгу в МТС, что бы устроиться на работу комбайнёром или трактористом. Надежды на то, что устроюсь, было мало, но что-то делать надо же, а то уже стыдно сидеть на шее у старших членов семьи. Я, конечно, по двору делал всю работу, но что это за работа для молодого здорового парня. Одним словом за два часа я по пыльной дороге, отмерял двенадцать километров и пришёл в МТС. Нашёл там механика и сказал ему о цели своего прихода. С ним мы пошли к директору станции, он выслушал меня и сказал: «Сейчас нам механизаторы не нужны, но, если ты хочешь нам помочь, то езжай на шесть месяцев, учиться на тракториста в село Михайловку, что под Ставрополем, нам пришла разнарядка отправить два человека, но хорошо будет, если ты хоть один поедешь. У меня тут же пролетело в голове, опять учёба и снова голодные дни, нет, с меня и того хватило. Но затем подумал, сейчас вернусь, в свой двор и на меня опять будут бросать косые взгляды, так может, стоит поехать учится, а оттуда меня заберут в армию. Все это у меня за секунду пролетело в голове, и я говорю директору механизированной станции: «Хорошо, я поеду учиться по вашему направлению, только давайте письменно договоримся, что вы каждый месяц будете мне высылать деньги по 150 рублей на питание. А то знаете, я уже в такой школе учился и там так наголодался, что такое удовольствие больше испытывать мне не хочется». Директор как-то выпрямился на стуле и говорит: «Ну, у тебя и запросы, и где я тебе возьму эти 150 рубликов. Что я из своего кармана буду тебе их посылать, нет, так дело не пойдёт, или ты едешь без условностей или нет». В общем, не договорились, и я пошёл обратно в хутор.

По дороге меня догнала водовозка, запряженная парой лошадей, которыми управляла Мария Рожкова, женщина лет тридцати. Поравнялась со мной и говорит: «Сеня, садись, довезу до лесной полосы, затем я поверну в сторону Бурукшуна». Думаю, а что пусть довезёт, ведь до лесной полосы километров шесть топать. Сел с ней рядом на сиденье, роль которого исполняла доска, лежащая на бортах брички, и мы покатили. Лошади бежали рысцой, и мы быстро доехали до лесной полосы, я на ходу соскочил с брички и пошёл в лесную полосу. К своему удивлению там я увидел наших борзых собак, подумал, что они здесь делают. Позвал их к себе, но они только посмотрели в мою сторону и побежали от меня по лесной дороге, словно они мне чужие. Дома об этом я рассказал отцу, на что он мне ответил: «А что делать,

сынок, охота на дичь давно закончилась, а им бегать надо, вот они и живут своей жизнью, когда хотят, убегают, когда хотят, прибегают. И никакой от них пользы. Вот в старом хуторе у нас была борзая, так борзая, она утром убегала, а вечером возвращалась с дыней в зубах, и дыня, не побитая целая и чистая, только две вмятины от зубов верху и две снизу. Она нас всё лето дынями кормила, а эти живут только для себя». Ну ладно, думаю, собаки живут своей жизнью, а мне что делать, уже средина июня, а я никак с работой не определюсь, настроение упадническое, я надоел хутору, хутор надоел мне, в семье напряжение, мне никто ничего не говорит, но напряжение чувствуется. Я готов был уже куда угодно ехать, лишь бы убыть из дома и этого хутора. По радио каждый день говорят о целине, которую разрабатывают на севере Казахстана. Эту целину хвалят на все лады, как там хорошо, как дружно туда едут добровольцы, как о них заботится партия и правительство, одним словом рай, да и только, и приглашают всех желающих поехать работать в этот рай. Слушая радио, я подумал, а почему бы мне туда не поехать, у меня профессия как раз для целины, да и хорошо там, ведь по радио зря говорить не будут. Да и денег на дорогу не надо, сказали, что райкомы комсомола целинников отправляют к месту работы бесплатно. Я тогда был ещё наивный и верил тому, что говорили по радио. Ещё немного подумал, а как же, дело ведь серьёзное, надо всё как следует обдумать, прикинул так и этак и всё-таки решил ехать. Вечером этого же дня объявил родителям, что завтра уезжаю в Село Ипатово, а затем, по путёвке комсомола на целину. Странное дело, но мое решение ехать на целину, домочадцы выслушали спокойно, никто не стал меня отговаривать или желать доброго пути. Как будто я уезжал, куда-то недалеко, и ненадолго. Такое отношение меня обидело, неужели думаю, я им так надоел, что они рады, что я уезжай хоть куда, лишь бы у них на глазах не был. Но об этом говорить ничего не стал, утром встал чего-то поел и на автобус.

В Ипатово пришёл в райком ВЛКСМ и девушке объяснил, зачем я пришёл. Она на меня как-то странно посмотрела и говорит: «Тебе надо переговорить с секретарём райкома комсомола, он у нас решает такие дела. Но его пока нет, и будет он к обеду». Но до обеда время было ещё много, и я пошёл по улице прогуляться. Иду по улице в сторону центра и смотрю, навстречу мне идёт высокий парень, я не стал в него вглядываться, так как знакомых у меня в Ипатово раз-два и обчёлся, и уже проходил мимо него, как вдруг слышу: «Сеня, это ты что-ли?» Я посмотрел, кто меня окликнул и в нем узнал Виктора Беляева, сына нашей школьной учительницы, с которым

мы раньше в хуторе дружили. Мы с ним поздоровались, он расспросил меня, где я живу и чем занимаюсь, а когда я ему всё рассказал, то он спросил меня, зачем я в Ипатово приехал. Я ему сказал, что хочу на целину уехать, а в райкоме комсомола нет секретаря, а без него такой вопрос никто не решает, так что пока его нет, решил погулять. Виктор смотрит на меня с загадочной улыбкой, как будто он знает то, чего я не знаю, и говорит мне: «Так я и есть секретарь райкома комсомола, а по поводу целины я вот что тебе скажу. Ехать на целину я тебе не советую, я там был в командировке и насмотрелся на эти целинные прелести. Вкратце тебе расскажу, чтобы ты имел представление. Условия проживания там не то, что плохие, там их вообще нет ни каких, в лучшем случае люди живут в палатках, а то и спят просто в степи на земле. Жильё пока не строят, те строительные материалы, которые поступают туда, пускаются на объекты соцобеспечения, жильё там конечно будут строить, но только не в этом году и не в следующем. Питание там отвратительное, в основном, пустые каши. Обстановка криминогенная, мало того, что туда едут кто попало, так на целину навезли ещё и бывших заключённых, поэтому драки-поножовщины там обычное дело. За те три дня, которые я там был, убили двух парней, которые приехали по комсомольской путёвке. Из нашего района туда уехало восемь человек, шесть уже вернулись, где ещё двое, я не знаю. Вот такие, на целине дела. Ты, Сеня, мой друг детства, и я тебе желаю только добра и поэтому советую, выбрось из головы поездку на целину, в нашу контору больше не заходи, мы с тобой не виделись, иди на автостанцию и езжай домой». Мы с Виктором пожали друг другу руки, он ушёл к себе в контору, а я пока стоял и не знал, что делать. Домой в хутор возвращаться не хотелось, к брату Андрею — там то же нечего делать, на автобус ещё рано, ладно, думаю, пойду на колхозную базу, оставлю там чемоданчик, и потом пройдусь по селу, может, что в голове и созреет.

Прихожу на базу, я на ней давно не был, с марта месяца. Здесь, в общем-то, ничего и не поменялось, тот же забор с дырами, те же старые, покосившееся ворота, так же посреди двора лежат тюки сена, только вот на крыше сарая зияют дыры, куда-то делась черепица. Во дворе приезжих нет, хотя сегодня пятница, обычно колхозники к субботе приезжают на базар. Я знал, да об этом я уже и писал, что хозяйкой на базе была Ливинская Татьяна, бывшая жена Михаила Ливинского, который позже стал мужем моей сестры Наташи. С ней тут же жил её сын Толик, я о нем тоже уже писал. Сколько ей лет, я точно не знал, но если судить по её сыну, а сейчас ему должно быть пятнадцать лет, то

ей, значит, примерно тридцать пять, а может тридцать два, одним словом, в этих пределах. Я её не видел, наверное, года три, а может и больше. Какая она стала и как к ней обращаться, я не знал, то ли Таня, то ли тётя Таня, наверное, всё-таки тётя Таня. Потому что она старше меня лет на тринадцать, а по моим правилам, если человек старше меня на десять и более лет, то он или тётя или дядя, ну а о бабушках и дедушках я и не говорю.

Поднимаюсь на крыльцо, никого нет, входная дверь была открыта, я постучал по двери, из комнаты, послышался голос: «Входите, открыто». Я зашёл, смотрю, у стола стоит Ливинская и что-то делает из теста. Я поздоровался и говорю: «Тётя Таня, можно я у вас оставлю свой чемоданчик до автобуса, а потом я приду и его заберу». Она, видать, меня сразу не узнала, затем присмотрелась и говорит: «Сеня, это ты, что ли? Ты посмотри, как ты вырос, возмужал, стал настоящим мужиком. Где ты все это время пропадал, за столько лет ни разу на базу не заглянул». Говорит, а сама месит тесто, а говорит она всё время и как-то весело, как будто встретила близкого родственника. Она немного помолчала, затем посмотрела на меня и говорит: «А что это ты стоишь с чемоданчиком, ставь его в мою комнату и садись вот сюда на стул, и расскажи о себе, где живёшь, что делаешь, а я тебе расскажу о нашей с Толиком жизни, так и поговорим». Я ей рассказал, где живу и что ничего не делаю. Затем она меня спросила, зачем я в Ипатово приехал. Я ей сказал о цели своего приезда в Ипатово. Татьяна посмотрела на меня удивлёнными глазами и с таким жаром заговорила, что я сначала за неё испугался, как бы чего с ней не случилось: «Да ты что, Сеня, с ума сошёл, ты знаешь, что на базаре люди говорят о целине, туда понаехали одни бандиты и простых парней убивают. Зачем тебе эта целина. Нет, Сеня, не надо туда ехать, если тебе в хуторе делать нечего-то поживи у меня, видишь я тут совершенно одна и перемолвиться словом не с кем, и вообще, ты почему меня называешь тётей, что за то время когда тебя не было, я так постарела?» Она сказала и на меня внимательно смотрит.

Я немного стушевался и не знаю, что ей ответить, вроде она уже и не молодая, но и не старая, а так, где-то серединка на половинку, одним словом, туда-сюда. Но молчать мне долго нельзя, от меня ждут ответа, и я ей говорю: «Да я когда шёл, то думал тебя называть Таней, а потом подумал, вдруг ты обидишься и скажешь мне, то же, мол, себе ровню нашёл». Татьяна заулыбалась и говорит: «Сеня, ну что же, я обижусь, ведь если ты меня называешь, тётя, то значит, я уже старая, а я ведь ещё молодая и замуж хочу выйти, или хотя бы просто кто-нибудь, приласкал. А то так жизнь проходит впустую», уже грустно

закончила она свой монолог. Я ещё немного молча посидел, затем подумал, ну что сидеть, надо идти в столовую пообедать, потом вернуться, забрать свой чемоданчик и на автовокзал, как раз ко времени успею. Поднялся и говорю: «Таня, я пойду, пообедаю, а потом вернусь за чемоданчиком». Какое-то время Таня, молча задумчиво, катала тесто, а как только услышала мой голос, как бы очнулась и говорит: «Сеня, куда ты пойдёшь, какая столовая, а я для кого готовлю вареники, подожди немного и вместе пообедаем. Иди, помой руки, да сними ты свой пиджак, а то упаришься». Я удивился её заботе обо мне, потом подумал, а, может, и в самом деле ей одиноко, целыми днями и ночами никого рядом, может мне с ней побыть денёк-другой, уж больно снова в хутор возвращаться не хочется. Кстати надо спросить, где её сын, что-то она о нём ничего не говорит.

Я помыл руки во дворе у рукомойника, Татьяна вышла к летней печке уже с варениками, и говорит: «Ну, вот, Сеня, вода уже закипела, скоро будут вареники с вишнями, а то думаю, вишня отойдёт и варенников с ней не поем». Она на какое-то время замолчала, и я решил этим воспользоваться и задал ей вопрос, про Толика: «Татьяна, а где твой сын Толик?» — «А, — махнула она рукой, — к отцу в Джалгу уехал, пусть там поживёт, а то надоел он мне, купи ему то, купи другое, сказала, езжай к своему отцу, и пусть он тебе покупает».

Вареники, правда, были очень вкусные, мои любимые с вишней, да ещё сверху сахаром посыпаны. За обедом Татьяна снова заговорила о себе и своих заботах. Рассказывала, что ездила в Бурукшун к председателю колхоза, и просила мужиков отремонтировать крышу на сарае, так, где там: «На носу, — говорит, — уборочная, а ты мужиков просишь». Дал денег и говорит, делай сама. Татьяна оторвала голову от тарелки, смотрит на меня и говорит: «А что я сама, что я могу я же не мужик, вот купила черепицу, сложила в сарае, так она и лежит. Сама-то я эти дырки на крыше не заделаю, а их надо заделывать, а то могут пойти дожди, а в сарае лежат тюки сена, замочит и, считай, нет сена». При этих словах она замолчала, внимательно на меня посмотрела, и говорит мне: «Слушай, Сеня, а может ты, залатаешь мне крышу, а я тебе за это заплачу». Она замолчала и сидит выжидательно смотрит на меня. Я подумал, а что этот вариант очень для меня подходящий, и в Ипатово задержусь и денежку заработаю. Но торопиться с согласием не стал, говорю её: «Заделать дыры в крыше я могу, только, сколько ты мне за это заплатишь?» Таня сказала: «Сеня, давай сделаем так, за то, что ты отремонтируешь крышу, я тебе заплачу сто рублей, а если ты у меня поживешь недельку-другую, то заплачу ещё сто двадцать

рублей, идёт?» Мне показалось, что вопрос поставлен как-то странно, что значит, поживёшь недельку? Но я не стал вдаваться в подробности, в общем, вариант меня устраивал и я согласился, сказав ей: «Татьяна, я не против, только давай так, чтобы всё у нас с тобой было по-деловому. А то знаешь народ, какой, пойдут разговоры, ну и прочее. Договорились». После моих слов её как током подбросило со стула, она выпучила на меня свои, и без того выпученные глаза и с жаром заговорила: «А что они могут сказать, живёшь у меня, потому что тут же и работаешь, так что волноваться тут нечего. Если всех слушать, то на свете вообще не надо жить. Ты мне только скажи, согласен ты или нет?» — «Ну, я же тебе сказал, что не против твоего предложения, так что считай, что всё решено». А что, подумал я, а почему мне не согласиться, ведь условия контракта хорошие, да и двести двадцать рублей на дороге не валяются, протянул к Татьяне руку и говорю: «Давай деньги». Сразу после обеда я приступил к выполнению контрактных условий. Трудился, не покладая рук, и днём и вечером прихватывал, лишь бы успешно справиться с работой.

Скажу вам откровенно, не хвастаясь, Татьяна моей работой была довольна, и жили мы с ней дружно душа в душу, она была весела и подвижна, справится со своей работой и идёт помогать мне по ремонту крыши, и почему-то не уставала? А когда пришло время расставаться, то просила меня продлить контракт, говорила, что работы ещё много, и забор починить надо, и ворота новые поставить, а деньги, говорит, будут. Но я не мог остаться, хотя мне тут с ней нравилось, всё-таки, есть обязательства и перед родителями, тем более что они уже знали, что я ни на какой не на целине, а живу у Ливинской и, по словам хуторянок, катаюсь как сыр в масле. На прощанье Татьяна сказала: «Как только добуду деньги у председателя, приеду в хутор за тобой, так что, ты обо мне не забывай». И приезжала, правда я тогда уже работал в лесхозе, и её не видел, мне рассказывала мама, очень сокрушалась, что тебя не было в хуторе, ну что теперь говорить, всё, как говорится, проходит.

РАБОТА В ЛЕСХОЗЕ

Вернувшись из, так называемой «целины», я рассказал родителям, что к чему, на что мама сказала: «Ладно, сынок, до армии осталось каких-то два месяца, будешь помогать мне по двору, а там как будет, так и будет». Отец сидел рядом и в нашем с мамой разговоре как бы не участвовал, просто сидел и молчал. В этот вечер как бы всё по мне решили, но это мамино решение было не твёрдым, ведь тато ничего не сказал, значить мне надо работу искать и дальше. В эту же ночь думал снова уехать в Ипатово к Татьяне, всё-таки там мне было хорошо. С такими мыслями я и уснул. Но на следующий день всё поменялось. К нам на машине приехал директор ЛЕСХОЗА, Николай Иванович, я его не знал, и даже видел впервые. Но мои родители, видать, его знали хорошо, так как с ним разговаривали, как старые знакомые. Мама приготовила на стол, и мы сели обедать, за столом родители с Николаем Ивановичем вели неспешный разговор. Я сидел и молча слушал. Когда обед закончился, мама всё убрала со стола, мы продолжали сидеть и разговаривать ни о чём.

Затем тато перевёл разговор на более конкретную тему, а именно, спросил у Николая Ивановича: «Слухай, Мыкола (отец так его называл на украинский манер), вот мой сын, Сеня, мается без работы, ты бы не мог ему у себя что-нибудь подыскать. Он парень смышлёный, работящий, механизатор, так что, если возьмёшь, то он тебя не подведёт». Николай Иванович расспросил меня, что я умею делать, есть ли трудовая книжка, ну и прочее, что касается работы. Моими ответами он остался удовлетворён и затем сказал: «Скоро сенокос, и для этой цели к нам пришлют сенокосилки на базе автомашины полуторки, если справишься, то будешь работать на ней, а ели нет, то подыщем тебе другую работу». В лесхозе я работал и раньше, после шестого класса, тогда мне было пятнадцать лет, и я занимал должность — кто, меня куда пошлёт.

Тогда, стан лесхоза представлял собой жалкое зрелище. Вырыта землянка для работников, траншея для хранения горючего, и разбросанная разная техника вокруг землянки. Командовал там тогда, наш хуторянин, Кошевой Яков Ефимович, вы его уже знаете, я о нём писал выше. Стан тогда был не очень комфортный, но, учитывая то, что там раньше была чистая степь, то это уже считалось жилищем. Никто не смотрел на условия проживания, люди из хуторов, шли туда работать, так как там платили зарплату и притом ежемесячно. А это, по сравнению с колхозом, просто рай земной.

Тогда со мной там работал и Виктор Беляев, которого вы уже знаете. За время той моей работы было много интересных случаев, но я хочу вам рассказать об одном случае, который мне больше всего запомнился. Как-то вечером кто-то организовал поход на калмыцкую бахчу за арбузами и дынями. Дождались ночи и толпой, человек двадцать, пошли на «охоту». В связи с тем, что я в темноте плохо вижу, то я держался ближе к Виктору и так мы ходили вместе, а потом как-то мы потерялись. Когда бахчевые плоды, мягко говоря, воруешь, то кричать «АУ» как-то неудобно, вот мы с Витей и потерялись. Я тогда с трудом выбрался из бахчи, нащупал ногами дорогу, а куда она ведёт, я не знал, и поэтому пошёл, как мне тогда казалось по направлению нашего стана, прямо по целине, заросшей полынью. В ту ночь к стану я не пришёл, а пришёл, к какому-то базу и решил там переночевать. Я, подумал, все равно ночью я стан не найду, луна зашла за тучи и стало темно, а в темноте я вижу очень плохо, вы это уже знаете, так что лучше вот здесь дождаться утра, а утром будет светло и тогда я определюсь, что делать. Забрался на стенку база, устроил там себе ночлег, дыню и арбуз положил рядом, сел, поджав под себя ноги, и уснул.

Проснулся от того, что солнце ярко светило мне в глаза, я поднялся на ноги и увидел свой стан, который находился примерно в пятистах метрах от меня. Взял свою ношу и пошёл к своему месту работы. На стане уже никого не было, все ушли на работу. Меня встретил Яков Ефимович, спросил, как я переночевал, по его разговору видно было, что он знал, что я заблудился. Я ему рассказал, как всё было, он на это ничего не ответил, только сказал: «Садись, поешь». Сам налил мне кандёра в миску, положил на стол три кусочка хлеба и я принялся за еду. Я поел и собрался идти тяпать сорняки, но Кошевой сказал: «Сегодня никуда не ходи, будешь здесь мне помогать».

Вот такое тогда было у меня приключение. И вот, по прошествии четырёх лет, я снова с хуторянами, кто в ЛЗС работает, иду туда на работу. Место стоянки техники лесхоза, как и прежде, называют СТАН. Когда ещё туда шёл, то думал увидеть ту же землянку, так же разбросанную технику но, когда мы туда пришли, я был приятно удивлен, там стоял настоящий посёлок, домики для проживания, отдельно здание столовой, техника стояла в рядок на бетонной площадке. Одним словом, порядок, да и только. Всё, как я там жил и работал, описывать не буду, там было много чего, и работа и любовные интрижки и ещё что-то, так что если обо всём писать, то можно отдельную книгу об ЛЗС написать. Но всё же, чтобы вы имели представление о моём проживании там и работе, я кое-что напишу. Первое время из

хутора на работу и с работы в хутор я ездил на велосипеде, это не трудно, хотя, разумеется, асфальтной дороги туда не было. Но для велосипедиста пять километров это не расстояние. Пока косилки ещё не пришли я занимал должность, кто куда пошлёт, но потом меня взял к себе шофёр Николай, который работал в ЛЗС на машине ГАЗ-51, я был у него вроде помощника.

Николай знал, что я жду косилку, на которой буду потом работать и начал меня учить водить машину, так как принцип вождения косилки точно такой же, как и машины. Но косилки пока не пришли и поэтому я работал с Николаем. Машиной Николай пользовался как своей собственной, она постоянно была в его руках, мы с ним возили грузы те, что требовалось перевозить по ЛЗС, и те которые Николай брал на заказ от частных лиц. Я, за эти полмесяца, пока не было косилки, с Николаем объехал всю округу, в каких мы только поселках и не были, я раньше даже не знал об их существовании, а они есть и живут. Возили всякие грузы, сено, солому, кизяки, коров, овец и даже легковую машину, правда мы её чуть не потеряли, но вовремя остановились, закрепили её и довезли до места. Разумеется, шофёр это делал не бесплатно, и от барских шофёрских щедрот и мне кое-что перепадало. В то время деньги у меня были, хоть и небольшие, но были постоянно. У нас с Николаем было несколько интересных случаев при перевозке грузов, но я опишу один, как мы работали у одного хозяина-куркуля, так его называл Николай. Этот самый куркуль попросил Николая привезти чуть больше полтора десятка овец (он так и сказал) из третей фермы 22-го совхоза в Джалгу, где он жил. Николай мне сказал: «Дело это, конечно, грязное овечки могут нас и обгадить, да так что трудно будет отмыться. Но деньги платит хорошие, ты получишь 50 рублей я чуть больше 100 рублей. Как согласен? А что тут думать, для меня сейчас и рубль деньги, а тут целых 50 рублей. Одним словом, мы поехали. Добрались нормально, за овец было уже оплачено и мы начали грузить. Грузили только баранов они крупнее овечек, и притом выбирали самых крупных.

Чабан участия в погрузке не принимал, поэтому мы грузили с Николаем вдвоём, корячились в прямом смысле этого слова. Кое-как погрузили 16 голов, при этом, овцы обмарали нас так, что мы с Николаем кое-как отмылись у бочки с водой. Отмыться-то отмылись, но вонь так и не отмыли, ну что же, пришлось ходить с ней, тем более что нам баранов ещё разгружать надо.

Подошли к машине, ещё раз осмотрели её, на случай не стандартного поведения баранов, я сказал Николаю, что задний борт низковат, боковые борта нашиты нормально, а задний

нашили низко. Ладно, говорит Николай, будем надеяться на хорошее поведение баранов, поехали. Сели в кабину Николай носом повёл и сказал: «Ну всё, Сеня, теперь в кабине неделю будет вонь стоять. Вот так нам с тобой денежки даются».

Сначала всё было нормально, я время от времени поглядывал в заднее окошко кабины на наших пассажиров, всё шло хорошо. Как только проехали Бурукшун, в кузове среди баранов началось волнение, по какой причине оно началось, мы с Николаем не знаем, но началось. Я продолжаю смотреть через окошко, бараны чем-то возбуждены, мечутся от одного борта к другому, мекают, машут рогами. Я говорю Николаю: «Слушай, давай остановимся и наведем в кузове порядок, а то, как бы чего не слупилось». Николай посмотрел на меня и говорит: «Сеня, да тут ехать осталось минут десять, если бараны что и задумали, то не успеют сделать, а ты все равно смотри за ними». Я снова уставился в окошко, думаю и правда, уже недалеко осталось. Только я так подумал, вижу один баран, как сиганёт, через задний борт, только задние ноги показал. Я кричу Николаю: «СТОЙ!» Он остановил машину и спрашивает меня: «Что случилось?» А я уже выскочил из кабины и побежал ловить беглеца, а ловить его и не надо было, он так грохнулся, что сломал себе обе передние ноги. Баран лежит посреди дороги и молчит, мы с Николаем стоим возле него и тоже молчим, потому что не знаем, что делать. Наконец Николай говорит: «Слушай Сеня, такого барана этому куркулю везти нельзя, он с нас за него сдерёт рублей 300, а может и больше. И тогда мы с тобой не то что заработаем, а совсем наоборот, я думаю, если этого прыгуна сейчас не прирезать, то он минут через пять подохнет. Так что давай за дело. Возьми под сиденьем нож, и неси его сюда, мы его с тобой это самое, а затем поедем к твоим родителям в хутор, там его освежим, и как будто этого барана, у нас и не было». Николай быстро разобрался с бараном, видать это у него не впервые, снова затащили несчастного в кузов и поехали. Едем к нам домой, а я волнуюсь, как же нам быть, было баранов 16 голов, а останется 15 хвостов, он же, этот куркуль, обязательно их пересчитает ещё в кузове. Решил своими размышлениями поделиться с Николаем. Он выслушал меня и говорит: «Ладно, Сеня не дрейф, что-нибудь, придумаем, а ты уже сейчас думай ты парень смекалистый так что, что-нибудь, придумаешь. Я бы и сам что-нибудь, сказал, да понимаешь, у меня язык ни той стороной прикреплен, вроде думаю правильно, а высказать не могу, так что уж ты постарайся у тебя это хорошо получается». Команда поступила, значит надо думать, и я задумался. Вспомнил сайгака, как я тогда поговорил с любителем гусятины, вспомнил гуся, которого мы в глаза «не

видели», и ещё кое-что вспомнил. Потом решил, что на расстоянии трудно что-то придумать, надо действовать по обстановке, вот приедем к куркулю во двор, тогда я точно что-нибудь, придумаю.

Подъехали к нашим воротам, Николай мне говорит: «Сеня, надо заехать во двор, там меньше глаз будет». Я побежал открывать ворота, Николай развернул машину и начал задом сдавать во двор, я как мог, помогал ему. Мои родители смотрят на меня, и не понимают что происходит, зачем это грузовая такая большая машина, заезжает в их небольшой двор. Николай остановил машину, и пошёл к моим родителям, которые стояли в растерянности у летней кухни, а я побежал закрывать ворота. Что они там говорили, я не знаю, когда я вернулся, Николай говорит мне: «Сеня, снимаем барана и в сарай, а затем ты напои водой баранов, которые в кузове, а в сарае мы с твоим отцом сами разберёмся». Разбирались они долго, я уже успел овец в кузове машины напоить, хлеба с молоком поесть с мамой, и только тогда Николай вышел из сарая и попросил у мамы какую-нибудь тряпку завернуть мясо. Мама пошла в хату, вынесла кусок ткани от простыни и дала Николаю. Через некоторое время Николай вышел из сарая с большим свёртком положил его в кабину, затем говорит мне: «Сеня, ты садись в кузов и следи, чтобы ещё какой-нибудь прыгун, из кузова не выскочил». Я запрыгнул в кузов, и мы поехали. Вскоре мы были в Джалге. Где живёт куркуль, я не знал, но я хорошо знал, где живёт Николаева мама, и вот к ней мы и поехал. Только машина остановилась у двора, на крылечке появилась сначала сестра Николая Галя, а затем и их мама, для меня тётя Надя. Николай взял с собой свёрток и пошёл в дом, за ним пошли его сестра и мама. Через некоторое время Николай вышел и говорит: «Сегодня, Сеня, ночуем у моей мамы, она приготовит ужин, а сестрёнка приготовит нам баньку. А теперь поехали к куркулю отвезём ему его баранов». Подъехали ко двору хозяина баранов, он вышел и говорит Николаю: «Ты, Мыкола, поезжай по переулку в мой огород, там у меня загон для овец, вот туда их и сгрузим».

Подъехали к его загону, смотрю, а в загоне находится десятка полтора баранов, я думаю, вот он момент удачи, сейчас мы своих баранов сгрузим в загон, они перемешаются с его баранами, и тогда не поймёшь, где наши, а где не наши, ведь на внешний вид они все одинаковые.

Говорю Николаю: «Подгоняй машину задом к загону, баранов будем разгружать прямо в загон, давай быстрее, пока хозяина нет». Николай подогнал машину я, не дожидаясь пока Николай, откроет борт машины, сам спрыгнул на землю, открыл задний

борт, затем снова заскочил в кузов и давай выталкивать баранов в загон, а Николай помогал им спрыгивать. Пока хозяин с хозяйкой шли по огороду к загону, мы всех баранов разгрузили, закрыли борт машины и стоим, ждём расчёта за транспортировку баранов.

Подходят хозяин со своей хозяйкой, хозяину-куркулю, на вид лет 50, он невысокого роста, плотного телосложения. Хозяйка тоже невысокого роста не толстая, но, как говорится, в теле. Хозяйка хоть и закрывала рот кончиком головного платка, но всё-таки было видно, что она довольно молодая, примерно лет тридцать. Куркуль с Николаем сразу заговорил о стоимости доставки груза. Николай настаивал на 150 рублях, а куркуль хотел нам заплатить 80 рублей. Спор Николая с куркулём затянулся, я понял, что надо мне вмешаться в их спор. Подхожу к спорщикам и говорю: «Николай, а что ты с ним споришь, если он не хочет выполнять свои договорные обязательства, то мы с тобой грузим своих шестнадцать баранов в кузов и везём туда, откуда мы их взяли, а он пусть ищет дураков, кто за такую цену ему их привезёт, — и добавил, — совесть надо иметь, ты посмотри, что твои бараны с нами наделали, они нас так уделали своим дерьмом, что мы неделю будем отстирываться». Затем спросил у него: «Так вы платите 150 рублей, или мы сейчас баранов грузим и увозим их обратно?» Я знал, что он заплатит и не даст нам увезти баранов назад, ведь что такое увезти баранов, да ещё и не известно куда мы их повезём, а чабан других баранов ему не даст, ссылаясь на то, что он купленных баранов уже отдал. Куркуль помолчал, затем говорит: «Ладно, пойдём, посмотрим, что вы там привезли». Они ушли, я выдержал паузу и тоже пошёл к ним. Подхожу, к ним, а Николай мне говорит: «Слушай, Сеня, дядько Михайло говорит, что мы ему не всех баранов привезли, надо было привезти 16 голов, а мы, по его словам, привезли 15. Когда мы разгружали, ты считал баранов?» Ага, думаю, не доверяет куркуль, тогда надо применить агрессию, то есть, надавить на его психику. Так пишут в книгах, которых я читал большое множество. Я поворачиваюсь к хозяину и говорю: «Вы что нам не доверяете?» — «Та получается так, я посчитал баранов их сейчас в загоне тридцать, а моих оставалось пятнадцать, так что вот так», — утверждает хозяин. «А Вы уверены, что у Вас было пятнадцать баранов в этом загоне? Я, например, как только мы подъехали к загону, то сразу посчитал ваших баранов и насчитал их четырнадцать голов» — «Как четырнадцать? Не может быть. Нюра, нас же было семнадцать, двух увезли на базар, должно остаться пятнадцать, а Нюра?» — как-то растерянно спрашивает хозяин хозяйку. Нюра сначала молчала, но затем говорит: «Михайло, та шо я их считало чи шо, мабуть було чи пятнадцать,

чи четырнадцать, мы же в выходные их на базар возили. Та все правильно отдавай гроши и ныхай хлопцы едут отдыхать, а то видно за день устали». Михайло поёжился как от холода и говорит: «От чёртова баба, ничего нельзя доверить, обязательно напутает, и всё-таки меня берёт сомнение» — «Какие сомнения? — возмущаюсь я, — я своих баранов знаю, я их сам выбирал, так что если хотите, я их снова пересчитаю». Запрыгиваю в загон, и начинаю считать своих баранов, насчитал ровно шестнадцать. «Какие могут быть вопросы?» — спрашиваю я у хозяина загона. «И всё-таки меня берут сомнения», — сказал куркуль. Тут я не на шутку разозлился, а что? Ведь полная несправедливость. Ему сделали добро, с таким трудом погрузили и привезли баранов, а его, видите ли, берёт сомнение. Где спрашивается совесть у человека? «Ладно, — говорю, — раз Вы не хотите рассчитываться, то мы грузим баранов в машину и увозим назад. Беру барана полегче, чтобы удобней было закинуть на спину, и говорю Николаю: «Николай, открой, задний борт, будем грузить в машину баранов, и отвезём их туда, где мы их брали». Тут спохватился Михайло и говорит: «Хлопыц, ты подожди, я же ни сказал, что не заплачу, просто поторговаться же надо вот я с вами и торгуюсь». На что я ему ответил: «Торговаться надо было раньше, когда договаривались с Николаем о доставке груза, а сейчас надо выполнять договор, правильно я говорю?» — «Та правильно, тильки хотилось трохи поторговаться. Нюра, сходи и принеси все гроши, которые лежат в комоде, а то тут намечаются ещё расходы». Нюра ушла, а дядька Михайло ещё раз пересчитал баранов и остался доволен. Стоит среди загона и потирает руки. Николай стоял в стороне и в разборках не участвовал, наверное, подумал, что я сам разберусь.

Пришла Нюра, принесла деньги, которые лежали в холщёвом мешочке, отдала Михайлу, тот отсчитал 150 рублей и подаёт мне. Я взял деньги и передал Николаю, а сам думаю, вот это день, мне перепадёт 50 рублей, от таких мыслей у меня радостно забилось в груди сердце. Ну вроде и всё сделано, пора ехать мыться и ужинать, но Михайло завёл снова разговор насчёт того, чтобы мы привезли ему солому с колхозного поля. Он обращался к Николаю и поэтому я молчал. Николай выслушал просьбу хозяина и говорит: «Договорными вопросами занимается мой помощник Семён, вот с ним и говори, как договоритесь, так и будет». У меня сразу в голове забегали шарики, да ролики, как сделать так, чтобы с этого куркуля взять больше денег. Раз Николай направил хозяина ко мне, то он со мной стал договариваться.

Я у него сразу спросил: «Чья солома, которую мы будем

возить, кто будет её грузить, увязывать, а затем разгружать?» Хозяин двора засмеялся и говорит: «Солома? Та ничья она, стоит в поле скирд, прошлогодней соломы никому не нужен, берут все, кто хочет, вот и мы с этого скирда возьмём. Так что тут беспокойства никакого не будет. А грузить и выгружать солому будете вы, мыни ця работа тэпэр ны под силу, а Нюрка, шо с бабы возьмёшь, баба она и есть баба, так шо, хлопцы, надежда только на вас». Затем он помолчал немного, видать прикидывал, сколько нам заплатить за работу, прикинул и говорит: «Я думаю, за цю работу 60 рубчиков хватэ». Сказал, смотрит на меня, и ждёт ответа, но я с ответом тяну, думаю, про ту солому, которая стоит в поле в скирду. То, что куркуль сказал, что солома ничья, то это он так думает, а солома ведь колхозная и если мы будем её грузить, то значит, мы её будем воровать у колхоза, вот на этом надо и сыграть в цене. А хозяин двора меня торопит: «Ну, шо мовчишь, так хватэ 60 рублей чи ни» — «Нет, не хватит, за всю работу надо 200 рублей, и я объясню почему. 100 рублей за погрузку соломы, её доставку в ваш двор а затем её разгрузку» — «Ну, — не выдержал хозяин, — а 100 рубчиков ещё за что?» — «А ещё сто рублей за страх!» — спокойно сказал я. Хозяин от неожиданности аж подскочил и завопил: «Мыкола, подывысь на своего помощника он с меня гроши требует за страх, якый страх, кого у нас тут бояться, тут же село, вси друг друга знают, Мыкола, скажи ему. Но я движением руки остановил хозяина и сказал ему» — «Не надо мне ничего говорить, раз я сказал, значит, так оно и есть. Солома — это колхозное добро, а Вы нас заставляете это добро воровать, Вы забыли, сколько людей пересажали за горсть зерна, которое находили в кармане колхозника. Некоторые люди сидят до сих пор, так Вы что хотите, чтобы и меня с Николаем посадили? Лично меня такая перспектива не прельщает, да и Николая тоже. У него семья, кто тогда будет кормить её? Одним словом, если Вы с моим вариантом стоимости доставки груза не согласны, то мы Вас покидаем. Сказал и пошёл к машине, Николай пошёл вслед за мной. Хозяину такой поворот в делах не нужен, он идёт вслед за нами размахивает руками и говорит: «Ну, хлопцы, ну подождите, я уже и вилы бросил в кузов машины, давайте договоримся, тильки сбавьте трошки цену, мне солома нужна позарез на подстилку овцам, если не будет подстилки, то шерсть у них будет грязная, и она теряет в цене, так что без соломы ну никак».

Когда мы пошли к машине, я посмотрел на Нюру, она стояла в стороне и с грустью на нас смотрела, как бы прощалась. Но в этот момент у меня созрел план, как уменьшить стоимость доставки груза, и Нюру взять с собой в скирд. Надо пожалеть её а

то уж больно у неё грустный вид.

Я повернулся к хозяину и говорю ему: «В общем-то уменьшить стоимость доставки соломы можно, но для этого надо, что бы Вы, или Ваша хозяйка поехали с нами, и в случае непредвиденных обстоятельств (я специально это словосочетание ввернул, чтобы напрячь хозяина), вы, всю вину взяли бы на себя. Тогда цена будет на сто рублей меньше. Тут хозяин, воспрянув духом, замахал руками и говорит: «О це балачка, так бы сразу и сказав. Но я поехать не могу, хозяйство, понимаешь, а вот Нюра поедет. Так что ты, Нюра, там всю эту самую ответность быры на себэ, шо хлопци там ны причём, поняла. Нюра сразу повеселела, дёрнула плечиком, пошла к машине и на ходу говорит: «Поняла, чиво тут не понятного, считай, я отработала 100 рублей и в твой карман положила». По её ответу я понял, что отношения у неё с хозяином очень даже не простые, такое впечатление, что живя с ним, она чем-то недовольна. Дядько Михайло крутнул головой и говорит: «Вот, чёртова баба, як заговорит, так её не остановишь, ну ни как эту ипатовскую натуру из неё не вытравлю. Ну, всё езжайте, а то уже вечереет, так чтобы по светлому времени, управились. Дядька Михаил стоит и даёт команды, а на меня и не смотрит. То ли я ему не нравлюсь, то ли ещё почему, может деньги не хочет сразу платить. Но я на его уловку не пойду, я протянул к нему руку, шевелю пальцами, показываю, что монеты то в них нет. Он как будто ничего не понимает и спрашивает меня: «А в чем дило?» — «Сто рубчиков сюда положите, — говорю я ему, — а то если денежки сейчас не будет, то и соломы в Вашем огороде не будет, так что решайтесь и быстрее. Михаил скривился, как будто он только что откусил зелёную сливу и с раздражением говорит мне: «Ну, шо ты за хлопыц такой, пристав как смола, на, держи мои сто рубчиков, нажитые мною непосильным трудом». Вытащил из своего холщового мешочка две купюры по 25 рублей, и пять красненьких десяток. Я взял деньги и говорю: «Были денежки ваши, а стали наши». Тогда в наших местах такая модная присказка ходила. Я повернулся и пошёл к машине, затем сел в кабину, где Николай уже сидел за рулём, а Нюра на пассажирском сиденье, я прижался к ней поближе и мы поехали. Грузили солому на машину долго, Нюра постоянно требовала к себе внимания, вот и получалось что грузил один человек: то я, то Николай.

Но как бы то ни было, с радостью пополам нагрузили. Хозяин нас встретил у загона овец, количеством привезённой соломы был доволен, мы тоже не в обиде, а Нюра вообще вся от счастья сияла, как новый гривенник, таким образом мы остались довольные друг другом, на этом можно было и расстаться. Но тут Нюра говорит

мужу: «Михайло, вот вивцям солому привезли, а как же корова? Утром она настолько грязная, что прямо доить её противно. Договорись с хлопцами, ныхай они завтра приедут и ещё машину соломы привезут, постарайся их уговорить». Хозяин Михайло почесал свою «репу» со стороны затылка, видать ему не хотелось с деньгами расставаться, затем Нюре говорит: «Нюра, давай подождём немного, а то гроши и так убывают, потом купим солому» — «Раз так, — нервно сказала Нюра, — тогда сам корову дои я к ней больше не подойду». Такой поворот событий видать хозяина не устраивал, и он скрипя сердцем согласился: «Ну, так что, хлопцы, завтра приедете соломку привезти?» Я не стал ждать, пока Николай сообразит, что ответить, и говорю дядьке Михайлу: «Конечно, приедем, но только на тех же условиях, что сегодня, если конечно Нюра возьмёт на себя ответственность. Как, Нюра, возьмёшь?» — спрашиваю я у неё. — Возьму, Сеня, всё возьму на себя, — сказала, а затем захохотала.

В этот день на этом мы и расстались, довольные друг другом. А потом была баня, хороший ужин и две добрые милые женщины, которые нас кормили и постель приготовили. Пред сном Галя зашла в комнату, где мы с Николаем готовились спать, и говорит: «Я вашу верхнюю одежду постирала, ну и вони в ней было, так что с Вас мне подарок». Мы с её требованием согласились и приготовились спать. Я лёг уже на кровать, ко мне подошёл Николай и говорит: «Сеня, давай разделим наш заработок, он сегодня у нас очень хороший. Смотри, мы честным трудом заработали 250 рублей, я думаю, сделаем так, твои 150 рублей, мои 100, так будет честно, всё-таки ты у куркуля деньги вырвал, да и баранов ты «правильно» посчитал, так что давай сделаем так». Я Николая выслушал и сказал ему: «Всё сделаем точно так, но только наоборот, давай мои 100 рублей, а остальные твои, у тебя семья и её кормить надо, а я, как ты знаешь, холостой, так что всё правильно». Николай против моего решения возражать не стал, а что ему возражать, правильно же. Когда уже мы с Николаем лежали в постели я спросил у него: «А почему ты дядька Михайло зовёшь куркулём?» Николай хмыкнул и говорит: «Да куркулём не я один зову его, так его зовут все жители Джалги, он такой прижимистый спасу нет, я даже удивился, что ты с него вытряс такие большие деньги. А денег у него много, ведь он зачем покупает баранов? На продажу, только продаёт их уже мясом, а на рынке баранинка стоит 10–15 рубчиков за килограмм, вот и посчитай, сколько он с одного барана имеет, если чистого мяса с барана 35–40, а то и более килограмм, да прибавь сюда голову, да ливер с одного барана. Получается кругленькая сумма, а покупает он баранов по 200 рублей за

голову, вот и кумекай». Я прикинул в уме, и получается, чистого мяса с барана пусть даже будет 35 кг, если их умножить в среднем на 14 рублей, то выходит, он с одного барана имеет 500 рублей, да, думаю, не дурно. У меня ещё были вопросы к Николаю, но я их задавать не стал, он засопел, думаю, уже спал. Вот такой плодотворный был у нас этот день.

На другой день мы днём работали на лесозащитной станции, а к вечеру поехали к дядьке Михайло, взяли у него деньги и Нюру и поехали грузить солому. Погрузка была точно такой же, как и вчера, привезли солому, разгрузились и расстались довольные сделанной работой. Особенно радовалась Нюра, для неё это было что-то вроде праздника. Вечером меня Николай отвёз на машине в хутор, там у нас дома мы поужинали и он уехал к своей семье в Ипатово. Николай уехал, а я с родителями сидел за столом и ужин продолжался. Тато смотрит на тарелку с бараниной и говорит: «Вот, сынок, благодаря тебе наша семья уже который день с мясом, а то я уже думал овечку резать». Я на отца посмотрел и говорю ему: «Тато, так это не меня надо благодарить, а Николая, я в этом деле играл маленькую роль. Так что надо было благодарить Николая». На что отец мне сказал: «Если бы не ты, то Николай к нам бы и не заехал, так что я правильно тебя поблагодарил». Ну что я на это мог сказать, раз мой отец так сказал, значит, так оно и есть. Другие дни мы тоже зарабатывали, но более скромно, а вот этот заработок, был интересен не только заработком, но и событиями. А с Галей, как обещали с Николаем, так и рассчитались, купили ей духи «Красная Москва», дорогущие спасу нет, 20 рублей, но флакон большой, так что его ей надолго хватит.

СЕНОКОС В ЛЗС

Вскоре привезли долгожданную косилку, как только я её принял, то с Николаем больше на его машине не работал, теперь с ним работал молодой парень, по имени Сергей, но связи я с Николаем не терял, как же, сколько всего вместе пережито. Первое время водить косилку и изучать её, мне помогал Николай. Учение длилось недолго, дня два, затем мы с Николаем поехали косить сено, так сказать сделать пробную партию. Работали до конца дня, я окончательно освоил косилку и на другой день поехал на сенокос уже один. Сначала всё шло хорошо, были мелкие поломки, но я с ними, справлялся, а вот на четвёртый или пятый день косовицы, раз за разом, стал ломаться шатун, который приводит в движение дальнюю косу. Конструктора её расположили на двухметровой консоли, да сама коса три метра, и получился очень длинный рычаг, и при качке косилки на неровностях покоса, коса задевала землю и приводящий шатун ломался. Мне приходилось снимать шатун, идти на стан в кузницу и его ремонтировать. А это два километра в одну сторону, а затем два километра в другую вот вам и четыре км. Но дело не в километрах, а в том, что очень много теряется времени, а трава не ждёт, она с каждым днём стареет и скоро будет не пригодна для сена.

Как-то в один из дней я, с поломанным шатуном, второй раз иду в кузницу. Смотрю, навстречу мне едет машина директора лесхоза. Он всегда сам ездил за рулём, подъехал ко мне и спрашивает меня: «Ты это куда собрался, я еду к тебе, а ты уходишь?» Я ему говорю: «Николай Иванович, эта длинная коса меня замучила, я не кошу сено, а только от неё шатун бегаю ремонтирую, какой-то безголовый придумал повесить её на такую длинную консоль, вот она при движении косилки цепляет землю и шатун её рвётся. Вот сегодня уже второй раз иду в кузницу его варить» — «А ну садись в машину, поедем, посмотрим на твою беду». Подъехали к сенокосилке, подошли к третьему режущему органу, я взял за его конец, приподнял, затем отпустил и он закачался верх вниз, при этом, ударяясь о землю. «Вот видите, Николай Иванович, как он себя ведёт, а при движении он ударяется о землю и рвёт шатун. Прямо беда, не знаю, что с ним и делать. Вот, если по-хорошему, то его надо отсоединить и работать двумя косами, захват будет вполне приличный 5,7 метра. В таком случае будет двойная выгода, я не буду время терять на ремонты шатуна, а главное, можно будет косить не на первой скорости, а на второй и я скошу гораздо больше, чем

сейчас кошу». Николай Иванович посмотрел на всю эту катавасию, немного подумал и говорит: «Правильно ты сказал, давай прямо сейчас отсоединим третью косу, положим её на раму, а консоль её сделай в походное положение и она тебе не будет мешать. Давай ключи и за работу». С Николаем Ивановичем мы за полчаса справились с третей косой, я её положил на раму и закрепил проволокой, завёл двигатель и вперед. Ну, совсем другое дело, косилка идёт легко, я переключился на вторую скорость, движение косилки на разы увеличилось, и главное мне теперь легче следить за двумя косами и они землю не зацепляют, а как результат шатуны не рвутся. За этот день я скосил травы в три раза больше, чем за те четыре дня.

На вечерней планёрке Николай Иванович меня похвалил за сообразительность и смекалку. Конечно, за похвалы денег у меня в кармане не добавилось, но было приятно. Через два дня я должен косить на дальнем лугу, как там закончу, переберусь на ближнюю, степную поляну, она от нашего хутора всего три километра, будет ближе ездить домой. Работал я напряжённо, в столовую на обед не ездил, что с собой мама даст, то и поем и снова за дело. Так и косил. Во время работы смотреть по сторонам мне некогда, всё внимание на режущие органы, вдруг я заметил, что стало быстро темнеть, думаю, в чём дело, вроде не так давно был обед и вдруг темнеет. Затем подул сильный ветер, и вообще наступили густые сумерки. Я бы продолжал косить, но в темноте не видно было травяной гривы и потому пришлось ехать на стан. Только я приехал на стан, выглянуло солнце и стало совершенно светло. Стою на площадке куда ставлю косилку и не знаю что делать, назад ехать далеко, заканчивать работу рано. В это время ко мне подходит механик и спрашивает меня, почему я так рано приехал. Я ему как мог, объяснил, а он говорит: «Ну ладно, сегодня займись косилкой, почисти режущий орган, смажь подшипники, одним словом сделай технический уход. А завтра утречком снова туда, заканчивай там, да переезжай сюда ближе» — «Так завтра воскресенье. Хотя ладно, приеду и воскресенье поработаю» — «Ну как знаешь», сказал механик и ушёл. На этом мы с механиком и расстались. Я вожусь с косилкой, день катится к закату, думаю, закончу с режущим аппаратом и поеду домой, там мама что-нибудь вкусненькое на ужин приготовила. Смотрю, ко мне идёт Валя, дочь нашей поварихи, она тоже с матерью работала в столовой. Мы с ней как бы встречались, ну так, звёзды считали, гуляли вокруг стана. Обычно это было в то время, когда я ночевал на стане. Затем я перестал ночевать на стане и перестал встречаться с Валей. Мне не нравилось, что её мать постоянно говорит о нашей свадьбе, обычно я слушал её рассуждения о

свадьбе и молчал, но один раз не выдержал и сказал: «Да какая свадьба, мне ещё в армию надо идти».

После моих слов отношения с моей предполагаемой тёщей испортились, ну я и ни стал к ним ходить, а за одно и встречаться с Валей. С тех пор прошла примерно неделя, она ко мне не подходила а я к ней, не шёл, так и жили и работали. И вот она идёт ко мне, интересно, что она скажет, подождём, осталось ждать недолго. Валя подходит ко мне и спрашивает: «Сеня, а почему ты в столовую не ходишь кушать, тебе что, не нравится, как мы с мамой готовим?»

Вот это вопросик, подумал я, а затем ей ответил: «Валя, да некогда мне ходить в столовую, утром я завтракаю дома, а на обед мне что-нибудь собирает мама, а вечером, я еду домой и там меня мама кормит. Вот такая получается круговерть». Валентина немного помолчала, затем говорит: «Сеня, мама говорила, чтобы ты к нам приходил, она больше не будет о нашей свадьбе говорить, так что приходи» — «Да права твоя мама, тебе действительно надо такого парня, чтобы он на тебе женился, тебе уже 19 лет, так что пора замуж, да ты это и сама мне говорила. А какой с меня жених, да ни какой, сначала пойду в армию, а где я потом буду, я и сам не знаю. Понимаешь, Валя, я хочу учиться, раньше я этого не понимал, а прочитал много книг и понял, что надо учиться, для этого нужен большой промышленный город, где есть и вечерняя школа и техникумы и институты. Вот такие, Валя, дела». Я вроде всё ей сказал, и Валя должна уйти, а она не уходит, всё стоит и стоит. Думаю, что ей надо, сколько она будет над душой моей стоять, к моему счастью я услышал гул мотора машины, значит, к нам едет Николай, и он меня выручит из этого неприятного положения. Оторвался от работы, поднял голову, и точно Николай идёт к нам. Подходит и говорит мне: «Слушай, Сеня, мне нужна твоя помощь» — «А что случилось?» — тревожно спросил я у него. «Понимаешь, этот ураган столько в Джалге натворил бед, что люди несколько лет будут его помнить. Ипатово и у вас здесь он задел только краешком, а эпицентр урагана пришёлся на Джалгу, и поэтому там не только унесло кур, солому и сено, из дворов, но и повыворачивало деревья и посносило крыши с домов. У моей мамы крыша на доме уцелела но, шифера на ней, как ни бывало. К счастью шифер я уже купил давно, он у мамы в сарае лежит. Если честно то, шифер на крыше давно надо было заменить, его ещё весной град продырявил, но у меня как всегда руки не доходили, а вот теперь надо, так что помогай. Мой помощник Сергей уже там работает, так что поедем, завтра надо накрыть крышу, а то не дай Бог дождь, всё, что лежит на чердаке замочит. Ну что тут сделаешь, Николаю я

отказать не могу, так что ничего не стал и говорить о том, что завтра хотел поработать на сенокосе, а то Николай такой разговор, примет за отговорку. А я не хочу, что бы он обо мне так подумал. Пока мы с Николаем говорили, Валя поняла, что она здесь лишняя повернулась и тихонько ушла. Да это и к лучшему, что воду в ступе толочь. Пока я в бытовке переодевался в чистую одежду, Николай сидел здесь же на скамейке и ждал меня. Одеваясь, я ему сказал: «Слушай, Николай, может, мы здесь в столовой поужинаем, чтобы твою маму ужином не беспокоить, а потом поедем» — «Да ты что, Сеня, мама там нас уже ждёт с приготовленным ужином. Я как сказал ей, что поеду за Сеней, чтобы он помог накрыть крышу шифером, так она обрадовалась и говорит: «Сене приготовлю лапшу со шкварками, он её любит, так что езжай за ним и привози его, а ужин к тому времени будет готов». Николай немного помолчал, а затем сказал: «Понравился ты моим и маме и Гале, как только ты не стал со мной работать, и они узнали причину того, то очень обе сокрушались. Я их как мог, успокаивал, говорил им, а что сделаешь, сколько ему помощником у меня ходить, он парень взрослый, технически подкован, так что надо работать самостоятельно, вот он и работает на сенокосилке. Работает хорошо, директор им доволен, а больше ничего и не надо. Не знаю, помогли мои доводы или нет, но как только узнали, что ты приедешь к нам, обе обрадовались». Всё это мне рассказывал Николай, когда мы ехали в машине, а я всё думал, чем я им так понравился. Обыкновенный парень, ничем особым не отличаюсь от других. А может им понравилось, как мы с Николаем их сарай перестраивали, тогда я у них жил полных три дня, работы сделали много и хозяйке она понравилась. А что, может тогда и понравился своей работоспособностью. Приехали довольно быстро, это недалеко от села Джалги. Тётя Надя и Галя нас встретили радостно, а как же, работники приехали. Хозяйка сразу нас пригласила в хату на ужин, но я Николаю сказал: «Николай, давай пока ещё светло определимся с фронтом работы, а затем пойдём на ужин». Обошли вокруг хаты, на крыше шифера не было, там только Сергей сидел на стропилах, Николай его спросил: «Сергей, ты все старые гвозди повытаскивал из стропил?» — «Да, все», — ответил Сергей. Ну, думаю, хорошо хоть одна работа сделана. Затем мы все втроём пришли в хату и сели ужинать. Еда действительно была хорошая, а главное моя любимая, лапша со шкварками.

Спали втроём на полу на соломе накрытой рядном, я за день намотался так, что уснул сразу, а проснулся с первыми петухами. Полежал немного, спать не хочется, встал, оделся и пошёл во двор, там уже тётя Надя доила корову, увидела меня и

спрашивает: «Сеня, что так рано встал?» — «Да выспался», — ответил я. Затем я пошёл в сарай, где лежал шифер, взял там тачку нагрузил в неё листы шифера и стал подвозить к хате. Привёз одну тачку, разгрузил, затем другую и третью, только после этого вышел Николай и позвал меня на завтрак. После завтрака дружно взялись за работу, как ни старались, до обеда накрыли только пол крыши. Уработались прилично, по-хорошему сегодня надо и отдохнуть, но у нас нет времени, завтра мне надо быть на сенокосе, время идёт трава стареет, так что надо торопиться. После обеда часик отдохнули и снова за дело, заканчивали уже по-тёмному.

Я на крыше так наработался с листами шифера, что всё тело болело. Кое-как помылся, поужинал и спать, парни тоже, поужинали и на покой. До утра спал, как убитый, даже не слышал петухов, а может и слышал, но не обратил на них внимания, уж больно спать хотелось. Утром поднялся, всё тело болит, но болеть некогда, меня ждёт сенокос. Позавтракали и на стан. В этот же день я закончил косить траву на дальнем стане и переехал на ближний покос, он ближе и к стану и нашему хутору. Теперь мне легче стало добираться домой, косилку я оставлял прямо на сенокосе, и на велосипеде ехал домой. Однажды еду на велосипеде в хутор, не проехал и половину пути, как вдруг полил дождь, да ещё и с градом, а град величиной с голубиное яйцо. Ударяет по телу больно, я думаю, как от него спрятаться, а спрятаться негде, вокруг поле и ни деревца, ни кустика. Тогда я присел под велосипед, рама и колеса меня частично защищали от этих крупных градин. Переждав дождь, я домой пошёл пешком, так как дорогу размыло и по ней на велосипеде не проехать.

Как-то кошу траву на ближнем покосе, работа идёт хорошо, поломок практически нет, трава на покосе с каждым днём уменьшается, всё хорошо, но зачем это ко мне на своей машине едет директор? Да и не один, а с какой-то дамой в цветастом платочке. Машина у директора открыта и мне их видно издали. Я остановил косилку, ко мне подъехал на машине Николай Иванович, вышел из неё, за ним вышла и эта дамочка. Директор, осмотрел поляну сенокоса и спрашивает у меня: «Когда собираешься закончить покос?» Я тоже посмотрел вдаль покоса и говорю: «Думаю дня за два закончить» — «Хорошо, — сказал Николай Иванович, — как закончишь сенокос, переедешь вон туда, что ближе к стану, и там скоси всю полынь, мы там будем вести посадки растений ямочным способом. Да вот ещё что, познакомься с нашим новым агрономом, её зовут Елена Николаевна, она будет контролировать всю агротехническую деятельность». Я посмотрел на этого агронома, невысокая

молодая симпатичная женщина, я оценивающе смотрю на неё, она смотрит на меня и улыбается обаятельной улыбкой. Да, думаю, от неё надо держаться подальше, а то чего бы не вышло. А директору говорю: «Николай Иванович, а зачем мне агроном, он мне как бы и не к чему, моё дело коси всё, что попадётся вот и всё». Директор покачал головой и говорит: «Не скажи, Семён, тебе без агронома никак нельзя, ведь она должна, определять какую траву косить, а какую можно и повременить, так что тебе без неё никак нельзя». Если коротко, то Николай Иванович накаркал, Лена стала так активно контролировать мою работу, что она у меня была по три часа в шалаше. Конечно, об этом многие знали, да и Николай Иванович, наверное, тоже знал, но до времени ни мне, ни Лене ничего не говорил, мол, это дело степное и меня это не касается. Но когда я переночевал у Лены в комнате, то он на другой день вызвал к себе в кабинет и меня, и Лену. Как только зашли в кабинет к директору, Лена сразу вышла вперёд меня и говорит Николаю Ивановичу: «Семён не виноват, это я его пригласила к себе ночевать». Директор её спокойно выслушал и говорит: «Ты вот садись на стул, с тобой я потом разберусь, а ты, Семён, подвёл и меня, и своего отца, мы так оба на тебя надеялись. Ладно, когда в армию?» — «Да вот, сказали в начале августа» — «Ну, вот что, Семён, постарайся до армии держать себя в руках, можешь идти». Не знаю, что там было в кабинете, когда я ушёл, но затем я стоял у косилки и не заводил её, ждал, когда выйдет Лена от директора. Через некоторое время она вышла и направилась прямо ко мне и говорит: «Всё, Сеня, это наша последняя встреча с тобой, сейчас меня директор увезёт в другой лесхоз, что ближе к городу Сальску, но помни, тебя я никогда не забуду, ты у меня сидишь вот здесь», и показала ладонью себе на грудь. Обняла меня за шею, крепко поцеловала, сказала: «Прощай» и ушла собираться в дорогу. Вскоре к домику, где жила Лена подъехал директор на своём открытом «Бобике». Лена ещё не вышла, поэтому он подошёл ко мне и спрашивает: «Что, Семён, на душе кошки скребут?» «Скребут, Николай Иванович» — «А что же это они скребут? Наверное из-за того что подвёл меня и своего отца?» — «Да, Николай Иванович, и за это и ещё за то, что Лена уезжает, она очень интересная молодая женщина, умная, образованная, мне с ней было интересно». В это время хлопнула дверь домика, Лена с сумкой вышла и села в машину на заднее сиденье. Николай Иванович это увидел, а мне сказал: «Ладно, Семён, когда я вернусь, то мы с тобой поговорим на эту тему». Затем пошёл к машине. Машина тронулась и сразу набрала скорость и покатила, за ней потянулись клубы пыли, и в этой пыли я рассмотрел Ленину руку, которой она махала мне. Я

то же помахал, ей в ответ, но не знаю, увидела она это или нет. Больше я Лену не видел, и не знаю, как сложилась её жизнь. На стане говорили, что директор отвёз Лену к её мужу и своему другу, с которым они вместе учились в институте, а теперь тот работал тоже директором в лесхозе. Когда Николай Иванович вернулся, мы этой темы больше не касались. Когда я получил повестку в армию, то пришёл к Николаю Ивановичу и сказал: «Работать мне осталось пять дней, затем меня по повестке призывают в армию». На это мне директор сказал: «Мы с твоим отцом договорились, что я тебе за работу буду платить сеном, грузи на бричку, сколько в неё поместится, но только один воз.

Я Николаю скажу, чтобы он со своим помощником тебе помог. Сколько ещё будешь работать?» — «Завтра займусь сеном, а потом дня за два закончу косить полынь, ну а потом, надеюсь, заберут меня в армию. — «Ну, хорошо, давай работай, а потом зайди попрощаться».

На другой день тато взял в колхозе специальную бричку, с высокими бортами, чтобы возить солому или сено, и я на ней отправился на свой ближний сенокос за сеном. Только приехали на сенокос, быки унюхали прекрасное пахучее сено, и тут же набросились на него. Ели они его с большим удовольствием, а почему им его не есть, ведь сено высокого качества, оно состояло из травяного злака пырея и разнотравья, да и скошено вовремя. Вскоре на сенокос подошли Николай и его помощник Сергей, и началась погрузка. Сначала сено в телегу вилами бросали втроём, потом, как только телега наполнилась, я залез на телегу и начал раскладывать и втаптывать сено, чтобы больше влезло в телегу. Когда телегу нагрузили прилично, и быки её от стога к стогу тащили с трудом, Николай мне говорит: «Ну что, Сеня, может, хватит грузить, а то, как бы твоя телега в дороге не развалилась» — «Нет, нет, Николай, грузим ещё, что же я за полтора месяца на хороший воз сена не заработал? Ты посмотри, сколько я сена и полыни выкосил, так что подавайте ещё».

В общем, нагрузили так, что и в самом деле телега могла по дороге развалиться. Но она не развалилась, вся скрипела, пищала и трещала, но до дома выдержала. Когда я заехал в переулок, где расположен клуб, то увидел что в нашем огороде стоит отец, я хотел поехать по огородам, но потом вспомнил что там надо переезжать через канаву и поэтому от этой задумки отказался, уж там телега бы точно развалилась. Поэтому решил ехать по переулку до клуба, а там по улице до нашего двора. Я уже шёл по улице и за верёвку вёл быков, как вдруг увидел, что навстречу мне идёт отец. Он шёл, какой то странной подпрыгивающей походкой, и как-то с хитрецой улыбался, по его виду было

понятно, что он доволен и даже очень. Я отдал отцу веревку, за которую я вел быков, а они тащили гружённую сеном бричку, и пошёл вперёд домой, посмотреть, как провести эту гору сена в наш небольшой двор. Скажу сразу, с большим трудом, но всё-таки мы её доставили к месту.

Когда разгрузили бричку, то уже были сумерки, Иван повёл быков в бригаду, а мы с тато и мамой сели ужинать. Отец был очень мною доволен, то и дело подкладывал мне в миску куски мяса, то кусок белого хлеба отрежет от булки и подложит ко мне поближе, хотя я и тот ещё не съел, и вообще, он целый вечер улыбался и говорил мне лестные слова. Если честно, то таким я его видел впервые. Он несколько раз меня за вечер благодарил, мне от этого стало неудобно, и тогда я тагу сказал: «Тато, ну что я такого сделал, что Вы меня весь вечер благодарите, ну заработал сено, привёз его, вот оно лежит во дворе, и всё. Я думаю, что эта работа не стоит таких благодарностей». Отец наклонил голову, крутнул ею, как он обычно делает, когда надо говорить и сказал: «Нет, Сеня, ты не прав, ты заслужил больше благодарностей, и похвалы, ты знаешь, что ты вот этим возом сена у меня с души камень снял. Я не знал, чем зимою будем кормить скотину, ведь у нас во дворе и корова и тёлочка, да ещё пяток овечек, а это уже не мало. Честное слово сынок от этой сенной заботы у меня голова болела. А как ты привёз такой огромный воз сена, у меня душа не стала болеть, она у меня запела. Вот потому я и говорю тебе спасибо, и потому я сегодня такой весёлый».

Отец в этот вечер был действительно весёлый и многословен как никогда. Наверное, и в правду этот воз сена, что я привёз, доставил ему истинное удовольствие. В это время к нам подошла мама, и тато, обращаясь к маме, говорит: «Правда, же маты, что у нас сегодня весёлый день?» Мама помолчала, а затем сказала: «Та день не знаю, всякое было, а вот вечер действительно хороший, почитай батько всю зиму будем с сеном». Мне, конечно, было приятно, что я сделал такое большое дело, но при этом чувствовал себя неловко, из-за этой обильной похвалы, а это на наших родителей было не похоже. Видно действительно отсутствие на зиму корма для домашних животных на них сильно давило. Ну ладно об этом всё, а в заключение своей хуторской жизни расскажу о моих взаимоотношениях с хуторской молодёжью, с парнями и девушками и не только.

МОИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ХУТОРСКОЙ МОЛОДЁЖЬЮ И НЕ ТОЛЬКО

В этой главе я хочу рассказать о моих взаимоотношениях с хуторской молодёжью, а они были не простые. Для общей информации я скажу, о своём статусе в хуторе. Я, конечно, отличался от хуторских парней, своим развитием, шесть лет моей жизни в более развитом обществе, да и прочитанные мною книги сделали меня более воспитанным человеком.

В это время я говорил на смешенном русском-хохлацком языке, такой язык менее грубый, чем просто хохлацкий и он девушкам нравился. И одеваться я всё же старался более элегантно, хотя возможности в одежде в то время были ограничены.

В выходной день, да и не только, я всегда надевал белую рубашку, чёрные брюки и черные до блеска начищенные туфли, которые я купил ещё в городе Степном. Я умел ухаживать за девушками, вовремя сказать ласковое слово, похвалить её внешний вид, и это девушкам очень нравилось, вот они и хотели со мной встречаться. А ещё я активно участвовал в хуторском обществе, как я уже писал, я хорошо плясал, а для села это очень важно, участвовал в художественной самодеятельности, так сказать был хуторским артистом. На танцах в клубе, из хуторских парней, я практически один танцевал бальные танцы с девушками, другие парни сидели на скамейках и курили папиросу за папиросой, этим самым они показывали свою занятость. А ещё на танцах в клубе мы вместе с гармонистом Василием Беловолом, разыгрывали сценки с рассказом, какой-нибудь истории, и повествование этого, я сопровождал пляской. У нас получалось так удачно, что хуторяне просто восхищались нашим артистизмом. А ещё у нас в хуторе была самодеятельность, которую готовили учителя нашей школы и я в них играл главную роль. Наши концерты собирали полный клуб зрителей, в него набивалось человек семьдесят, хотя рассчитан он был на пятьдесят человек. Конечно, они собирались не потому, что мы так хорошо играли свои роли, а потому что больше не было ни каких развлечений, а наши концерты для хуторян были в радость.

Чтобы, не быть голословным, расскажу одну сценку из нашей постановки. Я не знаю, почему, но наш режиссёр выбрал такую пьесу, в которой описано, как молодой человек назначил свидание своей девушке на скамейке в парке, и сам же на это

свидание опоздал и притом пришёл пьяный. Как видите, пьеса не очень тактичная и воспитанию молодёжи она не соответствовала. Молодой человек был возмущён тем, что его девушка была не довольна, тем, что он опоздал, да ещё и пришёл пьяный. На этой почве у них возникла ссора, и молодой человек толкнул свою девушку в плечо, на этом они и расстались. Я ещё раз повторяю, что пьеса подобрана не удачно, но, наверное, это получились потому что, какие были артисты, такой же был и режиссёр постановщик, или наоборот, что одно и тоже. А может, была другая причина, о которой я ни тогда, ни сейчас не знаю. Но как бы там ни было, мы начали репетировать эту пьесу.

Режиссёром постановщиком у нас была учительница, вот она всем и руководила. Я был в главной роли кавалера, а Галя Колпак, была моей девушкой, которой я назначил свидание в парке. Репетировали пьесу несколько дней, и по нашему понятию постановка была готова к показу зрителю. Но в один вечер, мы собрались на очередную репетицию, и наш режиссёр-учительница говорит нам: «Сегодня к нам придёт директор, чтобы посмотреть нашу постановку и оценить, пора уже показывать её широкому зрителю или ещё нет. При этом она сказала, что он в театре разбирается, так как до учительства, он был артистом в Ставропольском драматическом театре. Ну ладно, думаю, пусть приходит, смотрит, я Галю толкаю так сильно, что она чуть ли не со скамейки сваливается. Так что к показу мы готовы. В этот день у нас репетиция была в самом разгаре, приходит в клуб директор, мужчина лет пятидесяти, худощав и подтянут. Они вместе с женой сели на скамейку и внимательно смотрят на сцену. Наш режиссёр дает команду начать всё с начала. Мы начинаем и вот когда в постановке доходим до того места, где я Галю толкаю в плечо, директор дал команду «СТОП». После команды стоп, я подумал, что это директору школы не понравилось, может я слабо толкнул девушку. Я и правда старался толкать её не сильно всё-таки девушка и притом моя подружка по жизни. И все равно после моих толчков в Галино плечо её разворачивало на 45 градусов. Мне её, конечно, было жалко, но что делать это искусство, а оно как говорится, требует жертв. Ну ладно думаю, что же это я тороплюсь с выводами, раз человек нас остановил, значит, у него были для этого основания. А в это самое время, директор поднялся со скамейки, подходит к сцене и говорит мне: «Молодой человек, как я понял Вы на свидание пришли пьяный?» Я ему отвечаю: «Ну да, по сценарию это так». Дальше он продолжает: «Ну, так если вы пришли пьяный, то зачем же вы так сильно толкаете девушку в плечо. Вам надо больше изображать пьяного человека, а раз Вы пьяный, то у Вас нарушена

координация, Вы хотели толкнуть девушку в плечо, но по плечу не попали, и Ваша рука ушла куда-то за скамейку». И уже, обращаясь к нашему режиссёру, он сказал: «И притом, надо больше диалога. Ну что это такое парень с девушкой сказали друг другу по два слова, и началась потасовка. Сначала сами поработайте над текстом, потом зайдите ко мне и я посмотрю, что у вас там получилось». После этого директор с женой ушли, а мы остались в недоумении. Над текстом мы работали часа полтора, правда после того как директор школы посмотрел наш текст пьесы, то от нашей работы почти ничего не осталось.

Но это не важно, директор сам подправил текст нашей пьесы, и она стал мало походить на предыдущий текст, вот по нему и по замечаниям директора мы и начали работать. Была ранняя весна, я уже с табуном не работал, был свободен и поэтому репетиции шли каждый день. И вот наступил день, когда мы почувствовали, что можем показать зрителям то, чему мы так долго учились.

Показывать мы своё искусство решили в воскресный день. Время было самое подходящее, ранняя весна полевых работ мало и выходной день, когда все хуторяне отдыхают. Мы, артисты, пришли примерно за час до начала показа. Разобрались что к чему, ещё раз прорепетировали, затем я Галю предупредил, чтобы она со скамейки, ни в коем случае не вставала, а то я в момент толчка могу свалиться вместе со скамейкой. Всё обговорили, всё решили, а волнение есть, особенно у Гали. А как же вы хотели, это же наш дебют. Нас за кулисами было человек восемь и все девчонки, и учительница, один я, особь мужского пола. Девчонки то и дело высовывали головы из-за кулисы и смотрели в зал, сколько уже пришло народу. Как бы уже перед самым началом Галя тоже посмотрела в зал, подошла ко мне и говорит: «Сеня, народа полный зал, и твои родители сидят на скамейке. Сеня, я так волнуюсь, что просто ужас» — «Да ладно, Галя, не волнуйся, всё будет хорошо, мы же с тобой выучили, что надо делать на сцене в момент показа пьесы. Вот и всё, значит, будет всё нормально». Этими словами я как-то поддержал свою девушку. И вот началось, представление, сначала пели и танцевали девушки, я тоже с ними потанцевал, затем девчонки рассказывали стихи, и ещё что-то было. А последним номером была постановка с участием меня и Гали. И вот наш выход. Кулиса была ещё закрыта, а Галя уже сидела на сцене, на скамейке со спинкой, затем кулиса открылась, и я иду к ней не уверенной походкой. Костюмов, у нас ни каких не было, в чём ходили в том и выступали. Единственное что я сделал, так это зачесал волосы на глаза и свою кепку надел козырьком на правое ухо. Это как бы должно было говорить, о том, что я не в трезвом состоянии.

Дальше я описывать наш диалог не буду, скажу только то, что в конце пьесы моя девушка своими упрёками меня обидела, и я хотел толкнуть её в плечо, но по плечу я не попал, и рука моя до плеча, улетала за спинку скамейки. Это так по тексту. Но я в момент демонстрации этого действия интуитивно решил усложнить свою задачу, и вместо руки я весь по пояс улетел за спинку скамейки. Мои же ноги по пояс были на спинке скамейки, я ими время от времени дрыгал, чем вызывал невероятный восторг зрителей. В это время моя голова была с обратной стороны от зрителей под скамейкой. И вот от туда я у кого-то спрашиваю, при этом стараюсь, говорить на хохлацком языке. Спрашиваю: «А дэ цэ я е?» В зале стоит ужасный хохот и мне зрители подсказывают: «Да ты под скамейкой». А я вишу в таком положении и снова спрашиваю: «А чо это я там оказався?» Снова хохот, и тут я слышу голос моей старшей сестры Наташи, как она из зала кричит: «Сеня, ну дэ ты так нажрався». Вы понимаете, она, в самом деле, подумала, что я пьяный. Да и не только она, многие хуторяне так подумали, вот такая хуторская наивность. Но на этом моё представление не окончилось, я висел, висел в таком раковом положении, затем, как двигаются раки, а как они двигаются, вы знаете, я решил вернуться в исходное положение. На своей стороне скамейки, я поднялся на руки, и стал по спинке скамейки двигаться в сторону зала, вперёд своим мягким местом, при этом помогал себе своими ногами то и дело ими дрыгал. Но у меня ничего не получалось. В зале сначала хохотали, а затем стали мне подсказывать, как выйти из данного положения. Наконец зрители решили Галю призвать на помощь и кричат ей: «Галя, ну помоги ты Сене подняться, а то же он пьяный и сам не встанет». Но Галя мною предупреждена, чтобы в мои действия она не вмешивалась и она сидела, смотрела в зал и мило улыбалась. Я подождал пока зал утихнет, и снова из под скамейки подаю голос: «Шо то у мэнэ ны чёго ны получается». В зале опять ха, ха, ха, а затем и кто-то из зала кричит мне: «Сеня та ты же пьяный, а у пьяных, всегда ны чего ны получается». В общем, моё выступление закончилось тем, что я вместе с ногами грохнулся за скамейку. Затем из-за спинки скамейки высунул голову и спрашиваю у зрителей: «А куды я упал?» Снова хохот и на этом занавес закрывается. После этого я привёл себя в порядок, причесался, правильно надел свою кепку, и, держась за руки, мы с Галей вышли к зрителям и им поклонились. Хуторяне снова удивились моему быстрому превращению из пьяного в трезвого человека. На этом наше преставление закончилось.

Так вот, благодаря моей хуторской деятельности я на ступеньку, а может и на две был выше всех остальных парней, и

поэтому многие девушки были не прочь со мной проводить время. Встречался я и с Таней Фоменко, Таней Шостак, Галей Стаценко, а больше всего я встречался с Галей Колпак. Не в обиду другим девушкам хутора я скажу, что те девчонки, с которыми я встречался, были симпатичные, и мне они очень нравились. С Таней Фоменко, я, встречался недолго, и причиной нашего расставания был не я. Она решила, что я ей не пара, но какое же было моё удивление, когда во время, службы в армии я получаю от неё письмо и в нём признание в любви и фотокарточка. На фотке была Танина симпатичная мордашка, на голове соломенная шляпа с вуалью, ну артистка, ни дать, ни взять. Я решил товарищам сказать, что на фото моя невеста, и она артистка театра и кино. Я думал, что это поднимет статус моей невесты, а заодно и мой. Для того чтобы все солдаты казармы видели мою артистку, я кнопками приколол фотокарточку на стену над своей тумбочкой.

Сразу стали подходить парни разглядывать мою невесту Таню, хвалили её, а за одно и меня, в тот момент я как бы оказался в ореоле славы. Но длилось это недолго, вскоре подошёл посмотреть на мою артистку этот, будь он не ладен, Захаров, посмотрел на фотку, почмокал губами, а потом у меня спрашивает: «Сеня, а что она у тебя пчеловодом работает?» Моему возмущению не было предела, я закричал на него, схватил подушку и запустил ему в спину, когда он убегал. После слов Захарова больше мою невесту никто не называл артисткой, а все её звали пасечницей. Вот такой зловредный мой друг Володя Захаров. Куда потом девалась Танина фотография, я не знаю. Помню только, что я её со стены снял и положил в тумбочку от греха подальше, а куда она после этого девалась, я не знаю. Возможно, затерялась при моих многочисленных переездах из части в часть, а может, кто-нибудь из курсантов училища, украл, что бы в другой части покупаться в лучах славы. Может быть такое? Я думаю вполне. А хуторская девушка Таня и не знала, каким успехом она пользовалась в нашей солдатской среде. Возможно, теперь узнает, если прочитает мою книгу.

Но это будет потом, а пока я в хуторе Северном встречаюсь с девушками. Сразу скажу что, с теми девушками, с кем я встречался, серьёзных отношений у меня, не было, так, обнималки, целовалки и всё. Разумеется, такой мой успех среди девушек, местных парней раздражал, и на этой почве у меня с ними происходили незначительные конфликты. Расскажу о двух из них.

Я встречался с Галей Колпак, встречаемся неделю-другую, всё шло нормально, мама Гали даже приглашала нас в хату, чтобы

мы по углам не тёрлись. Но, когда она от меня узнала, что после армии, я в хутор не вернусь, то домой приглашать не стала, зачем ей такой не перспективный ухажёр дочери. Но Галя все равно со мной продолжала встречаться. Как-то поздно вечером стоим мы с ней у её дома, вдруг к нам подходят Николай Стаценко, он был старше меня, и Гаврила Мазепа, он был моим одногодком. Оба, какие-то взвинченные, Гаврила то и дело ко мне чуть ли ни с кулаками подскакивает, видно было, что они пришли со мною за Галю подраться. Я спокойно смотрю на эту комедию, которую демонстрировал мне Гаврила и говорю Николаю: «Это что за представление, если Гаврила хочет со мной за Галю подраться, то давайте отойдем за хату и пустим кулаки в ход, кто победит того и будет Галя. Затем обращаясь уже к Гавриле, спрашиваю его, ты этого хочешь?» Николай видит, что напряжение достигло апогея, и мою решимость пустить кулаки в ход, говорит, мне: «Сеня, пойдём поговорить надо». Отошли. Николай мне и говорит: «Сеня, понимаешь, как-то не хорошо, получается, Гаврил с Галей дружил, а ты приехал и всё им поломал, надо как-то это уладить.

Разговариваем мы с Николаем, Гаврила стоит в сторонке. Я быстро сориентировался, что мне сказать, и говорю Николаю: «Понимаешь, Николай, какая получилась штука, Галя и мне нравится и Гаврилу, и как тут быть?» Задал я вопрос сам себе и Николаю. Стоим, молчим, я знаю, как быть, но хочу, что бы у меня спросил Николай. И он спросил: «Ну и как быть, скажи ты ведь городской и всё знаешь». Я помолчал для солидности и говорю: «Кулаками тут ничего не докажешь, думаю, что надо спросить у Гали, кого она из нас выберет, пусть тот с ней и останется. Это будет честно и справедливо». Я знал, что победа будет на моей стороне, так как, я, как парень, имел перед Гаврилой массу преимуществ, да и если бы, он Гале нравился больше чем я, то зачем бы она с ним расставалась. Николай немного подумал и говорит: «А что правильное решение вопроса, правда, же Гаврила». Тот нехотя согласился. Подходим трое к Гале, я ей сказал суть нашего разговора, она не думая, подошла ко мне положила руку мне на плечо и сказала: «Сеня мне очень нравится, и я буду с ним дружить». Николай с Гаврил ом немного постояли, глядя на нас с Галей, затем Николай говорит Гавриле: «Ну что мы тут торчим, пошли». Они ушли, и больше ко мне претензий по этому поводу не было. Так с Галей я и встречался до ухода в армию.

Другой случай разборок, уже без мордобоя не обошёлся. А получилось это так. В то время я встречался с Таней Шостак, она была, как в народе говорят, в теле и симпатичная лицом. Провожая её, я несколько раз видел Николая Орленко, нашего

бригадира, который был её соседом, он обычно сидел на завалинке и курил. Я, как и положено культурному человеку поздороваюсь и прохожу с Таней мимо него. Поведение, Тани было какое-то странное, она вела себя так, как будто знала то, чего я не знал, но я этому не придавал особого значения, строишь из себя умницу ну и строй, мне от этого ни холодно, ни жарко, оказалось, пока. Характерно то, что когда я начал с Таней дружить, Орленко стал меня замечать и при встрече говорить всякие колкости в мой адрес, а до этого он меня как бы и не видел. Что за дела, подумал я, и решил спросить у Лёньки Беленко, он в хуторе знал всё и про всех. «А ты не догадываешься?» — переспросил он меня, — Раньше он с Татьяной дружил, а ты ему дорогу перешёл, вот он и не знает, как тебя от неё отлучить». «Как дружил? — возмутился я, — он же женат, и у него есть дети, так же нельзя». На что Алексей философски ответил: «А это одно другому не мешает». Я подумал, да и шут с ним, мне Таня нравится, и я буду с ней встречаться.

Прошло немного времени и вот в субботу в клубе на танцах, Орленко пришёл пьяный и стал ко мне приставать с дурацкими вопросами, всех, мол, наших девок перебрал? Я не хотел с ним вступать в полемику, и как только он ко мне подходил, я уходил в другое место в клубе, а он снова за мной. Молодёжь уже танцевать перестала, все смотрят на нас, чем дело кончится. А кончилось тем, что я Орленко, с правой руки кулаком, так влепил, что он неделю на люди не показывался. А когда вышел, то под правым глазом был большой жёлтый синяк. Я этого синяка не видел, так как я уже работал в лесхозе, а мама видела и потом мне рассказывала, и меня стыдила, что хуторскому начальнику я поставил синяк. А я маме сказал: «А пусть он не лезет, если начальник, так думает всё ему можно, дудки». Больше в хуторе у меня ни с кем разборок не было до самой моей армии.

ДЫНИ «КОЛХОЗНИЦА» И «ХАНКА»

Сначала о дынях, я не хотел писать, и даже пропустил эту главу, но потом подумал, что надо написать, ведь таких дынь уже давно нет, и если я о них не напишу, то мои читатели и знать не будут, что такие дыни были. Пишу, что таких дынь нет, со знанием дела. В своё время, то есть в конце восьмидесятых и в начале девяностых, я работал в УМТС комбината Шахтострой руководителем. По долгу службы объехал многие южные области России и союзные республики тогдашнего Советского Союза, и нигде, слышите, нигде не встречал таких дынь, какие были у нас в хуторе в моё детство и юность. В настоящее время у нас в Кемерово продают дыни, привезённые из Узбекистана, и одни называют «Колхозницами», а другие дыни, небольшого размера, называют «Ханками», но такие дыни и рядом не лежали с настоящими дынями «Колхозницами» и «Ханками».

А теперь о самих дынях.

Сначала о «Колхознице». Она большого размера торпедообразной формы, но более округлая. Вес такой дыни шесть-восемь килограмм. У зрелой дыни, кожица коричневого цвета, с зелёными прожилками. Мякоть её, мягкая, сочная и очень сладкая, светло — жёлтого цвета, а там где мякоть соприкасается со своими семечками, она имеет ярко оранжевый цвет. Вот о дыне «Колхознице» всё, кажется не богато, но когда вы её едите в зрелом виде, то чувствуете богатство природы, заложенное в этот бахчевой плод.

Теперь о дыне «Ханке».

Плод сам по себе небольшой, круглый, жёлтого цвета, разделённый на дольки, а между дольками, проходят зелёные полоски. Кожица тонка и снимается с плода при помощи ногтя и пальцев, как вы снимаете кожицу с персика. Мякоть жёлтого цвета, толщиной сантиметра два, два с половиной, на вкус не очень сладкая, рассыпчатая. Мякоть «Ханки» надо есть не зубами, а губами, настолько она нежная. Но главное в этой дыне не её вкусовые качества, а запах, он издаёт настолько сильный и приятный запах, что если на бахче будет с десяток дынь сорта «Ханка», то её запах слышен будет не только на бахче, но и вокруг бахчи. Аромат дыни «Ханки» настолько приятен, что на него слетаются и пчёлы, и осы, и мухи, и жучки, и паучки, и букашки, и таракашки. Не знаю, удастся ли вам отведать, мякоть таких дынь, как я описал, и понравятся ли они вам, но мне такие дыни очень нравились.

Понимаете, прошло уже более шестидесяти лет с тех пор,

когда я ел дыню «Ханку», а я до сих пор помню, не только её цвет и вкус, но и её запах. К сожалению всё это осталось только в воспоминаниях, жалко конечно, но ничего не поделаешь.

ПРИЗЫВ В АРМИЮ

Четвертого августа 1954 года меня призвали в армию, этому событию я был несказанно рад. Я ждал призыва в армию как манну небесную, в хуторе я уже не мог жить, чувствовал, что мне надо, что-то другое, но пока я не мог определиться, думал, отслужу в армии тогда и определюсь.

Накануне моего отъезда, у нас во дворе были накрыты столы, и провожать меня собралось народу пол хутора. Они ели, пили, потом пели песни, плясали, обо мне они, конечно, давно забыли, я от скуки вышел за ворота, сел на завалинку и сижу. Смотрю, от своего двора ко мне идёт Алексей Беленко, он тоже был на проводах у нас, но затем ушёл, наверное, ему было скучно сидеть среди взрослого населения хутора.

Подходит, садится со мной рядом, и говорит: «Слушай, Сеня, мой дядька хочет, с тобой простится, и просил, чтобы ты зашёл, сможешь сегодня?» Странный вопрос, подумал я, а почему же не могу, тем более к его дяде я хорошо относился, мне не только его было жалко, как инвалида, но и потому, что он грамотный и начитанный человек. Мужчина он был не старый, лет пятьдесят, из-за инвалидности у него не работали ноги и левая рука, двигался он на коляске. Когда он попал к Беленковым, то меня в хуторе не было, как вы знаете, я был в «Турне» по Ставропольскому краю, а как его привезли, рассказывали так.

В один из дней во двор Беленковых заехала бричка, на которой сидели три взрослые женщины и мужчина. Женщины, никого не спрашивая, сняли мужчину с брички, на коляске подкатили к тёте Ульяне, Лёнькиной матери, и старшая из женщин, как оказалось жена дяди, сказала тёте Ульяне: «Забирай своего брата, муж-инвалид мне не нужен», затем женщины сели на бричку, и укатили. Вот так он и стал жить у Беленковых.

Я к Беленковым ходил часто, особенно когда мы вместе с Алексеем работали с табуном. Как-то дядя попросил меня, чтобы я побрил ему голову. Раньше ему голову брил Лёнька, а потом отказался, по какой причине, я не знаю. Но с этого вечера по надобности, я приходил брить ему голову. И вот однажды брею ему голову, а он мне и говорит: «Сеня, ты слышал Хрущёв полуостров Крым, всё Черноморское побережье, вплоть до границы с Болгарией, отдал Украине. Ведь сколько там полегло русских солдат, пока мы у Турков отвоевали эти земли. А он взял и просто так отдал. А ведь украинцы нам тогда не то что не помогали, а наоборот, воевали против русских на стороне Турок за деньги. Этот Хрущёв сам хохол и поэтому своим хохлам отдал

завоевания русского народа. И сделал он это нагло и бессовестно, никого не спросил. С передачей Украине Крыма и всего черноморского побережья, Хрущёв поступил незаконно и грубо, да и вообще, он по натуре не образованный хам» — «Слышал, — говорю, — да какая разница, ведь все равно всё принадлежит советскому союзу» — «Не скажи, — парировал дядя, — сколько империй развалилось, я думаю и союз не вечный, и тогда Россия потеряет эти земли». И знаете, он оказался прав. В средине девяностых, руководители республик, развалили СССР, а Крым и побережье Чёрного моря от Крыма до берегов Болгарии отошло к Украине. Я думал, что, при дележе территории Союза наш тогдашний президент Б.Н. Ельцин, потребует от Украины вернуть земли назад. А нет, не потребовал. Может, побоялся, а может ещё что-то.

Но, как бы то ни было, этот лысый, жирный, бестактный руководитель страны, по прозвищу Никита кукурузный, нанёс России, и российскому народу, неизлечимую рану, от которой возможно мы не сможем вылечиться.

Расскажу ещё один случай о Хрущёве, который произошёл с ним, когда он был в Чехословакии. Мне об этом рассказывали москвичи, когда я в Москве был на переподготовке.

Сюжет.

Хрущёв в Чехословакии, ходит по кукурузным полям и с ним ходит целая делегация чешских и советских работников, а также журналисты. Хрущёв берёт в руки початок кукурузы и говорит: «Маловатый початок, у нас на Украине они в два раза больше». Затем он начал рассказывать хозяевам, как правильно надо выращивать кукурузу, чтобы иметь хороший урожай. Он рассказывает, а чешские руководители и их журналисты стоят за его спиной и смеются над словами Хрущёва. И им было от чего смеяться. Если в Союзе в то время снимали урожай кукурузы по 35–40 центнера с гектара, то, в Чехословацкой республике он был 60–65 центнера с гектара. Вот такие ляпы допускал этот руководитель. Ну, ладно, хватит о политике, поеду служить в армию, а то я слишком увлёкся политикой, как говорится, наболело, вот и захотелось высказаться. На призывном пункте в Ипатово, я убедительно просил военкома, что бы меня обязательно взяли в армию, а то, говорю ему, я на гране срыва, или кого-нибудь в хуторе убью, или сам повешусь. Мою просьбу слушал, какой-то майор, который сидел на стуле рядом, затем он меня спросил: «Механизатор?» — «Да», — отвечаю. «Пойдёшь в танковые войска?» — снова спросил он у меня. Я с большим удовольствием согласился.

Так я оказался в армии. Везли нас в товарных вагонах долго,

куда нас везли, мы не знали, но по солнцу видели, что едем, куда-то на северо-запад. На нашем пути всё было не интересно, поэтому из всего опишу только один случай, который нас призывников порадовал.

НЕОЖИДАННЫЙ ЛУЧИК СЧАСТЬЯ

В пути мы уже были дней пять или шесть, точно не помню, но знаю точно, что такая поездка нам прилично надоела. Едем, едем и никакого разнообразия, видим только поля, леса, разные перелески и ничего интересного. И вот, на нашем нескончаемо длинном пути нам улыбнулось счастье. Вдалеке замаячил лучик света, а именно, девушки, которые работали в поле.

Их было много, человек тридцать, они бросили работать и стали махать нам руками, а мы, стояли у дверей вагона и тоже им махали руками. У меня в голове промелькнула мысль, вот бы было хорошо, если бы сейчас остановился поезд. И наш машинист как будто мои мысли подслушал, и поезд начал тормозить, а потом и совсем остановился. Мы все горохом высыпались из вагонов, и наперегонки побежали навстречу своему счастью, а «счастье» бежало к нам навстречу. Ко мне подбежало счастье, в виде девушки лет двадцати, симпатичное, загорелое, улыбающееся, и почему-то босиком. Девушка сразу набросилась на меня и давай обнимать и целовать, я вяло сопротивлялся, сначала хотел узнать, кто она такая, как её зовут, и в какой мы находимся местности.

Она ничего не говорила, только тащила меня за руку, к лесной полосе, которая находилась в десяти метрах от нас. Я уже было подумал, что она глухонемая, как вдруг, она что-то залепетала на непонятном мне языке, и ещё активнее потащила меня в нужное ей место. Затем она остановилась и начала указательным пальцем правой руки что-то писать на своей левой ладони. Пальцем поводит, а потом смотрит на меня, а я ничего не понимаю, и только головой мотаю. Девушка поняла, что от меня ничего не добьёшься, ещё крепче ко мне прижалась, но тут сильно загудел паровоз, собирая нас в вагоны. Услышав звук паровозного гудка, я повернул голову в сторону поезда, а он, будь он не ладный, начал потихоньку двигаться, а мне до него бежать ещё метров сто. Представляете моё положение, и девушка рядом, которая не хочет меня отпускать, и от поезда отстать не хочется, что тогда я буду делать. Я, легонько отодвинул девушку от себя, сказал ей: «Прощай», она поняла, что я ухожу, и её лицо стало таким грустным, что ещё секунда, и она заплачет. На прощанье, я её крепко обнял и поцеловал в губы, затем повернулся и побежал к своему вагону, и на бегу видел, как вся наша «гороховая» команда, короткими перебежками пробиралась к своим вагонам. Я заскочил в вагон, стал у двери, посмотрел туда, где я только что оставил своё счастье, а оно там же стояло и махало мне

косынкой, которая до этого у неё была на голове. Я смотрел на девушку с косынкой в руке до тех пор, пока наш поезд не скрылся за поворотом. Вот такая у меня была дорожная встреча. Кстати, не все девушки оказались немые, и парни узнали, что мы находимся на территории Литовской республики, и поняли, что курс молодого бойца будем проходить в Литве.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Мы прибыли на вокзал города Клайпеды, разгрузились и пешим шагом пошли к месту назначения. Шли долго, через весь город, я крутил своей головой направо, налево, смотрел вверх, и редко вниз. Мне всё было интересно, я никогда не видел таких строений, с остроконечными крышами и башенками на них. За городом наша дорога пролегала около моря, море я тоже видел впервые, одним словом, для меня всё было интересно. Пришли, в сосновый бор, где были деревянные постройки в виде бараков, в одном из таких бараков и разместили нас. В нём были построены нары в два этажа. Вот там мы и жили и проходили курс молодого бойца. Что такое курс молодого бойца многие знают, но если кто не знает, то я коротко объясню. Это почти то же самое, что и служба в армии только в усечённом порядке. Тот же самый утренний подъём, зарядка ну и прочие «прелести» армейской жизни. Вы знаете, что когда в одном месте собирается большое количество людей, то они группируются по земляческому принципу. Я южанин, но ни к одной южной группе я не прибился, мне просто они были не интересны, и я, какое-то время находился как бы сам по себе, и это было до тех пор, пока не познакомился с Питерскими ребятами, они себя так называли, ну я их стал так звать.

Питерские ребята недолюбливали южан, это было самого начала нашего приезда. По какой причине это происходило, я не знаю, а тут ещё «масла в огонь» подлил южанин Иван Клочко. Он в присутствии питерских парней подошёл к нашему командиру взвода и спросил: «А где здесь находится школа сержантов?» Такой интерес южанина к школе сержантов Питерских парней взбесил. Они гордились своим революционным рабочим движением, и себя к этому движению причисляли, то есть, они были, как бы продолжатели этих традиций. Одним словом «рабочая косточка». И вот по этой причине тех, кто рвался в начальство, они не любили, и при удобном случае, им старались навредить. А вот знакомство у меня с ними произошло, на мой взгляд, интересно.

ЗНАКОМСТВО С ПИТЕРСКИМИ РЕБЯТАМИ

В первое время и в нашем коллективе образовывались земляческие группы. Краснодарские отдельно, рязанские отдельно, ну а питерские, само собой, отдельно, и они себя считали высшей кастой нашего общества. Вот одному из этой высшей касты я и дал пинка под зад.

А получилось это таким образом. Так как я ни к одной группе не примкнул, то перед отбоем, когда у нас было 40 минут личного времени, мне их разделить в личной беседе было не с кем, поэтому, в это время, я гулял один, по освещённой тропинке лесистого парка, в котором мы жили.

Мне просто было интересно ходить среди таких огромных деревьев ты среди них как муравей, человека практически не видно. А у нас в степных просторах не так, там у нас человек ВЕЛИКАН. Мне всё было интересно, ведь я впервые оказался среди громадных сосен. Конечно, в наших краях тоже были деревья, но только в саду или лесной полосе, но они, естественно, своими размерами намного уступали этим соснам.

В один из вечеров я, вот так же ходил по тропинке и прогуливался, от казармы до столовой и обратно. В столовой там у нас был буфет, он работал до 9.30, если бы у меня были деньги, я бы тоже что-нибудь купил и приглушил бы голод. Но у меня денег не было, потому что, и у моих родителей денег не было, так как они работали в колхозе, а там деньги за работу не платят. К старшему брату Андрею я и обращаться не стал, потому что знал, все равно толку не будет. А больше помощи ждать и не от кого. Вот поэтому я ходил к этому буфету, постою около него и иду обратно к казарме. А некоторые ребята из дома деньги получали, те же питерские время от времени ходили в буфет, да и южане, в частности Лёша Зенцов, получал от своего дяди деньги и приходил в буфет, покупал печенье, один раз и меня угощал. Правда, парни деньги получали небольшие 40–50 рублей, но в нашем положении эти деньги были большие. Так вот, в один вечер я по своему маршруту прогуливаюсь, дошёл до столовой, и слышу за углом здания какую-то возню и приглушённые матерные слова. Подойдя ближе, я увидел двух парней из нашей роты. Я их знал обоих, так как мы в роте находились уже дней десять. Правда нас тогда солдатами назвать было нельзя, так как мы ещё ходили в гражданской одежде и присягу не принимали. Да у нас тогда не было ни взводов, ни отделений, просто была толпа парней, которую назвали рота. И командовал нами сержант и два его помощника, солдаты без званий. Всех парней роты я

тогда не знал, а этих, вцепившихся друг в друга, парней я знал хорошо, особенно Лёшу Зенцова. Если говорить честно, то Лёша на призывника похож не был, на вид ему было лет шестнадцать, белобрысый невысокого росточка и весь такой щуплый и беленький, что как будто его до армии держали в погребе. А второй был из питерских парней, тоже парнишка не высокого роста. Что они не поделили, я пока не знаю, сейчас я подойду к ним разберусь, и тогда вам сообщу. Я подхожу к ним и вижу, Зенцов, что-то держит обеими руками, а питерский хлопец, старается это что-то отобрать у Зенцова. Я у них спрашиваю: «Что вы, друзья-товарищи, не поделили?» Зенцов на меня посмотрел с радостной надеждой и этот, что из высшей касты посмотрел на меня зло, и наверное подумал, а этот откуда нарисовался. Но что бы он, не думал я, уже принимаю участие в их споре, а Зенцов мне говорит: «Сеня, я в буфете купил пачку печенья, а этот, хочет у меня её отобрать». Я смотрю на кастистого и жду, что он скажет, а он мне говорит: «Да я не всё печенье хочу отобрать, а только половину. Делиться надо мы все здесь не доедаем». Они вдвоём держатся за эту пачку печенья, а я питерскому призывнику говорю: «Это печенье купил Зенцов и только он вправе распоряжаться с кем делиться или не делиться, а ты сейчас же отпусти руки Зенцова». Этот, который из высшей касты с вызовом меня спрашивает: «А что будет, если я не отпущу его руки, ты же побоишься бить питерского, потому что за меня тебе влетит». На что я ему сказал: «А я тебя бить и не буду, я просто тебе дам пинка под зад, и ты полетишь с пёрышком в этом месте». Тогда была такая поговорка. Он хотел, что-то ещё сказать, но не успел, я ему дал такого пенделя, что он забыл про печенье и побежал в казарму. Питерских парней я в то время не знал, видел их, что они кучкуются, но лично знаком ни с кем не был. В то время я спал на нарах с южанами, частности моим соседом был Алексей Зенцов. Мы с Алексеем пришли в казарму уже все готовились к отбою. Я думал, что питерцы в этот вечер придут со мной разбираться, но этого не случилось.

Ночь прошла спокойно. На второй день после завтрака, я подошёл к южанам, которые сидели на бревнах в курилке, здесь же сидел и Лёша Зенцов, до моего прихода, он наверное рассказал, что вчера с ним приключилось и кто его выручил. Я это понял, потому что все сидевшие в курилке парни с юга вдруг преобразились и дружно стали пожимать мне руку. Раньше этого за ними не водилось. Я всем пожал руки и сел на бревно спиной к дверям казармы. Мы мирно сидим, разговариваем, с Лёшиной мордашки улыбка не сходит и вдруг его лицо стало серьёзным и теперь он смотрит не на меня, а куда-то выше моей головы. В этот

самый момент я услышал возбуждённый, не знакомый мне голос: «Это тебя Сеня зовут?» Я, не поднимаясь, повернул голову в сторону голоса, и вижу белобрысого парня, который со злым лицом смотрел на меня. Я спокойно отвечаю ему: «Да, меня зовут Сеней. А что, собственно, случилось?» — «Что случилось, что случилось, — быстро заговорил белобрысый парень, — да то, что ты ударил нашего питерского парня!» Я снова сижу спокойно, не поднимаясь, в той же позе отвечаю ему: «Да, в общем, я его и не бил только хорошего пинка ему дал под зад, вот и всё, так что ничего серьёзного». Белобрысый парень, размахивается на меня кулаком и говорит: «Да я тебе за питерского, сейчас как дам». Он стоит с поднятым кулаком, а я как сидел, так и сидел, не меняя позу, и чтобы защититься, ничего не делал, даже глазом не моргнул. Белобрысый парень опустил занесённый кулак и говорит: «А ты, Сеня, не бздо, уважаю таких парней». Затем он сел со мной рядом и мы с ним окончательно познакомились. Это и был Володя Захаров, который потом постепенно познакомил меня со всеми питерскими ребятами. А когда нас распределили по родам войск, ротам, взводам и отделениям, то я оказался в одном отделении с питерскими парнями, чему был очень рад. Питерские ребята мне нравились, особенно Игорь, он был на год старше нас, парень грамотный, до армии окончил судостроительный техникум, и родители его были не из простых людей. Отец, какой-то большой начальник в порту, а мама работала в горисполкоме, поэтому он в рассуждениях был свободен, не стеснялся и не суетился. Вот такой он был человек. Правда, позже наши пути-дорожки разошлись и не по нашей вине, просто потому, что его определили в артиллеристы, а меня и Володю Захарова в танкисты.

БАНЯ

С момента нашего приезда уже прошло недели три или даже четыре, а нас не ведут в баню, и, главное, не выдают военную форму, по лагерю ходим, в чём приехали. Выполняем команды сержантов, по лагерю ходим строем, и всё в гражданской одежде. Спрашиваем у нашего командира, о военной форме, а он нам обещает, а формы как не было, так и нет. И вот в один из дней после завтрака, нас построили, и наш командир говорит нам: «Сейчас идём в баню, а то, вы все грязные, как поросята». В роте всеобщее ликование, как же, баня, наконец-то отмоемся от дорожной пыли и грязи. Баня находилась здесь же в лагере, недалеко от нашей казармы. Пришли всей ротой шестьдесят человек. В баню запускали повзводно. Наконец пришла наша очередь, я зашёл в большую комнату, там сидели врачи, что-то спрашивали у меня, я им отвечал, наконец, мне сказали, что можно идти мыться. Я разделся, всю свою одежду, аккуратно положил на какой-то деревянный ящик, а сам ящик подвинул поближе к двери, чтобы после бани можно было быстро найти свою одежду. При входе в помывочную мне выдали кусочек хозяйственного мыла, да такой маленький, что он постоянно у меня выскальзывал из рук. Мне, приходилось его искать на полу, а в помывочной народу много и по полу ходят одни босые ноги, вот я между пятками и пальцами чужих ног искал свою потерю. Помылся, иду к той двери, где лежит моя одежда, открываю дверь, а там стоит солдат и говорит: «Не сюда, выход там» — «А одежда?» — спрашиваю я. — «Тоже там», — отвечает он.

Иду к противоположной двери, а сам думаю, вот какие молодцы, не успел я помыться, а они уже и мою одежду перенесли. Открываю дверь, и вижу большую комнату, в которой народу, человек двадцать и все зелёной одежде. Думаю, откуда столько солдат нагнали, и зачем они тут. Но мысли мои прервал наш командир роты, подзывает меня к себе и спрашивает: «Фамилия?» «Чухлебов», — отвечаю. Он поворачивается к своим помощникам, которые стояли возле больших ящиков, и говорит им: «Подберите ему форму». И началась подборка, минут через двадцать я вышел, как новый гривенник, во дворе народу стоит много, но ни одного знакомого лица не вижу, все одинаковые как пятаки. Вдруг слышу голос Захарова: «Сеня, а ты что меня не узнал, прошёл, понимаешь, мимо меня и ничего не сказал». Только теперь я рассмотрел, что это действительно Володя Захаров. Со временем притерлись друг к другу и уже легко узнавали.

ВРЕДНЫЙ СТАРШИНА

После бани из нас сформировали роту, взвода и отделения. При распределении я оказался с питерскими ребятами в одном третьем отделении, и поэтому мы вместе спали. Нам определили место на нарах на втором этаже, рядом с постом дневального. После того как нас переодели в армейскую форму, а затем распределили по армейским подразделениям, в нашей жизни, практически мало что поменялось. Тот же подъём, еда, ученье и отбой, были ещё некоторые нюансы, но они незначительны, и я о них писать, не буду. А вот старшину нам дали вредного и я о нём хочу написать. Так вот, отбой. Это самая любимая команда для военных, но наш старшина почему-то нашему отделению её так испортил, так что мы ждали команду отбой, с опаской.

Нас там было пять человек и моё место было с краю, как раз возле металлической лесенки, которая была приколочена к нарам и по которой мы залезали на эти самые нары. Поручней на лесенке, никаких не было, когда поднимались наверх, просто держались за край нар, и свалится с этой лесенки, не составляло труда. Я тоже несколько раз падал, правда успевал встать на ноги, а Володя Захаров брякнулся, так что, будь здоров, после этого у него болел бок, но потом боль прошла.

К чему я всё это рассказываю, вы дальше поймёте. Старшина в нашей роте, был нерусский, какой национальности я точно не знаю, но похож или на казаха или на калмыка и очень плохо говорил на русском языке. Но, скорее всего, он был казах из самой далёкой юрты, и русский язык начал учить только в армии. Я об этом точно не знаю, но предполагаю.

У этого странного старшины была очень скверная привычка, и эту привычку он почему-то практиковал на нашем отделении. После команды отбой, он подходил к нарам нашего отделения, зажигал спичку и на ломаном русском языке говорил: «Пока горит мой спичка, все должны раздеться, кто не разденется того… это самое». Возможно, он говорил это в шутку, а может, и нет. Ясно как день, что пока горит спичка, а горит она, не более десяти секунд, полностью раздеться невозможно. Тем более что сапоги надо снять внизу, портянки намотать на голенище сапог, а затем по очереди, по лесенке залезать на нары и там снимать гимнастёрку, затем, брюки-галифе, а кто носил галифе, знает, что снять их не просто, тем более в спешке. Естественно, кто-то из нас не успевал полностью раздеться, давалась команда подъём, и всё начиналось по новой. И так несколько раз за вечер. Притом, это относилось только к нашему отделению. Остальные отделения,

возможно, уже спали, и только наше отделение мучил старшина. Я до сих пор не знаю, в чём была наша провинность. Мы всё делали точно так же, как и другие отделения ни в чём не отличались и не нарушали воинскую дисциплину, ну вот, такое отношение. Такая, муштровка, иногда за вечер проделывалась два, три, а то и четыре раза. Конечно, нам было непросто, а если вернее, то тяжело, ведь мы за день уставали, да ещё и кормили нас плохо, постоянно спать ложились полуголодные, а тут ещё такое издевательство.

И вот в один из вечеров, старшина себе верен, зажигает спичку и ждёт, когда она прогорит, затем по лесенке поднимется к нам, моё место было с краю как раз напротив лесенки, поэтому я поднимаюсь на нары последним. Пока мы поднимались, у старшины спичка уже прогорела, и он по лесенке поднимается вслед за нами. Я вижу голову старшины и спешно снимаю своё галифе, а штанина узкая и никак не слазит с ноги, я чувствую, что раздеться не успею и поэтому стараюсь накрыться одеялом. Чтобы его расправить я сильно дрыгнул ногой, и в этот момент я почувствовал, что своей пяткой, я ударил во что-то твёрдое. В этот самый момент я услышал крик старшины и, приподнявшись, увидел как он, взмахнул руками и полетел вниз, и было слышно, как его тело глухо ударилось об пол. Получилось случайно, но я старшину пяткой своей левой ноги ударил в нос и губы.

Что тут началось, старшина, лёжа на полу и кричит: «Старички, ко мне, салаги меня бьют». С верхнего этажа я вижу, как к нему бегут командиры отделений и помощники командиров взводов, их было человек шесть. Что делать, было ясно, что драки не избежать, но как поведут себя питерские ребята, с которыми я был на верхних нарах, будут ли они со мной вместе. В этот момент я услышал голос Игоря, он был старше среди нас и как бы главным, он говорит: «Сеня, не дрейф, будем отбиваться, берите подушки в руки, и кто будет к нам лезть бейте их по роже. А подушки у нас были что надо, они годились только для драки, набитые сырой соломой, сухой там просто нет, потому что идут часто дожди, и влажность в воздухе весит постоянно Каждая подушка весом килограмма по три, а может и больше, если ею огреешь, то мало не покажется. И начался бой, старички к нам лезут, как тараканы, а мы их бьём подушками, кому попало, тот снова летит на пол, и так в течение минут десяти с короткими перерывами. Вдруг по казарме разносится зычный голос: «Прекратить!!!» И в этот момент к нашим нарам подошёл офицер с повязкой на рукаве, это был, дежурный по полку, с двумя солдатами, у которых были карабины на плечах. Дежурный нам дал команду спать, старичкам тоже спать, а старшину под

конвоем забрал с собой. Он уходил от наших нар, закрыв разбитый нос и губы ладошкой. Как всё закончилось я ещё подумал, откуда взялся дежурный по полку, но не находил на это ответа. А утром, на другой день, дневальный нам рассказал, что как только у нас началась заварушка, дежурный по роте его оправил за дежурным по полку. Дальше он рассказывает: «Я прибежал в дежурную часть и не докладываю дежурному по полку, а просто кричу. Товарищ майор в нашей роте драка, старички бьются с молодыми солдатами». Он не стал ничего у меня спрашивать, крикнул своим помощникам: «В ружьё и за мной!» Мы толпой побежали за дежурным и так оказались в нашей роте, ну а что было дальше вы знаете». На другой день, после завтрака, нас позвал к себе следователь, мы сидели у него все пять человек, следователь спрашивал, а говорил за всех нас Игорь. Он рассказал обо всех издевательствах старшины над нашим отделением, и вообще, назвал его гомосексуалистом. Такое слово я слышал впервые и подумал, что это может, какое то воинское звание, которое я ещё не знаю, но позже Володя Захаров мне объяснил, какому званию относится это слово. После этого, мы нерусского старшину больше не видели, а нам дали другого старшину, высокий русский парень, в звании старшины, который после команды отбой, никого не «дёргал», а только ходил, возле нар и проверял сапоги и портянки. Один раз подошёл к нашим нарам и спрашивает: «Чьи это сапоги?»

Я наклонился, сверху, посмотрел, вижу, сапоги Захарова, и говорю старшине: «Это сапоги Захарова». Володя высунул голову, а старшина ему говорит: «Что же вы Захаров, портянки комком запихали в сапоги, ведь они у вас не высохнут, завтра портянки, оденете мокрыми, и натрёте себе мозоли, а для солдата хуже мозолей ничего нет. Спуститесь вниз и развесьте портянки так, что бы они до утра высохли». Затем пожелал всем спокойной ночи и ушёл куда-то, в нашей казарме он не ночевал. Вот такого классного дали нам старшину.

СТРЕЛЬБЫ НА ПОЛИГОНЕ

К концу нашего прохождения курса молодого бойца, нас решили приучить к оружию, и командование организовало стрельбы по мишеням на полигоне. Стреляли из карабинов сразу по четыре человека, лежали на земле и стреляли тремя патронами по очереди. Рядом со стрелком находился или офицер или сержант, не из нашей роты, как бы подстраховывал молодого солдата, а то, как бы он чего не натворил. Четыре солдата лежали и стреляли, а остальные сзади, метрах в десяти от них стояли и смотрели, что да как. Молодые бойцы стреляли плохо, потому что многие из них не то что не держали оружие в руках, а даже его не видели. А тут надо не только смотреть на карабин, но и стрелять из него, а как, как его брать, куда вставлять патрон, на что нажимать, чтобы получился выстрел. Вот всему этому и учили офицеры тех, кто впервые видел стрелковое оружие. А ведь надо учесть ещё и психологию молодого человека, она ведь в первую очередь даёт сбои. Вот и Захаров вертится, как карась на сковородке, волнуется, ведь стрелять будет впервые, а это очень даже не просто. В основном, молодёжь стреляла плохо, некоторые даже в щит с мишенью не попадали, не то, что в мишень, но этого стоило и ожидать. Как я понял, главная цель этих стрельб была не на точность, а приучить молодых бойцов к оружию, и это мало-помалу получалось. Лично мне даже хотелось пострелять из карабина, из ружей как вы знаете, я стрелял, а как получится из карабина, посмотрим. С винтовочным затвором я знаком, так как у брата Андрея было одноствольное ружьё, оно было с винтовочным затвором, так что для меня это не ново. Правда, потом из этого ружья я, случайно сделал обрез, а как это было, я вам потом расскажу, если не забуду.

Я знал, что при стрельбе из винтовки или карабина, отдача в плечо сильнее, чем при стрельбе из ружья, а поэтому приклад карабина надо сильнее прижать к плечу. Это мне ещё дома рассказывал брат Андрей. Да и другие тонкости стрельбы я тоже знал. Но многие молодые бойцы этого не знали и, хотя их инструктора предупреждали, все равно парни при стрельбе об этом забывали. Одним объяснением человека научить невозможно, нужна практика, а её у нас то и не было. Поэтому парни при стрельбе отбивали себе плечи, да так, что потом они долго болели. Я стою в строю и жду своей очереди, притом жду её с нетерпением. Уж больно хочется пострелять из карабина.

Наконец подошла и моя очередь. Я подхожу к исходному положению, привычным движением беру карабин, офицер это

заметил, и у нас ним произошёл такой разговор.

Офицер: На гражданке стреляли?

Я: Да стрелял.

Офицер: Где и из чего вы стреляли?

Я: Стрелял из ружья на охоте.

Офицер: А в кого вы стреляли?

Я: кто в степи выскочит, в того и стрелял.

Офицер: И по людям стреляли?

Я: Нет, по людям не стрелял, потому что они не выскакивали.

Офицер: Да, стрелок вы, видать, хороший, сейчас посмотрим на мишени, она сразу покажет, на что вы способен.

Я: Товарищ лейтенант, а карабин, какого боя?

Лейтенант, посмотрел на меня удивлённо и говорит: «Откуда ты такой умный?» — «Из Ставрополья», — отвечаю. «А у вас все такие умные на Ставрополье?» — «Не знаю, но я такой». Моя лёгкая наглость офицера озадачила и он, обращаясь к командирам нашей роты говорит: «Вы посмотрите на него, другие бойцы боятся взять карабин в руки, а этот требует, чтобы ему сказали, какого боя оружие». Затем лейтенант повернулся ко мне и говорит: «Ну, давай стреляй, умник». Как только я написал «умник», тут же вспомнил анекдот про умника. Ладно, потом вам расскажу, если не забуду. А отстрелялся я хорошо, первая пуля пошла немного выше центра мишени, об этом мне сказал лейтенант, который меня учил стрельбе. А затем я скорректировал прицел, и две остальные пули легли точно в цель. Так что в роте я оказался лучшим стрелком, правда, мне за это ни медали, ни призов не давали, потому что не положено. Ну ладно, и без них обойдусь. В заключение этой темы анекдот про умника. Так вот.

АНЕКДОТ

По морю идёт корабль, за штурвалом курсант военно-морского училища. К нему подходит боцман, этакий морской «волк», борода, усы, трубка в зубах и спрашивает у штурвального: «Каким курсом идём юнга?» — «Норд-Ост, господин боцман», — ответил юнга. «Не умничай, покажи пальцем», — строго сказал боцман.

Вот почти такая же история получилась и со мной на стрельбах.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ И НАША СТОЛОВАЯ

Разумеется, между Балтийским морем и столовой, никакой связи нет, но я сделал заголовок таким с практической точки зрения. О море мне писать нечего, так как я на нём был всего несколько минут и то на берегу, а вот о нашей столовой есть что написать, вот потому я море и столовую объединил, чтобы получился отрезок поувесистей. Но сначала о море.

В один из дней нас водили к балтийскому морю. Шли недолго, так как до моря было километра три. Раньше я настоящего моря близко не видел. Только здесь, в Клайпеде видел издали, когда шли по городу в расположение части, а вот сейчас нас подвели прямо к воде, так близко, что можно было искупаться. Я купаться не стал, да и вообще само море мне не понравилось, я думал оно синее и тёплое, как пишут в сказках, а оказалось серое и холодное. Нет, такое море мне не нравится. Гораздо позже я видел море Чёрное, Азовское, Каспийское, море-озеро Аральское, на стадии его усыхания и видел даже Тихий и Индийский океаны. Но больше всего мне понравилось Чёрное море, оно тёплое и ласковое. А теперь о нашей столовой.

О столовой много писать не буду, так как она этого не заслуживает, может сама столовая и не виновата, но в ней нас кормили плохо, и даже очень, как говорится, зашёл в столовую голодным и вышел почти голодный. На что я, столько наголодался и, кажется должен привыкнуть, но нет, к голоду привыкнуть невозможно. Мы практически целый день были в движении, энергии тратилось много, а если ещё плохо питаться, то силы покидают тебя, а внутреннего резерва нет, так как мы практически все были очень худые. Были случаи, когда наши ребята в голодный обморок падали. Тем парням, которые ростом под два метра, а их в нашей роте было трое, вообще было невыносимо, вот один из них и упал в обморок. Только после этого им стали давать по две порции, и это было не густо. Судите сами, на ужин дают, три ложки или каши, или картошки, маленький хвост селёдки, если его взвесить, то будет грамм тридцать-тридцать пять, ничуть не больше, два кусочка хлеба весом грамм тридцать, и стакан коричневой жидкости, у них она называлась чаем с сахаром, но сахаром там и не пахло. И это молодым взрослым парням, которые целый день двигались. Вот потому мы все там и были похожие на Кощея бессмертного. Такое положение дел наших командиров не волновало, им главное, чтобы их семьи были сыты и здоровы, ведь они кормились из тех же складов, что и мы, солдаты. Поэтому им доставалось всё, а

нам что останется, а оставалось, как видно, очень мало. Вот вам пример. Как-то идём из столовой, в сторонке стоят несколько офицеров, и среди них офицер, небольшого роста, но толстый-претолстый, ну как большая пивная бочка, говорят, что поясной ремень ему подобрать не могли и поэтому шили из двух ремней. Володя Захаров дёрнул меня за рукав гимнастёрки и говорит: «Знаешь, кто съедает наш ужин?» — «Кто?» Спрашиваю я у него: «Да вот этот брюхатый коротышка, ему в столовой на ужин дают две порции, и не такие как нам с тобой, а гораздо больше, и он в части такой не один. Вот потому нам, солдатам, от общего котла остаются крохи, по моему мнению, его вообще не надо кормить целый год, вот тогда он будет похож на советского офицера».

Вот скажите мне, люди честные, нужен ли в армии такой офицер. Конечно, армии он не нужен, но ведь его держали, и содержали не только его самого, но и всю его семью. А вы говорите, что в советской армии был порядок, борделя там тоже хватало.

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Наконец наступило интересное время, нам, молодым солдатам, надо уезжать к основному месту службы, а солдатам «старичкам» отправляться домой, они уже своё отслужили. И что из этого получается. У нас всё обмундирование новое, а у «старичков», старое, так как солдатское обмундирование выдаётся на весь срок службы. Вы уже представляете, что из него получается. Брюки гимнастёрка, а так же пилотка, стираные-перестиранные, и поэтому они стали не зелёного цвета, а белесого, да ещё и штопанные в разных местах, одним словом вид его затрапезный.

Такой же вид имели и сапоги, и ремень. А домой хочется уехать в новеньком обмундировании, все парни молодые, их дома будут встречать не только родители и родные, но так же и невесты, и что же это за жених который пришёл из армии в застиранной военной форме, да ещё и с заплатками. Вот старички всячески и изощрялись, чтобы добыть новое обмундирование. А где его взять, у старшины не положено, остаётся кто? Правильно вы подумали, конечно, молодые солдаты. Старички думают они молодые, глупые и их легко обмануть, и обманывали, к отъезду из военного лагеря некоторые молодые бойцы ходили по казарме в старом обмундировании. Но старички не только отбирали обмундирование обманным путём, но и нагло, отбирали, особенно поясные ремни и пилотки. Командование об этом знало, но оно на это закрывало глаза, так сказать, понимали положение старичков. Я не знаю, как там у кого отбирали ремни, я расскажу о себе, как у меня пытались отобрать ремень. С обменом обмундирования ко мне подходили, но я отказался, подумал, какой мне толк, ведь мне придётся три года ходить в старом обмундировании, и потом в нём же придётся демобилизоваться. Я в казарме видел уже некоторых молодых солдат, в старой форме, а многие ходили ещё в новой форме, но на них были уже старые ремни и старые пилотки. Я думал, что они добровольно обменялись со старичками, оказывается, нет, старички отобрали у них в туалете, который находился на улице под соснами. Этакий деревянный сарай в полу с дырками для этого. Я не знал, как это делается, но ко мне подошёл Володя Захаров и говорит: «Слушай, Сеня, старички отбирают ремни и пилотки в туалете, а делается это так. Молодой солдат идёт в туалет, что бы там подумать, а ремень ему мешает, вот он его снимает и вешает на шею, а пилотка, как и положено, сидит на голове. Старичок заходит в туалет, видит, что салага сидит на корточках и думает, а пилотка

у него на месте и ремень аккуратно висит на шее. Он, быстрым движением снимает и то, и другое, и уходит. А салага, что с ним может сделать, без штанов-то много не навоюешь. Так что будь осторожней, как пойдёшь в туалет подумать, так ремень сними и надень его под гимнастёрку на голое тело, а пилотку вделай под ремень и сиди себе, думай сколько угодно. Вот у меня возникла необходимость встретиться с туалетом. Я сделал всё по инструкции Володи и сижу на корточках, думаю, куда нас повезут, большой ли сухой паёк выделит старшина. В это время заходит, озираясь по сторонам, старичок, подходит ко мне, смотрит, а ремня и пилотки на мне нет. Он удивлённо-возмущённо спрашивает меня: «А где твой ремень и пилотка?» А я ему этак, играючи, отвечаю: «В казарме оставил» — «А зачем это ты их там оставил?» — спрашивает он меня. «Да что бы ты с меня их не снял», — отвечаю. Он смотрит на меня со злым прищуром и говорит: «Что это ты, салага, такой умный и смелый, наверное, давно по шее не получал». Я поднялся, а когда я поднялся, то был выше старичка на пол головы, оделся, но ремень и пилотку оставил под гимнастеркой, и говорю ему: «Дураком, я никогда не был, и за себя всегда постоять смогу», нагло глядя на него сверху вниз. Он взглядом смерил мой рост, он явно был не в его пользу, затем выматерился и вышел на улицу, стоит метрах в пяти от дверей туалета и ждёт очередную жертву. Я надел поясной ремень, затем пилотку на голову, вышел из туалетного сарая и пошёл в казарму, не глядя на старичка. Я представляю, сколько у него было возмущения, когда он на мне увидел и пилотку, и поясной ремень. Я хоть по натуре парень и стеснительный, но жизнь меня пообломала, дай Боже, особенно школа механизации, та, которая находилась в городе Степном. И ещё. Я очень принципиален, когда дело касается справедливости, тем более моей чести, в таких случаях я стою до конца, а если надо, то и кулаки в ход пущу. Но бывают случаи, когда силы противной стороны явно превосходят твои, тогда я в ход пускаю свою изворотливость или попросту хитрость. Был у меня такой случай, когда я учился в школе механизации, но я об этом расскажу вам позже, если не забуду. А здесь в военном городке, у меня состоялся разговор с одним старичком, который меня уговаривал поменяться обмундированием, когда я ему отказал, он привел такой аргумент. Мол, вот ты отслужишь и будешь вот так же, как я уезжать домой, а с тобой никто из молодых солдат не захочется меняться обмундированием, вот ты меня тогда вспомнишь и пожалеешь, что со мной не поменялся. Заскакивая далеко вперёд скажу, что я уехал на гражданку из воинской части в новом обмундировании, да ещё с собой прихватил парадную форму,

хотя по положению её надо было сдавать старшине. А я всё сложил в чемодан и забрал с собой, а как же, ведь я отслужил три года и четыре месяца и ещё буду им, что-то своё отдавать, нет, дорогие мои командиры, я вам и так отдал больше трёх моих молодых лет, так что, извините. А на гражданке мне всё это пригодилось.

ПРИНЯТИЕ ПРИСЯГИ И ОТБЫТИЕ К ОСНОВНОМУ МЕСТУ СЛУЖБЫ

Четвёртого сентября мы приняли присягу, а уже на второй день слышали стук колёс, которые увозили нас на запад. Нас везли снова в товарных вагонах, как будто в Союзе не было пассажирских, но по-видимому, нас, солдат, за людей не считали и поэтому везли в тех вагонах, в которых возят скот. Вот такое отношение было к нам, защитникам родины, хотя позже я узнал, что польских военных, и офицеров, и солдат, возили только в пассажирских вагонах, и я не только это знал, но и сам видел и даже с ними ездил в одном купе. Но это будет потом, а пока я сижу в вагоне на настиле и доедаю свой сухой паёк, который дали мне на два дня, но он был такой «большой», что я его съел за один день. Пока мне делать нечего, паёк съел, колёса стучат, поезд катится в нужном ему направлении, а я отдамся воспоминаниям и расскажу вам то, что обещал.

«ВОЕННАЯ» ХИТРОСТЬ

Помните, в том месте, когда солдат «старичок» пришёл с меня ремень снимать, то я тогда писал, что хоть я парень по натуре скромный и даже стеснительный, но когда заходит дело о справедливости и тем более моей чести, то я свою позицию отстаиваю до конца. А если надо, то и кулаки в ход могу пустить. Ну, а если силы явно меня превосходят, то чтобы выиграть бой, я в ход пускаю свою хитрость, а природа меня ею не обделила. Я заметил ещё с детских лет, что в моём характере есть такая черта, когда экстренная ситуация, то я действую по обстановке и ничего не боюсь, я могу бояться позже примерно через сутки, а в данный момент мои мысли и все тело занято тем, как сделать быстрее и точнее. Так вот о хитрости. Таких случаев у меня было два, первый ещё в Ипатово, когда мне было шестнадцать лет, а второй уже в городе Степном, где я учился в школе механизации, там мне было семнадцать лет.

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ.

В первом случае произошла такая ситуация. Как вы помните, я тогда работал в кинотеатре, крутил кино. В кинотеатр я обычно приходил к 16 часам, но до сеанса время было ещё много, и я решил зайти в чайную и чего-нибудь перекусить. Взял в буфете булочку и стакан молока, сел за стол у входа и сижу себе перекусываю. В чайной народа было мало, человек шесть, и все женщины, некоторые с детьми. Я, спокойно ем, заходят два мужчины лет по тридцать пять, средней внешности. Посмотрели по сторонам, затем смотрят на меня и, не спрашивая моего разрешения, садятся рядом со мной, один с одной стороны другой с другой. Сначала они сидели молча, но я сразу понял, что это не зря, но не принимаю никаких действий, думаю, посмотрим, что будет дальше. Через некоторое время, один из них так весело говорит: «Слушай, паренёк, сегодня твоя очередь угощать нас пивом, так что ты не вздумай, выкинуть какой-нибудь фортель». А другой мужчина, который, сидел слева от меня добавил: «И не забудь рыбки прихватить, ну давай иди».

Как только они заговорили, я сразу понял, что это те, кто любит за чужой счёт выпить и поесть, я о них слышал на работе, да и дома брат Андрей говорил, но я с ними лицом к лицу, ещё не встречался. Не встречался? Так вот встретился и теперь как- то надо из этого положения выкрутиться. В моей голове быстро, со скоростью звука забегали шарики, надо принимать решение, а то они израсходуют мои три рубля и ещё долг на меня повесят рублей двадцать. Такие случаи были, и я о них слышал. Мои

новые знакомые отправляют меня за пивом в буфет, а я, ещё не придумал, как от них избавиться. Ладно, думаю, по пути что-нибудь, придумаю. Встал со скамейки и направился в буфет, а рядом с правой стороны от меня выход на улицу, я не думая шмыгнул в дверь и дал стрекача. А на счёт бега, в то время в Ипатово, со мной ни кто не мог сравниться, разве что антилопы сайгаки, но они, как известно в сёлах не живут, так что я был первый. Вот так я и ушёл, больше в чайную я один не заходил, а в компании можно. Случай так себе, можно сказать на случай и не тянул, но он был у меня первый и потому я о нём вам рассказал.

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ.

А вот второй случай тянул на настоящий экстремальный случай, я так думаю, а может, и нет, судите сами. На входных дверях нашего общежития висело объявление: «Мотобол, встречаются те-то и те-то команды, соревнование проходит на мотобольном стадионе». Говорю Вите Бартеневу: «Пойдём, сходим все равно в воскресенье делать нечего». Пошли, как такого стадиона никакого не было, просто луг за городом, а на нём стоят ворота, вот в эти ворота и пытались игроки на мотоциклах загнать мяч. Элистинский мотобол мне не понравился. До этого я смотрел мотобол в Ипатово, там было более солидно, команды играли каждая в своей форме, и их легко было отличить, где кто, да и мотоциклы были подобраны одинаковые. А здесь игроки одеты кто в чём, одни в майках с номерами, а другие просто в рубашках, в которых дома ходят, в тех же и играли. Да и мотоциклы разного калибра, одни мощные, типа трофейных БМВ, а другие на «тощих», в народе их называли «Козликами». Ну что это за соревнование. Нам с Виктором не понравилось, и мы решили в перерыве пойти домой.

На стадионе было несколько деревянных палаток, в которых в основном продавали пиво с солёной рыбой. Мы с Виктором дошли к одной из палаток и Виктора кто-то окликнул, он попросил меня подождать его, а сам пошёл навстречу. Я стою у палатки скучаю. Вдруг ко мне подходят два амбала, в прямом смысле этого слова, берут меня подмышки и практически вносят меня в палатку, садят на лавку и самый амбальный амбал говорит: «Понимаешь, землячок, нам очень захотелось пивка попить, а денег у нас нет, так поэтому сегодня ты нас будешь угощать, давай, зови официантку и закажи шесть кружек пива, две тебе и нам по две кружки. Давай действуй», приказал он мне. Делать нечего, пришлось заказывать. Официантка, молодая симпатичная девушка, принесла нам на подносе шесть кружек пива, посмотрела на меня жалеющими глазами, и ушла. Мои новые знакомые, пьют пиво как воду, не успел я повернуться как у

них уже пустые кружки. Вскоре к ним присоединился третий товарищ. Я отдал ему свою вторую кружку, и сижу над своей первой кружкой. Пиво я тогда вообще не пил, оно мне было не вкусно, то ли дело морс или лимонад, а пиво нет. Самый большой амбал увидел, что я пиво не пью, говорит мне: «Слушай паренёк, ты это что же пиво не пьёшь, нас понимаешь, угощаешь пивом, а сам не пьёшь, не хорошо, люди подумают, что мы тебя опиваем. Давай пей. Я пытался ему объяснить, что пиво мне не нравится, но он и слушать не захотел, пей, мол, и всё. Я отпил глоток, и отодвинул кружку от себя, и сказал верзиле: «Больше я не буду пить пиво, а то меня вырвет» — «Ну, если так, тогда не пей», — миролюбиво сказал этот тип. В палатке народа было много, часть из них сидела за столиками, а часть стояли у буфета, и пили пиво. Погода была жаркая, и пиво шло нарасхват. Через некоторое время появился Бартенев, увидел, что я зажат между амбалами, понял, в чём дело и сбежал. Он был трусливый, как заяц. Я сижу, соображаю, как от этих наглецов отделаться, денег-то в кармане у меня было всего 40 копеек. Какое пиво, а если я не заплачу, то меня заберёт милиция, и чем всё там кончится, я не знаю. Возможно, за меня заплатит школа, а может, посадят и заставят отрабатывать долг, такие случаи уже были. Думаю, нет, до милиции никак нельзя допускать, надо найти выход раньше. В это время верзила поднимается со скамейки и говорит: «Пойду, возьму рыбки, а ты обращается он ко мне, закажи ещё пивка, с рыбкой оно лучше пойдёт».

И он пошёл к буфетной стойке. Я смотрю ему в след и думаю: «Видишь ли, у него без рыбки пиво не идёт, уже три кружки выдул и всё ему мало, гад такой». Он возвращается с тремя сухими воблами и говорит мне: «Ну-ка, ты, пересядь на край, а я с корешами покалякаю, а затем добавляет, ты учти, рыбка тоже за твой счёт». Мы с ним пересаживаемся, а я думаю насчёт рыбки. Какая разница решил я рубль больше рубль меньше все ровно у меня только 40 копеек. Мы с амбалом пересели, и теперь я сидел с краю и был ближе к свободе. А тем временем, амбалы выпили по три кружки и ждут четвёртые, на сколько они напили и наели я и не считал, знал, что все равно, что-нибудь, придумаю и оставлю их с носом.

Подходит девушка официантка, такая симпатичная карие глаза, чёрные волосы, как раз в моём вкусе, поставила кружки на стол, начала убирать со стола остатки от рыбы. А сама на меня смотрит, и глаза у неё грустные-грустные, знает, чем для меня всё это кончится и поэтому меня жалеет. И, наверное, думает, мол, молодой симпатичный парень, а попал в лапы этим ублюдкам. Я тоже на неё смотрю, увидел её жалость ко мне и в ответ

подмигнул ей, как бы говоря: «Не бойся, девчонка, все равно я выпорхну из этой ужасной клетки». В ответ она мне улыбнулась краешками губ. Как только девушка ушла у меня возникла мысль в голове, ведь мы же долго сидим, пора и в туалет сходить. Поднимаюсь, чтобы пойти в туалет, верзила хватает меня за руку и сажает на место. Я ему говорю: «Мне срочно надо в туалет». А он мне в ответ: «Вот это пиво допьём, закажем ещё тогда пойдём вместе, а пока потерпи» — «Да сколько можно терпеть, я и так уже полчаса терплю, и уже больше не могу, что мне на тебя мочиться, что-ли?». Последние слова я уже не говорил, а кричал. На нас стали обращать внимание люди, тот третий товарищ, который присоединился к нам позже, смотрел на меня с жалостью, затем говорит верзиле: «Да отпусти ты парня что ему, в самом деле, здесь мочиться, да и люди стали на нас обращать внимание, нельзя же так». «Ладно, — сказал мордатый, — иди, только быстро, одна нога здесь, другая там». Меня как пружиной подбросило со скамейки, я стрелой вылетел из палатки, а как же, мне же сказали быстрее, стрелою пролетел мимо туалета, а я туда и не хотел, быстрым шагом пошёл по дороге в сторону города.

Как заправский шпион, принял все меры предосторожности, это я знаю из шпионских книг, я их читал запоем. А там написано, если вы убегаете от кого-нибудь, то измените свой внешний облик, то есть, если у вас на голове фуражка, то снимите её, а лучше замените, на шляпу, или другой головной убор, предварительно сорвав её у кого-нибудь с головы. Если вы одеты в светлое, то постарайтесь заменить его на темный цвет, это поможет вам запутать преследователей, и они собьются с вашего следа. Я шёл быстрым шагом по дороге к городу.

На дороге народу было мало, изредка проезжали машины, думаю, что погони за мной не должно быть, но я все-таки, по шпионской инструкции принял меры. Снял с головы свою серую кепку, и нёс её в руке, теперь у меня голова стала не серая, а чёрная, и она наверняка собьёт преследователей с моего следа, хорошо было бы, сорвать из кого-нибудь шляпу или кубанку, но народа на дороге было мало и притом в основном женщины. Ладно, думаю, может и этих предосторожностей хватит. Не знаю, помогла ли мне уловка или меня никто и не преследовал, но уже через некоторое время я был в общежитии.

В комнате я рассказал о своём приключении, и о том, что Бартенев меня бросил в беде, Олег молча выслушал, похвалил меня за смекалку, а Бартенев получил втык, по полной программе. В назидание нам Олег сказал: «Запомните, бросать товарища в беде, это самый низменный человеческий поступок, в этом случае надо делать так, как на войне делали наши солдаты-

герои, у них был девиз: «Сам погибай, а товарища выручай». Помню, я тогда удивился тому, что Олег сказал, а ещё больше тому что, откуда он знает такие слова. Гораздо позже я узнал, что этот призыв принадлежит великому Российскому полководцу Александру Васильевичу Суворову. А в продолжение темы скажу. В суматохе дня я забыл о той девушке-официантке, а когда уже лёг в кровать, то её вспомнил и подумал, вот она порадуется за меня, когда увидела эти обманутые рожи. Вот такая была со мной история, мне тогда было семнадцать лет. Не знаю, понравился ли вам мой рассказ, но раз я обещал вам рассказать, то его и рассказал. Пока я вам рассказывал, наш поезд остановился, я думал, что какая-то станция, оказалось, что нет, просто нас отправили в лесок, вскоре мы снова тронулись в путь.

СЛАВНЫЙ ГОРОД ЧЕРНЯХОВСК

Нам сказали, что по пути будет город Черняховск, в котором у нас будет длинная по времени остановка. Как только я это услышал так сразу и подумал, может, накормят, как говорится «кто, о чём, а вшивый, о бане» так и я. Да и пора, уже сутки как не ел, да и другие в таком же состоянии. И вот он славный город Черняховск, на станции мы из вагонов разгрузились, затем, была дана команда, строиться в колону, и мы колонной, пошли в город. Насколько я рассмотрел город, то он архитектурой напоминал город Клайпеду, те же остроконечные красные черепичные крыши, такие же башенки. Но город рассмотреть я не успел. Вскоре мы остановились у длинного одноэтажного здания, оно, своим видом напоминало столовую, нам тогда везде мерещились столовые. Но нет, из открытой двери этого здания вышел офицер, с красной повязкой на рукаве, в звании майора, а с ним два повара, одетые в белые куртки, с поварскими колпаками на голове. Дежурный офицер перед нами сказал примерно такую речь: «Товарищи бойцы, вы прибыли в славный город Черняховск, которой назван в честь командующего фронтом генерала армии, дважды героя Советского Союза, Ивана Даниловича Черняховского. Он погиб здесь в Восточной Пруссии, сражаясь с фашистами. Я горд тем, что в звании лейтенанта служил под его началом с 1942 года и до последних его дней. Вы прибыли к нам ненадолго, но я со своими помощниками постараюсь сделать так, что бы вы наш город не забыли никогда». Затем он спросил у нас: «Товарищи бойцы, вы есть хотите?» — «Да!!!» — в сто глоток гаркнули мы. После этого по команде уже наших командиров мы в шеренгу по одному стали заходить в столовую, там нас уже ждал обслуживающий персонал, который нас рассаживал за столы.

На дворе уже наступил вечер, и выходит, что мы не ели уже полтора суток, проголодались ужасно. За столом нас сидело десять человек, как обычно, сразу же на наш стол поставили, не один, а два бачка с кашей, две тарелки с хлебом, посреди стола стояла тарелка с луком, нарезанным колечками. Возле всех столов, и нашего стола тоже, стояли дневальные, они были одеты в белые куртки и следили за порядком. Захаров орудовал черпаком, накладывал кашу в миски. Себе, мне потом ещё кому-то. Я смотрю в свою миску с кашей и не пойму, то ли каша с тушёнкой, то ли тушёнка с кашей. Сказал об этом Володе Захарову, который сидел рядом со мной. На что получил исчерпывающий ответ: «Да ешь ты, не рассматривай, какая тебе

разница, что в чём, вкусно вот и всё, главное наесться от пуза, а то неизвестно когда ещё будут кормить». Я всё съел из своей миски, и отодвинул её в сторону, это увидел дневальный подошёл ко мне и спрашивает: «А ты почему не ешь?» — «Да я уже наелся», отвечаю ему. Дневальный, из старичков, на меня посмотрел удивлённо и говорит: «Нет, так не годится, ешь как можно больше, ведь вам ещё ехать сутки и ещё неизвестно, как вас там встретят, поэтому наедайся до отвала». Он мне это говорит, а сам черпаком накладывает мне в миску куски тушёного мяса с кашей. Ну как можно отказаться от такой еды, я никогда в жизни такой вкуснятины не ел, а тут ешь, сколько хочешь, да ещё и с лучком, красота, да и только. Затем нам принесли чай и две полные миски сахара, это ли не пир.

Прибежал повар к нашему столу, и говорит: «Ребята, не торопитесь вставать из за стола, посидите, подумайте, может, ещё захотите поесть, бачки с кашей стоят у вас на столе, а каши мало будет, ещё принесём, а сейчас вам подадут масло и белый хлеб, делайте бутерброды с маслом и ешьте. Когда мы поехали дальше в поезде, я добрым словом вспоминал тех людей, которые в городе Черняховском, с такой теплотой отнеслись к нам, к простым молодым солдатам. И ещё, помните, как майор сказал: «Мы сделаем так, что бы вы наш город запомнили НАВСЕГДА». И эти Люди, с большой буквы добились своего. Прошло уже шестьдесят лет с того времени как это было, а я до сих пор помню эту встречу в городе Черняховском. О самом Иване Даниловиче Черняховском я тогда ничего не знал, кроме того что сказал нам майор, но позже, я о нем прочитал, сначала в энциклопедии, а затем в одной книжке о командармах. Это была действительно интересная личность, и очень талантливый командарм, и самый молодой генерал армии. Он им стал в тридцать шесть лет. К моему глубокому огорчению, он погиб, а то мог стать и самым молодым маршалом Советского Союза.

ОСНОВНОЕ МЕСТО СЛУЖБЫ СТРАНА ПОЛЬША

Прибыли мы на железно-дорожную станцию города Свинтошов уже вечером, нас, прямо со станции повели на ужин, что было, кстати, так как за сутки в поезде мы проголодались. По моему мнению, этот городок не тянул на город, он был небольшой, основные производства, станция элеватор, и наш военный городок. Вот и все постройки города, ну раз назвали городом, то будем считать, что Свинтошов город. После ужина нас направили во временные казармы для прохождения карантина. Казармы были одноэтажные, построенные из кирпича, в них стояли койки в два яруса. Как только наши новые командиры распределили нас по койкам, с улицы послышались выстрелы. Странное дело, подумал я, ночью звучат выстрелы, наверное, идут учения, но нет.

Через некоторое время в казарму буквально вбежал наш новый командир в звании сержанта, с несколькими автоматами в руках. Автоматы с большими дисками, я такие видел только в кино. Лицо сержанта и ещё двух младших сержантов, которые тоже были с нами, встревожены, по ним видно, что-то происходит непредвиденное. А с улицы доносятся выстрелы: то одиночные, то очереди. К счастью выстрелы были, где-то далеко как потом оказалось за речкой, но они могли добраться и до нашей казармы. И это нас настораживало, на лицах моих товарищей, появилась признаки растерянности, я то же не знал как себя вести, хорошо бы получить автомат, но что с ним делать я не представлял, это же не ружьё и даже не карабин. Но всё-таки думаю, с автоматом я бы чувствовал себя уверенней.

Наконец причину тревоги нам объяснил сержант. Оказывается, на станционные склады напали диверсанты, сколько их не известно, сейчас с ними ведут бой, польская полиция и наш караульный взвод. Дальше сержант сказал: «Возможно, у диверсантов есть план прорваться к нам в городок и чтобы они нас не застали врасплох, мы принесли автоматы и сейчас вас вооружим. На всех автоматов не хватит но, человек шесть получат оружие». Он положил автоматы на стол и спросил у нас: «Кто из вас на гражданке стрелял?» Я ещё не успел сообразить, а Захаров уже кричит: «Товарищ сержант, вот, Сеня, умеет стрелять». Сержант поднял голову, где мы с Володей стояли и говорит: «Хорошо, Сеня, идите ко мне. Только, товарищи бойцы, прошу вас называть себя не только по имени, но и по фамилии» — «Как

ваша фамилия?» — спрашивает меня сержант. «Чухлебов», — отвечаю. Сержант даёт мне автомат и начинает объяснять, что это за автомат и как им пользоваться. Стою с автоматом посреди казармы, держу в руках эту махину, уж больно этот автомат тяжёлый. Мне сержант сказал, что он называется ППШ. Пока сержант занимается с другими солдатами, я рассматриваю автомат. Вообще-то ничего особенного, очень похож на карабин, то же приклад, ствол, спусковой крючок, затвор, всё на месте передёрнул затвор и стреляй. Хорошо бы до боя его попробовать, подумал я, узнать бы, как он себя ведёт во время стрельбы. Говорю сержанту: «Товарищ сержант, надо бы автомат опробовать, как он себя будет вести во время стрельбы». Наш командир на меня посмотрел удивлённо и говорит: «Предложение хорошее, но нам нельзя себя выдавать, возможно, диверсанты и не знают, что мы здесь находимся. А вот когда они сунутся к нам, вот тогда вы, боец, и постреляете вдоволь. Кстати, возьмите ещё один диск, может такое случиться, что одного диска и не хватит». Затем сержант обвёл всех взглядом и сказал: «Солдаты, слушайте мою команду. Всем занять позиции менее поражаемые, то есть в углах казармы, командиры отделений ведут наружное наблюдение, рядовому с автоматом занять позицию у окна, и всем вести себя тихо. По местам!» Все салаги шарахнулись по углам казармы, командиры отделений сразу ушли на улицу, сержант с таким же автоматом как у меня остался у открытой двери. А я получил команду занять позицию у окна.

Ну, раз мне дана команда, я быстрым шагом направился к окну, оно было в торце здания и притом окно было одно на всю казарму. Когда я с автоматом наперевес шёл к окну я ещё не знал, какую я займу позицию, но когда стал подходить к окну, я вдруг вспомнил, то, что показывали в кино, как бойцы на войне занимали позиции в такой ситуации как у меня. Они быстрым шагом, как и я, подходили к окну, стволом оружия или прикладом, выбивали стекла и вставляли в раму ствол оружия и при этом ствол клали на переплёт рамы. Я подумал, что и мне так надо поступить. Подхожу к окну, стволом автомата выбиваю стекло в оконной раме, втыкаю туда ствол своего автомата и я к стрельбе готов. Но тут, получилась одна заковырка, как только сержант услышал звон разбитого стекла, то сразу спросил: «Кто разбил окно?» Я ему ответил: «Это я, товарищ сержант, выполняю Ваше приказание, занимаю удобную позицию. Чтобы так сказать площадь обстрела была больше». Сержант немного помолчал, видать обдумывал, как со мной поступить, но затем миролюбиво ответил: «Ну, если улучшаете сектор обстрела, то тогда ладно».

Стою я у этого одинокого окна и жду диверсантов, а они не

идут, и не идут. А пострелять страшно охота, ведь я с автомата ни разу не стрелял, и когда ещё выпадет такой момент, ведь здесь не каждый же день лазят диверсанты. Ну, хотя бы кошка пробежала, я бы и в неё пальнул очередью. Именно хочется очередью, а одиночными выстрелами, мне уже не интересно, а вот очередью это да, как в кино показывают. Ту, ту, ту, ту, ту. Это было бы классно. Я так увлекся своими размышлениями, что забыл о том, что на нас могут напасть диверсанты. От мыслей меня отвлёк сержант, он дал команду отбой. Оказывается, что диверсантов уже отбили, они троих потеряли в бою, а остальные на машине уехали. Как сказали наши командиры отделений, с нашей стороны потерь нет. Ну и, слава Богу, что так кончилось, жалко только, что я не пострелял очередью, но ничего, служба моя только начинается, так что настреляться успею.

Постепенно жизнь военного городка вошла в своё постоянное русло. Наш месячный карантин превратился в недельный, так как старослужащие, закончили свой срок службы, и, по приказу министра обороны уехали домой, а курсанты закончили учёбу и отправились в полки, а нас перевели в их казармы, мы, как бы их заменили, они уехали, а мы остались. Подразделение, в которое нас привезли, называлось Учебным батальоном. В нём готовили, танкистов, артиллеристов, связистов, саперов. Может, ещё кого они готовили, но этого, я не знаю. Теперь нас называли курсантами. Я попал учиться на командира танка, и меня тоже называли курсантом. Дисциплина была строгая. Всё время было расписано по часам. Жили мы в ограниченном пространстве: казарма, столовая, спортивный городок и полигон. Всё находилось рядом, буквально в тридцати метрах, только полигон находился далеко, примерно в трёх километрах от нашей казармы. Сам городок был построен ещё немцами, и до нас здесь находился немецкий учебный батальон. Городок стоял в сосновом бору, все постройки добротные, одноэтажные, за исключением наших казарм, которые были построены в три этажа. Таких казарм было три. Со стороны дороги, которая шла между элеватором и нашим городком, стоял железобетонный забор, а с другой стороны, городок ни чем не огораживался, он просто примыкал к сосновому лесу. По всему городку были проложены асфальтные дороги и тропинки, так что передвигаться было легко. Ну вот, в общих чертах, где я буду учиться, я вам описал, а теперь о самой учёбе. Учили всему: и теории, и практике, и физически нас подтягивали, одним словом, как и в любом военном подразделении. В то время когда мы приехали, погода у нас стояла прекрасная, не жаркая, и поэтому в классах сидеть не хотелось, хотелось находиться на улице, и мы туда рвались.

Особенно мне нравились занятия на полигоне, он далеко от городка, там всё интересно, а я любитель обследовать всё вокруг полигона. А главное, что там не было строгой дисциплины, как в городке. Первое время мы там ремонтировали макеты танков и пушек, по которым курсанты учились стрелять. Нам старшина выдавал инструмент, и наш взвод, обычно с помощником командира взвода старшим сержантом Гусевым шёл на полигон. Там нам давали задание, и нас с командиром отделения, отправляли к макетам. А возле макетов мы были не курсанты, а просто рабочие, но с соблюдением некоторой, военной дисциплины. Вот как-то в этот раз, я немного поработал, затем, обращаясь к командиру отделения, младшему сержанту Нестерову, говорю: «Товарищ младший сержант, разрешите сходить и найти, что-нибудь съедобное, а то нам, курсантам постоянно есть хочется, а так чем-нибудь, голод перебьём» — «Курсант Чухлебов, да ничего Вы здесь не найдёте, тут давно всё съедено, здесь таких охотников как вы было не мало, так что лучше работайте». Я расстроенный нехотя взялся за молоток, но тут подключились другие курсанты и начали просить за меня. Пусть мол, сходит, может, что-нибудь найдёт и нам принесёт поесть.

И командир отделения меня отпустил, только предупредив, чтобы я, не заблудился. Я углубился в лес, везде стоят огромные сосны, а между ними всякого рода кустарники, но они без ягод.

Походил ещё, но ничего подходящего нет, я уже решил возвращаться, как вдруг за кустарником увидел остатки кирпичной стенки. Думаю надо обследовать, что это за остатки строения. Стенка, видать, осталась от дома, такое впечатление, что здесь было какое-то хозяйство, но всё давно заброшено и развалено. Рядом с бывшим домом рос сад, но деревья уже старые и наполовину засохшие. Я уже разочаровано решил идти обратно, как вдруг за садом, увидел полосу кустарников синего цвета. Присмотрелся на цветы не похоже, возможно какая-то ягода, подумал я. Решил проверить и направился туда. Подошёл ближе, да это же ягода, синего цвета и большая, размером со сливу. Что это за ягода я тогда не знал, попробовал на вкус, сладкая, и я ею так увлёкся, что забыл, где я нахожусь. Минут за десять я наелся до отвала, надо бы взять её с собой, но она такая зрелая, что в пальцах разминается, так что донести её можно, только в ведре, но ведра у меня не было, и я пошёл без ягоды к курсантам. Когда проходил мимо ягодных кустарников то удивился, сколько её здесь много, прямо целая плантация. Пришёл к курсантам и остановился возле них, а они смотрят на меня и смеются. Я им говорю: «Ну что вы дурачьё смеётесь?» А курсанты сквозь смех

отвечают мне: «Ты посмотри на себя в зеркало, вот тогда и поймёшь, почему мы над тобой смеёмся». Я вытащил из своего нагрудного кармана гимнастёрки зеркальце, посмотрел на своё лицо, и что же я увидел? Весь рот, щёки и нос, у меня были сине-красные, вот так ягода окрасила меня. Командир отделения сказал: «Это ягода называется ежевикой, и её в округе полно, так что Ваша находка, курсант Чухлебов, не новость». Назад с полигона мы пошли к тому месту, где растёт ежевика, командир отделения разрешил нам двадцать минут полакомиться ягодой. Кусты ежевики росли почти рядом с просёлочной дорогой, по которой мы шли обратно в гарнизон. А пока, парни с азартом набросились на ягоду, теперь уже я смеялся над их комичными физиономиями. Дальше мы пошли по этой же дороге через деревню. Когда проходили по деревне, то я обратил внимание, какие большие и сочные яблоки висят на деревьях в саду. Сразу подумал, что можно ночью прийти сюда и нарвать сочных яблок, их в садах так много что никто и не заметит, что яблоки у них рвали. При выходе из деревни, мы увидели заброшенный колодец, младший сержант показал на колодец и говорит: «Вот в этом колодце поляки нашли труп нашего солдата». Тут же посыпались вопросы, кто убил, за что убили, кода нашли, ну и так далее. Младший сержант Нестеров помолчал, затем раздражённо говорит: «Да я откуда знаю, это было ещё до моего прихода сюда, старички рассказывали, что приехали поляки из деревни и рассказывали, что у них пропала коза, они её искали, но не нашли, а нашли труп нашего солдата в заброшенном колодце. Вот и всё что я знаю, надеюсь, что вопросов больше не будет». Вопросы, конечно, были но, видя раздражение нашего командира, их задавать не стали. Вроде бы это было давно, но от этого сообщения у меня в душе остался неприятный осадок.

ПОХОД ЗА ЯБЛОКАМИ В ПОЛЬСКУЮ ДЕРЕВНЮ

В этот же день, вечером после ужина, мы трое заговорщиков, я, Захаров и Леша Зенцов, тоже наш коллега, стали разрабатывать план набега на деревню за яблоками. Решили идти в три часа ночи, чтобы успеть вернуться к подъёму, то есть к шести часам утра. Договор был крепкий, для солидности скрепили его рукопожатием. Друг другу сказали, всё, назад хода нет, в три часа ночи выходим и никак иначе. Перед сном, приготовили вещмешки, вытащив их из шкафчика, и положили под койки. Всё готово, теперь только встанем, оденемся и вперед. Сегодня идти хорошо было ещё тем, что дежурило по роте первое отделение нашего взвода, так что с уходом никаких проблем не будет. Последовала команда отбой на ночной отдых, все улеглись. Я тоже лёг в постель и ещё подумал, как бы не проспать, конечно, можно предупредить дневального, но я не стал этого делать, так как начнутся вопросы, что, да зачем, а так перед фактом поставим, и никаких вопросов не будет. Но я обычно в таких случаях не просыпаю. Я ещё с юности заметил, если я ложусь с заботой, то обязательно просыпаюсь в назначенный час. Так случилось и в этот раз.

Я проснулся как надо, начал будить Захарова, он поднял голову и спрашивает меня: «Что случилось, зачем ты меня будишь?» Я ему объясняю, что пора идти за яблоками, он, что-то промычал, а затем говорит: «Да ну их эти яблоки, спать хочется, а ты мне мешаешь». Он повернулся на другой бок и захрапел. Ладно, думаю, с тобой не получилось, но у меня есть ещё один надёжный напарник, Леша Зенцов, тот точно пойдёт со мной, он своего друга одного не оставит. Но и с надёжным другом Зенцовым у меня произошёл прокол. Он так же, как Захаров, что-то пробормотал и снова уснул. «Да, — думаю, — плохи мои дела, были два бойца и те пали «смертью храбрых», сражённые сном».

Но я отступать не привык, надо значит надо, тем более мне хотелось себя проверить. Смогу ли я один ночью, в чужой стране пойти по лесу, да ещё пройти мимо того колодца, где поляки нашли труп нашего солдата, а затем ещё и яблок наворовать. Ведь всё для меня, может, кончится, печально. Возможно, у хозяина сада, есть оружие, он может услышать, что в саду кто-то ворует яблоки и пальнёт, и, наверное, не промажет. Вот так может закончиться мой поход. А, может, я ещё и из городка не выйду, как меня часовой подстрелит. Но что теперь думать, раз

решил, значит надо идти. О том, что я буду в самоволке, я как-то не думал, ну поймают наши, дадут мне пять суток гауптвахты, ну и что, отсижу и снова выйду. Зато, какой смелый поступок я совершу. Не для товарищей, для себя, хочется о себе знать, на что я способен. Всё-таки я иду на очень большой риск, смогу ли, не струшу. Сам хочу знать, что у меня внутри душа или душонка. Вот что я хочу о себе узнать. Одеваюсь, и всё это у меня в голове крутится. Но тут неожиданно в моём мозгу проскочила другая мыслишка, которая говорит мне: «Семён, разве тебе мало того, что ты сделал в детстве. Ночью прошёл семь километров со слезами на глазах. Или тот героический поступок, который ты совершил, остановив лошадей, мчащихся на бешенной скорости. Подумай об этом». Услышав это, я как-то даже перестал одеваться, но затем решительно сказал себе: «Всё, иду». Быстро оделся, взял под койкой вещмешок и пошёл.

Прохожу мимо дневального, а он спрашивает меня: «Чухлебов, а ты, куда так рано, может дежурному по роте доложить?» Я на секунду остановился и говорю дневальному: «Серёгин, никому не надо докладывать, я скоро вернусь» — «Ну, смотри, до подъёма вернись, не опоздай». Маршрут движения я наметил заранее. От казармы я иду через сосновую рощу, до забора, что за зданием штаба батальона, затем через забор и пересекаю дорогу, которая идет вдоль забора, куда-то в лес. Как только пересеку дорогу я уже в лесу. А там по просёлочной дороге вдоль леса до самой деревни, к ней будет километра четыре, в одну сторону, назад столько же. Когда я выходил из казармы, я даже не волновался, моё верное седьмое чувство подсказывало мне, что всё будет нормально, надо только правильно всё сделать. И поэтому от нашей казармы через сосновую рощу, я шёл уверенно, как будто я пошёл не на опасное предприятие, а так, в спортивный городок на турнике повисеть. Я пересёк сосновую рощу, приблизился к зданию штаба батальона, смотрю там часовой, смотрит в мою сторону. Я остановился, спрятался за дерево, подождал пока часовой уйдёт за угол здания, а затем продолжил свой путь. Перемахнул через забор и вот я в лесу на дороге, едва заметной в свете луны.

Дорога шла вдоль соснового леса, деревья такие громадные, а их ветки своими лапами нависают над дорогой, и для того чтобы мне, под ними пройти, иногда приходится нагибаться. Дальше никаких часовых не было, и я шёл быстрым шагом, иногда даже бежал. Я был сосредоточен на том, чтобы как можно быстрее дойти до места назначения. Мне никто не мешал и я даже расслабился, иду быстрым шагом, никого не боясь. А что мне бояться, ведь в этом лесу я один, я так думал. Подхожу к ряду

огромных сосен, где мне, что бы пройти надо пригнуться. Я, пригнувшись, спокойно иду дальше. И, вдруг, в ночной тишине, прямо над моей головой, кто-то истошно заорал. Я даже от неожиданности присел на корточки, и уже сидя увидел, как надо мной пролетела большая птица, я подумал, что это была сова.

Молча пережив это происшествие, я зашагал дальше. По этому поводу я подумал, значит, я в лесу не один, и поэтому надо быть осторожней. Идя дальше по дороге, слева в свете луны я увидел ровный зелёный луг, который простирался до самой деревни. Я подумал, зачем я буду обходить вокруг этого луга, я сейчас пойду прямо через луг и выйду к деревне. Но как только я по этому лугу сделал три шага, я почувствовал под ногами хруст, как будто я иду по щебёнке. Ну ладно думаю, пусть будет щебёнка, но зачем она здесь, дальше мои мысли прервало непредвиденное явление, мои ноги стали погружаться в глубину, я понял, что дальше идти нельзя и резко повернул назад. Выбравшись на дорогу, я по земле постучал сапогами, как бы стряхивая ненужную грязь, и уже по дороге отправился к месту назначения. Вот и деревня, подхожу к тому саду, в котором я видел яблоню с богатым урожаем. Вот он и забор, такой старенький, сделан из сетки рабицы, которая от старости скрутилась, и поэтому забор был не выше полметра. Я его перешагнул и к яблоне, думаю, хотя бы у хозяев не было собаки, но она была, такая небольшая дворняжка, но тявкала громко. Я уже был на дереве, сижу тихо наблюдаю за домом. Вижу, в доме загорелся свет, и через некоторое время вышел на крыльцо мужчина, с ружьём или палкой, я подумал, что у него в руках, скорее всего палка, зачем ему ружьё. Мужчина постоял на крыльце, повертел головою. «Вроде ничего подозрительного нет», — подумал он, для порядка прикрикнул на собаку и пошёл в дом досыпать. После этого собачка залезла в конуру и больше не тявкала. Она, наверное, подумала, раз тебе хозяин яблок, которые воруют в твоём саду не жалко, то мне тем более, мне для еды они не пригодны.

Яблок я нарвал быстро, их было так много, что мне не надо было лазить с ветки на ветку, я только поворачивался из одной стороны в другую сторону, и этого было достаточно. Рвал большие сочные яблоки и складывал их в вещмешок. Как только мешок был наполнен под завязку, я с полным вещмешком тихонько слез с дерева, и спокойно, не прячась, направился в обратный путь.

Иду спокойно по грунтовой уличной дороге, вот и окраина деревни, а вот тот злосчастный колодец, в котором нашли труп нашего солдата. У меня, конечно, мыслей на этот счёт никаких не

было, но всё-таки я решил колодец обойти подальше. Обратно добрался нормально, только сильно вспотел, шёл быстрым шагом, чтобы не опоздать к подъёму роты. Пробовал с вещмешком бежать, но бежать с ним было тяжело, всё-таки в него входит два ведра яблок. К городку подошёл с другой стороны, где были домики офицеров, там часовых не было, да и мешок не надо перебрасывать через забор. Пришёл в казарму вовремя, на посту стоял другой дневальный, увидел меня вспотевшего, да ещё и с полным вещмешком за плечами, ошалелыми глазами посмотрел на меня и спросил: «А ты откуда такой взъерошенный?» — «От верблюда», — не задумываясь, ответил я. Затем спросил у него: «Яблок хочешь?» — «Ещё спрашиваешь?» — вопросом на вопрос ответил он. Дав ему два румяных яблока, я быстрым шагом пошёл к себе в роту на третий этаж.

Не успел подняться ещё до второго этажа, как услышал выстрел на улице. В утренней тишине он был слышен особенно громко. «Кто же это там стреляет?» — подумал я, надо проверить, как же такое случилось и без меня. Я быстро вернулся вниз, вещмешок затолкал под лестницу, а сам на улицу, там уже был наш дневальный. Когда я выскочил на улицу, то услышал чей-то истошный крик. Я спросил у дневального: «Где кричат?» Он говорит: «Наверное, у магазина, может диверсанты напали на магазин и ранили караульного». Магазин находился метрах в ста от нашей казармы. Бегу к нему, а сам думаю, и что надо этим диверсантам, что они хотят взять в том магазине, там кроме печенья в пачках, да асидола для чистки пуговиц больше ничего и нет. Подбегаю к магазину, там хорошее освещение и всё видно. Смотрю, на площадке лежит солдат и кричит, вот думаю, бандюги ранили часового, надо ему помочь. Осмотрелся, нет ли рядом диверсантов, затем, осторожно выглянул из-за дерева, вроде никого нет, только потом направился к часовому. Подошёл к нему и спрашиваю: «Ты чего орёшь?» — «Я ранен в ногу и мне больно», — отвечает курсант. «А кто тебя ранил? — спрашиваю у него, а сам озираюсь по сторонам, думаю, как бы не нарваться на засаду. «Да никто меня не ранил, я сам себя случайно ранил в ногу. Ты лучше помоги мне, сними сапог». Я снял с его ноги сапог, перевернул его, и с сапога полилась кровь. Я его спрашиваю: «Куда тебя ранило?» — «Да вот», — показывает он рукой и говорит, — в икроножную мышцу».

Обычно я крови боюсь, хотя и повидал её не мало, но только, разумеется, заячью да куриную, но тут такое дело, надо человеку помочь. Пока я его брючным ремнём перетягивал ему ногу выше колена, чтобы остановить кровь, прибежал дежурный по батальону в звании капитана, с караульными, и спрашивает меня:

«Что случилось?» — «Да вот, — говорю я дежурному, — говорит, что сам себя случайно ранил в ногу». Дежурный повернулся ко мне и спрашивает меня: «А Вы кто такой, и как здесь оказались?» Я, без тени замешательства, отвечаю: «Да я вот дневальный третьей роты, услышал крики и поспешил на помощь», — без запинки ответил я. «А ты что устава не знаешь, что дневальный ни в коем случае не должен покидать свой пост, ты же оставил роту без присмотра, а если какая сволочь, зайдёт в роту, ты представляешь, что там может быть? Немедленно марш в роту». Затем он на меня внимательно посмотрел и говорит: «Кстати, курсант, если Вы дневальный, то где Ваша повязка дневального, где нож?» И в самом деле, подумал я, как же это я упустил, но тут, мои шарики в голове быстро закрутились, и я выдал надлежащий ответ: «Товарищ капитан я смену уже сдал и тут услышал крики с улицы и вот я здесь» — «Ну все рано марш в казарму, здесь мы и без тебя обойдёмся». Я быстро исполнил приказ дежурного по батальону. Иду в роту, а сам думаю, и правда, что это я там застрял, ещё дознаются, кто я такой, тогда неприятностей не оберёшься.

Как бы там ни было, я спокойно добрался до роты. Пришёл в казарму, взял свой мешок с яблоками и быстро пошёл на третий этаж к себе. До подъёма оставались считанные минуты. После зарядки я на койке с удовольствием поедал яблоки, а Зенцов и Захаров когда узнали, что я один ходил в деревню, чуть дара речи не лишились. Я на них обижаться не стал и яблоками угостил. Яблок было много, поэтому я ими угостил и нашего командира отделения и даже помощника командира взвода старшего сержанта Гусева. А получилось это так. Перед ужином подхожу к товарищу Гусеву, и предлагаю ему самому взять яблоки из моего вещмешка. Он заглядывает в него, и говорит: «Даже не знаю, как и быть, с одной стороны Вас за самоволку надо наказать, а с другой поблагодарить за смелый поступок». Затем взял и мешка два яблока и добавил: «Смотрите, Чухлебов, больше так не делайте, зачем Вам в самом начале службы портить карьеру военного». Вот так всё и обошлось. А тот часовой, который сам себе в ногу выстрелил, вылечился в госпитале, а затем его признали самострелом и дали два года дисциплинарного батальона. Ну, это вроде нашей солдатской тюрьмы.

Вот если говорить о самострелах, то в нашей роте, в первом взводе тоже был самострел, по фамилии Ершов. Он, хотел, чтобы его комиссовали, и поэтому из карабина отстрелил себе большой палец на правой руке, комиссия разобралась, что к чему, и тоже отправила его в дисбат. Почему курсанты, поступают, таким образом, я сделал такой вывод. Служить в армии три года очень

сложно, особенно сам срок службы давит на психику. Ведь три года это очень много. Особенно трудно служить в нашем учебном батальоне, ведь всё время расписано по минутам, личное время только 45 минут, и то из казармы не выходить. А ведь многие ребята просто не готовы к тяжёлой армейской службе, некоторые парни жили в обеспеченных семьях, сытно ели и вдоволь спали, кровати не заправляли, а может и не умывались. Лафа, да и только. И тут сразу их в такое пекло, конечно, некоторые не выдерживают и хотят любым способом быстрее вернуться домой. Но армию самострелом не обманешь, здесь есть следователи, которые тонко разбираются в подобных вещах. И парни вместо того, чтобы поехать домой, в тюрьму попали на два года, а там, ещё труднее, чем в армии. Лично для меня служба в батальоне такой уж невыносимой не казалась, я морально и физически был готов к службе в армии. Коробил меня только армейский диктат, и несправедливость, иногда такую дурацкою команду даст наш командир отделения, что думаешь, кто его воспитывал, и где он учился. Я, конечно, иногда возражал в разной форме, за что получал наряд вне очереди. Несправедливость, да и только. Да шут с ними с этими нарядами, за то я за этих нардов познакомился с нашим старшиной роты.

СТАРШИНА НАШЕЙ РОТЫ

Как только у нас была скомплектована учебная рота командиров танка, а это сто курсантов, плюс офицеры и младший командный состав, получилось так, что первое построение у нас было на ужин. Роту строил наш старшина, я его тогда видел впервые. Внешне он мне очень нравился, по национальности осетин, мужчина красавец, высокого роста, правильные черты лица, смуглая кожа, черные волосы и брови, и, главное, характером уравновешенный, спокойный, команды на построение роты отдаёт не громко, но слышно всем.

Так вот, как произошло наше знакомство. Я получил очередной наряд вне очереди, которых у меня было несчётное количество. Вся рота легла спать, а меня отправили мыть общий туалет. Ну, я все помыл, можно было уходить, но я вижу что стенка, на которую солдаты мочатся такая вся коричневая, как будто под грязью и кафеля нет, но я знаю, что он там есть. Учитывая мою дотошную натуру, я решил её отмыть, до кафельной плитки. Вот я и принялся за работу. Чем только этот нарост из соли и прочего не очищал, ну никак не поддаётся, но, думаю, надо же хоть немного очистить, просто хочется увидеть результат своего труда. Иду к дневальному прошу у него металлическую щётку, думаю, ею то я очищу. Со щёткой дело пошло лучше, но время уже два часа ночи, а я ещё ни одной плитки не очистил. И вот когда у меня самый разгар работы, в туалет заходит старшина роты, и спрашивает у меня: «Курсант, а Вы чем занимаетесь?» — «Да вот, хочу очистить плитку». Старшина посмотрел на меня удивлённо и говорит: «Прекратите это бесполезное дело, это ещё от немцев осталось, а Вы хотите очистить. Идите отдыхать, скажите своему командиру, что я наряд Вам отменил. Сказал и ушёл. Я убрал инструменты и тоже пошёл спать. А через некоторое время я снова схлопотал два наряда вне очереди. А случилось вот что.

Было политзанятие, доклад всему взводу в красном уголке делал командир второго отделения нашего взвода, младший сержант Тупицын. Он сидел на сцене за столом, и по брошюрке читал об урожае зерновых и называл главных житниц нашего государства. Назвал Украину и Кубань, Алтай и всё, как будто больше никто зерно в государство и не поставляет. Мне стало обидно за свой родной Ставропольский край, я поднялся и говорю: «Вот Вы назвали житницами нашей страны Украину и Кубань, Алтай, а как же Ставропольский край, Поволжье, Оренбургская область? Они, что, зерно стране не сдавали, ведь по

вашему докладу получается так. А я знаю, что сдавали и очень много, так почему Вы в своём докладе это не отметили, выходит, Вы не справедливо отнеслись, к этим хлеборобам». Сел на своё место, смотрю на лектора, что он скажет на моё замечание. А он сначала поёрзал на стуле, затем не уверенно говорит: «А здесь, в брошюрке о них ничего не написано». Меня это ещё больше задело, я подумал: «Собрался читать лекцию и не подготовился».

Я снова поднялся и говорю ему: «Причём здесь написано или не написано, Вы знали, что будете вести доклад на эту тему, так должны были подготовиться, найти нужный материал и прочитать его. А Вы нам читаете брошюрку, да мы и без вас её можем прочитать, вон их штук двадцать у дневального на тумбочке лежат, бери и читай». Конечно, можно было бы, и промолчать, другой так и сделал бы, но не я, в таких случаях я молчать не могу. Ведь он унизил не только меня, как хлебороба, но и моих родителей и родственников, да и всех моих земляков, так что тут молчать нельзя. Сел на своё место и сижу, жду реакции докладчика. Она последовала незамедлительно. Докладчик подскочил как ужаленный, весь красный и кричит мне: «Курсант, Чухлебов, встать, смирно, два наряда вне очереди. Идите, выполняйте». В этот момент он на меня был так зол, что дал бы пять нарядов вне очереди, но больше двух он не имел права. Я пришёл к дежурному по роте, доложил по форме, а он меня отправил к старшине. Захожу к старшине, докладываю: «Товарищ старшина, курсант Чухлебов прибыл в Ваше распоряжение». Старшина стоял в коридоре, посмотрел в свою каптерку и кому-то говорит: «Юра, это не твой курсант?» Смотрю, из каптерки выходит наш помкомвзвода, старший сержант Гусев. Товарищ Гусев спрашивает у меня: «Курсант Чухлебов, за что наряд получили?» Я вкратце рассказал суть дела, и кто мне дал наряд. На что Гусев сказал: «Вообще-то по уставу командир другого отделения, не имеет права вам давать наряд, ну раз уж так случилось, то работайте». Затем он обратился к старшине и говорит: «Товарищ старшина, дайте ему, какую-нибудь работу». Старшина немного подумал затем как то не по-военному, говорит мне: «Давай-ка мы с тобой разберём один склад, его ещё немцы завалили, так никто его и не разбирал, только докладывали туда разное рваное бельё»..

Он открыл склад, а там куча всякого тряпочного хлама, даже стен не видно, а сверху, наложено почти до потолка, ну, думаю, и работёнка мне досталась, тут я и за неделю не разберусь. Но грустить некогда, надо приступать к работе. Старшина мне сказал, что рваное и грязное бельё складывай вот сюда, и показал рукой, а целое и чистое в другую сторону. Наставление получил и

преступил к работе. И началась моя складская работа протяжённостью в неделю. Каждый день, на утреннем разводе, старший сержант Гусев, называл мою фамилию, я выходил из строя, и он давал мне команду следовать в распоряжение старшины роты, что я с удовольствием выполнял. Работать на складе мне нравилось, никаких тебе командиров, старшина уходил по своим делам, оставляя мне ключ от входной двери коридора. Он разрешал мне пить заварной чай, с сахаром и печеньем, кому такое не понравится, рай земной, да и только. Но это было потом, а в тот день, когда я начал работать, старшина со старшим сержантом Гусевым сидели в каптёрке пили чай, и неспешно разговаривали. Я случайно стал свидетелем их разговора. Вот как это было.

Старшина: «Ты знаешь, Юра (они были друзьями), я думаю, что наши младшие командиры ведут себя с курсантами не правильно. Они действуют по принципу, я командир, значит я умный и правильный, а вы мои подчинённые, значит всё наоборот. Я думаю, что это неправильно, раньше такой подход к молодым солдатам подходил, потому что они были, в основном, малограмотные или совсем безграмотные. А сейчас совсем другое дело, молодёжь приходит образованная, к ним нужен другой подход, более грамотный вдумчивый. Ведь согласись, наказать подчинённого дело лёгкое, а ты попробуй, убеди его в своей правоте, это будет гораздо сложнее. Конечно, я имею виду мирное время, в военное там убеждать некогда, там приказ и выполняй, а сейчас можно и нужно по-другому. Так что ты поработай со своими подчинёнными, может результат и будет». Старший сержант Гусев, некоторое время помолчал, затем сказал: «Результат обязательно будет, не может быть такого, чтобы я с ними поговорил, и они пропустили мимо ушей. Так что сегодня и начнём». После этого разговора в нашем взводе многое поменялось. Во-первых, командиры отделения теперь спали в нашей комнате со взводом курсантов, рядом со своими отделениями. Наш командир отделения стал общаться с нами курсантами, узнавал, кто, откуда, есть ли родители, кем до армии работал ну и прочее. Со мной он тоже разговаривал и удивился, что я в свои девятнадцать лет столько приобрёл профессий. Наш Нестеров прямо на глазах преобразился, раньше командиры отделения заходили к нам в комнату, только по необходимости, и когда им с нами было разговаривать, а теперь они рядом и каждый день. Так что всё пошло на поправку, ну и я, разумеется, стал себя в руках держать. Лично для меня стало легче служить под руководством младшего сержанта Нестерова, он стал как бы ближе и родней, и в дальнейшем у меня с ним серьёзных

разногласий не было.

А вот с этим складом, в котором я в тряпках копался, получилась такая ерунда. Когда я через пять дней добрался до торцовой стены, этого склада, то увидел у окна зелёный ящик который стоял на полу, а на крышке ящика была немецкая печать со свастикой. Вот это да, думаю, ни фига, себе, я до немцев докопался. А справа у стены стоял шкаф, с очень красивыми ручками, но я ни ящик, ни шкаф трогать не стал, может там какая тайна и решил дождаться старшины, он в очередной раз, куда-то пошёл. Сижу у него в каптерке и попиваю чай с сахаром и с сухариками, не жизнь, а сказка.

Через некоторое время пришёл старшина, я ему всё рассказал и показал, он внимательно всё осмотрел, ящик открывать не стал, а вот шкаф открыл, там висело на вешалке офицерское немецкое обмундирование, а внизу на полке стояли сапоги, слегка запылённые.

Старшина осторожно закрыл шкаф и мне говорит: «Ты иди в роту, о находке никому не говори, а я пойду и доложу высшему начальству, а то, как бы нам с тобой этой находкой не обжечься. Как русская поговорка гласит, — говорит он, — лучше подуть на холодную воду, чем обжечься горячим супом харчо. Так и мы с тобой поступим». Иду в роту и думаю: «Что это за поговорку сказал старшина, что-то я её раньше не слышал, и почему обжечься супом харчо? Не борщом, не супом с лапшой, а харчо, и что это за странный суп?» Так ничего не отгадав, я пришёл в роту. Хотел узнать у ребят про суп харчо, но сразу было не до него, а потом я о нём совсем забыл. И только спустя много лет, я такой суп ел в ресторане, ничего, нормальная еда. А что там стало с немецкими вещами, я не знаю, старшина мне не докладывал (Шутка).

САХАР

В то время у нас в армии велась борьба с курением, и для этого был заведён такой порядок. Курильщики получали табак — махорку, не курящие — 760 грамм сахара в месяц. За нашим столом в столовой, сахар получал один я, и во время обеда, все естественно тянулись к моему пакету с сахаром. Мне, конечно, жалко было сахар раздавать, так бы мне его хватило дней на десять, на пятнадцать, а с этой компанией и на три дня не хватит. Я, скрепя сердцем, разрешал соседям по столу запускать свои ложки в мой пакет. Когда сахар в пакете кончался, я разрывал его и вылизывал сахаринки, прилипшие к стенкам бумажного пакета, и ждал следующей выдачи сахара. За обедом обычно у столов, где мы едим, ходят командиры отделений, а старшина в это время обедал, и насчёт того, что я раздаю сахар курякам, командиры отделений мне ничего не говорили. А в этот раз, младшие командиры обедали, а старшина нашей роты ходил у столов и смотрел за порядком, чтобы никто никого в еде не обижал, хотя таких случаев за нашим столом не было.

И вот наступил момент икс, то есть чаепития, и как раз в это время старшина подошёл к нашему столу стоит и смотрит. Но нам курсантам на него смотреть нечего, так как наступает самый ответственный момент, я ставлю свой пакет с сахаром на стол. Все сидящие за столом курсанты дружно потянулись своими ложками в мой пакет, я его держу в руках, а они по очереди черпают. Вдруг слышу громкую команду старшины: «Отставить!!!» Вся наша команда, которая тянулась ложками к сахару, застыла, кто с ложкой в руках кто уронил свою ложку в мой пакет, в общем, по-всякому, но застыли, один я сижу, двумя руками вцепился в пакет с сахаром. Старшина, обращаясь ко мне, даёт команду: «Курсант Чухлебов, встать». Я поднялся и стою, смотрю на него, а пакет из рук не выпускаю. Старшина строгим голосом даёт мне приказ: «Курсант Чухлебов, слушайте мой приказ, с этой минуты и в дальнейшем свой сахар Вы никому не даёте, если Вы мой приказ не выполните, то я Вас накажу по всей строгости, которая мне позволена. А вы, — обращается он к остальным курсантам, — если хотите сахарку, то бросайте курить и получайте сахар, а на чужой каравай нечего рот открывать. Всем всё ясно?» — строго спросил старшина. «Так точно», — дружно ответили мы. С этого дня и до конца своей службы я сахар ел один, спасибо старшине, он мне в этом помог. Ведь он понимал, что отказать своим друзьям мне было неудобно, вот он и применил ко мне драконовскую угрозу.

СТРЕЛЬБА ПО ВОЗДУШНЫМ ЦЕЛЯМ

В общем, сахар сахаром, а служба шла своим чередом, я уже научился стрелять из танковой пушки, научился водить танк, а вот стрелять из зенитного пулемёта по воздушным целям нас, почему то не учили. Мы неоднократно задавали вопрос по этой теме, но нам толком никто не мог ответить, и вот настало то время, когда нам объявили, что завтра едем на стрельбы, будем стрелять по воздушным целям. Перед отбоем в нашей роте было ликование, как же, столько служили и наконец, постреляем из зенитного пулемёта, который закреплён на башне танка. На тех танках, на которых мы тренировались, пулемётов не было, их просто поснимали, а вот зачем, я не знаю. На моё мнение лучше бы они были на месте, и мы чему-то на них научились, а стрелять сразу, да ещё по воздушным целям это очень сложно. Прибыли мы на грузовых машинах на аэродром, который находился километрах в шестидесяти от нашего городка. Аэродром, представлял собой огромную зелёную поляну, на которой стояли два самолёта средней величины, винтокрылые, хотя тогда других и не было и три танка, с зенитными пулемётами. Увидев такую картину, я подумал, сегодня стрельбы по воздушным целям будут точно. И правда, командир роты нас построил и объяснил, что мы, курсанты, будем стрелять по воздушной цели, так называемой «сигаре», которую будет тащить самолёт. Наша задача при стрельбе попасть в эту самую сигару, а не в самолёт.

Затем спросил: «Всем ясно?» Мы дружно ответили: «Так точно». И в самом деле, мне в то время всё было ясно, потому что я ещё не видел самого прицела этого самого пулемёта, а вот когда я его увидел, то мне стало ничего не ясно. Но, это потом, а сейчас всё по порядку. Идут стрельбы, далеко от нас стоит танк и там стреляет второй взвод курсантов, первый взвод уже отстрелялся и уехал в расположение части. Самого танка нам не видно, слышно только выстрелы, очередь из пяти патронов и тишина, через некоторое время снова та же очередь и тишина, и так до тех пор, пока весь второй взвод не отстрелялся. Мы стояли долго, даже очень долго, у меня стали уставать ноги и спина. Некоторые курсанты, которые стояли в дальних шеренгах, садились на траву и отдыхали, а я и другие ребята не могли сесть, так как мы стояли в первой шеренге, как говорится, перед глазами начальства.

Наконец подошла наша очередь, нашу колону курсантов, подвели ближе к танку, на котором мы должны стрелять, и теперь я видел всю картину «боя». Всё просто, летит самолёт, тянет за

собой эту самую сигару-цель, а по ней надо стрелять. Курсанты стреляли не по отделениям, а по ранжиру, в результате я должен стрелять седьмым, а всего нас в учебном взводе было тридцать три человека. Отстрелялись первые курсанты, по их выражению лиц, было не понятно, понравилось ли им стрелять из зенитного пулемёта или нет. Приходили от танка, какие-то задумчивые, не разговорчивые, становились в строй и стояли молча. Думаю, ладно скоро я буду стрелять и там разберусь. Подошла моя очередь, я стрелой влетел в люк танка, сразу схватился за ручки пулемёта и, глядя в небо, приготовился стрелять. Но пока стрелять, команды нет, то, я стал разглядывать патроны и пули пулемёта. Они были неожиданно большие, пуля была размером с мой безымянный палец, а гильза, вообще была похожа на гильзу от небольшого снаряда. Посмотрел сколько патронов в ленте, их было достаточно много, можно было пострелять, лишь бы только разрешили. Инструктором у меня был командир первого взвода старший лейтенант Смирнов. Он мне говорит: «Пока нет цели, познакомься с прицелом» — «А что мне с ним знакомится, — говорю, вот рейка, там мушка, наводи на цель и долби». Старший лейтенант, тактично говорит мне: «Нет, курсант, Вы не правы, вот внизу прицел смотрите в него и Вы должны видеть небо и цель, как только она там появится». Я смотрю, а там, какое-то полированное стекло тёмного цвета, я пытаюсь в нём, что-то увидеть и ничего не вижу. А инструктор все спрашивает меня, вижу ли я в прицеле что-нибудь, ну там облака или ещё что. И я, чтобы своего инструктора не расстраивать, и не показаться бестолковым курсантом, сказал ему, что вижу. Инструктор обрадовался и говорит: «А теперь будем ждать цели». Старший лейтенант смотрит вверх, а я в прицел всматриваюсь и ничего не вижу. Думаю, и кто же это придумал, чтобы смотреть вниз, а стрелять вверх, ведь по идее, это противоестественно. Но делать нечего, стрелять-то надо. Упёрся глазами в это стёклышко, но практически ничего не вижу, вдруг слышу команду: «Внимание, цель, стреляйте!» А я её не вижу, куда стрелять, но раз команда дана, значит надо её выполнять, а разбираться некогда, цель может пролететь мимо нас и я, со всей силы нажал на гашетку. Пулемёт сильно затрясло и меня вместе с ним, слышу грохот выстрелов, и ещё подумал жаль, что я не вижу результатов своей стрельбы. Тогда я поднял голову вверх, чтобы посмотреть, что я там настрелял и вижу, что выпущенные мною пули, летят мимо цели, то есть мимо сигары, тогда я отпустил гашетку, резко повернул пулемёт в сторону самолёта и снова нажал на гашетку. Пулемёт снова сильно затрясло, вместе с пулемётом трясусь и я, сколько я сделал выстрелов, я не считал, но больше десяти,

наверняка. Я даже успел обрадоваться, что все стреляли по пять патронов, а мне разрешили больше. В этот момент я получил сильный толчок, сначала в плечи, а затем удар по голове, от этих двух тумаков я свалился внутрь танка, поднял голову и вижу разъярённое лицо инструктора, который мне что-то кричал. Затем лицо его, куда-то исчезло. Я ещё немного посидел на полу башни танка, думаю, «пусть гроза» пройдёт, а затем, встал, осмотрелся, а уж потом медленно начал вылезать из танка. Сначала, высунув голову из люка танка, смотрю на инструктора, а он мне кричит: «Ты, что натворил, ты, наверное, самолёт сбил, вся очередь пуль, попала в самолёт». Я смотрю, а самолёт летит, и говорю инструктору: «Товарищ старший лейтенант, ну как сбил, когда он летит». «Летит-то летит, это я вижу, но все равно, хвост ты ему раздолбанил, ладно иди к своему взводу, а я пойду к летунам получать втык». Подошёл к своему взводу, парни спрашивают: «Что ты там наделал?» — «Да ничего я не делал, ну может в хвост самолёта попал, но не сбил же его». На это моё замечание никто, ничего не сказал, лишь некоторые курсанты головами покачали. Стоим, ждём, что дальше будет, вдруг по громкоговорителю объявляют, что стрельбы прекращаются и всем курсантам следовать к своим машинам. От такого сообщения те курсанты, которые не стреляли, слегка зароптали, но тут пришёл командир роты и всё объяснил. Он сказал: «Дальше стрельб не будет, так как пилоты отказались летать с мишенями, только потому, что некоторые курсанты путают брезентовый мешок с самолётом. В частности после стрельб вашего взвода в хвосте самолёта обнаружено три пробоины».

Мы сели в машины и поехали домой. Примерно через неделю, на тактических занятиях, наш командир роты делал разбор стрельб по воздушным целям и вот что он сказал: «Стреляли плохо, первый взвод сделал только одно попадание по цели, по этому брезентовому мешку, который ещё называют сигарой. Второй взвод тоже одну пробоину, наш третий взвод, вообще не попал по сигаре, зато курсант Чухлебов сделал три пробоины, в хвосте самолёта, который тащил эту самую сигару». Курсанты третьего взвода обрадовались, и весело подвели итог: «Выходит наш взвод стрелял лучше всех», — в классе дружно захохотали. В танковом училище, по воздушным целям я больше не стрелял, другие курсанты ещё ездили, но меня не взяли. Вы спрашиваете почему? Отвечу так, что не знаю почему. Правда, догадываюсь, но точно не знаю. Хотя стрелял я хорошо, другие курсанты вообще в цель не попали, а я сделал три пробоины. Правда, не в ту цель, которую надо было попасть, но всё же я поразил цель. В общем, не взяли. Но я по этому поводу не

грустил, мне было даже лучше, во всей казарме остались только один я, дневальные, да дежурный по роте. Но они находились на первом этаже, а я один на третьем, хожу по длинному коридору туда-сюда, одним словом болтался до обеда, затем пошёл, пообедал и завалился спать. В общем, отдохнул что надо. Отдохнул-то, отдохнул, но всё-таки на душе было неприятно, все поехали стрелять, а меня не взяли. Позже когда взвод вернулся со стрельб, я спросил у старшего сержанта Гусева, почему меня не взяли на стрельбы. Он мне популярно объяснил, что такие условия поставили лётчики они так и сказали: «Того курсанта, который продырявил хвост нашего самолёта, в этот раз не берите, а то он в тот раз не сбил самолёт, так на этот раз собьёт». Ладно, думаю, у меня всё впереди, ещё научусь стрелять и с зенитного пулемёта. Позже, когда я служил уже в танковом полку, я научился стрелять по воздушным целям и по прибору и без него. Но всё же мне нравилось при стрельбе из зенитного пулемёта смотреть вверх и видеть результат своей деятельности.

ПЕРВЫЙ РАЗ В КАРАУЛЕ

Уже на втором месяце службы в учебном батальоне я вместе со своим взводом заступил в караул. А охранять в нашей части было что, это и разные склады, ремонтные мастерские, кочегарку, столовую, ну и прочее. А диверсанты на наш гарнизон нападали, и вы уже знаете, помните, что было, как только мы прибыли в учебный батальон? А вот ещё свежий случай, диверсанты напали на пост у главных ворот гарнизона. Открыли стрельбу, ранили постового, но всё равно постовой отстреливался, пока не прибыла помощь на бронетранспортёре, а затем и танк подтянулся, вот танк и прикончил машину диверсантов, когда те попытались скрыться. Конечно, танку в скорости с машиной тягаться трудно, танкисты это поняли, что им на танке машину не догнать, а дорога ровная и прямая как стрела. Танкисты машину и не стали догонять, а остановились, навели пушку на машину, и долбанули прямой наводкой, вот и всё. Были диверсанты, и нет их, так что, идя в караул, я все эти случаи знал и осторожничал, а вдруг и на мой пост нападут враги. А я точно знал, что пост мне доверят самый ответственный, и диверсанты могут туда сунуться, но я не испугаюсь и приму бой. Я знаю, что в таких случаях делать, не зря же я столько книжек прочитал про шпионов и диверсантов. А знание о том, что диверсанты нападают на наш гарнизон, не добавляло бодрости молодому «не обстрелянному» солдату и поэтому на посту, особенно ночью, это давит на психику часовому.

Наш командир взвода был начальником караула, его помощник — старший сержант Гусев, а командиры отделений были разводящими, то есть разводили часовых по постам, но иногда и Гусев исполнял роль разводящего. Как и положено, начальник караула построил нас и проинструктировал. Он напомнил нам, как вести себя на посту там: не сидеть, не спать и так далее, а ещё добавил: «Если на ваш пост нападение, то вы сначала сделайте предупредительный выстрел вверх, только потом по цели». Ага, подумал я, дудки вам, я выстрелю верх, а он в меня. Нет, сначала уложу нарушителя, а потом сделаю выстрел вверх, вы же все равно не определите, где первый, а где второй выстрел.

После инструктажа первая смена пошла в караул, я был во второй смене. Свободные от несения службы курсанты сидели в караульном здании, по простому в «караулке», и занимались кто чем. Кто дремал на нарах, кто читал агитки, а кто тихо разговаривал, чтобы не мешать другим отдыхать. Вскоре подошла

моя очередь, идти на пост. Мы пошли, разводящий и нас, четыре постовых, шли и по очереди меняли постовых. Мой пост был самым дальним и поэтому меня меняли последним. Было время подумать, как это я буду стоять на посту, ведь это у меня в первый раз, интересно как это у меня получится.

Я сменил часового, разводящий, младший сержант Нестеров, говорит мне, показывая в сторону складских помещений: «Там склады, бытовки всякие, всё огорожено, вокруг ограды ходить не надо, стойте вот здесь и смотрите, чтобы никто туда не забрался, что делать в случае непредвиденных обстоятельств, вы знаете, вам на инструктаже всё рассказали. Караульте, через два часа мы вас сменим, пароль «затвор», ответ «скатка» всё понятно?» — «Так точно», — ответил я, и караул гуськом ушёл в караулку. Когда Нестеров сказал про пароль, я уже позже узнал один случай о пароле, я вам его вкратце расскажу. Все равно делать нечего, я же на посту стою.

Так вот, идёт гражданская война, с австрийского плена возвращаются пленные, подходят к русским позициям, где стоит часовой. Часовой увидел их и кричит: «Стой! Кто идёт?» Бывшие пленные отвечают: «Свои». Часовой у них спрашивает пароль, но они пароля не знают, поэтому остановились и стоят, а часовой настойчиво спрашивает «ПАРОЛЬ», а пленные не знают, какой пароль, поэтому стоят и молчат. И тут один из них, самый смелый наугад кричит: «Штык!» Часовой усмехнулся в необразованности пришельцев, и говорит: «Дуралей, ты дуралей, какой штык? Штык вчера был, а сегодня пароль «ШИНЕЛЬ», понял? Ну, так какой сегодня пароль?» — снова спрашивает часовой. «Шинель», — отвечают пришельцы. «Ну, вот, теперь правильно, значит проходите».

Вот так, как тот часовой, я делать не буду, мне отвечай строго мой пароль, иначе возьму на мушку. У поста, рядом с забором стояли две большие сосны и столб, на котором ярко горел фонарь, а от них к воротам была натоптана тропинка, вот по этой тропинке я и ходил туда-сюда, туда-сюда, и так намерился ходить, пока не сменят. Сначала всё шло нормально, объект освещён хорошо, внутри двора стоял ещё один столб, а на нём был светильник, и у ворот тоже столб со светильником, так что света хватало. Сначала я ходил по освещённой тропинке, потом подумал, что же это я делаю, в книжке про диверсантов пишут, что они сначала «снимают» часового, а уж затем промышляют дальше. А что дальше, начнут грузить машины добром, а на моих складах его полным полно, не зря же склады кирпичные и черепицей покрыты. Там наверняка и консервы и колбаса, да и крупы всякой полным полно, а диверсантам только это и надо

ведь впереди зима, так что надо запастись продуктами. Нет, думаю, на свету ходить не надо, а надо спрятаться в тень, чтобы супостаты меня не видели, а я их видел, вот тогда я их и пощёлкаю, как куропаток. А патронов у меня для них хватит, у меня обойма в магазине карабина и ещё две обоймы в подсумке, так что с боеприпасами всё в порядке.

Стою у сосны в тенёчке, прислонившись плечом к ней и мечтаю, затем подумал, сколько же я тут стою, может час, а может и больше, так что скоро смена. Стоял, задумался и не заметил, как уснул, и вдруг сквозь сон слышу, а сон на посту у меня чуткий. Так вот, сквозь сон слышу, какой-то храп, этакий с присвистом. Я тут же проснулся, и подумал: «Ёлки-палки, мне доверили такой ответственный пост, а я уснул, а диверсанты, наверное, пробрались в помещение и уже творят там свои чёрные дела». Посмотрел на ворота они закрытые, движения по территории нет, и вдруг снова слышу храп, даже не храп, а сип, он стал слышаться всё чаще и чаще. Я стал прислушиваться, на что эти звуки похожи и определил, что они похожи на звук воздуха, вырывающегося вместе с кровью из перерезанного горла человека. Ну, всё думаю, началось. Сначала я хотел выстрелить воздух, чтобы вызвать караул, потом подумал и решил, что не надо этого делать, я сначала сам уложу с десяток головорезов, а потом пусть и подмога подойдёт. А за мой героический поступок может, мне и награду дадут, там медаль какую-нибудь, или ещё что-нибудь. Приеду в хутор с медалью, затем я подумал, «стоп», медали, наверное, будет мало, надо бы орден, а с орденом девчонки будут на меня смотреть и спрашивать: «Сеня, за что тебе такой гарный орден дали?» А я нарочито спокойно отвечу: «Да так, десяток бандитов, хотя, нет, думаю, на орден десяток бандитов будет мало, скажу, два десятка бандитов перестрелял, вот и мне орден дали». Девчонки от моего героизма будут в неописуемом восторге, и косяком будут идти за мной в клуб. Мои героические размышления прервали, чьи-то шаги и послышался говор. Я присмотрелся, идёт наш караул, а ведёт его старший сержант Гусев.

Как только они приблизились, я крикнул: «Стой, кто идёт?» — «Свои», — ответил старший сержант. «Ага, свои, как вы просто хотите отделаться, — подумал я, — нет, давай мне пароль». И крикнул: «Пароль!» — «Да затвор, затвор», — нехотя ответил Гусев. Я сказал им ответ.

Когда они подошли, у нас с Гусевым состоялся такой диалог. Гусев: «Не спали?» Я: «Как можно, товарищ старший сержант, такой ответственный пост мне доверили, а я буду спать?» Гусев: «Ответственный пост, говорите? Не смешите меня, кому нужна

Ваша гнилая картошка, да квашеная капуста. На вашем посту можно сразу ложиться спать и спать до тех пор, пока не разбудит смена».

Лучше бы, он мне это и не говорил, испортил мне всё праздничное настроение, теперь прощай орден и восхищённые глаза девчонок, а так хорошо было в мечтах. Пока мы шли, меня так и подмывало спросить, а кто же там храпел, если никого там нет. Но я не стал спрашивать, боялся опять попасть впросак. Позже я узнал, что эти звуки издавала капуста, которая квасилась в бочках, там происходил процесс брожения и в результате выделялись газы, вот она и храпела, и сипела.

Другой караул.

В следующий раз я был в карауле уже зимой, я стоял на том же самом посту и там ничего интересного не происходило. Капуста проквасилась и ждала своей очереди, когда её заберут и съедят. Интересно было то, как мы меняли часового, который охранял мастерские и кочегарку — они находились в одном здании. Развод повёл старший сержант Гусев, сменили одного часового, отправили его в караулку, сменили другого, тоже отправили в караулку, посты их находились рядом с караулкой, и не было смысла, что бы они с нами топали лишние сотни метров. Пошли менять третьего, это были мастерские и кочегарка, и их охранял Володя Захаров, мой друг и очень ответственный товарищ. Втроём, подходим к воротам мастерской, где должен стоять часовой, а его там нет, разводящий старший сержант Гусев дёрнул за ручку створки ворот, а она оказались не запертой. Это мне показалось подозрительным, значит, думаю, диверсанты туда проникли, и что они там сделали с Володей? Может, они его убили? И затолкали в печь кочегарки, чтобы потом сжечь, а может, что-нибудь, сделали другое ещё ужаснее. С такими чувствами я захожу в мастерскую, старший сержант Гусев идёт впереди нас кричит: «Часовой, где ты?!» Никто не отзывается.

Тогда старший сержант Гусев, и курсант Волков пошли искать часового по цехам мастерской, а я остался у входа, там, где расположена печь. Когда они ушли, я стою и думаю, ну что же случилось с Володей, не мог он самовольно покинуть пост, его, наверное, украли диверсанты и сейчас пытают у него секреты нашей части. Стою как раз напротив топки кочегарки и размышляю о случившемся. Вдруг слышу, какое-то хлюпанье с храпом. Посмотрел вокруг, никого не видно, тогда я обратил внимание на топку кочегарки, и вижу, что из топки торчат наши солдатские серые валенки, и изнутри топки раздаётся храп. Ну, всё думаю, Захарова зарезали и в печь затолкали, а сжечь не успели, мы помешали, надо его оттуда срочно вытаскивать, может

он ещё живой. Бегу вглубь помещения к старшему сержанту Гусеву, карабин держу наизготовку, а как же, вдруг диверсанты не успели уйти, и где-нибудь прячутся. Подбегаю к нему и тихо говорю: «Товарищ старший сержант, беда, там из печи торчат наши солдатские валенки, и из топки слышится храп, это, наверное, диверсанты убили Захарова, туда его затолкали, и хотели сжечь, но мы им помешали, пойдёмте быстрее, может он ещё живой». Гусев слушает меня спокойно, никакой тревоги в его лице нет, затем говорит: «Храп, говорите, а ну пойдёмте, разбудим этого «бдительного» часового». Подошли к топке, старший сержант пнул валенки своим сапогом, они сразу зашевелились. Гусев крикнул: «Курсант Захаров, смена караула пришла, подъём!» Из печи полезли сначала валенки, затем другие части тела и наконец, показалась физиономия Захарова, вся вымазана в саже, пилотка сбилась набок, смотрит на нас заспанными глазами, а затем спрашивает: «А почему вы так рано пришли?» «Вылезайте из печи, сейчас разберёмся рано мы пришли или поздно», скомандовал разводящий. Володя Захаров вылез из топки печи, стоит, весь обмазан сажей, такой грустный и несчастный, но старшего сержанта Гусева, этим не разжалобишь, он скомандовал ему смирно и влепил два наряда вне очереди. Дальше в несении караульной службы всё было не интересно, как говорится, всё шло в штатном расписании.

ОСОБО ОПАСНЫЙ ПОСТ

Курсантом танкового батальона последний раз я стоял на очень ответственном посту, охранял склады ГСМ нашего батальона, которые находились возле железнодорожной станции, куда очень любят наведываться диверсанты. Само это обстоятельство уже настораживало, а тут ещё на инструктаже начальник караула рассказал, что в прошлом году, на посту у караульного помещения, из проходящего мимо поезда, убили двух часовых, одного из стрелкового оружия, а другого позже, стрелой. Часовой — курсант умер мгновенно, так как стрела попала ему прямо в горло. Всё сказанное настораживало, а некоторых даже напугало. Я ко всему этому относился спокойно, первое, у караульного помещения я стоять не буду, это уже известно, а второе, охраняемый объект огромный, и там должны находиться четыре человека в смену, в том числе, и я, так что страха никакого не было. Охраняемый объект был огромен, только торцовые стены ограды были длиной метров 40, а боковые стороны, метров по 60. Учитывая важность данного объекта, одновременно в карауле находилось девять караульных. Караул был смешанный, объект охраняли и курсанты, и солдаты старички из другого подразделения, так что со старичками службу нести было легче.

Расстановка караула была такова, старички находились на углах ограды в окопах, а курсанты ходили вдоль ограды по бокам. Чтобы, на посту не уснуть, караульные время от времени должны окликать друг друга, так сказать, иметь видимую и звуковую связь. Всё это прописано положением об охраняемом объекте. Я попал в третью смену, когда было уже темно.

Мне следовало охранять торцовую сторону склада ГСМ. Моя охраняемая зона была метров 40, вот я по ней ходил туда-сюда. На углах ограды склада, в окопах, дежурили старички. У меня был тоже окоп, и он находился прямо посредине моей охраняемой зоны. Хожу я по своей зоне, рассматриваю растительность, которая окружала наш объект, и думаю, что она здесь слишком густая, кустарники и деревья вплотную подобрались к ограде из колючей проволоки. В таких условиях диверсанты могут легко пробраться к нашему объекту, здесь ухо надо держать востро. Как бы мои соседи не уснули надо время от времени их навещать. Пока всё шло нормально, старички на мои окрики отзывались, никто не спал, как будто всё шло нормально, но меня очень беспокоили эти огромные деревья, ведь за деревьями овраг, а дальше идёт речная пойма, за ней небольшая

речка и ещё дальше сплошной лес. Я размышлял так. Если диверсанты захотят взорвать наш склад ГСМ, то они свободно могут выйти из леса, перейти неширокую и неглубокую речку, затем по пойме подойти к этим деревьям и забраться на них. А затем с дерева, прицельным выстрелом из карабина, а лучше из снайперской винтовки, взорвать наши цистерны с горючим. Вот такая нехитрая теория. А что вы удивляетесь, я же сходил в польскую деревню, совершил «диверсию», и спокойно вернулся обратно в свою часть. Так что я в своих рассуждениях не далёк от истины. И поэтому, я ещё пристальней стал всматриваться в кроны могучих дубов. И вдруг я увидел, что на одной из веток большого дерева, в свете фонарей ограды, что-то блестит, очень похоже на отблеск стёкол бинокля, или оптического прицела. О своём открытии я не стал говорить старичкам, ещё смеяться будут, скажут, трусливая ворона куста боится, решил сначала убедиться, действительно ли там сидит диверсант. Думаю, запущу в него камень, и если я в него попаду, то он себя выдаст или криком, или свалится с дерева. Так и сделал, взял поувесистей камень, спрыгнул в окоп, на всякий случай приготовил карабин к стрельбе, но решил не торопиться с действиями, а ещё раз присмотреться к лазутчику. Что это лазутчик у меня сомнений не было. Наблюдаю за диверсантом, а он ведёт себя как-то странно, то блестят его окуляры, то вдруг на секунду-другую исчезают. Думаю, в чём же дело, может он время от времени протирает стёкла бинокля, а может он вообще в очках. А что, во время войны, немецкие солдаты и офицеры воевали в очках, может, кто-то из этих вояк остался в Польше и сейчас сидит на дереве и готовит диверсию. Но я пока ещё не уверен, что моя версия верна, и решил вылезти из окопа и походить туда-сюда, как бы вызывая огонь на себя. Ведь главная цель диверсионной группы снять часового, это точно, даже к бабке не ходи, во всех книгах о диверсантах так написано, так что тут никаких сомнений. Вылез из окопа и начал ходить недалеко от него, в случае опасности я готов прыгнуть в окоп. Внимательно смотрю за лазутчиком, а он никаких действий по отношению ко мне не принимает. Тогда я снова спрыгнул в окоп, взял камень, который оставил в окопе, размахнулся и запустил его в то место, где по моему предположению должен сидеть лазутчик. Камень с шумом рассёк листву и угодил прямо в диверсанта. Он крикнул, но почему то вороньим голосом, затем из листьев выпорхнула огромная ворона, и с криком улетела. Как только ворона улетела, я подумал, и почему меня птицы так любят, то сова напугала меня, когда я ночью ходил за яблоками, то вот сейчас ворона проверяет мою бдительность, странно, но это так. А старички

караульные попались мне неплохие, правда один из них любил поспать, вот я его время от времени будил, не потому что я боялся, а потому что я привык порученное дело выполнять честно, и требовал этого от соседнего часового. Ему это не нравилось, и он обзывал меня салагой, но все равно, больше он не спал, а так дежурство в карауле прошло нормально. И чтобы закончить о караульных делах я вам расскажу ещё один случай, который произошёл в нашем батальоне. Сразу скажу, что участником этого случая я не был, но что такой случай был, это правда, так как он был громкий и для расследования случившегося приезжали следователи даже из дивизии. А случилось это в роте артиллеристов. Вот как это было.

Как водится, во всех частях старички, ходят в самоволку к «невестам». Вот и в этот раз один старичок из роты артиллеристов, пошёл в польскую деревню в самоволку. Там как следует, выпил, и когда возвращался назад, заблудился в лесу, затем увидел вдалеке свет и прямиком направился туда. А свет этот был от фонаря, который висел на столбе и освещал особо охраняемый объект. Часовой из курсантов, артиллеристов, услышал шорох в кустах и крикнул: «Стой, кто идёт?» Но ему ни кто не ответил, а движение в сторону проволочной ограды объекта продолжалось. Затем караульный увидел, как не опознанный нарушитель пытается перелезть через забор. Часовой крикнул: «Стой! Стрелять буду!». Но нарушитель и не думал останавливаться. Тогда, часовой сделал предупредительный выстрел вверх, а уж затем выстрелил по нарушителю границы охраняемого объекта. После выстрела на поражение, нарушитель замер и повис на проволоке ограды.

В этот момент прибежал начальник караула со свободными от караула курсантами. Вскоре прибыл и дежурный по гарнизону, который был вызван начальником караула.

Затем убитого сняли с проволочного забора, принесли его в караулку, и кто-то из командиров отделения опознал в нём солдата из хозроты. Следственная комиссия узнала много интересного на предмет дисциплины нашей хозяйственной роты. Оказывается, в ту деревню к своим подругам ходил не только тот солдат, который был убит, но и другие, которые пока были живы. Какое наказание получили наши батальонные командиры, я не знаю, а курсанта, который стоял в карауле и застрелил солдата-нарушителя, оправдали, так как он действовал, согласно, устава. Я понимаю состояние того молодого часового, который стоял на посту и застрелил солдата-нарушителя. Ведь на этот пост было нападение диверсантов и не одно, патроны и снаряды им тоже нужны были, и часовой об этих нападениях точно знал, так что в

таких случаях мандраж присутствует. Но главное, в данный момент он не растерялся.

И чтобы окончательно закончить о службе в карауле и других местах, я вам расскажу, о том, как я со своими закадычными друзьями дежурил по кухне в ночное время.

ДЕЖУРСТВО ПО КУХНЕ

Дежурство по кухне выпало нам в третью смену, то есть с 24 часов и до 8 утра. Я со своими друзьями, Захаровым и Зенцовым должны были мыть посуду, а её целые горы, миски, тарелки, ложки, и притом вся посуда алюминиевая. Мы втроем моем посуду, кто миски, кто ложки, кто тарелки. А они жирные и холодной водой не отмываются, тогда у меня созрела идея. Прокипятить всю эту посуду в большом баке. Своей идеей я поделился с сотоварищами, они её дружно поддержали. Мы взяли большой бак, сложили туда всю посуду, залили туда воды и поставили его на электрическую печь, включили на самое большое нагревание и стали ждать. Мы знали, что кипятить алюминиевую посуду надо не больше пяти минут, иначе она вся почернеет. А что, говорим мы между собой, как только вода закипит, мы засечем время по настенным часам пять минут, снимем бак с плиты, а затем вытащим посуду из воды, вот и всё, и посуда чистая и долго возиться с ней не надо. Но вода холодная и очень долго нагревалась, пока она нагревалась, мы втроём рядышком уселись на полу кухни, и стали ждать, когда закипит вода. Но вода почему-то долго не закипала и мы нечаянно дружно уснули. Время-то было три часа ночи, организм привык в это время отдыхать, вот он нас и свалил на пол.

Проснулся я от того что очень жарко и нечем дышать, открываю глаза и вижу что всё помещение кухни заволокло паром, лампочки на потолки видно как в тумане. У меня промелькнула мысль, откуда столько пара, и тут я вспомнил, где я нахожусь, и где моется наша посуда. Я растолкал своих горе коллег по ремеслу, а сам бросился открывать окна, а затем выключил печь. Но печь была так раскалена, что выключай, её не выключай, она все ровно пылает жаром. Тогда мы решили снять бак с печи, при помощи полотенец, чтобы не обжечься, сняли бак и начали посуду, которая в нём находилась, заливать холодной водой. Когда бак остыл, и мы с него слили воду, то увидели очень для нас неприятную картину. Вся посуда, которая находилась в баке, была чёрная, как будто её намазали сажей. Стоим над этой горой посуды и думаем, что же делать? А что делать? Посуду мыть надо, но как, и чем эту сажу можно оттереть? Притащили бак в посудомоечную комнату, сели на стулья вокруг него, берем каждый по миске и оттираем суконками, которые там же на кухне мы и нашли. Как мы не старались, а толку не было, тогда Володя предложил оттирать песком. «А что? — подумал я, — это идея». Мы с Володей пошли в спортивный городок из прыжковой ямы

набрали ведро песка и понесли его в столовую. С песком дело пошло лучше, но все равно, белой посуда не стала. Миску, которую я оттёр, стала не белого цвета, а какого-то пепельного. Комиссия в составе трёх человек, то есть, меня, Захарова и Зенцова, осмотрела очищенный предмет и признала годной к использованию по назначению. Мы с новой энергией принялись за чистку посуды, а то время уже полпятого утра, а у нас работы не початый край. Через несколько минут, открывается дверь в нашу моечную комнату и на пороге стоит наш старшина, он был дежурный по кухне. Мы как по команде подскочили, вытянулись в струнку, ему было достаточно одного взгляда, чтобы определить, что у нас произошло, он всё же спросил: «Чем заняты, товарищи курсанты?» — «Да вот, — отвечаю я, — отчищаем посуду». Затем он спросил: «Сколько кипела?» Я снова отвечаю: «Примерно час». Затем он нас внимательно осмотрел, а мы все в песке, неряшливо выглядим, он, почему-то крякнул, затем говорит: «Бросьте это бесполезное дело. Чухлебов и Захаров, приведите себя в надлежащий вид и пойдёмте со мной, а Вы, Зенцов, уберите эту, так называемую, посуду в кухонный склад, так сказать, для отчёта». Идём, старшина идёт впереди, мы с Захаровым за ним, я иду и думаю: «Интересное дело, мы натворили столько бед, а старшина нас не только не отругал, но даже и не пожурил». Я старшину знал, что он выдержанный человек, но за то, что мы натворили, я думал, что он не выдержит и сорвётся на нас.

Но все обошлось, как нельзя лучше, пока. Идём дальше. Прошли нашу казарму, затем магазин, где я часового спасал, вышли к офицерским домикам. Подошли к одному из них, старшина поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Через некоторое время дверь открылась, и кто-то пропустил нашего старшину внутрь домика. Буквально через две минуты старшина вышел, дал нам команду «За мной», и мы пошагали в обратном направлении. Подошли к складам, старшина открыл замок на одной двери, мы зашли в помещение, загорелся свет и я увидел горы алюминиевой посуды, разложенной на полках горками, да вся такая чистенькая, даже блестит. «Так, сказал старшина, сколько нам надо взять комплектов?» Я принялся вслух считать: «Так, в роте сто курсантов, три взвода, в каждом взводе». Старшина послушал мои подсчёты и говорит: «Подождите, Чухлебов, не мучайтесь, перебил он меня, берём сто пятьдесят комплектов, вот и весь подсчёт. Так берите мешки, и складывайте в них по сто пятьдесят мисок, тарелок и ложек. Видите, они стоят горками по тридцать штук, а ложки лежат в бумажных упаковках тоже по тридцать штук. Так что считать очень легко. Когда мы навьюченные с Захаровым прибыли в столовую, там уже полным

ходом работали повара, они готовили завтрак. Новую посуду мы слегка ополоснули, так сказать от заводской грязи, и расставили на столы, всё успели сделать вовремя и завтрак роты не сорвали, и всё это благодаря нашему толковому старшине. А после завтрака нас сменила другая рота. Позже я об этом случае долго думал, ведь мы тогда совершили преступление батальонного масштаба, не возьми ответственность старшина на себя, батальон был бы, по меньшей мере, без завтрака, но он взял ответственность на себя, а нам даже по выговору не объявил. Что это было, благородство или хладнокровный рассудок. Тогда я ответа не знал. Спустя много времени, когда я уже был младшим сержантом, я по надобности зашёл к нашему старшине. Он сидел в своей комнате в подвале и пил чай, я по уставу представился, а он как-то просто сказал: «Да ладно докладывать, можно подумать, что я вас не знаю?» И тут же предложил мне попить с ним чаю. Я не отказался, в компании с нашим старшиной мне всегда было приятно находиться, и когда приходил к нему отрабатывать наряды вне очереди и сейчас, когда стал командовать отделением курсантов. Так вот, сижу я у него, молча размешиваю сахар в стакане, и, глядя на ложку, я вдруг вспомнил тот случай почти годовой давности, и меня как будто кто в затылок толкал и настаивал, что бы я спросил его, почему он тогда так поступил. Я поднял глаза и посмотрел на старшину в упор, он на меня тоже смотрит и спрашивает: «Младший сержант, Чухлебов, Вы у меня, что-то хотите спросить?» Я ему ответил: «Да, товарищ старшина, хочу Вам задать, один вопрос, потому что я над этим вопросом уже год голову ломаю и не могу найти ответа, думаю, только Вы разрешите этот вопрос» — «Ну, так спрашивайте, если я смогу, то разрешу Ваш вопрос» — «Товарищ старшина, Вы помните тот случай, когда я со своими друзьями сварил алюминиевую посуду в столовой?» — «Да помню, и даже очень хорошо, а что собственно Вас это интересует? Кажется мы с того положения вышли хорошо» — «Да Вы правы, всё кончилось для нас, курсантов, хорошо, но ведь если на это дело смотреть серьёзно, то оно было батальонного масштаба, и не возьми Вы на себя ответственность всё могло бы кончится совсем по-другому» — «Да нет, Вы всё преувеличиваете, ничего там сложного не было, а что я на себя взял ответственность, так для того я и командир, чтобы в нужный момент брать на себя ответственность» — «И всё-таки мне не понятно, как Вы легко это сделали, без шума и гама», — сказал я. «А Вам пока и понимать не надо, вот будете старшиной роты, как я, тогда и поймёте, как всё это делается». В общем ушёл я от старшины в расстроенных чувствах, а затем подумал, а что расстраиваться, правильно старшина сказал, каждый должен быть

на своём месте, вот и всё. Ну вот, пока я Вам рассказывал о моём несении службы в карауле и дежурстве по кухне, за это время из нас, танкистов, сделали пехотинцев.

НОЧНАЯ ТАНКОВАЯ АТАКА

Уже к концу подходила наша учёба в танковом учебном батальоне, и тут нашему командованию вздумалось из нас танкистов сделать пехотинцев. Лично я от нашего командования ожидал всякого, но такого не ожидал. Но здесь армия, и нравится кому-то или не нравится, а выполнять надо. Замысел командования был таков, вся наша рота, должна выполнять, роль пехоты, сидеть в окопах, а на нас будут идти танки, но прежде мы должны подготовить себе окопы.

После ужина роту построили, выдали сапёрные лопаты, а как же, мы же теперь пехота, погрузились в машины и поехали. Когда приехали на место, то оказалось что там прокопана длинная траншея, но она уже старая и местами осыпалась, и глубина её оказалась не больше, чем по колено. Я подумал, чтобы укрыться в траншее от танков, такой глубины не достаточно, но нас командиры успокаивали, чтобы мы не боялись танков: «Хотя их видно не будет, потому что фары их погашены, но танки оборудованы приборами ночного видения, так что намеченные проходы они будут видеть хорошо и они по ним не проедут. Так что, танков не бойтесь, они пройдут мимо вас».

Как только нас распределили по траншее, я сразу принялся углублять свой участок траншеи, сам копаю и думаю, говорите танки пойдут по проходам? А если они в проход не попадут? Или у них прибор ночного видения сломается, тогда они попрут прямо по нам, нет, уж лучше я поработаю и этим смогу обезопасить свою жизнь. Хотя лопатка и маленькая, но благодаря тому, что грунт глинисто-песчаный, копалось довольно легко.

Вскоре я выкопал в траншее окоп, себе по плечи. Примерил, думаю, будет нормально, сяду на дно окопа, и меня никакой танк не достанет. Но ещё светло, а танковая атака, будет ночью, значит ждать, придётся долго. Поэтому я решил сделать типа сиденья и услать его мелкими хвойными ветками, благо пару молодых сосенок росли рядом. Пошёл к сосенкам, лопаткой нарубил веток иду назад. В это время из своей траншеи высунулся Зенцов и спрашивает меня: «Сеня, а ты зачем наломал ветки, костер хочешь развести?» Я подошёл к нему, смотрю, а он вообще не вкапывался просто сидит в траншее и ждёт танки. Я ему говорю: «И ты думаешь, в этой канавке ты спасёшься от гусениц танка?» Зенцов выпучил на меня глаза и говорит: «А что, все так сидят, вот и я сижу, если их не раздавит, то и меня не раздавит. Вон, смотри, Захаров тоже сидит в траншее и нечего не делает. Да что ты, Сеня, пугаешь, никто не подкапывается, как была траншея так все

в ней и сидят». Я посмотрел на него, покачал головой и говорю ему: «Пойдём со мной, там и посмотришь, все подкапываются или не все». Подошли к моему окопу, я спрыгнул сначала в траншею затем в углубление, которое я выкопал, и получилось, что я по плечи оказался в земле. Затем свой «стульчик» я устлал хвоей мелких веток, и получилось шикарное сиденье. А Зенцову я сказал: «Вот так, Лёша, я буду ждать танковую атаку, а когда она начнётся, я присяду на дно своего окопа, и меня никакая гусеница танка не достанет. А ты, Леша, оставь мне адрес своих близких, чтобы я мог им написать, что ты погиб под гусеницами танка за своей глупости и лени. Ты что не слышал, что командир роты сказал, чтобы мы сами подготовили себе укрытие?» Зенцов мне ничего не сказал, повернулся и ушёл к себе, через минуту я увидел, как из его траншеи полетели комки грунта. «Испугался», — подумал я.

Я уселся на свой стульчик, опёрся спиной о стенку окопа и углубился в размышления. Думаю, как хорошо было дома, когда я с работы приезжаю на велосипеде, а мама уже варит мне вареники с вишнями, а сверху их посыпает сахаром, вкуснятина, я вам скажу. От удовольствия я даже причмокнул губами, так вкусно было. Под воспоминания я незаметно уснул. Проснулся от того, что кто-то толкает меня в плечо, открываю глаза, а это старший сержант Гусев, говорит мне: «Курсант Чухлебов, скоро танковая атака, а Вы спите, неужели не страшно Вам?» Я поднялся на ноги и отвечаю: «А чего бояться, товарищ старший сержант? Я подготовил окоп основательно, так что меня никакая танковая гусеница не достанет». Гусев осмотрел моё укрытие и говорит: «Да, действительно, окопались Вы основательно, и всё же, будьте бдительны, мало ли что».

Старший сержант ушёл, а я сел на ступеньку и думаю, уж что-что, а копать ямы я умею, меня научили ещё в школе механизации, когда мы для города копали ямы под телефонные столбы. Я там было, сначала помучился, пока не наловчился, а потом за рабочий день, по две ямы выкапывал. Парни удивлялись и спрашивали: «Как это у тебя получается, мы, мол, по одной не можем выкопать, а ты две ямы в смену выкапываешь». А я им ничего и не говорил, а что говорить, они ведь по сравнению со мной, дохляки. Если бы они, как я, потаскали почти два месяца раствор на второй этаж, то не были бы дохляками. Что это я разговорился, скоро танковая атака, а я ударился в воспоминания. Скажу я вам определённо, здесь над траншеей, наступила какая-то жуткая тишина. Да, думаю, наверное, сейчас начнётся. Поверьте мне, перед атакой танков, страха у меня никакого не было, волнение, было, не скрываю, а страха нет.

Думаю, ну что это они так долго не едут, решил выглянуть из своего укрытия, а что мне не выглянуть, никого рядом нет, все как суслики попрятались в норах. Только я выбрался на бруствер укрытия, как сразу услышал голос нашего командира взвода: «Чухлебов, Вы куда полезли? Немедленно назад!» Снова спускаюсь в своё укрытие и думаю, странно получилось, вроде никого не было и вдруг голос нашего командира, выходит, он тоже с нами сидит в траншее. Я снова уселся на свой «стульчик», и в этот момент услышал рев моторов, сначала он был слышан слабо, но затем он нарастал и нарастал. Меня очень интересовал этот грохот, интересно, думаю, посмотреть, как танки идут и сколько их. Я поднялся в окопе, посмотрел по сторонам, вроде никого нет, снова полез на земляной вал. Смотрю в ту сторону, откуда слышится грохот, а там самих танков не видно, а видно только вдалеке зарево, наверное, от прожекторов и клубы пыли, которая это зарево перекрывает наполовину. Ничего интересного я не увидел и снова спустился в своё укрытие. Я решил переждать танковую атаку на дне окопа, поэтому, хвойные ветки положил вниз и сам на них уселся.

«Всё, — подумал я, — я готов к танковой атаке, даже если танки пойдут через мой окоп, то самое большое, чем они мне навредят, то слегка присыплют грунтом, вот и всё». Сижу на дне окопа в ожидании, гул моторов слышен, но ещё где-то далеко, ладно, думаю, торопиться мне некуда, подожду. Только я так подумал, как на меня посыпались мелкие комочки земли. У меня промелькнуло в голове, надо же, как тихо ко мне подобрался танк, и тут же услышал голос Зенцова: «Сеня, можно я тобой пережду танковую атаку? А то мне одному страшно, да и окоп у меня неглубокий, а у тебя вон он какой большой на двоих хватит». Его просьба возмутила меня до глубины души. Как он мне надоел, всегда он у меня на прицепе, и в спортивном городке, и если кросс бежать, то у него нет сил, и поэтому мне приходится тащить его автомат и вещмешок, и здесь я ему должен уступить окоп, когда же этому будет конец? И я ему в сердцах сказал: «Окоп я копал на одного человека, то есть для себя, а причём ты здесь? Катись в свой окоп, там и жди танковую атаку. А мне здесь и без тебя хорошо». Зенцов нехотя поплёлся в свой окоп. Ну вот, пока я жду, когда подойдут танки, у меня есть время рассказать вам как мы бежали кросс на три километра.

Это было ещё в самом начале нашей службы в учебном батальоне. Кросс бежали всей ротой. Три километра для солдата, это не расстояние, на котором надо заострять внимание. Но если учесть, что эти три километра приходятся практически на начало службы, да ещё их надо бежать с полной выкладкой, то эти три

километра покажутся вам на все десять. Что такое полная выкладка, тому, кто не знает, я расскажу, а кто знает, то может это не читать. Так вот, полная выкладка — это, когда ты бежишь кросс в полном солдатском обмундировании, а ещё на тебе скатка шинели, вещмешок с поклажей, противогаз и карабин. Всё это весит порядка двадцати килограмм. Но лично я себя чувствовал с этим снаряжением комфортно, конечно тяжесть есть, но не такая, что нельзя пробежать три километра. Одним словом, бежим всей ротой, а это больше ста человек, так что компания приличная. Я бегу в первой группе, так сказать, в числе лидеров, Зенцов, рядом со мной, в трудные минуты он всегда рядом со мной. Наши ротные офицеры рассредоточились по всей растянувшейся колонне, чтобы помогать отстающим курсантам. Ещё не пробежали и пол-пути, а Зенцов уже просит меня: «Сеня, возьми мой карабин, а то он меня скоро задушит». Я беру его карабин, вешаю себе на шею, так как плечи у меня заняты, одно плечо занято скаткой шинели и ремнём противогаза, а другое своим карабином, так что свободная была только шея. Бежим дальше, через некоторое время Зенцов снова скулит: «Сеня, возьми у меня скатку, а то она меня скоро задушит». Ну что делать, друга надо выручать, беру у него скатку и так как у меня плечи и шея уже заняты, то вешаю её себе на локоть правой руки, так как левой рукой, я придерживаю приклад карабина и противогаз, так как при беге, они больно бьют по тазовой кости. Как только я взял у него скатку, то сразу почувствовал предельный вес для себя. Скорость моего бега сразу упала, и я откатился с первой группы, где-то за середину колонны. Представьте себе тащить на себе порядка двадцати пяти килограмм веса, да ещё и бегом, такой вес нести не просто, а бежать с ним, совсем трудно. Бежим дальше, чувствую, силы тают, думаю, хотя бы до финиша дотянуть, не важно, какое место займу. Пробежали ещё немного, а Зенцов снова просит меня помочь ему, а то говорит, еще немного и я умру. Я сам под такой тяжестью ели ноги передвигаю, а он ещё и скулит. И тут я не выдержал и уже со злостью, говорю ему: «Если ты ещё раз заскулишь, то я тебя сам задушу». Он на какое-то время замолчал, но затем опять заговорил: «Сеня, пожалей меня, ещё три шага и я упаду». Ну что с ним делать, конечно, лучше было бы его задушить, но он всё-таки хоть и никудышный, но друг, и предлагаю ему взяться за мою гимнастёрку, а я буду его тащить, как на прицепе. Как только он вцепился за мою гимнастёрку, то меня так потянуло назад, что я по этому поводу подумал, такое впечатление, что ко мне прицепился не худосочный Зенцов, а, по меньшей мере, ж/д вагон. Когда забежали в наш военный городок, то мы с Зенцовым бежали в

хвосте колонны, помню, я ещё подумал, ну ладно, хорошо, что ещё бежим, а то могло быть и хуже. Когда до финиша оставалось метров сто, я говорю Зенцову: «Лёша, бери свою скатку и карабин, а то тебе не будет зачёта». А он мне в ответ: «Сеня одень мне на плечо скатку, и дай руки карабин». Такую его просьбу я выполнил с охотой, и в тот момент, когда Зенцов от меня отцепился, я чуть вперёд не упал, представляете, как он меня тормозил. Освободившись от такого груза, я быстро наверстал упущенное время, и прибежал в первой десятке. А Зенцов на финиш прибыл последним, и только через пять минут, после того как финишировали все курсанты, да ещё и шагом. Лёша Зенцов привязался ко мне ещё тогда, когда мы проходили курс молодого бойца, я его тогда защитил от нападок питерского парня, который хотел у него отобрать пачку печенья. Ну, помните я писал, что дал питерскому салаге пинка под зад. Вот с тех пор Лёша рядом со мной. Сам он за себя постоять не может, мало того что он невысокий ростом, так он ещё худой и физически очень слабый. Видно до армии он физического труда и не видел, не то, что я.

Ну, вот пока я вам рассказывал, танки уже рядом, теперь слышно не только рёв моторов, но лязг гусениц. Но на это раз я выглядывать не стал, мало ли что, решил сидеть в своём окопе. Буквально через несколько минут мимо меня пронеслись танки, сколько их было я не знаю, но они уже далеко. Вскоре наступила тишина, и тогда последовала команда «ОТБОИ!», а потом команда «Рота, построиться!» Затем погрузка на машины и в казармы. Вот так, пока я вам обо всём рассказывал, пришёл конец учёбы в батальоне, нам всем присвоили звание младших сержантов и воинскую профессию командир танка.

Я КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ

После присвоения звания младшего сержанта и профессии командир танка, началось распределение по частям. Мои товарищи, Лёша Зенцов и Володя Захаров, отправлялись в танковый полк, командирами танков, а мне предложили остаться в полку и обучать курсантов нового призыва. Если честно, то я был на распутье. С одной стороны хотелось уехать в полк и служить там командиром танка, иначе, зачем я год учился этой военной профессии. С другой стороны, здесь в батальоне оставляли лучших из лучших выпускников, и хотелось остаться в этой когорте. Одним словом, я долго мучился в своих сомнениях и, всё-таки, выбрал второй вариант. Остался я служить командиром третьего отделения, в третьем взводе учебной роты. Кстати эта цифра три меня преследовала всю службу за исключением небольшого периода времени. Хотя позже, эта не очень-то приятная цифра не помешала быть лучшим командиром танка в нашем танковом полку.

Описывать о том, как мне служилось в звании младшего сержанта и в должности командира отделения долго не буду, все было примерно то же, что и в первый год службы, только на ступеньку выше. Да и весь учебный год я там не дослужил по одной очень неприятной для меня причине, подвёл меня мой вспыльчивый характер. Но об этом потом, а пока я вам расскажу, как складывалась моя служба в новой должности. Опишу только несколько более ярких, на мой взгляд, эпизодов из моей службы в должности командира отделения.

В нашей армии была такая «фишка», чтобы курсантов или молодых солдат подтянуть в физической готовности, перед входом в столовую ставили гимнастические снаряды, сначала «Козла» а позже, когда физика подтянется, ставили «Коня». Что это такое я надеюсь, вы знаете, а кто не знает, объясню. Так называются гимнастические снаряды они с ногами, один длиннее, а другой короче. На обед пришла наша рота, сначала прыгали первый и второй взводы, потом дошла очередь до нашего взвода. Начали прыгать, кто перепрыгнул, шёл обедать, а кто нет, становился в очередь на второй заход, а может и на третий. Всё курсанты моего отделения прыгнули хорошо, один Сизяков никак не мог перепрыгнуть козла. По всему видно было, что он дурачится, зная, что все равно его накормят. Естественно отстающих курсантов тоже кормили, но позже всех, и времени на еду у них оставалось меньше, так что приходилось спешить. А Сизяков как не прыгал, так и не прыгает. На меня с укором

смотрит помощник командира взвода, старший сержант Гусев, он остался служить сверхсрочно. Разумеется, если курсант твоего отделения не выполняет команду, то в первую очередь виноват командир отделения, а затем все остальные командиры. И вот, в этот же день у нашего взвода, оказалось свободное время, и чтобы его достойно провести я своё отделение повёл в спортивный городок подтягивать физическую подготовку. Все курсанты отделения выполняют физические упражнения, а Сизяков отказывается, мотивируя тем, что он сегодня и так устал, у столовой через козла так напрыгался, что сил больше нет. Для ясности картины надо сказать, что собой представлял сам Сизяков. Парень выше среднего роста, худощавый, подтянутый, лицо симпатичное, но уж очень не дисциплинированный, он действует по принципу, хочу или не хочу, а не как все, надо или не надо. И у него во всей его манере поведения и походке присутствовал этакий «блатняк», и поэтому он действовал по-своему принципу, «хочу — не хочу». А в армии такого не может быть, здесь действует принцип: «Не умеешь — научим, ни хочешь — заставим». Вот и всё, этот девиз непоколебим, и он должен исполняться. Вот я и подумал, если мои приказы на него не действуют, наряды у него уже есть, значит надо действовать на него коллективом, может курсанты своими методами ему объяснят, что такое военная дисциплина. Конечно, я мог о его поведении доложить командиру взвода, но я хотел сам заставить его уважать армейскую дисциплину. Уж если результата не будет, тогда конечно.

Построил отделение курсантов в две шеренги, а это двенадцать человек, и объяснил им цель построения, говорю: «Раз для курсанта Сизякова моего авторитета не хватает, и он мои указания не выполняет, а в армии такого быть не должно, значить, будем его воспитывать коллективом через физический труд, то есть побежим кросс, и вы все должны знать, что виноват в этом Сизяков. А после занятий вы с ним поговорите, может он вас поймёт. А для того чтобы бег был не бессмысленным, ставлю задачу. Противник занял высотку и начал там окапываться, наша задача выбить его оттуда и не дать противнику на ней закрепиться». Скомандовал отделению: «Шагом марш», и мы пошли. По городку шли шагом, а как только вышли на его окраину, дал команду: «Бегом марш!»

Я бежал вместе с ними, для меня это было лёгкой прогулкой, да и погода была прекрасная, солнце клонилось к закату, и было прохладно. До высотки добежали быстро, а это три километра, я разрешил курсантам расстегнуть воротнички, и приготовиться брать высотку. Я эту высотку курсантом брал и не один раз, так

что я знаю, что к чему. Если смотреть на эту высотку, то она вроде не высокая, метров шестьдесят, но у неё скаты крутые и поэтому так просто на неё взбежать не получится, придётся ногам помогать руками. Приказал курсантам лицом стать к высотке, и широким фронтом с криками: «Ура!», мы бросились на «неприятеля». Сначала, какое-то время бежали, потом стали карабкаться вверх, цепляясь руками за траву или кустарники, которые в большом количестве росли на склонах горки. Я бежал вместе со всеми, держась как бы посредине атакующих курсантов, а отстающим подбадривающе кричал: «Курсанты, не отставайте, ведь мы без вас противника не одолеем». Это им придавало сил, и они с тройной энергией карабкались к вершине высотки. Сизяков карабкается в первых рядах атакующих, видать, физических данных ему не занимать. Наконец, мы все наверху, я дал команду «Привал», курсанты расположились кто где: курят, шутят, балагурят, на лицах веселье и улыбки. Да, думаю, не добился я того чего хотел, я думал курсанты обозлятся на Сизякова и будут его укорять, а они наоборот, балагурят с ним, хлопают его товарищески по плечу, одним словом получили удовольствие. И я понимал их настроение, в коем-то случае выбрались на природу, так надоели им стены казармы и учебных классов, что тоска брала ребят, даже штурм высотки их радость не погасил. Кубарем скатились вниз, построились и, с чувством выполненного долга, весело пошли в расположение казармы. А в это время, нашему командиру роты вздумалось построить роту, раньше такого не было, после занятий офицеры уходили и приходили в казарму только на другой день. А тут на тебе, ни раньше, ни позже, а именно в то время когда я со своим отделением отсутствовал в расположении части, командир роты, решил её построить для проверки и наверное что-то хотел сказать, но как увидел, что почти половины третьего взвода нет, решил ничего не говорить, а выяснить, куда подевалось третье отделение третьего взвода. Но ни старший сержант Гусев, ни другие командиры отделений не знали, куда исчезло целое отделение с его командиром. Командир роты сначала вёл себя спокойно, мол, сейчас разберёмся, а когда разборка не получилась, он приказал вызвать из дома командира взвода, старшего лейтенанта Брусникина. Тот прибежал и, естественно, тоже ничего не знает, так как его в то время, в расположении части не было. Что делать? По расчётному времени, отделения курсантов нет уже больше часа, по хорошему надо доложить дежурному по батальону. Но это же скандал, и за такое командир батальона по головке ротного не погладит, а как минимум выговор с занесением в учётную карточку. А это пятно и возможно надолго. Командир роты знает всё это и решает

подождать до ужина. До ужина осталось сорок минут, а к тому времени может, что-нибудь да проясниться. Командир роты отпустил курсантов, а сам стоит на площадке у казармы, нервно ходит туда-сюда, а возле него все командиры третьего взвода и старшина роты. Напряжение нарастает, до ужина осталось десять минут, а отделения Чухлебова нет. И в это время издали послышалась строевая песня: «Студенточка, заря восточная. Под липою сидели мы вдвоём. Счастливы были мы, наслаждаясь голубым Днепром. И вдыхая аромат ночной под серебристую луной…» Ну и так далее. Идём весело задорно, у меня даже в мыслях не было что в роте ажиотаж по причине нашего отсутствия. Подходим к зданию казармы, смотрю, стоит командир роты и всё наше ротное начальство. Я, без тени робости, подвожу отделение к командиру роты и командую: «Смирно! Равнение на середину», где стоял командир роты и доложил ему о прибытии отделения. Ротный сказал мне, чтобы я дал команду курсантам разойтись, а сам начал задавать мне вопросы.

Вот как это было. Ротный: «Младший сержант Чухлебов, по какой причине третье отделение третьего взвода отсутствовало в распоряжении роты?» Я: «По причине тактических учений». Ротный: «Доложите конкретно». Я: «Взятие штурмом высотки, накануне занятой противником». Ротный: «И какой результат?» Я: «Высота взята, теперь она наша». Всё это я говорю на полном серьёзе без тени улыбки. Рядом с командиром роты стояли, мой командир взвода Брусникин, старшина и командиры других отделений. На мои ответы каждый из них реагировал по-разному, кто слушал серьёзно, например как наш старшина, а некоторые с нескрываемой улыбкой. Ротный, язвительно: «Ну вот и хорошо, а то мы без этой высоты совсем пропали бы». Сказал и посмотрел на окружающих, как они восприняли его шутку. Ротный: «А если серьёзно, то какая причина штурма высотки?». Я: «В целях воспитания, товарищ капитан».

И я вкратце рассказал командиру роты о художествах курсанта Сизякова.

Ротный: Ну что, такая форма воспитания в уставе указана, только когда Вы в следующий раз пойдёте брать высотку, то обязательно предупредите дежурного по роте.

Я: Слушаюсь, товарищ капитан.

Ротный: Идите, отдохните, а то скоро на ужин.

И вот, снова рота идёт в столовую на ужин, и, как всегда, перед дверью стоит «козёл». Курсанты прыгают, опираясь руками о спину «козла» и идут в столовую, а кто не перепрыгнул, становится в хвост очереди. Доходит очередь до моего отделения,

один из первых прыгает Сизяков, он разбегается и перемахнул «козла» не касаясь его руками. Старший сержант Гусев посмотрел на меня и спрашивает: «Что, высотка помогла?» Я спокойно ответил: «Пока помогла, а дальше посмотрим». Дальше должен сказать, что с тех пор Сизякова как будто подменили, конечно, у него были мелкие нарушения дисциплины, но чтобы «хочу — не хочу», такого больше не было.

«ОХОТА» НА ДИКОГО КАБАНА

У нас в батальоне был так называемый «Егерьевский пост», он находился километрах в четырёх от нашего городка. Там же находилось и подсобное хозяйство батальона, всякая живность: куры, свинки, бычки, лошадь для хозяйственных работ, ну и прочее. Всё это, я как-то охранял со своим отделением. Заступили в караул ещё по светлому времени и начали охранять объект. Смену караульных я делал сам, так как других разводящих у меня не было. До полночи никаких эксцессов не было, всё шло своим чередом. Время было за полночь, хотелось уже спать, я облокотился на диван, думаю, подремлю немного, до смены караула.

Только задремал, вдруг как грянет выстрел, в ночной тишине его было слышно сильно, да и пост метрах в пятидесяти. «Странное дело, — промелькнуло у меня в голове, — пост очень спокойный, тут никогда никто не стрелял, в моё дежурство такое произошло». Размышлять нет времени, я дал команду «Караул в ружьё» и первый побежал на тот пост, где прогремел выстрел, бегу, на ходу достаю пистолет из кобуры, за мной последовали караульные, поднятые по тревоге.

Как только я выскочил из помещения, последовал второй выстрел, раскат выстрела с силой прокатился по звёздному чистому небу. От неожиданности я даже присел, присели и караульные. Затем наступила тишина, и я по тропинке побежал дальше к посту. Меня встретил часовой окриком: «Стой, кто идёт?»

Я ответил по уставу, подошёл к нему и спрашиваю: «Что случилось, почему Вы стреляли?» Часовой: «Товарищ младший сержант, нарушитель окопался в куче пищевых отходов и оттуда не выходит, и ни отзывается на мои крики, только хрюкает. Ну, думаю, всё, это диверсант притворился свиньёй. Я сначала дал предупредительный выстрел, а потом в него и, кажется, убил его» — «Ладно, — говорю, — сейчас посмотрим, что там за диверсант».

До того места где предположительно должен быть диверсант, свет фонарей не доставал, но светила луна и было достаточно видно. Диверсантом оказался большой дикий кабан, весом этак килограмм шестьдесят-семьдесят. Я дал команду караульным бойцам, чтобы они вместе с работниками подсобного хозяйства, их было два человека, подтащили трофей к сосне, где было ярко освещено, и приступили к разделке туши. У работников хозяйства нашлись ножи и топоры, и они быстро принялись за дело, им

помогали и курсанты моего отделения, кто в этом разбирался.

Ну, думаю, всё хорошо то, что хорошо кончается, сегодня у нас будет прекрасный, то ли завтрак, то ли ужин, да это и не важно, все равно мы не спим, осталось только доложить дежурному по батальону о происшествии. Но, сначала надо записать в караульный журнал о нарушителе и выстрелах, которых было два. Затем звоню дежурному по батальону, в трубке телефона слышу: «Дежурный по батальону, старший лейтенант Васин, Вас слушает».

Я: Товарищ старший лейтенант, докладывает начальник Егерьевского караула, младший сержант Чухлебов. Постовым курсантом Костиным убит нарушитель, он укрылся в пищевых отходах и был застрелен. Сейчас его обдирают, затем я жду вашего распоряжения, куда девать мясо нарушителя.

Дежурный, какое-то время молчал, я подумал, что он молчит потому что, соображал, куда девать мясо кабана. В крайнем случае, я так понял его заминку, оказалось, нет, причина его заминки была другая. Наконец, я слышу в трубке его голос: «Простите, я не понял, кто нарушитель и кого вы обдираете?»

Я: А разве я вам не сказал?

Дежурный: Нет, кто нарушитель Вы мне не сказали. И ещё. Почему Вы его решили ободрать?

Я: Так мы убили дикого кабана.

Дежурный: Хорошо, что вы снимаете шкуру с кабана, а то я, грешным делом, подумал, что вы обдираете человека.

Я: Да нет, товарищ старший лейтенант, кабана убили, и мои орлы сейчас его обдерут, так вот надо куда-то мясо сдать, может, Вы машину пришлёте, и его отправим на кухню, а то склады все рано ночью не работают, а столовая работает круглосуточно.

Дежурный: Давайте я к вам приеду и на месте разберёмся.

Пока дежурный собирался к нам, да пока ехал, времени прошло больше часа, за это время мои орлы успели нажарить две сковородки свеженины, и курсанты, свободные от постов, успели уже поесть, и я с ними тоже. Наконец приехал дежурный, молодой старший лейтенант, поздоровался со мной за руку и говорит: «Ну, рассказывайте, что тут у вас случилось?»

Я ему вкратце рассказал о происшествии, он выслушал меня, а затем спросил, отметил ли я всё это в журнале. Услышав утвердительный ответ, сказал: «Сейчас я заберу оставшееся мясо и сдам в столовую, а то если сдадим на склад, то солдатам ничего не достанется, а так хоть кашу с мясом поедят». С его утверждением я был полностью согласен, и мы с ним расстались, а на прощанье он мне снова пожал руку. Кажется мелочь, а приятно, когда к тебе по-товарищески относится старший по

званию. Вот так закончилась моё последнее дежурство в карауле, когда я служил в учебном батальоне.

КРУТОЙ ВИРАЖ В МОЕЙ СЛУЖБЕ

Вираж в моей службе в учебном батальоне настолько был крутой, что меня вынесло на обочину служебной лестницы в учебном батальоне. Об этом, неприятном эпизоде в моей жизни, мне не хочется вспоминать, но раз я пообещал писать правду, то опишу и эту неприятную для меня историю. Но всё-таки, я постараюсь избежать подробностей, да по сути дела они и ни к чему.

К этому времени я уже был помощником командира взвода. Старшего сержанта Гусева перевели старшиной к артиллеристам. Командир взвода старший лейтенант Брусникин был в отпуске, и я исполнял обязанности командира взвода. После стрельб я со своим взводом отправился на полигон, восстанавливать макеты танков, сюда же прибыл и второй взвод нашей роты под командованием старшего лейтенанта Гречишникова. Я со своим взводом ушёл к дальним макетам, а Гречишников к ближним, он так решил. На эту тему я спорить не стал, хотя это было на километр дальше. Ну, раз он офицер так решил, пусть так и будет. День стоял солнечный и жаркий, но работа у нас спорилась, я тоже не отставал от курсантов, работал и ножовкой и пилой. Время подходило к обеду, я курсантам не приказывал, а попросил их задержаться и закончить восстановление макетов, а пообедаем позже, а то после обеда придётся снова по жаре по песку четыре километра сюда шагать. Никто спорить не стал, курсанты согласились, как мне показалось, с охотой. Когда мы работали, я видел, что второй взвод, по одному-по двое пошли к наблюдательной вышке, а сзади всех шёл Гречишников, как бы работу они уже закончили и пошли на обед. Увидев их, как они не организованно идут, я ещё подумал, не войсковое подразделение, а какая-то шарашкина контора.

Через некоторое время, мой взвод закончил ремонт макетов, я дал команду собрать инструмент, затем все построились и пошли к наблюдательной вышке. Когда мы туда пришли, то к моему удивлению я увидел там второй взвод и их командира. Я дал взводу пять минут отдохнуть, а потом говорю им пойдём на обед. Тут вмешался в мои команды Гречишников и говорит: «Нет, младший сержант Чухлебов, на обед вы не пойдёте пока не закончите ремонт вот этих макетов, и показал рукой на макеты, которые ремонтировал его взвод». Мне это ужасно не понравилось, да и что за постановка вопроса, я не доделал, иди ты со своим взводом и доделывай его недоделки. Да и курсантам я обещал, что задержимся на полигоне, доделаем дела и тогда на

обед. И как я теперь буду выглядеть в глазах своих же курсантов. Я ему в мягкой форме сказал, что нехорошо свои недоделки переваливать на других. Наш разговор происходит в присутствии двух взводов. Они слушают и думают, чем же всё это закончится? После моих слов, Гречишников на какое-то время задумался. Но, потом, наверное, вспомнил, что он офицер, а я нет, и буквально заорал: «Я Вам приказываю идти и ремонтировать макеты танков». Меня такой подход к решению вопроса взбесил, и я его послал туда, где Макар телят не пас. Построил взвод и повёл на обед.

На другой день всё закрутилось, меня вызвал к себе следователь и говорит: «Старший лейтенант Гречишников написал заявление о том, что Вы не выполнили приказание старшего по званию и ещё оскорбили его. А ещё он сказал, что если Вы извинитесь перед ним, то он заберёт заявление и всё останется как есть, а если нет, то Вас разжалуют в рядовые и отправят в полк заряжающим». Я ему ответил: «Нет, извиняться я перед ним не буду, потому что я не виноват, по форме отказа может быть, а в принципе я прав. А то, что меня в полк отправят рядовым, меня это не пугает, я службу знаю отлично, ведь не зря же меня оставили в учебном батальоне командиром отделения, а не так давно поставили помощником командира взвода, так что в полку я не пропаду. Конечно, не буду скрывать, от случившегося неприятный осадок есть, но не более того».

Разумеется, я у следователя немного бравировал, а на самом деле переживал, и не потому что меня отправляют в полк рядовым, а за несправедливости в армии. Никто даже разбираться не стал, что произошло, почему произошло, а только и спрашивали меня, послал я его или нет. Как будто это главное, а может для них и главное. Прощаться я ни с кем, не стал, только утром, когда я шёл к машине, на площадке лестницы стоял наш старшина, у которого год назад я отрабатывал наряды, так вот он мне пожал руку, пожелал успехов и сказал: «Не волнуйтесь, Чухлебов, полк это не тюрьма, а служить в нём даже легче чем в нашем батальоне». С тем я и уехал.

На легковой машине офицер штаба повёз меня в другой город, а это в семидесяти километрах от городка Свитошова, в котором расположен учебный батальон. Пока ехали, а это было по времени больше часа, я в уме прокручивал свою недолгую жизнь и пришёл к невесёлому выводу, что за свои двадцать прожитых лет, я уже который раз начинаю всё с нуля. И всё это, из-за моего упрямого характера, а ещё вспыльчивости, не сдержанности, нет так дальше нельзя, надо над собой работать и как-то мягче воспринимать окружающих и своё окружение. Вот с такими

мыслями мы прибыли в расположение танкового полка.

Машину остановили на улице, а мы вдвоём с офицером пошли во двор, который состоял из ряда трёхэтажных зданий, образующих квадрат. Идя по тротуару к зданию штаба, я увидел солдат, которые сидели на скамейках за невысоким штакетником, который огораживал спортивный городок. Когда мы проходили мимо них, я услышал что кто-то назвал моё имя, я повернул туда голову и увидел моих друзей по учебному батальону, Захарова и Зенцова. Зенцов спрашивает меня: «Сеня, что случилось?» — «Потом расскажу», — ответил я им. А ещё я увидел, что за нами шёл какой-то высокий офицер в звании подполковника. Вдруг слышу голос моих друзей, они просили подполковника, чтобы он взял меня в их батальон и при этом хвалили меня, как отличного солдата. Я подумал, хорошо, что здесь у меня есть поддержка. Зашли в штаб полка, сопровождавший меня офицер, передал какие-то бумаги офицеру штаба полка, откозырял и ушёл, а штабной офицер открыл какой-то журнал и начал в нём, что-то искать, приговаривая: «Куда бы тебя определить». В это время в кабинет зашёл высокий офицер в звании подполковника, посмотрел сначала на меня, а затем говорит дежурному по полку: «Отдайте его в мой батальон, у меня не хватает заряжающих солдат». Так я оказался в третьем батальоне танкового полка, а высокий подполковник был не кто иной, как командир третьего танкового батальона подполковник Лыхин, под началом которого я и прослужил до конца срока своей службы.

Наша третья рота располагалась на первом этаже трёхэтажного здания в правом крыле, а в левом крыле, располагалась вторая рота, а первая была на втором этаже. В казарме койки, как и везде, где я служил, стояли в два этажа, экипаж танка занимал четыре койки нижние и верхние. Я спал на верхнем этаже, внизу командир танка и механик водитель Никола Клопатюк, по национальности молдаванин. Он мне сказал, что в роте его зовут Николаем, так что можешь, и ты меня так звать. Но мне больше нравилось имя Никола, и поэтому я его спросил: «Послушай, а можно я тебя буду звать Никола, мне это имя очень нравится». Мне показалось, что он даже обрадовался моей просьбе и говорит: «Конечно, зови, мне, разумеется, больше нравится моё настоящее имя». Клопатюк в полку личность была видная, он один на весь полк был мастер танкового вождения, остальные механики имели второй класс, редко кто первый класс вождения танков. Как-то так получилось, что я, сначала службы в полку, сначала познакомился с Клопатюком, я тогда не знал, что он такой знаменитый, а чуть позже я заметил, как к нему солдаты и офицеры роты относятся с уважением. Мы с ним

познакомились, поговорили, затем он меня спросил, какой я национальности, а то, говорит, ты больно на молдаванина смахиваешь. Я ему объяснил сложность моей национальности, на что он сказал: «Цыгане и молдаване это одна нация, так что мы с тобой братья». Затем к сказанному добавил: «Пока ты в полку не курсе всех дел, и не знаешь, что к чему, то держись меня, на первых порах я тебе буду помогать, а потом ты втянешься и сам разберёшься».

Мы с Николой сидели на его койке мирно говорили, вдруг последовала команда дневального строиться на обед. Никола нехотя поднялся и пошёл на выход, а я решил не идти в столовую, так как офицер штаба сказал, что на довольствие меня поставят только завтра. Думаю, пока рота будет обедать, я подошью воротничок к гимнастёрке. Сижу, орудую иголкой, вдруг в казарму заскакивает Клопатюк и спрашивает меня: «А ты почему на обед не идёшь?» Я ему начал объяснять, что в штабе офицер сказал. Он, не дослушал меня и говорит: «Много твой офицер понимает, пойдём, воротничок потом подошьёшь». Схватил меня за локоть и потащил на выход. Я кое-как заправил не пришитый подворотничок под воротник гимнастёрки, а затем, шагая рядом с Николой, попросил его: «Никола, посмотри подворотничок нормально сидит?» Он остановился, посмотрел и говорит: «Для обеда сойдёт, а потом пришьёшь».

Наша рота была уже в столовой, мы с Николой идём вдвоём, мимо нас проходят офицеры и нам ничего не говорят, меня это очень удивляло, в учебном батальоне мы уже давно по наряду вне очереди схлопотали, за нарушение движения по территории подразделения. Позже меня в полку будет многое удивлять, ведь, по сравнению с учебным батальоном, тут полная вольница. В столовой Клопатюк посадил меня за стол, а сам на время исчез, вскоре он появился с миской борща и горкой хлеба на подносе, затем снова исчез и появился с котлетами и компотом. Благодаря своему новому «Ангелу-хранителю» я вкусно пообедал. После обеда положен «мёртвый» час, то есть сон. Меня удивило то, что команда отбой была дана, но её не торопились выполнять, а некоторые солдаты вообще спать не ложились. Я за день, намотался, и от переживаний устал, забрался на свой второй этаж и быстро уснул. Проснулся я от звука команды «Подъём!». Я мигом спрыгнул с верхнего этажа и быстро стал одеваться. Никола, не вставая с постели, открыл глаза и спрашивает меня: «А ты куда?» Я удивлённо посмотрел на него и говорю: «Так команда подъём была». «А, махнул рукой Клопатюк, ему положено вот он и кричит, ложись у нас ещё есть полчаса до похода на полигон». Я снова залез в свою койку, но уснуть больше

не мог, в танковом полку всё меня удивляло, и если честно расстраивало, особенно отсутствие элементарной дисциплины.

Вскоре последовала команда строиться, и мы пошли на полигон. Там стояло несколько учебных танков Т-54, со стабилизирующей пушкой. В то время новая модель, и мне она очень нравилась. В учебном батальоне стреляя из танка, ещё по старинке делали короткую остановку, а затем стреляли, хотя на новых машинах, можно было стрелять с хода, стабилизирующая пушка этому способствовала. И я этим пользовался, на стрельбах мой экипаж стрелял только с хода. А сегодня на полигоне мы отрабатывали всякие тактические действия, которые я знал наизусть, пробыв более полутора лет в учебном батальоне, всему научился. Мало-помалу я втянулся в полковую жизнь, обязанности заряжающего меня нисколько не тяготили, я чётко исполнял всё, что положено заряжающему танка. Ко мне члены экипажа, да и всего взвода относились с этаким уважением, они знали кто я такой, а с командиром нашего танка мы вместе учились, только он был в первом взводе, а я как вы знаете, в третьем. Командир-командиром, а лидером в нашем экипаже, всё-таки был механик Клопатюк. Он и старше нас был на год, да и авторитет в полку у него был непоколебим, так что последнее слово оставалось за ним.

Примерно через месяц после моего прибытия в полк, у нас были ротные стрельбы. Когда наш экипаж готовил машину к стрельбам, Клопатюк у меня спросил: «Семён, а как у тебя со стрельбой? А то наш наводчик не очень с ней справляется». Я ему ответил, что я отличный стрелок и в этом ничуть, ни хвастаюсь. «Ну, раз так, то поменяйтесь местами с наводчиком». Я посмотрел на командира танка и говорю: «Ну, если будет команда, то я готов». Никола как-то раздражённо сказал: «Она уже поступила, ты что, не слышал?» Командир согласно кивнул головой. «Ну, раз такое дело, тогда, Никола, слушай мою команду, — Клопатюк удивлённо посмотрел на меня, а я продолжаю: «Стрелять я буду с хода, только ты, перед выстрелом, не дёргай машину, а после выстрела у тебя будет секунд пять, чтобы выровнять танк, конечно, если в этом будет необходимость, и тогда результат стрельбы будет отличным».

Отстрелялись мы отлично, командир роты перед строем нашему экипажу за отличную стрельбу объявил благодарность. Кстати сказать, вскоре такую тактическую дисциплину как стрельбы с остановки танка были отменены, стреляли только с хода. Не знаю, что там начальство думало, но после этих стрельб, меня приказом назначили наводчиком танка.

Время шло, и вот я дневальный по роте. Все как будто

вернулось на полтора года назад. Но что делать, раз так получилось, теперь надо снова доказывать, что я не верблюд. Стою на посту у тумбочки, у входа в казарму, на рукаве красная повязка, на которой написано: «дневальный», на поясе весит солдатский нож. Рота только что проснулась от обеденного сна, и многие солдаты ещё лежали на кроватях. Вдруг вижу, в казарму по ступенькам поднимается наш командир батальона, подполковник Лыхин. Я вытянулся в струнку, по стойке смирно, а выправка у меня была, дай Боже, ремень затягивал так, что палец под него не просунешь, и это офицерам очень нравилось, понравилось и нашему командиру батальона. Подполковник подошёл ко мне, внимательно меня осмотрел с ног до головы, видно я ему понравился своей выправкой, а я, в это время как крикну своим громким, зычным голосом: «Рота, смирно!!!» И начал докладывать о положении дел в роте.

Пока я докладывал, в казарме творилось, что-то невероятное, кто-то прыгал с коек с верхнего этажа, кто-то стучал своими сапогами, натягивая их плотнее на ногу, другие выходили из казармы, на ходу надевая поясные ремни, одним словом от моей команды, всё сонное солдатское царство пришло в невероятное движение. А дежурного по роте не надо было и вызывать, я ещё командиру батальона не закончил доклад, а дежурный по роте уже стоял возле нас.

По всему видно было, что командиру батальона такая суматоха нравилась, он выслушал мой доклад и говорит: «Молодец, вот это дневальный, вот это команда, сразу все как муравьи зашевелились, молодец благодарю за службу». Я чётко ответил: «Служу Советскому Союзу». После этого стало видно, что я командиру батальона, как солдат, приглянулся, и вскоре мне было присвоено звание младшего сержанта, а затем и назначение сразу, на должность старшины. Старослужащие были очень удивлены, чтобы на втором году службы, да ещё в звании младшего сержанта и старшина. Нет, говорят, такого ещё не бывало, в военное время могло быть, но что бы в мирное, нет, не бывало.

СЛУЖБА В ДОЛЖНОСТИ СТАРШИНЫ

Что касается, бывало или не бывало, чтобы младший сержант был в должности старшины, то меня, это как-то не трогало, и я в новой должности активно взялся за наведение порядка в роте.

Прежде всего, надо было заставить солдат выполнять подаваемые команды и распорядок дня в роте. А то после дневного отбоя, некоторые ложатся в постель отдыхать, другие не ложатся и болтаются по роте, а остальные разбредаются по городку кто куда: кто к землякам, кто в другие подразделения, кто за яблоками или ягодами за офицерские домики, а некоторые, особо ушлые, идут в санбат к медсёстрам. А в результате получается, когда после сиесты строишь роту, то половины солдат нет. Да и утром при построении на зарядку дела не лучше, строятся меньше половины солдат, остальные или досыпают или сидят у казармы, курят. С этим безобразием надо кончать, а то получается не боевая единица батальона, а чёрте что.

Но с чего начать, я старшина не опытный, хотя опыт командования у меня уже есть, плюс ко всему я человек такой, что люблю порядок во всём. Я мог к наведению порядка подключить командира роты, но я не хотел этого делать, так как знал, что из этой затеи шуму будет много, а толку мало. Надо это делать самому, ну а если не получится, то подключить и высший офицерский состав.

Надо то надо, но как это сделать, в основном расхолаживают ротный состав старички, такие как Клопатюк Никола и его коллеги, которые уже отслужили почти три года, и им осталось служить месяца три, максимум четыре. А их в роте насчитывается восемь человек, и для танковой роты это не мало. Танковая рота по численному составу небольшая, 36 человек, не считая старшину и офицеров. Я решил сначала переговорить с Клопатюком, всё-таки у меня с ним сложились приятельские отношения, и мне не хотелось их в одночасье портить.

Разговор получился непростой, надо учесть нашу разницу в возрасте, а год в армии имеет большое значение. Но мне, всё же, удалось склонить его в какой-то мере на мою сторону. Но он сказал за себя, а за остальных старичков не ручается. Тогда я решил после отбоя в своей каптерке за чаем собрать всех старичков, и поговорить с ними о состоянии дел в нашей роте.

Конечно, я бы мог всё это сделать в приказном порядке, но мне хотелось, что бы те, кому осталось служить совсем ничего, меня поняли и поддержали. Старички были разные, по званию: от

старшего сержанта до рядового, и по должностям: от командира танка, до заряжающего. Поэтому разговор получился очень сложный, а результат ничего не значащий.

Тогда я в конце нашего чаепития сказал им такую речь: «Уважаемые мои старички, я отношусь к вам с большим уважением, всё-таки отслужить почти три года а это не просто, но я всё-таки прошу вас, чтобы вы помогли мне навести порядок в роте, прежде всего своим поведением, четким выполнением распорядка дня и приказов командиров, — и дальше, — всё-таки вы находитесь в действующей армии, а в ней приказов никто не отменял, и хотите вы или не хотите, а выполнять вы их обязаны, до тех пор, пока находитесь в армии. Меня назначили старшиной для того, чтобы я навёл порядок в роте, и хотите вы этого или нет, я это сделаю, но мне хотелось бы навести порядок с вашей помощью. И последнее, я думаю, вам будет не все равно, какую вы роту оставите после себя, боевую единицу батальона и полка или раздолбанную братию, которая у нас существует в настоящее время».

Я закончил свою речь, и в каптёрке наступила тишина, я подумал, что первый её должен нарушить Клопатюк, так и случилось. Он, не поднимаясь со скамейки, сказал: «Ну, а чё, хлопцы, давайте послужим, как положено, и поможем старшине подтянуть дисциплину в роте, а то действительно не рота, а какой-то раздолбай. А эти салажата так обнаглели, что мы, старички, находимся в роте, а они в бегах, пора кончать с этим. Лично я старшину поддерживаю полностью, и буду ему во всём помогать, так что подключайтесь и вы. Все сидели, опустив головы, и молчали, а Клопатюк затем и добавил: «Ну, вот видишь, старшина, все согласны, так что не зря сегодня собрались».

На следующий день, утром на зарядку вышли все старички, только не было некоторых солдат, которые регулярно нарушали воинский устав. Рота построилась, стоит, а они не идут в строй. Тогда я сказал перед строем: «Будем стоять до тех пор, пока все не соберутся, и так будет всегда, рота должна быть единой». Постояли ещё немного, а их как не было, так и нет. Тогда Клопатюк и ещё два старичка, попросились выйти из строя и пойти поторопить солдат, которые не пришли в строй. Не знаю, как они их торопили, но солдаты пришли в строй, как мне показалось, с красными носами, и морщились, как будто от боли.

Когда все были в строю, я ещё раз напомнил о распорядке дня, и добавил, что этот распорядок дня придумал не я, а штабные работники полка, и этот распорядок утвердил командир полка, так что, если солдаты не выполняют распорядок дня, то значит, они игнорируют приказ самого командира полка, а за это

последует наказание и очень суровое. Затем я немного помолчал и добавил: «Кто забыл распорядок дня, то может прочитать его у дневального, над тумбочкой. Он там висит в рамке. Надеюсь всем ясно?!!» — «Так точно!!!» — дружно ответил строй солдат.

С этого построения дисциплина роты понемногу начала входить в норму, старички хоть и не охотно, но выполняли распорядок дня. Для того, чтобы ещё чётче заострить вопрос о дисциплине танкистов, я собирал командиров танков и напомнил им, что внешний вид солдата это их обязанность, а дальше подметил, что неряшливый солдат портит строй, а ответственность за это, несёт его командир. Разумеется, моя требовательность не всем была по нутру, некоторые командиры танков жаловались своим командирам взводов, что старшина слишком требователен, мы же, мол, не в учебке, а в танковом полку, и здесь такие строгости не нужны. Один из командиров взводов решил со мной поговорить на эту тему, зашёл ко мне в каптёрку и говорит мне: «Младший сержант Чухлебов» (обратите внимание, не товарищ старшина, а младший сержант, этим самым он как бы хотел подчеркнуть разницу в ранге, между мной и им), танкисты жалуются на Вас, они устали от Вашей строгости, надо с ними как-то помягче, Вы же не в учебном батальоне». Я посмотрел на этого старшего лейтенанта внимательно и спрашиваю его: «А что Вы собственно имеете виду. Что я должен сделать, чтобы вашим подчинённым служилось легче? Вы конкретно мне скажите. Возможно, мне надо отменить утреннюю зарядку или вечернюю проверку, или ещё что-то не делать, что не делать скажите?» Старший лейтенант стоял, затем он сел на стул и уже как-то не по-военному говорит: «Да нет, старшина, что Вы, разумеется, всё это надо делать, это же воинская часть, а ни какой-то колхоз. Ну не знаю старшина, может я и не прав, что поднял этот вопрос, но меня попросили командиры танков с вами поговорить вот я и поговорил, а как дальше будет, дело Ваше». Командир взвода встал и собрался уходить, но я его попросил задержаться на минутку, и сказал ему: «Товарищ старший лейтенант, вот Вы всегда приходите в роту, очень аккуратно одеты, я бы даже сказал щеголевато, у вас прекрасная строевая выправка, сапоги начищены до блеска, подворотничок гимнастёрки всегда беленький, ну просто приятно посмотреть. А как Ваш командир танка, Виснухин, выглядит? Гимнастёрка на нём мешком, морщины гимнастёрки не сзади, как положено по уставу, а спереди, ремень на поясе не затянут, а висит там, где ему не положено висеть. Это что, солдат советской армии? Нет, так в вверенной мне роте не будет, а Виснухин если не изменит своего отношения к службе в лучшую сторону, то у него будут

большие неприятности». На этом мы с командиром взвода расстались.

Конечно, этот разговор на мое отношение к уставу и распорядку дня ни на йоту не изменился, я, как требовал выполнения устава и распорядка дня, так и продолжал требовать. Мало-помалу, всё начало приходить в норму: солдаты втянулись и стали служить, так как будто расхлябанности и не было. Не скажу, что нарушений солдатской дисциплины совсем не было, были, конечно, но это уже совсем не те нарушения, что были раньше.

Как-то после сиесты я построил состав роты на проверку, думаю, не улетели ли мои орлы в самоволку, как раньше, давно я их не строил после обеденного отдыха. Солдаты построились, я дал команду выровняться, затем проверил по списку, все солдаты были в строю, я подумал, значит постепенно всё входит в норму. Потом я решил проверить, как командиры танков выполняют моё указание насчёт опрятности их подчинённых, да и сами как они выглядят.

Посмотрел первый ряд солдат, затем зашёл сбоку тоже посмотрел, как солдаты одеты, чистые ли подворотнички, начищены ли сапоги, и обнаружил ряд недостатков. На что тут же указал и сделал замечание командирам танков, чьи солдаты были неряшливо одеты. Затем отпустил солдат и дал указание, чтобы к учебным занятиям все недостатки в одежде устранили. Мои команды хоть и с натугой но, постепенно стали выполняться бойцы стали относиться к своему внешнему виду более строго, и старались, что бы он соответствовал уставу. Через два-три месяца моей работы с ротой, мне уже не надо было напоминать танкистам об их внешнем виде. За этим они смотрели сами, да и командиры танков, стали строже нести службу.

В один из дней я строил роту на обед и вижу, в курилке сидит наш командир батальона подполковник Лыхин. Я подошёл строевым шагом и доложил ему, что рота строится для следования на обед. Он меня выслушал, затем сказал, чтобы я занимался ротой, а он посидит и покурит. Я стою на мостовой, в трех метрах от нашего командира, и жду, когда соберётся рота на построение. Вижу к нашему командиру подошёл командир учебного батальона, который меня разжаловал в рядовые и отправил в полк. Я его сразу узнал, а он меня пока нет. Сидят они с нашим командиром батальона и о чём-то разговаривают, я слышу их разговор, но о чём они говорят мне не понятно, да мне это и не надо. Думаю надо сделать так, чтобы он меня узнал. А как же, он, меня из младшего сержанта сделал рядовым, а прошло каких-то два-три месяца и я снова младший сержант, да ещё и

старшина роты. Пусть он меня узнает. Мне хочется похвастаться перед ним своими достижениями. Своим громким зычным голосом даю команду: «Рота, в колонну по четыре, становись!!!» Услышав мой голос, командир учебного батальона внимательно посмотрел на меня, и, как я заметил, он даже прищурил глаза. Затем повернулся к нашему командиру и спрашивает у него: «Это никак Чухлебов? Уже младший сержант?!» Я не слышал, что в ответ ему говорил наш командир батальона, он сидел дальше и говорил тише, а вот командира учебки я слышал отлично. Затем он продолжил: «Да, Чухлебов, хороший солдат, но с характером. Я это узнал когда познакомился с его личным делом, отличник по всем военным дисциплинам, но, ввиду своего вспыльчивого характера, сорвался. Он мог бы остаться в учебном батальоне, если бы извинился, перед старшим лейтенантом Гречишниковым, но он этого делать не стал, сказал что он Чухлебов прав, а старший лейтенант Гречишников нет. Как Чухлебов выразился, возможно, не по форме, но, по сути, он прав. Понимаешь, — говорит он нашему командиру батальона, — это редкий случай в моей практике, чтобы молодой человек в двадцать лет так верил в свои убеждения. Я думаю, этот парень по жизни пойдёт далеко, но как трудно ему будет постоянно защищать свои убеждения».

В это время наш командир батальона поднялся со скамейки, подошёл ближе к штакетнику и говорит: «Я не знаю, каким Чухлебов был у тебя, но для моего батальона это находка, он из третьей роты до него разболтанной в раздрай, сделал конфетку. Вот так». Не скрою, мне было лестно слышать такие слова в свой адрес. Я дал роте команду «Смирно», и стал докладывать командиру батальона: «Товарищ подполковник, третья рота построена для следования на обед, старшина роты, младший сержант Чухлебов!!!» Когда я докладывал, то внимательно смотрел на командира учебного батальона, он стоял на втяжку, рядом с нашим комбатом, и, как мне показалось, внимательно слушал мой доклад. «Вольно», — дал команду командир батальона и разрешил идти на обед. Я дал команду роте: «Рота, с песней, шагом марш!!!» И колонна двинулась, чётко чеканя шаг. Отойдя метров на двадцать от старших офицеров, я оглянулся и увидел, что они всё стояли и смотрели вслед нашей роте.

Только я успел посадить солдат в столовой за столы, в это время в столовую заходит наш командир полка, полковник Корнев, а с ним целая свита офицеров. Я дал команду: «Рота, встать! Рота, смирно!!!» И пошёл докладывать командиру полка, о том, что третья рота находится на обеде, старшина роты такой-то. После моего доклада полковник говорит: «А ну-ка, старшина, посади меня с солдатами, я хочу покушать солдатскою еду». Я его

пригласил за стол, где сидели шесть человек.

Не успел командир полка сесть за стол, как тут же с миской борща подбегает повар и ставит её перед полковником. Корнев посмотрел сначала на миску, а затем на повара и говорит: «Нет, дорогой, я хочу поесть ту еду, которой ты кормишь моих солдат», и, обращаясь к одному из солдат, говорит: «Налей мне борща вот из этого бачка». Солдат налил борща и поставил перед полковником, он понюхал и говорит: «Пахнет хорошо, посмотрим какой борщ на вкус». Взял ложку, кусок хлеба и приступил к обеду. Полковник с аппетитом съел миску борща, поднял голову и спрашивает у повара, который стоял рядом: «А где второе?» — «Сейчас будет», — сказал повар, взял миску полковника и побежал на кухню. Я стоял тут же рядом с командиром полка и обратил внимание на одну деталь. Как только повар убрал миску со стола, командир полка заметил крошки, которые лежали на столе, он лёгким движением руки смахнул их в ладошку и отправил себе в рот.

На удивлённый взгляд солдат он сказал: «Учтите, сынки, хлеб — это жизнь, и его ой как надо беречь, используя в еду даже крошки». Через некоторое время повар принёс второе: две котлеты и каша на гарнир. Полковник приступил ко второму. Пока наш командир полка ест, я вам расскажу анекдот на эту тему, так как мне всё равно делать нечего.

Происходило это в царской армии, вот, так же как и у нас сегодня, пришёл полковник в столовую, а у них в столовую пришёл генерал, чтобы проверить, как кормят его солдат. Повар приносит ему миску щей, ставит её перед генералом, тот смотрит в неё и видит, что в щях плавает сваренный таракан, этакий золотистый, похожий на поджаренный лук. Генерал рассвирепел и как заорёт: «Ты что же это, подлец, делаешь, моих солдат тараканами кормишь, да я тебя, каналья!» Что дальше говорил генерал, повар не слышал, он лихорадочно соображал, как выйти из данного щекотливого положения. Повар наклонился над миской и говорит: «Ваше благородие, да это же не таракан, а лук, жареный лук» — «Какой такой лук?» — закричал генерал. «Обыкновенный лук», — отвечает повар. Сам берёт ложку, зачерпывает таракана и отправляет себе в рот, жуёт и говорит: «Истинный Бог, лук, по вкусу чувствую, что лук». Так не решённым этот вопрос и остался кто теперь докажет что в щях был таракан, а не лук, улики-то нет, она съедена.

В нашей столовой, слава Богу, всё закончилось хорошо, полковник отобедал, похвалил повара за хороший обед и ушёл служить свою службу.

И моя служба шла своим чередом, слава Богу, завтра

воскресенье, в роте выходной, своих солдат поведу в кино. Уже давно был отбой, солдаты спят, только храп по казарме идёт, а я лежу в своей койке и никак не могу уснуть, что-то нахлынули воспоминания, как жил на гражданке, как началась моя служба, и вдруг неожиданно всплыл эпизод из моих первых дней пребывания в рядах армии. А этот эпизод был связан опять же с кино. Вот как это было.

НАВАЖДЕНИЕ

Это было в Клайпеде, где мы проходили курс молодого бойца, нашу роту повели в кино. И вот я сижу в кинозале, как всегда у стенки, я никому не мешаю, и мне никто не мешает, сижу и смотрю фильм. События на экране меня так увлекли, что я забыл, где я нахожусь. Я воочию ощутил, себя в кинозале села Ипатово, где я сижу и смотрю кино. Оно уже шло к концу, и я думал, вот приду домой, Дуся, жена брата Андрея, наверное, уже приготовила курицу в духовке и я поем вкуснятины с золотистой коркой, и завалюсь спать, а то чувствую, что устал за день. Фильм шёл к концу, уже пошли титры и в зале включили свет, я встал со своего места, повернул голову в сторону прохода, и, Боже мой, что я вижу, вместо пестрых кофточек и белых рубашек, в зале зелёное марево солдатских гимнастёрок. Я сразу не смог понять почему, в нашем заштатном селе Ипатово, столько солдат, зачем их сюда нагнали. А когда до меня дошло, что и я солдат и нахожусь в армии, и обратно в скором будущем возврата нет, то мне стало плохо. Выражаясь медицинским термином, я был на гране инсульта или инфаркта, так мне стало очень плохо. Я снова сел в кресло, положил руки на спинку переднего сиденья, на них положил свою голову, и от безысходности заплакал. Рота уже вышла из зала строиться, а я всё сидел, я знал, что надо идти, но я не мог подняться со стула.

В таком состоянии я сидел минуту или другую, в это время зал уже опустил, рота уже строилась, а меня нет. Не знаю почему, но в зал вбежал Володя Захаров, подошёл ко мне и с тревогой спрашивает: «Сеня, что с тобой, почему ты не выходишь на построение, ведь рота уже строится, пойдём». Я поднялся, и он увидел мои слёзы, затем спросил, почему я плачу. Я ему ничего не ответил, да и что я ему мог сказать, ведь то, что я чувствовал, словами не передашь.

Сейчас, конечно, со мной такого не бывает, я теперь тёртый-перетёртый «калач», знаю, где я и кто я, так что с этим всё в порядке.

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Служба шла своим чередом, наступила осень 1956 года, дни стояли солнечные и теплые, всё хорошо — служи и радуйся жизни. Но, как известно всё хорошее, когда-то кончается, вот и у нас кончились хорошие деньки.

В этот вечер вся рота была в казарме и готовилась к ужину, ну а пока в свободное время солдаты приводили в порядок свою форму: кто подшивал воротничок, кто чистил пуговицы на гимнастёрке, некоторые надраивали сапоги ваксой, в общем, каждый был занят сугубо мирными делами. И вдруг в роту буквально влетает посыльной солдат из штаба полка и орет не своим голосом: «БОЕВАЯ ТРЕВОГА!». Наш дневальный повторяет за ним: «БОЕВАЯ ТРЕВОГА!». Все зашевелились как муравьи в муравейнике, каждый солдат знал, что надо делать при боевой тревоге, и поэтому быстро начали собираться в поход.

Буквально через считанные минуты в роты прибыли офицеры всех трёх рот, каждый из них начал готовить своих солдат к походу сначала в танковые боксы, а затем уже на машинах в район сосредоточения. Я в оружейной комнате выдавал боевое оружие, в мирное время это редкий случай, когда бойцу выдают боевое оружие, притом каждому своё, положенное по рангу. В боевой комплект экипажа входило, кроме боеприпаса для пушки и пулемётов, автомат ППШ, с тремя дисками для наводчика, карабин для заряжающего, и пистолеты Макарова для командира и механика. Раньше у нас, танкистов, было личное оружие пистолет-автомат Стечкина, с пулей калибром 9 мм, это очень грозное боевое оружие с магазином в двадцать патронов, но оно для танкистов не подошло и вот почему. Пистолет вместе с кобурой был очень громоздкий, и поэтому его носили на ремешках через плечо, а когда командир танка запрыгивал в люк башни, то пистолет оставался с наружи башни. После закрытия крышки люка, ремни обрубалась и кобура, вместе с пистолетом летела за борт танка, и командир оставался обезоружен. Пространство в люке танка ограничено, и поэтому пистолет «Стечкина» с его большой кобурой туда трудно было затолкать. Поэтому такие пистолеты, были заменены на пистолеты «Макарова», они меньше по размеру и подходили танкистам, хотя оружие мене грозное, чем пистолет-пулемёт «Стечкина», но зато более удобные при эксплуатации. Это, так сказать, вам небольшая информация, я думаю, вы читатель, на меня за это не обидитесь.

Я уже закончил выдавать оружие, как вдруг слышу голос нашего дневального: «Старшина третьей роты на выход!» Я взял

свой вещмешок, закрепил пистолет на ремне, кстати, я пистолет на ремне носил, не как положено на спине с правой стороны, а на немецкий манер, на животе, за что мне часто попадало от моего начальства. Но я считал, что для танкистов удобней пистолет носить на животе, так как при посадке в люк, живот втягиваешь, и пистолет совершенно не мешает посадке. Да и при стрельбе, удобней выхватывать пистолет из кобуры, когда вот он рядом на животе с левой стороны, а не тянуться за ним за спину. Но сейчас боевая тревога и на меня никто из офицеров, внимания не обращает. Я вышел к дневальному, там меня ждали два солдата из хозяйственного взвода с карабинами и подсумками с патронами, а ещё шофёр приехал к роте на машине, так сказать, приданные к роте солдаты и техника. Через некоторое время прибегает солдат, представился поваром, тоже в моё подчинение. Я сказал повару, чтобы он забирал с собой машину и солдат и ехал в столовую, цепляли к машине полевую кухню и, если можно, взять из котлов столовой еду, чтобы загружали её в котлы полевой кухни. И что скоро и я к ним подойду. Я подумал, ведь солдаты не ужинали, может, я их догоню в районе сосредоточения, и там накормлю тем, что возьмём из котлов столовой.

Перед уходом из казармы, я осмотрел себя, всё на месте, вещмешок за плечами, пистолет с заряженной обоймой на животе, что ещё надо взять, и тут мой взгляд остановился на куче байковых одеял. Я подумал, а что они могут пригодиться, ведь ночи уже холодные и неизвестно, как там всё будет. Взял ещё один вещмешок, затолкал в него четыре одеяла, простыни и полотенца, в дороге всё пригодится. Взвалил всё на плечи и пошёл на выход. Закрыл дверь казармы на навесной замок и направился к столовой, она была недалеко. По дороге я увидел командира нашего батальона, спросил у него, где район сосредоточения, он мне сказал, что он будет находиться с правой стороны полигона. Думаю вот, теперь всё понятно и, не теряя времени, быстрым шагом пошёл в столовую, где должна быть машина и мои помощники. К моему приходу повар с солдатами, загрузили в нашу полевую кухню борщ и кашу, мой повар забрал из столовой всё, что можно было забрать из продуктов, несколько булок хлеба, два килограммовых пакета сахара, чай, соль, лук и ещё что-то. Он в этот день дежурил по кухне и поэтому распоряжался там, как хозяин. На мой вопрос не попадёт ли ему от начальства за его проделки, он с улыбкой ответил: «Товарищ сержант, так война же, она всё спишет». Товарищ сержант, это не оговорка повара, я к тому времени уже был в звании сержанта.

От столовой поехали к продуктовому складу, где надо было

получить сухой паёк на три дня, на каждого солдата и офицеров роты. С получением пайка получилась интересная штука. У меня повар Сергей спрашивает: «Сколько человек в роте?» Я ему отвечаю: «С нами, сорок пять человек». Он немного подумал и говорит: «В общем пятьдесят», — округлил он. Я ему объясняю, что заведующий складом знает, сколько в роте человек, и он не даст больше пайков. Повар Серёга, невысокого роста, такой подвижный, на кухне и продуктовом складе, он чувствовал себя, как рыба в воде, говорит мне: «Старшина, я буду получать сухие пайки и другие продукты для роты, ты мне не мешай, а то всё испортишь». «Ладно, — думаю, — пусть будет так, лишь бы было в пользу роты». Повар забирает с собой солдат и пошёл на склад, через некоторое время из склада в машину начали выносить мешки с сухими пайками, с мукой, крупой, с сахаром и ещё с чем-то. Вскоре вышел из склада и Сергей с видом победителя. Теперь, кажется, всё, надо ехать в район сосредоточения и накормить солдат. Вроде, мы всё делали быстро, но когда приехали на место сбора, там уже никого не было. Шум моторов танков был слышен, но где они, в ночи ничего не видно. Тогда я шофёру говорю: «Ты видишь след от гусениц танков, вот и давай по нему гони, может, и догоним их».

Легко сказать догоним, а как догнать, если танк Т-54, по трассе держит скорость 55 км/ч, а наша машина с прицепом 50 км/ч. Так что, как не считай, а мы отстаём от них. Гнались мы за своими танками всю ночь, но так и не догнали. Наступило утро, солнце уже поднялось, я думаю: «Надо проверить еду, если испортилась, то её надо вывалить и варить другую, надо только найти место поудобнее и чтобы была вода». Смотрю, в стороне от дороги, кирпичный домик с подворьем, что-то вроде хутора. Я говорю шофёру Виктору: «Виктор, поверни вон к тому дому, там должен быть колодец, мы котлы помоем». Подъехали прямо к колодцу, остановились, я говорю повару: «Сергей посмотри, что там с нашей едой, может её выбрасывать надо, а то всю ночь болтали её в котле».

Повар открыл крышку котла и даже не пробовал, а только посмотрел и говорит:

— Всё, товарищ старшина, борщ готов, можно выбрасывать.

— А котлеты и каша? — переспросил я у повара.

— Второе, вроде, можно есть.

— Что значит, вроде можно? Ты определяйся точнее.

— Если точно, то, можно есть, но их надо съедать сейчас, а то они через пару часов протухнут, и их придётся выбросить, — ответил повар.

— Ну, раз можно, то давай поедим, затем вымоем котлы,

зальём в них чистую воду из колодца, и наполним фляги чистой водой, и тогда снова устроим погоню.

Повар достал миски, ложки, вилок у нас в принципе не было, и начал накладывать в миски кашу, сверх каши положил по две котлеты. Пристроились, кто где может, и принялись, то ли ужинать, так как мы не ужинали, но всё-таки было утро и это больше было похоже на завтрак. Пока мы с поваром стояли у кухни и ели, вели разговор о том, как быстрее догнать нашу танковую колонну. В это время к нам подошли мужчина и женщина средних лет, поляки, как позже выяснилось, хозяева этого хозяйства. «День добжий, пановье», — поздоровались они с нами. Я ответил им на польском языке, и пригласил их с нами отобедать, сказал: «Пше проше пановье до нашего стола». Я, наверное, уже писал, что у нас в роте был русско-польский словарный справочник, там было порядка двухсот слов и я, в свободное время, многие из них заучил, так что сейчас могу сносно общаться с поляками. Но наш новый знакомый, хорошо знал русский язык, и поэтому общаться с ним проблем не было. После моего приглашения хозяева дома как-то неуверенно пожали плечами, как бы этим самым говоря, что мы и не против еды, но неудобно. Я ещё настойчивее их пригласил, сказал: «Прошу, прошу пановье, каша вкусная, Вам понравится. А Сергею сказал: «Давай, накладывай им, да котлетки по три положи». Повар так и сделал, вручил им миски полные каши с котлетами, выдал ложки, и поляки с удовольствием начали сеть. Пока мы ели и перебрасывались редкими словами, у меня вдруг возникла мысль, зачем выбрасывать добро, ведь у хозяев, наверное, есть домашний скот, так лучше мы им отдадим прокисший борщ, а у них я попрошу яблоки, вон с той яблони, за которой я давно наблюдаю. Уж очень там красивые яблочки, видать осенний сорт.

Я подошёл ближе к хозяевам подворья и спросил: «Свиньи в хозяйстве есть?» Поляк как-то насторожился, наверное, подумал, что мы их у него отбирать будем, но затем всё же сказал: «Так е, е», и показал три пальца. Я пригласил поляка к кухне, взял черпак, запустил его в борщ, а там уже не борщ, а какое-то густое месиво, мясо-овощное рагу, показываю всё это хозяину подворья и спрашиваю у него: «Хрюшки это будут кушать?» — «Так, так, — заулыбался поляк, — барзо добже». «Ну, если еда очень хорошая, тогда неси вёдра, будем кормить твоих свинок».

Пока поляк с моими помощниками очищали котлы от прокисшего борща, мы с поваром стояли рядом, и я ему говорю: «Сергей, надо вымыть котлы и залить в них воду для приготовления каши, пока будем догонять колонну, воду будем греть, а как нашу роту догоним, вот там кашу и сварим. Понял?»

— А чай? — спросил повар.

— Сергей, у нас там столько будет голодных ртов, что я боюсь, и двух котлов каши не хватит. А пить будут воду, которую мы здесь наберём во фляги.

— Как скажете, товарищ старшина, — ответил повар.

Все ушли, остались мы с полячкой, она стояла, сложив руки под передником, и улыбалась уголками губ. Я её подозвал к себе, она подошла, и я удивился её молодой, живой походке.

Когда полька подошла ко мне ближе, я увидел что она молодая женщина, а когда она убрала кончики платка ото рта, то передо мной было молодое симпатичное лицо. Полные молодые губы и весёлые серые глаза, вот только старушечий наряд её старил. Я ей показал на кашу в котле и спрашиваю: «Возьмёте хрюшкам еду?» Она, наверное, меня не поняла, но всё же что-то заговорила на польском языке, и так быстро-быстро, что я из её потока слов практически ничего не понял, кроме слов, добже и працивать. Затем к нам подошёл её муж, и говорит мне: «Не слушайте её, баба говорит что попало, дома сидит одна, словом перекинуться не с кем, вот вас встретила и решила наговориться». Затем он по-польски, что-то ей сказал, и она ушла в дом.

Когда ведрами в хлев перетаскали, так называемый, борщ, теперь можно было обратиться к пану с просьбой, и я его спросил: «Вельможный пан, не угостите ли вы нас яблоками вон с той яблони, а то плоды на ней уже перезрели и начали осыпаться, так уж пусть лучше мои солдаты их покушают». Я не сомневался в положительном ответе пана, ведь мною была проведена хорошая, подготовительная работа.

Как я и ожидал, хозяин быстро согласился. Мои помощники на машине подъехали прямо под яблоню в прямом смысле этого слова начали трясти её. А пока мои орлы очищали ветки яблони от плодов, у меня тут же созрел другой план. И вот какой, отдать пану кашу и котлеты, все равно они по дороге испортятся, а взамен попросить у него сало. Ведь он держит свиней и сало у него должно быть. А мне так хочется покормить кашей со шкварками моих проголодавшихся солдат.

Подозвал поляка к кухне, открыл крышку котла, где были каша и котлеты, и говорю ему: «Давай я тебе отдаю кашу и котлеты, а их было штук двадцать, а ты мне два куска сала величиной в мою ладонь». Поляк немного подумал и согласился, быстрым шагом ушел в дом.

Он ушёл, а я смотрю, что мои бойцы делают с яблоней. Самый шустрый из солдат залез на дерево, и трясёт её, яблоки градом посыпались и в кузов машины и за его пределы, а другие солдаты подбирали их с травы и бросали в кузов. Я пошёл к

машине, чтобы посмотреть, сколько в кузове яблок, на взгляд их в кузове было вёдер восемь, в общем прилично. Стою у машины, а сам поглядываю на дом, что-то там хозяева пропали, неужели пожалеют сало для нас. А нет, смотрю, выходят из дома, пан вместе с женой, и его жена несёт такой небольшой тазик. Подходят ко мне, хозяин берёт из тазика увесистый свёрток, подаёт мне и говорит: «Тут сало». Я развернул полотенце и точно сало, два больших куска общим весом будут килограмма полтора. Радости моей не было предела, вот будет каша со шкварками, любимая еда каждого солдата не только нас южан, но и питерцев северян. Я поднялся в кузов, и положил пакет с салом в мешок, где лежали сухие пайки. Повару я ничего не сказал, думаю, пусть будет ему сюрпризом.

Ну, всё, думаю, главное сделано, теперь надо быстрее заканчивать дела и уезжать, нам, во чтобы то ни стало сегодня роту надо догнать, ведь в обед будет сутки, как солдаты ничего не ели, а голодный солдат — плохой солдат. Когда всё погрузили, залили воду в котлы и фляги, я подошёл к пановьям чтобы попрощаться, на прощанье пожал им руки и сказал: «Довидзеня пановья, довидзенья». Я хотел ещё что-нибудь сказать по-польски, но, к сожалению, мой запас слов был ограничен и поэтому я им на прощанье лишь помахал рукой, сел в кабину машины и уехал.

Гружённые мы выехали на автостраду Варшава-Берлин и устремились в погоню за нашей ротой. Главное, догнать своих солдат, а кормить у меня есть чем. По автостраде машина пошла быстрее, я сидел в кабине и следил за спидометром. В коем веке наш тихоход пошёл 60 километров в час. Но я знал, если в пути колона не остановится хотя бы на час, то её мы не догоним. Нет, нет, мы её, конечно, догоним, но это уже будет, где-то в Варшаве. Что там в этой Варшаве случилось, что нас подняли по боевой тревоге? А кто его знает, нам начальство на этот счёт ничего не говорило. Под монотонный шум мотора я начал дремать, глядя на ровную и прямую дорогу. Гляжу на дорогу, и думаю, ну почему это немцы строили такие прямые и ровные дороги. Некоторые хорошие асфальтные дороги вели прямо в лес и там обрывались. Я не знаю, зачем немцам это надо, возможно, была какая-то стратегическая необходимость, на случай войны. Мол, противник будет по ней ехать и думать, раз дорога хорошая значит она должна привести в населённый пункт, а она приведёт его в лес. Вот такая уловка, я так думаю. Я с этим на территории Польши, ранее бывшей немецкой вотчины встречался и не раз. Расскажу вам интересный случай, такой встречи со «слепой» дорогой.

Было это тогда, когда я ещё учился в учебном батальоне. Как-то нас двух курсантов, меня и Некрасова, взял с собой офицер для

разметки местности будущих учений нашего батальона. На легковую машину ГАЗ-67 мы погрузили деревянные колышки, разные таблички, лопату и топор, сели в машину и поехали к месту назначения. Если кто не знает, что собой представляет легковая машина ГАЗ-67, то я объясню. Это советский джип, который стоял на вооружении нашей армии в то время.

Ну вот, мы с вами белое пятно в вашем развитии устранили теперь поехали дальше, делать разметку и забивать колышки. Доехали быстро, так как это было не далеко, километров сорок от нашего гарнизона. Старший лейтенант отмерял шагами расстояние и нам говорил, где забивать колышек и какую на него вешать табличку. Мы с курсантом Некрасовым чётко выполняли команды старшего лейтенанта. Фамилию нашего командира я не знал, так как он был новенький в нашем батальоне. Хотя если честно, то фамилии и старых работников штаба я тоже не знал. Ну ладно, дело ведь не в фамилии, а дело в человеке, а наш командир своё дело знал и чётко нами командовал. Под его командованием мы часа за два закончили разметку, и надо было собираться домой. Но было ещё рано, до ужина было ещё далеко, и наш командир предложил нам пособирать грибы. Он нам сказал, что жена его просила, чтобы он с командировки в лес привёз грибы на ужин. Ну, грибы, так грибы, мне ещё лучше походить по лесу, чем сидеть в казарме. Шофёр сказал, что он в этих местах был и раньше и хорошо знает эти места, и он нас повёз туда, где можно набрать грибов. К тому месту, где должны быть грибы, мы сначала ехали на машине, а когда ехать уже стало невозможно то, пошли пешком. Ходили по лесу долго, немного грибов набрали, но это не то количество, на которое рассчитывал наш командир. Командир сказал, что поедем, поищем места более грибные, и мы поехали.

Ехали, вдоль какого-то лесного массива, затем проехали какие-то перелески, выехали на большую поляну, где действительно грибов было множество и мы их набрали много, но куда заехали не знаем. Как известно на машине по лесу много не на ездишь, поэтому пошли дорогу искать пешком. Ходили-бродили, далеко не отрываясь от поляны, чтобы не заблудиться, но ничего, похожего на дорогу, не нашли. Снова собрались у машины, чтобы обсудить, что делать? Я посмотрел на старшего лейтенанта, а у него было очень расстроенное лицо, наверное, думал, что ему будет за то, что он вовремя не привёз курсантов на ужин, да ещё и машину использовал в личных целях, собирая грибы. Ну ладно, грибы грибами, а есть-то хочется, ведь время обеда уже давно прошло, а это нарушение режима питания солдата, и старший лейтенант об этом знает, вот потому, у него

такая «кислая» ну эта самая, в общем, вы поняли. Ну ладно думаю, голод-то голодом, но из этого места как-то выбираться надо. Почему-то все молчат, ни командир, ни водитель инициативу в свои руки не берут, ну что же тогда я буду командовать. Говорю шофёру: «А ты что стоишь, ты, что забыл дорогу, по которой мы сюда ехали, давай по следу машины возвращаться назад, а там посмотрим, что делать дальше. После моих слов как-то все оживились, и старший лейтенант говорит: «Да, да и правда, что же это мы стоим, поехали по старому следу, может, куда и выедем». Поехали по старому следу, снова начались перелески, а подобие дороги не видно. Ехали, ехали вслепую, затем водитель остановил машину и говорит: «Нет, так дальше ехать нельзя, а то мы опять заедем в такое место, что вообще не выберемся оттуда». Машина остановилась, и мы все вышли из машины, пошли снова искать дорогу. Я знал, что наш гарнизон находится в стороне солнца и поэтому пошёл в ту сторону. Я отошёл от машины метров двести и увидел небольшую поляну, я решил её обследовать и, в результате моих действий, я нашел просёлочную дорогу. Я её осмотрел и понял, что по ней не так давно ездили, и она обязательно нас выведет или в посёлок или на асфальтную дорогу. Со своим решением я пошёл обратно к машине. Подходя к машине, я увидел, что все мои друзья по несчастью сидят у машины низко наклонив головы. Когда я подошёл к ним, они без всякой надежды на лучшее подняли на меня свои глаза и ждут, что я скажу. Я по военной форме приложил руку к пилотке и говорю: «Товарищ старший лейтенант, разрешите доложить». Наш командир поднялся с земли, тоже вытянулся и говорит: «Докладывайте, курсант». Я сказал: «Товарищ старший лейтенант, вот за этим перелеском имеется поляна, а возле неё проходит наезженная просёлочная дорога, она нас обязательно, куда-нибудь, выведет: или в посёлок, или на асфальтную дорогу». Все обрадовались моей находке, заулыбались, дружно сели на машину и поехали по указанному мною маршруту. Вскоре мы выехали на просёлочную дорогу и покатили по ней. Через некоторое время мы упёрлись в хорошую асфальтную дорогу. Она перед нами простилалась и в правую и левую стороны. Шофёр остановился и спрашивает: «Куда поворачивать, направо или налево? Я, ввиду свое быстрой реакции, говорю: «Налево, поворачивай». Мне это подсказала моя интуиция. Интуиция это дама капризная, если она подсказала, то сразу надо делать, а ели ты её не послушаешь и начнёшь размышлять, думать, то всё, считай, пропало. Логическое мышление не может определиться, как поступить, а интуиция обиделась, что её не послушались, и отказалась с вами

сотрудничать в дальнейшем. Но нас не послушали и повернули направо.

Я не знаю, почему так поступил офицер, возможно, он подумал, что хватит этому курсанту командовать, пора и честь знать. А может, у него тоже есть интуиция и она ему подсказала ехать именно в ту сторону. Как бы там ни было, но шофёр повернул вправо и мы уже едем по широкой ровной дороге. Справа и слева от дороги стоят высокие сосны, они как бы нас сопровождают.

Я всматриваюсь в дорогу и вижу, что она не езженная, потому что вся усыпана сосновыми иголками, а это первый знак, что по этой дороге уже давно никто не ездил. Я свои сомнения высказал нашему командиру, но он игнорировал моё замечание, а шофёру сказал: «Будем ехать до конца дороги, она нас куда-нибудь приведёт». По этому поводу я должен сказать, что наше советское мышление не соответствовало немецкому мышлению и в результате, мы через полчаса вперлись в сосны, где и кончалась дорога. Мы вышли из машины, потрогали руками сосны, как бы убедились, что точно дальше дороги нет, снова сели в машину и поехали в обратном направлении. В обратном направлении ехали молча, каждый думал о своём, я смотрел на дорогу, она простиралась перед нами ровная и прямая как струна. В нашу роту, мы с Некрасовым вернулись вовремя, как раз, через полчаса рота шла на ужин. Так что поездка закончилась удачно, правда мы остались без обеда, но это не так страшно, зато грибов набрали. В заключение должен сказать, что вот таких дорог, по которой мы прокатились до леса, в той местности, где я служил, было немало, я потом ещё несколько раз попадал в эту ловушку. Пока мы едем, и у меня есть время, я вам хочу рассказать о Некрасове, с которым мы только что блудили по лесу. Сначала я о нём не хотел писать, а потом решил написать, всё-таки он был интересный «экземпляр». Ещё курсантами мы с ним были в одном отделении, ну и, конечно, друг о друге многое знали, разумеется, то, что лежало на поверхности, а сокровенные тайны каждый прятал в своей душе. Каждый, но не Некрасов. Он как получал письмо от своей жены, то об этом знало не только наше отделение, но и весь наш взвод, а может и рота. Он с этим письмом пока все отделения не оббежит и не расскажет, что его Тонечка ему пишет, не успокоится. Притом он курсантам зачитывал выдержки из письма, чтобы все знали, как его любит жена. Должен сказать, что в армии служили в основном холостые ребята, я кроме Некрасова, не знал ни одного нашего курсанта, который был бы женат. Возможно, кто-то и был женат, но он это не рекламировал. Служил потихоньку, ждал от своей любимой

письма, прочитает, положит в тумбочку и на этом всё. Ну и правильно, это их с женой дело, зачем о своей любви кричать на всю казарму. А вот Некрасов носился с письмами своей жены, как угорелый, и всем рассказывал, как Тонечка его любит. Его постоянные побегушки, курсантам стали надоедать, и Некрасова постепенно стали ненавидеть. Нет, ну правильно, что ты лезешь ко мне в душу со своей любовью, думает курсант. Я может, переживаю из-за того, что моя девушка не пишет мне письма, а ты бегаешь и распинаешься какая у тебя любовь. Противно на тебя смотреть. А Некрасов не знал, что о нём думают курсанты и бегал по казарме с очередным письмом. И так продолжалось весь учебный год. Затем большая часть бывших курсантов разъехалась по полкам, и поэтому они избавились от Некрасова. Вы знаете, что я остался в учебном батальоне командиром отделения, и Некрасов был командиром отделения в том же взводе что и я. Вы не представляете, как он мне надоел с Тониными письмами. Вот теперь, когда он стал младшим сержантом, ему стало неудобно зачитывать своим курсантам Тонины признания в любви к нему, так он теперь всё это свалил на меня. Я, как человек тактичный, понимал его душевную радость и поэтому не мог послать его подальше, чтобы он мне не надоедал. Если честно, я не понимал любви на расстоянии, а раз я это не понимал, то и его чувства не разделял, поэтому меня его признания к своей жене как-то напрягали. Ну как бы то ни было, время шло, и вот я уехал из учебного батальона в полк. Там меня захватили другие события, и я о Некрасове и его жене забыл. Но в конце моей службы мне о нём снова напомнили. Вы меня простите но, чтобы закончить повествование о Некрасове, я «забегу» немного вперёд. Так вот.

Служба моя подходит к концу и нам, старичкам, уже на смену прибыло пополнение из учебного батальона. Я передаю танк новому командиру танка, но какое-то время, мы работаем вместе. И вот в процессе работы мы с ним разговорились о сержантском составе их него взвода в учебке. В частности, он сказал, что помощником командира взвода был у них Некрасов. Мне захотелось узнать, как дела у Некрасова, и я спросил своего собеседника: «Слушай, а как там Некрасов, я его довольно хорошо знаю и хотелось узнать как его дела». Мой собеседник так спокойно говорит: «Да как у него дела? Нормально, он остаётся на сверхсрочную службу». Я, в это время держал банник, чтобы прочистить ствол пушки, и чуть его не выронил. Думаю, вот это новость, а как же его жена Тонечка, как его карапузик, фотку которого он показывал всему взводу. Одним словом, стою, перевариваю сообщение. Затем спрашиваю товарища: «Скажи, а что он к своей Тоне не поедет?» — «К жене, что ли?» —

переспросил он у меня. Затем, не дожидаясь, что я скажу, он продолжил: «Так его Тоня вышла замуж за другого человека. Написала ему письмо, что она устала его ждать, и поэтому вышла замуж за другого, тоже хорошего человека, так она выразилась на строках письма». Скажу откровенно, такая новость мне поразила. Не зря ему ребята говорили, ты вот бегаешь, хвалишь свою жену, а она, может, с другим обнимается. За такие слова Некрасов с кулаками бросался на обидчика его жены. А получается, что он был не прав, а те, кто его предупреждал, оказались правы. Я ему, в мягкой форме, тоже говорил: «Вот ты, Некрасов, бегаешь по казарме, каркаешь, как бы чего не накаркал». Получилось, что накаркал. Ну ладно, то, что я вам сейчас рассказал, будет примерно года через полтора, а пока мы догоняем нашу роту и едем по шоссе Варшава-Берлин или Берлин-Варшава, что одно и тоже. Пока я вам рассказывал о дорогах, о Некрасове, мы по автостраде проехали приличное расстояние и шофёр мне сообщил, что надо заправить машину, а то бензин на исходе.

Я ещё соображал, где бы заправиться в это время по крыше кабины кто-то постучал, я высунул голову, а повар мне говорит: «Товарищ старшина, надо остановиться подложить дрова в печь, а то те уже прогорели». Я говорю повару Сергею: «Останавливаться не будем, всё делайте на ходу, а то если мы будем делать остановки, то колонну догоним только в Варшаве». Голова повара исчезла в кузове, но через некоторое время снова заглядывает в кабину и мне говорит: «Товарищ старшина, мы на ходу боимся, ведь можно свалиться под колёса кухни, или той машине, которая идёт за нами. Товарищ старшина, ну Вы посмотрите на меня, какой из меня спортсмен, я тяжелее черпака ничего в руках не держал, а что такое спорт я знаю только понаслышке», — пытался убедить меня повар. «А твои помощники, тоже не могут что-ли?» — «Не могут, товарищ старшина, ну какой в хозвзводе спорт?» Да дела, подумал я, придётся самому на ходу подкладывать дрова в топку печи. «Эх вы, слабаки», — в сердцах сказал я, и, не останавливая машину, выбрался из кабины, а затем залез в кузов. В таких случаях я действовал по принципу, если не могут сделать твои подчинённые, то делай сам. Ползу осторожно на четвереньках, чтобы ни подавить сапогами яблоки, добрался до прицепа кухни, затем левой рукой держась за ограждения котлов, лёг на крыло колёса кухни, правой рукой в рукавице, дотянулся до дверки топки и открыл её. Затем взял этой же рукой из корзины поленья и затолкал их в топку печи. Лежу на крыле и жду, пока в топке появится огонь. А огонь всё не появляется, я ещё больше наклонился, чтобы увидеть что там, в топке делается. Теперь я уже буквально вишу на левой руке, а на крыле только

мои ноги, кухню по дороге болтает туда-сюда. За нами ехала польская машина, в кабине сидели три человека, мужчина за рулём и две женщины, я видел, как они за меня переживали, одна из женщин даже сжатые руки к груди прижала. Но вот, наконец-то огонь в печке заплясал, я подложил туда ещё пару поленьев, затем закрыл дверку на защёлку и таким же путём вернулся назад в кузов машины. Пока я всё это проделывал, мои помощники-дохляки, свесившись через борт машины, смотрели, чем всё это кончится. А когда я вернулся в кузов, повар сказал: «Ну, товарищ старшина, Вам только в цирке выступать, на полном ходу машины, да ещё и прицеп болтается туда-сюда, то и смотри, Вас сбросит. На кухне расскажу поварам, не поверят, скажут, выдумал». Сергей искренне восхищался моей смелостью, а эти два хозвзводника, снова улеглись в кузове и всем своим видом говорили, тебе надо ты и рискуй. Да я никому и не хотел доказывать, что я вот такой, просто надо было догонять свою роту, а то мы и так много времени потеряли.

Подумал, дальше надо гнать без остановки, чтобы хоть к вечеру догнать колонну, но все же остановиться пришлось, у машины бензин был на исходе, а у дороги стоял полковой бензовоз, вот мы возле него и остановились. Шофёр с путёвкой подошёл к заправщику, а Сергей, повар со своими помощниками, взяли топор и пилу, и побежали к ближнему лесу. Я подошёл к заправщику и спросил его о колонне танков, он мне сказал, что точно не знает, но когда заправлялись легковые машины, то слышал разговор начальства, что к вечеру будут на месте, но где на месте, шофёр бензовоза не знает. Пока он говорил, я рассматривал заправщика, вид у него был не очень военный, и спросил его: «Товарищ солдат, а почему у вас такой затрапезный вид?» — «Если бы Вы, товарищ старшина, больше суток не ели, да ещё и не спали, то у Вас, тоже был бы такой вид». Затем заправщик немного помолчал и спрашивает меня: «Товарищ старшина, может у вас найдётся хотя бы сухарик, а то наш старшина, куда-то пропал, и когда он появится не известно».

Я, молча поднялся в кузов машины, из мешка взял сухой паёк в комплекте, плотно закрытый в бумажном пакете, спрыгнул на землю и вручил его заправщику. Парень от неожиданности лишился дара речи, затем выговорил: «Целый сухой паёк, так Вашим солдатам кому-то не хватит, может разделить его напополам?» — «Не волнуйся, всем хватит, ешь, я не понаслышке знаю, что такое голод, так что ешь», — сказал я ему. А затем добавил: «И всё — таки ты приведи себя в порядок не гоже советскому солдату так выглядеть». Водитель заправщика положил пакет в кабину и стал приводить свою форму в порядок.

В это время повар вместе со своими помощниками принесли сырые берёзовые дрова, и повар тут же их стал заталкивать в печь. Я подумал, зачем он это делает, ведь есть же сухие дрова, но так и ничего не придумав, спросил его: «Сергей, зачем ты это делаешь, ведь есть же сухие дрова» — «В том то и дело что сухие дрова горят слишком жарко, так скоро наш котёл взорвётся, а сырые будут тлеть, и от них жар будет, но не сильный, и так мы свой котел спасём» — «Ну ладно, — говорю ему, — делай, как знаешь, ты специалист, тебе и карты в руки».

Свою роту мы догнали только концу дня, уже загорелась вечерняя заря когда мы на машине заехали на площадку, где справа и слева стояли танки нашего батальона. Догнали бы мы, может и быстрее, но нам не давали хода польские машины марки «СТАР», они перед нами в три-четыре машины занимали всю проезжую часть дороги, и двигались с черепашьей скоростью, минут десять, а то и двадцать. А когда такая езда им надоедала, они прибавляли скорость и на наших глазах удалялись с бешеной скоростью. Я не знаю, зачем они это делали, может, чтобы помешать, нам тушить пожар восстания в Варшаве, а может просто поиздеваться над нами-тихоходами. Но, что они это делали специально, было видно не вооружённым взглядом.

Чтобы закончить тему о машинах «Стар», расскажу один из эпизодов, который поведал мне механик-водитель нашей роты Клопатюк. Вы его знаете, я о нём уже писал. Так вот, что он рассказал мне.

Оказывается, эти польские машины не только тормозили меня с кухней, они тормозили и наши танки, точно таким же методом, как и нашу машину. Никола рассказывал, что он терпел, терпел их выходки, затем попросил наводчика опустить пушку до конца вниз, догонял машину «Стар», запускал дуло пушки параллельно кузова машины, и как только ствол достигал середины кузова, дёргал правый рычаг танка, и дулом сбрасывал зад польской машины на обочину. Делал он это раза три или четыре, были случаи, что машины переворачивались, и за это ему ничего не было, как известно, война всё списала, даже гибель человека, которого Клопатюк задавил танком. Но об этом позже, а пока я со своими помощниками в расположении батальона и, в частности, своей роты.

ПРИВАЛ ТАНКОВОГО БАТАЛЬОНА

Наш танковый батальон расположился на краю соснового бора, где была большая поляна, вот на этой поляне мы на машине и остановились. В стороне стояла офицерская палатка, наверное, там были офицеры нашей роты, а может и всего батальона, так как на поляне офицеров не было. Как только наша машина остановилась, нас окружила толпа танкистов, и свои и чужие, вид был практически у всех неряшливый, воротнички гимнастёрок расстегнуты, у некоторых поясные ремни отсутствовали, и каждый просил что-нибудь поесть.

Я в это время был в кузове машины, стою и смотрю на это бродячее стадо, нет, думаю, так нельзя, это не советские солдаты, а толпа мнимых мучеников. В первую очередь надо навести порядок в роте, подтянуть дисциплину, а уж потом кормить их. Я, легко спрыгнул с кузова машины и зычным голосом крикнул: «Третья рота, для вечерней проверки становись!!!» Солдаты нехотя стали становиться в строй и на ходу приводить свой внешний вид в порядок. Когда рота построилась, я дал команду «Смирно!», выровнял ряды, затем дал команду «Вольно!» и начал проверку состава роты по списку. Я видел, как наш командир роты, капитан Мезенцев, и с ним командиры взводов, вышли из палатки, остановились у её входа, и стали наблюдать за моими действиями не мешая мне. Я проверил состав роты, затем сказал короткую речь, а именно: «Товарищи солдаты Советской армии, я хочу и требую, чтобы вы всегда оставались солдатами Советской армии, и не раскисали при малейшей трудности. Что же это с вами творится, вы всего сутки не ели и строите из себя мучеников, а во время войны, по рассказам фронтовиков, по трое суток не ели, пили воду из придорожных луж, но гнали поганого врага с нашей Родины, а когда догоняли, то нещадно били его. Вот таким должен быть Советский солдат и никогда не пасовать при любых трудностях. Надеюсь, вы поняли, сказанное мною. А теперь, слушай мою команду: территорию данной поляны без разрешения начальства не покидать. Любое не разрешённое отсутствие будет считаться самоволкой, а при боевой тревоге, будет считаться как предательство. Всем ясно?» — «Так точно!!!» — последовал ответ.

Ну, вот, думаю, теперь они, на солдат стали похожи. Конечно, офицеры нашей роты, наверное, говорили им тоже самое что и я, но раз я, старшина, появился в расположении роты, значит должен приступить к своим обязанностям. Вот я и приступил. Затем я сказал: «А теперь об ужине, сейчас вы получите по два

яблока, заморите «червячка», а минут через двадцать будет готова каша с тушёнкой, каши будет два котла, так что, всем хватит. Видите, наш повар Сергей её уже готовит, а после, перед сном, будет чай, и на экипаж будет выдано по одному сухому пайку, а теперь рота, разойдись». После этого солдаты обступили меня, каждый что-то спрашивал, открыто обиды не выказывали, но я читал по их лицам то, что они сутки не ели виноват, как бы я, их старшина. И тут один из командиров танка, спрашивает меня: «Товарищ старшина, но Вы нам объясните, почему так получилось, что кухня отстала от роты на сутки, мы тут с ребятами прикидывали и то и другое, но в это не верилось, чтобы наш старшина, где-то потерялся?» Я повернулся к солдатам лицом и говорю: «Всем популярно объясняю, почему кухня отстала от роты. Вы, наверное, знаете или догадываетесь, что мне с помощниками, прежде чем уехать, надо было загрузиться, и сухим пайком, и крупой, и овощами, кухню прицепить к машине, а это всё не рядом с казармой. Да ещё на складе, где мы получали продукты и сухие пайки, была не только наша машина, а сколько рот в полку столько и машин. Но все же, благодаря нашей расторопности и нашему повару Сергею, мы, в район сосредоточения прибыли, раньше других рот, но примерно на сорок минут позже, того времени как вы уехали. Да и машина, какая тащит кухню не скороход, вот всё одно к одному и результат. И не думайте что мы где-то прохлаждались, было всего две остановки, это, очистить котлы от протухшего борща, и заправить машину бензином. Я бы мог вам этого и не объяснять, но я считаю, что солдат должен не только выполнять приказы, но знать, что к чему. И ещё, вы и сами виноваты, что мы так долго гнались за вами, надо было танки не гнать во всю силу танкового двигателя, а ещё и думать о еде. И вот ещё что, вы видите хоть одну машину, другой роты с полевой кухней? Вот то-то, и оно, а наша здесь, и уже каша варится, так что вы должны не обижаться на мою команду, а радоваться ей. Вы через несколько минут поедите вкусной каши, а солдаты первой и второй роты и не знают, приедет их кухня или нет, а если приедет, что она им привезёт. А моя команда раньше всех приехала и не пустая, так что, получайте яблоки, и морите «червячка».

Солдаты разошлись слегка успокоенные, весёлые, между ними посыпались шутки да прибаутки. Затем мои помощники раздали бойцам яблоки, которые они тут же их с удовольствием начали есть. А бойцы других рот, окружили нашу машину и просили хоть яблочко или сухарик. Но я им мог дать только по яблоку, сухой паёк своей роты я не имел права раздавать, так как неизвестно, сколько продлится такая обстановка. Подошли ко

мне и мои старые друзья, возмущались своим старшиной и просили покормить их, хотя бы чем-нибудь. Я им тоже дал по яблоку и сказал: «Подождите, если каша в нашем котле останется, то она будет ваша». Они обрадовавшись благодарили, хоть надежда есть, что сегодня будет ужин.

Когда я стоял возле кухни с поваром Сергеем, к нам подошёл командир роты, капитан Мезенцев, и попросил меня, чтобы я не забыл, и об офицерах своей роты. Разумеется, я о них думал, и ответил, что накормим, как и солдат. А повару Сергею я сказал: «Послушай, Сергей, а что если нам кашу сделать со шкварками, вкуснятина будет неописуемая?» Он посмотрел на меня удивлённо и говорит: «Так, товарищ старшина, это было бы очень хорошо, но где взять сало?» Я, не говоря повару ни слова, поднялся в кузов, открыл мешок, достал из него свёрток с салом, развернул, один шмат, положил в чистый бумажный пакет, а оставшийся кусок сала, снова завернул и положил обратно в мешок. Сергей всё это время стоял у кухни и, открыв рот, наблюдал за мной, чувствовал, что сейчас произойдёт, что-то невероятное. И это невероятное подтвердилось, когда повар начал готовить шкварки. От нашей полевой кухни пошёл такой приятный, дурманящий запах шкварок, что и солдат и офицеров он манил к кухне. Подходили, и спрашивали: «А что, у нас, или у вас, будет ужин со шкварками?» Получив от повара утвердительный ответ, наши радовались, а не наши огорчались, потому что шкварки им не достанутся.

А сейчас на время отвлечёмся от главной темы и поговорим о «ШКВАРКАХ».

Я не знаю, как вы относитесь к шкваркам, а я их очень любил и в детстве, да и в зрелом возрасте. Если мама готовила лапшу или кашу на шкварках, то в этот вечер в нашей семье был праздник. Шкварки в нашей семье любили все, и во время еды, в первую очередь из лапши или каши старались выбрать шкварки, а затем съедать остальное блюдо. И насколько я знаю, в нашем хуторе шкварками увлекалась не только наша семья, но и другие семьи. Да и позже когда я ездил на кинопередвижке, в тех семьях, в которых я ночевал, блюдо со шкварками было самое любимое. Как-то я читал книгу, про национального героя гражданской войны, так вот, если у него случался привал, то он спрашивал у своего ординарца: «Григорий, что у нас будет на ужин?» На что тот отвечал: «Лапша со шкварками, товарищ командир» — «Вот це добре, лучшей еды и быть не может», — заявлял командир. Да что прошлое время, даже сейчас, когда я пишу эту книгу, мне уже нельзя в пищу употреблять жиры животных, в один из моих грустных вечеров, я попросил свою жену Ларису, чтобы она

приготовила картошку со шкварками. Лариса тоже очень любит шкварки, но мы их не едим, потому что этот продукт для людей в возрасте вреден, и только в этот день, жена организовала прекрасный ужин — картошку со шкварками. За столько лет я отвёл душу. И это ещё не всё о шкварках. Мне Лариса рассказала одну вещь, в которой шкварки возведены в ранг самых вкусных продуктов и даже очень вкусных. А было это так. В одной начальной школе шёл урок, и учительница задала детям ученикам, такой вопрос: «Что такое мёд?» Одна из девочек подняла руку, и учительница ей разрешила отвечать. И вот что она сказала: «Мёд, это когда мама на сковородке жарит сало, и там получаются шкварки и они такие вкусные, что просто мёд. Вот это и есть мёд». Вот так, а вы говорите!

А теперь вернёмся к главной теме, то есть к УЖИНУ. Ужин был на загляденье, и по запаху и по вкусу, еды хватило на всех, солдаты расположились на траве вокруг кухни, около танков, ели с наслаждением и друг у друга спрашивали: «Тебе сколько досталось шкварок?» И если другому солдату, шкварок досталось больше, то первый говорил: «Тебе повезло, у тебя шкварок больше». В общем, у всего состава моей роты был сегодня праздничный ужин. А после каши, как я и обещал, был чай со сгущённым молоком, вот это вкуснятина, я вам скажу.

В то время, когда моя рота пила чай, а некоторые солдаты уже готовились ко сну, прибыли кухни, первой и второй роты, их солдаты окружили, и с возмущением высказывали претензии, показывая на нашу кухню. Мол, старшина третьей роты давно накормил своих солдат, а вы где были? Пришли командиры первой и второй роты и тоже своим старшинам выразили своё недовольство, по поводу долгого их отсутствия, и срыва нормального питания их солдат. Когда старшина второй роты отбился, от нападавших танкистов потом подошёл ко мне и попросил у меня воду и дрова чтобы сварить кашу. Я ему ответил что, не могу ему дать ни то, ни другое, потому что у меня весь запас воды и дров, рассчитан на одну роту, то есть свою. Мне кажется, что вся беда его в том, что он не смог организовать работу своей кухонной команды. Да и что просить дрова, если мы стоим в лесу, пошли солдат и пусть они нарубят столько, сколько надо дров. Если честно, а мы с вами договорились, что я буду писать только правду, то, я и не хотел ему ничего давать. Почему? Расскажу потом, если не забуду, а пока я пойду искать хозяйственный взвод, что вернуть им их солдата, рядового Дылдина, очень ленивого и непослушного, от него отказался наш повар Сергей, говорит, мы лучше будем работать вдвоём с Виктором, а этот мне не нужен, вот я его и повёл сдавать. С

трудом отыскал нужный мне взвод и сдал Дылдина старшине под расписку. Их старшине я не стал объяснять, почему я от него отказываюсь, просто взял расписку и ушёл к себе в роту. А про старшин первой и второй роты скажу так, оба они были сверхсрочниками, меня они считали выскочкой и поэтому со мной на контакт не шли, да и я не хотел с ними общаться, оба они мне не нравились. Ходили по территории роты надутые, как индюки, чем-то гордились, а чем, я так и не понял. Скорее всего, своим сроком службы в армии, ведь они служили уже четвёртый год, а у меня ещё и второй не закончился. Обычно сверхсрочники говорят, вот ты мол, послужи с наше, тогда и разговаривать с тобой будем. Но я считал и считаю, важно не сколько ты служишь в армии или работаешь на предприятии, а важно как, ты это делаешь. Вот боевая тревога и показала, кто чего стоит.

Позже, когда я вернулся к своей кухне, ко мне снова, важно подошёл старшина второй роты и вновь попросил, чтобы я дал ему флягу воды и дрова, ведь завтра надо солдат завтраком кормить. Понимаете, завтра, а сегодня он и не думал варить еду, сунул каждому по сухому пайку, и давитесь, у него даже воды не было, потому что он забыл фляги получить на складе. Так вот его бойцы приходили к нашему повару и просили попить. Воду и дрова, я «важному» старшине снова отказался дать, так как у меня излишков того и другого не было. Ещё раз хочу вернуться к этому, будь он не ладен, Дылдину. Когда я его увидел в роте, то он сразу мне не понравился. Высокий ростом, какой-то нескладный, внешне не приятен, ленивый, что его не заставишь делать, он всегда оговаривался, и это он тогда сказал, в мой адрес: «Ему надо пусть он, и подкладывает дрова на ходу машины, а я лучше полежу». Да и повар Сергей просил меня, чтобы я от него избавился. С поваром остался один работник, по имени Виктор, невысокого роста, проворный и исполнительный парень. Я сомневался в своём решении, справятся ли вдвоём повар и солдат Виктор, ведь работы по кухне много, накормить полсотни человек, это вам не шутки. Но Сергей и Виктор меня заверили, что справятся, да и шофёр помогать будет. Шофер тоже парень был хороший, представляете сутки за рулём и ни разу не попросился отдохнуть. Да и вообще парень исполнительный. Заранее скажу, что справились, работали с охотой, дружно, и работа у них спорилась.

Улеглись спать, кто где, но около своих машин, я со своими помощниками расположился в кузове машины, здесь спать будет удобно, да и продукты будут под охраной. Мои помощники за день устали и быстро уснули, а я лежал, никак сон не шёл, всё думал. Зачем мы как сумасшедшие неслись к этой Варшаве, куда

бы она делась? Потом мысли перекинулись на дом, где остались мои родители, братья и сёстры. Очень соскучился по тату и маме, но службе пока и конца не видно, так что придётся потерпеть. Мимо машины прошёл караул, в наряде сегодня был второй взвод, командовал ими их командир взвода, старший лейтенант Усков. Я с ним хорошо знаком, мы вместе играем в волейбол за нашу полковую команду. Кстати, погода в Польше в это время года стояла прекрасная, всю осень до самого декабря стояли теплые дни, только ночью было прохладно, но не холодно. Я уже долго нахожусь в Польше, и осенью погода всегда стояла хорошая.

Но что случилось сейчас в третьем тысячелетии? Смотрю по телевизору немецкий футбол, игра проходит в Мюнхене, и что я вижу? Заснеженное поле, оранжевый мяч, и это в конце октября, уму непостижимо, такого быть не может. Оказывается, может, раз показывают по телевизору. Учёные говорят, что тёплое океанское течение Гольфстрим, которое согревает Европу, разделилось на два рукава, один рукав идёт по старому руслу, а другой повернул к Канаде, в результате Европа мёрзнет, а в Гренландии ледники тают. Ну ладно шут с ними это их заботы, а мне надо за ночь отдохнуть, а завтра накормить роту хорошим борщом.

Проснулся рано, потому что, лёг с заботой, чтобы в шесть часов утра поднять роту на зарядку, расслабляться солдатам нельзя, они всегда должны чувствовать, что служат в армии, и я об этом позабочусь. Возможно, кому-то это и не нравится, но это их забота, а устав есть устав и его мы, солдаты, должны выполнять. Проснулся на рассвете, и увидел, что нашу поляну накрыл густой туман, возле кухни уже работали повар Сергей и его помощник Виктор. Стояла утренняя тишина только где-то далеко, пропели петухи, да изредка лаяли собаки. Думаю, если есть петухи и собаки, то значит рядом или небольшой город или село, возможно, у них есть базар, а если у них есть базар, то у нас будет борщ, наверняка там продаётся и капуста, и свекла, да и мясо не мешало бы, хотя в борщ можно и консервы положить. Правда у меня и денег-то нет, а на польском языке, пенёнзе, но я что-нибудь придумаю. В шесть утра, крикнул роте «Подъём!», солдаты медленно начали собираться возле машины, где я стоял и ждал их. После этого я дал команду строиться, и потом сделал утреннюю проверку, все оказались на месте и это хорошо. Затем я дал команду: «Рота, направо, на зарядку шагом марш!!!» Думаю, выведу их на асфальтную дорогу, а там, в километре от нашего лагеря молодой хвойный лесок, вот туда мы пробежимся, и пусть они обследуют тот лесок, а после ночи, это обязательно сделать надо. Когда вышли на асфальтную дорогу я скомандовал: «Рота,

до лесочка, бегом марш». Колонна трусцой побежала. Я тоже бежал сзади колонны и видел, как рядовой Степанов отстаёт, я его подогнал призывом: «Степанов, ну что же Вы отстаёте, надо подтянуться». В это время из колонны послышался чей-то голос: «Товарищ старшина, так он вчера каши объелся и сейчас не может её донести до лесочка». После этих слов рота просто взорвалась смехом, послышались шутки-прибаутки, подначивание друг друга. Вообще-то такие вещи в строю делать нельзя, но в данном случае можно, когда в коллективе шутят, то и дела делаются дружнее. Когда солдаты пошли осматривать лесок, я искал у дороги, где бы нам всем помыться, но, кроме колодца у одного из домиков, что стоят у дороги, ничего больше не было. Пошёл к домику, что бы спросить, можно ли помыться у колодца, мы хоть и победители в войне, но не завоеватели же. Подошёл к дому, двор огорожен забором из штакетника, я взял палку, которая стояла у забора, и постучал ею по калитке. Залаяла собака, в окне открылась занавеска, и показалось симпатичное девичье лицо. Я поклонился и сказал: «Добжий день». В ответ занавеска дёрнулась, и лицо исчезло в глубине окна. Собака продолжала лаять, думаю, раз собака лает, значит, кто-нибудь выйдет. Так и есть, идёт мужчина лет пятидесяти. Прикрикнул на собаку, и она замолчала. Я первый с ним поздоровался на польском языке, он мне так же ответил. Думаю, поймёт он меня на русском или нет, но спрашивать надо, а то зачем пришёл. Говорю ему: «Вельможный пан, можно из вашего колодца моим солдатам умыться, а то условия полевые, так что и помыться негде». И тут, к моему удивлению, пан заговорил на приличном русском языке. Поляк, заулыбался и сказал: «Конечно можно, я ведь знаю, что такое полевые условия. Три года в окопах дали о себе знать, так что мойтесь. Только подождите я вам дам железное корыто, пусть они в него наливают и плещутся». Пан ушёл за корытом, а мне подумалось, интересно, в каких он окопах воевал, может в наших окопах, а может и в немецких, но спрашивать его пока об этом не стал. Пан принёс корыто, а оно точно такое, как у нас в хуторе, и там мы его называли ванной. Оно выштамповано из листового железа, и сверху оцинковано. После войны наша советская промышленность их выпускала много, и я считаю, это было очень полезное изобретение для народа. Каждый старался завести его в своём доме, за ним специально ездили в Ипатово, на автобусе привозили до села Бурукшуна, а дальше до хутора пешком с ванной на голове. Надевали её на голову и шли, при этом ничего не видели, кроме носков своих ботинок или сапог, кто в чём был одет. А что там видеть, идёшь по грейдеру, а грейдер он и есть грейдер, хоть в Америке, или там в какой-то Африке, хоть в

нашем хуторе, он везде одинаковый, так что смотреть на него и нечего. А ванна тихим сапом попадала домой, отчего была радость для всей семьи. В ней можно было и постирать, и помыться, и отруби для поросёнка или коровы запарить, да и ещё много чего, обо всём и не скажешь.

Слушайте, раз мы отвлеклись от основной темы, я вам расскажу интересный случай, связанный с ванной, или почти с ванной, который происходил в то время когда я жил в хуторе Северном. А было это так. Как-то осенью, к нам во двор приходит бригадир и говорит нашему отцу: «Слушай, Кондрат Ефимович, скоро будем отмечать праздник последней борозды, так надо приготовить самогону, тебе привезут два мешка ячменя. Так ты будь добр, постарайся». На что тато ответил: «Ну, если привезут, так почему же не постараться, постараемся». И отец постарался, нагнал флягу самогона, отдал по назначению, а отходы от самогона, в виде распаренного ячменя, пропитанного спиртным, остались в нашем дворе и хранились они в большой, вёдер на двадцать, кадушке. И чтобы продукт ни пропадал даром, мама, каждый вечер, перед приходом коровы с пастбища, ставила ванну-корыто в стайку, и насыпала в неё ведро этого самого продукта.

Сначала корова его есть, не хотела, только нюхала, кривила морду и отворачивалась от него. Но затем, потихоньку начала жевать, и жевала с каждым днём всё охотнее и охотнее, а потом втянулась, да так, что без этого алкогольного продукта она жить не могла. Мама или сестра Наташа, каждый вечер брали ванну и из кадушки в неё накладывали ценный продукт. Потом данный продукт закончился, как известно всему бывает конец, тем более такому ценному продукту. И что же в этом случае делала наша корова? А вот что. Она заходила в стайку, и если продукта там, в ванне-корыте не было, корова быстро возвращалась и бежала к кадушке, откуда продолжал идти запах спиртного, и отогнать её от кадушки, составляло большого труда. Она своей мордой скидывала крышку с кадушки и ныряла в неё головой. Но там пусто, тогда она бежала к другой кадушке, в которой была вода. Понюхав содержимое бочки, она кривила свою рожу и моталась по двору в поисках нужного ей продукта. Тогда члены семьи общими усилиями загоняли возмущённую корову в баз.

В семье не могли понять, и что она так пристрастилась к этому, казалось бы, невкусному продукту, ну что, он мёдом намазан что-ли. Думали, думали так, понять и не могли, можно, конечно, было спросить у коровы, но разве она скажет? А вы читатель не знаете в чём дело? Ну ладно вернёмся к основной теме.

Пока я вам про ванну рассказывал, мои солдаты помылись и

отнесли ванну хозяевам, а я построил роту, и с песней пошли по асфальтной дороге, нарушая утреннюю тишину. Ни хвастаясь, скажу, что утреннюю проверку и зарядку делала только наша рота, нашего батальона. А в это время солдаты других рот слонялись по сосновому бору как неприкаянные, почему у них так было я не знаю, у старших командиров не спрашивал, а меня командир батальона похвалил, так и сказал: «Молодец, я в тебе не ошибся». Вроде бы мелочь, а приятно.

ГОРОДСКОЙ РЫНОК

После утреней зарядки рота завтракала, и каждый взвод со своим командиром взвода пошли на занятия, а я со своей командой поехал на рынок, чтобы купить всё необходимое, для приготовления обеда и ужина. День был субботний как раз должен быть хороший базар и нам должно повезти. Как я уже писал, злотых у нас не было, и я хотел нужные мне овощи выменять на продукты, такие как растительное масло в бутылках, тушёнка, сгущённое молоко, ну и мешок муки у нас был. Думал обмен товара, надо сделать с пользой для себя, так как не так давно кончилась война, и продукты были ещё в цене. Ещё надо учесть время года, осень, овощи только убрали, а они, товар, быстро портящийся, вот на этом я и хотел сыграть.

Базар мы кое-как нашли, он находился на другой стороне городка, от того места, где остановился наш батальон. Заехали прямо на территорию базара, где находились торговые ряды. Овощей на базаре было много, ими завалены были все стеллажи, притом бери на выбор, что твоей душе угодно, тут тебе и капуста, и свёкла, лук, чеснок, перец болгарский и ещё всякая всячина.

Мы остановились там, где уже стояло множество телег и две машины не известной мне марки. Некоторый транспорт был разгружен, а другой ещё не разгружен, видать места на прилавках не хватило. Как я заметил, на базаре продавцов товара было много, а покупателей что-то не видно, и поэтому, как только торговый люд увидел нашу военную машину, сразу все повернули головы в нашу сторону. Возможно, они в нас увидели покупателей, а может, подумали, что облава. А что, времени после такого грандиозного события, как Великая отечественная война прошло немного, люди ею напуганы, так как, машина у нас военная, и притом крытая брезентом, чтобы продукты не было видно. Так что мои предположения вполне могут быть правильными. Но нет, на облаву не похоже, подумал торговый люд, я вышел из кабины, вслед за мной с кузова спрыгнул повар Сергей, и мы с ним пошли по рядам, заваленными всякими овощами, присматриваясь и торгуясь.

Рыночные продавцы сразу поняли, что это покупатели, а на обмен не идут. Я остановился и думаю, что же делать, а мой повар, увидев моё затруднение, говорит мне: «Да ладно, товарищ старшина, чего расстраиваться, сварим кашу и все дела». Я повернулся к нему и говорю: «Кашу-то мы с тобой сварим, но хотелось бы наших танкистов накормить хорошим борщом, я думаю, что так было бы лучше». Мы с Сергеем стоим в раздумье,

и не знаем, что делать, я смотрю вокруг и думаю, может с телег попробовать договорится. В это время, я вижу, один пан отделился от толпы продавцов и идёт к нам. На вид мужчине немного за пятьдесят. Подошёл к нам и спрашивает: «Цо пану, потшебны овощи?» — «Так, — говорю пану, — надо овощи и много, а вот злотых у нас нема, хотели договориться и обменять овощи на наши продукты, но паненки не соглашаются вот мы и думаем, что делать» — «А цо за харч бэнде у вас?» — поляк говорил на смешанном польско-русском языке. «Да разные продукты: тушёнка, сгущённое молоко, растительное масло в бутылках, крупа разная, мука, вот такой у меня товар. Так что подумайте, может, что надо?» — «Добже, — сказал пан, — пойдёмте со мной, там у меня стоит бричка полная овощей, так что договоримся». Подошли к его бричке, возле неё стоит молодая особа, лет двадцать или чуть больше, она смотрит прямо на меня и улыбается, а ямочки на её щеках так и играют. Дивчина сама по себе симпатичная, стояла у брички и, глядя на нас как мы торгуемся, загадочно улыбалась. Что таила её улыбка, я не знаю, но может, потом узнаю, а пока мне пан говорит: «Назови что тебе надо, а потом поторгуемся». Я начал перечислять: «Четыре кочана капусты, ведро картошки, ведро моркови, четыре свеклы, ведро лука и вот ту, показываю ему низку чеснока, думаю и всё». Пан поляк, что-то в уме прикидывал, а затем спросил меня: «А что ты мне за это дашь?» — «Думаю за всё то, что я перечислил дам тебе взамен, два ведра крупы, три банки тушенки свиной, три банки сгущённого молока и бутылку растительного масла, ну как?» — «А что, — говорит пан дивчине с ямочками, — обмен неплохой, а то снова придётся домой возвращаться с полной бричкой овощей, ну как, будем меняться?» — спрашивает пан девушку. А она стоит, смотрит на меня и улыбается, и по всему видно, что этот торг её не интересует. Тогда хозяин овощей говорит мне: «Я думаю, будем меняться». Я Сергея отправил за мешками и чтобы они с Виктором принесли все те продукты, на которые будем менять овощи. Когда Сергей ушёл, я, чтобы не молчать, кивая на девушку, спрашиваю у пана: «Цо жонка пана?» — «Ты что, — засмеялся пан, и махнул на меня рукой, — она дочка моя, Агнешкой зовут, а жена дома, её мама, показывает он на Агнешку, вот замуж никак не могу выдать, парней-то всех война забрала, а кто есть, те ей не нравятся. Я дочке говорю, ты хоть нам с матерью внуков роди, мужа не будет и ладно, а то мы с матерью помрём, с кем ты останешься, а хозяйство у нас большое и помощники ей нужны будут». Я стоял рядом с ним и слушал, что он говорил, видно у него это очень наболело. Своим соседям он это сказать не может, ещё позлорадствуют, кто его знает какие у

них отношения. Ведь нередко соседи живут недружно, и для этого причин всегда достаточно, то межу не поделили, то скотина залезла в соседский огород и всё там потравила, да мало ли причин для ссоры с соседями. Вот не так давно, уже в настоящее время, по этому поводу наш президент В.В. Путин сказал так: «Легче любить весь мир, чем своего соседа». Это он сказал по поводу не простых отношений, между Россией и Европой. А это примерно одно, и тоже. Так что лучше всё высказать чужому человеку, он послушает и уедет, и от этого ему плохо не будет, а тому, кто излил душу, станет легче. Мы с паном ещё поговорили, он мне рассказал о многих своих проблемах, но в основном, это касалось Агнешки. А Агнешка стояла на той стороне брички и участия в нашем разговоре не принимала, просто стояла, смотрела на меня и улыбалась своей обаятельной улыбкой. Затем она наклонилась к своему отцу и что-то ему шепнула на ухо. Пан её выслушал, затем мне говорит: «Послушай, пан капрал, Агнешка хочет узнать твоё имя, только не знаю, зачем это ей?» Пан сказал эти слова и как-то плечами передёрнул. «Семёном меня зовут, — ответил я. Отец Агнешке говорит: «Слышала, его зовут Семёном, понимаешь, Семён?» Она на меня загадочно посмотрела и задумчиво сказала: «Так, так, Симон», — на свой манер, исправила она моё имя. «Видать, понравился ты ей, — сказал пан, её отец, — сколько ездим на рынок, это впервые. Да и кто тут на базаре ей, молодой и красивой девушке, может понравиться? Ты, Семён, посмотри на эту серую разношерстную толпу, в ней не на ком даже взгляд остановить, и кто тут из них может понравиться моей Агнешки, да никто. А ты, молодой, статный, по всему видно, что ты здоровый парень, вот такой жених нужен нашей дочери». Затем он обращается к дочери и говорит ей: «Скажи, Агнешка, нравится тебе Семён?»

— «Так, так, Симон коханный (хороший, красивый)», — говоря эти слова, она наклонила голову, как бы пряча своё стеснение. Нет, думаю, надо быстрее заканчивать сделку и уезжать отюда, а то меня прямо у брички женят, и главное то, что я сопротивляться не буду, уж больно хороша паненка. К счастью, подошли Сергей с Виктором, и принесли на обмен продукты, пан осмотрел каждую банку, посчитал их, а затем сказал: «Теперь, Семён, выбирай, какие на тебя смотрят».

Эту миссию я доверил своему повару, он в таких вещах разбирается лучше меня. Пока мои помощники складывали овощи в мешки, я изредка поглядывал на Агнешку. Конечно Агнешка хорошая девчонка, и можно бы было с ней встретиться, но если к ней ехать, то надо убегать в самоволку, а это чревато грустными для меня последствиями. Да что это я размышляю

впустую, надо у пана узнать, где они живут, может это недалеко от нашего лагеря, тогда всё будет проще сделать. По этому поводу, я задал пану этот вопрос, и он мне объяснил, что живут они недалеко от того места, где остановился наш лагерь, затем уточнил: «Второй дом от вас по правой стороне, прямо по дороге, так что мы живём рядом. Семён, ты посмотри, как Агнешка на тебя смотрит, ты ей очень понравился». Тем временем мои орлы загрузились овощами и пошли к машине. А пан мне говорит: «Моей дочери ты очень понравился, и она хочет пройтись с тобой, по рынку, не хочет с тобой быстро расставаться». Пока пан говорил, его дочь подошла ко мне, смотрит на меня, но не решается взять меня за локоть. Я правой рукой взял низку чеснока, левый локоть подставляю Агнешке и мы с ней пошли по направлению к моей машине. Тихонько идём, девушка прижалась к моему плечу и идёт молча. Ну, правильно, что она ничего не говорит, она же знает, что я из её слов ничего не пойму, поэтому лучше идти молча. Подошли к нашей машине, я низку чеснока отдал повару, затем, мы с Агнешкой развернулись и пошли в обратном направлении. Подошли к отцу Агнешки, он на нас смотрит, и улыбаясь говорит: «Ой, какая же хорошая пара. Семён, может, зайдёшь к нам в гости, ведь вы же почти рядом с нашим домом стоите?» Сказал, а сам смотрит на меня и ждёт ответа. Я тоже стою и на него смотрю и не знаю, что ему сказать. С одной стороны мне хочется уединиться с этой девушкой, а с другой, как это у меня получится, я пока не знаю, и поэтому пану сказал: «Я, конечно, хочу прийти к вам в гости, но не знаю, как это у меня получится. Так что доживём до вечера, а там видно будет». Пока мы с паном разговаривали, Агнешка смотрела на меня, и у неё улыбка не сходила с губ. Затем я с паном попрощался за руку, а Агнешке слегка поклонился, сказал им: «Довидзеня» и уже быстрым шагом направился к своей машине. Иду, и думаю, Агнешка хорошая девушка, и ей надо срочно замуж, хотя бы денька на два. Да и я тоже давно «женат» не был, правда, как то Кутихин пригласил меня сходить к женщинам, за речку на станцию, так я только увидел этих женщин, то сразу ему сказал: «Всё Витя, я пошёл казарму, лучше я ещё десять лет не буду видеть женщин, чем ложиться в постель с такими уродами». Витя пытался меня уговорить остаться, но я был неумолим. А теперь вот я с завистью смотрю на эту симпатичную девушку, которую зовут Агнешкой. Затем я подумал, нет, такой момент упускать не надо, когда ещё он выпадет, а может и не выпадет, надо срочно принимать решение, хотя как его принимать, ведь в наглую не скажешь девушке, что ты мне нравишься и всё тут. Затем я подумал, Агнешка Агнешкой, но о своих обязанностях забывать

не надо, у меня там целая рота солдат ждёт обеда. А его надо ещё приготовить, да и об ужине не надо забывать.

День прошёл нормально, солдаты роты обедали с удовольствием, борщ удался на славу, а как же, приготовленный с тушёнкой да ещё заправленный жареным луком со шкварками. Борщ настолько был вкусен, что бойцы отказывались от каши и просили ещё дать порцию борща. Свою просьбу они мотивировали тем, что к каше с тушёнкой они привыкли, а вот такой вкусной борщ со шкварками они едят впервые. Повар Сергей выполнял просьбы, но только дополнительная порция была не полная, чтобы хватило на всех. Я прохожу мимо танкистов, которые сидят возле танка и обедают, один из них говорит: «Слушай, Никитин, ты согласен здесь подольше задержаться, чтобы такой вкуснятины поесть вдоволь, ведь согласись, в полковой столовой нас таким борщом никогда не кормили?» — «Да, — ответил тот, — дня три-четыре я бы ещё здесь пожил, но не больше, всё-таки в казарме на койке удобней спать, чем здесь на земле под танком». Вот такое резюме.

Отведали нашего борща и офицеры нашей роты, к нашей кухне пришёл и командир батальона, попросил угостить его борщом и при этом сказал: «Уж больно твой борщ, повар, хвалят солдаты, да и офицеры тоже, так что и я хочу его попробовать». Должен заметить, что почти всегда подполковник Лыхин питался с нашей кухни, и всегда был доволен, как-то после ужина он сказал нашему повару: «Всё, повар, записывай меня в свои едоки, вкуснее еды, чем в третей роте нашего батальона нигде нет, да что в нашем батальоне и в других батальонах полка командиры жалуются на скудный рацион: каша и чай, вот и всё. Так что, повар, тебе спасибо от всех бойцов и командиров, и от меня тоже. На эту благодарность командира батальона повар Сергей ответил: «Да что я, это заслуга нашего старшины, где это он всё взял, я даже и не знаю, мне он так и сказал, Сергей, у тебя для хорошего борща всё есть, а остальное за тобой. А я что, мне бы было из чего готовить, а приготовить это дело нехитрое, на то я и повар». Отобедав командир батальона сказал: «Вечером приду к тебе ужинать, что у тебя будет на ужин?» Повар удивлённо посмотрел на комбата и говорит: «Так товарищ подполковник, у меня уже есть каша с поджаркой, так что готовить буду только чай» — «Ну, вот и хорошо, значит, будет каша и чай, а чай, наверное, со сгущённым молоком?» — «Так точно, товарищ подполковник, если старшина выделит из своего резерва» — «Кстати, а где ваш старшина, что-то я его с утра не вижу, хотя моя палатка рядом с вашей кухней?» — «Да в заботах он, товарищ подполковник, сейчас он проводит совещание с командирами танков» — «Ну

ладно, пусть проводит, вечером за ужином встретимся». Пока комбат с нашим поваром говорили, я проводил совещание насчёт дисциплины в экипажах, сказал им, что городок стоит рядом с нашим лагерем, так что, когда стемнеет, обратите особое внимание, на свои экипажи чтобы все были на месте. Затем встретился с командиром роты, спросил, какие будут указания, насчет завтрашнего дня. Командир роты пока ничего не знал, и сказал мне, что, наверное, всё будет так же, как и сегодня.

Вот так весь день у меня и прошёл в заботах. Вечером поужинали кашей, что от обеда осталась, попили бойцы чай со сгущённым молоком и сухариками и начали собираться на ночлег, я сказал Сергею, чтобы они с Виктором заменили сосновый лапник в кузове. Всё шло хорошо, если бы ни эта Агнешка, она, почему-то у меня из головы не выходила. И симпатичная, и улыбалась мне мило, видать, я ей понравился, да, подумал я, хорошо бы с ней встретиться. Вскоре мои мысли зашли так далеко, что я от греха подальше решил отогнать их. Хоть времени было уже и много, но в лагере было ещё светло. Сергей мне доложил, что к ночлегу всё готово, ну вот подумал я, прошёл ещё один день нашего лагерного житья-бытия, интересно, что нам Бог пошлёт завтра?

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

Я уже приготовился забраться в машину и расположиться на ночлег, как вдруг, ни с того ни с сего, мне сообщили, что меня вызывает командир батальона. Услышав это, в меня в голове промелькнуло: «Зачем он меня вызывает? Кажется, я ничего не натворил, в роте у меня всё в порядке: накормлена, напоена и ложится отдыхать, как-то странно всё это, но делать нечего, надо идти».

Когда я зашёл в офицерскую палатку, командир батальона сидел на лавке за столом, я начал докладывать о своём прибытии, он встал, принял мой доклад, а затем сказал: «Сержант Чухлебов, Вы сегодня назначаетесь дежурным по батальону, назначьте караульных и расставьте на своё усмотрение, но так, чтобы охранялся весь батальон. Оружие возьмите из экипажей танков, всё, приступайте». Вы не представляете, что творилось в моей душе, когда я услышал слова нашего командира батальона подполковника Лыхина. Я назначаюсь дежурным по батальону. Сначала я подумал, что это такое? Как такое может быть. Не ослышался ли я, но нет, командир батальона чётко даёт мне задание, что делать во время дежурства. Через секунду у меня появилось беспокойство и вопрос. Справлюсь ли я с такой ответственной задачей? Но затем я подумал, а почему это я не справлюсь, я служу не первый день и опыта у меня достаточно, так что вперёд.

Когда я вышел из офицерской палатки, то в моей душе была песня, даже не песня, а гимн торжества, ведь если меня назначают на такой ответственный пост, то значит, я чего-то стою. Надо учесть, что дежурными по нашему батальону назначались офицеры должностью не ниже командира роты, и очень редко командиры взводов, а тут, сержант, пусть и в должности старшины.

Выйдя из офицерской палатки, я в бодром настроении, построил роту и приступил к выполнению обязанностей, назначил караулы и старших над ними, затем оправил их на место дежурства, а сам, пошёл на дорогу и вместе с двумя помощниками осуществлять патрулирование со стороны дороги. В моей душе продолжала петь песня. Но затем как-то незаметно, эта весёлая песня перешла на грустной мотив. Ведь что ни говори, а в этом доверии есть и другая сторона медали, всю ночь охранять тридцать две боевые машины и больше сотни солдат и офицеров это вам не шутка. Кто знает, какой фортель выкинет тот или другой солдат, а в ответе буду я, дежурный по батальону.

Нет, эта высокая, хоть и временная, должность не подарок.

Но зачем командир нашего батальона это сделал? Может решил проверить меня, на что я способен, но зачем ему это надо? А может он уже знает, что будет отбой боевой операции и решил выпить с офицерами. Это идея и надо её проверить, вот когда стемнеет, пойду к ним в палатку, по какому-нибудь придуманному мною очень важному делу. Вот тогда всё станет ясно. Скажу заранее, что в палатку к офицерам я в ту ночь так и не зашёл, не позволили более важные обстоятельства, так что проверка не удалась. Караулы расставлены, я с двумя своими помощниками, вооружёнными карабинами, хожу по дороге, которая ведёт в город, и, так сказать, контролирую обстановку.

Мы расположились на самом краю этого небольшого города, его частные дома находятся рядом с нашим лагерем. Дорога освещена фонарями, которые висели на столбах, и поэтому было светло и всё прекрасно видно, так что я чувствовал себя здесь комфортно.

Ходим по дороге туда-сюда, всё тихо, мирно, вечер тёплый, прекрасный, в сосновом бору дышится хорошо, прямо не служба, а праздник, хотя я об этом уже писал, но погода действительно отличная, так что и повториться не грех. Прошли снова до «дежурного» дома, затем повернулись назад, тишина никого нет, но вот вижу, к нам навстречу идёт мальчишка лет 13–14. Идёт он как-то странно, озираясь по сторонам. Думаю, где же он был так поздно, и он куда-то ещё идёт, уже часов десять вечера, на улице темно, а он ходит в темноте, родители его, наверное, потеряли, надо его остановить и отправить домой. Но мальчик сам остановился возле нас, и говорит мне: «Пан официр, там ваш солдат на забаве с паненками это…» Он не договорил, опустив голову. Слово «забава» для меня было не известно, и я на польском языке, спросил его: «Цо то е, забава?» — «Забава есть танцы», — и показывает, как они там танцуют. «Хорошо пойдём, покажешь, где ваша забава» — «Пойдёмте, тут недалеко, я вам покажу». Парнишка бойко говорил на русском языке, и я спросил у него, где он так хорошо выучил русский язык? «Так в школе нам преподают, вот там и научился», — ответил он.

Я, два патрульных с карабинами на плечах и мальчишка с нами пошли на «забаву». Подходим к одноэтажному зданию, в котором открыта дверь, и из неё падает свет и льётся музыка. «Вот сюда, показывает мальчишка на открытую дверь». Мальчишка остался на улице, а мы трое зашли в помещение. Патрульные остановились у двери, а я пошел в глубину зала, где были танцы. Только я сделал несколько шагов по залу, как ко мне подскочила симпатичная девушка, и стала приглашать меня за

стол, я движением руки, остановил её и сказал: «Ниц, паненка, я працую». Она сразу отступила в сторону и сделалась серьёзной. Смотрю, на середине зала, наш рядовой Соснин, в такой расслабленной манере, слегка в подпитии, танцует с девушкой, там танцуют ещё несколько пар поляков. Сначала они на меня не обращали внимания, затем я подошёл к Соснину, он увидел меня и залепетал: «Товарищ старшина, пойдёмте за стол там есть что выпить, и закусить, девушки-полячки нас угощают». Я ему не дал договорить, крикнул: «Прекратить разговоры, застегните воротничок, и наденьте пилотку». Он быстро начал застегивать пуговицы, взял с головы девушки свою пилотку, и надел на себя, и тут снова начал говорить, как здесь хорошо и приглашать меня за стол. Я вижу, что он плохо понимает, или не хочет понимать, кто перед ним, и что дальше будет. Даю команду своим помощникам: «Патрульные солдаты, ко мне». Подошли патрульные, я командую им: «Взять карабины наизготовку, дослать патроны в патронник». Лязгнули затворы карабинов, в зале воцарилась мёртвая тишина, все поняли, что это не шутка. Соснин уже сидел за столом и, как видно, хотел ещё выпить, но я не дал ему это сделать, своим громким, зычным голосом я крикнул: «Рядовой Соснин, встать, смирно, Вы арестованы». Дальше даю команду: «Патрульный Габдурахманов, снимите с него поясной ремень». Патрульный снял с него ремень, а затем я дал команду: «Рядовой Соснин, на выход, шагом марш». На этот раз он понял, что дело серьёзное и послушно пошёл на выход, за ним последовали патрульные солдаты.

Всё это время пока я разбирался с Сосниным, в зале стояла мёртвая тишина, никто ни говорил ни слова, десятка два девушек и парней поляков, зажались в углах зала, смотрели испуганными глазами и ждали, чем всё это кончится. Когда Соснина увели, я спокойным шагом, при полной тишине в зале, дошёл до выхода, повернулся и, приложив руку к пилотке, как бы отдавая честь, на польском языке сказал: «Довидзеня, пановье», повернулся и ушёл в открытую дверь. Когда я прощался с польской молодёжью, то заметил, что они так же сидели по углам, и на мои прощальные слова никто не произнёс ни слова, а только одобрительно кивали головами. В этот день, я рядового Соснина наказывать не стал, а передал его командиру танка, в экипаже которого он числится. Передал и подумал, я с тобой разберусь, когда вернёмся на постоянное место пребывания. Я снова вышел на дорогу, стоим с Алексеем Зенцовым и разговариваем, смотрю, тот мальчишка опять идёт к нам, подошёл и говорит: «Пан официр, моя сестра просит, чтобы вы её проводили домой, а то она боится ваших солдат». Я спросил у него: «Где твоя сестра, и куда её надо

проводить. Он мне рассказал, что его сестра ещё на забаве, а живут они вон в том доме и показал рукой на дом, к которому мы прогуливались, дежуря. Я думаю, с мальчишкой давно общаемся, надо узнать, как его зовут, а за одно, как зовут его сестру. Задаю ему вопрос: «Мальчик, а как зовут тебя и твою сестру, которую я должен проводить домой?» — «Меня зовут Анджей, а сестру Марыся» — «Ну, вот и хорошо, теперь мы с тобой знакомы». Мальчишка посмотрел на меня, что-то подумал, а затем сказал: «Но я не знаю, как Вас зовут, а Марыся просила узнать Ваше имя». О, подумал я, раз у Марыси интерес ко мне, значит, у неё есть какие-то далеко идущие планы, и назвал Анджею своё имя. Он ничего не ответил, только кивнул головой, и ушёл за сестрой, шепча что-то губами. Через некоторое время появился Анджей и с ним миловидная девушка, на вид лет шестнадцати. Я спрашиваю у Анджея: «Это твоя сестра?» — «Так, — отвечает он, — сестра Марыся». Ладно, думаю, почему бы их не проводить, ведь все-равно я с патрульными солдатами хожу по этому маршруту. Идём, разговариваем, я спрашиваю мальчишку, как он учится, кто у них преподаёт русский язык, большое ли у них хозяйство, ну и другие житейские вопросы. На мои вопросы, в основном, отвечал Анджей, но иногда вставляла слова и Марыся.

Вскоре мы дошли до их дома, Марыся, на правах старшей сестры, на польском языке сказала, чтобы Анджей шёл домой. Парнишке не хотелось уходить, но он попрощался со мной и неспешно пошёл к своему дому. Как только Анджей скрылся за домом, в Марысю как будто бесёнка вселили, она стала весёлая, озорная и слегка наглая. Засыпала меня кучей вопросов на разные темы, но главная была, нравятся ли мне польские девушки. Я ей пытался объяснить, что кроме неё я никого и не видел, так что мне тебя и сравнивать не с кем. Я подумал, что проводы надо заканчивать и сказал ей: «Марыся, мне пора идти, так что давай прощаться». Я протянул ей руку, чтобы проститься, но она спрятала свою руку себе за спину и говорит: «Разве с девушкой, так прощаются, ты, наверное, и не умеешь это делать, давай я тебе покажу, как надо прощаться». И начала мне показывать, как надо прощаться. Я конечно был не против того, чтобы научиться прощаться, но, во-первых, у меня не было времени на это, да и дежурство надо осуществлять. Говорю Марысе: «Всё, иди домой, мне надо идти на дежурство» и начал её за плечики легонько подталкивать на тропинку, которая ведёт к её дому. А она мне говорит: «Симон, тогда ты проводи меня до дома». Я проводил её до угла дома, чмокнул в щёчку и бегом побежал на дорогу, где меня ждали патрульные.

Ночь прошла спокойно, за это время я несколько раз

проверял караулы, неоднократно обходил вокруг территории батальона, все было нормально и беспокойств не вызывало. На другой день утро, как обычно, началось с подъёма батальона, а затем дневные заботы, и все же я днем успел поспать, а то после ночного дежурства было тяжеловато. В этот день мне с дежурством снова «повезло», но теперь я был дежурный не по батальону, а по роте, так что ответственность была в разы меньше. Я снова патрулировал на дороге, ходил с караульными по тому же маршруту, что и вчера. А что не дежурить, обстановка в роте нормальная погода отличная, вечер сегодня тихий и теплый, в сосновом бору дышится хорошо, прям не служба, а какой-то курорт. Навстречу нам то и дело идут люди, которые живут в близстоящих домах, некоторые с нами здороваются, а другие нет. Ну и Бог с ними, мы же здесь ходим не для того, чтобы с нами здоровались те, кто мимо нас проходит, мы несём службу вот и всё. Транспорта, практически нет ни какого: ни машин, ни телег. Хожу со своими помощниками по дороге, почти от ворот, что ведут в городок, и до ближайшего частного дома, что стоят вдоль дороги это примерно метров двести. Вот в этом доме Агнешка не живёт, она живёт в другом доме, что метров на сто дальше. Но это тоже недалеко. Интересно, ездил сегодня на базар пан со своей дочерью, а если ездил, то вернулись ли они из базара, а если вернулись, то что Агнешка делает сейчас? За мыслями мы не заметно дошли до конца нашего летнего лагеря, а он заканчивается как раз возле первого дома, повернули назад и идём к городским воротам. Вижу, в свете фонарей, навстречу нам идёт бричка, запряжённая парой лошадей, ну думаю, хоть один транспорт едет, а то никого нет, а без движения по дороге как-то скучно нести дежурство.

Как только телега с нами поравнялась, я, со своими помощниками отступил на обочину чтобы пропустить повозку. Вдруг телега остановилась, и я слышу голос, который зовёт меня: «Пан капрал, хоть досюда». Я сразу узнал голос пана, у которого покупали овощи. Подхожу ближе к повозке, вижу пана, а с ним рядом сидит Агнешка. Если честно, то я обрадовался, что снова увидел её. Она, наверное, тоже рада была нашей встрече, так как смотрела на меня и мило улыбалась. Пан кивает головой на овощи, которые лежат в телеге, и говорит мне: «Ты бы забрал себе овощи, которые остались от базара, а то куда мне их, завтра они будут уже не базарные, так что ты лучше их в котёл, пользы больше будет. Возьми так, пенёнзе не надо». Я поблагодарил поляка, а сам подумал, что это он такой добрый, хотелось бы знать, но вслух ничего говорить не стал. Затем я отправил одного из своих помощников, чтобы он позвал повара и Виктора с двумя

пустыми мешками и пусть с собой захватят ведро крупы и два сухих пайка. Думаю, все равно такого любезного пана надо отблагодарить. Как только я дал задание и мой помощник ушёл, я решил с паном поговорить, чтобы не стоять истуканом. Вот какой получился у нас разговор. Я: «Как прошла торговля на базаре?» Пан: «Ни так добже, як надо, но продавать надо, а то мы ещё и половину своего урожая не продали. А так мало- помалу, но всё же пенёнзе есть». Я: «А огород-то у Вас большой?» Пан: «Для нас троих очень большой, так что работы хватает». Пока мы с паном говорили, Агнешка то и дело наклонялась к его уху и что-то ему шептала. Он ничего ей не отвечал, только от неё рукой отмахивался. Мне стало жутко интересно, что же его дочь шепчет ему на ухо, и я не выдержал своего внутреннего напора и спросил у него: «А что пани Агнешка Вам на ухо шепчет, если не секрет, то скажите?» — «Да она хочет узнать, долго ли пан капрал будет нести караул, и если долго, то где он его будет нести».

«До утра, вот здесь же, на этой дороге», — ответил я. Сказал, а сам подумал: «Зачем она спрашивает? Может она, что-то задумала, надо быть осторожней с этой особой, всё-таки она иностранка». Пан ей перевёл, что я сказал, она заулыбалась и согласно покивала головой. Тут же подошли мои помощники, Сергей мне передал два бумажных пакета с сухим пайком, где находились, десять сдобных сухарей, банка сгущённого молока и банка тушёнки. Я всё это передал пану, он развернул, один пакет увидел, что там лежит, заулыбался и сказал: «Дзенькую барзо, очень хороший обмен товарами». Повар с помощником загрузили овощи в мешок и с помощью моих патрулей потащили всё на кухню. Я за руку попрощался с паном, улыбаясь, кивнул Агнешке, и они уехали. Я продолжал дежурить со своими помощниками. Где-то к полуночи пришёл повар Сергей и принёс кружку сладкого чая и три сухаря, остановился и говорит мне: «Товарищ старшина, подкрепитесь, а то Вам целую ночь дежурить, тяжело будет без еды». Я взял у повара кружку с чаем и сухари и присел на рядом лежащее бревно, чтобы перекусить, а Сергею сказал: «Ты там покорми моих помощников, нам ведь вместе придётся до утра куковать». Сергей с моими помощниками ушёл, а вскоре ко мне пришёл Зенцов, сел на бревно рядом со мной и завёл неспешный разговор. В ответ я предложил ему сухарь, и мы с ним сидим, грызём сухари и по очереди из кружки запиваем их чаем. Сидим мирно кушаем, а что не сидеть погода отличная воздух свежий рай, да и только. Об Агнешке я в это время не думал, а что думать, поговорили и они уехали да, наверное, обо мне уже и забыли. Но оказывается, нет. В какой-то момент я повернул голову в сторону дома Агнешки и увидел идущего человека в

светлой одежде. Я поднялся, отдал кружку Зенцову, надел на его руку повязку дежурного и сказал ему: «Всё Лёша, ты теперь дежурный по роте, а я на время удалюсь, повернулся и пошёл навстречу фигуре в светлой одежде. Я был уверен, что это идёт Агнешка ко мне на свиданье.

Когда между нами было шагов десять, а может пятнадцать, я убедился что это действительно идёт Агнешка, и, наверное, она идёт на встречу со мной, ведь не зря же она узнавала, долго ли я буду дежурить. Не доходя до Агнешки метров пять, я протянул к ней обе свои руки ладошками верх, чтобы показать, что я ей полностью доверяю. Девушка подошла ко мне, положила свои ладони на мои ладони и крепко ко мне прижалась. Так мы, обнявшись, простояли минуту другую, затем Агнешка отпрянула от меня взяла меня за руку и потащила в сторону своего дома. Мы шли с ней довольно быстро, а иногда даже бежали, но Агнешка всё подгоняла меня словами: «Пренько, пренько». Я знал, что эти слова на польском языке обозначают «быстрее».

Так мы пренько вбежали в их двор, собака, выскочила из конуры тявкнула два раза, но Агнешка на неё прикрикнула, и та замолчав, снова залезла в конуру. Агнешка повела меня к невысокому домику, что-то вроде нашей летней кухни, открыла дверь, и мы в неё юркнули. До первых петухов время пролетело быстро, я поднялся и начал быстро собираться, в темноте путая галифе с гимнастёркой. Агнешка решила мне помочь встала и включила свет, со светом я оделся быстро. Девушка проводила меня до калитки, дальше я ей идти не разрешил, попрощался с ней и побежал по дороге в лагерь. Бегу, а сам думаю, сколько же я был у Агнешки, наверное, часа два не больше, хорошо если в роте всё в порядке, ну а если что, то Зенцов меня подстрахует. Встречаю Зенцова там, где я его оставил, он злится, что меня долго не было, ну ничего думаю, пусть злится, не только ему на мне кататься пусть и он за меня поработает. Алексей меня встретил недобрым взглядом, но ничего не говорит, а я его спросил: «Лёша, как дела в роте?» — «Да всё в порядке» — «Ну и хорошо, тогда ты давай мне повязку, а сам иди, отдыхай, но сначала подними поваров, пусть начинают готовить завтрак, а то кто его знает, вдруг рано утром дадут команду в поход, солдаты и позавтракать не успеют». Алексей ушёл, а я прогуливался по асфальту, а все мысли были там, рядом с Агнешкой, эх думаю, хорошо бы здесь задержаться этак на недельку, но как всё выйдет ещё не известно.

Я сел на поваленное бревно, посидел немного и чувствую, что меня потянуло в сон, думаю вздремнуть бы с часок, но холодно как бы не простыть. Решил, послал патрульного солдата, за

шинелью и предупредил его, чтобы он посмотрел, работает ли повар Сергей. Патрульный принёс мне шинель и сказал, что повар уже на кухне. В шинели стало тепло, я вздремнул и скорее всего немного поспал. Разбудил меня патрульный, сказал, что скоро подъём.

Утром, когда рота позавтракала, пришло сообщение, что боевой тревоге дали «ОТБОЙ» и надо возвращаться к постоянному месту дислокации, то есть домой. Домой возвращаться всегда легче, хотя и дорога была трудная, наши танки за время движения её так разрыли, что в пору было строить новую дорогу, но делать нечего, надо ехать домой и мы ехали. За время движения в обратном направлении колонна сделала всего один привал и то на один час. За этот час я успел накормить всех бойцов роты и, конечно командира батальона, подполковника Лыхина. Затем снова в путь. Я ехал на машине в кузове, стоял и смотрел на природу Польши и её города, которые мы проезжали.

Как только мы покидали очередной город, я думал, вот ещё на один город я стал дальше от прекрасной девушки Агнешки. От этих мыслей мне делалось грустно, но как не грусти, а служить надо дальше и тут ничего не поделаешь. Что бы закончить мою амурную тему скажу, что больше я с Агнешкой не встречался, хотя и делал попытки. Но всё упиралось в то что я не записал её адрес, или хотя бы название того городка у которого мы останавливались лагерем. Вот такая моя ошибка. Хотя кто его знает, надо ли было снова встречаться с девушкой, ведь за границей такие встречи не приветствовались командованием. Вскоре после возвращения нас переселили в другую казарму. Это было одноэтажное здание, большое и чистенькое, длина здания порядка тридцати метров. Говорят, что раньше у немцев в этом здании были конюшни и в них держали лошадей, но когда это было толком ни кто не знает, скорее всего, в тридцатые годы, а то бы, зачем в танковом подразделении такое количество лошадей. Но как бы там не было, новая казарма мне нравилась, чистое большое помещение, все койки и солдаты на виду, так ими управлять легче.

КРАЖА И ШТРАФНИКИ

Вскоре после переезда в новую казарму в нашей роте произошла кража. Один солдат ездил в отпуск по семейным делам и привез наручные часы, вот их у него и украли. Обнаружилось это утром, после сна. Перед сном парень положил часы на свою тумбочку, а проснулся, тумбочка на месте, а часов нет. Сообщил своему командиру танка, ну а тот по инстанции мне, как старшине роты. Построив роту на физзарядку, я объявил о краже часов, и попросил найти часы до завтрака и доложить мне. Но до завтрака никто мне ничего не докладывал, значит часы не нашли. Я стою перед ротой и думаю, может времени было мало, и его надо продлить до вечера, ну а если вечером не найдутся часы, тогда доложу командиру роты, а он решит, как поступать дальше. Своё решение я объявил солдатам.

Конечно, подумал я, можно было бы и сразу доложить, но я хотел решить вопрос своей властью, а то начнутся разговоры, типа у старшины третьей роты «ЧП», значит у него не всё так хорошо, как кажется на первый взгляд. Отпустив коллектив роты на занятия, я занялся непосредственно своими делами, а у самого из головы не выходят эти часы. Конечно, наручные часы в то время вещь была редкая, особенно в армии, да надо и учесть, что это был подарок сестрёнки нашего солдата, это давало совершенно другую окраску в солдатской среде.

Подавляющее большинство военнослужащих тщательно чтут родственные отношения, и такое надругательство над их памятью, злило солдат. Среди солдат в то время разговоры шли в основном о краже, и задавались вопросом, как найти того, кто украл часы. Но солдаты только вели разговоры, а вот рядовой Гафиулин подошёл ко мне и говорит: «Товарищ старшина, не надо докладывать командиру роты на счёт часов, после отбоя я вам их вручу. Но учтите, часы будут, а кто их украл того не будет». Я внимательно посмотрел на рядового Гафиулина, этого крепыша среднего роста, и спрашиваю: «Что, Гафиулин, чтите закон воровской чести?» Он немного помолчал и ответил: «Да нет, я просто не хочу, чтобы меня назвали стукачом». Я согласился с его предложением, в данный момент мне надо было вернуть часы парню, который очень переживал, а кто украл, со временем узнаем. А Рената Гафиулина я уважал за его вдумчивый подход к делу. Возможно, рядовой Ренат Гафиулин стал таким, потому что служил уже четвёртый год, и было неизвестно, когда он уедет домой, хотя срок службы, у него уже закончен. Но он и ещё некоторые старички его призыва продолжают служить, хотя

службой это назвать трудно.

А произошло это вот по какой причине. По армии вышел приказ, за подписью министра обороны, что те военнослужащие, которые сидели на гауптвахте, обязаны дослуживать количество, дней которое они отсидели на гауптвахте. Вот и Г афиулин попал в тот список, за ним числилось 32 дня гауптвахты. То есть, он должен служить ещё 32 дня к тем трём годам, что положено призывнику.

Такой приказ, мягко говоря, не одобряли не только те, кто в него попал, но и офицеры и вот почему. Таких, как Г афиулин в полку набралось двадцать человек, там были и танкисты, артиллерист, связисты и другие, всех перечислять не буду. Командование такую большую группу старичков не знало куда девать, ведь на их армейские должности уже пришло пополнение и они как бы свободны, но они в полку, и сними надо, что то делать. Было принято решение из них организовать взвод ремонтников, затем им назначили командира взвода. Это, вновь созданное образование в полку, солдаты между собой называли взвод штрафников или просто штрафники. Командование полка как бы решили задачу штрафников, и, как говорится, дали команду вперёд. Ну ладно, создали рабочую бригаду, так пусть работают. И они работали «ни шалко, ни валко», строили кирпичный забор около склада, заборчик был небольшой и за три дня они его построили.

После этого работы на территории городка не оказалось, и их направили работать на полигон, из досок делать новые макеты танков. А это ни много, ни мало, а три километра до полигона, да ещё километр до макетов, итого четыре километра. Вы только представьте, что человек, который отдал долг своей Родине, а после этого он должен испытывать такие унижения, так думали и говорили вслух штрафники. Так вот, чтобы ежедневно не топать эти восемь км, они ночью сделали «набег» на тот самый забор, который они же и строили, и от забора, как говорится, остались только рожки да ножки. Тогда начальство снова поставило их строить этот забор, вот так они его то строили, то ломали, но вроде как бы работают. Ну ладно работают и работают, но дело в том, что у этих, так называемых, штрафников разные сроки «отсидки», от трёх до тридцати двух дней. А допустим, если у кого-то закончился срок пребывания в воинской части, то будьте добры отправьте его домой. Но это легко сделать, если ты служишь на территории Союза, там за ворота вывели и до свиданья. А за границей, по всей территории чужого государства, уволенного солдата, должен сопровождать специально назначенный офицер. Тогда, назначенный сопровождающий

должен двадцать раз ездить туда-сюда. Так это, извините меня, в какие деньги выльется, никакого бюджета полка не хватит. А собирать всех и отправлять в один день, так это такая головная боль, что если я всё буду описывать, так мне надо будет по этому поводу выпустить отдельную книгу. Поэтому я ограничусь только самыми важными замечаниями. В первых, если у штрафника, закончился срок, то его должны на другой день отправить домой, иначе нарушение приказа министра обороны. А я вас уверяю, что отправлять по одному солдату ни один командир части не будет, всё из-за того же бюджета, а штрафники! Они же будут возмущаться, саботировать работу, не подчиняться командирам, по причине, я, мол, своё отслужил, так отправьте меня домой. И главное то, что они правы. И как быть командиру части. И вот ещё что. Из них сделали роту штрафников, но ночлег-то у них был на старых местах, то есть там, где они служили, и их, мягко говоря, несерьёзное отношение к службе, пагубно действовало на молодых солдат. Я не знаю, как там было в других ротах, а в нашей третьей роте, штрафник был один Гафиулин, и относился он к службе так, как будто он уже был на гражданке. Команду подъём он не выполнял, на зарядку не ходил, на завтрак тоже, иногда ходил на работу и редко с ротой строем ходил на ужин. Я над ним строжиться не стал, подумал к чему это, человек четвёртый год служит, ему эти команды надоели до чёртиков. Я с ним поступил по-умному, построил доверительно-товарищеские отношения, не хочет подниматься по команде «ПОДЪЁМ», пусть лежит, отдыхает, захочет сам встанет. По другому распорядку дня поступал так же. И за это он мне был благодарен. Вот и сейчас взялся найти часы, он понимает обстановку и решил мне помочь. Как он их искал, я не знаю, но уже после отбоя, когда я лежал на койке, он подошёл ко мне и говорит: «Товарищ старшина, вот украденные часы» и подаёт мне наручные часы с ремешком. Как я позже узнал, часы украл всё тот же Соснин. Кстати, он тоже питерский, в коллективе роты вёл себя, так как будто он по значению выше других. По казарме ходил походкой моряка, слегка расставив носки сапог. О такой походке мне раньше Захаров говорил, что так ходят моряки, при ходьбе они как бы своим клёшем подметают тротуар. Но у нас в казарме тротуара не было, да и у Соснина клёш отсутствовал, но он все равно ходил флотской походкой, а по манере поведения изображал из себя, этакого блатного, видать лавры Лёньки Пантелеева не давали ему покоя. Должен сказать, что за ним постоянно водились всякие мелкие грешки в виде кражи, то зубной щётки, то зубного порошка, или что-нибудь другое. Такие мелочи ему прощались, пожурю его и на этом как бы дело заканчивалось. Но я знал, что

он не остановится и обязательно наломает дров, да так, что назад хода не будет. И такое произошло, но это было позже, когда я старшиной уже не был.

А приказ на штрафников действовал дней десять, затем в штаб поступил новый приказ, отправить всех штрафников домой. И, на мой взгляд, это был самый правильный приказ, так как все вздохнули с облегчением, вы не представляете, какую головную боль он вылечил всем, и штрафникам, и офицерам, и особенно нам, старшинам.

МОЙ ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР И ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Как гласит солдатская поговорка, «Солдат спит, а служба идёт». Так и у меня, наступил долгожданный мой последний год службы. На дворе январь 1957 год. Знаете, служить ещё много, а настроение уже лучше, все-таки этот год последний в моей службе. Как-то в один из дней я строил роту на обед, обычно в это время командир роты не приходит, а тут смотрю, идёт. Я, как и положено, дал команду «СМИРНО!» и доложил по уставу. Он меня выслушал, дал команду «ВОЛЬНО», и начал осматривать, как на солдатах сидит военная форма. Обычно это делаю я, заставляю приводить в порядок их обмундирование. А тут я не успел, и командир роты во всей красе увидел, кто как одет.

Ротный ходит вдоль строя и делает замечание тому или другому солдату, наконец, ему это надоело и он говорит: «Почему вы так неряшливо одеваетесь, воротнички на все пуговицы не застегнуты, а поясные ремни висят на том месте, где висеть не должны, то место пригодно для другой цели». Правда, ротный по этому поводу выразился по-другому но, как он сказал, я писать не буду. «Неужели вы не знаете, — продолжал он свои наставления, — как солдат должен быть одет? Есть же плакаты, на которых показано, как должна сидеть армейская форма на солдате». Затем он подходит ко мне, и говорит: «Да зачем вам плакаты, вот посмотрите на своего старшину, у него с внешностью всегда всё в порядке, вымыт, побрит, пилотка сидит, как и положено, на голове, а поясной ремень затянут так, что под ремень невозможно, затолкать палец. Вот смотрите». И в это время он попытался затолкать свои два пальца под мой ремень, но не смог. Затем он бросил это бесполезное занятие и снова обратился к роте: «Вот, смотрите на своего старшину и всегда выглядите как он, не надо вам никаких плакатов, у вас образец перед глазами, смотрите на него и будьте как он, вот и всё».

Скажу вам, не хвалясь, я действительно одевался аккуратно, и не потому что я был старшиной, а в силу своего характера, эту аккуратность я пронёс через всю свою жизнь и сейчас стараюсь одеваться аккуратно и красиво.

А служба шла своим чередом, и всё было хорошо, в роте был порядок, грубых нарушений дисциплины не было, а те мелкие, которые иногда случались, я их «гасил» сам, начальство мною было довольно, служи до конца, да и только. Но в последнее время я заметил, что эта должность стала мне надоедать, да и не по специальности она мне. Всё-таки я учился на командира танка, а работаю старшиной. А кто такой старшина, это хозяйственный

работник, хоть и лестно конечно, что в отсутствие командира роты и других офицеров я исполняю обязанности командира роты. Но это мне льстило в начале моей старшинской службы, а сейчас мне хочется в танк, в боевую машину, погонять на ней, пострелять, да и вообще заняться настоящим делом. Лежу на койке и всё в голове прокручиваю. Бойцы уже давно спят, только храп по казарме раздаётся, а мне не спится, надо принимать решение и переходить в боевые единицы танкистов. Но как это сделать, что ни говори, у старшины роты преимуществ по службе больше, чем у командира танка, а если я уйду, то все преимущества потеряю. Прямо не знаю, как и быть. И всё же, подумав пару дней, я решил сменить военную профессию. «Всё, решено, — сказал я сам себе, — завтра я попрошу командира роты, чтобы он перевел меня командиром танка, если надо, то и заявление напишу». С такими думками я и уснул.

На другой день, когда после завтрака все ушли на занятия, в казарме остались только командир роты, я и дневальный по роте. Командир роты, капитан Мезенцев, сидел за столом и что-то писал в своём блокноте, я стоял в сторонке и настраивал себя, чтобы поговорить с ним. Момент был хороший, так что не надо его упускать.

Я приготовился, поправил пилотку на голове, разгладил складки гимнастёрки под ремнём, подошёл к командиру роты и обратился по уставу. Он разрешил мне говорить. Вот какой у нас произошёл разговор: «Товарищ капитан, я уже больше года работаю в должности старшины. Не скрою, эта должность мне нравится, широкий круг полномочий, поддерживать дисциплину среди военнослужащих, в общем, всё нормально, но я учился на командира танка, и мне очень хочется попробовать себя в этой должности, хочу управлять экипажем, стрелять из пушки, водить танк. Товарищ капитан, я по натуре командир, и хочу им быть. А старшина это все-таки больше хозяйственная должность, я поработал на ней, ну и хватит, пусть другие достойные поработают. Я очень Вас прошу помочь мне осуществить мою мечту». Командир роты на время задумался, затем сказал: «Товарищ старшина, ну Вы и задачку мне задали. Я думал, Вы до конца службы будете у меня старшиной, да ещё мысль была, попросить Вас остаться на сверхсрочную службу, а Вы уже сейчас хотите уйти. Хотя если Вы уйдёте из должности старшины, то у меня для Вас уже есть место помощником командира третьего взвода. Скажу вам откровенно, этот взвод меня беспокоит, старший лейтенант Акимушкин старается, но у него не всё получается, а вот вы бы ему помогли подтянуть взвод и по дисциплине, и по боевой подготовке. Но дело в том что, своей

властью я Вас освободить от должности старшины не могу, так как Вас на неё назначал командир батальона, подполковник Лыхин, и от неё Вас освободить может только он. Так что давайте поступим так, я переговорю с командиром батальона и тогда Вам скажу результат нашей беседы».

Командир роты ушёл, а я решил проверить порядок в солдатских тумбочках. Вообще-то этим должны заниматься помощники командиров взводов и командиры танков, но они, почему-то к этому относились, как говорится, спустя рукава, вот мне и приходилось время от времени заниматься их работой. Проверка порядка в тумбочке мною проводилась таким образом. Я подходил к тумбочке солдата, открывал дверку и смотрел в неё, если, на мой взгляд, там было все на местах, то я дверку тумбочки закрывал и шёл к другой тумбочке. Но если в тумбочке царил беспорядок, то я её клал на бок. Солдаты, увидев свои тумбочки лежащими на боку, говорили: «Опять старшина шмон наводил». Так вот занимаясь тумбочками, я сквозь ряды коек увидел, что в казарму зашёл какой-то офицер, потом пригляделся, и понял, что это старший лейтенант из учебного батальона, ну тот, по вине которого меня разжаловали в рядовые и отправили в полк. Смотрю, ко мне идёт дневальный и говорит, что пришедший офицер спрашивает меня. Я сказал дневальному, что бы офицер подождал меня, потому что я пока занят. Думаю, пусть постоит, нечего мне сломя голову бежать к нему.

Закончив с тумбочками, я подошёл к Гречишникову и по форме представился. Он смотрит на меня, прищурив глаза. Затем выговорил: «Чухлебов, это ты здесь старшиной? Никогда бы не подумал что…» Я, не дав ему договорить, сказал: «Во-первых, и думать не надо, а, во-вторых, говорите мне не ты, а Вы, не нарушайте армейскую субординацию. И, в-третьих, что Вас интересует в нашей роте?» — «Да, да, конечно Вы правы, так вот я по какому вопросу. Я с курсантами прибыл в Ваш полк на практику, так их надо разместить в Вашей роте». Я выслушал его до конца и ответил ему: «К сожалению свободных коек в нашей роте нет». Он постоял, помялся, переступая с ноги на ногу, затем нехотя повернулся и пошёл, при этом говоря: «Ну ладно, нет, так нет, пойдем в другую роту».

Сказал и ушёл. Койки у меня в роте были, потому что меня предупредили заранее, что прибудут курсанты из учебного батальона на практику, так что приготовьте койки для их проживания, и они у меня были приготовлены в количестве двенадцати штук. Но я не хотел, чтобы Гречишников был в нашей роте, пусть лучше другие будут, но только не Гречишников.

Я посмотрел на часы «ходики», которые висели у нас на стене

в казарме, до обеда оставалось чуть больше часа, думаю надо пойти в столовую и узнать, что там с обедом для моей роты. Обычно всё бывает нормально, но бывают и задержки с обедом по времени. Выхожу из роты и иду по мостовой вдоль казармы, смотрю, в конце нашей казармы стоит группа курсантов с вещмешками, в нерешительности переминаются с ноги на ногу. Я ещё подумал, тоже, наверное, ночлег ищут.

Подхожу ближе, смотрю, мой бывший командир взвода старший лейтенант Брусникин, стоит ко мне спиной. Я подошёл к ним и говорю: «Здравия желаю, товарищ старший лейтенант». Он повернулся ко мне лицом и говорит: «Никак Чухлебов, и уже сержант, ну молодец, я знал, что Вы настоящий солдат и нигде не пропадёте, никак танком командуете?» — «Да нет, товарищ старший лейтенант, танком я не командую, а служу я на должности старшины роты. А Вы что здесь стоите?» — «Да вот ищем место, чтобы расквартировать курсантов» — «А в нашу роту не хотите?» — «Так у вас как будто места нет» — «Смотря для кого, а вот для своего бывшего командира взвода я обязательно найду. Так что если не возражаете, то прошу в казарму».

Курсанты сразу же дружно и весело зашумели, радуясь тому, что нашлось место для них и теперь все сомнения позади. Брусникин курсантов построил в две шеренги и шагом марш в казарму. Минут за десять или чуть больше я разместил курсантов. Затем старший лейтенант Брусникин их построил, и я им объяснил распорядок дня в роте, при этом сказал: «Товарищи курсанты, вы с этого времени и до конца своей практики будете служить в нашей роте, поэтому должны выполнять весь распорядок дня, так же, как и солдаты нашей роты. Как будет построен ваш учебный процесс, после обеда вам скажет командир роты. А пока до обеда отдыхайте, на обед пойдёте с нашей ротой, а дальше всё по распорядку дня». Последовала команда «разойдись», и курсанты дружно поспешили теперь уже к своим койкам.

Обед прошёл в штатном режиме, а после обеда в казарму пришёл командир роты и командиры взводов. Я доложил командиру роты, что на практику прибыли десять курсантов из учебного батальона, они расселены и ждут указания по режиму учёбы взводах. Пока командир роты давал указание командирам взводов, как организовать обучение курсантов, я стоял в сторонке и думал, что же мне сегодня скажет ротный насчёт моего перевода в командиры танков. Когда все ушли на занятия, командир роты подозвал меня к себе и говорит: «По Вашей просьбе, я сегодня разговаривал с командиром батальона, и сообщаю Вам, что на перевод Вас командиром танка он согласие

дал, поэтому, приказом по батальону, Вы назначены командиром танка, и, по совместительству, помощником командира третьего взвода. Не скрою, когда я сообщил о переводе Вас с должности старшины на должность командира танка, то офицерам нашей роты такое решение было не по душе, но мы в армии и приказы высших командиров не обсуждаются. Так что с приходом нового старшины, Вы передаёте ему дела и переходите служить в третий взвод нашей роты». Когда мне командир роты сообщал решение нашего командования, у меня в душе было двоякое состояние. С одной стороны хорошо, что буду командиром танка, а с другой, всё-таки должность старшины роты выше и уважения больше. Но что делать сам так захотел, и решение уже принято.

Я КОМАНДИР ТАНКА

Примерно через неделю, пришёл в роту приказ о присвоении мне звания старшего сержанта, и о переводе меня командиром танка с исполнением обязанностей помощника командира взвода. Через два дня прибыл новый старшина, я передал ему свои старшинские дела и в этот же день принял танк вместе с экипажем.

И началась у меня совсем другая жизнь. Освободившись от обязанностей старшины, я почувствовал облегчение, груз ответственности свалился с моих плеч. Теперь я отвечал не за всю роту, а только за свой взвод, да и то не один, а вместе с командиром взвода. Будучи помощником командира взвода, я взялся на ведение дисциплины как общей, так и учебной, и постепенно её подтянули до нормальной степени. Но это было не так просто и не так быстро. Если в теоретической подготовке знания какие-то были, то в физической и строевой подготовке они, на мой взгляд, практически отсутствовали. Вот я и занялся строевой и спортивной подготовкой взвода. На это отводил по два часа свободного времени. Сколько было стона, нытья, но я в приказном порядке заставлял солдат заниматься. Сложно ещё было и потому, что командиры танков не понимали, зачем я это всё делаю, мол, в первом и втором взводе, как жили, так и живут, а ты нас гоняешь. Я им пытался внушить, что советский солдат должен быть настоящим солдатом, физически сильным и чтобы в любой момент мог выполнить самое сложное задание. Я им привёл пример как наши экипажи садятся в танк, ведь они должны туда заскакивать, а наши солдаты в танк лезут, как бабка по лестнице на чердак. Разве это дело, ведь экипажи взвода на посадку в боевую машину тратят секунд двадцать, разве так можно. Вот в учебном танковом батальоне мы, в танк заскакивали за семь секунд, но командир взвода был не доволен, он считал, что на это хватит и пяти секунд. В душе они со мной соглашались, но на деле не очень. Да мне их согласие и не нужно было, есть армейский принцип, я о нём уже писал, так что будьте добры, подчиняйтесь. Были жалобы и командиру взвода и командиру роты, на то, что старший сержант Чухлебов безбожно гоняет солдат, но командир роты для того меня и ставил в третий взвод, чтобы я наладил там дисциплину, поэтому жалобы некоторых солдат и командиров танков, не имели успеха. Как бы там ни было, но примерно за месяц дисциплина во взводе наладилась, у солдат появилась армейская выправка и нытья не стало. Как говорится это уже хорошо, но главная подготовка

проверяется на стрельбах и на ученье, поэтому подождём пока радоваться.

И вот объявили, что завтра начинаются ротные стрельбы. Накануне в роте чувствовалось волнительное напряжение, как всё будет, ведь много солдат, которые в стрельбах будут участвовать первый раз. Но, волнение волнением, а труба зовёт, значит надо идти в поход. И вот мы на полигоне. Отстрелялись первые и вторые взвода, на исходную позицию вышел наш взвод. Я стоял в открытом люке, и видел, что на смотровой вышке собралось много офицеров, там были офицеры нашей роты, командир батальона и его помощники. Затем нам была дана команда спешиться и построиться впереди танка. Все экипажи взводов выстроились и ждём команду «К бою». Наконец, она последовала, мой экипаж стрелой влетел в машину (вот что значит усиленная тренировка), последовала команда «Вперёд». Стрельбы предполагались с ходу. Я любил так стрелять, танк идёт на полном ходу, а ствол пушки, как будто парит в воздухе, не подчиняясь ухабам на полигоне, и палит по цели. Красота, да и только. Добавлю, что это стало возможным, тогда, когда в танковых полках появились новые танки Т-54, со стабилизирующей пушкой. Мой танк идёт плавно, механик Габдурахманов знает, что во время стрельбы с ходу, никаких движений рычагами управления. Я, командир танка, прильнув к триплексу, начал искать цель для поражения, смотрю на макет танка, и что я вижу, у нашей цели, по которой мы должны стрелять, стоит автомашина, кабина у неё зелёного цвета, и возле машины ходят люди. Они ходят, что-то с земли подбирают и бросают в кузов машины. И делают это всё спокойно, как будто им ничего не угрожает. Я это всё вижу, но поверить своим глазам не могу, как могло случиться, что во время боевых стрельб на линии огня оказались люди. И наконец, где же наше «зоркое» оцепление, которое не должны пропускать в район стрельб никого. Все эти мысли у меня пролетели в голове за долю секунд. Наконец я понял, что дальше медлить нельзя, ведь я слышал команду заряжающего «ГОТОВО», значит снаряд уже в казённике пушки, а наводчик никого не видит кроме цели, а остальное для него, как говорится, пусть не лезут. Да наводчик их может и не видеть, ему, главное, цель, а что делается вокруг неё, должен видеть командир. И наводчик Вавилов прав, это моя задача видеть всё и везде, и поддерживать внутреннюю и внешнюю связь. Я на секунду представил, что будет с той машиной и людьми, которые находятся возле неё, если в них попадёт снаряд. Эта двадцати килограммовая махина, которая несётся с сумасшедшей скоростью, разнесёт их в щепки. Другие танки также, как и мой

танк, идут к линии огня и вот она уже совсем не далеко.

В этот момент я по внутренней связи кричу механику: «Стоп! Мотор не глушить!» А затем даю команду: «Отставить стрельбы», и быстро связываюсь по рации с командиром взвода и объясняю ему ситуацию. Он по внешней связи дает команду: «Отставить стрельбы! Стоп машины!».

Все три танка стоят, я вылез из люка, смотрю, другие командиры тоже высунулись из своих люков, сидим на броне, ждём следующей команды. Вижу, от смотровой вышки отделилась легковая машина ГАЗ-67, по-простому «Бобик», и едет в нашу сторону, подъезжает к моему танку, смотрю, в ней сидит наш командир роты, и он машет мне рукой, чтобы я спрыгнул к нему. Спрыгиваю с танка, подбегаю к ротному и кричу ему прямо в ухо, иначе он ничего не услышит — от моего танка и ближних к нам машин стоит такой грохот, что ничего не слышно. Объясняю ему, что у моей мишени находятся люди и машина, наверное, ГАЗ-51. «Прыгай в машину», — крикнул мне ротный, и мы понеслись к мишеням.

Подъехали, смотрим, лейтенант-артиллерист с тремя солдатами собирают досточки и бросают их в кузов машины, при этом на нас никакого внимания. Командир роты вышел из машины и пошёл к лейтенанту я за ним. Капитан Мезенцев подходит к лейтенанту-артиллеристу, тот отдал честь в знак приветствия, ротный ответил взмахом руки. У ротного с лейтенантом артиллеристом произошёл вот такой разговор. «Лейтенант, что вы здесь делаете?» — спрашивает ротный. «Да вот, собираем то, что осталось от мишеней на дрова» — «А Вы, лейтенант, танки видите?» — «Да видим, но они нам не мешают и мы им не мешаем, так что всё в порядке. Ведь, как я понял, танкисты занимаются вождением танков, а это для нас не опасно». Я вижу, что у нашего ротного заиграли желваки на скулах, с ним всегда так было, если он начинал сердиться. «Да нет, — резко возразил командир роты, — мы вождением танков не занимаемся, у нас боевые стрельбы и стреляем мы вот по этой мишени, за которую вы спрятались». Услышав слова капитана, лейтенант побледнел, наверное, представил картину, которая была бы, если бы в них попал снаряд. А затем еле выдавил из себя: «Но мы же не знали» — «Знать надо, — резко оборвал его ротный, — убирайтесь отсюда».

Лейтенант со своими помощниками на машине уехал, а мы с ротным сели в наш «Бобик» и тоже собрались ехать, но прежде чем машина тронулась, ротный шофёру говорит: «Поедем, проверим оцепление, там второй взвод стоит. Как же это они охраняют зону стрельб, если проехала машина, и они её не

увидели?» Оцепление было на месте, но они утверждают, что машину не видели, затем они предположили, что, возможно, она проехала другой дорогой. Но как бы командир оцепления не оправдывался, все равно получил от ротного по полной программе.

Затем мы на «Бобике» вернулись к моему танку, я там вышел, а ротный поехал дальше. Через некоторое время «Бобик» вернулся к вышке, и последовала команда начать стрельбы. Я, запрыгнув в люк танка, сел на своё командирское место, и в моей голове снова промелькнуло, что бы было с той машиной и людьми, если бы мы начали стрелять из пушек. А ведь снаряд был бы не один, а три, в том числе и два осколочных. Что ни говорите, а я всё-таки спас жизнь этих мне не знакомых людей. Через некоторое время последовала команда начать стрельбы. Не хвастаясь, скажу, мой экипаж по скорострельности и точности был первый, за что мы получили благодарность командира батальона перед строем. А после стрельб, когда все собрались у вышки и с оцеплением разобрались, оказалось, что в один момент на посту никого не было они ходили в лес, за сухими ветками чтобы развести костёр, а то, что же это за оцепление без костра. Вот, наверное, в это момент машина и проехала мимо поста оцепления. Разобраться разобрались, но никого наказывать не стали, а за что? Ни кого же не убило. Впервые за годы службы наш третий взвод третей роты и третьего батальона, отстрелялся отлично и по всем показателям занял первое место.

На разборе стрельб, командир роты перед строем хвалил нашего командира взвода, старшего лейтенанта Акимушкина, за то, что его взвод добился отличных результатов в стрельбе. Хвалить-то он хвалил, хотя все знали чья это заслуга, ведь до назначения старшего сержанта Чухлебова его взвод был в отстающих, и в течение трех лет, что он им руководил, он не мог добиться надлежащего результата. Если во взводе есть и дисциплина, и физически он готов хорошо, то и в учёбе и на стрельбах будет результат, и это, в основном, заслуга помощников командиров взводов, так как именно они находятся большую часть времени с бойцами и знают, как они живут и чем дышат. А командир взвода к восьми утра пришёл, взвод построил и повёл на занятия, до 17 часов отзанимались и он ушёл домой, вот и всё. Чем дальше живёт его коллектив, он не знает, да и где этот коллектив находится в настоящее время, тоже не знает, надеется, что в роте. Моё мнение, что помощник командира взвода и есть настоящий воспитатель солдат взвода. Конечно, на этот счёт у других людей может быть другое мнение, как говорится, сколько людей столько и мнений, но я высказал свою

точку зрения и на ней настаиваю. Ну ладно, хватит спорить, давайте вернёмся на службу.

Я «ДРОВОСЕК»

Прошло две недели после ротных стрельб и у нас снова стрельбы, только теперь не ротные, а батальонные. Но позже оказалось, что объявляют не стрельбы, а трёхдневные учения, с выездом в район сосредоточения и ночёвкой.

Наша рота выехала в полном составе, но без полевой кухни. Мол, едут ненадолго и сухими пайками обойдутся. Сухой паёк — это, конечно, еда, но не для людей старшего возраста, поэтому нашему командиру батальона в полевых условиях жилось не просто. А для нас, молодых и здоровых, с питанием проблем не было, лишь бы была вода. Сначала выехали на полигон, отстрелялись, затем на ночёвку в сосновый бор на поляну. Место прекрасное, широкая поляна, на которой расположились танки всего батальона. Роты находились друг от друга примерно на расстоянии метров 50 или чуть более. Стояли тёплые весенние дни, но уже был вечер, но и он был тёплый, народу на поляне было много, стоял гомон, повсюду слышались голоса. Ночи были ещё холодные, и поэтому наш командир роты даёт указание каждому взводу развести костры на ночь. Мой экипаж тоже ушёл за сухими ветками, деревья валить нельзя, по договору между русскими и поляками. Вот мы и собираем всякий сушняк для костра. Я никуда не пошёл, стою ногами на сиденье заряжающего бойца и изучаю зенитный пулемёт, то открою затвор, то снова его закрою, то заложу ленту в пулемёт, то снова её вытащу, пересчитал, сколько в ленте патронов, а патроны величиной с небольшой снаряд. Одним словом, занятие интересное и я, от нечего делать, играю. Затем, я снова заложил ленту в пулемёт, смотрю и думаю, а что это я всё, то закладываю ленту в патронник, то вытаскиваю, а патрон в ствол не досылаю, решил дослать. Когда патрон оказался в стволе, у меня появилось желание навести прицел пулемёта на какую-нибудь цель. Но вокруг только деревья и ничего больше. Я стал наводить прицел на ветки деревьев, и у меня появилось непреодолимое желание нажать на спусковой крючок. Знаю, что этого делать нельзя, что за это влетит мне по первое число, но очень хочется. Да тут ещё условный бесёнок, который сидит у меня на левом плече и провоцирует меня, мол, что ты трусишь ты же смелый парень, нажми на спусковой крючок, и ты получишь огромное удовольствие от стрельбы с такого крутого пулемёта. Но я не нажимаю на крючок, медлю и просто эмитирую огонь из пулемёта. Тра-тата-тата. Но бесёнок мне говорит: «Ты вот целишься в эти большие красивые сосны, а ведь их ещё немцы

сажали, и в них наверняка живет фашистская аура, та, которая убила твоего брата Алёшу, так отомсти ты им, убей хотя бы одну сосну, а с ней ты убьёшь и их ауру». Я навёл прицел на большую ветку и думаю, сейчас я вам обрубаю руки, а бесёнок меня поддерживает: «Ну и правильно, пусть их аура будет безрукая». В это время я слышу голос командира роты: «Ну что это за дрова, вам их и на час не хватит, а ведь огонь надо поддерживать всю ночь, идите снова за дровами». Кто-то ему отвечает: «Товарищ капитан, в лесу нет сушняка, эти поляки-куркули, всё до палочки вычистили, надо валить деревья иначе никак». Ах, вам дрова нужны, будут вам дрова, сейчас я очередью пулемёта обрублю ветки на этой сосне и сразу убью двух «зайцев»: и фашистам отомщу, и дрова будут. Навожу прицел на нижнюю толстую ветвь той сосны, которая «виновата» в гибели моего брата Алёши, нажимаю на спусковой крючок. От силы выстрелов, затрясся пулемёт, а вместе с ним и я, и та ветка, которую изрешетили пули. Она немного потряслась, затем наклонилась и медленно, как бы нехотя рухнула вниз. А думаю, что мелочиться ведь наказание будет одинаково, что за один патрон израсходованный без разрешения, что за пятьдесят, и рубанул по другой ветке. Она вслед за первой веткой рухнула вниз. А бесёнок сидит на левом плече и мне подсказывает: «Ну что всякой мелочью занимаешься, рубани ты по стволу дерева, вот это будут дрова, на всю ночь хватит». А что думаю, предложение правильное, прицелился в верхнюю часть ствола дерева, нажал на гашетку, держал до тех пор, пока ствол дерева не рухнул в низ, да и патроны кончились. Вы не представляете, что творилось около моего танка, к нему сбежались все, кто мог и кто не мог.

Первым на броню заскочил командир роты, в ярости кричит на меня: «Чухлебов, прекратить стрельбу!». Я спокойно смотрю на него и говорю: «Так, товарищ капитан, я уже прекратил, разве Вы не слышите?» Далее наш диалог был таков. «Чухлебов, кто Вам разрешил стрелять из пулемёта?» — «Товарищ капитан, так Вы же сами сказали, что нужны дрова, вот я и постарался», — при этом показываю рукой на гору веток. Затем уже более спокойно он сказал: «Я думаю, Чухлебов, что Вы постарались этак суток на пять гауптвахты» — «Товарищ капитан, ну я же не для себя старался, а для людей, ведь ночи холодные, солдаты и простыть могут». В это время я услышал гул мотора машины, к нам приехал командир батальона, наверное, услышал выстрелы. Командир роты увидел нашего комбата и говорит мне: «Ну, всё Чухлебов, сейчас тебе командир батальона влепит по полной программе, пятью сутками не отделаешься».

Ротный спрыгнул с танка и пошёл навстречу машине

командира батальона. Командир роты у нас был невысокого роста, худощавый, подтянутый, вид у него был спортивный. В то время ему было лет 35. Я тоже спрыгнул с брони на землю, стою в толпе солдат и жду своей участи. Мои друзья-товарищи меня хвалят, какой, мол, молодец, что никого не боясь, нарубил дров из зенитного пулемёта. А Володя Захаров сказал: «Сеня, ты такой смелый, что я бы с тобой в разведку пошёл». Я на него грустно посмотрел и говорю: «В разведку не надо, лучше ты со мной пойди на гауптвахту, а то мне одному там будет скучно». Танкисты дружно посмеялись над моей остротой.

А тем временем, машина комбата остановилась, он, как обычно, спокойно вышел из машины, зачем-то посмотрел на солнце, которое уже касалось верхушек деревьев, затем выслушал доклад нашего командира роты и спокойно спросил: «Что за пальба слышалась в пределах вашей роты?» Надо отметить, что наш командир батальона прошёл всю войну и для него стрельба из пулемёта это все равно, что из пугача гонять ворон в огороде. Это для нас, молодых солдат, не нюхавших пороха войны, стрельба из крупнокалиберного пулемёта, событие особой важности, а наш комбат, слышал канонаду и посерьёзней. Ладно, думаю, пугач пугачом, но если комбат приехал на выстрелы значит не зря, и чем для меня это кончится, я не знаю.

А в это время командир роты докладывал командиру батальона обстановку в роте. Ну, там, рота находится на батальонных стрельбах и ещё, кое-что, не очень важное для меня, а затем уже по простому говорит комбату: «Товарищ подполковник, у нас в роте с дровами просто беда, весь лес прочесали и нашли только несколько палочек, а ночи-то холодные, боюсь, как бы мои бойцы не простыли» — «Капитан Мезенцев, — спокойно сказал комбат, — Вы, что не слышали, что я у вас спросил? Я вам задал вопрос, кто стрелял в вашей роте, а Вы мне рассказываете про дрова. Отвечайте на мой прямой вопрос» — «Слушаюсь, товарищ подполковник. Стрелял из зенитного пулемёта старший сержант Чухлебов». Командир роты не оговорился, я действительно к этому времени был уже старшим сержантом. «И чем же вызвана была эта стрельба?» — «Старший сержант Чухлебов говорит, что он таким способом заготавливал дрова на ночь». И ротный рукой показал в ту сторону, где торчал голый ствол дерева и гора хвойных веток. Командир батальона смотрит на ворох веток и спрашивает у ротного: «Это что, всё из зенитного пулемёта старший сержант Чухлебов, нарубил?» — «Так точно, товарищ подполковник» — «Оригинальный способ заготовки дров. Даже во время войны, не помню, чтобы таким способом заготавливали дрова. А где

Чухлебов, виновник торжества?»

Пока они разбирались, я возился около своего танка и всем своим видом показывал, что я очень занят и беспокоить меня не надо. Но командир батальона то ли не увидел, что я очень занят, бойцов-то вокруг меня было много, то ли моя занятость ему показалась несерьёзной, в общем, я услышал такие слова: «Старший сержант Чухлебов, к командиру батальона». Ну, думаю, началось.

Хотя если честно, то о том, что комбат будет меня ругать, я даже не думал. Я знал, что он это никогда не делает. Я служу в его батальоне уже давно, и ни разу не видел его злым, он, конечно, бывал не доволен действиями офицеров, но никогда на них не кричал. Самое резкое его замечание было такое: «Думать надо, когда говорите или когда делаете». А ко мне он относился всегда лояльно, Вы уже знаете почему. Да и вообще, он не походил на кадрового военного, каким я представлял их себе. Вот наш командир полка был похож на кадрового военного, по его походке, движению рук можно было понять, что это командир. Все его движения были резкие, слова короткие, хлёсткие, словно удар кнута. И всё-таки мне больше нравился наш командир батальона, высокого роста, подтянут, походка размеренная, но чёткая, а говорить с ним можно было просто почти как с гражданским человеком, но при этом, разумеется, соблюдая субординацию.

Я не знаю, как в других ротах бойцы к нему относились, а в нашей третей роте, танкисты его любили, а я его просто обожал. И вот теперь я быстрым шагом иду к своему обожателю, и не знаю, чем наша встреча закончится. Думаю, что, скорее всего, гауптвахтой, но для меня желательно не больше пяти сток, а то может получиться и десять суток, вот это будет уже плохо. Иду быстрым шагом, на ходу поправляя складки комбинезона под ремнём, подошёл, вытянулся в струнку и докладываю: «Товарищ подполковник, старший сержант Чухлебов прибыл по Вему приказанию». Командир батальона как-то спокойно спрашивает меня: «Старший сержант Чухлебов, скажите, за что Вы обиделись на эту сосну, что превратили её в дрова?» — «Товарищ подполковник, ночи стоят холодные надо костры жечь, а без дров и костров не будет, так вот я и постарался».

Я хотел ещё словечко ввернуть, насчёт фашисткой ауры, которая погубила моего брата Алёшу на войне, но не стал, подумал, что меня не поймут. Меня понимает только мой дружок, который сидит на моём левом плече, а другие могут и не понять. Хорошо если признают больным на голову и затолкают лечиться в санбат, а то могут и комиссовать. А это в мои планы не входит.

«Что дрова нужны, это верно, только куда Вы патроны списывать будете?» — заметил командир батальона. Я не понял, кого он спрашивает, то ли меня, то ли командира роты, но капитан Мезенцев молчит, и поэтому я ответил: «Так, товарищ подполковник, у нас же батальонные боевые стрельбы, патроны для того и даны чтобы их пустить в дело». Командир батальона подумал, зачем-то посмотрел на небо, а после этого сказал: «В общем, так, капитан Мезенцев, всё, что свалено пустить на дрова, часть отдайте второй роте, а на том месте, где сейчас торчит обрубок, всё убрать, заровнять землёй и засыпать хвоей, как будто здесь ничего и не росло. Неприятности с поляками нам не нужны. Кому поручите это сделать?» — «Так Чухлебову, он у меня в роте самый активный. Он наломал дров пусть сам же и заглаживает свою вину. Только вот чем он всё это будет делать, ведь мы ни пил, ни топоров не взяли, думали обойтись нашими топорами, которые в комплекте танков, но они такие тупые, что годятся только колья забивать».

Командир роты сказал эти слова и стоит, молчит. Тут я снова проявил инициативу, обращаясь к комбату говорю: «Товарищ подполковник, разрешите на Вашей машине сгонять в нашу роту, там у нас есть и пилы и хорошие топоры. Мы с Витей мигом, два колеса здесь два там». Командир батальона слегка улыбнулся и говорит: «Хорошо, езжайте». Затем подозвал своего шофёра Виктора и распорядился о нашей поездке. Я тут же снимаю комбинезон и слышу, как комбат говорит ротному: «У вас тут хоть чай есть? А то мой желудок не принимает эти сухари, прямо беда».

Я всё это слышу и думаю, как окажусь в части, то обязательно заскочу в столовую, может, что-нибудь из еды привезу для нашего комбата. В военный городок доехали быстро, это недалеко, всего километров двадцать пять. Я быстро загрузил в машину топоры и две пилы, сел в неё и говорю шофёру: «Витя, давай заедем в столовую, может какую еду, возьмём для нашего бати, а то в его возрасте сухари грызть как — то не очень».

Заехали в столовую, я побежал на кухню, думаю, хоть бы дежурил повар Сергей, ну тот с которым мы по боевой тревоге выезжали, тогда всё получится. Я на кухне всех поваров знал, но Сергей был мне ближе всех. Только заскочил в дверь кухни, смотрю, Сергей дежурит у плиты, но всё думаю, повезло нашему комбату. Подбегаю к нему и говорю: «Сергей, выручай, нашего комбата покормить надо, а то он от сухарей может согнуться» — «Много не смогу, — сказал Сергей, — ведь мы на вас не готовили, но ужин сделаю. Бери вон тот двухлитровый бидончик и неси сюда».

Сергей — настоящий повар, ходит по кухне в когда-то белой куртке, с черпаком в руке, налил полный бидон борща, затем в миску положил кашу, а сверху четыре котлеты, и говорит: «Вот всё что могу, сам-то есть будешь?» — «Да, — говорю, — борща бы хотелось» — «Ну тогда неси миску». Я ему принёс две миски. Он на меня вопросительно посмотрел, а я ему говорю: «И для водителя Вити». После сухарей, да холодной тушёнки из банки, борщ казался превосходной едой.

Поблагодарив Сергея, мы с Виктором направились в обратный путь. Доехали быстро. Я захожу в палатку нашего командира роты, там сидел комбат со стаканом чая в руках, то ли он его пил, то ли грел пальцы рук. Я козырнул и докладываю, что привёз топоры и пилы. «А ещё, — говорю, — товарищ подполковник, я привёз Вам ужин» — «Ну, вот с этого бы и начинал, — обрадовано сказал комбат, — а то топоры, зачем мне твои топоры?» Затем добавил: «Давай неси, что ты там привёз».

Когда я начал разливать борщ по мискам, то по палатке пошёл одурманивающий запах вкуснятины, комбат даже носом потянул, подышал немного, затем сказал: «Вот видите, капитан Мезенцев, как получилось, а Вы говорите Чухлебова надо наказать. Если мы его накажем, допустим, посадим на гауптвахту, то кто же нас кормить будет? Да и дрова никуда не денешь. Так что, по моему мнению, старший сержант заслуживает благодарность. А то, что поляки обидятся, что мы их дерево свалили, так пусть не обижаются, они вообще до 1955 года нас кормили и поили. Это там кто-то наверху распорядился, что нашу армию будет содержать наш же народ, только за что мы хребет в этой Европе гнули. Ну ладно, как говорится, это не наше дело, наше дело исправно служить вот как раз это мы и делаем. А борщ хорош, очень даже хорош. А на второе что-нибудь есть у тебя?» — спросил у меня командир батальона.

Я уже держал в руках миску с кашей и котлетами. Подполковник Лыхин откушал немного и говорит: «Тоже вкусно, правда не то, что было в полевом танковом лагере, помните каша со шкварками, но и эту кашу можно есть. Вы вот что, старший сержант Чухлебов, подумайте о завтрашнем дне, чтобы нас с Мезенцевым накормить, не дайте нам тут умереть. Так как, старший сержант Чухлебов?» Я стоял в сторонке, а как комбат ко мне обратился, я сказал: «Будет машина, значит, будет и еда, товарищ подполковник» — «Вот это ответ настоящего интенданта».

Ночь мы переночевали у костров, затем снова постреляли, а к вечеру вернулись домой, так сказать программу учений выполнили и нечего там морозиться.

ПОЛКОВАЯ САНЧАСТЬ

Не знаю, по какой причине, но после учений у меня заболела шея, да так что застегнуть воротник гимнастёрки, было больно. Ну, болит и болит, я сначала этому особого внимания не придавал, но в один из дней шея разболелась так, что я вынужден был отпроситься у командира роты и отправился в казарму. В этот день к нам в роту зашёл наш батальонный связист, младший сержант Васин, подружились мы с ним на марше по боевой тревоге и так продолжаем дружить. Увидев меня скрюченным, он спросил, что со мной. Я ему как мог популярно объяснил причины моего крючка, он меня выслушал и говорит: «А ну давай я посмотрю, что там у тебя». Я наклонился, чтобы ему удобно было рассмотреть мою болячку. Он посмотрел и говорит: «Сеня, тебе срочно надо идти в медсанчасть, у тебя чирей большой уже созрел и его немедленно надо удалить, а то он сам вскроется и туда может попасть грязь и получится заражение крови, а это уже серьёзно. Лучше до этого не допускать. Прямо сейчас пойдём, я как раз иду в ту сторону». Когда уже шли, он мне рассказал, что в санчасти меня посадят в кресло и медики медицинскими инструментами, такими как пинцетом и скальпелем, удалят чирей и тебе больно не будет. Я иду и, под впечатлением слов Васина, думаю: «Вот куда медицина шагнула, чирей удаляют и не больно. А Васин молодец, знает о медицине почти всё, а я о таких вещах даже и не слышал». Если честно, то до этого времени я в медицинских учреждениях и не бывал, не считая медицинскую комиссию при призыве в армию. Но она была организована прямо в здании Ипатовского райвоенкомата, поэтому в прямом смысле, это было не медицинское учреждение. Да и с врачами я не имел дела, опять кроме комиссии и нашей хуторской фельдшерицы, вот потому мне было и интересно посмотреть, как там у них, у врачей. Меня так захватила медицинская тема, что я воочию представил как там у них. Думаю, сейчас зайду к ним, а там большая комната, на окнах чистенькие тюлевые занавески, красивые медсёстры, все в белом, бегают туда-сюда, все куда-то торопятся. А врач, такой солидный дядя с усами, ходит по этой большой медицинской комнате и всеми руководит, вот он меня и будет лечить, а как же, он же не доверит меня кому попало.

Подхожу к тому месту, куда указал Васин, смотрю одноэтажное здание из кирпича, который кое-где вывалился, вот и дверь, вымазанная зелёной краской, точно такой же, как мы танки подкрашиваем, над дверью весит вывеска: «Санчасть», ну, думаю, мне сюда. Глядя на такое здание и дверь, вымазанную

краской, я подумал, что-то не похоже чтобы в этом обшарпанном здании были тюлевые занавески, тем более бегали красивые медсёстры. Затем подумал, а кто его знает, может это с виду только так, а внутри здания исключительный чик брик, а может и лучше. Ладно, думаю, что загадки строить, вот зайду в здание, там и увижу. Захожу, небольшая комната с одним окном, на котором висят тряпичные занавески на пол окна. Стол табурет, на котором сидит солдат в армейской форме и белой застиранной с желтыми пятнами куртке. Ладно, думаю, не надо паниковать, значит, врач и кресло где-то в другом помещении, но что-то других дверей не видно, может, где потайная есть. Хожу по комнате смотрю, где же волшебное кресло, но кресла я не вижу, а слышу голос: «С чем пришёл?» Голос исходил от табурета, на котором сидел солдат в застиранной куртке. Я повернул к нему голову и говорю: «Пришёл к Вам с чирием, только что-то я врача не вижу» — «А зачем тебе врач, вот я тебя и буду лечить». Думаю, не может быть такого, чтобы солдат в грязно-белой куртке лечил людей, здесь, где-то должен быть врач. Но делать нечего, раз пришёл значить, надо лечиться. Лекарь говорит мне: «Садись на табурет». Ну, я сел, сижу, а сам глазами зыркаю по помещению, чтобы не пропустить тот момент, когда придёт врач и диковинными инструментами начнёт меня лечить. Но инструментов никаких не было, да и врача тоже. Этот в бело-грязной куртке подошёл к шкафчику, чем-то намочил ватку, затем зашёл ко мне со спины посмотрел на мою шею и говорит: «Чирей созрел, значить будем лечить». Услышав эти слова, я подумал: «Медицинский работник, а выражается бытовыми словами». Это выражение «созрел чирей», я слышал от мамы с детства, у нас таким заболеванием пол семьи переболело. Ну ладно, думаю, может это просто совпадение, скоро будет и кресло, и диковинные медицинские инструменты. Но медицинский работник меня разочаровал, он усадил меня на табурет и начал мой чирей самым вульгарным способом выдавливать.

Боль была невероятная, я от жуткой боли материл и чудо-горе лекаря, и заодно Васина. А этот эскулап не обиделся, да ещё и говорит мне: «Матерись, матерись, с матерками легче боль переносить». Операцию лекарь провёл как надо, это его слова, затем рану залепил пластырем, а после этого говорит: «Ну, с этим чирием вроде всё, но у тебя рядом наметился другой чирей, но он ещё не созрел, как созреет, то и его вылечим, таким же способом». На что я ему ответил: «Лучше бы он и не созревал, а то такая боль, что врагу не пожелаешь» — «Конечно лучше, — отозвался лекарь, — но он нас с тобой спрашивать не будет, как решит, так

и сделает, а нам остаётся только ждать».

Ну что сделаешь, действительно он прав, всё это не от нас зависит, так что придётся ждать. Когда я уже собрался уходить, то спросил у медицинского работника: «Послушай, а где же ваши медицинские кресла, скальпели, пинцеты, и, в конце концов, медсёстры?» Он на меня как-то удивлённо посмотрел и, в свою очередь, спрашивает у меня: «А кто тебе сказал, что здесь всё это, должно быть?» — «Как кто? Васин» — «А, Васин? Васина ты только слушай, он тебе ещё и не такого наговорит, у него фантазия богатая». Потом я ещё несколько раз ходил к «Доктору», моя шея всё меньше и меньше болела, а затем настала долгожданная ночь, в которую я хорошо спал и ни разу не проснулся от боли. И самое для меня приятное, так это то, что чирей, который намечался, потихоньку начал затухать, а затем и совсем исчез. Этому феномену лекарь очень был удивлён, заявив, что это впервые в его практике, чтобы созревавший чирей сам исчез. Но это факт, и по этому поводу я думаю так. Он насмотрелся, как над его собратом издевался этот эскулап и решил не всовываться, и хорошо сделал. Вскоре я совсем выздоровел и приступил к несению службы. Всё как бы кончилось хорошо, но всё-таки было жаль, что я не увидел ни кресла, ни чудо-инструментов, а как хотелось на них посмотреть, особенно на молоденьких медсестёр, которые должны были ассистировать врачу. И всё-таки мой поход к медикам имел положительный результат, первое, мне дали освобождение от всех занятий на три дня, а затем продлили ещё на столько дней, сколько потребовалось, чтобы рана зажила.

Я совсем выздоровел и снова включился в полковую жизнь. Как-то с занятий мы пришли рано, до ужина ещё далеко, в казарме сидеть душно. Володя Ильин, командир танка нашего взвода, он на год меня моложе и прибыл в нашу роту осенью прошлого года. Сам он питерский и поэтому познакомил меня с питерскими ребятами его призыва, с боксёром Олегом, и Анатолием Максимовым. Они спортсмены- боксёры, в армии практически не служат, а только числятся, основная их служба — это тренировки и соревнования по боксу. Так вот, он подходит ко мне говорит: «Сеня, пойдём на улицу, там посидим в курилке за столиком, а то в казарме душно». Я согласился, проходя мимо дневального, я взял с его тумбочки брошюру «Краткая история коммунистической партии СССР». Пришли в курилку, я развернул брошюру, положил её на скамейку и сел на неё, для того, чтобы об пыльную скамейку не вымазать брюки. Посидели немного, затем Володя говорит: «Сеня, давай запустим ракету». Я посмотрел на него и удивлённо спрашиваю: «Какую ракету, о чём

ты говоришь?» — «Да обыкновенную ракету», — отвечает мне Ильин. Достаёт из голенища сапога длинную трубочку пороха, который используется в снарядах, мы их называли «макаронинами», и говорит мне: «Давай брошюру». Я ему подаю агитку, он из серёдки вырывает два листа, разворачивает их, затем на них кладёт «макаронину», туго заворачивает её, при этом плотно закупоривая оба конца, и получилась «ракета». Затем он поставил коробок спичек на ребро, один конец «Ракеты» положил на коробок, а другой лежал на столе. Володя мне говорит: «Поджигай нижний конец «ракеты». Я поджигаю, а сам думаю, да никуда эта «агитка» не полетит, уж слишком всё просто сделано. Думать думаю, а сам поджигаю. Сначала загорелась бумага, затем из внутренней части «ракеты» повалил чёрный дым, а затем вырвалось пламя и наша «Ракета» взмыла вверх. Моему удивлению не было предела. Она пролетела метров пятьдесят от нас, оставляя за собой хвост из дыма и пламени, затем, поднялась на высоту метров двадцать, и, к моему удивлению, развернулась и спикировала на нас.

Мы с Володей еле успели нырнуть под стол. Ракета пролетела мимо нас, буквально в метре, снова поднялась вверх, развернулась над крышей казармы и снова спикировала на нас. Нам опять пришлось скрываться под столом. Ракета, снова поднялась вверх, примерно на ту же высоту, снова развернулась и как в первый раз спикировала на нас. Но на этот раз горючее у неё кончилось, и она шлёпнулась рядом со столиком. Ильин предложил запустить ещё одну ракету, но я ему сказал, что хватит и того что было. А вот позже, на дивизионных учениях мы с Володей, да ещё с саперами грохнули, так грохнули, но об этом расскажу потом, если не забуду.

Характерно то, что порох в этой «ракете», которую мы только что запускали, весь сгорел, а корпус из политической агитки остался целый. Отсюда вывод. Для политики никакой огонь не страшен, она все равно выживет. Но главный вопрос почему «ракета» себя так вела в воздухе, так и не был решён. Предположений было много, но точного решения данного вопроса найдено не было.

НЕОЖИДАННЫЕ ДИВИЗИОННЫЕ УЧЕНИЯ

Время идёт, на дворе уже полностью в свои права вступило лето, близится время демобилизации нашего призыва, все мои товарищи знают, куда ехать, только мы с Лёшей Зенцовым не знаем. Я возвращаться в Ставрополье не хочу, там нет перспективы роста, а я внутренне чувствую, что хочу расти, как в образовательном плане, так и по служебной лестнице.

Ставрополье — это Российская житница, сельскохозяйственный район. Я там поработал и понял, что это не моё, хочу поехать туда, где грандиозные стройки, серьёзное машиностроение, или что-нибудь другое, но масштабное. Это про меня. А у Зенцова дела ещё хуже, он сирота и ему ехать практически некуда. До войны он жил у дядьки но у того и своих трое детей, так что там и без Зенцова забот хватает, так что надо искать другой вариант. Но один искать этот вариант Лёша не хочет он хочет делать это со мной, как он выразился, что ему со мной проще и надёжней. Сидим с Лёшей в курилке, хотя оба не курим, и думаем, что же делать, как быть, но затем решили, что паниковать пока не время, до поездки на гражданку ещё далеко, так что, может, что-нибудь, придумаем.

А пока, суть да дело, по полку поползли слухи, что намечаются грандиозные дивизионные учения. Я, чтобы не теряться в догадках пошёл в штаб полка, уточнить или опровергнуть слухи. В штабе, у меня есть неопровержимый источник информации, мой земляк Юра Поляков, он служит писарем при штабе полка и поэтому всё знает. Однажды я ему сделал «неоценимую» услугу и теперь мы с ним дружим. А услуга, была вот какая. Юра собрался в отпуск, кстати, за два года службы он в отпуске был три раза, а я, отличник боевой и политической подготовки, почти за три года не был ни разу. Как Вы думаете, почему? Это Вам, читатель, вопрос на засыпку.

Я дружил с Юрой и поэтому у него поинтересовался: «Юра, как тебе удалось за столь короткое время побывать дома три раза?» Юра посмотрел на меня и говорит: «Странный ты человек, Сеня. Вот ты говоришь, что ты отличник боевой и политической подготовки, а ты знаешь что, таких как ты, в полку человек тридцать, так что, вас теперь всех в отпуск отпускать? Нет, вас тридцать, отпускать нельзя, а меня одного можно, потому что в штабе я писарь один, да и мама моя побаливает, ну знаешь возраст, ей уже за сорок». Тут я вскипел и говорю ему: «Ты посмотри, какая у тебя мать старушка, видите ли, ей за сорок, а моим родителям обоим за пятьдесят, и болеют они больше твоей

матери, и меня, почему-то, никто к ним не отпускает». Юра увидел мою горячность и говорит: «Да ты, Сеня, не горячись, хочешь, я и за тебя перед командиром полка походатайствую, или просто внесу в список отпускников, может командир полка и подпишет, и ты, считай, в отпуске».

Я немного подумал и говорю: «Нет, Юра, так в отпуск я не хочу. Я хочу, что бы отпуск мне предоставили по заслугам и притом чтобы командир батальона, или хотя бы роты, объявил перед строем всего личного состава, что такому-то и такому-то, за заслуги в боевой и политической подготовке предоставляется краткосрочный отпуск на родину. Вот это было бы здорово. А так, украдкой не хочу». Затем он миролюбиво мне сказал: «Сеня, ну ты не обижайся, мне ведь тоже хочется в отпуск». Тут я его перебил и говорю: «Да я и не обижаюсь, но согласись, Юра, здесь есть несправедливость». Юра со мной согласился, мы эту тему закрыли и перешли к другой теме, но тоже связанную с отпуском. Поляков мне говорит: «Сеня, у меня к тебе просьба. Через неделю я уезжаю в отпуск, а у меня, видишь, петлицы танкиста, а в танке-то я никогда и не был, так ты бы мне рассказал, что там и к чему. А то уже два года в танкистах, а о танке ничего не знаю» — «Ладно, — говорю, — завтра после обеда у нас на полигоне учёба, так что приходи.

На другой день после обеда он пришёл на полигон, нашёл там меня, и мы с ним пошли к учебным танкам, они находились рядом. Только подошли к танку, Юра начал карабкаться на броню, я его спрашиваю: «Юра, ты куда?» — «Как куда? В танк», — отвечает он. «Нет, Юра, так дело не пойдёт, надо всё делать по-настоящему, так, как это делают танкисты, ведь ты же в отпуске девчонкам будешь говорить, что ты танкист, правильно?» — «Ну, а как же, Сеня, все же видят, что у меня эмблема танка на петлицах, значит я танкист, как же иначе?» — «Ну, тогда, Юра, и будем всё делать, как танкисты». Юра против моего предложения возражать не стал, и мы начали тренироваться.

Я ему начал объяснять с чего надо начинать. «Для начала, — говорю ему, — ты надень вот этот комбинезон, теперь вот этот шлемофон, затем становись вот сюда впереди машины, а как только я дам команду к «Бою», тогда ты стремглав заскакиваешь в башню танка. Понял?» — уточнил я у него. Юра сказал, что он всё понял, затем спросил у меня, как он выглядит в форме танкиста. «Отлично, — ответил я ему, — жаль, что нет фотоаппарата, кадр был бы, что надо». Даю ему команду «К БОЮ» и Юра неспешно полез на танк. «Нет, — говорю ему, — так не годится, надо всё это делать быстро, так, как это делают танкисты, начинаем заново». И так было раз десять или больше, Юра, уже видно, не рад, что со

мной и связался, делал он всё это медленно, явно было видно, что физическая подготовка у него слабая, да и какая может быть у писаря подготовка, ведь он тяжелее ручки и карандаша ничего не поднимал. Но всё-таки за этот день он многое узнал о танке и танкистах. Так что, сами понимаете, услугу я ему оказал очень важную и теперь мы с ним друзья. Вот я у Юры и спрашиваю про учения. Он подтвердил слухи и сказал, что учения будут дивизионные, на западной границе Польши, с чем это связано, он не знает, и когда будет тревога, он тоже не знает, но что скоро, это точно.

И действительно тревоги долго ждать не пришлось, буквально через пару дней после моего похода к Полякову, утром объявили учебно-боевую тревогу. Все зашевелись, как муравьи в муравейнике, в нашу казарму быстро прибежали все офицеры роты и даже командир батальона. Старшина нам начал выдавать личное оружие, и оружие в комплект танка. «Э, — думаю, — шалишь дорогой, эта тревога больше похожа на боевую, чем на учебную». А когда, в танковом парке была дана команда, загрузить в машины боекомплект, то я окончательно убедился, что едем на серьёзное мероприятие. Танки быстро выдвигались в район сосредоточения, а затем, в район учений на западную границу Польши, к реке Одра. Как мы туда добирались, я писать не буду, всё было примерно то же, что и в той поездке, которая была по боевой тревоге, только теперь я был не на автомашине, а на броне. Рассредоточились на правом берегу реки Одра, это по-польски, а на немецком языке она называлась Одер. Берег, на котором мы расположились, был пологий, а с той стороны, где уже была немецкая граница, он был обрывистый. Место было хорошее, большая зелёная поляна, с редкими деревьями. В одном месте стоял весь наш полк. Чтобы вы представили, что это такое я вам скажу. На берегу, расположилось больше ста танков, около тридцати автомашин, а ещё зенитчики, связисты, сапёры, минёры, санбат и многое другое. Солдат и офицер было тоже очень много. Точно такая же обстановка была и в других танковых полках, они стояли дальше от нас по берегу реки.

Первый день был очень напряжённым, мы, танкисты, после похода проверяли боеготовность танков, осматривали ходовую часть, чистили пушки, а также делали другую необходимую работу. Саперы уже приготовили понтонные мосты, чтобы в случае переправы сразу сбросить их в реку, у них всё было готово. На другой и, особенно, на третий день, когда всё было сделано, танки были готовы к походу, только нужна была команда, а её не было, наше командование чего-то ждало. И как это всегда бывает среди солдатской массы, во время безделья, началось солдатское

свободное брожение. Обстановка в нашем батальоне была какая-то гражданская, ни тебе построений, ни тебе зарядки, все как-то были представлены самим себе. Наш старшина, тюха-матюха, роту на проверку не строил ни утром, ни вечером, на зарядку не водил, но я свой взвод построил и приказал, от своих машин никуда не отходить, за исключением на обед и ещё куда надо, но по необходимости. Наступила ночь, спать надо было, как обычно, возле своих танков. Мы пошли взводом к ближайшей копне, набрали сена, постелили у танков и улеглись. Ночь была тёплая, спалось хорошо, утром завтрак и опять ничегонеделание. И так три дня.

Такое безделье мне надоело до чёртиков, и, главное, никто не знает, когда будет команда «Вперёд». Я посмотрел на всё это безобразие и думаю, нет, ребята, на дивизионные учения это не похоже, вы, что-то тут замышляете другое, и об этом говорит понтонный мост, в сторону немецкой границы. Ну ладно думаю, я тут ничего изменить не могу, поэтому надо ждать. На четвёртый день, мы с Володей Ильиным пошли осматривать окрестности нашего батальона, посмотрели, как связисты развешивают свои антенны, затем заглянули к сапёрам, они расположились на самом берегу, здесь же их понтоны и резиновые лодки лежат на берегу почти у воды. Затем зашли к минёрам, правда там мы ничего не увидели, да и они нас никуда и не пустили. Так мы с ним болтались по лагерю до обеда, затем пообедали надоевшей всем кашей и легли поспать, но спать не хотелось и мы решили пойти искупаться. Володя залез в воду и плавал недалеко у берега, а я разделся, тоже побултыхался на мели, затем лёг на травку чтобы обсохнуть, вскоре ко мне пришёл Ильин, и лёг рядом со мной. Мы на травке лежали до тех пор, пока не обсохли, затем оделись и пошли в роту.

На пятый день по батальону прошёл слух, что в Германии капиталисты и коммунисты что-то не поделили и возможно будет нужна наша помощь. Вот так, а я что вам говорил, что на дивизионные учения эта компания не похожа, так оно и есть, и, главное, сколько нам здесь стоять никто не знает, говорят, может ещё неделю, а может и месяц. Узнав это, я подумал, нет, я так долго не выдержу, с ума можно сойти, от ничегонеделания, надо, что-то придумать. Да ещё эта кормёжка заколебала, всё каша и каша, ни тебе борща, ни супа. Наш старшина, какой-то тюха-матюха, я его спрашиваю, почему нет первого блюда, а он нам отвечает: «А где я вам его возьму». Вот и весь сказ. Одним словом всё плохо. Сидим с Ильиным на берегу грустим, и вдруг Володя говорит: «Сеня, а давай мы рыбы наловим, здесь её, наверное, много, смотри, как она плещется». Да, думаю, Володя прав, в этом

месте должно быть рыбы много, ведь по реке проходит граница и сюда, кто попало, не сунется. Но чем мы её будем ловить, задумался я. Ведь у нас ни удочек, ни сетей нет. Хотя я в рыбалке и не разбираюсь, но знаю, рыбу голыми руками поймать трудно. Но чтобы уточнить, я у Ильина спросил: «Володя, а чем мы с тобой будем ловить рыбу, ведь у нас для этой цели ничего нет, а голыми руками её не поймаешь» — «А мы рыбу ловить и не будем, мы её будем глушить». Странное дело, подумал я, как это рыбу глушить, что её палкой по голове надо бить, что бы она оглохла?

Но об этом я Володе говорить не стал, чтобы он надо мной не смеялся, но, думаю, он питерский, жил на реке Неве, так что должен знать, как ловить и тем более глушить рыбу. Я в этом деле ничего не понимаю, и вся инициатива принадлежала Володе. Он мне сказал: «Раз у нас ни удочек нет, ни тем более сетей, то мы рыбу будем глушить». Он предложил, замотать проволокой три взрыв пакета, привязать к ним камень, затем поджечь запальный шнур и бросить связку на глубину. Так и сделали, ждем, когда бабахнет и тогда, надо будет рыбу собирать. Но к нашему глубокому огорчению бабаха не получилось, там, где он должен быть, слегка побурлила вода и всё. Володя говорит: «Наверное, глубина большая, или мощность взрыва маленькая, надо придумать, что-то другое, более мощное». Но до ночи мы так ничего и не придумали, пришли в роту, а там подтвердились слухи, что мы здесь будем стоять долго, так как в Берлине наши и американцы не могут договориться, и поэтому пока они не договорятся, мы отсюда не уйдём. Услышав это, Ильин сказал: «Значит, у нас времени будет много, и мы уху обязательно поедим». Легли спать вместе, наши экипажи расположились рядом, Ильин почти сразу уснул, а я почему-то не мог уснуть. В голову лезли всякие мысли, потом подумал о рыбалке и вдруг вспомнил, что у меня в танке припрятана гильза от немецкого снаряда, сотого калибра, с капсюлем, а внутри гильзы заливной жёлтый порох, с трубчатым отверстием до самого капсюля. Я его нашёл, когда у нас были ротные учения. Я тогда нашёл не только гильзу от снаряда, но и три снаряда от миномёта, немцы во время войны в лесу побросали, наверное, наши их так прижали, что они всё бросали и драпали на запад. Интересно получилось с этими снарядами от мин, они довольно большие, наверное, сотый калибр. Так вот нашёл я эти снаряды и думаю, понесу в роту, может, пригодятся, а рота тогда была на полигоне вместе с командиром роты. Гильзу я пока оставил, думаю, снаряды будут нужнее, может, бойцов будем, на них обучать или ещё что-то. Хотел взять сразу три снаряда, но они тяжёлые и решил пока

отнести в роту два снаряда, а потом вернусь за третьим. А что думаю, не пропадать же добру. Взял подмышки снаряды и иду по лесу, смотрю на них и думаю, что-то они на боевые снаряды и не похожи, скорее всего, они учебные, может потому их немцы в лесу и бросили. Иду со снарядами, к отдыхающим солдатам, ротный, ещё издали, увидел какая у меня ноша и как закричит не своим голосом: «Чухлебов, ты, куда их несёшь? Они же боевые, тащи их вон в ту большую воронку и брось их там. А то, если они взорвутся, то пол роты положим, а мы с тобой будем первыми». Я думаю, чего это он так всполошился, что учебных снарядов не видел, что ли, и сам продолжаю идти к солдатам. Командир роты дал команду в укрытие, солдаты убежали за деревянное строение, а сам капитан стоит и ждёт меня. Я подхожу к нему и говорю: «Товарищ капитан, так они же учебные». Командир роты весь раскраснелся, кричит на меня: «Старший сержант Чухлебов, я вам приказываю отнести эти снаряды вон в ту воронку, — и показал рукой куда отнести, — а сами явитесь в роту, и будьте осторожны ни какие они не учебные, а самые что ни на есть боевые».

Я с утверждением ротного был не согласен, но делать нечего, надо выполнять приказ. Несу снаряды в воронку, которая находилась метрах в тридцати от деревянного навеса, куда спрятались танкисты, а что делать, приказ есть приказ, и его надо выполнять. Иду, рассматриваю снаряды, и думаю, что ротный ошибся, всё-таки они учебные. Вот эти белые наконечники, о которых ротный сказал, что это взрыватели, так, по моему мнению, на настоящие взрыватели и не похожи, они больше похожи на муляж. Иду, а сам думаю, всё-таки их надо проверить, боевые они или нет. Оглянулся назад, вижу, за мной наблюдает вся рота в полном составе, командир роты впереди, за ним три офицера, командиры взводов и 36 пар глаз. Ладно, думаю, смотрите, смотрите, я пока не проверю, боевые они или нет, в роту не вернусь. Подхожу к воронке, смотрю, а на мою удачу в ней горит костёр, это как раз то, что надо для проверки снарядов. Вокруг костра лежало ещё несколько снарядов то ли осколочные, то ли просто болванки, как мы называли бронебойные снаряды.

Я спускаюсь в воронку, она довольно глубокая и широкая, аккуратно кладу оба снаряда в костёр, да так, что бы запалы, были в самом горячем месте. Тогда, если догадка ротного верна, что снаряды боевые, то они взорвутся быстро, а если нет, то прав буду я. Костёр горит хорошо, я посидел возле него немного, тишина, затем подумал, пора выбираться наверх, а то, и в самом деле, может долбануть так, что мало не покажется. Вылез из воронки ещё немного постоял, посмотрел, как горит костёр и на нем греются снаряды, по моему предположению, они должны

были уже взорваться, раз не взорвались, значит, они учебные. Я повернулся и пошёл к роте, а они, всей толпой стояли и смотрели что будет, а ничего и нет. Ладно, думаю, сейчас я ротному скажу, что я был прав, а не он. Только я так подумал, как услышал сзади меня такой грохот, что взрывной волной меня толкнуло вперёд, и я упал носом в песок, пилотка слетела с моей головы, в воздухе был слышен свист осколков. Посмотрел в сторону своих собратьев, они все, как один, уткнулись в песок носами, только мягкие места торчат, у ротного, как и у меня, фуражка слетела с головы, а сам ротный лежит носом в песок.

Я оглянулся назад и вижу, над воронкой стоит огромный столб из дыма и пыли, да, думаю, ротный был прав, снаряды были действительно боевые. Как ни странно за эту проделку меня ротный не наказал, только пожурил немного, сказав: «Чухлебов, будь осторожен, не собирай по лесу всякую дрянь, эти снаряды могли взорваться прямо в твоих руках, так что береги себя и нас пожалей». Должен сказать, я для роты сделал очень много хорошего и поэтому ко мне командир роты относился с нисхождением. В тот же день я гильзу притащил к своему танку и думаю, куда её деть, выбрасывать жалко вещь-то хорошая, может пригодиться, ну и решил затащить её в танк и положить в нижний отсек для снарядов. Так и вожу её уже сколько дней. А что, она никому не мешает, пить есть, не просит, пусть лежит себе. Вот теперь пригодилась, только я в толк не возьму, как её задействовать в нашем деле, но утро вечера мудренее, так что завтра и решим. Вот с этими мыслями я и уснул.

Утром я рассказал Володе о гильзе, вместе с ним залезли в башню моего танка, Володя как увидел заряд и говорит: «Вот это снаряд! Он долбанёт, так долбанёт, вся рыба, которая плавает в речке, будет наша». Затем мы начали прикидывать, как этот заряд задействовать в нашем деле и решили, что без минёров нам не обойтись, потому что нужен бикфордов шнур, а у нас его не было, значит в компанию придётся брать минёров. Я попросил у повара Сергея мешок, завернул в него гильзу, а как же, не будем же мы с гильзой от немецкого снаряда ходить по военному лагерю. Минёры нас встретили с интересом а, услышав нашу задумку, обрадовались, что и в их котле уха, может, будет. Главным в этом деле был старшина Петров, сослуживцы его, почему-то звали Петрович, он осмотрел наш заряд и говорит: «Для того, чтобы этот заряд сработал над ним надо поколдовать, давайте его сюда в палатку». Взял гильзу и спрашивает у нас: «Что, парни, каша надоела, рыбки захотелось? Ладно, дело хорошее поможем, только чтобы все было между нами, лишняя слава мне не нужна». Разговора нет, тайну мы держать умеем. Петрович поколдовал, и

получилась отличная мина с хвостом, роль хвоста исполнял бикфордов шнур. Петрович нам говорит: «Я со своим помощником пойду с вами, ставить и взрывать мины дело наше, а вы маскировочной сеткой будите ловить рыбу, конечно, если она будет. Идёт?» Мы с Володей с ним согласились, да нам ещё лучше, а то будем возиться с этой хвостатой, а она ещё в руках взорвётся. Нет уж, лучше пусть Петрович всё проделает, как надо, а то мы можем, чего-нибудь и накосячить. Ещё раз, теперь уже с Петровичем обследовали берег реки, затем он говорит: «Вы парни вот здесь у тальника ставьте запруду, а я с помощником, буду рыбу глушить, если рыба в этой реке есть, то она поплывёт к запруде, а нам с вами это и надо».

Мы с Володей залезли в воду по пояс, натянули на тальник маскировочную сеть, я смотрю на ячейки сети и говорю Володе: «Слушай Володя, мне кажется в сетке ячейки большие, так и рыба вся уйдёт» — «Вся не уйдёт, что-нибудь и нам останется», — отвечает Ильин. Когда я возился с сетью, то на Петровича не обращал внимания, а когда закончил, то посмотрел, где он находится и увидел, что он уже на средине реки. Я подумал, если Петрович на реке, значит, скоро грянет взрыв. Затем я снова отвлёкся на запруду, а когда посмотрел на лодку Петровича, то она, на всех «парах» несётся по течению вниз к нам, вот они уже недалеко от нас вытащили лодку на берег и подбежали к нам. Ждём взрыва, а его всё нет и нет. Я уже думал, что запал водой залило, и никакого взрыва уже не будет, и вдруг как ахнет!!! Да так, что немецкие пограничники на том берег высыпали и интересом смотрели, что же это ахнуло! Взрыв был действительно сильный, столб воды поднялся метров на шесть. Петрович сказал: «Сейчас пойдёт рыба, если она в этой реке есть. А она здесь должна быть, так как река пограничная и кто попало, тут рыбу не ловит». Только он это проговорил, как на водной глади стали появляться белые лоскутки. Я сначала не понял что это такое, а лоскутков всё больше и больше, и вот их течением принесло к нам. Володя мне кричит: «Сеня, лови рыбу и клади её мне в мешок или бросай в лодку». Тут до меня дошло, что это рыба оглушенная, я думал, что она убитая совсем, но Ильин мне объяснил, что рыба потеряла сознание на время и она скоро очнётся и уплывёт от нас, так что давай быстрее лови её. Я старался, как мог, но надо учесть, что рыбу ловил я впервые, и у меня получалось плохо, она то и дело у меня из рук выскальзывала, но потом я немного освоил технику держания рыбы и дела пошли лучше. Все работаем быстро, рыбы много, и большой, грамм по восемьсот и мелкой. Петрович нам кричит, что бы мы ловили большую рыбу, а уж потом мелкую. Ага, думаю,

как будто нас мелкая будет ждать, та рыба, которая не зацепилась за сетку ушла по течению, и её уже не догонишь. Я вижу, как в лодке рыбы становится всё больше и больше, ну всё думаю, уха будет хорошая, хотя хорошей ухи я ещё не ел. Когда я работал строителем то мы ели уху из консервы, но разве такую уху можно назвать настоящей ухой.

Ловя и бросая рыбу в лодку, я заметил, что та рыба, которая сбилась у сетки, куда-то стала исчезать, смотрю внимательно и стараюсь понять, куда же она девается. И вижу, прямо на моих глазах, одна рыбка переворачивается на живот и юрк в глубину реки, и исчезла.

Этот феномен мне настолько показался интересным, что я, на какое-то время бросил ловить рыбу, стоял и любовался, как это у рыбы так ловко получается. Но, затем я осознал свою ошибку и поднял тревогу, закричав: «Петрович, рыба у сетки исчезает!» Петрович командует мне: «Бери тот конец сетки и тащи сюда на берег». Я тащу конец сетки на берег, помощник Петровича потащил лодку туда же, рыба на реке практически вся исчезла в воде, осталось спасать только ту, что в сетке. Когда мы всю рыбу сложили в мешок, то он получился почти полный, столько рыбы я ещё не видел, да что там скромничать, я её видел, в основном, на тарелке и то, хвост от рыбы или голову, а тут вся она целая. В общем, мы с Володей рыбы к кухне принесли много, её чистила почти вся рота, вокруг кухни стоял такой гомон, что им заинтересовался и командир роты. Подошёл к ним, и спрашивает: «Кто принёс рыбу?» Все молчат. Одни молчат, потому что не знают, ответа на поставленный вопрос, а другие знают ответ на поставленный вопрос, но молчат, потому что не знают, что за эту рыбу будет тем, кто её принёс. Вот все и играют в молчанку. Я в это время сидел на подножке машины, переобувал сухие портянки и слышал слова командира роты.

Когда я почувствовал что, молчанка затянулась, крикнул: «Товарищ капитан, что Вы их пытаете, они все равно ничего не знают, я принёс ту рыбу, что они чистят. Надоела каша, захотелось ушицы, вот я и принёс рыбицы». Командир роты как-то весело сказал: «Наконец-то я нашёл виновника торжества. Так это Вы, старший сержант Чухлебов взрывом глушили рыбу?» Я уже закончил наматывать портянки, обул сапоги, встал на ноги, притопнул для убедительности, что обулся хорошо, и отвечаю капитану Мезенцеву на поставленный вопрос: «Нет, товарищ капитан, взрывать я не взрывал, это поляки подъехали на машине, что-то в реке взорвали. Я, как раз ниже их по течению прогуливался, вижу, рыба по воде на боку плывёт, я залез по пояс в реку и стал выбрасывать её на берег, а что, не пропадать же

добру, да если честно, каша надоела до жути. Как рыба закончилась, я пошёл к нашей кухне взял у повара мешок, вернулся, сложил рыбу в мешок и вот она на кухне» — «А поляки, они что, разрешили Вам брать рыбу и нечего не сказали?» — «Да как они скажут, если они от меня были метров за сто. Они поймали, сколько им надо и уехали. Поляки были на военной машине и в зелёной форме, наверное, пограничники. Врал я так убедительно, что сам удивился, как я хорошо умею это делать. Не знаю, был ли удовлетворён ротный моим ответом, а может, и нет, но мне показалось, что он дальше в этом вопросе копаться не захотел. А что копаться, рыба есть, значит, сегодня будет прекрасный ужин, а если повар Серёга постарается, то и жареной рыбки поедим. О жареной рыбке, я сказал командиру роты, на что он мне заявил: «А Вы подскажите повару, пусть постарается, хочется жареной рыбки, задумчиво сказал ротный». И Серёга постарался. Ужин был прекрасный, многие солдаты съели по одной порции ухи приходили за добавкой, а когда все наелись до отвала, и расположились на ночлег, Сергей позвал меня и говорит: «Товарищ старший сержант, жареной рыбы много, так что можно пригласить и офицеров нашей роты».

На жареную рыбку пришли не только, наши офицеры, но и командир батальона подполковник Лыхин со своим шофёром Витей. Сидим за длинным дощатым столом, офицеры и мы с поваром, едим рыбу и попиваем чай. Сначала сидели молча, затем командир батальона говорит: «Ну, вот Мезенцев, а говорили, что взрыв организовал Чухлебов, а вышло, что он здесь ни при чём, как говорится, получилась ошибочка, так что-ли?» Мезенцев немного помолчал, затем, как бы в своё оправдание говорит. «Так товарищ подполковник, я же знаю натуру Чухлебова, он на месте никогда не сидит, другие солдаты по песку находятся и рады месту, но только не Чухлебов, он сразу идёт осматривать близлежащие леса, и обязательно что-то притащит. Один раз притащил два боевых немецких снаряда прямо туда, где отдыхала рота. Я ему говорю, унеси ты их с моих глаз, и брось вон в ту воронку, они же боевые и могут в любой момент взорваться. Так он пошёл, развёл в воронке костёр и там взорвал снаряды. Спрашиваю его, зачем ты это сделал, а он отвечает, чтобы другие солдаты на них не подорвались. Видите, какой благородный. Так что взрыв на реке мог вполне принадлежать старшему сержанту Чухлебову, правда, он в этом не признался» — «Да какая теперь разница, кто глушил рыбу, главное, что Чухлебов хороший организатор вот мы сейчас и поедаем плоды его труда, и за это ему надо сказать спасибо», — сказал подполковник Лыхин. Когда офицеры поужинали и ушли,

за столом остались только я, Володя Ильин и Серёжа повар, вот что он нам рассказал: «Перед взрывом на реке, на кухню пришли командир батальона и командир нашей роты. Ну, сидят, пьют чай, и ведут неспешный разговор, вдруг прозвучал взрыв. Ротный от неожиданности даже захлебнулся.

В первое время все молчали, затем командир батальона говорит: «Кажется, взрыв произошёл на реке, чтобы это могло быть? На военные действия не похоже, странно, может, немцы?» Комбат сидит, раздумывает, а ротный буквально заёрзал на скамейке, смотрит по сторонам как будто кого-то ищет, затем у меня спрашивает: «Повар, Вы старшего сержанта Чухлебова не видели?»

Спросил у меня, а сам не дождавшись моего ответа говорит: «Интуиция мне подсказывает, что это работа Чухлебова». Когда он замолчал, я решил ответить на его вопрос: «Видел, — говорю, — они с Ильиным вон туда пошли и показал рукой в противоположную сторону от реки». Командир батальона и командир роты посмотрели в ту сторону, куда я показал, а подполковник Лыхин говорит: «Значит, это сделал не Чухлебов, не мог же он с той стороны, прибежать на реку и там что-то взорвать» — «Чухлебов мог, он хоть что может, у него такая натура, он долго на месте сидеть не может» — «Надо его срочно найти», — сказал он. Затем поднялся и куда-то пошёл, за ним пошёл и командир батальона, а вскоре и вы пришли. Вот такие у нас тут были дела в ваше отсутствие».

Затем я спросил у Сергея: «А что на замечание ротного сказал подполковник Лыхин?» — «А ничего он не сказал, просто сидел и слушал». На этом наш «торжественный» ужин закончился. Что же касается подполковника Лыхина, то я его глубоко уважаю за его спокойствие и простоту по отношению к своим подчинённым. Лично я с ним иногда разговаривал, как со старшим товарищем, разумеется, соблюдая дистанцию и исключая панибратство. Да я вам об этом уже писал, мне только вот что не понятно, почему ему до сих пор не присвоили звание полковника, кстати, в нашем полку был только один полковник, это наш командир полка. В связи с этим я, грешным делом, подумал, может командир полка не хочет, чтобы в его полку был ещё один полковник, так он один полковник на весь полк, а то будет два полковника, возможно командиру полка такое положение дел не нравится. Ещё у меня было предположение такое, может наш командир батальона, начальству не удобен, правду режет прямо в глаза, но насколько я его знаю, он таким не кажется. Но причина какая-то есть и мне она не известна, так что я в догадках теряться не буду. После рыбалки мы стояли лагерем ещё дня два или три, затем

последовала команда отбой и сборы домой, на место постоянного пребывания.

ПРОВЕРКА БОЕГОТОВНОСТИ ТАНКОВЫХ ПОЛКОВ КОМДИВОМ

Мы дружно начали собираться домой, надоела эта лагерная жизнь, ни помыться, как следует, ни выспаться, да и кормёжка ужасная, только уху, да жареную рыбку и можно вспомнить, а остальное, каша, будь она не ладна, а вместе с ней и наш старшина. Вы не подумайте, что я о старшине отзываюсь плохо, и этим самым хочу показать, что я был хорошим старшиной, а он плохой. Нет, дело не в этом, а в том, что ему было на всё наплевать, хорошо солдат покормил или плохо, ему все равно, он себя так вел и в казарме. Роту на зарядку не водил, в казарме появлялся только к обеду, а после ужина снова уходил к артиллеристам. Вот так он, сверхсрочник, и служил, по принципу, «солдат спит, а служба идёт». Ну ладно, шут с ним, со старшиной, мне надо срочно собираться, а то скоро последует команда в дорогу, а мы ещё не всё собрали.

Ну вот, наконец, всё собрано, мы уже сидим на броне и ждём команды «Вперёд», но тут приходит наш командир роты и говорит: «Сегодня никуда не поедем, командир дивизии будет смотреть готовность танковых полков. Скоро будет построен батальон и там командир батальона всё расскажет, как нас будут проверять, и кто будет выступать». В этот же день, к концу дня, был построен весь батальон в одну колонну, а это почти 150 человек, я вам скажу зрелище впечатляющее.

Колонной командовал сам командир батальона, подполковник Лыхин. После команды «Вольно», командир батальона сказал короткую речь: «Завтра будут организованы показательные стрельбы на близлежащем полигоне. На смотровой вышке будет сам командир дивизии, генерал-лейтенант Воронов и его помощники, а так же командиры всех трёх танковых полков и их приближённые. В стрельбах будут участвовать по одному экипажу от танкового батальона, и как этот экипаж выступит, высшее командование будут судить о боеготовности батальонов, в том числе и о нашем батальоне. Сегодня у нас, офицеров батальона, была нелёгкая задача, надо было выбрать из тридцати экипажей самый достойный. По общему мнению, мы решили, что наш батальон будет представлять экипаж третей роты старшего сержанта Чухлебова. Затем командир батальона дал мне команду: «Старший сержант Чухлебов, вместе с экипажем, пять шагов вперёд шагом марш». Я строевым шагом, за мной члены моего экипажа, вышли из строя и в шеренгу по одному стали перед

колонной. Командир батальона, что-то говорил, показывая на нас рукой, но что он говорил, я помню смутно, я был в таком напряжении, что у меня мурашки бегали по спине. Я впервые стоял перед, такой большой колонной, и эти люди ждали от моего экипажа только отличного выступления. Мне, конечно, не хотелось подвести этих людей и особенно мною глубокоуважаемого, нашего командира батальона, подполковника Лыхина. Когда страсти улеглись, и нас отпустили, я забрался на башню танка и начал обдумывать план действий в завтрашней показательной стрельбе. Мой план заключался в том что, надо уже сегодня посмотреть на то место, где будут организованы учения.

Я решил пойти к командиру роты и попросить машину, чтобы с экипажем поехать на полигон. Подошёл к капитану Мезенцову и объяснил ему суть моей просьбы. Ротный выслушал меня и говорит: «Старший сержант Чухлебов, Вы обратитесь к командиру батальона, я думаю, он в Вашей просьбе Вам не откажет. Как ни как это дело батальонного значения и как попало выступить нельзя. И ещё, Вы кандидатура подполковника Лыхина, это он настоял, чтобы Вы со своим экипажем выступали на дивизионных учениях, так что обращайтесь к нему». Я пошёл к командиру батальона, он в это время сидел в палатке и что-то писал в блокноте. Я по уставу обратился к нему, рассказал суть моей просьбы, он выслушал и говорит: «А что, я думаю, что Ваше решение посмотреть уже сегодня на будущее место стрельб правильное. Берите моего шофёра и на УАЗике езжайте на полигон, это недалеко, километра четыре от нашего лагеря. И вот ещё что. Вам командир роты не объяснил вводное задание на завтрашние стрельбы?» — «Ни как нет, товарищ подполковник, — ответил я, — наверное, ещё не знает» — «Так вот, слушайте. Картина боя рассматривается следующая. Наши танки движутся маршем по лесной местности, в один момент на нас нападает противник, и открывает огонь с танковой пушки, артиллерийской пушки и пулемёта. Ваша задача поразить огневые точки противника пока они вам не нанесли ущерб. Задача понятна?» — «Так точно, товарищ подполковник» — «Тогда действуйте». Я отдал честь и вышел из палатки. Позвал свой экипаж, разбудил Виктора, шофёра комбата — он спал в машине, и мы поехали на будущее место стрельб.

Приехав на полигон, мы с экипажем поднялись на смотровую вышку, с которой всё прекрасно видно, и там я объяснил своим помощникам, как будем действовать завтра на стрельбах. Затем я сказал короткую речь, и ещё раз напомнил, кто, что должен делать в операции. О том, что на нас лежит большая

ответственность, я говорить не стал, на построении и так много было сказано, так что хватит. А я вот что сказал экипажу: «Мои товарищи, довожу до вас картину завтрашнего «боя». Установка дана такая. Танки нашего полка колонной движутся по лесной местности, наш танк идёт третий, вдруг из засады на нас нападает противник с тремя огневыми точками. Наша задача уничтожить противника, прежде чем он нам нанесёт урон. Так вот, поразить противника это ещё не всё, сделать это надо быстро, точно и красиво. Вот тогда мы точно выполним свою задачу. На завтрашние стрельбы даю установку. Механик Габдурахманов, на высокой скорости машину ведёте вот до этого места (показываю куда). Затем резко разворачиваете в левую сторону и на максимальной скорости движетесь в сторону целей. Рычагами перед выстрелом не дёргать, для этого у вас будет три-пять секунд после каждого выстрела. Наводчик Вавилов, у вас есть не больше минуты на все три мишени, если расстреляете их раньше минуты, то будет отлично. Пулемётное гнездо тоже поражайте осколочным снарядом, так будет надёжней. Заряжающий Алёшин, вам на каждый снаряд отводится не более четырёх секунд, постарайтесь, справится с заданием. После того, как поразим все мишени, механик-водитель разворачивает машину на 180 градусов через левый борт, а наводчик в этот момент разворачивает ствол пушки в походное положение, через правый борт. Со стороны это будет смотреться эффектно, но делать это надо быстро, чтобы, когда машина на полной скорости пойдёт на исходную позицию, ствол пушки должен быть в походном положении. Вы же помните, как расстреляли наблюдателей на вышке во время вот таких же стрельб. Так что не будем пугать наше высокое начальство. Механику, не доезжая до исходной линии, и не сбавляя скорость, поворот вправо, в парковую зону. В заключение ещё раз повторяю, действовать экипажу надо слаженно, быстро и точно. Вопросы есть?» Вопросов не последовало, и мы поехали на ужин, ведь завтра у нас будет трудный день. Утром, старшина роту, почему-то на зарядку не строил, я построил свой третий взвод, сделали зарядку и побежали к речке мыться. Затем завтрак, и вот последовала команда, выдвигаться в район полигона. К нашему танку подъехал на УАЗике командир батальона, с ним командиры рот нашего батальона. Командир батальона дал команду «Вперёд», сам поехал впереди за ним грузовая машина с нашими офицерами, а затем мой танк. Нас провожал почти весь батальон, напутствовали и желали успеха. В районе сосредоточения, или в парковой зоне, как ещё это место называли, было шумно и суетливо, кто-то, что-то кричал, другие куда-то бежали, а на

поляне уже стояли девять танков, которые будут участвовать в учениях. В стрельбах были задействованы не только наш третий полк, но так же первый танковый полк и второй танковый полк, от каждого полка по три машины.

Смотрю, наш командир полка полковник Корнев, со всей своей свитой ходит от танка к танку и что-то говорит. Вот он подошёл к нашему экипажу, сначала поздоровался, мы хором ему ответили, как положено по уставу, затем он спрашивает меня: «Ну как, командир танка, мандраж перед такими ответственными стрельбами есть?» — «Ни как нет, товарищ полковник» — «А почему у Вас его нет? — удивлённо спрашивает полковник, — ведь стрельбы ответственные, сам командир дивизии будет смотреть, на что мои танкисты способны» — «А у меня такая натура, перед стрессовой ситуацией ни какого мандража, он у меня бывает позже, часа через два после случившегося, и то не всегда» — «Хорошая натура, вот такую бы натуру всем моим солдатам, да и офицерам она бы не помешала» — «Вопросы есть?» — «Ни как нет, товарищ полковник» — «Ну ладно, давай, сынок, смотри не подведи наш полк» — «Слушаюсь, товарищ полковник». Затем командир полка и его свита отправились на смотровую вышку, и оттуда будут наблюдать за стрельбами.

Стрельбы были организованы следующим образом. На огневом рубеже, предполагаемого противника, стояли три группы мишеней, по три огневые точки в каждой группе. «Танк, артиллерийская пушка, пулемётное гнездо». На боевые позиции выдвигаются три танка, первый танк стреляет по первой группе огневых точек противника, второй танк по второй группе, ну а третий танк, ведёт огонь по третей группе огневых точек. Пока у меня было свободное время, я пошёл ближе к полигону и решил посмотреть, как стреляли танки первого танкового полка. Остановился у опушки леса и стал смотреть, как они будут действовать. Они всё делали как на обычных стрельбах. Сначала выдвигались на исходную линию, затем останавливались, минуту-другую стояли, только потом двигались в сторону предполагаемого противника, делали короткую остановку и только потом стреляли. Смотрю, танкисты всё делают медленно, стреляют с остановками, по этому поводу я подумал, что если вы так будете действовать и в бою, то противник вас давно бы расстрелял, ведь он стоит в засаде и ему хорошо видно, ваши танки, они же находятся на открытой местности, да ещё и останавливаются, чтобы произвести выстрел из танковой пушки. А бить по стоячей мишени гораздо проще, чем по движущемуся танку. «А может танкистам первого полка вводную задачу не дали?» — подумал я. Всякое может быть. Из увиденного, я понял,

что мой танк будет идти в колонне третьим, значит, моя группа мишеней будет третья.

Всё что надо для себя я выяснил, и вернулся к своему экипажу. Когда на стрельбы ушли танки второго полка, я сказал своим членам экипажа, чтобы они в голове прокрутили несколько раз свои действия на трассе полигона. Наконец вернулись в парковую зону танки второго полка, и скоро будет дана команда нашему полку. Команда подавалась офицером регулировщиком, который стоял на выезде из парковой зоны. Внешней связи, ни какой не было, так как по легенде танки двигались самостоятельно и в случае нападения противника должны действовать на своё усмотрение. Раз экипаж должен действовать на своё усмотрение я и разработал такую тактику действий своего экипажа. Скажу откровенно, об тактических действиях своего экипажа, я своих непосредственных командиров в известность не ставил, всё брал на свой страх и риск. Я со своим экипажем, как и положено, стою впереди танка и жду команду регулировщика к бою. О знаках регулировщика я знал заранее. Мои непосредственные командиры стоят в сторонке и только наблюдают, что будет дальше? Руководить моими действиями они не могут. Наконец флажок регулировщика взметнулся вверх, это значит «Внимание», затем флажок резко опустился вниз, это значит «К бою».

В считанные секунды мы уже были в танке. Последовала команда регулировщика «Вперёд». Сначала пошли машины первого и второго батальонов, за ними тронулся мой танк. Танки впереди меня идут медленно, дистанция между ними небольшая, и я понимаю, что при таком движении у моего танка не будет скорости для оперативного манёвра, я даю команду механику «Стоп». Танк остановился, я решил переждать, когда впереди идущие машины мне освободят дорогу. Стоим, люки закрыты, двигатель машины работает, со стороны, это кажется ненормально, танк должен двигаться на полигон, а он стоит. Разумеется, в рядах моих командиров началась лёгкая паника, там, на смотровой вышке командующий дивизией, а у Чухлебова опять какие-то заморочки. Вижу в прибор наблюдения нашего командира взвода старшего лейтенанта Акимушкина, он стоит и машет руками, как бы приглашает меня двигаться, но двигаться танку было ещё рано. Я понимаю и волнение командира взвода, да и командир роты там стоит как на горящих углях, но сейчас я выполняю команду командира батальона, и поэтому ротное начальство, говоря спортивным языком, как бы вне игры. И вот по моему расчёту настал момент, что пора двигаться, я буквально заорал по внутренней связи: «Механик, вперёд!!! Давай скорость и

ещё раз скорость». Танк, эта сорока тонная махина качнулась и с места, резко стала набирать скорость. Я всем телом ощущаю, как наш танк набирает скорость. Когда наш танк выскочил из парковой зоны, не доезжая до исходной позиции, я дал команду механику «Поворот налево, к целям». И правильно, на мой взгляд, я сделал, зачем нам исходная позиция, ведь мы не на параде, по легенде мы находимся в боевой обстановке и чем быстрее мы поразим цель, тем лучше будет для нас. Как только танк сделал первые несколько движений влево, я по внутренней связи спрашиваю у наводчика: «Вавилов, цель видишь?» — «Цель вижу», — отвечает наводчик. Конечно, цель он видел пока не по фронту, потому что механик машину ещё не выровнял прямо на цель, но это наводчику не мешает стрелять. Дальше мои команды и ответы экипажа.

Я: «Заряжающий, бронебойный снаряд». Заряжающий: «Готово». Я: «Наводчику, огонь!» Последовал выстрел, я смотрю в триплекс и вижу, что цель поражена. В эту же секунду из казённика нашей пушки, вместе с дымом вылетает гильза от снаряда, и со звоном ударяется о противоположную стенку башни и падает на пол. Появился первый дым в башне танка, два вытяжных вентилятора работают и частично удаляют дым. Но членам экипажа некогда обращать на дым внимание, а тем более на гильзу, нам надо делать своё дело, тем более что дышится ещё легко, а когда станет невмоготу, на этот случай есть противогазы, так что всё предусмотрено. Наводчик мне докладывает: «Цель поражена». Затем я даю команду заряжающему бойцу: «Осколочный снаряд» и тут же слышу ответ: «Готово». Слышу голос наводчика: «Цель вижу». Даю команду: «Огонь!» Выстрел и другая цель поражена. С третьей целью получилось вообще интересно, когда в пулемётное гнездо попал снаряд, оно подлетело метра на полтора вверх, а затем вообще, куда-то исчезло, получилось очень эффектно. А механик исправно делал своё дело, и когда наводчик делал второй выстрел, он машину уже выровнял прямо на цель, одним словом делал всё так, как и было задумано. После поражения последней цели, я даю механик команду: «Разворот через левый борт на 180 градусов, и в парковочную зону и больше газа, скорость и ещё раз скорость. Сразу же даю команду наводчику: «Через правый борт, пушку в походное положение». Вообще-то всё это, члены экипажа знали и без моей команды, но в танке, контакт командира с экипажем необходим. Всё сделано быстро, чётко, мы на максимальной скорости несемся к исходному положению, там, на скорости танк поворачивает в парковую зону, и нас уже на полигоне нет, как будто и не было. Машина остановилась на то место где мы, и

раньше стояли. Танк немного постоял, затем весь экипаж вылез из башни на броню.

Сидим, отдыхаем, мы, танкисты, довольные тем, что сделали хорошо трудное дело. Первое, на что я обратил внимание, а где же те два танка, которые были впереди нас? Их не видно, но гул моторов на полигоне был слышен, значит, они ещё не закончили стрельбы. Осмотрелся по сторонам, тишина, в стороне под тенью деревьев стоят солдаты и офицеры, но наших командиров там, кажется, нет, значит, о проделанной работе и докладывать некому. Ну, ничего, главное сделано и, как мне кажется, хорошо, теперь будем ждать команды отбой и затем поедем домой, уже до чёртиков надоела эта полевая жизнь. О том, что я со своим экипажем сделал, что-то особенное, я не думал, просто, экипаж действовал так, как было необходимо на моё усмотрение в данной обстановке, вот и всё. Одним словом, сижу на башне танка, довольный сделанным, и вдруг вижу, со стороны смотровой вышки к нам бежит командир взвода старший лейтенант Акимушкин. Через считанные секунды, за ним быстрым шагом с короткими перебежками двигается наш командир роты капитан Мезенцев, а от нашего танка до смотровой вышки метров двести ничуть не меньше. А уж потом, неспешным шагом идёт командир батальона подполковник Лыхин. Думаю, странное дело, что же это я со своим экипажем натворил, что всё моё начальство так быстро движется к нам. Мои члены экипажа тоже насторожились, а наводчик Вавилов спрашивает у меня: «Товарищ командир, мы, что-то не то сделали?» — «Да я, так же как и ты, не понимаю в чем дело, вот они к нам придут и скажут в чём дело, чего раньше времени волноваться». Получилось так, что оба мои командиры подошли к нам вместе, капитан Мезенцев говорит мне: «Старший сержант Чухлебов, следуйте за мной». Я тихонько сползаю с брони и спрашиваю у ротного: «Товарищ капитан, а что не так?» Мы с ним уже идём, он мне отвечает: «Я точно не знаю, меня подполковник Лыхин за Вами послал, вон он стоит у берёзки и, наверное, Вам всё расскажет». Старший лейтенант Акимушкин тоже шёл с нами, но затем командир роты отправил его к танку за ненадобностью, так и сказал ему: «Вы там не нужны, идите к танку и ждите нас там». Старший лейтенант Акимушкин, пошёл к нашему танку, согнувшись, и, как мне показалось, обиженным, как будто у него отобрали что-то очень ему нужное. Мне его стало жалко, потому что у нас с ним за время моей работы в должности помощника командира взвода, сложились приятельские отношения, так как, его взвод с моей помощью стал один из лучших не только в роте, а и во всём батальоне, а может даже и во всём полку. Так что, как

видите, причина для приятельских отношений у меня была. Позже наши добрые отношения пошли ещё дальше, чем теперь, этому способствовала его жена. В нужное время я об этом напишу, если не забуду.

А пока мы с командиром роты подошли к командиру батальона и он мне сказал, что командиру дивизии понравилась работа твоего экипажа, и он хочет командира танка лично поблагодарить. Ну, думаю, это совсем другое дело. Дальше шли молча, каждый думал о своём, я не знаю, что они думали, а мне что думать, сам командир дивизии меня зовёт для того что бы мне пожать руку за хорошую работу. Вот пока мы идём, а идти нам ещё далеко, и что бы время, не пропадало даром, я вам расскажу одну очень интересную историю, которая произошла, в то время когда я был ещё старшиной роты. Если честно то, я в это сначала не поверил. А было вот что.

После отбоя подходит ко мне командир танка сержант Зенцов, ну тот, что Алексей, и говорит мне: «Товарищ старшина, я обращаюсь к тебе как к старшему по должности, помоги мне в одном деле, я вот уже который месяц с ним мучаюсь и толку нет. Суть моей просьбы. У меня в экипаже заряжающий, в звании рядового и фамилия его Гаджиев, так вот, на мой взгляд, он к воинской службе вообще не пригоден. По возрасту он старше нас на два года, а служит только первый год» — «А почему ты считаешь, что он к службе не пригоден?» — спрашиваю я у него. «Да понимаешь, он всего боится, в танк залазить боится, брать снаряд в руки боится, вот во время стрельб я, командир танка, заряжаю пушку. Ходит Гаджиев неопрятный, пока его не заставишь постирать гимнастёрку, не постирает, да и вообще за собой не следит. И он очень медлительный, в столовой все солдаты уже компот пьют, а он ещё второе ест. Поступила команда «Строиться», он хватает два куска хлеба, суёт в карман вот это у него и второе, и третье блюдо. Понимаешь, мне его жалко, он не доедает, худой, замкнутый, ни с кем в экипаже не общается, надо что-то делать, а то пропадёт парень» — «А ты командиру взвода, старшему лейтенанту Ускову, об этом говорил?» — «Говорил, а что толку, он с Гаджиевым поговорил и дал мне задания больше уделять внимания рядовому Гаджиеву. Вот и всё, да ты и без меня знаешь, как наши взводные служат. Они как на гражданке отработали с восьми до семнадцати, и всё, домой к женам, если конечно их не зовёт труба в поход. Я прошу тебя, ты поговори с ним, может он тебя послушается, или ты его поймёшь, почему он такой» — «А ты почему до сих пор молчал, у тебя в экипаже почти ЧП, а ты молчишь. То, что он не доедает, я ведь этого не знал, и ты мне ничего не говоришь. Понимаешь,

Алексей, если Вы с командиром взвода не решили эту задачу, то ты должен доложить мне или командиру роты, а так оставлять нельзя. Где сейчас Гаджиев, он уже спит?» — спрашиваю я у Зенцова. «Да нет, он отрабатывает наряд вне очереди, моет туалетную комнату» — «Тогда позови его ко мне вот сюда в каптёрку».

Пока Зенцов ходил, я думал, как построить с Гаджиевым разговор, чтобы он был доверительный, а то ведь он может замкнуться и мне ничего не сказать, подумает, все вы командиры одинаковые, только наказывать и знаете, а поговорить по-человечески не можете.

Я вспомнил свои наряды вне очереди, со мной командиры отделения тоже по-человечески не говорили, они только и знали команды: «Смирно», «Прекратить разговоры», «Выполнять» и так далее, и всё в приказном порядке. Один только старшина нашей роты говорил со мной нормально, даже если он что и заставлял делать, то не приказывал, а как бы просил. Я ему за это очень благодарен. А вот теперь я, старшина роты, и ко мне придёт, такой же солдат как я был раньше. И мне надо сделать так, чтобы он поверил в то, что не все командиры только приказывают и дают наряды вне очереди, что есть и такие, которые могут тебя послушать и понять. Дело это нелёгкое, но у меня уже есть опыт и я должен справиться.

Заходит в каптёрку Зенцов, с парнем, как бы сейчас сказали, кавказкой национальности. Довольно высокий, выше Зенцова на полголовы, приятные черты лица, брови черные густые, глаза тоже чёрные, я обратил внимание, что он действительно худой, хотя мы в армии все не жирные, но он худее остальных. Да, думаю, с ним надо, что-то делать, так дальше нельзя, на первое время придётся ему изменить систему питания, это во власти старшины и помощники мне здесь не нужны. Начну этим заниматься с завтрашнего утра, дальше тянуть никак нельзя.

Зенцова я отпустил отдыхать, а рядового Гаджиева пригласил за стол и предложил ему чай с сахаром и печенье. Сначала он посмотрел на меня с недоверием и, видимо, хотел отказаться садиться за стол, но увидев сахар, печенье и чай, как бы нехотя сел. Видно было, что он голодный, и голод заставил его сесть за стол. Я пододвинул ему стакан с чаем, полулитровую банку с сахаром, открыл новую пачку печенья и пододвинул её к нему, а затем говорю: «Клади сахар в чай, сколько хочешь, ешь печенье, ты, наверное, проголодался»? Он кивнул головой и принялся за еду. Все его действия были, как бы заторможены, зачем его такого в армию взяли, да ещё в танкисты, я не понимаю. Но делать нечего, теперь он мой солдат и я должен сделать всё, чтобы ему

было легче служить. Когда он съел всю пачку печенья, выпил чай, я его спросил: «Ну как подкрепился»? Он кивнул головой, не поднимая голову. Вижу, что он ещё не расположен со мной разговаривать. Тогда я его спросил: «Твоя фамилия Гаджиев?» — «Да», — сказал он. «А как тебя зовут?» — «Али», — коротко ответил он. «Кто я такой, ты, конечно, знаешь» — «Да, знаю, Вы старшина нашей роты» — «Ну вот, мы с тобой познакомились, теперь можно и разговаривать. Скажи мне, у тебя нарядов вне очереди много?» — «Три, и все их дал Сержант Зенцов» — «Все твои наряды вне очереди я отменяю, завтра об этом скажешь сержанту Зенцову. Это первое, что надо сделать для облегчения твоей службы, и второе, что мы сделаем, это изменим время твоего питания. Как я вижу, ты всё делаешь медленно, как мне сказали, ты и кушаешь так же медленно и не успеваешь поесть, ты очень худой, правда, в армии мы все не жирные, но всё же лучше выглядим, чем ты. Так что завтра, на завтраке ты будешь кушать за свободным столом вместе с сержантом Зенцовым, а как покушаете, вместе придёте в роту, у вас будет тридцать минут послеобеденного отдыха, так что Вы за это время успеете поесть».

Я всё это ему говорю, а сам смотрю, как он на мои слова реагирует. Парень прямо на глазах меняется, поднял голову, смотрит на меня, старается ничего не упустить, даже появились признаки весёлости. Ну, думаю, парень ожил теперь можно говорить и на другие темы, но всё-таки решил его спросить: «Али, скажи мне, ты веришь тому, что я тебе сейчас сказал?» — «Да верю, про Вас солдаты говорят, что Вы старшина строгий, но справедливый, если надо то за солдата постоите, да и о нас заботитесь, вон, когда по боевой тревоге выезжали, другие роты жевали сухой паёк, а мы кашу, да борщ наваристый ели. Так что я Вам верю». Али говорил по-русски плохо, некоторые слова его я вообще не понимал, но смысл их улавливал, поэтому продолжал с ним разговаривать.

Мне было интересно узнать, почему его так поздно призвали в армию, ведь по возрасту он должен был уже отслужить, а он служит только первый год. И ещё, почему он такой медлительный, то ли от природы, а может у него какое заболевание, а призывная комиссия просмотрела. Хочу, чтобы он о себе сам рассказал, и поэтому спросил у него: «Али, расскажи ты мне о себе, почему тебя так поздно в армию забрали, может ты болел? И почему ты такой медлительный, что ничего не успеваешь сделать. Почему боишься танка, снаряда ну и прочего военного снаряжения. Может я тебе смогу помочь чем-нибудь?» Сказал, и смотрю выжидательно на него.

Он сначала помолчал, а затем у меня спрашивает: «Товарищ

старшина, а разве Вам интересно будет знать о рядовом солдате?» — «Али, поймите меня правильно, для меня, как старшины роты, неважно в каком звании солдат моей роты, я призван для того чтобы заботиться о каждом члене нашей семьи, которая называется ротой, и поэтому то, что Вы расскажите, мне не просто интересно, но даже поучительно. Как я понимаю, вы житель гор, а я, степной человек и поэтому для меня горы загадка и люди, которые там живут, тоже загадка, вот я и хочу, с одним из представителей гор познакомится, то есть с Вами» — «Ну, если Вам интересно то я, конечно, расскажу, только из меня рассказчик плохой, да и на русском языке я говорю плохо, так что то, что Вам интересно Вы меня спрашивайте, а я буду отвечать» — «Ну, хорошо, сначала расскажи, где ты жил и чем занимался?» Заранее скажу, что писать стараюсь правду, и поэтому честно скажу, из какой республики призвался рядовой Гаджиев, я, за давностью времени, запамятовал, а вот название аулов, где он бывал, помню хорошо, да их и запомнить не трудно. Это Верхний и Нижний аулы.

Он рассказал, что жил с родителями и младшими сёстрами в Верхнем ауле, а в Нижний аул, выйдя замуж, переехала его старшая сестра, вот поэтому он туда и попал. А до этого он, кроме своего аула и гор, ничего и не видел. Они с отцом всё лето до самой зимы пасли овец, то в долине, то в горах на верхнем пастбище. Как бы с цивилизацией он не знаком, вот потому он боится танка и всех машин, так как до армии он их и не видел, ни наяву, ни в кино. В их ауле машин не было, так как там и ездить негде, дорог, как таковых нет, только тропинки, по которым ходят пешком, а грузы перевозят на ишаках. В Нижний аул тоже нет дороги, просто тропинка и то, такая крутая, что только и смотри, чтобы не свалился. Кино к ним не возили, потому что нет дороги, да и аул слишком мал, всего с десяток домов, если их так можно назвать. «А медлительный я, потому что у меня и отец такой, да и куда нам в горах торопиться, овцы пасутся, а ты или греешься на солнышке, или к ручью за водой сходишь, там тоже спешка не нужна. Вот так я привык к медленной жизни и вот теперь перестроится, никак не могу. Да ещё этот танк, я его просто боюсь, всю ночь не сплю, переживаю что у меня ничего не получается, не знаю чем всё это кончится», — на этом закончил он свой рассказ.

Помолчал немного, опустив голову, затем вдруг её резко поднял и говорит: «Товарищ старшина, Вы говорили, что хотите мне помочь в службе, так помогите мне перейти в хозяйственный взвод, слышал, что они ухаживают за животными, вот мне бы туда. Я люблю животных и мне с ними хорошо, я их понимаю,

они меня понимают, а, главное, там нет такого грохота как в танке, у меня от него голова болит. Если сможете, то помогите я очень Вас прошу» — «Ладно, Али, о переводе поговорим потом, а сейчас скажи, почему ты в армию не пошёл со своим годом. Ты уже сказал, что не болел, так может тебе повестку, не присылали?» — «Да нет, присылали. Но понимаете, почтальон, повестку приносит весной или летом, а я в это время уже с овцами в горах, а кто же мне её понесёт в горы? Она и так почти километр поднимается с Нижнего аула в Верхний аул, а ко мне в горы ещё надо подниматься километра полтора. Принесёт повестку матери, та положит её под скатерть на столе, вот она и лежит до зимы, а когда я спущусь с гор, то мне отдаст, а куда я теперь с ней? И так каждый год. И знаете, у нас в ауле я был не один такой, кто вовремя не пошёл в армию» — «Но ведь тебя всё же забрали в армию, как это получилось?» — спросил я у него. «А, это так, случайно. Моя сестра выходила замуж, а жених был из Нижнего аула, меня отец отпустил с верхнего пастбища, и мы с друзьями пошли в Нижний аул на свадьбу. Шли долго, по горам сильно не разгонишься. Когда пришли, решили отдохнуть в тени дерева, тут нас милиция и повязала, видать, они нас уже ждали. Так нас троих в праздничной одежде и забрали. Ну а дальше, как положено, привезли нас в районное село в военкомат, а из военкомата, нас, уже не выпустили. Вот так я оказался в армии». Если честно, то тому, что Алиев мне рассказал, я, мягко говоря, не поверил. Подумал, ну как же это так, в советское время наша доблестная милиция хоть где может достать призывников, и в то время, и уже гораздо позже, я так и думал, пока не встретился с другим представителем гор. Но было это уже гораздо позже.

В 1984 году, мы с сыном отдыхали на Кавказе в Лазаревском, там я познакомился с одним грузином из Кутаиси, он был милиционер в звании подполковника, а звали его Гиви. Так вот, сидим мы на пляже на лежаках, попиваем вино, и разговариваем на разные темы, он всё говорит о своём крае, о горах, как летом своих детей возит в Верхний аул. Кода он это слово произнёс, я вспомнил о рядовом Гаджиеве, который тоже был из Верхнего аула, и чтобы ему показать, что я тоже кое-что знаю о горах, рассказал ему историю призыва в армию горца Али Гаджиева, и в заключение я ему сказал: «Я, конечно, в его рассказ не поверил, чтобы в наше время кто-то мог спрятаться от нашей доблестной милиции. Что ты, горец, на это скажешь?» — спросил я Гиви. Он немного помолчал, затем предложил ещё выпить, мы выпили, и только после этого спросил у меня: «А ты родом, из каких мест?» — «Я из степного Ставрополья, вот оттуда меня и призывали в армию». На это он заметил: «Ну, у вас там просто, выехал в степь,

закинул сеть и вот они все отказники в ней. А у нас в горах это делать очень сложно. Ведь за одним человеком, который сидит с овцами высоко в горах гоняться не будешь, даже если его там и выловишь, овец ты куда денешь, не будешь же ты с ними неделю, а то и другую спускаться с гор. У нас в горах всё не так просто. Помню, на этот счёт у первого секретаря горкома города Кутаиси было совещание и не одно. Соберёт нас первый секретарь горкома, пошумит на нас, мы поспорим друг с другом, заверим начальство, что примем все необходимые меры и разойдемся, а проблема как была, так и остаётся. Пойми, Семён, он в горах пасёт своих овец, это его собственность, на этих овцах держится вся его семья, а семейственность у нас на Кавказе превыше всего, а потом уже «Ура, за Родину!» Да и вообще, отказники у нас не считались уж такими преступниками, и мы по горам за ними не гонялись. Так что твой солдат прав, и ты зря ему не верил». А знаете, после разговора с Гиви мои сомнения как-то развеялись. Ну, а Али Гаджиеву я, как и обещал, так и сделал.

По моему ходатайству его перевели в хозяйственный взвод, правда, он пас там не овец, а ухаживал за свиньями, но он был доволен. Как-то примерно через месяц он пришёл ко мне в роту, такой довольный и счастливый, улыбается, лицо его округлилось, по нему было видно, что со службой у него всё в порядке. Я его пригласил за стол, который стоял у нас в углу казармы, спросил его, как дела, затем поинтересовался, зачем он к нам заглянул. И тут вот он что мне выдал: «Товарищ старшина, я написал письмо домой и все о Вас рассказал, как Вы мне помогли со службой, мои родители будут за Вас молиться, а сестрёнка просила меня с Вами сфотографироваться и выслать ей фотографию, она у меня уже невеста, ей 14 лет. Так как можно выполнить её просьбу?» — «Ну, раз сестрёнка, да ещё невеста, то надо её уважить, только где мы с тобой это сделаем? Наш полковой фотограф работает один день в неделю, в воскресенье, а сегодня четверг. Так что, как сам видишь» — «Да нет, товарищ старшина, я фотографа привел с собой, у нас во взводе у одного парня есть фотоаппарат, так он согласился на мою просьбу».

Вот так, мы с ним сфотографировались, и он потом дал мне фотографию, а позже, когда его сестрёнка получила нашу фотографию, то, прислала свою и просила меня с ней переписываться. На фото была милая девушка, и, наверное, была бы преданная жена, чего мне в жизни долгое время не хватало. Ну, всё пока я вам рассказывал мы пришли к смотровой вышке, где находилось всё высокое начальство нашей дивизии.

БЛАГОДАРНОСТЬ КОМДИВА

На нижней площадке наблюдательной вышки было много офицеров, все в звании полковники и подполковники, ниже званием я и не видел. Командир батальона провел меня мимо них ближе к лестнице, которая шла на второй этаж. Встали с ним рядом, лицом к лестнице. Вокруг нас было много офицеров, некоторые из них были в парадной форме, а кто в полевой. Вокруг было зелено, и только один я в танковой форме, весь чёрный, как грач, а может ворон. Одним словом выделялся среди них, как чёрная ворона. Нет, нет, конечно, не ворона, в тот день я был грач или ворон, но ни в коем случае, не ворона. Стоим с комбатом ждём командира дивизии, подходит к нам командир роты и пристраивается слева от меня. Думаю, вот это да, в какую я компанию попал, и это ещё не всё, скоро сюда придёт командир дивизии со своей свитой. Стоим, ждём, а высокого начальства всё нет и нет. Наконец по лестнице спускается наш командир полка, полковник Корнев, он подходит к нам и спрашивает у командира батальона: «Это он?» и кивнул на меня головой. «Так точно, товарищ полковник», — чётко ответил командир батальона. «Как твоя фамилия?» — спрашивает у меня командир полка. «Старший сержант Чухлебов», — чётко ответил я. «Молодец, Чухлебов, отлично справился с заданием, твоя работа очень понравилась командиру дивизии». Затем командир полка подошёл к нашему ротному и что-то ему тихо сказал, тот быстро отошёл в сторону и встал среди других офицеров. Затем он подошёл к нам, встал возле нас и тоже стал ждать высших офицеров.

Наконец по лестнице начали спускаться генералы, сколько их было я точно не помню, но человек пять, наверное, было. Впереди всех шёл командир дивизии, генерал-лейтенант Воронов. На нём был китель, две верхние пуговицы расстёгнутые, день был жаркий и, наверное, ему было душно. На его груди сияла золотая звезда Героя Советского Союза, два ордена Славы и несколько наградных колодок. Он был высокого роста с приятными чертами лица и чёрными вьющимися волосами, а на висках пробивалась седина. Я не знаю, сколько ему было тогда лет, но выглядел он лет на тридцать восемь, не старше. Другие генералы выглядели старше его, но у них тоже было много орденов и наградных колодок, а вот Герой Советского Союза был только он один.

Командир дивизии подошёл к нам, и спрашивает нашего командира полка: «Где наш герой?» Вот он, показывает на меня полковник, командир танка, старший сержант Чухлебов. Командующий, улыбаясь, смотрит на меня, а я стою по стойке

смирно и смотрю на него, затем он протянул мне руку, пожимает мою руку и говорит: «Ну, молодец танкист, порадовал ты меня своей стрельбой, быстро, точно, лихо, давненько я такой стрельбы не видел, пожалуй со времён войны, спасибо тебе». Когда он отпустил мою руку, я прижал её к шлемофону и чётко отрапортовал: «Служу Советскому Союзу». Командир дивизии повернулся к остальным офицерам, и говорит им. «Вот из таких молодцов во время войны, вырастали Герои Советского Союза, они на своих боевых машинах врывались в стан противника и расстреливали их в упор, а потом так же быстро уходили как и появлялись. Вот так же, как сегодня наш танкист, вылетел, откуда-то из леса и расстрелял противника и так же быстро ушёл в укрытие». Затем он у нашего командира полка спрашивает: «Кто командир батальона этого молодца?» — «Вот, подполковник Лыхин», — рукой показал полковник Корнев на нашего командира батальона. «Послушай, Корнев, а почему это у тебя командир батальона, который воспитывал такого орла, до сих пор ходит в подполковниках?» Наш командир полка начал командиру дивизии, что-то объяснять, типа того, что, мол, я уже писал рапорт, но его вернули, но командир дивизии не дал ему договорить и сказал: «Ничего и слушать не хочу, чтобы сразу после учений у меня на столе лежал твой рапорт на присвоение подполковнику, и показал рукой на нашего Лыхина, звание полковника. А нашему танкисту приказом по полку от меня благодарность, за отличную боевую готовность и воинскую смекалку» — «Будет выполнено», — четко ответил полковник Корнев. Командир дивизии снова повернулся ко мне и говорит: «Ну ладно, иди, отдыхай, ты сегодня заработал отдых». Я ещё раз козырнул, чётко повернулся и строевым шагом вышел из помещения вышки.

К своему танку я шёл один, командир роты остался на вышке. Иду и думаю, надо же, со всей дивизии, а это триста танков, и столько же экипажей и командир дивизии отметил только мой экипаж, выходит, мы сработали лучше всех, вот что значит не стандартное решение поставленной задачи. Да и командиру батальона я своим экипажем, возможно, помог, он давно уже должен быть полковником. Возле моего танка уже меня ждали и мой экипаж, и другие солдаты и офицеры. Они меня начали расспрашивать, что, да почему, да как там на вышке. О том, что было на вышке, я сказал несколько слов, но мне, почему-то рассказывать и не хотелось, возможно, все эмоции остались там, на вышке, а может, и рассказывать-то было нечего. Как бы там ни было, но, через некоторое время, мы отправились в район сбора, а затем и домой.

Скажу сразу, письменной благодарности я от командира дивизии не получил, может где-то затерялась а может, просто забыли, да и ладно, это не главное, а вот звание полковника, нашему командиру батальона присвоили, и я этому был очень рад. А увидел я его в звании полковника так.

ПОЛКОВНИК ЛЫХИН

Дело было перед ужином, хоть я тогда старшиной уже не был, но продолжал исполнять обязанности старшины по построению роты на ужин, на зарядку и проверку. Наш старшина был из артиллеристов и постоянно где-то пропадал, он с нами в роте даже не ночевал. Так вот.

Это было вскоре после дивизионных учений. Я дал дневальному задание, чтобы он объявил построение роты на ужин, а сам вышел из казармы во двор. На дворе лето, вечер был прекрасный, солнце уже собралось закатываться, но почему-то повисло и не двигалось, видать хотело нас подольше порадовать хорошей погодой. У входа в казарму начали собираться солдаты для построения, и вдруг я слышу негромкие слова: «Посмотрите, наш командир батальона идёт, да он никак полковник». Я в это время к улице стоял спиной и Лыхина не видел, но как только я услышал эти слова, я повернулся и увидел нашего батальонного командира. Он шёл к нам вдоль казармы по мощённой мостовой, высокий, слегка наклонил голову набок, возможно солнце слепило ему глаза, а на плечах его сияли золотом новенькие полковничьи погоны. Я сразу роте дал команду смирно, и строевым шагом, цокая по камням своими блатными подковками, пошёл навстречу полковнику Лыхину и стал докладывать о положении в роте. Я очень был рад, что наконец-то ему присвоили звание полковника, поэтому я и шёл к нему и докладывал с особым старанием, говорил громко и чётко, а сам доклад старался растянуть, чтобы подольше созерцать полковничьи погоны. Когда я доложил о роте, то попросил у него разрешения поздравить его с присвоением ему высокого офицерского звания полковника. Он улыбнулся уголками губ, протянул мне руку и сказал: «Ну что же, поздравьте». Мы пожали друг другу руки и вместе пошли к солдатам. Затем полковник поздоровался с солдатами, и попросил меня, чтобы я его проводил в здание казармы. Ему нравилось, как я давал команды. В казарме ещё находилось несколько солдат и командир взвода, старший лейтенант Акимушкин. Как только мы зашли в казарму, я дал команду смирно, да так гаркнул, что штукатурка с потолка посыпалась, а затем с огромным удовольствием доложил ему о состоянии в роте, таким образом: «Товарищ полковник, — специально сделав ударение на слово полковник, — за Ваше отсутствие в роте, никаких происшествий не случилось, докладывает помощник командира взвода, старший сержант Чухлебов». Затем я во дворе казармы построил роту для

следования на ужин, в это время из дверей казармы вышел полковник Лыхин, я дал роте команду смирно и доложил ему, куда последуют солдаты. Он остановился перед строем и поздоровался ещё раз с солдатами, те дружно ему ответили: «Здравия желаем, товарищ полковник!!!» Вот так я познакомился с полковником Лыхиным.

Вот я вам обо всём рассказал, только не помню, писал ли я вам о том, как курсанты танкового учебного батальона расстреляли смотровую вышку с наблюдателями. Вы тоже не помните? Значит, не писал, ну что же, давайте устраним этот пробел в нашем повествовании.

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ

Скажу сразу, что достоверность этой истории я не гарантирую, так как сам я этого не видел, и тот человек, который нам, курсантам, рассказывал эту историю, тоже не видел, а слышал от старослужащих, которые были призваны перед ним. Это было в первый год моей службы в учебном батальоне. Нас кое-чему научили и сразу организовали первые стрельбы для курсантов. Экипаж создавался из курсантов, только механик-водитель был настоящий, так называемый «Старичок». Как только мы пришли на полигон, нас сразу стал инструктировать наш помощник командира взвода, старший сержант Гусев. Он много чего говорил, а в заключение своего наставления сказал: «Только не делайте так, как сделали курсанты перед моим призывом». Мы тут же бросились расспрашивать, что да как. Сначала он не хотел рассказывать, затем посмотрел на наручные часы и сказал: «Ну, хорошо до стрельб у нас ещё есть время, и я вам расскажу тот невероятный случай». И вот что он рассказал:

— Курсантов привели на первые стрельбы, вот так же как я вас. Курсанты учились мало, танк знали они плохо, а вы сами же знаете, что когда с улицы залезешь в башню танка, то сидишь там как в погребе, ничего не видно и не знаешь в какой стороне, где и что находится. На стрельбы давали два снаряда, если курсант первым не попадал, то мог использовать другой снаряд. Ну, ладно, дана команда к бою. Механик, опытный водитель, сразу дал газ и поехали. Со стороны было видно, что танк сделал короткую остановку, выстрелил, затем машина развернулась, и пошла в исходное положение в сторону смотровой вышки. Ствол пушки танка как был направлен на цель, так он и сохранил такое же положение в обратном направлении. Вдруг неожиданно танк стреляет по смотровой вышке, где было ротное начальство и контролировало стрельбы. Снаряд долбанулся в нижний этаж вышки, прошил его насквозь и улетел куда-то в лес. Все, конечно, в шоке, а те офицеры, которые находились на вышке, вообще были в ауте. Но, к счастью, снаряд никого не задел. Потому что, во-первых, снаряд попал в нижний этаж вышки, где в то время никого не было, командиры находились на верхнем этаже, а во-вторых, что он был бронебойный, если бы он был осколочный, то досталось бы всем, кто там был.

Но что могут рассказать не обстрелянные курсанты. Курсант, который исполнял роль командира танка, сказал: «Я свой шлемофон не закрепил на подбородке и он, от первого толчка машины у меня с головы слетел. Потом я видел, что он лежит на

полу башни, но сам я его никак достать не мог. Поэтому ехал, как пассажир. Механик, как человек опытный, сказал: «А я что, я вижу, что после выстрела цель поражена, развернул машину и на исходное положение, поехал за другим экипажем. А что они там делали, я же не вижу, там есть командир пусть он ими и командует». Дошла очередь до наводчика, он сказал: «Когда я выстрелил, то увидел, что цель как будто бы поражена, но в этот момент меня так тряхнуло, что я ударился головой о прицел пушки, и на какое-то время вообще потерял всякий ориентир, а когда очнулся, прильнул к прицелу, то вижу, что макет танка, этакий зелёный стоит, не тронут. Думаю, значит, мне показалось, что я танк поразил. Я вызывал по связи командира, но он не отвечает, тогда я рукой показал заряжающему, чтобы он зарядил пушку. Как увидел отмашку заряжающего, что снаряд в пушке, тогда я прицелился хорошенько и приложился по цели. Сразу увидел результат, в мишени, под названием танк противника, зияла дыра. Ну, теперь думаю, всё в порядке».

Высокая комиссия так толком ничего и не добилась, решила данный инцидент спустить на тормозах, и никого не наказывать, а потом и вовсе о нём забыли. Нет, ну и правильно комиссия решила, что никого не наказала. А за что наказывать, ведь никого же не убило. И только воспитатели курсантов время от времени о нем напоминали всё новым и новым курсантам, вот так как я вам сейчас рассказал. После этих событий, состав экипажа был изменён, в каждом экипаже командиром танка должен быть командир взвода или его помощник. Так что уже мы, курсанты нового набора, когда стреляли, то нами командовал наш командир взвода старший лейтенант Брусникин.

Ну, хорошо, белое пятно мы закрасили теперь давайте служить дальше.

Я СНОВА НА РАСПУТЬЕ

Служим дальше, на дворе уже август месяц 1957 года, в это время обычно выходит приказ министерства обороны о демобилизации. В этот год он касается именно нас. Все отслужившие, заранее решают, куда ехать. В один из вечеров на моей койке и койке Ильина, они стоят рядом, собралась большая компания, чтобы ещё раз обсудить наболевший вопрос. В этой компании были Зенцов, Захаров, Ильин, Кутихин, Решетько, ещё кто-то, ну и, разумеется, я. Кто-то для себя эту проблему уже решил, а такие бойцы, как я и Лёша Зенцов мучаются. Проблему Зенцова вы уже знаете, я о ней писал, о своей проблеме я тоже писал, но хочу повториться. Я категорически не хотел возвращаться в Ставрополье, до армии я там жил и работал и знаю, что это за район. Я чувствую, что мне надо, что-то другое, но что, я пока не знаю. Конечно, я бы мог себя пересилить и вернуться домой в хутор, если бы мои родители остались одни, но там, кроме меня, ещё четверо, так что им там и без меня не скучно. Предложение Володи Захарова ехать в город Ленинград, конечно заманчивое, но меня, почему-то туда не тянет, хотя Володя и рисует хорошие перспективы, да ещё и обещает породниться — у него младшая сестра на выданье. Но меня такая перспектива не прельщает, я хочу определиться сам и поехать туда, куда меня потянет.

Так и не определившись, мы с Лёшей Зенцовым легли спать. На другой вечер к нам в роту приносят газету «Комсомольская, правда», а в ней объявление из города Донецка. Производится набор в профессиональную школу шахтёров, срок обучения два года, и далее условия обучения и стипендия. Правда, какая она, не написано. Мы с Зенцовым решаем туда ехать, что такое шахта и шахтёры, я тогда и представления не имел. Но посоветовались с Лёшей и решили, что поедем, а там посмотрим, где будем работать и кем, город большой, так что перспектива начать новую жизнь там есть. Пишем заявления с просьбой записать нас в школу шахтёров и отправляем по адресу. Но тут в нашу тёплую компанию закралась «беда». В этой же газете, была статья об артистке Анастасии Вертинской и её протрет. В статье писалось, как она хорошо сыграла одну из главных ролей, в каком-то фильме. Лёша в газете увидел артистку Анастасию, и тут же в неё влюбился, сел за стол и написал ей письмо с любовными признаниями. Сидит за старшинским столом, запечатывает письмо и говорит мне: «Сеня, ты меня извини, но я с тобой в Донецк не поеду, еду к Насте в Москву и сразу на ней женюсь.

Сеня, ну ты же сам понимаешь, что Москва это тебе ни какой-то Донецк, да и жена у меня будет знаменитая артистка». Я понимал, что это просто блажь, ни кому он там не нужен и пытался ему это втолковать, но он упёрся и стоит на своём, женюсь и всё тут. Я ему ещё советовал найти большое зеркало и посмотреть на себя со стороны. Ведь он небольшого роста, белобрысый, лопоухий и с веснушками. У Лёши завышенное самомнение, он считает, как он решил так оно и будет.

Я вообще таких людей не понимаю, вот он её увидел и думает, что всё зависит от него. Я на такие вещи смотрел реально ещё с малых лет. Бывало, в детстве над хутором пролетает самолёт, мальчишки смотрят на него, машут ему руками, а когда он пролетит, начинают дискуссию, некоторые из них заявляют. Вот, мол, я вырасту, поеду на лётчика учиться, и буду вот также летать на самолёте, а в результате вырастают, никуда не уезжают, как жили в хуторе, так там и живут и в колхозе работают. Я же себя никогда так не вёл, я тайно хотел стать комбайнёром и в 18 лет им стал, но поработав сезон, я понял, что это не моё, хотя если бы потребовалось, я бы работал, и работал бы лучше других, просто у меня такая натура. По этому поводу, со своей крестьянской простотой, моя мама мне говорила: «Сынок, каждый сверчок должен знать свой шесток. Никогда не бахвалься, а добивайся своего постоянно и настойчиво, и не останавливайся, вот тогда будет толк». Я не скажу, что слепо следовал наказу мамы, но у меня, этот наказ в генах заложен, и по нему следовал по жизни. Ну ладно это небольшое лирическое отступление, а пока я жду ответа из Донецка, а Зенцов собирается в Москву.

Через несколько дней нам пришёл ответ из Донецка, в нем сообщалось, что набор учеников уже закончен, и они вынуждены нам отказать. Я расстроился, потому что, хоть какая-то была надежда, и она рухнула. А Зенцов не расстраивался, у него совершенно беспроигрышная лотерея, женитьба, вот и всё. Но вечером, в этот же день Зенцову пришёл ответ из Москвы от артистки. После того как Лёша прочитал её ответ, на нём не было лица, страдал он долго, лежал на койке на спине с открытыми глазами и ни с кем не общался, в тот день он даже на ужин не ходил. А что вы хотите, любовь!!! Она его свалила навзничь и не давала ему покоя. Если честно, то я вообще был удивлён, что она ему ответила, там у неё без Зенцова есть кто-то, но ответ пришёл и это меня поразило. Хотя возможно это и не она ответила, а журналисты газеты по её просьбе. Но это неважно, ответ пришёл, и это факт. Некоторое время мы с ним ходили горем убитые, я по одной причине, он по другой, но горе оно и есть горе, так что разницы ни какой. Но тут на нашем небосклоне мелькнула

искорка надежды, как-то устроить свою судьбу после армии. Вечером в газете читаем доклад Хрущёва, и он, на каком-то совещании, заявил: «Если у нас в стране найдутся добровольцы, воевать на стороне Египетского народа, то мы, правители, возражать не будем. Пусть помогают египетскому народу завоевать свободу». Мы до этого уже знали из газет и киножурналов, что между Египетским народом и Израильским империализмом идёт война. Читали, что в Израильской армии воюют женские батальоны, и нам киножурналы показывали, где чётким строем идут девушки-военные Израильской армии. Я это видел, девушки, все как одна, брюнетки с длинными пышными волосами, красавицы, да и только. Сидим снова на моей койке, и большой компанией обсуждаем, вопрос, ехать туда воевать или пусть сами там воюют. Все собравшиеся в отказе, только я и Зенцов готовы ехать. Зенцов тоже сначала не хотел, затем сказал: «Раз ты едешь, то и я поеду. Я с тобой как-то себя чувствую уверенней». Но его как всегда, надолго не хватило. Наутро он отказался ехать со мной, мотивируя тем, что вдруг Настя передумает, напишет ему сюда, а его уже здесь нет. Я понял, что он просто струсил и нашёл отговорку. Ладно, думаю, я и один поеду, сел за стол и написал вот такое заявление на имя командира полка:

Заявление

Командиру полка.

Товарищ полковник, направьте меня добровольцем в Египет, чтобы там с братьями арабами рука об руку биться с Израильским империализмом. Прошу не отказать в моей просьбе.

Третий батальон, третья рота.

Старший сержант Чухлебов.

Сложил тетрадный листок вчетверо и понёс заявление в штаб полка. Прихожу в штаб полка, отдаю заявление своему земляку Юре и говорю: «Передай командиру полка на утверждение. Только ты, земляк, не тяни, сегодня же передай, может скоро будет приказ, и я уеду в Египет».

Иду в казарму и уже мечтаю о том, как я буду воевать в Египте. Правда, где этот Египет я толком и не знал, но думаю те, кто меня туда повезут, наверное, знают, где он находится. Ну, всё, как говорится, сделал дело, гуляй смело. У меня натура слегка авантюристическая, и я на полном серьёзе собрался туда ехать. Нутром чувствую, что это затея не очень хорошая, ну уж очень

хочется себя проверить, чему же я научился за эти три года.

Ну что теперь делать, надо только ждать, когда будет приказ по полку. А пока приказа не было, мы с товарищами лежим на койках, и я мечтаю, как оно там будет в Египте. Ребятам говорю, перо наперво, что я сделаю, так это возьму в плен еврейский женский батальон, выберу себе двух самых красивых девушек и они будут моими жёнами, а остальных отпущу, пусть идут в свой Израиль.

«Ну и куда ты их денешь, в танке с собой будешь возить?» — спрашивает меня пессимист Захаров. На что я ему ответил: «Ты Захаров тёмный человек, у них командир танка — господин, и ему полагается квартира. Я как-то читал одну книжку, где описывалась война арабов с кем-то, так у их командиров были слуги, которые им сапоги чистили, пуговицы на гимнастерках надраивали до блеска, так что там всё как надо. А Захаров снова не унимается: «А что, если они тебя в плен заберут, что они с тобой сделают?» Тут я не выдержал Захаровских нападок и говорю ему: «Послушай, если у тебя нет никакой фантазии, так не мешай другим мечтать. И вообще, давайте спать, а то мне может завтра уезжать, а я из за вас не высплюсь». На другой день я мучился ожиданиями до обеда, о приказе ничего не слышно, как будто я и не писал заявление. Думаю, как же так, глава нашего государства с большой трибуны сделал такое мировое заявление, а здесь в полку его не слушают. Терпения моего хватило до после обеда. Нет, думаю, надо пойти в штаб полка, к земляку и узнать что к чему.

Пришёл к Юре и спрашиваю его: «Юра, ну что там с моим заявлением?» Он, не отрываясь от своих бумаг, одной рукой, берёт из папки моё заявление и небрежно его бросает ко мне на стол со словами: «На, забери его». И снова наклонился над бумагами. Я понял, почему раздражён мой земляк, он сразу не одобрял моё решение ехать воевать за арабов, ну и ладно думаю, это его мнение, а у меня есть своё. Но почему он мне возвращает письмо, об этом я спросил у него, а он мне ответил: «А ты прочитай, на нём резолюцию».

«Какая ещё резолюция?» — подумал я, да ещё на моём заявлении, но всё же прочитал. Читаю: «Отказать, так как нет соответствующего приказа по Министерству обороны». Дата и подпись. Опять облом. Ну что это мне так не везёт. Юра, увидел моё настроение и говорит: «Да не расстраивайся ты, может оно и лучше, что не поедешь, что там голову класть, за каких-то арабов. Вот я бы ни за что туда не поехал». Я уже разозлился и говорю ему: «Да тебя туда никто и не возьмёт, там своих писарей достаточно, тем более что ты по ихнему и писать не умеешь».

Юра посмотрел на меня внимательно и говорит: «Знаешь, что я тебе на этот счёт скажу, со всего полка, а это больше полтыщи человек, только один ты написал вот такое заявление, и больше никто. Кумекаешь, о чём это говорит?»

Я, конечно, кумекал, но кумекал по-своему, своим земляком я был не понят и поэтому обиженный ушёл от него. На этот счёт скажу, как бы там в Египте у меня было, я тогда представления не имел, а вот в девяностых годах, когда можно уже было нашим инструкторам рассказывать о службе в Египте, то узнал, как там было, и подумал, хорошо, что я туда не поехал.

ЧП ПОЛКОВОГО МАСШТАБА

Служба надоела до чёртиков, всё делаю на автомате. Наконец напечатали в газете приказ о нашем увольнении в запас, на миг в душе появилось облегчение, хотя куда поеду, я ещё не знал. Ну что теперь, знаю, не знаю, а чемодан надо готовить, хотя, если честно, то он у меня давно приготовлен. Да там практически ничего и не было, только фотографии, письма из дома и ещё шерстяной спортивный костюм, который мне подарил спортсмен, боксёр Толя Максимов. А сам чемодан у меня был новенький и в то время модный фибровый, светло-жёлтого цвета, и хранился он в надёжном месте у старшины в каптёрке. Там не только мой чемодан хранился, там хранились все вещи солдат, и в том числе и тех, кто готовился уехать домой. В один из дней, после завтрака, когда рота ушла на теоретические занятия, мы с Зенцовым сидели у меня на койке и гадали, куда же ехать. Немного погадав, Лёша говорит: «А пойдём к старшине и посмотрим, что там с нашими чемоданами». Сказано — сделано. Поднялись на чердак, каптёрка располагалась там. Заходим к старшине и просим его открыть загашник, где на полках лежали вещи солдат, в том числе и наши чемоданы. Он открывает, я смотрю и глазам своим не верю, моего красивого чемодана нет на месте, чемодан Зенцова тоже отсутствует. Я поворачиваюсь к старшине, этому молдавану-тихушнику, и спрашиваю у него: «Где мой чемодан и Зенцова?» Он двигает плечами и говорит: «А я откуда знаю, я их у тебя по описи не принимал, может их ещё ты потерял, когда был старшиной» — «Ладно, — говорю ему, — кто украл мои вещи, я знаю и заверяю, что ему будет плохо и даже очень, а за одно и тебе». Я это сказал не для красного словца, у меня были подозрения что, наш старшина и рядовой Соснин, ну тот, который часы украл, завели какую-то непонятную для меня дружбу. Рядовой Соснин, часами находился у старшины в каптёрке, часто уходил со старшиной из роты, а ещё я их несколько раз видел, как они, обняв друг друга за талии, ходили по алее у казармы. Такое фамильярное отношение командира с подчинённым, ни в какие солдатские рамки не лезло. Я ещё тогда заподозрил, что раз старшина с таким человеком, как Соснин, корефанятся, значит жди беды. Вот она и случилась. Я не стал ждать командира роты, чтобы доложить ему о ЧП в роте, взял с собой Зенцова и мы пошли в штаб полка, к земляку Юре.

Хоть я на него и обиделся, но тут такое дело, что об обиде можно и забыть. Заходим к Юре, его кабинет был на первом этаже, я ему рассказал, суть нашего прихода, он тут же дал нам

по чистому листу бумаги, по карандашу и говорит: «Пишите заявление на командира полка» и подсказал нам как это сделать. После того как мы написали, Юра взял наши заявления и куда-то ушёл, а нам велел его ждать в кабинете. Через некоторое время он возвращается и говорит: «Пойдёмте со мной к следователю». Следователь, старший лейтенант, пригласил нас к себе в кабинет и обо всём расспросил. Его интересовало буквально всё: и какие наши чемоданы по размеру, какого они цвета, что в них лежит, кто наш старшина, и как он себя ведёт на службе, и многое другое. Я о старшине рассказал, что он из артиллеристов и поэтому в роте бывает мало, приходит только, когда роту надо вести на завтрак, на зарядку роту ведут кто-нибудь из сержантов, в основном это делаю я, по старой памяти. Вечером он проверку роты не делает, а сразу после ужина куда-то уходит. Поэтому он о роте мало что знает. А ещё он завел, какую-то непонятную дружбу с рядовым Сосниным, вместе подолгу находятся у старшины в каптёрке, а ещё ходят, прогуливаясь, обхватил руками друг друга за талию. Одним словом, старшина тёмная личность. У следователя говорил, в основном, я, Зенцов только поддакивал. Когда вопросы к нам закончились, следователь сказал: «Передайте своему старшине, что я его вызываю сегодня к двум часам дня». Когда мы вышли от следователя, то, наша рота уже была на обеде, и мы с Зенцовым пошли прямо в столовую. Там я подошёл к старшине и сказал ему, чтобы он сегодня к двум часам дня явился к следователю. Он как-то нервно спросил меня: «А зачем он меня вызывает?» На что я ему ответил: «Да я не знаю, меня попросил земляк, чтобы я тебе передал, вот я тебе и говорю». О том, что мы с Зенцовым были у следователя, я ему не сказал специально, чтобы он не принял какие-либо меры. После обеда рота находилась на отдыхе, а нам с Лешей не до отдыха, ждём результата. Вскоре слышим голос дневального: «Старший сержант Чухлебов, сержант Зенцов и рядовой Соснин на выход». Кода я поднялся с койки, то у входа увидел следователя, нашего старшину и сразу понял, зачем следователю нужен Соснин. Всей этой компанией мы отправились в сторону одноэтажных зданий, где располагались наши учебные классы. Я ещё подумал, а почему мы сюда идём? Затем я вспомнил, что у старшины там есть ещё одна каптёрка, где хранится всякий инструмент для уборки территорий. С этим помещением связана одна, на мой взгляд, интересная история, то есть, это происходило в том помещении, куда мы сейчас направляемся. Это было во время моего старшинства. Теперь, пока мы идём, у меня есть время, и я вам об этой истории, вкратце расскажу.

В прошлом году, осенью, когда в округе созрели фрукты, ко

мне пришли два Володи, Захаров и Ильин, и предложили сварить флотский компот. Что такое компот, я знал, его мама варила дома, да и в армии без него не обходился ни один обед. Но что такое флотский компот, я, разумеется, не знал и стал об этом спрашивать у питерских парней. Но они мне не хотели объяснять, вот говорят, давай сварим его, и тогда ты попробуешь и узнаешь, какая это вкуснятина. Они меня так заинтриговали флотским компотом, что я согласился его варить. «Только что для этого надо?» — спросил я у них. Они объяснили, что для флотского компота надо то же самое, что и для обычного, фрукты и сахар. Ну, хорошо, они пошли за грушами, а я взял килограммовую пачку сахара и пошёл вот в ту каптёрку, в которую мы сейчас идем в компании со следователем. Был воскресный день, до ужина было ещё далеко, и поэтому я не торопясь пришёл в каптёрку, взял трёх литровую кастрюлю налил в неё воды из крана и поставил на электрическую плитку. Вода ещё не закипела, как появились Володи и принесли целый вещмешок спелых груш. Груши настолько, были хороши, что их и так можно было съесть, но, этого делать нельзя, так как мы похоронили бы интригу флотского компота. Пока вода грелась, мы почистили груши, каждую разрезали на четыре части, и когда вода закипела, опустили их в воду. «Кашеварил» Захаров, Ильин у него был помощником, а меня они вообще от всех дел отстранили, мол, вот приготовим, тогда и тебе будет работа пить компот. Ну ладно говорю им, я согласен и пока готов посидеть в вашей компании. Когда фрукты сварились, настал момент засыпать сахар, Захаров берет килограммовый пакет сахара и весь опрокидывает в кастрюлю. Я увидел такое безобразие и подумал, с ума парни сошли, на три литра фруктового варева целый килограмм сахара, это уже будет не компот, а варенье. Но смотрю и ничего не говорю, они варят и пусть варят, посмотрим, что у них получится. Захаров помешал варево ложкой и говорит Ильину: «Володя, флотский компот не получится». Тот подскочил с топчана, на котором сидел, спрашивает у Захарова: «А почему не получится?» — «Да сахара мало», — отвечает Захаров. Тут я не выдержал, подошёл к ним и говорю: «Вы, парни, что совсем, это как его, — ну я имел в виду дураки, но говорить не стал, чтобы они не обиделись, — столько сахара на три литра варева и вы говорите мало?» Тут меня перебил Ильин и говорит мне: «Ты, Сеня, если не знаешь что такое флотский компот, то и не возникай, мы с Захаровым специалисты, можно сказать профессионалы и знаем что к чему. Ты вообще знаешь, чем должен флотский компот отличаться от простого компота?» Я этого не знал и откровенно признался. «Так вот, — продолжил поучать меня Ильин, —

простой компот это жиденькая закрашенная водичка и даже не сладкая. А флотский компот проверяется таким образом. Берём ложку и ставим её в кастрюлю с компотом, если она там стоит, значит это флотский компот, а если нет, то значит, мы сварили не то. Вот смотри, берём ложку и ставим в наш компот, видишь она не стоит торчком значит мы не добились того чего хотели. Ну что делать, сказал дальше Володя, раз больше нет сахара, будем кушать не доделанный компот. Такой компот пить было не возможно, мы ели только фрукты от компота, но и они были настолько сладкие, что можно было съесть не больше трёх кусочков груш. Но самое интересное было потом. На другой день, я пришёл в каптёрку и думаю, посмотрю, что там стало с нашим компотом. Открываю кастрюлю и вижу, что фрукты лежат в застывшем сахарном сиропе, думаю, вот это флотский компот. Теперь я знаю, что это такое, но толк-то какой? Есть это варево было не возможно. С помощью ножа и ложки, большую часть этой сахарной массы я из кастрюли вытащил, а остальное залил водой и закипятил, получился отличный компот, и груши в нём можно есть. То есть они стали пригодны для пищи. Приходят оба Володи и спрашивают у меня: «Ну что там с нашим компотом»? Я им подаю миску с их компотом, и говорю: «Вот ваш компот, ешьте его, как хотите, а я себе сварил новый компот, по своей технологии и буду его пить». Парни посмотрели на свой компот, который был в миске, нехотя его ложкой поковыряли, но есть не стали, затем попробовали мой компот и остановились, и с удовольствием его попили, а груши съели.

Главное то, что когда этот злосчастный компот готовили, то в процессе готовки разбрызгали его по всему стеллажу, а после этого, что я ни положу на лежак, оно обязательно прилипнет, а посему, я поминал недобрым словом горе-поваров. Ну вот, пока я вам рассказывал о флотском компоте, мы дошли, куда нам надо.

Старшина открывает дверь каптёрки, заходим туда, Соснин сразу ныряет под нижнюю полку стеллажа и достаёт чемоданы, сначала Зенцова, а затем и мой. Я сразу понял, что это дело рук Соснина, вспылил и закричал на него: «Тебе мало попало за часы, которые ты украл у своего же товарища, так ты и мои вещи решил украсть?!» и замахнулся, чтобы влепить ему. Но тут последовала команда «Прекратить!», и я остановился. Следователь сказал: «Старший сержант Чухлебов, самосуд здесь не уместен, Соснин своё получит по закону. А теперь проверьте свои вещи, всё ли на месте». У меня и у Зенцова всё оказалось на месте, хоть там ценных вещей и не было, но всё, что у меня было в чемодане, оно было дорого для меня. После проверки вещей в чемодане следователь спросил меня: «А что это за история с часами?» Я ему

вкратце рассказал. Затем он спросил меня: «А кто может это подтвердить?» Я ему говорю: «Да любой из роты, историю с часами знают все, за исключением тех, кто прибыл в этом году. Вот и Зенцов знает и может подтвердить мои слова» — «Тогда, — говорит следователь, — следуйте в штаб полка, и подробно напишите о случае с часами, а я с ними, и указал на старшину и Соснина, пойдем на гауптвахту». Мы пошли в разные стороны, а старшина мне вдогонку кричит: «Чухлебов, ты там ротой займись, а то видишь, как всё вышло, когда вернусь, не знаю». А дальше вышло так, что больше я ни старшину, ни Соснина не видел, позже от Юры узнал, что Соснину военный трибунал дал четыре года штрафбата, а со старшиной прервали договорные отношения и отправили его домой. Вот так закончилась эта история, а я снова на какое-то время стал старшиной, но ненадолго, вскоре меня сменил другой кандидат на старшинство из наших танкистов.

НАРУШИТЕЛЬ ДВУХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Скажу вам сразу, то, о чём я сейчас напишу, за достоверность не гарантирую, так как я сам не был участником этого события, да и с человеком, с которым это случилось, не разговаривал. Видел только много офицеров в нашем штабе, а затем рассказ Юры, моего земляка и писаря штаба полка. А началось это вот как. Прошло уже полмесяца, как вышел приказ по министерству, о нашей демобилизации, а приказа по полку всё нет и нет. Я решил сходить к земляку и выяснить в чём дело, он ведь должен быть в курсе. Захожу в коридор штаба полка, обычно там никого не бывает, только в конце коридора стоит часовой у знамени полка, как бы его охраняет. Но мне туда не надо, кабинет Юры находится прямо у входа в коридор, так что надобности шарахаться по коридору у меня не было.

На этот же раз обстановка в штабе совсем другая, в коридоре толпятся офицеры, человек десять. «Неужели что-то случилось?» — промелькнуло у меня в голове. «Ладно, — думаю. — зайду к Юре и всё узнаю». Захожу в кабинет Юры, поздоровался с ним, он мне ответил, не поднимая головы от бумаг, которые лежали у него на столе, и спросил: «Ты зачем пришёл?» Я начал ему объяснять суть моего прихода, но он меня не дослушал и сказал: «Иди к себе в казарму, я вечером к тебе зайду».

Он частенько ко мне заходил, так как жил в офицерском домике, где живут штабисты, и это ему было по пути. Действительно вечером зашёл и вот что он мне рассказал. Сержант Бардин из первого батальона уехал в краткосрочный отпуск и назад вовремя не вернулся. Прошло три дня, а его всё нет, тогда штаб полка о ЧП сообщил в штаб дивизии, а те по инстанции в министерство обороны, и закрутилось колесо розыска пропавшего солдата. Военные поехали к матери солдата, чтобы узнать, когда он уехал из дома и как. Мать его, они конечно, тоже всполошили, но выяснили, что перед отъездом, он с чемоданчиком пошёл последний раз взглянуть на речку Волгу и всё.

Решили искать дальше по его пути следования, проследовали до города Бреста, до таможенного контроля, где он должен пересекать границу. Но как выяснили военные сыщики, сержант Бардин границы не пересекал. Что делать, проверили все его пути движения, и никаких следов сержанта Бардина нет, как в воду канул. «Стоп, в воду канул», — сказал один из сыщиков. Ну,

точно, решили сыщики, последнее место его пребывания было на берегу реки Волга, а дальше следы теряются, значит отсюда вывод. Сержант пошёл взглянуть на Волгу, но затем, наверное, решил искупаться в ней и… УТОНУЛ. Но мало ли что, и, на всякий случай, поиски продолжали. Пока ездили, искали, прошло ещё две недели, но солдата так и не нашли, поэтому, решили что он утонул и из списка состава армии его исключили, и об этой истории забыли, как говорится на нет и суда нет. Но он возьми и вчера ночью, на шестнадцатые сутки его пропажи, объявился в своей части, пришёл в казарму и лёг на свою кровать, чтобы отдохнуть с дороги.

И тут началась такая катавасия, что не дай Бог. Ротное начальство сообщило о прибытии солдата командиру батальона, тот командиру полка, тот в дивизию, и так по инстанции пока не дошло до министра обороны. Утром солдата вызвали на допрос, где был и что делал эти почти три недели? К этому времени к нам в полк приехали представители дивизии и даже кто-то был от Северной группы войск, в состав которой входила наша дивизия. На допросе солдат дал такое показание: «Когда я возвращался из отпуска, уже в Бресте на досмотре, я обнаружил, что у меня украли и документы, и деньги. Я думаю, что у меня их украли в поезде, когда я ехал до Бреста. В один момент я выходил в туалет, а китель вместе с деньгами и документами оставил в купе. Но что теперь говорить, когда ни документов, ни денег нет. Что делать. Подумал и понял, что если я не вернусь в часть, то меня посчитают дезертиром, а за это дают срок, да и дезертиром не хотелось быть. Значит, во что бы то ни стало, надо добираться в свою часть. Но как добираться, документов нет, билета нет, и денег нет. Значит один выход надо переходить границу и где своим ходом, где на перекладных добираться до своей воинской части. А что думаю, Польша страна по территории не большая, так что недельки за две доберусь до части, а может и раньше. Вообще это надо посчитать, как следует. Но прежде чем переходить границу я решил разведать что там и как, то есть узнать, как несут службу наши доблестные пограничники. Я знал, что граница между СССР и Польшей проходит по реке Буг, и поэтому я направился за город в нужный мне район. Вышел за город и вот она река Буг. Думаю, когда стемнеет, улучшу момент и одним махом переплыву эту речушку. Сел в кустах сижу и жду, будут ли здесь проходить пограничный наряд, если будет, то когда, и сколько это будет занимать времени. Сижу, жду, уже стемнело, а никакого дозора нет, ладно, думаю, подожду ещё немного надо точно знать, есть ли здесь дозор или нет. Да, думаю, вот так охраняют наши границы пограничники, только я

так подумал, слышу мужской разговор, а затем смех. Вот это уже интересно, подумал я. Смотрю, идут два солдата с автоматами на плечах между собой говорят и смеются над чем-то. Прошли мимо меня до одиноко стоящей березки на берегу реки, затем повернули назад и пошли в том направлении, откуда пришли. Думаю, надо засечь время через, сколько минут они вернутся назад. На часах со светящим циферблатом отметил время, и стал ждать. Пока я ждал пограничный дозор, у меня было время подумать и посчитать, за сколько я дней доберусь до своей части. По моим подсчётам туда примерно километров двести. Если я буду в сутки проходить километров тридцать, сорок, то примерно за неделю я доберусь. На первое время у меня еда есть, а там что-нибудь добудем. Главное, добраться до своей части, чтобы меня дезертиром не посчитали, наказание конечно будет, но, я думаю, максимум гауптвахта, не больше. Так что, думаю, в данном случае это будет хорошо. Уже всё обдумал, всё просчитал, а дозора всё нет и нет. Стемнело уже прилично, на небе наметилась луна, я подумал, что переплыть речку надо тогда, когда будет темно, то есть пока луна не взошла. Да, надо раздеться и одежду сложить в вещмешок, чтобы, не замочить её, а то в мокрых портянках можно мозоли натереть.

Только я начал раздеваться снова услышал разговор и смех, я притих и внимательно смотрю за дозором, пограничников в темноте видно плохо, но всё же видно. Посмотрел на часы и определил, что пограничники отсутствовали двадцать с лишним минут. Это хорошо подумал я, мне этого времени хватит не только перебраться на ту сторону, но ещё и удалиться от границы.

Юра перестал рассказывать, подумал немного и говорит: «В общем, Сеня, это длинная история и я тебе всю её рассказывать не буду, скажу только, что мучений сержант Бардин принял не мало, он только в весе потерял шесть килограмм, а представляешь не жирному солдату потерять шесть килограмм. Выглядел он худым и даже очень, один нос торчит, да глаза стали большие. Одним словом, парень намучился, добираясь пешком до части. Но главное, как его встретили в его родной роте. Об этом я расскажу тебе подробнее. Вот как рассказал сам Бардин: «Захожу в роту, дневальным у тумбочки стоит заряжающий нашего взвода, рядовой Капустин. Я подхожу к нему, а он на меня глаза выпучил и ничего не говорит, только ртом зевает, как рыба, выброшенная на берег. Я его спрашиваю: «Капустин, ты что молчишь, язык проглотил что-ли?» А он мне говорит: «Так Вы же, товарищ сержант, того» и показывает рукою на пол казармы. Тут я разозлился на него и уже кричу ему: «Ты что, Капустин, с ума

сошёл, что же я, по-твоему, из-подпола вылез». Дневальный мне в ответ только заорал не своим голосом: «Дежурный по роте на выход». Через несколько секунд подбегает ко мне сержант Костин и тихим голосом меня спрашивает: «Бардин это ты?» — «А кто же ещё!» — резко ответил я ему. «А сказали, что ты это, утонул». Тут я понял, в чём дело и им популярно объяснил, что я живой, и ты пока никому не докладывай, давай дождёмся утра, а я за ночку отосплюсь на своей родной коечке. Ну а что было утром, вы уже знаете». Закончил свой рассказ сержант Бардин, а по совместительству нарушитель двух границ. Не буду всё подробно описывать, а в заключение этой истории скажу. Переход не подготовленного солдата через две границы наделал много шума в высших слоях власти. К нам в полк приехало много офицеров не только из нашей дивизии, но говорят и из разведки, сержанта Бардина возили на то место где он перешёл границу и проводили следственный эксперимент. В нём участвовали не только наши пограничники, но и польские, так как наш боец перешёл две границы сразу. Интересное было заявление представителя польских пограничников, на вопрос как же так случилось, что простой солдат перешёл вашу границу он ответил: «А наши пограничники в районе перехода границу не охраняют, там на нашей заставе всего два человека и они занимаются хозяйственными делами». А когда его спросили, почему не охраняете свою границу, то он ответил: «А зачем, советские пограничники охраняют и этого достаточно. Если нарушитель их границу перейдёт, то нашу, тем более». Вот такое резюме. Ещё говорили, что случай перехода границ дошёл до Хрущёва, тогдашнего руководителя нашей страны. Говорят, что на разборе этого инцидента Хрущёв заявил: «Что же это у нас за граница такая, если не подготовленный солдат перешёл её, и никто его не заметил, так выходит, подготовленные диверсанты ходят через нашу границу туда-сюда как по своему огороду». Одним словом были приняты крутые меры. Изменилось ли что на границе, и переходил ли кто её после этого случая или нет, в крайнем случае, мне это не известно. Вы, наверное, зададите вопрос, а что было с тем сержантом Бардиным? Отвечу, да ничего не было. Перед строем роты, за опоздание из краткосрочного отпуска ему объявили пять суток гауптвахты, а за проявленную находчивость и смелость, взыскание сняли и объявили благодарность. Вот так закончилась эта неординарная история.

ЩЁГОЛЬ

Я постепенно собираюсь к отъезду, просматриваю всю свою одежду, на предмет, что взять с собой, а что оставить. У меня две пары сапог, одни совершенно новые, но они мне не нравятся, у них кожа, какая-то грубая. А вот эти, которые я сейчас ношу тоже не старые, хотя они уже ношенные, но они мне нравятся, так как у них кожа мягкая и на ноге они смотрятся лучше. Я подумал что, как буду уезжать из армии, то возьму эти сапоги, которые я сейчас ношу, а те, кому-нибудь подарю. Зачем, думаю, две пары сапог с собой на гражданку тащить, пусть кто-нибудь из моих друзей домой приедет в новых сапогах. Осмотрел сапоги, которые я ношу и подумал, что надо бы заменить набойки, а то они износились, и как принято, за ними каблук начал изнашиваться. Думаю, схожу к своему товарищу, к полковому сапожнику Тимохе, пусть он набьёт на мои сапоги, новые набойки.

Тимофея я знал ещё тогда когда служил в должности старшины, вот тогда у меня с ним и завязалась дружба, но когда не стал старшиной, все равно время от времени к нему заходил, просто так, чайку попить, за жизнь поговорить. А вот теперь пойду по делу.

Тимофей-сапожник осмотрел мои сапоги и говорит: «Тут не только набойки надо сменить, но и каблуки отремонтировать. Ты садись пока попей чайку, а я займусь твоими сапогами». Я уселся у него на старом ободранном диване и пил чай, мы с ним говорили на разные темы, а когда он закончил чинить каблуки, то спросил меня: «А хочешь, я тебе набью немецкие набойки, они будут защищать не только заднюю часть каблука, но и боковую». Я, разумеется, согласился.

Когда он закончил ремонт моих сапогов, я их обул, Тимоха говорит мне: «А ну ка отдай мне честь». Я ему бодро, в шутливой форме отвечаю: «Слушаюсь, товарищ Тимофей», отдал ему честь и прищёлкнул каблуками. И тут я неожиданно услышал новый звук моих каблуков, он был одновременно звонкий металлический и одновременно глухой, на слух был этакий щеголеватый. Такой звук каблуков мне очень понравился. Потом я щёлкал каблуками, где надо и где не надо. За это в роте мои друзья называли меня «щёголь». А Тимоше за это я принёс пачку чая, рассчитался с ним за набойки, так что тут всё в порядке. Как-то вскоре после того, как мне набили новые «блатные» набойки, к нам в казарму зашёл мой командир взвода, старший лейтенант Акимушкин с женой. Я с ней лично знаком не был, но видел их вместе на спартакиаде полка, они сидели рядом и я понял, что это его жена. Но это было

тогда, а сейчас я, как положено доложил об обстановке в роте, затем поздоровался с ними, при этом не забыл щёлкнуть каблуками. Как мне показалось, на жену моего командира, это произвело эффект. Пока взводный что-то говорил, я рассматривал его жену. Она была, как и старший лейтенант Акимушкин, невысокого роста, с рыжими волосами и очень симпатичным личиком, хотя оно было в веснушках, но это его не портило, а наоборот добавляло шарма. Женщина тоже смотрела на меня снизу вверх, слегка улыбалась, затем протянула мне маленькую руку, с нежной розовой кожей, я ей протянул свою широкую загорелую «лапу», она пожимает мою руку и говорит: «Ну, здравствуйте, старший сержант Чухлебов, много о Вас от мужа наслышана, да и сама видела Вас на спартакиаде, так что заочно я с Вами знакома и вот захотела познакомиться очно». Мне как-то стало неудобно от такого пристального женского внимания, хотелось быстрее закончить знакомство, но она не отпускает мою руку и мне приходится стоять, опустив голову. Хотя бы взводный помог, сказал бы что-нибудь, так нет, он стоит и сияет своей дурацкой улыбкой. Наконец, она увидела моё смущение и отпустила мою руку, и я облегчённо вздохнул, как будто я тащил, что-то тяжёлое, а вот теперь освободился от этой тяжести. Затем они ещё немного побыли и ушли. Я их проводил до угла казармы, на прощанье отдал им честь и не упустил момент щёлкнуть каблуками. Взводный мне тоже козырнул, а его жена сказала: «Я часто хожу мимо вашей казармы, поэтому иногда буду к Вам заходить». Я был смущён её намерением и не знал, что ответить и только пожал плечами.

После этой встречи прошло дня два, уже к вечеру в казарме подходит ко мне старший лейтенант Акимушкин и говорит: «Старший сержант Чухлебов, сегодня принесите мне домой свежую почту» — «Хорошо, — говорю, — я кого-нибудь пришлю» — «Нет, я Вас прошу лично принести» — «А что так? — удивленно спрашиваю я у Акимушкина. А сам думаю: «Это что-то новенькое. Обычно у нас почту разносили рядовые, сержантский состав не хотел этим заниматься, а рядовым деваться некуда, есть приказ, его надо выполнять, а тут, понимаешь ли, лично. «Чтобы это значило? — подумал я, а сам спрашиваю у взводного: «Что-то случилось?» — «Да ничего особенного не случилось, просто моя жена хочет Вас накормить хорошим ужином, а ещё предупредила что, если Вы не придёте к нам на ужин, то, она обидится и на меня, и на Вас». «Да, — подумал я, — странные запросы у жены Акимушкина», но принести почту согласился, мне не хотелось, чтобы такая миловидная женщина, как жена моего командира взвода, на меня обижалась. Перед тем как пойти домой к

Акимушкиным, я подготовился. Начистил сапоги, надраил пуговицы гимнастерки, подшил новый подворотничок к выходной форме (чтобы знали, у всех солдат и сержантов одна армейская форма, она и повседневная и выходная, а у меня было две, не зря же я больше года был старшиной роты), оделся, посмотрел на себя в зеркало и остался доволен. Вот теперь можно и идти. Подхожу к дому семьи Акимушкиных, и вижу, в ограде из низкого штакетника стоит стол и около него хлопочут жена и муж Акимушкины, по всему видно, что они ждут не почтальона, а гостя. Он одет в трико и рубашку с коротким рукавом, а она в светлом платье с крупными голубыми цветами. На столе уже стоял ужин, а хозяйка делала последний штрих. Я из-за ограды присмотрелся, что стоит на столе и, кроме салата, ничего не обнаружил. «Да, — думаю, — не густо у взводного с едой. Ну, ничего, поем салатик и пойду в солдатскую столовую, она ещё будет работать и там доужинаю». Я подошёл к столу, где они оба стояли и меня встречали, по-военному поприветствовал их, при этом не преминул щёлкнуть каблуками. Хозяин дома, Акимушкин махнул рукой и сказал: «Да ладно Вам, мы же не в казарме». Я ещё стоял на месте и ждал, когда меня пригласят к столу, и в это время ко мне подошла жена Акимушкина протянула руку и сказала: «Давайте знакомиться, меня зовут Нина, а как зовут Вас?» — «Семён, — смущаясь, ответил я. «Ну, вот и познакомились, теперь можно и ужинать. Давайте сначала поедим салатики, а потом я подам горячее блюдо». «Ещё и горячее будет», — подумал я, значит, в столовую может и не придётся идти доужинать. Мы приступили к салату, ели неспешно и такой же неспешный вели разговор. В основном, говорила Нина, я тоже, чтобы не быть букой, вникал в разговор. Молчал только её муж, тут к нему обращается Нина: «Виктор, что ты молчишь, скажи, что-нибудь?» — «Я потом, сначала поем, а потом подключусь к разговору», — сказал он. «Ну, ладно ешь, а мы, с Семёном будем разговаривать. Нина меня спросила: «Семён, а Вы много фильмов видели?» — «Да Нина, очень много, некоторые фильмы я видел по десять, а то и более раз». Нина от удивления хлопнула в ладошки, и говорит: «Виктор, ты слышал, он смотрел фильмы по десять раз. Вы что же, Семён, за один раз не могли разобраться в фильме?» — «Да нет, Нина, Вы меня не поняли, я смотрел фильмы по нескольку раз из профессиональных соображений, я же до армии больше года работал киномехаником, вот хочешь или не хочешь, а смотреть кино надо, а то картинка в кадре собьётся, а ты и не увидишь» — «А, — протянула Нина, — ну это дело другое». Мы с Ниной ещё некоторое время разговаривали, затем она ушла за горячим

блюдом. Как только, она ушла, мне Виктор Акимушкин говорит: «Чухлебов, Вы не стесняйтесь, говорите с ней больше, на всякие темы, а то она одна целыми днями сидит дома, ей и поговорить не с кем, а поговорить она любит, так что смелее».

В это время Нина вышла из дома, она несла горячее блюдо. Пока хозяйка разливала суп с фрикадельками, я настраивался на разговор, поддержка хозяина меня как-то приободрила. Нина разлила суп по тарелкам, села за стол и говорит: «Хоть я и не повариха, но ужин готовила с душой, думаю, он Вам понравится, кушайте», — пригласила она меня и хозяина дома. Я отхлебнул одну ложку супа и подумал, что хвалить его ещё рано, отхлебнул другую, затем третью, и решил что пора. Посмотрел на Нину и говорю: «А Вы знаете, Нина, Ваш суп с фрикадельками очень вкусный, Вы, наверное, действительно готовили его с душой, такой вкуснятины я давно не ел, уже и забыл вкус маминого борща. А какие мама вареники готовила с вишнями, просто объедение». Я замолчал, работая ложкой, а хозяйка дома говорит: «Знаете, Семён, я тоже люблю вареники с вишнями, я же родом из саратовской области, у нас в саду свои вишни есть. Вот как сезон вишен начинается, так мы с мамой ими только и занимаемся, вареники варим, варенье готовим, так что я могу всё делать, но сейчас сезон на вишни прошёл, а вот из ежевики можно сварить. В прошлом году Витя как-то приносил ежевику, и я готовила вареники, вкусные были. А в этом году он, почему-то ещё не приносил, да и вообще Витя родом с севера, и он больше любит картошку». Тут она обращается к мужу и говорит ему, ты завтра пойдёшь на полигон, так нарви ежевики, а я вечером сварю вареники, и пригласим Семёна, пусть поест свою любимую домашнюю еду». Старший лейтенант Акимушкин, не отрываясь от еды, показывает на меня ложкой и говорит: «Вот пусть он нарвёт и принесёт, Чухлебов у нас любит по окрестным лесам шариться, так что и ягоду нарвёт». Нина посмотрела на меня внимательно и спрашивает: «Ну как, Семён, наберете ягоды ежевики?» — «Обязательно. Как не набрать такой молодой и обаятельной женщине, да вдобавок ко всему ещё и командир взвода дал приказ, конечно наберу» — «Семён, ну давайте ещё, о чём-нибудь поговорим», — обращается ко мне Нина. «Давайте, — соглашаюсь я, — только Вы открывайте тему, а я Вас поддержу». Она попросила меня рассказать им о себе. Я вкратце рассказал о своей пока ещё не долгой жизни. Затем она рассказала, где познакомились с мужем, как поженились, ну и прочую их жизнь. Разговор наш шёл монотонно, Акимушкин в нём практически не участвовал, мы с Ниной перекидывались словами, на общие темы. И вдруг она неожиданно спросила: «Семён, скажите, а Вы всех

жен офицеров нашего батальона видели?» — «Ну не всех, но видел». Тут Нина снова стала задавать каверзные вопросы: «А какие женщины Вам нравятся, Вы, хоть и молодой мужчина, но все равно вам нравится, кто-нибудь из жён офицеров нашего батальона?» Нина сказала и, наклонившись ко мне, смотрит мне в глаза.

Я, спасаясь от её пытливого взгляда, даже голову опустил ниже в тарелку. Я не знал, как ей ответить, женщины типа Нины мне не нравятся, я люблю брюнеток со смуглой кожей лица и прочих частей тела. А Нина рыжая, кожа у неё светлая в веснушках, хотя лицо её симпатичное, врать не буду. Всё это так, подумал я, но ведь я у неё в гостях и хозяйку обижать негоже, так что придётся слукавить. А Нина меня торопит: «Ну, Семён, ну давайте же говорите, а то я, от нетерпения сгораю. Что Вы так долго молчите, не можете в наших женщинах разобраться, что-ли?» Тут вставил слово и хозяин дома: «Говорите, а то Нина от вас не отстанет, пока Вы не скажите. Скажите честно, никаких обид не будет, правда же, Нина?» — спросил он у жены. Та в ответ только кивнула головой. Пауза действительно затянулась, но ведь вопрос-то сложный, отвечать я начал издалека: «Знаете, Нина, Вы мне задали очень сложный вопрос, и как мне на него ответить, я не знаю. Вы учтите, я молодой человек, плюс по натуре я стеснительный, и поэтому мне надо набраться мужества, чтобы ответить на такой вопрос. Но, кажется, я уже набрался мужества и поэтому скажу. Только заранее прошу, если что будет не так, не обижаться. Вот Вы, Нина, меня упрекнули в том, что я не могу разобраться в женщинах нашего батальона. Да нет, разобрался-то я давно, как только увидел ту, которая мне нравится, но я не могу вот здесь так прямо сказать, пусть это будет моей тайной» — «Нет, нет, — запротестовала хозяйка дома, — Вы должны сейчас же сказать! Витя, скажи Семёну, пусть он говорит».

«Говорите, Чухлебов», — сказал Акимушкин. «Его зовут Семён, ты же, Витя, не в казарме», — поправила его жена мужа. Затем она обратилась ко мне и настаивала, чтобы я сказал, кто же та женщина, которая мне нравится. «Ну, хорошо, скажу, я раньше видел практически всех жен наших батальонных офицеров, некоторые мне нравились, но не очень, а вот когда на спартакиаде полка, увидел жену моего командира взвода, то понял, что она самая красивая женщина не только нашего батальона, но думаю и всего городка». Я замолчал, жду реакции на мои слова, но и мои собеседники молчали, и только через некоторое время, Нина подскочила со своего места и с восторгом вскрикнула: «Так это же я, правда же, Семён, это же я?» Я, в знак

согласия, кивнул головой. Нина, увидев моё подтверждение, захохотала, победоносно посмотрела на мужа и говорит: «Ой, пойду, принесу второе, а то я под впечатлением что-нибудь, такое ляпну» и быстро ушла в дом.

Когда Нина ушла, я, весь сгорая от смущения, спросил Акимушкина: «Товарищ старший лейтенант, я не переборщил с комплиментами?» — «Нет, нет, — подержал меня он, — продолжайте в том же духе, женщины любят, когда им говорят комплементы, Нина тоже их любит. Вы слышали, что женщины любят ушами?» — «Нет, — говорю, — такое не слышал» — «Об этом ещё Пушкин писал, так что всё хорошо, продолжайте в том же духе. Вы мою жену хорошим настроением зарядите на целую неделю, а как у неё «батарейки» начнут садиться, я Вас снова позову на ужин» — «О, нет, — взмолился я, — больше не надо, а то я такую пытку больше не выдержу». Через некоторое время вышла Нина, с большой кастрюлей в руках, в которой были гречневая каша и котлеты. Она положила котлеты на тарелки, и мы, я и Акимушкин, принялись их кушать. А Нина опять ничего не ест, сидит слева от меня и смотрит, мельком на мужа, а на меня вставится и глаз с меня не сводит. Я думаю, её надо как-то заставить есть, тогда она на меня меньше будет смотреть. Говорю ей: «Нина, Вы совершенно ничего не едите, Ваш суп уже остыл и покрылся плёнкой, ну, если суп не хотите есть, то положите себе котлетку». На что она ответила: «А я есть не хочу, я хочу слушать Вас, Вы так интересно говорите» — «А я что Вам говорил? — вставил слово её муж. «А что ты говорил, Виктор? — спросила его Нина. Он молчал, ковырялся в тарелке, тогда хозяйка дома перекинулась на меня: «Семён, может, Вы скажете, что говорил мой муж?» Я тоже для солидности немного помолчал, ковыряясь в тарелке вилкой, делая вид, что я занят едой, затем оторвался от тарелки и сказал: «Да о Вас мы говорили, о ком же нам ещё говорить? Мы говорили о том, какая Вы симпатичная женщина и хозяйка хорошая, если честно, Нина, то я по-доброму позавидовал Вашему мужу. Такое, наверное, бывает раз в жизни. Но раз оно уже случилось, значит, у меня такого не будет. Ведь таких женщин как Вы, в которых сочетаются все хорошие качества, на свете раз, два и обчёлся».

Пока я говорил, Нина сидела, улыбалась, склоняла голову то в одну сторону, то в другую, как бы говоря: «Посмотри, какая я красивая, полюбуйся мною, а то вот уйдёшь и всё, когда ещё меня увидишь?» Когда я закончил с котлетой, то почувствовал что наелся, да и засиделся я в гостях, пора и честь знать. Поблагодарил хозяев за угощение, поднялся, чтобы попрощаться, а Нина меня схватила за руку и говорит: «А курица в духовке для

кого стоит? Я что, её зря готовила?» Ну, всё, думаю, Нинина курица меня добьёт, есть-то уже некуда. И чтобы это доказать Нине, показываю на свой живот. Она подошла ко мне, взяла за ремень и говорит: «Витя, ты посмотри, как он затянулся ремнём. Кто же так делает в гостях, а ну-ка давай твой ремень снимем». И сама начала с меня снимать ремень, затем она его повесила на спинку стула и говорит: «Кто же в гости с таким затянутым ремнём ходит?» — возмущалась Нина. «Ничего, — говорит Виктор Акимушкин, — поживёт с наше, научится». Затем Нина нам дала указание: «Сидите, а я сейчас принесу курицу». Ну что делать, пришлось, есть и курицу. Курица была приготовлена в духовке, с золотистой корочкой, не курица, а объедение. Когда всё было съедено и выпит чай, я попрощался с хозяевами и пошёл к калитке. Меня провожала Нина, у калитки я остановился, сказал старшему лейтенанту Акимушкину до свиданья, на что он мне только махнул рукой, не вставая от стола, а Нина стояла и смотрела на меня снизу вверх. Я ей ещё раз сказал до свиданья, щёлкнул каблуками, повернулся кругом и зашагал по тропинке в казарму.

Знаете, дорогие мои друзья, некоторые военные могут в то, что я написал не поверить, скажут, мол, такого не может быть, но ведь было, и поэтому я об этом пишу.

И ещё, почему я это так подробно описывал, да потому что это из ряда вон выходящий случай. Ни от кого, ни до того, ни после я не слышал, чтобы кто-нибудь из офицеров нашего батальона, а возможно и полка, пригласил к себе на ужин солдата, пусть даже сержантского состава. В армии такое не делается, там даже офицер Вам не подаст руку при встрече, не потому что он брезгует Вами, а просто не принято это делать. Там существуют другие ценности, а форма приветствие среди армейского состава указана в уставе, вот этим и пользуются. Правда, до того как побывать в гостях у Акимушкиных, я был в гостях у старшего лейтенанта Ускова, но это было как бы мимоходом.

Во-первых, у нас с Усковым были приятельские отношения, так как мы с ним играли в полковой волейбольной команде, ну, естественно, и тренировались вместе. Во-вторых, у него жены не было дома, вот он и пригласил меня попить у него чая. Но это можно за гости и не считать.

А вареники были, я принёс два армейских котелка ежевики, Нина сварила вареники, я предлагал вареники посыпать сахаром, как это делала моя мама, но хозяйка предложила другой вариант, и сдобрила их вишнёвым сиропом. Был не ужин, а настоящее объедение. На варениках мои отношения с семьёй Акимушкиных

не закончились, Нина время от времени заходила к нам в казарму, то с мужем, а то и одна. В таких случаях дневальный вызывал меня на выход, а когда я приходил к дневальному, то там видел улыбающеюся Нину, которая меня просила проводить её домой. Правда, провожал я её только до палисадника, где была тинистая аллея. Дальше Нина шла сама, в тенистую аллею я с ней не заходил, чтобы не вызвать подозрений у завистливых соседок. Такие проводы продолжались вплоть до моего отъезда из части. Честно скажу, проводить время мне с ней было приятно, она и сама умеет рассказывать и слушать тоже умеет, для женщин это редкое качество. Но с другой стороны, эти проводы меня напрягали, надо учесть, что в казарме я жил не один, и солдаты, видя мои проводы жены моего командира взвода, надо мной подтрунивали и посмеивались. Типа, что решил командиру взвода помогать не только во взводе, но и с его женой? Я как мог, отбивался от этих нападок, но потом решил на эту тему поговорить с взводным. Объяснил ему суть дела и попросил, что бы его жена больше одна к нам в роту не приходила, и меня не просила, чтобы я её провожал. Он выслушал меня, немного помолчал, затем сказал: «Чухлебов, — обратите внимание, не старший сержант Чухлебов, а просто Чухлебов, — Вы думаете, надо мной офицеры не посмеиваются? Уверяю Вас, это есть, но я отделываюсь шутками и терплю, терплю, потому что я люблю свою жену и без неё мне жизнь не интересна, а ещё, потому что знаю, ни Вы, ни, тем более, Нина, ничего лишнего себе не позволите. И Вас прошу, потерпите, и как всегда провожайте Нину домой. Ей трудно целыми днями сидеть в четырёх стенах дома, ведь у нас в городке никаких развлечений, кино и то только раз в неделю, поэтому для неё развлечение пройтись по городку и заглянуть к нам в роту. Так что прошу Вас, продолжайте в том же духе. Ведь Вам осталось терпеть не долго, скоро уедете, и все провожалки закончатся». Я согласился с доводами командира взвода, да потом и насмешки в роте, как-то сами по себе сошли на нет, то ли привыкли, то ли поняли, что у нас с Ниной ничего серьёзного нет, а раз нет, так и смеяться не над чем. Так что встречал и провожал я Нину до самого своего отъезда из части. Конечно, это было не каждый день, но было. Накануне моего отъезда она зашла в казарму вместе с мужем, и они пригласили меня, так сказать, на прощальный ужин.

Весь вечер Нина была грустная, не шутила, не улыбалась и не докучала меня вопросами. Когда поужинали и я уходил, Нина даже всплакнула, а муж, обняв её, прижал к себе и так они стояли, пока я не скрылся в тенистой аллее. Больше я их никогда не видел, так как на другой день уехал из части рано утром. Но

это будет потом, а пока моя служба в танковом полку продолжается.

ВРЕМЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И БЕЗДЕЛЬЯ

Служим дальше, вот уже и сентябрь прошёл, а приказа по полку о нашем увольнении в запас как не было, так и нет. В полк уже пришла из учебного батальона нам замена, и получилось так, что на один танк, у нас имеется два экипажа. Я уже не командир танка, а только помощник командира взвода. Чтобы на день найти себе занятие, я со взводом хожу на полигон, и все «старички» со мной тоже. Молодые солдаты там учатся, «старички» им помогают, а я по привычке обшариваю близлежащий лес. Однажды иду по лесу, вышел на какую-то поляну, смотрю там солдаты что-то делают, подошёл к ним, узнал минёров, пошарил глазами по поляне, нашёл Петровича, с которым рыбу глушили. Подошёл, поздоровался, он говорит: «А, рыбак, хочешь посмотреть, как мы пни корчуем?» Я согласился посмотреть.

Мы пошли с ним в конец поляны, где виднелись с десяток пней. Подошли к ним, Петрович осмотрел некоторые пни, и говорит: «Вот эти три пня уберём, и здесь поставим палатку». Подошли к первому пню, Петрович из своей сумки достал головую шашку, похожую на брусок банного мыла, и прикрутил её проводом ко пню. Затем так же он поступил и с остальными пнями.

Я посмотрел на пни, и на размер шашек и говорю Петровичу: «Петрович, уж больно маленькие шашки такие пни не одолеют» — «Ладно, — говорит Петрович, попробуем, что получится, ты иди вон в ту воронку, а я подожгу шнур и тоже к тебе прибегу». Я встал на коленках в воронке, и смотрю за Петровичем. Он поджёг шнуры головых шашек и быстро ко мне. Спрыгнул в воронку и говорит: «Нагни голову, а то, как бы щепками от пня не поранило».

Я лёг на траву, зажав голову руками, и стал ждать, когда будет взрыв. А его всё нет и нет. Я решил поднять голову и посмотреть, почему нет взрыва, но в этот же момент почувствовал на своей голове тяжёлую руку, Петрович всё держал под контролем. И вдруг, раздались три взрыва, которые последовали, друг за другом с небольшим промежутком времени. Я решил поднять голову и посмотреть что там с пнями, но Петрович меня остановил, говорит: «Подожди, пока дым разойдётся». Подождали, наконец, последовала команда: «Пошли». Я поднялся, смотрю и глазам своим не верю, от пней не осталось ничего, даже щепок, только на том месте, где были пни, остались не глубокие ямы и из них шёл дым. Моему удивлению не было предела, я

почесал свою репу и говорю Петровичу: «Вот это да, даже щепок не осталось». На что Петрович мне ответил: «А что ты хотел, сто грамм тротила — это тебе не шутки». Затем я попрощался с минёрами и пошёл по своим делам.

Пошёл по лесу в сторону полигона. Иду по густому сосновому молодняку и буквально упёрся в какую-то железяку, начал её обследовать и убедился, что это та самая танкетка с дыркой от снаряда в боку, которую раньше, я уже видел. Ну что же думаю, раз тогда я тебя как следует, не обследовал, то сейчас тобой, займусь. Танкетка была завалена сухими ветками, я решил её очистить от веток, и что я обнаружил, жалюзи двигателя закрыты промасленным брезентом, а двигатель танкетки, смазан солидолом и находится в хорошем состоянии. В крайнем случае, внешне. По всему видно, что кто-то приготовил для себя, но почему-то не забрал. Ну что же, думаю, раз Вы, господа хорошие, не забрали двигатель, тогда я с ним поработаю, вещь-то хорошая, вот бы его поставить на наш ГАЗик, этот двигатель своей мощью, заставил бы ГАЗик летать. Но его туда не поставишь, там слишком мало места, а вот в другую машину, например, как польские Стары, можно поставить, только, как его предложить полякам, выхода-то на них нет. Ладно, думаю, сначала надо танкетку доставить на полигон, а там видно будет, что с ней делать. Пошёл в сторону полигона, в зарослях молодого, хвойного леса, наткнулся на две немецкие грузовые машины. От них уже мало что осталось, но железа в них было много. Иду к полигону и думаю, то ли всё это железо притащить на полигон, может, пригодится, на что-нибудь, то ли как? Пришёл на полигон, все старички моего взвода отдыхали, где придётся, я говорю Габдурахманову: «Заводи тягач, поедем «немца» вытаскивать из леса». Механик не говоря ни слова, завёл машину, я со своим наводчиком и заряжающим забрались на броню и поехали в лес. Возились мы с этим «немцем» долго, кое-как зацепили его тросами и с трудом вытащили из леса, а уж на полигон притащили без труда. Я его поставил в ряд, где уже стояли, два искорёженных танка Т-34, разломанный ЗИС-5, такой же американский «Студебеккер» и две полевые кухни немецкого производства. От них остались только рамы с резиновыми колёсами. Рота собралась на обед, и мы с ней — ладно, думаю, сходим на обед, а после обеда придём и притащим тех «немцев» что в лесу остались. После обеда рота пошла в казарму, а я решил сходить к Юре в штаб и узнать насчёт приказа о нашем увольнении из рядов армии. Юра меня выслушал и сказал, что приказа пока нет, и когда он будет не известно, говорят что в Берлине коммунисты и капиталисты что-то не поделили, вот

теперь наши и держат все свои войска которые находятся в Европе, а капиталисты держат наготове свою Антанту, того и гляди третью мировую развяжут. «Так что, Сеня, нам остаётся только ждать и терпеть, ну если хочешь, можешь поменять эти слова местами, суть ведь все равно не изменится», — вот такими словами свою тираду закончил мой земляк Юра. Не добившись от земляка ничего толкового, я пошёл в роту, позвал Ильина и говорю ему: «Слушай, Володя, есть идея, пойдём к спортсменам боксёрам, и попробуем её реализовать». Володя заинтересовался, что за идея, я ему объяснил, что есть мощный двигатель для машины и его надо продать полякам, может у наших спортсменов есть на них выход. Володя засомневался, но согласился, попробовать осуществить такую идею. Пришли в казарму к спортсменам, нашли Толика Максимова, я ему рассказал суть моей идеи и попросил его найти покупателя на двигатель. Максимов к нам пригласил ещё одного парня, по имени Олег, который служил уже последний год, так же как и я, и сказал ему суть нашей просьбы. Олег задал мне несколько вопросов, и в частности, что нам будет, если начальство узнает? «А что нам может быть? Этот мотор от немецкой танкетки, и я её нашёл, значит, трофей мой. Так что, я думаю, с этим будет всё в порядке. И ещё. Нам же не надо всё это афишировать, сделаем ночью потихому».

Я же вам говорил, дорогие мои читатели, что у меня авантюристическая натура, вот она здесь и проявилась. Я говорю Максимову и Олегу: «В это время на полигоне никого нет, потому что там охранять нечего, учебные машины отгоняются в боксы, а смотровая вышка? Кому она нужна. Олег помолчал, видать, что-то обдумывал, затем спрашивает меня: «Семён, скажи, а можно достать автомобильные колёса? Не обязательно новые, можно и старые, только чтобы они были исправные». Я подумал и говорю: «Ну, насчёт колёс я не знаю, я же не шофёр, а танкист, так что надо подумать. Хотя стоп, есть колёса от немецких полевых кухонь, но они старые и на них даже в некоторых местах резина сверху слегка потрескалась. Так что не знаю, сгодятся они тебе или нет?» Олег подумал, затем меня спрашивает: «А на эту резину можно посмотреть?» — «Да смотри сколько угодно, она стоит на полигоне». Олег с Максимовым поговорили насчёт завтрашнего дня, а затем, обращаясь ко мне говорит: «А давай мы завтра с вами пойдём на полигон, вот там мы и разберёмся, что к чему». Я ему отвечаю: «Хорошо, только мы пойдём после обеда, так будет удобней».

Обычно после обеда занятий у солдат нет, только бригады ремонтируют мишени, он они нам не помешают. На другой день,

я с бригадой старичков напросился командиру роты ремонтировать мишени на полигоне, чему он был удивлён. Построил свою команду, и мы отправились на полигон, по пути следования к нам пристроились Олег и Анатолий. На полигоне я, во главе с Зенцовым, всех отправил к мишеням, это примерно в километре, от того места где мы должны работать с колёсами, а сам с ребятами начали осматривать колёса. Как ни странно, они Олегу понравились, и он сказал, что их можно продать. А затем добавил: «Правда, за такое старьё много не дадут, но всё же можно заработать». Олег сказал, что дня через два скажет результат. Через два дня, мы с Ильиным отпросились у старшины сходить к девушкам полячкам на станцию, а сами с Олегом и Максимовым пошли на полигон сняли колёса с немецких полевых кухонь, откатили их, куда просил Олег, он остался ждать покупателя, а мы отправились на вышку. Ждали его долго, у меня, как всегда, терпения не хватает, я уже хотел пойти посмотреть, где он, но Максимов сказал не надо, он знает, что мы его ждём, и поэтому обязательно придёт.

Так и вышло, не прошло и двух часов, как Олег пришёл на вышку, вручил нам по двести злотых и сказал, что операция завершена. А вот с двигателем вышла накладка, Олег сказал, что за такой двигатель дают две тыщи злотых, но я сказал, что это мало, надо хотя бы тыщи четыре. Пока я находился в части, мы двигатель так и не продали. Правда, когда я уже работал на заводе в городе Вроцлаве, ко мне приезжал Володя Ильин и привёз мне 800 злотых, сказал, что двигатель продали, а это твоя доля. Эти деньги тогда мне очень помогли на гражданке. Вот такие мои коммерческие дела.

ЗАГОТОВКА ДРОВ

Полковые командиры уже не знают чем нас занять, мы, старички, и картошку в польских хозяйствах убирали, и морковку, а вот не так давно ездили убирать урожай капусты. Все огородные овощи убрали, теперь нас направили на заготовку дров. Поляки выделили для нашего полка деляну леса, мы должны деревья свалить и распилить на чурки, а затем наколоть дрова. Делянка леса находилась в километрах тридцати от нашего городка. Приехали мы туда на двух машинах, нас было человек сорок, командовал нами командир второго взвода, старший лейтенант Усков. Первым делом наш командир построил нас, новоявленных лесников в две шеренги и сказал: «Те, кто умеет валить и обрабатывать деревья, назовём их «лесниками», по моей команде, должны сделать два шага вперёд, а те, кто не знает, что это такое, должны остаться на месте». Когда он эти слова сказал, я подумал, ну я же имел дело с лесом, мы у Лёвиных яблоню свалили, да и тёте Тане я два дерева выкорчевал, так что валить деревья я умею, и решил по команде Ускова, с лесниками шагать вперед. И тут последовала команда Ускова: «Лесники, два шага вперёд, шагом марш!» Из тех, кто шагнул вперёд, нас оказалось человек десять, остальные остались стоять на месте. Далее последовала команда: «Лесники берите топоры и пилы и приступайте к валке деревьев, а те, кто это делать не умеет, идите на край поляны к машинам и ждите там моей команды». Я, своим зорким взглядом выбрал самую большую сосну, этак метров 25 в высоту и в толщину больше человеческого обхвата, схватил топор и быстрым шагом направился к ней, думаю, я её сейчас быстро уложу на бок. Но тут меня остановил Володя Захаров, и спросил у меня: «Сеня, а ты куда?» — «Да вот, — говорю, — хочу вот это большое дерево свалить» — «А ты когда-нибудь, деревья в лесу валил?» — не отставал от меня Захаров. «Да нет, — говорю, — в лесу не валил, а вот в саду с братьями Лёвиными яблоню свалили, и у тёти Тани два дерева выкорчевал» — «Ну, ты, Сеня, меня извини, яблоня хоть и дерево, но очень маленькое, так что тебе валить сосны пока рано, иди вон в ту команду, которая столпилась у машин, и жди команду Ускова. Учти, Сеня, валить деревья — это очень опасное занятие, и неучам там делать нечего». Хотя мне было и обидно, что Захаров назвал меня неучем, но что делать, он прав, я ведь действительно имел дело с деревьями, которые растут в саду, а те деревья, по сравнению с этими соснами просто кустарник.

После того как свалили деревья нашлась работа и нам дилетантам, мы обрубали сучья, затем пилами распиливали стволы деревьев на чурки, а уже потом из чурок, рубили дрова. Когда на другой день начали валить другую партию деревьев, тогда Захаров и меня с собой взял, и стал учить меня как правильно свалить большое дерево. Надо сказать, что в этом деле имеется много тонкостей, о которых я раньше и не подозревал. Валкой деревьев и заготовкой дров мы занимались долго, и за это время я основательно освоил технологию этой дисциплины. Заготавливали дрова мы больше недели, жили в палатках, ночи были уже холодные, поэтому грелись у костров. В одну ночь произошёл забавный случай, разумеется, смотря для кого. Я в то время был начальником караула, караул состоял из двух постов. Ночью я решил проверить, как мои подопечные несут службу. Пошёл, проверил первый пост всё нормально, постовой стоит на часах и не спит, а вот кода я шёл ко второму посту, то проходя мимо костра, где вповалку лежали солдаты и спали, я услышал запах горелой резины, подумал, что в костер попал кусок резины вот он и воняет на всю поляну. Решил не останавливаться и пошёл на второй пост. Посмотрел на часового, поговорил с ним, сказал, что бы он не спал, так как его скоро сменят. Затем я пошёл в обратном направлении, и решил посмотреть, что же там, в костре горит, и вот что я увидел. Один из бойцов во сне засунул свои ноги вместе с сапогами прямо в костёр, где жарко горели дрова, и спит. Подошвы его сапог уже горят синим пламенем, а он спит и в ус не дует. Я своей ногой отбросил его ноги из костра, в этот момент солдат проснулся и с недовольным видом спрашивает меня: «Товарищ старший сержант, зачем Вы меня разбудили, я же сегодня не в наряде?» А когда я ему показал на его сапоги, которые горели, он вскочил, начал прыгать, чтобы потушить огонь на сапогах, а когда огонь был погашен, тогда он снял сапоги и стал проверять их пригодность к дальнейшей службе. Дырки в сапогах не было но, на второй день подошва у одного сапога отвалилась, пришлось ему её проволокой приматывать. А вот насчёт заготовки дров, я даже рад, что получил такой неоценимый опыт валки леса и рубки дров. Гораздо позже, когда я оказался в лесистых местах, то нужные навыки у меня уже были, и я легко справлялся с такой работой.

ПРОСТО «КАРАУЛ!!!»

Закончив заготовку дров, мы вернулись в казарму, после отбоя, я с удовольствием растянулся на своей койке, и какое-то время лежал и блаженствовал. Согласитесь, что полевые условия жизни и обжитая казарма, это не одно и то же, тем более что, была уже глубокая осень, и спать даже у костров было холодно. Ну, слава Богу, всё это уже позади, будем ждать приказ и, возможно, скоро уедем. Но приказа на увольнение нас из армии, как не было, так и нет. Мы, старички, болтаемся по военному городку от нечего делать, а командование части не знает, чем нас занять, скоро конец ноября, все полевые работы давно закончились, а других работ в городке просто нет. Мои нервы и силы давно кончились, живу и хожу на некоторые мероприятия, как на автомате, меня ничего не интересует и не удивляет. Особенно трудно вечером, тоска просто давит. Хотя я стараюсь ходить на ужин вместе с ротой, но в столовой ничего есть не хочется, обычно выпиваю стакан чая или компота, затем ухожу болтаться по городку.

Однажды вот так, ходил, ходил и решил зайти к друзьям спортсменам, им служить ещё год, и у них такой проблемы, как у меня нет. Сидим за старшинским столом и пьём чай, говорим о том, о сём и вдруг Олег говорит: «Слушай, Сеня, ты помнишь, мы колёса поляку продали, так вот есть ещё один кандидат на колёса, говорит, заплачу хорошо». Я ему говорю: «Так на полигоне ещё одна немецкая полевая кухня осталась, правда на ней колёса такие же плохие, как и те, которые мы раньше продали». Олег немного помолчал, затем говорит: «Давай сделаем так, я завтра встречусь с ним, расскажу ему о колёсах, а потом мы с тобой встречаемся и решаем, заниматься этим делом или нет. Да вот ещё что, эти колёса надо переправить через речку в лесок у станции, он мне уже показывал место, где он нас будет ждать, если с колёсами выгорит». Я от возмущения и удивления, на Олега выпучил глаза и говорю ему: «Да ты что, Олег, три километра до городка по песку катить колесо, а потом здесь ещё по городку. Да ещё и через речку, а на дворе не лето, и вода, наверное, в реке студёная. Там хоть и есть брод, но он глубокий мы как-то проходили, и вода тогда была выше колен. Так что, Олег, за двести злотых за такие мучения я испытывать не буду». Олег мне говорит: «Ну, давай сейчас решим, за какие злоты мы будем продавать колёса, и я ему сразу назову такую цену. Если он согласится, то тогда будем заниматься, если нет, то нет». Я подумал, что хорошо бы за каждое колесо взять рублей по

пятьсот, а лучше шестьсот. Дело в том, что мы взводом ходили на железнодорожную станцию, как бы на экскурсию. Там есть два магазина, один продуктовый, другой промтоварный, так вот я в этом промтоварном магазине видел красивые покрывала из бархата, по цене двести рублей за штуку, вот бы их купить и подарить маме и сестре Наташе. Я думаю, что о лучшем подарке и мечтать не надо.

Олег терпеливо ждёт, когда я скажу цену нашего товара. Наконец, я решил ему объявить желаемую цену одного колеса: «В общем, так, Олег, по моим соображениям, одно наше колесо должно стоить не менее, шестисот злотых. Если он даст цену хоть на один злот меньше, то я этим делом заниматься не буду». Олег немного подумал и сказал: «Нет, Сеня, поляк за такие колёса столько не даст, если он за них даст, то злотых триста за одно колесо, не больше» — «Олег, ну ты же не знаешь какая у него обстановка, может ему колёса, нужны по зарез, и он готов выложить любые деньги. Да и вообще, чего мы с тобой гадаем на кофейной гуще, ты знаешь, где этот поляк живёт?» — «Конечно, знаю, на станционном посёлке, его подворье на окраине с нашей стороны. А почему ты спрашиваешь?» — «Да потому что, чтобы не гадать, надо к нему сходить и договориться. Давай не будем откладывать на завтра, а пойдём прямо сейчас и там всё решим» — «А что пойдём, только я Максимову скажу, что меня не будет» — «Слушай Олег, а Максимов что, не с нами?» — «Нет, он сразу отказался от этой затеи, да и зачем он нам? При его весе 46 кг он нам только мешать будет. Так что помощи, от него ни какой не будет, придётся и колёса тащить, и его. Так что лучше давай вдвоём сделаем это дело». Вместе с Олегом подошли к Максимову, который лежал на койке и читал какую-то книгу, я с ним поздоровался и тут же попрощался, и мы с Олегом отправились в поход.

Без проблем дошли до ограды городка, перемахнули её и оказались на булыжной мостовой, которая шла вдоль забора нашего городка, куда-то в лес. Спустились к реке, она не широкая, примерно метров тридцать. Влево от нас был брод, в свете луны его хорошо видно по наезженной колее. Зашли в воду и идём, меня обрадовало то, что воды было мало, чуть выше щиколоток, но вода холодная, я это чувствовал через сапоги. «Ну, ладно, — думаю, — пусть вода и холодная, идти недолго, так что мы не замёрзнем». Не знаю, что произошло, то ли мы сбились с брода, то ли брод размыло но, следующим шагом я оказался в воде по пояс, а вслед за мной и Олег. Сначала было, какое-то смятение и непонимание, как такое могло произойти, но затем мы решили, раз уже намочились, то пойдём дальше. Вышли на

берег мокрые, с нас в буквальном смысле текла вода, тут же стали раздеваться и выжимать одежду и портянки, а из сапогов выливать воду. Я почувствовал холод, меня немного стало знобить, говорю Олегу: «Давай быстрее одеваться и побежим бегом, а то, как бы чахотку не подхватить». Мы быстро оделись и побежали, благо было бежать не далеко.

Подошли к подворью поляка, Олег постучал в окно и через считанные минуты вышел предполагаемый покупатель наших колёс. Олег начал, ему рассказывать какие будут колёса, и сказал, что мы за каждое колесо хотим по 600 злотых. Поляк быстро закрутил головой в знак несогласия, а затем назвал свою цену — 200 злотых. Я послал поляка подальше, и сказал Олегу: «Пошли отсюда, а то я скоро дуба дам. Понимаешь, говорю ему, я сильно замёрз в сырой одежде, а он ещё торгуется своими злотыми, как будто они имеют какую-то ценность. Олег был примерно в таком же состоянии, как и я. Когда отошли от поляка я сказал Олегу что, через брод я не пойду, если я ещё раз залезу в воду, то там и останусь, а это в мои планы не входит. Так что давай пойдём по мосту. Олег высказал своё сомнение, так как мост охраняется. Затем мы оба помолчали и Олег предложил снова перейти речку в брод. «Да ты что смеёшься? Ещё один такой нырок в речку и я труп. Лучше пусть мне дадут пять суток гауптвахты, чем отдавать концы. Да и вообще, на гауптвахте будет хоть какое-то разнообразие, а то, в казарме уже надоело до чёртиков». Олег со мной согласился, и мы пошли на станционный посёлок.

Как только мы в него зашли, Олег говорит: «Сеня, тут у меня есть знакомая, давай зайдём к ней и там, у печки обогреемся и посушим одежду. Как ты на это смотришь?» Я, разумеется, на данное предложение посмотрел положительно, и мы пошли по адресу. Остановились у одноэтажного кирпичного здания, у двери которого горела лампочка. Олег подёргал дверь, она была закрыта, тогда он начал стучать. Постучал, тишина, затем он настойчивей постучал и через некоторое время в коридоре послышались шаги. Дверь открыла женщина, лет тридцати, какое-то время она молча стояла, затем удивлённо на ломанном русском языке спросила: «Олег, это ты?» — «Я, Марыся, а кто же ещё?» — ответил ей Олег. Марыся нас пригласила в коридор, затем мы с ней зашли в довольно просторную комнату, в которой стоял стол, какие-то шкафчики и у стены большая печка.

С левой стороны комнаты в стене были четыре двери, почему-то покрашенные разной краской: красной, чёрной, зелёной и жёлтой. Я рассматриваю комнату и двери, а тем временем, Марыся рассматривала нас, она увидела, что мы мокрые и начала помогать Олегу снимать гимнастёрку, и мне говорит: «Снимайте с

себя всю одежду и вешайте вот на эти верёвки». Они были натянуты над печкой, наверное, специально для сушки белья. Олег быстро разделся до трусов, и они с Марысей удалились за зелёную дверь. Я остался один и начал раздеваться. Сначала снял гимнастёрку и повесил на верёвку, затем майку и всё остальное, трусы были мокрые, и мне хотелось их снять и посушить, но я боялся, что какая-то крашеная дверь откроется и меня увидят без трусов. В таком виде перед чужими людьми я не хотел показываться. Я решил потянуть время, выйдет кто из этих дверей или нет, а пока суд да дело, я решил в печку подбросить дровишек. Вскоре дрова разгорелись, от печки пошёл жар, а из дверей никто не выходит, значит можно снимать трусы и сушить.

Быстрыми движениями снял трусы, на всякий пожарный случай, держу их в руках над печкой, если что, то я смогу ими хотя бы прикрыться. Но из дверей никто не выходит, а трусы мои уже подсохли, и я решил их надеть. Только я это сделал, зелёная дверь открылась и оттуда появилась Марыся, при виде неё я спрятался за печку. Марыся это увидела, заулыбалась и спрашивает у меня: «Чай с хлебом будешь кушать?» Я сразу согласился, так уже хотел есть. Марыся начала готовить чай. Из крана в кофейник налила воды, затем поставила его на плиту, а так как плита была раскалённая докрасна, то, кофейник почти сразу загудел. Как только вода вскипела, Марыся заварила чай в полулитровой стеклянной банке и поставила его на скамейку, на которой я сидел. Сюда же поставила кофейник с кипятком, сахар на блюдце и столовую алюминиевую ложку, точно такую, как у нас в армейской столовой. Я уж грешным делом подумал, что эту ложку, кто-нибудь, из солдат сюда принёс. А что, был в гостях, сахар в чай насыпать нечем, вот он и принёс солдатскую ложку. Ну ладно, шут с ней с ложкой, делов-то. Затем Марыся на подоконнике нарезала хлеб и подала мне два куска, а ещё она мне дала банку со сливочным маслом, затем сказала мне: «Кушай», а сама ушла снова за зелёную дверь. Как только дверь захлопнулась, мне сразу стало легче, а то, эта пани Марыся, меня как-то напрягала, она мне толком ничего не говорила, но смотрела на меня какими-то удавьими глазами и загадочно улыбалась. Слава Богу, она ушла и теперь я чайку попью. Но прежде чем орудовать такой ложкой, я решил её сначала исследовать, уж больно она имела грязно-затрапезный вид. Нет, думаю, всё-таки надо её вымыть, а то ею кто только и не орудовал, так что ещё не известно, что на ней имеется.

Тщательно вымыв ложку под краном, я принялся чаёвничать. Хотел сделать бутерброд с маслом, но масло растаяло, и его можно было есть только ложкой, но как бы то там ни было, я

выпил стакан чая и съел один «бутерброд» с хлебом и маслом. После еды я почувствовал прилив сил, настроение улучшилось, и я решил одеваться, тем более что одежда уже почти просохла. Только я оделся, зелёная дверь открылась, и оттуда вышел Олег. Я ему говорю что уже, наверное, поздно, пора и в роту идти. Он мне отвечает, что чайку попьёт и пойдём. Олег сел на эту же скамейку, что и я, и начал пить чай и кушать «бутерброд», а я смотрю на разноцветные двери и спрашиваю у Олега: «Послушай, а почему у них двери разной краской покрашены, может у них краски одного цвета на все двери не хватило?» — «Да нет, — говорит Олег, — краски у них хватило, просто это сделано для удобства посетителей» — «Каких посетителей?» — спросил я у Олега. «Да разных, в этой квартире иногда бывает по несколько человек, так вот, чтобы они точно знали в какую комнату идти, Марыся им говорит, пан в пилотке — жёлтая дверь, пан в кепке — красная дверь, ну и так далее. «А что там за дверями?» — «Да женщины там, ну Сеня ты в этом вопросе вообще не образованный, давай сюда будем вместе чаще ходить. Кстати, ты Марысе очень понравился, и она тебя приглашала к себе, так что иди, она ждет» — «Пусть твоя Марыся сначала на себя в зеркало посмотрит, на свою образину, она у неё такая, что ей можно играть бабу Ягу без грима. И вообще, заканчивай чаёвничать, пора в роту, а то там нас могут потерять». Олег быстро закончил с чаем, простился с Марысей, и мы пошли к мосту, чтобы перейти реку. Спокойно прошли по посёлку, пришли к речке, вот он и мост, на той стороне моста стоит бытовка для караула, который должен охранять мост.

Мост освещён, возле бытовки стоит столб, на котором ярко светит фонарь, всё видно, как днём, но я что-то не вижу часового, а он там должен быть, иначе, что же это за караул, если на посту нет часового? Поэтому я с удивлением говорю Олегу: «Послушай, Олег, я что-то на посту не вижу часового?» — «Ну и хорошо, пройдём, никто нас и не заметит. Хорошо-то, хорошо, но хорошего здесь мало, ведь они охраняют весь наш городок, а там, в казармах, солдаты спят, что будет, если туда проберутся диверсанты? Дальше свои мысли я развивать не стал, думаю ладно, потом разберёмся.

Подходим к бытовке, где должен располагаться караул, а там дверь открыта, в проёме двери стоит какой-то солдат в шинели и своей широкой спиной закрыл весь дверной проём, а из бытовки несётся нецезурная брань и крики. По-видимому, там происходят какие-то разборки. Мы уже проходили открытую дверь бытовки, и тут у меня возникла мысль наказать такую охрану.

Недолго думая, я снимаю с петли амбарный замок, тихо

закрываю дверь бытовки, накладку осторожно одеваю на петлю запора, а затем в неё вставляю дужку замка. Хотел закрыть на ключ, но ключа в замке не было. Ладно, думаю, и так они не выберутся из бытовки. Сделал хорошее дело, и побежал к Олегу, который стоял у забора в тени дерева. Как только я подбежал к Олегу он мне говорит: «Ты что наделал, как же они теперь нас будут охранять?» Я на него удивлённо посмотрел и говорю ему: «А что, до этого они нас охраняли? Если бы они исправно несли службу, то нас бы с тобой задержали и никто бы их под замок не сажал бы, а теперь они сидят под замком. Вот теперь им пора кричать: КАРАУЛ, СПАСАЙТЕ НАС! Да кто их услышит?» А тем временем в бытовке и не заметили, что они сидят под замком, как был там тарарам так он и продолжался.

Мы с Олегом стоим в десяти метрах от бытовки и слышим их крики и ругань, и по всему видно было, что этому конца не будет. А Олег меня торопит идти в казармы, а мне хочется увидеть результат своей работы, и поэтому я говорю ему: «Да подожди ты, в казарму мы всегда успеем, а вот как этот горе-караул будет выбираться из западни, посмотреть надо. Слушай, они до сих пор не поняли, что находятся под замком, надо им напомнить». Беру половинку кирпича, который лежал у забора, подхожу к двери бытовки и метров с шести со всего размаху долбанул кирпичом в дверь. От удара кирпича о дверь, грохот был невероятный и после этого, в бытовке на какое-то время стало тихо, затем снова послышался шум, а после этого выстрелы, наверное, стреляли в мнимого врага, который, по их мнению, стоял за дверью. Но нам это было уже не опасно, мы с Олегом сидели на заборе и созерцали потуги затворников выбраться из заточения.

Шум в бытовке стоял невероятный, слышались крики, стучали в дверь, то ли ногами, то ли прикладом карабина, но дверь была прочная и не поддавалась. Затем всё затихло. Олег сказал: «Наверное, звонят дежурному по гарнизону, у них есть телефонная связь». И точно, через некоторое время послышался гул машины, а затем мы увидели свет фар. Дальше уже было не интересно, и мы с Олегом пошли в свои роты, каждый в свою казарму. На другой день, после завтрака я решил заглянуть к земляку в штаб полка, думаю, может он, что скажет о нашей демобилизации. Только зашёл к Юрию в кабинет, он сразу у меня спрашивает: «Сеня, ты новость слышал? На наш караул, который у моста, напали диверсанты». Ничего себе, думаю, они выдали, как будто на них напали диверсанты. А Юрию говорю: «Нет, не слышал, а что там произошло?» — «Да я и сам толком не знаю, но говорят, что ночью на караульное помещение было нападение, и они даже отстреливались. Сейчас следователи с ними

разбираются, но как я понял, пока ничего не ясно». Юра куда-то ушёл по делам, а я сижу в его кабинете и думаю, сказать ему кто на караул напал, или не надо.

Потом подумал, подумал и решил не говорить, ещё неизвестно, как они это истолкуют, а то можно и в дисбат загреметь. Юра вернулся, я спросил его насчёт нашей демобилизации, он сказал, что ничего нового нет, так что я с чем пришёл, с тем и ушёл. И чтобы закончить об этом скажу, мои действия в отношении того караула, что на мосту, имели последствия. Бытовку с того места убрали, а сделали простой навес, от дождя и снега. Ну и правильно теперь их никто не запрёт.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

В очередной раз я утром просыпаюсь и понимаю, что я ещё нахожусь в казарме, и когда это кончится, никто не знает. А на дворе уже, между прочим, декабрь месяц. Но в этот же день, вечером, по роте прошёл слух, что приехали офицеры от автомобильного завода, что находится в городе Вроцлав, и набирают рабочих на свой завод. По всему батальону только и разговоров об этих агентах. Но я их пока не видел, да они меня, как-то и не интересовали. Если честно, то мне в Польше надоело, и я хотел скорее уехать в Союз, куда? Мне было все равно, лишь бы был большой город и перспектива учёбы и роста по службе. А что их завод, рассуждал я, он же военный, и там будешь сидеть взаперти, как и здесь. Ну а если и выйдешь, то куда ты пойдёшь, к полячкам. Хватит, я уже с Кутихиным ходил на станцию к девушкам, как их называл Кутихин, а там оказались не девушки, а тетки, которым уже давно за тридцать. Я как увидел, что там за девушки, так сразу и сбежал в казарму, а Кутихин остался там. Да вот, не так давно с Олегом были у его девушки, страх Божий, да и только. А после похода с Кутихиным, я с ним долго не здоровался, просто противно было на него смотреть. И на том заводе, куда набирают солдат для работы, наверное, такие же условия. А мне уже двадцать два года, и наконец, хочется повстречать хорошую девушку, возможно будущую мою жену. Нет, думаю, на их заводе такого не будет, хотя, надо узнать какие у них условия, может, есть смысл там поработать. Всё — таки на гражданке первое время нужны будут деньги, так лучше их здесь заработать, а девушки? А девушки от меня никуда не денутся, ими заняться можно и позже.

Пока я размышлял, ко мне подошли Зенцов, Кутихин и Решетько, с ними уже агенты работали, и они пока находились в раздумье. А Зенцов так и сказал: «Сеня, я без тебя на завод не поеду, поеду туда, куда ты поедешь». А Решетько спрашивает меня: «Сеня, ну что будем делать?» Я подумал и говорю: «Пока ничего делать не будем, вот сначала узнаем, какие там условия проживания, где и как будем питаться, какая там зарплата, вот тогда можно и подумать, ехать или не ехать». С моими аргументами все согласились, попросили меня, чтобы я с агентом поговорил. В этот же день, к вечеру, к нам в казарму зашли два чужих офицера, один в звании капитана, а другой старший лейтенант. Я сразу догадался, что это агенты. Я сидел на своей койке и смотрел за ними. Они сначала подошли к Зенцову, что-то там говорили, затем к Решетько, и от него быстрым шагом

направились ко мне.

Когда подошли капитан со старшим лейтенантом, я поднялся с койки, встал по стойке смирно, и хотел рапортовать, но капитан махнул рукой и сказал: «Садись, поговорить надо». Когда я сел, он спросил меня: «Ты, Чухлебов Семён?» — «Да, это я», — отвечаю ему. «Ну, раз это ты, тогда давай поговорим на тему работы на нашем автомобильном заводе. А то я с твоими товарищами говорил, но они сказали, если старший сержант Чухлебов поедет, то и мы поедем к вам на завод работать. Так вот, я хочу тебе предложить работу на нашем заводе в городе Вроцлав на три года по договору. Так как ты на это смотришь?» — «В общем, я на Ваше предложение смотрю положительно, но сначала надо узнать какие условия труда, проживания и питания. Да и зарплата, какая будет. Вы мне это объясните вот тогда и будем решать ехать к вам или не ехать», — ответил я ему. «Ну, вот это деловой разговор», — сказал он и стал подробно объяснять, что к чему. Одним словом, условия были хорошие, и, главное, была двойная зарплата. Платили польскими злотыми наличными, а рубли шли на вкладную книжку, ну это вроде как сберегательная книжка. Я согласился ехать, тогда капитан подозвал моих троих друзей и говорит: «Ну что ребята, Чухлебов согласился ехать к нам работать, а как же вы?» Те, дружно тоже согласились ехать на завод работать. Зенцов подошёл ко мне и говорит: «Ну, всё, Сеня, я тоже с тобой еду на завод работать». Я, посмотрел на него внимательно и говорю ему: «А куда же ты без меня, Алёша? Ведь мы всю армию с тобой вместе, как нитка с иголкой, так что давай будем собираться, завтра рано выезжаем. Теперь у нас с тобой, Лёша, начинается новая жизнь, и какая она будет, нам пока не известно». Я приготовил свои вещи, всё, что надо положил в чемодан, лег на койку и думаю, завтра уеду, как там, на новом месте будет? С этими мыслями и уснул. На другой день рано утром мы на заводском «ПАЗике» уехали на новое место жизни и работы. Нас было восемь человек, но знал я только своих друзей, остальные были из другого батальона. Когда выезжали из нашего городка, я последний раз окинул взглядом улицы и казармы, где я повёл больше года своей непростой службы, а теперь всё осталось позади, и уже стало историей. Затем мы выехали на автостраду и поехали в нужном направлении. Ехать было далеко, дорога длинная и времени потребуется много, поэтому, чтобы занять его я вам расскажу о моём увлечении, а именно о спорте.

МОЯ СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ В АРМИИ

Тот, кто читает мою книгу с самого начала, то знает, что спортом я начал заниматься ещё в совхозе, где я работал помощником комбайнёра. Затем у меня был перерыв в течение одного года, а когда попал в учебный батальон, то тут увлёкся спортом по-настоящему, разумеется, на уровне любителя-самоучки. Все свободное время я проводил в спортивном городке, занимался на всех снарядах, чего сам не умел, подсказывали курсанты, и мало помалу я приобрёл неплохую спортивную форму. Это заметил наш руководитель по физподготовке батальона и пригласил меня в гимнастическую секцию. Там я занимался два месяца и выполнил норматив третьего разряда по спортивной гимнастике. Затем ещё через три месяца выполнил норматив второго разряда, по той же дисциплине. Надо сказать, что в то время разрядников было в батальоне мало, человек десять на весь батальон, не больше. Вот в этой когорте был и я.

Занимаясь гимнастикой, я в свободное время играл и в волейбол, в этом же зале. Постепенно волейбол меня перетянул к себе, мне играть нравилось больше, чем качаться на снарядах. Конечно, при моём росте 176 см в нападении было играть сложно, но за счёт прыжка мне удавалось атаковать через сетку, но основная моя обязанность была защита, где благодаря моей исключительной реакции, я вытаскивал «мёртвые мячи». А когда я попал в полк, то там, посмотрев на меня, как на волейболиста, капитан команды сразу взял меня в полковую волейбольную команду. Я с командой и тренировался, и выступал на разных соревнованиях. Но ещё я играл и в футбол, хоть я в совхозе мало научился играть в футбол, но всё-таки опыт был, и меня взяли в полковую команду футболистов. Но я вам хочу написать не о своих волейбольных или футбольных подвигах, тем более что значимых подвигов-то и не было, а о двух случаях на нашей полковой спартакиаде. Заверяю вас, что даже если вы не любите спорт, то, о чём я напишу, читать вам будет интересно. Наше полковое командование решило провести, полковую спартакиаду, в ней могут принимать участие все желающие жители нашего городка и даже гости, кто изъявит желание. Событие это для нашего закрытого городка вызвало невероятный интерес, ведь можно и самому поучаствовать в соревнованиях, и вообще, как говорится, на других посмотреть, и себя показать. Не секрет, что многие женщины офицеров нашего полка, в той или иной степени, занимались спортом, и им хотелось на глазах молодых и здоровых парней показать, на что они способны. Одним словом,

ажиотаж был невероятный. Надо учесть, что телевидения тогда не было, и смотреть было не чего, так что спартакиада была кстати.

О том, что такого-то июля, будет полковая спартакиада, заранее несколько раз объявили по радио, затем развесили объявления по всему городку, и даже на польской ж/д станции. Пригласили соседней второй танковой полк, и, в частности, их волейбольную команду. Финальную часть спартакиады, решено было провести за два выходных дня, субботу и воскресенье, а соревнования начались за неделю раньше, футболисты выявляли, кто будет играть в финале. И вот настала первый день соревнований, в этот день должны соревноваться легкоатлеты. К началу соревнований на стадионе собралось много народа, даже Кутихин привёл своих девушек со станции, надстроенные трибуны не вмещали всех желающих, многие просто стояли вокруг секторов, где выступали спортсмены. Участия в легкоатлетических соревнованиях, я решил не принимать, думаю, мне футбола и волейбола будет достаточно.

Всё футбольное поле было размечено на сектора, соревнования шли одновременно: по прыжкам в длину, метание диска, толкание ядра, ну и ещё что-то. Скоро должны начаться соревнования по бегу, поэтому, я с боксёрами Максимовым и его коллегой по боксу Виктором, сели в третьем ряду, поближе к беговой дорожке. Володя Захаров и Ильин, сидели ниже нас, но были рядом и поэтому разговаривали с нами. Сели мы специально, недалеко от беговой дорожки, где должны проводиться соревнования по бегу на сто метров для женщин. Для нас солдат, которые почти три года практически не видели женщин, посмотреть на них было в удовольствие. На старт вышли пять женщин одетых, в какие-то кофточки и трико не понятного цвета, и стоят, ждут, наверное, старта. Лично мне смотреть на них было не интересно. Ну, на что там было смотреть. Стоят пять женщин, как будто они пришли не на соревнование по бегу, а в магазин. Но они стоят как бы на старте и чего-то ждут. По всему видно было, что там произошла какая-то заминка, старт всё откладывался.

Затем я смотрю, а на старт выходит ещё одна спортсменка, но одетая она не так, как другие, а на ней был ярко-красный купальник. Вы понимаете, в солдатской среде такое одеяние выглядело настолько дико, что другого слова я и подобрать не могу. Появиться в таком одеянии на, голодных до женского тела, мужских глазах, это все равно, что раздеться до наготы, в любом мужском обществе. Как лично я воспринял такой её поступок? Вы знаете, сначала это меня шокировало, и в мыслях я осудил её за лёгкость поведения. За всю свою жизнь я не видел такого даже в

кино. Тем более надо учесть, что я родом хоть и северного, но всё же Кавказа, а там у женщин порядки строги, и я приучен к этим порядкам. Так что сами понимаете, как на меня это подействовало. Вообразите, женщине около тридцати лет, брюнетка тело белое, не загорелое, среднего роста, выше средней упитанности, бёдра крутые, грудь высокая, еле вмещается в лифчик купальника, ну и всё остальное, соответственно. И, если честно, то показывать мужчинам у неё было что. Я больше чем уверен, все мужчины, которые были на стадионе, смотрели только на неё. Ну ладно, что теперь делать, раз вышла в купальнике, пусть и бежит в нём. Дан старт забега, она вместе с другими участниками забега пробежала пол дистанции и безнадёжно отстала от остальных участников забега, затем захромала (излюбленный трюк спортсменов-неудачников) и остановилась. Сошла с беговой дорожки, встала на зелёном газоне футбольного поля, подбоченилась, и давай демонстрировать всему стадиону свои прелести.

От быстрого бега, она запыхалась, тяжело дышала и поэтому грудь её то поднималась вверх, то опускалась вниз, ещё больше подчеркивая её размер. Так она красовалась минут пять или семь, затем к ней подошёл какой-то офицер и увёл её за трибуны. Кто первым пересёк линию финиша, я не знаю, но победу на стадионе одержала она, эта смелая и красивая женщина. Я уверен, что так же как я, все солдаты запомнили эту красивую женщину на долгие годы. В общем она чего хотела, того и добилась, а соревнование на беговой дорожке, это дело десятое. Как только наша красавица ушла, на стадионе стало как-то тоскливо, не было объекта, который вызывал бы интерес.

Но соревнования продолжались, и главный судья объявил по радио, что соревнования по прыжкам в длину заканчиваются, и приготовиться спортсменам по прыжкам в высоту. А дальше он продолжил: «Кто ещё не записался на участие в прыжках в высоту, прошу записываться у судейского столика. Тут Максимов у меня спрашивает: «Сеня, а ты когда-нибудь, участвовал в таких соревнованиях, ну в армии или до армии?» — «Да, — отвечаю я, — на спартакиаде в совхозе, между прочим, я там поставил рекорд по прыжкам в высоту» — «Да ты что? — искренне удивился Максимов, и какой же твой рекорд?» — «145 сантиметров, гордо ответил я» — «Ну, 145 это ни так много, но это же было давно, так что 155 сантиметров ты сегодня возьмёшь. Как ты думаешь, Виктор?» — обратился он к своему товарищу. «Я думаю, 155 сантиметров ему под силу, а может и больше», — ответил тот. «Ну, раз ты так думаешь, то почему же мы тогда сидим? Ты, Витя, иди в судейскую и запиши Чухлебова

участником соревнований по прыжкам в высоту, а я пойду к главному судье и попрошу, чтобы он нас записал судьями этих соревнований. И, кстати, узнай, какой рекорд полка по прыжкам в высоту», — дал задание Виктору Максимов. Они тут же оба подхватились и ушли. Они ушли, а я думаю, странное дело, они за меня решили, что я должен прыгать в высоту, а я и не собирался выступать. Как же быть? Ну ладно думаю, вот они оба придут, и там разберёмся.

Через несколько минут появляются оба организатора, Толик (мы его так называли между собой) говорит: «Так, Сеня, ты записан в участники соревнований, твою начальную высоту я записал 145 сантиметров, сначала её возьмёшь, а потом будем двигаться дальше. Рекорд же полка 155 см. И ещё, мы с Виктором судим эти соревнования, так что учти, не подводи нас. Как ты думаешь, Витя, Сеня не подведёт нас?» — «Не подведёт, — уверенно сказал Витя. Он был не многословен и поэтому отвечал короткими фразами. Вскоре судья-информатор объявил, что соревнование по прыжкам в длину закончилось и начинаются соревнования по прыжкам в высоту. Судьям и участникам этих соревнований прибыть в сектор для прыжков. Мои товарищи-судьи ушли, а на и место сели два Володи, Захаров и Ильин. Захаров сразу ко мне с вопросом: «Сеня, я слышал, что ты будешь прыгать?» — «Да вот, — говорю ему, — твои земляки заставляют меня ставить рекорд полка по прыжкам в высоту» — «А получится? — поинтересовался Захаров. «Не знаю, — отвечаю ему, — Максимов утверждает, что получится» — «Да, — задумчиво протянул Володя, — Толик такой, он наперёд знает как всё будет, и что характерно, редко ошибается». А соревнования по прыжкам в высоту уже шли полным ходом. Стиль прыжков у нас у всех был одинаков, так называемый «Ножницами», гораздо позже появился новый стиль «Перекидной». Им очень хорошо пользовался наш олимпийский чемпион Валерий Брумель, он установил несколько мировых рекордов, но затем попал в ДТП, и на этом рекорды его оборвались. Позже появился новый стиль так называемый «Фосбери-флоп» Этот прогрессивный стиль прыгуны в высоту используют до сих пор. Но, к нашему сожалению, тогда о таких видах прыжков ещё не было известно, да и Брумель устанавливал свои рекорды гораздо позже, так что будем прыгать своим способом.

На полковом стадионе, участники начали прыгать с высоты 120 сантиметров, пока дошли до моей высоты из прыгунов, никого не осталось, все благополучно сошли, не взяв высоту 145 сантиметров. Я разминался, когда услышал по динамику

информацию, что на сектор по прыжкам в высоту вызывается старший сержант Чухлебов. Я пришёл в сектор, там возле планки, через которую я должен прыгать, стояли Толик и Витя. Я, как был в сапогах и форме, так и прыгнул, взял 145 сантиметров. Максимов говорит: «Снимай сапоги, сейчас будет высота 150 сантиметров». Ладно, думаю, 150 так 150, возьмём и её, только сапоги действительно надо снять. Снял сапоги, ремень, портянки и налегке пошёл на планку. Взял без труда как мне показалось, даже с небольшим запасом, спросил об этом у Толика, тот подтвердил, что запас был сантиметров пять. Ну и хорошо думаю, значит 155 см, возьму, но на всякий случай снял гимнастёрку, в таком деле лишний вес ни к чему. При том, что я раздевался прямо здесь на разгонной дорожке, на глазах у всех присутствующих на стадионе. А в это время по динамику судья информатор объявляет, что Старший сержант Чухлебов идёт на повторение рекорда полка, и попытается взять высоту 155 сантиметров. Перед разбегом я посмотрел на трибуны, люди практически все подтянулись в сектор для прыжков в высоту, объявление судьи информатора вызвало у народа ажиотаж. Ну ладно, что же это я стою мне надо же прыгать. Разогнался, прыжок, и чувствую что планку не задел, значит, рекорд полка повторил. После моего прыжка на трибуне послышались редкие хлопки и не внятное «Ура» и «Молодец». Ну, думаю, и на этом спасибо. Я ещё не вылез из ямы с опилками куда приземлялся, а судья информатор сообщает, что старший сержант Чухлебов идёт на побитие рекорда полка, который держится уже семь лет. Думаю, кто же это заказал такой результат? Смотрю, от судейского столика ко мне бежит Максимов. Подбегает ко мне и говорит: «Слушай, Сеня, я заказал 160 сантиметров, это на пять сантиметров выше рекорда полка. Сеня, надо эту высоту взять и ты навечно войдёшь в историю нашего полка как рекордсмен по прыжкам в высоту». А что, думаю, войти в историю, пусть даже отдельно взятого полка, это неплохо. Будем пробовать бить давнишний рекорд. А Максимову говорю: «Ты Толя хорошо сделал, что заказал такую высоту, история это хорошо. Только Толик надо бы стойки немного передвинуть, а то в толчковом месте грунт разбит, и он стал мягкий и толчок получается не такой сильный. Вы с Витей подумайте над этим, а я пойду готовиться бить рекорд полка».

Иду к линии разгона, а сам смотрю на трибуны, народ буквально валом повалил ближе к месту прыжков, а как же, всё-таки рекорды не каждый день бьют. Подхожу к своему месту, где я разделся, смотрю на первый ряд трибуны, а там сидит наш Акимушкин, а рядом с ним его жена, рыженькая блондиночка, и я

вам скажу очень симпатичная. Рядом с женой Акимушкина сидит, кто бы вы думали? Да вот именно та самая, которая покорила весь мужской люд стадиона. Только теперь она была одета не в ярко-красный купальник, а в костюм бежевого цвета.

Я смотрю на неё, а она смотрит на меня и улыбается, но я глазам своим не верю, что такая красавица пришла посмотреть, как я прыгаю. Но это действительно так, она и жена Акимушкина о чем-то говорят между собой и всё время на меня поглядывают, я это прекрасно вижу, так как они находятся от меня в десяти метрах. Я, чтобы дать мышцам ног отдохнуть, сел на зелёную травку, вытянул ноги и сижу, а сам созерцаю публику. Вот сидит мой взводный со своей женой и нашей красавицей, чуть выше Володи Захаров и Ильин, а вокруг них почти вся наша рота, да и не только наша, тут вижу и солдат первой, и второй рот, так что, как говорится, все в сборе.

Посидел немного, поотдыхал затем думаю, ну что же, все в сборе пора и рекорд «бить», а то судья уже третий раз вызывает меня на старт. Я с газона поднялся, немного на месте попрыгал, чтобы размяться, посмотрел на планку, которую мне предстояло перепрыгнуть, затем на судей, моих друзей, Толика и Витю, которые стояли возле планки, и в это время я услышал голос Максимова: «Сеня, давай, эта высота тебе по силам». Ну что же думаю, раз по силам, так мы её и возьмём. Разгоняюсь, отталкиваюсь, и чувствую, что грунт твёрже, чем был до этого, значит, Толя с Витей над ним поработали, перелетаю планку и чувствую что брюками задел её, думаю, упала или нет? Приземлился, смотрю, а она, как лежала на гвоздиках, которые забиты в стойки, так и лежит. Значит, рекорд полка по прыжкам в высоту побит. Я ещё не поднялся с прыжковой ямы, слышу возгласы одобрения и дружные хлопки в ладошки. Максимов и Витя подходят ко мне, поздравляют с установлением нового рекорда полка по прыжкам высоту, и Толик тут же говорит: «Сеня, на достигнутом результате, останавливаться не будем, следующим прыжком установишь новый рекорд. Думаю, ну что за Толик, у него как-то всё легко получается, как будто ставить рекорды это все равно, что пироги печь. Толик меня поздравил, и сам, куда-то убежал, а я иду к месту разбега и слышу по стадиону судья-информатор объявляет: «Старший сержант Чухлебов установил новый рекорд полка по прыжкам в высоту, и теперь он равняется 160 сантиметров, поприветствуем нового нашего рекордсмена. Из трибун раздались крики: ура! И дружные хлопки. Но я шёл и смотрел, как реагируют на мои действия две известные нам дамы, они тоже дружно аплодировали и что-то кричали. Пришёл к месту, где я раздевался, думаю, ну хватит

прыгать, поставил рекорд полка и довольно, и стал одеваться, как вдруг слышу голос судьи, он объявляет: «Старший сержант Чухлебов, хочет побить свой же рекорд полка, преодолев планку на высоте 165 сантиметров, давайте поприветствуем его и пожелаем ему удачи!» Думаю, кто же это там мне подсуропил, смотрю в сторону судейского столика, и как вы думаете, кого я там вижу? Ну конечно Максимова, в этом виде спорта, он разбирается лучше меня, какую высоту я возьму. А народ на трибуне шумит, требует новый рекорд, то и дело слышатся голос моих друзей: «Сеня, давай рекорд, ты сможешь!» После того как судья объявил что я пойду на новый рекорд, народ повалил валом даже не на трибуну, там мест уже не было, а окружили сектор моего разбега и мне не стало видно моих главных болельщиц. Они тоже возмущённо отгоняли тех, кто им загораживал видимость. Я решил, что надо помочь моим болельщицам, подозвал к себе Максимова и как судью попросил его удалить лишних людей куда подальше, чтобы сектор обзора, для мною обожаемых дам, был свободен. Толик, с красной повязкой на рукаве, на которой написано «судья», настойчиво попросил любопытную публику удалиться подальше от сектора для разгона, так как они мешают спортсмену сосредоточиться на прыжке. Люди не довольные, но разошлись, и я снова увидел желаемых мною дам. А судья-информатор, всё больше создаёт ажиотаж среди болельщиков, его голос то и дело слышно, вот что он сказал: «Дорогие товарищи, друзья, я сужу четвёртою спартакиаду нашего полка, но такого ажиотажа никогда не было, и всё это благодаря нашему рекордсмену, старшему сержанту Чухлебову. Давайте ему ещё поаплодируем, и пожелаем ему, чтобы он побил свой же рекорд». С трибун раздались аплодисменты, ну что, надо прыгать, хочешь ты или нет, а надо, народ требует ещё один рекорд. Я поднялся, попрыгал на месте, затем разогнался и прыгнул, но ещё в полёте я понял, что планку не возьму, так как неудачно оттолкнулся от земли.

Я упал в яму приземления, а вслед за мной упала и планка. Народ разочарованно вздохнул. Снова иду к месту разбега, думаю, что надо сосредоточиться на отталкивании, и тут меня догоняет Максимов и говорит: «Сеня, снимай штаны и майку, они тебе мешают прыгать. Вот посмотришь, тебе будет легче, и ты эту высоту возьмёшь». Я ему возражаю: «Слушай, Толик, ну майку-то ладно, а штаны я снимать не буду, ну неудобно столько народу, а я буду без штанов, в армейской среде такое не принято». Толик вскипел и почти закричал на меня: «Подумаешь, удобно-неудобно, рекорд надо поставить такой, чтобы его лет десять не могли побить, а то твои 160 сантиметров могут побить в

следующем году и тогда твоё имя все забудут, а так будут поминать ещё лет десять. Ты хоть это понимаешь?» Я то его понимал, и мне бы так хотелось. Но меня сдерживала стыдливость, трусы-то у меня солдатские семейники синего цвета, они хоть и новые, но не спортивные. Ну что я в них буду перед народом щеголять, да и ноги у меня волосатые, да так, что как будто я в чёрных гетрах, а тут женщины сидят недалеко. Нет, не могу я перешагнуть этот порог. Я о своих проблемах сказал Толику, но он не тот человек, чтобы его какие-то трусы остановили, пусть они даже старые и белесого цвета, а волосатые ноги он считал это мужским достоинством, а не пороком, так что, по его мнению отказываться от прыжка нет причин. Толик наклонился ко мне и говорит: «Ну что ты заморачиваешься на трусах, да своих волосатых ногах, главное установить новый рекорд, а кто его установил, обезьяна или человек, потом никто разбираться не будет». Толик видит, что я не тороплюсь снимать штаны, он буквально закричал: «Да снимай же ты штаны, затем поворачивается к трибуне и им говорит. Ну что с ним поделаешь, не хочет снимать штаны, видите ли, у него волосатые ноги так боится, что вы смеяться над ним будете. Вы же не будете смеяться?» — «НЕТ!» — эхом отозвалась трибуна. Я в это время сидел на траве, Толик повернулся ко мне и говорит: «Слышал, Сеня, никто над тобой смеяться не будет. Так что, давай, а то судья может прекратить соревнование из-за затяжки времени». Если честно, то я своё тело не стеснялся показать. Кожа у меня от природы смуглая, да ещё на полигоне загорел, а спорт я люблю и поэтому в меру накачан, так что с этим у меня всё в порядке, за исключением, ног и рук, от кистей до локтя, на них был густой волосяной покров.

Ну что делать, надо снимать штаны, люди и в самом деле ждут. Я медленно снимаю штаны, а Толик меня всё торопит, тут и судья не выдержал моей тягомотины, прибежал ко мне и почему-то в мегафон кричит: «Ты почему так долго, ведь народ тебя ждёт, они хотят увидеть новый рекорд, давай быстрее на старт». А с трибуны, какой-то голос кричит: «Даёшь, Сеня, рекорд, знай наших. В общем, к удовольствию всех присутствующих на стадионе высоту 165 см налегке я взял свободно, а вот следующая высота 170 см мне даже в трусах не покорилась. Правда некоторые горячие головы предлагали мне и трусы снять, но это уже слишком, даже Толик отверг такое предложение. Разумеется, это была шутка, и народ над ней похохотал.

Соревнования закончились, народ весело расходился по домам, кто строем, кто парами, как говориться, праздник удался, я шёл со своими друзьями «Секундантами», по дороге мы догнали

ту красавицу со стадиона, она меня попросила проводить её домой. Я узнал, что её зовут Регина, и она не замужем, работает в госпитале медсестрой, потом мы с ней несколько раз встречались, но затем я уехал и на этом встречи прекратились. А ещё меня сразу после спартакиады, Акимушкин, пригласил, к себе на ужин, по просьбе его жены, но я, об этом уже писал, так что повторяться не следует. В заключение этой статьи я вам хочу рассказать один анекдот, возможно, он вам покажется интересным.

АНЕКДОТ

На кухню заходит мальчик и говорит маме: «Мама, а папа говорит, что мы произошли от обезьяны». А мать, с возмущением, говорит: «Так вот он почему не везёт меня к своим родителям».

Вот такой дурацкий анекдот. Кстати сказать, гораздо позже, когда я уже был женат, и дома рассказал в своей семье этот анекдот, то жена и её две сестры надо мной долго смеялись, намекая на мою волосатость, и на то, что я долго не вёз жену знакомить со своими родителями. Ну, вот и всё, пока я вам рассказывал, мы приехали в город Вроцлав, где я три года буду жить и работать.

ГОРОД ВРОЦЛАВ (АВТОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД)

Вроцлав старинный польско-немецкий город, улицы узкие, дома высокие, шести и семиэтажные, все как один, серого цвета, видно у немцев это был любимый цвет, а теперь он достался и полякам. Приехали на завод, на котором мне предстояло начинать свою трудовую деятельность. Предприятие аккуратное, немцы делали все на совесть, здания стоят компактно, огорожено сплошным бетонным забором, ворота металлические, «глухие». Проходная с калиткой. За территорией завода, построены домики для работников предприятия, рядом с ними расположен стадион, где я буду проводить своё свободное время. Поселили нас в общежитие в четырёхэтажном здании, которое находилось здесь же, на территории завода. Комнаты в общежитии довольно свободные, мы там жили по три или четыре человека. На другой день мы пошли оформляться на работу. Меня определили в моторный цех. Первые дни я кем только и не работал: и такелажником, и обкатчиком моторов, затем меня поставили на разборку старых двигателей, и только в феврале месяце, когда сборщик моторов ЗИС-5 и Студебеккер, Михаил Крамаренко собрался уезжать домой, меня поставили к нему помощником, чтобы я его затем заменил. Первое время платили мне, как помощнику моториста, по 600 злотых и столько же рублей шло на вкладную книжку. По тому времени зарплата небольшая, но я не паниковал, думал, что всему своё время. Мне с Михаилом работалось легко, я быстро освоился и уже через пару недель самостоятельно собирал двигатели, и сдавал их на обкатку на обкаточный стенд, где работал Виктор Клименко. Михаил же все рабочее время, в основном, сидел в заливочной комнате, у Герты. Герте, на вид лет 38–40, по национальности немка, работала на нашем заводе заливщицей, то есть заливала баббитом подшипники шатунные и коленные подшипники двигателя, а так же паяла радиаторы и топливные баки для автомашин. Герта постоянно опаздывала на работу, и всякий раз подходила ко мне и говорила: «Симон, ты никому не говори, что я опоздала», хотя её опоздание видел не только я, но и все работники цеха, так как её заливочная находилась в самом конце сборочного цеха. Но зачем она предупреждала меня, я терялся в догадках, может я ей просто нравился, и ей хотелось со мной первым пообщаться, хотя, кто их знает, этих женщин. С Михаилом мы первое время дружили, пока между нами не пробежала «чёрная кошка», а

случилось это уже перед самым отъездом Крамаренко. Было это так.

Курить, в цехе запрещалось, и для курильщиков это была проблема, особенно зимой. В цеху было тепло и мы все работали в лёгкой одежде, а на улице холодно, и чтобы туда идти надо одеваться, а чистое пальто не оденешь же на грязную одежду, вот все и ходили курить к Герте в заливочную мастерскую, или просто «заливочную», как мы её называли. В ней собирались все куряки, тем более, что она и сама курила. Я не курил и туда обычно не ходил, но как-то раз, не знаю почему, решил зайти. Захожу, и прямо у порога мне Герта с улыбкой кричит: «Симон, ты опоздал, сидеть тебе негде, за это бросай злотый вот в эту коробку и показывает рукой куда бросать». Я не ожидал такой дурацкой идеи отъёма денег, и поэтому мне это очень не понравилось, не просто, потому что мне жалко, одного злота, так как это ничтожно малые деньги, а просто сама идея дурацкая.

Я стою посреди комнаты, на скамейке сидят трое курят, ещё трое штрафников стоят тоже курят, и все надо мной смеются, мол, попался, так плати. Но я платить и не думал. Михаил сидел в ободранном кресле, как гуру, низко наклонив голову, и в разговор не вмешивался. Герта по моему лицу поняла, что она сказала то, что мне не по душе, улыбка слетела с её губ, и она растерянно смотрит то на меня, то на Михаила, как бы ждёт от него помощи. Пауза затянулась, наконец, Михаил поднял голову и говорит: «Такой здесь заведён порядок, все платят, и ты плати». Как только он сказал, что заведён такой порядок, я сразу понял, что это он завел этот порядок, наверное, чтобы хоть как-то помочь своей женщине, у которой от него ребёнок. Меня это ещё больше разозлило, и я ему сказал: «Знаешь что, Михаил, если ты хочешь помочь своей женщине, то мог бы придумать, что-нибудь и поумней, а не оскорблять своими глупыми идеями других. Лично меня ты обидел до глубины души». Но Крамаренко не тот человек, чтобы выслушивать мои нравоучения, он на десять лет старше меня и, разумеется, гораздо опытней, да и в грязь лицом не хотел удариться перед другими свидетелями. Ведь они здесь рядом и всё видят и слышат. Михаил поднял голову и сказал: «Раз тебе жалко злотый, то уходи и больше сюда не заходи, умник нашёлся, ещё учить он меня будет» — «Да нет, Михаил, денег мне не жалко», — достал из кармана бумажник, вынул сотенную купюру и положил в замусоленную пластиковую коробку. Делая это, я продолжал говорить: «Дело, Крамаренко не в деньгах, а в подходе, как они изымаются, и не надо мне указывать, куда ходить, а куда не ходить. Здесь не твоя квартира, а государственное учреждение. Положил злотые и ушёл. Через день

Михаил уезжал, знаю, что он делал проводы, но меня не пригласил, ну этого и следовало ожидать. Сегодня Крамаренко должен уезжать вечерним поездом, думаю, значит, часов в шесть он должен садиться на автобус. Я то и дело поглядывал в окно общежития на автобусную остановку, всё-таки не хотелось вот так с Михаилом расстаться, надо его нормально проводить, или хотя бы попрощаться и пожать ему руку. В очередной раз я выглянул из окна и увидел что, Михаил с чемоданом стоит на автобусной остановке, а рядом с ним Герта и Николай, парень с которым они жили в одной квартире. Я быстро оделся и пошел на автобусную остановку, ладно, думаю, провожу его, а на прощанье, что он мне скажет, то и будет.

Подхожу к ним, они все трое вопросительно смотрят на меня. У Герты лицо строгое напряжённое, у Николая такое же, и только Михаил смотрит на меня с каким-то интересом и с улыбкой на губах. «Ну что, всё-таки решил проводить своего учителя, а я уже думал, что и не придёшь». Я чувствую себя как бы виноватым за то дерзкое высказывание, и говорю ему: «Михаил, ты прости меня за мою несдержанность» — «Да ладно, — перебил меня он, — нашёл, о чём говорить на прощанье, в жизни ошибаются все, только кто не живёт, тот и не ошибается, давай забудем…» Он не закончил мысль, подошёл автобус, и ему надо было садиться в него. На прощанье мы обнялись, в этот момент на ухо он сказал мне: «Сеня, у меня к тебе просьба, как можешь, помоги Герте, ей трудно будет без меня». Затем он вошёл в автобус, а за ним туда вошли и Герта и Николай.

Я шёл в общежитие, а сам думал: «Как я могу помочь Герте? Ну что мне отдавать ей свою зарплату, что-ли? Но я не так много получаю, чтобы делиться своей зарплатой, сам ещё хожу в солдатской одежде, так что прямо не знаю, что и делать. Ну и задал ты мне, Михаил, задачу на прощанье, очень трудную, и в данном случае не выполнимую». Как из этого положения выходить я не знал. Потом решил, торопиться не надо, поживём, увидим. На другой день, я вышел на работу и странное дело, те куряки, которые были в заливочной, со мной не стали общаться, даже мой друг Виктор Клименко, не стал мне пожимать руку, а только кивал головой в знак приветствия. Думаю, за что они на меня обиделись? За то, что я их защищал от несправедливости? Ну, в общем, не знаю, в чужую душу не залезешь, как идёт, так пусть и идёт. А вот пан Льяна, по национальности поляк, который у нас на заводе работал шлифовщиком цилиндров, подошёл ко мне, пожал мне руку и сказал: «Молодец, правду надо защищать». С тех пор у нас с ним стали дружеские отношения. Но все же, холодное отношение курильщиков ко мне, меня как-то задевало,

и я решил своими чаяниями поделиться со своим товарищем Анатолием Мальцоном, нашим мастером ОТК. Мальцон был старше меня на четыре года, он уже имел среднетехническое образование, да и вообще, он начитан и умница. Воспитывался в интеллигентной семье, отец его врач, мать учительница, было от кого научиться, не чета мне. Так вот, что он мне по этому поводу сказал: «Сеня, ты знаешь поговорку: «Не делай добра не получишь зла»" — «Да знаю, я эту поговорку, от мамы постоянно слышал, только я думал, что она ко мне не относится» — «А зря, народные пословицы относятся к нам к каждому, ведь это не просто слова, а жизненный опыт. Вот, кажется, ты сделал доброе дело и защищал товарищей от произвола, пусть в малом масштабе, но всё же это произвол, и они, почему-то на тебя обиделись. Зададим вопрос, почему? И получаем ответ. Да потому что они тебе просто завидуют, вот ты смог сказать о несправедливости, а они не смогли, а почему не смогли? Да потому что струсили, они минимум четыре раза в день ходили в заливочную курить и клали в ту баночку, по одному злоту, и молчали себе в тряпочку. Как говорится, жили по принципу, моя хата с краю, говорят, значит надо делать, вот и весь их принцип. А ты пришёл и всё эту их затею поломал, вот они на тебя и злятся, ведь ты по сравнению с ними ещё пацан, а смог так поступить, а они не могли. Да ладно, Сеня, плюнь ты на них, у тебя есть настоящие друзья, спортсмены, кстати, ты сегодня на тренировку пойдёшь?» Я Мальцону ответил, что приду и на этом мы с ним расстались. Прошло уже более двух недель, как уехал Крамаренко, я самостоятельно работал на сборке двигателей, конфликт начал забываться, Герта со мной стала здороваться, да и остальные мало-помалу общались со мной, только два человека: Петухов, наш кладовщик, и Николай, сборщик двигателей ГАЗ-51, продолжали не общаться со мной. Ну, Николай понятно, он от меня получил по физиономии за дело, а почему Петухов на меня дуется, я так понять и не мог. Оказывается, ларчик, как говорится, открывался просто. Петухов хотел занять место Михаила возле Герты, а она его отвергала и всё заигрывала со мной. В присутствии Станислава восхищалась моей молодостью, выправкой, моими белыми, как снег, зубами. А его это злило, ему было уже за сорок, он был высокий и сгорбленный, да и зубы у него были жёлтые, прокуренные, ну и шут с ним, жил я без него и ещё сто лет проживу. А Герте я помог, правда, не сразу, а когда первый раз поехал в отпуск. Возвратился я из отпуска с контрабандой, удачно её продал поляку и выручил приличные деньги, вот тогда я Герте и вручил 1000 злотых. Так что просьбу Михаила Крамаренко я выполнил.

МОИ ТРУДНОСТИ В МОТОРНОМ ЦЕХЕ

Как вы уже знаете, я, с марта месяца 1958 года начал работать на сборке двигателей ЗИС-5 и Студебеккер. Эти машины были старой марки и их снимали с вооружения, мы машины полностью ремонтировали и отправляли на освоение целины. Как видите, в освоении целины я, хоть косвенно, но всё-таки поучаствовал. Двигатели, которые я собирал, по конструкции были сложные, и на их сборку я тратил много сил и нервов, и при этом, они почти в два раза были дешевле, чем двигатели марки ГАЗ-51 и ГАЗ-63, которые собирал моторист Иван.

Двигатели, которые я собирал, стоили 250 рублей штука, а двигатели, которые собирал Иван, стоили 400 рублей, хотя работы на них в три раза меньше, чем на моих двигателях. Спрашивается, где справедливость? Я за месяц, с переработками мог собрать максимум четыре двигателя и то, когда есть все детали. Но двигатели старой марки и запчасти на них уже не делали, так что работники завода ездили по воинским частям и собирали со складов, что ещё у них из запасных частей осталось. Но их поездки были не всегда успешные. Так что в месяц у меня получалось максимум три двигателя. Я как мог, добивался справедливости, ходил по всем инстанциям вплоть до директора завода, полковника Шапарева. Но и он развел руками и сказал, что ничего сделать не может, так как расценки делают в Министерстве обороны там же их и утверждают. Говорит что, разговаривал он в дивизии на эту тему, они обращались в Министерство обороны, но им сказали, что эти двигатели старые и скоро их в армии не будет, так что не стоит об этом и беспокоиться. У меня создалось ОООООвпечатление, что в Министерстве обороны, тогда сидели не люди, а какие-то дубы, им все равно, страдает кто от их решения или нет. По этому поводу о работниках министерства, того времени среди народа ходил такой анекдот. Для разрядки напряжённости я вам его расскажу.

АНЕКДОТ

Лесные звери решили через речку построить мост, потому что трава и другие съестные припасы на этом берегу заканчиваются, надо перебираться на тот берег, а речка горная и вода холодная, так что мост нужен позарез. Собрали звериный совет, чтобы решить, кого направить в Москву, в Министерство за

строительными материалами. На совете сидели и думали, кого же отправить, чтобы был толк. Решили отправить лису, она, мол, хитрая и всё что надо добудет. Но лиса отказалась, мотивируя свой отказ тем, что у неё малые дети и оставить их не с кем. Тогда предложили поехать волку, мол, он зубастый и все нужные нам материалы вырвет. Но волк тоже отказался, сославшись на то, что на самолёте он лететь боится, а поездом ехать очень далеко, да и поезда ходят плохо, так что не резон. После отказа волка звериное руководство было в растерянности, никто не хочет ехать в Москву, что делать. А в это время на пенёчке скромно сидел баран и всё это слышал, и когда все отказались ехать он говорит: «А давайте я поеду». Организаторы собрания обрадовались, что нашёлся хоть кто-то, который согласился поехать за строительными материалами в Министерство и решили отправить барана. Конечно, кандидатура барана была не совсем подходящая, как говорится, баран он и есть баран, но выбора не было и дали добро на его отъезд в Москву. Уехал баран, а звери ждут, когда он вернётся и с чем.

Прошла неделя, и вагоны со строительными материалами пошли друг за другом. Вагоны идут, а баран из командировки не вернулся. Барана нет, а вагоны только успевай разгружать. Уже завалили ими весь берег реки, затем начали складывать их на поляне, а вагонам и конца нет. Наконец из командировки вернулся баран, руководитель строительства медведь спрашивает у барана: «Ты нам расскажи баран, как тебе удалось в Министерстве выбить такое количество строительных материалов?» — «Да понимаете, как получилось. Приехал я в Москву, захожу в Министерство смотрю, а там сидят одни бараны, как увидели меня, все обрадовались, обнимаются со мной, называют меня братом. Затем спрашивают меня, зачем я к ним приехал. Ну, я им популярно объясняю, мол, таки так, хотим через речку построить мост, нужны строительные материалы. А они меня спрашивают: «А как вы хотите построить мост, вдоль речки или поперёк?» Этим вопросом они меня поставили в тупик, я им так и объяснил, что на этот счёт точных указаний не было, главный там у нас медведь вот он и решит, как надо строить. От такого вопроса все министерские бараны застыли в недоумении и я с ними. Но тут нас выручил старый баран, который сидел за столом у окна, наверное, он был главный у них. Так вот он говорит: «Послушайте меня, молодые бараны, мост надо строить вдоль реки, так будет надёжнее». После слов старого барана все загалдели, обрадовались что решение, наконец-то найдено, но тут снова со стороны министерских баранов последовал каверзный вопрос в мою сторону. Они спросили меня: «А какой длины у вас река?» Я снова оказался в

затруднительном положении, ну затем подумал и отвечаю им: «Ну, наверное, километров 150 будет». Снова все загалдели и говорят: «Будем обсчитывать материалы на 150 километров», и тут же дали команду отгружать строительные материалы в наш адрес. Ну а что было дальше вы знаете».

Этот анекдот появился в середине семидесятых годов прошлого века, но я его перенёс на конец пятидесятых годов. Думаю, что разницы между работниками министерств этих десятилетий, никакой не было, так в министерстве продолжали сидеть или те же работники, которые работали в пятидесятые годы или их дети, что одно и тоже, как известно яблоко от яблони падает не далеко. Так что в этих ведомствах ничего не поменялось. Я бы мог ещё больше развить эту тему, но у нас другая задача, так что думаю, о министерствах на этом мы и закончим, хотя нет. Конечно, они там в своих министерствах сидят, получают хорошую зарплату, а о простых людях, таких как я, они и не думают, а я тут в моторном цеху стараюсь хоть как-то заработать хотя бы 1000 руб./злотых в месяц и делаю для этого всё возможное. А вот их заверение, что скоро старые двигатели уйдут в небытие не оправдалось, их «скоро» для меня растянулось на целых три года, до конца моего контракта. Возможно сейчас в третьем десятилетии, да ещё в период рыночной экономики в министерствах произошли изменения к лучшему, а в то время был полнейший застой.

Вот теперь, наверное, хватит писать о министерствах, хотя у меня ещё есть стрелы которые я бы хотел пустить в их адрес, но это я оставлю для второй книги, а на сегодня хватит.

Теперь вернёмся снова в моторный цех. Что бы хоть как то увеличить свой заработок, я оставался после работы и разбирал старые двигатели: ЗИС-5 и ГАЗ-51.

Но дело это не простое, так как двигатели старые: болты, гайки, шпильки, головки блока так прикипели к резьбе, что иногда с одной шпилькой блока двигателя, провозишься больше часа, а их в блоке 32 штуки, и стоит один двигатель 25 рублей. Так что за вечер так намучаешься, что и никаких денег не захочешь, а утром к восьми часам снова на работу. Но, не смотря на такие трудности, я оставался после смены и работал, и таким образом мой заработок доходил до 1000 рублей/злотых. А моторист Иван, свою работу делал с прохладцей и за месяц свободно собирал четыре двигателя, а зарабатывал 1600 рублей/ злотых. Иван мог и больше двигателей собрать, но он этого не делал, чтобы расценки не уменьшили. Он был старше меня на двенадцать лет и, конечно, опытнее. По характеру он был подленький, дружил с Петуховым и поэтому частенько меня

задевал всякими колкостями. Как-то на эту тему у нас во дворе в курилке с ним произошёл конфликт.

Я не курил, но после обеда иногда подходил к столику, где сидели работники цеха и с ними разговаривал, пока было время обеда. В одной из таких посиделок Иван решил меня упрекнуть тем, что я мало зарабатываю, я ему возразил, что если бы ты работал на моем месте, то ещё меньше бы зарабатывал. Он парировал тем, что я не умею работать, и начал надо мной посмеиваться и всякие колкости бросать в мой адрес. Мне это надоело, и я его плечом толкнул так, что он полетел со скамейки на землю. Иван вскочил, взъерошенный, маленького роста, белобрысый, полный, фигура у него была квадратная, засунул руку в карман, вытащил из него нож и бросился на меня. Я не дал ему даже замахнуться рукой, зарядил ему с правой так, что выбил ему два зуба, разбил обе губы и нос. Он грозился мне всякими карами, на что я ему ответил: «Будешь язык распускать, в следующий раз, больше получишь». Иван ушёл в медсанчасть, а я в цех работать.

Я думал, что он пойдёт к начальству жаловаться, и меня скоро вызовут к следователю на допрос, но в этот день меня не вызвали, и на другой то же, а через три дня Иван вышел на работу с заклеенной губой. Со мной не здоровался, я думаю ну и шут с тобой и без тебя проживу. Прошло с того момента недели три, у Ивана всё зажило, нос выправился, но со мной так и не здоровался, проходил мимо моего верстака и на меня не смотрел. Мне такое положение не нравилось, я подумал, что надо с Иваном помириться, всё-таки работаем в одном цехе, да и Витька Клименко говорил мне, чтобы я к нему подошёл и помирился, Иван как будто бы не против этого. В этот же день, к концу смены я подошёл к Ивану, на его рабочее место и говорю ему: «Иван, ты меня извини, я тогда погорячился, и вот так, получилось» — «Да ладно, — не поднимая головы, сказал Иван, — я тоже хорош, сразу выхватил нож, так что мы квиты». Он поднял голову, улыбнулся, и я увидел, что у него нет двух передних зубов. Тогда я ему сказал: «Иван, ты знаешь, что я зарабатываю немного, но злотых 500 я тебе дам на зубы, а то в отпуск поедешь и без зубов». На что он мне ответил: «Я уже был у зубного врача, он сделал слепки и сказал, что завтра может вставить мне оба зуба. Деньги за это я уже заплатил, так что всё в порядке, спасибо за предложение, но всё уже решено».

Вскоре он вставил зубы и ходил по цеху сиял золотой улыбкой, хотя зубы были позолоченные, но смотрелись как золотые. Вот так мирно завершилась эта непростая ситуация.

ЧЁРНАЯ ПОЛОСА ГЕРТЫ

Казалось бы, в нашем цеху всё наладилось, но только не у Герты, она, в самом деле, попала в чёрную полосу. Сначала уехал Михаил Крамаренко, её кормилец, а совсем не так давно с ней случилась беда. Рабочий день уже шёл к обеду, я заканчивал сборку двигателя и торопился, чтобы к обеду отдать его Виктору Клименко на обкатку, и вдруг в цехе прогремел взрыв, да такой мощности, как будто где-то в районе заливочной выстрелили из пушки танка. Я сразу понял, взрыв мог произойти только в заливочной мастерской, там самое взрывоопасное место, потому что там огонь, да ещё Герта паяла горелкой бензобаки. Я бросил гаечный ключ и бегом в заливочную, открываю дверь и вижу, вся мастерская затянута дымом, на полу лежит Герта, раскинув руки в стороны. В стороне от неё лежала горелка с языком пламени, а в другой стороне лежал разорванный бензобак.

Я сразу понял, в чём дело. Герта, как следует, бензобак не пропарила и начала паять. От нагрева бензиновые газы скопились, вот он и взорвался прямо в её руках. Но сейчас рассуждать нет времени, надо устранить последствия взрыва и оказать помощь Герте. Я погасил горелку и стал поднимать Герту с пола, в это время подбежал Витя Клименко и ещё кто-то. Я вижу, что лицо Герты обожжено, а когда приподнял её, то увидел, что и руки сильно обожжены. Виктору Клименко говорю: «Витя, быстрее беги к дежурному по заводу за машиной, Герту надо срочно вести в наш госпиталь».

Виктор убежал, а Герта открыла глаза и говорит: «Симон, не надо мен в шпиталь, (польский язык) у меня же дети». Я ей говорю: «Герта тебе срочно нужна медицинская помощь, иначе полученные раны загноятся, и тогда твои дети вообще могут сиротами остаться». Мой довод оказался убедительным, и Герта согласилась ехать в госпиталь. Вскоре подошла машина, и дневальный по КПП сам её повёз на лечение.

В госпитале лечилась Герта около месяца, я к ней два раза ходил, носил кое-какие передачи, а когда она пришла на работу, то сразу подошла к моему верстаку и с улыбкой сказала: «Ну, вот, Симон (Семён она не могла выговорить и звала меня на иностранный манер Симоном), я вернулась на работу». Смотрю на неё и вижу, что обгоревшие брови выросли и вполне сносно выглядят, ожоги на лбу, носу, щеках зажили, но кожа была ещё молодая и они были красные. На этот счёт я пошутил: «Слушай, Герта, а тебе сейчас и румяна не нужны, ты постоянно румяная. Она грустно улыбнулась и показала свои забинтованные кисти

рук и говорит мне: «Руки ещё плохо зажили, но работать ими я смогу». Затем помолчала немного и добавила: «Ты же знаешь, я обычно паяю без защитных очков, а на этот раз как будто чувствовала, что может, что-то случиться не поправимое и надела защитные очки, вот они мне глаза и сохранили, а то слепая бы была». Я посмотрел на её грустное лицо и говорю: «Не грусти, Герта, как моя мама говорит: «хорошо то, что хорошо кончается», так что будем жить».

Прошло еще месяца два, я собирался в отпуск, Герта это знала и как-то в заливочной мастерской сказала мне: «Слушай, Симон, ты почему на меня обижаешься, не я же придумала эту дурацкую затею, со взносами?» — «Да что ты, Герта, я на тебя совершенно не обижаюсь, ты-то здесь причём? Я знаю, кто это придумал, да и давно это было, так что об этом можно и забыть» — «Симон, давай мы с тобой будем дружить, а то мне и поговорить не с кем, поделиться своей бедой или радостью» — «Ну, если ты только это имеешь в виду, то я согласен». Я уже взял вкладыши подшипников и хотел уходить, но затем остановился, положил вкладыши на стол и спрашиваю её: «А что случилось?» Герта тяжело вздохнула и говорит: «Моя дочь Аня забеременела от вашего солдата, который работает почтальоном. Прямо не знаю, что теперь и делать». Я спросил у неё: «А какой месяц, ну это». Слово беременная мне Герте говорить было неудобно, и я старался его не говорить. Герта меня не поняла, и переспросила: «Ты хочешь спросить меня, на каком месяце она беременна?» — «Ну да», — подтвердил я её догадку. «Да, махнула она рукой, уже седьмой месяц».

Меня это так поразило, я видел Аню давно, ещё зимой мы с Михаилом Крамаренко приходили к Герте в гости. Принесли всякие подарки, сели ужинать, сидим вчетвером: Герта, Михаил, я и двухгодовалая дочка Герты и Михаила. Герта сказала, что старшая её дочь Аня, в комнате и ужинать не хочет. Ну не хочет так не хочет, я тогда её ещё не видел, но знал что ей семнадцать лет и она, по словам Михаила, красивая. Сидим, кушаем, разговариваем, вдруг дверь комнаты открывается и в двери появляется молодая девушка, это была Аня. Она, среднего роста, брюнетка, со смуглой кожей лица. Действительно, девушка красивая и стройная, а главное в моём вкусе. Но я не стал показывать, что она мне понравилась, сделал равнодушный вид и продолжал разговаривать с Михаилом. Аня с нами поздоровалась, что-то у матери на немецком языке спросила, взяла со стола конфетку и снова ушла в свою комнату. На просьбу своей матери поужинать с нами она, брезгливо скривила губы, как бы показывая, было бы с кем сидеть, молча повернулась и ушла в

комнату. Такое её пренебрежительное отношение к гостю, меня напрягло, потому что её пренебрежительность относилась именно ко мне, так как Михаил был членом их семьи. Должен сказать, что говорила она на чистом русском языке, видно гены сказались (по словам Герты, отец Ани был русский), да и школа дала результат, ведь тогда в польских школах учили русский язык. С тех пор я Аню не видел, и поэтому запомнил её красивой и стройной, а седьмой месяц, это много, да и вид у Ани, наверное, совершенно другой. Но Герте я сказал: «Ну, а что ты расстраиваешься, теперь уж что-то предпринимать поздно, только, как вы будете жить на одну твою зарплату?» На что мне Герта ответила: «Да осталось нам вместе жить не долго, скоро Витя (почтальон) демобилизуется, они поженятся, и он увезёт Аню с ребёнком в Россию, там они и будут жить. Я знал, что так не будет, жениться русскому на иностранке совсем не просто тем более солдату, но расстраивать Герту не стал, сказал ей: «Ну, если так, то ладно».

Но, ладно не получилось, а вышло всё так, как я и предполагал, как только солдат-почтальон заикнулся командиру части о своей женитьбе, то через сутки он оказался в Бресте, а затем, в сопровождении офицера, он был отправлен на Урал, в Уральский военный округ, дослуживать свои полгода армейской службы. Такие порядки были в армии за границей. Хоть у нас и говорили что, «Курица не птица, Польша не заграница», но порядки были строгие, чуть что, сразу на поезд и до города Бреста, а там катись на все четыре стороны.

После того, как я напишу о Грете, я вам расскажу один случай, который произошёл с русскими парнями на вокзале города Вроцлав. Если конечно не забуду. Хотя забыть не должен.

Как только у дочери Герты женитьба с солдатом не состоялась, она вдруг любовью воспылала ко мне. Герта каждый день передавала мне от неё приветы, и просьбы прийти к ней в гости. Но я помнил то её пренебрежительное отношение и отвечал отказом, но Герта меня буквально умоляла пойти к ней и поговорить с Аней, а то, как бы она чего не натворила.

Глядя на Герту, как она меня просит, на её грустные глаза, я забыл об обиде и согласился прийти к ним. Согласиться-то я согласился, но думаю, чем я им помогу, им нужны деньги, ведь тех шестьсот-семьсот злотых, которые зарабатывает Герта, им явно не хватает, надо что-то придумать, а что я не знал. Как раз я собрался на тренировку по волейболу и решил поговорить на эту тему с Виктором Никутиным, он человек взрослый в звании капитана, так что он в этих делах разбирается лучше меня. После тренировки я Виктору рассказал о Герте и её проблемах, а ещё

рассказал в каком положении её дочь Аня. Виктор немного подумал, а затем сказал: «А чем ты им поможешь? Ане 17 лет, она на седьмом месяце, такую обузу никто на себя брать не будет, да ещё она не совершеннолетняя и на военный завод её не примут. Да вообще, почему ты вдруг стал беспокоиться об этой немецкой семье, ты помнишь, что они творили на нашей земле? Времени прошло не много, так что не должен забыть. А об этой семейке я тебе вот что скажу, что они русских вообще ненавидят. Ты здесь недавно, а я уже четвёртый год, так что наслышался о них. Эта же самая Аня нашему офицеру сказала, что она русских ненавидит, и это зато что он её на территорию завода в ночное время не пустил. «Ты подожди, ведь она забеременела от русского солдата. Что-то тут не вяжется. Да и Герта мне говорила, что отец Ани русский» — «Эх, Сеня, Сеня, как легко тебя обмануть. Ты только вдумайся в его имя и отчество, «Ефим Соломонович», понял какой он русский, вот такой же русский и наш почтальон, хоть и звали его Александр, но фамилия его Кацман. Вот такие они русские, кровь, знаешь ли, она притягивает. Мой тебе совет, выбрось эту затею из головы и пусть они живут, как и жили до этого, а то ты свой небольшой заработок на них ухлопаешь, а потом они тебе кукиш покажут». На этом мы с Никутиным расстались, в тот вечер я хоть и пообещал прийти к Герте, но не пошёл, слова Виктора во мне всё перевернули. После этого я с Гертой общался, но только по делу, других отношений у меня с ней не было. Позже я узнал, что Аня вышла замуж, за какого-то поляка, но жила с ним не долго, через полгода она снова вернулась к матери. А позже я вообще интерес к ней потерял, у меня появились другие заботы. А просьбу Михаила Крамаренко я выполнил, хотя об этом я уже писал.

СТРОГИЕ ПОРЯДКИ

Так вот, я вам обещал рассказать о строгих порядках за границей, в частности на нашем заводе. Правда так было не только на нашем заводе, так же было и военторге, и в госпитале. А вот тот случай, о котором я вам хотел рассказать. Я уже работал больше чем полгода как к нам приехал новый набор из Союза. Их было человек десять, но я хочу рассказать о двух парнях из Рязани. Работали они в столярном цехе, это далеко от нашего моторного цеха и поэтому я знал их плохо. Оба парня были невысокого роста, плотного телосложения, эти самые, ну вы меня понимаете, что я хотел сказать, так вот они у них красные, а на голове рыжие курчавые волосы. Ходили они по территории практически всегда вместе, при этом, когда они шли то всегда низко наклоняли головы как будто они что-то, искали. Так вот, из комнаты общежития, в которой жили эти парни, уезжал в Союз их товарищ, и как водится, были организованы проводы с размахом. Они погуляли в общежитии, затем надо было ехать на вокзал к поезду. По воле случая я тоже оказался в этот момент на железнодорожном вокзале города Вроцлава и видел все художества, которые вытворяли эти рязанские парни.

На вокзале в Польше вели они себя так, как будто они находятся у себя в Рязани. Шли по перрону тащили чемодан и две сумки при этом сильно качались от выпитого, спиртного и от тяжести ноши. Естественно, пассажиров они толкали, польские граждане возмущались, и делали рязанцам замечание, а те их посылали куда подальше, в общем, туда, где Макар телят ни пас. Было это ни раз, и ни два. В конце концов, польским гражданам это надоело, и они обратились в полицейскую дежурную часть, которая находилась здесь же на вокзале. Появились три полицейских с резиновыми дубинками на поясе и начали увещать разбушевавшихся рязанцев. Но рязанцев остановить было трудно, они полицейских посылали куда подальше, обзывали их фашистами, а когда это не помогло, то рязанцы полезли в драку на полицейских. Такого поворота событий полиция явно не ожидала, и в какой-то момент даже отступила, но рязанцам было этого мало, и они на расстоянии стали посылать в адрес полицейских угрозы и обзывали их фашистами. Тогда полицейские дружно отстегнули с пояса резиновые дубинки, и пошли в атаку на противную сторону. Сначала парни приняли бой, но большое количество выпитого спиртного, да превосходящие силы противника подавили их пыл.

За своё хамское поведение они получили град ударов

палками, а когда рязанцы перестали сопротивляться, на них одели наручники и сопроводили в полицейское отделение. Там они провели ночь, а утром их передали в военную комендатуру нашей части. В этот же день, их в сопровождении поездом отправили в город Брест.

По прибытии в город Брест, на вокзале, сопровождающий офицер проводит виновников «торжества» через таможенную, затем дальше через вокзал, выводит их на территорию братской республики Белоруссии. И езжайте, дорогие товарищи в свою Рязань. Вот так у нас поступали с нарушителями общественного прядка и с теми лицами, которые за границей роняют честь Советского человека. И ещё одно, о чём я узнал позже. Самое оскорбительное слово для польского гражданина это «ФАШИСТ». Он может вам простить русский или польский мат в его сторону, но если кто-то его обозвал фашистом, то он ему это не простит. Да оно и понятно, ведь после великой отечественной войны тогда прошло немного времени, и те беды, которые нанесли фашисты польским гражданам, были еще не забыты. Вот такие у нас там были тогда дела.

ЗНАКОМСТВО С МОЕЙ БУДУЩЕЙ ЖЕНОЙ

По выходным я с друзьями ходил в клуб госпиталя на танцы и там, познакомился с девушкой, медицинской сестрой из госпиталя, с которой я в выходные дни встречался, а затем к ней стал ходить после работы, когда был свободен вечер, иногда и ночевал у неё. А что не ходить? Как только я к ней прихожу, она сразу начинает печь блины, а блины, это тебе не сухой чёрствый хлеб в моей тумбочке в общежитии. Поешь блинчики со сметаной, и сразу настроение улучшается, и девушка, которая готовила их, делается симпатичней и милее. Ведь не зря же говорят, что, путь к сердцу мужчина лежит через желудок. Моя девушка Зоя об этом наверняка знала, и действовала безошибочно. Первое время по вечерам я к ней ходил практически каждый день, если я в этот день не работал сверхурочно. Зоя, со своей комнатной жиличкой Сашей, всегда были дома, и я к этому как-то привык, что Зоя домоседка и это меня устраивало. Но как-то один раз, в субботу вечером, прихожу, а их комната закрыта. Постучал, постучал, никто не открывает, пошёл в комнату напротив. Там жила Ира Плотникова, тоже медсестра из госпиталя, а с ней жила ещё одна медсестра из того же госпиталя по имени, как ни странно, тоже Зоя. Не высокая, золотокудрая и красивая. Она только один раз появилась на танцах в госпитале, и больше я её там не видел, куда она девалась, я не знал, до тех пор, пока не зашёл к Ире. Стучу в дверь, мне открывает Ирина, молодая женщина 27-ми лет. Черты лица её строгие и привлекательные, спортивная фигура — она хорошо играла в волейбол, где мы с ней и познакомились. Но тогда она меня за своего ухажёра не приняла, разница в возрасте велика и она мне откровенно сказала: «Семён, ты парень конечно хороший, но мне в ухажёры не подходишь, я на тебя смотрю, как на мальчишку, так что извини». С того момента я с Ириной больше не общался и даже волейбол в её команде не играл. Прошло полгода, я того её заявления не забыл, но в дверь её комнаты стучусь, чтобы узнать, где её соседки. Дверь открывается, на пороге стоит Ирина и сразу ко мне с вопросом: «Что, Семён, свою невесту потерял?» — «Да, — отвечаю, — потерял, а где она ты не знаешь?» — «Как не знать, мы же соседи они про нас всё знают, а мы про них. Вот так живём. Да ты заходи, что на пороге стоишь, чайку попьём, а за чаем я тебя в курс дела введу, какие у нас тут дела, и зачем мы девки сюда приехали, в том числе и твоя Зоя». Ира готовит чай, а сама говорит. А я думаю: «Что это Ира со мной такая любезная?

Раньше за ней такое не водилось». А Ира всё продолжает говорить: «Так вот, твоя Зоя со своей жиличкой уехали в город Бджег за женихами. Там стоит наш лётный полк, вот туда все медицинские сёстры и едут за женихами. Понимаешь Семён, каждая из нас хочет выйти замуж за офицера, и чем он выше рангом, тем лучше, статус его выше, а значит и мой, его жены он выше. Да и зарплата у них хорошая и, притом, регулярная, а для семьи, это очень важно».

За разговором Ира поставила чай на стол к нему сахар и печенье, пьем чай, Ира говорит, а у меня уже в груди всё кипит. Думаю, ну как это можно, со мной уже сколько времени встречается, а тут взяла и уехала нового жениха себе искать, это же предательство. А Ира как будто мои мысли подслушала и говорит: «Семён, вот ты сидишь со мной, чай пьёшь, а думаешь, о Зое и её в душе осуждаешь. А ты не осуждай ты войди в её положение» — «Да не хочу я входить в её положение, мне и в своём не плохо. Я не хочу её понимать, раз она со мной встречалась, значить я ей нравился, а тут вдруг в одночасье разонравился, ты мне скажи, как это называется?» — почти криком я закончил свою фразу. «Скажу, это поиск лучшей судьбы. Ты, Семён, решил, что ты для Зои лучшая судьба, а она так не считает, вот поехала за своим счастьем, которое называется офицер-лётчик. Вот я смотрю на вас, ребят из завода, вы приходите на танцы к нам в госпиталь и ходите по клубу такие горделивые, а чем гордиться, ведь вы работяги, так сказать низшее сословие нашего общества, ниже рабочего и колхозника никого нет. Да я тебя понимаю, что не было бы рабочих и крестьян, так и интеллигенция с голоду подохла бы. Это так, но выходить замуж за работягу, это значит подвергать себя и свою семью на вечную нищету, с которой уже никогда не вырваться».

Ирина закончила свой монолог, и я решил поставить её в тупик своим неожиданным вопросом: «Тогда ты мне, Ира, скажи, а как же чувства, любовь?» — «Ой, Семён, не смеши меня, после двух, максимум, трех лет совместной жизни, всё это забудется и останется только вечная нехватка денег, взаимные упрёки между супругами, а дальше, или развал семьи, или вечная неудовлетворённость в семейной жизни. Я, почему тебе об этом так уверенно говорю, потому что я, это уже проходила, и наступать на те же грабли, чтобы они своим черенком снова меня в лоб долбанули, я не хочу, вот и жду принца в звании майора или хотя бы капитана. А Бджег мне не подходит, там майоры и капитаны все женатые, а те, кто холостые, просто мальчишки, им 23–24 года, как ты сам понимаешь, они для меня не подходят, так что подожду, время у меня ещё есть».

Только Ира это проговорила, как открывается дверь в комнату и входит Ирина жиличка, по имени, Зоя. Ира с порога встречает её вопросом: «А ты что, в Бджег не уехала?» — «Я их ненавижу, этих долбаных «летунов» (Зоя так называет летчиков, да и многие девушки их так называли) ты знаешь, что они сотворили?» — «А что же они сделали?» — с интересом спросила Ира.

Я тоже наострил уши, думаю, что же лётчики с Зоей сделали? Дело в том, что Зоя думает, что она разговаривает только с Ирой, меня она не видит, так как я оказался за открытой дверью, поэтому смело начала рассказывать о своём происшествии.

«А вот что, — сказала Зоя, — Когда в прошлые выходные была у летунов, они пригласили меня в комнату, их там было четверо, ну это нормально, всегда так было, они меня напоили, раздели до основания, но это тоже нормально всегда так было, но, затем они меня положили на стол и стали на моём животе играть в карты. Ну, ладно, играете и играйте, они и раньше в этой комнате так делали, и все обходилось как надо. А на этот раз, какая-то сволочь всё это сфотографировала, и эти фотки передали нашему главному врачу госпиталя. Ну, скажи, Ира, не сволочи они? За это я их, ненавижу, я столько для них сделала добра, а они это не оценили. Да пошли они, куда-нибудь подальше. Одним словом, я сейчас от главврача, на меня уже есть приказ, завтра утречком, в сопровождении кого-то из военных, я еду до Бреста, а там, коленкой мне под зад, и лети, Зоечка, на все четыре стороны, — Зоя вздохнула, а затем продолжила, — А как всё хорошо начиналось. Бывало, приезжаем мы, девушки из госпиталя, человек 8-10, подходим к общежитию летунов, а они высовываются из окон общежития и кричат, Зоя, иди к нам, другие тоже зовут, почти из каждого окна общежития, хотят видеть только меня, ну прям я была нарасхват. В то время я была на вершине славы. Летуны каждой комнаты хотели меня заполучить. Ну, ты же знаешь, Ира, я добрая, никого не хотелось обежать, вот я и ходила из комнаты в комнату всю ночь, на сколько сил хватало.» Зоя вдруг замолчала, задумалась, видать, в мыслях, она была там, где ей было очень хорошо. Затем она как-то встрепенулась и спрашивает у Иры: «Ира, а у нас выпить, что-нибудь есть?» — «Да, есть, и водка и вино. Мы там называли, водкой русскую водку, «московскую» или «особую», а вином называли польскую водку «Сливянку», которая была наслоена на сливах и крепостью 27 градусов.

Зоя несёт бутылку водки и два стакана, затем она снова вернулась к шкафу и принесла «Сливянку». Всё это она поставила на стол и сама готовится сесть за стол. Меня Зоя по-прежнему не

видит. Но как только она закрыла дверь комнаты, то сразу увидела, чему была очень удивлена и, как мне показалось, обрадована, затем она воскликнула: «Ой, Семён, как я рада, что ты в нашей компании, а то думаю, завтра уезжать, и вышло бы что, я ночь проведу одна, ну теперь всё в порядке, хорошо, что ты к нам пришёл», — весело заговорила Зоя. Я вижу, что такой Зоин разговор, Ире не понравился и она своим грубоватым голосом резко осадила Зою: «А ты на чужой каравай рот не разевай, он пришёл не к тебе, а ко мне, поняла?»

После таких слов, Зоя обиделась, надула губы и отошла к окну, стоит там и теребит занавеску. Наступило тягостное молчание, я в их дела вмешиваться не стал, сами разберутся. Но, по этому поводу я подумал, что это Ира задумала, разве она забыла, что я, по сравнению с ней, мальчишка. Ну ладно, подумал я, посмотрим, что дальше будет. А между тем, я смотрю, то на Иру, то на Зою и сравниваю их. Конечно, Зоя и внешностью и, особенно своим красивым личиком, а так же ласковым бархатным голосом имеет неоспоримое преимущество над Ирой, тут и говорить нечего. Но я гость Иры, и это становится тормозом моих видов на Зою. Поэтому я решил не торопиться, и посмотреть, как дальше будут развиваться события. Молчанка затянулась, думаю, как-то из этого положения надо выходить, но тут заговорила Ира, она спросила у Зои: «Ты выпивать с нами будешь?» — «Конечно, буду. Раз так поворачивается дело, то мне осталось только напиться и уснуть до утра». Зоя села за стол, на меня не смотрит, а Ирина начала разливать спиртное. Девчонки пили водку, а я «Сливянку». Выпили по полстакана, Зоя говорит: «Я себе ещё налью, а то не усну». Наливает снова полстакана, залпом выпивает, спиртное запила чаем, поднялась от стола, пошла к кровати и на неё упала вниз лицом. Видно было, что Зое эта ночь дастся нелегко. Мы с Ирой сидели за столом, понемножку пили и закусывали печеньем.

От выпитого, да и время после ужина прошло много, я захотел есть, Ира, как будто услышала мои чувства, спрашивает меня: «Семён, а ты кушать хочешь?» Я подумал, какая Ира умница, её просить не надо, сама догадалась, что мужчину за столом покормить надо: «Да, Ирочка, я очень хочу есть». На мои слова Ира быстро среагировала: «Вот, немного выпил, и я уже стала не Ира, а Ирочка, а если я тебя ещё и накормлю, тогда, как ты меня называть будешь?» — «А вот ты сначала накорми, вот тогда и посмотрим». Ира ушла на кухню готовить ужин, дверь в коридор оставила открытой, я слышал, как на кухне загремела посуда. Ну всё, думаю, раз гремит посуда, значит, скоро будет еда. Я сижу за столом и смотрю на Зою, которая по-прежнему,

лежит вниз лицом на койке, и думаю: «Какая красивая девушка, всё при ней, а вот головы нет, ведь ей всего 22 года, а уже пьёт как сапожник. Дай Бог, что бы она попала в руки хорошего мужчины, может из неё ещё и выйдет нормальная мать. Мои мысли прервал стук входной двери. Я прислушался, а сам думаю, кто же это может быть? Слышу голос как вроде бы «моей» Зои: «Ира, а Семён не приходил?», — спрашивает она. Ира ответила в свойственной ей манере, прямо и грубовато: «А зачем он тебе?» Затем Ира немного помолчала и добавила: «Приходил, но я ему сказала, что ты уехала искать себе другого жениха с погонами, такой как, муж-рабочий, тебе не нужен». Зоя вспылила и говорит: «Зачем ты лезешь в мою личную жизнь, это не твоё дело, куда я уехала и зачем, могла, что-нибудь и другое сказать, более приемлемое в данной обстановке». На что Ира ответила: «А почему я должна врать, ты Семёну рога наставляешь, а я должна тебя покрывать, нет, я в этом участвовать не хочу и не буду». На этом они и разошлись, сначала хлопнула дверь Зоиной комнаты, затем Ира зашла в свою комнату, где сидел я, с миской горячих вареников на которых плавился приличный кусок сливочного масла.

Как только Ира зашла в комнату, то сказала: «Слышал? Явилась, не запылилась». На это я Ире ничего не ответил, в душе у меня клокотало, хотел пойти к предательнице и всё ей высказать, но Ира меня удержала, сказала: «Потом разберёшься, а сейчас давай кушать». Мы с Ирой вкусно поели, ещё немного выпили, затем я засобирался домой, Ира с моими действиями была не согласна, и возразила следующим образом: «Семён, такие действия с твоей стороны не благородны. Что же это получается, ты у меня поел, попил, я тебе скрасила вечер, а теперь ты собираешься и уходишь, нет, такие дела так не делаются. Оставайся у меня, а завтра пойдёшь, куда тебе надо». И тут я не упустил случая, Иру упрекнуть и говорю ей: «Ира, а как же с мальчишкой?» — «Да ладно, Семён, когда это было, и ты тогда был другим, да и я другая, так что оставайся у меня, и забудем прошлое». Одним словом, я от неё ушёл только утром. Потом я с Ирой встречался ещё несколько раз, но её грубоватость меня напрягала, и мне всё больше и больше не хотелось с ней встречаться, с Зоей мне было комфортнее. В один из вечеров, я шёл в общежитие госпиталя и не знал к кому я иду, то ли к Ире, то ли к Зое, потом решил, кого первой встречу, к той и пойду. Когда зашёл к ним в коридор, то входная дверь стукнула, на её стук, из кухни вышла Зоя и говорит мне: «Сеня, пойдём к нам в комнату, мне с тобой поговорить надо». Я ей ничего не отвечаю, смотрю на Ирину дверь, но она была закрыта, Ира, почему то не

выходит меня встречать. Зоя заметила мой взгляд и говорит: «Да не смотри ты на ту дверь, все равно Иры нет дома, так что пойдём ко мне». Делать нечего, я пошёл с Зоей в её комнату. Там, в её комнате Зоя мне столько «лапши» на мои уши навешала, что я не знал, как от неё избавиться. Кончилось тем, что Зоя пригласила меня кушать блины, которые она как бы для меня приготовила. Я на Зою ещё был в обиде, но сам подумал, а почему не поесть блины, ведь они меня не обязывают оставаться у хозяйки блинов, поем и пойду домой на завод. Но получилось всё, наоборот, с этого дня я снова стал встречаться с Зоей и встречались до тех пор, пока не поженились.

Я СВАТ В 23 ГОДА

Случилось так, что в 23 года мне пришлось стать сватом. Обычно сватами бывают люди в возрасте, повидавшие в жизни многое, но у нас на заводе таких людей и не было, за исключением директора завода и его заместителей. Но не пойдёшь же к директору завода и не попросишь его, что бы он засватал невесту для Алексея Зенцова. Этот Зенцов мне так надоел за время нашего знакомства, что я решил его женить, чтобы он от меня отстал. Ну ладно в армии: новое место, тяжёлые физические нагрузки, поэтому на кроссах я таскал и его, и скатку, и вещмешок его, а иногда, и автомат, а когда он и налегке отставал от роты, то рукой хватался за мою гимнастёрку и двигался на прицепе. Да и в полку он постоянно ко мне за помощью обращался. Ну, ладно, то было давно и об этом можно и забыть. Но здесь, на заводе, он продолжает ту свою политику, постоянно у меня на привязи. После работы идём в госпиталь на танцы, там я знакомлюсь с девушкой, танцую с ней, затем мы после музыки садимся уединённо, а Зенцов тут как тут, присаживается рядом. И так постоянно.

Мне это до чёртиков надоело, я ему несколько раз объяснял, что так вести себя не надо, у меня есть личная жизнь, которая его не касается. А совсем недавно, когда я уже дружил с Зоей из госпиталя, он вдруг мне заявляет, что Зоя ему нравится, и он хочет на ней жениться, да ещё меня же просит, чтобы я ему в этом помог. Ну, ни наглец? Я понял, что этому не будет конца и решил Зенцова женить. Он и сам, хотел жениться, но не знал, как это сделать. Внешность его была не очень, да ещё после того как ему отказала Анастасия Вертинская, он стал боялся того, что за него никто не пойдёт замуж. Поэтому, этим вопросом занялся я.

Долго в уме перебирал всех девушек и женщин нашего завода и госпиталя и, наконец, остановился на нашей заводской поварихе, по имени, как ни странно, тоже Зоя. Вы, читатель, обратили внимание, что меня здесь повсюду окружают почти одни Зои, почему так случилось, я не знаю. До армии я знал только одну Зою, так звали нашу корову, ох, и противная она была, позже мы с семьёй её съели, мясо её, было такое же противное, как и она сама. И здесь во Вроцлаве меня окружают тоже Зои, но не коровы, а женщины, так что это дело другое.

Так вот, нашей заводской Зое было 27 лет, невысокая ростом, как и Алексей, брюнетка. У неё есть ребёнок дома, в городе Перми, откуда она приехала, работает третий год, и ещё хочет остаться, но у неё скоро заканчивается срок пребывания за

границей, а Алексей работает только первый год, и если они поженятся, то она на правах жены будет работать ещё почти три года. Я подумал, что такой вариант привлечёт её. Да она затем и приехала, чтобы выйти замуж, а прошло уже два года, а у неё никого нет. Так что, на мой взгляд, кандидатура самая подходящая. Но надо было найти подходящий момент, да и Зенцова надо спросить, готов ли он жениться на Зое-поварихе. Хотя его можно и не спрашивать, он мне как-то говорил, что готов жениться на любой девушке или женщине, лишь бы отсюда уехать женатым человеком.

И вот наступил подходящий момент. Мы с Зенцовым пришли на ужин поздно, в зале уже никого не было, подошли к раздаточному окну, взяли у повара Зои еду и сели за стол. Зоя, озабоченная чем-то, ходила по залу столовой и что-то делала. Наконец, она подошла к нам, молча складывает пустую посуду, протирает стол и на нас не смотрит. Вижу что она сердитая и не знаю, заговорить с ней или не надо. Думаю, всё-таки надо поговорить и увидеть её реакцию на меня. Спрашиваю её: «Зоя, а почему ты сегодня такая сердитая?» Зоя, не отрываясь от своих дел, и не поднимая головы отвечает: «А с тобой, Сеня, вообще не разговариваю». Сказала и молча продолжала свою работу. Почему она не хочет разговаривать со мной, я знал, но всё же спросил: «А что так, Зоя, ты обиделась на меня что-ли?» — «А то ты не знаешь, обещал и не пришёл, это не порядочно». По какой причине я тогда к ней не пришёл я ей объяснять не стал, а то если бы я ей сказал правду что ночевал у Ирины, то было бы ещё хуже. Чтобы загладить свою вину перед ней я ей сказал: «Зоя, ты, пожалуйста, на меня не сердись, тогда так получилось, а вот сегодня я обязательно к тебе приду и по очень важному делу. Даже можно сказать, по жизненно важному делу. Услышав такие слова, Зоя улыбнулась и сказала, что будет ждать меня. Я, не знаю, что на этот счёт думала Зоя, а у меня были планы женить Зенцова на ней. Когда она от нас отошла, я спросил у Зенцова: «Лёша, тебе Зоя нравится?» — «Нравится-то, нравится, да что толку, она со мной всё равно дружить не будет, а о замужестве и говорить нечего» — «Лёша, я тебя спрашиваю, ты готов на ней жениться?» — «Готов-то, готов, но…» Тут я Алексея перебил и говорю ему: «Никаких но, иди в буфет, бери бутылку «Сливянки», коробку конфет и неси сюда, сегодня я пойду сватать Зою за тебя». Вы бы видели, что с ним творилось. Он сначала сидел молча, затем соскочил и куда-то побежал, не в сторону буфета, это точно, потом снова вернулся и сел на своё место и сидит, пока я его снова не отправил в буфет. На этот раз до него дошло, куда идти и зачем. В общежитии я переоделся, завернул в газету

«Правда», вино и коробку конфет и неспешным шагом пошёл сватать Зою. Она жила в крайнем домике от завода, так что идти было недалеко. В этом же домике, в другой комнате жила другая девушка, татарка, по имени Дина, она к нам на завод приехала месяц назад, и работала в кузовном цехе и поэтому я её практически не знал. Но я шёл к Зое, а не к Дине и поэтому знал я её или не знал, сути не меняло.

Зоя мне сразу открыла дверь, как будто она стояла у двери и ждала. Я зашёл в ярко освещённую комнату, поставил на стол бутылку вина, рядом положил коробку конфет, сел за стол и выжидательно смотрю на хозяйку. Она стоит у стола, сложила руки на груди, смотрит то на стол, что там стоит, то на меня, затем спрашивает: «Сеня, ты никак сватать меня пришёл?» — «Да, Зоя, сватать» — «А за кого?» — как-то нерешительно спросила она, и выжидательно на меня смотрит. «Да вот, Зоя, хочу тебя посватать, за своего друга, Лёшу Зенцова. Парень он хороший, скромный, ему нужна вот такая жена, как ты. Работать ему еще два с половиной года, так что вы вместе здесь на заводе ещё наработаетесь. Так, как ты смотришь на моё предложение?» Зоя, услышав за кого, я её пришёл сватать, села за стол, улыбка с её губ исчезла, наклонив голову над столом, она спросила: «Сеня, а я что тебе не нравлюсь?»

Я ждал этого вопроса и был к нему готов, сказал ей, что она мне нравится, но женитьба в мои планы пока не входит, так как мне надо учиться, а когда заведёшь семью, какая учёба? Зоя молча покивала головой, как бы в знак своего согласия со мной, а затем грустно сказала: «Что же, Сеня, я, наверное, приму твоё предложение и выйду замуж за Зенцова. Ты, наверное, знаешь, что у меня скоро заканчивается контракт пребывания за границей, а мне хотелось бы поработать подольше и заработать больше денег, да и замуж хочется выйти, ведь это была цель моей поездки за границу. Так что, надо соглашаться», — грустно закончила она свою речь. Я, сват не опытный, и не знал, что в таких случаях надо делать, но подумал, раз дело сделано, то можно идти домой. Встал от стола и начал прощаться, тут меня Зоя спросила: «Сеня, а ты куда собрался?» — «Так домой, мы же с тобой всё решили?» — «Нет, — говорит Зоя, — так дела не делаются, раз пришёл сватать, то доводи дело до ума» — «А как доводить?» — в растерянности спросил я. «А раз ты не знаешь, то слушай меня. Садись за стол, открывай бутылку, я сейчас принесу закуску и будем обмывать сватовство. Невесту-то просватали, так что венец, делу конец». Какой венец, кому конец, я так и не понял, но бутылку открыл, разлил в стаканы вино, к этому времени Зоя поставила закуску на стол, и начались тосты, за

свата, за невесту, не забыли и жениха. Затем Зоя предложила выпить на брудершафт, один раз, через минуту ей захотелось снова выпить на брудершафт, и так мы на брудершафт выпили целую бутылку. Зоя из шкафчика вытащила другую бутылку «Сливянки» и поставила на стол, теперь мы уже, сидя на диване, продолжали пить на брудершафт.

Мы с Зоей так увлеклись тостами, что не заметили, как к нам в комнату зашла её соседка Дина. Узнала, по какому поводу праздник и подключилась к нам. Теперь мы уже с Диной пили на брудершафт, один тост за другим. Дине такие тосты очень понравились и она пригласила меня в её комнату, но Зоя возразила, сказала, что она хозяйка дома, это её праздник и значит, она и будет решать, кому куда идти. Я толком не помню, что там было дальше, но точно помню, что ложился спать я у Зои, а утром я ушёл из Дининой комнаты.

Пришёл в общежитие, сказал Зенцову, что всё решено, и он может идти к своей невесте, а сам завалился спать. Хорошо, что это было воскресенье, и на работу не надо было идти. Алексей с Зоей женились, у них была свадьба, я на их свадьбе танцевал с Диной до упаду. После свадьбы у нас с Диной недолгое время был любовный роман, но затем она сказала, что хочет выйти замуж и мы расстались. Как и положено, через определённое время, у Зенцовых родился ребёнок, как они жили, я точно не знаю, так как к ним заглядывал редко, я рад был тому, что Зенцов от меня отстал, теперь он был рядом со своей женой. Так что, чего я хотел, того и добился.

МОЙ ПЕРВЫЙ ОТПУСК

В начале августа я получил заслуженный долгожданный отпуск, прошло ровно четыре года, как я не видел своих родных, особенно я соскучился по тато и маме. Собирался не долго, купил не дорогие, но редкие для нашей страны, а тем более, хутора подарки, вечером пришёл в общежитие к Зое, и от неё утром поехали на вокзал. Провожали меня Зоя и её подруга — жиличка Саша. На вокзале Саша встретила своих знакомых ребят, лётчиков Ивана и Николая из Бджега, и познакомила меня и Зою с ними. Когда ехали в поезде до Бреста, то я со своими попутчиками познакомился ближе.

Они оба из Украины, Иван, которому 29 лет, живёт в Киеве, а Николай, которому 27 лет, живёт в городе Житомире. Вот такой компанией, мы весело доехали до города Бреста. В Бресте, сдали вещи в багажное отделение, пошли, купили билеты до своих мест прибытия, затем по традиции, как говорит Иван, пошли в привокзальный ресторан. В ресторане, опять же по традиции, заказали жареного гуся, шампанское и коньяк. Всем этим процессом руководил Иван. Он был старше нас, опытнее, да и вообще он был такой шумный, что его было всегда много. Мы с Николаем роль вожака нашей компании отдали ему. Иван предложил первый тост выпить за Родину, выпили по рюмке коньяка, затем последовали тосты: за женщин, за наши доблестные вооружённые силы, отдельно за лётчиков, и последний тост Иван предложил за брестских девушек, которых мы скоро найдём, как утверждал он. Если честно, то мне уже было не до вооружённых сил, а тем более до брестских девушек. После второй рюмки коньяка я почувствовал себя плохо, я его раньше не пил, и поэтому мой организм его не принял. Сказал об этом своим новым друзьям, но Иван меня и слушать не хотел, мол, ты мужик так будь добр, пей наравне с нами. Но сколько пил Иван, так с ним могла сравниться только лошадь. Вот такие крепкие были лётчики в то время. Затем Иван ко мне сменил гнев на милость и сказал: «Ладно, Сеня, в этом ресторане ты больше пить не будешь, он тебе не подходит, сейчас мы поедем в другой ресторан, там тебе будет лучше». Но в другой ресторан под названием «Брест», я не поехал, Иван с Николаем поехали, а я пошёл в скверик, посидел на скамейке в тенёчке, почувствовал себя лучше. Выпить столько, сколько пьют лётчики, я не мог, так как в то время, после женитьбы я вообще ничего не пил, за исключением в ноябре прошлого года в ресторане «Под букетом». А вот теперь я сижу и думаю, чем же занять время до отхода

поезда, то есть до вечера.

Ничего не придумав, я снова вернулся на привокзальную площадь и там увидел, что экскурсовод собирает в автобус, желающих осмотреть Брестскую крепость. С экскурсией походил по тем местам, где в начале войны сражались с фашистами наши бойцы. Если честно, то та картина, которую я увидел, действовала на меня гнетуще, и я постарался покинуть экскурсию и вышел на улицу. Я почему-то не могу смотреть на те места, где гибли наши бойцы от недальновидной политики тогдашних руководителей. Фильмы начала войны тоже не могу смотреть, а вот фильмы конца войны я смотреть люблю, и если у меня бывает время, то обязательно посмотрю.

А сейчас в Бресте я от нечего делать решил побродить по городу. После коньяка состояние моё постепенно улучшалось, а когда я «приложился» к двум кружкам кваса, то оно вообще стало хорошим. Походив по городу и пообедав в городской столовой, я направился на вокзал, через полчаса отправляется наш поезд. В камере хранения я взял свои вещи, а вещи Ивана и Николая ещё там, на полке стояли, думаю, раз вещи в камере хранения, значит, они ещё не пришли, но время ещё есть, они должны успеть. Сижу в купе и жду своих попутчиков. Но время идёт, а их всё нет и нет, до отправления уже осталось пять минут, а их всё нет. Я уже начал волноваться, вышел в тамбур, где стояла кондуктор, высунул голову из двери вагона, оглядываю перрон, а моих попутчиков нет, ну всё, думаю, придётся мне ехать одному. Поезд тронулся, медленно двигается вдоль перрона, вот и дверь главного входа в вокзал, мы её проезжаем, и я решил уже идти в купе, как вдруг слышу голос: «Семён, лови чемоданы!» Поворачиваюсь в сторону главного входа и вижу, по перрону бежит Николай, с двумя чемоданами, а за ним Иван с подносом в руках, а на нём что-то лежит, прикрытое белой салфеткой. Я одной рукой держусь за поручень, а другой беру один чемодан, ставлю его в тамбур, а затем беру другой и тоже ставлю на пол в тамбуре, за чемоданами в тамбур заскакивает Николай. А я стою, протянув руки, что бы взять поднос у Ивана, затем беру его, и передаю Николаю, а сам помогаю Ивану заскочить на подножку поезда, так как он уже набрал ход. Дружной толпой мы ввалились в купе, убрали чемоданы в нишу, а сами сели за стол, я с интересом смотрел на поднос и думал, что же там находится, под салфеткой. Тут Иван заявляет: «Сейчас будем обмывать отъезд из города Бреста». Достаёт из кармана бутылку водки, ставит её на столик и меня просит сходить к бортпроводнице за стаканами. Я иду по коридору вагона, а сам думаю: «И куда им пить и так уже на пределе, неужели ещё будут выпивать?» Приношу три стакана,

Иван разливает водку по стаканам, затем торжественно срывает салфетку с блюда и произносит: «А вот этой уточкой мы будем закусывать». Я увидел на блюде лежит золотистая утка, вся такая аппетитная что просто слюнки текут. Мои друзья выпили, я тоже пригубил водочку, а как же, перед такой закуской обязательно надо. Затем принялись закусывать. Иван просто руками рвал утку на части и подавал Николаю и мне. В общем, ужин был очень хороший. Затем парни выпили ещё по одной и улеглись спать, я же после ужина убрал всё со столика, залез на верхнюю полку и тоже отдался в объятия бога сна. Николай должен был сойти первый из нас с поезда, когда он сошёл, я не слышал, а с Иваном мы вместе ехали до Киева. В городе я его проводил до такси, там тепло с ним простились, и я вернулся на вокзал, мне надо было перекомпасировать билет до города Ставрополя. По пути следования поезда, на станции Кавказкой у меня была длинная остановка, приехал утром, а поезд должен идти вечером. Чтобы не терять время даром, я решил посмотреть речку Кубань, я знал, что она здесь протекает и на такси поехал посмотреть, что собой представляет, эта река. Скажу вам честно, что Кубань меня не впечатлила, по сравнению с Одрой и Вислой — это небольшой ручеёк. Возможно в другом месте она и другая, но здесь, на станции Кавказская она не большая и, наверное, не глубокая. Да и вода в ней жёлтая, наверное, потому что она протекает в глинистых слоях земли. Насмотревшись на речку Кубань, я взглянул на часы и определил, что до отхода моего поезда ещё добрых семь часов, я поинтересовался у водителя такси, ходят ли автобусы со станции Кавказская до Ставрополя. Получив утвердительный ответ, мы с ним поехали на станцию, я там взял из камеры хранения свои вещи, купил билет на автобус и вот я уже качу по шоссе в город Ставрополь. Из Ставрополя в Ипатово я добрался тоже на автобусе и прибыл туда поздно ночью, стою на автовокзале и думаю, куда идти переночевать, чтобы завтра на автобусе уехать в хутор Северный. Где брат Андрей живёт, я не знал, мама писала, что он переехал на другую квартиру, но куда точно, она не написала. Так что Андрей отпадает. Брат Григорий тоже жил и работал в Ипатово, но где он жил я тоже не знал. Поэтому осталась только колхозная база и на ней хозяйка Татьяна, у которой я жил и работал перед армией. Помните? Когда я собрался ехать целину поднимать в Оренбургской области.

В настоящее время эти земли принадлежат Казахстану, Брежнев в своё правление подарил их своему шурину, первому секретарю Казахстана Кунаеву, на день рождения. Шеварднадзе Российский остров, который находится в Тихом океане, отдал

американцам на котором они нашли большие запасы нефти. Вот так растаскивали советские правители Российские земли, которые царское правительство веками присоединяло к России. А что удивляться, удивляться тут нечему, ведь в то время Россией правил кто угодно, но только не русский человек. Спасибо господу Богу и Владимиру Владимировичу Путину, что он есть на свете и что я дожил до тех лет, когда у власти страны стал истинно российский ЧЕЛОВЕК. Теперь за страну можно быть спокойным. Но в то время, когда я шёл пешком по базарной площади села Ипатово, я этого не знал и топал себе в сторону колхозной базы. В это время меня догоняет автобус ПАЗик, я поднял руку, он остановился, и мы с ним поехали. В автобусе никого не было, кроме водителя молодого парня и меня, разумеется. Он спросил меня куда ехать, и в это время у меня в голову пришла мысль, возможно водитель автобуса знает моего брата Григория, ведь он тоже шофер, а что, может быть такое, ведь тогда в Ипатово было всего две автоколонны. Пока я соображал, прошло время, шофёр меня снова спрашивает: «Так куда мы едем?» Я ему уклончиво начал говорить: «Да я и сам толком не знаю, мне надо попасть к своему брату Григорию, а где он точно живёт, я не знаю. Я четыре года не был в Ипатово и здесь многое изменилось. Кстати мой брат тоже шофёр, и работает в какой-то автоколонне». Водитель меня спрашивает: «А как фамилия твоего брата?» — «Чухлеб», — отвечаю я. Водитель ничего мне не сказал и мы едим дальше, я тоже молчу, думаю, что человека отвлекать от дела. Автобус повернул на какую-то улицу и остановился у частного дома, водитель поворачивается ко мне и говорит: «Вот в этом доме живёт твой брат». Вы не представляете, как приятно я был удивлён. Я тут же предложил парню деньги за проезд, но он отказался их принимать и при этом сказал: «Мы с Григорием работаем в одной организации, и что же, я с его брата буду брать за проезд деньги, да ни за что и никогда. В то время слово «никогда» говорили уверенно, потому что человек был уверен, раз он сказал слово никогда, то так оно и будет. Это в настоящее время боятся сказать уверенно «никогда» и даже придумали такой слоган, «НИКОГДА НЕ ГОВОРИ НИКОГДА». Я считаю сейчас люди всего стали бояться вот и цепляются за соломину. А вот тогда люди за свои слова не боялись. Вот такие тогда были нравы, и скажу вам, очень хорошие нравы. На другой день, после работы, мы, четыре брата, перечисляю по старшинству, Андрей, Иван, Григорий и я, на грузовой машине, которой управлял Григорий, поехали в хутор Северный к родителям. Как только мы доехали до хуторской лесной полосы, с которой много связано воспоминаний, у меня

появилось непреодолимое желание пройти вдоль этого насаждения и освежить в памяти то, что было с ней связано. Я попросил Григория остановить машину, как только машина остановилась, я спрыгнул с кузова, а братьям сказал: «Вы езжайте, а я пройдусь пешком, очень соскучился по родным местам». Иду от грейдера вдоль лесной полосы в сторону Джалгинской межи. Иду и вспоминаю, что меня связывало с этой лесной полосой. Как будто это происходило недавно, вижу, как мы с ребятами воровали с поля кукурузные початки и прятались вот в этой лесной полосе, Затем дожидались темноты и потом шли домой. В этой же лесной полосе, брат Андрей поймал дезертира, я об этом ранее писал. Затем я дошёл до поворота дороги и пошёл в сторону хутора. Эта дорога мне тоже о многом напомнила, как мы в детстве колоски собирали, чтобы унести их домой, а нас с поля прогонял объездчик. Да много чего вспомнил. Прошёл я прилично, километра два или три, немного устал, но все ровно по хутору я шёл бодрым шагом. Зашёл в свой двор, когда уже прилично стемнело, слышу там, где-то у летней кухни гомон голосов, у ограды сада сидят собаки, Полёт и Лётчик, те с которыми я до армии ходил на охоту. Одна из собак, увидев меня, прижала уши и начала громко лаять, я позвал его: «Лётчик, ты, что меня не узнал?» Он замолк, стал ко мне приглядываться, а я продолжаю говорить. И вдруг он со всего маха передними ногами бросается мне на грудь и давай языком лизать мне лицо. От неожиданности и толчка лапами собаки я чуть не свалился наземь, но устоял, ещё немного с ним поговорил и пошёл к народу. Получился интересный момент.

Захожу во двор, где находится толпа народу, иду к ним, а на меня никто внимания не обращает. Прохожу мимо Нюры Беленко, она посмотрела на меня и при этом, не проявила ко мне ни какого интереса, рядом с ней стоит Маня Стаценко, тоже ноль внимания на меня. Думаю да что же это такое, кого они пришли встречать, по ним явно видно, что не меня, а ведь они потенциальные невесты и каждая хочет первой показать себя мне, так сказать потенциальному жениху. Ничего не понимая протолкнулся до стола, где стояла мама, и на лавке сидел отец. Подхожу к ним и говорю: «Мамо, а Вы, почему сына не встречаете, Вы, что ему не рады?» Мама смотрит на меня широко открытыми глазами и говорит: «Сеня, так мы тебя ждали в солдатской форме, ты как бы с армии возвращаешься, а ты приехал и одет в гражданскую одежду» — «Мамо, да я уже год как с армии демобилизовался, а живя и работая на заводе, я, армейскую форму всю износил, а вот теперь хожу в гражданской одежде, так что принимайте такого как есть». Мама обняла меня,

прижала к себе и говорит: «Та, сынок, мы с батькой, примем тебя хоть какого, лишь бы приехав к нам живой, а шо ни в армейской форме то ничего, хотя в военной форме, было бы лучше».

После таких слов меня все узнали и бросились приветствовать и обниматься, а с девчонками я даже целовался, особенно Маня Стаценко хорошо приложилась к моим губам, а что, ничего не поделаешь, любовь моей юности. Кода закончили обниматься и целоваться, мама дала команду всем садиться за стол, тут начались тосты, выпивка и длинные разговоры. А в это время меня в спину своими мордами толкали собаки, то ли хотели ещё поговорить со мной то ли просили угощения, ведь у всех праздник и они хотели того же. Я наклонился к маме и тихо говорю ей: «Мамо, дайте мне, какую-нибудь еду, я покормлю собак, пусть и у них будет праздник, ведь они как ни как члены нашей семьи». Мы с мамой пошли на кухню, она с общего котла наложили полную большую миску борща, положила туда несколько кусков мяса, а затем ещё и накрошила хлеба, для собак это был царский ужин. За столом хозяева с гостями засиделись до полуночи, а когда гости разошлись, я с родителями ещё долго сидел и рассказывал им о своём житие-бытие. Во время отдыха у родителей в хуторе я время от времени приезжал в Ипатово и почти всегда останавливался у брата Андрея и его жены Дуси. Дуся меня принимала очень хорошо, и я рад был бывать у неё снова и снова, а вот с Андреем, у меня отношения не сложились. Хотя мы давно и не виделись с ним, но тёплых взаимоотношений у нас не было. Как-то раз я к ним приехал сразу после обеда, рассчитывал, что Андрея дома уже нет, но он был дома. Во дворе Дуся мне сказала, что он пришёл на обед, уже давно пообедал, а на работу идти не торопится. Я зашёл в хату, Андрей сидел за столом, а на столе, кроме еды стояла начатая бутылка водки. Я помню, ещё с моих юных лет, у брата был заведён такой порядок, он перед обедом всегда выпивал сто грамм водки, как он говорил, для аппетита, он эти сто грамм ещё называл наркомовскими. В этот день, он по-видимому, тоже выпил наркомовские сто грамм, но нарком сегодня оказался, наверное, щедрым, и поэтому брат был слегка навеселе. Моему приходу брат обрадовался и пригласил за стол. Дуся ушла в другую комнату, а я сел за стол и мы с ним разговаривали на разные темы. Вскоре из другой комнаты вошла Дуся, с какой-то молодой симпатичной женщиной. Дуся говорит ей: «Смотри, Надя, Сеня приехал, это младший брат Андрея, он с малых лет и до армии у нас жил и поэтому он мне как родной». Ладно, думаю, Дуся немного преувеличила, но не будем к ней придирчивы и оставим всё как она сказала. Надя протянула мне руку и сказала: «Будем знакомы,

меня зовут Надя». Я ей пожал руку и сказал: «Семён». На этом официальная часть закончилась и всех пригласили за стол. За столом говорили тосты, выпивали, Андрей сказал что, раз брат приехал, то он сегодня на работу больше не пойдёт. После выпивки еда быстро закончилась и Дуся с Надей пошли к Наде домой, это по соседству, за уткой, которая у Нади была уже готова. Как только женщины удалились, Андрей почувствовал свободу и начал задавать мне всякие каверзные вопросы. То да сё, где и как. Я знал слабую сторону брата и видел, к чему он клонит, но молчал, думаю, пусть он сам скажет, чего он хочет. Наконец он подошёл к той теме, ради которой начал разговор и спросил меня: «Сеня, а тебе там, в Польше, платят хорошо?» — «Мне не платят, я сам зарабатываю, а зарабатываю я не так много, но на жизнь хватает» — «Значит выходэ гроши у тэбэ е». Думаю, вот ради этого он и начал разговор, его всегда интересовали только гроши, мало того что он меня предал с братьями Лёвиными, так он и сейчас попытается с меня вытащить деньги. Но дудки, я уже давно не тот, что был в Ипатово, хотя и тогда я ему не давал на себя садиться. Но Андрей задал вопрос и на него надо отвечать: «Да конечно есть, иначе как бы я сюда приехал» — «Ну, так ты это, оставь себе на дорогу, а остальные мне отдай. А ты в Польшу прыидэшь и ще соби заработаешь. А то, понимаешь, получается как-то не хорошо, ты у мэнэ стики жив, я тэбэ кормыв, поив, одивав, обувал, а ты мэни так нычого и ны заплатыв. Надо за всё это рассчитываться. После его слов у меня внутри как-то всё перевернулось. Ведь мы с ним не виделись более четырёх лет, и он даже не поинтересовался, как я там живу, чем занимаюсь, нет, ему это не интересно, главное для него гроши. Надо сказать, что Андрей среди русского населения прожил уже более десяти лет, но говорить на русском языке так и не научился. Да и вообще, как я понимаю, он над собой в плане развития не работает, и у меня создалось впечатление, что он стал деградировать. Он меня разозлил, и я решил всё ему высказать. А что, раз он ко мне так относится, почему я должен молчать, ведь то, что он сказал, может принять как за свою справедливость, а ведь это не так, так пусть знает, что у меня на этот счёт совершенно другое мнение.

Вот что я ему сказал: «Послушай меня, мой старший брат. Ты вот упрекаешь меня, что я поступаю несправедливо и с тобой не рассчитываюсь. А скажи мне, почему я с тобой должен рассчитываться, ведь ты у наших родителей взял меня на воспитание, то есть ты мой старший брат, у меня был как бы за родителей. А разве родители со своих детей требуют расчёт? Я что-то такого не знаю. И ещё, я тебе уже об этом раньше говорил.

Ты меня спросил, когда забирал в Ипатово, хочу я туда ехать или нет? Ни ты, ни тато, ни мама, меня об этом не спрашивали, вы так решили, значит так должно и быть. А ведь я человек, пусть даже тогда был тринадцатилетний мальчишка, но я человек и у меня на этот счёт было своё мнение, но оно вам было не интересно, и ты меня увёз. Получается, что ты насильно меня тогда увёз и теперь за то, что я у тебя жил требуешь с меня деньги. Нет, никакие деньги, за это, я тебе платить не буду, а как ты меня одевал и обувал, так за такую одёжку и обувку, с тебя надо брать деньги. Ты же помнишь в чем я ходил в школу, это что одежда для школьника? Мне стыдно было ходить в ней вообще, не говоря уж о школе. Но ты меня успокаивал, терпи, вот я и терпел, и теперь за это терпение я должен платить. Нет, такого никогда не будет. А если разобраться серьёзно, то ты мне должен деньги, те, которые украл у меня с помощью братьев Лёвиных».

После моих слов, что он украл у меня деньги, Андрей подскочил, весь покраснел, ни от стыда, а от злости, что его уличили и закричал на меня: «Шо ты брэшэшь, Лёвин Иван ни яки гроши мыни ны давав, цэ брыхня. И вообще, ты прышов в мою хату так и мэны ще вором обзываешь, так иды отсюда и бильше ны прыходы». Я спокойно встал, взял свой чемодан, перед выходом из хаты, посмотрел на Андрея и сказал ему: «Андрей, я тебя не видел больше четырёх лет, и за это время ты изменился и не в лучшую сторону. Ты начал деградировать, и если ты не бросишь употреблять свои наркомовские сто грамм, то лет через пять, тебя на работу никто брать не будет, ты превратишься в инвалида». Андрей мне ничего не ответил, я вышел с чемоданом в переулок, и думаю, что же делать, пойти к Григорию, далеко, да и не хочется мне к нему идти, думаю, пойду на базу к Татьяне, у неё переночую, а завтра на автобусе поеду в хутор. Только я собрался идти, вдруг слышу голос Дуси: «Сеня, а ты куда собрался?» Я повернулся на голос и вижу, ко мне быстрым шагом идут Дуся с Надей и Надя что-то несёт в руках, наверное, обещанную утку. Дуся подходят ко мне и спрашивает меня: «Сеня, а ты куда собрался?» — «Пойду на колхозную базу, там переночую, а завтра на автобусе поеду к родителям в хутор» — «Сеня, а что у вас с Андреем произошло, что ты ушёл?» — «Да ничего особенного, просто брат не умеет владеть своими нервами. Вот мне и пришлось уйти. Дуся начала меня уговаривать, чтобы я вернулся, но я ей сказал, что не вернусь и пойду сейчас на базу, там переночую, а завтра на автобусе уеду в хутор. Надя стояла рядом с нами в наш разговор не вмешивалась, а когда я твердо сказал, что в хату к Андрею не вернусь, то слово взяла Надя. Она подошла вплотную, ко мне и говорит: «Сеня, а

зачем тебе идти на базу, пойдём ко мне, у меня и переночуешь, а завтра я тебя провожу на автобус, и ты поедешь к своим родителям. Я подумал, а почему мне не пойти к Наде переночевать, женщина она молодая, симпатичная, и, наверное, заботливая, да и утка у неё в руках, так что пойду к ней. Как только мы к ней пришли она начала готовить на стол, я открыл чемодан и подарил Наде шёлковый шарфик, тогда в союзе таких не было, а у меня в чемодане их было штук десять. Надя удивилась моему подарку и долго меня благодарила, мне было неудобно, что она за такую мелочь так меня благодарит. Потом позже, когда мы с ней ужинали, она сказала: «Сеня, а можно я тебя за подарок поцелую?» Я, разумеется, ей разрешил, а что тут такого, невинный поцелуй, и таким способом она меня благодарила долго, наверное, раз десять. Я не возражал, а что возражать, пусть что хочет, то и делает, она же мне сделала добро, пригласив меня ночевать, значит и я должен сделать ей добро. Одним словом, мы делали добро друг другу долго, и потом когда мы уже лежали в постели, и я ей рассказывал о себе, в дверь кто-то постучал. Надя мне сказала, чтобы я не вставал с кровати, она сама разберётся кто бы ни пришёл. Она надела халат и собралась идти в сенцы, а в это время постучали в окно. Надя отдёрнула занавески, открыла окно, и начала разговаривать, как я понял, с Дусей. Что говорила Дуся, мне было не слышно, а вот что говорила Надя, я слышал отлично. Она сказала: «Передай своему Андрею, что ни его, а тем более Николая я не боюсь, это моя хата, кого хочу того и приглашаю. Сказала, закрыла окошко и задёрнула занавески. Подходит ко мне снимает халат и ложиться в постель рядом со мной. Я лежу, молча перевариваю сказанное Надей, кто такой Николай и что она его не боится, может это её муж, а может любовник. А что, она молодая симпатичная женщина, так что всё может быть. Надя тоже, какое-то время молчала, затем она прижалась ко мне и спрашивает меня: «А ты почему молчишь, продолжай рассказывать о себе. Но я ей рассказывать о себе не стал, а решил задать вопрос: «Надя, скажи, а кто этот Николай твой муж что-ли?» — «Та який там муж, пристал чоловик, да и жил у меня, а потом уехал на заработки и вот уже целый месяц глаз не кажет, так что я его ждать буду, может он там уже завёл соби кралю, а я его ждать буду. Це хата моя, кто мне нравится того и к себе приглашаю. Да и вообще не бери себе это в голову, ты сегодня мой гость и я этому рада, а шо будет потом, меня это мало волнует.

Надя говорила, на каком-то смешанном русско-хохляцком языке, и мне было интересно её слушать. В общем, как бы там ни было, ночь прошла спокойно, больше нас с Надей никто не

тревожил. Утром меня Надя накормила завтраком и проводила на автобус, да ещё взяла с меня слово, что я через два дня снова к ней приеду. И я приезжал к ней, и не раз, и не два, ночь с ней проводили в её хате до утра а затем она снова меня провожала на автобус. Надя всегда радовалась моему приезду, и я это видел, что она не притворялась, а искренне радовалась нашей встрече. Затем, пришло время, мне уезжать, и я уехал. Не скажу, что я о Наде забыл, но время как то стерло мои чувства к ней. Прошло лет пять или шесть с того времени, как мы с Надей встречались, я как-то очередной раз приехал в отпуск, и мы с Дусей пошли на рынок, и проходили как раз возле хаты Нади. Я захотел узнать о Наде, где она и почему не приходила в гости к Дусе. На что Дуся мне ответила: «Надя с Николаем уехала в село Михайловку, там они сейчас и живут. Она не хотела уезжать, говорила мне, что вот я уеду, а Сеня приедет в отпуск, а меня здесь и не застанет, а я его так хочу увидеть, очень соскучилась». Затем Дуся посмотрела на меня внимательно, у меня промелькнула мысль, что это с ней, а она очень серьёзно сказала: «Знаешь, Сеня, Надя тебя по-настоящему любила. У неё на шее, на золотой цепочке висел кулончик в виде сердечка, так вот он открывался и закрывался, и она в нём носила твою фотокарточку. Она говорила, что Сеня — моя любовь навсегда. В этой истории меня удивило не то, что Надя так меня любит, а то, как Дуся серьёзно это мне говорила. Значит, думаю всё это правда, и Дуся ничего не придумала. Вот так, мои дорогие читатели, а вы думали, что всё так просто? Нет, и ещё раз нет. В заключение скажу, хотя я с братом Андреем и поссорился, но позже, когда я приезжал в отпуск, то все рано к нему заходил и тему ссоры мы оба никогда не поднимали.

МОЯ КРЁСТНАЯ МАМА

Побыв десять дней у родителей, я собрался уезжать, а на кануне отъезда, мама мне говорит: «Сеня, ты бы сходил к своей крёстной матери Катерине Радченко и попрощался с ней, а то, как-то не хорошо получается, приехал, не зашёл и уехал молча. Так что сходи сегодня к вечеру, она как раз будет дома». Мне не хотелось идти к крёстной матери, так как, я и раньше к ней не ходил. Семья Радченковых вела как бы закрытый образ жизни, я не знаю, может, кто к ним и ходил, но мы к ним не ходили и тётя Катя к нам тоже не ходила. Я знаю, что она жила со взрослой дочерью и внучкой лет четырнадцати. Я не мог себе представить, что я там буду делать, а тем более говорить». И поэтому я попытался оспорить мамино предложение и сказал ей: «Мам, ну что я к ней пойду, я и до армии к ней не ходил, а теперь вот приду, как она воспримет моё появление, да там и ни одна она живёт. Мам, я думаю, мой поход к ней, будет лишнее в наших отношениях». Мама меня молча выслушала, а затем сказала: «Нельзя сынок так рассуждать, всё-таки она твоя крёстная мать, вы молодёжь сейчас этому не придаёте значения, а раньше, крёстная мать считалась второй матерью для ребёнка, и если с родной матерью случалось что-то не поправимое, то на воспитание дитя брала крестная мать. Мы с Катериной одного поколения и думаю, что она рассуждает, так же, как и я, так что обязательно сходи. Я вот сейчас для неё подготовлю подарок, и ты его отнеси от себя». Ну что делать, с нашей мамой не поспоришь, уж в чём она считает себя правой, то любого заставит сделать так, как она велит, и чтобы ни доводить дело до скандала я благородно согласился. Мама роется в сундуке, ищет, что подарить моей крёстной, а сама при этом говорит: «Вот ты говоришь, не пойду к крёстной матери, ну як ты ни пидэшь, я пиду в магазин встречу её там, а она меня спросит, як цэ так Поля, мой крёстный сынок Сеня приезжал, а до мэнэ так и ны зашов, и что я ей на это отвечу. Не сынок, пока мы живы, так исполняй нашу материнскую волю, а когда нас не будет, тогда живи своим умом». Эти её слова так меня задели, что к горлу подступил комок, и я чуть не заплакал. Я вдруг представил, что на свете не будет ни родной мамы, ни крёстной, и я ещё молодой человек останусь без мам, мне стало жутко горько, что я с трудом удержался, чтобы не расплакаться. Мама из сундука достала свёрток, завёрнутый в бумагу и перевязанный шпагатом, развернула его, и там оказался платок, такой тёмно-синий с крупными цветами. Мама снова завернула платок и говорит:

«Этот платок мне Андрей привёз весной, так я его ни разу и не одевала, куда мне такой красивый одевать я ведь хожу только дома во дворе, ну иногда в магазин схожу, так для этого у меня есть другой платок. Так что возьми и подари от себя своей крёстной маме, да не забудь поздороваться и сказать ей мама. Инструкцию я от мамы получил, что надо, только исполняй правильно и всё будет в порядке. Иду и думаю, какая будет встреча, какие они люди, как мне с ними себя вести. Крёстная мама, жила от нас далеко и поэтому мы с ней по-соседски, не общались. Вообще, как я уже писал, семья Радченковых, вела какой-то затворнический жизненный образ, я у них был всего один раз, когда мне было лет одиннадцать, мама на церковный праздник меня посылала к крёстной с кутьёй, вот и всё моё общение с крёстной мамой. Тогда я был ещё мальчишка и поэтому с меня и спрос был таков, а сейчас дело другое, но надо как-то постараться и быть на уровне. Там же ни одна мама, а и её взрослая дочь и внучка почти взрослая, так что мне будет нелегко. Зашёл во двор, крёстная со своей дочерью Алиной седели на ступеньках веранды, я подошёл к ним и поздоровался. Крёстная мама, Екатерина Михайловна, не поднимаясь со ступеньки говорит: «Здравствуй, Сеня, хорошо, что зашёл, а то соседи говорят, что Сеня Чухлеб приехал к родителям на побывку из далекого края, а ко мне, почему-то не заходит, вот теперь и зашёл». Я подождал, пока она всё скажет, затем, обращаясь к ней говорю: «Мама, вот я подарок принёс, хочу вам подарить на память, берите и носите на здоровье». Екатерина Михайловна встала со ступенек, взяла свёрток и говорит: «Пойдёмте в хату, что же это мы гостя встречаем во дворе». Зашли в хату, в ней чистенько, всё стоит на своих местах, крёстная сразу развернула свёрток, достала платок, перед зеркалом его надела, повернулась к нам и спрашивает: «Ну как мне подходит Сенин подарок?» Мы с Алиной в один голос сказали, что очень хорошо, крёстная улыбнулась и говорит: «Алина, ты бы нам с Сеней молочка налила, а то гость пришёл, а мы его и не угощаем, нехорошо получается». Я попытался отказаться, но крёстная мама настояла, и я подчинился ей. Пока пили молоко, поговорили о том, о сём затем Алина меня засыпала вопросами, что да почему, как попал в Польшу, что там делаю, не женился ли и так далее. Во время «допроса» в комнату вошла девушка, довольно симпатичная и довольно взрослая, это была дочь Алины и внучка Екатерины Михайловны. К сожалению, имя её я не помню, поэтому прошу простить меня за забывчивость, в оправдание скажу, и время прошло достаточно много, больше пятидесяти лет.

Девушка сидела внимательно слушала наш разговор с

Алиной, но не вмешивалась, вела себя скромно. Алина, взрослая женщина, ей тогда было за тридцать, поэтому она со мной говорила как с мальчишкой, смело задавала всякие вопросы, на которые я ответ искал с трудом. Катерина Михайловна видя моё затруднение, говорит дочери: «Алина, ну хватит, тебе парня мучить, видишь, он от твоих вопросов уже вспотел, сама бы ему что-нибудь о нас рассказала, а то всё пытаешь и пытаешь». Алина повернулась к матери и говорит: «Ой, мама, что можно рассказать о жизни в хуторе, что было, когда Сеня по хутору босиком бегал, так всё и осталось ничего, ни изменилось». Крёстная горестно кивнула головой и говорит. «К сожалению, ты права, как всё было, так и осталось». Все, на какое-то время замолчали, я воспользовался моментом и собрался идти домой. Когда я поднялся со стула что бы попрощаться, Екатерина Михайловна меня спрашивает: «Сеня, а ты случайно в Польшу не через Киев едешь?» — «Через Киев, — отвечаю, там у меня будет пересадка на поезд Киев-Брест, так что время будет достаточно». Крёстная говорит: «Сеня, у меня к тебе будет большая просьба, в Киеве зайди к моему сыночку Васе, узнай, что к чему, а то, что то давно от него писем нет, как бы что не случилось. Передай ему от меня поклон, а к твоему автобусу я что-нибудь соберу ему в подарок. Крёстная прижала платок к глазам и всплакнула. А я ей говорю: «Мама, да не расстраивайтесь вы, раз не пишет, значит, хорошо живёт, было бы плохо, обязательно написал бы. На следующий день к автобусу меня провожали тато, мама, Наташа, Рая, а брат Миша, провожал меня до самого Ставрополя. К автобусу подошла крёстная мама с Алиной, передала мне свёрток, завёрнутый в бумагу и сказала: «Это пироги тебе на дорогу», а узелок передай Васе. Будь добрый зайди к нему не забудь».

Узелок из белого платочка, такой как старушки, в церковь надевают на голову. Ну, в то время все передавали гостинцы вот в таких узелках, так что моя крёстная не исключение. Я, со всеми родными тепло попрощался, сел на автобус и с братом Мишей поехали в Ипатово. Затем в Ипатово, пересели на другой автобус и ехали с ним, до самого Ставрополя. В Ставрополе на вокзале купил билет до Киева, простился с братом Мишей и уехал. В поезде я познакомился с парнем, который ехал из отпуска служить в Киев. За разговорами быстро пролетело время и незаметно мы с ним добрались до Киева. Сначала я оформил билет до Бреста, затем надо было выполнить наказ крёстной мамы, и отнести гостинец её сыну и передать поклон. Если честно то, идти мне к сыну крёстной не хотелось, я ведь его совершенно не знаю, он по возрасту старше меня лет на пятнадцать, а то и больше.

До этого времени я о сыне крёстной ничего и не слышал за исключением одного раза, а было это тогда, когда мне было лет двенадцать. Василий приехал с семьёй к матери на побывку и от нечего делать решил с нашим Андреем сходить на охоту на зайцев. Мой брат был с ружьём, а Василий с пистолетом, он тогда был в звании капитана и служил где-то на севере, насколько я помню, охранял заключённых. И вот они вдвоём пошли в степь на охоту, а погода была ужасная, дул сильный ветер, да ещё и сверху валил снег. Но, как известно охота хуже неволи, вот эта неволя и потащила их в степь.

Кто хоть раз был на охоте, тот представляет, что в такую погоду там и с ружьём делать нечего, а с пистолетом тем более. Намотали они по степи километров десять и ни с чем вернулись домой. После охоты брат пришёл домой замерзший, всё никак не мог отогреться у печки, а затем за ужином, начал рассказывать, как они с Василием охотились. Я слушал с интересом, а тато сидел, чинил очередные валенки, тоже слушал и качал головой, как бы хотел сказать: «Ума ныма, считай калека». Вот, пожалуй, и всё, что я знаю о сыне моей крёстной, о Василии Ивановиче. Но знаешь, мало или много, это не важно, а раз пообещал, то выполняй. Одному мне идти к нему было, как-то не с руки и я попросил парня, с которым ехали до Киева, чтобы он пошёл со мной. К моему удивлению парень легко согласился и сказал: «А что не сходить, в часть я всегда успею, а погулять по городу самое то». Мы пришли по адресу, перед нами стоял большой частный дом из красного кирпича, построенный на высоком фундаменте. Да, думаю, вот это сынок моей крёстной домину отгрохал, конечно, когда ему матери письма писать, он, наверное, о ней и забыл за такими делами. Но рассуждения рассуждениями, а зачем пришли, надо выполнять. Поднялись по высоким ступенькам на крыльцо, позвонили в звонок, что был на двери, через некоторое время нам открыла дверь, женщина лет сорока пяти, с высокой прической с проседью. Узнав, кто мы такие и зачем пришли, пригласила нас в дом. Мы зашли в большую комнату, хорошо отделанную, стены убраны гобеленом, на потолке лепнина, с потолка свисала большая люстра. Посреди комнаты стоял большой стол из темного дерева, возле него и у стены стояли стулья, такие же по цвету. Мы, с товарищем раскрыв рты от удивления, крутили головами. Осматривая строение Василия, я подумал: «И на какие шиши Вася всё это построил, неужели у офицеров такая большая зарплата?» Но дальше мои мысли прервала хозяйка дома, она села на стул у стола, а мы скромно сели на стулья у стены, чтобы держать почтительное расстояние от такой солидной дамы. Она сразу сообщила нам, что Василия

Ивановича дома нет и, когда он придёт, она не знает. Спросила у меня о матери Василия, я рассказал, что знал и от себя добавил: «Вы скажите Василию Ивановичу, чтобы он написал письмо маме, его родной, а моей крёстной, она там очень переживает и беспокоится, как бы с Васей чего не случилось, так что пусть обязательно напишет. И вот ещё, я от Екатерины Михайловной привёз гостинец вам». Вынимаю из сумки узелок, сделанный из белой косыночки в крапинку и осторожно ставлю на край стола. Он стоит на углу этого огромного стола такой сиротливый и ему так неудобно находиться в этих царских хоромах, что мне его стало жалко и было непреодолимое желание пожалеть узелок и забрать его с собой. Но, крёстная мама наказывала передать его сыночку Васе, и я узелок передал. Хозяйка скосила глаза на узелок, но трогать не стала, а спасибо сказала. Воспитанная женщина. Кажется всё сделано, на этом можно и откланяться. Вышли на улицу и я почувствовал такое облегчение в организме и душе, как будто свалил с плеч огромный груз. Неуютно я чувствую себя в такой обстановке и с такими людьми, такое впечатление что я только что был во дворце французского короля Людовика шестого. Ну ладно, шут с ними с королями, мне надо ехать дальше, пока до Бреста, а затем и до Вроцлава.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА В ПОЕЗДЕ

Захожу в вагон Киев-Брест, сажусь в своё купе, смотрю и глазам своим не верю. В купе сидит Вадим, работник военторга во Вроцлаве, с которым я хорошо знаком. Мы обрадовались друг другу, а как же, теперь мы вместе едем, не только до Бреста, а до самого конечного пункта назначения. Сидим, в купе разговариваем, я чувствую, что от беготни по Киеву я проголодался и спросил Вадима: «Ты как насчёт того, чтобы покушать, а то мой организм требует еды». Вадим согласился, мы достали, у кого что было в сумках, и устроили обед. После еды меня потянуло в сон, я лёг на полку и решил поспать. Поезд остановился, на какой-то станции, я на это, не обратил никакого внимания, Вадим тоже лежал и читал книгу. Я уже стал засыпать, как почувствовал, что поезд тронулся, и через некоторое время по вагону полилась музыка, и запели девичьи голоса. Тут уже было не до сна, я поднялся, сел на полку и решил тоже почитать, что-нибудь, а Вадим говорит мне: «Семён, пойдём, посмотрим, что там за артисты в наш вагон сели». Пошли. Артисты находились в самом конце вагона и занимали одно купе. Подошли к ним, я смотрю, они все такие разодетые в разные цветные наряды, молодые, весёлые, два парня и шесть девушек. Парни играли, один на аккордеоне, а другой на гитаре, а девушки под их музыку пели. Мы с Вадимом поздоровались с ними, они весело нам ответили, и пригласили в свою компанию. И тут к моему удивлению Вадим начал обниматься то с одной девушкой, то с другой. Я сразу не понял в чём дело, позже он мне объяснил, что это его свояченицы, то есть сёстры его жены. Они группой давали концерты в сёлах и деревнях и вот теперь возвращаются домой в Брест. Остаток пути до Бреста прошёл весело и естественно быстро.

На вокзале в Бресте мы с Вадимом отдали свои вещи в камеру хранения, затем пошли взять билеты до Вроцлава, ходим по вокзалу туда-сюда, а Вадимовы свояченицы от нас не отстают. Я подумал, что им надо, почему они не идут домой, и чтобы выяснить вопрос до конца спросил у Вадима. А он мне ответил: «А ты спроси у них». Я, разумеется, у них спрашивать не стал, а как закончили дела с оформлением билетов, я Вадиму сказал: «Давай сделаем так, я пойду, похожу по городу, а вечером, перед отходом поезда на Вроцлав, встретимся у камеры хранения». Вадим посмотрел на меня внимательно и спрашивает: «Как похожу по городу? Я хочу тебя познакомить с моей тёщей, да вот и девушки хотят, чтобы мы вместе к ним пошли, так что давай не будем

расставаться, вместе так вместе». Что тут поделаешь, пришлось ехать в гости.

Приехали мы к ним на трамвае, подошли к большому деревянному дому, который весь утопал в зелени. Зашли в дом, хозяйка дома Эмма Викторовна, женщина лет пятидесяти, радостно встретила зятя и своих дочерей, и только затем обратила внимание на гостей, то есть меня и ещё двух девушек, которые приехали с нами. Вадим представил меня хозяйке, сказал ей, что я работаю в Польше, и поэтому он хорошо меня знает. Услышав это, хозяйка тут же пригласила меня сесть рядом с ней, а затем начала задавать мне вопросы, кто я, откуда, женат ли, как думаешь жить, когда вернёшься из Польши. Я ответил на все её вопросы, а насчёт женитьбы сказал: «Мне только 23 года и пока жениться не собираюсь, да и девушки пока не вижу такой, что бы мне годилась в жёны». Хозяйка немного подумала, а затем задумчиво сказала: «Да, Семён, Вы действительно ещё молодой, и можно сказать в юном возрасте, но время идёт, и не успеете оглянуться, как уже надо заводить семью. Так что я тебя прошу, ты присмотрись к моим дочерям, по возрасту они обе подходят тебе в жёны, обе воспитаны, хорошие хозяйки, так что если на ком из них женишься, то, жалеть не будешь. Для своих дочерей я ничего не пожалею, той, которая раньше выйдет замуж, подарю вот этот дом, а с другой дочерью мы будем жить в квартире, которая у нас имеется в центре города». Да думаю, вот это я попал.

В это время к нам в комнату буквально влетела её старшая дочь Эля и сразу к нам с вопросом: «О чём беседуем?» — «Да вот, я рассказываю Семёну, какие Вы у меня красивые девчонки и хорошие хозяйки» — «Ну а что Семён на это ответил?» — «Он согласился со мной, правда, же Семён?» — «Да, да, я согласен, сказал я, Вы действительно красивые девушки, особенно Эля». Эля кокетливо засмеялась и говорит мне: «Семён, пойдём на второй этаж, я покажу тебе свою спальню и поиграю на пианино». Поднимаемся на второй этаж по лестнице, Эля идёт впереди меня, я за ней. Смотрю на её фигуру, как бы приглядываюсь к своей будущей жене. У неё тонкая талия, перетянутая пояском, копна рыжих кудрявых волос, лицо красивое с едва видными веснушками, правда при разговоре она слегка заикалась. Но это не беда, я же понимаю, что она говорит и для семейной жизни этого достаточно. Помузицировала она минут пять, затем решила показать мне свою кровать, говорит: «Смотри, Семён, какая у меня хорошая кровать и широкая, и при этом упала на кровать и разбросала руки. Я в нерешительности стоял и не знал что делать, а она смотрит на меня и заразительно смеётся. Из этого

сложного положения меня выручила её мать, она зашла в спальню, и позвала нас спуститься вниз за стол. Пообедали, чем Бог послал, а после обеда, на правах хозяйки Эля повела меня показывать свой сад.

Сад у них был большой, но очень запущен, деревья разрослись донельзя, их ветки спутались между собой, аллеи в саду заросли травой, за садом надо ухаживать, но видно некому. Хозяйке уже не под силу, а дочери постоянно в разъездах, они же артистки хоть и самодеятельные. Эля всё время, что-то говорила, а я ходил со своими мыслями в голове, думаю, нет, мне тут оседать нет смысла, да и жениться ещё рано, надо сначала закончить десять классов, а затем хотя бы техникум. С этими мыслями я и проторчал там до вечера, затем всей толпой уехали на вокзал, мы с Вадимом продолжать свой путь, а девчонки нас провожать. Эля от меня ни на шаг не отставала, что-то говорила, или советовала, а я думаю, говори, говори, скоро расстанемся и я о тебе забуду, а ты обо мне. Но, Эля на этот счёт была другого мнения, перед самой таможней она меня спросила: «Семён, когда мы встретимся снова? На следующий год, или может, ты раньше ко мне приедешь? Хорошо было бы, если бы мы поженились, то я бы с тобой поехала в Польшу, и помогала бы тебе во всём, а возможно мы в Польше бы и остались, ведь сумела же моя сестра, жена Вадима, получить польское гражданство?»

Её вопрос для меня был настолько неожиданным, что я сразу не нашёлся что ответить, но затем сказал: «Раньше отпуска, может, не получится, так что до следующего отпуска. А насчет того, что ты говорила я пока не думал, да и думать об этом пока рано». На этом мы с ней и расстались. Таможню с Вадимом мы прошли быстро, так ни каких запрещённых вещей у нас не было, если не считать несколько часов, которые я вёз на продажу, а ещё в Киеве я купил фотоаппарат «Зенит», в то время самый крутой и проигрыватель, под названием «Радиола», компактно спрятанный в чемоданчик.

Нашу таможню мы прошли нормально, вот и граница с Польшей, теперь уже польские пограничники ходят по вагонам и проверяют, кто везёт контрабанду. Заходят в наш вагон, сразу посмотрели на «Радиолу», молча один из пограничников берёт её с верхней полки, и быстро уходят из вагона. Я, недолго думая, а что долго думать, время-то на раздумье нет, бегу вслед за ними. Пограничники подходят к своему офицеру и ему что-то на польском языке говорят и показывают мою «Радиолу». Я подбегаю к офицеру и говорю ему на ломаном польском языке, вперемешку с русским словами: «Пан официр, это моя «Радиола», я её купил для нашего общежития, а то мы, молодые ребята, работаем на

заводе за городом, и нет никаких развлечений, пусть у нас будет хотя бы музыка, очень Вас прошу, верните нам эту музыку». Сказал ему эти слова и так жалостно на него смотрю. Тут подбежал Вадим и на хорошем польском языке то же сказал несколько слов о нашем невесёлом существовании. Пан официр (именно так звучит на польском языке офицер), ещё совсем молодой человек, немного подумал, затем по-русски капралу сказал: «Отдайте». Капрал, который держал в руке «Радиолу», нехотя протянул её мне, бросил недовольный взгляд на офицера, а затем и на меня. Я взял в руки свою музыку, затем с поклоном сказал: «Дзенькую барзо пану официру, доброй Вам службы». Офицер не говоря ни слова, приложил два пальца к козырьку фуражки, щёлкнул каблуками и ушёл по своим делам, а я на радостях побежал в свой вагон, с мыслями, чтобы быстрее поехал поезд, и тогда закончатся такие сюрпризы. Наконец-то, поезд тронулся, и мы благополучно отправились в поездку. В шесть часов утра мы прибыли в город Вроцлав, на перроне Вадима встречала жена, меня никто не встречал, хотя я телеграмму Зое давал. Но у нас почта работает так, что телеграмму могут принести на сутки позже, чем надо. Пока я добирался до своего завода, то в нашем общежитии практически никого не осталось, все уже ушли на работу. В комнате я подключил радиолу в сеть, и понеслась музыка не только по нашей комнате и коридору, но и по всему общежитию. Событие это было настолько невероятно, что через несколько минут в нашей комнате собрались ребята, кто не работал в первую смену. Организовали чай и с удовольствием слушали музыку и песни в исполнении тогдашнего модного певца, Владимира Трошина.

ЗАВОДСКИЕ И ЛИЧНЫЕ ДЕЛА

Перед обедом решил пойти в свой цех и сказать заказчикам, что я их просьбы выполнил. Иду через весь цех к пану Льяне, он заказывал фотоаппарат, самый ценный предмет. Поздоровался с Сильвестром и говорю ему: «Готовь злоты, заказ привёз, где встретимся?» Договорились встретиться после работы у автобуса, в цеху такие операции, как продажа вещей, запрещалась. Не успел я расстаться с Льяной, как подбежал Виктор Клименко, и спрашивает меня: «Сеня, ты мой заказ привёз?» — «Привёз, — отвечаю, — давай двести злотых и часы твои». Виктор на меня зло посмотрел и говорит: «А почему это двести, другие продают по 150 злотых, а ты сразу 200?» — «Витя, я привёз отличные часы марки «Звезда», это тебе ни хуры-мухры, а вещь. Так что если хочешь, бери, нет, значит, я другим продам, такие часы с руками оторвут». Виктор скривил свою физиономию, отдаёт мне деньги и говорит: «Давай часы, спекулянт». Забирает часы и уходит. Я закончил свои дела с заказчиками и уже собрался уходить, как вдруг в цех зашёл наш начальник цеха Николай Иванович Волобуев. Увидев меня, поздоровался и говорит: «Ну, как отдохнул?» — «Хорошо, Николай Иванович, сил набрался, так что работать буду ещё лучше» — «Вот я к этому и веду речь. Ты посмотри, сколько на твоей линии стоит блоков двигателей, ведь когда ты отдыхал, на твоём месте никто не работал, просто у нас такой специалист только ты один. Вот они тебя и ждут. Так что давай сегодня же и приступай к работе, а то смежники покою не дают, у них уже машины на выходе, а двигателей нет. Так что, Семён, ты сам понимаешь» — «Николай Иванович, понимать-то я понимаю, но у меня ещё три дня отпуска и я хотел бы их догулять» — «Какой догулять? — возмутился начальник цеха, — выходи и работай, а потом я тебе дам отгулы за неиспользованный отпуск» — «Николай Иванович, ну зачем мне отгулы, вот если бы вы премию за каждый двигатель злотых 150 подкинули, вот это было бы дело, я за месяц все пять двигателей собрал бы. Ночевать буду в цеху, а соберу» — «Семён, давай так, я сейчас пойду к директору завода и поговорю насчёт твоего предложения, может, что и получится. А ты после обеда выходи, договорились?» Получилось, правда, не 150 злотых, а только 100, но и то навар к моей зарплате. А что, мне всё равно делать нечего, и я в этот же день приступил к работе. В этот день, а это была пятница, я работал до 11 вечера, устал, конечно, но затем и в субботу, и в воскресенье работал также допоздна. Всё время, пока я вкалывал в цеху, в госпиталь к Зое не ходил, не до неё

было. Виктор туда ходил, он тогда встречался с Сашей, Зоиной жиличкой, приносил от неё приветы и просьбы чтобы я пришёл к ней в гости.

С этими ежедневными приветами Виктор мне так надоел, что я однажды в сердцах ему крикнул: «Когда же я к ней пойду, ты видишь, сколько у меня работы, я иногда в цеху ночую, некогда мне по свиданьям ходить, задание надо выполнять, раз пообещал, значит сделаю. Всё Витя, иди, мне работать надо, там я на обкатку поставил свой двигатель, так что ты его обкатай, а как закончишь обкатку тогда мне скажешь, я вскрою поддон и проверю вкладыши». Виктор ушёл, а я, работая, бурчу себе под нос: «Видишь ли ты, она по мне соскучилась, ну если ты так сильно соскучилась и знаешь, что я занят и не могу к тебе прийти, так возьми сама и приди. У тебя свободного времени больше чем у меня». Но она не пришла, посчитала идти к мужчине на свидание это ниже её достоинства. Кстати этим своим достоинством она колебала меня всю нашу совместную жизнь, хотя в чём оно заключалось, я так и не понял, а не понял, потому что у неё никаких достоинств и не было, была обыкновенная женщина, каких миллионы. Пока я выполнял обещание по работе, прошёл почти месяц, мои чувства к Зое как-то поугасли, меня уже к ней так не тянуло, а тут ещё Вадим пришёл в цех и принёс записку, которую Эля вложила в письмо матери. В записке она пишет, что скучает по мне, и жалеет о том, что, свои искрение чувства она не успела выразить, так как мы вместе были очень мало, и она не успела ко мне привыкнуть. Эля надеется на следующую нашу встречу, в которой она полностью раскроется, как любящая девушка. После того как Вадим ушёл, я продолжил работу и думаю, а что, возможно так и надо сделать, попросить недельный отпуск у директора завода, поехать в Брест и жениться на Эле. А затем может и в Польше с ней остаться на законных основаниях. В Польше жить гораздо легче, здесь нет такого партийного диктата, и полиция не суёт свой нос во все гражданские дела как наша милиция. А такое понятие как у нас колхозы и совхозы, у них вообще не существует. У них есть кооперативы, но они и близко не похожи на наши колхозы, да они и живут в основном за счёт дотации государства. А вот польское гражданство как Эля предлагала, мне, почему то принимать не хочется. Ведь в Польше можно жить и с другим гражданством, Вадим же живёт на постоянном жительстве в Польше, но он гражданин СССР. Да эта идея хорошая, но её надо как следует обдумать. Но сначала надо решиться жениться на Эле, а затем я её на правах своей супруги могу привезти в Польшу, в город Вроцлав. Когда у меня закончится контракт, мы с ней вернемся в

Брест, и там будем жить и работать, а может, останемся в Польше. Позже вместе с ней решим. Мне эта мысль так понравилась, что я пожалел, что не взял Эллин адрес, а то бы прямо сегодня написал бы ей письмо с предложением руки и сердца. Но адреса не было, а ехать к Вадиму, у меня в тот момент, со временем была наряжёнка. Я как то свыкся с этой мыслью, и о Зое думал всё меньше и меньше, и когда закончил заказ, и времени у меня было уже достаточно, но в госпиталь ходить мне не хотелось.

Как- то вечером, в пятницу, Виктор говорит мне: «Сеня, пойдём, сходим в госпиталь к девчонкам, скучно же сидеть в общаге?» И в самом деле, почему бы не сходить, хоть я и решил на Эле жениться, но когда это будет, да и будет ли она меня ждать. Одним словом пошли. Я не хотел заходить в комнату к Зое, и пошёл к Ирине. Она обрадовалась, приготовила чай, только мы с ней сели чаёвничать, как в комнату буквально влетает Зоя, и сразу набросилась на меня, упрекая меня в том, что я ею пользовался, сколько хотел, а теперь выходит, она не нужна. Говорит: «В госпитале-то все знают, что мы с тобой жили, как муж и жена, а теперь ты мне дал от ворот поворот, кому я такая нужна, в клубе на танцах меня никто не приглашает, все знают, что я твоя невеста и поэтому сторонятся меня». Честное слово, в тот момент мне как-то стало не по себе, ведь я хоть много и поездил по краю, но всё это были или небольшой город Степной и сёла, а воспитание у меня хуторское, порядочное. По этому поводу отец мне говорил: «Сынок, если ты кому-то, пусть даже случайно, сделал плохо, то это надо исправить, пусть тебе и будет плохо, но человека обижать не надо». Я не знаю, что под этим он понимал, возможно, понимал по своему, по-хуторскому образу жизни, другого то образа жизни он не знал, ведь он всю жизнь прожил в хуторах, то в Гашуне, а вот теперь в хуторе Северном. Но как бы там ни было, в этот момент мне вдруг вспомнились слова отца, и я подумал: «И действительно я поступаю по-свински, надо, что-то менять». Правда, в этот вечер я к Зое в комнату не пошёл, а остался у Иры, хотя Зоя усиленно приглашала меня к себе. Ушёл от Иры только утром, иду через польский полигон, в голове вертится одна и та же мысль: «Жениться или не жениться?» Всё вдруг решилось в один из моментов. На второй день, у нас была игра по волейболу с командой бригады связи, в свою команду они взяли двух волейболистов, которые играли за сборную дивизии, они в это время лечили свои спортивные травмы в госпитале. Парни были рослые под два метра, но прыгать они не могли, так как у обоих были травмы стоп, но и без прыжков они доставили нам много

проблем во время игры. Приехали волейболисты на автобусе, и с ними, приехала толпа болельщиков, в основном девушки. В качестве болельщицы приехала и Зоя, но я её сначала не видел, а увидел её уже во время игры.

Она сидела на небольшой трибуне с Сашей и Виктором, была, почему-то грустная, другие девушки болели за своих игроков, кричали и радовались, когда их команда выигрывала очки. А Зою игра, как мне показалось, не интересовала, было видно, что она, приехала с другой целью. Я сразу догадался, что за цель преследовала эта хищница. Ну ладно, думаю, приехала, так приехала, меня занимало другое — то, как она сумела наступить своей гордыне на «горло», наверное, сильно хочет выйти замуж. В этот вечер Виктор с Сашей уехали в госпиталь, а Зоя осталась ночевать у меня в общежитии, в комнате мы тогда жили с Виктором вдвоём. Вечером Зоя ничего не говорила, а вот утром, когда проснулись, она снова начала меня обрабатывать насчёт женитьбы. Говорила много, с укором, о том, что я обидел её, а жениться не хочу на ней. Она говорит, а я слушаю её и не ощущаю каких-то душевных чувств к ней, не знаю, почему так. Ведь до отпуска у меня к Зое, была какая-то тяга, а вот теперь её не стало. Возможно, причиной тому стали девушки, с которыми я в отпуске встречался и они как-то рассеяли мои чувства к ней, а что, может быть, но факт остаётся фактом, нет тяги к ней и всё тут. В таких случаях надо расставаться, а я всё тянул время и дотянулся. На её упрёки и слёзы я не мог ничего ответить, и тут ещё моя дурацкая натура, как только девушка заплачет, мне становится её жалко и я готов хоть что сделать, лишь бы она успокоилась. Одним словом, она меня уговорила на ней жениться. А тут ещё эти заводчане, увидели, что мы Зоей под ручку идём на автобус, чтобы уехать в госпиталь, и каждый старался узнать, когда же свадьба? Я, как мог, отшучивался, но отшучивайся не отшучивайся, а зерно в спаханную землю брошено, и вскоре мы с ней поженились.

Должен сказать, что первое время мне Зоя хорошо помогала, особенно по учёбе в школе, где я учился в вечернее время. Сразу после женитьбы мы с Зоей жили в их комнате в общежитии госпиталя. Комната, которую мне выделили на заводе, пока ремонтировалась, поэтому мы вынуждены были там жить. Саша на это время переселилась в другую комнату этажом ниже. Целую неделю мы с Зоей жили и радовались что мы вместе, но в один из вечеров Зоя пришла и мне заявила, что ей дали отпуск и она завтра уезжает домой. Я ей говорю: «Как же так мы только поженились и ты меня одного оставляешь, может ты всё-таки не поедешь, а поедешь позже?» Но жена настояла на своём поеду и

всё тут, и она уехала. Спорить я с ней не стал, но в этот момент я понял, что я для неё в жизни, большого значения не имею. Мне, конечно, было немного обидно, что только поженились, и она сразу уехала, но я не стал возражать.

Чтобы как-то погасить тоскливое настроение, я стал не только активно работать, но и заниматься спортом. В то время мы готовились к дивизионным соревнованиям по футболу и волейболу и поэтому ежедневно проводили тренировки. В эти дни я был занят с семи утра до двадцати, а то и до двадцати двух часов вечера. Естественно уставал и поэтому в общежитие госпиталя не ходил, а ночевал в заводском общежитии. В это же время, в один из дней, нашу заводскую волейбольную команду пригласили к себе волейболисты польского танкового училища.

У них было какое-то торжество и они решили завершить это торжество спортивным праздником. Мы, естественно, согласились, и с ними сыграли. Народу пришло много, но это были, в основном курсанты танкового училища и они яро болели за своих. Игра проходила интересно и с переменным успехом, одним словом праздник удался. После игры, группа курсантов нас пригласила в ресторан под названием «Под букетом», попить пива. А пиво у поляков очень хорошее, особенно под названием «Певно». Сам ресторан находился почти рядом, через дорогу от училища. Он небольшой одноэтажный, но уютный, находился в небольшом каштановом сквере, а перед входом была огромная клумба с разноцветными цветами. Я не знаю, что поляки имели виду, когда давали такое название ресторану. По моему мнению, они назвали его так, потому что эта клумба была настоящим огромным букетом, как я думал, от неё и пошло название ресторанчика. Но потом, мне просвещенные медсёстры объяснили, что по этому поводу у них другое мнение, а именно. Ресторан поляки назвали так потому, что, разнообразие употребляемых вин называется «БУКЕТОМ». Не знаю, кто из нас прав, а может, правы и они, и я. Кстати, такое название ресторана среди женского пола общежития стало нарицательным. Парней, которые к ним приходили в подпитии, они встречали словами: «Ты что, под букетом?» Как-то мы с Виктором Клименко поехали к девушкам в общежитие госпиталя. Доехали на автобусе до кольца сюдемки, а от кольца шли пешком до общежития. Проходили мимо ресторана «Под букетом», зашли выпить пивка, выпили и пошли дальше. Прихожу к Зое она услышала запах спиртного и спрашивает меня: «Ты что под букетом?» — «Да, — говорю ей, — зашли с Виктором пивка попили». Скажу, что позже такой её вопрос меня раздражал, ведь можно же спросить иначе, а то сразу «Под букетом». Ну ладно, как бы там ни было, мы с

польскими курсантами решили сходить в этот ресторан. Но сначала я решил пойти в общежитие госпиталя в комнату, где мы с Зоей жили, и переодеться в свой новый костюм стального цвета.

Со мной были Анатолий Мальцон и Витя Клименко. Виктор в волейбол не играл, но поехал, чтобы за нас поболеть. Когда мы пришли в ресторан, там нас уже ожидали пять польских курсантов. Они были поляками нового поколения и поэтому хорошо знали русский язык и положительно относились к нам, россиянам. Поляки же старшего поколения к русским большей частью относились враждебно. Некоторые это не показывали, а другие, не скрывали своего враждебного отношения. Это проявлялось везде: в транспорте, в магазинах и в других общественных местах. Это в основном были или не добитые фашисты, или поляки, которые сотрудничали с немцами и хорошо жили во время войны. Но как бы там ни было, мы сидим в ресторане и пьём пиво. Но перед этим произошёл небольшой конфуз. По нашим неписанным российским законам, если ты пригласил кого-то в ресторан, то должен его и угощать, а иначе как же. Вот с такими намерениями мы и шли в ресторан. Пришли к пригласившим нас курсантам и сели за их стол, я смотрю, они уже пью пиво, а для нас не заказали. Сначала за столом получилось какое-то замешательство, лично я не знал, как быть, ведь они нас пригласили в ресторан попить пивка, значит они должны нас и угощать, но поляки дружно пьют пиво, а угощать нас, как я понял, и не думают. Через минуту-другую, один из курсантов, так спокойно, как будто ничего и не случилось, меня спрашивает: «Семён, почему вы не заказываете пиво, заказывайте и будем вместе пить. Пиво очень вкусное, ты только заказывай «Певно». Но что делать, пришлось заказывать пиво для себя и моих друзей, а затем и «Сливянку» уже для всех. Не буду же я им объяснять, что у нас, у русских, совсем другие порядки. Посидели мы там пару часов, затем мы, россияне, попрощались с поляками, и я со своими друзьями пошёл домой. Анатолий с Виктором поехали на завод, а я пошёл ночевать в общежитии госпиталя.

Захожу в свою комнату, включаю свет и вижу, на нашей с Зоей кровати кто-то лежит под покрывалом лицом к стене. По волосам я сразу определил, что это не Зоя, да Зоя и не должна здесь быть, ведь прошло всего три дня, как она уехала в отпуск. Я тронул это «приведение» за плечо, оно повернуло голову, и я увидел лицо Нади, жилички Иры Плотниковой. Как вы уже знаете, Ира жила по коридору напротив нашей комнаты. По лицу Нади было видно, что она не спала, и я ей говорю: «Надя, ты, наверное, попутала комнаты?» — «Да ничего я не попутала, я знаю, что ты остался один, жена тебя бросила, и она уже может не

приехать к тебе. А ты парень хороший и я хочу, чтобы у нас с тобой получился семейный союз» — «А почему ты решила, что она меня бросила, насколько я знаю, она поехала в отпуск к матери, так зачем ты на неё наговариваешь» — «Ни к матери она поехала, а своему другу, который ей пишет письма. Семён, открой глаза, она тебя дурачит. Ты вот возьми вон ту коробку, что на шкафу и прочитай какие письма, пишет ей её друг, и тебе всё станет ясно. Ты хороший парень и мне тебя жалко. Ты прочитай её письма. Давай я сейчас достану ту коробку, и ты прочитаешь» — «Надя, ничего ни надо доставать, мы с женой, как-нибудь, и без тебя разберёмся, а сейчас уходи, я устал и хочу спать». Надя поднялась с койки, нервно схватила со спинки стула свой халат и ушла из комнаты. После этой ночи я решил перебраться в заводское общежитие, благо там места хватало. Я тогда подумал, что мне там будет лучше, во-первых не будет женского соблазна, а во вторых не надо будет каждый день ходить по три километра туда-сюда.

Кстати говоря, ни сразу, ни позже, я никогда жене не напоминал о той злосчастной коробке с письмами. Я подумал, что если сейчас начать раздувать огонь, то он может разгореться так, что нам надо будет расходиться, а я этого не хотел делать, потому что считал не приличным только поженившись уже разойтись. Хотя, если бы я знал как наша жизнь сложиться в дальнейшем, то может быть и надо было развестись сразу. Но я не развёлся ещё и потому что на заводе все уже знали, что я женат и вдруг такое. Ведь всем же не будешь объяснять причину нашего развода, так что пусть будет как есть. Да и вообще, всё это было до меня, а сейчас у нас другая жизнь.

За работой и спортивными заботами время пролетело быстро, тем более что Зоя была в отпуске только двенадцать дней. В тот день, Зоя приехала утром, а вечером я пошёл к ней в госпиталь. За ужином она меня спросила: «Сеня, а как ты проходил таможню в Бресте?» Я двинул плечами и говорю: «Да очень просто, таможенник спросил у меня, не везу ли я, что-нибудь запрещённое, я ответил, что нет, и он меня отправил дальше, в сторону Польского перрона. Вот и всё». Хотя я вёз пять штук часов, что таможенной декларацией запрещено» — «А у меня, в момент контроля на таможне, было совсем не так как у тебя», — сказала она.

МОЯ ЖЕНА «КОНТРАБАНДИСТКА»

Вот что Зоя рассказала, когда проходила таможенный досмотр.

— Когда подошла моя очередь, проходить таможней досмотр, — говорит она, — я положила чемодан на стойку, за которой находился таможенник, стою и на него не смотрю. Он меня спрашивает: «Везёте-ли вы что-либо, запрещённое?»

Я ему ничего не ответила, но от его вопроса я, наверное, покраснела. Он тут же подозвал женщину, тоже таможенницу, и та повела меня в отдельный кабинет. Женщина-таможенница, которой было лет сорок, привела меня в отдельную комнату, в которой были ещё две девушки-таможенницы, женщина там, наверное, была старшая, так как она в кабинете распоряжалась. Она сама положила мой чемодан на стол, который стоял посреди комнаты, и сказала мне: «Вытаскивайте все свои вещи из чемодана» Я всё, что было в чемодане, вытащила, и положила на стол, она смотрит на мои вещи и ничего предосудительного не видит, и это её, наверное, разозлило. Теперь она уже другим, более строгим голосом спрашивает у меня: «Вы, наконец, скажите, какие вы запрещённые вещи везёте?»

Я бы сказала, но я испугалась её требовательного голоса и той обстановки в которой я нахожусь, и от страха у меня пропал голос. Язык присох к нёбу, и я не могу им пошевелить, и поэтому я молчу, как партизан у немцев на допросе. Таможенница, наверное, расценила это по своему, она, наверное, подумала, что я везу страшную контрабанду и не хочу её открывать. Стоя посреди комнаты, она вдруг скомандовала: «А ну-ка, милочка, раздевайтесь до трусов». Я дрожащими руками с трудом разделась, сняла с себя всё, что на мне, было, положила одежду на стол и стою в трусах и туфлях. Они осмотрели всю мою одежду ничего не нашли, затем старшая таможенница командует мне: «Садитесь на стул». Ну, всё думаю, сейчас меня будут пытать электрическим током, я где-то слышала, что преступников пытают электричеством вот и моя очередь подошла. Сижу, на стуле прижав к груди скрещённые руки, а сама думаю, что же они меня не пытают. Смотрю на старшую таможенницу, а она подошла ко мне и говорит: «Ваш поезд уйдёт через пятнадцать минут, если вы не сознаетесь что прячете от нас, то поезд уйдёт без вас. А то, что вы прячете, мы все равно найдём, но вас из Союза больше никогда не выпустим». После её таких слов в моей голове начало твориться, что то невероятное, я сразу вспомнила про работу за границей, которую я могу потерять, про тебя, что

ты меня не дождёшься и женишься на другой женщине, и ещё про многое другое. Из такого кошмарного состояния вывела меня эта ужасная строгая командирша своими словами: «Так вы скажите или нет?» Я решила больше не упираться, и молча кивнула головой, мол, соглашаясь выдать свою тайну.

Но командирша не унималась и спросила меня: «Где вы прячете контрабанду»? Я так же молча глазами, показала на поллитровую банку с вареньем. Женщина решительно ловкими руками взяла банку, ножом открыла её и выудила из варенья комочек, в котором, что-то завёрнутое в презерватив, и туго стянутое нитками. Держа в руке комочек чего то, таможенники, наверное, думали, вот она контрабанда, там наверняка находится или платина или драгоценные камни, может они уже думали о наградах, но не надо торопиться, посмотрим, что будет дальше. Командирша взяла ножницы, разрезала нитки, на комочке, и, к своему изумлению извлекла из оного, дамские часики. Держа часики за браслет, она спросила: «И это всё?» Я согласно кивнула головой. Тут они трое начали дружно хохотать, я не понимаю, над чем они смеются, и только по пути к вагону уже на польской стороне, таможенница, которая меня провожала, объяснила мне, над чем они смеялись. Оказывается, часы на вторые руки можно свободно провозить, а я-то этого и не знала. Одним словом все вещи они мне отдали, а банку с вареньем оставили себе для обучения подрастающего таможенного поколения.

Я на этот счёт выразил сомнение, сказал Зое, что варенье они в тот же день съели с чаем. Вот так закончилось Зоино контрабандистское путешествие. Честно говорю, когда Зоя рассказала причину её задержания, я тоже от души посмеялся.

МОИ МОДНЮЩИЕ БОТИНКИ И АБСТРАКЦИОНИЗМ

Когда я приехал из первого отпуска, и на контрабанде заработал хорошие злотые, то прежде всего, решил, как следует одеться. Пошил светло-коричневый костюм, купил такого же цвета шляпу, а вот ботинки у меня были чёрные, и, как вы понимаете, они не гармонировали с моей одеждой. Я какое-то время ходил, как есть, но всегда хотел купить, в то время жутко модные, полуботинки светло-коричневого цвета на каучуковой подошве. Свободно их в продаже не было, и поэтому я попросил своего коллегу по заводу и по запрещённому бизнесу пана Льяну, помочь мне в покупке таких ботинок. Он согласился, и в выходной день, мы с ним встретились на площади, где был расположен большой универмаг. Когда мы с ним пошли подниматься на второй этаж, то я увидел большую картину, которая была нарисована на стене. Я эту картину видел и раньше, рассматривал её, но так и не понял, что художник хотел изобразить на ней. Картина нарисована была в новом стиле, для того времени, так называемом «Абстракционизм». В центре картины, был, изображён мужчина, у которого, ноги, были отдельно, и находились в разных местах картины. Туловище, было без головы, она была далеко впереди его. Лицо выражало страх: глаза расширены, волосы растрёпаны, рот открыт, как будто он что-то кричит. У туловища, одна рука была при нём, которая под «мышкой», держала рулон ткани, а другая была нарисована в самом верху картины. На втором плане картины, были нарисованы прилавок, рулоны вроде как материала, ну и ещё кое-что. Когда мы рассматривали это изображение с Ирой, то она по этому поводу сказала: «На мой взгляд, такие картины рисуют только ненормальные люди, шизики, у них в голове шарики стоят не в определённом плане, а разбросаны, вот у них и получаются такие картины». Стоим с Ириной перед картиной, на неё смотрим и оба молчим. Я хотел спросить у Ирины кто такие шизики, но, делать это не стал, чтобы в очередной раз не попасть в неудобное положение. Далее Ирина продолжила: «Я думаю, что такое искусство не стоит внимания общественности, так что пойдём на второй этаж за покупками». И мы пошли, но тогда и позже, эта картина у меня из головы не выходила, мне было интересно, что же хотел изобразить на ней художник. И вот я снова стою перед этой картиной и стараюсь угадать, что людям он хотел сказать. Льяна тоже остановился, и смотрит то на меня,

то на картину. Затем он не выдержал моего внимания к картине и спрашивает у меня: «Семён, ты что в ней нашёл хорошего?» — «Да я не знаю, что в этой картине хорошего, но мне хочется понять, что художник хотел нам сказать, нарисовав это. Понимаешь, Сильвестр, если взять и все конечности поставить на место к телу, то получается бегущий человек с рулоном ткани под мышкой. Судя по ногам, по лицу этот человек бежит, при том бежит быстро, значит, от кого-то убегает. Скорее всего, это вор, украл тюк ткани, и убегает из магазина». Льяна, глядя на картину, выслушал меня, затем говорит: «Знаешь, Симон, я в этом деле ничего не понимаю, но если ты хочешь, узнать что здесь изобразил художник, то давай спросим у работников магазина, они наверняка знают что и как. В этот момент к нам подошла женщина лет сорока, одетая в форму работника универмага и спросила у нас: «Цо панам птшебно?» Льяна на польском языке, объяснил ей наш интерес и она уже на смешанном русско-польском языке сказала: «На этой картине изображён покупатель, который купил материал и с радостью побежал домой, чтобы показать жене покупку. Эту картину мы заказывали знаменитому польскому художнику-абстракционисту пану Адамику. Ну, цо, пановье, я удовлетворила ваш интерес?» Мы с Льяной согласно покивали головами, и пошли на второй этаж за покупками. Я хоть и кивал головой в знак согласия, но в душе всё-таки с её доводами о картине я не согласился, моя версия была вернее, но спорить я не стал. А ботинки мы купили такие как я, и хотел, моднющие, аж жуть берёт. Носил я их лет пять или семь, точно не помню, практически не снимал, только на работу не надевал, боялся что украдут. Но, как известно вечного ничего не бывает вот, и мои ботинки износились, а жаль. Кажется, тему я закончил, но вот что я вам хочу ещё рассказать об абстракционизме и художниках-абстракционистах, и встрече их с нашим тогдашним главой страны Никитой Хрущёвым. Но об этом я узнал гораздо позже, хотя действие проходило в то же самое время, о котором я сейчас пишу. Как-то в наше время я смотрел телевизор, и там один художник рассказывал о встрече художников-абстракционистов с первым секретарём КПСС Никитой Хрущёвым. Вот что он рассказал: «Было это на заре нового художественного течения, абстракции, а течение это назвалось «абстракционизм». В то время министром культуры СССР, была Екатерина Фурцева и вот она предложила первому руководителю нашей страны посмотреть картины молодых современных художников. Хрущёв её предложение принял с энтузиазмом, заявил, что первый руководитель должен знать всё, что в стране делается и особенно в искусстве. Молодые художники, узнав об

этом стали готовиться особенно тщательно, как же, сам Хрущёв придёт смотреть их шедевры. Хрущёв зашёл в выставочный салон, в сопровождении Фурцевой и не большой его свиты. Никита Сергеевич, не высокого роста, очень полный, его фигура напоминала шкаф, который сам по себе двигался по салону, а за ним, шлейфом его свита Он подходил к очередной картине, Фурцева называла автора произведения, художник подходил к ним и объяснял, что на картине изображено. Хрущёв сначала молча рассматривал картину, слушал внимательно художника, лицо его было сосредоточено и напряженно, как будто он сам хотел разобраться, что на картине изображено. Но, терпения у него надолго не хватило, он начал кряхтеть, шевелить губами, затем на пятой или шестой картине он не выдержал такой пытки, лицо его покраснело, и он, показывая рукой на очередную картину, спрашивает с возмущением: «Вы мне скажите, что это за искусство такое, мазня это, а не картины, да, да самая настоящая мазня, а те, кто рисует такие картины дураки и пидорасы (Так он и сказал, при этом исказив это слово). Но это не всё, те, кто помнит Никиту Сергеевича, тот знает, что на этом он не остановится, и действительно не остановился, и дал указание: «Немедленно, весь этот хлам выбросьте во двор и там сожгите, чтобы и духу его не было. Я не позволю, чтобы советский народ развращали таким искусством». После такого резюме первого руководителя нашего государства об абстракционизме было опасно даже думать ни то, что им заниматься, и это искусство заглохло на долгие года. А вот в Польше к нему относились снисходительно, поэтому художники продолжали творить и организовывались даже выставки, на которых побывал и я.

МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В СИБИРЬ

Своё представление о Сибири я имел весьма отдалённое, помню из учебника картинку, где деревенские избы, засыпаны снегом под самую крышу. Вот и всё моё познание. Как-то так получилось, что книг о Сибири я не читал, если не считать ссылку Ленина в село Шушенское, но там тоже село и такие же избы. А тут по графику отпусков, подошёл мой отпуск, сидим с Зоей и рассуждаем, что делать ехать, куда-то в отпуск или остаться работать на заводе, одним словом, делали выбор. Ехать к своим родителям на хутор я не хотел, зачем ехать, если я там, в прошлом году был, я склонялся к тому, что в отпуск не поеду, и буду работать. Хоть на моём конвейере в то время работы было мало. Но тут Виктор Клименко собрался в отпуск, и я мог его заменить на обкатке двигателей. Так что без работы не остался бы. Вот так вечером сидим с Зоей и думаем, как быть. И тут Зоя выдаёт вариант, о котором я бы и не подумал. Она говорит: «Сеня, раз мы после работы в Польше собрались ехать к нам в Сибирь, чтобы там жить и трудиться, так может быть, тебе съездить к моим родным в город Кемерово и познакомиться с ними. Да и вообще, посмотреть, что из себя, представляет Сибирь. Хотя сейчас лето и полного представления о Сибири ты иметь не будешь, но всё же кое-что поймёшь».

Её идея мне понравилась, и я на другой день оформил отпуск, а не следующий уехал знакомиться с Сибирью. На этот раз дорога была не сложной, пересел с одного поезда на другой и вот я уже в Москве. До отхода поезда у меня времени было много, и я решил навестить Зоину двоюродную сестру Раю, которая с мужем и детьми жила в Москве. Пришёл я к ним как раз вовремя, Леонид, муж Раи, пришёл домой на обед, и я их всех застал дома. Познакомились, понравились друг другу, все ещё молодые и здоровые, что же не понравиться? Леонид сказал мне, как будешь возвращаться обратно, то обязательно дня на два останься в Москве, я отпрошусь на эти дни у своего начальства и покажу тебе столицу нашей Родины. «Ты ведь в Москве, наверное, в первый раз?» — спросил он у меня. Я сказал ему, что действительно до этого дня я Москву не видел. Одним словом, мы с ним условились. Затем он проводил меня до Казанского вокзала и примерно через час я отправился в дальнюю, ещё незнакомую мне дорогу. Дорога была не только дальняя, но долгая по времени, от Москвы до Кемерово тогда на поезде ехали больше трёх суток. Всю дорогу я практически не отходил от окна вагона, мне были интересны бескрайние просторы нашей Родины.

Особенно меня поразили огромные деревья — сосны, которые тянулись вдоль железной дороги. Я и до этого видел большие деревья в той же Клайпеде, да и в Польше их много, но таких, как на Урале, я нигде не видел. В стороне от железной дороги стояли вековые сосны, высотой метров тридцать, своей величавостью они меня просто покорили и, главное, их не спилили на пиломатериалы, возможно это был заповедник? А затем, за Уралом пошли Сибирские лесные просторы. Видя, картину бесконечных лесных угодий, я не переставал удивляться необъятным просторам нашей страны. Так постепенно город за городом наш поезд добрался до Кемерово. Когда мы въехали на окраины города, я, стоял в коридоре вагона, и пристально вглядывался в окрестности. Мы как раз проезжали мимо большого кустарникового массива, а на заднем плане был виден какой-то огромный завод, с большими дымящимися трубами. Интересно, думаю, что же это за завод такой огромный? В это время ко мне подошёл мужчина лет сорока пяти, тоже встал у окна и спрашивает у меня: «В Кемерово едете первый раз?» — «Да, — говорю, — впервые» — «По Вам видно, что Вы южанин, — и, не дождавшись моего ответа, продолжил, — Вот эти зелёные растения называются Мичуринскими садами, а там, на заднем плане виден Химический комбинат (ныне «Азот»), Я вглядываюсь в окрестности и нигде не вижу садов, везде видны только кустарники, а в моём понятии сад, это несколько фруктовых деревьев. Своё сомнение я высказал своему попутчику, на что он мне ответил: «Это у вас на юге, сад, значит должны расти фруктовые деревья, потому что у вас там светло тепло и мухи не кусают, а мы, сибиряки, с нашими трескучими морозами рады и вот этим кустарникам, всё-таки, какая ни какая, а ягода, вкусная и людям радость приносит. Вот потому люди их и называют садами. Если хочешь здесь жить, то изучай природу, а то тебе первое время ох и трудно будет, хотя и если изучишь природу все равно будет трудно. Выдержишь ли ты наши сибирские зимы, не знаю, у нас работали южане, которые в первую зиму сбежали в свои тёплые края. Ну ладно, пойдём собираться, а то скоро станция». На его слова я тогда не обратил внимания, до того как я приеду в Сибирь, было ещё далеко и поэтому волноваться было ещё рано. А вот и Кемеровский железнодорожный вокзал, в то время, представлявший собой какое-то убожество и внутри, и снаружи. На деревянном бараке было написано «Вокзал». На мой взгляд, кемеровчане издевались над благородным и всеобъемлющим словом «ВОКЗАЛ». Но делать нечего, как говорится, что есть на том и зиждимся. Как найти Зину, сестру Зои, я хорошо знал, жена снабдила меня подробными

инструкциями. От вокзала можно было взять такси, но мне торопиться было некуда, поэтому, я пешком прошёлся до Советского проспекта, там сел на трамвай и поехал к универмагу, а от универмага, пешком до горисполкома, где работала Зина. Кстати сказать, здание горисполкома было тогда таким же, как и сейчас. Прошёлся по центру города, и он мне понравился, около драматического театра всё было примерно, как и сейчас, только не было фонтана. Интересная встреча была с Зиной. Я зашёл в здание горисполкома, у дежурного милиционера спросил: «Где мне найти Белорыбкину Зинаиду?» Он попросил меня подождать минутку, а сам поднял трубку и куда-то позвонил. Буквально через минуту из коридора вышла молодая женщина и направилась к дежурному, но он ей указал на меня. Она подошла ко мне, поздоровалась и с улыбкой смотрит на меня. Я не стал её томить и сказал: «Я Семён». Зина ойкнула, от удивления или радости, от чего точно не знаю, но что ойкнула это точно. Затем она, мило улыбаясь, сообщила мне, что она пойдёт и отпросится у начальства, и тогда мы с ней поедим в деревню Пугачи, что рядом с городом, к её маме, а к моей тёще. Ждать Зину пришлось недолго, вскоре она появилась, мы с ней вышли на улицу, рядом была стоянка такси, мы в одну из них сели и поехали. Возле одного из магазинов я остановил такси и пошёл купить вино, но ни вина, ни водки в нём не оказалось и мне пришлось купить спирт. В то время он свободно продавался во всех продуктовых магазинах. Выехали на трассу и поехали, Зина сказала, что поедем через Новостройку, от неё до деревни Пугачи не далеко. Такси ехало по главной улице деревни Пугачи, почти через всю деревню, деревенский народ стоял у своих калиток и взглядами сопровождал нас. Зина сказала, что это редкость чтобы в деревню приезжали на такси, вот люди смотрят и гадают, кто же это приехал и к кому. Получилось так, когда мы с Зиной подъезжали к избе моей тёщи, то возле калитки стояли две женщины и о чём-то разговаривали. Зина сказала, что женщина, у которой на голове цветастый платок, это её мама, значит это моя тёща. Такси остановилось рядом с женщинами, Зина вышла и пошла к ним, а я пока сидел в такси и рассчитывался с таксистом. Затем взял свои вещи и пошёл знакомиться со своей тёщей, я уже знал, что её зовут Варвара Ефимовна. Подошёл к женщине в цветастом платочке и сказал: «Здравствуйте Варвара Ефимовна, меня зовут Семён, я муж вашей дочери Зои, вот приехал познакомиться с вами и сибирской природой». Моя речь для знакомства оказалась длинной, и пока я говорил, на меня смотрели добрые серые глаза, ещё не старой женщины, ведь тогда Варваре Ефимовной было лет 50. Скажу, сразу, что мы друг другу понравились, и эта взаимная

симпатия и уважение друг к другу были сохранены на всё время, пока она была жива. А Варвара Ефимовна мне понравилась с первого взгляда, она была не только внешне симпатична, но была ещё и умной, доброй, отзывчивой женщиной. И само её имя Варя мне всегда нравилось, а Ефимовна и говорить нечего, я к этому имени с детства приучен, ведь мой отец Кондрат Ефимович, так что всё было кстати. За то короткое время, с декабря 1960 по декабрь 1966 годы, до времени её кончины, мы с Варварой Ефимовной не разу не поссорились, если и было какое-то недопонимание между нами, то она могла это так разрулить, что и следа от непонимания не оставалось. Продолжаем знакомиться с Варварой Ефимовной, её родственниками и просто соседями. Варвара Ефимовна сразу пригласила нас в избу, накрыла стол, в это время люди начали тихонько входить в комнату и с интересом рассматривать меня. Кто приехал к Белорыбкиным, уже знала вся деревня, вот люди и шли посмотреть какой у их землячки Зои муж, а мужики заходили за тем, чтобы со мной познакомится да и выпить, если подадут. «А подать выпить должны, обязательно, раз гость приехал издалека, мужики знали, что без выпивки, не обойдётся. Да приезд неизвестного человека в деревню, что ни говорите, событие значимое, а этот человек ещё и зять, наших деревенских, так что почитай будет нашим человеком, значит надо с ним познакомиться», — так или примерно так рассуждали жители деревни. Народу пришло много и старые мужчины, и женщины, и молодые, в основном девушки, деревенские подруги Зои. Вскоре места за одним столом не хватало для всех желающих, принесли ещё один стол, от Ильиных — они и соседи, и родственники наши. Пришли и сами Ильины, тётя Дуня и дядя Иван. Начались новые знакомства, тосты и, естественно, выпивки за знакомство. После третей или шестой стопки, точно не помню, я Зине сказал: «Ещё одна стопка и я упаду под стол». Зина мне говорит: «А ты водку не пей, вот рядом стоит водочная бутылка, а я в неё налила воды, из неё я себе наливаю, давай и тебе из неё буду наливать». Простым решением Зина спасла моё реноме. Застолье длилось долго, я перезнакомился со всеми, кто сидел за столом и кто не сидел тоже. Мне показалось, что застолье шло к концу, но, зашла новая группа товарищей, и всё началось снова. Наконец глава деревни, а это был бригадир, сказал: «А что это мы всё говорим тосты, славим нашего зятя, я думаю, что мы все хотим, чтобы тост сказал Сеня, он новый человек в нашем обществе и хочется его послушать. Правильно я говорю?» — спросил он у застольного общества. Все дружно его поддержали. Да, думаю, вот они добрались и до меня. Тосты говорить я толком не умел, на

собраниях иногда выступал, когда заставляли, но тоже красноречием не могу похвастаться. Но там как сказал, так и сказал, а здесь дело совсем другое, надо не осрамиться самому и не подвести мною уважаемую хозяйку дома, Варвару Ефимовну. Я какое-то время подумал, все на меня смотрели с ожиданием, взглянул на хозяйку дома, она тоже смотрела на меня с лёгкой улыбкой и ожидала, что же я скажу. Пока я готовился произнести тост, Зина налила в мою рюмку своей «водки», я взял рюмку и встал на ноги. Вы не представляете, какое у меня было волнение перед выступлением, учитывая мой возраст, оно и должно быть таким, но возраст возрастом, а говорить-то надо. Ещё подумал, когда буду говорить, надо чаще хвалить людей сидящих за столом, я слышал выступающих ораторов, и они всегда так делали. Держа рюмку в руке, я начал свою тостовую речь: «Товарищи, — тогда это слово было модным и обязательным, — Случилось так, что я волею судьбы стал членом вашего коллектива, — все дружно зааплодировали, — Скажу сразу, что вы все мне понравились, — снова дружные аплодисменты, — Вы люди открытые, доброжелательные и поэтому мне понравились. Я и сам по натуре такой же человек и поэтому мне с вами легко. Варвара Ефимовна, мама моей жены мне очень понравилась, ещё молодая женщина, симпатичная и по глазам видно, что добрая и открытая. Вы люди опытные, проницательные и, наверное, заметили, что Варвару Ефимовну я тёщей не называю, и сразу скажу, что никогда её так называть не буду, так как слово «тёща» в народе приобрело нарицательный оттенок, а Варвара Ефимовна к таким не относится, так что вы меня понимаете», — все дружно снова захлопали в ладоши. Я уже говорю долго и пора произнести тост и я его предлагаю: «Так что я предлагаю тост за вас, сидящих за этим столом и стоящих у двери, желаю вам здоровья, благополучия вам и вашим родным и близким, и пусть никогда не будет войны, а пусть всегда над нами будет светить доброе солнце». Опрокинул свою рюмку в рот, и подумал, хотя бы мужики не догадались что в рюмке вода, а не водка, а то ведь могут и обидеться, это в лучшем случае, а в худшем, могут и побить. Сибиряки народ добрый откровенный, но фальши не любят, так что мог бы и пострадать, но, слава Богу, всё обошлось. После моего тоста кто хлопал в ладоши, кто осушал рюмки, а некоторые женщины прослезились, ведь война не так давно кончилась и пока ещё не забыта, а у многих с фронта не вернулись родные и близкие. Так что мой тост неожиданно для меня принят был по-всякому, но с добром. Засиделись за столом долго, уже день катился к вечеру, надо было бы и расходиться, но от стола никто не хотел уходить за исключением нетерпеливых

товарищей, но они оказались в большом меньшинстве. И тут тётя Дуня Ильина взяла бразды правления в свои руки, она встала и сказала: «Посидели хорошо, с гостем познакомились, а теперь пора и честь знать, да и вообще, вас уже скотина в стайках ждёт, а вы всё здесь сидите». После такого напутствия, люди за столом зашевелились и вскоре изба опустела. Как только комната опустела, Ильины тоже собрались уходить, мы втроём встали, чтобы их проводить. Стоим посреди комнаты, и тётя Дуня сделала нам предложение, она сказала: «Завтра просим вас в гости», и по старому обычаю поклонилась, но поклонилась только она, дядя Иван кланяться не стал, он человек других убеждений. Я о семье Ильиных напишу в второй книге, дядя Иван очень интересный экземпляр, разумеется если не забуду. А тем временем тётя Дуня продолжила, завтра приедут, наши дети, Фёдор со своей семьёй, и Валентин, так что просим вас». В тот момент, когда тётя Дуня заговорила о детях, я вспомнил, что я был у их дочери проездом в Москве и сказал им об этом. Ильины обрадовались, а тётя Дуня сказала: «Сеня, завтра придёшь в гости и за столом расскажешь, как они там живут, это будет интересно услышать нам и нашим гостям». На другой день, пошли в гости к Ильиным. Приехали из города их сыновья, Фёдор со своими детьми и Валентин, он был моложе меня на два года, и ещё был неженат. У них, так же, как и Варвары Ефимовны набралась полная изба народа, выпивки, тосты, но я уже был рад тому, что был не на первом плане, и ко мне так с рюмками не тянулись, как прошлый день. По просьбе тёти Дуни я рассказал о том, как живёт семья их дочери Раи. Хотя я мало что знал, но всех их видел, что они живы и здоровы, вот и рассказал. Во время моего рассказа, Раины родители сидели, гордо подняв подбородки, а как же, не у каждого из небольшой деревушки, дочь переберётся жить в столицу нашей Родины в Москву, а вот их дочь там живёт, хоть и временно. В деревне я был недолго, два или три дня, затем приехал в Кемерово к Зине, прошёлся по магазинам, выполнил наказ заказчиков из Вроцлава, правда, не весь заказ, но, кое-что купил. Просто того, что мне нужно не было в магазине, и меня попросили зайти завтра. Но я решил, что больше в Кемерово задерживаться не буду и начал собираться в дорогу. Кажется, по возможности всё сделал, и можно было бы уезжать, но тут Зина сказала, что сегодня приедет её сестра Галя, и хорошо было бы, если бы я её дождался, она хочет познакомиться с тобой, с нашим первым зятем. Галя жила и работала учителем в селе Итат, который расположен на севере Кемеровской области в семидесяти километрах от Мариинска. Позже, когда я уже жил и работал в городе Кемерово, я там был несколько раз. Это село довольно

большое, районного значения, с железнодорожным узлом и другими предприятиями районного значения. Но это будет потом, а сейчас, пришлось отложить отъезд ещё на один день. Сразу скажу, что мне с ними было не просто, потому что они обе старше меня: Галя на пять лет, а Зина и того больше на восемь, так что я в этой компании выглядел, так сказать, недозревшим мужчиной. Но ничего, встреча прошла хорошо, ходили ужинать в ресторан Сибирь, в то время самый крутой ресторан в городе Кемерово. В ресторане с нами была ещё Зинина подруга, которую звали Надя. Я заказал шикарный стол, с вином, соками а также закусками холодными и горячими. Думаю, пусть стол будет шикарным, чтобы сёстры жены запомнили мой приезд. А то может получиться так, я уеду, и они на второй день меня забудут. Стол был накрыт хорошо, но Зина захотела попробовать ликёр зелёного цвета. Она мне сказала: «Семён, наши работницы пили такой ликёр, и его очень хвалили, но я никогда ликёр не пробовала и очень хочется попробовать, так что прошу тебя, закажи его». Ну что же, раз женщина хочет то надо выполнить её просьбу. Я заказал ликёр, официант принёс под него другие бокалы и мы все его попробовали. Лично мне ликёр не понравился, уж больно он сладкий, а Зине понравился, и она целый вечер пила только его. Одним словом хорошо посидели и пошли домой к Зине. А ресторан «Сибирь» мне понравился. Знаете, он был построен в старинном стиле с колонами в два этажа. Гораздо позже, когда я уже жил в Кемерово я туда ходил ещё несколько раз, а затем, где-то в средине семидесятых его не стало, он сгорел, или сам загорелся или кто-то поджёг, бывали и такие случаи. Я вот обо всей семье Белорыбкиных рассказал, но ни слова, ни сказал о главе семьи, о моём тесте Белорыбкине Алексее Никифоровиче. Дело в том, что мне о нем в тот момент и сказать было нечего, его дома не было, он был, где-то в отъезде. Я встретился с ним гораздо позже, когда мы с женой окончательно перебрались жить в город Кемерово. Ну что, знакомство с Зоиной семьёй произошло, можно и уезжать. Но нет, пока уезжать нельзя, я ещё не все сделал закупки, по заказу из Польши, и поэтому с утра, другого дня, отправился в магазин, а вечером я уже ехал в поезде Кемерово-Москва.

ОБРАТНО В ПОЛЬШУ

Из Кемерово до Бреста я доехал без приключений, хоть долго и ехал, но доехал. В Москве я останавливаться не стал, хотя помнил о договоре с Леонидом, но я так устал от этих поездок что хотелось быстрее домой, поэтому я сразу с Казанского вокзала переехал на Белорусский вокзал, купил билет и через час я уже на поезде ехал в город Брест. В Брест я приехал утром, а поезд на Вроцлав уходит вечером, поэтому у меня было много времени, и я не знал, куда себя деть. Можно было поехать на экскурсию, но от вокзала экскурсия была только в Брестскую крепость. Но, я там уже был и второй раз не хочу ходить за экскурсоводом и слушать, как наши бойцы в битве с фашистами погибали, и кровью писали свои имена на стенах крепости. Я вообще не люблю слушать, тем более смотреть, как терпят поражение или тем более погибают наши люди. Раньше я любил смотреть фильмы о героях гражданской войны, но потом как узнал о репрессиях против своих же боевых товарищей, которые гибли по ложным обвинениям, внутри у меня, что то перевернулось, и я не стал смотреть такие фильмы. Ведь что вы не говорите, а я сын батрака и не случись революции я бы так и батрачил на богатеев, как мои деды и отец. А вот благодаря этим героям гражданской войны судьба моя кардинально повернулась в лучшую сторону, и я стал равный со всеми. А если ты хочешь расти по служебной лестнице, то учись, потом работай и не просто работай, а паши, и тогда у тебя всё получится. Именно этой схемы я и придерживался всю жизнь. Разумеется, тема эта спорная и каждый из сословий отстаивает свою точку зрения, но у меня она вот такая. Продолжая революционную тему, хочу сказать. Я тут не так давно прочитал статью о Великом революционере, Тер-Петросяне Симоне Аршаковиче, по прозвищу «КАМО». Вот что пишет о нём Советская энциклопедия:

«Камо» (Тер-Петросян Симон Аршакович 1882–1922 годы). Деятель российского революционного движения. Член КПСС с 1901 года. Участник революции 1905–1907 годов. (Тбилиси, Петербург). Проявлял исключительною изобретательность и организацию подпольной транспортировки оружия и революционной литературы. Вместе со Сталиным они производили экспроприацию денег у царского правительства. В 1918–1920 годах, организация партизанских отрядов и подполья на Кавказе и юге России.

Вот, такой необыкновенный герой гражданской войны, который прошёл такое пекло революции, и уже в советское время в 1922 году погиб, в Тифлисе (Тбилиси) под колёсами

автомобиля. Так гласила официальная сводка. Я думаю, что его просто убили, потому что он кому-то мешал. Ведь не мог сорокалетний здоровый мужчина попасть под машину, пусть даже и на велосипеде. Я думаю, что в то время на весь город Тифлис, было не более двух машин, и надо же Камо под одну из них попал, и она его задавила. Эта официальная версия, шитая белыми нитками, но её власти признали, и она существует до сих пор.

ЦАРСКИЕ ДЕНЬГИ

Когда я написал о Сталине, то вдруг вспомнил, что когда я ещё учился в начальных классах школы, то от нашей учительницы впервые услышал что Сталин — это не фамилия нашего вождя, а кличка, а настоящая его фамилия Джугашвили. Эта новость меня так поразила, что я о его фамилии говорил с кем надо и с кем не надо, в хуторе и взрослые, и дети многие не знали какая фамилия нашего вождя. В этот же день мы с Иваном Борисенко пошли к нему домой, мне идти к нему не хотелось, так как я знал, что вход в их хату полузапрещённый, мне об этом говорил Котенко Иван, их сосед. Ну ладно, Иван настоял и мы пошли. Заходим в их хату, его бабушка сидит на табурете перед окном и на столе перекладывает какие-то бумажки. Как только она нас увидела, сразу обхватила руками эти бумажки и наклонилась над столом, прикрыв их своим телом, пряча от нас. Мы с Иваном прошли мимо неё в его комнату, он в семье был один мальчик и у него была своя комната. Иван начал показывать свои рисунки, книги которые ему дарили и разные другие вещицы. Я всё это рассматриваю, а сам думаю, что же это его бабка от нас прятала? Меня этот вопрос так напрягал что я, наконец, не выдержал и напрямую спросил у Ивана: «Слушай, Иван, а что это твоя бабка от нас прятала?» — «А, — равнодушно махнул он рукой, — это она прячет царские деньги, она их от всех прячет, боится что обворуют. Она мне говорит, что скоро царская власть вернётся вот мои денежки и пригодятся». Тогда я говорю Ивану: «Вань, а посмотреть на них можно, я ещё никогда не видел царских денег» — «Пойдём», — как-то быстро согласился Иван. Подходим к бабушке, Иван ей говорит: «Баб, покажи Сене свой клад, а то он никогда не видел царских денег».

К моему удивлению бабушка быстро согласилась и стала показывать мне купюры и о каждой рассказывать. Купюр было немного, с десяток разного достоинства, царские и керенки. Ну, царские мне было понятно, а вот что за керенки, я о таких деньгах и не слышал, об этом я спросил у любезной бабули, и она мне сказала: «Керенкой называются деньги потому, что после Николая, был какой-то царь Керен, вот в честь его и назвали эти деньги». В царях я тогда не разбирался и мне хватило того, что бабушка рассказала. И вот, в момент нашей беседы с бабушкой, Иван вдруг ни с того, ни с сего говорит: «Бабуль, а ты знаешь, что Сталин вовсе и не Сталин?» Бабка округлила глаза и спрашивает внука: «А кто же он такой?» — «А он Джугашвили, понимаешь фамилия у него такая» — «Ну, раз фамилия то ладно, —

согласилась бабуля, — хотя какая-то непонятная, так, а Сталином, почему его зовут?» — «А Сталин, это у него такая партийная кличка» — «Кличка? — удивлённо спросила бабушка, — О, Господи, ну собакам дают клички, это понятно, а ему-то зачем кличка, ведь у него и фамилия есть, пусть и не понятная, и имя есть, взяли, обозвали человека кличкой, нет, это совсем не по-людски». А мы с Иваном и сами не знали, почему Сталина так назвали и поэтому не могли ей объяснить, так и ушли из хаты, оставив бабушку в раздумье.

И СНОВА ГОРОД БРЕСТ

Ну ладно, хватит воспоминаний давайте вернёмся в город Брест, где я, от нечего делать, хожу по красивой алее парка с чемоданчиком в руках под названием «Балетка». Остановился, посмотрел на часы, до отхода поезда оставалось полтора часа, думаю, надо двигаться в сторону вокзала. Пошёл по тротуару по улице, рядом стоят дома четырёхэтажные и пятиэтажные, построены из красного кирпича. Недалеко от вокзала стояла столовая, на её углу женщина в белом халате торговала пирожками. Увидев пирожки, я почувствовал голод, подошёл к продавцу и спрашиваю: «С чем пирожки?» — «С капустой, с картошкой, с фасолью и луком», — отвечает мне женщина средних лет. «А цена какая?» — спрашиваю. О цене я спрашивал только для того, чтобы поговорить, а то целый день ни с кем и словом не перемолвился: «Та дёшево я продаю, бери, а то после обеда вышла и вот уже два часа стою, и никто даже ни подходит, прямо хоть бросай торговать и возвращайся без выручки». Я стою, раздумываю, какой бы пирожок взять, а сам ей говорю: «Да Вы не расстраивайтесь, раз я к Вам подошёл, значит сейчас за мной очередь покупателей будет. Это всегда так, где я что ни покупаю, везде за мной очередь покупателей выстраивается. Вы вот что, дайте мне один пирожок с капустой и один с фасолью, и, пожалуй, хватит». Женщина заворачивает пирожки, а сама говорит мне: «Да ты что, два пирожочка то берёшь, ты парень молодой, симпатичный, но очень худой, уж такой худой, так что мне тебя просто жалко, тебе надо кушать побольше, возьми ещё парочку пирожков». Пирожки я взять согласился, но вот насчёт того, что худой, я с ней был не согласен. Я тогда в свои двадцать три года, при росте 176 см весил 70 кг, так что мой вес я считал нормальным, в крайнем случае, в спорте я был не утомим. Играя за заводскую футбольную команду, я бегал по футбольному полю два тайма, но если бы потребовалось, я бы ещё два тайма отыграл. Вот такая у меня была физическая форма. Но что касается тёти, которая торговала пирожками то да, по сравнению с ней я был худой, но ведь она работает в столовой, где еды полно, а я, на заводе с железками, так что разницу вы понимаете. Но продавец пирожков мои мысли не читала, накладывала пирожки в большой бумажный пакет и приговаривала: «Пирожочки достану тебе с низу бачка, там они горячее, те, которые теплые можешь сразу покушать, а горячие пусть полежат, потом съешь». Увидев, что у меня в руке чемоданчик она спрашивает у меня: «А ты что это с чемоданчиком,

командировочный или проездом?» — «Да проездом я у вас, скоро мой поезд, так что у Вас пирожки куплю и на поезд» — «Ну, так вот я тебе о том и говорю, бери пирожков больше, что по ресторанам тратить деньги ведь они не просто достаются, а пирожочки покушаешь и дёшево, и сердито. Что скажешь не права я?» — «Что Вы не правы, я так не скажу, Вы действительно правы, и поэтому положите мне ещё два пирожка с ливером». Я ей это сказал, а сам думаю, ну куда мне столько пирожков, ведь они такие большие, пожалуй, каждый из них с мою ладонь. Но женщина обрадовалась, что нашёлся такой щедрый покупатель и начала мне упаковывать другой бумажный пакет. Пока мы с ней торговались возле нас начал собираться народ. Сначала подошли мужчина и женщина, видно супружеская пара, и стали за мной как бы в очередь, затем прибежал мальчишка лет четырнадцати, а за ним парень с девушкой, и так образовалась небольшая очередь. Пирожница увидела такую радостную ей картину и говорит мне: «А ведь правду ты мне сказал насчёт очереди, посмотри», и она показала на людей, которые стояли за мной, в очередь за пирожками. А что ей на это сказать, со мной почти всегда так. Купив пирожки, я сел на трамвай и поехал на вокзал. Стою на задней площадке, и рассматриваю улицы дома, ко мне подошла кондуктор и просит оплатить за проезд. Я подал деньги и тут вдруг вспомнил свою первую поездку в трамвае, когда я первый раз был в отпуске. Как вы знаете, я последние четыре года находился за границей в Польше, и поэтому привык к польским условиям проживания. Часто ездил на трамвае, как мы его называли «Сюдемка», и я привык к тому, что подходит кондуктор и спрашивает деньги за проезд таким вопросом: «Пше прошем пана пенёнзе». И вот в тот раз я еду на трамвае из Брестской крепости, что-то задумался, мыслями был где-то на своём заводе, и в этот время ко мне идёт кондуктор, и я думаю, она сейчас будет у меня спрашивать пенёнзе. Я уже приготовился полезть в карман за деньгами и вдруг слышу совершенно русскую речь: «Прошу оплатить за проезд». От такого простого вопроса в моём сознании, произошло какое-то изменение, как будто я оказался в другом измерении. То моё состояние даже трудно описать. Я расплатился, затем кондуктор пошла в обратном направлении, а я смотрю ей вслед и не могу поверить, что я нахожусь в Союзе, а не в Польше. Сейчас я уже привык и в такое положение не попадаю. Покушав в парке на скамейке пирожки, запив нарзаном, который купил у той же продавщицы, я занялся самым важным вопросом, куда спрятать контрабанду которую я вёз с собой по заказу. Долго не думал, куда её спрятать, место заначки как-то пришло само собой, но надо было её туда ещё пристроить. Объём

контрабанды был небольшой, но очень ценный, так что опасность была немалая, ни дай Бог если бы я попался с такой контрабандой, то греха не обобрался бы. Странное дело, когда я прятал свой клад, я не думал о том, что могу попасться, и по закону мне влепят, этак лет пять или шесть, и тогда вся моя и не только моя жизнь полетит в тартарары. Но я о последствиях не думал, в данный момент я думал, как сделать так, чтобы операция прошла благополучно, и по всей моей жизни у меня было так. Позже, примерно через сутки или двое, когда у меня было время подумать, и я эти действия прокручивал в голове снова и снова, вот тогда меня брала оторопь, но и то ненадолго. Ну и правильно, что ни надолго, чего теперь бояться когда всё уже позади. Но всё и на этот раз обошлось как надо. Я в целях маскировки по дороге к вокзалу купил пять бутылок «Столичной» водки, положил их в чемоданчик поверх вещей. Это была такая уловка для таможенников, которую мне рассказали старички «контрабандисты», и к этому, надо было знать, что ответить на вопрос таможенника, если он спросит: «Везёте ли Вы запрещённые вещи?» Надо было сказать так: «На запрещённые вещи я ещё не заработал, еду в отпуск первый раз вот только на водку и заработал». Работники таможенной службы ведь не знали, в какой раз человек едет в отпуск в первый раз или третий. Уловка простая но, как ни странно, у меня такая уловка срабатывала без осечки. Разумеется, к этому нужна была психологическая уравновешенность, то, что ты говоришь таможенному стражу, должен в это верить сам больше, чем он. На Польской территории перрона, я почувствовал себя более спокойно, сел в польский купейный вагон, положил вещи в нишу под нижней полкой, достал из потайного карманчика брюк, называемый в простонародье «Пистоном», пятьсот злотых одной купюрой, и пошёл в буфет, что-нибудь купить попить. Когда шёл в буфет, то вспомнил, как я эту купюру в пятьсот злотых перевозил через нашу таможню, когда ехал ещё в Кемерово. А получилось это так. Когда я проходил таможню, молодой парень таможенник, спросил меня, везу ли я, что ни будь запрещённое, ну я как честный гражданин своей страны, сказал ему, что везу польские деньги, одну купюру достоинством пятьсот злотых. Он мне говорит: «Покажите». Я вытаскиваю из «пистона» вчетверо сложенную купюру, разворачиваю её и показываю ему. Он смотрит на купюру и грустным голосом, как бы жалея меня, говорит: «Так это же иностранная валюта?» Я тоже смотрю на злотые и говорю: «Да какая же это валюта, на них и в Польше мало что купишь, а в Союзе, тем более, кому они здесь нужны». Таможенник немного наклонился над стойкой, чтобы я услышал

то, что он скажет и тихо меня спросил: «Ну, Вы же их, зачем-то везёте в Союз?» Я тоже слегка наклонился над стойкой и сказал ему: «Я злоты не везу в Союз, это они едут со мной, что бы потом вернуться обратно. Ведь я еду в отпуск и через десять дней я буду возвращаться, а на вокзале во Вроцлаве в шесть часов утра меня никто встречать не будет, вот они мне и пригодятся на такси, да и в поезде куплю что-нибудь покушать или попить». Таможенник слегка улыбнулся и сказал: «Ну, хорошо, Вы меня убедили, надеюсь, Вы говорите правду и верите, в те слова, что говорите. Проходите, пожалуйста». Я последовал дальше и подумал о его словах, о вере в то, что я говорю. Конечно, верю, притом искренно, если бы я в это не верил, Вы бы давно меня поймали, как мою жену Зою. В то время проходить таможенный контроль было легко, ни каких тебе металлоискателей, это теперь их везде наставили, не только там где нужно, но и там где они не нужны, некоторые организации их ставят просто для солидности. Видите ли, по задумке руководства этих организаций, это должно выглядеть так, раз стоит металлоискатель значит организация солидная, естественно и уважение к ней должно быть особое. В повествовании «забегу» далеко вперёд моей непростой жизни, и расскажу о том, как бизнесмены любили металлоискатели в начале лихих девяностых годов. Занимаясь бизнесом, у меня появились двадцать ящиков армянского коньяка «Арарат», в Кемерово я их пристроить не мог и поэтому повёз в город Новокузнецк, по наводке. Приезжаю по адресу, поднимаюсь на крыльцо, где расположен офис нужной мне конторы, открываю дверь, и прямо перед дверью стоит этот самый агрегат, а по его бокам стоят два охранника с пистолетами. Такой охране, да ещё со спецтехникой я крайне был удивлён, ведь это же, не какое-то секретное предприятие, а обыкновенный офис хозяина, у которого были магазин и кафе. Но тогда была мода на вот такие «игрушки» и поэтому их везде ставили. Я хотел пройти мимо этого агрегата, но охрана меня попросила пройти через металлоискатель. Да, думаю, зря вы это сделали, сейчас ваш агрегат взорвётся. На мне, было, тогда столько металла, и драгоценный и просто железо в виде ключей, да ещё пистолет был в кобуре на поясе, а он один весил грамм пятьсот. Ох и гремел же их агрегат, они со мной долго разбирались, почему так сильно гремит их агрегат. Тогда я им показал свои и перстни, часы на металлическом браслете и золотой браслет, одним словом их убедил, и они меня пропустили к своему шефу.

А коньяк я все же хозяину конторы продал, я его убедил в том, что без моего коньяка у него могут закрыться магазин и кафе. Что ни говорите, умение заставить поверить оппонента в то,

что ты говоришь, великая сила. Кстати, вера в то, что ты говоришь, меня выручала всю жизнь, если ты сам веришь в свои слова, то и твой собеседник волей или неволей начинает в это верить, конечно, при условии, если он тебя слышит.

ВАЖНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ ДЕЛА

Когда я утром добрался до дома, Зоя уже собиралась на работу в госпиталь, туда она ходила пешком. Это было не так далеко, но и не близко. Сначала меня это напрягало, но потом жена меня убедила, что ходить пешком на работу ей даже нравится, ведь в её интересном положении это делать даже необходимо. Этим заявлением она меня как-то успокоила, и я больше вопроса по этой теме не поднимал. Проводив Зою на работу, я тоже пошёл на завод, ведь мне надо было быстрее избавиться от контрабанды. В цеху встретил начальника цеха, он сказал мне, что бы я выходил на работу, я согласился, А что болтаться, лучше работать и зарабатывать деньги. В этот же день, договорились с паном Льяной, что сегодня же поедем к заказчику, чтобы сбыть ему привезённый мною товар.

Встречу он назначил на десять часов вечера, я, разумеется, удивился, что так поздно, но он сказал, что заказчик встретиться раньше не может. Ещё меня удивило то, что на встречу надо было ехать далеко за центр города, где я никогда не был. Но Льяна меня успокоил, что всё будет в порядке, возьмёшь такси, назовёшь адрес, и оно тебя довезёт. Я согласился, а самого червь сомнения грыз весь вечер, до самого отъезда. Обдумывал разные варианты, как себя обезопасить в случае непредвиденных обстоятельств. Решил, что один не поеду, а возьму с собой, кого-нибудь из парней с общежития. Думаю, пойду раньше, пока зайду в общежитие, поговорю там с ребятами, а потом поедем и ко времени успеем. В половине девятого вечера я начал собираться, Зоя увидела мои сборы и с тревогой спросила: «А ты куда собираешься, ты же говорил, что сегодня на тренировку не пойдёшь?» Я, согнувшись, уже надел ботинки, затем выпрямился и говорю: «Мне надо поехать в город по одному очень важному делу, вернусь, примерно к полуночи». О том, что я привёз с собой из отпуска ценный товар на продажу, жена не знала, я ей об этом не говорил из-за секретности операции. Жена настаивала, чтобы я ей сказал, куда я иду, но я ей пообещал, как вернусь, вот тогда и расскажу. На этом и расстались. На проходной завода я встретил Володю «Молдаванина», кликуха у него была такая, он на неё отзывался и не обижался. Поздоровались и я его спрашиваю: «Володя, а ты, куда это на ночь глядя собрался?» — «Да перед сном решил прогуляться за территорией завода, а то всё до чёртиков надоело, и завод, и общага, не дождусь когда контракт закончится, чтобы уехать домой» — «Так, а ты почему в отпуск не поехал, ведь тебе он положен?» — «А зачем, Сеня, ведь у меня

срок контракта кончается в декабре, вот тогда и поеду уже совсем. Скучно у нас сейчас в общежитии, как ты женился и ушёл жить на квартиру, так наша жизнь захирела. А как было весело с тобой, бывало на праздник или выходной устроим гулянку, соберутся три или четыре комнаты и гудим до утра, затем что-нибудь не поделим и подерёмся, разобьём носы, а на другой день собираемся, чтобы помириться, снова выпьем, вспомним старые обиды и снова подеремся. Ох и хорошо тогда было. А сейчас живут такие уроды, что спасу нет. Как крысы залезли в норы-комнаты и сидят там, и никому ни открывают, сидят там до следующего утра, а на другой день то же самое. Тоска, Сеня, да и только, даже в госпиталь на танцы сходить не с кем» — «А Виктор Решетько?» — «Так он же с Лидкой из ОТК сошёлся и сейчас живёт у неё» — «Ну, тогда всё понятно, одним словом, из старой гвардии остался один ты. Слушай, Володя, а я к тебе шёл по делу» — «Так говори», — решительно потребовал он. «Володя, ты сможешь сейчас со мной поехать в одно место в город?» — «Так поехали», — быстро согласился «Молдаванин», вот и автобус идёт.

Действительно, к нам подошёл автобус мы сели в него и поехали. Едем в автобусе до кольца седьмого трамвая, Володя молчит, и я молчу. Потом я не выдержал молчанки и спрашиваю у него: «Володя, а ты почему меня не спрашиваешь, куда мы едем?» — «А зачем спрашивать? Если надо, что бы я знал об этом, то ты мне сам скажешь, а если нет, то на нет и суда нет» Затем он немного помолчал и добавил: «Понимаешь, Сеня, после того как ты за меня полез в драку с четырьмя молдаванами и пятым татарином, я тебе верю больше чем себе. Ведь они били меня скопом ни раз, и ни два, приходили в нашу комнату и требовали, чтобы я к ним перешёл жить, раз ты, мол, молдаванин значит должен жить среди молдаван, видишь ли, у них диаспора. А я и их, и их диаспору терпеть не мог, вот они меня и воспитывали кулаками. Мне это не нравилось, но что я один с ними мог сделать, а защитить меня было не кому, хотя со мной в комнате жили три человека. Но они боялись, что и им попадёт. А вот ты не побоялся, пошёл в их комнату и навешал им так, что они забыли, где я и живу. Вот с тех пор ты мне друг до гроба» — «Послушай, Володя, а почему ты в дежурную часть на КПП не заявил? Ведь там находится патруль, он бы принял меры» — «Та понимаешь, Сеня, жаловаться — это похоже на детство, а я уже взрослый человек и жаловаться мне не с руки, да и думал, что они поймут и от меня отстанут. А видишь, поняли тогда когда ты к ним в комнату зашёл. Сеня, вот посмотри, тогда в комнату к этим гадам ты один пошёл, а ведь ни Витька Клименко, ни Решетько, не

пошли с тобой, видать, побоялись. А ты вот не струсил, пошёл один, не думая, как всё обернётся» — «Володя, а что тут думать, ты мой товарищ, с которым я живу в одной комнате, делим, с тобой, как говорится, и хлеб, и соль, да ещё ты и старожил нашей комнаты. Знакомил меня с заводом, заводской жизнью, и вот ты, забегаешь в комнату с окровавленным лицом, твои руки прижаты к лицу, а сквозь пальцы струится кровь, и я ещё буду думать, что делать. Нет, Володя, в таких случаях думать некогда, в таких случаях надо действовать. Хотя если бы это было сейчас, возможно я бы и проговорил с ними, но тогда, да и они себя повели по отношению ко мне агрессивно, вот и пришлось кулаки пускать в ход. Да ладно, что теперь об этом вспоминать, было это давно и всё быльём поросло. Хорошо ещё, что дело до суда не дошло, а то неизвестно чем бы кончилось» — «Для тебя, Сеня, может и поросло, а для меня нет, вот потому-то я с тобой еду, не спрашивая, куда и зачем». На трамвайном кольце пересели на трамвай № 7, на польском языке «СЮДЕМКА», и поехали в центр города. Едем дальше опять молча, каждый думает о своём, дорога у нас длинная и время на раздумье хватит.

Я мысленно вернулся в тот вечер, это было 31 декабря, мы вчетвером сидели и встречали новый 1958 год. Я был на заводе ещё мало, но уже успел отличиться в соревнованиях в футболе, и, особенно, в волейболе. Играл я хорошо и поэтому меня быстро узнавали, а при встречах старались пожать руку. Как же, каждый хочет прикоснуться к звёздной руке, хоть и местного уровня. Так вот, сидим за столом, спокойно выпиваем и кушаем. Из выпивки у нас было бутылка Сливянки и шампанского бутылка, так что на четверых хватит. Вечер был в самом разгаре, вдруг открывается дверь и входит какой-то парень и зовёт Володю в коридор. Володя ушёл, а мы сидим и рассуждаем, идти сегодня в госпиталь к девчатам или не идти. Потом решили что уже поздно, поэтому не пойдём, отложили на завтра. Только взяли стаканы, чтобы выпить, вдруг с треском открывается дверь, в неё влетает Володя, с зажатым руками лицом, через пальцы которых струится кровь, и буквально валится на свою койку. Я схватил полотенце и быстро под кран, что бы намочить его и вытереть Володе кровь, а Решетько говорю: «Витя, намочи ещё одно полотенце и дай мне его. Общими усилиями мы привели пострадавшего, в кое-какой порядок, осмотрел его повреждения и я остался доволен, что повреждения были не велики, разбит нос, но не сломан, и верхняя губа с внутренней стороны тоже была разбита. «Ладно, — говорю, — Володя, ничего страшного, а теперь расскажи, что же произошло?» Из его рассказа стало понятно, что у него с его земляками произошёл конфликт, а причиной стало то, что он

живет в комнате с русскими, пьёт с ними водку, хотя мы водку никогда не пили, если выпивали, то только вино и то немного. Володя дальше рассказывает: «Они, мол, говорят, учишься у них плохим привычкам, а главное, ходишь с русскими парнями в госпиталь, к русским женщинам. По их понятию, молдаванину так вести себя не пристало, он должен жить среди своей национальности и только с ними общаться». Володя замолчал, сидит, повесил голову. «Выходит здесь назрел национальный вопрос», — подумал я. «А что дальше было, — спрашиваю я его, — кто тебе лицо разбил?» — «А дальше я говорить не буду, так как они о тебе говорили плохо» — «А что именно? Говори же, Володя, что ты как кисейная барышня раскис, какие-то нерусские нас с тобой, русских, терзают, а ты молчишь» — «Они мне сказали, а с Семёном, чтобы мы тебя больше не видели, он на тебя плохо влияет, да и вообще ведёт себя заносчиво, как будто он здесь самый главный. Он думает, если он спортсмен, то значит ему всё позволено. Ну, а потом ещё о столовой сказали, в смысле, что все стоят у окошка за едой, а ему повариха Зоя на подносе еду на стол подает. Лично им это не нравится, так они сказали. Ну, дальше я их слушать не стал, послал их подальше, повернулся, чтобы уйти в свою комнату, в этот момент один из них меня и ударил» — «Ладно, — говорю, — пойдём, там разберёмся». Тут Володя схватил мне за руку и говорит: «Сеня, ни ходи туда, там их пятеро мужиков, мы с тобой с ними не справимся» — «Подожди, Володя, а почему пятеро, их же там четверо живёт?» — «Так у них постоянно тусуется татарин, они же мусульмане вот вместе и держатся. Этот татарин собирался жениться на Дине, а ты ему помешал, потому что стал с ней встречаться и это его до сих пор злит. Вот он молдаван против тебя и настраивал, никак за Дину тебя простить не может» — «А что, Володя, молдаване тоже мусульмане?» — «Да некоторые мусульмане, в частности, те, которые живут в той комнате, мусульмане» — «Ладно, — говорю, — на месте разберёмся».

Если коротко, то в комнате противников, мы практически не говорили, один из Вовкиных земляков буквально налетел на меня, но получил сильный удар моей левой в лицо, свалился на пол, и на этом аудиенция закончилась. Я ждал, что остальные его друзья набросятся на меня, но они сидели, опустив головы и даже попыток не делали, чтобы защитить своего товарища. На второй или третий день после этих событий я пошёл в клуб, чтобы поиграть в бильярд, там, у стола находилось несколько офицеров нашего завода. Как только я подошёл к бильярдному столу, наши заводские офицеры один за другим начали меня поздравлять и при этом каждый что-то говорил, вроде того: «Ну, Сеня молодец,

вот это удар, одним взмахом два зуба на вылет». Мне было не понятно, откуда они знают, что именно два зуба были выбиты в момент посещения мною молдавской комнаты. А ещё мне было ужасно неудобно за то, что они меня поощряют за мои хулиганские действия. Ведь какими бы благородными позывами я это не мотивировал, а всё-таки мои действия в той комнате смахивали на хулиганские. Позже стало известно, что потерпевший написал заявление нашему заводскому следователю, о том, что я его избил. Я ждал вызова к следователю, и оно состоялось. После праздников меня вызвал к себе наш заводской следователь. Но он мне объяснил причину вызова.

Оказывается, во время моего визита к Володиным землякам, один из них потерял два передних зуба, и сказал, что я их ему выбил. Его заявление было похоже на правду, и я отпираться не слал. Там же у следователя я встретился с потерпевшим, и следователь посоветовал нам помириться, а мне сказал, чтобы я оплатил лечение недостающих зубов у потерпевшего в результате наших разборок.

Я пообещал, что дам ему деньги на лечение зубов. На том и помирились, правда, деньги он с меня так и не взял, хотя я ему их предлагал. Почему? Не знаю, Вовка такой феномен мне тоже не мог объяснить, но при этом сказал: «Вообще-то они жадные, даже на еде экономят, но почему он не взял деньги, меня удивляет. Может они гордые и поэтому твои деньги не стали брать». Не знаю, но факт остаётся фактом от моих денег он отказался, а заодно со мной при встрече не стал здороваться. Ну и хорошо без этого мы поживём. Но зато после моего посещения молдавской диаспоры они, Володю оставили в покое, как будто он для них престал существовать. Но больше всего пострадал татарин, который находился в той же комнате и сетовал на то, что я хочу у него отбить Дину, кстати, тоже по национальности татарка. Он усиленно хотел жениться на ней и своего добился. Они поженились. Правда до этого Дина вела весёлый образ жизни. Весело знакомилась с заводскими парнями и через некоторое время так же весело с ними расходилась. Ну, и правильно, а что тянуть, не хочет жениться, и до свиданья другого найдём, благо холостых парней на заводе работает человек сорок. Будущий муж Дины знал это, но всё-таки женился. Спрашивается, почему он это сделал? Думаю, причин было две. Первая, это потому что они оба были по национальности татары, и, как он говорил своим друзьям, что родители его настаивали, чтобы он обязательно женился на татарке, жену другой национальности они в свой дом не примут. Вторая же причина, и думаю, она была главной, это

то, что у него буквально через месяц заканчивался срок пребывания за границей, а Дина на заводе работала всего от силы три месяца, то есть, срок пребывания за границей у неё только начинался. И вот он рассчитывал, что когда он на ней женится, то и его оставят за границей ещё на три года. Но из его затеи ничего не получилось, для завода он оказался не таким ценным специалистом, и наше заводское начальство не захотело заниматься бумажной волокитой. Поэтому муж Дины уехал, а Дина осталась, и я думаю, что она об этом не жалела. Ну вот, пока я вам рассказывал, мы на трамвае, приехали на площадь, сейчас возьмём такси и поедем по адресу. Когда подъехали по адресу, то на углу шестиэтажного дома я увидел фигуру человека, подумал, что это, наверное, Льяна меня ждёт и не ошибся.

Увидев нас вдвоём, он ничего не сказал, но как-то поёжился, как будто от холода, и это в тёплый летний вечер. Мне это показалось странным, и я взял его под локоть отвёл в сторонку и спросил: «Сильвестр, в чём дело, что тебе не понравилось?» — «А зачем ты его привёл с собой?» — «А ты что хочешь, что бы я один с ценным грузом ехал по твоему воровскому городу, и чтобы меня обворовали, а может даже и убили?» — «Нет, я этого не хочу, — миролюбиво согласился Сильвестр, — Ладно, пойдёмте к заказчику», — поторопил меня он. Льяна пошёл впереди, мы с Володей за ним. По лестнице поднялись на четвёртый этаж. Сильвестр позвонил в квартиру, дверь открыла женщина, увидела Льяну, заулыбалась, а затем на площадке увидела и нас, и лицо её стало серьёзным, но всё же пригласила заходить в квартиру. Я, с порога осмотрел квартиру, она мне показалась богато убрана, стены затянуты гобеленом, на окнах и дверях висели бархатные шторы, на стенах висели какие-то картины, а на полу лежал большой ковёр. «Да, — думаю, — живут же люди».

Пока я осматривал квартиру, из другой комнаты вышел мужчина, как мне тогда казалось, пожилого возраста, этак лет пятьдесят, он спросил у Сильвестра, с кем ему иметь дело, тот показал на меня и хозяин квартиры пригласил меня в свой кабинет. В его кабинете стоял массивный стол, стеллажи с книгами, в углу стояло кожаное кресло, а с потолка падал тёплый свет от абажура. Одним словом, очень богато, я такое видел впервые. Хозяин сам сел за письменный стол и меня пригласил садиться. И мы начали с ним торговаться. Приблизительную цену своего товара я знал, мне об этом сказал Льяна, но я также предполагал, что названную цену он уменьшил минимум вдвое, ведь он тоже хотел на этом товаре заработать, вот с этого я и исходил. Так что, ориентир цены у меня был, и поэтому можно было торговаться. Конечно, в этих гобеленах и бархатах я

чувствовал себя не очень уверенно, на меня давило всё это богатое убранство, но это до тех пор, пока хозяин дома не поинтересовался о товаре. Он как-то осторожно спросил у меня: «Что вы имеете за товар?» Я ему так же вкрадчиво и осторожно сообщил: «Золотые мужские часы, и десять грамм платины, есть ещё фотоаппарат «ФЭД» если вы всё это возьмёте, то я за свой товар хочу иметь шестнадцать тысяч злотых». Мой оппонент округлил глаза, покачал головой, затем помолчал, наверное, обдумывая моё предложение, и только потом, как бы, не уверенно, сказал: «Это, наверное, будет дорого». Затем продолжил: «Я бы мог купить, у вас этот товар, но за меньшую стоимость, примерно, за десять тысяч злотых. Хотя сначала покажите свой товар, потом будем определяться с ценой». Я из своей спортивной сумки достал фотоаппарат, а часы и остальные ценности были у меня во внутреннем кармане куртки. Всё это я положил на стол возле себя. Я не хотел в чужие руки отдавать свои ценности. Хозяин кабинета это понял и не стал в руки ничего брать, а взял лупу наклонился над столом, и стал рассматривать товар. Затем он меня попросил вытащить из футляра фотоаппарат. Я вытащил, он его со всех сторон осмотрел и затем сел на своё место. По всему было видно, что мой товар ему понравился. Затем мы снова стали с ним торговаться. Он снова предложил мне цену за весь товар 10000 злотых. Меня такая цена, естественно, не устраивала и я начал хвалить свой товар. Я ему говорю: «У меня товар очень ценный и привлекательный на международном рынке, но Вы даете цену, не достойную его». Покупатель, на какое-то время замолчал, видно, что-то подсчитывал, я тоже молчал, думал, как мне поступить, стоять на названной цене, или её снизить. Я знал, что покупатель товар сбывает за рубежом, так что за мой товар он возьмёт за границей валюту, и стоимость в злотых будет минимум в два, а может и в три раза дороже, той цены, которую я назвал. С другой стороны мне нельзя отпугнуть покупателя, ведь у меня другого покупателя нет и поэтому надо с ним договориться. Молчали не долго, и своим молчанием он как бы давил на меня. Конечно, преимущество было на его стороне, так как торговля шла на его территории, да и хозяин квартиры гораздо старше меня и, разумеется, опытнее, но мне, в любом случае, надо держаться своей линии, иначе я проиграю.

Первым молчание нарушил хозяин квартиры, он посмотрел на меня а затем сказал: «Знаете что, давайте сначала попьём чаю, а затем окончательно решим, что делать дальше». Он, не дожидаясь моего согласия, поднялся с кресла, подошёл к двери, открыл её, затем позвал хозяйку дома и что-то ей сказал по-

польски. Мне его затея совершенно не понравилась, думаю: «Он в чай плеснёт какого-то зелья, и я соглашусь с его ценой. Нет, чай я пить не буду, пусть он его приносит, ставит предо мной, а пить я его не буду». Хозяин квартиры, дождался хозяйку у двери комнаты, взял из её рук поднос, и поставил на стол. Затем вернулся к двери и закрыл её. Хозяин расставляет чашки с чаем, на блюдца кладёт чайные ложечки, а я сижу и думаю. Хорошо было бы, если бы Володя, сидел рядом со мной, я бы себя уверенней чувствовал, а то в этих хоромах да ещё с этим зелёным варевом, что в чайных чашках, как-то уверенность теряю. Но нет, думаю, надо набраться мужества и повернуть путь торговли в свою сторону, чтобы инициатива исходила не от него, а от меня. А в это время хозяин уже пьёт чай и мне говорит: «Пейте чай, чего же это Вы не пьёте?» Я набрался смелости и говорю ему: «Знаете, у нас в России не принято, не закончив дела, обмывать его, вот давайте все дела сделаем и тогда я с удовольствием попью с вами чай». Хозяин немного помолчал, затем говорит: «Ну, хорошо, давайте сделаем по вашим Российским правилам. Так вот, я хочу к своей, ранее названной цене, за ваш товар, добавить две тысячи злотых и будем считать, что сделка свершилась. Я немного подумал и говорю ему: «Если Вы к названной Вами цене добавите три тысячи злотых, вот тогда сделка свершилась». Хозяин улыбнулся и говорит: «Ну, хорошо, пусть будет три тысячи злотых, а общая сумма тринадцать тысяч злотых, так?» Я сказал, что так будет правильно, руками подвинул к нему, лежащий возле меня товар, он всё аккуратно через лупу ещё раз осмотрел, а как же, ему же его надо везти за границу продавать, надо, чтобы всё было тика в тику. Кстати, хозяин квартиры хорошо говорил на русском языке, но имя своё не назвал, поэтому я его в своем описании по имени и не называю. Получив деньги за товар, я вышел из кабинета хозяина в зал, Володя, меня увидел и покачал головой, то ли в осуждение моей долгой отлучки, то ли жалея меня. Домой приехал я поздно, уже в первом часу ночи, хотя назад мы с Володей ехали на такси. Кстати, Володе я так и не сказал, куда мы ездили и зачем, операция была секретная и лишние свидетели тут не нужны. Может он, конечно, и догадывался, что за поездка у нас была, но догадываться это одно, а знать точно это совсем другое.

Жена ещё не спала, ждала меня, я ей сказал, что поездка удалась, и тут же выделил ей 500 злотых на её нужды. Она взяла пенёнзе и спрашивает у меня: «Сеня, ты что-то привёз из отпуска и продал что-ли?» — «Нет, — говорю ей, — это я получил зарплату вот из них и даю тебе деньги». Зоя ничего не поняла с моего ответа, пожала плечами, а злоты положила в бумажник. На

другой день, я утром ушёл на работу, там подошёл к Сильвестру, чтобы поздороваться, он с улыбкой пожимает мне руку и говорит: «Слушай, Симон, вчера я остался у заказчика, пил с ними чай, заказчик сказал, что ты ему понравился, говорит, толковый молодой человек, если бы он был поляк я бы его взял к себе в помощники. Его жена тут же поддержала мужа. Но я думаю что ты его жене больше понравился, чем ему, она раза два спрашивала у мужа почему он не оставил тебя у них поужинать». На это я Льяне ничего не ответил, только пожал плечами и пошёл на своё рабочее место. А что говорить, я не поляк и поэтому работать с заказчиком не буду, а его жена? Зачем она мне у меня теперь есть своя жена. Да думаю, как она там, ведь она собиралась поехать в город за покупками, купила для будущего ребёнка что или нет? Возвращаюсь вечером с работы, захожу домой, а жена сидит на стуле у стола и плачет.

«Что случилось?» — спрашиваю я у неё. «Я поехала в город за покупками, а у меня разрезали сумку и украли все пятьсот злотых», — сквозь слёзы рассказывает она. Если бы я был другого склада ума, то я на неё, наверное, накричал, обвинил бы её в потере денег, ведь для нас, если не считать мою контрабанду, 500 злотых сумма приличная. Мне за такие деньги надо работать почти полмесяца, а Зое, то и вообще почти месяц, за такую расточительность она бы заработала взбучку, и не малую, за то, что она не могла, как следует, спрятать деньги. Но я к таким вещам отношусь спокойно, зная, что деньги уже не вернуть, так зачем своему близкому человеку делать больно, ведь она и так пережила стресс, а ей в её положении это противопоказано. Поэтому я спокойно спросил у неё: «Ну и что? Если ты будешь плакать, то деньги воры тебе вернут обратно? Что-то такого я не знаю». Жена молчит и продолжает плакать, а я, чтобы её отвлечь от мысли о потере денег, спокойно говорю ей: «Зоя, я пришёл с работы голодный, а ты и не думаешь меня кормить, давай сначала поужинаем, а потом ты мне расскажешь, куда ты ездила и что делала сегодня». За ужином жена немного успокоилась и рассказала, где она была, и с кем встречалась, и как у неё вытащили из сумки деньги.

РОЖДЕНИЕ НАШЕЙ ДОЧЕРИ

Как то в начале осени, я прихожу домой с тренировки, а жена сидит на кровати, смотрит на меня каким-то странным взглядом и улыбается. Я насторожился, не случилось ли что-нибудь, и спрашиваю у неё: «Зоя, что с тобой?» — «Да вот, — говорит она, — ребёнок просится наружу» — «Тогда, — говорю ей, — я побежал за машиной» — «Да ты не торопись, — говорит она, — может ещё рано» — «Да какой там рано, ты что, хочешь чтобы я роды у тебя принимал? Нет, уж пусть лучше специалисты этим займутся». В результате так и вышло, жена родила дочь этой ночью, но я об этом узнал только утром когда шёл на работу. На КПП дежурный по заводу капитан Никутин встретил меня и говорит: «Поздравляю тебя, Семён, с рождением дочери. Сегодня утром позвонили из госпиталя и сказали, что у Чухлебова родилась дочь. Вот я тебе об этом и сообщаю. Что сейчас побежишь к ней или после работы?» Я немного подумал и говорю: «Наверное, после работы будет лучше, сейчас ей не до меня, пусть жена немного в себя придёт».

Интересный факт получился, когда я вечером шёл через польский полигон, то думал, интересно, какой же вес у моей дочери, я хочу, чтобы было килограмма три, потом немного подумал и говорю сам себе: «Ну ты, отец, и махнул, три килограмма, у тебя же не сын родился, хорошо, если бы она весила 2 кг 900 гр, думаю, этого хватит». И надо же, когда я с Зоей встретился и спросил её, сколько весит дочка, то она назвала именно такие цифры, как я и предполагал. Интересно получилось, когда дочку привезли домой. Вечером надо было её купать. Жена нагрела воды, налила в тазик и стоит в нерешительности. Я ей говорю: «Ты чего же не купаешь ребёнка?» Она смотрит на меня растерянно и говорит: «Сеня, а я её боюсь брать в руки, она такая маленькая, хрупкая, боюсь, у меня в руках развалится» — «Да чего же здесь бояться?» — сказал я ей. Взял ребёнка, посадил её на ладонь, а рука от кисти до локтя была для неё как бы спинкой, и получилось, что моя дочь сидит на руке как в кресле. Затем опустил руку вместе с ребёнком в воду и покупал её. «Вот и всё, — сказал я Зое, — давай пелёнки и бери её у меня». Жена берёт ребёнка на руки, а сама с любовью и восхищением смотрит на меня и говорит: «Сеня, ты у меня такой смелый, те дела, которые ты делаешь, я бы никогда, и ни за что так не сделала». Я не знаю, что она имела в виду, но мне было приятно, что жена мною восхищается. Тогда мы были молоды, понимали друг друга, и в нашей жизни было всё хорошо. Время идёт, надо

было дочке давать имя, а до родов мы с ней сразу договорились, что если родится сын, то имя буду давать я, а если дочь, то жена. И вот она решила дочку назвать Аллой, в честь какой-то артистки. Я тогда с ней согласился, но если бы это было позже, когда я уже повзрослел, то я этого не сделал бы. Ведь у наших бабушек были хорошие имена, что Пелагея, моя мама, что Варя, Зоина мама, ведь можно было назвать дочь по имени одной из бабушек, и это было бы в семейном духе. Но что теперь говорить, что сделано, того не вернёшь.

Как-то я прихожу домой с тренировки, этак часа в 23 уже ночи, и слышу от жены такие слова: «Сеня, а у нас закончилось детское питание для Аллы, осталось только на один раз, а ночью и утром кормить нечем». У меня сразу промелькнуло в голове: «Уже поздно, автобусы не ходят, придётся мимо старого польского кладбища бежать, — затем подумал, — а что, если надо, то значит побегу, хоть и страшно, но раз надо, значить надо». Взял деньги, свою спортивную сумку и бегом на дорогу. До кольца седьмого трамвая бежать надо километра три, но главное не это, главное, что надо бежать мимо старого заброшенного кладбища, а ребята мне говорили, что как-то они шли ночью пешком мимо этого кладбища и над забором видели какие-то белые фигуры, наверное, мёртвые ночью гуляют. Я, тогда был ещё молодой, и в такие побасёнки верил, да и ещё хуторские побасёнки из головы не выветрились, так что быть украденным приведением опасность была. Но что такое опасность, вот ребёнок голодным будет, это опасность для здоровья ребёнка и я, когда добежал до кирпичного забора кладбища, то добавил в скорости бега, надеясь, что на такой скорости мертвые меня не успеют схватить.

Прибежал на трамвайное кольцо, а трамвай только начал двигаться по маршруту, я на ходу вскочил в него, доехал до центра, в аптеку на центральной площади, где я уже брал детское питание. Но в этой аптеке его не оказалось, я у продавца спрашиваю: «Где можно купить, детское питание?» Она мне сказала: «Там» и показала рукой, куда надо идти. Я побежал через всю площадь к другой аптеке, а это, наверное, метров двести. Площадь была хорошо освещена и поэтому всё было видно, а вот когда я повернул на улицу, то там была кромешная тьма, и только в одном месте горел огонёк, я подумал, что там и есть аптека и побежал туда. Прибегаю и действительно это аптека, но и здесь нет того что я ищу, спрашиваю у аптекарши: «А где можно найти детское питание?» Она высунула голову из окошка и рукой показывает, куда мне идти, и говорит: «По этой же улице дом тшидесять, там вывеска с огнями и вы её легко найдёте». Побежал

дальше по указанному адресу.

Бегу по улице, а она тёмная ни одного уличного фонаря нет, и главное за все время я, на этой улице не встретил ни одного человека. Но вот вдали показались огни, скорее всего рекламы. Подбегаю к окошку аптеки, и думаю, ну если здесь нет, тогда я не знаю что делать. Стучу в окошко, оно на стук открывается, и в окошке показывается лицо пожилой женщины. Я у неё просящим голосом спрашиваю: «Пани добжая, моему ребёнку нужно детское питание, продайте мне, пожалуйста». Она на меня смотрит непонимающими глазами и говорит мне: «Не разумею пана». Затем она что-то сказала на немецком языке. Я подумал, что возможно, аптекарь немка, во Вроцлаве живёт много немцев. Но мне уже не до национальности аптекаря, меня охватило волнение, надо же, думаю, столько пробежать и выходит напрасно. Тогда я начал попробовать поговорить с аптекаршей на немецком языке и начал вспоминать, что знаю по-немецки о детях. От волнения ничего подходящего вспомнить не могу, а женщина стоит у окошка и выжидающе на меня смотрит. И вдруг в моем мозгу всплыло: ребёнок на немецком языке, и тут же я вспомнил, что молоко по-немецки называется млеко. Затем я обращаясь к аптекарше говорю: «Пани, киндер, ням, ням, млеко», и при этом показываю руками и ртом это самое ням, ням. И тут лицо пани аптекарши засияло, на нём появилась улыбка и она сказала: «А киндер, млеко», быстро что-то заговорила на немецком языке и пошла куда-то вглубь помещения. Через пару минут она возвращается и несёт так мне необходимую коробку детского питания. Я закивал головой и быстро заговорил: «Так, так, пани, мне надо семь», затем решил, чтобы она меня поняла, сказать по-польски: «Сюдем» и ещё показал на пальцах. Наконец, я получил то, зачем так долго бегал, коробки сложил в спортивную сумку и также бегом побежал на площадь, надеясь там взять такси. Домой я приехал на такси, потому что трамваи уже не ходили, да и пешком не хотелось идти возле кладбища, уже было за полночь, а в это время, говорят, как раз души мёртвых гуляют по ограде кладбища, и встречаться мне с ними не хотелось.

Мой читатель сейчас надо мной смеётся, да я и сам, над собой, молодым, смеюсь, но что делать, такие у меня были тогда убеждения. Когда я вернулся домой, уже был второй час ночи, вытаскиваю из сумки коробки с детским питанием, жена увидела такое большое количество и спрашивает меня: «Зачем ты столько набрал?» Я посмотрел на неё внимательно и говорю ей: «А затем, чтобы ночью больше ты меня не гоняла по всему Вроцлаву». Зоя на меня мило посмотрела и сказала: «Ну, извини меня, Сеня». В

то время она была ещё хорошей женой.

ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА

Как-то в конце сентября я прихожу домой с работы, сел ужинать, а за ужином жена мне говорит: «Сеня, я сегодня гуляла по улице с Аллой и видела жену Яшки Котенко, так вот, она мне говорит, что её муж учится в вечерней школе в седьмом классе. Так может и ты с ним пойдёшь, что зря время терять? Нам ещё два года здесь жить, закончишь седьмой и восьмой классы, да ещё и одну четверть девятого захватишь. Как ты думаешь?» «А что? — подумал я, — у Зои мысль правильная, надо учиться, нечего откладывать до приезда в Союз». А жене сказал: «Сейчас я пойду на тренировку, зайду к Яшке и узнаю у него, что к чему». Затем немного подумал и говорю жене: «Понимаешь, Зоя, я ведь шесть классов не закончил, я же экзамен по алгебре не сдал, не могу я переступить этот порог, неудобно мне людей обманывать». Зоя на меня строго посмотрела и говорит: «Знаешь что, ты со своей щепетильностью неучем останешься, вон Яшка с четырьмя классами пошёл в седьмой учиться и его совесть не мучает. А ты ведь закончил шесть классов, ты же отучился до конца года, только не пошёл сдавать алгебру осенью, а пошел бы и сдал». Потом Зоя ещё, что-то говорила, но я её уже не слышал, я, как узнал от неё, что Яшка с четырьмя классами пошёл в седьмой учиться, сразу все сомнения отпали.

После ужина я пошёл к Яшке, иду по посёлку, навстречу идёт капитан Юрий Войнов, один из моих коллег по спорту. Он недавно приехал из Союза, был там в отпуске, я его поздравил с возвращением и спросил у него: «Как дела?» — «Как в Польше», — ответил он. Как в Польше я уже знал, но чтобы сделать ему приятное, я с интересом спросил у него: «А как в Польше?» Он с готовностью ответил: «У кого больше, тот и пан» и при этом весело рассмеялся, радуясь свой остроте. Когда я первый раз услышал эту поговорку, то подумал, а чего же больше, денег, ума или чего-то другого? Но затем я не стал зацикливаться над смыслом этой поговорки и решил, что в ней подразумевается всё. А в данный момент Войнов меня спросил: «Ты идёшь на тренировку?» — «Да пока нет, — говорю я ему, — сначала зайду к Якову Котенко, а затем на тренировку». На этом мы с ним и попрощались. Семья Котенковых была дома, жена, что-то делала у плиты, там всё у неё кипело и шкварчало, а Яшка сидел на стуле за столом и читал газету, наверное, ждал ужина. Я с ними поздоровался и говорю ему, — Ну что ты дома сидишь, пойдём на тренировку, хоть жир растрясёшь. Яша парень был видный, выше среднего роста, брюнет с довольно симпатичным лицом и

кудрявой шевелюрой на голове, но чрезмерно упитанный. Яков отложил газету в сторону и спрашивает меня: «Сеня, а ты поужинал? Если нет, то садись с нами» — «Да я уже поужинал, выпил стакан молока с хлебом и хватит, перед тренировкой достаточно, а то тяжело будет прыгать». Тут к нашему разговору подключилась его жена и говорит: «Вот видишь, Яша, Сеня выпил стакан молока с хлебом и достаточно, а тебе обязательно надо мясо, да ещё жареное» — «А что я могу сделать, если мой организм так устроен, я же в этом ни виноват?» — возмутился замечанием жены Яков. После слов Якова между его женой и ним возник спор, видно этот вопрос в семье поднимался ни раз, и ни два, жена хотела, чтобы он сбросил вес, а Яшке его было жалко, и он всячески упирался, вот они и спорили на эту тему. Кстати, его жена, женщина лет двадцати шести, была худенькая, стройная, наверное хотела чтобы и муж её был таким, но, как говорится, не на того напала. Чтобы прервать их спор я говорю Якову: «Яша, а я к тебе пришёл по делу, ты, говорят, в школу в седьмой класс ходишь?» — «Да, хожу, а что мне нельзя?» — с вызовом спросил он у меня. «Да нет, я не об этом, я вот тоже хочу пойти в седьмой класс, я то шесть классов закончил, только по алгебре оставили меня на осень. Но, осенью, я не пошёл её сдавать, так вот теперь не знаю, примут меня или нет, может, справки какие им нужны, от той школы, где я учился?» Яков ещё не успел ответить, он был тугодум и быстро отвечать не мог, как снова подала голос его жена: «Сеня, какие справки? Где сейчас твоя школа, в которой ты учился и где ты. Вон мой муж с четырьмя классами учится в седьмом классе, а у тебя шесть классов, смело поступай и учись, нечего время терять». На другой день, вечером, мы с Яковом пошли в школу, она располагалась там же, где госпиталь, только в другом здании. Вместе зашли к директору вечерней школы, к жене нашего начальника цеха, Татьяне Ивановне Волобуевой, мы с ней знали друг друга, так как на заводе часто встречались в разных общественных местах, да и вообще, на заводе все друг друга знали. Там же в её кабинете я написал заявление о желании учиться в школе. Татьяна Ивановна спросила меня, сколько я закончил классов, я ей рассказал честно, как было у меня, на что она мне сказала: «Это хорошо, что у Вас шесть классов образования, а то у некоторых пять классов и они пришли учиться в седьмой класс. Пойдёмте, я Вас проведу в класс и представлю учителю и ученикам». Вот так у меня начался новый период жизни, я стал повышать своё образование.

В классе нас было человек двадцать, парни и девушки. Публика была разношёрстная, девушки-медсёстры из госпиталя, три солдата из бригады связи, остальные кто, откуда, были даже

две полячки, которые работали в госпитале уборщицами, а вот заводских, нас было только трое. За учёбу я взялся активно, наверное, изголодался по знаниям, сначала было трудно, но тут мне на выручку приходила Зоя, всё-таки она была образованней меня, десять классов и два курса института, что-то да значат. Постепенно я втянулся, и учёба пошла более или менее нормально, правда были некоторые интересные учебные процессы, которые я хочу описать.

Где-то в середине января 1959 года, в это время я учился уже в восьмом классе, к нам пришла новая учительница по немецкому языку, молодая, симпатичная, её же сделали и нашей классной руководительницей. Так вот, она с первого урока заявила: «На уроке немецкого языка будем говорить только на немецком, русский язык мы с вами не знаем». Ну что же, на немецком, так на немецком, хотя у меня с ним было не очень хорошо, если не сказать плохо. Но, делать нечего, она руководитель нашего класса так решила, значит так и будет. На другом уроке по немецкому языку, я был дежурный по классу. Перед уроком, когда все ученики собрались в классе, я вытер мокрой тряпкой доску, положил тряпочку аккуратно рядом с доской и сел за первый стол, который стоял в правом ряду, ближе к выходу. Рядом со мной сидел Толик Дятлов, высокий долговязый парень, водитель из универмага, точил ножичком карандаш, я тоже достал из кармана свой ножичек и стал точить карандаш. Зашла учительница, мы все, взрослые люди, встали, поприветствовали её, и она разрешила нам сеть. Я снова занялся своим карандашом, показывая учительнице, что я занят и тревожить меня не стоит.

«Немка», так мы звали учительницу по немецкому языку, сидела и что-то писала в журнале. Затем она что-то на немецком языке стала быстро говорить, но я на её разговор не обращаю внимания, так как я считал, что это меня не касается, как я чинил карандаш, так и продолжал чинить. Тут я почувствовал, что Толик толкает меня в бок, я повернул к нему голову, а он мне говорит: «Тебя учительница зовёт». Я поворачиваю голову в ту сторону, где сидит учительница, а она уже не сидит за столом, а стоит в метре от меня, смотрит на меня в упор и что-то на непонятном мне языке говорит, одно и тоже. Я ей откровенно говорю: «Елена Михайловна, я Вас не понимаю, говорите мне на нормальном русском языке и тогда я Вас пойму». Но, она меня или не слышит, или не понимает, смотрит на меня и повторяет одну ту же фразу. Учащиеся класса, видя эту сцену и слыша мой диалог с преподавателем, сначала весело шумели, а потом начали откровенно хохотать. Но я, не знаю что делать, начал искать помощи у Толика и говорю ему: «Толя, что она мне

говорит, переведи на русский». А Толик, чтоб ему пусто было, говорит мне: «Она сказала, что бы ты шёл домой, достаёт мою сумку-планшетку из стола и подаёт мне. Я вешаю сумку на плечо, беру со стола карандаш и ножичек, и направляюсь к двери, вдруг за спиной слышу голос нашей учительницы, которая говорит на родном мне языке такие слова: «Чухлебов, а куда вы собрались?» — «Так Вы же сказали, чтобы я шёл домой?» — «Откуда Вы это знаете, что я сказала, если не знаете немецкий язык?» — «Так Толик мне перевел» — «Если он так перевёл мои слова, то немецкий язык он знает также, как Вы. Садитесь за стол и будем заниматься». Я понял, что Толик устроил мне подставу, мне это не понравилось, поэтому, когда сел за стол, своим локтем так долбанул его в бок, что он даже завыл. Елена Михайловна, услышала это, укоризненно посмотрела на меня, и говорит: «Чухлебов, не на уроке же». — «Хорошо, Елена Михайловна, я ему на перемене тумаков надаю, чтобы он в следующий раз лучше переводил». Класс ещё долго не мог успокоиться, а когда успокоился, то прозвучал звонок об окончании урока. В заключение Елена Михайловна сказала: «На следующем уроке снова дежурит Чухлебов, и он будет дежурить до тех пор, пока правильно не научится отвечать по немецкому языку, что это он сегодня дежурный».

Пришёл домой после занятий расстроен, жене сказал, что получил очередную двойку по немецкому языку, она меня расспросила, за что двойка, и что задали на дом, когда я ей всё рассказал и показал, она на это сказала: «Давай я тебе помогу учить немецкий язык, я его знаю неплохо». И мы, поужинав, стали готовить домашнее задание, выучил правило правописания наизусть, также заучил слова на немецком «я сегодня дежурный» и ещё многие слова, которые я учил в пятом и шестом классе, а также слова, которые я запомнил из фильмов. Шёл на занятие в школу подготовленным, как нельзя лучше. И вот начался урок, учительница сидит за столом и спрашивает на немецком языке: «Кто сегодня дежурный?» Я встаю со стула и говорю: «Их бин гойте орден». Елена Михайловна с не скрываемой доброй улыбкой посмотрела на меня. А затем спросила: «А кого сегодня нет в классе?» — «Найн, Соколова унд Никитин» — «Гут», — сказала Елена Михайловна и разрешила мне сесть. Наклоняясь над журналом, она сказала: «Сегодня, Чухлебов, просто молодец, я Вам ставлю оценку в журнал отлично». Затем она спросила: «Кто сегодня готов ответить домашнее задание?» Я тут же поднял руку. Учительница посмотрела на меня, широко открытыми от удивления глазами, и спрашивает: «Чухлебов, Вы готовы ответить? Тогда прошу к доске». Я подошёл к доске, написал

домашнее задание и объяснил правила правописания. «Очень хорошо, — сказала Елена Михайловна, — садитесь». Я ей коротко ответил на немецком языке: «Яволь» — «Однако же», — ещё удивлённей заметила Елена Михайловна. Толик и здесь ни преминул съязвить, заметил: «Да ты настоящий немец». Елена Михайловна услышала реплику Дятлова и говорит: «Дятлов, выходите к доске, посмотрим, какой Вы немец». Анатолий домашнее задание не знал, вот он и тянул время, медленно выбираясь из-за стола. А я, стараясь козырнуть своим «совершенным» немецким, и чтобы подогнать его, сказал ему: «Шнель, шнель, гер Дятлов». Как и следовало ожидать, Толик за незнание домашнего задания получил оценку два. Я же учился хорошо, те трудности, которые у меня были по химии и алгебре, Зоя помогла мне их преодолеть, а дальше я уже сам учился. Вам, наверное, интересно знать, как учился Яшка со своими четырьмя классами? Скажу так, в классе у доски он вообще ничего ответить не мог, только стоял и улыбался, а, как известно, за улыбки хорошие оценки не ставят.

А вот домашние задания у него были выполнены, исключительно на отлично, и, как результат, средняя оценка по году, получалась три, и поэтому он переходил из класса в класс. Отсюда резюме. Жена с высшим образованием это очень хорошо. Разумеется, в данном случае.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Весной 1960 года у жены закончился декретный отпуск, она то и дело мне говорила: «Вот живём на одну зарплату, надо, что-то придумать». Я обычно эту тему не поддерживал, что говорить, ребёнка-то деть некуда, детских ясель нет, а о няньке и думать нечего, я своего ребёнка никому не доверю. Но у неё видать, эта мысль крепко застряла в голове, она мне о ней чуть ли не каждый день говорила. Наконец, мне это надоело, и когда она, в очередной раз, заговорила на эту тему, я ей сказал: «Ну, сколько можно говорить об одном и том же, придумать, придумать, ну взяла бы и придумала, у меня на эту тему нет никаких мыслей».

Она замолчала и в этот день мы больше на эту тему не говорили. В один из дней, я после школы прихожу домой, жена подала мне ужин, сама села рядом и говорит мне: «Вот ты мне говорил, чтобы я сама придумала, как нам выйти из данной ситуации. Так вот я придумала, что надо отвезти Аллу к моей маме, а как ты на это смотришь». Её предложение меня удивило, ребёнку ещё не исполнилось семь месяцев и её везти в такую дальнюю дорогу, а в Сибири, наверное, ещё стоят морозы. Сижу молча ем, не знаю, что ей на это ответить. Зоя сидит, смотрит на меня и ждёт ответа.

Я взвесил все за и против и говорю ей: «Вот ты говоришь, повезём к твоей маме, а если она откажется взять нашу дочь к себе на проживание и ухаживать за ней, ведь она такая маленькая, да и дорога нелёгкая, а в Сибири, наверное, ещё стоят морозы. Видишь сколько не разрешённых вопросов, на твою придумку. Если ты повезёшь дочку к своей маме, то сначала напиши ей и заранее договорись, а так ехать, не зная, что будет, это не дело. Ты представляешь, если Варвара Ефимовна не согласится с нами, то какой путь малютке надо преодолеть туда и обратно. Нет, надо сначала договориться, а потом пускаться в путь».

Зоя моет посуду у раковины и молчит, ладно, думаю, пусть подумает над тем, что я ей сказал. Я решил её не трогать, пусть решает сама, ребёнка повезёт она к своей матери, вот пусть и решает. Я разделся, лёг в постель, взял перед сном почитать газету, а жена помыла посуду, села ко мне на кровать и говорит мне: «Сеня, вот ты говоришь, написать маме и договорится с ней. Я думаю этого делать не надо, ведь если она получит письмо с моим предложением, то сразу пойдёт советоваться к Ильиным, к тёте Дуне, а та, может ей посоветовать, этого не делать. Скажут, зачем тебе такая обуза, ребёнок маленький, мало ли что с ним

случится. Мама под воздействием этих слов может отказаться от ребёнка. А нам нужно такое решение? Нет, оно нам не надо. Лучше мы приедем с Аллой и скажем, мама, мы привезли к тебе нашу дочь, выручай. Я думаю, так будет лучше» — «Для нас, — вставил я реплику и далее продолжил, — А почему ты говоришь, что мы привезём, ты хочешь сказать, что одна с ребёнком к маме ты не поедешь?» — «Сеня, ну ты что, зимой, одна с ребёнком и с вещами, а там две пересадки, в Бресте и в Москве, как я справлюсь, нет, одна я Аллу не повезу, я боюсь ехать одна».

После её слов, я лежал и думал, как всё это будет выглядеть по отношению к её матери, и чем больше я думал, тем больше убеждался, что Зоина идея выглядит коварством по отношению к ней. Поставим её перед фактом, мол, вот привезли, значит надо брать и деваться тебе некуда. Если бы она повезла дочь одна, то ладно бы ещё, вы родственники, вот и разбирайтесь, но если со мной, то это совсем другое дело, значит, в этом коварстве буду участвовать и я, а мне этого не хотелось бы.

Оба молчим, каждый думает о своём, а что, вопрос очень важный и его надо обдумать, как следует. Первой молчание нарушила Зоя, спрашивает меня: «Ну, что ты согласен с моим предложением?» — «Не совсем», — ответил я. «А что тебя смущает?» — «Да то, что наши действия смахивают на подлость по отношению к твоей матери. Ты, этого не находишь?» Тут Зоя соскочила с кровати, нагнула голову, сгорбила свою спину, как кошка перед прыжком и почти закричала: «Послушай меня, мы к кому везём дочь, к твоей матери или к моей?»

Меня её поза и крик в мой адрес, главу семьи, удивил, но я всё-таки спокойно ответил: «К твоей» — «Так если к моей матери, то что ты копаешься в моих действиях, правильно, не правильно, подло, не подло, я делаю то, что для меня выгодно, а к моей матери ты не имеешь никакого отношения. Это не твоё дело, со своей матерью я сама разберусь, а ты меня просто сопровождаешь, понял ты это или нет?» В такой позе и таким тоном, она со мной ещё так никогда не разговаривала, и мне это не понравилось, главу семьи, ставить в «строй», это никуда не годится, и на этот счёт я ей высказал замечание и своё решение по отношению нашей поездки к её матери:

«Вот что я тебе, милая, скажу, чтобы я тебя такой твоей кошачьей позы по отношению ко мне никогда не видел, и голос на меня никогда не повышай, брось свои блатные студенческие замашки. Или ты получишь такой урок, что в век его не забудешь, и на понял меня не бери, на понял, я сам, кого хочешь, могу взять. Запомни это раз и навсегда, другой раз я это повторять не буду, ты мне жена, вот и выполняй, роль жены, тихо и скромно, а

остальное сделаю я, как глава семьи. Теперь что касается нашей дочери и твоей мамы. Как ты сказала, поедем вместе, но если Варвара Ефимовна откажется принимать нашу дочь, то ты, останешься вместе с ней там, в Сибири, а я вернусь на завод в Польшу. Тут она встрепенулась и заискивающим, ласковым голосом сказала: «Сеня, а как же мой договор, ведь по условиям договора, я не могу его разорвать в одностороннем порядке» — «Случай сложных семейных обстоятельств, это сделать можно. Ты напишешь заявление о прекращении договорных отношений с госпиталем, а я его отвезу и там всё улажу. Так что об этом не беспокойся. В общем, давай сделаем так, завтра я беру отпуск без содержания, покупаю билеты на поезд, а послезавтра мы уезжаем. И давай на эту тему разговор закончим, давай ложиться спать, а то завтра рано на работу вставать. Больше мы в этот вечер к этой теме не возвращались, кажется, всё решили, но всё же от этого разговора, и то, что мы хотим делать, у меня на душе остался неприятный осадок. Как в том анекдоте. Вы его не знаете? Нет? Ну, тогда я вам его расскажу.

АНЕКДОТ

Звонит Изя Саре и говорит:

— Сара, Вы вчера со своим мужем были у нас в гостях?

— Да Изя были, такой был прекрасный ужин, и, как бы спохватясь, спрашивает, а в чём дело, что-то случилось?

— Да понимаешь, Сара, когда Вы вчера ушли от нас, мы стали считать серебряные ложки и одной не хватило.

— Изя, ну как ты мог подумать, чтобы мы с моим Абрамчиком что-то…

Изя не дал ей закончить фразу сказал:

— Да знаю, знаю, понимаешь, ложку-то мы нашли, но осадок-то остался.

Вот так и у меня, всё обговорили, уже едем в поезде, но еду я с осадком на душе. Едем в поезде Вроцлав-Брест, дочка на нижней полке спит, Зоя тоже с ней рядом, а я, сижу и решаю задачу, думаю, как в Бресте унести три большие вещи двумя руками. Чемодан, сумка с продуктами и Аллиными вещами, и коляска, она хоть и складывается, но все равно, объёмная. Во Вроцлаве нас провожали и помогли занести вещи в вагон, а в Бресте помощников у нас не будет, так что придётся самому решать вопрос. Так ничего и не решил, думаю, утром разберёмся. Утром, в городе Бресте, начали собираться на выход, Зоя оделась, сумку взяла на одну руку, дочь в другую руку, я смотрю на неё и

думаю, вот как быстро решился мой вопрос. До этого времени я с женщинами в дороге ещё не ездил, и поэтому не знал, что они так могут, ребёнок на одной руке, сумка на другой. Но как бы то ни было, я такому повороту дел, обрадовался.

Таможню прошли быстро, так как ничего запретного не везли, кроме 500 злотых, которые я, как и тот раз положи в «пистон» брюк. Но я польские деньги за иностранную валюту не считал и поэтому в декларацию их вносить не стал и таможеннику их не показывал. На поезде до Москвы добрались без происшествий, в нашем вагоне были пьяные, но вели они себя порядочно. Проходишь мимо такого «экземпляра» по коридору, а он стоит, качается и перед тобой извиняется, мол, бес попутал вот я и немного того. Такого человека и за нарушителя порядка можно не считать. Одним словам всё было в порядке.

В Москве заехали к Зоиной двоюродной сестре, Рае, ну к той к которой я заезжал, когда ехал через Москву в Сибирь, и которая замужем за Артамоновым Леонидом. Зою с дочкой, я оставил у них, а сам взял такси и поехал за билетами на самолёт до Кемерово. Приехали к Киевскому вокзалу, там была авиакасса, вышел из машины, сказал шофёру, чтобы он меня ждал, а сам пошёл покупать билеты. До входа в вокзал было метров тридцать, Я был одет в демисезонное светло-коричневое пальто, такой же костюм, шляпа и туфли такого же цвета, франт, да и только. Хоть и была ранняя весна, но в Москве было тепло, и поэтому в такой одежде я чувствовал себя комфортно.

У кассы была очередь за билетами, и поэтому мне пришлось минут двадцать ждать. Купив билеты, я иду к выходу и вижу у самих дверей, стоят два милиционера и «мой» таксист. Подхожу ближе, стою, за спиной таксиста, и слушаю, что он говорит милиционерам. Таксист, мужчина лет сорок, меня не видит, и рассказывает мои приметы работникам милиции. Вот что он говорил: «Знаете, такой молодой парень, лет двадцать пять, очень шикарно одет, пальто на нём демисезонное, светло-коричневого цвета и шляпа же такая, а туфли моднющие на каучуковой подошве, одни словом, франт, да и только. Я бы никогда не подумал, что он может уйти, не заплатив за проезд». Я выхожу за спины таксиста и говорю: «А я никуда и ни уходил, просто немного задержался возле кассы, так как там была очередь. И зря Вы, товарищ таксист, волнуетесь, имя своё я за любые деньги позорить не буду, тем более за те, которые я Вам должен. Если Вы считаете, что я Вам должен за простой, я заплачу, но не надо обо мне думать так плохо, тем более говорить. После моих слов, таксист загрустил, и, видать, чувствовал себя неловко. Даже милиционеры, стояли, опустив глаза, только когда мы собрались

уходить, один из них, который был постарше, сказал таксисту: «Ты раньше времени горячку то не пори», сказал, и укоризненно покачал головой. На этом мы и ушли, обратно ехали молча, когда я рассчитывался, он сказал, что надо тридцать рублей, я ему дал сорок, сказал: «Это за то, что Вы ожидали меня». На этом мы с ним и расстались.

Пока я отсутствовал, Рая с Зоей приготовили ужин, я решил ещё что-нибудь купить к столу, как гостинец Артамоновым, говорю Неле, дочери хозяев, которой было двенадцать лет: «Пойдём, покажешь мне, где находится магазин и поможешь мне что-нибудь к столу купить». Она согласилась, быстро оделась, и мы пошли. Не знаю, что это был за магазин, но Неля его называла гастроном, там был большой выбор продуктов не только отечественного производства, но и зарубежные фрукты, как ананасы и мандарины, апельсины и прочее. Мы с Нелей набрали столько, что еле домой к ним притащили. За это Рая меня даже немного пожурила, что так много потратил денег. Интересно получилось, когда выбирали торт, он такой большой и очень красиво украшен разными цветочками и ягодками. Неля по этому поводу сказала: «Наши знакомые говорили, что этот торт очень вкусный, но я его никогда не ела». Сказала и внимательно смотрит на меня, ожидает моей реакции. Ну а как я смогу на это среагировать, конечно, мы торт купили, а ещё по её просьбе купили ананасы и мандарины и принесли домой. Вечером пришёл Леонид, ужинали, выпивали, затем пили чай с тортом, который в магазине выбрала Неля. После ужина Леонид вызвал такси, и мы всей семьёй отправились в аэропорт Внуково. Там наш рейс отложили до утра. Зою с дочкой я определил в комнату матери и ребёнка для офицерского состава, а сам решил отдохнуть на деревянном диванчике в зале для офицеров. Мы хоть и не военные, но у нас были такие же удостоверения личности как у военных, поэтому нас определили в помещения для военных. Так вот, сижу на диванчике, время уже ночное, народа в зале мало, и меня потянуло в сон. Я снял свои крутые туфли, аккуратно поставил их под диван, как дома, лег на диванчик и уснул. Сколько я спал, я не знаю, проснулся от того, что кто-то толкает меня в плечо, открываю глаза, возле меня стоят два милиционера и один из них спрашивает меня: «Молодой человек, это Ваши туфли?» — «Да, мои туфли, — отвечаю стражам порядка. «Так вы их наденьте, а то, как бы у Вас их не украли». Я поблагодарил служителей порядка за внимание ко мне, скорее к моим туфлям, надеваю их на ноги, а сам думаю. Неужели кто-то может взять чужие вещи, здесь в офицерском зале, у меня и мысли не было что кто-то, сможет это сделать. Это

результат того, что я очень долго жил в «тепличных» условиях, где воровство было крайне редко.

Посадку объявили к вечеру, я сдаю свои вещи в багажное отделение, и прошу приёмщика, чтобы он присмотрел за моей детской коляской, говорю ему: «Если положите вниз грузовой тележки, завалите её чемоданами и помнёте, то в Кемерово я получу не коляску, а что-то вроде колясочного пакета». Эту фразу я ему повторял раза три или четыре, наконец, он не выдержал моего натиска и говорит: «Да не волнуйтесь Вы, доставлю в полном порядке. Ваша коляска будет в целостности и сохранности». Но я так волновался за коляску, что не поверил его обещаниям, думаю, это он сказал, что бы я ему не надоедал своим беспокойством, а сам положит, красивую импортную коляску в самый низ тележки, а что я получу в Кемерово, я уже писал. Какое же моё было удивление, когда я увидел, как по лётному полю, везут на транспортной тележке багаж, а моя детская коляска, розового цвета с белыми разводами, восседает над ним. Честно говорю, мне было неудобно за моё недоверие к работникам аэропорта, и я мысленно перед ними извинился. В этот день мы в Кемерово не попали, была сильная пурга, и Кемеровский аэропорт не принимал. Наш самолёт посадили в Новосибирском аэропорту Толмачёво. Ещё в самолёте нам объявили, что самолёт возвращается в Москву, а нас по нашим этим билетам доставят в Кемерово местными линиями. Затем проводница сказала: «А сейчас уважаемые пассажиры, выходите из самолёта и идите в зал ожиданий аэропорта».

Вышли из самолёта, на дворе ужасная пурга, сверху летит крупный снег и дует сильный ветер, хорошо хоть в это время мороз был небольшой. Идём в здание аэропорта, на дворе темно, светит только один фонарь, который весит на крыше здания, аэровокзала, а само здание вокзала похоже на барак. Подходим к этому зданию, оказывается, это и есть главное здание аэропорта.

Зал ожидания довольно большой, слабо освещённый, я с ребёнком прохожу мимо группы мужчин, которые мне предлагают услуги такси. Но я им ответил, что пока не надо я, ещё не решил, как быть. В зале было довольно прохладно, особенно мне в моём демисезонном пальто. Зоя была тоже в демисезонном пальто, но она под него надела тёплую шерстяную кофту, и ей было комфортно. Мне она тоже предлагала купить в Москве шерстяной жакет, но я не знал, что так будет холодно, да и шерстяные вещи под пальто я никогда не носил и поэтому отказался.

Народ в зале заговорил, что привезли багаж, я пошёл туда и прямо с багажной тележки взял свой чемодан и коляску. Зоя с дочкой сидела у стены на стуле, я поставил вещи рядом с ней и

сам сел на стул стоящий рядом. Сидим, ждём неизвестно чего, я сидеть долго не могу и поэтому пошёл к диспетчеру узнать, что и к чему. Узнал и пришёл, рассказал Зое, что самолёт на Кемерово полетит только в девять часов утра, при условии, если погода будет лётная, а если она будет такая, как сегодня, то самолёт не полетит. Так что надо думать, как быть. Зоя тут же предложила ехать из Новосибирска до Кемерово поездом. Я тоже подумал, что поездом будет надёжней. Пошёл к таксистам, подошёл к ним и говорю: «Кто мне предлагал такси?» Мужчина лет сорока, вышел вперёд и говорит: «Это я Вам предлагал такси» — «Только я не один, говорю ему» — «Знаю, — сказал он, — с Вами молодая женщина с ребёнком и вещи, чемодан, детская коляска и сумка, всё увезём, только скажите, куда едем?» — «Поедем на вокзал, только скажите, сколько поездка до вокзала будет стоить?» — «По одежде заметно, что Вы иностранец, да и говорите с акцентом, поэтому считаю, Вас гостем, так что возьму недорого». Я возражать не стал, это не первый раз меня признают за иностранца и в Москве тоже самое было. Вас, наверное, интересует, что же в моей одежде было такое, что меня принимали за иностранца? Чтобы у вас на эту тему не было сомнений, объясню. Конечно, в первую очередь, это одежда. Я одежду шил у польских мастеров, а Польша, что ни говорите, это запад, поэтому и ткани у них были из западных стран Европы и, естественно, стиль одежды был западный.

Стиль одежды советского пошива и европейского разительно отличался. Мужской стиль советской одежды шился по фигуре, и поэтому плечи были, как бы заужены, а европейская мода тогда была с широкими плечами, будь то костюм или пальто. Брюки же были заужены, и советская пропаганда называла их «дудочки». Западный стиль одежды в советской прессе высмеивался, а людей, которые так одевались, называли «Стилягами». В советское время с ярлыками не церемонились, их клеили кому надо и кому не надо, так что по западному образцу не каждый мог одеться. Я же был одет полностью по западной моде, да ещё у меня была шляпа из Бельгии, из хорошего материала и фирменными знаками на ленте. Ну а про ботинки я и говорить не буду, вы о них уже наслышаны. Вот поэтому я в чёрно-серой толпе советских людей выделялся своим нарядом. Надеюсь, что теперь вы поняли, что к чему, хотя современному человеку трудно в этом разобраться, ведь сейчас почти поголовно одеваются в заграничные вещи. Но все ровно кое-что я вам объяснил. А теперь вернёмся в аэропорт Толмачёво.

Мы с таксистом пошли к тому месту, где находилась моя жена, я ей сказал, что едем на вокзал, таксист взял чемодан и

детскую коляску, я взял сумку, а Зоя — ребёнка. Вышли на улицу, там всё так же мела пурга, и тени не было на улучшение погоды. Мне показалось, что от аэропорта, до вокзала не так далеко, хотя позже я узнал, что это совсем не близко. Мне так показалось, может потому, что в машине «Волга», было тепло, и я согрелся, и даже по дороге задремал, возможно, и так. Приехали на вокзал, зашли в общий зал ожиданий, он огромный, а народу там ещё больше. Буквально негде яблоку упасть. Мы пробирались в зал офицеров, надеясь там получить место в комнате ребёнка, для Зои и Аллы, и место в гостинице для меня. Зою с дочерью я определил, женщина, которая там руководит, разрешила ей находиться в комнате матери, а мне пришлось сидеть в зале ожидания. Там было довольно прохладно, я сижу один, на деревянном диванчике, вокруг ни одного человека. Офицеры ходят туда-сюда, но на диван никто не садится. Из комнаты матери и ребёнка вышла жена, узнать как у меня дела, побыла немного со мной и ушла. Смотрю на свои наручные часы, до отхода поезда ещё далеко, а я уже замёрз окончательно, буквально, зуб на зуб не попадает. Зоя больше не выходила, наверное, уснула, пусть поспит, она тоже за дорогу намучилась, дай Боже.

Когда я решил что надо пойти вниз, в общий зал и походить там что бы согреться, на конечный случай взять такси и пусть он меня по городу повозит, а я у него в машине согреюсь и посплю. В это время открывается дверь гостиной, из неё выходит молодой офицер в лётной форме в звании лейтенанта, подходит ко мне и спрашивает: «А ты что здесь сидишь, мёрзнешь?» Я ему лаконично отвечаю: «Сижу, потому что жду, когда пойдёт мой поезд, а мёрзну, потому что холодно»— «А ты иностранец, что-ли?» — спросил он. «А почему ты так решил?» — «Да вот твоя одежда, акцент» — «Да нет, просто я работаю за границей, вот так и выгляжу». Лейтенант отошёл от меня немного, оценивающе посмотрел и говорит: «Наверное, в посольстве работаешь?» — «Если сказать точнее, то в Советском представительстве» — «Понимаю, служебная тайна. А как тебя зовут?» — «Семён» — «А меня Игорь, вот мы с тобой и познакомились, пойдём к нам в комнату, там тепло и ты согреешься» — «Да как то неудобно, вы там офицеры, а я нет» — «Да брось ты, офицеры не офицеры, мы с тобой практически в одном, как бы это сказать?» — «В одном статусе, вы хотели сказать?» — «Да вот именно, в одном статусе, ты работаешь за границей, и я то же там работаю, так что никакой разницы. Пойдём», — сказал Игорь, и мы с ним направились в его номер.

В номере были ещё два офицера, они сидели на дальней от

нас койке и о чем-то разговаривали, и на нас совершенно не обратили внимания. Игорь, спросил меня, хочу ли я есть. Я действительно хотел кушать, как в самолёте, после вылета поел, так до сих пор ничего и не ел. Не то, что было нечего, а просто сначала было некогда, а потом еда ушла от меня, в комнату матери и ребёнка. Я у Игоря попросил горячего чая, если конечно можно, чтобы согреться. Он быстро приготовил чай, поставил на стол тарелку с бутербродами и печенье. Я молча принялся за еду, Игорь рассказал, куда он едет, где служит. Я больше молчал, потому что я никогда не был в таком положении и чувствовал себя скованно и, как говорится, не в своей тарелке. Вскоре в номер зашёл ещё один офицер, наверное, знакомый Игоря, так как он поднялся со стула и пошёл ему навстречу. Затем они сели на одну из свободных коек и о чём-то заговорили. Если честно, то я этому даже обрадовался, играть «шпиона» мне надоело, и я, наконец-то облегченно вздохнул. Я ещё был молодой, и находиться в роли другого человека мне было тягостно. Это гораздо позже я к этому привык, и поэтому никакого не удобства не ощущал. Раз двадцать давал автографы за композитора и певца, Михаила Звездинского, и даже был арабом из дружественной Советскому Союзу страны.

А сейчас, в номере, я попил горячего чая, согрелся, снял пальто, и мне захотелось поспать, ведь я уже почти сутки не сплю. То, что я прикорнул на диване в аэропорту Внуково, можно и не считать, там все ровно не дали мне поспать, и, наверное, правильно сделали, а то, я остался бы без ботинок. Игорь понял моё желание и говорит мне: «Семён, ты ложись на кровать радом с моей и отдохни, а если хочешь, то и поспи, а к поезду я тебя разбужу. Я с удовольствием растянулся на койке, и быстро уснул. Проснулся я от того что кто то меня толкает в плечо, открыл глаза и вижу Игоря, он говорит мне: «Вставай, на свой поезд опоздаешь». Я тепло попрощался со своим спасителем от холода и голода, и вышел из номера в зал ожидания. В нём уже стояла Зоя с дочерью на руках, и вертела головой в разные стороны, ища меня. Она вся была в волнении, уже не знала где меня искать, я ей объяснил, как всё получилось, разумеется, без подробностей, и мы пошли на посадку. После обеда, в этот же день, мы были в Кемерово.

Разумеется, нас никто не встречал, так как мы прибыли инкогнито. С вещами мы выбрались на, так называемую, привокзальную площадь, там стояли несколько машин-такси, в то время ими пользовались мало, так как было накладно, не у каждого найдётся 10–20 рублей за проезд. Дешевле было пройтись до трамвая и без пересадки, за три копейки, доехать до

остановки Швейная фабрика, а то и до Предзаводского поселка. Я долго выбирал такси, хотелось взять машину комфортнее и красивее. Все-таки еду к тёще, будем ехать по деревне, надо представиться солиднее. Выбрал машину «Волга» ГАЗ-21.

Вы, наверное, помните ту «Волгу», у которой был олень на капоте. Позже, выпускали такие же машины но без оленя, и поэтому, они выглядели некрасиво, смахивали на безрогую корову, такую машину называли «куцая», то есть безрогая. По какой причине изготовители не стали крепить оленя на капоте «Волги», я не знаю, но в народе говорили, что их безжалостно кто-то выкорчёвывал из капота и воровал. А что, игрушка красивая, если учесть, что в то время в магазинах, кроме юлы, да Ванька-встаньки, больше нечего и не было.

Решили, к Зине не заезжать, а ехать сразу в деревню, инкогнито так, инкогнито до конца. Ехали через Металлплощадку, туда была хорошая гравийная дорога, расчищенная от снега. А от Металлплощадки до деревни Пугачи, тоже была расчищена от снега дорога, но уже по самому лугу, никакой гравийки, там и в помине не было. Когда мы ехали, то меня удивило большое количество снега, сугробы были выше крыши машины, я этому откровенно удивлялся, но моё удивление никто в машине не поддержал: ни жена, ни водитель. Понятно, они сибиряки, и им это не в диковину, а я, такое количество снега видел впервые и поэтому удивлялся. Едем, Зоя говорит: «Вот там, справа уже Пугачи, но нам деревню за сугробами не видно, вот въедем в деревню, тогда будет всё видно. Но в деревню мы так и не въехали, так как туда дорога прочищена не была, пришлось брать дочь, вещи и пешочком по снегу. Идём по деревне, люди стоят у своих калиток, по два-три человека, одетые в фуфайках, кожухах, смотрят на нас и, наверное, думают: «Кто же это такой одетый не по сезону идёт?»

Продолжаем идти, снега ещё лежит много, сверху он подтаял, и поэтому у меня ноги то и дело проваливаются, и в ботинки набирается снег, неприятно, но терпимо. Проходим мимо деревенского магазина, там стоят женщины, одетые в фуфайки, головы покрыты тёплыми платками тёмного цвета, на ногах валенки с галошами, моя шляпа и штиблеты с ними не роднятся. Наверное, поэтому женщины на нас смотрят строго и не приветливо, мол, какие-то чужаки к нам пожаловали. Это длилось до тех пор, пока Зоя с ними не поздоровалась, и тогда они её узнали. Женщины сразу заулыбались, глаза их повеселели, а как же, своя, деревенская.

Варвара Ефимовна встретила нас радостно, взяла на руки внучку, качала её и радовалась. Её можно было понять, ведь это

её первая внучка и, как оказалось, последняя. Но тогда мы этого не знали и поэтому все радовались.

Радость длилась до тех пор, пока, баба Варя, не узнала причину нашего приезда. Правда она и после этого улыбалась, но улыбка её была какой-то натянутой и грустной. Когда Зоя завела разговор о том, что хочет оставить дочку у мамы Вари, то я вышел из избы, чтобы, не слышать этого разговора. Мне вся Зоина затея была неприятна. Через несколько минут, жена вышла на крыльцо, где я стоял, и сообщила мне, что мама согласилась оставить Аллу у себя. Возвращались мы назад в Польшу молодые, здоровые, весёлые и дурные. Да, да, вот именно, дурные. Разве могут умные родители оставить своего крохотного ребёнка с бабушкой в деревне, где нет ни какой медицинской помощи, не говоря уже о скорой. Но мы не знали, что мы неумные и поэтому были веселы. У нас получилось так, как в байке о майском жуке. Может, вы её не знаете, поэтому я вам её расскажу.

БАЙКА О МАЙСКОМ ЖУКЕ

На всемирном форуме собрались учёные, чтобы разобраться с майским жуком. Стоял вопрос. Почему майский жук летает? Ведь по своей комплекции, он не может этого делать, а он летает. Тело у него большое, тяжёлое, а крылья, по сравнению с телом малые, по всем данным он летать не может, но он летает, стоит вопрос, почему он летает? Мировые учёные задумались, никто не знает ответ на такой сложный вопрос. И тут, один из учёных говорит: «Я думаю, что всё здесь просто, жук не знает, что он не должен летать, вот потому он и летает».

Так и у нас с женой, мы не знали, какие мы есть на самом деле, вот и веселились.

И СНОВА ПОЛЬША

По возращению к месту жительства, всё пошло своим чередом, у меня работа, учёба в школе и спорт, а Зоя пошла на работу в госпиталь. В выходные дни у нас обязательно были соревнования с польскими спортсменами по футболу или по волейболу. Я был загружен до предела и скучно мне не было. Но наше заводское начальство посчитало иначе и чтобы нам за границей не было скучно и однообразно, нам руководство завода организовало поездку в концлагерь Освенцим. Хотя мне скучно и не было, но всё-таки для разнообразия, я решил поехать, думаю, когда ещё удастся там побывать. Предлагал и жене вмести поехать, но она отказалась, сказала, что её в эти дни поставили в дежурство в госпитале. Ну, хорошо, решили, что я поеду один.

Народу собралось много, нам были предоставлены два новеньких комфортабельных автобуса. Чьи были эти автобусы, я не знаю, но на нашем заводе таких автобусов не было. Возможно, поездка была организована с помощью туристической фирмы поляков, хотя экскурсовод, который нас сопровождал, говорил на чистом русском языке. Но, возможно, он был поляк, так как многие поляки отлично говорили на русском языке. Мы своей компанией, в составе: я, Яшка Котенко и Витя Клименко, сели на заднее сиденье, чтобы не мешать другим пассажирам и сразу решили выпить по сто грамм «Сливянки». А что не выпить, у Якова была такая закуска, что дай Боже, две запечённые в духовке утки. Мы только начали соображать, автобус поехал, и в это время заговорил экскурсовод. То, что он нам сказал, я мало что запомнил, потому что слушал невнимательно, да и Яков меня постоянно отвлекал, спрашивал меня, что я хочу ножку утки или грудку. Так что, сами понимаете, предложение Яши было предпочтительней, и я его слушал больше. А то, что я ниже напишу, то я взял из энциклопедии. Вот что я узнал о лагере.

Лагерь организован фашистами в 1940 году. Город Освенцим, что на реке Сола, до 1945 года это была немецкая территория, и город назывался Аушвиц, а затем стал Освенцим. Если честно, то я там ничего и не видел, не могу смотреть на те, места, где уничтожали безвинных людей. Как только подошли к первому бараку, и гид объявил, что сейчас будем смотреть то, что осталось от заключённых, я сразу развернулся и пошёл к автобусу, и в нём просидел, пока все не вернулись в автобус. В этой же поездке нас возили в замок Гитлера, что находится в горах Силезии. Я не знаю, Гитлера этот замок или нет, но вот не так давно показывали по телеку исторические кадры отдыха Гитлера в горах в своей

резиденции. Так площадка, по которой он ходил, и перила, за которые они с Евой Браун держались, были очень похожи на то, что я тогда видел в этом замке.

Трёхэтажный замок построен из монолитного бетона, находился на небольшой горе, высотой метров сто. Вокруг никакого жилья, только лес и горная речушка, которая с шумом несла свои мутные воды. Говорили, что внизу есть подвальное помещение и очень глубокая винтовая лестница, которая ведёт к подземным проходам, а они ведут в лес, и там имеются засекреченные выходы. Так говорили, хотя я точно не знаю, потому что меня в подвал не пустили, сказали, что это опасно. А проверить их версию мне очень хотелось. Потом мы были ещё, на каких-то фермах, где выращивают индюков и другую заморскую птицу. Меня удивило то, что эти фермы, в моём понятии на настоящие сельские угодья похожи не были, а были это какие-то старинные замки все серого цвета, построенные из камня с ажурными оградами. После этой поездки, я не скажу, что моё мировоззрение сильно обогатилось, но разнообразия в мою жизнь внесло.

Затем жизнь потекла своим чередом. Незаметно пролетело время вот и уже надо собираться уезжать жить в Союз. Мы с женой занялись покупками, Зоя старалась купить тот материал, какого нет в Союзе. В один из выходных мы с ней поехали в магазин за покупками. Магазин был большой, в три этажа, находился он в центре города Вроцлава. Мы с женой долго ходили по этажам, кое-что купили и пошли на первый этаж, там продавали шерстяную ткань, и мы решили купить, отрезы ткани мне на костюм, а жене на пальто. Стали в очередь, перед нами стояли три человека, Зоя стояла впереди меня, я за ней, и, как следствие, за мной люди стали занимать очередь.

Подошла наша очередь, я попросил, чтобы нам отмеряли выбранную нами ткань, но меня продавец на довольно хорошем русском языке спросила: «А что Вы хотите шить из этой ткани?» Я ей ответил, что нам надо ткань, мне на костюм, а моей жене на пальто. Она ту же нам предложила другую ткань, которую вытащила из под прилавка и на него положила. При этом она говорит: «Эта ткань к нам поступила только вчера из Бельгии, качество ткани очень хорошее, Бельгия вообще славится своими качественными шерстяными и суконными тканями, посмотрите, если Вам понравится, я Вам отмеряю эту ткань, если нет, то купите ту, которую раньше выбрали». Мы с женой вышли из очереди, подошли к предложенной нам ткани и стали её рассматривать. Посоветовались и решили взять ту ткань, которую предложила нам продавщица, вернулись снова к продавщице и я

ей сказал, что мы будем брать. И в это время, из задних рядов очереди, на хорошем русском языке, но с немецким акцентом, послышался гневный возглас: «А почему русские везде лезут без очереди, обнаглели, проклятые оккупанты». От такого заявления меня буквально передёрнуло, я посмотрел на женщину средних лет, которая возмущалась и ей сказал: «Красная армия никого не оккупировала, она освободила Европу от фашизма, так что не надо путать эти вещи». Но женщина, видать недобитая фашистка, все возмущалась. Остальные люди стояли и молча на всё это взирали. Я уже было втянулся в этот спор, как вдруг почувствовал, что меня кто-то трогает за локоть. Я повернул голову и вижу, что это женщина-продавец, она махнула рукой в сторону возмущавшийся женщины, а мне тихо, но чтобы я слышал, сказала: «Не обращайте на неё внимания, она специально Вас задевает, чтобы хоть как-то русским насолить, и покажите, пожалуйста, что Вы выбрали?» Я показал на ткань и сказал, сколько мне отмерить той и другой ткани. Продавец начала отмерять, а та недобитая фашистка, никак не унималась, и теперь набросилась на продавца, обвиняя её в том, что она русским потакает. Продавец сначала не обращала внимания на её нападки, но затем не выдержала и в резкой форме фашистке ответила: «Эта молодая пара уже стояла в очереди, и они на минутку отошли, чтобы выбрать ткань, так что, теперь им что, снова становиться в хвост очереди? Нет, в нашем магазине так не принято, и поэтому они стали в очередь впереди всех. А для нас, продавцов магазина, все равно, какой национальности покупатель, покупатель он и есть покупатель».

Затем продавец отмерила нам ткань, я рассчитался, и мы с женой пошли на выход. Уже у самой двери я вспомнил, что не купили мужские носки, они там импортные и очень хорошего качества. Я думал взять пар двадцать, чтобы в Союзе надолго хватило, решил вернуться на верхний этаж, и поэтому попросил Зою подождать меня у входа, а сам побежал на третий этаж за покупкой.

Был я там минут 10 или 15, прихожу к входной двери, где должна меня ждать Зоя, а её там нет, я туда-сюда, нет, оббежал вокруг магазина, нигде её нет, я уж не знаю, что и думать. Постоял у двери ещё минут десять, Зои нигде и не видно. Я, решил, что она уехала домой без меня. Я знал, что жена плохо знает центр города, она мне не однократно говорила об этом, но я подумал, что возьмёт такси и доедет до дома. Но всё- таки её коварство не выходило с моей головы. Сказать, что я был удивлён, значит ничего не сказать, я просто был шокирован её поступком, это было похоже на предательство. В моей голове это

никак не укладывалось, как так можно, своему близкому человеку ничего не сказать, взять и уехать. Может она обиделась за то, что я долго ходил за носками. Так десять минут для магазина это совсем не долго.

Мысли роились в моей голове, но точного ответа на действия моей жены я не нашёл. С такими мыслями я дошёл до трамвайной остановки сел в трамвай и поехал домой. Стою в трамвае, на задней площадке, народа мало, из-за случившегося у меня настроение мерзкое, в данный момент я подумал что меня в жизни так ещё никто не предавал, тем более близкий человек.

Трамвай подходит к первой остановке, я, невольно бросаю взгляд на посадочную площадку, и какое же было моё удивление, когда я увидел свою жену, которая стояла на ней с покупками в руках, и бросала рассеянный взгляд в сторону магазина, где мы с ней не так давно были. Первая мысль была о том, что жена не знает, как доехать до нашего дом на трамвае, вот она и сошла на первой остановке, чтобы меня дождаться.

Но как дальше показали события, выходит, что я с выводами поторопился. Я с радостью спрыгиваю с площадки трамвая, подбегаю к ней и с улыбкой ей говорю: «Зоя, как хорошо, что ты решила меня дождаться, а то я не знал, что и думать о тебе, куда ты подевалась?» Смотрю на жену, а она не проявляет ни какой радости, и глаза у неё какие-то грустные, как будто кто-то обманул её ожидания. Я её спрашиваю: «Зоя, что случилось, почему ты уехала без меня, и что произошло, когда меня не было с тобой?» На все мои вопросы она отвечала, одним словом: «Не знаю». Кстати говоря, что при подобных случаях, это «не знаю», всю жизнь было её отговоркой. Она всегда в нужный для неё момент, как говорится в народе, включала дурака.

После этого события, наши отношения, какое-то время были натянуты, но надо было готовиться к отъезду, и всё постепенно вошло в своё русло. Как-то Зоя приходит из госпиталя с работы и говорит мне: «Послушай, у меня ошеломляющая новость!» Меня её сообщение заинтриговало, думаю, что же там у них в госпитале произошло, может, Зое премию в тысячу злотых выдали, но сам спокойно спрашиваю: «И что же у вас произошло?» — «Ирина Плотникова вышла замуж» — «Как вышла замуж, — удивился я, — ведь она должна была уехать в Союз ещё в прошлом году?» — «Она уговорила нашего главного врача госпиталя, оставить её ещё на год за границей, вот и дождалась своего избранника» — «И кто же он такой?» — «В бригаду связи приехал, какой-то капитан «разведёныш», увидел Ирину, сразу в неё влюбился, они подружили два дня и поехали в Краков, а оттуда вернулись мужем и женой» — «А что, Ира хорошая

женщина, так что капитан не прогадал, что на ней женился» — «Да уж ты-то знаешь, какая женщина Ирина, не одну ночь провёл с ней», — не преминула съязвить жена.

Я по этому поводу промолчал, а что я мог сказать, если это правда. Но жена не успокоилась и дальше сказала: «Да, повезло Ирке, теперь ещё пять лет будет жить в Польше, уже как жена офицера» — «Я думаю, Зоя, ты ей завидуешь», — сказал я. «А что, ты бы не хотел здесь в Польше остаться ещё лет на пять?» — «Хотел бы, но только на год, чтобы закончить десять классов школы, а потом в Союз, учится дальше. Не век же мне слесарить». Жена немного помолчала, а затем задумчиво говорит: «А мне здесь всё нравится, я бы здесь работала бы всю жизнь, так здесь хорошо».

Её заявление меня как-то насторожило, как же так, ведь у неё есть семья, неужели она об этом забыла. И чтобы уточнить, решил спросить у неё: «Тебе не кажется, что ты теперь не одна, что у тебя теперь семья, дочь в Союзе, которой так необходимы родители». Она меня не дослушала и с возбуждением сказала: «А что, дочь, она там с мамой прекрасно живёт, а мама ни в чём не нуждается, мы ей высылаем деньги». Я немного помолчал, затем задумчиво ответил: «Не знаю, не знаю, заменят ли деньги родителей ребёнку?»

По поведению жены было видно, что она раздражена и причину её раздражения я знал. Ехала она в Польшу, чтобы выйти замуж за офицера, а вышла за простого рабочего. Но ведь я ей не навязывался, наоборот, она сама навязалась мне и что теперь злиться? Наоборот надо радоваться, ведь ты добилась, чего хотела. Но нет, её всё раздражает, а тут ещё Ирка со своим замужеством масла в огонь подлила. Одним словом, у меня с женой всё не так просто, но что делать, жить надо дальше, тем более, что я собрался жить и работать в Сибири.

А о том, как «хорошо» было в Сибирской деревне бабе Варе и нашей дочери, я узнал позже, когда мы приехали, тогда Варвара Ефимовна нам всё и рассказывала. Не знаю, как этот рассказ отложился в душе Зои, но мне нескончаемо было стыдно, что такой непомерный груз мы свалили на плечи уже немолодой женщине, пусть и бабушке ребёнка.

ЖИЗНЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОДГОТОВКА К ОТЪЕЗДУ В СИБИРЬ

Странное дело, слово Сибирь, жителей юга пугает, а я совершенно об этом не беспокоился, спокойно собирался ехать на стройки Сибири, но до отъезда ещё далеко и мы продолжали жить в Польше в своём заводском посёлке.

Однажды мы с женой собрались в кино, идём возле ограды нашего поселкового сада, а с другой стороны сада, идёт мой товарищ по спорту капитан Виктор Никутин, увидев меня кричит: «Семён, лови грушу». У меня мелькнула мысль, не добросит, всё-таки расстояние между нами большое, а если и добросит, то поймать грушу с такого расстояния будет очень трудно, ведь до этого метанием груш мы не занимались. Но все же крикнул ему: «Бросай». Вижу, Виктор замахивается правой рукой и бросил. Я слежу за траекторией полёта «снаряда», мне показалось, что груша летит очень долго, я то поднимаю руки, что бы её поймать, то опускаю, то снова поднимаю. Вижу, как она пролетает над деревьями, и вот она уже рядом, я вскидываю руки, и груша с силой впивается в мою правую ладонь. Я сжимаю пальцы и вот она в моей руке светло-зелёная груша с золотистыми боками. Я был рад и горд своей маленькой победе, и не скрывал этой радости, хотя жена на это отреагировала язвительной усмешкой и молчанием. Зато Никутин с той стороны сада крикнул мне: «Семён, ты молодец». А за женой я давно заметил, что мои успехи, в чём бы то ни было, её не радовали, она делала вид, что ничего особенного не случилось, или мой успех приписывала другим, как бы говоря, если бы не тот-то, то у тебя ничего бы не получилось. Пока я этому не придавал значения, но зато позже, за подобные дела у нас были ссоры, и после них мы не разговаривали по неделе. В кино мы смотрели фильм про партизан, когда шли домой, то я попытался с женой поделиться впечатлением о картине, говорю ей: «Вот посмотри, молодые ребята, такие же, как я сейчас, а некоторые даже моложе, так ожесточённо бились с фашистами, рисковали жизнями, пуская под откос поезда. Получали ранения, увечья, а некоторые погибали, но, не смотря на это, продолжали бороться, и побеждали. И вот, благодаря им, и таким же, как они, мы с тобой сейчас живём за границей, я работаю на заводе, который построили немцы, а ты в госпитале который тоже построенный немцами. Поэтому мы должны делать для своей страны как можно больше и лучше, что бы их подвиг, не был напрасен. Вот

посмотри, я собрался жить и работать в Сибири, что ни говори, а для южанина это подвиг, пусть и небольшой, но всё же подвиг». Зоя шла молча, ни как не реагируя на мои размышления. «Что ты молчишь?» — спрашиваю я её. «А что говорить? На мой взгляд, ты всё события драматизируешь. В жизни каждому отведена своя участь. Вот они там воевали, это их жизнь, а мы здесь работаем это наша жизнь. Вот и всё, и не надо вдаваться в подробности, надо делать так, чтобы тебе было хорошо».

Дальше домой мы шли молча, я с ней был в корне не согласен, но спорить не стал. На другой день на заводе, пан Льяна сидел у своего шлифовального станка обедал, я подошёл к нему и спросил: «Послушай, Сильвестр, ты же во время войны был взрослый, где ты был и что делал?» — «В 1944 году мне было 25 лет, я работал на немецкой стройке, платили нам мало, но на эти деньги прожить было можно, правда бывали такие дни, когда мы просто голодали, но тогда в городе все так жили, и поэтому с этим положением пришлось мириться. А ещё мы с другом партизанили. Да, да не удивляйся, правда, мы поезда под откос не пускали, как это делали русские партизаны, но ущерб немцам наносили» — «Это правда? — удивился я признанию Сильвестра, — ну тогда ты мне расскажи о своём самом ярком подвиге, где ты сам или с кем-нибудь нанёс немцам ощутимый урон».

Сильвестр уже закончил обед, аккуратно в упаковочную бумагу завернул пустую бутылку от молока, так же завернул остатки еды, всё это сложил в портфель и стал рассказывать: «Было это как раз под новый 1945 год. Вечером, уже темно мы с другом идём по улице и видим. У подъезда здания стоит грузовая машина, и два немецких солдата, с автоматами на шее, что-то в ящиках из машины выгружают. Мы с другом заинтересовались, что там, в ящиках, которые носят солдаты. И тут мой нос поймал запах колбасы. Я говорю другу: «Юзик, там кильбаса (польский)». Решение обоим пришло сразу. Как только солдаты с ящиками скрылись в подъезде дома, мы с другом рванулись к машине, я в одну руку схватил одно кольцо колбасы, в другую руку другое и со всех ног бросился бежать за угол дома. Юзик проделал то же самое. Затем мы с ним побежали в подвал того дома где мы спасались от бомбёжек, сели к стене и с удовольствием, за обе щёки, ели наш только что добытый трофей». Льяна закончил рассказ, смотрит на меня с гордой осанкой и улыбается. Я не знал, что ему ответить, ведь по сравнению с тем, что делали наши партизаны, «подвиг» Льяны и его друга можно назвать детской шалостью, но сказать ему об этом, значить, его обидеть, а мне делать это не хотелось. Но сказать что-то надо, ведь Сильвестр

смотрит на меня с надеждой, что я его похвалю, но я уклонился от похвалы и с иронией заметил: «Да, немцы после вашего налёта долго будут приходить в себя. Скажи, Сильвестр, а почему вы украли по два кольца колбасы, а не ящик сразу?» — «Нет, Симон, ящик нельзя, немцы пропажу заметили бы, а так всё обошлось, и их колбаса как бы на месте, и мы с другом сыты». В душе я тогда осуждал его, и даже посмеивался над ним, но теперь с высоты своего возраста и знаний, которые я приобрёл, я понимаю, как ему с другом было нелегко разобраться в пёстрой политической мозаике.

Льяна мне говорил, что у его друга был радиоприёмник, и они тайком слушали эфир разных станций. Немецкая волна твердила, что Рейх не победим, он стоял, и будет стоять. Приспешники Пилсудского из Лондона вещали, что Польша для поляков, а коммунисты пусть дойдут до границы с Польшей, а дальше не их дело, дальше мы, поляки, сами разберёмся, какой быть Польше. Москва сообщала сводки из фронтов и твёрдо обещала освободить народы Европы от фашизма. Что оставалось делать Льяне и его другу Юзику? Для них было единственное верное решение это ЖДАТЬ. Что они и делали, а ещё потихоньку партизанили. В заключение партизанской темы расскажу вам один старый-престарый анекдот, который мне рассказали на работе ещё в 1961 г.

АНЕКДОТ

На опушке леса бабка собирает грибы, недалеко видна деревня. Вдруг из леса выходят два мужика, небритые, в фуфайках и с автоматами на шее. Один из мужиков остался у леса, а другой подошёл к старухе и спрашивает у неё: «Слушай, бабка, немцы в деревне есть?" Бабка встрепенулась, смотрит на пришельца ошалелыми глазами, а затем говорит: «Какие немцы, милок, уж десять лет как война кончилась» — «Как война кончилась? — а мы вчера эшелон под откос пустили!»

Вот такой старый и не очень остроумный анекдот.

ОТЪЕЗД

Ну ладно, партизаны партизанами, а нам с женой пора собираться в путь. К отъезду с женой мы начали готовиться за ранее, покупали разные вещи и для себя, и для ребёнка, подарки родственникам тоже покупали, из имеющихся вещей отбирали, что взять с собой, а что оставить, одним словом, потихоньку готовились в путь. В один из дней, это было уже в начале декабря, я пришёл с тренировки домой. На, дворе хоть и был декабрь месяц, ещё было тепло, этак градусов 16–18 плюсом. Прежде чем подниматься по лестнице в свою квартиру, я почему-то решил заглянуть в наш сад. В саду было с десяток деревьев, но фруктов на них уже практически не было, осталась только одна яблоня, на которой красовались своими жёлтыми боками яблоки. Их было довольно много. Я ходил вокруг дерева, рассматривал эти яблоки, и в этот момент у меня созрела мысль. А почему бы эти яблочки не забрать с собой в Сибирь. Ведь там наверняка зимой фруктов нет, а если мы их привезём с собой, то хоть недолго, полакомимся этими плодами, а у нас есть зелёный чемодан, который мы хотели здесь оставить за ненадобностью. Вот он нам и пригодится.

Пришёл домой поделился своими мыслями насчёт яблок, с женой. Она одобрила мои устремления, только засомневалась, а довезём ли мы их до дома в город Кемерово, ведь там стоят трескучие морозы, они могут замёрзнуть у нас. Я подумал и говорю жене:

— А мы с тобой Зоя давай не полетим на самолёте, а поедим поездом, ведь в вагоне хоть как, а плюсовая температура будет, так что я думаю, довезём.

На этом и решили.

В этот же вечер, я взял свой фибровый чемодан и пошёл в сад снимать урожай. На дереве плоды были ещё не совсем зрелые, но я всё же решил их собрать, так как думаю, до отъезда осталась неделя, за это время они дозреют в чемодане. В комнате такой большой чемодан хранить было негде, то я решил его затащить на чердак, там было сухо и чисто. Захожу в комнату, а Зоя ко мне с вопросом: «Сеня, а ты что яблоки не стал собирать, передумал что ли?» Я ей как бы с пафосом ответил: «Яблоки в чемодане уже на чердаке». Зоя удивлённо говорит: «Так быстро? Ну и хорошо, теперь садись ужинать». Во время ужина мы начали с женой говорить о скором отъезде, и тут жена мне выдаёт такой экспромт, а может и не экспромт, возможно, она эту мысль выработала давно и не знала, как мне её преподнести. Но время

стало её поджимать, и она решила поторопиться высказать её мне. Одним словом, я ем ужин, ничего не подозреваю, и она в это время мне говорит: «Сеня, я вот думаю, хорошо было бы, если бы мы остались здесь в Польше хотя бы до лета». Я оторвался от тарелки, посмотрел на жену внимательно и говорю ей: «Зоя, мы же с тобой на эту тему говорили, зачем ты снова поднимаешь этот вопрос?» Но жена движением руки меня остановила и говорит: «Сеня, ты меня не дослушал, я ведь всё продумала и то, что я предлагаю, будет для тебя же хорошо. Ты ведь говорил, что хочешь в Кемерово поступить в техникум. Так вот, в техникуме с семью классами надо учиться пять лет, а с десятью три года. Чуешь разницу?» Сказала это она и замолчала. Я подумал, ну какая разница, я и там, в Кемерово, могу в школу пойти и закончить десять классов, а затем пойти в строительный техникум.

Своё предположение я высказал Зое, на что она мне заметила: «Конечно, можно и там закончить десять классов, но там тебе сначала будет не до школы, ведь ты говорил, что хочешь в Кемерово устроиться на такую работу, чтобы хотя бы через год получить квартиру. А такую работу в городе Кемерово найти очень и очень трудно. Поэтому на поиски нужной тебе работы ты потратишь не один месяц, и тебе будет не до учёбы. Так что моё предложение, самое верное» — «Ну, допустим, ты права, но я думаю, что из нашей затеи ничего не получится. Дело в том, что я работаю в цехе на линии старых двигателей, а они уже на исходе, так что с ними перспективы ни какой. А зачем дирекции завода оставлять не перспективного работника, я думаю для них нет смысла это делать. Так что, сама понимаешь. Сходить я, конечно, схожу и попрошу, чтобы директор оставил меня на заводе хотя бы до конца декабря месяца, надо закончить первую четверть девятого класса. Может быть, в Кемерово получится быстро найти нужную мне работу, и тогда я пойду в вечернюю школу заканчивать девятый класс». Такой ответ моей жене явно не понравился, и она попыталась меня уговорить, чтобы я попросил директора оставить меня на работе до лета, а лучше ещё на один срок пребывания за границей. Мне надоели её увещания, и я ей говорю: «А почему бы тебе не пойти к своему главврачу и не попросить его оставить тебя ещё на один срок пребывания за границей? Ведь ты так хочешь здесь остаться, так вот и прояви инициативу, реши этот для тебя не разрешимый вопрос. Ведь Ира же Плотникова ходила к нему и добилась своего, и ты так сделай». Жена закусила губу, надулась и говорит мне: «Не пойду я просить, не хочу унижаться, ты мой муж и ты это должен делать». Меня такой поворот разговора возмутил, и я ей в резкой

форме ответил: «Значит, по твоему мнению, мужчины для того и созданы, чтобы ходить по начальству, выпрашивать милостыню и при этом унижаться? А в данном случае, ты женщина, создана для того, чтобы пожинать плоды моего унижения? По-твоему, так должно быть, или я в чём то ошибаюсь?» Жена какое-то время молчала, затем резко сказала: «Не знаю, но я не пойду просить главного врача». На что я ей заметил: «А почему тебе не сходить к нему? Возьми пример с Ирины Плотниковой, она сходила, хорошо попросила своего начальника, и он её оставил работать в госпитале ещё на год». Но жена уже «закусила удила», отвернулась от меня, и мы больше на эту тему не разговаривали.

На другой день, после работы я зашёл в приемную директора завода, и попросил секретаршу, чтобы она передала директору завода, что я пришёл на прием к нему. Через минуту она пригласила меня в кабинет директора. У него я изложил цель моего прихода, он выслушал и разрешил мне работать почти до конца декабря 1960 года. Пришёл домой, о результате похода к директору завода сообщил жене, она сдержано, но всё же одобрила мой поход. По этому поводу она сказала: «Хорошо, что мы ещё за целый месяц получим зарплаты и на эти деньги, что-то купим домой. До отъезда, хотя было ещё далеко, но за заботами время пролетело быстро, и надо было уже собираться к отъезду. Когда всё было готово, я пошёл в нашу контору чтобы получить расчёт. Конторские работники, которые мне делали расчет, когда узнавали, куда я еду, хватались за голову и спрашивали меня: «Сеня, ты, что с ума сошёл, сам родом с юга и едешь в эту ужасную Сибирь?» Но я как мог их успокаивал, говорил, ничего, люди и там живут и работают. Я уволился с завода и получил расчет, прихожу домой и говорю жене: «Всё, я уже уволился с завода и получил расчёт, так что очередь теперь за тобой. Ты завтра иди в госпиталь и сразу увольняйся, и пусть они выдадут, положенные тебе деньги. Пора уже окончательно собраться и уезжать, чтобы Новый год отмечать на новом месте».

Зоя со мной согласилась, она разумеется, желала остаться работать ещё за границей, но раз не получается, то пора и домой, дома тоже не плохо, там родные и близкие. На другой день Зоя пошла в госпиталь, чтобы уволиться и получить расчет. Я был дома и никуда не уходил, складывал вещи и думал, как бы что не забыть и ждал жену. Она ушла утром и я думал, что она вернётся из госпиталя часа через два, то есть часам к одиннадцати-двенадцати. Но уже два часа дня, а её всё нет. Я уже подумал, может что случилось, а может ей не дают расчёт или денег нет в кассе? Только я так подумал, дверь комнаты открывается и в комнату просто влетает Зоя, и с порога начала говорить: «Сеня,

ты посмотри, что я тебе купила, ты же мечтал о хорошем спортивном костюме, вот я его в Военторге и купила. Знаешь, когда я зашла в магазин, то сразу увидела на прилавке лежит большой красивый ковёр и стоит он девятьсот злотых, а у меня только 600 злотых. Как ты понимаешь, на ковёр не хватает, вот я и решила тебе купить костюм, на него мне денег хватило он стоит 400 злотых. Сеня, ты же вчера расчёт получил, сколько у тебя денег?» — «Тысяча триста злотых, а ты что хочешь купить ковёр?» — «Да, Сеня, давай купим ковёр, в Союзе ковры огромный дефицит, так что мы там его никогда не купим, а хочется, чтобы в нашей квартире, которая у нас, наверное, будет, было уютно. Если ты не против, то давай сейчас поедем и купим тот ковёр, а то он там лежит один, и я боюсь, что кто-нибудь его заберёт, магазин работает до 17–00» — «Хорошо, мы с тобой поедем, только давай чего-нибудь, перекусим, а то очень есть хочется. Я тебя ждал на обед и ничего не ел». В общем, мы в тот день купили ковёр, бархатную ковровую скатерть, и ещё много чего по мелочи. Ну и правильно, что израсходовали злоты, зачем они нам в Союзе, оставили только на билеты и на такси до вокзала. А спортивный костюм, который Зоя мне купила, был просто шикарный. Из чистой шерсти синего цвета, с белыми полосками по воротнику и манжетам. В таких костюмах наша сборная СССР выступала на летней олимпиаде 1960 года, и после этого такие костюмы стали называть олимпийками. Позже, в городе Кемерово, в столице Кузбасса, я в таком костюме козырял один на весь город. Мне за него тогда предлагали неплохие деньги, но я его не продал, мне как спортсмену, хоть и любителю, он был дорог.

Ну а с отъездом как бы всё в порядке, осталось только во что-то упаковать наши вещи. Для этой цели я пошёл на наш склад, которым командовала заведующая столовой, и купил на складе ящик, от спичечных коробок, мы с женой в него сложили все необходимые вещи, я заколотил его для дальней транспортировки. На другой день мы с Зоей поехали сдавать свой багаж в багажное отделение вокзала. На перроне багажного отделения меня удивило то, что возле некоторых ящиков, одежда лежит прямо на асфальте, а накануне прошёл дождь, и одежда лежит прямо в лужах. Как я понял, эти вещи были тех людей, которые отъезжали в Израиль, их потрошили по полной, поляки боялись, что они увезут драгоценности. А ещё меня удивила одна женщина, которая уезжала в Израиль, на ней было пальто и всё в мехах. Огромная «лиса» чернобурка лежала у неё на плечах, мех от лисы был нашит на рукава и подол пальто, а ещё она прятала руки в меховую муфту. Я подумал, ну что она так кутается, на

дворе хоть и декабрь месяц, но зимой ещё и не пахнет. Но оказывается, ларчик открывался просто. Позже, мне объяснил один из польских офицеров таможенников. Что, по закону мех из страны вывозить нельзя, за исключением личной одежды, вот они и хитрят, придумывают всякие воротники и муфты. Затем, я присмотрелся к другим женщинам, которые были одеты тоже подобным образом. Что касается нас с Зоей, то мы были одеты в демисезонные пальто, и такие же не тёплые ботинки. Подошедший к нам офицер-таможенник спросил нас: «Куда следуют пановье?» — «Домой, в Союз, контракт пребывания в братской Польше закончился, пора и домой», — ответил я. — «Что везём?» — «Да в основном, наши вещи, одежду и отрезы на костюм и пальто» — «Цо то е отрез?» Я долго объяснял ему, что такое отрез материала, но он так меня и не понял, наверное, пан официр подумал, что мы в ящик спрятали обрез ружья, слово-то созвучное. Затем они с другим офицером о чём-то поговорили и попросили меня открыть ящик с нашими вещами. Я взял рядом лежащий молоток, открыл крышку ящика, он посмотрел в ящик, и удивлённый простотой нашего багажа, скривился, как от зубной боли, махнул рукой, закрывайте, мол. Затем, на польском языке, что-то сказал солдату, который на тележке возил багаж, а сам ушёл к другим отъезжающим. Солдат с тележкой обкрутил наш ящик шпагатом, поставил на него сургучную печать, и отвёз его в багажный вагон. Я подумал, значит, наш багаж будет ехать с нами в одном поезде. Утром следующего дня, мы были уже в Бресте. Таможенная процедура была не долгой, ничего запретного у нас не было, я даже 500 злотых в пистон не положил, а зачем они, ведь мы уезжаем из Польши навсегда. Затем я купил билеты на поезд до Москвы, подошёл к Зое и говорю ей: «Вот билеты вроде бы всё сделал, но меня беспокоит наш багаж, мне хочется, что бы он с нами проследовал до Москвы, а из неё дальше в Кемерово. Но пока надо решить первый вариант. Сейчас пойду к таможенникам и узнаю, как это сделать». Жена послушала меня и говорит: «Ничего у тебя не получится, ты представляешь, если они будут выполнять желания каждого пассажира, то им работать будет некогда». Я посмотрел на неё и парировал: «Это твоё мнение, а что скажут мне таможенники, ты же не знаешь?» Я оставил жену в зале ожидания, а сам пошёл сначала к таможенникам, узнал у одного из них, с кем договориться, чтобы мой багаж проследовал дальше в Москву с тем поездом, на котором мы поедем. Он мне объяснил, что надо пройти к охране складов, и они подскажут, что дальше делать. Узнав, где находятся склады, я направился туда. Территория складов огорожена, на воротах стоит охранная будка, а рядом с ней

часовой, я задал ему тот вопрос, который меня волнует. Он меня отправил к офицеру, который находился в будке. Я пошёл туда, офицер выслушал меня и говорит: «Пройдите вот на тот склад, и показал рукой, куда идти, найдите там кладовщика и скажите ему, чтобы он Ваш багаж отправил с Вашим поездом. Скажите, что я так велел ему сделать». Я, пошёл на склад, он находится не далеко от ворот, захожу туда, а он такой громадный, и весь забит ящиками и тюками, думаю, как я в таком ералаше найду свой ящик. Смотрю по верхним полкам и вижу свой багаж, у меня на душе потеплело. Кладовщику сказал всё, что велел дежурный багажного отделения, и от себя добавил: «Я хочу быть уверен, что Вы действительно погрузите мой багаж, в поезд, в котором поеду я». Кладовщик сразу распорядился, чтобы мой багаж погрузили на автокар и отвезли к Московскому поезду. Всё было проделано прямо на моих глазах, о деньгах не было даже речи, не то, что сейчас, без дополнительной платы лишний шаг не сделают. Вечером сели в поезд и поехали в Москву. Разобравшись с багажом мы с женой последовали в банк чтобы деньги с вкладной книжки частично снять, а остальные перевести на сберегательную книжку. Ну что, кажется, мы в Бресте всё сделали, теперь пойдём на вокзал и будем ждать отхода поезда Брест-Москва.

В Москву прибыли утром, с вокзала поехали к Зоиной сестре Рае, у неё оставили свои вещи, а сами отправились в магазин за покупками. В Москве нам надо было основательно утеплиться, ходим по самому большому магазину в Москве под названием «ГУМ» и подбираем себе тёплые вещи. Стоим у прилавка, а Зоя мне говорит: «Сеня, ты утепляйся хорошо, а то в Сибири стоят жуткие морозы». Сказать то она сказала, а что надо купить, чтобы утеплиться не сказала, вот я по своему разумению и выбирал. Купил легкое трико, пуловер из тонкой нити, подумал, что если я куплю пуловер из толстой пряжи, то в нём мне будет жарко. Затем решил купить рубашки, для работы и на выход. Подошёл к отделу, где продавали рубашки, людей там никого не было, я стою у прилавка и смотрю, какие же мне рубашки купить. За стойкой стоит молодая миловидная женщина, смотрит на меня, и, наверное, ждёт, когда же я выберу, то, что мне надо. Но я так долго выбирал, что женщина не выдержала моей тягомотины и спрашивает меня: «Молодой человек, что Вы хотите купить? Давайте я Вам помогу». Я на продавца посмотрел добрыми глазами и говорю ей: «Знаете, мне надо у Вас купить мужские сорочки на выход и для работы. Только знаете в чём беда, я не знаю своего размера. Обычно рубашки мне покупает жена, а сейчас её рядом со мной нет, так что вот такое затруднение» — «Ну, это не проблема, размер определить не сложно. Снимите

своё пальто и положите на прилавок, я на Вас посмотрю и определю, какого размера Вы носите сорочки». Я снимаю пальто, кладу его на прилавок, затем я встал перед продавцом по стойке «Смирно», она на меня внимательно посмотрела и говорит: «Размер Ваших сорочек будет 48-й» — «Да Вы что, — возмутился я, — это же размер мальчишек, а я взрослый мужчина, мне как-то неудобно будет носить такой размер рубашек» — «Знаете что, давайте мы Вам подберём сорочки 50 размера, они немножко Вам будут великоваты, но носить их будет можно. Да и потом, вы же молодой парень и ещё расти будите, так что через год они вам будут в самый раз».

Слова этой доброй женщины о том, что я ещё буду расти, мне очень понравились, и я согласился купить рубашки такого размера. Мне действительно роста не хватало, особенно при игре в волейбол. Но сейчас я покупаю мужские сорочки и волейбол здесь ни при чём. А насчёт сорочек я подумал, что буду расти это хорошо, но когда это будет, поэтому решил взять по одной сорочке на выход и на работу 48 размера, а по две сорочки 50 размера, думаю, так будет лучше. Приятная женщина-продавец упаковала мне шесть сорочек, перевязала их шпагатом, а затем говорит мне: «Вот Вы взяли сорочки, и притом красивые, а галстуки к ним не подобрали, как же Вы будите их носить, ведь молодому мужчине без галстука никак нельзя. Надо купить ещё и галстуки, если Вы не против, я Вам сейчас их подберу». А что, предложение правильное, я дано хотел носить галстук, но вот беда, я его не умею завязывать. Об этом я сказал продавцу. Она

мне говорит: «Эту беду мы с Вами быстро решим, я Вас сейчас научу завязывать галстук. Вот смотрите. Растягиваем галстук, затем на верхний поперечный шов накладываем толстый конец галстука, затем обводим его вокруг тонкого конца и вдеваем его под накладку, разравниваем затем формируем узел и вот готов завязанный галстук. А ну-ка попробуйте сами завязать галстук». Я попробовал, и как ни странно, у меня с первого раза получилось. Затем я тренировался завязывать галстук ещё три раза и все три раза получалось. Убедившись в том, что галстуки я завязывать умею, я попросил её подобрать к моим выходным сорочкам по одному галстуку. А к рабочим я не стал галстуки подбирать, подумал, что буду работать мотористом и при галстуке. Среди рабочего люда так не принято, хотя пан Льяна у нас на заводе в Польше работал при галстуке. Но он же рабочий не русский, так что у них порядки другие.

Затем я пошёл в отдел зимних шапок и выбрал себе самую крутую шапку. Она была из бараньей шкуры, такая чёрная и лохматая. Примерял её на себе перед зеркалом и думаю, теперь мне никакой мороз не страшен, в такой шапке я точно не замёрзну. А вся остальная одежда была почти такая же, что я носил в Польше, за исключением некоторых тёплых вещей. Странное дело, готовясь к поездке в Сибирь, в эту холодную местность России, которой боятся не только южане, но и все европейцы, я ехал без страха. Возможно, потому что у меня такая натура, если я делаю какое-то грандиозное дело, то не думаю о том, что это страшно и сделать не возможно, а думаю, раз взялся, то надо делать, как можно быстрее и как можно лучше. Возможно это так, а возможно я не ощущал страха, потому что не знал, что такое сильные морозы. Ведь чтобы знать, надо это ощутить на себе, так сказать, почувствовать и только тогда ты можешь судить об этом.

А пока в Москве тепло и поэтому я сильного мороза не чувствую, с женой садимся на поезде Москва-Кемерово. Впереди у нас дальняя дорога как там будет в Сибири?

СПРАВОЧНИК

Ток — земляная площадка в сельской местности, место для очистки и просушки зерна.

«Грейдер» — главная дорога нашего хутора. Названа так, потому что строительная машина, которая делала дорогу, называлась «Грейдер».

Тато — отец, наверное, это слово произошло, от тюркского языка тата. (Я так думаю, может я и не прав).

Кошма — войлочный полог.

Дывыться — смотреть.

Позыч — одолжи, займи.

Лэтэ — летит.

Подножный корм — съедобная трава.

Чергикали — говорили.

Ясли — деревянное корыто (кормушка).

Сучить ногами — перебирать ногами на месте.

Конь серый в яблоках — масть лошади.

Усечённый хвост — обрезан неровно.

Недоуздок — уздечка без уделов.

Кунак — товарищ (Кавказ).

Призба — прямоугольная тумба, сделанная из самана и обмазана глиной. Для посиделок.

Линейка — упряжка для пары лошадей.

Рушить колосок зерновых — разминать в ладонях.

Цирюльня — парикмахерская (устар.)

Бачилы, бачить — видели, видеть.

Гак — крюк.

Череда — стадо коров хуторян.

Заморывся — устал.

Лобогрейка — косилка под пару лошадей. Почему лобогрейка? Не знаю. Возможно она кого-то огрела по лбу, и поэтому её назвали лобогрейкой. А может, что-то другое имелось в виду.

Огрех — не скошенный участок сена или колосовых злаков.

Стеля — потолок.

Стэльная балка — т. е. потолочная.

Город Степной — 1944–1957 годы. Бывшая Элиста.

Сулия — большая стеклянная бутыль.

Макуха — жмых.

Будан — жидкое варево из воды и муки.

ЛЗС — лесозащитная станция.

Юхэмыч — Ефимович.

Стерня — остатки скошенных стеблей злаковых растений.
Верп — небольшой якорь.
Рында — колокол корабля.
Линь — верёвка.
Кнехт — тумба для страховочного троса.
Компрессия — сжатый воздух в цилиндре двигателя.
Кинобудка — аппаратная, где стоят киноаппараты.
Таратайка — небольшая тележка для одной лошади.
Бобыль — одинокий мужчина.
Черень — пол печи.
Ляда — металлическая заслонка для печи.
Паляныця — булка хлеба.
Хлопцы — парни (укр.)
Чуешь — слышишь.
Нэсэ — несёт.
Попутка — транспорт, движущийся в попутном направлении.
Буркун — высокая трава.
Смурной — задумчивый, невесёлый.
Село Петровское — ныне город Светлоград.
Курай — крупное колючее шарообразное растение, старое растение колючие, а молодое растение, зелёного цвета и не колючее.
Лигроин — маслянистая жидкость, применялась для лечения ран животных.
Костыль — металлический квадратный стержень с головкой, который крепит рельс к шпале.
Шукай — кличка собаки, в переводе «ищи».
Скибка — долька.
Зирка (звезда) — кличка коровы.
Фикса — золотая коронка на переднем зубе.
Чик-брик — экстра класс, лучше не бывает.
«Коленце» — приём в пляске.
Бацай — танцуй, пляши.
Цэ — это.
Вареники с сыром — с творогом.
Д.С.К. — домостроительный комбинат.
Объездчик — охранник полей.
Шулюн — бульон из баранины.
Потравленное поле колосовых злаков — съедено, затоптано.
Кандёр — жидкая кашица.
Целена — девственная не паханая земля.
Учебка — учебный батальон.
Сиеста — сон после обеда (Испания).

Так, е, е — да, есть, есть (польский).

Вельможный пан — уважаемый пан (польский).

Добже — хорошо.

Працивать — работать.

Злоты — польские деньги.

Пенёнзе — деньги (польский).

Барзо — очень.

Цо, то есть Забава — что такое забава.

Забава — танцы (Польша).

Макаронина пороха — трубчатый порох.

Танкетка — лёгкий танк.

Стабилизатор — прибор для пушки. Он осуществлял гашение толчков при движении танка. Парковая зона — сосредоточение машин в одном месте.

Верстак — слесарный стол.

Заливочная — помещение, где заливали баббитом вкладыши.

ОТК — отдел технического контроля.

Довидзеня — до свидания.

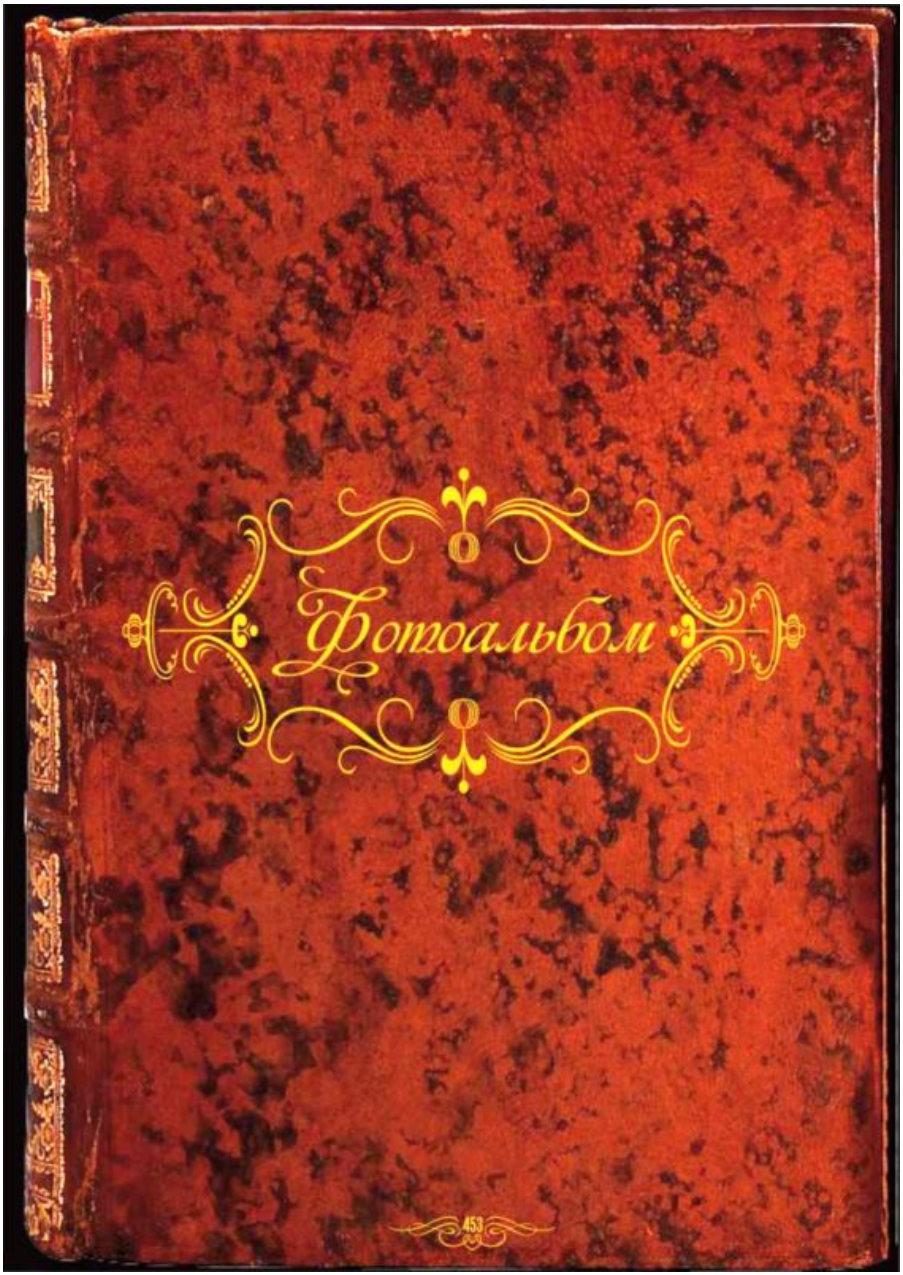
Цо пану потшебно — что пану надо.

Яволь — слушаюсь (немецкий язык).

Шнель — быстро.

ПМЖ — постоянное место жительства.

ФОТОАЛЬБОМ



Мама

Мои сёстры:
Наташа, Люба, Рая

Мама и тато

Братья
Андрей и Алёша

Мне 18 лет

Брат Миша

Сестра Рая

Брат Иван и его друг Иван Звада

Мне 17 лет

Алексей Зенцов, его жена Зоя, Николай, Галя

Я и моя жена Зоя

Николай и я

Хата

Сестра Люба

Любина свадьба: тётя Дуня Ласун, тётя Кылына, Таша Фисенко, Люба, её жених Николай, Иван Ласун

Командиры взвода. Посередине офицер Брусникин, справа от него Николай Некрасов, я второй слева

Наш взвод. Посередине офицер Брусникин, справа я, слева на первом плане старший сержант Гусев

Мне 20 лет

Я снова рядовой

Танкисты: Ильин, Чумаков, я

Я с другом Зенцовым

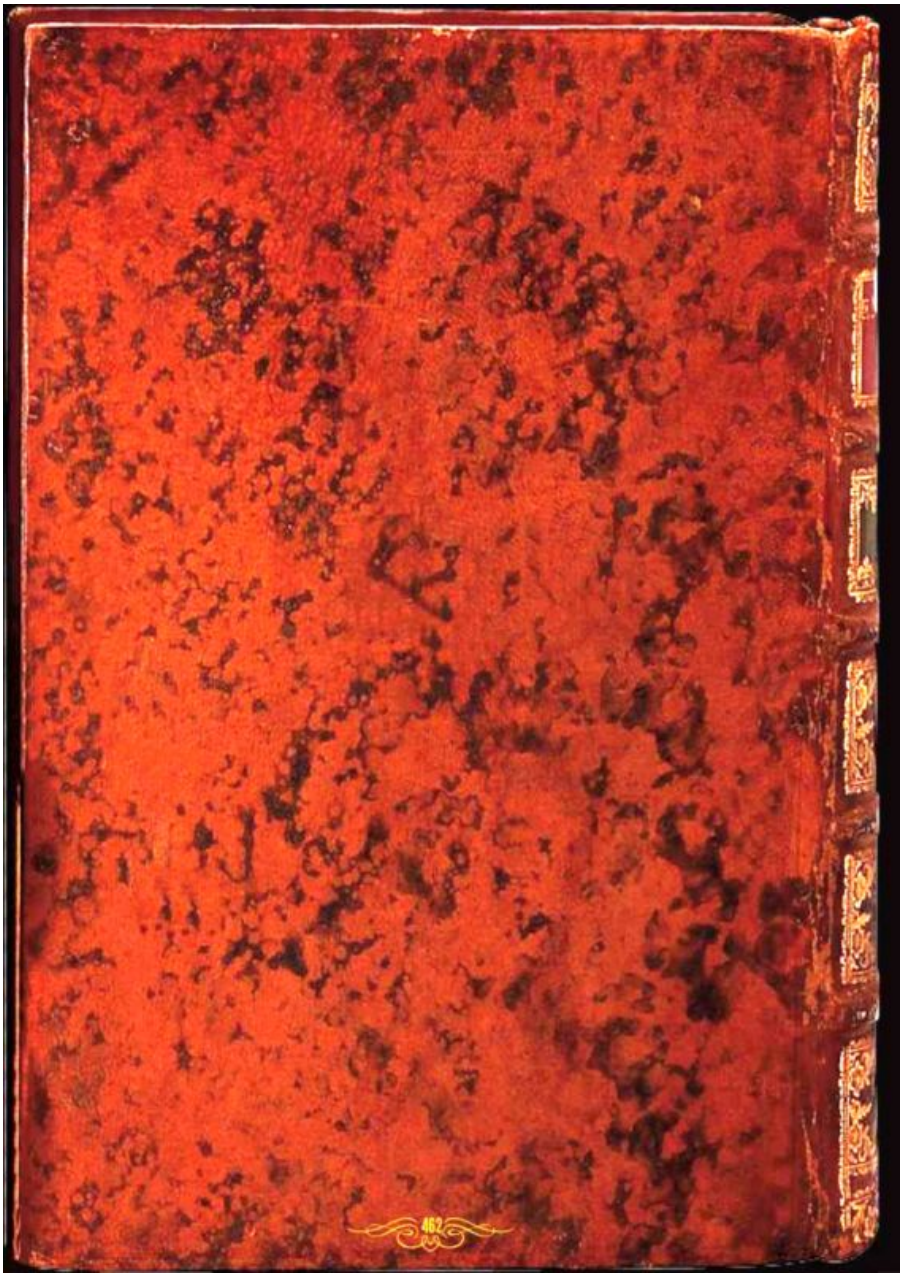
Я и Максимов

Перекур на заводе. Второй слева: Виктор Клименко, 5-й слева Володя молдаванин, справа я

Экскурсия

Футбольная команда

Друзья: Первый справа Яшка Котенко, второй слева Володя Мальцон, рядом я


462